КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

БРИСИНГР

ЭРАГОН

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)
П12

Christopher Paolini

BRISINGR

Text copyright © 2008 by Crisiopher Paolini
Jacket art copyright © 2005 by John Jude Palencar

This edition is published by arrangement
with Random House Children's Books,
a division of Random House, Inc.

Все права на книгу на русском языке принадлежат
издательству «РОСМЭН».
Ничто из нее не может быть перепечатано,
заложено в компьютерную память
или скопировано в любой форме – электронной, механической,
фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой –
без письменного разрешения владельца.

Наш адрес в Интернете: **www.rosman.ru**

ISBN 978-5-353-04135-1

© *Издание на русском языке.*
ООО «РОСМЭН», 2016

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

БРИСИНГР

Перевод с английского
И. А. Тогоевой

МОСКВА
РОСМЭН
2017

Я, как всегда, посвящаю эту книгу моей семье.
А также Джордану, Нине и Сильвии –
ярким звездам нового поколения.
Атра эстерни оно тхельдуин!
Что на языке эльфов означает:
«Да сопутствует вам удача!»

Краткое изложение первой и второй частей тетралогии «Наследие»

Эрагон, пятнадцатилетний парнишка с небогатой фермы, к своему величайшему изумлению, находит в горном массиве Спайн прекрасно обработанный синий самоцвет необычайной величины и относит его домой. Он живет с дядей и двоюродным братом Рораном неподалеку от небольшой деревушки Карвахолл. Дядя Гэрроу и его рано умершая жена Мэриэн воспитывали Эрагона с рождения. Его мать, Селену, родную сестру Гэрроу, не видели с тех пор, как мальчик появился на свет, а об отце и вовсе ничего не известно.

Через некоторое время на камне появляется трещина, и оказывается, что это не камень, а яйцо, из которого вылупляется крошечный дракончик. Когда Эрагон прикасается к нему, на ладони у него остается светящаяся серебристая метка. А чуть позже между мальчиком и драконом возникает прочная мысленная связь, благодаря которой Эрагон становится одним из легендарных Всадников. Он называет своего дракона, точнее, драконицу, Сапфирой в честь другого знаменитого дракона, о котором узнает от деревенского сказителя Брома.

Орден Всадников был создан несколько тысячелетий назад, сразу после великой войны между эльфами и драконами, чтобы эти народы никогда больше не враждовали друг с другом. Таким образом, Всадники стали не только хранителями мира в Алагейзии, но и просветителями, целителями, естествоиспытателями, а также величайшими магами, ибо тесная связь с драконом каждому из них давала власть над магическими искусствами. Под руководством

Всадников и под их защитой страна переживала свой золотой век.

Когда в Алагейзии появились первые люди, некоторые из них тоже стали членами благородного ордена Всадников. Миновало немало мирных лет и десятилетий, но однажды воинственным ургалам удалось убить дракона, принадлежавшего молодому Всаднику по имени Гальбаторикс. Обезумев от горя – ибо нового дракона Всадники ему дать отказались, – Гальбаторикс начинает вынашивать план уничтожения ордена.

Выкрав другого дракона и назвав его Шрюкн, Гальбаторикс с помощью черной магии подчиняет его себе, а затем собирает отряд из тринадцати Всадников-предателей, которые получают в народе прозвище Проклятые, подрывает основы ордена, убивает его предводителя, эльфа Враиля, и объявляет себя правителем Алагейзии. Его действия вынуждают эльфов отступить в чащу заповедного соснового леса Дю Вельденварден, а гномов укрыться в своих туннелях и пещерах; ни один из этих народов более не осмеливается покидать свои тайные убежища. Сотню лет продолжалось сопротивление различных народов власти Гальбаторикса; за это время от различных причин погибли все Проклятые Всадники. И вот в этот-то неустойчивый период и появляются на сцене Эрагон и Сапфира.

Через несколько месяцев, после того как Сапфира вылупляется из яйца, в Карвахолле появляются чужаки, похожие на двух жутких черных жуков. Это раззаки. Они ищут некий «синий камень», а на самом деле – яйцо Сапфиры. Эрагону и Сапфире удается спастись, но раззаки сжигают ферму и убивают Гэрроу.

Эрагон дает клятву выследить и уничтожить раззаков. Когда он покидает Карвахолл, местный сказитель Бром, которому известно о существовании Сапфиры, нагоняет его и просит взять с собой. Несколько позже Бром дарит Эрагону красный меч Заррок, некогда принадлежавший одному из Всадников, хоть и отказывается объяснить, откуда у него этот меч.

За время долгих скитаний Эрагон многому учится у Брома, в том числе фехтованию и искусству владения магией.

Вскоре след раззаков теряется, и Бром предлагает Эрагону посетить город Тирм, где живет его старый друг Джоад: Бром надеется, что Джоад сможет подсказать им, как отыскать логово раззаков. В Тирме они узнают, что раззаки живут где-то в окрестностях города Драс-Леоны. Там же, в Тирме, Эрагон знакомится с колдуньей и травницей Анжелой, которая предсказывает ему судьбу; а также он получает два весьма странных совета на будущее от кота-оборотня Солембума.

По пути в Драс-Леону Бром признается Эрагону, что является агентом варденов — большой группы повстанцев, борющихся за свержение Гальбаторикса, — и говорит, что скрывался в Карвахолле, ожидая появления нового Всадника. Двадцать лет назад Бром вместе с Джоадом выкрал у Гальбаторикса яйцо Сапфиры и во время этого похищения убил Морзана, первого и последнего из Проклятых. Теперь на свете осталось всего два драконьих яйца, и оба они хранятся у Гальбаторикса.

Неподалеку от Драс-Леоны раззаки устраивают засаду, и Бром, защищая Эрагона, получает смертельное ранение. Раззаков отгоняет прочь загадочный молодой человек по имени Муртаг. Перед смертью Бром признается Эрагону, что и он когда-то был Всадником, а его дракона, погибшего в бою, тоже звали Сапфира.

После этого Эрагон и Сапфира решают присоединиться к варденам, но в городе Гиллиде Эрагон попадает в плен к слуге Гальбаторикса, ужасному шейду Дурзе, но с помощью Муртага он бежит из тюрьмы, прихватив с собой еще одну пленницу — эльфийку Арью, которая долгое время была послом эльфов в лагере варденов. Дурза отравил Арью магическими снадобьями, она на грани смерти, и ей необходима срочная медицинская помощь.

Преследуемые отрядом ургалов, четверо беглецов спешат в тайное убежище варденов в Беорских горах, вершины которых вздымаются в небеса чуть ли не на десять миль. Обстоятельства заставляют Муртага, который не имеет намерения вступать в организацию варденов, рассказать Эрагону, что он, Муртаг, сын того самого Проклятого Морзана; что он осуждает своего покойного отца за совершенные им

злодеяния и потому, отказавшись от покровительства самого Гальбаторикса, бежал из его дворца, желая самостоятельно выбрать свой жизненный путь. А еще он сообщает Эрагону, что меч Заррок некогда принадлежал Морзану.

Рогатые чудовища ургалы устраивают Эрагону и его друзьям засаду, но в критический момент на помощь путешественникам, спасая их, приходят вардены, живущие в Фартхен Дуре, огромной полой горе, представляющей собой кратер бывшего вулкана; там же находится и подземная столица гномов Тронжхайм. В Фартхен Дуре Эрагона отводят к предводителю варденов Алжихаду, а Муртага, узнав с помощью магии о его кровном родстве с Морзаном, сажают в темницу.

Эрагон знакомится также с королем гномов Хротгаром и дочерью Аджихада Насуадой. Затем его подвергают особой проверке двое весьма злобных колдунов, прозванных Двойниками и находящихся на службе у Аджихада. В Фартхен Дуре Эрагон и Сапфира благословляют одну девочку-сиротку, но делают это крайне неумело. Арью тем временем вардены успешно исцеляют от отравления.

Внезапно приходят вести о том, что по прорытым гномами туннелям к городу приближается армия ургалов. Во время сражения с ургалами Эрагон разлучается с Сапфирой и вынужден в одиночку сражаться с шейдом Дурзой. Дурза, будучи гораздо сильнее любого из людей, легко берет верх над Эрагоном и наносит ему мечом страшную рану, разрубив спину от плеча до бедра. И, когда до гибели Эрагона остается буквально несколько мгновений, Сапфира и Арья проламывают крышу парадного зала Тронжхайма и разбивают гигантский Звездный Сапфир, имеющий шестьдесят футов в поперечнике. Это настолько отвлекает Дурзу, что Эрагон успевает нанести ему смертельный удар прямо в сердце. Освободившись от чар, которыми их сдерживал Дурза, ургалы тут же отступают в подземные туннели.

Лежа в беспамятстве после битвы, Эрагон вступает в мысленную связь с неким существом, которое называет себя Тогира Иконока, «изувеченный, но целостный». Он предлагает Эрагону ответить на все его вопросы и сообщает,

что искать его нужно в Эллесмере, столице эльфийского государства.

Когда Эрагон приходит в себя, то, обнаружив у себя на спине огромный безобразный шрам, в ужасе понимает, что ему удалось-таки победить Дурзу, но произошло это исключительно благодаря случайному везению, а потому ему необходимо еще поучиться. Он твердо решает непременно отыскать этого Тогиру Иконоку и стать его учеником. Так кончается первая книга.

А вторая книга начинается с тех событий, что имели место через три дня после победы Эрагона над Дурзой.

Вардены приходят в себя после страшной битвы; Аджихад, Муртаг и Двойники бросаются в погоню за укрывшимися в подземных туннелях ургалами. Там на них внезапно нападает отряд ургалов, и Аджихад погибает, а Муртаг и Двойники исчезают в неизвестном направлении. Вардены собирают Совет Старейшин, где верховной правительницей варденов назначается Насуада, дочь Аджихада. И Эрагон присягает ей на верность.

Эрагон и Сапфира решают, что им необходимо уехать в Эллесмеру и начать обучение у «изувеченного, но целостного». Незадолго до их отправки в эльфийскую столицу король гномов Хротгар предлагает Эрагону стать членом его клана, Дургримст Ингеитум. Эрагон принимает это предложение, которое дает ему полные и законные права в королевстве гномов и возможность участвовать в заседаниях их Совета.

В Эллесмеру Эрагон и Сапфира отправляются в сопровождении Арьи и Орика, приемного сына Хротгара. По пути они останавливаются в одном из древних городов гномов, Тарнаге, и Эрагон узнает, что далеко не все гномы относятся к нему и Сапфире достаточно дружелюбно; особенно неприязненно воспринимают их представители клана Слезы Ангуин, ибо Проклятые некогда перебили большую часть их сородичей.

Эрагон и Сапфира прибывают затем в эльфийский лес Дю Вельденварден и в чудесном городе Эллесмере знакомятся с королевой эльфов Имиладрис, которая, как они

узнают впоследствии, является матерью Арьи. Они также знакомятся с «изувеченным, но целостным»: это древний эльф по имени Оромис, некогда тоже бывший Всадником. Оромис и его дракон Глаэдр в течение последних ста лет скрывали свое существование от Гальбаторикса, все это время не оставляя попыток уничтожить ненавистного правителя.

И Оромис, и Глаэдр, изувеченные в сражениях, страдают от старых ран и уже не могут сражаться. У Глаэдра нет одной лапы, а Оромис, попав в плен к Проклятым, был сломлен ими и лишился способности управлять магической энергией; кроме того, после перенесенных страшных пыток он подвержен припадкам слабоумия.

Эрагон и Сапфира начинают свое обучение. Их учителя, Оромис и Глаэдр, занимаются с ними как вместе, так и порознь. Эрагон многое узнает об истории народов, населяющих Алагейзию, постигает мастерство фехтовальщика и учит древний язык, которым пользуются маги. Во время занятий этим языком он с ужасом обнаруживает, какую ошибку совершили они с Сапфирой, благословив ту сиротку в Фартхен Дуре: желая сделать так, чтобы все беды обходили девочку стороной, он, неправильно произнеся всего лишь одно слово, сделал ее «щитом от всех бед» для остальных людей и тем самым, собственно, ее проклял.

Сапфира быстро делает успехи, учась у Глаэдра. А вот Эрагону сильно мешает шрам, оставленный мечом Дурзы. Эта отметина не только обезобразила ему спину; она порой лишает Эрагона сил, вызывая болезненные спазмы. Он понимает, что вряд ли сумеет преуспеть в магии и фехтовании, если подобные приступы будут у него продолжаться.

Вскоре Эрагон осознает, что окончательно влюбился в Арью. Он признается ей в любви, однако она отвергает его и вскоре покидает Эллесмеру, возвращаясь к варденам.

Во время эльфийского обряда Агэти Блёдрен, или Клятвы Крови, Эрагон претерпевает некую мистическую трансформацию: он превращается в некое существо, полуэльфа, не являясь при этом ни эльфом, ни человеком. Во время обряда исчезает и его болезненный шрам на спине, а сам он обретает ту сверхчеловеческую силу, какой обладают и

эльфы. Меняются даже черты его лица, и теперь его облик отчасти напоминает эльфийский.

Как раз в это время Эрагон узнает, что вардены вот-вот вступят в великую битву с армией Империи и очень нуждаются в их с Сапфирой помощи. Пока Эрагон находился у эльфов, Насуада перевела всех варденов из Фартхен Дура в Сурду, государство, расположенное близ южных границ Империи и сохранившее полную независимость от Гальбаторикса.

Эрагон и Сапфира покидают Эллесмеру вместе с Ориком, пообещав Оромису и Глаэдру, что при первой же возможности непременно вернутся, чтобы завершить свое обучение.

Между тем жизнь двоюродного брата Эрагона Рорана также полна приключений. Гальбаторикс послал в Карвахолл раззаков и большой вооруженный отряд на поиски Рорана; он желает взять Рорана в плен и использовать в качестве приманки для Эрагона. Но Рорану удается скрыться в близлежащих горах. Он и другие жители Карвахолла пытаются отогнать солдат от деревни. Разгорается настоящая война, и многие крестьяне погибают. Слоан, деревенский мясник – который ненавидит Рорана и препятствует его помолвке со своей дочерью Катриной, – выдает Рорана раззакам, и эти чудовищные черные люди-жуки нападают на них с Катриной прямо в спальне. Рорану с боем удается прорваться и бежать, однако раззаки берут в плен Катрину.

Роран убеждает жителей Карвахолла покинуть деревню и искать убежища у варденов в Сурде. Они направляются на запад, к побережью, надеясь, что оттуда морем смогут добраться до Сурды. Роран проявляет себя как настоящий вожак и благополучно выводит односельчан по тайным горным тропам через Спайн на берег моря. В портовом городе Тирме они встречаются с Джоадом; тот сообщает Рорану, что Эрагон стал Всадником, и объясняет, что Гэрроу был убит потому, что в тот раз раззаки искали в Карвахолле Сапфиру и Эрагона. Джоад предлагает Рорану и его односельчанам свою помощь; он уверяет Рорана, что как только они благополучно доберутся до Сурды и воссоединятся

с варденами, Роран сможет, заручившись поддержкой Эрагона, попытаться спасти Катрину. В итоге Джоад и жители Карвахолла захватывают корабль и отплывают в Сурду.

Эрагон и Сапфира прибывают к варденам в тот момент, когда те уже готовятся к битве. Эрагон узнает, что стало с той девочкой, которую он столь неудачно «благословил», перепутав слова древнего языка: ее имя Эльва, и хотя по всем показателям она должна быть еще ребенком, да и выглядит она годика на четыре, но у нее голос и повадки умудренной опытом женщины. Чары, невольно наведенные на Эльву Эрагоном, вынуждают бедняжку чувствовать боль каждого, кого она видит, кто находится от нее в относительной близости. Она бросается им помогать, а если пытается воспротивиться этой душевной потребности, то каждый раз безмерно страдает.

Вардены, Эрагон и Сапфира встречаются с имперскими войсками на Пылающих Равнинах. Это весьма обширное пространство, окутанное паром и дымом, которые вырываются из постоянно курящихся гейзеров и вулканов. Ко всеобщему удивлению, на поле брани появляется еще один Всадник верхом на красном драконе. Он убивает короля гномов Хротгара и вступает в поединок с Эрагоном верхом на Сапфире. Когда же Эрагону удается сбить с него шлем, он с ужасом узнает в своем сопернике Муртага.

Оказывается, Муртаг не погиб во время вторжения ургалов в Фартхен Дур. Это нападение вообще было подстроено предателями Двойниками для того, чтобы убить Аджихада, захватить в плен Муртага и доставить его к Гальбаторикcу. Гальбаторикс вынуждает Муртага присягнуть ему на верность, произнося клятву на языке древних. Тем самым он превращает Муртага и его дракона Торна, недавно вылупившегося из яйца, в своих рабов. Муртаг уверен, что данная им клятва никогда не позволит ему ослушаться Гальбаторикса, хотя Эрагон умоляет его забыть о прошлом и присоединиться к варденам.

Муртаг, обретший невероятную силу, теперь вполне способен сокрушить Эрагона и Сапфиру, однако во имя прежней дружбы он решает отпустить их. Но отбирает у Эрагона меч Заррок, утверждая, что этот меч по праву принадлежит

ему, как старшему сыну Морзана, и открывает Эрагону еще одну тайну: оказывается, они с Эрагоном братья, и матерью их была Селена, ставшая наложницей Морзана. О происхождении Эрагона Муртаг узнал от Двойников, а те выяснили все, копаясь в памяти Эрагона в тот день, когда он впервые прибыл в Фартхен Дур.

Совершенно ошеломленный откровениями Муртага и сведениями о столь близком родстве с ним, Эрагон вместе с Сапфирой возвращается к варденам и вскоре встречается с Рораном и жителями Карвахолла, которые прибыли на Пылающие Равнины как раз вовремя, чтобы принять участие в страшной битве с врагом. Роран сражается поистине героически, и ему удается убить проклятых Двойников.

После боя Эрагон и Роран выясняют отношения и мирятся; Роран понимает, что Эрагон не виноват в гибели Гэрроу, а Эрагон клянется помочь Рорану спасти Катрину, плененную раззаками.

ВРАТА СМЕРТИ

Перед Эрагоном высилась темная башня; там таились чудовища, зверски замучившие Гэрроу, который был для него как отец.

Эрагон лежал на животе, прячась за редкими стеблями высокой травы, которой поросла вершина холма, за колючими кустиками и кактусами, похожими на бутоны роз. Колючая трава колола ладони, стоило ему пошевелиться в попытке получше разглядеть Хелгринд, который был похож на огромный черный кинжал, пронзивший чрево земли.

Вечерело, и среди невысоких холмов пролегли длинные узкие тени; где-то далеко на западе ярко светилась, отражаясь в небесах, поверхность озера Леона, и казалось, что вдоль линии горизонта кто-то провел сверкающую золотую полосу.

Слева Эрагон слышал ровное дыхание своего двоюродного брата Рорана, вытянувшегося рядом с ним на траве. Дыхание его, самое обычное и почти неслышное, Эрагону казалось неестественно громким, поскольку теперь слух его чрезвычайно обострился; и, надо сказать, это была далеко не единственная перемена, произошедшая в нем после прохождения эльфийского обряда Агэти Блёдрен, или праздника Клятвы Крови.

Сейчас, правда, ему было не до своих новых ощущений; он внимательно следил за длинной вереницей людей, движущихся к подножию холма Хелгринд и явно прибывших из Драс-Леоны, находившейся в нескольких милях отсюда. Во главе этой странной процессии шли двадцать четыре человека, мужчины и женщины, в толстых кожаных доспехах. Двигались они как-то неровно, да и походка у многих была чрезвычайно странная — кто прихрамывал, кто волочил ноги по

земле, а некоторые на каждом шагу подскакивали и извивались; многие были на костылях, а кое-кто передвигался на четвереньках, поскольку не успевал за остальными на своих странно коротких ногах. В итоге Эрагон все же рассмотрел этих людей как следует и понял, что все это вполне объяснимо: просто у каждого из участников процессии не хватало руки, или ноги, или того и другого сразу. Их предводитель, гордо выпрямив спину, восседал на носилках. Носилки несли шестеро рабов, тела которых были обильно смазаны маслом и блестели. А позу предводителя Эрагон счел в высшей степени удивительной, ибо у этого мужчины (или женщины, этого он так и не понял) имелись только лишенное конечностей туловище и голова, на которой красовался низко надвинутый на лоб шлем в форме гребня фута в три высотой.

— Это жрецы Хелгринда, — шепнул он Рорану.

— А магией они пользоваться умеют?

— Возможно. Я не решаюсь мысленно обследовать Хелгринд, пока они оттуда не уйдут, ибо, если эти жрецы все-таки окажутся магами, они тут же меня обнаружат, каким бы легким ни было мое мысленное прикосновение к ним.

Позади жрецов тащились, построившись по двое, молодые люди в золотистых одеждах. Каждый из них нес прямоугольную металлическую раму с двенадцатью поперечными перекладинами, с которых свисали металлические колокольчики размером со спелую брюкву. Половина этих юношей, делая шаг вперед с правой ноги, с силой встряхивала эти рамы, и колокольчики звенели довольно громко и весьма немузыкально; вторая половина «музыкантов» в то же время делала шаг с левой ноги. Громкий звон, более всего похожий на похоронный, но отнюдь не столь мелодичный, разносился по окрестным холмам и полям. «Музыканты» сопровождали рыдания колоколов пронзительными криками, стонами и рыданиями, явно пребывая в некоем религиозном экстазе.

В хвосте этой нелепой процессии тащились жители Драс-Леоны: представители знатных семейств, купцы, торговцы, несколько офицеров высокого ранга и пестрое собрание горожан менее удачливых и богатых — рабочие, нищие и солдаты пехоты.

Интересно, подумал Эрагон, а губернатор Драс-Леоны, Маркус Табор, тоже где-то здесь?

Остановившись у отвесного, покрытого каменистыми осыпями склона Хелгринда, жрецы встали полукругом возле огромного валуна цвета ржавчины. Вершина камня блестела, как полированная. Когда же этого чудовищного алтаря достигла вся длинная вереница людей и застыла перед ним, существо на носилках шевельнулось и запело. Пение это было столь же немузыкальным, сколь немузыкальным был и перезвон колоколов на марше. Завывания шамана подхватывали, повторяли и уносили прочь порывы резкого ветра, но Эрагон все же уловил кое-какие слова древнего языка, странным образом измененного, даже исковерканного, с нелепыми ударениями; казалось, его перемешали с языком гномов и ургалов и объединили эту языковую мешанину с помощью древнего диалекта родного языка самого Эрагона. Но и то немногое, что он сумел понять, заставило его содрогнуться; это была некая клятва, и в ней говорилось о таких вещах, о которых лучше не знать. В ней звучала вся та злобная ненависть, что скопилась в течение долгих веков в темных душах этих жрецов, точно в подземных пещерах, и лишь теперь с исчезновением Всадников этой ненависти позволили, наконец, вырваться на волю и расцвести буйным цветом. Слова этой клятвы вызывали ощущение пролитой крови и безумия, они напоминали о страшных обрядах, отправляемых в безлунные ночи.

А под конец этой чудовищной мессы двое прислужников метнулись вперед и, приподняв верховного жреца — или жрицу, что тоже было вполне возможно, — с носилок перенесли его и усадили на полированную вершину алтаря. Затем верховный жрец что-то коротко приказал им. Блеснули два стальных клинка, и ручейки крови, брызнув из обоих плеч жреца, потекли по его телу-обрубку, по доспехам из толстой кожи и стали собираться на поверхности валуна в лужу, медленно стекая затем на землю.

К валуну подскочили еще двое жрецов и стали собирать алую жидкость в бокалы, наполняя их до краев и передавая другим членам братства, которые с жадностью пили кровь верховного жреца.

— Фу! — еле слышно выдохнул Роран. — Ты забыл упомянуть, что эти мерзкие калеки, эти жирные, скудоумные уроды еще и *каннибалы* в придачу.

— Не совсем. Мяса своих собратьев они вроде бы не едят.

Когда все присутствующие «промочили глотки», прислужники, подобострастно кланяясь, вернули верховного жреца на носилки и перевязали ему плечи полосками белой ткани, сквозь которую моментально проступили пятна свежей крови.

Страшные раны, казалось, никак не подействовали на это невероятное существо, лишенное конечностей. Жрец, повернувшись лицом к своим последователям, губы которых от выпитой крови были красны, как клюква, провозгласил:

— Теперь вы стали мне истинными братьями и сестрами, ибо отведали сок жил моих под сенью могущественного Хелгринда! Кровь взывает к крови, и если когда-либо вам или вашей семье понадобится помощь, сделайте сперва все, что в ваших силах, для нашего храма и для тех, кто признает власть нашего ужасного господина и повелителя... А теперь, дабы подтвердить дважды и трижды нашу преданность ему и нашему Триумвирату, повторяйте за мной слова священных Девяти Клятв... Клянемся Гормом, Илдой и Фелл Ангравой с должным почтением по меньшей мере трижды в месяц в сумеречный час приносить нашему великому и ужасному повелителю клятву верности и некую собственную жертву, дабы утишить его извечный голод... Клянемся в точности соблюдать все предписания, изложенные в священной книге Тоск... Клянемся всегда носить на теле своем наш брегнир, всегда воздерживаться от дюжины дюжин и от прикосновения веревки со многими узелками, пока она не порвется...

Внезапный порыв ветра унес в сторону слова верховного жреца, и остальная часть обязательств осталась для Эрагона неясна. Зато, к своему ужасу, он увидел, что каждый из присутствующих на церемонии вытащил по небольшому кинжалу с изогнутым лезвием, а затем все они стали наносить себе удары этим ножом по сгибу руки у локтя, орошая алтарь собственной кровью.

Через несколько минут рассерженный ветерок улегся, и Эрагон снова услышал жреца:

— И те вещи, которых вы давно и страстно желаете, будут даны вам в дар как вознаграждение за ваше послушание... Наше преклонение беспрекословно и абсолютно. Мы исполнили свой обет. Однако же, если среди вас есть такие, у кого хватит мужества, чтобы показать нам истинную глубину своей веры, пусть выйдут вперед!

И все собравшиеся с застывшими, неподвижными лицами дружно шагнули вперед; это, очевидно, и был тот момент, которого они ждали.

Довольно долго все молчали; казалось, они уже будут разочарованы в своих ожиданиях, но тут один из последователей культа, темноволосый юноша, вырвался вперед с криком: «Я готов! Я сделаю это!» С радостным ревом его братья по вере вновь, точно дикари, зазвенели своими колоколами, подстегивая собравшихся и приведя их этим звоном в такой экстаз, что они стали подпрыгивать и вопить, точно безумцы. Эта дикая музыка даже в душе Эрагона вызвала странное возбуждение — несмотря на отвращение от вида кровавого обряда — и пробудила в нем некие первобытные, буйные чувства.

Сорвав с себя золотистые одежды и оставшись в набедренной повязке, темноволосый юноша вспрыгнул на алтарь, разбрызгивая кровь, пролитую верховным жрецом. Он повернулся лицом к Хелгринду и стал исполнять какой-то ритуальный танец, дрожа, извиваясь, словно пораженный параличом, и стараясь попадать в ритм громкому перезвону металлических колоколов. Голова его вращалась как бы сама собой, и казалось, вот-вот она оторвется от шеи; в уголках губ выступила пена; руки извивались, точно змеи. Он обливался потом; и его обнаженное тело блестело в закатных лучах, точно бронзовая статуя.

Звон колоколов вскоре достиг какого-то совершенно сумасшедшего темпа; одна нота словно налезала на другую, не давая той отзвучать, и в этот момент молодой человек выбросил вперед руку. Один из жрецов тут же вложил в нее рукоять некоего странной формы клинка, широкое плоское лезвие которого было острым только с одной стороны, а

с другой было снабжено зубцами и напоминало крыло дракона. Клинок был небольшим, фута два с половиной, и его лезвие длинным стержнем крепилось к рукояти, украшенной чешуйчатой резьбой и остаточной кросс-гардой. Это оружие было явно предназначено для одной-единственной цели: насквозь прорубать доспехи, а вместе с ними и кости с сухожилиями столь же легко, как если бы им вспарывали кожаный бурдюк.

Юноша поднял страшный клинок, направив его острие к вершине Хелгринда, затем упал на колено и с нечеловеческим воплем рубанул лезвием по своему правому запястью.

Кровь оросила не только алтарь, но и каменистую насыпь вокруг.

Эрагон поморщился и отвел глаза, хотя не слышать пронзительных криков несчастного было невозможно. На поле брани Эрагону доводилось видеть и более страшные ранения, однако было нечто неправильное, уродливое в этом сознательном стремлении искалечить себя, когда и без того бед и увечий хватает даже в повседневной жизни.

Зашуршала жесткая сухая трава — это приподнялся и завозился Роран, сердито бормоча какие-то ругательства, которые заглушала его густая борода.

Пока один из жрецов перевязывал рану юноши — явно останавливая кровотечение с помощью магического заклятья, — второй отвязал от носилок верховного жреца двух рабов и приковал их цепями за щиколотки к железной петле, намертво вделанной в алтарный камень. Затем прислужники извлекли из-под своих одежд многочисленные свертки и сложили их горкой на землю, но на расстоянии, недоступном прикованным рабам.

Обряд подходил к концу; жрецы и их свита покинули Хелгринд и направились в сторону Драс-Леоны, завывая и звоня в колокола. Ставший теперь одноруким, последователь культа, спотыкаясь и пошатываясь, брел следом за носилками Верховного Жреца, и на лице его играла блаженная улыбка.

— Ну что ж... — сказал Эрагон, наконец-то позволяя себе выдохнуть, когда процессия скрылась за дальним холмом.

— Что? — спросил Роран.

— Я побывал и у гномов, и у эльфов, но нигде не видел ничего подобного, хоть сколько-нибудь похожего на те дикие вещи, которые совершают эти люди, точнее, эти человеческие существа!

— По-моему, они такие же чудовища, как и раззаки. — Роран мотнул подбородком в сторону Хелгринда. — А теперь, когда они ушли, можешь ты попробовать узнать, там ли Катрина?

— Сейчас. Но приготовься бежать, если что.

Закрыв глаза, Эрагон медленно направил свои мысли вовне, осторожно перемещая их и как бы ощупывая ими, точно щупальцами, души различных живых существ. Просачиваясь сквозь пространство, как вода сквозь песок, он касался своим мысленным взором перенаселенных городов, созданных насекомыми, суетливых ящериц и спешащих по своим неотложным делам змей, которые моментально прятались среди теплых камней; он проникал в души певчих птиц и бесчисленного множества млекопитающих. Впрочем, насекомые, звери и птицы были чрезвычайно заняты в преддверии близившейся ночи; некоторые уже успели удалиться в свои гнезда и логова, другие же, ведущие ночную жизнь, еще только пробуждались, готовясь к новой охоте или пастьбе.

Способность устанавливать мысленную связь, как и способность чувствовать, естественно уменьшалась с расстоянием, и к тому времени, когда мысленный «щуп» Эрагона добрался до подножия Хелгринда, он уже мог воспринимать только мысли наиболее крупных животных, да и то довольно слабо.

Но он продолжал свой осторожный поиск, готовый в любую минуту прекратить его, если случайно коснется мыслей тех, на кого они с Рораном, собственно, и затеяли охоту: раззаков и их сородичей, этих гигантских летхрблака, служивших раззакам скаковыми лошадьми. Эрагон решился на эту мысленную разведку, обнаруживая тем самым свое присутствие, только потому, что знал: никто из раззаков не способен воспользоваться магией. Эрагон также не верил и в то, что раззаки способны проникать в чужие мысли

и использовать это в свою пользу. Впрочем, и раззакам, и летхрблака подобные умения были совершенно ни к чему, ведь одного их зловонного дыхания хватило бы, чтобы заставить оцепенеть даже самого крупного из великанов.

И все же Эрагон, безусловно, рисковал. Однако ему, Рорану и Сапфире просто необходимо было знать, где находится невеста Рорана — Катрина. Скорее всего, раззаки заключили ее в темницу именно в Хелгринде, и, узнав это, они с Рораном сразу поняли, что им делать дальше — попытаться спасти девушку или же поймать кого-то из раззаков и подвергнуть его жестокому допросу.

Эрагон обследовал души живых существ очень долго и очень тщательно, так что, когда он, наконец, вернулся «в себя», Роран смотрел на него, точно голодный волк. В его серых глазах горели гнев, надежда и отчаяние, которое было столь велико, что казалось, он вот-вот взорвется и подожжет все вокруг невообразимо мощным огнем своей души, так что расплавятся даже скалы.

Уж это-то Эрагон понимал отлично.

Отец Катрины, мясник Слоан, некогда предал Рорана, отдав его на растерзание раззакам. Однако раззаки так и не сумели взять Рорана в плен и вместо него увели с собой Катрину. Они взяли ее прямо в спальне и сразу же вместе с нею исчезли из долины Паланкар, оставив там многочисленное войско Гальбаторикса и предоставив ему возможность убивать и брать в рабство жителей Карвахолла. Оказавшись не в состоянии сразу последовать за Катриной, Роран все же сумел — и как раз вовремя! — убедить односельчан покинуть свои дома и последовать за ним через горы Спайна, а затем на юг, вдоль побережья Алагейзии, туда, где они воссоединились с войсками варденов. Во время этого долгого путешествия жителям Карвахолла довелось претерпеть немало страшных бед и тягот. Однако, как ни крути, а исход их странствий был благополучен; к тому же Роран воссоединился с Эрагоном, который знал, где находится логово раззаков, и пообещал брату помощь в спасении Катрины.

Успех сопутствовал Рорану только потому, как сам он признавался впоследствии, что сила любви заставила его делать такие вещи, которых опасались и избегали другие;

только благодаря своей любви он и одержал верх над врагами.

Сходное чувство владело теперь и Эрагоном.

Он, не задумываясь о собственной безопасности, готов был ринуться навстречу любой беде, если она грозила кому-то из близких ему людей. Рорана он любил, как родного брата; а поскольку Катрина была возлюбленной и невестой Рорана, то и она была дорога Эрагону, он и ее считал членом своей семьи. Такое отношение к семье было тем более важно, что Эрагон и Роран оказались последними в своем роду. Эрагон отрекся от Муртага, своего сводного брата по матери, так что они с Рораном были теперь единственными родными друг другу людьми. Ну, и еще Катрина.

Благородные чувства были не единственной силой, двигавшей братьями. Была у них и еще одна цель: *отомстить*! Даже стремясь вырвать Катрину из лап раззаков, они оба — простой смертный и могущественный Всадник — одинаково сильно хотели уничтожить сверхъестественных слуг короля Гальбаторикса и отомстить правителю Империи за убийство Гэрроу, отца Рорана и дядю Эрагона, которому он тоже полностью заменил отца.

По всем этим причинам та мысленная разведка, которую осуществлял сейчас Эрагон, и была столь важна для обоих братьев.

— По-моему, я ее чувствую, — сказал наконец Эрагон. — Но все же не уверен — уж больно мы далеко от Хелгринда, да и я никогда прежде не вступал с нею в мысленную связь. И все-таки мне кажется, что она там, в этом проклятом замке или храме; причем, по-моему, прячут ее где-то ближе к вершине этой чертовой скалы.

— Она здорова? Не ранена? Черт побери, Эрагон, ничего не скрывай от меня! Они ее мучили?

— Нет, в данный момент от боли она не страдает... А больше я пока ничего не могу сказать; мне и так потребовалось слишком много сил, чтобы уловить хотя бы слабый отблеск ее сознания. Я не могу на таком расстоянии мысленно разговаривать с нею. — Эрагон не стал говорить Рорану, что заметил рядом с Катриной и еще кое-кого, чье присутствие чрезвычайно его встревожило. — Но вот кого я совсем там

не обнаружил, так это раззаков и этих мерзких летучих мышей, летхрблака! Уж если я каким-то образом и умудрился проглядеть самих раззаков, то уж их родичи настолько велики, что их жизненная сила должна была бы сверкать, как тысяча светильников, как это происходит, например, у Сапфиры. Но кроме светлого разума Катрины и еще нескольких довольно туманных вспышек света, Хелгринд полностью погружен во тьму, он черен, черен, черен!

Роран нахмурился, стиснул левую руку в кулак и гневно погрозил гигантской скале, постепенно таявшей в сумерках по мере того, как на небе гасли пурпурные отблески заката. Затем тихим и ровным голосом, словно разговаривая с самим собой, он сказал:

— Это неважно, прав ты или ошибаешься.

— Вот как? А почему?

— Сегодня мы атаковать уже не осмелимся; ночью раззаки сильнее всего, и, если они действительно где-то поблизости, было бы глупо сражаться с ними в столь невыгодных для нас условиях. Согласен?

— Да.

— Значит, подождем рассвета. — И Роран указал Эрагону на рабов, прикованных к алтарю. — Если эти несчастные к этому времени исчезнут, станет ясно, что раззаки приходили за ними, а стало быть, нам надо действовать согласно нашему плану. Если же рабы останутся на месте, нам придется, проклиная свое невезенье, смириться с тем, что раззаки исчезли, снова удрав от нас. Потом мы освободим этих рабов, вытащим из Хелгринда Катрину и полетим назад, к варденам, пока Муртаг снова не начал на нас охоту и не прижал к земле. Но я в любом случае сомневаюсь, что Катрину надолго оставят без при смотра, особенно если Гальбаторикс требует сохранить ей жизнь, чтобы впоследствии ее можно было использовать как приманку для меня или для тебя.

Эрагон кивнул. Ему, правда, хотелось освободить несчастных рабов прямо сейчас, но он понимал: в таком случае противник сразу догадается, что у алтаря кое-чего не хватает. Кроме того, он не сомневался, что если раззаки все-таки *явятся за своим ужином, то они с Сапфирой успеют* вмешаться и не дадут мерзким тварям утащить этих людей.

Сражение в открытую между драконом и такими чудовищами, как эти летхрблаки, разумеется, привлечет внимание любого на много лиг вокруг, и вряд ли, думал Эрагон, нам с Сапфирой *или* Рораном удастся выжить, если Гальбаторикcу станет известно, что мы без поддержки варденов проникли в его Империю.

Он отвернулся, стараясь не смотреть в сторону прикованных к священному камню рабов. Ради их же блага, думал он, пусть раззаки сейчас окажутся по другую сторону Алагейзии! Или, по крайней мере, пусть им сегодня не захочется есть!

Не говоря друг другу ни слова, Эрагон и Роран, как по команде, поползли назад, спускаясь с вершины того холма, где прятались. У подножия они встали на четвереньки и, по-прежнему не поднимая головы, бросились бежать между двумя рядами холмов, пока лощина, по которой они бежали, постепенно не превратилась в узкое, прорытое горным потоком ущелье с глинистыми берегами.

Прячась за узловатыми кустиками можжевельника, торчавшими на склонах ущелья, Эрагон осторожно поднял голову и посмотрел вверх сквозь колючие ветки. На бархатно-синем небе зажигались первые звезды, которые показались ему холодными и острыми, точно льдинки. Затем после короткой передышки они с Рораном, стараясь не поскользнуться на влажной земле и не упасть, рысцой поспешили к разбитому ими лагерю.

У ЛАГЕРНОГО КОСТРА

Небольшая кучка тлеющих углей вздрагивала, точно бьющееся сердце огромного зверя. Время от времени над костром взлетала стайка золотистых искр, освещая лес вокруг и вновь исчезая в раскаленном нутре догорающего костра.

В неярких красноватых отблесках возникали то клочок каменистой земли, то свинцового оттенка куст можжевельника, а потом все снова тонуло во мраке.

Эрагон сидел, грея босые ноги у костра и с наслаждением опершись о мощную теплую лапу Сапфиры, покрытую жесткой чешуей. Роран сидел, как на насесте, на огромном пустотелом, выбеленном солнцем и ставшем твердым как камень стволе какого-то древнего дерева. Каждый раз, стоило ему шевельнуться, ствол издавал такой противный скрип, что Эрагону хотелось уши заткнуть.

Какое-то время в лощине царили тишина и спокойствие. Даже угли перестали потрескивать и тлели молча; Роран собрал для костра только старые сухие ветки, чтобы дымного хвоста не заметили недруги или просто излишне любопытные.

Эрагон только что закончил рассказывать Сапфире о событиях минувшего дня. Обычно ему это никогда не требовалось, ибо обмен мыслями и ощущениями происходил у них, как обмен слоями воды в пределах берегов одного и того же озера. Но в данном конкретном случае это оказалось необходимым, потому что Эрагон, совершая мысленную разведку близ Хелгринда и в самом логове раззаков, тщательно закрыл свою душу от любого проникновения.

После довольно продолжительной паузы Сапфира зевнула, демонстрируя ряды устрашающе острых клыков, и заметила:

«Возможно, эти раззаки — существа действительно очень жестокие и злобные, но куда сильнее меня впечатляет их способность заколдовать свою добычу настолько, что люди сами хотят, чтобы их съели. Они великие охотники, раз умеют это делать... Возможно, и я когда-нибудь попробую так действовать».

«Только не с людьми. Пробуй, например, на овцах», — сказал Эрагон.

«Люди, овцы — какая разница?» — И Сапфира рассмеялась своим глубоким горловым смехом — казалось, по ее длинной шее точно гром прокатился.

Чуть отклонившись вперед, чтобы во время этого приступа смеха острые чешуи Сапфиры не впивались ему в спину, Эрагон поднял свой посох, лежавший рядом на земле, и стал крутить его в ладонях, любуясь игрой света на переплетении корней, превращенном в набалдашник, на металлическом ободке и остром шипе в нижнем конце посоха.

Роран сунул ему в руки этот посох, сделанный из боярышника, перед их отлетом из лагеря варденов и сказал:

— Вот, держи. Это Фиск мне вырезал, когда раззак меня в плечо укусил. Я знаю, ты потерял свой меч, так, может, хоть этот посох тебе пригодится... Если ты захочешь раздобыть себе другой клинок, это само собой хорошо, но я точно знаю: нет ничего лучше, чем в разгар боя как следует врезать противнику крепкой, хорошей дубинкой.

И Эрагон, вспомнив о посохе, с которым Бром никогда не расставался, решил отказаться от нового меча в пользу этой узловатой, но необычайно крепкой деревяшки. Утратив Заррок, он пока не испытывал желания обзаводиться другим, заведомо менее могущественным мечом. В первую же ночь он с помощью нескольких заклинаний укрепил и свой посох из боярышника, и рукоять молота, которым был вооружен Роран, чтобы предохранить их оружие от любых повреждений, так что сломаться молот и посох теперь могли разве что при самых невероятных обстоятельствах.

Вихрь мыслей и видений, точно сорвавшись с поводка, проносился в мозгу Эрагона: хмурое оранжево-алое небо, которое водоворотом вращалось вокруг него, когда Сапфира ныряла, преследуя Всадника на красном драконе, а

ветер так и свистел в ушах, и пальцы немели, сжимая рукоять меча, со звоном ударявшего по лезвию другого меча, когда он уже на земле рубился с тем Всадником... А потом он сорвал с него шлем и увидел лицо своего бывшего друга, своего верного спутника Муртага, которого считал мертвым... Ему никогда не забыть, какая усмешка играла на губах Муртага, когда он отобрал у него меч Заррок и заявил, что этот красный меч по праву наследования принадлежит ему, поскольку именно он — старший из них, двух родных братьев...

Эрагон растерянно заморгал, не сразу осознав, где находится; в ушах его все еще звучал яростный шум той схватки, в ноздрях чувствовался страшный запах крови, слегка заглушенный ароматом горящих в костре можжевеловых веток. Эрагон даже языком по зубам провел, чтобы избавиться от противного привкуса крови во рту.

Муртаг!

Одно это имя вызывало целую бурю чувств в душе Эрагона. С одной стороны, он действительно полюбил Муртага. Ведь это Муртаг спас их с Сапфирой от раззаков после того, самого первого и столь неудачного посещения Драс-Леоны; Муртаг рисковал своей жизнью, помогая Эрагону бежать из тюрьмы в Гиллиде, и в высшей степени достойно вел себя во время битвы при Фартхен Дуре; да и потом, несмотря на все мучения, которым его, несомненно, подвергли в Урубаене, он предпочел так интерпретировать приказы Гальбаторикса, что в итоге отпустил Эрагона и Сапфиру после сражения на Пылающих Равнинах, а не взял их в плен. Эрагон понимал: вины Муртага нет в том, что Двойники обманом увели его с собой; что красный дракон Торн, вылупившись из яйца, избрал его своим Всадником; что Гальбаториксу стали известны его и Торна истинные имена, и он использовал их, чтобы вынудить обоих присягнуть ему на верность, причем дать клятву на языке древних.

Нет, ничто из этого не могло быть поставлено Муртагу в вину. Просто он — жертва судьбы, он стал ее жертвой с того дня, как появился на свет.

И все же... Муртаг, может, и служил Гальбаториксу против своей воли, может, он и избегал тех жестокостей,

которые заставлял его совершать этот злобный правитель, но какая-то часть его души все же явно стремилась удержать обретенную им власть и могущество. Ведь во время недавнего сражения между варденами и имперскими войсками на Пылающих Равнинах Муртаг сам выбрал себе жертву — короля гномов Хроттара и сам убил его, хотя Гальбаторикс ему такого приказа не давал. Да, он отпустил Эрагона и Сапфиру, но лишь после того, как одержал над ними победу в жестокой схватке, после того, как заставил Эрагона молить его о свободе.

Но самое большое удовольствие Муртаг, безусловно, получил, увидев, как сильно он опечалил Эрагона, сообщив ему, что оба они — сыновья Морзана, первого и последнего из тринадцати Проклятых Всадников, которые предали своих братьев по ордену и выдали их Гальбаториксу.

И теперь, через четыре дня после того сражения, у Эрагона возникло иное объяснение случившемуся: а что, если Муртагу доставляет наслаждение видеть, как кто-то еще взваливает на плечи ту же страшную ношу, какую и ему пришлось носить всю свою жизнь?

Эрагон не был полностью уверен в своей правоте, но подозревал, что Муртаг все же с радостью принял свою новую роль; так, пес, которого то и дело беспричинно секли, в один прекрасный день бросается на своего хозяина. Муртага секли без конца, и теперь у него возникла реальная возможность нанести ответный удар тому миру, который был к нему так жесток, который уделил ему столь ничтожно мало доброты.

И все же независимо от того, сколько добрых чувств еще жило в сердце Муртага, отныне они с Эрагоном приговорены быть смертельными врагами, ибо клятва, данная Муртагом на языке древних, навечно связала его с Гальбаториксом нерушимыми узами.

Ах, если б тогда Муртаг не ринулся вместе с Аджихадом в подземные туннели Фартхен Дура! Ах, если б сам я оказался чуточку проворнее и опередил этих проклятых Двойников! — думал Эрагон.

«Эрагон!» — услышал он мысленный призыв Сапфиры.

Он взял себя в руки и кивнул, благодаря ее за то, что она прервала его мрачные размышления. Он очень старался

поменьше не думать о Муртаге и о том, что у них, возможно, общие родители, однако подобные мысли частенько настигали его и именно в тот момент, когда он меньше этого ожидал.

Стараясь дышать медленно и размеренно, Эрагон постарался сосредоточиться на том, что происходит в настоящий момент, но не смог.

Наутро после той страшной битвы на Пылающих Равнинах — когда вардены занимались перегруппировкой своих рядов и готовились преследовать имперскую армию, которая уже отступила на несколько лиг вверх по течению реки Джиет, — Эрагон отправился к Насуаде, рассказал ей и Арье о том, в какое затруднительное положение попал Роран, и попросил разрешения помочь своему двоюродному брату. Но потерпел неудачу. Обе женщины яростно этому воспротивились, а Насуада даже заявила, что «подобный заячий план в случае неудачи будет иметь катастрофические последствия для всей Алагейзии!»

Их спор затянулся, и в итоге пришлось вмешаться Сапфире, которая, издав такой рев, что содрогнулись стенки командного шатра, сердито сказала:

«Я ранена, я устала, а Эрагон тут изливает перед вами душу, причем крайне неумело. Неужели нельзя объясниться более разумным способом, а не орать друг на друга, точно стая галок? Не умеете? Ну, тогда послушайте меня».

Да уж, подумал тогда Эрагон, трудно спорить с драконом.

Речь Сапфиры также показалась ему весьма запутанной и сложной, отягощенной массой ненужных подробностей, однако суть ее сводилась к вполне ясным вещам. Сапфира дала понять, что поддерживает Эрагона, потому что понимает, как много для него значит то, что он предлагает, а сам Эрагон поддерживал Рорана, потому что любит его и считает его своим братом, а также потому, что знает: Роран все равно последует за Катриной. Однако же совершенно ясно и Эрагону, и ей, Сапфире, что в одиночку Рорану никогда с раззаками не справиться. Кроме того, пока Катрина находится в плену, Роран — а значит, и Эрагон, — чрезвычайно уязвимы для всевозможных манипуляций со стороны

Гальбаторикса. Например, если Гальбаторикс пригрозит, что убьет Катрину, Роран, безусловно, подчинится любым его требованиям, ибо у него не будет иного выхода.

Таким образом, сказала Сапфира, лучше все-таки заткнуть подобную брешь, прежде чем ею успеют воспользоваться враги.

Что же касается временных обстоятельств, то все вполне удачно. Ни Гальбаторикс, ни раззаки не ожидают нападения в самом центре Империи, поскольку вардены сражаются с армией Гальбаторикса на юге, близ границы с Сурдой. Муртага и Торма видели летящими в направлении Урубаена — там их, несомненно, подвергнут суровому наказанию и, скорее всего — с этим согласились и Насуада с Арьей, — впоследствии Гальбаторикс направит их на север, дабы они сразились там с королевой Имиладрис и ее войском, как только эльфы нанесут первый удар и тем самым обнаружат свое присутствие. Кроме того, было бы очень неплохо как-то обезвредить раззаков, пока те не начали вновь терроризировать варденов, полностью лишая самообладания многих из них.

Затем Сапфира указала, причем в самых дипломатичных выражениях, что, если Насуада предъявит свои права сюзерена и запретит Эрагону участвовать в этой вылазке против раззаков, это может отравить их дальнейшие взаимоотношения разногласиями и затаенной враждой, что весьма пагубно скажется на достижении варденами их конечной цели.

«Но, — сказала под конец Сапфира, — выбор, разумеется, за тобой, Насуада. Если ты так уж хочешь, то можешь заставить Эрагона остаться здесь. А я, поскольку обязанности Эрагона особенно меня не касаются, все же решила, что последую за Рораном. По-моему, это будет отличное приключение».

Слабая улыбка тронула губы Эрагона, когда он вспомнил эту сцену.

Доводы Сапфиры и ее нерушимая логика убедили Насуаду и Арью дать Эрагону разрешение последовать за Рораном в Хелгринд, хоть они и высказали массу неудовольствия по этому поводу.

Впрочем, последние слова Насуады несколько озадачили Эрагона: «Мы решили довериться вашим суждениям, Эрагон и Сапфира. Но ради успеха вашего и нашего дела мне бы очень хотелось, чтобы все прошло удачно, и я очень на это надеюсь». Но сказала она это таким тоном, что Эрагон остался в неуверенности, чего в ее словах больше: искреннего пожелания им успеха или некоей скрытой угрозы.

Конец того дня Эрагон провел за сборами в путь, заготовляя дорожные припасы и вместе с Сапфирой изучая карты Империи. Он также подумал и о том, какие заклинания могут ему понадобиться, чтобы не дать Гальбаториксу и его приспешникам отследить действия Рорана в магическом кристалле.

Наутро Эрагон и Роран сели Сапфире на спину, и она сразу взлетела выше оранжевых облаков, что тянулись над Пылающими Равнинами к северо-востоку. Она без передышки летела весь день, а когда солнце пересекло небосклон и исчезло за горизонтом, отдыхать не стала, а снова бросилась вперед, сверкая чешуей в последних красноватых отблесках заката.

Первый этап их путешествия завершился на границе Империи. В этих местах обитало крайне мало людей, и они незаметно повернули там на запад, к Драс-Леоне и Хелгринду. Но с тех пор летели только ночью, дабы избежать невольного внимания жителей мелких деревень, разбросанных по бескрайним заросшим травой равнинам, что расстилались на их пути к конечной цели.

Эрагону и Рорану приходилось кутаться в меховые плащи и прятать руки в шерстяные перчатки, ибо Сапфира предпочитала лететь выше самых высоких горных вершин, покрытых вечными льдами, и воздух там был невероятно холодным и разреженным, он прямо-таки застревал по пути в легкие, но делать было нечего. *Иначе любой фермер, вышедший посмотреть на приболевшего жеребенка, любой* востроглазый стражник или любопытный ночной сторож могли случайно взглянуть вверх и заметить летящего в небесах дракона, хотя Эрагону казалось, что с земли Сапфиру, летевшую на такой высоте, можно было бы принять разве что за орла.

И повсюду Эрагон видел свидетельства продолжающейся войны: армейские лагеря, скопления повозок с провизией и оружием, отряды людей в железных ошейниках, которых гнали из родных селений сражаться за Гальбаторикса. То, какие невероятные средства были задействованы в этой войне против варденов, поистине приводило его в трепет.

Под конец второй ночи вдали показался Хелгринд; его покрытые трещинами колонны выглядели особенно грозными в пепельных предрассветных сумерках. Сапфира приземлилась в низине, где они и устроили лагерь. Почти весь следующий день они проспали, а уж потом приступили к разведывательным действиям.

Янтарные и красные искры взвились снопом и закружились в воздухе, когда Роран подбросил в затухающий костер очередную валежину. Поймав взгляд Эрагона, он только пожал плечами:

— Холодно.

Ответить Эрагон не успел, услыхав легкий свистящий звук: с таким звуком вынимают из ножен меч.

Он не стал раздумывать и бросился в противоположном направлении, перекатился через голову, встал на четвереньки и поднял свой крепкий посох из боярышника, чтобы отразить удар. Роран проявил не меньшую прыть. Он успел схватить свой щит, скатился с бревна, на котором сидел, и вытащил из-за пояса молот — и все это в считаные секунды.

Оба замерли, ожидая нападения.

Сердце Эрагона бешено стучало в груди, мышцы были так напряжены, что дрожали, когда он всматривался во тьму, надеясь заметить хоть малейшие признаки движения.

«Я ничего не чую», — сообщила ему Сапфира.

Несколько минут прошли без каких-либо последствий, и Эрагон, мысленно обследовав близлежащую территорию, пробормотал изумленно:

— Никого! — Затем, проникнув в те глубины своей души, где происходило его соприкосновение с магией, он воскликнул: — Брисингр раудхр! — И неяркий красноватый волшебный огонек, вспыхнув в нескольких футах от него, повис над землей на уровне глаз, освещая низину своим зыбким светом. Эрагон чуть шевельнулся, и огонек в точности

повторил его движения, словно связанный с ним невидимыми нитями.

Вместе с Рораном он двинулся туда, откуда донесся тот подозрительный звук. Ущелье там сворачивало к востоку, и они передвигались очень осторожно, держа в руках оружие и то и дело останавливаясь, готовые в любой момент перейти к обороне. Примерно через десять ярдов Роран поднял руку, призывая Эрагона остановиться, и указал на грубую глиняную тарелку, лежавшую на траве. Тарелка казалась здесь совершенно и подозрительно неуместной. Опустившись на колени, Роран потер по ее поверхности кусочком глины, и они услышали тот же свистящий звук, что и в первый раз.

— Ее, должно быть, уронил кто-то из тех, что делали приношения у алтаря, — сказал Эрагон, изучая стены ущелья. И погасил волшебный огонек.

Роран кивнул и встал, отряхивая колени.

Направляясь назад, к Сапфире, Эрагон размышлял над тем, с какой скоростью они отреагировали на случившееся. Сердце его по-прежнему билось с болезненным напряжением, руки дрожали, и он все еще готов был в случае чего сорваться с места и, ринувшись неведомо куда, пробежать без остановки несколько миль. Раньше мы бы никогда не стали так дергаться, думал он. Причина столь невероятной нервозности была, впрочем, самой обычной: каждое из сражений отщипывало по кусочку от их умения владеть собой, постепенно оголяло их нервы, и при малейшем волнении оба они реагировали чересчур остро.

Рорана, должно быть, терзали похожие мысли, потому что он спросил:

— Ты их видишь?

— Кого?

— Тех людей, которых когда-то убил? Они приходят к тебе во сне?

— Иногда.

В неровном свете почти погасшего костра грубоватое лицо Рорана казалось несколько зловещим из-за густых теней, что пролегли у него в углах губ, на лбу и под глазами, прикрытыми полуопущенными веками. Он вдруг промолвил — медленно, словно с трудом:

— А я никогда не хотел быть воином! Я, конечно, мечтал о кровавых сражениях и воинской славе, когда был мальчишкой, но единственное, что было для меня важно даже тогда, это земля. Наша земля и наша семья... А теперь я убил уже... Я убивал, убивал, убивал... А ты, наверное, и еще больше! — Взгляд его устремился куда-то вдаль, словно он увидел там нечто такое, чего не дано видеть более никому. — Вот, например, те двое из Нарды... Я ведь тебе рассказывал?

Он рассказывал, но Эрагон, желая дать ему выговориться, лишь молча покачал головой.

— Это были стражники. Они стояли у главных городских ворот... Вдвоем, как всегда. И у того, что стоял справа, были совершенно седые волосы. Я хорошо его запомнил, потому что он был еще совсем молод, никак не больше двадцати четырех или двадцати пяти лет. Они были в форме армии Гальбаторикса, но, судя по выговору, родились оба в Нарде. И явно не были настоящими воинами. Скорее всего, они просто решили защитить свой город и свои дома от ургалов, пиратов, бандитов... За это их даже пальцем тронуть было нельзя! Клянусь, Эрагон, мы и не собирались никого убивать! Однако в тот момент у меня не было выбора. Меня разыскивали, а эти стражники меня узнали. И я воткнул этому седому в горло кинжал. Прямо под подбородок... Так отец свиней у нас на ферме забивал. А второму я расколол череп. И до сих пор чувствую, как хрустнули его кости... Знаешь, я помню каждый нанесенный мною удар — с тех пор, как солдаты Гальбаторикса явились в Карвахолл, и до сражения на Пылающих Равнинах... Порой я закрываю глаза, но не могу уснуть: передо мной стоит тот пожар, который мы устроили в доках Тирма. Боги, как ярко горит этот огонь в моей памяти! В такие минуты мне кажется, что я схожу с ума.

Эрагон вдруг заметил, что с такой силой стиснул набалдашник посоха, что у него костяшки пальцев побелели, а на запястьях вздулись вены.

— О да, — сказал он, помолчав, — сперва это были просто ургалы, затем — люди и ургалы, а теперь, во время той последней битвы... Я, конечно, понимаю, что наше дело правое, но быть правым совсем не легко. Из-за той роли,

которую мы с Сапфирой призваны играть, вардены требуют, чтобы мы всегда были в первых рядах и уничтожали врага отряд за отрядом. И мы уничтожали. Уничтожаем... — Голос у него сорвался, и он умолк.

«Беспорядки и гибель людей — это спутники любых великих перемен, — сказала Сапфира им обоим. — Именно нам выпало на долю столько испытаний, ибо мы являемся провозвестниками этих самых перемен. Я, конечно, не человек, а дракон, а потому не жалею о гибели тех, кто подвергает нас опасности. Убийство тех стражников в воротах Нарды, возможно, и не достойно восхищения, однако за этот поступок не стоит чувствовать особой вины. Ты, Роран, был просто вынужден так поступить. А когда тебе приходится сражаться с врагом, разве ты не чувствуешь крыльев у себя за спиной? Разве не упиваешься свирепой радостью боя? Разве тебе не ведом восторг победы над достойным противником и чувство удовлетворения, когда перед тобой растет груда тел тех, кто хотел убить тебя и твоих товарищей? Ты, Эрагон, уже испытал все эти чувства. Помоги же мне объяснить твоему брату, что это не так уж плохо».

Эрагон молчал, глядя на светящиеся красным угли. Сапфира сказала чистую правду, но сам он не решался это признать и уже менее всего был готов согласиться с тем, что насилием можно и наслаждаться; ему казалось, что тогда он стал бы презирать самого себя. А потому он молчал. И сидевший напротив него Роран, похоже, испытывал те же чувства.

И Сапфира куда более мягким тоном сказала им обоим:

«Не сердитесь. Я не хотела ни огорчить вас, ни обидеть. Я порой забываю, что вам все еще непривычны, да и изначально несвойственны подобные чувства, тогда как мне самой пришлось сражаться за собственную жизнь, пуская в ход и клыки, и когти, с того самого дня, как я вылупилась из яйца».

Эрагон встал и подошел к сложенным на земле седельным сумкам. Порывшись в одной из них, он вытащил маленький глиняный кувшинчик, подаренный ему Ориком перед расставаньем, и сделал пару добрых глотков медового напитка. Ему сразу же стало теплее и спокойнее на

душе, и он передал кувшинчик Рорану, который тоже отпил немного.

Когда волшебному напитку удалось немного развеять его мрачное настроение, Эрагон сказал, обращаясь одновременно и к Рорану, и к Сапфире:

— Завтра у нас могут возникнуть серьезные проблемы.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Роран.

— Помнишь, как я сказал, что мы с Сапфирой довольно легко можем справиться с раззаками?

— Конечно.

«И мы действительно можем», — подтвердила Сапфира.

— Ну, так вот, я все думал об этом, пока мы шпионили поблизости от Хелгринда, и должен сказать, что больше уже в этом не уверен. Существует поистине неисчислимое количество способов использования магии. Например, если мне захочется разжечь огонь, я могу сделать это с помощью того тепла, которое отберу у воздуха или земли; я могу создать пламя из чистой энергии; я могу вызвать молнию; я могу собрать в пучок солнечные лучи и направить их в одну точку; я могу добыть огонь трением; я могу... Ну и так далее.

— И что?

— А то, что, хоть я и могу придумать множество различных заклинаний, чтобы осуществить задуманное, но для того, чтобы мне воспрепятствовать, требуется всего лишь одно-единственное запрещающее заклятье. Если помешать *осуществлению самого действия*, уже не нужно придумывать заклятья, способные противодействовать каждому из *произнесенных мною заклинаний* по отдельности.

— Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение к завтрашнему дню.

«А я понимаю, — сказала Сапфира так, чтобы ее «слышали» оба брата. И тут же пояснила: — Это означает, что в течение последних ста лет Гальбаторикс...»

— Вполне мог защитить раззаков особыми охраняющими чарами...

«Которые способны воспрепятствовать воздействию...»

— Самых разных магических заклятий. Так что мне, возможно, не удастся...

«Уничтожить раззаков ни одним из...»

— Тех смертоносных заклинаний, которым меня обучили Бром и эльфы, и ни один из известных нам приемов боя...

«Может оказаться против них непригодным. И возможно...»

— Нам придется...

— Хватит! — воскликнул Роран. Лицо его исказила даже не улыбка, а болезненная гримаса. — Пожалуйста, прекратите! У меня просто голова раскалывается, когда вы начинаете вот так говорить.

Эрагон умолк. Он даже рот открыл от удивления; ведь до этого момента он даже не подозревал, что они с Сапфирой говорят по очереди, подхватывая мысль друг друга, но один вслух, а другая мысленно. Это его даже обрадовало: значит, они достигли некоей новой общности и теперь действуют как единое целое, что, безусловно, делает их обоих намного сильнее. Его, впрочем, несколько встревожила мысль о том, как подобное партнерство должно по природе своей умалять личные достоинства каждого из сообщников, но он отогнал эту мысль, усмехнулся и сказал Рорану:

— Извини, я об этом не подумал. В общем, тревожит меня вот что: если у Гальбаторикса хватило ума и прозорливости принять определенные меры предосторожности, тогда уничтожить раззаков можно будет только с помощью большого войска. Если это так...

— То завтра я вам буду только помехой.

— Глупости. Ты, возможно, действуешь медленнее, чем раззаки, но у меня нет сомнений, что эти твари очень даже опасаются твоего оружия, Роран Молотобоец. — Похоже, эта похвала была Рорану приятна, и Эрагон продолжил: — Самая большая опасность для тебя заключается в том, что раззаки или их «летучие мыши», эти летхрблака, попытаются отделить тебя от нас с Сапфирой. Так что, чем ближе мы будем держаться друг к другу, тем для всех нас безопаснее. Мы с Сапфирой постараемся не давать этим чудовищам скучать, однако кое-кто из них может все же проскользнуть мимо нас незамеченным. Четверо против двоих — соотношение неплохое, но когда ты сам входишь в ту четверку.

А Сапфире Эрагон мысленно сказал:

«Если бы у меня был меч, то, не сомневаюсь, я и сам смог бы уничтожать раззаков, но, боюсь, одного посоха будет недостаточно, чтобы одолеть двух тварей, которые к тому же быстры, как эльфы».

«Но ведь ты сам настоял на том, чтобы использовать вместо настоящего оружия эту сухую палку, — сказала Сапфира. — Помнишь, я предупреждала тебя, что этого мало для сражения с раззаками?»

Эрагон нехотя согласился, заметив уныло:

«А если еще и мои заклятья нас подведут, если мы окажемся более уязвимыми, чем я рассчитывал... В общем, тогда завтрашний день и вовсе может закончиться очень плохо».

А Роран, не слышавший этого обмена мнениями, решил возобновить то направление разговора, которое занимало его более всего:

— Эта ваша магия — вещь коварная, насколько я понимаю. — При этих словах Рорана бревно, на котором он сидел, издало жуткий стон.

— Да уж, — согласился Эрагон. — И самое трудное — предвосхитить те заклинания, которые могут быть направлены против тебя; так что я большую часть времени решаю вопрос, как мне себя защитить, если я буду атакован так-то и так-то, и не окажется ли, что мой враг только и ожидает от меня того или иного поступка.

— А ты мог бы и меня сделать столь же сильным и быстрым, как ты сам?

Эрагон несколько минут размышлял над подобной возможностью, прежде чем ответить:

— Нет, я не представляю, как это сделать. Наверное, магическая энергия, необходимая для подобного превращения, должна быть взята из какого-то другого, неведомого нам источника. Мы с Сапфирой, конечно, могли бы дать ее тебе, но тогда мы сами утратим ровно столько же сил, сколько обретешь ты. — Эрагон не стал даже упоминать о том, что можно извлекать энергию также из находящихся поблизости растений и животных, хотя цена за это будет поистине ужасной, ведь за повышение собственных возможностей ты заплатишь смертью братьев своих меньших.

Однако подобные магические приемы хранились в строжайшей тайне, и Эрагон понимал, что не имеет права так легко ее раскрывать даже брату. Может быть, ее и вообще никому не следовало бы раскрывать. Да и ни к чему были бы Рорану эти ценнейшие сведения, ведь все равно на горе Хелгринд почти не было растительности и живых существ, которые могли бы послужить дополнительным источником магической энергии.

— Ну хорошо, а не мог бы ты обучить меня пользоваться магией? — И, заметив, что Эрагон явно колеблется, Роран поспешно прибавил: — Не сейчас, конечно. Сейчас на это времени нет, да я и так понимаю, что за один день магом не станешь. Но, в общем-то, почему бы и нет? Мы с тобой все-таки родственники. У нас немало общей крови. А уж какая для меня была бы польза, если б и я овладел таким замечательным искусством!

— Но я просто не знаю, можно ли просто человека — не Всадника! — научить пользоваться магией, — признался Эрагон. — Меня этому не учили. — Оглядевшись, он подобрал с земли округлый плоский камешек и бросил его Рорану, который ловко его поймал. — Вот, попробуй: сосредоточься и попытайся мысленно заставить этот камешек приподняться над землей хотя бы на фут, а потом скажи: «Стенр рейза».

— Стенр рейза?

— Вот именно. Это значит: «Камень, поднимись!»

Роран, нахмурившись, уставился на камень, лежавший у него на ладони; его напряженная поза очень напоминала Эрагону те уроки магии, которые давал ему беспощадный Бром, и душу его охватила тоска по тем счастливым дням. Брови Рорана совсем сдвинулись, губы приоткрылись в некоем подобии оскала, и он так прорычал: «Стенр рейза!», что Эрагону показалось, что камень сейчас улетит неведомо куда.

Однако ничего не произошло.

Еще сильнее сдвинув брови, Роран повторил команду: «Стенр рейза!»

Но камень даже не шевельнулся.

— Ну ладно, — сказал Эрагон, — ты пробуй, не оставляй попыток. Это единственный совет, который я могу тебе

дать. Однако, — и тут он поднял вверх палец, — если тебе вдруг это удастся, то сразу же иди ко мне или, если меня поблизости не окажется, к любому другому магу. Ты запросто можешь убить и себя, и других, если станешь экспериментировать с магией, не понимая ее законов. И в первую очередь запомни вот что: если ты произнесешь заклинание, которое потребует слишком много энергии, но не сумеешь вовремя остановить его действие, то неизбежно погибнешь. Не берись за такие дела, которые тебе не по плечу! Не пытайся, например, вернуть назад мертвых или что-то переделать в природе.

Роран кивнул, по-прежнему не сводя глаз с камня.

— Кстати, помимо магии, есть и нечто куда более важное, чему тебе надо поскорее научиться. Я только что это понял, — сказал Эрагон.

— Вот как?

— Да. Тебе совершенно необходимо научиться скрывать свои мысли от Черной Руки, от Дю Врангр Гата и от им подобных колдунов. Тебе теперь известно очень много таких вещей, которые могут повредить и варденам, и нам с Сапфирой. В общем, я решил: сразу же после нашего возвращения тебе просто жизненно необходимо овладеть подобным умением. Пока ты не научишься защищать свои мысли от всевозможных шпионов, владеющих магией, ни Насуада, ни я, ни кто-либо другой не смогут полностью доверять тебе, а значит, не смогут и делиться с тобой теми сведениями, которые могут оказаться на руку нашим врагам.

— Да, я понимаю. Но почему ты включил в этот список и Дю Врангр Гата? Они ведь служат тебе и Насуаде.

— Служат, да, но даже среди наших союзников есть немало таких, кто отдал бы свою правую руку... — Эрагон поморщился, уж больно эта фраза соответствовала сегодняшней действительности, — чтобы вызнать наши тайные планы. И твои тоже, не сомневайся. Ты теперь не просто человек, Роран, ты стал известной личностью. Отчасти благодаря твоим подвигам, отчасти из-за нашего с тобой родства.

— Я знаю. Это очень странно, когда тебя узнают люди, с которыми ты никогда даже не встречался.

— Вот именно. — Еще немало связанных с этим соображений вертелось у Эрагона на языке, однако он подавил в себе желание развивать далее эту тему, решив отложить подобные разговоры на потом. — Теперь, когда ты знаешь, что такое мысленное соприкосновение разумов, ты, возможно, сможешь и научиться уходить от подобного соприкосновения, а потом потихоньку и сам сумеешь читать чужие мысли.

— Я совсем не уверен, что хотел бы обрести подобную способность.

— Это уже другой вопрос; кроме того, ты еще, вполне возможно, и не сможешь этому научиться. Но так или иначе, прежде чем ты станешь тратить время на выяснение этого, сначала ты должен научиться защищать себя от подобного проникновения в твои мысли.

Роран удивленно приподнял бровь:

— Но как?

— Выбери себе что-нибудь — какой-нибудь звук, мелодию, образ, ощущение, все что угодно, — и позволь этому как бы «распухнуть» у тебя в голове, путь оно займет все ее внутреннее пространство, вытеснив все прочие мысли.

— И это все?

— Это совсем не так просто, как тебе кажется. Давай, попытайся. Когда будешь готов, дай мне знать, и мы посмотрим, что тебе удалось.

Прошло несколько минут. Затем, повинуясь движению пальцев Рорана, Эрагон вступил с ним в мысленную связь, страшно желая узнать, чего же сумел достигнуть его братец.

И тут он словно налетел на некую невидимую стену, состоявшую из воспоминаний о Катрине, и был остановлен. Ему буквально не за что было уцепиться, он не нашел никакой лазейки или прохода, не смог преодолеть тот мысленный барьер, который Роран воздвиг перед ним. В эти мгновения весь внутренний мир Рорана как бы скрылся за мыслями о Катрине; защита, созданная им, превосходила все то, с чем Эрагону до сих пор приходилось сталкиваться; он не находил ни малейшей возможности узнать, что еще таится в душе его брата, а значит, практически терял возможности управлять им.

Роран чуть шевельнулся, и бревно под ним снова издало резкий противный скрип.

И этот скрип странным образом подействовал: казалось, та стена, возле которой Эрагон беспомощно крутился, мгновенно разлетелась на мелкие осколки; теперь лишь призраки былых опасений блуждали в мозгу Рорана: «Что же это было?.. Черт! Не обращай внимания! Он прорвется! Катрина, помни Катрину! Не обращай на Эрагона внимания. Вспомни ту ночь, когда она согласилась стать твоей женой, вспомни запах травы, аромат ее волос... Это он? Нет! Сосредоточься! И не вздумай...»

Воспользовавшись замешательством Рорана, Эрагон усилил мысленную атаку и обездвижил разум брата, прежде чем тот снова сумел восстановить свою защиту.

«Основную идею ты понял», — мысленно сказал ему Эрагон и тут же прервал связь с ним, продолжив уже вслух:

— Но тебе придется научиться быть более сосредоточенным, особенно на поле брани. Ты должен научиться думать, не думая... освобождать себя ото всех надежд и тревог и держать в голове лишь ту единственную мысль, которая является как бы твоими доспехами. Вот чему меня научили эльфы. И я убедился, что это чрезвычайно полезное умение. Вспоминай какую-нибудь загадку, или стихотворение, или песенку. Или, скажем, какое-то простенькое действие, которое можно повторять снова и снова, и тебе будет гораздо легче удержать свои мысли под контролем.

— Я над этим непременно поработаю, — пообещал Роран, а Эрагон тихим голосом спросил:

— Ты ведь действительно очень ее любишь? — Это был, скорее, даже не вопрос, а подтверждение того, чем он восхищался и в чем был совершенно уверен. Любовь была слишком тонкой материей, и Эрагон вряд ли решился бы обсуждать ее с Рораном, хотя когда-то в Карвахолле они частенько рассуждали о достоинствах молодых женщин и девушек, сравнивая их друг с другом. — Как это между вами произошло?

— Просто. Она понравилась мне. Я понравился ей. Разве подробности имеют какое-то значение?

— Да ладно тебе, — смутился Эрагон. — Когда ты уходил из Карвахолла в Теринсфорд, я был еще слишком юн и слишком сердит на тебя, чтобы об этом спрашивать. Но с тех пор прошло уже так много времени, а увиделись мы с тобой только четыре дня назад. Я просто хочу понять...

Роран прищурился, улыбнулся, и вокруг его глаз собрались веселые морщинки; он потер виски и сказал:

— Да тут и рассказывать особенно нечего. Я всегда был к ней неравнодушен. До того как я повзрослел, это особого значения не имело, но после обряда посвящения я стал задумываться, кого же мне выбрать в жены, кого я хотел бы видеть матерью моих детей. И вот однажды мы пришли в Карвахолл, и я увидел Катрину; она остановилась возле дома Лоринга, чтобы сорвать мускусную розу, росшую у стены под крышей. Она улыбалась, глядя на цветок... И такая это была нежная улыбка, такая счастливая, что я в ту же минуту решил: хочу, чтобы она все время так улыбалась, хочу видеть эту улыбку до конца дней своих! — Глаза Рорана увлажнились от нахлынувших чувств, но слезы так и не пролились, а высохли сами собой. — Вот только, боюсь, это мне как раз и не удалось.

Сочувственно помолчав, Эрагон снова спросил:

— Значит, ты за ней ухаживал? Ну, я помню, как ты через меня передавал ей приветы, а что еще ты делал?

— Ты как будто совета у меня спрашиваешь?

— Да нет... Тебе показалось...

— Да ладно уж, — усмехнулся Роран. — Я же знаю, когда ты врешь. У тебя на физиономии сразу появляется на редкость глупая улыбка, а уши краснеют. Может, эльфы тебя и изменили немного, но это-то в тебе так и осталось. Что у тебя с Арьей?

Проницательность Рорана встревожила Эрагона.

— Ничего! Ты что? Или на тебя полнолуние так действует? Что за глупый вопрос?

— Не ври, Эрагон. Ты же каждое ее слово ловишь, точно бриллиант, ты с нее глаз не сводишь, и взгляд у тебя при этом такой, точно ты с голоду умираешь, а она — это роскошный ужин, только до стола с ним тебе никак не дотянуться.

Перо темно-серого дыма вылетело из ноздрей Сапфиры, когда она слабо, как-то придушенно фыркнула.

Но Эрагон даже головы в ее сторону не повернул и сказал очень серьезно:

— Арья — эльфийка.

— И очень красивая. Остренькие ушки и раскосые глаза — это такая мелочь по сравнению с прочими ее прелестями. Видел бы ты сейчас себя: больше всего ты на кота похож, который на сметану облизывается!

— Арье более ста лет.

Эти слова Эрагона подействовали на Рорана самым неожиданным образом; он сразу посерьезнел, брови его поползли вверх, и он сказал:

— Просто не могу в это поверить! Судя по внешности, это цетущая молодая женщина!

— Увы, это правда.

— Ну что, раз так, пусть так и будет. Значит, именно эта причина и есть для тебя самая главная? Вернее, для твоего разума? Но ведь сердце редко слушается голоса разума, Эрагон. Так ты влюблен в нее или нет?

«Куда уж больше! Если он влюбится в нее еще сильнее, — сказала им обоим Сапфира, — я сама попытаюсь «поцеловать» эту Арью!»

«Сапфира!» — Рассердившись не на шутку, Эрагон даже стукнул драконику по лапе.

А Роран, решив больше не поддразнивать брата, серьезно спросил:

— Тогда ответь на мой самый первый вопрос и расскажи, что у вас с Арьей происходит. Ты хоть раз говорил с нею или с кем-то из ее родных? Я на собственном опыте убедился, что не годится откладывать подобные разговоры.

— Говорил, — сказал Эрагон, не сводя глаз с полированного набалдашника своего посоха. — Да, я говорил с нею.

— И что из этого вышло? — Поскольку Эрагон не отвечал, Роран позволил себе воскликнуть с притворным отчаянием: — Ну, знаешь, из тебя ответы вытаскивать потруднее, чем нашу Бирку из грязи! — Эрагон не выдержал и хихикнул, вспомнив о Бирке, одной из страшно ленивых тягловых лошадей у них на ферме. — Сапфира, ты не поможешь

мне разгадать эту загадку? Иначе, боюсь, мне никогда не дождаться от него нормальных разъяснений.

— Ничего из этого не вышло. То есть совсем ничего. Я ей не нужен. — Эрагон сказал это совершенно бесстрастным тоном, словно рассказывая о неудаче кого-то другого, хотя в душе у него бушевали такие мучительные страсти, что он почувствовал, как Сапфира пытается утишить эту его душевную боль.

— Прости, — сказал Роран.

Эрагон, чувствуя противный холод в душе, хрипло пробормотал:

— Ничего. Как видишь, и такое случается.

— Я понимаю, что, может, сейчас об этом говорить и не стоит, — начал Роран, — но я уверен: ты еще встретишь другую женщину, которая заставит тебя забыть эту Арью. Девушек на свете сколько хочешь. Да и многие замужние женщины, спорить готов, были бы счастливы, если бы Всадник обратил на них внимание. Так что ты с легкостью найдешь себе чудесную жену среди первых красавиц Алагейзии...

— А что бы ты сделал, если бы Катрина отвергла твои ухаживания? — прервал его Эрагон.

От этого вопроса Роран просто дара речи лишился; было ясно: он и представить себе не может, что такое возможно, и не знает, как реагировал бы, случись это на самом деле. Но Эрагон не унимался:

— Похоже, все вы — и ты, и Арья, и многие другие — уверены, что я ничего не понимаю и пребываю в каком-то любовном угаре, однако же уверяю тебя, я совершенно не сомневаюсь, что в Алагейзии полно прекрасных и достойных женщин, и очень хорошо понимаю, что человек способен влюбляться не один раз в жизни. Скорее всего, если б мне всю жизнь довелось провести в обществе придворных дам короля Оррина, я, возможно, уже начал бы ухаживать за одной из них. Однако мой жизненный путь оказался не так прост. Даже если не учитывать того, могу я или нет запросто отказаться от любви к одной женщине и отдать свою любовь другой, — а сердце, как ты сам справедливо заметил, обладает весьма переменчивым нравом, — остается еще один серьезный вопрос: а стоит ли это делать?

— Твоя речь в последнее время стала столь же витиеватой, как переплетенные корни ели, — заметил Роран. — Пожалуйста, перестань говорить загадками.

— Хорошо. Тогда так: кто из представительниц прекрасного пола способен сразу — хотя бы поверхностно — понять, кто я, что собой представляю и сколь велики мои возможности? Кто из них, узнав об этом, согласился бы разделить со мной мою непростую жизнь? Не сомневаюсь, таких найдется очень и очень немного, и все они должны если не обладать магической силой, то хотя бы понимать, что это такое. Но даже в этой группе «избранных» много ли ты найдешь женщин, обладающих бессмертием?

Роран расхохотался; его грубоватый хохот гулко разнесся по всему ущелью.

— Ты бы еще потребовал луну с неба или чтобы солнце оказалось у тебя в кармане... — Он вдруг перестал хохотать, напрягся и как-то неестественно замер, словно собираясь прыгнуть вперед. — Так ты... Не может быть!

— Но это так.

Роран мотал головой, тщетно пытаясь найти нужные слова.

— Это что же, часть тех перемен, которые произошли с тобой в Эллесмере? Или, может, это оттого, что ты стал Всадником?

— Да, это потому, что теперь я — Всадник.

— Значит, и Гальбаторикс до сих пор жив именно поэтому?

— Ну да.

Ветка, которую Роран подбросил в костер, зашипела и затрещала, роняя в раскаленные угли капли воды или древесного сока, каким-то чудом уцелевшие на жарком солнце, но теперь в один мир превратившиеся в пар.

— Все это сразу как-то... умом не понять, — пробормотал Роран. — Смерть — это ведь вроде как часть нашего существования. Она направляет нас. Она делает из нас людей. Но она же порой приводит нас и к безумию. Разве можно оставаться человеком, когда знаешь, что у твоей жизни нет смертельного исхода?

— Я, конечно, не являюсь абсолютно неуязвимым, — пожал плечами Эрагон. — Меня все-таки можно убить и мечом, и стрелой. И неизлечимую болезнь я по-прежнему могу подхватить.

— Но если тебе удастся избежать всего этого, ты будешь жить вечно?

— Если останусь жив, то, наверное, да, буду жить вечно. В общем, мы с Сапфирой еще долго продержимся.

— По-моему, это и благословение, и проклятье.

— О да! Ты прав. А потому я и не могу, будучи в здравом уме, жениться на женщине, которая успеет состариться и умереть, а сам я при этом останусь почти таким же, каким был и прежде. Это было бы в равной степени жестоко по отношению к нам обоим. Кроме того, мне кажется просто ужасной мысль о том, чтобы брать себе в жены одну женщину за другой, меняя их, точно туфли, в течение долгих столетий.

— А разве ты не можешь с помощью магии сделать кого-то из них бессмертной? — спросил Роран.

— Можно выкрасить седые волосы в черный цвет, можно с помощью определенных ухищрений разгладить морщины на лице, убрать с глаз катаракты и даже, если уж очень хочется чуда, дать шестидесятилетней женщине то тело, какое было у нее в девятнадцать лет. Однако эльфы так и не сумели открыть способ сохранения души человека, не разрушая его памяти о прошлом. А кто, скажи, захочет стереть свое прошлое, саму свою сущность в обмен на бессмертие? Ведь даже если будет уничтожена память о нескольких последних десятилетиях жизни, это будет уже совсем другой человек. Да и умудренный опытом разум в юном теле — это тоже не выход; ведь даже при самом лучшем здоровье та плоть, из которой созданы мы, люди, способна продержаться всего лет сто или чуть больше. Да и просто взять и остановить чье-то старение тоже невозможно. С этим тоже связано множество неразрешимых проблем... Ах, уверяю тебя: и эльфы, и люди уже тысячу раз пытались найти различные способы обмануть смерть, но ни один из них не оказался успешным.

— Иными словами, — сказал Роран, — для тебя безопаснее любить Арью, не оставляя свое сердце свободным для любви к обычной женщине?

— Ну, скажи честно: на ком еще я могу теперь жениться, кроме эльфийки? — с легким раздражением спросил Эрагон. — Особенно если учесть те изменения, что уже произошли в моей внешности. — Он с трудом подавил желание коснуться заостренных концов своих ушей — эта привычка появилась у него совсем недавно. — Находясь в Эллесмере, я с легкостью воспринял то, что сотворили со мной драконы. И потом, я получил от них немало и совсем иных даров. Да и эльфы после Агэти Блёдрен стали гораздо дружелюбнее ко мне относиться. Я осознал, насколько *другим* я стал теперь, лишь вернувшись к варденам. И это не дает мне покоя. Ведь я больше уже не человек, но я еще и не совсем эльф. Я так, нечто среднее, помесь, полукровка...

— Ну, хватит! Выше нос! — сказал Роран. — Может, и не стоит тебе так убиваться. А уж тревожиться насчет вечной жизни точно не стоит: в конце концов, Гальбаторикс, Муртаг, раззаки или еще кто-то из слуг Империи в любой момент могут проткнуть нас мечом или стрелой. Мудрый человек не станет думать о будущем; он будет наслаждаться сегодняшней жизнью, пока у него есть такая возможность; он будет любить, пить, веселиться...

— Представляешь, что сказал бы тебе на это Гэрроу?

— Да уж! Он бы показал нам, где раки зимуют!

Оба рассмеялись, и вновь молчание, которым и без того слишком часто прерывалась их беседа, повисло над костром. Очередная пауза возникла, с одной стороны, из осторожности, заботы и хорошего знания друг друга, а с другой — из-за тех многочисленных различий, которые судьба подарила этим двум молодым людям, некогда жившим общей жизнью и бывшим как бы всего лишь двумя вариациями одной и той же мелодии.

«Вам бы надо поспать, — сказала братьям Сапфира. — Уже поздно, а завтра надо встать как можно раньше».

Эрагон поднял глаза к черному куполу небес, определяя время по тому, насколько успели сдвинуться к горизонту

звезды, и понял, что сейчас куда более поздний час, чем ему казалось.

— Здравый совет, — сказал он. — Хотя жаль, что нельзя еще хотя бы несколько дней отдохнуть, прежде чем атаковать Хелгринд. После сражения на Пылающих Равнинах мы с Сапфирой остались совершенно без сил и не успели еще прийти в себя, как пришлось лететь сюда. А я еще в последние два вечера занимался тем, что пополнял запасы магической энергии в поясе Белота Мудрого... В общем, у меня еще мышцы во всем теле ноют, а ран и синяков не сосчитать. Вот, посмотри... — И, распустив завязки на манжете левого рукава, он подтянул повыше мягкую эльфийскую ткань, в которой смешаны шерсть и крапивное волокно, и показал Рорану зловещего вида длинный желтоватый синяк в том месте, где о его руку ударился вражеский щит, сломавшись при этом.

— Ха! — воскликнул Роран. — И эту жалкую отметину ты называешь синяком? Да я куда сильнее покалечился, когда сегодня большой палец на ноге вывихнул. Погоди, сейчас я покажу тебе увечье, которым мужчина действительно может гордиться. — Он расшнуровал свой левый башмак, стащил его с ноги и, закатав штанину, продемонстрировал Эрагону широкую черную полосу, толщиной с большой палец Эрагона, тянущуюся через икроножную мышцу. — Это я на древко копья напоролся, когда на меня один из вражеских воинов прыгнул.

— Впечатляет, но у меня есть и кое-что получше. — Скинув теплую котту, Эрагон вытащил из штанов нижнюю рубаху и закатал ее, чтобы Рорану была видна опухоль у него на ребрах и точно такая же на животе. — Стрелы, — пояснил он и, засучив правый рукав, продемонстрировал «великолепный» кровоподтек, полученный, когда он рукой в доспехах отбил вражеский меч.

Теперь очередь была за Рораном, который, сняв рубаху, показал целую россыпь сине-зеленых пятен неправильной формы размером с большую золотую монету на всем боку от левой подмышки до основания хребта; эти синяки были следствием его падения на груду камней и искореженного оружия.

Эрагон осмотрел порезы и синяки Рорана и, усмехнувшись, заявил:

— П-ф-ф! Да это же просто царапины! Булавочные уколы! А может, ты заблудился и в темноте налетел на розовый куст? Вот у меня действительно шрамы! — Он скинул башмаки, снял штаны, оставшись только в рубашке и шерстяных рейтузах, и продемонстрировал Рорану внутреннюю сторону своих бедер. — Ну, перещеголяй это, если сможешь! — Ляжки его действительно были исполосованы разноцветными шрамами так, что кожа напоминала поверхность какого-то экзотического фрукта, который созревает неровными пятнами — от зеленого оттенка до ядовито-пурпурного.

— Ого! — воскликнул Роран. — Что это с тобой случилось?

— Я вскочил на Сапфиру, когда мы в воздухе сражались с Муртагом и Торном. Именно тогда я и ранил Торна. Сапфира ухитрилась поднырнуть под меня и поймать до того, как я шмякнулся об землю, но и ей на спину я шлепнулся несколько более жестко, чем хотелось бы.

Роран поморщился; его даже передернуло, когда он представил себе, как можно пораниться об острые шипы и чешуи на спине у дракона.

— И что, — спросил он, — эти шрамы покрывают тебя до самых...

— Увы.

— Должен сказать, что такого я действительно никогда не встречал. Замечательные шрамы! Тебе следует ими гордиться. Это же просто подвиг — заполучить такое ранение, да еще и в таком... исключительном месте!

— Рад, что ты это оценил по достоинству.

— Ладно, — сказал Роран, — шрамов у тебя, может, и больше, однако раззаки нанесли мне очень неприятную рану, и такой у тебя точно не было. Ведь, насколько я понял, драконы удалили тот шрам у тебя на спине? — Говоря это, Роран расстегнул рубашку, стащил ее с себя и придвинулся ближе к костру, чтобы Эрагону было лучше видно.

Глаза Эрагона невольно расширились от изумления. Он с трудом подавил желание вскрикнуть от ужаса и очень

старался казаться спокойным, уверяя себя, что это ему просто кажется и на самом деле ничего страшного тут нет. Однако чем дольше он изучал увечье, полученное Рораном, тем более неуверенно себя чувствовал.

Длинный бугристый шрам, красный, блестящий и, возможно, скрывавший внутреннее воспаление, окольцовывал правое плечо Рорана, начинаясь от ключицы и завершаясь где-то примерно на середине плечевой кости. Было очевидно, что раззаки вырвали у Рорана часть мышцы и разорванным концам так и не удалось как следует срастись, ибо весьма неприятного вида опухоль торчала пониже шрама, где обрывки сухожилий свернулись клубком, а выше виднелась глубокая, в полдюйма, впадина.

— Роран! Надо было тебе давным-давно показать мне это! Откуда же я мог знать, что раззаки так тебя искалечили... Ты этой рукой двигать-то можешь?

— Вбок или назад могу, — сказал Роран, — но вперед я могу поднять ее только... ну, до середины груди. — Он поморщился и опустил руку. — Впрочем, и это довольно трудно. К тому же мне все время приходится шевелить большим пальцем, иначе у меня вся кисть мертвеет. В общем, я стараюсь, если надо, размахнуться, отвести руку назад, а там уж пусть она сама старается попасть на то, что я пытаюсь схватить. Я до крови сбивал костяшки пальцев, пока этим трюком овладел.

Эрагон покрутил в руках свой посох, потом мысленно спросил Сапфиру:

«Как ты думаешь, стоит мне...»

«По-моему, ты должен».

«Но завтра мы можем об этом пожалеть».

«У тебя будет куда больше причин жалеть, если Роран погибнет, будучи не в силах как следует управляться со своим молотом. Поищи дополнительную энергию вокруг, тогда избежишь собственного переутомления».

«Ты же знаешь: я это ненавижу! Меня тошнит даже при мысли об этом».

«Ничего не поделаешь: твоя жизнь важнее жизни муравья», — возразила Сапфира.

«Но не с точки зрения муравья».

«Ну, ты пока еще не муравей, так что не болтай лишнего! Это тебе совершенно не идет».

Вздохнув, Эрагон опустил свой посох и поманил Рорана к себе:

— Ладно, я сейчас исцелю эту твою штуку.

— Ты можешь это сделать?

— Естественно.

Лицо Рорана мгновенно вспыхнуло от радостного возбуждения, но потом он заколебался, встревоженно посмотрел на Эрагона и спросил:

— Прямо сейчас? А разумно ли это?

— Как говорит Сапфира, лучше уж мне исцелить тебя, пока у меня есть такая возможность и пока твое ранение не стоило тебе жизни и не навлекло на всех нас опасность.

Роран придвинулся к нему, и Эрагон приложил свою правую ладонь на красный шрам, одновременно расширив свое сознание настолько, что почувствовал разом все души растений и животных, населявших ущелье, исключив, правда, тех, кого счел слишком слабыми и не способными пережить то заклятье, которое собирался применить.

Затем он принялся выпевать слова древнего языка. Заклятие было длинным и сложным, ибо исцеление подобного шрама требовало гораздо больше сил и времени, чем выращивание кусочка новой кожи. Эрагон полагался на те целебные магические формулы, запоминанию которых посвятил в Эллесмере столько месяцев.

Серебряная метка на ладони Эрагона, его Гёдвей Игнасия, вспыхнула и засветилась, точно раскаленное добела железо, когда он выпустил магию наружу. Секундой позже он невольно три раза простонал, умирая вместе с двумя маленькими птичками, гнездившимися в ближайшем кусте можжевельника, и змеей, спрятавшейся среди камней. Он видел, что Роран, закинув голову и оскалив зубы, с трудом сдерживает вопль; его терзала страшная боль, ибо плечевые мышцы и сухожилия сами собой задвигались, извиваясь и становясь на место под вздыбленной кожей.

А затем все кончилось.

Эрагон судорожно вдохнул воздух и опустил голову на руки, пользуясь этой возможностью, чтобы скрыть залитое

слезами лицо. Лишь немного придя в себя, он посмотрел на результаты своих усилий и увидел, что Роран не только легко пожимает плечами, но и запросто может вытянуть руки и покрутить ими в воздухе. Раненое плечо теперь выглядело таким же широким и округлым, как и здоровое – результат многих лет, проведенных за вкапыванием столбов на сторожевых постах, таскании каменных глыб и забрасывании вилами на сеновал тюков сена. Невольно Эрагон почувствовал легкий укол зависти. Он, возможно, стал теперь сильнее Рорана, но тело у него далеко не такое красивое и мускулистое, как у брата.

– Отлично! – улыбнулся Роран. – По-моему, оно теперь совсем, как прежде. А может, и лучше. Спасибо!

– Пожалуйста.

– Я такого странного чувства никогда не испытывал. На самом деле мне казалось, что я сейчас просто из кожи вылезу. Боль была просто невыносимая, и все внутри жутко чесалось! Я едва удерживался, чтобы кожу ногтями не разодрать...

– Достань мне кусок хлеба из сумки, ладно? Я что-то проголодался.

– Но мы же только что поужинали.

– Обязательно надо перекусить, если магией воспользуешься. – Эрагон шмыгнул носом, вытащил носовой платок и высморкался. Потом снова шмыгнул носом. То, что он сказал, было не совсем правдой. Его терзали воспоминания о той дани, которую ему пришлось собрать с окружающей природы, применив это целительное заклятие; он попросту боялся, что его вывернет наизнанку, если он немедленно не займет чем-нибудь свой желудок и не перестанет думать об отнятых им жизнях.

– Ты не заболел, а? – с тревогой спросил Роран.

– Нет. – И снова вспомнив о тех смертях, которые вынужден был причинить, Эрагон потянулся за кувшином с медовым напитком и отпил несколько глотков, надеясь отогнать волну тяжких мыслей.

Что-то очень большое, тяжелое и острое буквально пришпилило его руку к земле. Он поморщился и, подняв глаза, увидел, что в его руку впился один из страшных, почти

белых когтей Сапфиры. Ее тяжелое веко словно щелкнуло, опустившись над сверкающим огромным зрачком. Она не сразу убрала коготь, а лишь слегка приподняла его, как люди приподнимают палец, давая Эрагону возможность выдернуть руку из-под ее лапищи. Он судорожно сглотнул и тут же схватился за свой посох из боярышника, стараясь не думать больше о спасительном крепком напитке и сосредоточиться на том, что было им всем насущно необходимо, а не погружаться в собственные внутренние проблемы.

Роран вытащил из сумки неровно отрезанную краюху хлеба, помолчал и, чуть улыбнувшись, предложил:

— Может, съешь немного оленины? У меня тут еще осталось. — И он протянул Эрагону можжевеловый прутик с нанизанными на него тремя золотистыми поджаренными кусками мяса. Для сверхчувствительного носа Эрагона этот соблазнительный запах показался особенно насыщенным. Он напомнил ему о тех вечерах, которые он провел в Спайне, и о том, как зимой, бывало, они втроем, он, Роран и Гэрроу, собирались у очага и радовались тому, что они вместе и в тепле, а пурга снаружи может сколько угодно злиться и завывать. У него потекли слюнки. — Мясо еще теплое. — И Роран помахал прутиком у Эрагона перед носом.

Но Эрагон все же решил отказаться.

— Нет. Дай мне просто хлеба.

— Ты уверен? Оленина очень вкусная: не слишком жесткая да и зажарилась отлично. А уж какая сочная! Ну, откуси хоть кусочек! Похоже на то замечательное рагу, которое Илейн готовит.

— Нет, мне нельзя.

— Уверен, тебе понравится.

— Роран, перестань меня дразнить и передай мне хлеб.

— Ага! Вот ты немного разозлился и сразу стал лучше выглядеть! Может, тебе вовсе и не хлеб был нужен, а кое-что для поднятия настроения?

Эрагон сердито глянул на Рорана и выхватил у него хлеб.

А Роран лишь еще больше развеселился и, глядя, как жадно Эрагон отрывает зубами куски хлеба, сказал:

— Уж и не знаю, как ты только держишься на одних фруктах, овощах и хлебе! Мужчина должен есть мясо, если он хочет, чтоб у него силы были. Неужели ты по мясу совсем не скучаешь?

— Скучаю и куда сильнее, чем ты можешь себе представить.

— Так зачем же так себя мучить? Каждая тварь в мире ест других живых тварей — даже если это всего лишь растения — просто чтобы жить. Так уж мы устроены. Ни к чему, по-моему, отрицать то, что заведено самой природой.

«Я говорила ему примерно то же самое, — заметила Сапфира, — но он меня не послушался».

Эрагон пожал плечами:

— Мы с тобой это уже обсуждали. Ты можешь поступать как хочешь. Я не стану советовать ни тебе, ни кому бы то ни было еще, как вам следует жить. Однако же я, пребывая в здравом уме, не могу съесть существо, чьи мысли и чувства только что разделил.

Кончик хвоста Сапфиры подрагивал, задевая торчавшую из земли вершину каменной глыбы, исхлестанной непогодой, отчего вся ее чешуя позванивала.

«Ах, он совершенно безнадежен! — воскликнула она и, вытянув шею, сняла с прутика, который держал в руке Роран, кусочек оленины, а потом съела и все остальное вместе с прутиком, который так и хрустнул на ее зазубренных клыках. — М-м-м, — промычала она, облизываясь, — ты ничуть не преувеличивал, Роран. Какой вкусный и сочный кусочек! Такой нежный, такой солененький, такая услада для языка, что мне даже хочется поизвиваться от наслаждения. Ты бы готовил это для меня почаще, Роран Молотобоец, а? Только в следующий раз постарайся зажарить сразу несколько оленей, иначе я как следует не наемся».

Роран растерялся, не зная, в шутку или всерьез она высказывает подобное пожелание, а если всерьез, то стоило бы, наверное, вежливо отвертеться от столь неожиданной и довольно обременительной обязанности. Он бросил на Эрагона такой умоляющий взгляд, что тот не выдержал и расхохотался — уж больно жалобное было у Рорана

выражение лица, на котором так и читались все его мрачные предчувствия.

Мощные раскаты смеха Сапфиры, сливаясь с хохотом Эрагона, гулко раскатились по ущелью. Зубы драконихи так и сверкали безумным малиновым светом в отблесках догорающего костра.

Часом позже все трое улеглись спать; Эрагон лежал на спине, вытянувшись вдоль горячего бока Сапфиры и завернувшись в несколько одеял, поскольку ночь была холодная. Вокруг стояла полная тишина. Казалось, некий волшебник зачаровал и землю, и небо, и все в этом мире погрузил в вечный сон, чтобы оно так и осталось недвижимым и неизменным под внимательным взором звезд.

Эрагон, не шевелясь, мысленно окликнул драконихи:

«Сапфира!»

«Да, маленький брат?»

«А что, если я прав и он действительно в Хелгринде? Я не знаю, что мне тогда делать... Скажи, как мне поступить? Ты ведь останешься рядом со мной, что бы я ни решил?»

«Я всегда буду с тобой, маленький брат. А теперь спи. Все будет хорошо».

Успокоенный, Эрагон стал смотреть в темную пустоту меж звезд и, постепенно замедляя дыхание, впал в некий транс, который теперь заменял ему сон. Он по-прежнему полностью сознавал все, что творится вокруг, но как бы спал наяву, и на фоне белых звездных скоплений брели, сменяя друг друга, его странные сны наяву, по своему обыкновению играя для него непонятный призрачный спектакль.

ШТУРМ ХЕЛЬГРИНДА

С рассвета прошло не более четверти часа, когда Эрагон проснулся и перевернулся на спину. Он вскочил, дважды щелкнул пальцами, чтобы разбудить Рорана, и принялся скатывать одеяла, готовясь в путь. Роран тоже мгновенно поднялся и собрался.

Братья посмотрели друг на друга: оба дрожали от возбуждения.

— Если я погибну, — сказал Роран, — ты позаботишься о Катрине?

— Конечно.

— Тогда скажи ей, что я шел в бой с радостью в сердце и ее именем на устах.

— Скажу.

Эрагон быстро пробормотал какую-то длинную фразу на древнем языке. Вчерашней потери сил он уже почти не ощущал.

— Вот. Это заклинание очистит воздух перед нами и защитит нас от парализующего воздействия ядовитого дыхания раззаков.

Из седельной сумки Эрагон достал свою металлическую кольчугу, завернутую в мешковину. На сверкающей кольчуге еще виднелась запекшаяся кровь, что осталась после битвы на Пылающих Равнинах; эта кровь, пот и грязь позволили крошечным пятнышкам ржавчины прокрасться меж переплетенных колец кольчуги, однако же сама кольчуга была ничуть не повреждена, а все былые прорехи Эрагон старательно залатал перед их полетом на территорию Империи.

Эрагон надел рубаху, кожаные доспехи и поморщился: к коже буквально прилип жуткий запах смерти и отчаяния. Затем он надел ручные и ножные латы и водрузил на голову

несколько помятый шлем, под который надел сперва мягкую стеганую шапочку, а затем еще и кольчужную. Свой собственный шлем, который он завоевал в Фартхен Дуре и который гномы украсили гребнем Дургримст Ингеитум, он потерял, как и свой щит, во время воздушного боя Сапфиры с Торном. На руки Эрагон надел латные перчатки.

Роран тоже оделся сходным образом и дополнил свою экипировку еще и деревянным щитом. Поверхность щита была обита мягким металлом, так что меч врага сразу же застревал в нем. А вот у Эрагона не было никакого щита; в левой руке он держал свой посох из боярышника, который требовал, чтобы в случае необходимости обе его руки были свободны, иначе ему было бы не выпустить наружу магию посоха.

За спину Эрагон закинул колчан со стрелами, подаренный ему королевой Имиладрис. Помимо двадцати тяжелых стрел с дубовым древком и оперением из серых гусиных перьев в колчане был спрятан лук с серебряной отделкой, который королева сама создала ему своим пением из тисового дерева. Тетива была уже натянута, и лук был полностью готов к бою.

Сапфира нетерпеливо скребла когтями землю.

«Давайте! Нам пора!»

Подвесив сумки с припасами и имуществом к ветвям высокого можжевельника, Эрагон и Роран уселись Сапфире на спину. Они не тратили время на седлание драконихи: в ту ночь она специально не снимала седла. Старая кожа седла сильно нагрелась и стала почти горячей. Эрагон крепко ухватился за шип на шее Сапфиры, торчавший прямо перед ним, а Роран, сидевший сзади, одной мощной рукой обнял Эрагона за талию, а вторую опустил на рукоять молота.

Подсохшая глина хрустнула под тяжестью Сапфиры, когда она низко присела и в один прыжок достигла верхнего края ущелья, где некоторое время балансировала, раскрывая мощные крылья. Тонкая мембрана крыльев еле слышно загудела, когда Сапфира взмахнула ими и рванулась к солнцу. Распростертые крылья сразу стали похожи на два прозрачных синих паруса.

— Не сжимай меня так крепко, — проворчал Эрагон.

— Извини, — сказал Роран. И слегка отпустил руку.

Дальнейшие переговоры стали совершенно бесполезными, ибо Сафпира, достигнув максимальной высоты, снова со свистом взмахнула крыльями и взмыла еще выше. С каждым подобным «прыжком» они оказывались все ближе к легким перистым облачкам, плывшим высоко над землей.

Когда Сапфира резко свернула к Хелгринду, Эрагон глянул налево и обнаружил, что отсюда хорошо виден широкий простор озера Леона, находившегося в нескольких милях от их лагеря. Над водой висела плотная пелена серого, призрачного утреннего тумана, просвеченного лучами зари, и казалось, что над водой кто-то зажег бесовские огни. Эрагон попытался разглядеть дальний берег озера, но даже со своим ястребиным зрением не сумел это сделать; не сумел он увидеть и южные отроги Спайна у них за спиной, о чем в душе пожалел. Он так давно не видел этих гор его детства!

На севере виднелась Драс-Леона — груда неких геометрических фигур, громоздившихся на фоне стены тумана, подступавшего с запада. Одно из наиболее крупных зданий Эрагон узнал: это был тот самый храм, где на него напали раззаки; его ребристый шпиль возвышался над городом, точно острие копья.

И где-то внизу, на проносившейся мимо земле находились — Эрагон это знал точно — останки того лагеря, где раззаки смертельно ранили Брома. И он на мгновение позволил гневу и той тоске, что снедала его душу с того печального дня, а также — мучительным воспоминаниям, связанным со зверским убийством Гэрроу и сожжением их фермы, полностью завладеть его душой, ибо все это лишь придавало ему мужества, будя страстное желание, нет, даже страстную мечту встретиться с раззаками в честном бою.

«Эрагон, — сказала ему Сапфира, — сегодня нам не нужно сдерживать себя и скрывать свои мысли друг от друга, верно?»

«Верно, если только на поле брани не появится еще один маг».

Сноп солнечных лучей возник над горизонтом, ибо солнце наконец взошло, и мгновенно вся мрачная местность

внизу вспыхнула всеми цветами радуги: туман превратился в ослепительно-белую вуаль, вода стала ярко-синей, земляной вал и каменная стена, окружавшая центральную часть Драс-Леоны, оказались тускло-желтого оттенка, деревья вспыхнули всеми оттенками зеленого, а земля — местные красноземы — пурпурным и оранжевым. Хелгринд, однако же, остался точно таким, как всегда: черным.

Эта огромная каменная гора или скала быстро увеличивалась, ибо они мчались прямо к ней. Даже воздух вокруг нее, казалось, способен был ошеломить любого.

Резко нырнув вниз, к подножию Хелгринда, Сапфира так круто повернула влево, что Эрагон и Роран, наверное, свалились бы с нее, если бы благоразумно не привязали ноги к стременам. Драконихa мигом облетела ту, похожую на фартук каменистую осыпь и жуткий алтарь, где жрецы Хелгринда отправляли страшный обряд. Ветер, попадая Эрагону под шлем во время крутых виражей Сапфиры, так свистел, что чуть не оглушил его.

— Ну что? — крикнул Роран, которому, видно, было плоховато.

— Те рабы у алтаря исчезли!

И Эрагона вновь вдавило в седло, ибо Сапфира, резко набрав высоту, стала по спирали облетать верхнюю часть Хелгринда, пытаясь отыскать вход в логово раззаков.

«Даже дырки, в которую древесная крыса могла бы пролезть, я тут не вижу!» — сердито сообщила она и, сбавив скорость, почти повисла в воздухе над перемычкой, соединявшей третью, самую низкую из четырех вершин с неким выступом на соседней вершине, находившимся чуть выше. Зубчатые стены крепости-горы отражали гулкое хлопанье драконьих крыльев, и это эхо в итоге не превратилось в неумолчный гром. У Эрагона от ветра так слезились глаза, что он почти ничего не видел.

Сеть странных белых жилок пронизывала нагромождения камней и мощные опоры колонн — это иней выступил сквозь трещины в сплошной скальной породе. А более ничто не нарушало мрачного великолепия этих черных, как чернила, исхлестанных ветрами крепостных стен. Ни одного деревца не росло меж этих скал, ни одного кустика, ни

одной травинки; там не было даже лишайников; даже орлы не осмеливались гнездиться на полуразрушенных выступах этой чудовищной твердыни. Полностью соответствуя своему названию, Хелгринд был вратами смерти и, точно в плащ, был одет в острые, как бритва, как зубья пилы, складки и эскарпы, утесы и выступы; он высился над равниной, точно костлявый призрак, восставший из ада, чтобы уничтожить все вокруг.

Направив свои мысли в глубь цитадели, Эрагон подтвердил для себя одно: двое людей наверняка заключены в темницы Хелгринда, но никакого присутствия тех рабов, которых вчера принесли в жертву у алтаря, он там не почувствовал, а также, к своему огорчению, не смог определить и местонахождение раззаков и летхрблака. «Если их здесь нет, то где же они?» — думал он. Вновь мысленно обследовав внутренность Хелгринда, он обнаружил нечто, ранее ускользнувшее от его внимания: один-единственный цветок, горечавку, которая цвела не более чем в пятидесяти шагах от них там, где по всему должна была бы быть неприступная, непроницаемая голая скала. Но как же она получает достаточно света, чтобы жить и цвести?

На его вопрос ответила Сапфира. Приземлившись, как на насест, на осыпающийся острый выступ чуть правее цветка, она чуть не потеряла равновесие и даже захлопала крыльями, чтобы удержаться на выступе. И тут краешек ее могучего крыла вместо того, чтобы просто скользнуть по незыблемой стене Хелгринда, вдруг словно утонул в скале — стал невидимым, а потом снова появился.

«Сапфира, ты видела?!»

«Естественно».

Наклонившись вперед, Сапфира сунулась мордой в сторону этой загадочной скалы, затем застыла на расстоянии пары дюймов от ее поверхности, словно ожидая подвоха или ловушки, и полезла дальше. Чешуя за чешуей ее голова и шея, казалось, погружаются в глубины Хелгринда, и в итоге Эрагону стали видны только основание ее шеи, торс и крылья.

«Да это же просто иллюзия!» — воскликнула Сапфира.

Одним мощным прыжком она поднялась с выступа и просунула все свое тело вслед за головой куда-то внутрь. Эрагону пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закрыть лицо руками в безнадежной попытке защитить себя, когда покрытый трещинами утес вдруг устремился им навстречу.

А уже через мгновение он обнаружил перед собой сводчатые стены огромной пещеры, освещенной проникающими туда лучами утреннего солнца. Чешуя Сапфиры, отражая эти лучи, отбрасывала на скальную породу тысячи дрожащих и мечущихся голубоватых отблесков. Сколько Эрагон ни вертелся во все стороны, он так и не смог обнаружить позади никакой стены — только широкий вход в пещеру и прекрасный вид на равнину внизу, открывавшийся с этой высоты.

Эрагон хмыкнул и поморщился. Ему было даже немного стыдно. Ведь ему и в голову не пришло, что Гальбаторикс вполне мог скрыть логово раззаков с помощью магии. «Вот дурак! — ругал он себя. — Такой простой загадки разгадать не сумел!» Ведь то, что он так недооценил простой прием Гальбаторикса, вполне могло привести их всех к гибели.

Роран выругался и сказал:

— Ты уж предупреждай меня, когда вы в следующий раз вздумаете что-то подобное делать!

Наклонившись вперед, Эрагон принялся расстегивать ремешки, высвобождая ноги из стремян, а заодно изучая внутренность пещеры в ожидании внезапной опасности.

Вход в пещеру имел неправильную овальную форму и был в высоту футов пятьдесят, а в ширину — все шестьдесят. От входа внутреннее помещение сразу начинало расширяться, а задняя стена пещеры виднелась на расстоянии доброго выстрела из лука за грудой крупных каменных обломков, прислоненных друг к другу и представлявших собой довольно странную, неустойчивую геометрическую конструкцию. Весь пол был покрыт сетью глубоких царапин и борозд — свидетельств того, что летхрблака множество раз взлетали отсюда, приземлялись здесь и ходили, царапая пол своими когтистыми лапами. Пять низких коридоров, похожих на пять таинственных замочных скважин,

пронизывали стены пещеры, а шестой проход был прямым, как стрела, и достаточно широким, чтобы по нему могла пройти даже Сапфира. Эрагон тщательно обследовал эти туннели, однако в глубине их стояла непроницаемая тьма, и они казались абсолютно пустыми — в этом он убедился и с помощью быстрого мысленного обследования. Странные, какие-то бессвязные звуки, похожие на шепот, доносились из глубин Хелгринда; казалось, некие неведомые твари копошатся там, в глубине горы, в темноте, где безостановочно капает и сочится вода. К этому хору шепотов и затаенных звуков примешивалось ровное мощное дыхание Сапфиры, которое в этом пустом просторном помещении казалось особенно громким, поскольку было усилено эхом, отдающимся от стен.

Однако же самой отличительной чертой этой пещеры был царивший в ней запах. В основном это был могильный запах холодного камня, но к нему примешивался запах плесени, сырости и, что было гораздо страшнее, отвратительная сладковатая вонь разлагающейся плоти.

Освободив, наконец, ноги от ремешков, Эрагон сел в седле боком и приготовился спрыгнуть на пол. Роран сделал то же самое, но с другой стороны.

Прежде чем отпустить шип на шее Сапфиры, Эрагон прислушался и услышал среди прочих обманчивых шорохов и шепотов некое отчетливое цоканье, словно кто-то стучал по камням множеством молоточков. Затем эти звуки смолкли и повторились полсекунды спустя.

Эрагон внимательно прислушался, глядя в ту сторону, откуда они доносились. То же самое сделала и Сапфира.

Огромное извивающееся тело чудовища возникло у выхода из просторного прямого туннеля. На них смотрели огромные черные глаза, выпуклые и лишенные ресниц и век. Грозно щелкал клюв в семь футов длиной. Крылья кошмарной летучей мыши были сложены за спиной. На голом торсе перекатывались под шкурой шары мощных мускулов. Когти торчали, точно железные крючья.

Сапфира шарахнулась в сторону, пытаясь уйти от первого удара, но ей это не удалось. Чудовищная тварь обрушилась ей на правый бок с силой горной лавины.

Что в точности произошло далее, Эрагон так и не понял, ибо нападение летхрблака заставило его пролететь несколько ярдов по воздуху, и он едва ли успел о чем-то подумать. Этот полет завершился столь же внезапно, как и начался, когда нечто твердое и плоское ударило его в спину, и он рухнул на пол, сильно ударившись головой.

От этого столкновения у него словно вышибло из груди весь воздух. Он так и остался лежать на боку с гудящей головой и судорожно открытым ртом, тщетно пытаясь возобновить контроль над непослушными конечностями.

«Эрагон!» — крикнула Сапфира.

Тревога в ее голосе прибавила Эрагону сил, как ничто другое. Когда руки и ноги его вновь ожили, он первым делом схватил свой посох, валявшийся рядом. Воткнув шип, имевшийся на нижнем конце посоха, в ближайшую трещину, он встал и пошатнулся. Перед глазами заплясали алые искры. Голова кружилась; он был настолько ошеломлен, что просто не знал, в какую сторону ему смотреть.

Сапфира и летхрблака, сцепившись клубком, катались по пещере, царапая и кусая друг друга, отчего, казалось, закачался даже сам Хелгринд. Шум они производили невообразимый, но Эрагону казалось, что дерутся они абсолютно молча: уши его отказывались слышать. И все же подошвами *он чувствовал*, как вздрагивает пол пещеры, когда эти громадные существа бросались друг на друга, грозя сокрушить любого, кто окажется поблизости.

Сноп голубого огня вырвался из пасти Сапфиры, окутав левую сторону огромной башки чудовищной «летучей мыши»; пламя было настолько мощным, что могло бы, наверное, расплавить сталь. Однако оно не причинило особого вреда этому монстру раззаков, и он, не растерявшись, *ловко «клюнул»* Сапфиру в шею, заставив ее прекратить выдыхать пламя и защищаться.

Точно выпущенная из лука стрела, из туннеля вылетел второй летхрблака и ринулся на Сапфиру с фланга. Разинув свой узкий длинный клюв, он издал столь ужасный дрожащий вопль, что у Эрагона волосы встали дыбом, а внутри все похолодело. Он даже зарычал от возбуждения и обрадовался, что, по крайней мере, слышит хотя бы это.

Теперь, когда в пещере было уже двое летхрблака, вонь там стояла такая, словно кто-то бросил полдюжины фунтов гнилого мяса в бочку с помоями и поставил эту смесь на жаркое летнее солнце, чтобы за недельку как следует протухла.

Эрагон сильно прикусил губу; в горле у него прыгал противный комок, и он старался думать о чем угодно, лишь бы его не начало выворачивать наизнанку.

В нескольких шагах от него безжизненной грудой лежал у стены пещеры Роран, тоже отброшенный туда после столкновения Сапфиры с первым летхрблака. Но вскоре Эрагон увидел, что Роран шевельнул рукой, затем встал на четвереньки, а потом поднялся и во весь рост. Глаза его, впрочем, смотрели весьма туманно, и шатался он, как пьяный.

У Рорана за спиной из ближайшего бокового туннеля показались двое раззаков. В своих уродливых руках-лапах они держали длинные светлые клинки явно древнего происхождения. В отличие от своих родителей или родичей, раззаки были примерно того же роста и обличья, что и люди. Эбеновый панцирь покрывал их тела с головы до ног, но его почти не было видно, ибо даже в Хелгринде раззаки не снимали своих длинных черных рубах и плащей.

Двигались они с ошеломительной быстротой, но движения у них были резкие и какие-то ломаные, как у насекомых.

Но самое странное, мысленно Эрагон по-прежнему не чувствовал ни присутствия раззаков, ни присутствия летхрблака. Неужели и эти твари — всего лишь иллюзия? Но нет, это уж полная чушь: плоть, которую Сапфира разрывала своими когтями, была вполне реальной. И тут ему в голову пришло еще одно объяснение: наверное, мысленно почувствовать их присутствие вообще невозможно. Наверное, раззаки способны скрывать свое присутствие от тех, на кого они охотятся, подобно тому, как пауки скрывают свое присутствие от мух. Если это так, то становится понятно, почему раззакам так отлично удавалась охота на магов и волшебников, а также на Всадников, бывших противниками Гальбаторикса, хотя сами они и не были способны пользоваться магией.

Вот черт! Эрагон с удовольствием прибавил бы и более цветистые ругательства, но пора было действовать, а не проклинать свое невезение. Бром утверждал, что раззаки при ясном свете дня ему не соперники, но даже если это действительно так — особенно если учесть, что Бром потратил десятилетия, изобретая заклятия, которые можно использовать против раззаков, и научил им Эрагона, — все же было ясно: не имея преимущества внезапности, он, Сапфира и Роран будут вскоре оттеснены к выходу и вынуждены бежать, спасая жизнь себе, а не Катрине.

Подняв правую руку над головой, Эрагон крикнул: «Брисингр!» — и швырнул огненный шар в раззаков. Те пригнулись, и огненный шар разлетелся по полу пещеры на тысячу осколков, пару раз вспыхнул и погас. Это заклятье оказалось глупым и детским; оно явно не могло нанести этим тварям сколько-нибудь заметного ущерба, особенно если Гальбаторикс действительно обеспечил раззаков столь же мощной защитой, что и летхрблака. И все же Эрагон счел свою первую попытку в высшей степени удовлетворительной. К тому же огненный шар настолько отвлек внимание раззаков, что Эрагон успел метнуться к Рорану и встать с ним спиной к спине.

— Придержи их минутку подальше от меня! — крикнул он, надеясь, что Роран его слышит. Слышал он или нет, не важно; во всяком случае, догадался и, прикрывшись щитом, поднял молот, готовясь к сражению.

Те страшной силы удары, которые наносили летхрблака, почти прорвали ту магическую защиту, которую Эрагон установил вокруг Сапфиры. Проклятые «летучие мыши» уже успели нанести несколько длинных, хотя и не слишком глубоких царапин на лапах драконихи, а также раза три долбанули ее своими клювищами, и эти небольшие, но очень глубокие раны причиняли Сапфире сильную боль.

Она в ответ буквально спустила всю плоть с ребер одного из летхрблака, а у второго откусила фута три от его страшного хвоста. Кровь этих тварей, к полному изумлению Эрагона, оказалась металлического голубовато-зеленого оттенка, похожего на ярь-медянку.

Вдруг «летучие мыши» перестали нападать и принялись кружить вокруг Сапфиры, то и дело делая выпады и явно пытаясь взять ее измором или же при первой возможности умертвить ударами своих жутких клювов.

Однако Сапфира оказалась куда лучше летхрблака снаряжена для открытого боя благодаря своей мощной чешуе, которая была значительно толще и прочнее серой шкуры «мышей», да и клыки дракона куда страшнее в ближнем бою, чем клювы этих крылатых тварей. Но, несмотря на все это, Сапфира лишь с огромным трудом удерживала обоих монстров на должном расстоянии, тем более что относительно низкий потолок пещеры не давал ей ни как следует взлететь, ни хотя бы подпрыгнуть и напасть на противника сверху. Эрагон опасался, что даже если драконица и выиграет это сражение, то мерзкие твари успеют сильно ее искалечить до того, как она их прикончит.

Передохнув несколько секунд, Эрагон произнес одно-единственное заклинание, в котором содержалось все двенадцать способов убийства, которым научил его Оромис. Он был очень осторожен и произносил заклинание не сразу, а по частям, чтобы иметь возможность перенаправить его магическую силу, если сюда ворвутся еще какие-то стражи Гальбаторикса. Кроме того, произнесенное быстро, это заклинание способно было полностью истощить его собственные силы.

И осторожность сыграла ему хорошую службу. Уже начав произносить заклинание, он довольно быстро понял, что оно не оказывает никакого воздействия на летхрблака, и прекратил свои попытки. Он не то чтобы рассчитывал сразу победить этих тварей с помощью смертоносных слов древнего языка, но все же решил попробовать, дабы использовать любой, даже самый крошечный шанс, который Гальбаторикс по незнанию или беспечности упустил из виду, защищая неведомыми чарами летхрблака и их омерзительное потомство.

У него за спиной Роран громко вскрикнул: «Есть!» И мгновением позже один из мечей глухо ударился о его щит, вслед за этим зазвенели ячеи его кольчуги, а потом с колокольным звоном второй меч ударил Рорана по шлему.

И Эрагон понял, что слух его явно восстанавливается.

Раззаки снова и снова наносили удары, но каждый раз их мечи отскакивали от щита Рорана, или же они буквально на волосок промахивались, метя ему в лицо или в руку. Причем как бы ни были быстры их удары, как бы ни был медлителен сам Роран, явно не способный сразу нанести контрудар, но древним мечам раззаков никак не удавалось поразить его. Мерзкие твари шипели от ярости и отчаяния; их страшные пасти с жесткими клацающими челюстями изрыгали вполне человеческие проклятия, которые звучали на редкость нелепо.

Эрагон усмехнулся. Все-таки кокон тех чар, которыми он окутал Рорана, свое дело сделал. Он надеялся, что эта невидимая защита продержится, пока он не найдет способ как-то остановить летхрблака.

И тут оба летхрблака взвизгнули в унисон. От этих чудовищных звуков у Эрагона потемнело в глазах, и, казалось, зашаталась даже сама земля. На несколько мгновений он был как бы парализован, но потом встряхнулся, как собака, освобождаясь от магического воздействия этих гневных криков и воспринимая их теперь всего лишь как пронзительные вопли детей, которым причинили сильную боль.

Эрагон незамедлительно принялся выпевать очередное заклинание, стараясь делать это как можно быстрее и не совершать ошибок в произнесении слов древнего языка. Каждая фраза, которую он произносил, а их было очень много, содержала некие чары, способные мгновенно убить; и каждый из способов умерщвления отличался ото всех предыдущих. Пока Эрагон исполнял свое импровизированное соло, Сапфира успела получить еще одну резаную рану на левом боку. В ответ она сломала своему противнику крыло, в клочья разодрав когтями тонкую летательную мембрану. От кольчуги Рорана то и дело отлетали звенья, попадая в Эрагона, поскольку раззаки сражались с бешеным упорством и быстротой, без конца нанося мечами колющие и рубящие удары. Тот из них, что был покрупнее, стал потихоньку обходить Рорана, явно стремясь напасть на Эрагона с фланга.

И тут среди всего этого грохота, когда сталь звенела о сталь и глухо стучала по дереву, а когти скрежетали

по камням, послышался звук, какой издает меч, прорубая кольчугу и вонзаясь в плоть. Роран дико вскрикнул, и Эрагон почувствовал, как кровь брата брызнула ему на правую голень.

Краем глаза Эрагон видел, как раззак сгорбленной тенью метнулся к нему, размахивая широким мечом с зазубренными краями и явно намереваясь перерубить его пополам. Мир вокруг, казалось, сжался в комок и повис на острие этого меча; лезвие меча сверкало искрами, точно выточенное из хрусталя, а каждая нанесенная им царапина казалась дорожкой ртути в ярком свете зари.

У Эрагона хватило времени еще только на одно заклинание, а потом пришлось все свое внимание переключить на раззака, чтобы не дать ему воткнуть этот страшный меч куда-то между печенью и почками. Эрагон временно отказался даже от попыток остановить атаку летхрблака и вскричал: «Гаржзла, летта!» — что означает: «Свет, погасни!»

Сказано, конечно, было весьма неуклюже, да и заклинание, созданное слишком поспешно, было неудачно сформулировано, но все же подействовало. Вытаращенные глаза летхрблака стали похожи на зеркала полусферической формы и теперь с помощью магии Эрагона лишь отражали свет, а не пользовались им, чтобы видеть. Один из ослепших летхрблака споткнулся и в тщетной попытке нанести очередной удар Сапфире пролетел мимо нее.

А Эрагон своим посохом из боярышника вышиб у нападавшего на него раззака меч и отшвырнул его в сторону, когда этот меч был уже в дюйме от его ребер. Раззак подпрыгнул и, очутившись прямо перед Эрагоном, резко вытянул шею. Эрагон весь сжался, увидев, как из глубин капюшона, скрывавшего голову раззака, вынырнул короткий крепкий клюв и хищно щелкнул в миллиметре от его правого глаза. В клюве, точно безголовая змея, извивался зазубренный ярко-красный язык раззака.

Крепко взявшись обеими руками за середину посоха, Эрагон выбросил его перед собой, сильно ударив раззака по впалой груди, и отбросил чудовищного «жука» на несколько ярдов назад. Раззак упал на четвереньки, а Эрагон ловко развернулся, видя, что вся левая половина тела Рорана

мокра от крови, и успел парировать удар второго раззака. Затем, совершив обманный маневр, ударил раззака по мечу и, когда тот попытался снизу ударить его в горло, ловко развернулся и посохом вышиб у него меч, бросился вперед и вонзил острый конец своего посоха раззаку в живот.

Если бы в руках у него был меч Заррок, то раззаку наверняка пришел бы конец. Но теперь внутри у «жука» лишь что-то противно хрустнуло, и он стал кататься по полу пещеры, а потом довольно быстро вскочил на ноги, оставляя на неровном каменном полу пещеры мазки своей «голубой» крови.

«Мне нужен меч», — подумал Эрагон.

Он весь отдался обороне, поскольку теперь вокруг него кружили уже оба раззака; выбора у него не было: оставалось только удерживать свои позиции, давая отпор этому двойному натиску, ибо он не только сражался с этими падальщиками, вооруженными страшными клювами и крючковатыми когтями, но и защищал ослабевшего от потери крови Рорана. А потому Эрагон стал беззвучно произносить то заклинание, которое только что отлично сработало против летхрблака, но раззаки не давали ему покоя, нанося удары то поверху, то понизу, которые он успешно отбивал своим посохом. На удары старинных клинков посох отвечал глухим звоном, но ни одной щербинки не появилось на его заколдованной древесине.

Слева, справа, сверху, снизу — Эрагон, не задумываясь, отражал удары и сам наносил их. Посох из жилистых ветвей боярышника оказался поистине идеальным оружием в сражении с несколькими врагами, поскольку Эрагон мог и сам наносить удары, и блокировать удары противника, действуя обоими концами посоха. Особенно пригодился острый шип на нижнем его конце. Эрагон запыхался, дыхание стало коротким, поверхностным; со лба капал пот, собираясь в уголках глаз; ручейки пота текли по спине; зрение застилал красный туман битвы; в ушах отдавался тяжелый стук сердца.

Эрагон никогда не чувствовал себя таким живым, таким уязвимым и таким напуганным.

Он понимал, что его собственная защита крайне недостаточна. Перед схваткой основное внимание он уделил

защитным чарам Сапфиры и Рорана, и теперь его защита быстро слабела; тот раззак, что был поменьше, даже ухитрился ранить его в голень. Жизни это ранение, разумеется, не угрожало, но было все же весьма неприятным, ибо левая нога порой отказывалась слушаться и подгибалась под ним.

Схватившись за тот конец посоха, в который был вделан острый шип, и используя посох как дубинку, Эрагон изо всех сил ударил одного из раззаков по башке. Тот рухнул на землю, но был ли он мертв или же просто оглушен, Эрагон не понял. Бросившись на второго раззака, он принялся наносить удары по его рукам и плечам и с помощью весьма хитрого приема, крутанув в руках посох, ухитрился выбить у своего противника меч.

Но прежде чем Эрагон обезвредил и второго раззака, ослепший летхрблака со сломанным крылом пролетел через всю пещеру и с силой ударился о дальнюю стену, вызвав целый град камней. Все это сопровождалось таким шумом и грохотом, что Эрагон, Роран и раззак невольно вздрогнули, перестали сражаться и повернулись в ту сторону.

Метнувшись следом за искалеченным летхрблака, которого она только что как следует лягнула, Сапфира вонзила свои клыки в его мощную шею. Он задергался, все еще пытаясь освободиться, но Сапфира, резко мотнув головой, сломала ему позвоночник и, подняв голову над окровавленной добычей, наполнила пещеру громогласным победным ревом.

Но и оставшийся в живых летхрблака медлить не стал. Клюнув Сапфиру и просунув когти под ее вздыбленные чешуи, он поволок ее за собой, не давая возможности встать на лапы. Они страшным клубком выкатились к выходу из пещеры, покрутились там несколько мгновений и пропали из виду. Теперь сражение происходило уже в воздухе. Это была весьма хитроумная тактическая уловка, ибо теперь летхрблака оказался за пределами действия магии Эрагона, а поскольку Эрагон не мог почувствовать его присутствия, то не мог и повторно укрыть Сапфиру защитными чарами.

«Сапфира!» — крикнул он и услышал ее ответ:

«Позаботься о себе. Этот от меня не уйдет».

Эрагон резко крутанулся на месте и как раз вовремя: он все же успел заметить, как оба раззака исчезают во тьме ближайшего туннеля, причем тот, что поменьше, поддерживает своего собрата. Закрыв глаза, Эрагон быстро определил местонахождение узников Хелгринда, пробормотал что-то на древнем языке и сказал Рорану:

— Я запечатал заклятьем ту темницу, где находится Катрина, так что раззаки не смогут использовать ее как заложницу. Теперь только мы с тобой можем открыть эту дверь.

— Отлично, — сказал сквозь стиснутые зубы Роран. — Ты не мог бы что-нибудь с этим сделать? — И он мотнул подбородком, указывая на обширную рану в боку, которую зажимал окровавленными пальцами. Кровь так и струилась оттуда, капая на пол. Эрагон быстро ощупал рану, и от боли Роран чуть не потерял сознание.

— Повезло тебе, — сказал Эрагон. — Меч только мышцы распорол и угодил в ребро. — Положив одну руку на рану, а вторую на те двенадцать алмазов, что были спрятаны в поясе Белота Мудрого, Эрагон призвал на помощь силы, хранившиеся в этих драгоценных камнях. — Вайзе хайль! — вскричал он. Точно некая зыбь прошла по боку Рорана, и магия камней принялась за дело, соединяя и восстанавливая поврежденную плоть.

Затем Эрагон исцелил собственную рану на левой голени, выпрямился и посмотрел в ту сторону, где исчезла Сапфира. Его связь с нею слабела; она явно улетала все дальше от Хелгринда, преследуя летхрблака и направляясь к озеру Леона. Эрагону очень хотелось броситься ей на помощь, но он понимал, что пока что она справляется и сама.

— Скорей, — сказал Роран. — Они уходят!

— Да, надо спешить.

Схватив посох, Эрагон подошел к темному туннелю, всматриваясь в выступающие из стен камни и ожидая, что раззаки вот-вот выскочат оттуда. Двигался он медленно, стараясь, чтобы его шагов по извилистому туннелю почти не было слышно. Когда же ему случайно пришлось коснуться каменной стены, чтобы не потерять равновесие, он почувствовал, что камень покрыт какой-то отвратительной липкой слизью.

После нескольких поворотов и извивов основная пещера осталась позади, и Эрагон с Роpаном оказались в такой кромешной темноте, что даже Эрагон уже ничего не различал впереди.

— Может, у тебя глаза и по-другому видят, но я в такой темноте сражаться не могу, — прошептал Роран.

— Если я зажгу огонь, раззаки близко к нам не подойдут, особенно теперь, когда я знаю, какое заклятье на них действует. Они просто спрячутся и выждут, когда мы уйдем. Нам надо их прикончить, пока есть такая возможность.

— Говори, что мне надо делать? Хотя, скорее всего, я просто налечу в темноте на стену и сломаю себе нос, прежде чем сумею разглядеть этих тварей... Они, кстати, могут подкрасться и сзади, а потом в спину ударить...

— Ш-ш-ш!.. Держись за мой пояс, ступай точно за мной и будь готов в любую минуту присесть.

Эрагон почти ничего не видел, но слух пока ему не изменил, да и обоняние тоже, так что благодаря прочим органам чувств вполне неплохо ориентировался в темноте туннеля. Самая большая опасность, конечно, заключалась в том, что раззаки могли напасть сзади, причем действуя издалека, например с помощью лука. Но Эрагон вполне доверял себе и надеялся, что его органы чувств достаточно остры, чтобы вовремя предупредить о внезапно выпущенной стреле.

Струя воздуха коснулась кожи Эрагона, затем исчезла, затем появилась снова, но уже с другой стороны; казалось, давление воздуха в туннеле то ослабевает, то усиливается через неопределенные промежутки времени, создавая некие невидимые волны, которые он и ощущает, точно легкие порывы ветра.

Их с Роpаном дыхание казалось ему очень громким и хриплым, но все же не заглушало те странные и разнообразные звуки и шепоты, что слышались в глубине туннеля. А порой Эрагону отчетливо слышался и стук мелких камешков где-то в скрещенье этих подземных переходов, и равномерное кап-кап — видимо, вода, выступавшая на стенах пещеры, стекала в некое подземное озеро. Слышал он и скрежет растертого почти в песок гравия под подошвами

собственных башмаков. А потом где-то далеко впереди послышался какой-то сверхъестественно долгий стон.

Что же касается запахов, то тут ничего нового не было: кровь, сырость и плесень.

Шаг за шагом — Эрагон впереди, Роран сзади — они продвигались в темное нутро Хелгринда. Туннель явно понемногу шел вниз, местами изгибаясь или раздваиваясь, и Эрагон, скорее всего, довольно скоро заблудился бы, если бы мысленная связь с Катриной не вела его, очень четко определяя нужное направление. Боковые ходы оказались особенно низкими и узкими, и один раз Эрагон так сильно ударился головой о потолок, что его вдруг охватил ужас перед этим подземным лабиринтом.

«Я возвращаюсь»,— сообщила ему Сапфира, и как раз в эту секунду он поставил ногу на грубо вырубленную ступеньку ведущей вниз лестницы и остановился. Значит, Сапфира цела и, похоже, больше не пострадала. Это очень его обрадовало, и он спросил:

«А как там летхрблака?»

«Плавает кверху брюхом в озере Леона. Боюсь, кое-кто из рыбаков видел наше сражение. Во всяком случае, они вовсю гребли, улепетывая в сторону Драс-Леоны».

«Ну что ж, ничего не поделаешь. Посмотри, что там, в том туннеле, из которого появились летхрблака. Но будь осторожна! Остерегайся раззаков. Они оба ранены и могут попытаться проскользнуть мимо нас и удрать из Хелгринда через тот вход, которым мы сами воспользовались».

«У них, видимо, есть и другой выход отсюда. Он где-то у подножия Хелгринда».

«Возможно, но вряд ли они способны достаточно быстро туда добраться».

Казалось, они страшно долго, никак не менее часа, провели в темном туннеле, но Эрагон знал, что на самом деле они пробыли там не более десяти-пятнадцати минут и спустились примерно на сотню футов в недра Хелгринда. Остановившись на относительно ровной каменной площадке, он мысленно сказал Рорану:

«Темница Катрины примерно в пятидесяти футах от нас, чуть дальше и справа».

«Мы не можем рисковать, – ответил Роран. – Нельзя освобождать ее, пока мы не знаем точно, живы эти раззаки или где-то прячутся».

«Ну а если они так и не объявятся? Я по какой-то причине совершенно не способен чувствовать их присутствие. Они могут до скончания веков тут от нас скрываться. Ну что, будем ждать невесть сколько или все же освободим Катрину, пока есть такая возможность? Я, кстати, могу установить вокруг нее кое-какую защиту, это спасет ее от многих неприятностей».

Роран несколько секунд молчал, потом все же сказал:

«Ладно, идем за ней».

И они снова осторожно пошли вперед по низкому проходу с грубым щербатым полом. Эрагону приходилось постоянно следить за тем, куда он ступает, чтобы не потерять равновесие.

В результате он чуть не пропустил послышавшийся справа слабый шорох одежды и легкий звон стали.

Он в ту же секунду прижался к стене, заслонив собой Рорана, и нечто острое пронеслось мимо его лица, успев довольно сильно ободрать ему правую щеку. Порез сразу стало жечь, словно туда плеснули кислотой.

– Квейква! – выкрикнул Эрагон. Это слово означало «молния».

Красный свет, яркий, как полуденное солнце, вспыхнул в туннеле и, не имея конкретного источника, сразу осветил все вокруг, не отбрасывая теней, отчего окружающие предметы стали казаться странно плоскими. От яркого света у Эрагона даже слегка закружилась голова, однако на одинокого раззака, что стоял перед ним, свет подействовал гораздо сильнее: он уронил свой лук, закрыл лицо и заверещал громко и пронзительно. Ему ответил точно такой же вопль, и Эрагон понял, что второй раззак у него за спиной.

«Роран!»

Резко обернувшись, Эрагон увидел, что Роран уже сражается со вторым раззаком, с силой размахивая своим молотом. Ошеломленный внезапной вспышкой света, монстр пытался отступить, но в какой-то момент замешкался, и молот упал ему на голову.

— За моего отца! — громко крикнул Роран и ударил снова. — За наш дом! — Раззак был уже мертв, но Роран снова поднял свой молот. — За Карвахолл!

Последний удар расколол панцирь раззака, точно сухую тыкву. В безжалостном рубиновом сиянии расширяющаяся лужа крови казалась фиолетовой.

Описав посохом круг и отбросив в сторону стрелу или меч, которые наверняка были направлены в него, Эрагон повернулся лицом к оставшемуся в живых раззаку и увидел, что туннель перед ним пуст. Он чертыхнулся, пробежал несколько шагов и обнаружил на полу скорчившегося «жука». Размахнувшись посохом, Эрагон что было силы воткнул его в грудь мерзкой твари. Раздался глухой треск.

— Сколько же времени я ждал этого момента! — вырвалось у Эрагона.

— И я тоже.

Братья посмотрели друг на друга.

— Ох! — невольно вскрикнул Эрагон и схватился за раненую щеку, поскольку боль в ней стала вдруг почти нестерпимой.

— Она раздувается! — воскликнул Роран. — Сделай же что-нибудь!

«Раззаки, должно быть, смазали свои стрелы колдовским маслом сейтр», — подумал Эрагон. И, вспомнив, чему его учили эльфы, сперва очистил рану, а потом наложил на нее целительные чары. Затем он несколько раз открыл и закрыл рот, проверяя, хорошо ли работают мышцы лица, и с мрачной усмешкой сказал:

— Можно себе представить, хороши бы мы были без помощи магии!

«Поговоришь позже, — услышал он в ушах голос Сапфиры. — Как только те рыбаки доберутся до Драс-Леоны, прикормленные Гальбаториксом городские заклинатели быстренько сообщат ему, чем мы тут занимаемся. А нам совсем не нужно, чтобы Гальбаторикс обратил свое внимание на Хелгринд, пока мы отсюда еще не убрались».

«Да, ты права», — поспешно согласился Эрагон.

Погасив сверкающее красное сияние, он промолвил: «Брисингр раудхр!» — и перед ним повис маленький

красный огонек, как и в прошлые ночи, но на этот раз огонек, точно пришпиленный, висел в шести дюймах от потолка, а не сопровождал каждое движение Эрагона.

Теперь, когда у него была возможность осмотреть тунель, Эрагон заметил, что в каменных стенах по обе стороны от него имеется множество дверей, штук двадцать, по крайней мере. Он указал Рорану, куда идти, и сказал:

— Девятая от нас справа. Ты ступай за Катриной, а я проверю остальные темницы. Раззаки вполне могли оставить там кое-что интересное.

Роран кивнул. Присев на корточки, он осмотрел труп раззака, но никаких ключей не нашел и, пожав плечами, сказал:

— Что ж, значит, придется дверь рубить.

Подбежав к указанной двери, он бросил щит на пол и принялся молотом срубать дверные петли. Каждый удар сопровождался немыслимым грохотом, разносившимся по всему лабиринту.

Эрагон ему не помогал. Впрочем, в данный момент его брат в помощи и не нуждался. А Эрагону и без того было чем заняться. Подойдя к первой темнице, он прошептал три слова и, услышав, как замок со щелчком открылся, рывком распахнул дверь. В крошечном помещении была только черная цепь да груда гниющих останков. Это печальное зрелище было совсем не тем, чего он ожидал; однако, уже зная, где находится предмет его поисков, изображал неведение и открывал одну дверь за другой, чтобы не вызывать подозрений со стороны Рорана.

Еще две двери как бы сами собой открылись и закрылись под воздействием магического заклятья. И наконец распахнулась четвертая дверь. Волшебный огонек осветил внутренность темницы, и Эрагон увидел того самого человека, которого, как он надеялся, никогда в жизни больше не увидит: это был Слоан.

РАССТАВАНИЕ

Мясник сидел, неловко привалившись к стене слева от входа; обе его руки были цепью прикованы к кольцу над головой.

Рваные лохмотья едва прикрывали бледное, истерзанное тело; кости проступали под ставшей полупрозрачной кожей. Синие вены страшно набухли. Запястья были до крови стерты наручниками. Седые остатки волос отвратительными грязными лохмотьями свисали вдоль щек, отчасти скрывая его покрытое оспинами лицо.

Удары молота Рорана заставили Слоана очнуться от забытья; он поднял голову навстречу свету и дрожащим голосом спросил:

— Кто это? Кто там?

Волосы упали с его лица, открывая странно темные глазницы. Эрагон пригляделся: вместо век там теперь виднелось лишь несколько почерневших клочков кожи, под которыми зияли страшные кровавые раны, да и вокруг вся кожа была в ссадинах и порезах.

Эрагон в ужасе понял, что раззаки выклевали Слоану глаза.

Он никак не мог решить, что же ему теперь делать. Этот мясник донес раззакам, что он, Эрагон, нашел яйцо Сапфиры. Дальше — больше: Слоан зверски убил стоявшего на часах Бирда и пропустил в Карвахолл солдат Империи. Если бы сейчас его судили односельчане, то наверняка признали бы его виновным и приговорили к повешению.

Эрагон не сомневался, что за все эти преступления мяснику полагается смертная казнь. Однако он колебался, понимая, что Роран любит Катрину, а Катрина, что бы ни сотворил Слоан, отца все же, безусловно, любит. Слушать, как

в суде Слоану выносят обвинительный приговор и приказывают его повесить, ей было бы слишком тяжело; нелегко это было бы и Рорану. Столь тяжкие переживания могли бы, наверное, даже поселить между ними вражду, которая привела бы их отношения к печальному концу. В общем, Эрагон был уверен: если сейчас они возьмут Слоана с собой, это, конечно же, поселит разногласия между всеми — между ним и Рораном, между Рораном и Катриной, между ними и остальными жителями Карвахолла; кроме того, это может оказаться опасным в том смысле, что ссоры отвлекут их от борьбы с Империей.

«Самое простое решение, — думал Эрагон, — попросту убить Слоана и сказать, что я нашел его в этой темнице мертвым...» Губы его задрожали, ибо ему тяжело было даже про себя произносить этот смертный приговор.

— Чего вам еще от меня надо? — спросил Слоан, вертя головой из стороны в сторону и пытаясь понять, где находится его собеседник. — Я уже и так рассказал вам все, что знаю!

Эрагон проклинал себя за эти неуместные колебания. Вина Слоана сомнению не подлежала; он был убийцей и предателем. Любой судья приговорил бы его к смертной казни.

И все же, несмотря на все эти доводы, он не мог решиться. Слоан сейчас лежал перед ним совершенно беспомощный. Слоана он знал всю свою жизнь, почти с рождения. Может, этот мясник и был человеком крайне неприятным, однако щемящие воспоминания о прошлом, которое отчасти, безусловно, было связано и со Слоаном, не давали ему покоя. Нанести сейчас Слоану смертельный удар было бы все равно что поднять руку на Хорста, или Лоринга, или на кого-то из стариков Карвахолла.

Однако Эрагон вновь приготовился произнести слова смертоносного заклятья.

И вдруг перед его мысленным взором возникло воспоминание о том, как Торкенбранд, тот работорговец, которого они с Муртагом повстречали во время своего бегства к варденам, стоял на коленях в дорожной пыли, а Муртаг несся верхом во весь опор, чтобы отсечь ему голову.

Эрагон тогда тоже возражал Муртагу, пытаясь ему помешать, и потом случившееся много дней не давало ему покоя.

«Неужели я настолько переменился, — спрашивал он себя, — что теперь и сам способен совершить точно такое же убийство? Как сказал Роран, я ведь уже убивал... Но ведь только в пылу битвы и никогда вот так...»

Он оглянулся через плечо и увидел, что Роран срубает последнюю дверную петлю в темнице Катрины. Затем, бросив на пол молот, он хотел было ударом плеча вышибить дверь, но передумал и решил попросту приподнять ее в дверной раме. Дверь чуть приподнялась, замерла и опасно качнулась.

— Помоги! Я не хочу, чтобы эта проклятая дверь рухнула на нее! — крикнул Роран.

Эрагон снова посмотрел на мясника. Времени на бессмысленные сомнения больше не было. Приходилось выбирать. Так или иначе, а выбирать ему придется...

— Эрагон!

«Я не знаю, как будет правильно». Эрагон понимал, что уже сама его неуверенность свидетельствует о том, что убить беззащитного Слоана было бы неправильно; впрочем, неправильно было бы и вернуть его варденам. Однако пока что он понятия не имел, как еще можно с ним поступить, какой третий выход, не столь исполненный откровенного насилия, может быть найден из этого положения.

Подняв руку, как для благословения, Эрагон прошептал: «Слитха», и тело Слоана сразу обмякло, наручники на бессильно обвисших руках звякнули, и он погрузился в глубокий сон. Убедившись, что заклинание подействовало, Эрагон снова закрыл дверь в темницу, запер ее и поставил возле нее магическую охрану.

«Ты чем это занимаешься, Эрагон?» — спросила Сапфира.

«Погоди, вот соберемся все вместе, и я все объясню».

«Что объяснишь? У тебя ведь никакого плана нет».

«Дай мне немного времени, и он будет».

— Что там было такое? — спросил у него Роран, когда он явился ему на подмогу.

— Слоан. — Эрагон подпер плечом дверь. — Он мертв.

— Как? — Глаза Рорана расширились от удивления.

— Похоже, они сломали ему шею.

На мгновение Эрагону показалось, что Роран ему не поверил. Затем Роран что-то проворчал и сказал:

— Ну что ж, наверно, так оно и лучше. Готов? Раз, два, три...

Вместе они вытащили тяжеленную дверь из рамы и бросили на пол в коридоре. Гулкое многократное эхо прокатилось по подземным переходам. Не медля ни секунды, Роран бросился в темницу, освещенную одной-единственной тонкой свечой. Эрагон последовал за ним.

Катрина, сжавшись в комок, сидела в дальнем углу железной лежанки.

— Оставьте меня в покое, беззубые ублюдки! Я... — Она вдруг умолкла, увидев Рорана, который шагнул к ней. Лицо ее было совершенно бледным от отсутствия солнечного света и свежего воздуха; на нем виднелись грязные потеки, и все же в эту минуту грязное бледное личико Катрины расцвело таким радостным удивлением и такой нежной любовью, что Эрагон подумал: в жизни не доводилось ему видеть лица прекрасней.

Не сводя с Рорана глаз, Катрина встала и дрожащей рукой коснулась его щеки.

— Ты пришел.

— Я пришел.

Смех, смешанный с рыданиями, вырвался у Рорана из груди, и он заключил ее в свои объятия. Они довольно долго стояли так, крепко прижавшись друг к другу.

Затем, чуть отстранившись, Роран трижды поцеловал ее в губы. Катрина наморщила носик и воскликнула:

— Ну и бородища у тебя! — Изо всех слов, которые она могла сейчас произнести, эти были самыми неожиданными, да и голос Катрины звучал настолько потрясенно и с таким удивлением, что Эрагон не выдержал и засмеялся.

Катрина, похоже, впервые заметила его присутствие. Она осмотрела его с ног до головы, остановила взгляд на его лице, которое изучала долго и с явным замешательством, потом спросила:

— Эрагон, это ты?

— Я, я.

— Он теперь у нас Всадник, — сказал Роран.

— Всадник? Ты хочешь сказать... — Она запнулась; ее, похоже, ошеломило подобное откровение. Поглядывая на Рорана и словно ища в нем защиты, она подтянула его ближе к себе и спряталась ему за спину, подальше от Эрагона, и спросила у Рорана: — Но как же... как ты нашел нас? Кто с вами еще пришел сюда?

— Все это потом. Нам надо убираться из Хелгринда, пока вся Империя не кинулась за нами в погоню.

— Погоди! А что с моим отцом? Вы его нашли?

Роран посмотрел на Эрагона, затем снова на Катрину и мягко сказал:

— Мы пришли слишком поздно.

Катрина вздрогнула, зажмурилась, и одинокая слезинка скатилась по ее щеке.

— Да будет так.

Пока они разговаривали, Эрагон лихорадочно пытался сообразить, как ему избавиться от Слоана. От Сапфиры он свои сомнения старательно скрывал, понимая, что она не одобрит подобных настроений. В голове у него начал зарождаться план. Идея была, конечно, несколько необычная, связанная с определенными опасностями и некоторой неуверенностью, но в данных обстоятельствах лишь такой путь представлялся Эрагону возможным.

Прекратив размышления, Эрагон перешел к действиям. Времени у него было мало, а сделать нужно было очень много.

«Джиерда!» — крикнул он, простирая руку, и металлические кандалы на запястьях и щиколотках Катрины, вспыхнув голубым огнем, распались на части. Катрина даже подпрыгнула от изумления.

— Магия... — прошептала она.

— Совсем простенькое заклинание, — заверил ее Эрагон, однако она так и шарахнулась, когда он протянул к ней руку. — Катрина, мне нужно убедиться, что Гальбаторикс или его подручные не наложили на тебя какие-нибудь коварные

чары, не заставили тебя поклясться в чем-либо на древнем языке.

– На древнем...

Роран не дал ей договорить:

– Эрагон! Сделай это потом, когда мы разобьем лагерь. Мы не можем здесь оставаться.

– Нет. – Эрагон рубанул рукой по воздуху. – Мы сделаем это сейчас. – Нахмурившись, Роран отошел в сторону и позволил Эрагону положить руки на плечи Катрине. – Ты просто смотри мне в глаза, – сказал он ей. Она кивнула и подчинилась.

Впервые у Эрагона возникла причина применить те заветные заклинания, которым обучил его Оромис. С их помощью можно было отыскать следы деятельности других магов. Эрагон хорошо помнил, какие трудности были у него в Эллесмере с запоминанием магических слов из секретных эльфийских свитков. Да и сейчас он чувствовал, что провалы у него в памяти весьма значительны; в трех случаях ему даже пришлось заменить одно слово другими, синонимичными, дабы иметь возможность завершить заклинание.

Эрагон довольно долго смотрел в блестящие, влажные от слез глаза Катрины, одними губами произнося слова древнего языка и время от времени – с ее разрешения – более тщательно изучая то или иное ее воспоминание, ища улики или следы, оставленные кем-то в ее душе. Он старался быть как можно более нежным с нею, в отличие от Двойников, которые тогда так варварски бесцеремонно вторглись в его память во время примерно такой же процедуры в самый первый день после их с Сапфирой прибытия в Фартхен Дур.

Роран стоял на страже, меряя шагами коридор перед распахнутой дверью. С каждой секундой возбуждение его все нарастало; он крутил в руках свой молот и даже постукивал им себе по ляжке, словно отбивая некий музыкальный ритм.

Наконец Эрагон отпустил Катрину.

– Я закончил, – сообщил он.

– И что ты обнаружил? – шепотом спросила она, обхватив себя за плечи, точно ей холодно, и в тревоге морща лоб. Казалось, она ожидает страшного для себя приговора.

В камере вдруг стало очень тихо. Роран перестал шагать и застыл на пороге.

— Ничего, кроме твоих собственных мыслей. На тебе нет никаких чар, ты чиста.

— Ну конечно, она чиста! — прорычал Роран и снова заключил Катрину в объятия.

Втроем они вышли из темницы.

«Брисингр, йет таутхр», — сказал Эрагон, жестом призывая к себе волшебный огонек, который по-прежнему висел под потолком коридора. Повинуясь его команде, светящийся шарик ринулся к нему и занял место точно у него над головой; там он и оставался все это время, слегка подскакивая и покачиваясь, точно кусок плавника на волнах прибоя.

Эрагон шел впереди, уверенно ведя остальных за собой по путанице туннелей и переходов к той пещере, куда принесла их Сапфира. Проходя мимо покрытой слизью стены, он очень внимательно смотрел по сторонам, ожидая нападения оставшихся в живых раззаков и проверяя крепость охранных чар, которыми воспользовался ради безопасности Катрины. Он слышал, как у него на спиной Катрина и Роран обмениваются короткими репликами: «Я тебя люблю... Хорст и все остальные в безопасности... Всегда... Ради тебя... Да... Да... Да... Да...» Доверие и любовь, которые они испытывали друг к другу, были столь очевидны, что Эрагон почувствовал даже некую глухую тоску.

Когда до выхода в большую пещеру оставалось шагов пятнадцать и уже был виден неяркий свет впереди, Эрагон погасил волшебный огонь. Но Катрина, сделав еще несколько шагов, вдруг остановилась, прижалась к стене туннеля и закрыла лицо руками.

— Я не могу. Там слишком светло; больно глазам.

Роран тут же заслонил ее собой, чтобы свет не падал ей в лицо.

— Когда ты в последний раз выходила отсюда?

— Не знаю... — В голосе ее послышалась паника. — Не знаю я! С тех пор как меня сюда притащили, ни разу! Роран, я что, слепну? — Она хлюпнула носом и расплакалась.

Ее слезы удивили Эрагона. Он помнил, какой она всегда была мужественной и стойкой. Но, с другой стороны, эта

девочка несколько месяцев провела взаперти, в кромешной темноте, не без оснований опасаясь за свою жизнь. «Я бы тоже, наверное, не в себе был, окажись я на ее месте», — подумал он.

— Нет, с тобой все в порядке. Тебе просто нужно понемногу снова привыкать к солнечному свету. — Роран погладил ее по голове. — Ну, идем же, не надо из-за этого так расстраиваться. Все будет хорошо... Теперь ты в безопасности. В безопасности, Катрина! Ты меня слышишь?

— Да, я тебя слышу.

Хотя Эрагону ужасно не хотелось портить одну из тех чудесных котт, которые подарили ему эльфы, он все же оторвал от ее подола кусок ткани и подал его Катрине:

— Вот, завяжи себе глаза. Сквозь эту ткань ты должна вполне прилично видеть, куда ступить, чтобы не упасть или не налететь на что-нибудь.

Она поблагодарила его и завязала себе глаза.

Они снова двинулись вперед, вышли в залитую кровью и солнечным светом основную пещеру — теперь вонь там стала еще более отвратительной, чем прежде, поскольку от тела мертвой «летучей мыши» исходил просто удушающий смрад, — и почти одновременно с ними у выхода из пещеры появилась Сапфира. Увидев дракона, Катрина затаила дыхание и прижалась к Рорану, прямо-таки вцепившись в его плечо.

— Катрина, — сказал ей Эрагон, — позволь представить тебе моего дракона Сапфиру. Она тебя поймет, если ты захочешь ей что-то сказать.

— Это такая честь, госпожа драконихa! — пролепетала Катрина. И даже попыталась сопроводить свои слова вежливым реверансом.

Сапфира поклонилась в ответ и повернулась к Эрагону:

«Я обследовала гнездо этих летхрблака, но нашла там только кости, кости и еще раз кости, включая и те, что пахнут свежей кровью. Раззаки, должно быть, сожрали тех рабов еще ночью».

«Жаль все-таки, что мы их не спасли».

«Я понимаю тебя, но всех нам в этой войне не спасти».

Указав Катрине на спину Сапфиры, Эрагон сказал:

— Полезай и садись в седло. А я через минуту к вам присоединюсь.

Катрина колебалась. Она посмотрела на Рорана, и тот ободряюще кивнул ей:

— Не бойся. Ничего страшного не случится. Это ведь Сапфира принесла нас сюда. — Роран с Катриной обошли труп «летучей мыши» и осторожно приблизились к Сапфире, которая низко присела, почти касаясь брюхом пола, чтобы девушке легче было влезть ей на спину. Сложив руки «ступенькой», Роран подсадил Катрину, и она взобралась на верхнюю часть ноги Сапфиры, а оттуда, цепляясь за ремешки стремян, как за перекладины веревочной лестницы, влезла наверх и уселась в седло. Роран, передвигаясь с ловкостью горного козла, страховал ее подъем.

Эрагон подошел к Сапфире последним; он осмотрел ее раны, резаные и колотые, и постарался хотя бы немного их залечить, основываясь на том, что чувствовала сама драконiха, а также на результатах своего осмотра.

«Да хватит тебе, — проворчала Сапфира, — можешь проявлять свое внимание сколько угодно, когда мы окажемся вне опасности. Я совершенно не собираюсь истекать кровью».

«Мало ли чего ты не собираешься! У тебя, между прочим, еще и внутреннее кровотечение продолжается. И если я сейчас не остановлю его, у тебя могут возникнуть такие осложнения, которых мне уже не исцелить, и к варденам тогда нам уже будет не вернуться. Не спорь; все равно ты меня не переубедишь, а дело-то совсем пустяковое и времени займет совсем немного».

Эрагону действительно потребовалось всего несколько минут, чтобы как-то восстановить здоровье Сапфиры. Раны у нее оказались довольно серьезными, и успешно завершить заклинания Эрагон смог, лишь существенно опустошив пояс Белота Мудрого, позаимствовав оттуда немало магической энергии, а также воспользовавшись собственным запасом сил и незначительно запасом сил самой Сапфиры. Как только он переходил от более серьезной раны к менее значительной, Сапфира начинала протестовать и говорить, что он ведет себя глупо, и требовать, чтобы он

оставил ее в покое, однако он не обращал на ее нытье никакого внимания.

После всех этих целительных процедур Эрагон тяжело опустился на пол, чувствуя себя чрезвычайно утомленным. Ткнув пальцем в след, оставшийся на шкуре Сапфиры от жутких клювов летхрблака, он сказал: «Тебе бы надо попросить Арью или еще кого-то из эльфов проинспектировать мою работу. Я старался не упустить ни одной дырки, но все же, возможно, что-то и упустил».

«Я, конечно, весьма ценю твою заботу о моем здоровье, — несколько ядовитым тоном откликнулась Сапфира, — но, по-моему, сейчас не время и не место для любовного сюсюканья. Давай наконец, черт возьми, убираться отсюда!»

«Да, пожалуй, пора». — И Эрагон попятился от Сапфиры в сторону находившегося у него за спиной туннеля.

— Ты что? — вскричал Роран. — Залезай быстрее!

«Эрагон!» — встревожилась и Сапфира.

Эрагон только головой покачал:

— Нет. Я остаюсь здесь.

— Ты... — начал было Роран, но яростный рык Сапфиры не дал ему договорить. Она била хвостом по стенам пещеры и грозно топала когтистыми лапами, так что люди и камни одинаково тряслись, точно в предсмертной агонии.

— Послушайте! — крикнул Эрагон. — Один из раззаков по-прежнему разгуливает на свободе. А еще подумайте о том, что может находиться в глубинах Хелгринда: свитки, зелья, сведения о деятельности Империи — все это может оказать нам неоценимую помощь! Раззаки, возможно, даже свои яйца или личинки здесь хранят. Если это так, то я непременно их уничтожу, пока Гальбаторикс не предъявил на них свои права.

А Сапфире Эрагон мысленно сказал вот еще что:

«Я не могу убить Слоана, но я не могу и позволить Рорану или Катрине его увидеть. И позволить ему умереть от голода в этой темнице я тоже не могу, как не могу и позволить слугам Гальбаторикса вновь забрать его с собой. Прости, но мне придется самому как-то решить этот вопрос».

— Как же ты выберешься за пределы Империи? — спросил Роран.

— Бегом. Я же теперь бегаю очень быстро, как эльфы, ты и сам это знаешь.

Сапфира вильнула кончиком хвоста. Это движение было единственным, что ее выдало, прежде чем она бросилась на Эрагона, пытаясь достать его своей лапой с длинными блестящими когтями. Эрагон успел отскочить и броситься в глубь туннеля буквально за секунду до того, как лапища Сапфиры царапнула по тому месту, где он только что стоял.

Сапфира сумела затормозить перед самым входом в туннель и взревела от отчаяния, поскольку последовать за ним в столь узкий лаз никак не могла. Ее огромная туша загородила собою весь свет. Камни тряслись и падали вокруг Эрагона, когда она терзала вход в туннель своими клыками и когтями, выламывая из стены целые куски гранита. Ее злобно оскаленные острейшие клыки длиной с человеческую руку даже немного испугали Эрагона. Теперь он понимал, что чувствует кролик, спрятавшийся в норке, которую раскапывает голодный волк.

«Ганга! (Уходи!)» — крикнул он.

«Нет!» — Сапфира опустила голову на землю и издала печальный, почти похоронный стон; огромные глаза ее смотрели жалобно.

«Ганга! Я люблю тебя, Сапфира, но ты должна уйти».

Она немного попятилась от входа в туннель и фыркнула; потом замяукала жалобно, как кошка:

«Маленький брат...»

Эрагону страшно не хотелось ее мучить, да и отсылать ее прочь тоже не хотелось, и сердце его разрывалось от горя и сочувствия. Он отлично понимал, какой несчастной сейчас чувствует себя Сапфира. Он читал это в ее мыслях, и ее тоска соединялась с его собственной тоской, что почти лишило его способности действовать. Однако ему каким-то образом все же удалось взять себя в руки.

«Ганга! — решительно повторил он. — И не возвращайся за мной! И никого другого за мной тоже не присылай. Со мной все будет хорошо, не тревожься. Ганга! Ганга!»

Сапфира взвыла от отчаяния, затем нехотя двинулась к выходу из пещеры. Роран, сидя в седле, крикнул:

— Эрагон, полетели! Не упрямься! Ты для всех слишком важен, чтобы так рисковать...

Шум и шелест драконьих крыльев заглушили его слова. Сапфира, подпрыгнув, вылетела из пещеры, и на фоне чистого неба ее чешуя вспыхнула, точно россыпь ярко-голубых бриллиантов. И Эрагон подумал: до чего же она великолепна! Такая гордая, благородная, такая прекрасная, прекраснее всех прочих живых существ! Никакой олень, никакой лев не могут сравниться благородством и величием с летящим драконом! И он услышал, как она говорит ему:

«Одну неделю. Одну неделю я буду ждать. Затем я вернусь за тобой, Эрагон, даже если мне придется насмерть сразиться с Торном, Шрюкном и тысячью магов Гальбаторикса!»

Эрагон стоял у входа в туннель, пока Сапфира не исчезла из вида и не прервалась мысленная связь между ними. А потом с тяжелым сердцем, сгорбившись и отвернувшись от солнечного света и ото всего яркого и живого, что было снаружи, снова пошел по темным туннелям в недра Хелгринда.

ВСАДНИК И РАЗЗАК

Эрагон сидел, освещенный красным волшебным огнем, в том самом коридоре, где вдоль обеих стен тянулись двери темниц; здесь, видимо, было сердце Хелгринда. Посох лежал у Эрагона на коленях.

Каменные стены отражали звук его голоса, монотонно повторявшего одну и ту же фразу древнего языка. Это было не заклинание, а, скорее, послание оставшемуся в живых раззаку. А говорил Эрагон примерно следующее: «Выходи, о пожиратель человеческой плоти, и давай закончим, наконец, этот поединок. Ты ранен, а я смертельно устал. Твои соплеменники мертвы, но и я один. Мы достойные противники. Обещаю, что не стану ни пользоваться магией, ни загонять тебя в ловушку из тех чар, которые уже создал. Выходи, о пожиратель человеческой плоти, и давай закончим, наконец, наш поединок...»

Ему казалось, что он повторяет это бесконечно долго; время, похоже, остановилось здесь, в освещенном тусклым волшебным светом чреве горы, которая и сама целую вечность оставалась неизменной. В итоге даже значение этих монотонно повторяемых слов стало Эрагону безразличным. А еще через некоторое время умолк и его бушующий разум, и странный покой постепенно охватил его...

Эрагон некоторое время помолчал, затем удивленно открыл рот, закрыл его и весь напрягся.

В тридцати футах от него стоял раззак. Кровь капала с подола его изорванных одежд.

— Мой хоз-з-зяин не ж-ж-желает, чтобы я убил тебя, — прошипел он.

— Но разве для тебя это теперь имеет какое-то значение?

— Никакого. Если я паду от твоего пос-с-соха, пусть Гальбаторикс-с-с с-с-сам с-с-с тобой рас-с-справляется, как хочет. Он куда отваж-ж-жнее тебя.

Эрагон рассмеялся:

— Отважнее? Но ведь среди людей героем считают меня, а не его.

— Глупый мальчиш-ш-шка. — Раззак слегка склонил голову набок, глядя мимо Эрагона на труп второго раззака, лежавший чуть дальше. — Она была моей... нас-с-седкой. Мы вмес-с-сте выс-с-сиживали наши яйца... А ты с-с-стал значительно с-с-сильнее с-с-с тех пор, как мы с-с-с тобой впервые встретилис-с-сь, Губитель Шейдов.

— Что ж, мне только это и оставалось — стать сильнее или погибнуть.

— Не хочешь ли заключить со мной договор, Губитель Шейдов?

— Какой еще договор?

— Я пос-с-следний представитель с-с-своей рас-с-сы, Губитель Шейдов. Мы — очень древний народ, и я не хотел бы, чтобы о нас-с-с позабыли. Так вот, готов ли ты внушить людям, чтобы они в своих пес-с-снях и с-с-сказках рас-с-сказывали о том ужас-с-се, который мы вам внуш-ш-шали? Чтобы все помнили, что мы — это СТРАХ!

— С какой стати мне это делать?

Опустив клюв на впалую грудь, раззак некоторое время щелкал им, что-то шипел и пришепетывал, потом сказал:

— А с такой с-с-стати, что тогда я с-с-скажу тебе кое-что, тебе неизвестное! Да, с-с-скажу.

— Ну, так скажи.

— С-с-сперва дай мне с-с-слово! Иначе ты меня обманешь.

— Нет. Выкладывай свою тайну, а потом уж я решу, давать тебе обещание или нет.

С минуту оба молчали и не двигались. Эрагон в напряжении ждал, готовясь в любую минуту отразить нападение раззака. Последовала еще череда пришепетываний и щелканий клювом, потом раззак сказал:

— Он почти отыс-с-скал ис-с-стинное имя.

— Кто?

— Гальбаторикс.

— Чье имя?

Раззак даже зашипел от бессильной ярости и отчаяния:

— Я не могу с-с-сказать тебе! Имя! Ис-с-стинное имя!

— Мне этого мало.

— Но я не могу!

— Значит, мы с тобой и не договоримся.

— Будь ты проклят, Вс-с-садник! Будь ты проклят! И чтоб тебе не обрес-с-сти ни корней, ни гнезда, ни покоя в душ-ше на этой твоей земле! Чтоб тебе покинуть Алагейзию и никогда туда не воз-з-звращатьс-с-ся!

Эрагон почувствовал, как у него волосы зашевелились на голове, а по спине от ужаса пополз холодный пот. В ушах у него снова зазвучал голос травницы Анжелы, которая, раскинув кости дракона и предсказывая ему будущее, говорила, что его ждет именно такая судьба.

Широкая, как хвост кобылы, кровавая полоса протянулась *по полу у ног раззака, когда он откинул* назад тяжело набухший кровью плащ и вытащил из-под него лук с вложенной стрелой. Быстро подняв лук и прицелившись Эрагону в грудь, он выпустил тяжелую стрелу, которая должна была пробить противника насквозь.

Но Эрагону удалось на лету отразить ее с помощью посоха.

Затем, словно эта попытка ровным счетом ничего для него не значила и была всего лишь неким предварительным ритуальным действом, предшествующим началу поединка, раззак склонил голову, положил свой лук на пол, поправил капюшон плаща и медленно, но решительно вытянул откуда-то из недр своих темных одежд древний меч. Эрагон тем временем расставил ноги на ширину плеч и крепко ухватился обеими руками за посох.

Они бросились друг на друга одновременно. Раззак попытался с одного удара разрубить Эрагона пополам, от ключицы до бедра, но тому удалось уйти от удара и, перехватив посох, с силой ударить острым концом раззаку под клюв, пробивая хитиновые пластины, прикрывавшие ему горло.

Сильная судорога прошла по телу раззака, и он рухнул на пол.

Эрагон посмотрел в лишенные век черные глаза ненавистного своего врага и вдруг почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Он резко отвернулся к стене, и его вывернуло наизнанку. Утерев рот, он выдернул посох из тела раззака и прошептал:

— За нашего отца! За наш дом! За Карвахолл! За Брома!.. Я отомстил. И пусть твое тело так и сгниет здесь, проклятый раззак.

Затем Эрагон вытащил из темницы Слоана, который по-прежнему был погружен в зачарованный сон, взвалил его на плечи и пошел обратно во внешнюю пещеру. На обратном пути он, положив мясника на пол, обследовал те туннели и проходы, в которые до этого еще не заглядывал. Там он обнаружил немало всяких смертоносных приспособлений, оружия и ядов, в том числе металлические сосуды с маслом сейтхр, которые немедленно уничтожил, чтобы больше никто не смог воспользоваться этим жутким, разъедающим плоть веществом во имя осуществления неких злокозненных планов.

Горячие солнечные лучи прямо-таки обожгли лицо Эрагона, когда он, спотыкаясь, выбрался из хитросплетения туннелей. Стараясь не дышать, он поспешно миновал зловонную тушу мертвого летхрблака и подошел к самому краю огромной пещеры, глядя с высоты Хелгринда на далекие холмы внизу. На западе виднелся столб оранжевого дыма или пыли над той дорогой, что соединяла Хелгринд с Драс-Леоной, и Эрагон догадался, что это скачет отряд всадников.

Правое его плечо и бок уже ныли от усталости, все-таки весил Слоан немало, и он переложил мясника на другое плечо. Смахнув капли пота со лба, он пытался решить, как же ему все-таки спуститься отсюда на землю да еще и с такой тушей. До земли от края пещеры было что-то около пяти тысяч футов.

— Это же почти целая миля! — прошептал он. — Если бы здесь была хоть какая-то тропинка, я бы запросто спустился даже со Слоаном на плечах. Значит, придется собрать все силы и опустить нас на землю с помощью магии... Да,

разумеется. Однако то, что можно было бы сделать постепенно и без особого вреда для себя, может запросто убить меня, если я вздумаю совершить это в несколько секунд. Как говорил Оромис, тело человека не способно достаточно быстро превращать запасы своей энергии в энергию магическую. Значит, придется действовать по этапам, используя в каждый конкретный момент строго определенное количество сил, а потом ждать, пока они восстановятся... А в общем, эти разговоры с самим собой ничем мне не помогут.

И Эрагон, покрепче ухватив Слоана, устремил свой взгляд на узкий выступ примерно в ста футах ниже края пещеры.

«Будет больно», — успел он подумать, готовясь к прыжку, потом рявкнул:

— Аудр! — и слегка приподнялся над полом пещеры. Затем сказал: — Фрам!

И заклятье вынесло его из пещеры, так что некоторое время он просто висел в открытом пространстве, точно облако в небе. Хоть он и привык к полетам на Сапфире, но все же чувствовал себя весьма неуверенно, не видя под ногами ничего, кроме воздуха.

Затем, управляя потоком магической энергии, Эрагон быстро опустился на выступ, и логово раззаков вновь скрылось за той нематериальной «каменной» стеной. Ноги Эрагона скользили по мелкому щебню на краю выступа, и в течение нескольких показавшихся ему вечностью секунд он, затаив дыхание, тщетно пытался найти более надежную опору, боясь даже посмотреть вниз, ибо малейшего наклона головы было бы достаточно, чтобы он кувырком полетел на землю. Он даже невольно вскрикнул, когда его левая нога соскользнула с выступа, и чуть не упал, но обратиться за помощью к магии не успел: его левая нога внезапно нащупала некую спасительную трещину, и он сунул ее туда, восстановив равновесие. Неровные каменные края трещины больно впились ему в лодыжку там, где она не была прикрыта латами, но Эрагон даже внимания на это не обратил: хорошо было уже и то, что он удержался от падения.

Прижавшись спиной к скале, он поправил на плече безжизненное тело Слоана и подумал: «В общем, не так уж и

плохо». Сил он, конечно, потратил немало, но все же не столько, чтобы не иметь возможности продолжать спуск. «Ничего, я смогу», — сказал он себе, жадно вдыхая свежий воздух и выжидая, когда сердце перестанет стучать, как бешеное; у него было такое ощущение, словно он не одну милю пробежал с тушей Слоана на плечах. «Ничего, — повторил он, — у меня все получится, как надо...»

Приближавшиеся в Хелгринду всадники вновь привлекли внимание Эрагона. Теперь они были значительно ближе и мчались по засушливой равнине с такой скоростью, что это его встревожило. «Ага, — догадался он, — получается, что кто быстрее, тот и выиграет. Мне необходимо поскорее убраться отсюда. Среди них наверняка есть маги, а я сейчас не в том состоянии, чтобы вступать в сражение с заклинателями Гальбаторикса». И, глянув на Слоана, он прибавил уже вслух:

— Ну что ж, может, и ты мне чем-то поможешь, а? И это, надо отметить, совсем немного, если учесть, что ради тебя я рискую жизнью, а может, и чем похуже. — Но спящий мясник только башкой поворачал, не просыпаясь.

Эрагон что-то сердито проворчал и, оттолкнувшись от скалы, воскликнул:

— Аудр! — и снова воспарил, как птица. На этот раз он воспользовался силами Слоана — хоть их и было немного, — а не только своими. И они вместе скользнули вдоль покрытой острыми выступами щеки Хелгринда к следующей площадке, выбранной им для приземления.

Эрагон старался спускаться не отвесно, а как бы зигзагом, и в итоге они оказались практически с противоположной стороны Хелгринда, так что его массивные отроги скрыли их от приближавшихся всадников.

Чем ближе они были к земле, тем медленнее происходил спуск. Эрагон испытывал поистине сокрушительную усталость, так что ему пришлось существенно уменьшить то расстояние, которое он теперь мог преодолеть за один раз, и ему становилось все труднее восстанавливать силы после каждой очередной затраты энергии. Даже поднять палец стало теперь так трудно, что это его раздражало. Голова кружилась, дурнота, душным плащом обволакивая его,

туманила мысли и чувства; теперь даже самый твердый камень казался его усталому телу мягким, как подушка.

Когда же Эрагон, наконец, упал на согретую солнцем землю — он был слишком слаб, чтобы удержать себя и Слоана от падения в грязь, — то так и остался лежать ничком, нелепым образом подогнув под себя руки. У себя под носом он видел мелкие камешки с желтоватыми вкраплениями золотистого топаза и не сводил с них полузакрытых глаз. Слоан лежал у него на спине, точно свинцовая чушка. Воздух медленно вытекал из легких Эрагона, и, казалось, вдохнуть он не может ни капли. Все вокруг казалось затянутым какой-то пеленой, точно солнце закрыла темная туча. Сердце билось редкими толчками, то и дело останавливаясь, и удары его больше напоминали предсмертный трепет.

На разумные мысли Эрагон тоже больше не был способен, хотя где-то в глубине души сознавал, что вот-вот умрет. Его это не пугало; напротив, подобная перспектива даже как-то успокаивала: он так устал, что воспринимал возможную смерть всего лишь как избавление от этой ущербной оболочки — его тела — и возможность отдыхать хоть целую вечность. Откуда-то прилетел здоровенный шмель размером с его большой палец. Покружив над головой Эрагона, он обследовал его ухо, затем принялся хоботком ощупывать камни; его привлекали желтые блестки топаза. Шмелю, наверное, казалось, что это мелкие ромашки, какие цветут среди здешних холмов. Крылышки шмеля так и сверкали на солнце; каждый волосок на его полосатом тельце был отчетливо виден. Его гудение напоминало сигнал вечерней зори, отбиваемый на барабане. С мохнатых ножек сыпалась цветочная пыльца.

Этот шмель был таким шумным, таким живым и таким красивым, что Эрагону как-то сразу стало легче и вновь захотелось жить. Мир, в котором существовало такое удивительное существо, был прекрасен, и это был его, Эрагона, мир.

Собрав всю свою волю в кулак, он высвободил левую руку, ухватил ею жесткую ветку какого-то росшего рядом кустарника и, точно пиявка, клещ или еще какой-то паразит, высосал из растения жизненную силу, отчего оно сразу

помертвело и засохло. Даже столь незначительного притока энергии Эрагону хватило, чтобы действовать более разумно, однако он вдруг испытал настоящий ужас: восстановив в душе желание жить, он не обнаружил ни в себе, ни вокруг ничего, кроме тьмы.

Тогда, чуть продвинувшись вперед, он схватил ветку другого куста и втянул в себя его жизненную силу, за этим кустом последовал третий, затем четвертый и так далее, пока он не почувствовал, что запас энергии в нем почти полностью восстановился. Когда же, встав, он оглянулся на полосу засохших коричневых кустов, тянувшуюся за ним, рот его невольно наполнился горечью.

Эрагон понимал, что в последние часы слишком беспечно обращался с магией, и эта его беспечность могла дорого стоить варденам, ибо он запросто мог сейчас погибнуть. Вспоминая собственное безрассудство, он даже поморщился. «Бром бы мне просто уши надрал, если бы узнал, во что я по собственной неосторожности вляпался», — думал он.

Чувствуя, что вполне пришел в себя, Эрагон подхватил с земли бесчувственное тело Слоана и двинулся на восток, уходя все глубже в заросли молодняка и старательно петляя. Уйдя подальше от Хелгринда, он минут через десять остановился, чтобы посмотреть, далеко ли его преследователи, и увидел облако пыли у подножия горы; это, видимо, означало, что всадники достигли черной каменной твердыни.

Эрагон улыбнулся. Даже если среди этого отряда и есть маги Гальбаторикса, они слишком далеко от него, чтобы мысленно определить, где они со Слоаном находятся. «К тому времени, как они обнаружат тела раззаков, — решил Эрагон, — надо было бы пробежать про крайней мере лигу, и тогда уж вряд ли кто-то из них сможет меня обнаружить. И потом они наверняка станут искать дракона и Всадника, а не пешего странника».

Довольный тем, что не нужно опасаться сиюминутного нападения, Эрагон двинулся дальше тем же ровным, широким шагом, что и раньше; так, без особого напряжения, он мог идти хоть целый день.

Над головой ослепительно сияло золотисто-белое солнце. Впереди на много лиг расстилалась дикая местность,

лишенная каких-либо следов пребывания человека; вблизи не было ни одного селения. А в сердце Эрагона бушевала радость: наконец-то с проклятыми раззаками было покончено!

Наконец-то его жажда мести была полностью удовлетворена. Наконец-то он исполнил свой долг по отношению к Гэрроу и Брому. Наконец-то сбросил с себя тяжкий груз страха и гнева, который так мучительно угнетал его с тех самых пор, как раззаки впервые появились в Карвахолле. На то, чтобы найти их и уничтожить, потребовалось гораздо больше времени, чем он рассчитывал, но теперь дело было сделано, и, надо сказать, это было нелегкое дело. И Эрагон позволил себе расслабиться, наслаждаясь той радостью, которую принесло ему решение столь трудной задачи.

И все же, как ни странно, у вкуса этой его победы был отчетливый горький привкус: неожиданное ощущение потери. Охота на раззаков была одной из последних нитей, связывавших его с прежней жизнью в долине Паланкар, и ему страстно хотелось возобновить эту связь, сколь бы печальные и горькие воспоминания она ни вызывала в его душе. Мало того, выполнение этой задачи дало ему цель в жизни, определив ее направление; ведь именно по этой причине он, собственно, и покинул некогда родной дом. А теперь, когда эта цель была достигнута, в душе у него возникла некая пустота — в том самом месте, где некогда жила его пламенная ненависть к раззакам.

Эрагона это потрясло. Оказывается, ему даже жаль, что с раззаками покончено? И он поклялся в душе, что впредь никогда не совершит подобной ошибки, все свои помыслы связав с одной-единственной конкретной целью и став, по сути, ее рабом. «Я не желаю думать только о том, как мне победить Муртага или Гальбаторикса, чтобы после победы над ними не чувствовать подобной пустоты и отсутствия желания дальнейших перемен в своей жизни! — сказал он себе. — Это может закончиться тем, что я сам попытаюсь продлить этот конфликт до бесконечности, чтобы не думать о том, что будет после его завершения». И Эрагон решил отбросить свои ненужные сожаления и сосредоточиться на том, что теперь ему явно значительно полегчало, ибо он теперь

свободен от бесконечных поисков, которые сам себе навязал, и единственные его теперешние обязательства связаны только с тем положением, которое он занимает в борьбе варденов.

Эти мысли взбодрили его настолько, что даже походка его стала более легкой. Теперь, после гибели раззаков, он, наконец, сможет устроить свою жизнь так, как ему самому того хочется, основываясь не на том, кем он был когда-то, а на том, кем он стал — Всадником, повелителем дракона.

Эрагон улыбнулся, глядя вдаль, на неровную линию горизонта, потом весело рассмеялся, не думая о том, что его кто-то может услышать, и быстрым шагом двинулся дальше. Его смех гулко разносился по молодому леску, и все вокруг казалось ему сейчас новым, прекрасным и полным обещаний.

Пеший поход

От голода у Эрагона забурчало в животе.

Он лежал на спине, чуть согнув ноги в коленях и поглаживая расслабленные ляжки. Он слишком долго шел, неся на спине слишком большой груз, и теперь голодное брюхо его бунтовало так, словно в недрах земли гудела мощная подземная река.

Звук был таким громким, что Эрагон вскочил и схватил свой посох.

Ветер просвистел над пустынной местностью. Солнце уже село, и сумерки окутали все вокруг синими и фиолетовыми тонами. Стояла полная тишь, лишь слегка дрожали мелкие травинки да пальцы Слоана то сжимались, то разжимались во сне — видно, ему что-то снилось. Становилось все холоднее; ночь обещала быть не слишком ласковой к путникам.

Эрагон постарался расслабиться; он даже позволил себе слегка улыбнуться.

Впрочем, улыбка быстро сошла с его лица, поскольку он понял, что вызвало у него такой приступ голода. Сражение с раззаками, множество использованных заклятий, целый день быстрой ходьбы, даже бега, с тяжелой ношей на плечах — все это, естественно, отняло у Эрагона столько сил, что он испытывал чудовищный голод и, наверное, слопал бы сейчас все что угодно; он с тоской вспоминал тот пир, который приготовили в его честь гномы, когда он посещал их в Тарнаге. Жаль, что тогда он так мало съел! Вспоминая, какие запахи исходили от целиком зажаренного гигантского кабана нагры — горячего, сочного, пропитанного медом и специями, исходящего растопленным жиром, — Эрагон невольно глотал слюнки.

Дело в том, что никаких запасов провизии у него с собой не было. Воду, правда, он легко мог отыскать или, в крайнем случае, даже извлечь ее из почвы. А вот найти еду в этих диких, безлюдных местах было не только гораздо труднее, но и ставило его перед такой моральной дилеммой, решения которой он очень старался избежать.

Оромис немало своих уроков посвятил климату и географическим особенностям отдельных частей Алагейзии, так что Эрагон, немного осмотревшись, легко сумел определить, есть ли среди тех растений, что ему попадались, съедобные. К сожалению, таких почти не было, да и в том малом их количестве, на которое он мог рассчитывать, не имелось ни одного достаточно крупного, чтобы извлеченной из него энергии хватило на двоих. Местное зверье наверняка устраивало кладовые, запасаясь впрок семенами и плодами, но Эрагон понятия не имел, где эти потайные кладовые искать. Да и вряд ли какая-то пустынная мышь была способна запасти больше, чем несколько глотков пищи.

Таким образом, у него оставалось два выхода, но ни один из них ему не нравился. Он мог бы — как делал это и раньше — высосать энергию из растений и насекомых поблизости от лагеря. Ценой этому был бы еще один клочок совершенно мертвой земли, где не осталось в живых ничего, даже самых крошечных существ. И хотя это, безусловно, помогло бы Эрагону и далее держаться на ногах, но все же было бы недостаточным, чтобы удовлетворить запросы его невероятно голодного брюха.

А еще, конечно, можно было бы поохотиться.

Эрагон нахмурился и, крутанув в воздухе посох, с силой воткнул его в землю. После того как он столько раз проникал в мысли различных животных и научился понимать их надежды и чаяния, у него вызывала отвращение одна лишь мысль о том, чтобы хоть одно из них превратить в собственную пищу. Тем не менее Эрагон совершенно не собирался ослабеть настолько, что слуги Империи запросто смогли бы взять его в плен только потому, что он решил пощадить какого-то кролика и остаться без ужина. И Роран, и Сапфира прожужжали ему все уши, утверждая, что все живые существа на свете выживают только за счет того, что едят

кого-то другого. «До чего же у нас жестокий мир, — думал Эрагон, — и я ничего не могу изменить в его устройстве... Возможно, эльфы и правы, что избегают питаться плотью живых существ, однако же сейчас моя потребность в ней слишком велика. И если уж обстоятельства подталкивают меня к подобному решению, я не желаю чувствовать себя виноватым. Разве ж это преступление — насладиться вкусом ветчины, или форели, или еще какого-нибудь вкусного кушанья?..»

И он продолжал убеждать себя с помощью различных аргументов, хотя отвращение при мысли о подобной трапезе ему все же полностью подавить не удалось. Еще почти полчаса он столбом стоял на одном месте, не в силах совершить то, что подсказывали ему логика и здравый смысл. Затем, поняв, что уже слишком поздно, он обругал себя за бессмысленную трату времени; ему ведь нужно было пользоваться каждой минутой отдыха, чтобы набраться сил.

Заставив себя совершенно успокоиться, Эрагон стал мысленно ощупывать местность, пока не обнаружил двух крупных ящериц и спрятавшихся в своей подземной норке грызунов, похожих одновременно и на крыс, и на кроликов, и на белок. «Дейя!» — сказал Эрагон и убил ящериц и одного из незнакомых грызунов. Зверьки умерли мгновенно, ничего не почувствовав, но он все-таки скрежетал зубами, мучительно вспоминая, какое яркое пламя охватило их души.

Ящериц Эрагон вытащил руками, перевернув камни, под которыми они прятались. А вот грызуна пришлось вытаскивать из подземной норы с помощью магии. Он действовал очень осторожно, чтобы не разбудить остальных зверьков, когда извлекал тушку их собрата на поверхность; ему казалось чрезвычайно жестоким пугать их тем, что некий невидимый хищник сумел убить кого-то из них в самом что ни на есть потайном их убежище.

Эрагон выпотрошил, освежевал и обмыл тушки ящериц и грызуна, закопал все отходы поглубже, чтобы уберечь от падальщиков. Затем, собрав несколько плоских камней, он сложил нечто вроде небольшого очага, разжег в нем огонь и принялся жарить мясо. Без соли он ничем не мог сдобрить

свое жаркое, однако некоторые местные растения, когда он растер их пальцами, придали мясу довольно приятный аромат и, самое главное, отбили запах крови, так что Эрагон как следует натер ими тушки.

Грызун был готов первым, поскольку оказался поменьше ящериц. Приподняв «крышку» своего самодельного очага, Эрагон поднес мясо ко рту и поморщился; он бы, наверное, так и остался бы сидеть, охваченный отвращением, если бы не нужно было присматривать за жарившимися на огне ящерицами. Это отвлекло его настолько, что он подчинился настоятельным требованиям своего голодного организма и стал есть.

Труднее всего было сделать первый глоток. Мясо застревало в горле, а вкус горячего жира показался и вовсе тошнотворным. Эрагона передернуло. Он дважды сглотнул всухую, и тошнота почти прошла. После этого стало легче. Он был даже рад тому, что мясо оказалось почти безвкусным — отсутствие вкуса помогало ему забыть, что именно он ест.

Грызуна он съел целиком, прибавив к нему еще и часть ящерицы. Обгладывая тонкую лапку, он удовлетворенно вздохнул и задумался; ему казалось весьма печальным, что он съел это жаркое почти с удовольствием. Впрочем, слишком уж он был голоден. Ничего, главное все же, что он сумел преодолеть себя и нарушить собственные запреты. «Возможно, — размышлял Эрагон, — когда я вернусь... и если окажусь за столом у Насуады или у короля Оррина, и там подадут мясо... то, может быть — если, конечно, мне самому захочется и будет невежливо отказаться, — смогу съесть несколько кусочков... Я, конечно, не стану есть столько, сколько ел раньше, но не буду и проявлять такую строгость в еде, как эльфы. Умеренность — более мудрая политика, по-моему, чем фанатизм».

Свет костерка падал на руки Слоана, лежавшего примерно в двух футах от огня. Эрагон глаз не мог отвести от этих рук. Длинные костлявые пальцы мясника с опухшими суставами и длинными ногтями были иссечены десятками тонких белых шрамов; ногти, всегда такие аккуратные, за которыми он в Карвахолле тщательно ухаживал, были грязными и обломанными, а некоторые и вырваны. Многочисленные

шрамы были свидетельствами тех промахов, которые совершил Слоан за десятилетия своей любви к разделочным ножам. Кожа на руках у него была морщинистой и старой; взбухшие вены напоминали толстых червей, но сами руки казались еще вполне крепкими и сильными.

Эрагон присел возле мясника на корточки и обхватил колени руками.

— Я же не могу просто взять и отпустить его, — прошептал он, понимая, что если поступит так, то Слоан в итоге вполне сможет выследить, куда отправились Роран и Катрина, а этого ни в коем случае допустить нельзя. Кроме того, даже не имея намерения убить Слоана, Эрагон не сомневался, что мясник должен быть наказан за совершенные им преступления.

Ни Гэрроу, ни Эрагон с Бирдом, например, никогда особенно близки не были, но Эрагон знал, что это хороший человек, честный и надежный; а еще он помнил жену Бирда, Фельду, и их детишек. Да и в доме у них всегда было хорошо, когда Гэрроу, Рорану и Эрагону случалось, задержавшись в Карвахолле, ужинать там и ночевать. А потому гибель Бирда произвела на Эрагона очень сильное впечатление; преступление Слоана казалось ему отвратительным и жестоким; да и семье сторожа было бы важно восстановить справедливость, даже если они об этом никогда и не узнают.

Но что все-таки следует считать для Слоана должным наказанием? «Я отказался быть палачом, — думал Эрагон, — мне хотелось остаться всего лишь судьей. Но что я знаю о законах?»

Поднявшись на ноги, он подошел к Слоану и, наклонившись к самому его уху, сказал:

— Вакна!

Слоан вздрогнул и мгновенно проснулся, скребя по земле жилистыми руками. Остатки его век задрожали, когда он инстинктивно попытался их поднять и осмотреться. Однако же это ему не удалось: он был навсегда заключен в ловушку собственной ночи.

— На вот, поешь, — сказал Эрагон и подтолкнул к Слоану оставшуюся половинку жареной ящерицы. Тот хоть и не мог видеть пищу, но наверняка ее почуял.

— Где я? — спросил Слоан и дрожащими руками принялся ощупывать камни и траву вокруг. Затем коснулся своих израненных запястий и страшно удивился, не обнаружив наручников.

— Эльфы — а также когда-то и Всадники — называли эту местность Мирнатор, — сказал Эрагон. — Гномы называют ее Вергхадн, а люди — Серая Пустошь. Если этого тебе недостаточно, то могу сказать, что мы в нескольких лигах от Хелгринда, где ты сидел в темнице.

Слоан беззвучно прошептал слово «Хелгринд» и спросил:

— Это ты меня спас?

— Я.

— А как же...

— Довольно вопросов. Сперва поешь.

Его резкий тон подействовал на мясника, точно удар кнута; он скорчился и ощупью потянулся к жареной ящерице. Эрагон подтолкнул ее к нему поближе, а сам отошел на прежнее место у сложенного из камней очага и бросил на светившиеся в темноте угли несколько пригоршней земли, чтобы кто-нибудь случайно не заметил их лагеря, хотя вряд ли поблизости был кто-то еще.

После первых осторожных попыток определить, что за еду дал ему Эрагон, Слоан так и впился зубами в ящерицу, стараясь запихнуть в рот как можно больше мяса, и глотал куски, почти не жуя. Он обгладывал каждую косточку дочиста, как человек, который имеет самые лучшие представления о том, как устроены животные и как лучше обчистить их кости. Косточки он аккуратно складывал в кучку слева от себя. Когда последний кусочек хвоста ящерицы исчез в глотке Слоана, Эрагон протянул ему вторую, еще не тронутую рептилию. Слоан буркнул что-то в знак благодарности и продолжил набивать утробу, не делая ни малейшей попытки хотя бы утереть жир с губ и подбородка.

Но вторая ящерица оказалась слишком велика даже для Слоана, и он не смог ее прикончить. Он съел ее почти до половины, а то, что осталось, аккуратно положил на горку обглоданных костей. Затем он выпрямился, вытер губы

тыльной стороной ладони, заправил за уши отросшие патлы и сказал:

— Спасибо тебе, странный господин, за гостеприимство и доброту. Я так давно как следует не ел, что это твое угощение кажется мне сейчас дороже даже свободы... Могу ли я спросить, не знаешь ли ты чего о моей дочери Катрине и о том, что с нею случилось? Она вместе со мною была заточена в Хелгринд. — В голосе мясника слышались отзвуки великого множества самых различных и противоречивых чувств: почтительность и страх, готовность подчиниться неведомой силе и надежда, тревога за судьбу дочери и решимость выжить во что бы то ни стало, и решимость эта была столь же неколебима, как горы Спайна. Единственное, что Эрагон рассчитывал услышать, но так и не услышал, это то насмешливое презрение, с каким Слоан обычно разговаривал с ним при встречах в Карвахолле.

— Она сейчас с Рораном.

У Слоана перехватило дыхание.

— С Рораном! Как же он сюда попал? Это что же, раззаки и его в плен взяли? Или...

— Раззаки и те, на ком они ездили, мертвы.

— Неужели это ты их убил? Но как?.. И кто?.. — Слоан на мгновение застыл, словно споря с собственным телом, которым не в силах был как следует управлять, потом щеки и губы его бессильно обвисли, плечи поникли, и он ухватился за ветку куста, чтобы не упасть. Качая головой, он бормотал: — Нет, нет, нет... Нет! Этого не может быть! Раззаки говорили об этом, они требовали ответов, которых у меня не было, но я ведь думал... Да с другой стороны, кто бы поверил?.. — Грудь его вздымалась с такой силой, что Эрагон даже подумал, как бы она не разорвалась. Задыхающимся шепотом, словно его только что ударили под дых, Слоан прохрипел: — Неужели... Нет, не может быть! Ты ведь, конечно же, не тот самый Эрагон?

Ощущение неизбежности окутало Эрагона. Он чувствовал себя жалким инструментом в руках судьбы, этого безжалостного повелителя, и ответил соответственно, нарочито замедлив свою речь и каждое слово роняя тяжело, точно удар молота, и отчетливо сознавая свой нынешний статус.

— Да, я тот самый Эрагон. Мало того. Я еще и Аргетлам, и Губитель Шейдов, и Огненный Меч. А дракона моего зовут Сапфира; она известна также под именами Бьяртскулар и Огненный Язык. Нашим учителем мы считаем Брома, который тоже когда-то давно был Всадником; а также мы учились у эльфов и гномов. Мы сражались с ургалами, с шейдом и с Муртагом, сыном Морзана. Мы служим варденам и народу Алагейзии. И это я принес тебя сюда, Слоан, сын Алденса, и намерен судить тебя за убийство Бирда, за предательство жителей Карвахолла, которых ты выдал имперским войскам.

— Ты лжешь! Ты не можешь быть...

— Лгу? — взревел Эрагон. — Нет, мясник, я не лгу! — И он мысленно проник в сознание Слоана, заставив мясника вспомнить все то, что подтверждало справедливость его, Эрагона, слов. Ему также хотелось, чтобы Слоан почувствовал его силу, его нынешнее могущество и понял, что он, Эрагон, уже более не просто человек. *И хотя даже самому* Эрагону эта последняя мысль не очень-то нравилась, он все же наслаждался тем, как легко сейчас ему управлять сознанием этого человека, столько раз обижавшего и оскорблявшего и самого Эрагона, и его семью и доставившего столько горя жителям Карвахолла. Сознание Слоана он покинул довольно быстро, пробыв там примерно с минуту. Мясника била дрожь, однако на землю он не рухнул и не стал пресмыкаться, как ожидал от него Эрагон. Напротив, через какое-то время Слоан взял себя в руки, и поведение его совершенно переменилось; теперь он был крепок, как кремень, и холодно заявил Эрагону:

— Черт возьми, Эрагон Ничейный Сын, я вовсе не обязан раскрывать перед тобой душу! А впрочем, постарайся понять: все это я сделал только ради Катрины.

— Я знаю. И только по этой причине ты до сих пор еще жив.

— Что ж, делай со мной, что хочешь. Мне все равно, раз она в безопасности. Ну же, давай! Что ты еще можешь со мной сделать? Избить до полусмерти? Жечь каленым железом? Глаза мне уже выкололи, так что осталось только руку отнять. Или, может, ты оставишь меня умирать здесь от

голода? Если, конечно, меня снова не возьмут в плен слуги Империи...

— Я еще не решил.

Слоан кивнул, резким движением запахнул свои изорванные лохмотья, пытаясь хоть как-то защититься от ночного холода, и гордо выпрямился, точно взятый в плен воин. Он смотрел безжизненными пустыми глазницами во тьму, окутавшую их лагерь, и ни о чем не молил, не просил его помиловать, не отрицал своих преступлений, не делал попытки подкупить Эрагона. Он просто сидел и ждал, точно в доспехи закованный в абсолютное стоическое молчание.

На Эрагона его мужественное поведение, надо сказать, произвело сильное впечатление.

Темное пространство вокруг них казалось бескрайним, но Эрагону отчего-то представлялось, что оно потихоньку смыкается, точно пытаясь поймать их в невидимые сети, и от этого ощущения необъяснимая тревога, которую он испытывал из-за необходимости делать столь непростой выбор, становилась только сильнее. «Ведь от моего приговора зависит вся его дальнейшая жизнь», — думал он.

На время отодвинув вопрос о наказании Слоана, Эрагон прикинул: а что он, собственно, о нем знает? Этот человек самозабвенно любит свою дочь — собственнической, эгоистичной, какой-то нездоровой любовью, имеющей, впрочем, определенную связь с той ненавистью и страхом, которые он испытывает к Спайну, месту гибели его жены Измиры и вечному источнику его тоски. Он сторонится своих родственников, но очень гордится своей работой и любит ее. А еще Эрагон вспомнил кое-какие истории о трудном детстве Слоана. Впрочем, он и сам очень неплохо знал, каково это — жить в Карвахолле, не имея родителей.

Эрагон так и сяк крутил эти разрозненные сведения и воспоминания, размышляя над их сутью и смыслом и пытаясь пригнать их друг к другу, точно разрозненные детали головоломки. Это плохо ему удавалось, однако он был упорен и вскоре выследил немало связей между событиями и чувствами, наполнявшими жизнь Слоана, и у него получился не совсем ясный, но все же вполне правдоподобный портрет того, кем был этот непростой человек. Вплетя в свой

мысленный гобелен последнюю нить, Эрагон почувствовал, что вроде бы стал понимать даже причины предательства Слоана. В общем, теперь он до некоторой степени чувствовал этого человека.

И не только чувствовал; ему казалось, что он его понимает, что ему удалось вычленить те основы, что составляют личность Слоана, те элементы, без которых он оказался бы совершенно иным человеком. И тут ему на ум пришли три слова древнего языка, которые, казалось, полностью вмещали в себя сущность Слоана, и, ни секунды не думая, Эрагон неслышно прошептал эти три слова.

Слоан не мог этого слышать, однако же вздрогнул, впился пальцами в ляжки, и на лице его возникло тревожное выражение.

Холодные мурашки поползли по телу Эрагона, по его рукам и ногам, когда он увидел, как мясник реагирует на его, Эрагона, раздумья. Он даже попытался найти какое-то объяснение подобной реакции, и каждое из этих объяснений оказывалось более невероятным и запутанным, чем предыдущее. Лишь одно из них в итоге показалось ему более-менее приемлемым, но даже и с ним он никак не мог полностью согласиться. Он снова прошептал три заветных слова, и, как и в предыдущий раз, Слоан беспокойно заерзал и почти неслышно пробормотал: «Кто там топчет мою могилу?..»

Эрагон медленно выдохнул, не в силах поверить собственной догадке. Однако проделанный опыт не оставлял места сомнениям: он совершенно случайно угадал *истинное имя* Слоана! Это открытие даже слегка ошеломило его. Знать чье-то истинное имя — тяжкая ответственность, ибо это дает полное право властвовать над тем, кому это имя принадлежит. Подобные знания таят в себе множество тайных опасностей, а потому эльфы, например, крайне редко открывают кому-то свои истинные имена, а уж если открывают, то только тем, кому доверяют без оглядки.

Прежде Эрагону никогда еще не доводилось узнать чье-то истинное имя. И он всегда думал, что если это случится, то только как некий дар от того, кого он очень любит, ради кого готов даже жизнью своей пожертвовать. То, что он сам и без согласия Слоана узнал его истинное имя, было просто

стечением обстоятельств, и Эрагон оказался совершенно к этому не готов, а потому пребывал в неуверенности, не зная, что с этим знанием делать. Особенно его угнетало то, что истинное имя Слоана он мог узнать только в том случае, если понимал этого человека лучше, чем самого себя, тогда как своего собственного имени Эрагон так и не знал, и у него не было на этот счет ни малейших догадок.

Вот что совершенно выбило его из колеи. Он подозревал, зная природу своих врагов, что о себе самом ему известно далеко не все и это вполне может оказаться для него смертельно опасным. И вот сейчас, в эту самую минуту, Эрагон поклялся себе, что непременно уделит значительно больше времени изучению собственного «я» и попытается все же узнать, каково его истинное имя. Он очень надеялся, что в этом ему смогут помочь Оромис и Глаэдр.

Какие бы сомнения, какую бы бурю чувств ни вызвало в его душе случайное обнаружение истинного имени Слоана, это все оказалось для него полезным, ибо дало ему некую подсказку относительно того, как ему поступить с мясником. Однако, хотя общий план действий был ему теперь ясен, он все же некоторое время еще прикидывал, удастся ли ему воплотить этот план в жизнь именно так, как хотелось бы.

Слоан слегка качнул головой и повернулся к Эрагону, когда тот встал и сделал несколько шагов за пределы круга, освещенного слабеньким светом костерка.

— Куда ты идешь? — спросил Слоан.

Эрагон не ответил и ушел во тьму.

Он бродил по этой дикой местности довольно долго, пока не отыскал низкий широкий камень, покрытый пятнами лишайников с чашеобразным углублением посредине.

— Адурна рийза! — сказал он, и вокруг этой естественной каменной чаши возникло множество изящных изогнутых серебристых трубочек, по которым в нее стали по капельке стекать те запасы влаги, что таились в почве. Когда углубление в камне наполнилось водой и эта вода, вызванная силой магического заклятья, стала возвращаться обратно в землю, Эрагон остановил чары.

Он выждал, когда поверхность воды станет абсолютно спокойной и застывшей, как зеркало, и опустился перед камнем на колени. В тихой воде плавали отражения звезд.

— Драумр копа! — сказал Эрагон и прибавил еще несколько древних слов, составлявших заклинание, позволяющее видеть других на расстоянии и говорить с ними. Оромис научил его пользоваться этим «магическим зеркалом» за два дня до того, как они с Сапфирой улетели из Эллесмеры в Сурду.

Вода казалась совершенно черной, а отражавшиеся в ней звезды были похожи на горящие свечи. Вскоре в центре водяного зеркала появилось светлое пятно овальной формы, затем изображение стало более четким, и Эрагон узнал внутреннее убранство большого белого шатра, в котором горел лишенный пламени красный эльфийский светильник эрисдар.

Обычно Эрагону не удавалось даже в «магическом кристалле» увидеть человека или место, которых он никогда прежде не видел, однако эльфийское «говорящее зеркало» обладало возможностью передать нужное изображение любому, кто в него заглянет. Но и «по ту сторону» собеседник Эрагона видел и его самого, и то, что его окружало. Таким образом могли общаться друг с другом даже совершенные незнакомцы, находясь при этом в любом уголке света, что было особенно важно, скажем, во время войны.

В поле зрения Эрагона попал высокий эльф с серебристыми волосами и в доспехах, явно поврежденных в бою. В нем Эрагон узнал лорда Даэтхедра, советника королевы Имиладрис и друга Арьи. Если Даэтхедр и был удивлен, увидев Эрагона, то никак этого не проявил; он лишь поклонился, привычным жестом коснулся двумя пальцами губ и сказал своим певучим голосом:

— Атра эстерни оно тхельдуин, Эрагон Шуртугал.

Эрагон в точности повторил жест эльфа и ответил тоже на древнем языке:

— Атра дю эваринья оно варда, Даэтхедр-водхр.

— Рад узнать, что у тебя все хорошо, Губитель Шейдов, — продолжил на языке эльфов Даэтхедр. — Арья-дрётнингу несколько дней назад сообщила нам о твоей миссии, и мы

весьма тревожились о тебе и Сапфире. Я надеюсь, тебе все удалось?

— Да, но у меня возникла некая непредвиденная проблема, и я, если можно, хотел бы получить мудрый совет королевы Имиладрис, ибо не знаю, как мне поступить.

Даэтхедр прикрыл веками свои кошачьи глаза, отчего они превратились в две изогнутые щелки, а на лице его появилось непроницаемое и довольно свирепое выражение.

— Я знаю, ты не попросил бы об этом без крайней нужды, Эрагон-водхр, но имей в виду: снятый с плеча лук может столь же легко и ранить самого лучника, и его врага... А теперь, если угодно, подожди: я справлюсь, согласится ли королева побеседовать с тобой.

— Конечно, я подожду. От всей души благодарю тебя за содействие, Даэтхедр-водхр.

Когда эльф отвернулся от волшебного зеркала, Эрагон невольно поморщился. Ему не нравилась чрезмерная светскость эльфов, но больше всего он ненавидел то, что никогда нельзя сразу разобраться в их витиеватых заявлениях. «Неужели нельзя ответить прямо? О чем он предупреждал меня? То ли о том, что плести заговоры вокруг королевы — дело опасное и напрасное, или же о том, что Имиладрис и есть тот самый снятый с плеча лук, готовый выстрелить? А может, он имел в виду нечто совсем иное?»

Однако же он решил, что все не так уж плохо, раз ему удалось связаться с эльфами. Они окружили свое убежище такими невероятно мощными магическими средствами защиты, что проникнуть в волшебный лес Дю Вельденварден было почти невозможно ни мысленно, ни физически. Пока эльфы находились в своих лесных городах, с ними можно было общаться только посредством посланников. Но теперь, когда они вышли в поход и покинули свои тенистые сосновые леса, их великая магия более уже не являлась столь непреодолимой защитой, вот почему и Эрагону удалось установить с ними связь с помощью волшебного зеркала.

Однако прошла минута, вторая, но Даэтхедр не появлялся. И Эрагон начинал тревожиться.

— Ну же! — шептал он и тут же оглядывался, чтобы убедиться, что никто, ни зверь, ни человек, не подкрался к

нему и не подслушивает, пока он смотрит в эту каменную чашу с водой.

Наконец со звуком, напоминающим звук рвущейся материи, распахнулся полог шатра; оттуда стремительно вышла королева Имиладрис и направилась прямо к волшебному зеркалу. На ней были блестящие доспехи, напоминавшие золотистую чешую, кольчуга, поножи и изящный шлем, украшенный драгоценными каменьями, из-под которого водопадом падали на плечи ее роскошные черные кудри. Отделанный белым мехом капюшон красного плаща был отброшен, и вся она вообще напоминала Эрагону грозовую тучу, в которой сверкают молнии. В левой руке Имиладрис сжимала обнаженный меч, а правая была как будто в алой перчатке, и лишь через *несколько секунд Эрагон понял, что* эта рука у нее окровавлена.

Разлетающиеся брови Имиладрис чуть сдвинулись, когда она глянула на Эрагона. Этим жестом она невероятно походила на Арью, хотя ее стать и повадка были куда более царственными, чем у дочери. Имиладрис была одновременно прекрасна и ужасна, точно устрашающая богиня войны.

Эрагон коснулся двумя пальцами губ, затем совершил весьма сложное движение правой рукой, выражая королеве эльфов свою верность и почтение, затем первым, как и полагалось, произнес первую строку их длинного традиционного приветствия, ибо Имиладрис была, безусловно, значительно выше его по положению. Она ответила соответствующим образом, и Эрагон, пытаясь доставить ей удовольствие и продемонстрировать свое знание эльфийских обычаев, завершил этот обмен приветствиями третьей строкой официальной формулы:

— И да пребудет мир в сердце твоем!

Яростное выражение лица Имиладрис несколько смягчилось, слабая улыбка тронула ее губы; она как бы признавала, что разгадала его маневр и благодарна ему за соблюдение всех эльфийских обычаев.

— И в твоем сердце да пребудет мир, Губитель Шейдов. — В низком грудном голосе королевы слышались, казалось, и шелест сосновых игл, и журчание ручьев, и нежная музыка эльфийских тростниковых свирелей. Сунув меч в ножны,

она вошла в шатер и остановилась у раскладного походного столика, смывая кровь с руки водой из кувшина. — Боюсь, правда, мир в наши дни трудно достижим.

— Идут тяжелые бои, ваше величество?

— Они грядут вскоре. Мой народ собирается у западных границ Дю Вельденвардена; мы готовимся убивать и умирать, находясь как можно ближе к столь любимым нами деревьям. Эльфы рассеяны по всему свету и не привыкли маршировать рядами и колоннами, как другие народы — чем они, кстати, причиняют земле огромный ущерб, — так что нам требуется время, чтобы собраться вместе, ибо еще далеко не все прибыли из наиболее отдаленных концов Алагейзии.

— Я понимаю. Только... — Эрагон пытался как-то так задать свой вопрос, чтобы не показаться грубым. — Только если сражение еще не началось, то отчего же вся твоя рука в крови?

Стряхивая с пальцев капли воды, Имиладрис показала ему свою идеальной формы золотисто-смуглую руку, и Эрагон понял, что именно ее руки служили моделью для той скульптуры — двух переплетенных рук, — что стояла в Эллесмере у входа в его дом-дерево.

— Видишь? Она уже чиста. Кровь оставляет пятна на душе, а не на теле. Я сказала тебе, что нам предстоят тяжелые бои в будущем, а не то, что мы их до сих пор еще не начали. — Она поправила рукав нижней сорочки, натянув его до запястья, а из-под украшенного самоцветами пояса извлекла латную перчатку, расшитую серебряной нитью, и спрятала в нее раненую руку. — Мы рассматривали в качестве первого объекта для атаки город Кевнон. Два дня назад наши разведчики выследили караваны людей и мулов, которые тянутся от Кевнона к лесу Дю Вельденварден. Сперва мы думали, что они просто хотят собрать на опушке срубленные деревья, как делают довольно часто. Мы это терпим, поскольку людям необходим лес, а деревья на опушке молоды и почти не подчиняются нам, да и мы сами не имеем особого желания раньше времени обнаруживать себя. Однако же те караваны на опушке не остановились, а углубились в чащу по тем звериным тропам, которые, очевидно,

хорошо знакомы их проводникам. Для порубки они выискивали самые высокие и мощные деревья — деревья, столь же древние, как и сама Алагейзия, деревья, которые уже были взрослыми, когда гномы основали свой город в горе Фартхен Дур. — Голос Имиладрис задрожал от гнева. — По отдельным репликам этих людей мы поняли, зачем они проникли в наш лес и валят эти деревья. Гальбаториксу нужны были самые мощные древесные стволы для изготовления новых осадных и стенобитных орудий, многие из которых он утратил или сильно повредил во время сражения на Пылающих Равнинах. Если бы намерения этих людей были чисты и честны, мы, возможно, и простили бы им потерю одного из патриархов нашего леса. Может быть, даже двух. Но не двадцати восьми!

У Эрагона по спине пополз холодок.

— И что же вы сделали? — спросил он, хотя и так уже знал ответ на свой вопрос.

Имиладрис гордо вскинула голову; лицо ее словно окаменело.

— Я была там вместе с двумя нашими разведчиками. Вместе мы *исправили* ошибку, совершенную этими людьми. В былые годы жители Кевнона гораздо лучше знали, что не стоит вторгаться в наши владения. Сегодня мы им напомнили, почему это так. — Она то и дело невольно потирала правую руку — видимо, та все-таки еще сильно болела. Словно погруженная в собственные мысли, она долго смотрела куда-то в сторону, потом задумчиво промолвила: — Ты уже понял, Эрагон-финиарель, что значит иметь возможность соприкасаться с жизненной силой тех растений и животных, которые тебя окружают. Представь себе, как, с какой любовью и нежностью ты относился бы к ним, если бы владел этой способностью в течение многих веков. Мы, эльфы, отдаем часть своей энергии, поддерживая жизнь Дю Вельденвардена; этот лес является истинным продолжением нашего тела, нашей души. И если ему наносят ущерб, его наносят и нам... Эльфов трудно вывести из себя и заставить воевать, но если уж это произошло, то мы ведем себя, как драконы, ибо гнев наш поистине не знает пределов. Прошло уже более ста лет с тех пор, как мы, я и большая часть

моего народа, проливали кровь в бою. И этот мир забыл, на что мы способны. Наши силы, возможно, несколько ослабели после падения Всадников, но мы по-прежнему вполне способны до конца отомстить за себя; и нашим врагам будет казаться при этом, что против них восстали даже сами силы природы. Мы — Старейший Народ; наши умения и знания намного превосходят умения и знания смертных. И я бы советовала Гальбаториксу и его союзникам быть осторожнее, ибо если эльфы и покинут свой лес — а они вот-вот это сделают, — то вернутся они туда с победой или не вернутся никогда.

Эрагон вздрогнул. Даже во время своего сражения с Дурзой он не чувствовал в своем противнике столь непреклонной решимости и безжалостности. «Да, это, конечно, совсем не люди, — подумал он и сам же над собой посмеялся. — Ну, естественно, нет! И мне надо хорошенько это запомнить! Как бы сильно мы не походили друг на друга внешне — а уж я-то теперь и вовсе выгляжу почти как эльф — мы далеко не одно и то же».

— Но если вы возьмете Кевнон, — сказал он, — то как поступите с тамошними жителями? Они, может, и ненавидят Империю лютой ненавистью, но я все же сомневаюсь, что они так уж сразу захотят подчиниться и довериться вам. Хотя бы потому, что привыкли не слишком доверять эльфам.

Имиладрис только отмахнулась:

— *Это совершенно не важно. Как только* мы окажемся за городской стеной, то сумеем найти такой способ, чтобы никто даже не вздумал пойти против нас. Мы ведь не впервые будем сражаться с вашим народом. — Она сняла свой шлем, и ее черные, как вороново крыло, кудри рассыпались по плечам и по спине, точно в раму заключив ее тонкое лицо. — Да, между прочим, мне не доставило ни малейшей радости известие о твоем налете на Хелгринд. Насколько я знаю, все завершилось довольно успешно?

— Да, ваше величество.

— Тогда мои возражения лишены смысла. Однако же предупреждаю тебя, Эрагон Шуртугал, не подвергай себя опасности понапрасну, ввязываясь в бессмысленные

авантюры. Вынуждена сказать тебе — хоть это и звучит довольно жестоко, но является вполне справедливым, — что твоя жизнь сейчас для всех нас куда важнее, чем личное счастье твоего двоюродного брата.

— Но я дал Рорану клятву, что непременно помогу ему.

— В таком случае ты проявил непростительную беспечность, ибо не учел возможных последствий.

— Неужели ты хотела бы, чтобы я бросил в беде тех, кого люблю? Если бы я это сделал, то поистине был бы достоин презрения и недоверия. Разве после такого поступка мне стали бы верить люди, которые надеются, что я смогу каким-то образом непременно свергнуть Гальбаторикса? А кроме того, пока Катрина была заложницей Гальбаторикса, Роран был весьма уязвимой мишенью для его всевозможных манипуляций. Он ведь мой брат.

Королева приподняла заостренную, как кинжал, бровь.

— Кстати, ты мог бы существенно уменьшить уязвимость Рорана, обучив его кое-каким заклинаниям, языку магии... Это во-первых. А во-вторых, я вовсе не требую, чтобы ты отрекся от своих друзей или родных. Это было бы полным безумием с моей стороны. Но ты должен очень четко сознавать, что именно сейчас стоит на кону: целостность Алагейзии и единство всех ее сил. Если мы сейчас проиграем, то тирания Гальбаторикса распространится на все народы, и тогда его правлению не будет конца. Ты сейчас — как бы наконечник копья, а его древко — это наши совместные усилия; но если наконечник сломается, то и копье отскочит от доспехов противника, а значит, все мы можем погибнуть.

Сухие лишайники заскрипели под пальцами Эрагона, с такой силой он стиснул края каменной чаши, пытаясь подавить желание немедленно возразить Имиладрис и сообщить ей, что у всякого хорошо экипированного воина помимо копья должен быть еще меч и другое оружие. Он был страшно огорчен тем, какое направление приняла их беседа, и хотел как можно скорее переменить тему. Он не устанавливал с королевой эльфов мысленной связи, и теперь она могла отчитывать его, как ребенка. Это его злило, однако он понимал, что если позволит своему нетерпению взять над ним верх, то ровным счетом ничего не добьется

и никакого совета от нее не получит, а потому, стараясь держаться спокойно, он ответил:

— Прошу вас, ваше величество, верьте мне. Я всем сердцем разделяю ваши заботы и устремления, ибо они являются и моими. В свое оправдание я могу лишь сказать, что если бы я не помог Рорану, то до конца жизни презирал бы себя, особенно если бы он погиб, пытаясь самостоятельно освободить Катрину. И в таком случае я все равно уже не смог бы никому принести пользу. Не могли бы мы остаться каждый при своем мнении и переменить тему разговора? Ведь ни один из нас другого, похоже, не убедит.

— Хорошо, — кивнула Имиладрис. — Оставим пока эту тему... Но только пока. И не думай, что мы еще не вернемся к этому разговору, Эрагон-Всадник. На мой взгляд, ты слишком вольно относишься к своим, куда более важным, обязанностям, и это очень серьезный вопрос. Я непременно поговорю об этом с Оромисом; пусть он решит, что нам с тобой делать. А теперь рассказывай, зачем тебе понадобил*ся мой совет?*

Эрагон даже зубами скрипнул, но все же заставил себя говорить с властной эльфийской королевой в высшей степени почтительно и любезно. Он быстро рассказал ей о событиях минувшего дня, о причинах того, почему он спас Слоана, и о том наказании, которое для него предполагает.

Когда он умолк, Имиладрис ответила не сразу. Она отвернулась от него и принялась мерить шагами свой шатер; движения у нее были гибкие и точные, как у кошки. Затем, резко остановившись, она сказала:

— Ты предпочел остаться один в самом сердце Империи, спасая жизнь убийце и предателю. У тебя не было ни коня, ни припасов, ни оружия; ты был вооружен одной лишь магией, а твои враги преследовали тебя почти по пятам. Насколько я вижу, мои предшествующие упреки в твой адрес оказались более чем справедливыми, ты...

— Ваше величество, я вижу, вы гневаетесь на меня, но прошу вас: обрушьте на меня всю силу вашего гнева чуть позже. Мне необходимо как можно быстрее решить, как поступить со Слоаном, а потом хоть немного отдохнуть до рассвета; ведь завтра мне предстоит пробежать еще немало миль.

Королева кивнула.

— Да, ты прав. Единственное, что сейчас имеет значение, — это твоя жизнь. Я согласна продолжить наш разговор позже, но предупреждаю: тебе не поздоровится! Что же касается твоей просьбы, то подобного в нашей истории я не помню. На твоем месте я наверняка попросту убила бы этого Слоана и навсегда освободилась от всех связанных с этим проблем.

— Я знаю, что именно так ты бы и поступила. Я однажды видел, как Арья убила раненого ястреба, объяснив мне, что смерть его неизбежна и она лишь избавляет птицу от нескольких часов ненужных страданий. Возможно, мне следовало бы точно так же поступить и со Слоаном, но я не смог. Наверное, я совершил поступок, о котором я стану сожалеть до конца своей жизни. Но если бы я все же убил его, это было бы еще хуже, ибо впоследствии я научился бы убивать не задумываясь.

Имиладрис вздохнула. Она вдруг показалась Эрагону очень усталой, и он напомнил себе, что королева целый день провела в сражении.

— Оромис, возможно, и был твоим учителем, но ты только что доказал, что в действительности ты — истинный ученик и последователь Брома. Бром, и только Бром был способен, как и ты, опутывать себя всевозможными сложностями. Как и он, ты, похоже, приговорен выискивать самое глубокое место в зыбучих песках, а потом без оглядки бросаться туда.

Эрагон подавил невольную улыбку; он был страшно польщен тем, что Имиладрис сравнивает его с Бромом.

— Ну, так как же мне быть со Слоаном? — спросил он. — Его судьба теперь от тебя зависит, госпожа моя.

Имиладрис медленно присела на стул возле складного столика и, положив руки на колени, стала смотреть куда-то в угол волшебного зеркала с выражением глубокой и загадочной задумчивости. Эрагон понимал, что это лишь прекрасная маска, скрывающая ее истинные мысли и чувства, но проникнуть под эту маску он не мог и даже не пытался. Наконец она снова заговорила:

— Раз ты оказался способен, почти не задумываясь, спасти этому человеку жизнь, то и я не могу отказать тебе в твоей просьбе, дабы не сделать бессмысленной принесенную тобой жертву. Если Слоан переживет уготованные тобой испытания, тогда Гилдерин Мудрый позволит ему пройти и получить у нас и кров, и мягкую постель, и вдоволь пищи. Больше я ничего не могу тебе обещать, ибо то, что может случиться в дальнейшем, полностью зависит от самого Слоана; но если все те условия, которые ты перечислил, будут им соблюдены, тогда мы постараемся впустить луч света в окружившую его тьму.

— Спасибо, ваше величество. Вы чрезвычайно великодушны.

— Нет, это отнюдь не великодушие, Эрагон. Война не дает мне права быть великодушной; я всего лишь проявляю здравый смысл. Так что ступай своей дорогой и делай *то, что должен, но прошу* тебя, будь осторожен, Губитель Шейдов.

— Ваше величество... — Эрагон поклонился. — Могу ли я попросить о последнем одолжении? Не стоит пока сообщать Арье, Насуаде или кому-либо из варденов о моем нынешнем положении. Очень вас прошу не делать этого. Я не хочу, чтобы они тревожились обо мне дольше и больше, чем нужно. Да и все равно они скоро обо всем узнают от Сапфиры.

— *Я подумаю над твоей* просьбой.

Эрагон еще немного выждал, но Имиладрис молчала, и ему стало ясно, что о своем решении она ему не скажет больше ни слова. Он снова поклонился и поблагодарил ее.

Светящееся изображение на поверхности воды мигнуло и растаяло во мраке, стоило отзвучать завершающим словам произнесенного Эрагоном заклинания. Слегка откинув голову назад, он посмотрел в небо, где слабо мерцали мириады звезд. Затем, когда глаза немного привыкли к темноте, пошел прочь от этой импровизированной каменной чаши и вскоре сквозь заросли высокой сухой травы и кустов вышел к их костру. Слоан по-прежнему сидел там, выпрямившись и застыв, точно чугунная статуя. Казалось, шагов Эрагона он не слышит.

Эрагон поддел ногой камешек, желая подсказать мяснику, что тот уже не один, и Слоан, резко повернув в его сторону голову, спросил:

— Ну что, ты решил?

— Решил, — сказал Эрагон и присел перед мясником на корточки, слегка опираясь на одну руку. — Слушай меня внимательно, ибо повторять я не намерен. Итак, все свои преступления ты совершил, по твоим словам, из любви к Катрине. Но я считаю — вне зависимости от того, согласен ты с этим или нет, — что у тебя имелись и другие, не менее важные для тебя, причины, чтобы разлучить ее с Рораном: гнев, ненависть, жажда мести, уязвленное самолюбие, физические страдания и так далее.

Слоан так поджал губы, что они стали похожи на две белые ниточки:

— Ты неправильно обо мне думаешь.

— Да нет, вряд ли. Поскольку совесть не позволяет мне просто убить тебя, то я придумал тебе иное наказание, тоже, по-моему, достаточно страшное. Я убежден в одном: Катрина для тебя действительно важнее всего на свете. А потому наказание твое будет следующим: до конца дней своих ты не должен видеться со своей дочерью, разговаривать с нею и касаться ее; ты будешь жить, зная, что они с Рораном счастливы вместе. И без тебя.

Слоан втянул воздух сквозь стиснутые зубы и воскликнул:

— Таково, значит, твое наказание? Ха! Но ты не сможешь воплотить его в жизнь! Как ты заставишь меня сделать все это? У тебя ведь нет тюрьмы, куда ты мог бы меня заключить.

— Я еще не закончил. Я заставлю тебя выполнить все это, ибо ты поклянешься мне на языке эльфов — языке истины и магии, — что исполнишь все предписания вынесенного тебе приговора.

— Ты не можешь заставить меня поклясться в этом! — прорычал Слоан. — Даже под пыткой!

— Смогу. И пытать я тебя не стану. Мало того, я наложу на тебя чары, принуждая тебя отправиться на север и идти в этом направлении до тех пор, пока ты не достигнешь

эльфийского города Эллесмеры, который находится в глубине леса Дю Вельденварден. Ты можешь, конечно, попробовать этому сопротивляться, но сколько бы попыток ты ни делал, мое заклятье будет терзать тебя, точно чесотка, до тех пор, пока ты не подчинишься и по собственной воле не отправишься в королевство эльфов.

— Неужели у тебя не хватает храбрости самостоятельно прикончить меня? — спросил Слоан. — Неужели ты такой трус, что не можешь воткнуть мне в горло клинок, а потому заставляешь меня скитаться в диком краю, слепого, не ведающего пути, пока непогода или дикие звери не завершат начатое тобой? — Он плюнул в Эрагона, но промахнулся. — Ах ты жалкий желтопузый щенок! Отродье вонючей шлюхи! Ты, Эрагон, настоящий ублюдок! Тебя даже собственная мать-сука никогда не вылизывала! Ты ядовитая жаба! Грязная свинья! Да я бы с тобой даже крошкой хлеба не поделился, если б ты голодал! Я бы и капли воды тебе не дал, умирай ты от жажды! Я бы тебя и в общей яме для нищих не похоронил, если б ты сдох! Ты же ничего не понимаешь, у тебя в голове гной вместо мозгов! Ты так труслив, что только и можешь беспомощного человека за щеку укусить!..

А ведь в ругательствах Слоана, думал Эрагон, слушая его, есть даже что-то непристойно впечатляющее. Впрочем, подобное «восхищение» отнюдь не спасало его от желания незамедлительно придушить мясника и заткнуть, наконец, его грязную пасть. Однако он подозревал, что своими проклятиями Слоан нарочно старается его взбесить, заставить его первым нанести удар и положить его жизни слишком быстрый, а потому незаслуженный, конец.

— Может, я и ублюдок, — сказал Эрагон, — но не убийца. — Слоан быстро набрал в грудь воздуха, но возобновить поток своих гнусных обвинений не успел, ибо Эрагон тут же прибавил: — Куда бы ты ни пошел, тебе не захочется ни есть, ни пить, и дикие звери тебя не тронут. Я окутаю тебя кое-какими чарами, которые не позволят ни людям, ни зверям тревожить тебя; мало того, животные сами станут приносить тебе пищу, когда это будет необходимо.

— Тебе такое не под силу! — прошептал Слоан. Даже при свете звезд Эрагону было видно, как смертельно

побледнело его и без того бледное лицо. — Нет у тебя такой возможности! Нет у тебя такого права!

— Я — Всадник, Слоан. И прав у меня не меньше, чем у любого правителя.

И тут Эрагон, которому порядком надоело уже препираться со Слоаном, вслух произнес его истинное имя. Когда тот его услышал, на его лице появилось выражение апокалипсического ужаса. Он воздел перед собой руки и завыл, словно его пронзили кинжалом. Он выл низким дрожащим голосом, полным отчаяния: это был вопль человека, которого собственная его природа как бы приговорила к судьбе, от которой ему нет спасения. Затем Слоан упал на четвереньки, низко опустив голову, и разразился рыданиями; упавшие вперед редкие грязные патлы скрывали его лицо.

Эрагон смотрел на него, потрясенный подобной реакцией. «Неужели, когда кто-то вслух произносит истинное имя человека, он всегда ведет себя именно так? — думал он. — Неужели и со мной так будет?»

Однако же, укрепив сердце и стараясь не обращать внимания на жалкое негодование Слоана, Эрагон принялся осуществлять задуманное. Он повторил истинное имя Слоана, а затем заставил мясника выучить древние слова клятв, которые должны были воспрепятствовать его встречам с Катриной. Слоан сопротивлялся, как мог; он выл и стонал, он скрипел зубами, но выбора у него не было: ему пришлось подчиниться Эрагону, ибо тот знал его истинное имя. Когда с произнесением клятвы было покончено, Эрагон воспользовался пятью заклинаниями, которые должны были не только направить Слоана в Эллесмеру, но защитить его от любого насилия, а также заставить птиц, зверей и рыб, обитающих в реках и озерах, давать ему пищу. Но заклинания эти Эрагон произнес так, чтобы впоследствии они черпали силу не в нем, а в самом Слоане.

Полночь давно миновала, когда Эрагон завершил наложение последних чар. Его шатало от усталости. Бессильно опершись о свой посох из боярышника, он посмотрел на лежавшего у его ног Слоана, свернувшегося клубком, и сказал:

— Я закончил.

Мясник ответил сдавленным стоном. Казалось, он хочет что-то сказать, и Эрагон, нахмурившись, присел возле него на корточки. Щеки Слоана были красны от крови, так сильно он их себе исцарапал, и перепачканы соплями и слезами, капавшими из уголков его пустой левой глазницы, которая, видимо, была все же менее искалечена, чем правая. В душе Эрагона поднялась волна жалости и вины; ему не доставляло ни малейшего удовольствия даже этого человека видеть до такой степени униженным. Мясник был сломлен, ибо лишился всего, что ценил в жизни, в том числе и собственных заблуждений, и это именно он, Эрагон, сломил его. И Эрагону вдруг показалось, что он совершил нечто постыдное. «Но это же было необходимо, — думал он, — хотя я никому бы не пожелал совершить такое».

Слоан снова застонал. Эрагон с трудом разобрал несколько невнятных слов, сорвавшихся с губ мясника:

— Всего лишь кусок веревки! Я же не хотел... Измира... Нет, нет, прошу вас, не надо... — Невнятное бормотание стихло, и в наступившей тишине Эрагон мягко коснулся плеча Слоана. Тот замер. — Эрагон... — прошептал он, — Эрагон... я слеп, а ты велел мне идти через всю страну... в полном одиночестве. Я всеми покинут, я проклят и знаю, кто я. Мне не вынести этого. Помоги мне, Эрагон. Убей меня! Освободи от этой пытки.

И Эрагон, повинуясь невольному порыву, сунул ему в руку свой посох:

— Вот, возьми мой посох. Пусть он ведет тебя в твоих странствиях. Не бойся, Слоан.

— Убей меня!

— Нет.

Какой-то надтреснутый смех или стон вырвался у Слоана из глотки, и он принялся колотить по земле кулаками, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Жестокий! О, до чего же ты жестокий! — Сил у него было немного, и вскоре они ему совсем изменили; он рухнул на землю и совсем скорчился, задыхаясь от бессилия и жалобно причитая.

Наклонившись над ним, Эрагон приблизил губы к его уху и прошептал:

— Я отнюдь не лишен милосердия, а потому даю тебе вот какую надежду: если ты доберешься до Эллесмеры, то найдешь там дом, который ждет тебя. Эльфы станут заботиться о тебе и позволят тебе делать все, что ты захочешь, за исключением одного: как только ты войдешь в лес Дю Вельденварден, ты никогда уже не сможешь выйти оттуда. Но послушай меня: когда я жил у эльфов, то узнал, что истинное имя человека может с возрастом и перемениться. Ты понимаешь, что это значит? То, кем ты являешься сейчас, это не навсегда. Человек может создать себя заново, если захочет.

Но Слоан ничего ему не ответил.

Оставив возле него свой посох, Эрагон обошел костер и вытянулся во весь рост на земле. Уже закрыв глаза, он пробормотал заклинание, которое должно было разбудить его еще до рассвета, и наконец соскользнул в ласковые объятия своего чуткого сна.

На Серой Пустоши царили тьма и ночной холод, и выглядела она весьма негостеприимно, когда в ушах Эрагона прозвучало негромкое гудение.

— Летта, — сказал он, и гудение прекратилось. Со стоном расправив усталые мышцы, он поднялся с земли и с силой помахал руками, разгоняя кровь. Особенно сильно болела спина, но он очень надеялся, что оружием в ближайшем будущем ему размахивать не придется. Опустив руки, он поискал глазами Слоана, но мясник исчез.

Эрагон улыбнулся, увидев, что в сторону от лагеря уходит цепочка следов, рядом с которой тянутся круглые дырки, оставленные его посохом. Следы шли неровно, то отклоняясь в сторону, то возвращаясь назад и пересекая сами себя, однако основное направление было ясным: Слоан шел на север, к волшебному эльфийскому лесу.

«Я хочу, чтобы ему все удалось, — с легким удивлением подумал Эрагон. — Да, я этого хочу, потому что тогда, значит, у всех у нас есть шанс изменить собственную судьбу, сполна расплатившись за свои прежние ошибки. И если уж Слоан сумеет исправиться и как-то искупить то зло, которое совершил, то его положение окажется не столь безнадежным,

как это представляется ему сейчас». Эрагон не стал говорить мяснику, что если он по-настоящему раскается в совершенных им преступлениях и изменит свою жизнь к лучшему, то королева Имиладрис, возможно, попросит своих магов восстановить ему зрение. Однако же эту награду Слоан еще должен был заслужить, ничего не зная о ней и не пытаясь обманом заставить эльфов до срока вернуть ему способность видеть.

Эрагон довольно долго смотрел на отпечатки ног и посоха, потом поднял глаза к горизонту и промолвил:

— Удачи тебе.

Затем, стряхнув с себя усталость, не прошедшую после слишком короткого ночного отдыха, и вполне довольный собой, он повернулся в другую сторону и побежал через пустошь. Он знал, что поблизости, на юго-западной окраине этой пустоши, среди нагромождения скал и камней, покоится в своей алмазной гробнице тело Брома, и ему страстно хотелось свернуть туда и поклониться могиле своего учителя и друга, но сделать это он так и не осмелился, понимая, что, если Гальбаторикс обнаружил эту гробницу, его слуги наверняка уже там.

— Я вернусь, — сказал Эрагон. — Обещаю тебе, Бром: когда-нибудь я непременно вернусь.

И он поспешно продолжил свой путь.

Испытание длинных ножей

— Но мы ведь твой народ!

Фадавар, высокий темнокожий человек с широким приплюснутым носом, говорил с тем же напором и так же глотал гласные, как и те люди с родины Аджихада, которые прибывали в Фартхен Дур в качестве посланцев. Насуада хорошо помнила, как сидела у отца на коленях и дремала, пока они разговаривали, покуривая душистую травку кардус.

Насуада подняла глаза на Фадавара и пожалела, что не родилась великаншей футов на шесть повыше, чтобы можно было смотреть на этого свирепого воителя и его четверых охранников свысока. А впрочем, она давно уже привыкла к тому, что мужчины по большей части значительно выше ее и вечно над ней нависают. Как ни странно, но ей было куда непривычнее находиться среди людей с такой же темной кожей, как у нее самой, не являясь при этом ни объектом повышенного любопытства, ни мишенью для обидных комментариев.

Она стояла перед своим резным троном — одним из весьма немногочисленных предметов мебели, который разрешила варденам взять с собой из Фартхен Дура, — и лучи закатного солнца, проникая сквозь стены ее командного красного шатра, окутывали все вокруг таинственным рубиновым туманом. Длинный низкий стол, заваленный всевозможными донесениями и картами, занимал почти половину помещения.

Насуада знала, что у входа в шатер стоят шестеро ее личных охранников — двое людей, двое гномов и двое ургалов — и ждут с обнаженными мечами в руках любого сигнала с ее стороны, чтобы в случае опасности атаковать врага в любую минуту. Джормундур, самый старший и самый

надежный из ее командиров, окружил ее охраной в тот же день, когда погиб Аджихад, однако охранников никогда не было так много. Все началось после битвы на Пылающих Равнинах. Джормундур выразил глубочайшую озабоченность тем, что безопасность Насуады как предводительницы варденов должным образом не обеспечивается. И озабоченность Джормундура была, по его словам, столь велика, что он зачастую просто места себе не находил, особенно по ночам. А поскольку в Аберонe Насуаду уже пытались убить, да и Муртаг у нее на глазах самым гнусным образом прикончил короля гномов Хротгара, то, как считал Джормундур, следовало создать особый отряд, который отвечал бы за ее личную безопасность. Насуада возражала; она считала, что это чересчур, но переубедить Джормундура так и не смогла; он пригрозил, что уйдет со своего поста, если она откажется принять то, что он считает нормальными мерами безопасности. И она согласилась обсудить с ним, сколько человек охраны ей следует иметь. Он требовал не менее дюжины, причем на постоянной основе. Она хотела, чтобы их было не больше четырех. Договорились на шести, но и это казалось Насуаде чрезмерным; она опасалась, что вардены сочтут ее трусихой или, что еще хуже, будто она хочет произвести впечатление, а может, и испугать тех, кто ищет ее аудиенции. Впрочем, ее возражения и на этот раз ничуть не поколебали убежденности Джормундура. А когда Насуада, рассердившись, обвинила его в том, что он просто старый, упрямый пень или осина с трясущимися от страха листьями, он рассмеялся и сказал: «Пусть лучше упрямый, старый пень, чем глупый, беспечный юнец, убитый до срока».

Охрана Насуады менялась каждые шесть часов; общее число охранников составляло тридцать четыре человека, и еще десять дополнительных воинов также постоянно пребывали в боевой готовности и могли мгновенно заменить любого охранника в случае его болезни, ранения или смерти.

Именно Насуада настояла на том, чтобы в это число входили представители всех трех смертных народов, выступивших против Гальбаторикса. Поступая так, она надеялась дополнительно сплотить их, дав всем понять, что

представляет интересы всех этих народов, находящихся под ее командованием. Она бы, конечно, включила сюда и эльфов, однако в данный момент Арья была единственным эльфом, сражавшимся вместе с варденами, а те двенадцать заклинателей, которых Имиладрис послала защищать Эрагона, еще только должны были прибыть в лагерь. Насуаду весьма огорчало то, что люди и гномы из ее охраны оказались довольно враждебно настроены по отношению к ургалам; она предвидела нечто подобное, но так ничего и не смогла с этим поделать. Видимо, потребуется немало совместных сражений, чтобы несколько ослабить то напряжение, что издавна существовало в Алагейзии между представителями различных рас, в течение стольких поколений ненавидевших друг друга. И все же кое-какие положительные сдвиги имелись; например, ее охрана единодушно выбрала название для своего отряда: Ночные Ястребы. Это название, с одной стороны, перекликалось с цветом кожи Насуады, а с другой — с тем, что ургалы прозвали ее «госпожой Ночной Охотницей» и неизменно обращались к ней именно так.

Хоть Насуаде и не хотелось признаваться в этом Джормундуру, она все же довольно быстро оценила те преимущества и то ощущение безопасности, которое обеспечивали ее охранники. Помимо того, что все они мастерски владели тем или иным видом оружия — мечами, или боевыми топорами гномов, или теми невероятными предметами, которыми пользовались ургалы, — многие из них оказались еще и искусными заклинателями. Все они поклялись до конца жизни быть верными Насуаде и принесли присягу на языке древних. С самого первого дня, как только Ночные Ястребы приступили к своим обязанностям, они не оставляли Насуаду наедине ни с одним человеком за исключением Фарики, ее горничной.

Так было до сих пор.

А сейчас Насуада отослала их из шатра, потому что знала: ее разговор с Фадаваром может закончиться кровопролитием, которое Ночные Ястребы непременно захотят предотвратить в силу своих представлений о долге. Впрочем, совершенно беззащитной она не осталась. В складках платья у

нее был спрятан кинжал, на груди под корсетом — еще нож, поменьше, да и ясновидящая девочка-ведьма Эльва спряталась за занавеской, отгороженная троном Насуады и готовая вмешаться, если возникнет такая необходимость.

Фадавар в гневе стукнул своим четырехфутовым, из чистого золота скипетром по земляному полу. Сам Фадавар был украшен самым невероятным образом: золотые браслеты скрывали его запястья; нагрудная пластина доспехов тоже была золотой, украшенной чернью; на шее висели длинные и толстые золотые цепи; мочки ушей оттягивали тяжелые большие кольца из белого золота; а на макушке красовалась сверкающая золотая корона такой величины, что Насуада даже задумалась, как это шея Фадавара выдерживает такую тяжесть и как вообще подобное «архитектурное сооружение» умудряется держаться у него на голове. Казалось, просто необходимо привинтить эту штуковину высотой в два с половиной фута прямо к «фундаменту», то есть к черепу Фадавара, чтобы удержать ее от падения.

Сопровождающие Фадавара были одеты в том же духе, хотя и не с такой убийственной роскошью. Золото на них должно было не только оповещать всех об их богатстве и том высоком положении, которое они занимали в обществе, но и об индивидуальных достижениях каждого, а также служить свидетельством мастерства их соплеменников-ювелиров. Представители темнокожих племен Алагейзии, как кочевых, так и оседлых, издавна славились качеством своих ювелирных изделий, и самые лучшие из них вполне могли соперничать в этом отношении с гномами.

У Насуады тоже имелись подобные украшения, однако она предпочла сегодня их не надевать. Все равно ее «жалкий» выбор вряд ли мог соперничать с великолепием Фадавара. Кроме того, она считала, что неразумно демонстрировать свою принадлежность к тому или иному народу, каким бы богатым и влиятельным он ни был, когда имеешь дело со столькими варденами, среди которых множество представителей весьма отличающихся друг от друга рас и племен. Если бы она проявила к кому-то особое расположение, ее авторитет сразу значительно упал бы.

Что, собственно, и лежало в основе ее разногласий с Фадаваром.

Он снова пристукнул своим скипетром по земле и воскликнул:

— Кровь — вот самое главное! Прежде всего ты отвечаешь перед своей семьей, затем — перед своим племенем, затем — перед своим военачальником, затем — перед богами, что над землей и под землей, и только потом — перед своим правителем и своим государством, если они у тебя вообще имеются. Именно так наставлял свой народ Унулукуна, и именно так нам следует жить, если мы хотим жить счастливо. Неужели ты осмелишься плюнуть на сандалии Старейшего? Если мужчина не помогает своей семье, то на кого же он может положиться, если ему самому понадобится помощь? Друзья приходят и уходят, но семья незыблема и вечна.

— Ты просишь меня, — сказала Насуада, — дать высокие посты и наделить значительной властью твоих соплеменников на том основании, что ты — родственник моей матери, да и отец мой родом из твоей страны. И я бы с удовольствием выполнила твою просьбу, если бы твои соплеменники были действительно лучше всех, если бы они выполняли свои поручения быстрее и разумнее всех прочих варденов, но пока что ни один из твоих доводов, ни одно из моих собственных наблюдений не убеждает меня, что это так. И прежде чем ты снова пустишь в ход свое непревзойденное красноречие, тебе следует уяснить, что требования и просьбы, основанные на общности нашей крови, для меня ровным счетом ничего не значат. Я бы, пожалуй, даже подумала еще над твоей просьбой, если бы ты сам в былые годы больше поддерживал моего отца, а не присылал в Фартхен Дур всякие блестящие безделушки и пустые обещания. Только теперь, когда мы, наконец, одержали существенную победу, ты, понимая, что я обладаю достаточным влиянием, решил, наконец, познакомиться со мной поближе. Ну что ж, родители мои умерли, и теперь у меня нет иной семьи, кроме меня самой. Да, мы с тобой принадлежим к одному народу, но это и все.

Фадавар прищурился, еще выше задрал подбородок и сказал:

— Женская гордость всегда лишена смысла. Без нашей поддержки ты проиграешь.

Он перешел на свой родной язык, вынуждая и Насуаду говорить на этом языке, чего она терпеть не могла. Язык своего племени она знала плоховато, все время делала паузы и вообще говорила весьма неуверенно; ведь росла она не на родине, а в Фартхен Дуре, где этого языка почти никто и не знал. И теперь уловка проклятого Фадавара сбивала Насуаду с толку и, как ей казалось, подрывала ее авторитет.

— Я всегда рада новым союзникам, — сказала она. — Однако же фаворитизма не терплю, и вам совершенно не нужно к нему стремиться. Ваш народ силен и обладает многими талантами. Его представители наверняка быстро выдвинутся, вступив в ряды варденов, и не будут полагаться при этом ни на покровительство, ни на милосердие своих начальников. *Разве вы голодные псы,* чтобы сидеть и скулить у моего стола? Или все-таки вы мужчины, способные сами себя прокормить? Если вы настоящие мужчины, то я готова и впредь сотрудничать с вами во имя лучшей доли варденов и нашей общей победы над Гальбаториксом.

— Ха! — вскричал Фадавар. — Твои слова столь же фальшивы, как и ты сама! Мы не станем выполнять ту работу, которую положено выполнять слугам; мы избранные. Ты оскорбляешь нас, да, оскорбляешь! Вот ты стоишь и ласково мне улыбаешься, но душа твоя полна скорпионьего яда!

Едва сдерживаясь, Насуада попыталась утихомирить его:

— Я вовсе не хотела тебя обидеть. Я всего лишь пыталась объяснить тебе свою позицию. Я не испытываю ни капли враждебности по отношению к кочевым племенам, но и особой любви у меня к ним нет. Разве это так плохо или непонятно?

— Это куда хуже, чем просто плохо! Это же откровенное предательство! Твой отец не раз обращался к нам с просьбами, основанными на нашем родстве, а теперь ты плюешь нам в душу и пытаешься отослать нас прочь, точно жалких попрошаек!

Волна презрения охватила Насуаду. «Значит, Эльва была права, это неизбежно, — думала она. Острое чувство страха

и возбуждения охватило ее. — Ладно, раз уж так суждено, то я больше не намерена продолжать эту игру в шарады!» И она заговорила громко и властно:

— Но просьбы моего отца вы в половине случаев не сочли нужным выполнить!

— Мы сделали все, о чем он просил!

— Нет, далеко не все. Но даже если б это и было так, я слишком пекусь о положении варденов, чтобы давать тебе что-то, ничего при этом не получая взамен. Ты ищешь моего особого расположения, сам постоянно чего-то требуешь от меня, но что все-таки ты способен предложить мне, нам? Готовы ли вы, например, поддержать варденов вашим золотом и драгоценными камнями?

— Не прямо, но...

— Готовы ли вы предоставить варденам возможность бесплатно пользоваться услугами ваших мастеров?

— Мы не можем...

— Как же, в таком случае, ты намерен заслужить мое «особое расположение»? Воинами своими ты отплатить мне за это не можешь; твои люди уже сражаются на нашей стороне — как в армии варденов, так и в армии короля Оррина. Так будь же доволен тем, что имеешь, военачальник! И не пытайся получить больше того, что принадлежит тебе по праву.

— Ты искажаешь истину во имя своих эгоистических целей! Я пытаюсь получить не больше, а всего лишь то, что принадлежит нам по праву! Именно поэтому я и решил переговорить с тобой. Но ты, женщина, все болтаешь и болтаешь, и слова твои не только лишены смысла, но и лживы! Да и по действиям твоим судя, ты предала нас! — Браслеты у Фадавара на запястьях так и загремели, когда он в гневе воздел руки, точно выступая перед многотысячной толпой. — Ты признаешь, что мы — твой народ. Но в таком случае следуешь ли ты нашим обычаям? Поклоняешься ли ты нашим богам?

«Ага, вот мы и добрались до поворотной точки», — подумала Насуада. Она могла бы солгать и заявить, что давно отказалась от старых традиций и обычаев, однако в этом случае вардены легко потеряли бы не только племя самого

Фадавара, но и многие другие кочевые племена. А все они тоже были нужны варденам в этой войне с Гальбаториксом. И Насуада ответила ему:

— Да, следую и поклоняюсь.

— В таком случае я заявляю: ты совершенно не годишься на роль предводительницы варденов, и, согласно имеющемуся у меня праву, я предлагаю тебе Испытание Длинных Ножей. Если ты победишь, мы склоним перед тобой свои головы и никогда более не поставим под сомнение твой авторитет. Но если ты проиграешь, то отойдешь в сторону, и твое место во главе варденов займу я.

Насуада заметила, каким ликованием искрятся глаза Фадавара, и подумала: «Так вот чего он добивался. Не сомневаюсь, он заставил бы меня пройти это испытание и в том случае, если бы я удовлетворила и его первоначальные требования!» Но вслух она сказала:

— Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, наши правила гласят: тот, кто победит, обретет право руководить и племенем своего соперника, а не только своим собственным. Разве я не права? — Она чуть не расхохоталась, увидев на физиономии Фадавара растерянность. «Что, ты, похоже, никак не ожидал, что мне это известно?» — усмехнулась она про себя.

— Ты права.

— Хорошо. Я принимаю твой вызов. Но если я одержу победу, ты передашь мне свою корону, свой скипетр и свою власть над племенем, договорились?

Фадавар хмуро кивнул:

— Договорились! — И он, глубоко вонзив в землю свой скипетр, принялся стаскивать с левой руки один из своих бесчисленных браслетов.

— Погоди, — сказала Насуада и, подойдя к своему рабочему столу, взяла маленький бронзовый колокольчик и дважды позвонила; затем, выждав пару минут, позвонила еще четыре раза.

И тут же в шатер вошла Фарика. Она изумленно глянула на распаленных гостей Насуады, низко им поклонилась и спросила:

— Что угодно, госпожа моя?

Насуада кивнула Фадавару:

— Теперь можно начинать. — Затем она обратилась к своей горничной: — Помоги мне снять платье; мне не хочется его портить.

Пожилая служанка, казалось, была потрясена этой просьбой.

— Прямо здесь, госпожа? Перед этими... людьми?

— Да, здесь. И побыстрей! Не буду же я спорить еще и с собственной служанкой.

Это прозвучало более резко, чем хотела Насуада, но сердце ее уже бешено колотилось, а кожа обрела какую-то сверхъестественную чувствительность, и даже мягкое полотно, из которого была сшита ее нижняя рубашка, показалось ей грубым, как парусина. В данную минуту ей было не до вежливости. Единственное, что имело сейчас для нее значение, — это грядущая ордалия, и она полностью сосредоточилась на мыслях о ней. Насуада терпеливо ждала, пока Фарика расстегивала и развязывала застежки у нее на спине, а потом, когда лиф наконец стал достаточно свободен, Насуада подняла руки и вытащила их из рукавов. Прелестное пышное платье облаком упало к ее ногам, и она осталась в одной лишь белоснежной нижней сорочке, с трудом сдерживая дрожь, когда четверо темнокожих воинов так и уставились на нее. Под их жадными взглядами Насуада чувствовала себя чрезвычайно уязвимой. Стараясь не смотреть в их сторону, она шагнула вперед, переступив через лежавшее на полу платье, и Фарика поскорее подхватила его, чтобы не испачкать.

Стоявший напротив Насуады Фадавар был по-прежнему занят тем, что стаскивал с запястий свои браслеты. Покончив с этим и засучив рукава роскошно вышитой рубахи, он снял с головы массивную корону и вручил одному из своих спутников.

Дальнейшие действия обоих, впрочем, были приостановлены звуками голосов снаружи. Под полог протиснулся гонец — Насуада вспомнила, что этого юношу зовут Джарша, — который провозгласил, стараясь смотреть не на раздетую Насуаду, а в потолок:

— Оррин, правитель Сурды, варден Джормундур, Трианна из Дю Врангр Гата, а также Наако и Рамусева из племени инапашунна!

Затем Джарша отступил в сторонку, давая пройти тем, кого только что перечислил. Первым вошел Оррин, который сразу увидел Фадавара и приветствовал его следующими словами:

— А, великий воитель! Никак не ожидал тебя здесь увидеть! Надеюсь, ты и... — И на молодом лице Оррина явственно отразилось глубочайшее изумление, когда он, наконец, заметил полуодетую Насуаду: — Что это, Насуада? Что все это значит?

— И я бы тоже хотел это узнать! — прогремел Джормундур, сжимая рукоять меча и гневно сверкая глазами в сторону каждого, кто осмеливался бросить на Насуаду слишком нескромный взгляд.

— Я призвала вас сюда, — сказала она спокойно, — дабы вы стали свидетелями Испытания Длинных Ножей, которое мы с Фадаваром намерены пройти. А вы впоследствии сможете в точности сообщить всем, как было дело. Любому, кто об этом спросит.

Оба седовласых представителя кочевого племени инапашунна, Наако и Рамусева, казались чрезвычайно встревоженными словами Насуады; тесно прижавшись друг к другу, они принялись о чем-то шептаться. Трианна лишь скрестила руки на груди — на одном запястье, как всегда, посверкивал браслет в виде извивающейся змейки, — но более ничем не выдала своих истинных чувств. Джормундур выругался и сказал:

— Ты что, разума лишилась, госпожа моя? Это же сущее безумие! Ты не можешь...

— Могу. И буду.

— Госпожа моя, если ты это сделаешь, я...

— Я вижу твою обеспокоенность, однако же решение мое окончательно. И я запрещаю кому бы то ни было вмешиваться. — Она не сомневалась, что Джормундур просто мечтает нарушить ее запрет, но ему мешает самая главная его черта: верность присяге.

— Но, Насуада, — начал король Оррин, — эта ордалия... Разве она не заключается в том, что...

— Именно в этом она и заключается.

— В таком случае будь она проклята! Может быть, ты все-таки откажешься от этого безумного действа? Тебя явно сбили с толку, раз ты согласилась подвергнуть себя подобному испытанию.

— Я уже дала свое слово Фадавару.

Настроение в шатре стало еще более мрачным. То, что Насуада дала слово, означало, что она не может отменить свое обещание без того, чтобы не прослыть при этом клятвопреступницей, от которой любому честному человеку полагается с презрением отворачиваться. Оррин, понимая это, заколебался было, но все же вновь принялся отговаривать Насуаду, задавая ей бесчисленные вопросы.

— И до какого предела вы будете продолжать это испытание? А что, если ты проиграешь? Ведь если ты проиграешь...

— Если я проиграю, вардены не будут более мне подчиняться; они станут подчиняться Фадавару.

Насуада ожидала настоящего взрыва возмущения и протестующих криков, однако наступила зловещая тишина, и в этой тишине горячий гнев, так и пылавший на лице короля Оррина, понемногу остыл, лицо его словно затвердело, и он после долгого молчания неуверенным, ломким голосом сказал:

— И все же я не одобряю твой выбор; ты ставишь под угрозу все наше дело. — А повернувшись к Фадавару, он прибавил: — Неужели ты не проявишь благоразумия и не освободишь Насуаду от данного ею слова? Я богато награжу тебя, если ты согласишься подавить свою порожденную зломыслием жажду власти.

— Я и без того богаче тебя! — презрительно заявил Фадавар. — И мне ни к чему твое сусальное золото! Нет, только Испытанием Длинных Ножей можно искупить те клеветнические обвинения, которые Насуада выдвинула против меня и моего народа!

— Будь свидетелем этим словам, — быстро сказала Оррину Насуада.

Пальцы молодого короля нервно перебирали складки одежды, однако он с должной учтивостью поклонился и ответил:

— Хорошо, я все слышал. Я буду твоим свидетелем.

Откуда-то из глубин своих рукавов, украшенных великолепной вышивкой и неимоверно широких, четверо спутников Фадавара извлекли маленькие, сделанные из лохматых козьих шкур барабаны. Присев на корточки и поместив барабаны между колен, они принялись отбивать на них какой-то яростный, невероятно быстрый ритм; их руки взлетали и опускались с такой скоростью, что казались неясными промельками. Эта дикая музыка поглотила все прочие звуки вокруг и притушила даже те отчаянные мысли, что сводили Насуаду с ума. Ее сердце, казалось, решило биться в унисон с этими безумными, оглушившими ее звуками.

Ни на секунду не прерывая ритма, самый пожилой из сопровождавших Фадавара воинов сунул руку за пазуху и вытащил два длинных ножа с изогнутыми лезвиями, которые стал подбрасывать вверх. Насуада, точно завороженная, смотрела, как, вращаясь, сверкают в воздухе страшноватые клинки.

Когда один из них пролетел достаточно близко от нее, она поймала его. Буквально утыканная опалами гарда тут же оцарапала ей ладонь.

Фадавар тоже вполне успешно поймал свой нож.

Затем он расстегнул манжет своего левого рукава и закатал рукав еще выше. Насуада не сводила с него глаз. Рука у него была полная, мускулистая, но она знала: в данном случае это несущественно, ибо никакая физическая подготовка не поможет человеку выиграть это состязание; тут нужно нечто иное. И она принялась искать у него на внутренней стороне руки неровные старые шрамы, которые, по всей видимости, должны были там быть.

И она их увидела: целых пять шрамов.

«Пять! — мелькнуло у нее в голове. — Как много!» Уверенность ее была поколеблена; она собственными глазами увидела, сколь крепок ее противник. Единственное, что не позволяло ей утратить самообладание, это предсказание Эльвы: она обещала, что Насуада одержит победу. И Насуада цеплялась за это предсказание, точно ребенок за юбку матери. «Эльва сказала, что я смогу это выдержать, значит, я должна продержаться дольше Фадавара... Я обязательно должна продержаться дольше!»

Поскольку испытание было предложено именно им, Фадавар первым вышел в круг зрителей. Он поднял левую руку на уровень плеча, вытянул ее перед собой ладонью вверх, приложил лезвие ножа к предплечью, чуть пониже локтевого сгиба, и с силой провел блестящим как зеркало острием по коже, которая тут же лопнула, точно перезрелая ягода. Кровь так и хлынула из алой раны.

Фадавар посмотрел Насуаде прямо в глаза, она улыбнулась в ответ и тоже приложила к руке нож. Металл был холоден как лед. То было соревнование воли, самообладания, которое должно было выявить того, кто способен вынести наибольшее количество подобных порезов. Согласно представлениям кочевых народов, тот, кто стремится стать вождем племени или хотя бы военачальником, должен выдерживать более длительную и сильную боль, чем *любой* другой представитель племени. Иначе племя не сможет доверять своему вождю, не сможет быть уверенным, что он в трудную минуту не поставит свои интересы выше интересов племени. Насуаде всегда казалось, что подобные испытания чрезмерны, однако она понимала, какое огромное значение это действо имеет для завоевания уважения и доверия соплеменников. И хотя Испытание Длинных Ножей — обряд, принятый лишь у кочевников, победа над Фадаваром, конечно же, укрепила бы ее позиции в рядах всех варденов, а также и среди последователей короля Оррина, как она очень надеялась.

Насуада быстро произнесла про себя молитву богине Гокукаре, молящейся самке богомола, и нажала на лезвие ножа. Острая сталь так легко взрезала ей кожу, что рана едва не стала чересчур глубокой. По всему телу Насуады прошла сильная дрожь. Ей захотелось с пронзительным криком отшвырнуть нож и зажать кровавую рану рукой.

Но ничего этого она не сделала. Лишь постаралась расслабить мышцы, ибо в противном случае ей стало бы еще больнее, и, продолжая улыбаться, снова медленно вспорола собственную плоть. Это заняло не более трех секунд, но и за это время тело ее успело издать тысячу неслышных, негодующих и жалобных, воплей, едва не заставив Насуаду прекратить испытание. Опустив нож, она заметила, что, хотя

соплеменники Фадавара по-прежнему бьют в барабаны, она не слышит ничего, кроме стука собственного сердца.

Теперь была очередь Фадавара. Он нанес себе вторую рану. Вены вздулись у него на шее, а яремная вена пульсировала так, что, казалось, взорвется, стоит ножу провести очередную кровавую дорожку.

И снова наступила очередь Насуады. Она уже знала, что ее ожидает, и это лишь усиливало охвативший ее ужас. Инстинкт самосохранения — тот самый, что так отлично служил ей во всех прочих жизненных ситуациях, — противился тем приказам, которые она отдавала своей правой руке. В полном отчаянии она сосредоточилась на мысли о том, что самое главное — это сохранить варденов и сбросить Гальбаторикса с трона; этим двум целям она посвятила всю свою жизнь, отдала себя целиком. И перед мысленным взором Насуады возникли ее отец, Джормундур, Эрагон, варденыы, ставшие ее народом, и она подумала: «Ради них! Я делаю это ради них. Я была рождена, чтобы служить им, и сейчас тоже должна служить им с честью».

И она нанесла второй порез.

Через несколько мгновений Фадавар в третий раз рубанул ножом по своей руке; Насуада последовала его примеру.

Вскоре был четвертый раз. Затем пятый...

Постепенно Насуаду охватывала странная сонливость. Она чувствовала себя очень усталой и озябшей; ей уже казалось, что этот поединок решит не то, кто из них дольше способен терпеть боль, а то, кто раньше потеряет сознание от потери крови. Ручейки крови бежали, пересекаясь, по ее руке, по пальцам; кровь капала на пол, и у ног Насуады уже собралась довольно большая кровавая лужа. Точно такая же лужа крови растекалась и у ног Фадавара.

Ряд кровавых щелей на руке этого военачальника казался Насуаде похожим на вспоротые рыбьи брюшки, и это почему-то ее рассмешило; ей даже пришлось прикусить язык, чтобы не засмеяться вслух.

Фадавар взвыл и нанес себе шестую рану.

— А ну-ка переплюнь меня теперь, жалкая ведьма! — крикнул он, перекрывая грохот барабанов, и упал на одно колено.

Она переплюнула.

Фадавар задрожал, перекладывая нож из правой руки в левую; согласно традиции, на одной руке можно было наносить не более шести порезов, иначе, сдвинувшись ближе к запястью, можно было повредить вены и сухожилия. Насуада последовала его примеру, и тут король Оррин не выдержал: он ринулся между ними с криком:

— Довольно! Я не позволю продолжать это безумие! Вы же убьете себя!

Но, протянув к Насуаде руки, он тут же отпрыгнул: девушка ударила его ножом, прорычав сквозь зубы:

— Не вмешивайся!

Теперь Фадавар ударил по правой руке; из напряженных мышц кровь брызнула фонтаном. «Он зажимается», — поняла Насуада, надеясь, что этой ошибки будет достаточно, чтобы остановить его.

Но и сама не сумела до конца сдержать себя и издала беззвучный вопль, когда нож рассек ей кожу. Острое лезвие жгло, точно добела раскаленная проволока. Она еще не отняла нож, когда ее израненная левая рука дрогнула. В результате нож оставил у нее на предплечье длинный извилистый порез, в два раза глубже предыдущих. Она даже дыхание затаила, так ей было больно. «Я больше не могу, — билось у нее в голове. — Не могу... не могу!.. Это невозможно вынести. Лучше умереть... Ох, пожалуйста, пусть все это кончится!» От этих отчаянных, никем не услышанных жалоб ей, впрочем, чуточку полегчало. Но в глубине души Насуада всегда знала: она ни за что не сдастся!

На восьмой раз Фадавар приложил острие ножа выше локтя и вдруг замер; бледный металл как бы повис в четверти дюйма от его темной кожи. Пот капал у него со лба, его раны роняли рубиновые слезы. Казалось, мужество оставило чернокожего вождя, но тут он что-то прорычал, оскалился и одним махом распорол себе руку.

Его колебания подстегнули Насуаду; у нее словно прибавилось сил. Ее охватило какое-то яростное возбуждение, отчего терзавшая ее боль стала вдруг почти приятной. Она повторила движение Фадавара, а затем, словно пришпоренная собственным безрассудством, снова нанесла удар.

— Попробуй теперь и ты так! — прошептала она.

Перспектива нанести сразу два удара — один, чтобы сравняться в счете с Насуадой, а второй, чтобы вырваться вперед в этом жутком состязании, — похоже, несколько смутила Фадавара. Он заморгал, облизал губы, покрепче ухватился за рукоять ножа и несколько раз перехватил его поудобнее, прежде чем занести лезвие над своей рукой.

Затем снова нервно облизал губы.

И тут судорога свела ему левую руку; нож выпал из скрюченных пальцев и воткнулся в землю.

Фадавар поднял его. Было видно, с какой силой поднимается и опадает под одеждами его грудь. Подняв нож, Фадавар коснулся лезвием обнаженной руки, и на коже сразу проявилась тонкая красная дорожка пореза. Он судорожно стиснул зубы, отчего подбородок его сперва окаменел, затем дрогнул, и по всему его сильному телу пробежала дрожь. Вдруг Фадавар согнулся пополам, прижимая к животу израненные руки, и тихо сказал:

— Я сдаюсь.

Барабаны тут же смолкли.

Несколько мгновений в шатре стояла гробовая тишина, а затем король Оррин, Джормундур и все остальные прямотаки взорвались торжествующими криками.

Насуада почти не слышала ни этих ликующих криков, ни встревоженных вопросов Джормундура и Оррина. Она ощупью добралась до своего трона и рухнула на него, стараясь забиться поглубже и снять с ног нагрузку, пока они сами под нею не подогнулись. Она держалась из последних сил, хотя все перед нею затянуло каким-то мерцающим маревом; потерять сознание сейчас было недопустимо; да она бы никогда и не позволила себе грохнуться в обморок на глазах у этих чернокожих воинов. Кто-то мягко коснулся ее плеча, и она, словно очнувшись, поняла, что рядом с ней стоит Фарика с грудой бинтов.

— Госпожа моя, можно мне перевязать тебя? — спросила Фарика. На лице у нее была написана неуверенность, смешанная с любовью и заботой: верная служанка понятия не имела, как именно прореагирует сейчас Насуада.

Но та лишь молча кивнула, и Фарика принялась перебинтовывать чистым полотном ее израненные руки.

Вскоре к ним подошли Наако и Рамусева. Они дружно поклонились, и Рамусева сказал:

— Никогда прежде никто из соревнующихся не наносил себе столько порезов! Во время Испытания Длинными Ножами вы оба доказали свое мужество, но победила, безусловно, ты, госпожа Насуада. Мы расскажем нашему народу о твоем подвиге и не сомневаемся, что наши соплеменники с готовностью присягнут тебе на верность.

— Благодарю вас, — тихо промолвила Насуада и прикрыла веками глаза, ибо мучительная боль в руках все усиливалась.

— Госпожа моя...

Но Насуада уже почти ничего не слышала, лишь какое-то невнятное бормотание, странное смешение различных звуков, в котором даже не пыталась разобраться, все глубже и глубже погружаясь в себя, в те потайные уголки своего сознания, где боль уже не казалась столь невыносимо резкой. Она точно плавала в некоем темном и теплом чреве, освещенном непонятными разноцветными вспышками огня.

Из этого краткого забытья ее вывел голос Трианны. Колдунья сказала:

— Прекрати это, служанка, и поскорее сними бинты, чтобы я могла исцелить твою госпожу.

Насуада открыла глаза и увидела Джормундура, короля Оррина и Трианну, которые стояли вокруг нее. Фадавар и его люди шатер уже покинули.

— Нет, — сказала Насуада.

Все с удивлением посмотрели на нее, и Джормундур тут же принялся ее успокаивать:

— Насуада, мысли твои затуманены, но ордалия уже закончена. Все позади, и тебе вовсе не нужно больше терпеть эту боль. И уж, по крайней мере, кровотечение-то остановить совершенно необходимо, так что...

— Фарика прекрасно с этим справляется. А чуть позже целитель просто зашьет мои раны и смажет, чем нужно, чтобы уменьшить воспаление, но больше ни к каким средствам я прибегать не буду.

— Но почему?

— Испытание Длинных Ножей требует от участников, чтобы их раны заживали естественным образом, иначе они не смогут в полной мере испытать ту боль, которой требует ордалия. Если я нарушу это правило, победителем будет объявлен Фадавар.

— Но ты позволишь мне хотя бы облегчить твои страдания? — спросила Трианна. — Я знаю несколько заклинаний, которые способны утишить любую боль. Если бы ты посоветовалась со мной прежде, я могла бы сделать так, что ты сумела бы хоть всю руку себе отсечь, не почувствовав ни малейшей боли.

Насуада рассмеялась и даже позволила себе слегка покачать головой, хотя голова у нее ужасно кружилась.

— И я бы ответила тебе точно так же, как и сейчас: бесчестный обман тут совершенно недопустим. Я должна была выиграть это состязание и выиграть его без обмана, чтобы никто в будущем не мог поставить под сомнение мои способности предводителя варденов.

И король Оррин очень мягко и вкрадчиво спросил:

— А если бы ты проиграла?

— Я не могла проиграть. Даже если бы это означало мою погибель, я ни за что не позволила бы себе отдать в руки Фадавара бразды правления варденами.

Оррин сурово и внимательно смотрел на нее несколько минут, потом промолвил:

— Я верю тебе. Вот только стоит ли верность кочевых племен столь великой жертвы? Ты играешь слишком важную роль, чтобы тебя можно было с легкостью заменить.

— Верность кочевых племен? Нет, она, возможно, и не так важна для нас, но имевшее место испытание будет иметь такой отклик, который далеко превзойдет все прочие ожидания. Ты и сам должен это понимать. И прежде всего, это еще больше сплотит наши силы. По-моему, это вполне достойная плата за то, что я по собственной воле оказалась смелее призрака смерти.

— Но скажи все же, что, по-твоему, выиграли бы варденны, если бы ты все-таки сегодня погибла от ран? О каком преимуществе тогда могла бы идти речь? Ведь последствиями

этого стали бы полный упадок духа, хаос и, скорее всего, полный крах варденов.

Когда Насуаде доводилось пить вино, мед и другие крепкие напитки, она становилась особенно осторожной со словами и поступками, прекрасно зная, что даже легкое опьянение меняет суждения человека и его поведение, и ей совершенно не хотелось вести себя недостойно и тем самым давать кому-то некие преимущества.

Но сейчас она была пьяна от боли и не понимала того, что поняла впоследствии: ей бы следовало быть столь же осторожной в разговоре с Оррином, как если бы она выпила три кружки сваренного гномами напитка из меда и черники. И если бы тогда она это поняла, врожденная обходительность и воспитанная отцом вежливость и куртуазность никогда не позволили бы ей ответить так, как она ответила.

— Ну что ты кудахчешь, точно старая курица, Оррин? Зря тревожишься: я должна была это сделать и сделала. Так что совершенно бессмысленно продолжать эту болтовню... Да, я рисковала! Но разве можно, не рискуя, победить Гальбаторикса? Ведь мы и так постоянно танцуем на самом краю опасной пропасти. Ты же король. И вроде бы должен понимать, что опасность — это та королевская мантия, которую правитель принимает на свои плечи, набравшись смелости решать судьбы других людей.

— Я достаточно хорошо это понимаю! — огрызнулся Оррин. — Все члены моей семьи, как и я сам, в течение многих поколений защищали Сурду от Империи, тогда как варденыв это время попросту прятались в Фартхен Дуре, точно пиявки присосавшись к великодушному Хроттару! — Его одежды так и разлетелись, когда он, резко развернувшись, стремительно вышел из шатра.

— Ты очень плохо поступила, госпожа моя, — заметил Джормундур. — Ты еще пожалеешь о своих словах.

Насуада поморщилась, когда Фарика стянула бинтом очередную рану, и выдохнула:

— Ох, да знаю я! И постараюсь завтра же исцелить раненую гордость Оррина.

КРЫЛАТАЯ ВЕСТНИЦА

Апотом в памяти Насуады образовался некий провал, настолько полное отсутствие каких бы то ни было ощущений и мыслей, что она осознала это, лишь увидев перед собой Джормундура, который тряс ее за плечо и что-то громко ей говорил. Ей, правда, потребовалось еще некоторое время, чтобы расшифровать для себя звуки, проистекавшие из его уст. Наконец она услышала:

— И все время смотрит на меня, черт возьми! Вот ведь в чем дело! Эй, Насуада, не вздумай снова уснуть! Уснешь — и больше не проснешься!

— Можешь оставить меня в покое, Джормундур, — сказала она, заставив себя даже слегка улыбнуться. — Все, я уже пришла в себя.

— Между прочим, мой дядя Андсет был эльфом!

— Ну да, а что?

— Нет, ты точно такая же, как твой отец! Вечно плюешь на меры предосторожности, на собственную безопасность. Да пусть эти чертовы племена хоть сгниют в своей пустыне, соблюдая эти распроклятые допотопные обычаи! Чихать я на них хотел! Пожалуйста, Насуада, позволь целителю хоть немного помочь тебе! Ты сейчас не в состоянии принимать решения.

— Именно поэтому я и жду вечера. Смотри, солнце-то почти уже село. Сегодня я могу просто отдохнуть и прийти в себя, а завтра, уверяю тебя, голова у меня будет уже достаточно ясной, чтобы заниматься теми делами, которые требуют моего неотложного внимания.

Откуда-то сбоку возникло лицо Фарики; служанка склонилась над Насуадой и воскликнула:

— Ой, госпожа моя, ну и напугала ты нас!

— Вот именно! Мы и до сих пор еще от страха не избавились, — буркнул Джормундур.

— Ладно, мне уже гораздо лучше. — Насуада рывком заставила себя сесть, хотя предплечье тут же обожгло резкой болью. — Вы оба можете идти. Не тревожьтесь, все у меня будет хорошо. Джормундур, сообщи, пожалуйста, Фадавару, что он может оставаться вождем своего племени, если сам присягнет мне на верность, как военачальник своему верховному командующему. Он слишком опытный и умелый воин и руководитель, жалко было бы его потерять. А ты, Фарика, когда будешь возвращаться в свою палатку, скажи Анжеле-травнице, чтобы зашла ко мне; мне, возможно, потребуется ее помощь. Она обещала приготовить мне какие-то целительные отвары, способные побыстрее восстановить силы.

— Я никуда не уйду! Нельзя тебя одну в таком состоянии оставлять, — сурово заявил Джормундур.

— Прошу прощения, моя госпожа, но я с ним согласна, — сказала Фарика. — Это небезопасно.

Насуада глянула в сторону входа, чтобы убедиться, что никто из Ночных Ястребов не стоит от него слишком близко и не подслушивает, но все же понизила голос до шепота:

— Но я и не буду одна. — Брови Джормундура поползли наверх, а на лице Фарики появилось встревоженное выражение. — Я никогда не бываю одна. Вы меня понимаете?

— Значит, ты предприняла кое-какие... меры предосторожности, госпожа моя? — тоже шепотом спросил Джормундур.

— Да.

Оба ее заботливых стража, казалось, почувствовали легкую неловкость, и Джормундур сказал:

— Насуада, твоя безопасность — это моя обязанность; мне нужно знать, какую дополнительную защиту ты имеешь и кто конкретно имеет к тебе доступ.

— Нет, это тебе знать совершенно не обязательно, — мягко ответила она. И, увидев обиженное и рассерженное лицо Джормундура, прибавила: — Дело совсем не в том, что я сомневаюсь в твоей верности, вовсе нет! Но это только

моя тайна. Ради собственного спокойствия я должна иметь при себе такое тайное оружие, которого никто другой увидеть не может. Если угодно, можешь считать это кинжалом, спрятанным в рукаве, или неким моим тайным пороком. Только не мучь себя предположениями, будто хоть чем-то вызвал мое недовольство. Ты отлично справляешься со своими обязанностями.

– Хорошо, госпожа моя, я уйду. – И Джормундур церемонно ей поклонился, чего, надо сказать, почти никогда не делал.

Насуада махнула рукой, и Джормундур с Фарикой поспешили покинуть ее красный шатер.

Минуты две единственным звуком, доносившимся до Насуады, был крик воронья, кружившего над лагерем варденов. Затем где-то у нее за спиной послышался легкий шорох, словно мышь вылезла из норки в поисках пищи. Обернувшись, она увидела, как Эльва выскальзывает из своего убежища, пробираясь между двумя полотнищами, образующими стену шатра.

Насуада внимательно следила за нею.

Неестественное взросление этой малышки продолжалось. Когда Насуада впервые познакомилась с нею, что, в общем, случилось совсем недавно, Эльве с виду было годика три-четыре. Теперь же ей можно было дать не меньше шести. Однако даже в простеньком детском платьице черного цвета с пурпурными оборками у ворота и на плечах младенцем она отнюдь не казалась. Длинные прямые волосы, гораздо темнее платья, ночным водопадом спускались у нее по спине; остренькое угловатое личико казалось белым как мел, ибо она крайне редко отваживалась выйти из шатра на воздух; на лбу светилась серебристая метка дракона; но особенно взрослыми были ее глаза, синие, как фиалки, но смотревшие, как у человека пресытившегося и предельно циничного. Таков был результат «благословения» Эрагона, неожиданно для него самого оказавшегося для этой девочки проклятием, ибо оно вынуждало ее не только испытывать боль других людей, но и пытаться их от нее избавить. Недавнее сражение чуть не убило Эльву, ибо страдания тысяч едва не лишили ее рассудка, хотя волшебницы из Дю Врангр

Гата на время битвы погрузили ее в искусственный сон, стремясь хоть как-то защитить. Эльва лишь недавно вновь начала говорить и проявлять интерес к окружающему.

Она утерла свой нежный, как бутон розы, ротик тыльной стороной ладони, и Насуада спросила у нее:

— Тебе было очень больно?

Эльва пожала плечами.

— К боли я привыкла, ведь мне так и не удается сопротивляться заклятью Эрагона... Знаешь, Насуада, меня трудно чем-то поразить, но ты очень сильная, раз сумела все это вытерпеть и нанести себе столько ранений.

Несмотря на то что Насуада много раз слышала голос Эльвы, все равно каждый раз в душе ее вспыхивала тревога, ибо из уст этой малышки исходил голос, исполненный горечи и насмешки, голос *взрослой женщины, прожившей* тяжелую жизнь. Стараясь не обращать внимания на эту особенность Эльвы, она ответила:

— Нет, ты гораздо сильнее меня. Я же не испытывала одновременно еще и боль Фадавара. Спасибо, что осталась со мной. Я знаю, чего это тебе стоило, и очень тебе благодарна.

— Благодарна? Ха! Благодарность — это для меня пустое слово, госпожа Ночная Охотница. — Детские губы Эльвы исказила неприятная усмешка. — А поесть у тебя ничего не найдется? Я жутко проголодалась.

— Фарика оставила хлеб и вино на столе, — сказала Насуада, и девочка, бросившись в противоположный конец шатра, впилась в кусок хлеба, точно голодный волк, и принялась руками запихивать его в рот. — Во всяком случае, тебе, надеюсь, уже недолго все это терпеть, — вздохнула Насуада. — Как только Эрагон вернется, он тут же снимет с тебя свое заклятье.

— Возможно, — пожала плечами Эльва. Проглотив полкаравая, она решила передохнуть и сообщила: — Между прочим, я солгала тебе насчет исхода этого испытания.

— Как это?

— Ну, я видела, что ты проиграешь.

— Проиграю?..

— Если бы я честно тебе призналась, твои нервы не выдержали бы и ты сдалась еще на седьмом порезе. Так что сейчас на твоем месте сидел бы Фадавар. Вот я и решила сказать тебе именно то, что тебе необходимо было услышать. И оказалась права.

Холодок пополз по спине Насуады. Если это действительно так, то она в еще большем долгу перед этой девочкой-ведьмой. И все же ей было не по себе, оттого что Эльва так легко манипулирует ею. Пусть даже ради ее же, Насуады, собственного блага.

— Понятно. Похоже, я должна еще раз поблагодарить тебя.

Эльва рассмеялась каким-то дребезжащим, старческим смехом.

— И тебе это страшно неприятно. Так? Ну, не важно. Не тревожься из-за того, что могла меня этим обидеть. Мы ведь с тобой очень полезны друг для друга. А остальное не имеет значения.

Насуада вздохнула с облегчением, услышав, как один из гномов, охранявших ее шатер, бывший капитаном данного патруля, ударил своим молотом по щиту и провозгласил:

— Травница Анжела просит разрешения войти, госпожа Ночная Охотница!

— Пусть войдет, — откликнулась Насуада.

Анжела не вошла, а влетела в шатер; на ее согнутых руках висело множество различных корзиночек и мешочков. Вьющиеся волосы грозовым облаком обрамляли ее весьма озабоченное ныне лицо. За нею по пятам следовал кот Солембум в своем естественном, кошачьем, обличье. Он тут же прильнул к коленям Эльвы и принялся тереться о них, выгибая спинку.

Бросив свой багаж на пол, Анжела выпрямилась и воскликнула:

— Ну вот, снова! То ты, то Эрагон! Похоже, я нахожусь среди варденов исключительно для того, чтобы лечить вас двоих, ибо вы оба ведете себя настолько глупо, что даже не понимаете: нужно все-таки постараться, чтобы вас не превратили в форшмак! — Говоря это, маленькая женщина решительно принялась разматывать бинты на правой руке

Насуады, то и дело цокая языком и выражая этим свое крайнее неодобрение. — Обычно, когда целитель спрашивает пациента, как тот себя чувствует, пациент начинает врать, цедя сквозь зубы, что, дескать, ничего, не так уж плохо, но могло бы быть и лучше, а целитель говорит в ответ: «Ну что ж, все отлично! Постарайтесь не унывать и вскоре совсем выздоровеете». Но тут, я вижу, дело обстоит иначе. Хотя в ближайшем будущем ты явно не вскочишь на ноги и не побежишь во главе войска, дабы в очередной раз сразиться с Империей. Это я тебе точно говорю.

— Но я ведь поправлюсь, верно? — робко спросила Насуада.

— Поправилась бы, если бы я могла воспользоваться магией, чтобы залечить твои раны. Но поскольку этого сделать я не могу, то какие-то прогнозы давать гораздо сложнее. Придется тебе потерпеть и выждать, чтобы все это зажило само. Впрочем, так терпит большинство людей. Будем только надеяться, что ни в один из этих порезов не попадет инфекция. — Она перестала возиться с бинтами и посмотрела девушке прямо в глаза. — Ты хоть понимаешь, что на руках у тебя теперь останутся шрамы?

— Ну, останутся так останутся.

— Верно, в общем...

И Насуада, сдерживая стоны, отвернулась, чтобы не видеть, как Анжела зашивает ее порезы и покрывает их толстым слоем кашицы из истолченных в порошок целебных растений. Краем глаза Насуада видела, что Солембум вспрыгнул на стол и уселся рядом с Эльвой, широкой мохнатой лапой подцепил кусок хлеба с тарелки и стал есть, посверкивая белыми зубищами. Черные кисточки на ушах у кота-оборотня, слишком большие для обычной кошки, подрагивали, когда он прислушивался к металлическому звону оружия и доспехов воинов, проходивших мимо шатра.

— Барзул! — вырвалось у Анжелы. — Только мужчины могли придумать, что надо резать себя, чтобы определить, кто вожак стаи! Идиоты!

Смеяться Насуаде было больно, но она все же не сдержалась.

— Это точно! — с трудом выдавила она.

Когда Анжела кончала накладывать своей пациентке последний бинт, тот же гном-охранник крикнул у входа в шатер:

— Стой! — И тут же послышался дробный звон металла — это охрана скрестила мечи, закрывая путь тому, кто пытался без разрешения проникнуть в шатер.

Насуада, не задумываясь ни секунды, выхватила из ножен, пришитых к лифу, маленький четырехдюймовый кинжал. Пальцы не слушались и казались какими-то слишком толстыми, словно распухшими; мышцы руки тоже отказывались ей повиноваться. У нее было такое ощущение, словно рука ее заснула; не спали только те тонкие жгучие линии, которые она сама нанесла на своем предплечье.

Анжела также выхватила кинжал, который достала откуда-то из недр своих одежд, загородила Насуаду собой и пробормотала какую-то фразу на древнем языке. Спрыгнув на землю, Солембум низко присел у ног Анжелы; шерсть у него встала дыбом, отчего он казался крупнее иной собаки. Из глотки кота доносилось тихое басовитое рычание.

Эльва же продолжала есть как ни в чем не бывало. Она изучила кусок хлеба, который держала двумя пальцами, точно некое диковинное насекомое, потом обмакнула его в бокал с вином и сунула в рот.

— Госпожа! — вскричал кто-то из людей. — Эрагон и Сапфира быстро приближаются к нам с северо-востока!

Насуада сунула кинжал в ножны и, заставив себя встать с трона, сказала Анжеле:

— Помоги мне одеться.

Анжела поднесла к ней расстегнутое платье, так что Насуаде осталось только шагнуть в него. Затем Анжела бережно продела ее руки в рукава, а затем принялась шнуровать платье на спине. Ей помогала Эльва. Вместе они быстро привели Насуаду в надлежащий вид.

Насуада осмотрела свои руки, на которых теперь совсем не видно было бинтов, и спросила:

— Как ты думаешь, мне стоит скрывать свои раны или пусть все смотрят?

— Это уж от тебя зависит, — ответила Анжела. — Может, ты думаешь, твои дурацкие ранения твой авторитет

повысят? А может, как раз наоборот — обрадуют твоих врагов, которые решат, что сейчас ты особенно слаба и уязвима? Это вопрос, скорее, философский; так и про человека, который всего лишь большой палец потерял, можно воскликнуть: «Ах, он теперь калека!», а можно сказать: «О, молодец! Он достаточно силен, умен и удачлив, что избежал более серьезных ранений».

— Странные ты делаешь сравнения!

— Спасибо.

— Испытание Длинных Ножей — это поединок силы, — сказала Эльва. — Это хорошо известно и варденам, и жителям Сурды. Ну, и что, Насуада, ты горда проявленной силой?

— Обрежьте рукава, — велела Насуада. И, когда Анжела и Эльва заколебались, повторила: — Ну же, давайте! По локоть. Ничего, платье мне потом в порядок приведут.

Несколько ловких движений, и Анжела бросила на стол отрезанные куски ткани.

Насуада гордо вздернула подбородок:

— Эльва, если почувствуешь, что я вот-вот потеряю сознание, пожалуйста, скажи об этом Анжеле и пусть она меня подхватит. Ну что, пошли? — И все трое, стараясь держаться как можно ближе друг к другу и чуть вытолкнув Насуаду вперед, вышли из шатра. Солембум, как всегда, шел сам по себе.

Как только они появились снаружи, гном, начальник патруля, рявкнул: «Смирно!» И все шесть Ночных Ястребов окружили Насуаду и ее сопровождающих плотным кольцом: люди и гномы спереди и сзади, а огромные ургалы — высотой более восьми футов — по обе стороны от нее.

Вечерние сумерки, пронизанные последними золотисто-красными закатными лучами, царили в лагере варденов, и от этого бесконечные ряды шатров и палаток приобрели немного волшебный вид. Ставшие более темными и длинными тени предвещали скорую ночь, и бесчисленные факелы и сторожевые костры уже горели ярко в теплом серо-голубом воздухе. Небо на востоке было ясным. На юге длинное низкое облако черного дыма скрывало горизонт и Пылающие Равнины, которые находились от

лагеря примерно в полутора лигах. На западе полоса буков и осин отмечала русло реки Джиет, где стояло у причала судно «Крыло дракона», то самое, которое Джоад, Роран и прочие жители Карвахолла некогда пиратски захватили. Но Насуада смотрела только на север, на сверкающий силуэт Сапфиры, идущей на снижение. Драконихну все еще освещали последние солнечные лучи, и она, окутанная голубым сиянием, напоминала созвездие, упавшее с небес.

Это было столь великолепное зрелище, что Насуада застыла от восхищения, благодарная судьбе за то, что ей повезло стать свидетельницей таких вот полетов. «Они спасены!» — подумала она и даже вздохнула от облегчения.

Тот воин, который принес весть о прибытии Сапфиры — худой человек с большой, давно не стриженной бородой, — поклонился и заметил:

— Госпожа моя, как ты и сама можешь видеть, я сказал правду.

— Да. И ты хорошо поступил. У тебя, должно быть, невероятно зоркие глаза, что ты ухитрился еще издали заметить Сапфиру. Как твое имя?

— Флетчер, сын Хардена, госпожа моя.

— Приношу тебе свою благодарность, Флетчер. А теперь ты можешь возвращаться на свой пост.

Человек снова поклонился ей и рысцой побежал куда-то к границе лагеря.

Не сводя глаз с Сапфиры, Насуада осторожно прошла меж рядами палаток к просторной поляне, находившейся чуть в стороне и пригодной для того, чтобы Сапфира могла взлетать и садиться. Охранники и подруги шли рядом с нею, но она почти не обращала на них внимания, мечтая поскорее вновь увидеть Эрагона и Сапфиру. Она сильно тревожилась о них все последние дни — и как предводительница варденов, и как друг, причем последнее отчасти ее даже удивило.

Сапфира летела быстро, точно хищный коршун или ястреб, которых Насуада не раз, разумеется, видела, однако драконихна находилась все еще в нескольких милях от лагеря, и ей понадобилось минут десять, чтобы преодолеть оставшееся расстояние. К этому времени вокруг поляны

собралась огромная толпа: люди, гномы и даже несколько рогатых ургалов с серой шкурой во главе с куллом Нар Гарсхвогом, который начинал плеваться, если люди подходили к нему слишком близко. Также среди собравшихся был король Оррин со своими придворными, который остановился подальше от Насуады; был там и Нархайм, посол гномов, который принял на себя функции Орика, когда тот покинул лагерь и вернулся в Фартхен Дур. Ну и, конечно, пришли Джормундур и прочие члены Совета Старейшин, а также Арья.

Высокая стройная эльфийка сразу пробралась сквозь толпу поближе к Насуаде. Даже когда Сапфира уже висела в небесах над толпой, люди оборачивались вслед Арье, столь сильное впечатление она производила на любого. С ног до головы в черном, она носила узкие мужские штаны, на бедре у нее покачивался меч, а за плечами — лук и колчан со стрелами. Кожа у Арьи была цвета светлого меда, а лицо было треугольное, как у кошки. И двигалась она с такой гибкостью и силой, что нетрудно было предположить, сколь искусно она владеет мечом и сколь нечеловеческой силой она обладает.

Ее необычный наряд всегда несколько поражал Насуаду, считавшую его чуточку неприличным; уж больно он облегал ее женские прелести. Но и Насуада признавала: в любой одежде, в роскошных платьях или в лохмотьях, Арья выглядела бы заметнее и царственнее, чем любой, даже самый знатный, из смертных.

Остановившись перед Насуадой, Арья едва заметным жестом изящной руки указала на ее ранения.

— Как сказал наш поэт Эарнё, подвергнуть себя воздействию зла во имя любимого народа и любимой страны — что может быть лучше. Я знала всех и каждого из предводителей варденов; все они были людьми сильными и могущественными, но самым выдающимся из них был Аджихад. Хотя в данном случае, по-моему, ты превзошла даже собственного отца.

— Твои слова, Арья, большая честь для меня, но, боюсь, что, если буду гореть столь же ярко, слишком немногие будут помнить моего отца так, как он того заслуживает.

— Подвиги детей — это следствие того воспитания, которое они получили от своих родителей. Гори, как солнце, Насуада, ибо чем ярче ты горишь, тем больше будет тех людей, которые станут уважать Аджихада за то, что он научил тебя, еще совсем юную, нести ответственность за целый народ.

Насуада опустила голову, ибо эти слова Арьи проникли ей в самое сердце. Потом улыбнулась и сказала:

— Юной? Да нет, по нашим меркам я вполне взрослая женщина.

Зеленые глаза Арьи ласково блеснули.

— Это верно. Но если судить по годам, а не по мудрости, то ни один из вас, людей, не может считаться взрослым среди моего народа. Разве что Гальбаторикс.

— И я, — вставила Анжела.

— Да ладно тебе, — сказала Насуада, — ты вряд ли намного старше меня.

— Ха! Ты путаешь внешний вид и истинный возраст. Тебе следовало бы получше разбираться в таких вещах, ведь ты уже столько времени с Арьей общаешься.

Но прежде чем Насуада успела спросить, сколько же Анжеле на самом деле лет, кто-то сильно потянул ее сзади за платье, и она, оглянувшись, увидела, что это Эльва позволяет себе подобные вольности. Девочка поманила ее к себе и прошептала:

— Эрагона на Сапфире нет.

У Насуады перехватило дыхание. Она вгляделась в кружившую над лагерем, в нескольких тысячах футов от земли, Сапфиру. Ее огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши, казались черными на фоне темнеющего неба. Насуада видела брюхо Сапфиры, ее белые когти на поджатых к чешуйчатому брюху лапах, но, кто сидел у драконихи на спине, ей видно не было.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросила она у Эльвы.

— Я не могу почувствовать ни его страхов, ни его волнений. Роран там и еще какая-то женщина. Думаю, это Катрина. А больше никого.

Насуада выпрямилась, хлопнула в ладоши и в полный голос крикнула:

— Джормундур!

Джормундур, находившийся от нее более чем в двадцати шагах, бегом бросился к ней, расталкивая тех, кто попадался ему на пути; он был достаточно опытен, чтобы сразу понять, когда дело не терпит отлагательств.

— Да, госпожа моя!

— Очисти поляну от народа! Пусть здесь не будет никого, прежде чем Сапфира успеет приземлиться.

— Даже Оррина, Нархайма и Гарцвога?

Насуада поморщилась:

— Нет, эти пусть остаются. Но больше никому не разрешай задерживаться. Поспеши!

Джормундур принялся громким голосом раздавать приказы, а Арья с Анжелой придвинулись к Насуаде совсем близко. Похоже, они были встревожены не меньше ее.

— Сапфира не была бы такой спокойной, если бы Эрагон был ранен или мертв, — сказала Арья.

— Где же он в таком случае? — спросила Насуада. — В какую еще неприятную историю он теперь ввязался?

Оглушительный шум наполнил поляну — это Джормундур и его люди загоняли зрителей обратно в палатки, порой прибегая и к палочным ударам, если кто-то слишком упорно сопротивлялся, медлил или начинал громко протестовать. Кое-где возникли даже потасовки, но командиры патрулей по указу Джормундура быстро восстановили порядок, чтобы не дать разгореться ссорам и насилию. К счастью, ургалы по одному слову своего командира Гарцвога удалились без малейшего сопротивления, хотя сам Гарцвог все-таки остался и подошел к Насуаде вместе с королем Орриком и гномом Нархаймом.

Насуаде показалось, что земля дрожит у нее под ногами, когда к ней приблизился этот восьмифутовый ургал. Он поднял свое костистое лицо, в знак уважения к Насуаде прочистил глотку и спросил относительно негромко:

— Что это значит, госпожа Ночная Охотница? — Форма его челюстей и зубов, а также невероятный выговор делали его речь почти непонятной.

— Да уж, и мне, черт побери, очень хотелось бы получить разъяснения на сей счет! — заявил Оррин, весь красный от возмущения.

— И мне тоже, — вставил Нархайм.

И Насуаде пришло в голову, пока она смотрела на них, стоявших перед нею, что, возможно, впервые за тысячи лет представители столь разных народов Алагейзии собрались здесь вместе и разговаривают вполне мирно. Единственными, кто здесь отсутствовал, были раззаки со своими «летучими мышами», и Насуада знала, что никто в здравом уме и не стал бы приглашать этих мерзких тварей на свои тайные совещания. Указав на Сапфиру, она сказала:

— Она даст вам ответы на все ваши вопросы.

И едва последние сопротивлявшиеся зрители успели покинуть поляну, как мощный поток воздуха чуть не сбил Насуаду с ног — это Сапфира упала на землю, отчаянно тормозя крыльями. Она приземлилась на все четыре лапы, и глухой гул раскатился по всему лагерю. Отстегнув ремешки, Роран и Катрина мгновенно скатились с седла.

Быстро сделав несколько шагов им навстречу, Насуада внимательно всматривалась в лицо Катрины. Ей было весьма любопытно узнать, какая женщина способна вдохновить мужчину на совершение столь невероятных подвигов. Молодая женщина, стоявшая перед нею, была довольно крепкого сложения, но очень бледная, словно после долгой болезни; у нее была целая грива медно-рыжих волос и такое рваное и грязное платье, что было невозможно определить, как оно выглядело изначально. Но, несмотря на все перенесенные в плену жестокости и страдания, было совершенно ясно, что Катрина все же весьма привлекательна, хотя, по мнению Насуады, и не настолько, чтобы поэты и барды стали бы воспевать ее красоту. Во взгляде ее и повадке было столько силы и решимости, что Насуада поняла: если бы в плен попал Роран, то и Катрина оказалась бы вполне способна поднять жителей Карвахолла, увести их на юг, в Сурду, выступить во главе войска, сражаясь на Пылающих Равнинах, а затем отправиться в Хелгринд. И все это она сделала бы только ради спасения своего возлюбленного. Даже заметив Гарцвога, Катрина не вздрогнула, не присела, а осталась спокойно стоять рядом с Рораном.

Роран поклонился Насуаде, затем боком — королю Оррину и сказал с мрачным видом:

— Ваше величество, если позволите, это моя невеста Катрина.

Девушка поклонилась им обоим.

— Добро пожаловать в стан варденов, Катрина, — сказала Насуада. — Мы все здесь о тебе уже наслышаны. Как и о необычайной преданности Рорана. Песни о его любви к тебе, можно сказать, уже поют по всей земле.

— Да, добро пожаловать к нам, — подхватил Оррин. — Мы очень рады.

Насуада заметила, что король просто глаз не сводит с Катрины, как и все прочие присутствующие мужчины, включая гномов; она не сомневалась, что теперь они до утра станут рассказывать байки о невероятных чарах невесты Рорана. Ведь то, что ради нее совершил Роран, значительно поднимало ее над уровнем обычной женщины, делало ее объектом таинственным, достойным восхищения, вызывало повышенное внимание воинов. То, что кто-то готов столь многим пожертвовать ради любимого человека, означало, хотя бы в силу той цены, которая была уплачена, что этот человек поистине бесценен.

Катрина покраснела, улыбнулась и поблагодарила всех. Но, несмотря на то что она явно была смущена подобным вниманием, лицо ее горело не столько от смущения, сколько от гордости; казалось, она отлично понимает, какой замечательный человек Роран, и была счастлива, что именно ей удалось «взять его сердце в полон». Он принадлежал ей, и иной награды для себя она не желала.

Насуаду вдруг охватило острое чувство одиночества. «Как бы мне хотелось обладать тем же, чем обладают они!» — думала она. Ее многочисленные обязанности не оставляли времени на девичьи мечты об ухажерах и замужестве — ну и, разумеется, о детях, — если только она не вздумает заключить с кем-то брак по расчету, исходя из соображений наибольшей выгоды для варденов. Она давно уже подумывала о подобном браке с Оррином, но у нее каждый раз не хватало решимости. Однако судьбой своей она все же была довольна и не завидовала Катрине и Рорану. Ее цель была куда более значительной; она мечтала победить Гальбаторикса, а это, с ее точки зрения, куда важнее, чем банальный брак.

Почти все выходят замуж и женятся, но у многих ли бывает возможность увидеть рождение новой эры?

«Сегодня вечером я что-то сама не своя, — думала Насуада. — Из-за ранений, что ли? Вот и мысли мечутся и гудят, точно пчелиный рой». Встряхнувшись, она посмотрела уже не на Катрину и Рорана, а на Сапфиру. Открыв заслон в собственных мыслях, который она обычно держала на запоре, она постаралась установить связь с Сапфирой и осторожно спросила:

— Где он?

С сухим шелестом чешуй, трущихся друг о друга, Сапфира наклонилась вперед и приблизила свою голову к Насуаде, Арье и Анжеле. Левый глаз драконихи поблескивал синим огнем. Она раза два фыркнула, и из пасти ее высунулся алый язык. Горячее влажное дыхание колыхнуло кружевной воротник платья Насуады.

Насуада судорожно сглотнула, когда ее сознания коснулись мысли дракона. От соприкосновения с этим разумом у нее каждый раз возникало какое-то непередаваемое, странное ощущение существа невероятно древнего, свирепого, чуждого людям, но вместе с тем чрезвычайно нежного. Все это в сочетании с весьма впечатляющей внешностью Сапфиры всегда напоминало Насуаде: если Сапфире вдруг захочется их съесть, она сделает это без труда. Насуада была уверена, что невозможно чувствовать себя безмятежно в присутствии дракона.

«Я чую кровь, — сказала Сапфира. — Кто ранил тебя, Насуада? Назови их имена, и я разорву мерзавцев пополам, а головы их принесу тебе в качестве трофея».

— Нет никакой необходимости никого рвать на части. Во всяком случае пока. Я сама нанесла себе ножом эти раны. Однако сейчас неподходящее время, чтобы углубляться в рассказы об этом. Сейчас мне важнее всего узнать, где Эрагон?

«Эрагон, — сказала Сапфира, — решил остаться в Империи».

В течение нескольких секунд Насуада была не способна ни двигаться, ни думать. Первое, резкое, неприятие слов Сапфиры сменилось в ее душе тяжелым ощущением

неизбежности злой судьбы. Остальные также реагировали по-разному, из чего Насуада заключила, что Сапфира мысленно разговаривала со всеми одновременно.

— Но как... как же ты позволила ему остаться? — вырвалось у нее.

Тонкие язычки огня вылетели из ноздрей Сапфиры, она негодующе фыркнула и сказала:

«Эрагон сделал свой личный выбор. Я не могла остановить его. Он настаивает на том, чтобы делать то, что считает правильным, вне зависимости от последствий как для него самого, так и для остальной Алагейзии... Я, конечно, могла бы схватить его и трясти его, как цыпленка, но я горжусь им. Не бойся; он сумеет о себе позаботиться. И пока что у него не возникло никаких неприятностей. Я бы знала, если бы он, скажем, был ранен».

— А почему он сделал именно такой выбор, Сапфира? — спросила Арья.

«Мне быстрее было бы показать вам это, чем объяснять на словах. Можно?»

Все закивали, выражая полное согласие.

Поток воспоминаний Сапфиры хлынул им в души. Насуада увидела черный Хелгринд с высоты полета орла и услышала, как Эрагон, Роран и Сапфира обсуждают предстоящий штурм Хелгринда; она смотрела, как они обнаруживают логово раззаков, и стала свидетельницей эпического сражения Сапфиры с летхрблака. Эта череда образов заворожила Насуаду. Она родилась в Империи, но ничего о ней не знала и не помнила; и впервые, будучи уже взрослой, увидела нечто иное, чем дикие края на окраине владений Гальбаторикса.

Затем последовала сцена ссоры Эрагона и Сапфиры. Сапфира явно хотела скрыть эти воспоминания, но тоска, не дававшая ей покоя после того, как она оставила Эрагона в Хелгринде, была такой мучительной, что и Насуаде пришлось утирать мокрые от слез щеки своими перебинтованными руками. Однако же причины, которые назвал Сапфире Эрагон — убить последнего раззака и обследовать остальную часть Хелгринда, — и Насуаде показались явно недостаточными.

Она нахмурилась. «Эрагон, может, и безрассуден, но далеко не глуп и не стал бы подвергать опасности все то, к чему мы так стремимся, ради собственного желания посетить несколько подземных пещер и до последней капли утолить свою месть. Нет, тут должно быть какое-то другое объяснение». Она не знала, стоит ли пытаться заставить Сапфиру сказать правду, но понимала, что просто так Сапфира подобные сведения удерживать при себе не стала бы, и решила, что Сапфира, возможно, просто хочет обсудить это с нею позже, наедине.

— Черт побери! — взорвался король Оррин. — Худшего времени для скитаний в одиночку Эрагон просто выбрать не мог! Какое значение имеет один-единственный раззак, когда в нескольких милях от нас вся армия Гальбаторикса? Надо непременно вернуть его назад!

Анжела рассмеялась. Она вязала носок на пяти костяных спицах, которые стучали и царапали друг друга в ровном, но довольно странном ритме.

— А как? Он ведь будет идти днем, а Сапфира не может полететь и высмотреть его сверху, потому что при солнечном свете любой ее заметит и сообщит об этом Гальбаториксу.

— Да, конечно, но ведь он наш Всадник! Мы не можем сидеть сложа руки, когда он находится один на вражеской территории.

— Согласен, — сказал Нархайм. — Мы любым способом должны обеспечить безопасное возвращение Эрагона. Гримстнзборитх Хротгар принял Эрагона в свой клан, сделал его своим приемным сыном — а это, между прочим, и мой клан тоже, — и мы обязаны хранить ему верность, согласно всем нашим законам и зову нашей крови.

И тут Арья опустилась на колени и, к великому изумлению Насуады, принялась расшнуровывать свои высокие сапоги, вытаскивая из них шнурки. Зажав в зубах один из шнурков, она спросила:

— Сапфира, а где точно находился Эрагон, когда ты в последний раз говорила с ним?

«У входа в Хелгринд».

— А представляешь ли ты себе, каким примерно путем он собирался возвращаться?

«Он тогда еще и сам этого не знал».

Вскочив на ноги, Арья сказала:

— Ну что ж, тогда придется посмотреть повсюду.

И она, точно олень, рванулась вперед, пересекла поляну и мгновенно исчезла среди палаток, направляясь на север; она не бежала, а летела, столь же легкая и быстрая, как сам ветер.

— Нет, Арья, нет! — вскричала Насуада, но эльфийка была уже далеко, и Насуаду охватило ощущение такой полной безнадежности, что у нее опустились руки. «Наш орден разваливается на глазах», — в ужасе думала она.

Поправляя свои коротковатые доспехи, лишь слегка прикрывавшие его могучий торс, кулл Гарцвог сказал Насуаде:

— Не угодно ли тебе, госпожа Ночная Охотница, чтобы я последовал за нею? Я не могу бежать так же быстро, как маленькие эльфы, зато могу бежать столь же долго.

— Нет... нет, останься. Арья на расстоянии вполне может сойти за человека, а на тебя воины Гальбаторикса сразу начнут охоту, стоит только какому-нибудь фермеру сообщить им, что он случайно тебя заметил.

— Я привык, что на меня охотятся.

— Но не в центре Империи, где повсюду шныряют сотни слуг Гальбаторикса. Нет уж, Арье придется самой о себе позаботиться. Хотя я бы все на свете отдала, чтобы она смогла отыскать Эрагона и благополучно вернуться с ним вместе, ибо без него дело варденов обречено.

СПАСЕНИЕ И БЕГСТВО

Ноги Эрагона мерно стучали по земле.

Этот громкий топот, зарождаясь где-то в пятках, отдавался по ногам, переходил по бедрам в позвоночник и завершался у основания черепа. От собственного топота у Эрагона дробно стучали зубы и ломило в висках, и с каждой милей эта головная боль только усиливалась. Сперва этот монотонный топот раздражал его, а потом стал даже усыплять, приводя в состояние, близкое к трансу, когда он даже думать уже не мог и мог только бежать.

Когда башмаки Эрагона касались земли, он слышал хруст ломающихся стеблей травы, видел взлетающие с потрескавшейся почвы облачка пыли. Он догадывался, что прошло, наверное, не менее месяца с тех пор, как в этой части Алагейзии были дожди. Сухой воздух, казалось, высасывал влагу даже из его дыхания, и в горле постоянно першило. Сколько бы он ни пил, ему никак не удавалось восстановить потерю той жидкости, которую крали у него солнце и ветер.

Отсюда и эта головная боль.

Хелгринд остался далеко позади. Однако Эрагон продвигался значительно медленнее, чем надеялся. Сотни патрулей Гальбаторикса, в составе которых были и маги, кишели повсюду, и ему часто приходилось прятаться. У него не было ни малейших сомнений: ищут, безусловно, именно его. А прошлым вечером он даже заметил Торна, летевшего низко над западным краем неба. Он немедленно закрыл свои мысли, бросился в первую же канаву и пролежал там, наверное, с полчаса, пока Торн снова не скрылся за горизонтом.

Эрагон давно уже решил пользоваться по мере возможности именно проезжими дорогами и главными тропами.

События последней недели привели его к почти полному физическому и душевному истощению. Он предпочитал дать своему телу отдых и возможность набраться сил, а не продираться по холмам напрямки сквозь заросли колючего кустарника или вброд через илистые речки. Время для отчаянного, яростного напряжения сил, конечно, снова придет, но сейчас это время еще не наступило.

В общем, пока Эрагон придерживался дорог; он даже бежать в полную силу не решался; вообще-то разумнее было бы и вовсе не бежать, а просто идти. Вокруг виднелись разнообразные деревушки и отдельные фермерские дома. Если бы кто-то из местных жителей увидел на дороге одинокого человека, который мчится так, словно за ним гонится стая волков, это, несомненно, вызвало бы ненужное любопытство и массу подозрений, а может быть, кто-то из перепуганных земледельцев взял бы да и сообщил имперским властям. А это было для Эрагона смертельно опасно, ибо самой большой его защитой в данный момент был плащ с капюшоном.

Теперь он бежал только тогда, когда вокруг не было видно ни одного живого существа, если не считать змей, гревшихся на солнце.

Больше всего Эрагону хотелось поскорее вернуться к варденам, и его страшно раздражало, что он вынужден плестись по дорогам, как самый обыкновенный бродяга. И все же он не мог не оценить то, что наконец-то остался в одиночестве. Он не был наедине сам с собой, то есть по-настоящему один, с тех пор как нашел в Спайне яйцо Сапфиры. И его мысли постоянно путались с ее мыслями, или с мыслями Брома, или с мыслями Муртага, или еще кого-то из тех, кто в данный момент находился с ним рядом. Помимо чьего-то постоянного мысленного присутствия, которое иной раз казалось ему довольно утомительным, Эрагон много месяцев с тех пор, как покинул долину Паланкар, провел в тяжелейшей работе над собой, в бесконечных учениях, которые прерывались лишь для очередного путешествия или для участия в сражении. Никогда прежде ему не приходилось до такой степени сосредотачиваться и так долго соприкасаться с таким количеством чужого страха и чужой тревоги.

А потому Эрагон был даже рад своему одиночеству и тому покою, которое оно принесло с собой. Отсутствие голосов, включая и его собственный голос, действовало на него, как колыбельная; это молчание как бы вымывало из его души страх перед будущим. У него не возникало ни малейшего желания вести мысленные беседы с Сапфирой — хотя сейчас они были так далеко друг от друга, что им было бы весьма затруднительно это сделать; впрочем, иная, внутренняя связь с нею непременно сказала бы ему, если бы она, скажем, была ранена. Не хотелось ему связываться мысленно и с Арьей или Насуадой, не хотелось слушать их сердитые речи. Куда лучше, думал Эрагон, наслаждаться тишиной, слушая пение птичек и вздохи ветра в траве и густой листве деревьев.

Звон упряжи, топот конских копыт и голоса людей заставили Эрагона очнуться от мечтаний. Встревожившись, он остановился и огляделся, пытаясь определить, с какой стороны к нему приближаются эти люди. Из ближайшего оврага с криками вылетела и закружилась пара галок.

Единственным укрытием поблизости были кусты можжевельника. Эрагон бросился туда и нырнул под нависавшие над землей ветки как раз в тот момент, когда из оврага показались шестеро верховых, которые бодро проскакали по узкой глинистой дороге буквально в пяти шагах от Эрагона. Вообще-то Эрагон должен был бы почувствовать их приближение задолго до того, как они подобрались так близко к нему, но с тех пор, как на горизонте он увидел летящего Торна, он держал свои мысли закрытыми, пригасив заодно и активность всех своих органов чувств.

Солдаты придержали поводья, остановились посреди дороги и стали спорить.

— Говорю тебе, я кого-то видел! — кричал один из них, невысокий, краснолицый, со светлой, рыжеватой бородкой.

Сердце Эрагона бешено билось; он тщетно пытался заставить себя дышать медленно и ровно. Быстро коснувшись рукой лба, он убедился, что кусок ткани, которым он обвязал голову, по-прежнему прикрывает его стреловидные брови вразлет и заостренные, как у эльфа, уши. «Жаль, что на

мне нет доспехов», — подумал он. Чтобы не привлекать ненужного внимания, он сделал себе некое подобие заплечного мешка из сухих веток и куска ткани, который выменял у бродячего торговца, и спрятал туда свои доспехи. И теперь не осмеливался вынуть их и надеть, опасаясь, что солдаты его услышат.

Тот солдат с рыжеватой бородкой слез со своего гнедого коня и прошелся по обочине дороги, внимательно осматривая заросли можжевельника. Как и все воины армии Гальбаторикса, он был в красной котте, на которой золотой нитью были вышиты извивающиеся языки пламени, поблескивавшие при каждом его движении. Доспехи у него были самые простые — конусообразный шлем, щит и кожаный жилет, — свидетельствующие о том, что он вряд ли выше чином обычного пехотинца, который просто сел на лошадь. Вооружение его состояло из копья в правой руке и длинного меча, висевшего на бедре.

Когда этот воин, звеня шпорами, подошел к убежищу Эрагона почти вплотную, Эрагон шепотом стал произносить на древнем языке довольно сложное заклинание. Старинные слова лились ручейком, и вдруг — что сильно его встревожило — он запнулся, запутался, неверно произнеся трудное скопление гласных, и был вынужден начать все сначала.

Солдат сделал еще шаг по направлению к нему.

И еще один.

И как раз в тот момент, когда солдат остановился прямо напротив него, Эрагон завершил заклинание и почувствовал, как тают его силы, ибо начала действовать магия. Он, впрочем, опоздал буквально на мгновение и не успел исчезнуть раньше, чем рыжебородый солдат заметил его и воскликнул: «Ага!», раздвинув ветки и глядя, казалось, прямо ему в глаза.

Эрагон не пошевелился.

А солдат все вглядывался в него и ничего не видел. Затем, нахмурившись, он пробормотал:

— Что за чертовщина... — И потыкал в куст копьем, едва не попав Эрагону в лицо. Эрагон впился ногтями в ладони; напряженные мышцы дрожали, ноги сводило

судорогой. — Нет, черт побери, никого! — воскликнул рыжебородый и отпустил колючие ветки, тут же хлестнувшие Эрагона по лицу.

— Что там такое? — крикнул второй патрульный.

— Да ничего, — ответил рыжебородый, снял шлем и вытер вспотевший лоб. — Глаза мои, видно, что-то дурят.

— И чего этому ублюдку Бретану от нас надо? И так мы в последние два дня почти не спали!

— Вот именно. Король наш, похоже, в отчаянии, раз так нас гоняет... Честно говоря, я бы предпочел и вовсе не находить того, кого мы ищем. Кто бы там он ни был. И не то чтобы я такой уж слабак или трус, да только того, кто способен Гальбаторикса в замешательство привести, нам лучше и вовсе избегать. Пусть Муртаг и его чудовищный дракон ловят этого таинственного беглеца, верно я говорю?

— Если только нам еще и Муртага искать не придется, — заметил третий всадник. — Ты же не хуже меня слышал, что он говорил, этот Морзанов ублюдок.

Солдаты примолкли; над дорогой повисла нехорошая тишина. Затем один из них, стоявший на земле, вскочил в седло, натянул левой рукой поводья и сказал:

— Держал бы ты свою пасть на замке, Дервуд. Больно много ты говорить стал.

После чего все шестеро пришпорили своих скакунов и поскакали по дороге дальше на север.

Как только смолк стук копыт, Эрагон завершил заклинание, протер кулаками глаза и положил руки на колени. Потом он долго и от души хохотал, качая головой, восхищенный тем, насколько сильно отличалось только что пережитое им приключение от всех тех, что выпали на его долю, пока он рос в долине Паланкар. «Да мне и в голову прийти не могло, что со мной такое случиться может!» — думал он.

Заклинание, которым он воспользовался, состояло из двух частей: первая позволяла лучам света окутать его тело так, что оно становилось невидимым, а вторая надежно защищала его от других заклинателей, которые могли бы почуять, что он применил магию. Основным недостатком этого заклинания было то, что оно не могло скрыть следы

ног — потому и нужно было застыть на месте, как статуя, на время его действия — и тень того, кто его произнес.

Выбравшись из колючих зарослей, Эрагон помахал над головой вытянутыми руками, разгоняя кровь, и повернулся лицом к тому оврагу, из которого выехали солдаты. Вопрос о том, что же все-таки сказал Муртаг, не давал ему покоя.

— Ах!..

Сон, предшествовавший пробуждению и окутавший Эрагона точно пеленой, исчез, стоило ему попытаться его вспомнить. Он свернулся в клубок и быстро откатился от того места, где лежал. Затем не без усилий вскочил на ноги и поднял руки перед собой, готовясь отразить возможные удары.

Его окружала ночная тьма. Над головой безразличные ко всему звезды продолжали совершать свой бесконечный путь по небосклону. На земле не шевелилось, казалось, ни одно живое существо; Эрагон не слышал ни звука, кроме легкого нежного шелеста ветра в траве.

Эрагон мысленно ощупал ближайшие окрестности; он был совершенно убежден, что кто-то готовится на него напасть. Но даже на расстоянии тысячи футов от себя во все стороны так никого и не обнаружил.

Наконец он опустил руки и немного расслабился. Грудь его тяжело вздымалась, кожа горела, он чувствовал запах собственного пота. В душе ревела буря: это был какой-то водоворот из сверкающих клинков и отрубленных конечностей. На мгновение ему показалось, что он снова в Фартхен Дуре сражается с ургалами, затем — что он на Пылающих Равнинах скрещивает клинки с солдатами Гальбаторикса. Все эти картины казались ему настолько реальными, что он готов был поклясться: некая странная магия перенесла его назад во времени и пространстве. Он видел людей и ургалов, которых некогда поразил; они стояли перед ним и выглядели вполне реальными; ему даже показалось, что они могут с ним заговорить. И хотя у него больше не было старых шрамов от ран, но тело его помнило те многочисленные увечья, которые он получил, и он содрогнулся, почувствовав снова, как мечи и стрелы пронзают его плоть.

С невнятным воем Эрагон рухнул на колени и обхватил себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону. «Все хорошо... хорошо...» — уговаривал он себя. Потом, свернувшись в напряженный клубок и чувствуя на своем животе собственное горячее дыхание, он прижался лбом к холодной земле.

«Да что со мной такое?»

Ни в одном из эпических сказаний, которые пересказывал в Карвахолле Бром, не упоминалось о том, чтобы подобные видения преследовали героев прошлого. Никого из воинов, с которыми Эрагон познакомился у варденов, не тревожило, судя по всему, количество пролитой им ранее крови. Да и Роран, хоть он и признавался, что не любит убивать, не просыпался среди ночи с дикими воплями.

«Я слишком слаб, — думал Эрагон. — Настоящий мужчина не должен испытывать подобных сожалений. А настоящий Всадник — тем более. Гэрроу или Бром на моем месте, не сомневаюсь, чувствовали бы себя нормально. Они делали то, что было необходимо, и никаких рыданий по этому поводу, никаких бесконечных тревог, никакого скрежета зубовного себе не позволяли. Нет, я слишком слаб!»

Эрагон вскочил и обошел вокруг устроенного им на ночь гнезда из травы, пытаясь успокоиться. А через полчаса — поскольку тревога так и не отпустила его и продолжала железной хваткой теснить ему грудь, да и кожа вдруг начала гореть и чесаться, словно по ней бегали тысячи муравьев, а сам он вздрагивал при малейшем шорохе, — Эрагон схватил свой заплечный мешок и бегом пустился прочь от этого места. Ему было все равно, что там перед ним, в этой неведомой ночной мгле; да и вряд ли кто-то мог заметить сейчас его стремительный бег.

Ему хотелось одного: убежать от этих кошмарных видений. Разум его восстал против него самого, и он не мог более на него полагаться, ибо не находил рационального решения, чтобы развеять панический страх, охвативший его. Единственное, что оставалось, — это положиться на древний звериный инстинкт, который говорил ему: беги, и если будешь бежать достаточно быстро, то, возможно, сумеешь отогнать от себя эти страшные воспоминания. Возможно, размахивая руками, топая ногами по земле, ощущая

холодные ручейки пота на спине и под мышками, он действительно сумеет заставить себя забыть?

Что ж, возможно...

Стая скворцов пронеслась по полуденному небосклону, точно стая рыбок в водах океана.

Эрагон, прищурившись, следил за ними взглядом. В долине Паланкар, когда скворцы возвращались после зимовки, они всегда собирались такими большими стаями, что порой становилось темно, как ночью. Эта стая была не такой огромной, и все же она напомнила Эрагону, как вечерами они пили мятный чай с Гэрроу и Рораном на крылечке своего дома и смотрели, как черная стая птиц шумливо проносится у них над головой.

Задумавшись, Эрагон остановился и присел на камень, чтобы перешнуровать свои башмаки.

Погода переменилась; стало холодно, и серая мгла на западе намекала на возможность грозы. Растительность вокруг стала богаче, всюду виднелись мхи, тростники и заросли высокой зеленой травы. На расстоянии нескольких миль посреди довольно ровного пространства торчало сразу пять холмов. Центральный холм был окружен дубовой рощей, и чуть выше мощных крон этих деревьев Эрагон разглядел осыпающиеся стены и кровлю какого-то старого заброшенного замка или храма.

Ему стало любопытно, и он решил посмотреть на эти руины, а заодно и передохнуть. Похоже, там водилось немало всякой дичи, так что короткая охота послужила бы ему достаточным извинением для того, чтобы немного осмотреться, прежде чем продолжать путь.

Примерно через час Эрагон был уже у подножия первого холма и обнаружил там следы какой-то древней дороги и остатки каменного тротуара. Он пошел по этой дороге, и она привела его прямо к руинам того замка. Дорога была в высшей степени необычной; таких дорог Эрагон еще не встречал ни у людей, ни у эльфов, ни у гномов.

В тени огромных дубов было почти холодно, и Эрагон даже немного озяб, поднимаясь на вершину центрального холма. Ближе к вершине подъем почти прекратился,

деревья расступились, и он вышел на просторную, почти совершенно ровную поляну. Посреди поляны высилась полуразрушенная башня. Нижняя ее часть была широкой и ребристой, точно ствол дерева. Затем башня сужалась, поднимаясь ввысь не менее чем на тридцать футов, и завершалась острым извилистым шпилем. Верхняя часть башни почти полностью осыпалась, и куски ее каменных стен валялись на земле.

Эрагона охватило возбуждение. Скорее всего, он, сам того не подозревая, случайно набрел на эльфийскую сторожевую башню, воздвигнутую задолго до уничтожения ордена Всадников. Ни одна другая раса в Алагейзии не обладала подобным мастерством и не способна была в те времена воздвигнуть такое строение.

И вдруг на противоположном краю поляны Эрагон заметил чей-то огород.

Одинокий мужчина, сидя на корточках, пропалывал грядку с горохом. Лицо его, опущенное вниз, скрывалось в тени. Седая борода была такой длинной, что лежала у него на коленях, точно горка нечесаной шерсти.

Не поднимая головы, человек сказал Эрагону:

— Ну что, собираешься ты помочь мне пропалывать горох или нет? Если да, то я с удовольствием потом накормлю тебя обедом..

Эрагон колебался; он не знал, на что решиться. Потом подумал: «А чего мне бояться какого-то старого отшельника?» — и шагнул в огород.

— Меня зовут Берган... Берган, сын Гэрроу.

Старик в ответ проворчал:

— Тенга, сын Ингвара.

Доспехи в узелке предательски зазвенели, когда Эрагон бросил его на землю. В течение часа он молча работал рядом с Тенгой. Он понимал, что ему не стоило бы задерживаться здесь надолго, но знакомая с детства работа приносила ему огромное удовольствие и отвлекала от мрачных мыслей. Выпалывая сорняки, он позволял себе проникнуть в мысли множества живых существ на этой поляне и испытал необычайное наслаждение, чувствуя свое с ними единство.

Когда были выполоты все сорняки, уничтожены все кустики паслена и одуванчиков, Эрагон последовал за Тенгой в узенькую дверь в передней части башни. За дверью он увидел уютную кухоньку и столовую, посреди которой была винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Книги, свитки и куски кое-как связанного пергамента покрывали все поверхности, включая значительную часть пола.

Тенга мимоходом ткнул пальцем в дрова в очаге, и дерево тут же загорелось, потрескивая и стреляя искрами. Эрагон сразу напрягся, заметив это мимолетное колдовство и готовясь к любой схватке с Тенгой.

Но старик, казалось, этого не заметил; он продолжал, шаркая ногами, сновать по кухне, выставляя на стол кувшины, тарелки, ножи и всякие кушанья. И все время что-то приборматывал себе под нос.

Все чувства Эрагона были напряжены до предела; он присел на краешек относительно свободного кресла и подумал: «Даже если он произносит заклинания, он все же серьезно рискует. Неужели ему нужно прибегать к волшебству, чтобы всего лишь разжечь обыкновенный огонь в очаге?» Ибо, как учил его Оромис, слова служили средством для управления выпущенной на свободу магии, и произнести заклинание без помощи определенной формулы, призванной сдерживать волшебные силы, означало рисковать тем, что какая-то случайная мысль или невольная эмоция могут полностью исказить результат.

Эрагон осмотрелся, пытаясь отыскать хоть какой-то ключик к пониманию того, кто же его хозяин, и заметил развернутый свиток, а на нем столбцы слов древнего языка. Присмотревшись, он узнал список истинных имен, подобный тому, который изучал в Эллесмере. Все маги и волшебники жаждали обладать подобным списком и многим пожертвовали бы, чтобы его заполучить, ибо с его помощью можно было выучить множество новых слов, необходимых для составления любых заклинаний; туда же можно было занести и те слова, которые удалось открыть им самим. Но лишь очень немногим удалось заполучить такой список истинных имен, ибо их было очень мало и те, кто уже обладали ими, никогда по своей воле с ними не расставались.

Таким образом, казалось весьма необычным, что Тенга до сих пор владеет подобным списком. Но Эрагон удивился еще сильнее, обнаружив в комнате еще шесть других списков истинных имен, а также множество трудов по самым различным предметам — от истории до математики, от астрономии до ботаники.

Кувшин с элем и тарелки с хлебом, сыром и холодным мясным пирогом уже стояли на столе, и Тенга подтолкнул их к гостю.

— Спасибо, — поблагодарил Эрагон.

Тенга, не обращая на него внимания, уселся, скрестив ноги, у огня. Он все время продолжал ворчать и бормотать что-то себе в бороду, с изрядным аппетитом поглощая еду.

После того как Эрагон дочиста съел все, что было на тарелке, подобрав каждую крошку и осушив каждую каплю отличного эля, он, заметив, что Тенга тоже кончает есть, решился все же спросить:

— А что, эту башню эльфы строили?

Тенга остро глянул на него, словно этот вопрос мог задать только полный дурак, но все же ответил:

— О да. Эдур Итиндра строили хитроумные эльфы.

— А что ты-то здесь делаешь? Неужели ты совсем один живешь или...

— Я ищу ответ! — воскликнул Тенга. — Ключ к неоткрытой двери, тайну деревьев и растений. Огонь, тепло, молния, свет... Большинство не знает, как задать этот вопрос, и скитается во мраке невежества. Другие же знают вопрос, но боятся того, что может означать ответ на него. Ба! Тысячи лет мы жили как дикари. Дикари! Но я положу этому конец. Я возвещу приход эры света, и все станут прославлять мои деяния.

— Прошу тебя, скажи: чего же именно ты ищешь?

Тенга нахмурился, морщины на его лице стали глубже.

— Ты тоже не знаешь вопроса? А я думал, что, может, все-таки знаешь. Но нет, я ошибся. И все же я вижу: ты понимаешь, зачем я предпринял эти поиски! Ты ведь тоже ищешь; и пусть ты ищешь ответа на другой вопрос, но поиски тем не менее тебе тоже знакомы. Тот же огонь горит в твоем

сердце. Кто еще, кроме странника, может оценить то, чем мы должны пожертвовать, чтобы отыскать ответ?

— Ответ? Но на какой вопрос?

— На тот, который мы для себя выбрали.

«Да он безумен», — подумал Эрагон. Поискав глазами что-нибудь, с помощью чего можно было бы отвлечь Тенгу, он заметил ряд деревянных фигурок животных, выстроившихся на подоконнике под запотевшим окном.

— Какие красивые, — сказал он, указывая на фигурки. — Кто их вырезал?

— Она... до того, как покинула меня. Она всегда что-нибудь мастерила. — Тенга выпрямился и ткнул концом левого указательного пальца в первую из фигурок. — Вот белка с пышным хвостом, такая яркая и быстрая, полная смеха и разных веселых звуков. — Его палец переместился на следующую фигурку. — А вот дикий кабан, ужасно опасный, с клыками, точно кинжалы.. А вот ворон...

Тенга не обратил внимания, когда Эрагон попятился к двери и, осторожно приподняв засов, выскользнул из Эдур Итиндры. Забросив за плечи свой мешок, он рысцой бросился сквозь дубовую рощу подальше от этих пяти холмов и лишившегося рассудка заклинателя.

К концу этого дня и в течение всего последующего количество людей на дороге все увеличивалось, и в итоге Эрагону стало казаться, что из-за каждого холма непременно появляется очередной военный патруль. По большей части, правда, по дороге шли беженцы, хотя попадались и отдельные солдаты, и торговцы, и прочий деловой люд. Этих Эрагон по возможности избегал и большую часть времени шел, низко опустив голову и спрятав подбородок в воротник.

Однако столь медленное продвижение заставило его переночевать в деревне Исткрофт в двадцати милях к северу от Мелиана. Он, вообще-то, собирался сойти с дороги задолго до прибытия в Исткрофт и подыскать себе какую-нибудь защищенную от ветра низину или пещеру, где можно было бы отдохнуть до утра, но из-за плохого знания местности неправильно рассчитал расстояние и вышел к деревне вместе с тремя вооруженными мужчинами. Теперь уже ему деваться

было некуда; если бы он вздумал свернуть менее чем в часе пути до безопасного ночлега в Исткрофте и удобной мягкой постели, любой, даже самый большой тупица, непременно спросил бы, почему он это делает. Так что Эрагон, стиснув зубы, молча повторил про себя только что выдуманную легенду о том, зачем он совершает это путешествие.

Скрывающееся в туманной дымке солнце висело уже в двух пальцах от линии горизонта, когда Эрагон наконец как следует разглядел Исткрофт, средней величины деревню, окруженную высоким частоколом. Вошли они туда уже почти в темноте. Эрагон слышал, как часовые у ворот расспрашивают тех вооруженных людей, не шел ли по дороге еще кто.

— Да вроде бы нет.

— Ну и хорошо, — сказал один из стражников. — Если они так медленно тащатся, так пусть и ждут до завтра, когда ворота снова откроются. — И он крикнул через дорогу своему напарнику: — Давай, закрывай! — Вместе они с трудом закрыли тяжелые, футов в пятнадцать высотой створки ворот, обитые железом, и заперли их на четыре дубовых засова толщиной, наверно, с самого Эрагона.

«Они, должно быть, к осаде готовятся, — подумал Эрагон и улыбнулся собственной недогадливости. — Да и кто в наши времена не ждет беды?» Всего несколько месяцев назад он бы тоже волновался, думая, что попадет здесь в ловушку, но сейчас был уверен: он и без оружия сумел бы взобраться на эту стену, а потом с помощью магии незаметно удрать и скрыться в ночном мраке. И все же он решил остаться; он очень устал, да и применение магии могло привлечь внимание находившихся где-нибудь поблизости магов.

Не успел он сделать и несколько шагов по грязной узкой улочке, ведущей к центральной площади селения, как его остановил сторож, светя ему прямо в лицо своим фонарем.

— Стой тут! Ты ведь до сих пор в Исткрофте не бывал, верно?

— Да, я тут впервые, — кивнул Эрагон.

Коренастый сторож недоверчиво покрутил головой и продолжил свой допрос:

— А у тебя тут что, родственники или друзья? Где остановишься-то?

— Нет тут у меня никого.

— Так зачем же ты в Исткрофт явился?

— Ни за чем. Я направляюсь на юг за семейством своей сестры, чтобы переправить их назад, в Драс-Леону. — Но слова Эрагона, похоже, не произвели на сторожа никакого впечатления. «Может, он мне не верит? — размышлял Эрагон. — Или, может, слышал столько подобных рассказов, что они для него давно пустой звук?»

— Тогда тебе постоялый двор нужен, он у главного колодца. Ступай туда, там и еду найдешь, и комнату. И пока будешь жить у нас в Исткрофте, позволь предупредить тебя: мы тут не терпим ни убийств, ни воровства, ни разврата. У нас тут колодки и виселицы крепкие, и для них вечно применение находится. Ясно тебе, о чем я?

— Ясно, ясно.

— Ну, так ступай, желаю тебе удачи. Хотя погоди! Как твое имя-то, чужеземец?

— Берган.

После этого сторож удалился, вернувшись к своему вечернему обходу. Эрагон выждал, когда свет его фонаря окончательно скроется за домами, и вернулся к воротам, где заметил с полдюжины разных объявлений о поисках различных преступников, написанных на большом куске пергамента. В одном из этих объявлений была описана внешность Эрагона, в другом — Рорана; обоих обвиняли в измене Короне.

Эрагон с интересом изучил написанное, и больше всего его потрясла обещанная награда: титул графа и соответствующие земельные владения каждому, кто этих преступников поймает. Рядом были помещены их рисованные портреты, и портрет Рорана просто поразил его; там была даже борода, которую Роран отрастил после бегства из Карвахолла; а вот Эрагон был изображен примерно таким, каким был задолго до праздника Клятвы Крови, когда еще имел совершенно человеческую внешность.

«До чего же теперь все пèременилось», — подумал он.

Осторожно, не спеша, он прошел через все селение до постоялого двора и заглянул в общий зал с низким

закопченным потолком и бревенчатыми стенами. В тусклом свете желтых восковых свечей по залу плавали тяжелые клубы дыма. Пол был грязный, под ногами хрустел песок и мусор. Слева от входа стояли столы со стульями; у здоровенного очага мальчишка-поварёнок вращал вертел с насаженным на него поросенком. Напротив входа виднелась длинная буфетная стойка с подставками для кружек, возле которой толпилось целое стадо коренастых местных жителей, заливавших нестерпимую жажду пивом и элем.

Народу в зале было полно, не меньше пяти-шести десятков человек, и стоял такой шум, что это даже несколько обескуражило Эрагона после столь долгого пребывания в тишине и молчании; у него было такое ощущение, будто он попал в мощный водопад. Ему было трудно сосредоточиться и различить в этом неумолчном гуле какой-нибудь один голос. Стоило ему разобрать какое-то отдельное слово или фразу, как общий смысл ускользал от него, ибо остальная часть высказывания снова тонула в многоголосом хоре выпивох. В уголке распевали три бродячих музыканта, представляя комическую версию «Милая Атрид О'Даут», что лишь усиливало общий уровень шума.

Морщась от оглушительного рева, Эрагон ужом пробрался сквозь толпу и подошел к стойке. Он хотел поговорить с подавальщицей, но та была настолько занята, что прошло минут пять, прежде чем она обратила на него внимание и не слишком вежливо спросила:

— Чего тебе? — Вдоль потных щек у нее свисали неопрятные пряди волос.

— У вас комната не сдается или хотя бы угол, чтобы переночевать?

— Откуда мне знать. Насчет этого надо с хозяйкой переговорить. Вон она там. — И подавальщица махнула рукой в сторону лестницы весьма мрачного вида.

Эрагон решил подождать и, опершись о стойку, рассматривал людей в зале. Это была весьма пестрая компания. Примерно половину, как он догадался, составляли местные жители, пришедшие скоротать вечерок за выпивкой и в приятном обществе. Что же касается остальных, по большей части это были беженцы — чаще всего целые

семьи, — бродившие по стране в поисках более безопасной жизни. Их было легко определить по заношенным сорочкам и грязным штанам и по настороженному виду; они, нахохлившись, сгорбившись, сидели за столами, испуганно поднимая глаза на каждого, кто проходил мимо, но старательно избегали смотреть в ту сторону, где разместилась самая малочисленная группа посетителей: солдаты Гальбаторикса в красной военной форме. Эти вели себя особенно шумно. Они смеялись, кричали, стучали по столешнице латными печатками, поглощая невиданные количества пива и щупая каждую подавальщицу, которая имела глупость пройти достаточно близко от них.

«Они ведут себя так, потому что знают: никто не осмелится им перечить! — с возмущением думал Эрагон. — А может, их силой заставили вступить в армию Гальбаторикса, и теперь они подобными выходками пытаются заглушить в себе чувство стыда и страха?»

А музыканты пели:

> И, волос не прибрав, наша милая Атрид О'Даут
> К лорду Эделю с плачем летит: «Отпусти жениха,
> А не то деревенская ведьма в козла тебя обратит!»
> Но смеется лорд Эдель: «Что мне твоя ведьма!
> Что мне ее чары!..»

Толпа у стойки немного сдвинулась, и у дальней стены Эрагон увидел столик, за которым в одиночестве сидела женщина. Лицо ее было скрыто низко опущенным капюшоном дорожного плаща. Женщину окружили четверо мужчин, четверо здоровенных фермеров с бычьими шеями и раскрасневшимися от спиртного физиономиями. Двое прислонились к стене по обе стороны от женщины, как бы нависая над нею, еще один уселся перед нею на стул, поставив его задом наперед и гнусно ухмыляясь, а четвертый поставил левую ногу на край стола и, опершись о колено, нагнулся к незнакомке. Все они что-то говорили ей, яростно жестикулируя, и движения их были весьма фривольны. Хотя Эрагону и не было слышно, что отвечала им женщина, было совершенно очевидно, что ответы ее злят фермеров,

потому что они, насупившись и напыжившись, наступали на нее, точно петухи. А один даже погрозил ей пальцем.

Эрагону они показались вполне приличными трудягами, которые просто оставили свои манеры на дне пивной кружки — подобную ошибку он часто наблюдал в дни праздников в Карвахолле. Гэрроу не испытывал особого почтения к тем, кто не знает меры в выпивке да еще и упорно лезет на рожон в общественных местах. «Это неприлично, — говорил он. — Кроме того, если уж ты пьешь, чтобы забыть о своей несчастной доле, а не для удовольствия, так пей там, где никому не мешаешь».

Человек, стоявший слева от женщины, вдруг наклонился и поддел пальцем краешек ее капюшона, словно желая его сдернуть. Но женщина мгновенно — Эрагон едва успел заметить это движение — правой своей рукой схватила нахала за запястье и сразу же отпустила, приняв прежнюю позу. Вряд ли, подумал Эрагон, кто-то еще в зале, включая того человека, к которому она прикоснулась, успел это заметить.

Капюшон все же упал с ее головы, и Эрагон так и застыл в изумлении. Это была самая обычная женщина, только чрезвычайно похожая на Арью. Правда, глаза у нее были не такими, как у Арьи: они у нее были совершенно круглые, а не узкие и раскосые, как у кошки. Да и уши у женщины тоже были самые обычные, не заостренные наверху, как у эльфов. Но все же она была прекрасна, хотя ее красота и была более понятной и более приземленной, чем у Арьи.

Не колеблясь, Эрагон мысленно проник в сознание этой женщины. Ему необходимо было узнать, кто же она в действительности такая.

И стоило ему коснуться ее мыслей, как он получил ответный мысленный удар, мгновенно сбивший его с толку, и в ушах его прозвучал знакомый голос:

«Эрагон!»

«Арья, это ты?»

Их глаза на мгновение встретились, и толпа выпивох у стойки снова сплотилась, скрыв от него Арью.

Эрагон бросился через весь зал к ее столу, прося людей расступиться и дать ему дорогу. Окружавшие Арью фермеры

посмотрели на него весьма неприветливо, и один из них сказал:

— Ты, милый, ужасно невежлив! Мы ведь тебя не звали, что ж ты так разлетелся-то? Остерегись-ка да убирайся отсюда подобру-поздорову!

Стараясь держать себя в руках и говорить как можно спокойнее, Эрагон учтиво поклонился и ответил:

— Мне кажется, господа, что эта дама предпочла бы, чтобы ее оставили в покое. Вы ведь уважите желание честной женщины, правда?

— Честной женщины? — заржал тот, что все наклонялся над Арьей. — Да разве честные женщины таскаются по кабакам в одиночку?

— В таком случае позвольте мне поблагодарить вас за заботу о ней и сообщить, что я ее брат. Мы направляемся в Драс-Леону к нашему дяде, там и будем теперь жить.

Четверо фермеров обменялись смущенными взглядами. Трое тут же попятились, отступая от Арьи, но самый здоровенный придвинулся чуть ли не вплотную к Эрагону и, дыша ему в лицо перегаром, заявил:

— Что-то не верю я тебе, дружок! По-моему, ты просто расчищаешь себе местечко, желаешь с ней наедине остаться!

«Не так уж ты далек от истины», — подумал Эрагон, но вслух сказал очень тихо, чтобы только этот тип мог его расслышать:

— Уверяю тебя, она действительно моя сестра. Прошу тебя, уходи. Я с тобой не ссорился и не собираюсь. Ну что, уйдешь ты?

— Ни за что! Я уверен, что ты просто лживый молокосос.

— Будь же благоразумен. Тебе что, неприятности нужны? С чего такая враждебность? Вечер еще только начался, тут полно выпивки, музыка играет. Давай не будем ссориться из-за таких пустяков. Мы просто друг друга не поняли, ну и не будем обращать на такие пустяки внимания.

К облегчению Эрагона, его собеседник через некоторое время расслабился и, проворчав недовольно:

— Да я бы все равно драться с таким юнцом не стал! — развернулся и стал пробираться сквозь толпу к буфетной стойке, где его уже поджидали приятели.

Не сводя с них глаз, Эрагон скользнул к столу и сел рядом с Арьей.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, едва шевеля губами.

— Тебя ищу.

Удивленный, он быстро глянул на нее, и она приподняла изогнутую бровь. Он снова посмотрел на выпивох и, старательно изображая улыбку, спросил:

— Ты одна?

— Уже нет... Ты насчет комнаты с хозяйкой договорился?

Он покачал головой:

— Вот и хорошо. Поднимемся в мою комнату. Там мы сможем спокойно поговорить.

Они дружно встали из-за стола и направились к лестнице у задней стены зала. Истоптанные ступени скрипели у них под ногами, пока они поднимались на второй этаж, где в грязноватом коридоре горела одна-единственная свеча. Вдоль стен виднелось несколько деревянных дверей. Арья подвела Эрагона к последней из них по правой стене и откуда-то из недр своего обширного рукава извлекла железный ключ. Отперев дверь, она вошла в комнату, подождала, когда Эрагон следом за нею переступит через порог, а затем снова затворила дверь и тщательно ее заперла.

Слабый оранжевый свет проникал в комнату через окошко со свинцовыми переплетами, находившееся напротив двери. Это был свет фонаря, висевшего на другой стороне центральной площади Исткрофта. В этом неясном свете Эрагон сумел отыскать на низеньком столике справа масляный светильник и прошептал:

— Брисингр! — Из пальца его тут же выскочила искра, которой он и поджег фитиль светильника.

Но и этот жалкий огонек не смог полностью рассеять царивший в комнате полумрак. Стены здесь, как и в коридоре, были обиты деревом, и это потемневшее от времени дерево поглощало большую часть света, из-за чего комната казалась еще меньше, а стены просто давили на тех, кто в ней

находился. Помимо стола, из мебели здесь была еще только узкая кровать, накрытая одеялом, брошенным поверх грязного и явно богатого клопами матраса. На кровати лежал маленький узелок с припасами.

Эрагон и Арья стояли лицом друг к другу. Затем Эрагон протянул руку и снял с головы повязку, скрывавшую лоб и часть лица, а Арья расстегнула брошь, удерживавшую ее плащ у горла, и бросила плащ на постель. На ней было зеленое, точно лесная листва, платье, то самое, в котором Эрагон впервые ее увидел.

Он испытывал чрезвычайно неожиданные чувства: как ни странно, они словно поменялись внешностью, и теперь именно он выглядел, как эльф, а она — как человек. Впрочем, эти перемены ничуть не уменьшили его любви к Арье, просто теперь в ее присутствии он чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее, ибо в человеческом обличье она казалась ему не такой чужой и не такой отстраненной.

Молчание нарушила Арья:

— Сапфира сказала, что ты остался, чтобы убить последнего раззака и осмотреть Хелгринд. Это так?

— Отчасти.

— А в целом?

Эрагон понимал, что ее не удовлетворит половинчатый ответ.

— Обещай, что никому не скажешь, пока я сам тебе не разрешу.

— Обещаю, — сказала она на древнем языке.

И тогда Эрагон рассказал ей, как нашел Слоана и почему решил не вести его с собой к варденам; рассказал и о том проклятии, которое наложил на мясника, и о том последнем шансе, который дал Слоану — попытаться хотя бы отчасти изменить собственную судьбу, но зато и вновь обрести зрение. Закончил Эрагон так:

— Что бы ни случилось, Роран и Катрина никогда не должны узнать, что Слоан еще жив. Если же они об этом узнают, не будет конца самым различным бедам.

Арья, сидевшая на краешке постели, долго смотрела на светильник, в котором прыгал неровный язычок пламени, потом сказала:

— Тебе следовало убить его.

— Возможно, но я не смог.

— Только из-за того, что задача кажется тебе неприятной, нет причин отказываться от ее решения. Ты проявил трусость.

Эрагон насупился:

— Трусость? Да любой, у кого имелся нож, мог бы убить этого Слоана! То, что сделал я, было гораздо труднее.

— Физически да, но не морально.

— Я не убил его, потому что считал это неправильным. — Эрагон даже нахмурился, сосредоточенно подыскивая нужные слова, чтобы в точности выразить свои чувства. — Я не боялся... Дело совсем не в этом. После участия в сражениях... Нет, это совсем иное: я готов убивать на войне. Но в мирное время я ни за что не возьму на себя ответственность решать, кому жить, а кому умереть. Нет у меня для этого ни должного опыта, ни должной мудрости. У каждого человека есть заповедная черта, которую он ни за что не пересечет. Свой предел, Арья. И свой предел я обнаружил, едва взглянув на Слоана. Даже если бы в плен ко мне попал сам Гальбаторикс, я и то не стал бы убивать его. Я бы отвел его к Насуаде и королю Оррину, и если бы они приговорили его к смерти, тогда я с удовольствием отрубил бы ему голову, но не раньше. Можешь называть это слабостью или трусостью, если хочешь, но таков уж я, и извиняться за это я не стану.

— Значит, ты готов быть всего лишь инструментом в руках других?

— Я стану служить людям, как сумею. Я никогда не стремился к первенству, не хотел быть вожаком. Алагейзии не требуется еще один правитель-тиран.

Арья потерла виски:

— Почему с тобой всегда так сложно, Эрагон? Куда бы ты ни направился, всюду ты сумеешь вляпаться в какую-нибудь историю! Такое ощущение, что ты стараешься не пропустить ни одного колючего куста в этой стране и непременно о него исцарапаешься.

— Твоя мать сказала примерно то же самое.

— Что ж, меня это не удивляет... Ну, хорошо. Оставим это. Ни ты, ни я не намерены менять свою точку зрения, а у нас

достаточно куда более неотложных дел, чем споры о справедливости и морали. В будущем, впрочем, тебе лучше все же помнить, кто ты есть и что ты значишь для народов Алагейзии.

— Я никогда об этом не забываю. — Эрагон помолчал, ожидая ее ответа, но она оставила его заявление без комментариев. Эрагон присел на краешек стола и сказал: — А знаешь, тебе вовсе не нужно было отправляться меня искать. Я отлично справлялся.

— Ну, разумеется, нужно было!

— Как же ты меня нашла?

— Я догадалась, какую дорогу ты предпочтешь. К счастью, моя догадка оказалась верной, и уже в сорока милях отсюда к западу я смогла определить твое местонахождение по шепоту земли.

— Я не понимаю...

— Любой Всадник не может пройти по этой земле, не оставив следа. Те, *у кого есть уши, чтобы слышать, и глаза,* чтобы видеть, способны довольно легко обнаружить признаки его присутствия. Птицы пели о том, как ты идешь, наземные животные чуяли твой запах, и даже сами деревья и трава помнили твое прикосновение. Связь Всадника и его дракона столь сильна, что те, кто хорошо чувствует силы природы, способны чувствовать и эту связь.

— Тебе надо как-нибудь научить этому трюку и меня.

— Это вовсе не трюк, это искусство, точнее, просто умение обращать внимание на то, что тебя *окружает.*

— Тогда зачем же ты явилась прямо в Исткрофт? Куда безопаснее было встретить меня за пределами этого селения.

— Обстоятельства заставили. Как и тебя, впрочем, так мне кажется. Ты ведь и сам не очень-то хотел заходить в это селение, верно?

— Верно... — Эрагон понурился; на него вдруг навалилась чудовищная усталость, ведь он весь день был в пути, но он, отогнав усталость, указал на платье Арьи и спросил: — Неужели ты, наконец, решила отказаться от своих штанов и рубахи?

На губах Арьи промелькнула легкая усмешка.

— Только на время этого путешествия. Я прожила среди варденов столько лет, что даже и вспомнить не могу,

сколько в точности, однако все время забываю, до чего люди упорны в своем желании разделить женщин и мужчин. Я никогда не могла заставить себя полностью принять ваши обычаи, даже если и не веду себя так, как обычно ведут себя эльфы. Кто мог сказать мне «да» или «нет»? Что мне носить и чего не носить? Моя мать? Но она находилась на противоположном конце Алагейзии. — Арья спохватилась, поняв, что сказала больше, чем намеревалась, и продолжила: — Так или иначе, а вскоре после того, как я покинула лагерь варденов, я имела весьма неприятную встречу с двумя погонщиками волов и вскоре после этого взяла и украла это вот платье.

— Оно тебе очень идет и отлично сидит.

— Одно из преимуществ владения магией — это отсутствие необходимости ждать помощи портного.

Эрагон рассмеялся. Потом спросил:

— И что же теперь?

— А теперь давай отдыхать. Завтра еще до восхода солнца надо постараться выскользнуть из Исткрофта никем не замеченными. Поверь, это было бы разумнее всего.

В ту ночь Эрагон улегся перед дверью на полу, а Арья устроилась на кровати. Это отнюдь не было вызвано тем, что Эрагон — мужчина или что он проявляет особую куртуазность, хотя он, конечно, непременно настоял бы, чтобы Арья в любом случае легла на кровати; скорее, это была просто мера предосторожности. Если бы кто-то вознамерился вломиться к ним в комнату, было бы странно, если бы он обнаружил, что на полу спит женщина.

Час за часом проходил без сна, и Эрагон лежал, разглядывая балки у себя над головой и трещины в деревянной обшивке, и никак не мог успокоить мечущиеся мысли. Он перепробовал все известные ему способы, пытаясь уснуть, но все время возвращался к мыслям об Арье, к их неожиданной встрече, к ее комментариям по поводу того, как он обошелся со Слоаном, а также, и чаще всего, к тем чувствам, которые он к ней питал. Что это были за чувства, он бы и сам не смог с уверенностью сказать. Он мечтал быть с нею, но она ответила ему отказом, и это сильно охладило его любовный пыл. Душа его была полна боли, гнева, отчаяния и тоски,

ибо Эрагон не желал соглашаться с безнадежностью своих устремлений, но не знал, что тут можно еще предпринять.

У него даже сердце защемило, когда он прислушался к ровному дыханию Арьи. Было мучительно находиться так близко от нее и не иметь возможности хотя бы подойти к ней. Он терзал край рубахи, мечтая отыскать хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации; смириться с неугодной судьбой он по-прежнему не желал.

До глубокой ночи он сражался с этими неспокойными мыслями, пока, наконец, усталость не взяла над ним верх и он не уплыл в давно поджидавшие его объятия сна. В мире снов он блуждал несколько часов, пока на небе не начали меркнуть звезды. Пора было покидать Исткрофт.

Они отворили окно и спрыгнули на землю, находившуюся футах в двенадцати; такой прыжок любому эльфу показался бы пустяковым. Прыгая, Арья плотно, по-женски, прижала к себе юбку, чтобы та не задралась ей на голову. Приземлились они в нескольких дюймах друг от друга и тут же бросились бежать между домами к окружавшему селение частоколу.

— Людям будет невдомек, отчего мы ушли среди ночи, — сказал на бегу Эрагон. — Может, стоило обождать и покинуть постоялый двор утром, как все?

— Оставаться было опасно. А за комнату я уже расплатилась. Хозяину главное получить деньги, его не волнует, рано мы ушли или поздно. — Они разбежались в разные стороны, огибая какую-то жалкую повозку, и Арья прибавила: — Но сейчас надо постараться и нигде не задерживаться. Если мы станем медлить, этот чертов Гальбаторикс наверняка нас найдет.

Добежав до ограды, Арья ринулась вдоль нее и вскоре обнаружила столб, как бы выступавший из стены. Обхватив его руками, она повисла на нем, пробуя на прочность. Столб покачнулся и заскрипел, но устоял.

— Ты иди первым, — сказала Арья.

— Прошу тебя, иди первой ты.

Нетерпеливо фыркнув, она провела руками по своему платью.

— В платье, между прочим, лезть на стену куда менее удобно, чем в мужских штанах.

Эрагон почувствовал, как вспыхнуло от смущения его лицо, и, не задавая больше вопросов, ухватился за выступающий столб, подтянулся и принялся карабкаться вверх, поддерживая себя сомкнутыми коленями и ступнями. Взобравшись на изгородь, он помедлил, балансируя на острых концах частокола, и Арья прошипела снизу:

— Давай дальше!

— После того, как и ты сюда поднимешься.

— Не будь таким...

— Сторож! — сказал Эрагон и указал в ту сторону, где между двумя ближайшими домами плыло пятно света от фонаря. Вскоре в этом свете показались очертания человеческой фигуры, во мраке казавшейся золотистой. В руке у сторожа был обнаженный меч.

Бесшумно, точно призрак, Арья ухватилась за столб и, пользуясь лишь силой рук, мгновенно поднялась следом за Эрагоном. Казалось, она просто скользнула вверх по столбу. Эрагон, схватив Арью за руку, втянул ее наверх и поставил рядом с собой. Точно две странные птицы, они замерли на заостренных концах частокола; они даже почти не дышали, пока сторож проходил прямо под ними, светя своим фонарем то в одну сторону, то в другую в поисках непрошеных гостей.

«Только не смотри на землю, — про себя умолял его Эрагон. — И наверх тоже не смотри!»

Мгновением позже сторож сунул меч в ножны и продолжил обход, что-то напевая себе под нос.

Не говоря друг другу ни слова, Эрагон и Арья бесшумно спрыгнули с частокола на внешнюю сторону ограды. Доспехи Эрагона, правда, брякнули, когда он приземлился на заросший травой берег реки и перекатился, чтобы уменьшить силу удара о землю. Вскочив на ноги, он низко пригнулся и ринулся в сторону от Исткрофта по окутанной утренними сумерками равнине. Арья следовала за ним по пятам. Они старались держаться низин и высохших русел ручьев и рек, старательно обходя также отдельные фермерские усадьбы, расположенные в окрестностях Исткрофта. Несколько раз, правда, раздраженные их появлением собаки выбегали с протестующим лаем, чтобы изгнать наглецов, нарушивших

границы их территории. Эрагон пытался мысленно успокоить псов, но обнаружил, что единственный способ заставить их перестать лаять, — это дать им понять, что они с Арьей убегают от них, испугавшись их ужасных клыков и когтей. И собаки, страшно довольные собой, возвращались, помахивая хвостом, к своим амбарам, сеновалам и сараям, где несли стражу на благо своего «королевства». Их самодовольная доверчивость страшно веселила Эрагона.

В пяти милях от Исткрофта, когда стало ясно, что их никто не преследует, Эрагон и Арья решительно остановились у обгорелого пня. Опустившись на колени, Арья выкопала оттуда несколько пригоршней земли и древесной трухи и сказала:

— Адурна риза. — Со слабым журчанием из пня забил крохотный родничок, заполняя выкопанную ею ямку. Арья подождала, пока вода станет чистой и наполнит углубление до краев, затем сказала: — Лета. — И родничок иссяк.

Она пропела заклинание, позволяющее пользоваться этим «волшебным зеркалом», и на поверхности воды появилось лицо Насуады. Арья приветствовала ее; Эрагон тоже поклонился и сказал:

— Здравствуй, госпожа моя.

— Эрагон, наконец-то! — воскликнула Насуада. Она выглядела усталой, щеки ввалились, словно после тяжелой болезни. Крутой локон выпал из ее прически и свернулся пружинкой у нее на виске. Эрагон заметил у нее на руке бинты, когда она провела ею по волосам, пытаясь убрать непокорный локон. — Слава Гокукаре, ты жив и здоров! Мы так беспокоились!

— Прости, что огорчил тебя, но у меня имелись определенные причины...

— Ты должен непременно все объяснить мне по прибытии.

— Как тебе будет угодно, — ответил он. — Но скажи, ты ранена? Как это случилось? Неужели на тебя кто-то напал? И почему ты не попросила этих, из Дю Врангр Гата, исцелить тебя?

— Я приказала им оставить меня в покое. А остальное я расскажу тебе, когда ты вернешься. — Озадаченный, Эрагон кивнул и воздержался от прочих вопросов, вертевшихся на языке.

А Насуада, обращаясь к Арье, сказала: — Я просто потрясена: ты все же нашла его! Я сомневалась, что тебе это удастся.

— Мне улыбнулась удача.

— Возможно, но я все же полагаю, что твои собственные умения были не менее важны, чем милости судьбы. Скоро ли вы будете у нас?

— Дня через два-три. Если, конечно, не возникнет непредвиденных сложностей.

— Хорошо. Значит, я вас жду. И с сегодняшнего дня хотела бы, чтобы вы связывались со мной один раз утром и один раз вечером. Если этого не произойдет, я решу, что вас взяли в плен, и пошлю Сапфиру спасать вас.

— У нас, скорее всего, не всегда будет возможность воспользоваться магией и, в частности, необходимое для этого уединение.

— А вы постарайтесь такую возможность найти. Я должна знать, где вы оба находитесь и в безопасности ли вы.

Арья несколько секунд подумала, потом сказала:

— Если я смогу, то непременно сделаю так, как ты просишь, но не стану этого делать, если Эрагону будет грозить хоть малейшая опасность.

— Договорились.

Воспользовавшись наступившей паузой, Эрагон спросил:

— Насуада, Сапфиры там случайно рядом нет? Мне бы хотелось с ней поговорить. Мы не разговаривали с тех пор, как расстались в Хелгринде.

— Она час назад улетела, чтобы осмотреть окрестности нашего лагеря. Вы можете какое-то время подождать, а я выясню, не вернулась ли она?

— Выясняй, — коротко ответила Арья.

Изображение Насуады исчезло, и теперь они видели только неподвижные стол и стулья внутри ее красного шатра. Эрагон довольно долго созерцал их, потом им вновь овладело беспокойство, и он позволил себе перевести глаза с поверхности воды на шею Арьи, где ее густые волосы, упав на одно плечо, открыли полоску нежной кожи над воротником платья. Это настолько взволновало Эрагона, что лишь через минуту он сумел оторвать глаза от шеи Арьи и устало привалился к обгорелому пню.

Вдруг в волшебном зеркале послышался треск ломающегося дерева, и целое облако сверкающих синих чешуй заполнило его поверхность — это Сапфира буквально вломилась в шатер. Эрагон вряд ли смог бы сказать, какую именно часть драконихи он видит, настолько эта часть была мала. Чешуйчатая кожа скользила у него перед глазами, и он мельком видел то внутреннюю часть бедра, то шип на хвосте, то висящее мешком сложенное крыло, то сверкающий острый кончик клыка. Наконец Сапфира повернулась и, изогнувшись, попыталась найти такое положение, из которого ей было бы удобно видеть поверхность магического зеркала. По тем встревоженным воплям, что слышались позади Сапфиры, Эрагон догадался, что драконихa сокрушила в шатре большую часть мебели. Наконец она устроилась, поднесла голову поближе к зеркалу — так что *один громадный сапфировый* глаз занял почти всю его поверхность, — и уставилась на Эрагона.

Они, наверное, с минуту смотрели друг на друга, не шевелясь и не говоря ни слова. Эрагон был потрясен тем, какое это для него облегчение — вновь видеть ее. Он ведь и впрямь по-настоящему ни разу не чувствовал себя в безопасности с тех пор, как они расстались.

«Я скучал по тебе», — прошептал он.

Она один раз моргнула.

— Насуада, ты еще там?

Еле слышимый ответ донесся до него откуда-то справа от Сапфиры:

— Да, но с трудом здесь умещаюсь.

— Не могла бы ты передавать мне на словах мысли Сапфиры?

— Я бы с огромным удовольствием, но в данный момент я зажата где-то между ее крылом и шестом, на котором держится шатер, и свободного места совершенно не осталось. Тебе, возможно, будет несколько затруднительно меня расслышать. Но если хочешь, давай попробуем.

— Да, пожалуйста.

Насуада несколько секунд молчала, затем с интонациями, до такой степени напоминающими интонации Сапфиры, что Эрагон чуть не засмеялся, сказала:

— Ты здоров?

— Здоров, как бык. А ты?

— Сравнивать себя с каким-то жалким говядом не только смешно, но и оскорбительно! Но я, как всегда, в полном порядке, если ты об этом. Я очень рада, что Арья с тобой. Тебе весьма полезно иметь рядом кого-то разумного, кто способен защитить тебе спину.

— Согласен. Помощь всегда кстати, особенно когда ты в опасности.

Хотя Эрагон и был благодарен, что они с Сапфирой могут поговорить, пусть даже через посредника, но устная речь, как ему теперь представлялось, оказалась довольно жалким заменителем того свободного обмена мыслями и чувствами, который был свойствен им с Сапфирой. Кроме того, присутствие Арьи и Насуады, естественно, мешало Эрагону быть совершенно откровенным и затрагивать совсем уж личные темы — например, спрашивать, простила ли Сапфира то, что он обманом заставил ее улететь из Хелгринда, оставив его там. Сапфира, должно быть, испытывала примерно ту же неловкость, ибо и она воздержалась от упоминания об этом. Они поболтали еще немного о прочих вещах, не имевших к этому отношения, и попрощались. Прежде чем отступить от магического зеркала, Эрагон приложил пальцы к губам и безмолвно прошептал одними губами: «Прости меня».

Серебристое свечение разлилось вокруг каждой из тех чешуек, что окаймляли глаз Сапфиры; взгляд ее стал почти нежным, нижнее веко разгладилось. Она медленно прикрыла глаза, и Эрагон понял, что она поняла его слова и не держит на него зла.

Простившись с Насуадой, Арья остановила действие заклятья, выпрямилась и аккуратно стряхнула с платья землю и древесную труху.

Пока она приводила себя в порядок, Эрагон просто места себе не находил; никогда еще он не чувствовал такого нетерпения; сейчас ему хотелось одного — мчаться во весь опор к Сапфире и остаться с нею наедине у костра.

— Пойдем скорее, — сказал он Арье, а сам уже двинулся в путь.

ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС

Мышцы у Рорана на спине хрустели и трещали, когда он выковыривал из земли этот валун.

На мгновение придержав огромный камень ляжками, он с рычанием поднял его над головой и, наверное, целую минуту держал эту сокрушительную тяжесть на вытянутых руках, а когда его плечи дрогнули, *бросил камень на землю* перед собой. Валун упал с глухим грохотом, на несколько дюймов уйдя во влажную землю.

По обе стороны от Рорана двадцать варденов с огромным трудом ворочали такие же тяжеленные глыбы. Впрочем, это удавалось только двоим из них; остальные, оставив бесполезные попытки, принялись за более легкие камни. Роран был рад, что месяцы, проведенные на кузне у Хорста, и долгие годы тяжелой фермерской работы дали ему достаточно сил, чтобы кое в чем превзойти тех, кто лет с двенадцати каждый день держит в руках боевое оружие.

Роран несколько раз взмахнул руками, как бы стряхивая с них жгучую боль, вызванную перенапряжением, и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов; воздух приятно холодил его обнаженную грудь. *Он растер правое плечо, обхватив* ладонью его округлую поверхность и ощупывая ее пальцами, и в очередной раз убедился, что от укуса раззака не осталось и следа. Он улыбнулся: приятно было снова чувствовать себя здоровым.

Короткий пронзительный крик боли заставил Рорана оглянуться. Олбрих и Балдор упражнялись в фехтовании с Лангом, смуглым, покрытым боевыми шрамами ветераном, который учил их различным боевым искусствам. Даже сражаясь с двумя противниками одновременно, Ланг одолевал их и своим деревянным учебным мечом уже разоружил

Балдора и как следует врезал ему по ребрам, а потом так ударил Олбриха под коленку, что тот растянулся на земле, как лягушка, и все это в течение нескольких секунд. Роран отлично понимал этих ребят; он и сам только недавно завершил свое обучение у Ланга, и эта школа оставила на его теле еще несколько новых отметин в придачу к тем, что, уже слегка побледнев, красовались там после Хелгринда. Вообще-то он по большей части предпочитал пользоваться своим молотом, а не мечом, однако все же считал, что следует уметь управляться и с клинком, когда того потребует ситуация. Холодное оружие требовало куда большей тонкости и точности, чем, по мнению Рорана, заслуживали сражения с воинами Гальбаторикса; один приличный удар молотом фехтовальщику по запястью, рассуждал он, и этот воин, даже если на нем доспехи, будет куда сильнее занят своими переломанными костями, чем защитой от противника.

После сражения на Пылающих Равнинах Насуада официально предложила жителям Карвахолла присоединиться к варденам. И все они ее предложение приняли. Те же, кто наверняка отказался бы, и так предпочли остаться в Сурде, когда жители Карвахолла останавливались в Дауте на пути к Пылающим Равнинам. И теперь каждый дееспособный мужчина вытащил свое оружие — самодельное копье и щит — и принялся постигать воинское искусство, чтобы сравняться *в этом отношении* с любым противником, которого пошлет ему судьба. Обитатели долины Паланкар привыкли к нелегкой жизни. Размахивать мечом оказалось не труднее, чем рубить дрова, и гораздо легче, чем поднимать целину или мотыгой выкапывать свеклу на поле в несколько акров да еще и под палящим солнцем. Те, кто обладал каким-либо полезным ремеслом, и продолжали им заниматься, оказывая варденам те или иные услуги, однако в свободное время и эти люди тоже старательно упражнялись в боевых умениях, ибо, когда прозвучит сигнал боевой тревоги, расчет в лагере был на каждого.

Вернувшись из Хелгринда, Роран с неизменным пылом предавался подобным занятиям. Помочь варденам победить Империю, а значит, в итоге, и Гальбаторикса — вот то единственное, что он мог сделать, чтобы защитить своих

односельчан и Катрину. Он был не настолько самонадеян и отнюдь не рассчитывал в одиночку качнуть в свою сторону маятник войны, однако же верил в собственные силы и свою способность сплачивать людей и понимал, что если соберется как следует, то сможет значительно увеличить шансы варденов на победу. Однако же он должен был оставаться живым, а это означало, что он обязан заботиться о своем физическом здоровье и как можно лучше овладевать оружием и приемами, призванными для уничтожения противника, чтобы самому не пасть от руки более искушенного и умелого врага.

Роран прошел через площадку для фехтования, направляясь в свою палатку, которую делил с Балдором, и на небольшом лужку с густой травой заметил бревно футов в двадцать длиной, очищенное от коры и до блеска отполированное тысячами рук, которые каждый день касались его. Не замедляя шага, Роран повернул к этому бревну, подсунул пальцы под его толстый конец, приподнял и, кряхтя от напряжения, поставил на попа. Потом чуть толкнул бревно, и оно упало в другую сторону. А Роран, ухватившись уже за более тонкий его конец, повторил все сначала.

Когда у него уже совсем не осталось сил на возню с бревном, он бросил это занятие и рысцой пробежался меж рядами серых полотняных палаток, на бегу приветствуя Лоринга, Фиска и других своих земляков, а заодно и не слишком знакомых ему варденов, которые приветственно махали ему рукой и кричали дружески:

— Эй, Молотобоец, привет!

— Привет! — отвечал он им, думая: «Как все-таки странно, что тебя знают люди, с которыми ты прежде никогда не встречался!»

Минута — и он нырнул в палатку, ставшую ему домом; присев на корточки, он убрал лук, колчан со стрелами и тот короткий меч, что подарили ему варденны. Схватив бурдюк с водой, Роран выбежал из палатки на солнышко и, выдернув затычку, вылил содержимое бурдюка себе на плечи и на спину. Мыться как следует Рорану удавалось нерегулярно и нечасто, но сегодня день был особый, и ему хотелось быть чистым и свежим в предвкушении грядущих событий. Ребром

остро заточенной щепки он соскреб грязь с рук и ног, почистил ногти, хорошенько причесался и даже слегка подстриг бороду.

Удовлетворенный своим видом, который действительно стал куда более презентабельным, Роран натянул только что выстиранную рубаху, заткнул за пояс молот и уже направился было на другой конец лагеря, когда заметил, что из-за угла палатки за ним следит Биргит, обеими руками сжимая кинжал в ножнах.

Роран так и застыл, готовый при малейшей провокации с ее стороны выхватить молот. Он знал, что ему грозит смертельная опасность, что, несмотря на всю свою силу и храбрость, он вряд ли сумеет победить Биргит, если она вздумает на него напасть, ибо эта женщина, как, впрочем, и он сам, всегда преследовала своего врага с упорством безумца.

— Роран, — окликнула его Биргит, — ты как-то просил меня помочь тебе, и я согласилась, потому что хотела отыскать тех раззаков, что сожрали моего мужа, и убить их. Разве я не выполнила условий нашей сделки?

— Выполнила.

— А ты помнишь, как я пообещала тебе: как только раззаки будут мертвы, я непременно получу компенсацию за ту роль, какую ты сыграл в смерти Квимби?

— Помню.

Биргит все более нервно сжимала в руках кинжал, на запястьях у нее вздулись вены. Кинжал на добрый дюйм показался из ножен, сверкнув сталью, потом снова исчез в своем убежище.

— Хорошо, — сказала Биргит. — Не хотелось бы, чтобы память тебе изменила. И я непременно потребую от тебя компенсации, сын Гэрроу. Можешь не сомневаться! — И она быстрыми решительными шагами пошла прочь, а кинжал мгновенно исчез в складках ее платья.

Выдохнув, Роран плюхнулся на стоявшую рядом табуретку и потер горло, убежденный в том, что ему только что удалось избежать неизбежного: Биргит несомненно воткнула бы свой кинжал ему в глотку, если б у нее действительно было такое намерение. Эта встреча встревожила Рорана, но

ничуть не удивила; он в течение всех этих месяцев прекрасно знал о ее намерениях — еще с тех пор, как они покинули Карвахолл, — и понимал, что в один прекрасный день ему придется все-таки решить вопрос о своем долге перед нею.

Над головой у него плавно пролетел ворон, и Роран, проследив за птицей, почувствовал, как светлеет у него на душе. Потом улыбнулся и сказал себе: «Ну что ж, человек редко знает тот день и час, когда ему суждено умереть. Я могу быть убит в любую минуту, но ни черта не могу сделать, чтобы это предотвратить. Чему быть, того не миновать, и я не стану тратить зря время на бессмысленные опасения. Несчастья всегда обрушиваются на тех, кто их ждет. Самое главное — уметь найти счастье в кратких перерывах между чередой несчастий. Биргит все равно поступит так, как подсказывает ей совесть, и уж когда это случится, тогда я и буду что-то предпринимать».

У левой ступни он заметил какой-то желтоватый камень, поднял его и принялся разглядывать. Затем, сосредоточившись изо всех сил, произнес магические слова:

— Стенр рийза!

Но камешек его приказу не подчинился и остался неподвижен. Роран сердито всхрапнул и отшвырнул его прочь.

Затем он встал и широкими шагами пошел меж палатками, пытаясь на ходу развязать затянувшиеся у горла тесемки, однако узел не поддавался, и он плюнул на это занятие, поскольку уже добрался до жилища Хорста, палатка которого была раза в два больше всех остальных.

— Эй, привет! Дома кто есть? — крикнул Роран и постучал костяшками пальцев по крепежному шесту у входа.

Катрина вихрем вылетела из палатки; рыжие волосы развевались у нее за спиной, как крылья. Она обхватила его за шею, и он со смехом приподнял ее над землей, обняв за талию, и немного покружил, так что все вокруг, кроме ее лица, слилось для него в сплошную неясную полосу. Затем он бережно поставил Катрину на землю; она чмокнула его в губы — раз, два, целых три раза! — а он, замерев, впился взглядом в ее глаза, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете.

— Как хорошо от тебя пахнет! — прошептала Катрина.

— Ну, как ты? — Единственное, что омрачало его радость, это то, какой худенькой и бледной стала его любимая после мрачных подземелий Хелгринда. Жаль, подумал он, что нельзя было этих проклятых раззаков взять в плен и подвергнуть тем же мучениям, каким они подвергли Катрину и ее отца!

— Каждый день ты меня об этом спрашиваешь, и каждый день я отвечаю: «Мне лучше». Наберись же терпения; я поправлюсь, просто нужно немного времени. Самое лучшее лекарство для меня сейчас — это быть с тобой и наслаждаться теплым солнышком. Это доставляет мне такое наслаждение, что и описать невозможно.

— Но я не только об этом спрашиваю.

На щеках у Катрины пятнами заалел румянец, она гордо вскинула голову, и губы ее искривились в недоброй усмешке.

— Ну-ну, ты что-то совсем обнаглел, господин хороший! Слишком даже, я бы сказала. И я совсем не уверена, что мне следует оставаться с тобой наедине — боюсь, как бы ты снова не начал со мной вольничать.

То, как она это ответила, наконец-то полностью погасило тревогу в его душе.

— Вольничать, да? Ну, раз ты уже считаешь меня наглым мерзавцем, то я, пожалуй, все-таки и впрямь позволю себе кое-какие вольности. — И он поцеловал ее так крепко, что она в итоге забилась, не пытаясь, впрочем, вырваться из его объятий.

— Ох, — с трудом выдохнула она, — до чего же трудно с тобой спорить, Роран Молотобоец!

— Такой уж я. — И он, мотнув головой в сторону палатки, тихонько спросил: — А Илейн знает?

— Знала бы, если б не была так поглощена собственной беременностью. Боюсь, как бы тяготы долгого пути из Карваходла сюда пагубно не сказались на ее ребенке. Ее все время тошнит, и боли у нее бывают... в общем, это не совсем нормально... Гертруда все время пытается ей помочь, да только не очень-то много она может сделать. Так или иначе,

а чем раньше Эрагон вернется, тем лучше. Я не уверена, долго ли я смогу хранить нашу с тобой тайну.

— У тебя все отлично получится, я уверен. — Роран выпустил ее и, одернув свою рубаху, немного разгладил ее на груди. — Ну, и как я выгляжу?

Катрина критически его осмотрела, потом послюнила пальцы и бережно пригладила ему волосы, старательно убирая их со лба. Обнаружив, что тесемки его рубахи затянулись в узелок, она принялась возиться с ними, приговаривая:

— Тебе надо больше внимания обращать на свою одежду.

— Но одежда не пытается меня прикончить.

— Ну и что, сейчас ведь все по-другому. Ты — брат настоящего Всадника, вот и должен выглядеть соответствующим образом. И люди от тебя этого ожидают.

Он позволил ей делать с ним все, что угодно, пока она не осталась довольна его внешним видом. Поцеловав ее на прощание, он прошел еще с полмили до центра огромного лагеря варденов, где стоял красный шатер Насуады, над которым развевался и хлопал на восточном ветру флажок с изображенными на нем черным щитом и двумя параллельными мечами.

Шестеро стражей — двое людей, двое гномов и двое ургалов — при виде Рорана опустили оружие, и один из ургалов, могучее чудовище с желтыми зубами, преградил ему путь со словами: «Кто идет?» Понять, что он говорит, было почти невозможно.

— Роран Молотобоец, сын Гэрроу, — ответил Роран. — Насуада посылала за мной.

Ударив кулаком по своей нагрудной пластине, отчего по лагерю прокатился глухой стук, ургал провозгласил:

— Роран Молотобоец просит разрешения войти, госпожа Ночная Охотница!

— Можешь его впустить, — послышался из шатра голос Насуады.

Стражники подняли мечи, и Роран осторожно прошел мимо них. Они не сводили с него глаз, как и он с них; у тех и у других было такое выражение лица, словно они вот-вот сцепятся в жестокой схватке.

Зайдя в шатер, Роран встревожился, увидев, что большая часть мебели там перевернута и переломана. Единственными уцелевшими предметами, похоже, остались зеркало, висевшее на центральном шесте, и тот резной трон, на котором сидела Насуада. Стараясь не обращать внимания на беспорядок, Роран опустился на колено и почтительно склонил перед нею голову.

Черты лица Насуады и вся ее повадка столь сильно отличались от того, как выглядели женщины, среди которых вырос Роран, и он просто не знал, как ему вести себя с нею. Она казалась ему чужой, властной и высокомерной в роскошном вышитом платье, с золотыми цепочками в волосах, со своей темной, как ночь, кожей, которая сейчас отливала красным из-за просвеченных солнцем стен шатра. С яркой внешностью Насуады резко контрастировали полотняные бинты на руках – свидетельства поразительного мужества, проявленного ею во время Испытания Длинных Ножей. Ее победа служила для варденов постоянной темой разговоров с тех пор, как Роран вернулся в лагерь вместе с Катриной. И, пожалуй, это была та единственная черта Насуады, которую Роран, как ему казалось, все же понимал, ибо и сам пошел бы на любые жертвы, чтобы защитить тех, кого любит и о ком заботится. Просто так уж получилось, что Насуаде приходилось заботиться сразу о тысячах людей, а ему всего лишь о своей семье и своей деревне.

– Встань, прошу тебя, – сказала Насуада. Он повиновался и встал, положив руку на рукоять молота. Она внимательно посмотрела на него и сказала: – Мое положение редко дает мне возможность с кем-то разговаривать ясно и прямо, Роран, но с тобой я сегодня буду совершенно откровенна. Ты, похоже, как раз такой человек, который особенно ценит откровенность, и нам нужно многое обсудить, хотя времени у нас не так уж много.

– Благодарю тебя, моя госпожа. Я и впрямь никогда не любил словесные игры.

– Вот и отлично. Итак, честно говоря, ты поставил меня перед двумя очень сложными проблемами, и ни одну из них я не могу с легкостью разрешить.

Роран нахмурился:

— И что же это за сложные проблемы, госпожа?

— Одна личного порядка, вторая политическая. Твои подвиги в долине Паланкар и во время вашего бегства оттуда кажутся просто невероятными. Мне говорили, что ты смел, да и воин ты весьма умелый, разбираешься в стратегии, способен вдохновить людей, заставить их пойти за тобой без лишних сомнений.

— Они, может, и последовали за мной, только вопросы мне задавать и до сих пор не перестали.

Улыбка тронула губы Насуады.

— Возможно. Но они ведь по-прежнему здесь, с тобой, верно? Ты обладаешь различными и весьма ценными талантами, Роран, и все они могли бы весьма пригодиться варденам. А ты, насколько я понимаю, готов нам служить?

— Готов.

— Как тебе известно, Гальбаторикс разделил свою армию и направил одну часть на юг, чтобы укрепить город Ароуз, вторую на запад, к Финстеру, а третью на север, к Белатоне. Он надеется затянуть эту войну и постепенно нас обескровить. Джормундур и я не можем оказаться одновременно в десяти различных местах. Нам нужны командиры, которым можно было бы полностью доверять, которые были бы способны разобраться во множестве самых разнообразных конфликтов, как внешних, так и внутренних. Выполняя подобное поручение, ты лишний раз доказал бы, сколь ценны для нас твои услуги. Однако... — Она смущенно умолкла.

— Но отчего ты так уверена, что можешь полностью на меня положиться, госпожа моя?

— Ты прав. Когда человек защищает своих друзей и свою семью, это хорошо укрепляет его хребет, однако же я совсем не знаю, как тебе удастся справиться с чужими людьми. Сможешь ли держать их в подчинении, а себя — в руках? Ты, несомненно, можешь быть вожаком, но сможешь ли ты сам подчиняться чужим приказам? Я не пытаюсь умалить твои достоинства, Роран, но на кону судьба всей Алагейзии, и я не могу рисковать, ставя во главе своих людей недостаточно умелого командира. Эта война таких ошибок не прощает. Да к тому же было бы не слишком справедливо по отношению к тем, кто давно уже пребывает в рядах варденов,

поставить тебя над ними, просто исходя из личной симпатии. Всеобщее уважение ты еще должен завоевать.

— Я понимаю. Но что же ты в таком случае от меня хочешь?

— Ах, вот этот-то вопрос мне решить особенно трудно! Вы с Эрагоном почти родные братья, и это невероятно все осложняет. Ты, не сомневаюсь, понимаешь, что Эрагон — это, можно сказать, основа всех наших надежд. И потому чрезвычайно важно любыми способами избавить его ото всего, что способно отвлечь его от решения главной задачи варденов. Если я пошлю тебя в бой и ты в результате погибнешь, гнев и отчаяние могут — и, скорее всего, так и случится — поколебать его решимость. Я уже видела, как это с ним происходит. Кроме того, я должна быть очень осторожна и в отношении тех, кому, возможно, тебе придется служить, ибо кое-кто среди них попытается оказать на тебя давление или переманить на свою сторону из-за того, что ты связан с Эрагоном родственными узами. В общем, я изложила тебе все свои сомнения по этому поводу. А что скажешь ты сам?

— Если на кону стоит судьба всей Алагейзии, если спор из-за этих земель столь горяч, как ты только что описала, тогда я скажу вот что: ты просто не можешь допустить, чтобы я сидел сложа руки. Использовать меня как обычного бойца было бы тоже довольно бессмысленно. По-моему, ты и так это понимаешь. Что же касается политики... — Роран пожал плечами. — Мне совершенно безразлично, у кого ты велишь мне служить. Я никого просто так к Эрагону не допущу. Моя единственная забота — уничтожить Гальбаторикса и его Империю, чтобы все мои односельчане и сородичи смогли вернуться в родные края и жить мирно и спокойно.

— А ты настроен решительно.

— Весьма решительно. Так, может, ты разрешишь мне командовать отрядом моих земляков? Мы стали близки, как члены одной семьи, и во время боя отлично взаимодействуем друг с другом. Испытай меня. Тогда и твои вардены не пострадают, если мне вдруг что-то не удастся.

Насуада покачала головой:

— Нет. Возможно, в будущем, но не сейчас. Твоих земляков еще нужно как следует обучить, воины из них пока

никудышные; да и я не смогу судить о твоих качествах, если ты будешь окружен отрядом людей, которые настолько тебе преданы, что по твоему слову покинули родной дом и прошли через всю Алагейзию.

«Она думает, что во мне таится некая угроза, — догадался Роран. — То, что я способен оказывать столь сильное влияние на своих односельчан, заставляет ее быть со мной очень осторожной». И, пытаясь ее обезоружить, сказал:

— У каждого из них и своя голова на плечах имеется. Они и сами прекрасно понимали, что оставаться тогда в долине — это чистое безумие.

— И все-таки, Роран, этого было бы недостаточно, чтобы они сорвались с места, ты и сам знаешь.

— Чего же ты от меня хочешь, госпожа? Ты позволишь мне служить варденам или нет? И если позволишь, то как?

— А вот послушай. Этим утром мои маги обнаружили к востоку от нас патрульный отряд Гальбаторикса, состоящий из двадцати трех воинов. Я посылаю туда свой отряд под командованием Мартланда Рыжебородого. Он должен уничтожить этот отряд, а заодно и произвести кое-какие разведывательные действия. Если ты согласен, то будешь служить под началом Мартланда. Ты будешь его слушаться, подчиняться ему и, я надеюсь, кое-чему у него научишься. Он, в свою очередь, будет наблюдать за тобой и сообщать мне, насколько, по его мнению, ты подходишь для дальнейшего повышения по службе. Мартланд — воин очень опытный, и я полностью доверяю его мнению. Как тебе это предложение? Достаточно ли оно справедливо, Роран Молотобоец?

— Вполне. Только хотелось бы знать, когда мне надо уходить и долго ли меня здесь не будет?

— Уходить надо сегодня, а вернетесь вы, наверное, недели через две.

— Тогда я должен спросить, не могла бы ты подождать и послать меня с каким-то другим заданием через несколько дней? Я бы хотел быть здесь, когда Эрагон вернется.

— Твоя забота о брате достойна восхищения, однако события не стоят на месте, и откладывать мы не можем. Как только я получу от Эрагона какие-то сведения, то сразу же

попрошу кого-нибудь из Дю Врангр Гата связаться с тобой и сообщить тебе, хорошо ли обстоят дела.

Роран молча тер большим пальцем остро заточенный край своего молота, пытаясь найти ответ, который убедил бы Насуаду переменить мнение, но при этом не заставил бы его самого выдать свою личную тайну. В конце концов, догадавшись, что для него это поистине неразрешимая задача, он решил сказать ей все как на духу.

— Ты права. Я тревожусь об Эрагоне, но он лучше всех, наверное, сумеет сам о себе позаботиться. Так что видеть его живым и здоровым — это совсем не та причина, по которой я хочу остаться.

— В чем же тогда дело?

— А в том, что мы с Катриной мечтаем пожениться, и нам бы очень хотелось, чтобы брачный обряд совершил Эрагон.

Насуада встретила это заявление дробным стуком пальцев по деревянному подлокотнику своего кресла.

— Если ты полагаешь, что я позволю тебе болтаться тут без дела, в то время как ты мог бы помочь варденам, только для того, чтобы вы с Катриной могли насладиться первой брачной ночью на две недели раньше, то ты глубоко заблуждаешься.

— Но дело не терпит отлагательств, госпожа Ночная Охотница.

Пальцы Насуады так и застыли в воздухе, она прищурилась и спросила:

— И до какой же степени оно не терпит отлагательств?

— Чем раньше мы поженимся, тем лучше для того, чтобы сохранить честь Катрины. Если ты вообще понимаешь, о чем я говорю. Я ведь никогда не стал бы просить ради меня самого.

Луч света скользнул по лицу Насуады, она качнула головой и улыбнулась:

— Ясно... Но почему именно Эрагон? Почему ты хочешь, чтобы свадебный обряд отправлял именно он? Почему не кто-то другой? Например, кто-то из старейшин твоей деревни?

— Потому что он мой двоюродный брат, почти что родной, и я люблю его, и потому что он Всадник. Из-за меня Катрина потеряла почти все — дом, отца, приданое, и я ничего из этого не могу ей возместить. Но я, по крайней мере, могу подарить ей такую свадьбу, которую стоит запомнить. У меня нет ни золота, ни скота, так что оплатить роскошный пир я не в состоянии, но я должен найти какой-то способ, чтобы она навсегда запомнила этот день, и, по-моему, самое лучшее — чтобы нас обвенчал настоящий Всадник.

Насуада так долго молчала, что Роран уж подумал, что ему пора уходить. Но тут она снова заговорила:

— Это действительно великая честь — быть обвенчанными Всадником, но все же Катрина, я думаю, весьма опечалится, если выйдет замуж, не имея никакого приданого. Гномы одарили меня множеством всевозможных золотых изделий и украшений, когда я еще жила в Тронжхайме. Некоторые из них я уже продала, чтобы обеспечить варденов всем необходимым, но и того, что у меня еще осталось, хватит, чтобы женщина всю жизнь одевалась в шубы из норки и атласные платья. И большая часть этого будет принадлежать Катрине, если мы с тобой придем к согласию.

Роран, ошеломленный, снова поклонился и сказал:

— Благодарю тебя. Твоя щедрость поистине удивительна. Не знаю, право, как я смогу отплатить тебе за это.

— Отплатишь, если будешь сражаться за дело варденов с тем же пылом, с каким сражался за Карвахолл.

— О да, я буду сражаться! И Гальбаторикс проклянет тот день, когда послал своих раззаков ловить меня!

— Не сомневаюсь, что он уже его проклинает. А теперь иди. Ты можешь оставаться в лагере, пока не вернется Эрагон и не поженит вас с Катриной, но я рассчитываю, что уже на следующее утро ты будешь в седле.

НАСТОЯЩИЙ ВОЛК

«Какой гордый человек, — думала Насуада, глядя, как Роран выходит из шатра. — Как интересно: они с Эрагоном во многих отношениях похожи, и все же это два совершенно различных характера. Эрагон, возможно, один из самых опасных воинов в Алагейзии, но человек он, в общем, не жестокий и довольно мягкий. А вот Роран сделан из более крепкого материала. Надеюсь, он никогда не станет мне перечить; его, наверное, легче уничтожить, чем остановить».

Она проверила свои бинты и с удовлетворением отметила, что пока что новых следов крови на них не появилось; затем позвонила в колокольчик и велела Фарике принести ей поесть. После того как служанка внесла поднос с едой и вышла из шатра, Насуада жестом подозвала к себе Эльву, которая тут же появилась из своего тайника за троном, и они вместе принялись за поздний завтрак.

Затем Насуада несколько часов изучала последние донесения маркитантов, высчитывала, сколько повозок потребуется, чтобы передвинуть свою армию дальше к северу, складывала, вычитала и делила, покрывая бумажные листы столбцами цифр. Она отправила необходимые распоряжения гномам и ургалам, приказала своим кузнецам выковать как можно больше наконечников для копий, пригрозила распустить Совет Старейшин — она грозила этим почти каждую неделю, — если он будет бездействовать, и, в общем, сделала еще массу полезных дел. Затем вместе с Эльвой выехала на своем жеребце за пределы лагеря и встретилась там, в укромном месте, с Трианной, которая поймала и теперь допрашивала одного из членов «Черной Руки», шпионской организации Гальбаторикса.

Когда они с Эльвой возвращались от Трианны, Насуада поняла, что в северной части лагеря что-то происходит, ибо оттуда доносились радостные возгласы и еще какой-то шум, а затем меж палатками мелькнул какой-то человек, который сломя голову мчался прямо к ней. Охранники Насуады, не говоря ни слова, тут же окружили ее плотным кольцом, а один из ургалов, точно дерево, врос в землю на пути бегущего и вытащил свою дубинку, готовясь нанести сокрушительный удар. Бегущий успел затормозить прямо перед этим рогатым великаном и, задыхаясь, крикнул:

— Госпожа Насуада! Прибыли эльфы! Они уже здесь!

На несколько безумных, неправдоподобных мгновений Насуаде подумалось, что он имел в виду королеву Имиладрис и ее армию, но затем она вспомнила, что Имиладрис сейчас где-то в окрестностях Кевнона; даже эльфы, пожалуй, не смогли бы *пересечь всю Алагейзию за несколько* дней. «Должно быть, — подумала Насуада, — это те двенадцать заклинателей, которых Имиладрис посылала охранять Сапфиру и Эрагона».

— Скорей, лошадка! — сказала она, щелкнув пальцами. Раненые запястья горели огнем, и она вцепилась в гриву жеребца, ударив его пятками в бока. Конь напрягся и перешел в галоп. Низко пригнувшись, Насуада направила его по неровной тропе между двумя рядами палаток, заставляя людей и животных приседать и шарахаться в сторону, перепрыгивая через бочки с дождевой водой. Люди, впрочем, ничуть на нее не обижались, а весело следовали за нею, желая собственными глазами посмотреть на отряд эльфов.

У северного входа в лагерь Насуада и Эльва спешились и стали осматриваться, но на горизонте пока что не было заметно никакого движения.

— Вон там, — сказала Эльва, указывая пальцем.

И действительно, почти в двух милях от лагеря из зарослей можжевельника возникли двенадцать высоких, гибких фигур; их силуэты колебались и расплывались в жарких лучах солнца. Эльфы бежали нога в ногу, такие легкие и быстрые, что над ними даже пыль не вилась; казалось, они не бегут, а летят над землей. У Насуады даже холодок по спине пополз, настолько прекрасным и одновременно

неестественным был этот быстрый бег. Эльфы напоминали ей стаю хищников, загоняющих добычу. Ее охватило то же ощущение опасности, как когда она увидела в Беорских горах гигантского волка Шррга.

— Не правда ли, они восхитительны и ужасны?

Насуада вздрогнула, оглянулась и увидела рядом с собой Анжелу. Она почувствовала некоторое раздражение, ибо эта травница снова каким-то загадочным образом ухитрилась незаметно подобраться к ней, и пожалела, что Эльва не предупредила ее о приближении Анжелы.

— И как это тебе удается всегда присутствовать там, где должно произойти нечто интересное?

— А, ну так я просто люблю быть в курсе того, что происходит вокруг, а самой оказаться в нужном месте получается гораздо быстрее, чем слушать потом чей-то рассказ об этом. Кроме того, люди вечно забывают всякие важные сведения, например, что у кого-то безымянный палец длиннее указательного, а у кого-то есть магическая защита, а у осла, на котором кто-то приехал, есть занятная лысинка в форме петушиной головы. Разве я не права?

Насуада нахмурилась.

— Ты никогда своих секретов не выдаешь, верно?

— Ну а какой в этом был бы прок? Все вокруг стали бы охать и ахать из-за нескольких ерундовых заклинаний, а мне потом пришлось бы часами объясняться, и в итоге королю Оррину непременно захотелось бы отрубить мне голову, так что пришлось бы мне перебить половину твоих заклинателей, которые попытались бы преградить мне путь к спасению. По-моему, все это просто не стоит таких усилий.

— Твой ответ вряд ли способен вызвать особое доверие. Однако...

— Это потому что ты чересчур серьезна, госпожа Ночная Охотница.

— Но скажи мне, — не отступала Насуада, — зачем тебе знать, что кто-то едет верхом на осле, у которого есть лысинка, похожая на голову петуха?

— Ах, это! Ну, человек, у которого есть такой осел, обманул меня при игре в бабки, и я проиграла ему три пуговицы и довольно-таки занятный магический кристалл.

— *Тебя* обманул?

Анжела, явно задетая, поджала губы куриной гузкой.

— Бабки были со свинцом да еще и магией заряжены! А он взял да и подменил их своими, когда я на что-то отвлеклась... Я и до сих пор понять не могу, как ему удалось так меня провести.

— Значит, вы оба мухлевали?

— Это был очень ценный магический кристалл! И потом, как можно обмануть обманщика?

Прежде чем Насуада успела ответить, шестеро Ночных Ястребов с топотом вылетели из лагеря и тут же окружили ее. Она с трудом скрыла гримасу отвращения, так отвратительно воняли их пропотевшие разгоряченные тела; особенно чудовищно пахли ургалы. Затем, к ее удивлению, командир этой группы, большой и сильный мужчина с крючковатым носом по имени Гарвен, обратился к ней с просьбой:

— Госпожа моя, нельзя ли мне переговорить с тобой наедине? — Он говорил, словно сквозь стиснутые зубы, явно пытаясь подавить собственное возбуждение.

Анжела и Эльва посмотрели на Насуаду, ожидая, что она велит им отойти. Она кивнула, и они потихоньку пошли к западному берегу реки Джиет. Убедившись, что они отошли уже достаточно далеко, чтобы не иметь возможности подслушивать, Насуада уже открыла рот, чтобы разрешить Гарвену говорить, но тот опередил ее, воскликнув:

— Черт побери, госпожа Насуада, ты не должна вот так уезжать от нас! Как ты могла оставить нас позади?!

— Спокойно, капитан, — ответила она. — Риска тут, можно сказать, не было никакого, а я знала, что очень важно оказаться тут вовремя и самой встретить эльфов.

Доспехи Гарвена загремели, когда он с досадой ударил себя по ноге рукой в латной перчатке.

— Никакого риска? Да меньше часа назад ты получила доказательство того, что у Гальбаторикса по-прежнему есть свои агенты среди варденов. Он снова и снова внедряет своих шпионов в наши ряды, и тем не менее ты считаешь совершенно нормальным бросать свой эскорт и мчаться галопом через весь лагерь, где полно потенциальных убийц! Ты

что, забыла штурм Аберона? Или то, как Двойники убили твоего отца?

— Капитан Гарвен! Ты заходишь слишком далеко!

— Я и дальше зайду, если это будет необходимо, чтобы обеспечить полную твою безопасность, госпожа Насуада!

Эльфы тем временем уже пробежали половину расстояния, отделявшего их от лагеря, и Насуада, видя это, сердилась, чувствуя, что пора прекращать этот неприятный разговор.

— У меня есть и еще кое-какая защита, капитан, — попыталась она успокоить охранника.

Метнув быстрый взгляд в сторону Эльвы, Гарвен сказал:

— Мы так и подозревали, госпожа. — Последовала пауза, словно он надеялся, что Насуада сама что-нибудь прибавит, но, поскольку она молчала, он продолжал ковать железо, пока горячо: — Если ты действительно была в полной безопасности, то я ошибся, обвиняя тебя в беспечности, и прошу у тебя прощения. И все же безопасность и видимость безопасности — это очень разные вещи. Чтобы Ночные Ястребы действительно служили тебе незаменимой защитой, они должны быть самыми находчивыми, самыми упорными и неуступчивыми, самыми злыми воинами на свете, и люди действительно должны верить, что это так. Они должны верить, что если кто-то попытается пырнуть тебя ножом, или выстрелить в тебя из тяжелого лука, или использовать против тебя волшебство, мы, Ночные Ястребы, непременно его остановим. Если они будут уверены, что у них не больше возможностей причинить тебе ущерб, чем у мыши — причинить ущерб дракону, то они попросту выбросят из головы даже мысли об этом, и мы, таким образом, предотвратим возможность нападения на тебя, госпожа, не пошевелив при этом и пальцем.

Мы не можем сражаться со всеми твоими врагами, Насуада. Для этого нужна целая армия. Даже Эрагон не смог бы спасти тебя, если бы у всех тех, кто хочет видеть тебя мертвой, хватило храбрости. Если бы они могли пойти на поводу у собственной ненависти, ты, возможно, пережила бы сто покушений на твою жизнь или даже тысячу, но в итоге чья-то попытка все равно удалась бы. Единственный

способ воспрепятствовать подобным попыткам — это убедить большую часть твоих врагов, что им никогда не пройти мимо твоих Ночных Ястребов. Наша репутация может защитить тебя столь же надежно, как и наши мечи. И нет ничего хорошего, если люди видят, как ты скачешь куда-то верхом без нашего сопровождения. Не сомневаюсь, мы выглядели, как полные дураки, когда пытались тебя догнать. В конце концов, если ты не уважаешь нас, госпожа моя, то с какой стати нас будут уважать другие? — Гарвен чуть приблизился к ней и понизил голос почти до шепота: — Если будет нужно, мы с радостью умрем за тебя. Единственное, что мы просим взамен — чтобы ты позволила нам исполнять свои обязанности. Это ведь, по-моему, не так уж и много. И может наступить такой день, *когда ты скажешь спасибо, что* мы оказались рядом. Другая твоя защита — человеческая, а потому подвержена ошибкам и просчетам, сколь бы велики ни были возможности этого человека. Кроме того, она не давала тебе тех клятв на древнем языке, какие давали мы, Ночные Ястребы. Ее симпатии могут перемениться, и тогда тебе придется опасаться за свою жизнь, ибо она может неожиданно пойти против тебя. А Ночные Ястребы тебя никогда не предадут. Мы твои, госпожа Насуада, мы полностью принадлежим тебе. Так что, прошу тебя, позволь нам делать то, что положено. Позволь нам защищать тебя.

Сперва Насуаду совершенно не трогали доводы Гарвена, однако его красноречие и ясные аргументы произвели на нее впечатление. «Отличный человек, — думала она, — жаль, что я не нашла для него более достойного применения».

— Я вижу, Джормундур *окружил меня воинами,* столь же изощренными в красноречии, сколь и во владении мечом, — с улыбкой сказала она.

— Благодарю, госпожа моя.

— Ты прав. Я не должна была уезжать и оставлять тебя и твоих людей позади. Я прошу у вас прощения. Это был беспечный и неразумный поступок. Я все никак не привыкну, что меня постоянно окружает охрана, и порой забываю, что не могу передвигаться с прежней свободой, как когда-то в Фартхен Дуре. Даю тебе слово чести, капитан Гарвен, что больше этого не повторится. И я, безусловно, нисколько не

хотела уронить достоинство Ночных Ястребов или причинить им ущерб.

— Благодарю, госпожа моя.

Насуада отвернулась и снова посмотрела в ту сторону, откуда приближались эльфы; теперь их скрывал из виду лишь берег высохшей речушки, и до лагеря оставалось не более четверти мили.

— А знаешь, Гарвен, — снова обратилась к нему Насуада, — всего несколько минут назад ты, похоже, изобрел девиз Ночных Ястребов.

— Вот как? Но я что-то этого не припомню.

— Да, да! Изобрел! «Самые умные, самые упорные и самые злые», — ты ведь примерно так сказал? Это был бы отличный девиз, хотя, возможно, «и» там не нужно. Если остальные Ястребы его одобрят, тебе нужно попросить Трианну перевести его на древний язык, а потом этот девиз вырежут на ваших щитах и вышьют на ваших знаменах.

— Ты в высшей степени щедра, госпожа моя. Как только вернемся в лагерь, мы непременно обсудим это с Джормундуром и другими капитанами. Вот только...

Он колебался, не решаясь начать, и Насуада, догадавшись, что его тревожит, сказала:

— Но тебя беспокоит, что подобный девиз может показаться слишком заурядным для тех, кто занимает столь высокое положение? Наверное, ты предпочел бы что-нибудь более благородное и заумное, я права?

— Права, госпожа. — На лице Гарвена явственно читалось облегчение.

— Полагаю, над этим стоит подумать. Ночные Ястребы представляют всех варденов, и вам порой приходится иметь дело с весьма знатными представителями различных народов. Было бы жаль, если бы вы производили неправильное впечатление... Ну, хорошо, я предоставлю тебе и твоим подчиненным и друзьям придумать другой, более подходящий девиз. Не сомневаюсь, ты прекрасно с этим справишься.

Как раз в эту минуту из русла пересохшего ручья вынырнули двенадцать эльфов, и Гарвен, пробормотав еще какие-то слова благодарности, отодвинулся от Насуады на подобающее охраннику расстояние. Насуада тоже придала лицу

соответствующее моменту важной встречи выражение и махнула рукой Эльве и Анжеле, подзывая их к себе.

Когда эльфы находились еще на расстоянии нескольких сотен футов, тот, что бежал впереди, показался Насуаде не только облаченным с ног до головы в черное, но чернокожим, как она сама. Но вскоре она поняла, что на нем только набедренная повязка и вышитый пояс из ткани, к которому подвешен небольшой кошелек, а все его тело покрыто темно-темно-синей, точно полуночное небо, блестящей шерстью, которая так и переливалась в лучах солнца. Длиной в четверть дюйма эта шерсть напоминала гладкие, мягкие, гибкие доспехи, повторявшие форму тела и каждое движение мускулов; на коленях и локтях шерсть, впрочем, была гораздо длиннее и достигала, по крайней мере, двух дюймов, а между лопатками росла настоящая густая грива в ладонь высотой, спускавшаяся до самого конца позвоночника. Лоб необычного эльфа был закрыт неровными прядями густой челки, а на кончиках заостренных ушей торчали кисточки, как у рыси; на лице темная шерстка была такой короткой и гладкой, что лишь цвет выдавал ее наличие. Глаза посланника Имиладрис были ярко-желтыми и светились. Оба средних пальца на руках украшали не обычные ногти, а весьма длинные когти. Когда этот эльф, замедлив бег, остановился перед Насуадой, она заметила, что от него исходит и вполне определенный запах: солоноватый, мускусный, напоминающий запах сухого можжевелового дерева, промасленной кожи и дыма. Запах этот был столь силен и столь явственно говорил о присутствии животного-самца, что у Насуады по спине поползли мурашки. Ее бросало то в жар, то в холод, лицо горело, и она была рада, что у нее, темнокожей, это совершенно не заметно.

Остальные эльфы имели куда более привычный облик: примерно того же роста, что и Арья, светлокожие, одетые в обычные туники тускло-оранжевого и зеленого, как сосновые иглы, цвета. Шестеро из них были мужчинами, шестеро — женщинами. У всех волосы были цвета воронова крыла, за исключением двух женщин с серебристыми, как звездный свет, кудрями. Определить возраст каждого было совершенно невозможно; на их лицах не было морщин, и

гладкая кожа казалась совершенно молодой. Это были первые эльфы, если не считать Арьи, с которыми Насуада встретилась лично, и ей, разумеется, очень хотелось убедиться, что Арья — действительно типичная представительница своей древней расы.

Коснувшись двумя пальцами губ, эльф-предводитель поклонился, как и его товарищи, затем, как-то странно изогнув правую руку, приложил ее к груди и промолвил:

— Мои приветствия и поздравления тебе, о Насуада, дочь Аджихада. Атра эстерни онто тхелдуин. — Его акцент заметнее, чем у Арьи, и речь его звучала более напевно и музыкально благодаря растянутым гласным.

— Атра дю эваринья оно варда, — отвечала Насуада, как научила ее Арья.

Эльф улыбнулся, обнажив зубы, несколько более острые, чем у обычного человека.

— Меня зовут Блёдхгарм, сын Илдрид Прекрасной. — Затем он по очереди представил всех остальных эльфов и продолжил: — Мы принесли тебе радостные известия от королевы Имиладрис: прошлой ночью нашим заклинателям удалось разрушить ворота Кевнона. Так что в данную минуту наши войска продвигаются по улицам города к той башне, где забаррикадировался лорд Таррант. Кое-кто еще оказывает нам сопротивление, но в целом город взят и вскоре будет полностью находиться у нас в руках.

Охрана Насуады и те вардены, что собрались у нее за спиной, разразились радостными криками, услышав об этом. Она тоже обрадовалась этой победе, но затем радость сменилась тревогой и дурными предчувствиями: она представила себе, как эльфы — особенно такие сильные и стремительные, как Блёдхгарм, — врываются в дома жителей Кевнона. «Боги, какие же неземные, сверхъестественные силы спустила я с поводка?!» — думала она.

— Это действительно радостная весть, — сказала она вслух, — ибо, взяв Кевнон, мы значительно приблизились к Урубаену, а значит, и к сердцу Империи Гальбаторикса. — Затем, чуть понизив голос, она сказала: — Я очень надеюсь, что королева Имиладрис проявит милосердие по отношению к жителям Кевнона, особенно к тем, кто никакой особой

любви к Гальбаториксу не питает, но не имеет ни средств, ни мужества, чтобы противостоять Империи.

— Королева Имиладрис всегда добра и милосердна по отношению к своим подданным, — отвечал эльф и прибавил: — Даже если они и не выражают желания становиться ее подданными. Однако, если кто-то осмелится выступить против нас, мы попросту сметем их со своего пути подобно тому, как осенью сметают в кучу сухие листья.

— Я ничего иного и не ожидала от столь древнего и могущественного народа, — отвечала Насуада. Затем, когда обычный обмен любезностями был закончен, Насуада сочла вполне уместным поинтересоваться целью прибытия к варденам посланцев Имиладрис.

— Насколько я понимаю, вашей основной целью является защита Эрагона и Сапфиры. Я права?

— Ты права, Насуада свит-кона. И нам известно, что Эрагон по-прежнему находится на территории Империи, но должен вскоре вернуться.

— А известно ли вам, что Арья отправилась искать его и теперь они путешествуют вместе?

Блёдхгарм шевельнул своими острыми ушами.

— Да, об этом мы также осведомлены. Очень жаль, что они оба подвергаются столь серьезной опасности, однако мы надеемся, что с ними ничего дурного не случится.

— Что же вы намерены делать? Собираетесь ли вы отправиться на поиски Эрагона и Арьи и сопроводить их в лагерь варденов? Или же останетесь и подождете их здесь, рассчитывая на то, что Эрагон и Арья смогут защитить себя от происков слуг Гальбаторикса?

— Мы останемся здесь как твои гости, Насуада, дочь Аджихада. Эрагон и Арья находятся в безопасности и до сих пор вполне удачно избегают обнаружения. А если мы присоединимся к ним на территории Империи, это, скорее всего, привлечет ко всем нам ненужное внимание. Так что в данных обстоятельствах представляется более разумным использовать наше время для оказания посильной помощи варденам. Гальбаторикс, по всей видимости, нанесет первый удар именно здесь, по вашему лагерю, и если это действительно произойдет, и если к тому же снова объявятся

Муртаг и Торн, то Сапфире очень понадобится наша помощь, чтобы отогнать их прочь.

Насуада была удивлена.

— Эрагон говорил мне, что вы принадлежите к числу сильнейших эльфийских заклинателей, но действительно ли вы обладаете таким могуществом, чтобы иметь возможность отбить атаку этой проклятой парочки? Ведь Муртаг и Торн, как и сам Гальбаторикс, куда сильнее обычных Всадников.

— Да, мы обладаем значительным могуществом. И с помощью Сапфиры рассчитываем справиться с Торном и Муртагом или, возможно, даже одолеть их. Мы знаем, на что были способны Проклятые, и даже если Гальбаторикс действительно сделал Торна и Муртага сильнее любого из Проклятых, он, разумеется, никогда не сделал бы их равными по силе себе самому. И уж, по крайней мере, в этом случае его страх перед возможным предательством со стороны Муртага играет нам на руку. Даже трое Проклятых не смогли бы соперничать с нами, двенадцатью эльфами и драконом в придачу. А потому мы совершенно уверены, что способны противостоять натиску почти любого врага, кроме самого Гальбаторикса.

— Это вселяет надежду. С тех пор как Эрагон потерпел поражение в схватке с Муртагом, я постоянно думала, не стоит ли нам временно отойти и где-нибудь скрыться, пока Эрагон не восстановит и не укрепит свои силы. Твои уверения позволяют надеяться, что наше дело отнюдь не безнадежно. Мы, возможно, и не знаем пока, как нам убить самого Гальбаторикса, но до тех пор, пока мы не ворвемся в ворота его цитадели в Урубаене или же пока он сам не вылетит оттуда на Шрюкне, чтобы сразиться с нами в честном бою, нас ничто не остановит. — Насуада помолчала и продолжила: — У меня нет ни малейшей причины не доверять тебе, Блёдхгарм, но, прежде чем вы войдете в наш лагерь, я должна попросить вас разрешить одному из моих помощников прочесть ваши мысли, дабы получить полное подтверждение тому, что вы действительно эльфы, а не смертные, которых Гальбаторикс прислал сюда в ином обличье. Мне и самой крайне неприятно просить вас об этом, однако

же нас донимают всевозможные шпионы и предатели, и мы просто не осмеливаемся верить вам или кому бы то ни было на слово. Поверьте, я вовсе не хочу вас оскорблять; просто война научила нас соблюдать определенные меры предосторожности. И вы, эльфы, окружившие все зеленое лиственное пространство лесов Дю Вельденварден защитными чарами, скорее других способны понять, почему я вынуждена так поступать. Итак, я снова спрашиваю, согласны ли вы на это?

Глаза Блёдхгарма сверкнули, точно у зверя, а зубы его показались Насуаде опасно острыми, когда он с усмешкой сказал:

— Деревья в лесу Дю Вельденварден по большей части покрыты иглами, а не листьями, госпожа моя. Но если так нужно, ты можешь подвергнуть нас любому испытанию, но предупреждаю тебя: пусть тот, кому ты поручишь провести его, будет очень осторожен и не погружается в наши мысли слишком глубоко, иначе он может лишиться разума. Опасно смертному блуждать среди наших мыслей; он легко может там заблудиться и тогда уже не сумеет вернуться в собственное тело. К тому же некоторые тайны эльфов не подлежат огласке.

Насуада хорошо его поняла. Эльфы уничтожили бы любого, кто осмелился бы вторгнуться на запретную территорию.

— Капитан Гарвен, — окликнула она своего верного стража.

С тем выражением лица, с каким человек шагает навстречу неумолимой судьбе, Гарвен вышел вперед и встал перед Блёдхгармом. Он закрыл глаза и сдвинул брови, пытаясь прочесть мысли эльфа, и Насуада, наблюдая на ним, даже губу от волнения прикусила. Когда она была еще совсем маленькой, одноногий человек по имени Харгроув научил ее скрывать свои мысли от тех, кто умеет их читать, а также блокировать и отражать откровенные мысленные атаки. Она неплохо овладела этими умениями, и, хотя ей никогда не удавалось самой установить с кем-то мысленную связь, она очень хорошо представляла себе, как это делается. И очень сочувствовала сейчас Гарвену, ибо ему

предстояло решить очень трудную и очень деликатную задачу, ибо это было связано со странной природой эльфов.

Склонившись к ней, Анжела шепнула:

— Лучше б ты мне, а не ему приказала в мысли эльфов проникнуть. Это было бы куда безопаснее.

— Возможно, — кивнула Насуада. Несмотря на бесценную помощь, которую травница постоянно оказывала и ей самой, и другим варденам, она все же чувствовала себя в обществе Анжелы несколько неуверенно и зачастую не решалась довериться ей в решении достаточно серьезных вопросов.

Гарвен предпринял еще несколько попыток прочесть мысли эльфов, а потом глаза его вдруг широко распахнулись, и он резко выдохнул воздух. Шея и лицо капитана покрылись пятнами, зрачки сильно расширились, словно в темноте. А Блёдхгарм, напротив, казался ничуть не встревоженным; шерсть его лежала гладко, дыхание было ровным, и слабая довольная улыбка таилась в уголках губ.

— Ну? — нетерпеливо спросила Насуада.

Казалось, Гарвен не сразу расслышал ее вопрос, а затем с трудом произнес:

— Он не человек, госпожа моя. В этом у меня сомнений нет. Нет ни малейших сомнений...

Насуада была и довольна, и одновременно встревожена столь странным ответом. А Гарвену она сказала:

— Ну что ж, хорошо. Переходи к следующему.

Теперь Гарвену требовалось все меньше и меньше времени, чтобы заглянуть в мысли эльфов, и на последнего он потратил всего секунд шесть или семь. Насуада все это время глаз с него не сводила; она видела, как постепенно белеют его пальцы, становясь какими-то бескровными; как западает кожа у него на висках, точно втягиваясь внутрь. Вид у Гарвена к концу этой проверки вообще был несколько расслабленный, как у человека, плывущего под водой.

Выполнив свою задачу, Гарвен вернулся на прежнее место, но став за это время совершенно другим человеком. Исчезла, точно растаяв, его обычная решительность и даже некоторая свирепость, сменившись мечтательным выражением, свойственным людям, которые ходят во сне. А когда Насуада спросила у Гарвена, хорошо ли он себя чувствует,

он ответил ей таким спокойным и равнодушным тоном, что она поняла: душа его сейчас где-то далеко-далеко и блуждает по залитым солнцем полянам в таинственном эльфийском лесу. Насуаде стало не по себе, но она все же надеялась, что Гарвен сумеет прийти в себя. Если же нет, то ей придется попросить Эрагона или Анжелу, а может, и обоих вместе исцелить его. А пока, решила она, пусть Гарвен отдохнет; в таком состоянии ему не место среди Ночных Ястребов. Ничего, Джормундур подыщет ему какое-нибудь простое занятие, чтобы он, по крайней мере, смог насладиться теми видениями, которые оставило в его душе это вынужденное соприкосновение с разумом эльфов.

Горюя об этой потере и злясь на себя, на эльфов, на Гальбаторикса и на Империю за то, что подобная жертва оказалась необходимой, Насуада лишь с огромным трудом заставила себя сохранить учтивую речь и мягкие манеры.

— Когда ты говорил об опасности, Блёдхгарм, тебе бы следовало упомянуть, что даже те, кто все же возвращается в свои тела, не могут избежать определенных изменений! — сдерживая гнев, сказала она.

— Госпожа моя, я отлично себя чувствую, — сказал Гарвен. Однако этот протест был столь слабым, что вряд ли кто-то его заметил, и слова верного капитана лишь подхлестнули бешеный гнев Насуады.

Шерсть на загривке у Блёдхгарма встала дыбом.

— Если мне не удалось достаточно ясно выразиться до испытания, то я прошу прощения. Однако же не вини нас в том, что произошло; мы не можем противостоять собственной природе. И себя тоже не вини, ибо мы живем в век всеобщей подозрительности. Разрешить нам пройти в лагерь без проверки было бы непростительной беспечностью с твоей стороны. Весьма жаль, что подобный неприятный инцидент должен был омрачить нашу историческую встречу, но, по крайней мере, теперь ты можешь испытать облегчение, ибо убедилась, что мы именно те, кем и представлялись тебе сначала: эльфы из Дю Вельденвардена.

Новая волна его мускусного запаха достигла ноздрей Насуады, и она, хоть в душе ее и бушевал гнев, почувствовала, как расслабляется ее тело, как ее охватывают странные

мысли о будуарах, убранных шелками, о бокалах с вишневой наливкой, о печальных песнях гномов, которые столь часто разносились по пустынным залам Тронжхайма. И она несколько растерянно промолвила:

– Как бы мне хотелось, чтобы Эрагон или Арья были здесь, ибо уж они-то могли бы заглянуть в ваши мысли, не опасаясь, что утратят рассудок.

И она снова почувствовала колдовское воздействие исходившего от Блёдхгарма запаха, и ей вдруг почудилось, что она погружает пальцы в его роскошную гриву и перебирает ее... Она пришла в себя, лишь когда Эльва потянула ее за левую руку, заставляя нагнуться пониже, и сказала ей хриплым шепотом:

– Шандра. Сосредоточься на вкусе шандры обыкновенной.

Последовав ее совету, Насуада призвала на помощь прошлогодние воспоминания, когда на одном из пиров короля Хротгара ей довелось есть пирожки с шандрой. Одна лишь мысль о кисленьком вкусе этой ягодной начинки заставила ее проглотить слюну, и она тут же отвлеклась от соблазнительного мускусного запаха, исходившего от Блёдхгарма. Пытаясь скрыть свою растерянность, Насуада сказала:

– Моя юная компаньонка хотела бы знать, почему ты выглядишь столь отлично от других эльфов. Должна признаться, что и мне это было бы любопытно понять. Твой облик весьма далек от того, как мы обычно представляем себе ваш народ. Может быть, ты будешь так любезен и откроешь нам причины твоего несколько более звериного, что ли, *облика?*

Блёдхгарм пожал плечами, и от этого шерсть на нем вся пошла переливчатыми волнами.

– Мне мой облик нравится, – сказал он. – Некоторые сочиняют стихи о солнце и луне, другие выращивают цветы, или строят великолепные здания, или сочиняют музыку. И хоть я весьма высоко ценю все эти разнообразные виды искусства, но все же, на мой взгляд, истинная красота заключается в волчьих клыках, в пятнистой шкурке лесного кота, в глазах орла. Вот я и взял себе все эти атрибуты. В следующем столетии я, возможно, утрачу интерес к наземным

животным и сочту, что все самое лучшее воплощено в животных морских, и тогда я покрою себя чешуей, превращу свои руки в плавники, а ноги — в хвост и исчезну в волнах морских, и меня никогда больше уж не увидят в Алагейзии.

Если он просто рисовался, как представлялось Насуаде, то внешне ничем этого не проявил. Как раз напротив, он был настолько серьезен, что ей даже показалось, что он над ней подшучивает.

— Все это в высшей степени интересно, — сказала она. — Но я надеюсь, что потребность превратиться в рыбу не возникнет у тебя в самом ближайшем будущем, ибо ты нам нужен на суше. Разумеется, если Гальбаторикс взбредет в голову превратить своих верных рабов в акул и морских коньков, тогда, конечно, заклинатель, который способен дышать под водой, и нам, возможно, окажется полезен.

Двенадцать эльфов неожиданно рассмеялись, и все вокруг наполнилось звуками их чистого легкого смеха, и птицы на милю окрест вдруг дружно запели. Звуки их песен и птичьего чириканья напоминали звуки падающей на хрустальную поверхность воды. Насуада невольно улыбнулась и увидела вокруг такие же улыбки, они светились даже на лицах ее стражей. Даже двое ургалов, похоже, улыбались. А когда эльфы умолкли и весь мир вновь погрузился в бессловесность, Насуада испытала такую же грусть, какая бывает, когда исчезает приятный сон. Глаза ее даже на несколько мгновений заволокло слезами, но слезы вскоре высохли, да и грусть прошла.

Впервые за все это время улыбнувшись — и тем самым явив свой истинный лик, одновременно прекрасный и пугающий, — Блёдхгарм сказал:

— Для нас будет честью служить такой умной, способной и находчивой женщине, как ты, госпожа Насуада. Как-нибудь на днях, когда позволят твои многочисленные обязанности, я с радостью научу тебя нашей игре в руны. Не сомневаюсь, ты будешь потрясающим противником.

Столь внезапная перемена в поведении эльфов напомнила Насуаде то слово, которым гномы иногда характеризовали эту расу: капризные. Когда она была ребенком, это слово казалось ей почти безобидным — оно лишь подтверждало

ее представление об эльфах как существах, которые переходят от одного наслаждения к другому, точно феи в саду цветов, — однако теперь она поняла, наконец, что именно хотели сказать гномы этим своим определением: «Осторожней! Берегись! Ибо никогда нельзя точно знать, что именно сделает эльф в следующее мгновение». Насуада тихонько вздохнула, огорченная тем, что ей, видно, вновь придется искать общий язык с группой существ, явно намеренных манипулировать ею в своих интересах. «Неужели жизнь всегда настолько сложна? — с грустью думала она. — Или это я сама притягиваю всякие сложности?»

Она заметила, что из лагеря к ней скачет верхом король Оррин, сопровождаемый огромной толпой знатных людей, придворных, чиновников высокого и низкого ранга, советников, помощников, слуг, вооруженных охранников, и прочих, и прочих, которых она даже и не пыталась как-то идентифицировать. А посмотрев на запад, она увидела Сапфиру, поспешно снижавшуюся на широко распростертых крыльях. Чувствуя, что сейчас скучная шумливая толпа королевских придворных окружит и поглотит их, Насуада сказала:

— Возможно, пройдет несколько месяцев, прежде чем у меня будет возможность воспользоваться твоим предложением, Блёдхгарм, но тем не менее я очень тебе за него благодарна. Я с удовольствием развлеклась бы игрой после целого дня работы. Однако же в настоящее время это удовольствие придется отложить. А сейчас готовься: на тебя вот-вот обрушится вся тяжесть человеческого общения, целая лавина имен, вопросов и просьб. Мы, люди, народ любопытный; к тому же никто из нас прежде не видел столько эльфов сразу.

— Мы готовы к этому, госпожа Насуада, — сказал Блёдхгарм.

Когда с громоподобным шумом кавалькада короля Оррина окружила их, а Сапфира как раз приземлилась, приминая траву хлопающими крыльями, последняя мысль, что мелькнула у Насуады, была такой: «О, боги! Мне придется поставить вокруг Блёдхгарма роту солдат, чтобы его не разорвали на части любопытные женщины. Впрочем, даже и этого, возможно, будет недостаточно!»

ПОЩАДИ, ВСАДНИК!

Через день после того, как они оставили Исткрофт, ближе к вечеру Эрагон почуял впереди патрульный отряд человек из пятнадцати.

Он сказал об этом Арье, и та, кивнув, призналась, что тоже их заметила. Ни он, ни она не высказали вслух ни малейшей озабоченности, однако в душе у Эрагона зародилась тревога, и он видел, что Арья тоже сурово насупилась.

Местность вокруг была открытой и почти плоской; укрыться им было негде. Они и раньше сталкивались с подобными отрядами на дорогах, но всегда находились при этом в компании других путников. Теперь же на этой еле заметной тропе они были совершенно одни.

— Мы могли бы с помощью магии выкопать яму, завалить ее сверху всяким мусором и спрятаться в этой берлоге, пока они мимо не проедут, — предложил Эрагон.

Арья, не останавливаясь, лишь энергично помотала головой:

— А что мы будем делать с выкопанной землей? Они же подумают, что наткнулись на нору самого большого в мире барсука. И потом, я бы предпочла использовать наши силы на то, чтобы бежать побыстрее.

И Эрагон проворчал в ответ:

— Я не уверен, что во мне осталось достаточно сил даже на несколько миль бега трусцой. — Он пока не задыхался, однако эта бесконечная гонка совсем его измотала. У него болели колени, локти были ободраны, большой палец на левой ноге распух и покраснел, а на пятках вздувались и лопались водяные пузыри, как бы тщательно он свои стертые ноги не перебинтовывал. Прошлой ночью он излечил несколько подобных повреждений, которые не давали ему покоя, но,

хотя это и принесло некоторое облегчение, все же использование магии лишь усилило общую его усталость.

Приближение патруля стало заметно по столбу поднятой им пыли примерно за полчаса до того, как Эрагон смог разглядеть в нижней части этого желтоватого облака силуэты людей и лошадей. Поскольку у них с Арьей зрение было гораздо более острым, чем у большинства людей, вряд ли всадники способны были на таком расстоянии их увидеть. Они бежали еще, по крайней мере, минут десять, потом остановились, и Арья, вытащив из заплечного мешка юбку, надела ее прямо поверх своих узких мужских штанов, а Эрагон выудил из своего мешка кольцо Брома и как следует замазал землей светящийся знак на своей правой ладони. Затем, опустив головы, понурив плечи и едва волоча ноги, они двинулись дальше. Если все пойдет хорошо, то солдаты сочтут их всего лишь парой беженцев.

Хотя Эрагон отчетливо чувствовал приближающийся топот конских копыт и слышал крики людей, погоняющих лошадей, все же прошло около часа, прежде чем всадники их нагнали. Эрагон и Арья тут же отступили в сторонку и стояли, потупившись. Эрагон мельком успел заметить, глядя из-под ресниц, как мимо с топотом промчались первые воины, но потом клубы пыли окутали все вокруг, не давая дышать и скрывая из виду остальной отряд. Пыли в воздухе было так много, что Эрагон даже зажмурился. Чутко прислушиваясь, он считал про себя до тех пор, пока совершенно не убедился, что мимо проехала большая часть патруля. «Они явно не намерены терять время и задавать нам вопросы!» — радостно думал он.

Однако радость его оказалась преждевременной. Через минуту кто-то рявкнул у него над головой в мутном облаке дорожной пыли:

— Эй вы, а ну стоять!

Раздался целый хор возгласов: «А ну, ребята, погодите!» и «Эй, ты где, Нелс?» — и вокруг Эрагона и Арьи собрались все пятнадцать всадников, с трудом сдерживая своих коней. Но еще до того, как кони успокоились и пыль вокруг наконец осела, Эрагон быстро поднял с земли довольно крупный камень-голыш и снова выпрямился.

— Стой смирно! — прошипела Арья.

Ожидая, когда солдаты дадут понять, каковы их намерения, Эрагон старался успокоить бешено бьющееся сердце, про себя повторяя ту легенду, которую они с Арьей придумали, чтобы объяснить, как оказались так близко от границы с Сурдой. Однако успокоиться ему так и не удалось, ибо — несмотря на всю его физическую силу, тренированность, знания, полученные в выигранных им сражениях, и с полдюжины заклятий, которые его охраняли, — сама плоть его, казалось, понимала: ей грозит неизбежная смерть или тяжкий ущерб. Под ложечкой у Эрагона противно екнуло, в горле пересохло, ноги ослабели и не желали стоять на месте. «Ох, да поскорее вы, что ли!» — думал он. Ему хотелось прямо руками разорвать что-нибудь на куски, словно подобное разрушительное действие могло облегчить невыносимое, все усиливавшееся напряжение, которое охватило его душу. Однако он даже пошевелиться не осмеливался, и это приводило его в отчаяние. Единственное, что как-то успокаивало его, это присутствие Арьи. Он бы скорее дал отсечь себе руку, чем позволил бы ей счесть его трусом. И хотя она была могущественной воительницей и имела полное право защищаться сама, он по-прежнему страстно мечтал ее защищать.

Тот же голос, что отдал приказ всему отряду остановиться, снова послышался рядом с ними:

— Покажите-ка мне ваши лица!

Подняв голову, Эрагон увидел прямо перед собой человека верхом на чалом жеребце; его руки в латных перчатках спокойно лежали на луке седла. Над верхней губой всадника топорщились невероятной густоты курчавые усы, спускавшиеся не только к уголкам рта, но и еще на добрых девять дюймов ниже; эти усы составляли весьма странный контраст с его совершенно прямыми волосами, падавшими на плечи. И как только такие скульптурные усы выдерживают собственный вес и умудряются топорщиться, удивлялся Эрагон, тем более что они не покрыты ни помадой, ни пчелиным воском?

Остальные воины опустили свои копья, нацелив острия на Эрагона и Арью. Они с ног до головы были настолько

заляпаны дорожной грязью, что невозможно было разглядеть языки пламени на их форменных мундирах.

— Значит, так, — сказал тот усатый, и его невероятные усы закачались, точно потревоженные стрелки весов. — Во-первых, кто вы такие? Куда идете? И что у вас за дела во владениях нашего короля? — Затем он махнул рукой. — Да ладно, можете не отвечать. Это, в общем, не имеет значения. Теперь все не имеет значения. Миру нашему конец, и мы зря тратим время, допрашивая каких-то крестьян, всякий невежественный сброд, что рассыпался по всей стране, пожирая на своем пути все, что можно сожрать, и размножаясь с чудовищной быстротой! У нас в поместье близ Урубаена мы бы таких, как вы, выпороли бы как следует, если б поймали слоняющимися поблизости без разрешения, а если б узнали, что вы еще и что-то украли у своего бывшего хозяина, так попросту повесили бы. В общем, что бы вы мне тут ни сказали, все это ложь. И всегда это...

А кстати, что у вас в мешках? Еда, одеяла, это ясно, но, может, там найдется и парочка золотых подсвечников, а? Или серебро из запертого хозяйского буфета? Или тайная переписка с варденами? Ну? Вы что, язык проглотили? Ничего, мы скоро все про вас узнаем! Лангвард, может, глянешь, что за сокровища таятся в заплечном мешке вон того типа? Ну, правильно, молодец!

Эрагон пошатнулся и чуть не упал лицом вниз, когда один из воинов с силой ударил его в спину тупым концом копья. Он старательно завернул каждый из своих доспехов в тряпицы, чтобы они не звякали в пути, однако тряпицы оказались слишком тонкими, чтобы полностью заглушить звон металла после столь сильного удара.

— Ого! — воскликнул усатый.

Придерживая Эрагона сзади за плечи, тот воин, что ударил его, развязал тесемки мешка и вытащил оттуда кольчугу Эрагона, приговаривая:

— Вы только гляньте, господин офицер!

На лице усатого расплылась довольная улыбка.

— Доспехи! И между прочим, тонкой работы! Даже очень тонкой, я бы сказал. Ну что ж, вы и впрямь оказались полны загадок! Небось хотели к варденам присоединиться,

да? Настроились на предательство и мятеж, да? — Физиономия его помрачнела. — Или, может, вы те, кто позорит честных солдат? Если так, то не больно-то вы умелые наемники; у вас вон даже и оружия нет. Что, слишком трудно было вырезать себе хотя бы посох или дубинку? Что, трудно было? Отвечайте!

— Нет, господин офицер.

— Нет, господин офицер? Вам небось и в голову это не пришло, верно? Какая жалость, что нам приходится принимать таких вот тупоумных уродов, но, увы, к этому привела нас распроклятая война, только жалкие остатки и приходится подбирать!

— Куда принимать, господин офицер?

— Молчать, наглец! Никто тебе не давал разрешения пасть открывать! — Тряся усами, офицер сделал какое-то движение рукой, и перед глазами Эрагона замелькали красные вспышки огня: солдат, по-прежнему стоявший у него за спиной, снова ударил его, на этот раз по голове. — Являешься ли ты вором, предателем, наемником или просто глупцом, судьба тебя в любом случае ждет одна и та же. Как только дашь клятву служить честно, так уж выбора у тебя не будет, останется только подчиняться Гальбаториксу или тем, кто говорит от его имени. Мы первая в истории армия, свободная от инакомыслия и раскола. Никаких тебе глупых рассуждений о том, что нам «следовало бы сделать»! Только приказы, ясные и прямые. Ты тоже должен к нам присоединиться, и у тебя будет привилегия: по-настоящему помочь строить то великое будущее, которое предвидел наш великий правитель. Ну, а для твоей хорошенькой спутницы существует немало и других способов быть полезной Империи, верно я говорю? А теперь свяжите их!

И в эту минуту Эрагон понял, что должен делать. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Арья уже смотрит на него и взгляд ее тверд, но глаза сияют. Он слегка подмигнул ей. Она тоже ему подмигнула. И пальцы его крепче стиснули камень-голыш.

Большая часть тех воинов, с которыми Эрагон сражался на Пылающих Равнинах, обладала определенными, какими-то примитивными средствами защиты от волшебных чар,

и он подозревал, что эти патрульные тоже были защищены подобным образом. Он был уверен, что сумеет разрушить или перехитрить любые чары, изобретенные магами Гальбаторикса, однако на это потребуется больше времени, чем есть у него сейчас. Вместо этого он слегка согнул руку и легким быстрым движением кисти метнул камешек в того офицера с усами.

Камешек чиркнул по металлу и насквозь прошил его шлем.

И прежде чем остальные воины успели опомниться, Эрагон мгновенно повернулся, выхватил копье из рук у того, кто бил его сзади, и вышиб этого патрульного из седла. А когда тот рухнул на землю, пронзил ему сердце острием, которое прошло как раз меж нагрудными пластинами доспехов. Вытащив копье, Эрагон сильно отклонился назад, зависнув почти параллельно земле, и семь копий, одновременно брошенных в него, воткнулись в то место, где он только что стоял. Казалось, смертоносные орудия просто проплыли над ним, словно по волшебству.

В то же мгновение, как Эрагон метнул свой голыш, Арья взлетела на ближайшего к ней коня, сунув ногу в свободно болтавшееся стремя и тут же перепрыгнув в седло, из которого одним ударом по голове вышибла ничего не подозревавшего седока. От ее удара тот пролетел, по меньшей мере, футов тридцать. Затем Арья принялась перепрыгивать с одной лошади на другую, убивая солдат с помощью колен, ступней и кулаков и действуя с невероятной быстротой, грацией и уверенностью.

Под ложечкой у Эрагона точно колючие камни заворочались. Он запнулся и остановился. Потом, поморщившись, выпрямился. Четверо солдат, которые успели спешиться, наступали на него с обнаженными мечами. Они одновременно сделали выпад, и Эрагон, отклонившись вправо и чуть присев, поймал ближайшего воина за запястье и нанес ему удар кулаком в подмышку. Тот рухнул на землю и больше не шевелился. Эрагон расправился и с остальными своими противниками, попросту свернув им головы, так что хрустнули позвонки. Но четвертый солдат оказался слишком

близко от него и успел уже замахнуться мечом, так что уйти от удара Эрагон явно не успевал.

Оказавшись в ловушке, он сделал то единственное, что еще мог сделать: изо всех сил ударил этого человека в грудь. От этого удара во все стороны полетели брызги пота и крови. Кулак Эрагона сокрушил противнику ребра и отшвырнул его футов на двенадцать. Там он и приземлился на зеленую траву рядом с еще одним трупом.

Эрагон охнул и даже согнулся от боли в руке. Похоже, четыре сустава из пяти были повреждены, кожа на костяшках пальцев лопнула, из ран брызнула кровь. «Вот черт!» — выругался он. Пальцы отказывались ему повиноваться, и он понял, что эта рука останется совершенно бесполезной до тех пор, пока у него не будет возможности ее исцелить. Опасаясь очередной атаки, он огляделся, пытаясь понять, где находится Арья и остальные солдаты.

Лошади патрульных разбежались. Да и самих патрульных в живых осталось всего лишь трое. Арья сражалась с двумя из них, а третий воин пытался удрать по дороге на юг. Собрав последние силы, Эрагон бросился вдогонку. Когда расстояние между ними стало сокращаться, солдат стал просить пощады, обещая, что никому не расскажет об этом побоище, и показывая Эрагону, что совершенно безоружен. Когда Эрагон был от него на расстоянии вытянутой руки, его противник резко свернул в сторону, затем, пробежав несколько шагов, снова сменил направление; он метался по заросшей травой равнине, точно испуганный кролик, и все время неустанно молил о пощаде. По щекам его струились слезы; он говорил, что слишком молод, чтобы умирать, что еще не успел жениться и родить ребенка, что его родители будут тосковать по нему, что его силой заставили вступить в армию и это всего лишь пятое его служебное задание. Он умолял Эрагона смилостивиться и оставить его в живых.

— Чем я так уж тебе насолил? — рыдал он. — Я ведь всего лишь выполнял приказ, делал то, что мне было велено. Я — хороший человек!

Эрагон на минутку остановился и заставил себя заговорить:

— Ты не можешь пойти вместе с нами. И оставить тебя тут мы тоже не можем; ты поймаешь лошадь, а потом выдашь нас.

— Нет, я не выдам!

— Люди спросят, что здесь произошло. Ты дал клятву Гальбаториксу, и Империя не позволит тебе солгать ей. Извини, но я не знаю, как освободить тебя от того, что тебя с нею связывает, кроме как...

— Почему ты так поступаешь? Ты чудовище! — завопил несчастный. С искаженным от ужаса лицом он попытался проскользнуть мимо Эрагона и вернуться на дорогу. Но Эрагон нагнал его уже шагов через пять и, хотя бедняга по-прежнему плакал и молил о пощаде, обхватил его левой рукой за шею и с силой сжал ее. Затем ослабил свою страшную хватку, и мертвый солдат рухнул к его ногам.

Чувствуя во рту привкус желчи, Эрагон неотрывно смотрел в равнодушное лицо мертвеца. «Когда мы кого-то убиваем, то убиваем и часть самих себя», — думал он. Весь дрожа от потрясения, боли и отвращения к себе, он побрел назад, к тому месту, где и началась эта схватка. Арья стояла на коленях возле одного из мертвецов и пыталась отмыть руки водой из его фляжки.

— Как же так, — спросила Арья, — ты смог убить этого человека, а предателя Слоана даже пальцем не тронул? — Она встала и откровенно посмотрела Эрагону прямо в глаза.

Чувствуя себя совершенно опустошенным, он лишь пожал плечами.

— Он представлял собой прямую угрозу нам. А Слоан нет. Разве это не очевидно?

Арья некоторое время молчала.

— Было бы очевидно, однако это не так... И мне стыдно, что мне читает мораль человек, обладающий намного меньшим опытом, чем я. Возможно, я проявила чрезмерную самоуверенность, чрезмерную доверчивость...

Эрагон слышал, как она что-то говорит, но слова ничего для него не значили, ибо взгляд его блуждал по разбросанным вокруг трупам людей. «Неужели это все, во что превратилась теперь моя жизнь? — думал он. — В бесконечную череду сражений и убийств?»

— Я чувствую себя убийцей, — сказал он вслух.

— Я понимаю, как это нелегко, — откликнулась Арья. — Вспомни, Эрагон, ты испытал всего лишь небольшую часть того, что означает быть Всадником. Вскоре эта война закончится, и ты увидишь, что твои обязанности значительно шире простого насилия. Всадники были не просто воинами, они были учителями, целителями, учеными.

Он стиснул зубы.

— Но почему мы сражаемся с этими людьми, Арья?

— Потому что они защищают Гальбаторикса.

— В таком случае мы должны найти возможность ударить непосредственно по Гальбаториксу.

— Такой возможности пока нет. Мы не можем победным маршем войти в Урубаен, пока не победим его войска. И мы не сможем войти в его замок, пока не обезвредим те ловушки, на создание которых он потратил почти сто лет.

— Но должна же быть какая-то возможность! — пробормотал Эрагон. Он остался стоять на месте, а Арья прошла немного вперед и подняла с земли копье. Но когда она приставила наконечник копья к подбородку убитого солдата и насквозь пронзила его череп, Эрагон не выдержал. Он подбежал к ней, оттолкнул ее от тела и закричал:

— Что ты делаешь?

Лицо Арьи вспыхнуло гневом.

— Я прощаю это тебе только потому, что ты в расстроенных чувствах и плохо соображаешь, — сказала она сердито. — Подумай, Эрагон! Сейчас, пожалуй, уже слишком поздно, и пока что за тобой никто не погонится, но подумай: для чего это необходимо?

Ответ был ему очевиден, и он ворчливо ответил:

— Если мы этого не сделаем, Империя заметит, что большая часть этих людей убита вручную, без помощи оружия.

— Вот именно! И на такое способны только эльфы, Всадники и куллы. И поскольку любой тупица способен сделать вывод, что куллы тут ни при чем, слуги Гальбаторикса вскоре догадаются, что мы где-то поблизости, и не пройдет и дня, как Торн и Муртаг начнут кружить у нас над головой. — Послышался отвратительный хлюп, когда она выдернула копье из мертвого тела. Она протянула копье Эрагону и

держала его до тех пор, пока он его не взял. — Мне это кажется не менее отвратительным, чем тебе, — сказала она, — так что, будь добр, постарайся взять себя в руки и немного помочь.

Эрагон кивнул. Арья выхватила меч, и вместе они придали побоищу такой вид, словно здесь один отряд вооруженных людей просто схватился насмерть с другим отрядом. Это была отвратительная работа, но они быстро с ней управились, ибо оба совершенно точно знали, какие ранения должны были получить воины, чтобы оказаться побежденными, и Эрагон больше уже не пытался отлынивать. Когда они подошли к тому человеку, которому Эрагон вдребезги разнес грудную клетку, Арья сказала:

— Тут мы мало что можем сделать. Такие повреждения не скроешь. Придется оставить его так, как есть, и надеяться, что люди решат, будто ему на грудь лошадь наступила.

Они пошли дальше, и последним на очереди был тот офицер, командир патруля. Его усы теперь совершенно обвисли и торчали клочьями, утратив все свое былое великолепие.

Чуть расширив пробитую тем камешком дырку у него в голове, чтобы она напоминала треугольную рану, оставленную острием копья, Эрагон на мгновение задержался возле убитого, созерцая его печально повисшие усы, а потом сказал:

— А ведь он был прав.

— Насчет чего?

— Мне нужно оружие, настоящее оружие. Мне нужен меч. — Вытерев пальцы краем рубахи, он огляделся, пересчитывая тела. — Все, кажется, да? Дело сделано. — Он подобрал свои разбросанные доспехи, снова завернул их в тряпицы и засунул на дно заплечного мешка. Затем поспешил следом за Арьей, которая уже успела подняться на небольшой пригорок.

— Теперь нам нужно постараться вообще избегать больших дорог, — сказала она. — Мы не можем рисковать еще одной встречей с отрядом Гальбаторикса. — И, указав на опухшую окровавленную руку Эрагона, заметила: — А это тебе бы следовало привести в порядок, прежде чем мы

двинемся дальше. – Она не дала ему времени даже ответить, а просто сжала его неподвижные пальцы и сказала: – Вайзе хайль!

Эрагон невольно застонал, когда его пальцы сами вправились в суставы, а порванные сухожилия заросли и вновь стали подвижными; ободранные в клочья костяшки пальцев тоже мгновенно затянулись новой кожей, прикрыв сочившуюся кровью плоть. Когда кончилось действие заклятья, он несколько раз сжал и разжал руку, проверяя, полностью ли она исцелилась.

– Спасибо, – сказал он Арье, удивленный тем, что она проявила подобную инициативу, тогда как он и сам был вполне в силах исцелить себя.

Арья выглядела смущенной. Отвернувшись от него и глядя куда-то вдаль, она сказала:

– Я рада, что сегодня ты был рядом со мною, Эрагон.

– И я рад, что ты со мной.

Она улыбнулась ему мимолетной неуверенной улыбкой. Они еще немного постояли на этом холме, поскольку ни тому, ни другому не хотелось вновь пускаться в путь. Затем Арья вздохнула и сказала:

– Нам бы надо идти. Тени становятся длиннее, того и гляди на дороге еще кто-нибудь появится и поднимет тревогу, увидев это воронье пиршество.

Спустившись с пригорка, они двинулись в юго-западном направлении под углом к дороге, петляя в раскинувшемся вокруг море травы. А за спиной у них стервятники уже начинали, кружась, спускаться с небес.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

В ту ночь Эрагон сидел, уставившись на жалкий костерок, и жевал лист одуванчика. Их обед вообще состоял из различных кореньев, семян и листьев, которые Арья собрала поблизости. Поскольку ели они все это «сырьем», обед получился не слишком аппетитным, однако Эрагон все же воздержался от того, чтобы разделить его с птичкой или кроликом, которых в тех местах было видимо-невидимо, поскольку не хотел ловить на себе неодобрительные взгляды Арьи. Тем более после их сражения с вооруженным патрулем и самого Эрагона тошнило при мысли о том, чтобы отнять у кого-то жизнь, пусть даже у животного.

Было уже поздно, а им завтра надо было пораньше выйти в путь, однако Эрагон не делал ни малейшей попытки лечь спать, как и Арья, впрочем. Она сидела под прямым углом к нему, подтянув к подбородку колени, обхватив их руками и пристроив на них голову. Ее широкая юбка лежала вокруг нее на земле, точно разметанные ветром лепестки цветка.

Опустив голову на грудь, Эрагон растирал правую руку левой, пытаясь избавиться от засевшей где-то в глубине боли. «Мне нужен меч, – думал он. – А пока его нет, надо было бы создать хоть какую-то защиту для рук, чтобы каждый раз не уродоваться, нанося противнику удар. Но если надеть, скажем, перчатки с мягкой подкладкой толщиной в несколько дюймов, то это будет выглядеть по меньшей мере смешно. Они будут слишком толстыми и неуклюжими, в них будет слишком жарко, но самое главное, нельзя же всю оставшуюся жизнь ходить, не снимая перчаток». Он нахмурился. Напряг кисть руки, изучая косточки на тыльной стороне ладони. «А что будет, если я ввяжусь в очередную схватку, когда на

мне будет кольцо Брома? Его ведь сделали эльфы, и мне, скорее всего, не стоит беспокоиться о том, что я могу разбить этот сапфир. Но если я ударю кого-то, а на пальце у меня будет это кольцо, то я не просто вывихну несколько суставов, а размозжу все косточки в кисти. Потом еще вопрос, сумею ли я устранить нанесенный себе ущерб...» Эрагон сжал кулак и медленно поворачивал его перед собой, глядя на глубокие тени, пролегшие между выступившими костяшками пальцев. «Я мог бы придумать такое заклинание, которое остановит любой предмет, движущийся с опасной скоростью, чтобы он не смог коснуться моих рук. А что, если это окажется валун? Или, скажем, целая гора? Да я же просто убью себя, пытаясь это остановить! Ну, ладно, если перчатки и магия не годятся, тогда хорошо бы иметь при себе несколько этих «аскудгалмн», «стальных кулаков», созданных гномами». И Эрагон с улыбкой вспомнил гнома Шрггниена, который вставил себе в основание каждого пальца, в том числе и большого, стальные острия. Эти острия позволяли Шрггниену наносить любой удар, почти не опасаясь боли, и были чрезвычайно удобны, ибо он мог по желанию и вынуть их. Сама идея этого изобретения очень нравилась Эрагону, но он пока не был готов к тому, чтобы просверлить отверстия в собственных суставах. «И кроме того, — думал он, — кости у меня тоньше, чем у гномов, может быть даже слишком тонкие, чтобы служить опорой такому острию и по-прежнему служить мне так, как и полагается нормальным суставам. Так что «стальные кулаки» — идея не слишком удачная, но, может быть, вместо этого я мог бы...»

Низко склонившись над сжатыми в кулаки руками, он прошептал одно лишь слово:

«Фаэфатан».

И тут же тыльная сторона его ладоней начала чесаться, словно он упал в заросшую жгучей крапивой канаву. Ощущение было таким сильным и неприятным, что ему хотелось вскочить и хорошенько почесаться, раздирая кожу ногтями. Усилием воли он остался на месте и стал смотреть, как на коже над каждым суставом образуется плоская беловатая лепешка толщиной в полдюйма. Это походило на те жесткие мозоли, которые образуются у лошадей на внутренней

стороне бабок. Удовлетворившись размером созданных утолщений, Эрагон приостановил поток магии и стал изучать новую «защиту». Над костяшками пальцев у него теперь возвышалась целая горная гряда.

Хотя руки его и стали более тяжелыми и неуклюжими, но двигать пальцами он мог вполне прилично. «Это, может, и уродство, — думал Эрагон, потирая наросты на правой руке ладонью левой, — может, люди и станут над этим смеяться и фыркать, когда заметят, но мне все равно, потому что своей цели это «уродство» вполне послужит, а может, и я благодаря ему в живых останусь».

Трепеща от сдерживаемого возбуждения, он ударил по торчавшему из земли валуну. Удар он почувствовал, услышал и приглушенный стук, однако боли почти не испытал — примерно с тем же успехом он мог ударить по доске, накрытой несколькими слоями материи. Чрезвычайно вдохновленный успехом, он достал из мешка кольцо Брома и надел холодный золотой обруч на палец, удостоверившись, что соседняя «опухоль» несколько выше вправленного в перстень сапфира. Свои наблюдения он снова проверил, с силой ударив по тому же камню. Единственным последовавшим звуком был глухой стук плотной кожи о несокрушимую поверхность валуна.

— Что это ты делаешь? — спросила Арья, глядя на него сквозь рассыпавшиеся черные пряди волос.

— Ничего. — Потом он все же вытянул перед собой руки и показал ей свои достижения. — Я подумал, что это неплохая идея, поскольку мне еще, видимо, придется в ближайшем будущем наносить удары противнику.

Арья изучила его разросшиеся суставы и заметила:

— Но тебе будет трудно надевать латные перчатки.

— Я всегда могу их разрезать, чтобы рука поместилась.

Она кивнула и, отвернувшись, вновь уставилась на огонь.

Эрагон откинулся назад, опершись на локти, и вытянул перед собой ноги, страшно довольный тем, что теперь совершенно готов к любому сражению, которое может подстерегать его в ближайшем будущем. А дальше он и не пытался

заглядывать, потому что тогда непременно стал бы спрашивать себя, как же все-таки им с Сапфирой победить Муртага или Гальбаторикса, и тогда, конечно же, паника запустила бы в его душу свои леденящие когти.

Эрагон, не мигая, смотрел на мерцающие огоньки в глубине догорающего костра, словно пытаясь сжечь в этом «адском пламени» все свои заботы и сомнения. Но непрерывное мерцание огня вскоре убаюкало его, приведя в дремотное состояние, и какие-то не связанные между собой обрывки мыслей, звуки, образы и ощущения стали проплывать над ним и сквозь него, словно хлопья снега, падающие с тихого зимнего неба. И вдруг в водовороте этих «снежинок» возникло лицо того солдата, что просил у него пощады. Эрагон снова и снова видел, как он плачет, снова и снова слышал его отчаянные мольбы, снова и снова чувствовал тот хруст, похожий на хруст сухой ветки, когда своими руками сломал несчастному шею.

Эти воспоминания были столь мучительны, что Эрагон стиснул зубы и нервно засопел, раздувая ноздри. Он весь покрылся холодным потом. Он не находил себе места; он мечтал прогнать этого враждебного призрака, но это ему не удавалось. «Уходи! — кричал он в душе. — То была не моя вина. Если уж кого ты и должен винить, так Гальбаторикса, а не меня. Я не хотел убивать тебя!»

Где-то в темноте, окружавшей их со всех сторон, завыл волк. И ему тут же откликнулись волки во всех концах равнины; их голоса, становясь все громче, сливались в некую нестройную песнь. От этого жутковатого пения у Эрагона волосы на голове зашевелились, а по рукам поползли мурашки. Затем на какое-то мгновение голоса волков слились в некий единый вопль, очень напоминающий боевой клич идущего в атаку кулла.

Эрагон, охваченный неясной тревогой, неловко заерзал, и Арья тут же спросила:

— В чем дело? Неужели волки тебя тревожат. Ты же знаешь, они нас не тронут. Они просто учат своих волчат охотиться и не позволят, чтобы их детишки приближались к существам, которые так странно пахнут.

— Дело не в тех волках, что там, — сказал Эрагон и зябко обхватил себя руками. — Дело в тех волках, что вот здесь. — И он постучал себя по лбу.

Арья кивнула — это было какое-то резкое, птичье движение, свидетельствовавшее о том, что она не принадлежит к людской расе, хоть и предстает в человеческом обличье.

— Да, это всегда так бывает. Чудовища, порожденные разумом, куда страшнее тех, что существуют на самом деле. Страх, сомнение и ненависть искалечили куда больше людей, чем дикие звери.

— И любовь, — заметил Эрагон.

— И любовь, — согласилась она. — А также алчность, ревность и все прочие собственнические инстинкты, которые свойственны чувствующим расам.

Эрагон подумал о Тенге, таком одиноком в своем полуразрушенном замке Эдур Итиндра, склонившемся над своими драгоценными грудами книг в поисках, в постоянных поисках очередного ускользающего «ответа». Но вспоминать этого отшельника при Арье он не стал, ему казалось неуместным в данный момент обсуждать это странное знакомство. Вместо этого он спросил:

— А тебе разве не тяжело убивать?

Зеленые глаза Арьи сузились и стали как щелки.

— Ни я, ни еще кто-либо из представителей моего народа не едим плоти животных, потому что нам невыносимо причинять боль другому существу для того лишь, чтобы утолить собственный голод, и ты еще имеешь наглость спрашивать, тяжело ли нам убивать? Неужели ты действительно так плохо понимаешь эльфов, что считаешь нас хладнокровными убийцами?

— Нет, конечно же, нет! — запротестовал Эрагон. — Я совсем не это имел в виду.

И, очень старательно подбирая слова, пояснил:

— Я спрашивал об этом Рорана перед атакой на Хелгринд. Во всяком случае, вопрос звучал примерно так: «Что ты чувствуешь, когда убиваешь? Что ты должен при этом чувствовать?» — Он слегка задумался, глядя в огонь. — Ты же видишь, как смотрят на тебя те воины, которых ты лишаешь жизни? Ты воспринимаешь их, как реальных людей?

Арья плотнее обхватила руками колени и задумалась. Пламя костра чуть метнулось вверх, подпалив кружившуюся над костром ночную бабочку. «Ганга», — прошептала Арья и чуть шевельнула пальцем. И бабочка, трепеща невзрачными крылышками, тут же улетела прочь. Не поднимая глаза от горящих валежин, Арья сказала:

— Через девять месяцев после того, как я стала посланником, и, честно говоря, единственным настоящим посланником, направленным моей матерью к варденам, я совершала путешествие из лагеря варденов в Фартхен Дуре в столицу Сурды, которая тогда еще только стала независимым государством. Вскоре после того, как я и мои спутники покинули Беорские горы, мы встретились с бандой бродячих ургалов. Мы с удовольствием оставили бы мечи в ножнах и продолжили свой путь, однако ургалы, в соответствии со своей потребностью завоевать честь и славу в бою и благодаря этому укрепить свое положение в своем племени, требовали сражения. Силой мы их превосходили, ибо среди нас был Велдон, тот человек, что сменил Брома на посту предводителя варденов, и нам не составило особого труда отогнать ургалов подальше. В тот день я впервые отняла чью-то жизнь. И потом это не давало мне покоя много недель, пока я не осознала, что непременно сойду с ума, если буду продолжать думать об этом. Многие, кстати, так и не могут остановиться и в итоге становятся настолько гневливыми, настолько подверженными своим горестным настроениям, что на них уже больше нельзя положиться; или же сердца их превращаются в камень, и они утрачивают способность отличать правое от неправого.

— И как же тебе удалось договориться с самой собой?

— Я подробно рассмотрела все те причины, которые привели меня к убийству, и твердо поняла, что поступила по справедливости. Удовлетворенная этим, я спросила себя, является ли наше дело достаточно важным, чтобы и впредь оказывать ему поддержку, даже если это, вполне возможно, вынудит меня убивать снова. А потом для себя я решила: как только я начну думать о мертвых, то сразу же постараюсь представить себе, что вернулась домой и нахожусь в садах дворца Тиалдари.

— И это помогло?

Отбросив волосы с лица, Арья заткнула их за ухо и сказала:

— Да, помогло. Единственное противоядие от разрушительного действия яда насилия — это поиск мира внутри собственной души. Это целительное средство не так-то легко получить, но оно стоит любых усилий. — Она помолчала и прибавила: — А еще помогает дыхание.

— Дыхание?

— Да, медленное, регулярное дыхание, как когда медитируешь. Это один из наиболее эффективных способов успокоиться.

Следуя ее совету, Эрагон принялся методично вдыхать и выдыхать, стараясь сохранять ровный темп и изгонять из легких весь скопившийся там воздух. Через минуту узел у него под ложечкой почти рассосался, брови раздвинулись, и призраки убитых врагов уже не казались ему столь материальными. Волки снова завыли, и он, испытав легкое смятение, стал слушать их вой без страха; эти звуки словно утратили ту силу, что способна была смутить его душу.

— Спасибо тебе, — сказал он Арье; та в ответ лишь грациозно качнула подбородком.

Потом они с четверть часа молчали, и наконец Эрагон сказал:

— А вот ургалы... — И умолк, словно не зная, как изложить терзавшие его сомнения. — Как ты думаешь, Насуада права, что позволила им присоединиться к варденам?

Арья подобрала какую-то веточку, лежавшую у подола юбки, и принялась крутить ее в точеных пальцах, изучая этот жалкий кусочек дерева с таким видом, словно он содержал некую тайну.

— Это было смелое решение, и я просто восхищаюсь ею. Она всегда действует исключительно в интересах варденов, какой бы ни была цена этого.

— Она огорчила многих, приняв предложение Нар Гарцвога.

— И вновь завоевала их расположение и верность с помощью Испытания Длинных Ножей. Насуада на редкость умна, когда дело доходит до поддержки собственного

авторитета. — Арья швырнула веточку в костер. — Я ни малейшей любви к ургалам не испытываю, но не испытываю к ним и ненависти. В отличие от раззаков, они исходно не злые существа, просто они слишком любят войну. Это очень важное отличие, даже если особого утешения оно и не приносит тем семьям, которые стали их жертвами. Мы, эльфы, и раньше вступали в союз с ургалами и снова заключим союз с ними, если возникнет такая необходимость. Это, так или иначе, вполне плодотворный союз.

Ей не нужно было объяснять, почему это так. Многие свитки, которые Оромис предложил Эрагону прочесть, были посвящены как раз ургалам, особенно один: «Странствия Гнаэвалдрскальда»; эта история заставила его понять, что вся культура ургалов основана на боевых действиях. Ургалы могли повысить свое общественное положение только за счет налетов на другие селения — ургалов, людей, эльфов или гномов, не имело никакого значения, — или же за счет побед в поединках с соперниками, порой смертельных. И когда наступала пора выбирать себе мужа, самки ургалов отказывались считать жениха достойным внимания, если он не сразил в бою по крайней мере троих соперников. В результате каждое новое поколение ургалов было вынуждено вызывать на бой как своих ровесников, так и представителей старшего поколения и рыскать повсюду в поисках возможности доказать свою военную доблесть. Эта традиция так глубоко въелась в их плоть и кровь, что любая попытка подавить ее заканчивалась неудачей. «По крайней мере, ургалы действительно те, за кого себя выдают, — думал Эрагон. — А это куда важнее, чем многие иные качества, свойственные, например, людям».

— Как это получилось, — спросил он, — что Дурза смог устроить засаду ургалов на тебя, Гленвинга и Фаолина? Неужели вы не пользовались никакими защитными чарами?

— У них были заколдованные стрелы.

— Значит, эти ургалы были колдунами?

Арья закрыла глаза и покачала головой.

— Нет. Это была черная магия, одно из изобретений Дурзы. Он весьма радовался, применяя подобные штучки в Гилиде, например ко мне.

— Не знаю, как тебе вообще удалось так долго ему сопротивляться. Я же видел, что он с тобой сотворил.

— Это... это было нелегко. Я воспринимала мучения, которым он подвергал меня, как некое испытание на пути служения главной цели, как некий способ доказать себе, что никакой ошибки я не совершила, что я действительно достойна символа иавё, «уз доверия». До некоторой степени я была даже рада этому испытанию.

— Но все же и эльфы не до конца способны противостоять боли. Поразительно, что тебе удавалось столько месяцев скрывать от него местонахождение Эллесмеры.

Арья даже слегка порозовела от гордости.

— И не только местонахождение Эллесмеры, но и то, куда я отправила яйцо Сапфиры, и где спрятала свои магические формулы, записанные на древнем языке, и все остальное, что могло бы Гальбаториксу весьма и весьма пригодиться.

Оба немного помолчали, потом Эрагон снова спросил:

— А ты часто думаешь об этом — о том, что тебе пришлось пережить в Гилиде? — Она не ответила, и он пояснил свой вопрос: — Ты никогда не говоришь об этом. Ты довольно легко вспоминаешь сам факт своего заключения, но никогда ни слова не говоришь о том, что все это значило для тебя самой, о том, как ты к этому относишься.

— Боль — это боль, — сказала она. — Ей описания не требуется.

— Это верно, но пренебрежение к ней может принести даже больший ущерб, чем сами раны... Никто не может, пережив нечто подобное, остаться совершенно невредимым. Ведь шрамы остаются и на душе.

— А почему ты так уверен, что я никем не делилась своими переживаниями?

— Вот как? И с кем же ты делилась?

— Какая разница? С Аджихадом, с моей матерью, кое с кем из моих друзей в Эллесмере.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Эрагон, — но, по-моему, у тебя ни с кем нет таких уж близких отношений. Ты повсюду стараешься оставаться в одиночестве, даже среди своих сородичей.

Арья ничем не выдала своих чувств. Лицо ее по-прежнему было настолько непроницаемым, что Эрагон решил уже, что она так и не соизволит ему ответить, и вдруг она прошептала:

— Так было не всегда.

Эрагон насторожился; он ждал, боясь пошевелиться и почти не дыша, когда она заговорит снова.

— Когда-то и у меня был друг, с которым я могла говорить обо всем. Когда-то... Он был старше меня, но у нас были родственные души, исполненные любопытства по отношению к миру, лежавшему за пределами нашего леса, горевшие желанием исследовать этот мир и сразиться с Гальбаториксом. Нам обоим было невмоготу оставаться в Дю Вельденвардене — учиться, заниматься магией, преследовать свои собственные, личные цели и интересы, — зная, что Убийца Дракона и истинное проклятье Всадников ищет способ победить и уничтожить нашу древнюю расу. Мой друг пришел к этому выводу позже меня — спустя десятилетия после того, как я стала послом у варденов, и за несколько лет до того, как Хефринг украл яйцо Сапфиры, — но как только он это понял, то сам вызвался сопровождать меня повсюду, куда могут забросить меня приказы Имиладрис. — Арья с трудом проглотила комок в горле и моргнула, словно стряхивая с ресниц непрошеные слезы. — Я не хотела позволять ему это, но нашей королеве его идея понравилась, а он был настолько убедителен... — Она прикусила губу и снова моргнула; глаза ее сверкнули ярче обычного.

— Это был Фаолин? — как можно мягче спросил Эрагон.

— Да, — выдохнула она.

— Ты его любила?

Откинув голову назад, Арья смотрела в мерцающие небеса; ее длинная шея казалась золотой в свете костра, а лицо было бледным, словно в нем отражалось вечернее небо.

— Ты спрашиваешь из дружеского участия или из личного интереса? — Она издала короткий задушенный смешок, точно вода плеснула на холодный камень. — Не обращай внимания. Это ночной воздух заставил меня так поглупеть и забыть о вежливости, позволяя говорить любые гадости, какие только придут мне в голову.

— Это неважно.

— Нет, важно. И мне искренне жаль, что я так тебе ответила. Любила ли я Фаолина? А как бы ты определил, что такое любовь? Больше двадцати лет мы странствовали вместе и были единственными бессмертными среди разных смертных народов. Мы были спутниками... и очень близкими друзьями.

Эрагон почувствовал болезненный укол ревности, но постарался не только подавить это чувство, но и совсем задушить его. И все же отголоски ревности продолжали звучать в его душе и мучили, точно старая, глубоко засевшая заноза.

— Больше двадцати лет... — повторила Арья. Продолжая смотреть на звезды, она слегка покачивалась и, казалось, почти не замечала Эрагона. — А потом в одно мгновение Дурза оторвал все это от меня. Фаолин и Гленвинг были первыми эльфами, погибшими в бою почти за сто лет. Когда я увидела, как Фаолин упал, я поняла, что самый большой ужас на войне — это не когда ранят тебя, а когда ты вынужден смотреть, как страдают те, кто тебе дорог. Я думала, что уже получила этот урок, живя у варденов, когда один за другим , мужчины и женщины, которых я глубоко уважала, умирали от ударов меча, от выпущенной стрелы, от несчастных случаев и просто от старости. Эти утраты, впрочем, никогда не носили столь личного характера, и когда это произошло, я подумала: «Ну, теперь и я, конечно же, должна умереть». Потому что, с какой бы опасностью мы ни встречались до этого, Фаолин и я всегда вместе выбирались из любой переделки, и если уж он не смог спастись, то зачем же спасаться мне?

И тут Эрагон понял, что Арья действительно плачет; крупные слезы скатывались из внешних уголков ее глаз по вискам и по щекам и повисали на волосах. При свете звезд эти слезы казались дорожками расплавленного серебра. Глубина ее горя поразила Эрагона. Он и не подозревал, что каким-то вопросом можно вызвать у нее столь бурную реакцию, да и не хотел этого.

— Потом Гилид, — продолжала Арья. — Эти дни были самыми долгими в моей жизни. Фаолин погиб, я не знала, в

безопасности ли яйцо Сапфиры или же я невольно вернула его Гальбаториксу и Дурзе... Дурза позволял тем дукам, что властвовали над ним, удовлетворять свою жажду крови за мой счет и совершал поистине ужасные вещи, какие способен был породить лишь его извращенный разум. Порой, зайдя слишком далеко, он принимался меня лечить, но лишь для того, чтобы иметь возможность уже на следующее утро начать все сначала. Если бы он дал мне возможность собраться с мыслями, я, возможно, сумела бы обмануть своего тюремщика, как это сделал ты, и постаралась бы не принимать те снадобья, которые не позволяли мне пользоваться магией, но он ни разу не дал мне передышки хотя бы на несколько часов.

Дурзе требовалось спать не больше, чем мне или тебе, и он постоянно «развлекался» со мной, если я была в сознании и ему позволяли это другие дела и обязанности. И когда он надо мной «трудился», каждая секунда казалась мне часом, каждый час — неделей и каждый день — вечностью. Он был осторожен и старался не лишить меня рассудка — этим Гальбаторикс был бы чрезвычайно недоволен, — однако это ему все же почти удалось. О да! Я начала уже слышать в темнице пение птиц и видеть такие вещи, каких даже существовать не могло. Однажды мою темницу вдруг заполнил яркий золотистый свет, и мне стало очень тепло и приятно, а когда я подняла глаза, то обнаружила, что лежу на ветке дерева высоко над землей где-то в центре Эллесмеры. Солнце собиралось садиться, и весь город был залит закатным светом, как пожаром. Атхалварды пели на тропинке внизу, и все вокруг было полно такого мира и покоя... все было так прекрасно, что мне хотелось остаться там навек. Но потом свет вдруг померк, и я снова оказалась на мерзкой лежанке... Да, я и забыла: однажды какой-то солдат бросил мне в темницу белую розу. Это было единственным проявлением доброты и милосердия за все время моего пребывания в Гилиде. В ту же ночь роза укоренилась и превратилась в огромный куст, побеги которого вскарабкались по стене, пробились сквозь трещины в каменных плитах, разрушая их, и вылезли из донжона наружу, к солнцу. Они все продолжали расти, пока не доросли до луны; они возвышались, подобно

колышущейся на ветру башне, они обещали спасение, нужно было лишь подняться с пола. И я попыталась это сделать, собрав до последней капельки все оставшиеся силы, но встать так и не смогла. И как только я отвела от розового куста взгляд, он исчез... Таково было состояние моей души и моего рассудка, когда я тебе приснилась. Но я почувствовала, как твоя душа склоняется надо мной. Ничего удивительного, что я неправильно восприняла это ощущение и сочла его очередным обманчивым видением, бредом. — Она слабо улыбнулась. — А потом появился ты, Эрагон. Ты и Сапфира. Когда меня оставила последняя надежда, когда я уже готова была сдаться на милость своих тюремщиков и позволить им отвезти меня в Урубаен к Гальбаториксу, появился Всадник и спас меня. Настоящий Всадник и его дракон!

— А еще сын Морзана, — вставил Эрагон. — Он тоже спасал тебя. Точнее, там были оба сына Морзана...

— Возможно, твое описание правдивее, но для меня это было столь невероятное спасение, что порой мне кажется, что я тогда все-таки утратила рассудок и все, что произошло с тех пор, просто себе вообразила.

— А могла ли ты вообразить, что я причиню тебе столько беспокойства, оставшись в Хелгринде?

— Нет, — сказала Арья. — Скорее всего, нет. — И рукавом осушила мокрые от слез ресницы. — Когда я очнулась в Фартхен Дуре, то весьма скоро на меня навалилось столько дел, что я не могла тратить время на размышления о прошлом. И все же события моего недавнего прошлого были столь мрачны и кровавы, что я все чаще и чаще вспоминала то, чего мне вспоминать не следовало бы. Эти воспоминания зачастую и теперь приводят меня в дурное расположение духа, и у меня не хватает терпения на мелкие каждодневные неурядицы. — Арья встала на колени и оперлась о землю обеими руками, помогая себе сохранить равновесие. — Ты говоришь, что я хожу сама по себе, как кошка. Эльфам вообще не свойственно открыто проявлять дружеские чувства в отношении людей или гномов, а я и по характеру своему всегда была склонна к одиночеству. Но если бы ты был знаком со мною до Гилида, если бы ты знал меня такой,

какой я была когда-то, я бы не показалась тебе такой уж замкнутой и нелюдимой. Тогда я любила и петь, и танцевать; тогда я не чувствовала постоянной и неизбежной угрозы судьбы.

Эрагон протянул руку и накрыл ею левую руку Арьи:

— В историях о героях прошлого никогда не упоминается, что такова цена, которую приходится платить за схватку с чудовищами мрака и чудовищами разума. Ты постарайся все время думать о садах дворца Тиалдари, и, уверен, все у тебя будет хорошо.

Арья позволила ему с минуту подержать себя за руку, чувствуя со стороны Эрагона не страсть и не любовь, а, скорее, спокойное дружелюбие. Он не сделал ни малейшей попытки ускорить события, воспользовавшись ее откровенностью, ибо невероятно ценил ее доверие и скорее пожелал бы ввязаться в опасный бой, чем подвергнуть опасности сложившиеся между ними дружеские отношения. Столь же дорого ему было еще только доверие Сапфиры. Наконец Арья, чуть шевельнув рукой, дала ему понять, что его время истекло, и он без единого слова выпустил ее руку.

Страстно желая хоть немного облегчить тяжкое бремя, лежавшее у нее на душе, Эрагон огляделся и прошептал почти неслышно: «Лоивисса». Ведомый силой истинного имени, он проник в глубь земли и нашарил там то, что искал: тонкий, как бумага, диск размером с половинку ногтя на мизинце. Затаив дыхание, он положил крошечный предмет на правую ладонь, как можно точнее поместив его в центр своей гёдвей игнасия, и вспомнил то, чему учил его Оромис насчет выбора заклятия, стараясь ни в коем случае не допустить ошибки, а потом запел, как поют эльфы, тихо и протяжно:

Элдриммер О Лоивисса нуанен, даутр абр делои,
Элдриммер нен оно веохнатаи медх солус унт ринга,
Элдриммер ун форта онр феон вара,
Виол аллр сьон.

Элдриммер О Лоивисса нуанен...

Снова и снова повторял Эрагон это четверостишие, как бы направляя силу магических слов на ту коричневатую чешуйку, что лежала у него на ладони. Она затрепетала, затем как бы распухла, увеличилась в размерах и превратилась в шар. Белые щупальца длиной в дюйм или два высунулись из нижней части шара, щекоча Эрагону ладонь, затем тонкий зеленый стебель пробился сквозь его верхнюю часть и мгновенно вытянулся на фут в длину. Единственный листок, широкий и плоский, вылез из стебля сбоку, а верхушка стебля стала уголщаться, затем согнулась, поникла, замерла на несколько мгновений и расщепилась на пять сегментов, которые превратились в восковые лепестки бледно-голубой лилии, похожей на крупный колокольчик.

Когда лилия достигла своей полной величины, Эрагон остановил действие чар и полюбовался содеянным. Пением придавать форму растению и выращивать его умели почти все эльфы чуть ли не с рождения, но Эрагон делал подобные вещи всего несколько раз в жизни и совсем не был уверен, удастся ли ему вырастить этот цветок. Заклинание, как ни странно, отняло у него немало сил: все-таки вместо полутора лет прекрасная лилия выросла всего за несколько минут.

Страшно довольный собой, Эрагон вручил лилию Арье.

— Это не белая роза, но все же... — Он улыбнулся и пожал плечами.

— Тебе не следовало этого делать, — сказала она. — Но я рада, что ты это сделал!

Она нежно погладила лепестки и поднесла цветок к лицу, вдыхая его аромат. Лицо ее немного просветлело. Несколько минут она любовалась лилией, потом выкопала ямку в земле рядом с собой и посадила растение, крепко утрамбовав землю вокруг него ладошкой. Затем снова ласково коснулась лепестков цветка и, продолжая неотрывно на него смотреть, сказала:

— Спасибо тебе. Дарить цветы — обычай, свойственный обоим нашим народам, но мы, эльфы, придаем этому обычаю большее значение, чем люди. Он как бы означает, что все хорошо: жизнь, красота, возрождение, дружба и все остальное. Я объясняю, чтобы ты понял, как много этот цветок для меня значит. Ты не знал, однако...

— Я знал.

Арья очень серьезно на него посмотрела, словно решая, что он хотел этим сказать.

— Прости меня. Вот уже дважды я позабыла, сколь обширны стали твои познания. Ты ведь учился у Оромиса. Ничего, я постараюсь больше не совершать подобных ошибок.

И она повторила свою благодарность на древнем языке, и Эрагон — также на языке древних, на ее родном языке, — ответил, что это было для него огромным удовольствием и он счастлив, что ей понравился его скромный дар. Его бил озноб, и вдруг страшно захотелось есть, хотя они не так давно поужинали. Заметив это, Арья сказала:

— Ты истратил слишком много сил. Если у тебя в Арене еще осталась энергия, воспользуйся ею.

Эрагон даже не сразу вспомнил, что Арен — это имя кольца Брома; он лишь однажды слышал, как это имя произнесли вслух; это сделала Имиладрис в тот день, когда он прибыл в Эллесмеру. «Это теперь мое кольцо, — сказал он себе. — Мне надо перестать думать о нем, как о кольце Брома». Он критически осмотрел крупный сапфир, сверкавший в золотой оправе у него на пальце.

— А я и не знал, есть ли в Арене какая-то энергия. Сам я никогда ее туда не вкладывал и ни разу не видел, чтобы это делал Бром. — Но, произнося эти слова, он уже попытался мысленно проникнуть в глубины сапфира, и как только его разум соприкоснулся с душой камня, он почувствовал там настоящее озеро бурлящей энергии. Внутренним зрением он видел, что сапфир прямо-таки дрожит от избытка магических сил. Интересно, подумал Эрагон, а что, если этот камень попросту взорвется? Уж больно много энергии было заключено внутри этого искусно обточенного самоцвета. Он частично использовал эту энергию для восстановления своих сил, но, как ему показалось, ее внутри Арена меньше не стало.

Чувствуя, как кожу слегка покалывает от притока магических сил, Эрагон разрушил мысленную связь с камнем. Обрадованный своим открытием, он сообщил о нем Арье.

— Бром, должно быть, точно белка, собирал каждую кроху сбереженной энергии, пока прятался в Карвахолле! — И Эрагон засмеялся, восхищаясь этим чудом. — И долгие годы... Да с той силой, что таится в Арене, я могу хоть целый замок разнести, произнеся одно-единственное заклятье!

— Бром знал, что это кольцо ему понадобится, чтобы обеспечить безопасность нового Всадника и Сапфиры, когда она проклюнется из яйца, — заметила Арья. — А также, не сомневаюсь, Арен и для него был средством самозащиты на тот случай, если бы ему пришлось сразиться с Шейдом или каким-либо иным, столь же сильным, противником. И он ведь не случайно ухитрялся водить своих врагов за нос чуть ли не сто лет... На твоем месте я бы приберегла энергию, которую он тебе оставил, на случай самой большой нужды да еще и прибавляла к ней понемногу при первой же возможности. Это невероятно ценный источник. Тебе не следует понапрасну расходовать его запасы.

«Нет, — думал Эрагон, — уж этого-то я точно делать не буду. — Он покрутил кольцо на пальце, восхищаясь тем, как играет камень в отблесках костра. — Это кольцо, седло Сапфиры и Сноуфайр — вот и все, что у меня осталось от Брома с тех пор, как Муртаг украл у меня меч Заррок. И хотя гномы взяли Сноуфайра с собой и увели его из Фартхен Дура, я теперь редко езжу на нем верхом. Арен — это единственное, что у меня есть в память о Броме... Мой единственный свидетель верности ему. Мое единственное наследство. Как бы мне хотелось, чтобы мой учитель был сейчас жив! У меня ведь так никогда и не было возможности поговорить с ним об Оромисе, о Муртаге, о моем отце... Ах, этот список поистине бесконечен! И что бы он сказал насчет моих чувств к Арье? — Эрагон даже фыркнул про себя. — Я знаю, что он сказал бы: он выбранил бы меня, обозвал бы влюбленным дурнем и сказал бы, что я только зря расходую силы на совершенно бессмысленную затею... И был бы, конечно, прав. Вот только как же мне с этим справиться? Она — единственная. Только с ней мне хотелось бы жить вечно».

В костре что-то треснуло, и в воздух взвился сноп искр. Эрагон, отчасти прикрыв глаза, обдумывал признания Арьи. Затем вновь мысленно вернулся к тому вопросу, который не давал ему покоя со дня битвы на Пылающих Равнинах.

— Арья, а драконы-самцы растут быстрее, чем драконы-самки?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Это из-за Торна. Ему ведь всего несколько месяцев от роду, а он уже почти такой же величины, как Сапфира. Я что-то не понимаю...

Отломив сухую былинку, Арья принялась рисовать что-то в пыли, изображая сложные изогнутой формы значки письменности эльфов — Лидуэн Кваэдхи.

— Скорее всего, — сказала она, — Гальбаторикс с помощью магии ускорил рост Торна и его взросление, чтобы он мог соперничать с Сапфирой.

— А... разве это не опасно? Оромис говорил мне, что, если он воспользуется магией, чтобы дать мне силу, скорость, выносливость и прочие замечательные свойства и умения, которые мне необходимы, я ни за что не пойму своих новых возможностей и умений столь же хорошо, как понял бы их, постигая все это обычным путем и благодаря тяжкому труду. И он был совершенно прав. Даже теперь те изменения, которые совершили с моим телом драконы во время Агэти Блёдрен, вызывают у меня полное изумление.

Арья кивнула, продолжая рисовать в пыли иероглифы:

— Это так, хотя, наверное, можно несколько уменьшить нежелательный побочный эффект с помощью определенных заклинаний, но любое взросление — длительный и трудоемкий процесс. Если ты хочешь достигнуть истинного мастерства во владении своим телом, то действительно лучше идти естественным путем. Те перемены, которым Гальбаторикс насильственно подверг Торна, самого этого дракона наверняка сбивают с толка. У него сейчас тело почти взрослого существа, но разум детеныша.

Эрагон ощупал только что созданные им самим мозоли на костяшках пальцев.

— А может, ты знаешь, почему Муртаг такой сильный... куда сильнее меня?

— Если бы я это знала, то, несомненно, поняла бы, как Гальбаториксу удалось столь невероятным образом умножить и свою мощь. Но я, увы, этого не знаю.

«А вот Оромис знает!» — подумал Эрагон. Во всяком случае, старый эльф намекал ему на это, явно собираясь поделиться в будущем своими знаниями с Эрагоном и Сапфирой. Как только они вернутся в Дю Вельденварден, Эрагон намеревался расспросить старого Всадника, в чем тут дело. «Ничего, теперь-то Оромису придется все нам рассказать! — думал он. — Из-за нашей неосведомленности Муртагу тогда и удалось одержать над нами победу; он легко мог бы даже и к Гальбаториксу нас доставить». Эрагон чуть было не выложил все эти соображения Арье, но вовремя придержал язык, понимая, что Оромис никогда не стал бы держать в секрете столь важные сведения, если бы эта секретность не была вызвана чрезвычайной их важностью.

Арья изобразила на земле значок, означавший конец фразы, и Эрагон, наклонившись к ней, прочел: «Скитаясь по волнам океана времени, одинокий бог бродит от одного дальнего берега к другому, поддерживая законы небесных светил».

— Что это означает?

— Не знаю, — сказала она и смахнула написанную в пыли строчку одним движением ладони.

— Но почему, интересно, — Эрагон говорил очень медленно, словно размышляя вслух, — никто и никогда не упоминает имен тех драконов, что были связаны с Проклятыми? Мы говорим «дракон Морзана» или «дракон Киаланди», но самого дракона по имени никогда не называем. Ведь эти драконы несомненно были не менее важны, чем их Всадники! Я даже не помню, чтобы их имена упоминались в тех свитках, которые давал мне Оромис... хотя они просто должны были там быть... Да, я уверен, что они там были! Но по какой-то причине совершенно не сохранились в моей памяти. Разве это не странно? — Арья начала было отвечать, но не успела она и рот открыть, как Эрагон сказал: — В кои-то веки я рад, что Сапфиры нет со мной. Мне стыдно, что я раньше не замечал этого. Даже ты, Арья, даже Оромис и все прочие знакомые мне эльфы не желали называть их по

имени, словно это бессловесные твари, не заслужившие такой чести. Неужели вы это делаете сознательно? Неужели это потому, что они были вашими врагами?

— А разве Оромис никогда не рассказывал тебе об этом? — спросила Арья. Она, похоже, была искренне удивлена.

— По-моему, — сказал Эрагон, — Глаэдр что-то такое упоминал, общаясь с Сапфирой, но я не совсем уверен. В этот момент Оромис как раз заставил меня исполнять «танец Змеи и Журавля», так что я не особенно прислушивался к тому, чем занята Сапфира. — Он усмехнулся, смущенный подобным изъяном в своей памяти и чувствуя, что обязан как-то объяснить это. — Это и правда порой не слишком удобно. Оромис начинает что-то объяснять мне, а я в этот момент слушаю, как Сапфира и Глаэдр мысленно обмениваются различными соображениями и сведениями, и никуда от этого деться не могу. Но еще хуже — Глаэдр в общении с Сапфирой редко пользуется каким-либо доступным для восприятия способом, предпочитая объясняться с помощью образов, запахов и чувств, но не слов. Вместо имен он посылает, например, свои чувственные впечатления от тех или иных людей или предметов.

— Неужели ты ничего не помнишь из того, что он говорил — с помощью слов или без них?

Эрагон колебался.

— Только то, что это имело отношение к некоему имени, которое именем вовсе и не было; примерно в таком духе. Я не смог разобраться в этой путанице.

— А к чему он это говорил? — спросила Арья. — Не в связи ли с Дю Намар Аурбода, Изгнанием Имен?

— А что такое Изгнание Имен?

Арья снова принялась что-то писать на земле сухой былинкой.

— Это одно из наиболее значимых событий, имевших место в период сражений Всадников и Проклятых. Когда драконы поняли, что тринадцать из них совершили предательство — что эти тринадцать помогают Гальбаторику искоренять их расу и вряд ли кто-то сумеет теперь остановить его, — драконы настолько рассвирепели, что, объединив свои силы, создали некую особую, совершенно

необъяснимую, магию и лишили те тринадцать драконов их имен.

— Как же такое возможно? — в ужасе воскликнул Эрагон.

— Разве я только что не сказала, что это необъяснимо? Мы знаем лишь, что после того, как драконы наложили это заклятье, никто больше не мог произнести имена тех тринадцати; те же, кто еще помнил эти имена, вскоре их позабыли. И хотя ты можешь прочесть эти имена в древних свитках и летописях, куда они занесены, и даже скопировать их, аккуратно перерисовывая по одному иероглифу, они все равно потом покажутся тебе лишенной смысла абракадаброй. Пощадили драконы только Ярнунвёска, первого дракона Гальбаторикса, ибо не его вина, что он был убит ургалами, а также Шрюкна, ибо он не выбирал, служить ли ему Гальбаториксу; его попросту заставили делать это с помощью магии.

«Какая ужасная судьба — потерять свое имя, — думал Эрагон. Он даже вздрогнул при мысли об этом. — Уж если я что-то и усвоил с тех пор, как стал Всадником, так это то, что никогда, никогда нельзя желать себе такого противника, как дракон».

— А как же их истинные имена? — спросил он. — Они что же, и эти имена тоже уничтожили?

Арья кивнула.

— Истинные имена, имена, данные при рождении, прозвища, фамилии, титулы. Все. И в результате эти тринадцать драконов были низведены почти до положения животных. Они уже больше не могли сказать: «Мне нравится то», или «Мне не нравится это», или «У меня зеленая чешуя», ибо для того, чтобы это сказать, им нужно было назвать себя. Они не могли даже драконами себя называть. Слово за слово это заклятье лишало их всего, что свойственно мыслящим существам, и Проклятым ничего не оставалось, кроме как смотреть в безмолвном отчаянии, как их драконы все глубже погружаются в пучину невежества. Это было столь ужасно, что в результате по крайней мере пять из тех тринадцати драконов, а также несколько Проклятых Всадников сошли с ума. Да, они полностью утратили разум. — Арья помолчала, обдумывая форму следующего иероглифа, затем

стерла его и написала снова. — Изгнание Имен — вот основная причина того, почему столь многие люди считают драконов всего лишь кем-то вроде ездовых животных.

— Они бы так не считали, если бы познакомились с Сапфирой, — сказал Эрагон.

Арья улыбнулась, покачала головой — «нет, не считали бы», — и с наслаждением закончила последнюю фразу, над которой трудилась. Эрагон склонил голову набок и нагнулся пониже, чтобы разобрать написанные на земле иероглифы: «Он — трикстер, любитель загадывать загадки, и хранитель равновесия; он обладает многими обличьями и находит жизнь в смерти; он не боится никакого зла и проходит в любые двери».

— Что побудило тебя написать это?

— Мысль о том, что многие вещи совсем не такие, какими кажутся. — Пыль облачком взвилась из-под ее ладони, когда она стерла *написанное*.

— А никто не пробовал угадать, каково истинное имя Гальбаторикса? — спросил Эрагон. — По-моему, это был бы самый быстрый способ с ним покончить. Честно говоря, мне кажется, это вообще единственная надежда когда-либо победить его.

— А разве до этого ты говорил не честно? — спросила Арья, и глаза ее весело блеснули.

Эрагон рассмеялся:

— Ну, конечно же, честно! Это просто выражение такое.

— Не слишком удачное выражение, — усмехнулась Арья. — Если только ты случайно не привык постоянно врать.

Эрагон, сбитый с толку, не сразу сумел вновь поймать нить собственных рассуждений.

— Я понимаю, — сказал он несколько неуверенно, — это наверняка очень трудно — отыскать истинное имя Гальбаторикса, но если бы все эльфы и все вардены, которые знают язык древних, стали бы его искать, то наверняка сумели бы это сделать, и тогда успех был бы нам обеспечен.

Точно бледный, выгоревший на солнце боевой флажок повисла сухая травинка, зажатая между большим и

указательным пальцами Арьи. Она подрагивала в такт каждому толчку крови в ее венах. Взяв ее за конец второй рукой, она аккуратно разорвала тонкий листок на две половинки, затем каждую из них снова разорвала пополам и принялась сплетать тонкие полоски в жесткую косичку.

— Истинное имя Гальбаторикса — не такой уж великий секрет, — сказала она. — Трое эльфов — один Всадник и два обычных заклинателя — уже обнаружили его, причем каждый по отдельности и с расстоянием во много лет.

— Неужели? — воскликнул потрясенный Эрагон.

Арья с невозмутимым видом сорвала еще травинку, разделила ее на полоски и, всунув эти полоски в щели предыдущей косички, принялась плести новую, но уже в другом направлении.

— Мы можем только догадываться, знает ли сам Гальбаторикс свое истинное имя. У меня, например, такое впечатление, что он его не знает, ибо, каково бы оно ни было, оно должно быть столь ужасным, что он просто не смог бы жить, если б его услышал.

— Если только он не столь преисполнен зла или не столь обезумел, что истина, касающаяся его собственных деяний, не имеет над ним силы и не способна потревожить его омертвелую душу.

— Возможно. — Ее ловкие пальцы так и мелькали, переплетая тонкие полоски. Она сорвала еще две травинки. — Так или иначе, Гальбаторикс, разумеется, понимает, что у него есть истинное имя, как и у всех существ и вещей, и в этом таится некая его потенциальная слабость. Однажды — еще до того, как он развязал свою кампанию против Всадников, — ему удалось создать некое заклятье, которое убивает любого, кто осмелится воспользоваться его, Гальбаторикса, истинным именем. И поскольку нам до сих пор не известно, как именно убивает это заклятье, мы не можем и защитить себя от него. Таким образом, ты сам видишь, почему нам пришлось прекратить все подобные исследования. Оромис — один из очень немногих, у кого хватает смелости продолжать искать истинное имя Гальбаторикса, хотя он и делает это неким кружным путем. — Арья с довольным видом вытянула перед собой руки ладонями вверх. На ладонях

стоял изящный кораблик, сплетенный из зеленой и белой травы. Он был не более четырех дюймов в длину, но так похож на настоящий, что Эрагон различал даже скамьи для гребцов, даже крошечные поручни по краям палубы, даже орудийные порты размером не более семечка черной смородины. Носовая часть была украшена головой ревущего дракона. У суденышка даже мачта имелась.

— Какой красивый! — воскликнул Эрагон.

Арья наклонилась вперед и прошептала:

— Флауга! — И легонько дунула на кораблик. Он поднялся с ее ладони в воздух и проплыл вокруг костра, а затем, набирая скорость, устремился вверх и исчез где-то в сверкающих звездами глубинах ночного неба.

— И как далеко он уплывет? — спросил Эрагон.

— Он будет плыть вечно, — сказала Арья. — Он берет энергию из растений внизу, чтобы оставаться на плаву. Там, где есть растения, он и может лететь.

Это восхитило Эрагона, однако ему показалась довольно грустной мысль о том, что этот прелестный кораблик из травы целую вечность будет скитаться среди облаков, не имея никого рядом, кроме птиц небесных.

— Представь себе, какие истории сложат о нем люди в будущем!

Арья сплела свои длинные пальцы, словно пытаясь удержать их от желания сделать еще что-нибудь в этом роде, и сказала:

— В мире существует множество таких вот диковинок. Чем дольше живешь, чем дальше путешествуешь, тем больше их видишь.

Эрагон некоторое время смотрел в неровные языки пламени, потом сказал:

— Если это так важно — защитить свое истинное имя, то, может, мне стоило бы создать некие чары, чтобы помешать Гальбаториксу воспользоваться моим истинным именем?

— Ты можешь это сделать, если захочешь, — ответила Арья, — но сомневаюсь, что в этом есть необходимость. Истинные имена не так легко отыскать, как тебе кажется. Гальбаторикс недостаточно хорошо тебя знает, чтобы угадать твое истинное имя, а если бы он сумел заглянуть в твои

мысли и получил бы возможность изучить каждое твое воспоминание, ты бы и так уже пропал, оказавшись полностью в его власти. И не имело бы значения, знал бы он при этом твое истинное имя или нет. Если тебя это немного утешит, то я скажу тебе вот что: сомневаюсь, чтобы даже я смогла бы чудесным образом угадать твое истинное имя.

— А разве ты не можешь? — искренне удивился Эрагон. Он был и рад, и не рад тому, что она считала некую часть его «я» тайной для себя.

Арья быстро глянула на него и опустила глаза.

— Нет, вряд ли я смогла бы. А ты можешь угадать мое имя?

— Нет.

Молчание повисло над их лагерем. Над головой мерцали холодные белые звезды. С востока прилетел ветерок и прошуршал по равнине, колыша траву и подвывая тонко и протяжно, словно жалуясь на утрату возлюбленной. Ветер заставил костер вспыхнуть с новой силой, и сноп искр взвился к темному небу и уплыл к западу. Эрагон нахохлился и поплотнее запахнул поднятый воротник верхней рубахи. В этом ветерке было нечто враждебное; он кусался с какой-то необычной свирепостью; он, казалось, отделял их с Арьей ото всего остального мира. Они сидели неподвижно, заключенные в свой крошечный островок света и тепла, а ветер, точно мощная река, несся, горестно завывая, мимо них куда-то в пустынный простор.

Когда порывы ветра стали более яростными, слишком далеко разнося вокруг искры костра, Арья бросила на горящие дрова горсть земли. И Эрагон, не вставая с колен, тоже принялся обеими руками засыпать огонь. Как только костер погас, Эрагону показалось, что у него что-то со зрением: местность вокруг стала какой-то призрачной, полной движущихся теней, неясных форм и серебристых листьев.

Арья, похоже, хотела встать, но вдруг замерла посреди движения, как бы в полуприсеве, и оперлась руками о землю, чтобы сохранить равновесие; лицо у нее было встревоженным. Эрагон тоже почувствовал неясную тревогу; воздух вокруг словно покалывал кожу, в нем слышалось какое-

то невнятное пение или гудение, словно вот-вот ударит молния. По рукам у Эрагона поползли мурашки.

— Что это такое? — спросил он.

— За нами следят. Что бы ни случилось, не пользуйся магией, иначе мы можем погибнуть.

— Но кто...

— Ш-ш-ш, тише...

Оглядевшись, Эрагон отыскал камень размером с кулак и прикинул его вес на ладони.

На некотором расстоянии от них появилось скопление странных мерцающих разноцветных огоньков. Они стрелой летели прямо к ним, почти стелясь над травой. Когда огоньки подлетели ближе, Эрагон увидел, что они постоянно меняют свой размер — от крохотного, с жемчужину, до огромного, несколько футов в диаметре; и цвета их тоже постоянно менялись, как бы проходя весь цикл в соответствии с чередованием цветов радуги. Каждый такой светящийся шарик был окружен еще и неким странно потрескивавшим нимбом, похожим на светящийся круг вокруг луны и состоявшим как бы из множества жидких щупалец, которые извивались, словно жадно стремясь заполучить что-то в полное свое распоряжение. Эти огни двигались так быстро, что Эрагон не мог даже определить, сколько их там; но ему казалось, что около двух дюжин.

Влетев в их лагерь, огни образовали некую движущуюся стену вокруг них с Арьей. Скорость, с которой они перемещались, меняясь друг с другом местами и постоянно пульсируя, вызывала у Эрагона головокружение. Он даже оперся рукой о землю, чтобы сохранить равновесие и успокоиться. Теперь монотонное пение или гудение стало таким громким, что у него невольно стали стучать зубы. Во рту был вкус металла, а волосы на голове встали дыбом. Как и у Арьи, хотя ее волосы были намного длиннее, и когда Эрагон взглянул на нее, то зрелище оказалось настолько поразительным, что он едва удержался от смеха.

— Чего им надо? — крикнул Эрагон, но Арья ему не ответила.

Один шар отделился от этой кипящей светящейся стены и повис прямо перед нею на уровне глаз. Он то сжимался, то

увеличивался в размерах, точно бьющееся сердце, и цвета его менялись от темно-синего к изумрудно-зеленому и ярко-красному. Одно из его щупалец вцепилось в прядь волос Арьи. Что-то резко щелкнуло, и эта прядь вспыхнула, точно луч солнца, а затем исчезла. До Эрагона донесся запах паленых волос.

Но Арья и глазом не моргнула, она вообще ничем не выдала своего беспокойства. Ее лицо было совершенно отрешенным, когда она подняла руку и, прежде чем Эрагон успел остановить ее, коснулась этого светящегося шара. Тот изменил цвет на бело-золотистый, а потом вдруг распух и стал огромным, не менее трех футов в поперечнике. Арья закрыла глаза, откинула голову назад, и все лицо ее осветилось радостью. Губы ее шевелились, но что она говорила, Эрагон услышать не мог. Когда она умолкла, шар вспыхнул кроваво-красным светом, а затем быстро и последовательно сменил цвета от красного к зеленому, затем к пурпурному, затем к ржаво-оранжевому и к синему, и все они были такими яркими, что Эрагону пришлось отвести взгляд; а затем шар стал совершенно черным, окруженным короной белых извивающихся щупалец, точно солнце во время солнечного затмения, когда видна лишь его корона. После этого шар перестал меняться, словно лишь отсутствие цвета могло соответствующим образом отразить его настроение.

Затем шар отплыл от Арьи и направился к Эрагону; ему он казался некоей дырой в ткани мироздания, окруженной короной из белых язычков пламени. Шар медленно проплыл перед Эрагоном, гудя столь интенсивно, что у него на глазах выступили слезы, а язык, казалось, посыпали медным порошком; по всему телу у него ползли мурашки, и крохотные электрические искорки плясали на кончиках пальцев. Слегка испуганный всем этим, Эрагон даже подумал, не стоит ли и ему коснуться шара, как это сделала Арья. И посмотрел на нее, ища совета. Она кивнула и жестом подсказала, что так и надо сделать.

Он протянул руку к этой «черной дыре» и очень удивился, когда почувствовал сопротивление. Шар, казалось, был сейчас бесплотен, однако отталкивал его руку, точно течение быстрого ручья. Чем ближе Эрагон подносил руку, тем

сильнее отталкивал ее шар. С усилием он преодолел последние несколько дюймов и прикоснулся к самой сердцевине этого загадочного существа.

Сквозь пальцы Эрагона брызнул голубоватый свет; весь шар вспыхнул этим ослепительным голубым огнем, затмившим сияние остальных шаров и все вокруг залившим бледно-голубым светом. Эрагон вскрикнул от боли, когда эти голубые лучи хлестнули его по глазам, быстро нагнул голову и прищурился. Затем внутри шара что-то сдвинулось, словно разворачивал свои кольца спящий дракон, и мыслей Эрагона коснулось чье-то присутствие, легко сметя всю его мысленную защиту, как сметает буря ворох сухих листьев. Эрагон невольно охнул. Неподдающаяся описанию радость наполнила его; чем бы ни был этот шар, он, казалось, состоял из чистейшего счастья. Он радовался тому, что жив, и все вокруг доставляло ему удовольствие. Эрагон готов был заплакать, столь велика была эта чистая радость, охватившая его, но он более был не властен над своим телом. Неведомое существо держало его на месте, а мерцающие лучи по-прежнему ослепительным пучком исходили из-под ладони Эрагона. Ему казалось, будто чьи-то осторожные пальцы скользят по его костям и мышцам, нащупывая те места, куда он был ранен. Затем он снова почувствовал мысленное прикосновение неведомого существа. Несмотря на эйфорическую радость, охватившую Эрагона, это прикосновение показалось ему настолько сверхъестественным и странным, что ему захотелось убежать, однако там, внутри его сознания, бежать было некуда. Он был вынужден оставаться в столь интимном взаимодействии с душой волшебного существа, а оно обследовало его воспоминания, читало его мысли, перелетая с одной на другую со скоростью эльфийской стрелы. Интересно, думал Эрагон, как это оно умудряется впитать в себя столько сведений за столь малый отрезок времени? Пока существо обследовало его память, он и сам попытался в ответ заглянуть в его душу и хоть что-то узнать о его природе и происхождении, однако же существо мгновенно пресекло все подобные попытки, так и не дав ему возможности понять, что же оно собой представляет. Те немногие впечатления, которые Эрагону все же удалось получить,

были столь отличны ото всего, что он обнаруживал, заглядывая в мысли и души иных существ и вещей, что так и остались для него загадкой.

Последний поток магической энергии почти мгновенно охватил все его тело, и Эрагон почувствовал, что существо его покинуло. Связь между ними прервалась так резко, словно от чрезмерного напряжения лопнул толстый канат. Яркий свет, бивший из-под ладони Эрагона, почти совсем померк, оставив после себя некое светящееся «эхо» в виде бледных розоватых неясных образов, мелькающих у него перед глазами.

Снова бесконечно меняя цвета, шар, висевший перед Эрагоном, съежился до размеров яблока и присоединился к своим спутникам внутри того мерцающего вихря света, что окружал их с Арьей. Гудение или пение их усилилось до почти невыносимой громкости, а затем вихрь как бы взорвался, и во все стороны брызнули разноцветные ослепительно сверкающие сгустки света. Они вновь объединились, перегруппировываясь на лету футах в ста от темного кострища, налетая друг на друга, толкаясь и играя, точно веселые котята, а затем понеслись к югу и исчезли, словно их тут и не было. И ветер сразу почти улегся, превратившись в едва заметное дыхание.

Эрагон упал на колени, протягивая руки в том направлении, куда улетели светящиеся шары, и чувствуя в душе невероятную пустоту после тех мгновений радости, которые они ему подарили.

— Что, что это такое? Кто они? — спрашивал он снова и снова, задыхаясь и кашляя, потому что в горле у него отчего-то страшно пересохло.

— Духи, — сказала Арья. И села.

— Но они совсем не похожи на тех духов, что вышли из Дурзы, когда я убил его.

— Духи могут принимать множество различных обличий, по своему желанию или капризу.

Эрагон поморгал глазами и вытер их тыльной стороной ладони.

— Кто же может осмелиться пленить с помощью магии столь чудесные существа? Это же чудовищно! Я бы,

например, постыдился после этого называть себя волшебником. Ха! А Трианна еще хвастается тем, что она колдунья! Придется заставить ее прекратить дурацкие забавы. Пусть оставит духов в покое, иначе я изгоню ее из Дю Врангр Гата, а Насуаду попрошу изгнать ее и из лагеря варденов.

— Я бы на твоем месте не стала так спешить.

— Но ты ведь не считаешь правильным, что маги и волшебники заставляют духов подчиняться их воле? Они такие прекрасные, что... — У Эрагона даже голос сорвался от переизбытка чувств. — Любой, кто причиняет им зло, должен быть наказан, чтоб неповадно было впредь!..

Чуть усмехнувшись, Арья заметила:

— Я чувствую, что Оромис так и не успел коснуться этой темы, когда вам с Сапфирой пришлось покинуть Эллесмеру.

— Если ты имеешь в виду духов, то он несколько раз упоминал о них.

— Но без особых подробностей, осмелюсь заметить.

— Да, наверное.

Арья чуть шевельнулась в темноте.

— Духи всегда привносят ощущение некоей прорехи, если вздумают пообщаться с нами, созданными из плоти и крови, но не позволяй им обманывать тебя. Они совсем не такие уж доброжелательные, миролюбивые и веселые, как непременно постараются внушить любому. Доставлять удовольствие тем, с кем они взаимодействуют, — это их способ самозащиты. Они ненавидят быть привязанными к одному месту и давным-давно поняли, что если тот, с кем они взаимодействуют, счастлив, то вряд ли станет удерживать их при себе, превращая в своих слуг.

— Не знаю, — сказал Эрагон. — Они делают тебя таким счастливым, что я могу понять, почему кому-то может захотеться удержать их при себе, а не выпустить на свободу.

Арья пожала плечами:

— У духов столько же трудностей в предсказании нашего поведения, как и у нас — в отношении их. У них так мало общего с другими народами Алагейзии, что переговоры с ними даже на простейшие темы — дело весьма непростое;

любая встреча с ними всегда чревата опасностью, ибо никто никогда не знает, какова будет их реакция.

— Но ничто из этого не объясняет мне, почему я не должен приказывать Трианне оставить колдовство.

— А ты когда-нибудь видел, чтобы она призывала духов для выполнения каких-то своих поручений?

— Нет.

— Я так и думала. Трианна живет среди варденов уже более шести лет и за это время лишь однажды продемонстрировала свое колдовское искусство, да и то после длительных упрашиваний со стороны Аджихада и длительного сопротивления и подготовки со стороны самой Трианны. Она обладает всеми необходимыми умениями, так что это никакое не шарлатанство, однако призвать духов непросто, этот процесс всегда сопряжен с чрезвычайной опасностью и не проходит для человека бесследно.

Эрагон потер светящееся пятно на ладони большим пальцем. Оттенок свечения слегка изменился, когда к ладони прилила кровь, но все попытки Эрагона уменьшить количество свечения ни к чему не привели. Тогда он поскреб пятно ногтями. «Лучше бы это через пару часов прекратилось, — думал он. — Я же не могу ходить, светясь, как фонарь. Так меня и убить могут. И вообще — очень глупо выглядит. Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал о Всаднике со светящейся частью тела?»

Вспомнив то, что ему рассказывал Бром, Эрагон спросил:

— Это ведь не человеческие духи, верно? Не духи эльфов, гномов или еще каких-то подобных существ? То есть это не призраки. И мы не станем такими после того, как умрем?

— Нет. И пожалуйста, не спрашивай меня — а я уже чувствую, что ты собрался меня спросить, — о том, кто же они на самом деле такие. Это вопрос для Оромиса, а не для меня. Изучение колдовства, если его осуществлять правильно и при правильном руководстве, — процесс длительный и трудоемкий, и подходить к нему нужно осторожно. Я не хочу говорить ничего, что может как-то изменить направление тех занятий, которые планирует для тебя Оромис, и

я, безусловно, не хочу, чтобы ты навредил себе, пытаясь попробовать что-то из упомянутого мною и не имея для этого ни достаточного опыта, ни достаточных знаний.

— И когда же предполагается, что я вернусь в Эллесмеру? — спросил Эрагон. — Я же не могу снова оставить варденов — тем более сейчас, когда Торн и Муртаг еще живы. Пока мы не победим Империю или Империя не победит нас, мы с Сапфирой должны поддерживать Насуаду. Если Оромис и Глаэдр действительно хотят завершить наше обучение, им бы лучше присоединиться к нам, и тогда проклятому Гальбаториксу уж точно конец!

— Прошу тебя, Эрагон, пойми, — возразила Арья, — эта война не закончится так быстро, как хочется тебе. Империя велика, а мы еще всего лишь нанесли ее шкуре незначительную царапину. Пока Гальбаторикс не знает о существовании Оромиса и Глаэдра, у нас еще есть некое преимущество.

— Но разве это преимущество, если его нельзя полностью использовать? — проворчал Эрагон. Она не ответила, а он уже через минуту понял, сколь ребячливы его обиды и жалобы. Оромис и Глаэдр больше кого бы то ни было хотели бы уничтожить Гальбаторикса, и если они предпочитают проводить свое время в Эллесмере, то только потому, что у них есть весьма веские причины для этого. Эрагон мог бы даже перечислить некоторые из них, если б захотел; это прежде всего неспособность Оромиса пользоваться магическими заклинаниями, что требует огромного количества сил и энергии, которых у него уже не осталось.

Эрагону стало холодно; он пониже натянул рукава и обхватил себя руками.

— А что ты сказала тому духу?

— Он хотел знать, почему мы пользовались магией; именно это и привлекло их внимание к нам. Я объяснила и сказала также, что ты — тот, кто освободил духов, попавших в ловушку в теле Дурзы. Это, похоже, им страшно понравилось. — Арья умолкла. Между ними повисло некое странное молчание. Потом она вновь повернулась к той лилии и коснулась ее лепестков. — О! — воскликнула она. — Они действительно очень нам благодарны! Найна!

И по ее команде поток мягкого света залил все вокруг. В этом свете Эрагон увидел, что листья и стебель лилии стали золотыми, а лепестки превратились в тончайшие пластинки какого-то светлого металла, который он не смог распознать; что же касается сердцевинки цветка, которую показала ему Арья, слегка наклонив лилию, то она оказалась вырезанной из дивных самоцветов — рубинов и бриллиантов. Изумленный, Эрагон провел пальцем по изогнутому листку, чувствуя, как его шероховатая поверхность легонько покалывает кожу. Он наклонился и увидел, что те же шероховатости, жилки, впадинки и прочие миниатюрные особенности растения, которые он воссоздавал в первоначальной версии, повторены и в металле: только теперь они стали золотыми.

— Какая идеальная копия! — восхитился он.

— И цветок все еще жив, — заметила Арья.

— Не может быть! — Эрагон тщательнейшим образом выискивал малейшие проявления того, что теперешняя лилия — не просто неодушевленный предмет: слабое тепло, внутреннее движение соков. И обнаружил, что все это в той же мере присуще ей, что и прежде. Снова осторожно коснувшись ее листка пальцем, он сказал: — Это превыше всего, что мне известно о магии. По всем правилам эта лилия должна была бы быть мертва. А она вместо этого цветет вовсю! Я даже представить себе не могу, с помощью чего можно превратить растение в живой металл. Возможно, Сапфира смогла бы сделать такое, но она никогда не смогла бы никого другого научить этому волшебству.

— Но главный вопрос в том, — сказала Арья, — будет ли этот цветок приносить семена, которые смогут прорасти.

— Так он может и размножаться?

— Я бы ничуть не удивилась этому. В Алагейзии существует множество примеров, так сказать, саморазвивающейся магии — например, плавающий кристалл на острове Эоам и колодец снов в пещерах Мани. Размножение лилии было бы ничуть не более невероятным, чем любой из этих феноменов.

— К сожалению, если кто-то обнаружит этот цветок или другой, который он может дать отводком, их тут же

выкопают. Любой ловец удачи в этих краях может явиться сюда, чтобы нарвать золотых лилий.

— Их будет не так-то легко сорвать. Впрочем, лишь время может сказать наверняка.

Смех так и рвался из уст Эрагона. С трудом сдерживая радость, он сказал:

— Я слышал выражение «позолотить лилию» и раньше, но духи сделали это на самом деле! Они позолотили лилию! — И он рассмеялся во весь голос, который гулко разнесся по притихшей темной равнине.

У Арьи тоже дрогнули губы.

— Ну, их намерения были благородны. Мы не можем винить их за то, что они не знают человеческих пословиц.

— Нет, однако... ха-ха-ха!

Арья щелкнула пальцами, и поток света угас.

— Мы с тобой большую часть ночи проговорили, теперь пора и отдохнуть. Скоро рассвет, а мы должны тронуться в путь сразу после рассвета.

Эрагон выбрал относительно ровный, лишенный камней клочок земли и, все еще тихонько смеясь, вытянулся там, вскоре погрузившись в легкий сон.

Средь беспокойной толпы

К полудню Эрагон и Арья наконец-то увидели вдали лагерь варденов и остановились на вершине невысокого холма, глядя на раскинувшееся перед ними пространство, занятое множеством серых палаток, тысячами людей и лошадей и окруженное дымящимися сторожевыми кострами. С запада от лагеря петляла обрамленная деревьями река Джиет. В полумиле к востоку виднелся второй лагерь, поменьше — точно остров, расположенный неподалеку от материнского континента; там жили ургалы под командованием Нар Гарцвога. По всему периметру лагеря дежурили конные дозоры. На дорогах мелькали гонцы, отправлявшиеся с тем или иным поручением или возвращавшиеся после задания. Два патруля заметили Эрагона и Арью, протрубили в горны и галопом помчались им навстречу.

На лице Эрагона появилась широченная улыбка, он даже засмеялся от облегчения и воскликнул:

— Мы все-таки добрались! Ни Муртаг, ни Торн, ни сотни солдат, ни прикормленные Гальбаториксом маги, ни раззаки не смогли поймать нас! Ха! Каково это слышать нашему великому правителю? Да он же бороду себе выщиплет от досады!

— И станет в два раза опаснее, — предупредила Арья.

— Я знаю, — сказал Эрагон и еще шире улыбнулся. — А может, он так разозлится, что позабудет заплатить своим воинам, а они возьмут да и побросают оружие, а потом к варденам присоединятся.

— Больно у тебя сегодня настроение хорошее.

— А почему бы и нет?

И он, приподнявшись на цыпочки, как можно шире раскрыл свои мысли и позвал:

«Сапфира!»

И этот его призыв полетел над равниной, точно копье, пущенное сильной рукой.

Ответ не заставил себя ждать:

«Эрагон!»

Они мысленно обнялись, прямо-таки обливая друг друга потоками любви, радости и заботы. Затем обменялись воспоминаниями о том времени, что провели врозь, и Сапфира утешила Эрагона по поводу убитых им солдат, как бы вытянув из его души ту боль и гнев, не имевшие выхода после той нечаянной схватки. Эрагон счастливо улыбался. Когда Сапфира была рядом, все на свете казалось ему правильным и нормальным.

«Я скучал по тебе!» — признался он.

«И я по тебе скучала, маленький брат. — И она, восстановив перед ним картину того побоища, которое учинили они с Арьей, заметила: — Каждый раз, стоит мне тебя оставить, ты непременно попадаешь в беду. Каждый раз! Терпеть не могу с тобой расставаться! Ведь едва я глаза отведу, ты сразу угодишь в какую-нибудь смертельно опасную ловушку».

«Будь справедливой: я столько раз попадал в беду, когда мы были вместе! Это совсем не обязательно случается, когда я один. Мы, похоже, просто притягиваем к себе всякие неожиданные события».

«Нет, это ты их к себе притягиваешь! — фыркнула Сапфира. — Ничего необычного со мной, когда я одна, не происходит. А вот ты притягиваешь к себе дуэли, засады, бессмертных врагов, непонятных существ вроде раззаков, каких-то родственников, с которыми давным-давно расстался, и загадочные магические явления; они так и бросаются на тебя, точно оголодавшие ласки на кролика, случайно забравшегося в их логово».

«А как насчет тех лет, когда ты находилась в собственности Гальбаторикса? Разве это заурядное событие?»

«Я же тогда еще и из яйца не проклюнулась! — возмутилась Сапфира. — Это не считается. Разница между тобой и мной заключается в том, что с тобой вечно что-то случается, тогда как я сама *заставляю случаться* разные события».

«Возможно, но это потому, что я еще только учусь. Дай мне еще несколько лет, и я буду не хуже Брома заставлять вещи случаться. Договорились? Ты же не можешь сказать, что я не перехватил инициативу в случае со Слоаном?»

«Хм... Это нам как раз нужно хорошенько обсудить. Если ты еще раз вздумаешь устроить мне подобный сюрприз, я пришпилю тебя к земле и вылижу с ног до головы».

Эрагон содрогнулся. Язык Сапфриры был покрыт загнутыми шипами и мог с одного раза содрать волосы с головы или шкуру вместе с мясом с оленя.

«Я понимаю, но я и сам толком не знал, хочу ли я убить Слоана или же готов отпустить его на свободу, когда нашел его там. Кроме того, если бы я сказал тебе, что хочу остаться, ты бы непременно стала настаивать на том, чтобы я этого не делал».

Он услышал в глубине ее груди раскатистое рычание, и она сказала:

«Тебе бы следовало доверять мне! Ты поступил бы правильно, если бы все мне объяснил. Если мы не можем говорить открыто, то разве сумеем действовать в бою достаточно согласованно, как подобает настоящему Всаднику и его дракону?»

«Но если бы я поступил правильно, ты наверняка забрала бы меня из Хелгринда, несмотря на все мои намерения, так ведь?»

«Может быть, и нет», — сказала она, явно пытаясь защищаться.

Эрагон улыбнулся:

«Хотя, в общем, ты права. Мне следовало обсудить свои планы с тобой. Извини. Отныне я обещаю, что буду непременно советоваться с тобой, прежде чем делать что-то такое, чего ты никак не ожидаешь. Устроит это тебя?»

«Только если это касается оружия, магии, королей или членов твоей семьи», — сказала Сапфира.

«Или цветов».

«Или цветов, — согласилась она. — Мне совершенно нет нужды знать, что ты решил посреди ночи перекусить сыром и хлебом».

«Если только человек с длинным ножом не поджидает меня у выхода из палатки».

«Ну, если ты не в силах справиться с одним-единственным человеком, вооруженным самым длинным ножом, то из тебя получится весьма жалкий Всадник!»

«Не говоря уж о том, что мертвый».

«Ну...»

«Но если следовать твоим собственным аргументам, ты должна быть довольна тем, что если я и привлекаю больше бед, чем нужно, я все же вполне способен выпутаться из такой ситуации, в которой любой другой точно погиб бы».

«Даже самых великих воинов порой постигают неудачи, — сказала Сапфира. — Вспомни короля гномов Кагу, который был убит каким-то жалким новичком, вооруженным мечом, когда всего лишь споткнулся о камень. Ты всегда должен быть очень осторожен, сколь бы высоки ни были твои умения; ты ведь не можешь предугадать и предусмотреть каждое несчастье, которое судьба направит по твоему пути».

«Согласен. А теперь, может, оставим этот тяжелый разговор? Я уже здорово устал за последние дни от мыслей о судьбе, роке, справедливости и прочих столь же мрачных вещах. Насколько я понимаю теперь, философские вопросы способны и тебя вогнать в смятенное мрачное настроение. — И Эрагон, вскинув голову, стал высматривать в небесах знакомый яркий блеск Сапфириной чешуи. — Эй, ты где? Я чувствую, что где-то поблизости, но все еще тебя не вижу».

«Я прямо над тобой!»

С радостным кличем Сапфира вынырнула из толстого облака, висевшего в нескольких тысячах футов над землей, и по спирали резко пошла на снижение, плотно прижав к телу огромные крылья. Открыв свою страшную пасть, она выдохнула здоровенный огненный язык, который тут же отнесло назад у нее над головой, так что, казалось, у нее выросла огненная грива. Эрагон радостно засмеялся и раскинул руки, словно желая заключить ее в объятия. Лошади патрульных, мчавшихся навстречу ему и Арье, увидев снижавшуюся Сапфиру, в ужасе остановились и бросились в другую сторону, несмотря на все усилия ездоков.

— А я так надеялась, что мы сможем войти в лагерь, не привлекая ненужного внимания, — сказала Арья. — Впрочем, полагаю, я должна была отдавать себе отчет в том, что мы не можем остаться незамеченными, если поблизости окажется Сапфира. Дракона действительно трудно не заметить.

«Я это слышала», — мысленно сказала им Сапфира, раскрывая крылья и приземляясь с громоподобным грохотом. Ее массивные ляжки и плечи задрожали от напряжения, когда она попыталась затормозить.

Сильнейший порыв ветра ударил Эрагону в лицо, под ним даже земля задрожала. Он чуть согнул ноги в коленях, чтобы сохранить равновесие. А Сапфира, сложив крылья и плоско уложив их на спину, сказала:

«Я могу все это делать и очень тихо, украдкой, если захочу. — И она, склонив голову набок, лихо подмигнула Эрагону, виляя кончиком хвоста. — Но сегодня я ничего не хочу делать украдкой! Сегодня я — дракон, а не перепуганный голубь, очень старающийся, чтобы его не заметил охотящийся ястреб».

«А когда ты бываешь не драконом?» — спросил Эрагон, бегом бросаясь к ней.

Легкий, как перышко, он взлетел по согнутой левой лапе ей на плечо и уселся на привычное место в ямку у основания шеи. Устроившись, он обеими руками обхватил ее за теплую шею, чувствуя, как поднимаются и опадают при дыхании ее мощные мышцы. Он снова улыбнулся, чувствуя глубочайшее удовлетворение.

«Здесь вот я и должен быть, с тобой», — сказал он ей, и ноги его задрожали, когда Сапфира загудела и запела, выражая этим свое удовольствие и словно исполняя странную негромкую мелодию, которой он, впрочем, не знал.

— Приветствую тебя, Сапфира, — сказала Арья и сложным жестом поднесла руку к груди в почтительном эльфийском приветствии.

Низко присев и вытянув свою длинную шею, Сапфира слегка коснулась лба Арьи своей длинной мордой, как сделала это некогда в Фартхен Дуре, благословляя Эльву, и сказала мысленно:

«Привет тебе, алфа-кона. Добро пожаловать, и пусть ветер вздымает твои крылья. — Она говорила с Арьей тем же ласковым и нежным тоном, который до сих пор приберегала исключительно для Эрагона, словно теперь считала и Арью членом их маленькой семьи, вполне заслуживающим той

же любви и близости, какие существовали между нею и Эрагоном. Ее поведение несколько удивило Эрагона, но после первоначальной вспышки ревности он вполне его одобрил. А Сапфира между тем продолжала: — Я благодарна тебе за то, что ты помогла Эрагону вернуться невредимым. Если бы он попал в плен, я просто не знаю, что бы тогда сделала!»

— Твоя благодарность очень много для меня значит, — сказала Арья и поклонилась. — Что же касается того, что ты сделала бы, если бы Гальбаторикс схватил Эрагона, то тут все ясно: Эрагона ты, конечно же, спасла бы, а я бы, конечно же, отправилась вместе с тобой даже в Урубаен.

«Да, мне нравится думать, что я непременно спасла бы тебя, Эрагон, — сказала Сапфира, изгибая шею и любовно на него глядя, — но меня беспокоит то, что я бы сдалась Империи в плен, чтобы спасти тебя, даже не думая о том, каковы будут последствия этого для всей Алагейзии. — Тут она покачала своей огромной головой и в волнении принялась скрести землю когтями. — Ах, все это бессмысленные рассуждения! Ты здесь, ты в безопасности, и именно так все и должно быть. И нечего зря тратить время на жалобы и печалиться из-за тех несчастий, которые только могли бы случиться. Это способно отравить то великое счастье, которое мы обрели...»

В этот момент патруль наконец-то галопом подлетел к ним и, остановившись ярдах в тридцати — ближе не давали подъехать весьма нервно воспринимавшие близость Сапфиры кони, — попросил разрешения сопроводить всю троицу прямиком к Насуаде. Один из прибывших спешился и отдал своего жеребца Арье, а затем они весьма чинно все вместе направились к морю раскинувшихся перед ними палаток. Скорость движения задавала Сапфира; точнее, она попросту лениво ползла, что позволяло им с Эрагоном насладиться обществом друг друга, прежде чем они вновь погрузятся в шум и хаос, которые наверняка встретят их, как только они войдут в лагерь.

Эрагон спросил о Роране и Катрине и поинтересовался у Сапфиры:

«Ты что, слишком много огненной травы ела? Твое дыхание кажется мне более мощным, чем обычно».

«Ну, в общем, съела я ее достаточно. А ты заметил это только потому, что тебя слишком долго не было. У меня именно такое дыхание, какое и должно быть у дракона. Кстати, спасибо еще, что ты не вздумал отпускать на этот счет всякие язвительные замечания, не то быстро полетел бы у меня вверх тормашками. Да и чем, собственно, вам-то, людям, хвастаться? Вы существа в целом довольно грязные и вонючие. Единственные дикие твари, которые так же сильно воняют, как люди, это козлы или еще медведи во время зимней спячки. В сравнении с вами запах драконов — это дивные духи, столь же приятные, как аромат цветущего горного луга».

«Ну ладно, хватит преувеличивать, — сказал Эрагон, морща нос. — Хотя, если честно, после Агэти Блёдрен и я стал замечать, что люди действительно пахнут порой чересчур сильно и довольно неприятно. Но ты вряд ли можешь валить меня в одну кучу с остальными, поскольку я-то уже не совсем человек».

«Может быть, однако и тебе неплохо было бы помыться!»

Чем ближе они подходили к лагерю, тем больше людей собиралось вокруг Эрагона и Сапфиры, создавая для них совершенно ненужный, хотя и весьма почетный эскорт. После того как Эрагон столько времени провел в диких краях Алагейзии, это скопление тел, какофония громких возбужденных голосов, буря невольных эмоций и чувств, бесконечное хаотичное движение рук, нетерпеливое ржание и приплясывание лошадей действовали на него ошеломляюще.

Он замкнулся, стараясь спрятаться в самой глубине своей души, где нестройный хор чужих мыслей слышался не громче отдаленного грохота прибоя. Но даже сквозь созданные им мысленные барьеры сразу почувствовал приближение двенадцати эльфов, которые стройным рядком бежали к ним с Сапфирой через весь лагерь, быстрые, ловкие и желтоглазые, как горные кошки. Желая произвести на них благоприятное впечатление, Эрагон пригладил пальцами волосы и расправил плечи, но на всякий случай еще укрепил свою внутреннюю защиту, чтобы никто, кроме Сапфиры, не мог подслушать его мысли. Эти эльфы прибыли,

чтобы защищать их, но в конечном счете были преданы только королеве Имиладрис. И хотя Эрагон был признателен им за оказанную честь, хотя был почти уверен, что внутреннее благородство не позволит им его подслушивать, он все же не хотел давать королеве эльфов возможность выведать тайны варденов, как не хотел и того, чтобы она — вольно или невольно — обрела власть над ним самим. Он не сомневался: если бы Имиладрис могла отдалить его от Насуады, она непременно сделала бы это. В целом эльфы людям не слишком-то доверяли, особенно после предательства Гальбаторикса, и по этой причине, а также и некоторым другим Имиладрис, конечно же, предпочла бы иметь Эрагона и Сапфиру в своем собственном распоряжении. А из всех могущественных правителей, с которыми Эрагону пока доводилось встречаться, Имиладрис он доверял менее всего. Она, как ему казалось, была слишком уж властной и слишком непредсказуемой.

Двенадцать эльфов резко остановились прямо перед Сапфирой. Они поклонились и сделали руками тот же невероятно прихотливый приветственный жест, что и Арья, когда здоровалась с драконихой, а затем по очереди представились Эрагону, произнося традиционное эльфийское приветствие, и он отвечал им тоже в соответствии с обычаем. Затем предводитель этой дюжины, высокий красивый эльф с блестящей иссиня-черной шерстью, покрывавшей все его тело, сообщил ему и всем, кто мог его слышать, цель их миссии в лагерь варденов и официально спросил у Эрагона и Сапфиры разрешения на то, чтобы он и его товарищи приступили к выполнению своих обязанностей.

— Да, вы можете приступать, — сказал Эрагон.

«Можете приступать», — подтвердила и Сапфира.

Затем Эрагон спросил:

— Блёдхгарм-водхр, не видел ли я тебя случайно во время Агэти Блёдрен? — Ибо он припоминал, что видел, как некий эльф, тоже покрытый густой темной шерстью, бродил во время праздника меж деревьев.

Блёдхгарм улыбнулся, показав свои звериные клыки, и сказал:

— Я думаю, ты встречался с моей кузиной Лиотхой. Нам обоим свойственны основные черты нашего фамильного облика, только у нее шерсть коричневая и с пятнышками, а у меня — темно-темно-синяя.

— Но я готов поклясться, что видел именно тебя!

— К сожалению, у меня в это время были дела совсем в другом месте, так что присутствовать на празднике я никак не мог. Но, возможно, у меня будет такая возможность в следующий раз, то есть через ближайшие сто лет.

«Разве тебе не кажется, — спросила у Эрагона Сапфира, — что он на редкость приятно пахнет?»

Эрагон потянул носом воздух:

«Я не чувствую никакого запаха. Если бы он был, я бы непременно его почувствовал».

«Это странно. — И она сообщила о тех запахах, которые удалось почувствовать ей. Только тогда Эрагон понял, что она имела в виду. Мускусный запах Блёдхгарма окутывал его со всех сторон, точно облако; плотный, чуть дымный запах, в котором смешивались запахи раздавленных ягод можжевельника, от которых, по выражению Сапфиры, «щекотало в ноздрях». — Похоже, в него уже влюблены все женщины среди варденов, — сказала она. — Они крадутся следом за ним, куда бы он ни пошел, отчаянно мечтая с ним побеседовать, но настолько стесняются, что способны издать разве что нелепый писк, стоит ему взглянуть на них».

«Так, может, его запах могут чувствовать только женщины? — Эрагон бросил озабоченный взгляд на Арью. — Однако на Арью, похоже, этот запах никакого особого впечатления не производит».

«У нее есть защита от подобного магического воздействия».

«Надеюсь... А как ты думаешь, не стоит ли нам немного укоротить этого Блёдхгарма? Ведь то, что он делает, это нечестно; не годится тайком, без ведома женщины, с помощью магических чар завоевывать ее сердце».

«А чем это хуже привычки украшать себя нарядами, чтобы привлечь внимание возлюбленного? Блёдхгарм ведь не пользуется своим преимуществом в отношении тех женщин,

которые им очарованы, и мне кажется невероятным, чтобы он вообще стал специально создавать какой-то особый запах, чтобы привлекать внимание женщин вашей расы. Скорее, как я догадываюсь, это оказалось совершенно непреднамеренным последствием того, чем он занимался в совершенно иных целях. И пока он не нарушает никаких правил приличия, нам, по-моему, вмешиваться не стоит».

«А как же Насуада? Уязвима ли она для его чар?»

«Насуада мудра и осторожна. И она попросила Триану создать ей магическую защиту, в том числе и от влияния Блёдхгарма».

«Это хорошо».

Когда они прибыли в лагерь, толпа вокруг разрослась до невероятных размеров; казалось, половина всех варденов собралась вокруг Сапфиры. Эрагон приветственно поднял руку, слыша, как люди выкрикивают: «Аргетлам! Губитель Шейдов! Где же ты был так долго? Поведай нам о своих приключениях!» Довольно многие называли его также Проклятьем Раззаков, и это прозвище пришлось ему настолько по душе, что он даже сам раза четыре неслышно повторил эти слова. Люди выкрикивали всевозможные благословения им с Сапфирой, желали им здоровья и благополучия, приглашали их обоих к обеду, сулили в подарок золото и драгоценные камни; но слышал он и жалобные просьбы о помощи: не может ли он смилостивиться и исцелить сыночка, который родился слепым; не может ли удалить опухоль, которая убивает чью-то жену и мать; не может ли срастить сломанную ногу лошади или выпрямить погнувшийся клинок, который, как громогласно утверждал хозяин клинка, принадлежал еще его деду... Дважды какая-то женщина задорно вопрошала: «Не возьмешь ли меня в жены, Губитель Шейдов?» Но сколько Эрагон ни озирался, он так и не смог определить, кто же это кричал.

Пробираясь вместе с ним сквозь толпу, двенадцать эльфов держались плотным кольцом. Понимание того, что они видят то, чего он увидеть не может, и слышат то, чего ему не услышать, действовало на Эрагона, как ни странно, успокаивающе. Полностью положившись на своих новых

защитников, он свободно общался с собравшимися вокруг варденами, понимая, что именно этой свободы ему всегда так не хватало раньше.

Затем из-за неровных рядов войлочных палаток стали появляться те, кто прежде жил в Карвахолле. Спрыгнув на землю, Эрагон подошел к ним, и односельчане обступили его; он пожимал чьи-то руки, хлопал кого-то по плечу и смеялся тем шуткам, которые были понятны только тому, кто вырос в Карвахолле. Увидев Хорста, Эрагон от души пожал мощную загорелую руку кузнеца.

— Добро пожаловать назад, Эрагон! — сказал ему Хорст. — Здорово у тебя это получилось! Мы перед тобой в долгу: ведь ты сумел отомстить этим тварям, которые изгнали нас из родного дома. Но особенно я рад тому, что ты сам по-прежнему цел и невредим!

— Раззакам надо было бы двигаться чуть быстрее, чтобы отрубить от меня хотя бы кусочек! — засмеялся Эрагон. И поздоровался с сыновьями Хорста, Олбрихом и Балдором; а затем — с сапожником Лорингом и его троими сыновьями; а затем с Тарой и Морном, владельцами таверны; а затем с Фиском, Фельдой, Калитхой, Делвином и Ленной; и, наконец, с Биргит, глаза которой смотрели по-прежнему свирепо. И Биргит сказала ему:

— Спасибо тебе, Эрагон, Ничейный Сын. Спасибо за то, что ты достойно наказал этих тварей, сожравших моего мужа! Знай: отныне сердце мое навсегда принадлежит тебе! И все мои силы в придачу!

Прежде чем Эрагон сумел ей ответить, толпа разделила их. «Ничейный Сын? — вспомнил Эрагон. — Ха! У меня есть отец! Которого, правда, все на свете ненавидят».

Затем к его великой радости сквозь толпу, раздвигая ее плечами, пробрался Роран; рядом с ним была Катрина. Они обнялись, и Роран прорычал:

— До чего же глупо ты поступил, оставшись там! Надо было бы всыпать тебе за это как следует! В следующий раз ты уж меня заранее предупреди, если вздумаешь с кем-то в одиночку сражаться. Похоже, у тебя это в привычку входит. Жаль, что ты не видел, до чего была огорчена Сапфира!

Эрагон положил руку на переднюю лапу Сапфиры и сказал:

— Мне очень жаль, что я не смог предупредить вас заранее. Я и сам до последнего момента не понимал, что собираюсь остаться. Но это оказалось совершенно необходимым.

— Но хоть сейчас-то ты можешь сказать, почему тебе все-таки пришлось остаться в этих вонючих пещерах?

— Потому что мне нужно было кое-что разведать и кое-что выяснить.

Поскольку этим его ответ и ограничился, широкое лицо Рорана помрачнело, и на мгновение Эрагон испугался, что брат станет настаивать на более подробных разъяснениях. Но Роран сказал:

— Ну что ж, разве может надеяться такой заурядный человек, как я, что разом поймет все «почему» и «потому что», которыми заняты мысли настоящего Всадника, даже если этот Всадник — мой двоюродный брат? Самое главное, что ты помог освободить Катрину, что сейчас ты здесь, что ты цел и невредим. — Роран вытянул шею, словно пытаясь увидеть, что лежит у Сапфиры на спине, затем посмотрел на Арью, стоявшую чуть позади, и сказал: — Ты же потерял мой посох! Я пол-Алагейзии с этим посохом прошел! Неужели ты не мог его сохранить?

— Я отдал его человеку, которому он был гораздо нужнее, чем мне, — ответил Эрагон.

— Ох, да перестань ты на него нападать! — сказала Рорану Катрина и, чуть поколебавшись, крепко обняла Эрагона. — На самом деле, Эрагон, он ведь страшно рад тебя видеть, ты же и сам это понимаешь! Он просто не может слов подобрать, чтобы выразить это.

С дурацкой, совершенно бараньей улыбкой Роран пожал плечами.

— Она, как всегда, права насчет меня. — И влюбленные обменялись нежными взглядами.

Эрагон внимательно посмотрел на Катрину. Ее медные волосы приобрели своей прежний, роскошный блеск и цвет, и следы, оставленные на ее теле тяжкими пытками, уже почти все исчезли, хотя она по-прежнему казалась более бледной и худой, чем прежде.

Подойдя совсем близко к Эрагону, чтобы никто из сгрудившихся вокруг варденов не мог ее услышать, Катрина шепнула:

— Я никогда не думала, что буду обязана тебе столь многим, Эрагон! Что *мы* будем обязаны тебе столь многим. С тех пор как Сапфира принесла нас сюда, я узнала, чем ты рисковал, чтобы спасти меня, и нет слов, как я тебе благодарна. Если бы я провела в Хелгринде еще неделю, это попросту убило бы меня или лишило разума, что, в общем, то же самое — настоящая смерть при жизни. За то, что ты спас меня, за то, что ты исцелил Рорану плечо, я от всей души благодарю тебя, но еще больше я благодарю тебя за то, что ты снова воссоединил нас! Если бы не ты, мы бы никогда больше с Рораном не увидели друг друга.

— Мне кажется, Роран, так или иначе, отыскал бы способ вытащить тебя из Хелгринда даже и без меня, — заметил Эрагон. — Он же настоящий златоуст, если его завести. Он бы убедил еще какого-нибудь заклинателя помочь ему — например, травницу Анжелу, — и все равно своего добился бы.

— Травница Анжела? — нахмурился Роран. — Куда этой болтливой особе соперничать с раззаками.

— Ничего, она бы тебе показала, на что способна. Она гораздо сильнее и глубже, чем кажется... Во всяком случае, чем можно предположить, слушая ее болтовню. — И тут Эрагон сделал то, чего никогда не осмелился бы сделать, когда жил в долине Паланкар, но теперь чувствовал, будучи Всадником, что имеет на это полное право: он поцеловал Катрину в лоб, затем точно так же поцеловал Рорана и сказал: — Роран, ты мне как брат. А ты, Катрина, мне как сестра. Если когда-либо вы окажетесь в беде, пошлите за мной, и если вам нужен будет Эрагон-земледелец или Эрагон-Всадник, я в любом качестве буду в полном вашем распоряжении.

— И ты тоже, — сказал в ответ Роран, — если когда-либо будешь в беде, только скажи, и мы поспешим тебе на помощь.

Эрагон благодарно кивнул, но воздержался от упоминания о том, что те беды, которые, скорее всего, выпадут на его долю, будут таковы, что бороться с ними ему не сможет

помочь никто из них. Он крепко обнял Рорана и Катрину за плечи и сказал:

— Живите же долго, всегда будьте вместе, будьте счастливы, и пусть у вас родится много-много детишек! — Тут улыбка Катрины на мгновение померкла, и Эрагон, мгновенно удивившись, подумал: «Как странно!»

По настоянию Сапфиры они снова двинулись к красному шатру Насуады, находившемуся в центре лагеря. Когда они, сопровождаемые восторженной толпой, прибыли туда, Насуада уже встречала их на пороге, а слева от нее стоял король Оррин; целая орда его приближенных и прочей знати толпилась за двойным рядом охраны.

Насуада была в зеленом шелковом платье, которое переливалось в солнечных лучах, точно оперение на грудке колибри, прелестно сочетаясь с ее смуглой кожей. Рукава платья заканчивались у локтя пышными кружевами. А дальше, от локтя до тонких запястий, руки ее были покрыты бинтами. Она невероятно выделялась среди остальных варденов, точно изумруд, упавший на груду пожухших осенних листьев. Одна лишь Сапфира могла соревноваться с нею в яркости и необычности облика.

Эрагон и Арья поздоровались с Насуадой, затем с королем Оррином, и Насуада официально приветствовала их от лица всех варденов, похвалив за храбрость и мужество. Закончила она свою речь так:

— О да, Гальбаторикс может иметь при себе Всадника и дракона, которые сражаются за него так же, как Эрагон и Сапфира сражаются за нас. Он может иметь армию такой величины, что от нее становится темно вокруг. Он может использовать любую, даже самую ужасную черную магию, которая кажется отвратительной любому, кто занимается этим древним искусством. Но, несмотря на всю его злобность и жажду власти, ему не остановить Эрагона и Сапфиру! Ведь он не смог помешать им проникнуть в его царство и убить четверых самых его любимых прислужников, как не смог и воспрепятствовать Эрагону беспрепятственно пройти через всю Империю. Поистине рука его, претендующего на всемирное господство, сильно ослабела, раз он не может

защитить свои границы и своих омерзительных слуг даже внутри своей потайной тюрьмы-крепости!

Вардены ответили на ее слова восторженными криками, и, слушая этот радостный шум, Эрагон позволил себе тайком улыбнуться: Насуада на редкость умело сыграла на чувствах своих подданных, подогревая их доверие, верность и энтузиазм, хотя реальная действительность сулила им куда меньше надежд, чем она только что изобразила. Нет, она не лгала им — по его разумению, во всяком случае, — она не лгала, даже когда имела дело с Советом Старейшин или с другими своими политическими соперниками. Она всего лишь говорила вслух то, что наилучшим образом способствовало укреплению ее позиций и подтверждало приведенные ею аргументы. В этом отношении, думал Эрагон, она все-таки очень похожа на эльфов.

Когда энтузиазм варденов несколько поутих, король Оррин приветствовал Эрагона и Арью в том же стиле, что и Насуада, но его речь была куда более уравновешенной и пространной. И хотя толпа слушала его вполне вежливо и сопроводила его слова аплодисментами, Эрагону было очевидно, что как бы люди ни уважали Оррина, они не любят его так, как любят Насуаду; не может он также и зажечь их воображение, как сумела это сделать Насуада. Этот гладколицый король был одарен высочайшим умом. Однако он был слишком утонченной личностью, слишком эксцентрической и слишком покорной обстоятельствам, чтобы служить давним чаяниям людей, бросивших вызов Гальбаторикс.

«Если мы свергнем Гальбаторикса, — мысленно сказал Сапфире Эрагон, — то уж Оррина точно не следует сажать на трон в Урубаене. Ему наверняка не под силу объединить наши земли так, как Насуада сумела объединить варденов».

«Согласна с тобой», — откликнулась Сапфира.

Наконец король Оррин закончил свою речь, и Насуада шепнула Эрагону:

— Теперь твоя очередь что-то сказать тем, кто собрался, чтобы взглянуть на прославленного Всадника. — Ее глаза поблескивали от сдерживаемого смеха.

— Моя?

— Они только этого и ждут.

И Эрагон повернулся лицом к многочисленной толпе. Язык его сразу же пересох, в голове не осталось ни одной мысли, и в течение нескольких секунд, охваченный паникой, он думал только о том, что владение речью по-прежнему не самая сильная его сторона, и сейчас он попросту опростоволосится перед собравшимися варденами. Где-то послышалось ржание лошади, но в целом над лагерем висела пугающая тишина. Охвативший Эрагона паралич прервала Сапфира. Ткнув его мордой в локоть, она сказала:

«Скажи им, какая большая честь для тебя — пользоваться их поддержкой, как ты счастлив, что снова оказался среди них».

Воспользовавшись ее помощью, Эрагон ухитрился-таки вымолвить несколько слов и при первой же возможности умолк, поклонился и отступил назад.

Заставив себя улыбаться, пока вардены хлопали в ладоши, восторженно кричали и стучали мечами по щитам, он воскликнул, мысленно обращаясь к Сапфире:

«Это было ужасно! Лучше еще раз с Шейдом сразиться, чем выступать перед такой толпой!»

«Вот как? Но ведь это было вовсе не так уж трудно, Эрагон».

«Да нет, очень даже трудно!»

Из ноздрей Сапфиры вырвались облачка дыма, и она насмешливо фыркнула:

«Хорош же ты, настоящий Всадник, который боится выступить перед толпой почитателей! Если бы Гальбаторикс знал об этом, он бы мигом с тобой расправился. Заставил бы тебя произнести речь перед его войсками, вот ты бы от страха и умер. Ха-ха-ха!»

«И совсем не смешно!» — проворчал Эрагон, но Сапфира все еще продолжала безмолвно хихикать.

ОТВЕТ КОРОЛЮ

После обращения Эрагона к варденам Насуада жестом подозвала к себе Джормундура.

— Пусть все, кто здесь присутствует, немедленно вернутся на свои места. Если сейчас на нас кто-то нападет, то наверняка застанет нас врасплох.

— Да, госпожа моя.

Поклонившись Эрагону и Арье, Насуада, опершись левой рукой на руку короля Оррина, вместе с ним вошла в шатер.

«А как же ты?» — спросил Эрагон Сапфиру, следуя за ними. Но, вступив в шатер, увидел, что его задняя стенка поднята и привязана к раме, так что и Сапфира, просунув внутрь голову, могла участвовать во всем, что там происходит. Не прошло и нескольких минут, как ее сверкающая голова и шея показались в этом проеме, застилая свет. На красных стенках шатра замелькали пурпурные отблески — отражение солнечных лучей от синих чешуй драконихи.

Эрагон осмотрелся. В шатре почти не осталось мебели после того, как Сапфира произвела там разрушения, стремясь увидеть Эрагона в зеркале Насуады. То, что после этого уцелело, придавало внутреннему убранству командного шатра облик суровый даже по военным меркам. Там стоял красивый полированный трон с высокой спинкой, на котором сидела Насуада, то самое зеркало на резной бронзовой подставке; складное походное кресло и низкий стол, заваленный картами и документами. Земляной пол был закрыт вытканным гномами ковром с весьма прихотливым рисунком. Оррин тут же занял место рядом с троном Насуады. Кроме Арьи и Эрагона в шатер набилось довольно много людей и представителей других рас. Все они смотрели на

Эрагона. Среди них он узнал Нархайма, нынешнего командующего войсками гномов; Трианну и других заклинателей из Дю Врангр Гата; Сабру, Умерта и остальных членов Совета Старейшин, не считая Джормундура. Кроме того, там присутствовали различные представители знати и придворные короля Оррина. Те же люди, что были Эрагону не знакомы, занимали, видимо, достаточно значимое положение в какой-либо из многочисленных фракций, составлявших огромную армию варденов. Присутствовали и шестеро личных охранников Насуады — двое стояли у входа и четверо у Насуады за спиной; кроме того, Эрагон почувствовал и сложную спиралевидную линию темных мыслей Эльвы, спрятавшейся где-то в укромном углу шатра.

— Эрагон, — обратилась к нему Насуада, — вы прежде не были знакомы, но позволь мне представить тебе Сагабатоно Инапашунна Фадавара, вождя племени Инапашунна. Это очень храбрый человек.

И далее, в течение по крайней мере часа, Эрагону пришлось терпеть нескончаемый поток представлений, поздравлений и вопросов, на которые он никак не мог ответить прямо, не раскрыв того, о чем лучше было бы помолчать. Все эти формальности и уловки страшно утомили его. Когда все гости, наконец, поздоровались с ним, Насуада попросила их удалиться, и они вереницей последовали к выходу из шатра. Но на этом официальная часть вовсе не кончилась. Насуада хлопнула в ладоши, и ее охранники впустили внутрь следующую группу, а затем, после того, как новые посетители «насладились» весьма сомнительными плодами беседы с Эрагоном, и третью. Эрагон все время улыбался, пожимал одну руку за другой, обменивался с гостями бессмысленными любезностями и тщетно пытался запомнить немыслимое количество имен и титулов, которые водопадом сыпались на него, однако же вполне светски исполнял ту роль, которая в данном случае была ему предписана. Он знал, что они почитают его не потому, что он их друг, а потому что в нем воплотилась возможность победы всех тех в Алагейзии, кто мечтает о ее освобождении, и потому что он — могущественный Всадник, и потому что только благодаря ему, Эрагону, им, возможно, удастся претворить в

жизнь свои давние надежды. В душе он просто выл от отчаяния, так ему хотелось вырваться, наконец, из удушающих оков этих «хороших манер» и куртуазной вежливости, взобраться Сапфире на спину и улететь куда-нибудь в спокойное место.

Единственное, что в этой бесконечной процедуре развлекало Эрагона, это как бесконечные посетители реагировали на двух ургалов, возвышавшихся позади трона Насуады. Кое-кто делал вид, что не замечает рогатых великанов — хотя, судя по суетливости движений и пронзительности голоса, становилось ясно, что эти существа до ужаса их нервируют; другие бросали на ургалов гневные взгляды и не выпускали из рук меч или кинжал; третьи же, проявляя ненужную браваду, изображали из себя храбрецов и силачей, но на фоне ургалов все же казались жалкими пигмеями. Лишь очень немногих действительно ничуть не тревожило присутствие «рогачей». Самой спокойной была, разумеется, Насуада, но почти так же вели себя и король Оррин, и Трианна, и какой-то граф, который еще мальчишкой стал свидетелем того, как Морзан и его дракон опустошили целый город.

Когда Эрагон почувствовал, что более не в силах выносить бесконечный поток посетителей и эту неумолчную бессмысленную болтовню, Сапфира раздула грудь и издала негромкое певучее рычание, такое густое, что задрожало зеркало на своей подставке. В шатре сразу стало тихо, как в гробнице. Рычание Сапфиры было не то чтобы уж очень угрожающим, однако оно привлекло всеобщее внимание, и всем стало ясно, что официальная процедура несколько затянулась и терпению дракона пришел конец. Никому из гостей почему-то не захотелось испытывать это терпение, и они, принося поспешные извинения, подхватили свои вещички и заторопились к выходу. А когда Сапфира слегка постучала когтями по земляному полу, выражая этим свое нетерпение, последних посетителей будто ветром сдуло.

Насуада с облегчением вздохнула, когда полог шатра наконец опустился за последним визитером, и от всей души поблагодарила Сапфиру:

— Ох, спасибо тебе! Мне очень жаль, что пришлось подвергнуть вас такому ужасному испытанию! Зато теперь уж я не сомневаюсь: ты, Эрагон, хорошо понял, какое исключительное положение занимаешь среди варденов. Я уже больше не могу держать тебя только при себе — теперь ты принадлежишь всем. Они требуют, чтобы и ты признал их и уделил им ту часть своего времени, которую они считают по праву своей. Ни ты, ни я, ни Оррин не можем отринуть желания толпы. Даже Гальбаторикс на своем мрачном троне в Урубаене опасается ее переменчивых настроений, хотя, возможно, и не признаётся в этом даже самому себе.

Как только гости ушли, король Оррин сбросил с себя торжественную личину, делавшую его похожим на предмет мебели, и его застывшее лицо сразу разгладилось, стало мягче, и на нем проявились весьма разнообразные и вполне человеческие чувства — облегчение, раздражение, любопытство. Расправляя плечи под пышными, чопорными одеждами, он посмотрел на Насуаду и сказал весьма надменным тоном:

— Вряд ли нам и далее требуется присутствие здесь этих Ночных Ястребов.

— Согласна. — Насуада хлопнула в ладоши, отпуская шестерых охранников, которые тут же вышли из шатра.

Подтащив свободное кресло поближе к Насуаде, король Оррин уселся, являя собой странную конструкцию из длинных вытянутых ног и клубящихся одежд, и сказал, глядя поочередно то на Эрагона, то на Арью:

— Итак, дай-ка нам полный отчет о своих деяниях, Эрагон Губитель Шейдов. Пока что я слышал лишь довольно невнятные объяснения тех причин, которые заставили тебя задержаться в Хелгринде, и у меня масса вопросов относительно всех этих недоговоренностей и уверток. Предупреждаю: я твердо намерен узнать правду, так что не пытайся скрыть, что именно случилось с тобой, пока ты находился на территории Империи. Пока я не буду удовлетворен твоими ответами, то есть пока ты не расскажешь мне все, что следует рассказать, никто из нас и шагу из этого шатра не сделает!

Насуада, разумеется, не замедлила вмешаться, и голос ее, надо сказать, звучал очень холодно:

— Ты слишком много берешь на себя, Оррин. Ты не имеешь права ни приказывать мне, ни удерживать меня на месте против моей воли; как, впрочем, и Эрагона, который является моим вассалом; как и Сапфиру; как и Арью, которая и вовсе не подвластна ни одному из смертных правителей и подчиняется лишь тому, кто могущественнее всех нас, вместе взятых. Разумеется, и мы не имеем права удерживать тебя. Мы пятеро столь же равны в правах, как и любые другие обитатели Алагейзии. И хорошо бы ты это запомнил.

Ответ Оррина прозвучал не менее твердо:

— Неужели я перешел границы своих суверенных прав? Ну что ж, возможно. Ты права: я не имею над вами власти. Однако же, если мы равны, я бы хотел все же увидеть свидетельства этого, а то, как ты со мной обращаешься, подтверждает обратное. Итак, Эрагон отвечает перед тобой и только тебе. Победив в Испытании Длинных Ножей, ты обрела власть над кочующими племенами, хотя многие из этих племен я всегда считал подчиняющимися только мне как верховному правителю. Ты командуешь, как хочешь, и варденами, и жителями Сурды, которые издавна являются подданными моей семьи. Да, ты, разумеется, проявляешь при этом незаурядную храбрость и решительность, однако...

— Но ты же сам просил меня командовать этой военной кампанией, — сказала Насуада. — Я не смещала тебя с твоего трона.

— О да, я просил, чтобы ты приняла на себя командование нашими разрозненными силами. И мне не стыдно признать, что у тебя гораздо больше опыта и успехов, чем у меня, в этой бесконечной войне. Наши общие планы и цели слишком дороги тебе, мне и любому из нас, чтобы проявлять излишнюю гордость и спесь. Однако же с тех пор, как ты стала предводительницей варденов, ты, похоже, забыла, что я все еще король Сурды, а корни нашей знаменитой семьи Лангфельд уходят в седую древность, во времена Танебранда Дарителя Кольца, который сменил на троне старого безумного Паланкара и первым из нашего рода занял трон в столице, ныне ставшей городом Урубаеном.

Учитывая все это — между прочим, дом Лангфельдов оказал тебе немалую помощь! — с твоей стороны просто оскорбительно игнорировать мои права и права моих придворных. Ты действуешь так, словно твое слово в данный момент решающее, а с мнениями остальных можно не считаться, их можно подмять под себя в гонке за главной целью, сколь бы возвышенна эта твоя цель ни была! Да, тебе повезло: значительная часть стремящихся к свободе людей выбрала тебя своей предводительницей. Ты ведешь переговоры, заключаешь союзы — например, с ургалами — по своей собственной инициативе и ожидаешь, что я и другие непременно подчинятся любому твоему решению. К тебе прибывают с визитами представители других государств и народов — так, например, недавно имел место визит Блёдхгарм-водхра, — но ты не затрудняешь себя даже тем, чтобы сообщить мне о прибытии этих посланцев, и никогда не ждешь, чтобы и я смог присоединиться к тебе и мы вместе, как равные, встретили их. А когда я имею смелость спросить, почему Эрагон — человек, само существование которого является причиной того, что я поставил на кон свое государство, ввязавшись в эту войну, человек, в высшей степени для нас важный, — самовольно решился подвергнуть опасности жизнь не только жителей Сурды, но и других народов, противостоящих Гальбаториксу, сунув нос в самое логово наших врагов, как ты мне отвечаешь, Насуада? Ты затыкаешь мне рот, словно я всего лишь любопытный и недалекий правитель, чересчур ревниво оберегающий свою власть, который какими-то детскими вопросами отвлекает тебя от более важных проблем. Ха! Я этого терпеть не стану, уверяю тебя. И если ты не в состоянии заставить себя хотя бы уважать мое достоинство и мой высокий статус, если ты не готова согласиться со справедливым разделением ответственности, как это и полагается между союзниками, то я вынужден сказать, что, по моему мнению, ты не годишься командовать столь серьезной коалицией и в первой же очередной конфронтации я стану оказывать тебе не поддержку, а упорное сопротивление.

«Какой, однако, длиннокрылый парень!» — с явным удовлетворением заметила Сапфира.

А Эрагон, весьма встревоженный тем направлением, которое начал приобретать этот разговор, спросил:

«Как бы мне избежать ответа на его вопрос? Я совершенно не собирался никому, кроме Насуады, рассказывать о Слоане. Чем меньше людей знает, что он жив, тем лучше».

Сине-зеленое, как морская вода, мерцание прошло по основанию черепа Сапфиры и по ее шее до самых плеч, когда краешки ее овальных чешуй чуть приподнялись над голубоватой кожей. Вставшая дыбом чешуя придала ей вид яростный и несколько заносчивый.

«Я ничего не могу тут посоветовать тебе, Эрагон. Ты должен сам решить, как лучше поступить. Слушай внимательно, что говорит тебе сердце, и, может быть, тебе станет ясно, как выпутаться из этой предательской ситуации».

В ответ на неожиданную вспышку гнева со стороны короля Оррина Насуада, стиснув руки, лежавшие на коленях — белые бинты странным пятном выделялись на зеленом фоне ее платья, — ровным спокойным голосом произнесла:

— Если я проявила неуважение к тебе, господин мой, то сделала это лишь по причине собственной торопливости и беспечности, но отнюдь не из желания как-то унизить тебя или твое древнее семейство. От всего сердца прошу тебя простить мне эти прегрешения. Обещаю: это более не повторится. Как ты справедливо заметил, я совсем недавно и довольно неожиданно для себя оказалась на столь высоком посту, и мне, безусловно, не хватает ни опыта, ни должного мастерства в ведении дел и официальных переговоров.

Оррин поклонился, холодно, но милостиво принимая извинения Насуады.

— Что же касается Эрагона, — продолжала она, — а также его действий на территории Империи, то я и не могла ничего сообщить тебе об этом, поскольку и сама ничего об этом не знала. К тому же мне, как ты и сам понимаешь, господин мой, совсем не хотелось широко оповещать своих подданных об отсутствии Эрагона.

— Да, разумеется.

— А потому я считаю, что наиболее быстрый способ излечить возникшее недовольство и разрешить этот конфликт между нами — дать возможность самому Эрагону изложить

основные события его путешествия, а затем должным образом рассмотреть и обсудить их.

— Само по себе это не является средством разрешения нашего конфликта, — заметил король Оррин. — Однако может способствовать восстановлению между нами нормальных отношений. Так или иначе, я с удовольствием послушаю Эрагона.

— Тогда давайте начнем, — сказала Насуада, — и постараемся поскорее покончить со всевозможными недомолвками и разногласиями. Итак, Эрагон, мы ждем.

И Эрагон, видя, с каким интересом смотрят на него Насуада, Оррин и все остальные, наконец решился. Подняв голову, он сказал:

— То, что я вам расскажу, я, вообще-то, хотел сохранить в глубокой тайне. Я понимаю, что не могу ожидать от вас, ваше величество, и от тебя, госпожа моя Насуада, клятвенного обещания молчать об услышанном до конца дней своих, но я прошу вас обоих действовать так, словно вы все же дали мне это обещание. Если сведения о том, что я расскажу, достигнут тех ушей, для которых они вовсе не предназначены, это может принести немало горя.

— Король недолго остается королем, если не умеет ценить молчание, — с достоинством промолвил Оррин.

И Эрагон без дальнейших проволочек рассказал обо всем, что происходило с ним в Хелгринде и в последующие дни. Затем Арья объяснила, каким образом ей удалось отыскать Эрагона, и прибавила к его рассказу кое-какие собственные наблюдения и факты. Когда оба рассказчика умолкли, в шатре довольно долго царила полная тишина. Оррин и Насуада были, казалось, погружены в глубокие раздумья, а Эрагон чувствовал себя мальчишкой, ожидающим от Гэрроу сурового наказания за очередную совершенную им глупость.

Через несколько минут Насуада, старательно разгладив руками платье на коленях, сказала:

— Король Оррин, возможно, придерживается иного мнения, и если это так, я надеюсь вскоре его услышать, но что касается меня, то я считаю, что ты поступил совершенно правильно, Эрагон.

— И мое мнение полностью совпадает с твоим, Насуада, — тут же заявил Оррин, удивив этим их всех.

— Вы оба так считаете?! — воскликнул Эрагон. Он немного помолчал и пояснил: — Не хочу показаться излишне дерзким, ибо я рад, что вы одобряете мой поступок, но я никак не ожидал, что вы столь благосклонно отнесетесь к моему решению пощадить Слоана. Могу ли я спросить, почему...

Король Оррин прервал его:

— Почему мы одобряем твой поступок? Нужно поддерживать власть закона. Если бы ты сам назначил себя палачом Слоана, ты взял бы на себя ту власть, которую среди варденов воплощаем мы с Насуадой. Ибо тот, кто имеет смелость или наглость решать, кому жить, а кому умереть, уже не служит общему для всех закону, а диктует свои собственные законы. И сколь бы доброжелательными ни были при этом твои устремления, это в любом случае плохо для наших подданных. Мы с Насуадой ответственны лишь перед одним повелителем, перед которым вынуждены преклонять колена даже короли — перед Ангвардом, великим правителем царства вечных сумерек, перед Серым Всадником на сером коне, перед Смертью. Мы можем быть самыми страшными тиранами в истории человечества, но придет время, и Ангвард непременно заставит любого, в том числе и нас, ему повиноваться. Но не тебя, Эрагон. Люди живут недолго, и нашей расой не должен править Бессмертный. Нам не нужен еще один Гальбаторикс. — Оррин издал какой-то странный смешок, и губы его исказились в отнюдь не веселой улыбке. — Ты меня понимаешь, Эрагон? Ты столь опасен, что мы вынуждены признавать эту опасность прямо перед тобой, и нам остается только надеяться, что ты — один из немногих, кто способен противостоять искушению властью.

Король Оррин сплел пальцы под подбородком и опустил глаза, словно изучая складки на своих одеждах.

— Я сказал больше, чем намеревался... Короче, по всем перечисленным причинам и по многим другим тоже я согласен с Насуадой. Ты был прав, когда остановил свою руку, обнаружив в Хелгринде этого Слоана. Сколь бы ни был некстати этот случай, он все же закончился бы куда хуже — в том

числе и для тебя самого, — если бы ты убил этого человека просто для того, чтобы доставить удовольствие себе, просто из мести, а не из самозащиты или необходимости защитить кого-то.

Насуада кивнула и промолвила:

— Хорошо сказано.

Все это Арья выслушала с абсолютно непроницаемым лицом, по которому совершенно невозможно было угадать, каковы ее собственные соображения на сей счет.

Оррин и Насуада продолжали между тем осаждать Эрагона многочисленными вопросами о том, какие клятвы заставил Слоана дать ему, а также об остальной части его путешествия по территории Империи. Этот допрос продолжался так долго, что Насуада велела принести в шатер легкую закуску — холодный сидр, фрукты, пирожки с мясом, а для Сапфиры еще и заднюю ногу бычка. Впрочем, если Насуада и Оррин вполне успевали перекусить между вопросами, то Эрагон все время был вынужден говорить, и ему, бедняге, удалось лишь раза два куснуть яблоко да промочить горло несколькими глотками сидра.

Через какое-то время король Оррин попрощался со всеми и удалился, желая проинспектировать состояние своей кавалерии. Арья тоже ушла вскоре после него, объяснив это тем, что ей нужно еще отчитаться перед королевой Имиладрис, а также, как она выразилась, «нагреть целую бочку воды, чтобы смыть с кожи песок и вернуть своим чертам привычную форму». Она сказала, что чувствует себя неполноценной «с закругленными ушами, дурацкими круглыми глазами и скулами не на том месте».

Оставшись в обществе Эрагона и Сапфиры, Насуада тяжко вздохнула и устало прислонилась виском к спинке трона. Эрагона просто потряс ее утомленный вид. Куда-то мгновенно исчезли прежняя живость и властная осанка, глаза потухли, руки бессильно легли на колени. Значит, догадался он, она просто притворяется более сильной, чем на самом деле, стараясь, во-первых, не искушать лишний раз своих врагов, а во-вторых, не подрывать свой авторитет среди варденов, показывая собственную слабость.

— Ты нездорова? — встревоженно спросил он.

Насуада кивнула и показала ему свои перебинтованные руки.

— Не то чтобы нездорова, но почему-то все это заживает куда медленнее, чем я предполагала... И порой довольно сильно болит.

— Если хочешь, я могу...

— Нет. Спасибо, но не надо. Не искушай меня. Одним из правил Испытания Длинных Ножей является требование, чтобы нанесенные тобой раны заживали сами, без помощи магии и даже без помощи лекаря. Иначе соперники не испытают в полной мере воздействия возвышающей боли.

— Но это же варварство!

Насуада слабо улыбнулась:

— Может, и варварство, но таковы законы кочевых племен, и уж теперь, когда осталось всего лишь немного потерпеть, я точно не сдамся.

— А что, если начнется нагноение или воспаление?

— Если оно начнется, то мне придется заплатить и эту цену. Что ж, это моя собственная ошибка. Но не думаю, что это произойдет, поскольку Анжела постоянно за мной присматривает. Она обладает поистине бездонным кладезем всяческой премудрости в том, что касается целебных растений. Я уже почти верю, что она может назвать истинное имя каждой из трав, произрастающих на обширных равнинах, простирающихся отсюда к востоку, даже если всего лишь вслепую коснется листьев этих растений.

Сапфира, которая до сих пор была настолько неподвижной, что, казалось, будто она уснула, вдруг разинула огромную пасть, зевнула — чуть не коснувшись пола и потолка шатра разинутыми челюстями — и помотала головой, отчего по стенам шатра заметались отблески света, отраженного ее чешуей.

Насуада тут же собралась с силами, выпрямилась и сказала:

— Ох, простите меня! Я понимаю, как это было утомительно. Но вы оба проявили огромное терпение, и я очень вам за это благодарна.

Эрагон опустился возле нее на колени и накрыл своей правой рукой ее руку.

— Тебе вовсе не нужно беспокоиться на мой счет, Насуада. Я знаю свои обязанности. Я никогда не стремился к власти, никогда не хотел никем править; это не моя судьба. И если когда-либо мне предложат возможность занять некий трон, я откажусь, но непременно позабочусь о том, чтобы этот трон достался тому, кто более, чем я, пригоден, чтобы возглавить страну.

— Ты хороший человек, Эрагон, — прошептала Насуада и крепко стиснула его руку в знак благодарности. Потом рассмеялась: — Однако с появлением тебя, Рорана и Муртага я, похоже, только и делаю, что беспокоюсь о членах вашего семейства.

Эрагона насторожило это замечание.

— Муртаг — не член моего семейства.

— Да, конечно. Прости. Но все же, по-моему, ты должен признать, что вы трое причинили на редкость много беспокойства как Империи, так и варденам.

— Видимо, таков уж наш особый дар! — пошутил Эрагон.

«Это у них в крови, — мысленно сказала Сапфира. — Куда бы они ни пошли, они тут же попадают в самые опасные переделки из всех возможных. — И она слегка толкнула Эрагона мордой в плечо. — Особенно вот этот. А чего же еще можно ожидать от людей из долины Паланкар? Все они — потомки короля-безумца».

— Но сами-то они не безумцы, — возразила Насуада. — По крайней мере, я их безумцами не считаю. Хотя порой действительно довольно трудно определить, в своем ли они уме. — Она рассмеялась. — Если тебя, Рорана и Муртага запереть в одной темнице, то я не уверена, кто из вас останется в живых.

Эрагон тоже рассмеялся:

— Роран. Он вовсе не намерен позволять такой мелочи, как смерть, вставать между ним и Катриной.

Улыбка на лице Насуады стала несколько натянутой.

— Да, полагаю, что он этого не допустит. — Несколько мгновений она молчала, затем вдруг воскликнула: — Боги, до чего же я эгоистична! День близится к концу, а я все еще

задерживаю вас и лишь потому, что мне захотелось еще несколько минут поболтать с вами!

— Но ведь и нам это доставляет удовольствие.

— Да, конечно, но все же существуют и более приятные места для дружеской беседы. После того, что тебе пришлось испытать, ты наверняка мечтаешь вымыться и как следует поесть, верно? Ты же, я полагаю, голоден как волк!

Эрагон посмотрел на яблоко, которое все еще держал в руке, и с сожалением понял, что было бы невежливо еще раз откусить от него, когда эта бесконечная аудиенция уже близится к концу.

Насуада перехватила его взгляд и сказала:

— Твое лицо говорит за тебя, Губитель Шейдов. У тебя сейчас вид, как у оголодавшего волка зимой. Что ж, не буду больше тебя терзать. Ступай, вымойся и приведи себя в порядок, а потом надень самую красивую свою котту, и я буду просто счастлива, если ты согласишься присоединиться ко мне за ужином. Хотя, как ты и сам, должно быть, понимаешь, ты не будешь там единственным гостем, ибо дела варденов требуют моего постоянного внимания даже во время трапезы, однако ты бы очень скрасил для меня этот ужин, если бы согласился прийти.

Эрагон подавил желание поморщиться при мысли о том, что еще несколько часов придется отражать устные атаки тех, кто хотел бы использовать его в своих собственных интересах или же просто удовлетворить свое любопытство относительно Всадников и драконов. И все же отказать Насуаде он был не в силах и с поклоном принял ее приглашение.

УЖИН С ДРУЗЬЯМИ

Эрагон и Сапфира оставили алый шатер Насуады и в сопровождении отряда эльфов, которые тут же их окружили, направились к той небольшой палатке, которую Эрагон занял сразу же после сражения на Пылающих Равнинах. Возле палатки его уже ждала целая бочка горячей воды, над которой вились кольца пара, просвеченные неярким закатным солнцем. Однако Эрагон не сразу бросился мыться, а, пригнувшись, нырнул в палатку.

Проверив, все ли его немногочисленное имущество в порядке после столь долгого отсутствия, Эрагон скинул с плеч мешок, осторожно вынул оттуда свои доспехи и спрятал под лежанку. Их нужно было еще как следует обтереть тряпицей и смазать маслом, но эти заботы Эрагон решил пока отложить. Затем он засунул руку еще глубже под лежанку, пока пальцы его не уперлись в тряпичную стенку и не нащупали возле нее какой-то длинный твердый предмет, довольно тяжелый и завернутый в грубую мешковину. Положив сверток себе на колени и развязав узлы, Эрагон принялся разматывать ткань.

Дюйм за дюймом стала видна потертая кожаная рукоять короткого, в полторы ладони длиной, меча Муртага. Обнажив полностью рукоять, гарду и часть сверкающего лезвия, Эрагон немного помедлил. На лезвии остались зазубрины после того, как Муртаг блокировал этим мечом удары, наносимые Зарроком.

Эрагон довольно долго сидел, уставившись на меч, и в душе его бушевала целая буря чувств. Он и сам не понимал, что побудило его тогда, через день после сражения, вернуться на плато и вытащить этот короткий меч из грязи, в которую швырнул его Муртаг. Даже после одной-единственной

ночи, проведенной в сырости, стальное лезвие покрылось пятнышками ржавчины, и лишь с помощью заклинания Эрагон остановил ее распространение. Возможно, именно потому, что Муртаг украл его собственный меч, Эрагон чувствовал себя обязанным взять меч Муртага как бы в обмен, словно этот обмен, неравный и вынужденный, способен был как-то приуменьшить его утрату. Возможно, впрочем, он сделал это и просто потому, что хотел сохранить некое напоминание об этой кровавой схватке. А может быть, что в душе его все же теплились еще некие дружеские чувства к Муртагу, теперь почти уснувшие, поскольку мрачные обстоятельства все же заставили их пойти друг против друга. И не имело значения, какое отвращение питал Эрагон к тому, во что превратился теперь Муртаг; он все же не мог ему не сочувствовать, не мог забыть те узы дружбы, что связывали их совсем еще недавно. У них с Муртагом была одна судьба. Если бы не случайность рождения, он, Эрагон, вырос бы в Урубаене, а Муртаг — в долине Паланкар, да и теперешнее их положение могло быть диаметрально противоположным. Их жизни оказались неразделимо переплетены друг с другом.

Глядя на серебристую сталь, Эрагон составлял заклинание, способное разгладить на лезвии малейшие шероховатости, убрать выбоины и зубцы на острие и восстановить крепость самого клинка. Однако его не оставляла мысль: а стоит ли это делать? Тот шрам, который оставил ему Дурза, он тоже долго сохранял как напоминание об их встрече, по крайней мере до тех пор, пока драконы не удалили этот безобразный рубец во время Агэти Блёдрен. Так, может, ему и эти «шрамы» на клинке стоит сохранить? Да и хорошо ли для него самого носить на бедре столь болезненное напоминание? И как воспримут это остальные вардены? Особенно если он вздумает пустить меч предателя в дело? Меч Заррок был даром Брома; Эрагон не мог отказаться принять этот меч, да и никогда не жалел, что сделал это. Однако сейчас ничто не могло заставить его признать своим какой-то безымянный клинок, лежавший у него на коленях.

«Мне нужен меч, — в который уже раз подумал он. — Но *не этот* меч».

Эрагон снова обмотал клинок мешковиной и сунул под лежанку. Затем, взяв чистую нижнюю рубаху и теплую нарядную котту, вышел из палатки и стал мыться.

Вымывшись и переодевшись в тонкую сорочку и вышитую эльфами котту, он отправился на встречу с Насуадой, назначенную ею возле палаток целителей. Сапфира предпочла лететь, сказав:

«Для меня на земле слишком тесно, слишком уж здесь много людей; и я все время спотыкаюсь о палатки. И потом, если я пойду рядом с тобой, вокруг нас опять соберется такая толпа, что вряд ли мы вообще сможем двигаться».

Насуада поджидала его возле трех флагштоков, с которых свисало с полдюжины праздничных флажков, казавшихся в холодеющем воздухе совершенно безжизненными. Она переоделась и теперь была в легком летнем платье цвета бледной соломы. Ее густые, как мох, волосы были уложены в высокую прихотливую прическу из всевозможных узлов и косичек. Все это сооружение удерживалось одной-единственной белой лентой.

Насуада улыбнулась Эрагону, и он улыбнулся ей в ответ, ускорив шаг. Подойдя ближе, он увидел, что его охранники смешались с ее охраной и Ночные Ястребы проявляют затаенную подозрительность, а эльфы ведут себя совершенно невозмутимо.

Насуада взяла его за руку, и, ведя приятную беседу, они двинулись сквозь море палаток. Над лагерем кружила Сапфира, которая была вполне довольна тем, что можно дождаться, пока они не дойдут до места назначения, и только тогда попытаться приземлиться. Эрагон и Насуада говорили о многом, но ни о чем особенно важном, однако ее сообразительность, живость и разумность в очередной раз совершенно очаровали его. Ему было легко говорить с ней и еще легче ее слушать, и уже одна эта легкость в общении заставила его понять, как же все-таки она дорога ему. Ее власть над ним значительно превосходила ту власть, какую сюзерен имеет над своим вассалом. И понимание того, сколь велико их единство, тоже было для него чем-то новым. Кроме тети Марианн, которую Эрагон едва помнил, он вырос в мире мужчин и мальчишек и никогда не имел возможности

дружить ни с одной женщиной. Отсутствие подобного опыта приводило к неуверенности, а эта неуверенность, в свою очередь, делала его неуклюжим и при общении с Арьей, и при общении с Насуадой. Но Насуада, похоже, ничего этого не замечала.

Она остановила его перед какой-то палаткой, которая как бы светилась изнутри благодаря множеству горящих там свечей; оттуда доносилось негромкое журчание голосов.

— Ну, — сказала Насуада, — сейчас нам опять предстоит нырнуть в болото политики. Приготовься.

Она откинула полог палатки, и Эрагон даже подскочил, когда целая толпа находившихся внутри людей взревела:

— Сюрприз!

Широкий стол, устроенный на козлах, занимал весь центр палатки. За этим столом сидели: Роран, Катрина и не менее двадцати бывших односельчан Эрагона из Карвахолла — включая Хорста и его семейство, — а также травница Анжела, Джоад, его жена Хелен и еще несколько человек, которых Эрагон не знал, но более всего они были похожи на моряков. Полдюжины детишек играли на полу возле стола; они, правда, тут же замерли и уставились на Насуаду и Эрагона, открыв рот и явно не в силах решить, кто же из этих двоих заслуживает большего внимания.

Эрагон улыбнулся, хотя и несколько растерянно. Но прежде чем он смог придумать, что бы ему сказать, Анжела подняла свой бокал и пронзительно крикнула:

— Ну что же ты? Нечего стоять там с разинутым ртом! Входи и садись. Я проголодалась!

Все засмеялись, а Насуада подтолкнула Эрагона к двум пустым сиденьям рядом с Рораном. Эрагон помог ей сесть и, когда она устроилась, спросил:

— Это что же, *ты* все устроила?

— Роран предложил пригласить тех, кого ты, возможно, захочешь видеть, но исходная идея действительно была моя. И я кое-что сама добавила к этому столу, как ты можешь видеть.

— Спасибо тебе, — смущенно поблагодарил ее Эрагон. — Спасибо тебе большое!

Он заметил Эльву, которая, скрестив ноги, сидела в дальнем левом углу палатки, держа на коленях тарелку с едой. Остальные дети ее явно избегали — собственно, Эрагон просто представить себе не мог, что у них с Эльвой может быть общего, — да и никто из взрослых, за исключением Анжелы, не чувствовал себя достаточно уютно в присутствии этой девочки-ведьмы. Она, эта маленькая узкоплечая девочка, долго и неотрывно смотрела на него из-под черных прядей волос своими ужасными фиолетовыми глазищами, а потом прошептала беззвучно что-то вроде:

«Приветствую тебя, Губитель Шейдов».

«Приветствую тебя, Ясновидящая», — одними губами ответил он ей. Бледные губы ее детского ротика раздвинулись в некоем подобии улыбки, которая могла бы быть очаровательной, если бы не два огромных глаза, что странным огнем освещали ее личико.

Эрагон вцепился в подлокотники своего кресла, когда стол вдруг закачался, тарелки на нем зазвенели, а стенки палатки захлопали, как от порыва ветра. Затем задняя стенка раздулась, раздвинулась, и Сапфира всунула внутрь свою огромную голову.

«Мясо! — заявила она. — Я чую запах мяса!»

В течение нескольких последовавших часов Эрагон наслаждался только обильным угощением, выпивкой и приятной компанией. Это было все равно что вернуться домой. Вино лилось рекой, и после того, как все пару раз осушили свои бокалы, жители Карвахолла, забыв о различиях между ними, обращались с Эрагоном уже по-свойски, что для него оказалось самым дорогим подарком. Не менее щедры они были и по отношению к Насуаде, хотя и воздерживались шутить на ее счет так, как порой подшучивали над Эрагоном. Бледный дым от горящих свечей наполнял палатку. Рядом с собой Эрагон слышал оглушительный хохот Рорана, а напротив еще более оглушительный смех Хорста. Бормоча какие-то заклинания, Анжела заставила плясать крошечного человечка, которого сотворила из хлебной крошки на радость всем присутствующим. Детишки постепенно преодолели свой страх перед Сапфирой и даже осмелились

подойти к ней и погладить по носу. А вскоре они уже карабкались ей на шею, висели на шипах и стучали по пятнышкам у нее над глазами. Эрагон только посмеивался, глядя на это. Джоад развлек всех, исполнив старинную песнь, которую выудил в какой-то древней книге. Тара ловко сплясала джигу. Насуада все время смеялась, откидывая голову назад, и зубы ее поблескивали. Эрагон по общей просьбе рассказал кое-что о своих приключениях, включая подробное описание своего бегства из Карвахолла вместе с Бромом, что вызвало у его слушателей особый интерес.

— Подумать только, — воскликнула, кутаясь в шаль, Гертруда, круглолицая знахарка из Карвахолла, — у нас в долине был свой дракон, а мы даже и не знали об этом! — И она извлекла откуда-то из рукава пару вязальных спиц и указала ими на Эрагона. — Подумать только, — снова воскликнула она, — ведь я лечила тебя и видела, что ляжки твои ободраны чуть ли не до кости после полета на Сапфире, но даже ничего не заподозрила! — Качая головой и прищелкивая языком, она вытащила клубок коричневой шерсти и принялась вязать со скоростью, которой можно достигнуть лишь после десятилетий практики.

Илейн первой покинула веселое застолье, пожаловавшись на усталость, связанную с последними неделями беременности; один из ее сыновей, Балдор, пошел ее провожать. Еще через полчаса Насуада тоже собралась уходить, объяснив это тем, что дела не позволяют ей задерживаться столько, сколько ей бы самой хотелось, но она желает всем здоровья и счастья и надеется, что все по-прежнему будут поддерживать ее в борьбе с Империей.

Выйдя из-за стола и уже стоя у входа, Насуада незаметно кивнула Эрагону, и он подошел к ней. Стараясь говорить так, чтобы ее не услышали сидевшие за столом, она сказала:

— Эрагон, я понимаю, тебе нужно время, чтобы прийти в себя после этого путешествия, и у тебя, безусловно, есть и свои собственные дела, а потому завтра и послезавтра ты можешь делать все, что сочтешь нужным. Но утром на третий день явись, пожалуйста, в мой красный шатер. Нам с тобой нужно обсудить твое будущее. У меня есть для тебя одно чрезвычайно важное поручение.

— Да, госпожа моя, — поклонился ей Эрагон. Затем сказал: — Ты ведь всегда держишь Эльву под рукой, куда бы ни направилась, верно?

— Да, она моя хранительница от любых бед, которые могут ускользнуть даже от верных Ночных Ястребов. А кроме того, ее способность угадывать то, что доставляет страдания людям, оказалась невероятно полезной. Ведь гораздо проще добиться сотрудничества с кем-то, если тебе известны все его потайные болевые точки.

— А ты готова отказаться от этого?

Она пронзительно на него глянула:

— Ты собираешься снять с Эльвы свое проклятие?

— Да, я хочу попытаться это сделать. Помнишь, я обещал ей, что непременно попробую освободить ее?

— Да, я помню; я при этом присутствовала. — Внимание Насуады на секунду отвлек грохот упавшего стула, затем она сказала: — Если ты выполнишь свое обещание, это может обернуться гибелью для всех нас. Эльва незаменима! Ни у кого больше нет такого умения. И помощь, которую она мне оказывает, как я не раз могла убедиться, стоит больше, чем целая гора золота. Я даже думаю порой, что из всех нас лишь она одна, возможно, способна победить Гальбаторикса. Она способна предвидеть любую его атаку, а твое заклятье подсказывает ей, как отвечать на эти атаки, и пока это не требует от нее принесения в жертву собственной жизни, она будет побеждать... Ради блага всех варденов, Эрагон, ради блага всех в Алагейзии откажись от своего намерения исцелить Эльву!

— Нет, — сказал он так сердито, словно выплюнул это слово, укусившее его за язык. — Я ни за что этого не сделаю. Это было бы нечестно, неправильно. Если мы силой заставим Эльву оставаться такой, какая она сейчас, она в итоге пойдет против нас же, а я бы очень не хотел иметь ее в качестве своего врага. — Он помолчал и, увидев, каким стало лицо Насуады, прибавил: — Кроме того, вполне возможно, мне еще ничего и не удастся. Остановить действие чар, когда заклинание было сформулировано столь невнятно... Это по меньшей мере сложно, Насуада. А как ты посмотришь, если я предложу тебе вот что...

— Что именно?

— Будь честна с Эльвой. Объясни ей, как много она значит для варденов, и спроси, не согласится ли она сама и впредь нести это свое бремя ради всех нас. Она, возможно, откажется; она имеет на это полное право, но если она откажется, то характер у нее совсем не тот, на какой мы могли и хотели бы в данном случае положиться. А если она твое предложение примет, то сделает это по своей собственной доброй воле.

Чуть нахмурившись, Насуада кивнула:

— Я завтра же поговорю с ней. Тебе бы тоже стоило при этом присутствовать, чтобы помочь мне убедить ее и снять свое проклятие, если убедить нам ее не удастся. Приходи ко мне в шатер через три часа после восхода солнца. — И с этими словами Насуада выскользнула наружу в освещенную факельным светом ночную тьму.

Значительно позже, когда свечи стали уже догорать и деревенские жители начали постепенно расходиться по домам, Роран крепко взял Эрагона за локоть и отвел в дальнюю часть палатки, поближе к Сапфире, чтобы никто не мог их услышать.

— То, что ты раньше рассказывал о Хелгринде, это и есть вся правда? — спросил он.

Эрагону казалось, что в руку ему вцепилась пара железных клещей, а не пальцы брата. Глаза Рорана смотрели твердо, но где-то в глубине их читалась боль и неожиданная уязвимость.

Эрагон выдержал его взгляд.

— Если ты доверяешь мне, Роран, то никогда больше не задавай подобных вопросов. Это тебе знать совершенно необязательно.

Но, уже говоря эти слова, Эрагон испытал глубокое чувство неловкости: ведь ему приходилось скрывать от Рорана и Катрины не только существование Слоана, но и то, что Слоан остался жив и отправился через всю Алагейзию в леса Дю Вельденвардена. Он понимал, что этот обман необходим, но все-таки лгать брату было неприятно. На мгновение ему даже захотелось все рассказать Рорану, но затем

он вспомнил, по каким причинам решил не делать этого, и прикусил язык.

Роран колебался; лицо его по-прежнему казалось встревоженным; затем, скрипнув зубами, он выпустил руку Эрагона и сказал:

— Я тебе верю. В конце концов, для этого ведь и существует семья, верно? Для доверия.

— Да, и еще для того, чтобы убивать друг друга.

Роран рассмеялся и потер пальцем кончик носа:

— И для этого тоже. — Он расправил свои мощные округлые плечи и невольно принялся массировать правое — эта привычка осталась у него еще с тех пор, как раззак укусил его. — У меня есть еще один вопрос.

— Да?

— Окажи мне... любезность. — Сухая усмешка тронула его губы, и он пожал плечами. — Я никогда не думал, что буду говорить с тобой об этом. Ты ведь моложе меня, ты едва достиг возраста взрослого мужчины, и ты мой двоюродный брат.

— О чем ты? Перестань ходить вокруг да около!

— Я говорю о нашей свадьбе с Катриной, — сказал Роран и вскинул голову. — Ты поженишь нас? Мне это было бы очень приятно, но я пока что ничего ей об этом не говорил, хотел сперва заручиться твоим согласием. Я знаю, что Катрина была бы не просто польщена, но и счастлива, если бы ты согласился сочетать нас браком.

Эрагон был настолько удивлен, что утратил дар речи. Наконец, заикаясь, он ухитрился выдавить из себя:

— Но почему я? — И тут же торопливо прибавил: — Я, конечно, с радостью сделаю это, но... почему все-таки именно я? Я уверен, что Насуада, например, тоже с радостью согласится вас повенчать... Или король Оррин, настоящий король! Да он с удовольствием возглавит эту церемонию, особенно если это поможет ему завоевать расположение варденов.

— Я хочу, чтобы это сделал ты, Эрагон, — сказал Роран и хлопнул его по плечу. — Ты — Всадник; кроме того, ты единственный мой кровный родственник, оставшийся в живых; Муртаг не считается. Я даже представить себе не могу

кого-то еще завязывающим священный узел на моем и ее запястье!

— Ну хорошо, я готов, — сказал Эрагон. И Роран так крепко его обнял, что у него перехватило дыхание. И как только брат ослабил свои медвежьи объятия, спросил: — А когда? У Насуады есть для меня какое-то поручение. Я пока не знаю, в чем там дело, но догадываюсь, что это займет у меня достаточно много времени. Так что... может быть, в начале следующего месяца, если события позволят?

Роран как-то сразу понурился и упрямо помотал головой, точно бычок, продирающийся сквозь колючий кустарник.

— А если послезавтра?

— Так быстро? А это не чересчур поспешно? Ведь и времени-то подготовиться почти не будет. Люди подумают, что так делать не годится.

Роран снова распрямил плечи, вены у него на руках надулись, так сильно он сжимал и разжимал пальцы.

— Тут дело такое... оно отлагательств не терпит. Если мы как можно быстрее не поженимся, у наших старух будет куда больше возможностей для сплетен, чем мое нетерпеливое желание поскорее сыграть свадьбу. Ты меня понимаешь?

Эрагон, правда, догадался не сразу, но, догадавшись, он уже не смог удержаться и ухмыльнулся во весь рот. «Роран-то собирается стать отцом!» — подумал он и, все еще улыбаясь, сказал:

— По-моему, понимаю. Ладно, тогда послезавтра. — И сердито заворчал, когда Роран снова по-медвежьи его обнял, поскольку, чтобы освободиться, ему пришлось долго колотить его по спине.

Выпустив его, Роран, улыбаясь, сказал:

— Ну, теперь я перед тобой в долгу. Спасибо тебе, брат. Пойду поделюсь этой чудесной новостью с Катриной. Обещаю, мы постараемся сделать все возможное, чтобы свадебный пир получился на славу. Я непременно сообщу тебе точное время, когда мы с ней все решим.

— Вот и отлично.

Роран уже двинулся в обратную сторону, когда вдруг резко повернулся и, раскинув руки в стороны, словно хотел обнять весь мир и прижать его к груди, вскричал:

— Эрагон! Я женюсь!

Эрагон со смехом махнул ему рукой:

— Да ступай уж, дурачина! Она ведь тебя ждет.

Как только за Рораном опустился полог палатки, Эрагон вскарабкался на спину Сапфире и тихо окликнул:

— Блёдхгарм? — Эльф бесшумно, как тень, выскользнул из тени на свет, и его желтые глаза вспыхнули, точно уголья. — Мы с Сапфирой немного полетаем. Встретимся возле моей палатки.

Блёдхгарм поклонился и сказал:

— Хорошо, Губитель Шейдов.

Затем Сапфира подняла свои могучие крылья, пробежала по земле шага три и, подпрыгнув, взлетела над рядами палаток, которые так и заколыхались от поднятого ею ветра. Сильно и часто махая крыльями, она поднималась все выше, и движения ее тела были столь мощными, что Эрагон даже ухватился за шип, торчавший у нее на загривке, чтобы не упасть. Сапфира по спирали поднималась над мерцавшими внизу огоньками, пока они не превратились в неясную светлую полоску на фоне темного пространства вокруг. И там, в темной выси и полной тишине, они словно поплыли между небом и землей.

Эрагон, устало склонив голову на теплую шею драконихи, любовался блистающей россыпью звезд.

«Отдохни, если хочешь, маленький брат, — сказала ему Сапфира. — Я не дам тебе упасть».

И он задремал и в сновидениях своих оказался за округлыми крепостными стенами какого-то города посреди бескрайней равнины, и по узким извилистым улочкам этого незнакомого города бродила маленькая девочка, которая пела какую-то знакомую, привязчивую мелодию...

А ночь все катилась к рассвету.

Скрещение судеб

Солнце только что взошло и Эрагон сидел на своей лежанке, смазывая маслом кольчугу, когда к нему в палатку вошел один из лучников и слезно попросил исцелить его жену, которая страдала от злокачественной опухоли. Хотя менее чем через час Эрагон должен был уже быть у Насуады, он все же согласился пойти с этим человеком к нему в палатку и обнаружил, что несчастная женщина сильно ослабела из-за мучившего ее недуга, так что ему потребовалось немало сил и все его умение, чтобы извлечь из ее тела зловредные щупальца рака. После этого на него, как всегда, навалилась страшная усталость, однако он все же был очень доволен, что ему удалось спасти женщину от долгой и мучительной смерти.

Сапфира уже ждала возле палатки лучника, и Эрагон несколько минут постоял возле нее, поглаживая драконихи по мощному основанию шеи. Сапфира, что-то мурлыча, слегка виляла своим длинным хвостом и всячески изгибала шею, подставляя Эрагону ее внутреннюю сторону, покрытую гладкой чешуей.

«Пока ты был занят, — сказала она ему, — приходили и другие просители, но Блёдхгарм и его компания поворотили их прочь, ибо их просьбы не были столь срочными».

«Вот как? — Эрагон почесал драконихи под одной из огромных нагрудных пластин, просунув туда пальцы. — Похоже, я начинаю соревноваться с Насуадой по числу посетителей».

«Что ты имеешь в виду?»

«В шестой день каждой недели с утра и до полудня она дает возможность каждому, кто этого хочет, пообщаться с ней, сообщить ей свою просьбу или изложить некие аргументы. Я мог бы делать то же самое».

«Мне нравится эта идея, — сказала Сапфира. — Только тебе придется быть осторожным и не тратить слишком много сил на исполнение чужих просьб. Мы должны быть готовы сразиться с Империей в любой момент». И она, громко мурлыча, еще сильнее выгнула шею под его пальцами.

«Мне нужен меч», — сказал Эрагон.

«Ну так раздобудь его!»

«Хм...»

Эрагон продолжал почесывать драконихе, пока она сама не отстранилась и не сказала:

«Ты опоздаешь к Насуаде, если не поторопишься».

Они вместе направились в центр лагеря, где находился шатер Насуады. Пройти нужно было с четверть мили, так что Сапфира просто шла рядом с Эрагоном, а не парила в облаках, как вчера.

Футах в ста от шатра они наткнулись на травницу Анжелу. Она стояла на коленях между двумя палатками, указывая на квадратный клочок кожи, разложенный на плоском камне, едва выступавшем из земли. На куске кожи лежала горсточка костей с палец длиной, на каждой из них был изображен некий символ, отличный от других: это были те самые косточки лап дракона, с помощью которых она некогда прочла будущее Эрагона.

Напротив Анжелы сидела высокая широкоплечая женщина; ее сильно загорелая кожа казалась обветренной и загрубевшей от непогоды; черные волосы были заплетены в тугую косу, змеей спускавшуюся по спине; лицо ее было еще довольно красивым, хотя вокруг рта годы уже оставили жесткие линии. Она была одета в красновато-коричневое платье, явно ей коротковатое; руки ее торчали из рукавов на добрых пару дюймов. Она обвязала каждое запястье лентой из темной материи, но на левой руке эта ленточка ослабла и сползла, так что Эрагон заметил на том месте, которое должна была прикрывать эта полоска ткани, множество страшноватых шрамов. Более всего они были похожи на те, что остаются, когда человек долгое время пребывает в кандалах. Видно, некогда эта женщина была взята в плен и пыталась освободиться — пыталась до тех пор, пока ее запястья не покрыли страшные раны почти до кости. Во всяком

случае, рубцы остались страшные. «Интересно, — подумал он, — за что ее бросили в темницу; была ли она преступницей или же невольно стала рабыней?» Он почувствовал, как тяжело становится у него на душе при одной мысли о том, что кто-то смог проявить подобную жестокость по отношению к пленнице, даже если она и вела себя вызывающе.

Рядом с женщиной стояла девочка-подросток с весьма серьезным лицом, едва вступавшая в чудесный период расцвета женской красоты. Вот только мускулы у нее на руках были развиты чрезмерно, словно она была ученицей кузнеца или фехтовальщика, что вряд ли можно было предположить, ибо девушка эта явно была еще слишком молода.

Анжела только что кончила говорить что-то женщине и ее спутнице, когда рядом с ними остановились Эрагон и Сапфира. Одним ловким движением курчавая ведьма смахнула гадальные кости с кожаного лоскута и спрятала где-то под своим желтым поясом. Затем, одарив Эрагона и Сапфиру ослепительной улыбкой, она воскликнула:

— Ах, у вас обоих поистине безупречное чувство времени! Похоже, вы всегда оказываетесь в нужном месте, как только веретено судьбы начинает вращаться.

— Веретено судьбы? — удивился Эрагон.

Анжела пожала плечами:

— А что? Так говорится. Вряд ли можно каждый раз даже от меня ожидать образцов красноречия. А кстати, — и Анжела указала на двух незнакомок, которые тоже встали и смущенно потупились, — Эрагон, не согласишься ли ты благословить их? Они пережили немало опасностей, да и впереди у них еще трудный путь. Уверена, они будут благодарны тебе за любую защиту, и уж тем более за благословение настоящего Всадника.

Эрагон явно колебался. Он знал, что Анжела редко раскидывает кости дракона для людей, которые к ней обращаются, — исключение составляют лишь те, с которыми соизволит заговорить ее кот Солембум. Подобные предсказания не имели ничего общего ни с фокусами, ни с волшебными трюками, но являлись самым настоящим актом ясновидения, действительно раскрывавшим тайны будущего. То, что Анжела согласилась сделать это для какой-то незнакомой

женщины с подозрительными шрамами на запястьях и девочки с мускулами опытного фехтовальщика, явно свидетельствовало о том, что они люди непростые, уже игравшие и намеренные впредь играть некую важную роль в судьбе Алагейзии. И, словно в подтверждение собственным мыслям, Эрагон заметил Солембума; кот-оборотень пребывал в своем обычном, кошачьем, обличье и, поводя большими ушами, украшенными кисточками, прятался за углом ближайшей палатки, наблюдая за происходящим загадочными желтыми глазами. И все же Эрагон продолжал колебаться; его мучили воспоминания о том, первом и последнем его благословении, когда он из-за плохого знания древнего языка искалечил жизнь невинного ребенка.

«Сапфира, а ты что об этом думаешь?» — спросил он мысленно.

Драконiха резко взмахнула хвостом:

«Не стоит так колебаться. Ты уже достаточно многое понял в результате своей первой ошибки и не повторишь ее. Так почему бы тебе не дать своего благословения тем, кому оно, по всей видимости, принесет пользу? Так благослови же их и на этот раз сделай все как следует».

— Как ваши имена? — спросил Эрагон.

— Не угодно ли тебе узнать, Губитель Шейдов, — сказала высокая черноволосая женщина с каким-то странным акцентом, природу которого он определить не сумел, — что имена обладают определенной силой, и мы бы предпочли, чтобы наши имена остались никому не известными.

Она говорила, слегка потупившись и глядя в сторону, однако голос ее звучал твердо и бесстрашно. А вот девочка даже слегка ахнула, словно ее потряс этот почти наглый ответ.

Эрагон кивнул, не выказав ни удивления, ни обиды, хотя сопротивление женщины еще больше подстегнуло его любопытство. Ему бы очень хотелось узнать их имена, однако это отнюдь не было необходимым для того, что он собирался сделать. Стянув с правой руки перчатку, он приложил ладонь к центру теплого лба женщины. Она вздрогнула от этого прикосновения, но ни на шаг не отступила. Ноздри ее раздувались, она поджала губы, точно подавляя

страдание, а между бровями у нее появилась напряженная складка. Эрагон чувствовал, что она вся дрожит, словно его прикосновение обжигает ее, и она с трудом сдерживается, чтобы не сбросить со лба его руку. Краем глаза Эрагон видел Блёдхгарма, который осторожно подбирался все ближе, готовый броситься на женщину, если та проявит хоть каплю враждебности.

Ее реакция несколько обескуражила Эрагона, и он, раскрыв свои мысли и полностью отдавшись на волю магии, произнес, вкладывая в свои слова всю силу древнего языка:

— Атра гулия ун илиан таутхр оно у натра оно вайзе сколиро фра раутхр. — Наполнив слова этого пожелания магической силой, словно слова заклинания, Эрагон постарался, чтобы они, как бы формируя ход событий, тем самым исправили, улучшили выпавшую этой женщине долю. Он был очень осторожен и ограничивал то количество энергии, которое вкладывал в благословение, в ином случае это заклинание стало бы вытягивать жизненные силы из него самого до тех пор, пока не поглотило бы их все, превратив его в пустой сосуд. Но, несмотря на все меры предосторожности, силы его уменьшились существенно больше, чем он ожидал. Перед глазами у Эрагона поплыла пелена, ноги стали ватными, колени подгибались, и казалось, он вот-вот упадет.

Впрочем, уже через несколько мгновений он пришел в себя.

И, испытывая огромное облегчение, снял ладонь со лба женщины; похоже, и она испытала примерно те же чувства, ибо отступила назад и стала растирать онемевшие от напряжения руки. На него она посматривала так, словно пыталась очистить себя от прикосновения чего-то в высшей степени неприятного.

Эрагон проделал то же самое и с ее спутницей, и лицо этой девочки-подростка словно раскрылось, когда он произнес заклинание, словно она способна была почувствовать, как эти магические слова становятся частью ее существа. Склонившись перед ним в благодарном реверансе, она сказала:

— Спасибо, Губитель Шейдов. Мы в долгу перед тобой. Я надеюсь, что тебе удастся одержать победу над Гальбаториксом и Империей.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда Сапфира вдруг всхрапнула и, змеей просунув голову между Эрагоном и Анжелой, воздвиглась над обеими женщинами. Затем, нагнувшись, дунула сперва в лицо старшей незнакомки, затем в лицо младшей, и Эрагон почувствовал, с какой силой она направила поток своей мысленной энергии в души этих женщин, — подобный напор мог бы сломать любую, даже самую мощную защиту. Видимо, Сапфира, как и Эрагон, сразу заметила, что у старшей, черноволосой женщины разум отлично вооружен. Драконiха сказала им:

«Доброй охоты вам, Дикие и Необузданные! И пусть под крылом у вас будет попутный ветер, пусть он несет вас, пусть солнце всегда светит вам в спину и пусть вам удастся настигнуть вашу добычу, пока она еще спит! А еще, о Волчьи Глаза, я очень надеюсь, что, когда вы отыщете того, из-за кого ваши лапы угодили в капканы, вы не станете торопиться, убивая его».

Обе женщины замерли, как изваяния, когда Сапфира начала свое мысленное напутствие, потом старшая, стукнув себя кулаком в грудь, сказала:

— Уж торопиться в этом случае я точно не стану, Прекрасная Охотница! — Затем она поклонилась Анжеле и сказала ей: — Учись наносить удар первой, Ясновидящая.

— Я постараюсь, Поющий Меч.

Затем черноволосая женщина и девочка развернулись и, не говоря ни слова, быстро пошли прочь; вскоре они пропали из виду, затерявшись среди одинаковых серых палаток.

«Но почему у них на лбу не осталось никаких отметин?» — спросил Эрагон у Сапфиры.

«Эльва была одна такая. Я не стану никого больше клеймить подобным образом. То, что случилось в Фартхен Дуре, это просто... случайность. Я шла на поводу у инстинкта. А более я ничего не могу тебе объяснить».

Когда они втроем уже шли к шатру Насуады, Эрагон глянул на Анжелу и спросил:

— Кто они?

Губы ее дрогнули, но она сказала лишь:

— Странницы. Идут своей дорогой.

— Это не ответ, — обиделся Эрагон.

— Не в моих обычаях выдавать чужие тайны, точно засахаренные орехи на праздник зимнего солнцестояния.

Эрагон некоторое время сердито молчал, потом все же не выдержал:

— Когда-то кто-то отказывается поделиться со мной сведениями, которые я хотел бы знать, это лишь прибавляет мне решимости непременно узнать правду. Я терпеть не могу чувствовать себя незнайкой. Для меня не получить ответа на заданный вопрос — все равно что чувствовать занозу в боку, которая причиняет мне боль при каждом движении, пока я ее не вытащу.

— Очень тебе сочувствую.

— Но почему?..

— Потому что если это так, то ты должен каждый день просыпаться, безмерно страдая от боли, ибо мир полон вопросов, на которые нет ответа.

В тридцати шагах от шатра Насуады им преградил путь отряд копьеносцев, строем проходивших через лагерь. Пока они ожидали возможности пойти дальше, Эрагон передернулся, как от озноба, и подышал на руки.

— Жаль, что у нас не хватило времени позавтракать, — сказал он.

Анжела, как всегда, не замедлила с ответом:

— Это ведь из-за магии, верно? Она из тебя все силы выпила.

Эрагон кивнул. Сунув руку в один из мешочков, свисавших у нее с пояса, Анжела извлекла оттуда твердый коричневый комок, покрытый блестящими льняными семечками:

— Вот возьми, это поможет тебе продержаться до обеда.

— Что это?

Но она продолжала настойчиво совать ему коричневый комок.

— Ешь. Тебе понравится. Можешь мне поверить. — Когда он взял маслянистый комок, она сжала его руку и немного задержала ее в своих, рассматривая мозоли высотой в полдюйма у него на косточках пальцев. — До чего же

умно ты это придумал! — сказала она. — Они столь же безобразны, как бородавки на жабе, но какая разница, если они помогут тебе не повреждать кожу, верно? Мне очень даже нравится. Неужели это гном Стальные Кулаки тебя надоумил?

— От тебя ничто не ускользнет, да? — усмехнулся Эрагон.

— Да пусть ускользнет. Меня заботят только те вещи, которые существуют в действительности.

Эрагон захлопал глазами, как всегда оказавшись в некоторой растерянности из-за ее словесных штучек.

Она постучала по одной из мозолей ногтем:

— Я бы и сама, пожалуй, такую штуку сделала, вот только за эти мозоли шерсть будет цепляться, когда я стану вязать или прясть.

— А разве ты сама ту шерсть прядешь, из которой вяжешь? — удивился Эрагон; ему казалось, что Анжеле просто некогда заниматься столь нудными обыденными делами.

— Естественно! Это чудесный способ отдохнуть и расслабиться. А кроме того, откуда бы еще я взяла свитер с чарами Двалара, помогающими от бешеных кроликов, и с вывязанными на груди письменами Лидуэн Кваэдхи? Или сетку для волос из разноцветной, желтой, зеленой и яркорозовой шерсти?

— Бешеные кролики...

Она тряхнула своей курчавой гривой:

— Ты бы удивился, если б узнал, сколько колдунов умерло после того, как их покусали бешеные кролики! Это куда опаснее и куда чаще случается, чем ты можешь себе представить.

Эрагон так и уставился на нее.

«Тебе не кажется, что она шутит?» — спросил он Сапфиру.

«А ты спроси у нее, вот и узнаешь».

«Так она же ответит очередной загадкой!»

Копьеносцы прошли, и Эрагон, Сапфира и Анжела продолжили свой путь к шатру Насуады — теперь уже в сопровождении Солембума, хотя Эрагон даже не заметил, когда этот кот к ним присоединился. Стараясь не ступать в «конские

яблоки», оставшиеся после недавно проехавшей кавалерии короля Оррина, Анжела сказала:

— Итак, скажи мне: помимо твоего сражения с раззаками, не случилось ли с тобой во время твоего путешествия в Империю чего-нибудь интересного? Ты же знаешь, до чего я люблю слушать рассказы о всяких интересных вещах!

Эрагон улыбнулся, думая о тех духах, которые посетили их с Арьей. Однако же ему совсем не хотелось обсуждать с Анжелой это явление, и он сказал:

— Раз уж ты спросила, то отвечу: да, со мной случилось довольно много интересного. Например, я встретился с отшельником по имени Тенга, который живет в руинах эльфийской башни. Он владеет самой удивительной библиотекой на свете. В ней имелось семь...

Анжела так внезапно остановилась, что Эрагон сделал еще шага три, прежде чем это заметил и повернул назад. Ведьма, казалось, остолбенела, словно он изо всей силы ударил ее по голове. Солембум тут же подбежал к Анжеле и стал тереться о ее ноги, поглядывая вверх. Наконец она, нервно облизнув губы, вымолвила:

— А ты... — Голос у нее сорвался, она прокашлялась и начала снова: — А ты уверен, что его звали Тенга.

— Ты с ним знакома?

Солембум зашипел, и шерсть у него на загривке тут же встала дыбом. Эрагон даже отошел от кота-оборотня подальше, не желая испытывать на себе остроту его когтей.

— Знакома с ним? — Анжела, горько рассмеявшись, подбоченилась и воскликнула: — Знакома?! Как же! Да я с ним не просто знакома! Я была его ученицей в течение... в общем, в течение многих весьма несчастливых лет.

Эрагон никогда не думал, что Анжела сможет так легко рассказать что-то о своем прошлом, и, страстно желая узнать что-нибудь еще, спросил:

— Когда же ты с ним познакомилась? И где?

— Давным-давно и очень далеко отсюда. Однако мы с ним плохо расстались, и я много-много лет его не видела. — Анжела нахмурилась. — Вообще-то я думала, что он уже умер.

Тут вмешалась Сапфира, мысленно сказав:

«Раз уж ты была ученицей Тенги, то, наверное, знаешь, на какой вопрос он пытается ответить?»

— Понятия не имею. У Тенги всегда был какой-нибудь вопрос, на который он искал ответа. Если ему это удавалось, он тут же находил новый вопрос, и так далее. Он, возможно, успел ответить уже на сотню различных вопросов с тех пор, как я видела его в последний раз, а может быть, по-прежнему скрежещет зубами, пытаясь решить ту головоломку, которую разгадывал, когда я от него ушла.

«И что это была за головоломка?» — спросила Сапфира.

— Влияют ли фазы Луны на количество и качество опалов, которые составляют основу Беорских гор? Во всяком случае, гномы считают, что это именно так.

— Но как же это можно доказать? — удивился Эрагон.

Анжела только плечами пожала:

— Если кто-то и сможет, то только Тенга. Он, может, и сумасшедший, но блеск его ума от этого ничуть не становится слабее.

«Этот человек пинает кошек ногами», — заявил Солембум, словно это давало возможность представить себе характер Тенги во всей его полноте.

И тут Анжела хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Довольно! Ешь свое лакомство, Эрагон, и давайте поспешим к Насуаде.

ВНОСЯ ПОПРАВКИ

— Вы опаздываете, — заметила Насуада, когда Эрагон и Анжела уселись на стулья, полукругом расставленные перед ее троном.

Там уже сидели Эльва и ее «нянька» Грета — старуха, которая тогда в Фартхен Дуре и попросила Эрагона благословить девочку. Как и в прошлый раз, Сапфира улеглась снаружи и просунула голову в специально устроенное для этого отверстие в задней стене шатра, чтобы иметь возможность участвовать в собрании. Солембум свернулся клубком возле ее головы. Казалось, он крепко спит, его выдавали лишь слабые подергивания хвоста.

Эрагон и Анжела извинились за опоздание, а затем он стал слушать, как Насуада объясняет Эльве, сколь ценны ее способности для всех варденов («Словно она сама этого не знает», — заметил Эрагон Сапфире), и просит ее освободить Эрагона от данного им обещания снять с нее чары столь неудачного благословения. Насуада сказала, что прекрасно понимает, сколь трудна ее просьба для Эльвы, но на кон поставлена судьба целой страны и разве не стоит это такой жертвы, как душевный покой одного-единственного человека, который благодаря своим особенностям может помочь спасти Алагейзию от злодея Гальбаторикса? Это была поистине великолепная речь: живая, страстная, полная аргументов, имевших целью пробудить в душе Эльвы самые благородные чувства.

Эльва, которая все это время сидела скорчившись и опустив свой остренький подбородок на стиснутые кулачки, вскинула голову и обронила коротко:

— Нет.

И никто из присутствующих не нашелся что ей возразить. Все молчали, глубоко потрясенные этим ответом.

А Эльва сперва долго смотрела на каждого по очереди своими немигающими глазищами, а затем пояснила:

— Эрагон и Анжела, вы оба знаете, что это такое — разделить мысли и чувства с умирающим человеком. Вы знаете, как это ужасно, как изматывает, как ты словно тоже умираешь, исчезаешь навсегда. Но это — когда умирает всего один человек. И, самое главное, ни один из вас не обязан испытывать подобные душевные страдания, если он сам этого не хочет, тогда как я... я выбора не имею: я обязана разделить эту муку с каждым умирающим. Я чувствую каждую смерть рядом с собой. Вот и сейчас, например, я ощущаю, как жизнь вытекает из тела Сефтона, одного из твоих лучших фехтовальщиков, Насуада, который был ранен на Пылающих Равнинах, и я знаю, какие слова я могла бы сказать ему, дабы они могли уменьшить его ужас перед неизбежной кончиной. Его страх столь велик, что он и меня заставляет дрожать! — И она с невнятным криком выбросила перед собой руки, словно пытаясь защититься от удара. Затем, помолчав, продолжила: — Ах, вот он и умер... Но есть и другие. Другие есть всегда. Вереница смертей никогда не кончается. — В голосе ее еще сильней послышалась горькая усмешка, столь странная для такой малышки. — Ты действительно понимаешь это, Насуада, госпожа Ночная Охотница? Ведь ты — Та, Что Станет Править Миром. Но действительно ли ты понимаешь это? Я невольно участвую во всех смертях, происходящих вокруг меня, во всех страданиях, как физических, так и душевных. Я ощущаю их с той же силой, как если бы страдала сама, и чары Эрагона заставляют меня облегчать страдания других независимо от того, какую цену мне приходится за это платить. А если я сопротивляюсь этому позыву, как делаю это в данный конкретный момент, мое собственное тело восстает против меня: в животе у меня точно бурлит кислота, голова раскалывается от боли, как если бы какой-то гном колотил по ней своим молотом, и мне трудно даже пошевелиться, а думать еще труднее. Так этого ты хочешь для меня, Насуада?

Денно и нощно я не имею избавления от боли всего мира. С тех пор как Эрагон «благословил» меня, я не знаю ничего, кроме боли и страха, я никогда не знала ни счастья,

ни радости. Светлая сторона жизни, те вещи, которые делают подобное существование переносимым, мне недоступны. Я их никогда не вижу. Я вижу одну лишь тьму. Я вижу только объединенные страдания и несчастья всех людей, мужчин, женщин, детей, на милю вокруг, и эти страдания налетают на меня, точно полночная буря. Это «благословение» лишило меня возможности быть такой, как все дети. Оно заставило мое тело созревать быстрее обычного, а мой разум созрел куда быстрее моего тела. Эрагон, может, и сумел бы избавить меня от этой ужасной способности, той необходимости чувствовать чужую боль, которая с этой способностью связана, но он не может вернуть меня к тому, чем я была, или к тому, чем мне следовало бы быть, не может — не разрушив того, чем я стала. Я — урод. Не ребенок и не взрослый человек. Я — существо, обреченное вечно быть изгоем. Я не слепа, как ты знаешь. Я вижу, как ты, Насуада, невольно ежишься, стоит мне открыть рот. — Эльва покачала головой. — Нет, ты просишь от меня слишком многого. Я ни за что не останусь такой ни ради тебя, Насуада, ни ради варденов, ни ради всей Алагейзии. И даже ради моей дорогой матери, если бы она была жива, я бы такой не осталась. Это не стоит таких мучений. Нет, ни за что на свете! Я могла бы уйти и жить одна, чтобы быть свободной от воздействия на меня других людей, но я не хочу жить так. Нет, единственное решение — это дать Эрагону возможность попытаться исправить совершенную им ошибку. — Губы Эльвы искривились в коварной и совсем недетской усмешке. — А если вы не согласны со мной, если вы думаете, что я просто глупа и эгоистична, ну что ж, тогда вам лучше помнить, что я, в общем, всего лишь младенец, которому и двух лет еще не исполнилось. Лишь глупцы могут ожидать от малолетнего дитяти, чтобы оно с готовностью принесло себя в жертву во имя высшего добра. Но, младенец я или нет, я уже приняла решение, и ничто из того, что вы можете мне сказать, меня не переубедит. Тут я крепка как сталь.

Насуада попыталась еще вразумить ее, но, как и обещала Эльва, это ни к чему не привело. В конце концов Насуада попросила Анжелу и Эрагона вмешаться. Анжела отказалась под тем предлогом, что она уже ничего не сможет

добавить к словам Насуады, но ей кажется, что Эльва уже сделала свой выбор, а потому следует дать ей возможность поступить так, как она того хочет сама, а не преследовать ее с шумными криками, как преследует коршуна стая соек. Эрагон придерживался примерно того же мнения, но все же сказал девочке:

— Эльва, я не могу советовать тебе, что ты должна или не должна делать, — это можешь определить только ты сама, — но все же не отвергай сразу просьбу Насуады. Она пытается всех нас спасти, и в борьбе с Гальбаториксом ей, безусловно, нужна наша поддержка, если мы вообще хотим обрести хоть какой-то шанс на победу. Будущее скрыто от меня, но я верю, что твоя способность могла бы стать идеальным оружием против Гальбаторикса. Ты могла бы предсказать, например, любую его атаку на нас. Ты могла бы в точности рассказать нам, как нам бороться с его чарами. И, самое главное, ты могла бы почувствовать, в чем именно уязвимость Гальбаторикса, в чем его наибольшая слабость и что мы могли бы сделать, дабы нанести ему ущерб.

— Тебе надо было бы *действовать более умело, Всадник,* если ты хочешь, чтобы я передумала!

— Но я вовсе не хочу, чтобы ты передумала, — сказал Эрагон. — Я хочу лишь убедиться, что ты хорошо обдумала принятое тобой решение и не высказала его чересчур поспешно.

Девочка шевельнулась, но не сказала ни слова.

И тут вмешалась Сапфира, спросив мысленно:

«Что у тебя на сердце, о Сияющее Чело?»

И Эльва ответила мягко и на этот раз без малейшего злорадства:

— Я уже высказала все, что у меня на сердце, Сапфира. И все прочие слова будут излишни.

Если Насуаду и привело в отчаяние упрямство Эльвы, она не позволила себе показать это, хотя лицо ее явно посуровело; впрочем, и разговор оказался весьма нелегким.

— Я никак не согласна с твоим выбором, Эльва, — сказала она, — но нам придется с ним смириться, ибо мы, очевидно, не в силах тебя поколебать. Полагаю, что не могу винить тебя, поскольку сама никогда не испытывала тех страданий,

которые ты испытываешь ежедневно, и если бы я оказалась в твоем положении, то, возможно, и сама поступила бы точно так же. А теперь, Эрагон, приступай, прошу тебя...

Повинуясь ей, Эрагон опустился перед Эльвой на колени. Сверкающие фиолетовые глаза юной ведьмы так и впились в него, когда он положил ее крошечные ручонки себе на ладони. Прикосновение ее обжигало — казалось, у девочки сильный жар.

— Ей ведь не будет больно, Губитель Шейдов? — спросила старая Грета дрожащим голосом.

— Не должно. Но наверняка я сказать не могу. Удаление чар куда более непредсказуемо, чем их наложение. Маги очень редко, почти никогда не пытаются сделать это — и прежде всего из-за возможных последствий.

Морщинистое лицо Греты исказилось от тревоги, и она ласково погладила девочку по голове, приговаривая:

— Ах, моя храбрая девочка! Ягодка моя! Ничего, смелее! — Она, похоже, не заметила, с каким раздражением глянула на нее Эльва.

Эрагон постарался не обращать внимания на старуху и сказал:

— Послушай меня, Эльва. Существует два различных способа нарушить наложенное заклятье. Один состоит в том, что маг, наложивший чары, открывает свою душу и его душевные силы как бы служат топливом для...

— Вот с этим у меня всегда возникали трудности, — встряла Анжела. — Я потому больше и полагаюсь на зелья и травы, чем на всякие заклинания.

— Если ты не возражаешь... — сердито прервал ее Эрагон.

Лицо Анжелы покрылось пятнами от смущения, и она сказала:

— Ох, извини! Продолжай, пожалуйста.

— Спасибо, — прорычал Эрагон. — Итак, один путь — это открыть свою душу. Этот способ предназначен для того мага...

— Или колдуньи, — вставила Анжела.

— Может быть, ты будешь так любезна, что дашь мне закончить?

— Извини.

Эрагон заметил, что Насуада с трудом подавила улыбку.

— В этом случае маг открывает себя для потока энергии, идущего из его души, и на древнем языке отрекается не только от слов своего предыдущего заклятья, но и от того намерения, которое за этим заклятьем стояло. Что, как можно себе представить, довольно трудно и не всегда выполнимо. И если у этого мага намерения снова окажутся неправильными, все может закончиться тем, что он лишь изменит первоначальное заклятье вместо того, чтобы его полностью отменить. И тогда ему придется отменять уже два переплетенных друг с другом заклятья, а не одно.

А второй способ заключается в том, чтобы произнести заклинание, напрямую воздействующее на первоначально наложенные чары. Оно не уничтожает первоначальное заклятье, а как бы его обезвреживает. Но только в том случае, если все сделано правильно. И я с твоего разрешения хотел бы воспользоваться именно этим способом.

— Весьма элегантным, надо сказать, — не удержалась от замечания Анжела. — Но объясни мне ради всего на свете, кто или что сможет обеспечить тот непрерывный поток энергии, который необходим при использовании подобного заклятья-противоядия? И наверняка ведь не только мне интересно было бы узнать, каковы будут последствия, если что-то при использовании этого способа пойдет не так?

Эрагон по-прежнему не сводил глаз с Эльвы.

— В данном случае необходимая магическая энергия должна исходить от тебя, — сказал он ей, по-прежнему сжимая ее руки. — Ее потребуется не так уж много, но все же ее расход несколько уменьшит запас твоих жизненных сил. После этого, например, ты никогда не сможешь ни пробежать так далеко, ни поднять такую же охапку дров, как это может человек, не испытывающий подобной нагрузки, ибо это заклятье в некотором смысле будет похоже на присосавшуюся к тебе пиявку.

— А почему ты не можешь дать мне эту энергию? — спросила Эльва, вопросительно изогнув бровь. — Ведь, в конце концов, именно ты виновен в том, что я оказалась в столь затруднительном положении.

— Я бы, конечно же, сделал это, но чем дальше я буду находиться от тебя, тем труднее мне будет посылать тебе необходимое количество энергии. А если я уеду совсем далеко, подобная попытка попросту убьет меня. Что же касается возможных осложнений, то единственный риск здесь заключается в том, что я могу неправильно произнести слова отменяющего заклинания, и тогда оно не сумеет полностью прекратить действие моего первого «благословения». Но не бойся: если это случится, я немедленно произнесу другое, отменяющее, заклинание.

— А если и его будет недостаточно?

Эрагон помолчал, потом ответил:

— В таком случае я всегда могу вернуться к первому способу, о котором уже говорил. Я бы, впрочем, предпочел избежать этого. Это единственный способ окончательно покончить с действием первого заклятья, но если уж при подобной попытке чему-то суждено будет пойти неправильно — а это, как ты понимаешь, всегда может случиться, — ты в итоге окажешься в куда худшем положении, чем сейчас.

Эльва кивнула:

— Да, я понимаю.

— Так что, ты даешь мне свое согласие? Я могу начинать?

Когда она снова кивнула, Эрагон набрал в грудь побольше воздуха и приготовился. Полностью сосредоточившись и даже отчасти прикрыв глаза, он стал медленно произносить слова древнего языка, и каждое из них падало с его языка, точно удар тяжелого молота. Он тщательно выговаривал каждый звук, особенно те из них, которые не были свойственны его родному языку, чтобы избежать даже малейшей возможности повторить свою первую, трагическую ошибку. Это отменяющее заклятье, казалось, было выжжено теперь в его памяти. Он ведь потратил немало часов на обратном пути из Хелгринда, чтобы составить это заклинание; он долго и мучительно над ним раздумывал, споря сам с собой и предлагая себе наиболее приемлемые варианты в ожидании того дня, когда наконец попытается искупить вину за то зло, которое причинил маленькой Эльве. Пока Эрагон произносил заклинание, Сапфира подпитывала его

своей жизненной силой, и он с благодарностью чувствовал ее поддержку, ее внимание, ее готовность вмешаться, если она почувствует, что он хотя бы капельку может исказить смысл заклятья. Отменяющее заклинание было очень длинным и очень сложным, ибо Эрагон старался учесть любую возможность неверной его интерпретации, которая была бы способна усугубить воздействие предыдущего «благословения». В результате прошло целых пять минут, прежде чем он произнес последнее предложение, последнее слово и последний звук.

И в последовавшей за этим тишине лицо Эльвы омрачилось разочарованием.

— Но я по-прежнему их чувствую! — сказала она.

Насуада встревоженно наклонилась к ней:

— Кого?

— Тебя, его, ее, всех, кто страдает от боли. Они никуда не делись! Та острая потребность немедленно помочь им исчезла, но их боль по-прежнему пронизывает меня насквозь.

— Что это, Эрагон? — спросила Насуада, еще сильнее наклоняясь над девочкой.

Он нахмурился:

— Я, должно быть, пропустил что-то. Дайте мне немного подумать, и я составлю другое заклинание, которое, возможно, доведет все до конца. Есть несколько других возможностей, которые я учитывал, однако... — Он умолк, встревоженный тем, что отменяющее заклятье не совершило того, на что он рассчитывал. Мало того, особое заклинание, воздействующее исключительно на ту, чужую, боль, которую Эльва постоянно испытывает, будет, конечно же, гораздо труднее, чем целиком отменить воздействие всего предыдущего заклятья. Одно неверное слово, одна плохо составленная фраза — и он может уничтожить всякую способность девочки сопереживать другим, может лишить ее способности когда-либо научиться мысленному общению, может даже уничтожить в ней способность чувствовать собственную боль, так что она даже не заметит, например, что ранена...

Эрагон как раз мысленно советовался с Сапфирой, когда Эльва вдруг громко сказала:

— Нет!

Он озадаченно посмотрел на нее.

От девочки, казалось, исходило некое экстатическое сияние. Ее округлые, точно жемчужины, зубки сверкали в улыбке, глаза сияли победоносной радостью.

— Нет, никаких попыток больше не предпринимай!

— Но, Эльва, почему бы...

— Потому что я не хочу, чтобы у меня отнимали силы, чтобы на меня накладывали еще какие-то чары. И, самое главное, потому что я поняла, что действительно могу не обращать на них никакого внимания! — Она вцепилась в подлокотники своего кресла, дрожа от возбуждения. — Да! Не испытывая потребности помогать каждому, кто испытывает страдания, я могу заставить себя отрешиться от этого, попросту не обращать на этих людей внимания. И мне от этого ничуть не становится хуже! Теперь я могу не слышать стонов человека, которому отрезали ногу, могу даже не взглянуть на ту женщину, что сильно обожгла себе руку. Я всех их могу полностью игнорировать, сама совершенно не страдая при этом! Я, правда, не могу сделать так, чтобы совсем не слышать их жалоб, во всяком случае пока, но все равно — великие боги! — какое же это огромное облегчение! Тишина. О благословенная тишина! Больше никаких жалоб на бесконечные раны, царапины, ушибы и переломы! Никаких треволнений и душевных мук, которые доводят легкомысленных юнцов до самоубийства! Никаких сопереживаний брошенным женам или мужьям-рогоносцам! Больше никаких, тысячекратно повторенных стонов раненых, которых так много на этой войне. И я больше не желаю испытывать тот леденящий душу ужас, с которым люди уходят в мир вечного мрака! — Эльва рассмеялась, хотя по щекам у нее катились слезы, и от этого хрипловатого, но вместе с тем мелодичного смеха у Эрагона волосы на голове встали дыбом.

«Но это же безумие! — мысленно обратилась к ней Сапфира. — Если ты действительно можешь все это выбросить из головы, то зачем оставаться в узах сверхчувствительности, все же позволяющей тебе слышать боль других? Ведь Эрагон, скорее всего, смог бы избавить тебя и от этого».

Глаза Эльвы страшновато сверкнули.

— Я все равно никогда уже не стану такой, как все нормальные люди. И если уж я должна быть не такой, как все, так позвольте мне сохранить то, что выделяет меня из общей массы. Пока я могу управлять этой своей способностью — а я, похоже, теперь это могу, — я ничего не имею против подобной ноши, ибо взваливаю ее себе на плечи сама, по собственному желанию, а не потому, что мне ее навязали с помощью магии, Эрагон. Ха! Отныне я не стану отвечать ни перед кем и ни перед чем. Если я помогу кому-то, то только потому, что сама этого захочу. Если я буду служить варденам, то только потому, что моя собственная совесть заставит меня сделать это, а не потому, что ты, Насуада, попросишь меня, и не потому, что меня вывернет наизнанку, если я этого не сделаю. Я буду поступать только так, как нравится мне, и горе тому, кто попытается мне воспрепятствовать, ибо я знаю все страхи людей и не замедлю сыграть на них, дабы исполнить любые свои желания!

— Эльва! — воскликнула Грета. — Не говори таких ужасных вещей! Ты же этого не думаешь!

Девочка так резко повернулась к ней, что волосы ее, разлетевшись веером, упали ей на лицо.

— Ах да, о тебе-то я и позабыла, моя служанка. Вечно преданная. Вечно суетящаяся. Я благодарна тебе за то, что ты взяла меня к себе, когда умерла моя мать; благодарна за ту заботу, которой ты меня окружала в Фартхен Дуре и потом, но теперь мне твоя помощь больше не требуется. Я стану жить одна, буду поступать так, как мне хочется, и никогда ни к кому не стану привязываться.

Старуха испуганно прикрыла рот рукавом и, сгорбившись, поспешно отступила от нее.

Слова Эльвы донельзя возмутили Эрагона. Он решил, что не может позволить ей сохранить эту свою способность, если она намерена неправильно, а может, и во зло ею пользоваться. С помощью Сапфиры, ибо та была полностью с ним согласна, он выбрал наиболее действенное из тех новых заклинаний, которые составил в последнее время, и уже открыл было рот, чтобы начать произносить его, когда Эльва змеей метнулась к нему и закрыла ему рот ладошкой, не давая говорить.

Шатер вздрогнул, когда Сапфира взревела, чуть не оглушив Эрагона, обладавшего теперь сверхъестественным слухом. Все сразу заговорили, завертелись, кроме Эльвы, которая так и не отняла от уст Эрагона свою ладошку, хотя Сапфира и велела ей довольно сердито: «А ну, цыпленок, немедленно отпусти его!»

Привлеченные ревом Сапфиры, шестеро охранников Насуады ворвались в шатер, размахивая оружием, а Блёдхгарм и остальные эльфы подбежали к Сапфире и встали по обе стороны от нее, еще сильнее приподняв заднюю стенку шатра. Насуада махнула рукой, и Ночные Ястребы тут же опустили оружие, но эльфы остались в прежней боевой позиции. Их клинки посверкивали, как лед.

Однако Эльву, похоже, ничуть не смутили ни суматоха, которую вызвал ее поступок, ни мечи охранников. Она, склонив голову набок, смотрела на Эрагона с таким видом, словно это некая необычная разновидность жука, которого она случайно обнаружила ползущим по краю ее стула, затем улыбнулась с таким милым и невинным видом, что Эрагон даже подивился, как это он мог не доверять ей, и сказала прямо-таки медовым голоском:

— Эрагон, прекрати это. Если ты произнесешь заклятье, ты причинишь мне такой же вред, какой уже когда-то принес. Ты же этого не хочешь, правда? Не хочешь каждую ночь, ложась спать, думать обо мне? Не хочешь, чтобы память о том зле, которое ты мне причинил, без конца мучила тебя? То, что ты собирался сделать сейчас, было злом, Эрагон. Неужели ты мнишь себя верховным судией в этом мире? Неужели ты вынесешь мне столь страшный приговор — хоть я ничего дурного и не делаю — только потому, что я тебе не нравлюсь? Неужели и ты испытываешь то отвратительное наслаждение, командуя другими и для собственного удовольствия меняя их судьбу, которое столь свойственно Гальбаториксу?

И Эльва убрала руку от губ Эрагона. Но он был настолько потрясен и встревожен, что даже пошевелиться не мог. Она нанесла ему удар в самое сердце, и у него не находилось аргументов в свою защиту, ибо ее вопросы и рассуждения были в точности такими же, какие приходили на ум и ему

самому. И то, как хорошо она его понимала, приводило его в такой ужас, что у него мурашки поползли по спине.

— Я также благодарна тебе, Эрагон, за то, что ты сегодня пришел сюда и исправил свою ошибку, — вновь заговорила Эльва. — Не всякий способен столь открыто признать свои ошибки и попытаться их исправить. Однако сегодня ты не заслужил ни моего восхищения, ни моего особого расположения. Ты выровнял чаши весов, насколько смог, но это всего лишь то, что и следовало сделать любому честному человеку, окажись он на твоем месте. Ты ничуть не компенсировал мне те страдания, которые я уже вынесла, да и не можешь этого сделать. Так что, когда наши пути с тобой еще раз пересекутся, Эрагон, Губитель Шейдов, не считай меня ни своим другом, ни своим врагом. У меня к тебе двойственное отношение, Всадник: я столь же готова ненавидеть тебя, сколь и любить тебя всем сердцем. И что из этого получится, решать только тебе... Сапфира, ты подарила мне звезду на лоб и всегда была добра ко мне, а потому я была и навсегда останусь *твоей верной служанкой.*

Гордо вскинув голову, чтобы казаться выше своих трех с половиной футов, Эльва окинула взглядом шатер и сказала:

— Прощайте, Эрагон, Сапфира, Насуада... Анжела. — С этими словами она решительно двинулась к выходу. И Ночные Ястребы расступились, давая ей пройти. А Эрагон воскликнул в глубокой тревоге:

— Что же за чудовище я создал?

Оба ургала поспешно коснулись при этом кончиков своих рогов, что должно было отвратить от них зло, и Эрагон, повернувшись к Насуаде, сказал:

— Прости. Похоже, я сделал все только хуже и для тебя, и для всех нас.

Спокойная, точно горное озеро, Насуада неторопливо поправила свои одежды и промолвила в ответ:

— Ничего. Игра приняла несколько более сложный оборот, только и всего. Этого и следовало ожидать. Посмотрим, как будут развиваться события, когда мы подберемся поближе к цитадели Гальбаторикса в Урубаене.

И тут Эрагон, услышав звук летящего прямо в него предмета, поспешно пригнулся. Но, как он ни был быстр, все же

не успел избежать болезненного удара по лицу, от которого пошатнулся и вынужден был сесть. Заслонившись левой рукой от второго возможного удара, правой он выхватил из-за пояса охотничий нож и тут, к своему удивлению, увидел, что этот удар нанесла ему Анжела. Эльфы уже окружили прорицательницу, готовые в любую секунду схватить ее и по первому слову Эрагона вывести из шатра. Солембум, разумеется, сразу оказался возле своей хозяйки; он прижался к ее ногам, выставив когти и оскалив клыки; шерсть у кота стояла дыбом.

Но в эту минуту Эрагону было не до эльфов. Во все глаза глядя на Анжелу, он воскликнул:

— Зачем ты это сделала? — И тут же поморщился: из разбитой нижней губы снова потекла кровь, и рот сразу наполнился ее противным, металлическим вкусом.

Анжела тряхнула головой:

— Теперь мне придется потратить ближайшие десять лет на то, чтобы научить Эльву вести себя! А это *совсем не то*, чему *я* намеревалась посвятить эти годы!

— Учить ее? — изумился Эрагон. — Как же, позволит она тебе ее учить! Она заткнет тебе рот с той же легкостью, с какой заткнула его мне!

— Хм... Вряд ли. Она же не знает, что меня беспокоит, как не знает и того, что сейчас или в ближайшее время могло бы заставить меня страдать. Я об этом позаботилась еще в тот день, когда мы с ней впервые встретились.

— Так, может, ты поделишься с нами, как тебе это удалось? Ты воспользовалась каким-то заклинанием? — спросила Насуада. — После того как все обернулось, по-моему, нам было бы весьма полезно иметь какие-то меры защиты и от Эльвы.

— Нет, вряд ли я когда-либо это сделаю, — отрезала Анжела и не менее решительно, чем Эльва, направилась к выходу. Солембум, изящно помахивая пушистым задранным хвостом, последовал за нею.

Эльфы убрали мечи в ножны и отошли от шатра на подобающее расстояние.

Насуада потерла виски и сердито буркнула:

— Магия, черт бы ее побрал!

— Да, это магия, — печально согласился Эрагон.

И оба вздрогнули, когда Грета вдруг рухнула на землю и принялась с плачем кататься посреди шатра, выдергивая прядки жалких волос, царапая себе лицо и разрывая платье:

— Ах, бедная моя малышка! Потеряла я своего ягненочка! Потеряла! Что-то с ней будет, такой одинокой? О горе мне! Мой маленький цветочек меня отверг! Какая позорная награда за все, что я для нее сделала! А ведь я гнула на нее спину, точно рабыня. Какой жестокий, какой страшный мир! Вечно он крадет у тебя последние крохи счастья! — Она застонала. — Вишенка моя! Розочка моя! Моя сладкая горошинка! Ушла! И некому будет присмотреть за ней... Губитель Шейдов! Ты за нею присмотришь?

Эрагон схватил Грету за руку и помог *ей встать*, *утешая* старуху и заверяя ее, что и он, и Сапфира глаз с Эльвы не спустят.

«Если только, — услышал он голос Сапфиры, — она и нам не попытается нож под ребра *сунуть*».

ЗОЛОТО В ДАР

Эрагон стоял рядом с Сапфирой шагах в двадцати пяти от красного шатра Насуады, испытывая огромное облегчение от того, что мучительная история с Эльвой так или иначе закончилась. Но, посмотрев в чистое лазурное небо, он устало понурился: за это утро успело уже произойти столько, что у него почти не осталось сил. Сапфира собиралась слетать к реке Джиет и выкупаться в ее глубоких медлительных водах, а Эрагон все никак не мог определить, что ему сделать в первую очередь. Нужно было непременно привести в порядок доспехи, приготовиться к свадьбе Рорана и Катрины, посетить Джоада, выбрать себе подходящий меч в оружейной, а также... Эрагон задумчиво поскреб подбородок.

«Тебя долго не будет?» — мысленно спросил он Сапфиру.

Сапфира развернула крылья, готовясь взлететь. «Несколько часов. Я голодна. Искупаюсь и сразу займусь охотой; я уже приметила парочку весьма упитанных оленей на западном берегу реки. Впрочем, вардены поохотились тут на славу, так что мне, возможно, придется пролететь с полдюжины лиг в сторону Спайна, прежде чем я найду дичь, достойную охоты».

«Не забирайся слишком далеко, — предупредил он ее, — не то встретишься с кем-нибудь из приятелей Гальбаторикса».

«Не буду, но если случайно наткнусь на отряд его воинов... — она облизнулась, — то с удовольствием предприму короткий бой. Кроме того, у человечины вкус почти такой же, как у оленины».

«Сапфира, не смей!»

Глаза драконихи сверкнули.

«Может, я и не стану на них нападать. А может, и стану. В зависимости от того, вооружены ли они. Терпеть не могу прокусывать металлические доспехи, да и выковыривать пищу из такой скорлупы приятного мало».

«Понятно. — Эрагон глянул в сторону ближайшего к ним эльфа, высокой женщины с серебристыми волосами. — Эльфы будут недовольны, если ты улетишь одна. Может, возьмешь парочку себе на спину? Иначе им за тобой не угнаться».

«Не сегодня. Сегодня я желаю поохотиться в полном одиночестве! — С шумом взмахнув крыльями, Сапфира взлетела, плавно развернулась в поднебесье и полетела на запад, в сторону реки Джиет. Теперь ее голос в ушах Эрагона звучал слабее, однако он вполне расслышал: — Когда я вернусь, мы полетим вместе, хорошо, маленький брат?»

«Да, когда ты вернешься, мы полетим вместе и только вдвоем».

То, с каким удовольствием она это предложила, заставило его улыбнуться, и он еще долго смотрел, как она стрелой мчится к западу. Однако вскоре ему пришлось опустить глаза: к нему подбежал Блёдхгарм, бесшумный и гибкий, как лесной кот. Эльф спросил, куда это направляется Сапфира, и был явно недоволен объяснениями Эрагона, но если у него и были какие-то возражения, он оставил их при себе.

— Правильно, — сказал себе Эрагон, когда Блёдхгарм вернулся к остальным эльфам. — Сперва самое важное.

И широкими шагами направился через лагерь, пока не нашел просторную площадь, где около тридцати варденов упражнялись с самыми различными видами оружия. К его огромному облегчению, они были слишком увлечены тренировкой, чтобы заметить его присутствие. Присев на корточки, он положил правую руку ладонью вверх на утоптанную землю и выбрал слова древнего языка, которые ему понадобятся при произнесении заклинания. Затем тихо пробормотал:

— Кулдр, рийза лам йет ун малтхинае унин бёллр.

Земля под его рукой, казалось, ничуть не изменилась, хотя он-то чувствовал, как заклятье проникает вглубь на сотни футов во всех направлениях. Не более чем секунд через

пять поверхность земли закипела, точно вода в котелке, забытом на огне, и из нее стало исходить ярко-желтое свечение. Эрагон научился у Оромиса тому, что, куда бы ты ни пошел, всюду в земле почти наверняка имеются мельчайшие частицы абсолютно всех веществ; и даже если они там находятся в слишком малом количестве, чтобы их можно было добывать привычным шахтерским способом, знающий маг может, в общем — хотя и затратив весьма значительные усилия, — извлечь их.

В центре желтого пятна вскоре взвился фонтанчик сверкающих искр, которые так и посыпались к Эрагону на ладонь, где каждая такая искорка сразу же как бы сливалась с соседней; в итоге у него на ладони оказалось три шарика чистого золота размером с лесной орех.

«Летта», — сказал Эрагон и остановил поток магической энергии. Затем, опираясь на пятки и обхватив себя руками, немного передохнул, поскольку на него тут же волной накатила усталость. Голова его склонилась на грудь, веки опустились, перед глазами все поплыло. Глубоко вздохнув, он с восхищением любовался идеально гладкими золотыми шариками, лежавшими у него на ладони, и ожидал, когда к нему вернутся силы. «Какие красивые, — думал он. — Если б я мог делать такое, когда мы жили в долине Паланкар!.. Хотя, пожалуй, проще было бы, наверное, копать землю, чтобы добыть это золото. Произнес одно-единственное заклинание, а сил оно у меня отняло столько же, как когда я Слоана с вершины Хелгринда тащил!»

Он сунул золотые шарики в карман и пошел в обратный путь через лагерь. Отыскав поварскую палатку, он заглянул туда и от души подкрепился, что было ему совершенно необходимо после стольких трудов, а затем направился в ту сторону, где проживали его односельчане из Карвахолла. Еще издали он услышал звонкие удары металла по металлу и пошел на этот знакомый звук.

Обойдя три фургона, совершенно перегородивших проход, Эрагон увидел Хорста, который стоял возле наковальни, держа в руках конец стального бруса футов пять длиной. Второй конец бруса, раскаленный докрасна, лежал на двухсотфунтовой наковальне с опорой в виде низкого

массивного пня. По обе стороны от наковальни стояли могучие сыновья Хорста, Олбрих и Балдер, и попеременно ударяли по стальному брусу молотами, которые так и взлетали у них над головой, точно маятник часов. В нескольких футах от них пылал «передвижной» горн.

Стук молотов был таким громким, что Эрагон держался на расстоянии, пока Олбрих и Балдер не закончили плющить сталь. Затем Хорст вернул балку в горн и, приветственно махнув Эрагону рукой, поздоровался с ним и вытащил из левого уха затычку из плотной шерсти.

— Ну вот, теперь я снова могу слышать. Каким это ветром тебя к нам принесло, Эрагон?

Его сыновья тем временем принялись подбрасывать в огонь угля, а затем разложили как надо всевозможные молотки, клещи, щипцы и прочие инструменты, валявшиеся на земле. Все трое прямо-таки лоснились от пота.

— Мне хотелось узнать, что это тут за шум, — сказал Эрагон. — Надо было, конечно, догадаться, что это ты. Больше никто не способен поднять такой грохот, кроме одного замечательного кузнеца из Карвахолла.

Хорст рассмеялся, и его густая окладистая борода задралась кверху.

— Ну что ж, мне действительно есть чем гордиться. Да и сам ты разве не гордость Карвахолла?

— Нам всем есть чем гордиться, — сказал Эрагон. — Тебе, мне, Рорану и всем остальным нашим землякам. Алагейзия уже никогда не будет прежней, если с нами покончить. — Он указал на горн и прочее оборудование и спросил: — А почему ты здесь? Я думал, что все кузнецы...

— Так и есть, Эрагон. Они все там. Однако же я убедил нашего капитана, и он позволил мне работать поближе к нашей палатке. — Хорст подергал себя за бороду. — Это из-за Илейн, знаешь ли. Ей этот ребенок трудно дается, и ничего удивительного, если учесть, через что мы прошли, пока добрались сюда. Она ведь и всегда была хрупкой, а теперь я беспокоюсь, что... в общем... — Он замахал руками, точно медведь, отгоняющий мух. — Может, ты как-нибудь заглянул бы к ней, когда у тебя будет время? Посмотрел бы, нельзя ли ей капельку помочь, а?

— Обязательно, — пообещал Эрагон.

Что-то удовлетворенно проворчав, Хорст приподнял раскаленный брус над горном, изучая цвет раскаленной стали. Затем, снова опустив его в самый жар, мотнул бородой в сторону Олбриха:

— А теперь немного подкачай мехи, сынок. Сталь уже почти готова. — Олбрих принялся качать кожаные мехи, а Хорст улыбнулся Эрагону и сказал: — Когда я сказал варденам, что я кузнец, они были так счастливы, словно я еще один Всадник. У них тут явно не хватало людей, которые по металлу работать умеют. И они дали мне весь недостающий инструмент, в том числе и эту наковальню. Когда мы уходили из Карвахолла, я просто плакал при мысли о том, что мне больше уж, видно, не доведется применить свое мастерство. Я, конечно, оружие-то не так хорошо делать умею, но здесь хватит работы и для меня, и для Олбриха с Балдором еще лет на пятьдесят. Тут, правда, много не заработаешь, но и на вонючих подстилках в темнице Гальбаторикса мы не валяемся.

— И раззаки наши косточки не обгладывают! — вставил Балдор.

— Да уж. — Хорст жестом велел сыновьям вновь взяться за отбойные молотки, а сам, уже поднеся шерстяную затычку к левому уху, спросил: — Тебе что-то еще было от нас нужно, Эрагон? Сталь готова, я не могу дольше оставлять ее на огне, не то она ослабнет.

— Ты не знаешь, где Гедрик?

— Гедрик? — Складка между бровями Хорста стала еще глубже. — Так он, наверное, на лугу; тренируется в фехтовании и метании копья. Это вон там, отсюда с четверть мили будет. — И Хорст большим пальцем указал Эрагону, куда нужно идти.

Эрагон поблагодарил его и двинулся в том направлении. Перестук молотов по наковальне тут же возобновился, чистый, как удары колокола, и пронзительный, точно перезвон стеклянных игл. Эрагон заткнул на мгновение уши и улыбнулся. На душе у него было приятно и спокойно; он был рад, что Хорст сохранил и свою силу, и свое мастерство и, несмотря на потерю дома и благосостояния, остался таким

же, каким Эрагон знал его в Карвахолле. Отчего-то надежность и спокойная сила кузнеца возродили в душе Эрагона веру в то, что им все же удастся свергнуть Гальбаторикса и вообще все у них в конце концов будет хорошо, а жизнь — и жителей Карвахолла, и его собственная — войдет наконец в нормальное русло.

Добравшись до поля, где вардены занимались фехтованием, Эрагон отыскал там Гедрика, который упражнялся в ведении боя вместе с Фиском, Дармменом и Морном, и попросил однорукого ветерана, руководившего занятиями, чтобы Гедрика ненадолго отпустили.

Гедрик, бывший дубильщик кож из Карвахолла, стоял перед Эрагоном, мрачно потупившись. Он был невысоким и коренастым, с тяжелой, точно у мастифа, челюстью, густыми бровями и мощными, изуродованными работой руками. Хотя дубильщик был далеко не красавцем, Эрагон знал, что человек он добрый и честный.

— Чем я могу служить тебе, Губитель Шейдов? — буркнул Гедрик.

— Ты уже достаточно мне послужил. И я пришел, чтобы поблагодарить тебя и отплатить тебе за то, что ты для меня сделал.

— Я? Чем же это я помог тебе, Губитель Шейдов? — Дубильщик говорил медленно, осторожно, словно опасаясь, что Эрагон приготовил ему ловушку.

— Вскоре после того, как я убежал из Карвахолла, ты обнаружил, что некто украл три бычьи шкуры прямо из сушильни, что расположена рядом с дубильней. Верно?

Гедрик помрачнел, растерянно посмотрел на Эрагона и стал переминаться с ноги на ногу:

— Ну, в общем-то, я эту сушильню и не запирал никогда. Да ты и сам это знаешь. Любой мог туда забраться и стащить шкуры. И потом, после того что с нами произошло, мне эта кража кажется совсем уж пустяком. Я ведь почти все свои запасы уничтожил перед тем, как мы в Спайн ушли; не хотел, чтобы слугам Гальбаторикса или этим вонючим раззакам мое имущество досталось. Так что, кто бы тогда эти шкуры ни стащил, он просто избавил меня от необходимости

уничтожить еще три штуки. В общем, не стоит ворошить прошлое, так я считаю.

— Возможно, оно и так, — сказал Эрагон, — но честь все же обязывает меня признаться, что это я украл твои шкуры.

Гедрик изумленно уставился на него; он смотрел ему прямо в глаза, как самому обычному человеку — без страха, без восторга, без преклонения и, похоже, даже без особого уважения, словно вдруг полностью переменил свое о нем мнение.

— Я украл их и вовсе не горжусь этим, — продолжал между тем Эрагон, — просто мне эти шкуры были очень нужны. Без них я вряд ли выжил бы или прожил бы достаточно долго, чтобы добраться до эльфов, живущих в лесу Дю Вельденварден. Мне всегда больше нравилось думать, что я просто взял у тебя эти шкуры взаймы, но на самом-то деле я их все же украл, потому что не имел ни малейшего намерения возвращать их. А потому прими мои извинения. И поскольку эти шкуры по-прежнему у меня, точнее, то, что от них осталось, было бы только справедливо наконец-то за них расплатиться. — Из кармашка на поясе Эрагон извлек один из своих золотых шариков — тяжелый, гладкий, нагревшийся у него на теле — и вручил его Гедрику.

Гедрик изумленно смотрел на желтый металлический шарик, так стиснув зубы, что его массивная челюсть стала казаться еще тяжелее. Потом поджал губы, покачал головой, но не стал оскорблять Эрагона, пробуя золото на зуб или хотя бы на вес, а просто сказал:

— Я не могу принять такой подарок, Эрагон. Я был хорошим дубильщиком, но те кожи столько не стоят. Твоя щедрость делает тебе честь, однако мне было бы стыдно принять такую плату. Я ее не заслужил.

Ничуть не удивившись, Эрагон спросил:

— Но ты бы не отказался, если бы кто-то другой сторговал у тебя шкуры по разумной цене?

— Нет, конечно.

— Это хорошо. В таком случае ты не можешь отказаться взять это золото. В данном случае именно я торгуюсь, повышая цену, но буду торговаться свирепо, как если бы пытался

для самого себя сберечь несколько грошей. Для меня те шкуры действительно стоили каждую унцию этого золота, и я не стану платить тебе ни на один медяк меньше, даже если ты мне нож к горлу приставишь.

Толстые узловатые пальцы Гедрика сомкнулись, сжимая золотой шарик.

— Ну, раз ты настаиваешь, я не стану ребячиться и золото твое возьму. Никто не может сказать, что Гедрик Оственссон позволил удаче пройти мимо него только потому, что пожелал всем доказать собственную глупость и никчемность. Ладно, спасибо тебе, Губитель Шейдов. — Он завернул шарик в шерстяную тряпицу, чтобы уберечь от царапин, и сунул в кошелек, висевший у него на поясе. — Гэрроу правильно тебя воспитал, Эрагон. Он вас обоих правильно воспитал, и тебя, и Рорана. Сам-то он, может, и был острым, как уксус, и таким же сухим и жестким, как зимняя брюква, но воспитал он вас обоих хорошо. Он бы вами гордился, так мне кажется.

И у Эрагона вдруг перехватило дыхание.

Уже повернувшись, чтобы снова идти на фехтовальную площадку, Гедрик остановился и сказал:

— А можно мне узнать, Эрагон, зачем тебе эти шкуры понадобились? Для чего ты их использовал?

Эрагон хмыкнул:

— Для чего использовал? Да я с помощью Брома сделал из них седло для Сапфиры! Она, правда, редко теперь им пользуется — ведь эльфы подарили нам настоящее драконье седло, — но и то седло отлично нам послужило, побывало во многих сражениях и переделках, в том числе и в битве при Фартхен Дуре.

Брови Гедрика от изумления поползли вверх, так что стали видны полоски незагорелой кожи, обычно скрытые в морщинах. Похожая на трещину в гранитном валуне, широкая улыбка прорезала лицо дубильщика, совершенно его преобразив.

— Седло! — выдохнул он. — Нет, вы только представьте себе, я дубил кожи для седла дракона, и в этом седле сидел настоящий Всадник! И не какой-нибудь, а наш Всадник, из Карвахолла! Тот, который в итоге свергнет проклятого

тирана Гальбаторикса! Ах, если б меня мог видеть сейчас мой отец! — И Гедрик, притопывая ногами, исполнил на месте вдохновенную джигу. Потом с той же широченной улыбкой поклонился Эрагону и поспешил обратно на луг, где тут же принялся пересказывать свою удивительную историю односельчанам.

Желая поскорее ускользнуть, пока те не набросились на него с вопросами, Эрагон нырнул в проход между палатками, страшно довольный собственным поступком. «Пусть извлечение золота из земли и отняло у меня какое-то количество сил, — думал он, — зато долг свой я отдал сполна».

Добравшись до восточного края лагеря, он подошел к одной из палаток и постучал по крепежному шесту, прося разрешения войти.

Полог палатки резко хлопнул; оттуда высунулась Хелен, жена Джоада. Стоя в проеме, она смерила Эрагона холодным взглядом:

— Ты, я полагаю, *с ним* пришел поговорить?

— Если он дома. — Эрагон прекрасно знал, что Джоад дома, потому что мог читать его мысли столь же отчетливо, как и мысли Хелен.

На мгновение ему показалось, что она сейчас скажет, что мужа нет дома, однако она, пожав плечами, пропустила его внутрь.

Джоад сидел возле лежанки, служившей ему постелью, но даже одеяла на ней не было видно, так она была завалена всевозможными свитками, книгами и листками бумаги. Тонкая прядь волос свисала Джоаду на лоб, повторяя изгибы страшного шрама, тянувшегося от макушки к левому виску.

— Эрагон! — радостно вскричал он, и его напряженно-сосредоточенное лицо разом просветлело. — Входи, входи, рад тебя видеть! — Он пожал Эрагону руку и пододвинул к нему табурет. — Вот, садись, а я устроюсь на кровати. Нет, нет, ты гость. Может, хочешь перекусить или выпить? Насуада выдает нам дополнительные продукты, так что не думай, что из-за тебя нам голодать придется. Это, конечно, довольно жалкое угощение по сравнению с тем, чем мы могли угостить тебя в Тирме, но, с другой стороны, кто же, идя на войну, рассчитывает есть от пуза? Никто, даже сам король!

— Я бы с удовольствием выпил чаю, — сказал Эрагон.

— Чаю с печеньем. — Джоад посмотрел на Хелен.

Подхватив с земли чайник, она прижала его к бедру, поднесла к соску бурдюка, висевшего в дальнем конце палатки, и нажала на бурдюк. Струйка воды, дребезжа, полилась в чайник, и Хелен чуть прижала сосок, уменьшая струю. При этом вид у нее был крайне недовольный, словно она была занята какой-то чрезвычайно неприятной работой, а тонюсенькая струйка воды все дребезжала, не в силах наполнить сосуд хотя бы до половины; эти звуки, казалось, кого угодно могли свести с ума.

Извиняющаяся улыбка скользнула по лицу Джоада. Он молча уставился на какой-то листок бумаги, лежавший возле его колена. А Эрагон принялся старательно изучать морщинку на стенке палатки.

Барабанная дробь падающих капель продолжалась еще минуты три.

Когда чайник наконец наполнился, Хелен перевесила изрядно опустевший бурдюк на центральный шест и вихрем вылетела из палатки.

Эрагон, приподняв бровь, посмотрел на Джоада.

Тот развел руками:

— Мое положение среди варденов не столь высоко, как она надеялась, и за это она винит меня. Она согласилась вместе со мной покинуть Тирм, ожидая — во всяком случае, мне так кажется, — что Насуада тут же введет меня в высший круг своих советников, или подарит мне земли и богатства, достойные лорда, или еще каким-то экстравагантным способом отблагодарит меня за помощь в краже яйца Сапфиры, случившейся много лет назад. Но на что Хелен совсем уж не рассчитывала, так это на заурядную жизнь простого воина: на то, что жить придется в палатке, самим готовить себе пищу, самим стирать одежду и так далее. И не то чтобы богатство и высокое положение — единственное, что ее заботит, но ты должен понять: она ведь родилась в одном из богатейших семейств Тирма, занимавшихся морской торговлей; да и сам я большую часть нашей совместной жизни был отнюдь не таким уж неуспешным купцом. Она совершенно не привыкла к подобным лишениям, ее

трудно заставить сразу примириться с нашей теперешней жизнью. — Джоад тяжело вздохнул. — Я-то надеялся, что это приключение — если оно заслуживает такого романтического названия — немного сузит те трещины, которые в последние годы пролегли между нами, но, как всегда, ничто на свете не бывает так просто, как кажется с первого взгляда.

— А тебе самому не кажется, что варденам следовало бы проявить по отношению к тебе больше внимания? — спросил Эрагон.

— Ко мне самому — нет. А вот к Хелен... — Джоад колебался. — Я хочу, чтобы она была счастлива. А мне вполне достаточным вознаграждением было то, что я живым спасся из Гилида, когда нас с Бромом атаковал Морзан на своем драконе. Кроме того, вознаграждением мне служило понимание того, что я помог нанести сильнейший удар по армии Гальбаторикса, а потом сумел вернуться к прежней своей жизни и продолжал при этом помогать варденам; а еще я был вознагражден браком с Хелен. Таковы мои награды, и я более чем доволен ими. Все сомнения, которые у меня еще были, улетучились в ту секунду, когда я увидел Сапфиру, вылетающую из тучи дыма над Пылающими Равнинами. Я не знаю, впрочем, как мне теперь быть с Хелен... Однако я забываюсь: это отнюдь не твои заботы, и мне не следует перекладывать свои проблемы на тебя.

Эрагон коснулся одного из свитков кончиком пальца и спросил:

— Тогда скажи, зачем здесь столько бумаг? Ты что же, переписчиком стал?

Этот вопрос развеселил Джоада.

— Вряд ли, — сказал он, — хотя моя работа порой столь же монотонна и трудоемка. Поскольку именно я обнаружил тайный проход в замок Гальбаторикса в Урубаене и мне удалось взять с собой кое-какие редкие книги из моей библиотеки в Тирме, Насуада поручила мне поискать такие же слабые места в других крупных городах Империи. Если бы я смог найти хотя бы упоминание о каком-нибудь туннеле, который, например, ведет под стены Драс-Леоны, это могло бы спасти для нас немало человеческих жизней.

— И где же ты ищешь сведения об этом?

— Везде, где только могу. — Джоад отбросил назад надоедливую прядь волос, постоянно падавшую ему на лоб. — В исторических и религиозных трактатах; в легендах и мифах; в эпических поэмах и песнях; в хрониках, составленных Всадниками, учеными, магами, странниками, сумасшедшими; в дневниках разных полузабытых правителей и военачальников, которые могли иметь доступ к подобным вещам или просто знать о некоем тайном проходе, или потайном механизме, открывающем туда двери, или о чем-то еще в этом роде. Любые сведения такого рода были бы нам на пользу. Количество материала, который я должен просмотреть, поистине огромно, ибо всем этим городам Алагейзии уже много веков, а некоторые из них были основаны еще до появления здесь расы людей.

— Так ты, может, и в самом деле что-нибудь найдешь?

— Нет, не «может», а наверняка! Вот только никогда нельзя надеяться, что именно тебе непременно выпадает удача, если раскапываешь тайны прошлого. Впрочем, я еще вполне могу кое-что успеть, ибо у меня нет сомнений: то, что я ищу, действительно существует, причем в каждом из этих городов. Все они *слишком* древние; в таких городах всегда имелись дополнительные потайные ходы, позволявшие незаметно проникать внутрь крепости и выходить за ее пределы. Но вот в чем вопрос: сохранились ли *записи*, в которых об этом говорится, и можно ли эти записи раздобыть? Люди, которые знают о потайных люках, ходах, ловушках и тому подобном, обычно не имеют привычки болтать об этом. — Джоад взял ворох бумаг, лежавших рядом с ним на лежанке, поднес их к самому носу, затем пренебрежительно фыркнул и отшвырнул бумаги. — Я пытаюсь разгадать загадки, выдуманные людьми, которые не хотели, чтобы эти загадки можно было разгадать.

Они с Эрагоном продолжали беседовать и о других, менее важных вещах, когда в палатке вновь появилась Хелен, неся три кружки исходящего паром красноватого чая. Приняв от нее кружку, Эрагон заметил, что гнев женщины несколько улегся, и даже подумал, уж не подслушивала ли она снаружи, когда Джоад говорил о ней. Она подала Джоаду его кружку и откуда-то из-за спины Эрагона извлекла жестяную

тарелку с плоским печеньем и маленький глиняный горшочек с медом. Затем она отошла от них на несколько шагов и прислонилась к центральному шесту, дуя на горячий чай.

Следуя правилам приличия, Джоад подождал, пока Эрагон возьмет с тарелки печенье и надкусит его, и только потом спросил:

— Скажи, Эрагон, чему я обязан твоим, столь приятным мне, визитом? Если не ошибаюсь, ты ведь не просто так ко мне заглянул?

Эрагон маленькими глотками пил чай.

— Помнишь, после сражения на Пылающих Равнинах я обещал, что расскажу тебе, как умер Бром? — сказал он. — Вот для этого я и пришел.

Джоад резко побледнел, и Эрагон, заметив это, поспешно прибавил:

— Но это совсем не обязательно! И если сейчас ты не хочешь говорить об этом...

Явно совершив над собой усилие, Джоад покачал головой:

— Нет, я хочу. Ты просто застал меня немного врасплох.

Поскольку Джоад не попросил Хелен выйти, Эрагон все-таки не был до конца уверен, что ему следует продолжать, но потом решил, что это не важно, если Хелен или кто-либо еще услышит его рассказ. Медленно, но уверенно он принялся рассказывать обо всех тех событиях, которые случились с ним и с Бромом после того, как они покинули дом Джоада. Он описал встречу с отрядом ургалов, поиски раззаков в Драс-Леоне, засаду, которую раззаки устроили им, когда они вышли из этого города, и то, как один из раззаков ранил Брома кинжалом, пытаясь спастись от Муртага, пришедшего на помощь Эрагону и Брому.

В горле у Эрагона стоял комок, когда он рассказывал о последних часах Брома, о той холодной гробнице, которую он вырубил для него в скале из песчаника, о том ощущении беспомощности, которое охватило его, когда он увидел, что Бром уходит, что в воздухе уже висит запах смерти; рассказал он и о последних словах Брома, и о том, как ту гробницу из песчаника Сапфира превратила в сверкающий бриллиантовый саркофаг.

— Если бы тогда я знал все то, что знаю сейчас, — горестно воскликнул Эрагон, — я мог бы его спасти! А вместо этого... — Он умолк, не в силах больше вымолвить ни слова, смахнул с ресниц слезы и залпом выпил свой чай. — «Жаль, что это всего лишь чай, а не что-нибудь покрепче», — подумал он.

Джоад вздохнул:

— Значит, вот как он умер... Увы, всем нам без него стало гораздо хуже. Правда, если бы он мог выбирать, как ему умереть, то мне кажется, он и сам предпочел бы умереть именно так, служа варденам, защищая последнего свободного Всадника.

— А ты знал, что он и сам был Всадником?

Джоад кивнул:

— Вардены рассказывали мне об этом еще до того, как я с ним познакомился.

— Он, похоже, был человеком, который не очень-то любил говорить о себе, — заметила Хелен.

Джоад и Эрагон рассмеялись.

— Да уж, это верно, — сказал Джоад. — Я и сейчас еще хорошо помню, как ошалел, когда увидел его и тебя, Эрагон, на пороге своего дома. Бром всегда сам все решал, совета ни у кого не просил, но мы с ним стали близкими друзьями, странствуя вместе, и я не могу понять, почему он целых шестнадцать или семнадцать лет позволял мне считать его мертвым. И я в течение столь долгого срока действительно так считал! Более того, поскольку Бром сам передал яйцо Сапфиры варденам, сразив в Гилиде Морзана, и вардены тоже не имели права открыть мне эту тайну, так что я, во-первых, не знал, что яйцо у них, а во-вторых, что Бром по-прежнему жив. И почти двадцать лет своей жизни прожил в убеждении, что самое великое приключение моей жизни закончилось неудачей, в результате которой мы потеряли свою единственную надежду получить себе в помощь Всадника и сбросить наконец ненавистного Гальбаторикса. Смею тебя заверить: осознать это и думать так в течение двадцати лет — нелегкое бремя... — Джоад устало потер лоб рукой. — Когда я вышел на крыльцо и понял, кто стоит передо мной, я решил, что призраки прошлого решили

сыграть со мной злую шутку. Бром говорил, что все это время прятался лишь для того, чтобы сохранить себе жизнь и иметь возможность воспитать и обучить нового Всадника, когда таковой все же появится на свет, но эти его объяснения никогда не казались мне удовлетворительными. Почему оказалось столь уж необходимым полностью отрезать себя ото всех, кого он знал или любил? Чего он так боялся? Что именно защищал? — Джоад задумчиво провел пальцем по ручке своей кружки. — Я не могу это доказать, но, по-моему, Бром кое-что обнаружил в Гилиде, когда сражался с Морзаном и его драконом, и это нечто оказалось настолько для него важным, что заставило его бросить все и полностью отказаться от своей прошлой жизни. Я понимаю, что это всего лишь мои домыслы, но никак иначе объяснить действия Брома не могу; я уверен, что он действительно узнал нечто такое, чем не желал делиться ни со мной, ни с кем-либо другим.

Джоад горестно вздохнул, помолчал, затем провел ладонью по своему длинному лицу и продолжил:

— После столь долгой разлуки я очень надеялся, что мы с Бромом вновь пойдем по жизни рядом, как прежде, но у судьбы на наш счет были, похоже, свои планы. И потом потерять его во второй раз и всего лишь через несколько недель после того, как я узнал, что он жив, было со стороны судьбы слишком жестокой шуткой. — Хелен стремительно подошла к мужу и положила руку ему на плечо. Он рассеянно ей улыбнулся и благодарно стиснул ее тонкое запястье. — Я рад, что ты и Сапфира сделали для Брома гробницу, которой мог бы позавидовать даже сам король гномов. Он этого заслуживал, и прежде всего за то, что он сделал для Алагейзии. Хотя, когда люди обнаружат его могилу, я очень подозреваю, что они, не колеблясь, разломают ее, чтобы добыть хотя бы кусочек того бриллианта.

— Если они это сделают, то сильно пожалеют об этом, — пробормотал Эрагон. Про себя он уже решил вернуться туда при первой же возможности и непременно поставить вокруг могилы Брома магическую охрану, чтобы обезопасить ее от осквернителей праха. — Надеюсь, возможных воров

отвлечет охота за золотыми лилиями, и потревожить сон Брома они не сумеют, — сказал он загадочно.

— Охота за чем?

— Да так, не важно. — Все трое снова принялись пить чай; Хелен грызла печенье. Помолчав, Эрагон спросил: — Ты ведь встречался с Морзаном, верно?

— Ну, не то чтобы дружески, но, в общем, да, встречался.

— И какой он?

— Как человек? Я, честное слово, даже толком и сказать не могу, хотя слышал немало историй о его невероятной жестокости. Каждый раз, когда его и наши с Бромом тропы пересекались, он пытался убить нас. Или, точнее, взять в плен, подвергнуть пыткам, а уж потом убить. Я бы сказал, что это вряд ли способствует установлению дружеских отношений. — Но Эрагон был слишком напряжен, чтобы воспринимать шутки Джоада, и тот, беспокойно поерзав, сказал: — Ну а как воин Морзан был поистине неотразим. Он действительно внушал ужас своим врагам. Мы, помнится, немало времени только и делали, что от него убегали — точнее, от него и его дракона. Мало есть на свете столь же страшных вещей, как преследующий тебя разъяренный дракон.

— А как он выглядел?

— Тебя он, похоже, чрезвычайно интересует?

И Эрагон не моргнув глазом ответил:

— Да, мне очень любопытно. Он ведь был последним из Проклятых, и убил его именно Бром. А теперь сын Морзана стал моим смертельным врагом.

— Ну, тогда дай мне подумать, — сказал Джоад. — Он был высокий, широкоплечий, волосы черные как вороново крыло, а глаза разноцветные: один голубой, другой черный. Бороды он не носил, и на одном из пальцев у него не хватало фаланги, не помню, на котором. Красивый, в общем; но такой жестокой, высокомерной красотой. А уж когда он говорил, то представал во всей своей красе. Чрезвычайно харизматичный был оратор. Доспехи у него всегда так и сияли, и кольчуга, и нагрудная пластина, словно он совершенно не боялся, что по этому сиянию его могут заметить враги, да

у него толком и врагов-то не было: все его боялись. Но вот что в нем поражало: когда он смеялся, то казалось, что он страдает от боли.

— А ты знал его спутницу, женщину по имени Селена? С ней ты знаком не был?

Джоад рассмеялся:

— Если бы я был с ней знаком, то не сидел бы здесь сегодня. Морзан, может, и был потрясающим фехтовальщиком, великолепным магом и предателем-убийцей, но именно эта всюду сопровождавшая его женщина внушала людям наибольший ужас. Морзан использовал ее только для самых трудных и наиболее отвратительных дел, которые никто более не согласился бы их выполнить. Ей он доверял самые тайные свои замыслы. Она была его Черной Рукой, и уже одно ее присутствие всегда означало неизбежную смерть, пытки, предательство или нечто еще более ужасное. — Эрагон едва сдерживался, слушая, какую характеристику Джоад дает его матери. — Она была совершенно безжалостной, она была полностью лишена сострадания. Говорили, что, когда она попросилась к Морзану на службу, он испытал ее тем, что сперва научил ее исцеляющему заклятью, которое произносится на древнем языке — ибо она была к тому же еще и колдуньей, — а затем направил против нее двенадцать своих лучших фехтовальщиков.

— И как же она их победила?

— Она «исцелила» их от страха и ненависти; избавила от всех тех чувств, которые заставляют человека убивать. А когда они опустили оружие и принялись ласково улыбаться друг другу, точно спятившие бараны, она каждому по очереди перерезала глотку... Тебе нехорошо, Эрагон? Ты что-то бледный как полотно.

— Нет-нет, все в порядке. А что еще ты помнишь?

Джоад постучал пальцами по кружке:

— Крайне мало, если ты имеешь в виду Селену. Она всегда была для меня загадкой. Никто из приближенных Морзана никогда не знал ее настоящего имени вплоть до самых последних месяцев перед его гибелью. В народе ее всегда называли только Черной Рукой; та Черная Рука, что существует сейчас — группа шпионов, убийц и магов, которые и

осуществляют всякие грязные поручения Гальбаторикса, — и названа была в ее честь; с ее помощью Гальбаторикс пытается делать то, что для Морзана делала одна Селена, и куда успешнее. Даже среди варденов лишь очень немногие знали ее по имени, и большая их часть давно в могиле. Насколько я помню, именно Бром установил, кто она такая на самом деле. Это было еще до того, как я отправился к варденам, чтобы сообщить им сведения относительно тайного хода в замок Илирия, построенный эльфами тысячу лет назад, который Гальбаторикс расширил, укрепил и превратил в гигантскую цитадель, ныне доминирующую над Урубаеном. Так вот, еще до своей поездки к варденам я знал, что Бром потратил немало времени, шпионя за поместьем Морзана в надежде, что ему удастся откопать некую неизвестную нам слабость этого негодяя. По-моему, он даже сумел проникнуть в замок Морзана, изменив свое обличье и притворившись одним из тамошних слуг. Именно тогда он и выяснил кое-что относительно Селены. И все же мы так и не сумели понять, почему она была до такой степени привязана к Морзану и до конца хранила ему верность. Возможно, она действительно его любила. Во всяком случае, она всегда проявляла абсолютную преданность ему и готовность даже умереть за него. Вскоре после того, как Бром убил Морзана, до варденов донеслись слухи, что и Селена умерла, унесенная неведомой болезнью. Подобно тому как прирученная ловчая птица не может жить без хозяина, настолько сильно она к нему привязана, и Селена не смогла жить без своего повелителя, без Морзана.

«Может, она и была очень к нему привязана, но вот была ли она до конца верна ему? — подумал Эрагон. — Во всяком случае, она, безусловно, выказала открытое неповиновение, когда дело коснулось меня, хотя за это ей пришлось заплатить жизнью. Ах, если б она смогла тогда похитить и Муртага!» Что же касается рассказа Джоада о злодеяниях Селены, то Эрагону больше хотелось думать, что это Морзан полностью изменил ее первоначально чистую и добрую душу. Чтобы не сойти с ума, он никак не мог согласиться с тем, что оба его родителя оказались злодеями.

— Да, она любила его, — сказал Эрагон, глядя на мутные остатки чая с чаинками на дне своей кружки. — В самом начале она действительно очень его любила, хотя потом, может быть, уже и не так сильно. Муртаг — это ее сын.

Джоад удивленно поднял бровь:

— Вот как? Ты, я полагаю, узнал это от самого Муртага?

Эрагон кивнул.

— Ну что ж, это объясняет многое из того, чего я до сих пор не понимал. Мать Муртага... Странно, почему Бром-то этого не узнал?

— Морзан сделал все возможное, чтобы скрыть само существование Муртага. Он скрывал это даже от остальных Проклятых.

— Ну что ж, он отлично знал своих дружков, этих властолюбивых мерзавцев. И отлично понимал, что они всегда готовы и ему нанести удар в спину. Возможно, его молчание спасло Муртагу жизнь. Тем более жаль...

И Джоад, не договорив, умолк; тишина прокралась в палатку, точно застенчивый зверек, готовый обратиться в бегство при малейшем их движении. Эрагон все изучал дно своей кружки, и на языке у него вертелось множество вопросов, но он понимал, что Джоад все равно не сможет на них ответить, да и вряд ли кто-то еще мог бы ответить на них. Почему Бром тогда скрылся именно в Карвахолле? Неужели только для того, чтобы присматривать за Эрагоном, сыном его злейшего врага? Не было ли это со стороны Брома некой жестокой шуткой — подарить ему Заррок, меч его отца? И почему Бром не рассказал ему правду о его родителях? Эрагон так крепко сжал в руках кружку, что невольно разбил ее.

И все трое вздрогнули от неожиданности.

— Ох, дай-ка я тебе помогу, — всполошилась Хелен, бросаясь к Эрагону и смахивая с его рубахи осколки и капли пролившегося чая. Он, совершенно растерявшись, несколько раз извинился за свою неловкость как перед Джоадом, так и перед Хелен, заверив их, что просто задумался, вот и проявил неловкость.

Пока Хелен убирала с пола осколки, Джоад вдруг принялся рыться в груде книг, свитков и бумаг, наваленных на постель, приговаривая:

— Ага, вот ведь что я чуть не упустил из виду... У меня тут есть для тебя, Эрагон, одна книжица, которая могла бы оказаться весьма полезной. Вот еще отыскать бы ее...

Наконец он удовлетворенно воскликнул и выпрямился, размахивая книгой, которую и вручил Эрагону. Это оказалась «Домиа абр Вирда», знаменитая книга «Влияние Судьбы», полная история Алагейзии, написанная на древнем языке монахом Хеслантом. Впервые Эрагон видел эту книгу в библиотеке Джоада в Тирме, но даже и не надеялся, что ему удастся еще хоть раз подержать ее в руках. И теперь, наслаждаясь этим ощущением, он гладил выпуклые буквы на кожаном переплете, лоснившемся от старости. Затем раскрыл книгу и с восторгом вгляделся в ровные ряды рун, написанных блестящими красными чернилами, с восторженным трепетом сознавая, какая сокровищница знаний таится в этой книге.

— И ты хочешь отдать мне ее? — с искренним изумлением спросил он.

— Ну да, — спокойно подтвердил Джоад и чуть отступил, давая Хелен возможность вытащить из-под кровати очередной осколок глиняной кружки. — По-моему, она тебе очень даже пригодится. Ты ведь и сам теперь, можно сказать, творишь историю, Эрагон, и корни тех трудностей, с которыми ты сталкиваешься сегодня, таятся в далеком прошлом, скрытом от нас десятками, сотнями, а может, и тысячами лет. На твоем месте я бы самым внимательным образом изучил уроки, которые может преподать нам история, ибо они помогут тебе решить немало нынешних проблем. Мне за мою долгую жизнь не раз именно чтение старинных философских и исторических трактатов помогало обрести храбрость, мужество и способность предвидения, а также выбрать верный путь.

Эрагону страстно хотелось поскорее завладеть этой книгой, но его все же одолевали сомнения.

— Бром говорил, что «Домиа абр Вирда» — это самая ценная вещь в твоем доме. Что это невероятно редкая книга... И потом, как же твои собственные изыскания? Разве эта книга не нужна тебе для работы?

— «Домиа абр Вирда» — книга действительно очень ценная и очень редкая, — подтвердил Джоад, — но лишь в Империи, где Гальбаторикс, если ему все же случайно удается обнаружить ее, приказывает книгу немедленно сжечь, а ее несчастного владельца повесить. А здесь, в лагере варденов, я уже обнаружил целых шесть копий этой книги! Мне их отдали, можно сказать всучили, придворные короля Оррина; ведь Сурду вряд ли можно назвать величайшим центром развития науки. Но ты прав: эта книга очень дорога мне, и мне вовсе не легко с нею расставаться; я делаю это лишь потому, что тебе она может пригодиться куда больше, чем мне. Книги должны следовать туда, где их смогут оценить более всего. И они ни в коем случае не должны оставаться непрочитанными, собирая пыль на полках. Ты со мной согласен?

— Согласен. — Эрагон закрыл «Домиа абр Вирда» и снова провел пальцами по прихотливому извиву линий, выдавленных в плотной коже переплета. — Спасибо. И пока она считается моей, я буду хранить ее как зеницу ока.

Джоад коротко кивнул и уселся поудобнее, всем своим видом демонстрируя удовлетворение.

Исследуя надпись на корешке книги, Эрагон спросил:

— А монахом какого монастыря был этот Хеслант?

— Он был последователем одной маленькой тайной секты, которая называлась Аркаэна и была создана неподалеку от Куасты. Их орден, просуществовавший, правда, веков пять, в основу своих верований положил постулат о том, что всякие знания священны. — На лице Джоада промелькнула еле заметная загадочная улыбка. — Они посвятили себя сбору всевозможных знаний и занимались этим повсюду, даже в самых дальних уголках нашего мира; они дали обет хранить эти знания до тех времен, когда, как они полагали, случится некая неведомая катастфора, которая неизбежно уничтожит все народы и цивилизации Алагейзии.

— Какая странная религия, — заметил Эрагон.

— А разве любая из религий не кажется странной тому, кто не является ее последователем? — возразил Джоад.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — сказал Эрагон. — Точнее, для тебя, Хелен. — Она с лукаво-вопросительным

видом склонила голову набок. — Ты ведь из старинного купеческого рода, верно?

Она тут же вздернула подбородок и надменно кивнула.

— А ты сама хорошо с торговым делом знакома?

В глазах Хелен засверкали молнии.

— Если бы я не вышла замуж вот за него, — она небрежно повела плечом в сторону Джоада, — после смерти моего отца семейное дело перешло бы именно ко мне, поскольку я была единственным ребенком в семье и мой отец учил меня всему, что знал сам.

Эрагон, собственно, именно это и надеялся услышать. А Джоаду он сказал:

— Ты утверждал, что доволен тем, как сложилась твоя судьба здесь, у варденов?

— Ну да. В основном.

— Понимаю. Однако же ты очень многим рисковал, помогая Брому и мне, а еще больше ты рисковал, помогая Рорану и всем остальным жителям Карвахолла.

— Да-да, пираты Паланкара! — рассмеялся Джоад.

Эрагон тоже засмеялся и продолжил:

— Без твоей помощи слуги Империи наверняка поймали бы их. А из-за того, что ты пошел против Империи, вы с Хелен потеряли все, что было вам дорого в Тирме.

— Мы бы все равно это потеряли. Я был почти банкротом, да и Двойники уже успели выдать меня Империи. Так что в самом ближайшем времени лорд Ристхарт непременно меня арестовал бы.

— Возможно, но ты все-таки стал помогать Рорану. Кто смог бы обвинить вас, если бы вы предпочли тогда спасать собственную жизнь, а не каких-то крестьян из Карвахолла? Короче, факт остается фактом: вы оставили прежнюю жизнь в Тирме, чтобы вместе с Рораном выкрасть судно «Крыло Дракона» и отправиться к варденам. И за принесенную вами жертву я чрезвычайно вам благодарен, а это — лишь небольшая частица моей благодарности...

Эрагон вытащил из мешочка на поясе второй из трех золотых шариков и подал его Хелен. Она так бережно приняла его в ладони, словно это был птенец малиновки. Пока она изумленно рассматривала подарок, а Джоад, вытягивая

шею, тоже пытался увидеть, что это она так нежно поглаживает пальцами, Эрагон сказал:

— Это, конечно, ненастоящее богатство, но, если с умом распорядиться даже столь небольшим количеством золота, его можно существенно преумножить. Пример того, что придумала Насуада с плетением кружев, показывает, что и во время войны у простых людей есть немало возможностей для процветания.

— О да, — выдохнула Хелен. — Война — это отрада купца.

— И вот вам пример: не далее как вчера вечером Насуада обмолвилась, что у гномов вышли запасы медового напитка. Как вы и сами легко можете себе представить, у них достаточно средств, чтобы купить столько бочек меда, сколько они захотят, даже если цена будет в тысячу раз выше, чем до войны. Впрочем, это всего лишь мое предположение. Вы и сами можете отыскать немало иных возможностей среди тех, которые столь же сильно, как и вы, желают наладить торговлю.

Эрагон даже слегка отшатнулся, когда Хелен вихрем налетела на него и крепко обняла. Ее пушистые волосы защекотали ему подбородок. Потом, вдруг застеснявшись, она выпустила его, снова пробежалась по палатке и, поднеся золотой шарик к самому своему носу, сказала:

— Спасибо тебе, Эрагон! Ох, до чего же я тебе благодарна! — Она высоко подняла руку с шариком, показывая его своим собеседникам. — Уж я сумею этим воспользоваться! Уверена, что сумею! С помощью этого кусочка золота я сумею построить свою торговую империю, и она станет даже обширнее, чем у моего отца! — Сверкающий шарик исчез в ее ладошке. — Вы, наверно, считаете, что я слишком честолюбива, что мое честолюбие превосходит мои возможности? Но, уверяю вас, будет именно так, как я сказала! Я поражения не допущу!

Эрагон поклонился ей:

— Я надеюсь, что тебе все удастся, Хелен, и успех твой принесет пользу и всем нам.

Она склонилась перед ним в глубоком реверансе:

— Ты чрезвычайно щедр, Губитель Шейдов! И я еще раз от всей души благодарю тебя.

— Да, и я тебя благодарю, — сказал Джоад, вставая. — Я, правда, не уверен, что мы это заслужили.

Хелен метнула в его сторону яростный взгляд, но он, не обращая на нее внимания, закончил:

— Но все равно спасибо, нам это очень приятно.

А Эрагон, импровизируя на ходу, прибавил:

— А для тебя, Джоад, подарок не от меня, а от Сапфиры. Она согласилась полетать с вами, когда у вас обоих найдется часок-другой. — Эрагону очень не хотелось, конечно, впутывать в свои дела Сапфиру; он знал, что драконихa будет недовольна тем, что он не посоветовался с нею заранее и предложил ее услуги без ее ведома. Но, подарив Хелен золото, он бы чувствовал себя виноватым из-за того, что и Джоаду не сделал столь же достойного подарка.

На глазах у Джоада выступили слезы. Он схватил руку Эрагона и несколько раз тряхнул ее, а затем, не выпуская ее, сказал:

— Я и вообразить себе не могу более высокой чести. Спасибо тебе. Ты даже не представляешь, сколько ты для нас сделал.

Эрагон поклонился и слегка отступил к выходу, надеясь как можно вежливей распрощаться. Наконец после очередного всплеска благодарностей, повторяя «да я же ничего особенного не сделал», он все же выбрался наружу, прижимая к груди «Домиа абр Вирда», и посмотрел в небеса.

Вскоре должна была вернуться Сапфира, но время у него еще оставалось, и можно было заняться кое-какими делами. Но Эрагон решил сперва все же отнести книгу к себе; ему не хотелось таскать с собой по всему лагерю такую драгоценность, о которой он то и дело вспоминал с неизменным восторгом.

И он рысцой побежал к своей палатке; Блёдхгарм и остальные эльфы не отставали от него ни на шаг.

МНЕ НУЖЕН МЕЧ!

Спрятав «Домиа абр Вирда» в палатке, Эрагон отправился в оружейную, разместившуюся в просторном павильоне; здесь в достатке имелись всевозможные копья, мечи, пики, луки и арбалеты. Горы обычных щитов и кожаных доспехов лежали в специальных клетях. Более дорогие кольчуги, нарядные котты, шлемы и поножи висели на деревянных подставках. Сотни конической формы стальных шлемов поблескивали, точно полированное серебро. Стойки со стрелами выстроились вдоль стен; рядом сидели мастера, которые чинили или заменяли оперение стрел, поврежденных во время сражения на Пылающих Равнинах. Постоянный ручеек посетителей втекал в двери оружейной и вытекал из них: кто-то приносил в починку оружие и доспехи, кто-то из новичков желал полностью экипироваться; кто-то просто пришел за заказанным заранее оружием. Гул стоял такой, словно каждый старался использовать всю мощь собственных легких. И средоточием всей этой суматохи был тот, кого Эрагон и надеялся застать здесь: Фредрик, главный оружейный мастер варденов.

Блёдхгарм следовал за Эрагоном по пятам, когда тот решительным шагом вошел под полотняный навес и направился прямиком к Фредрику. Все прочие посетители оружейной сразу примолкли и уставились на вошедших, но это продолжалось недолго. Вскоре все уже вновь занялись своими делами, только, пожалуй, разговаривать и топать стали потише.

Приветственно махнув Эрагону рукой, Фредрик шагнул ему навстречу. Он, как всегда, был в доспехах из довольно волосатой бычьей шкуры — от этих доспехов исходил не менее агрессивный запах, что и от разъяренного быка, — а за

спиной у него висел тяжеленный двуручный меч, рукоять которого торчала у него над правым плечом.

— Губитель Шейдов! — прогремел он. — Рад тебя видеть! Чем могу служить тебе в столь чудный полдень?

— Мне нужен меч.

На заросшем бородой лице Фредрика блеснула улыбка.

— Ага, а я все думал, когда же ты ко мне за ним явишься? Когда ты, совершенно безоружный, отправился в Хелгринд, я даже подумал: а вдруг ему теперь клинок вообще не нужен? Может, он теперь и сражается только с помощью магии?

— Нет, пока еще нет.

— Ну что ж, не могу сказать, что меня это огорчает. Каждому нужен хороший меч независимо от того, искусен он в колдовстве или нет. В конце концов все всегда кончается звоном стали о сталь. Ты еще увидишь, как быстро завершится наша борьба с *Империей, когда прямо в сердце проклятому* Гальбаториксу вонзится острие меча! Эх, да я спорить готов на свой годовой доход, что даже у Гальбаторикса свой меч имеется и он его тоже *в ход пускает*, хотя мог бы любому с помощью своей магии кишки выпустить. С хорошим стальным клинком ничто не может сравниться!

Говоря все это, Фредрик подвел Эрагона к стойке с мечами, находившейся несколько в стороне от остальных.

— Ты какой меч ищешь? — спросил он. — Тот Заррок, что был у тебя прежде, был вроде бы одноручный. Лезвие примерно в два больших пальца шириной — два моих больших пальца, во всяком случае, — и такой формы, которая годится как для рубящего удара, так и для колющего. Я прав?

Эрагон кивнул, и оружейник что-то *проворчал и принялся* вытаскивать мечи, взмахивая каждым в воздухе и тут же ставя его обратно, ибо они его явно не удовлетворяли.

— Эльфийские клинки обычно тоньше и легче наших или тех, что гномы делают, но эльфы дополнительно укрепляют свои мечи с помощью магии. А у нас такие изящные мечи в бою и минуты бы не продержались, сразу погнулись бы, или сломались, или настолько затупились, что ими только мягкий сыр и можно было бы резать. — Взгляд оружейника метнулся к Блёдхгарму. — Прав я, эльф?

— Да, все в точности так и есть, человек, — ответил Блёдхгарм с ледяным спокойствием.

Фредрик кивнул и принялся обследовать лезвие еще одного меча, потом фыркнул и сунул его в стойку.

— Собственно, это означает, что, какой бы меч ты ни выбрал, он, скорее всего, окажется тяжелее того, к которому ты привык. Это не будет слишком затруднительно для тебя, Губитель Шейдов, но лишний вес все же способен несколько замедлить удар.

— Это весьма ценное предупреждение, — заметил Эрагон.

— Да нет, не особенно, — сказал Фредрик. — В конце концов, я для того здесь и нахожусь, чтобы такие советы давать. Мне надо как можно больше варденов уберечь от возможности быть убитыми и помочь им убить как можно больше воинов Гальбаторикса. Это хорошая работа. — Фредрик отошел от этой стойки к другой, как бы скрытой за грудой прямоугольных щитов. — Подыскать человеку хороший клинок — это само по себе уже искусство. Клинок ты должен чувствовать как продолжение собственной руки. Ты не должен думать, какое именно движение ты хотел бы им совершить; ты должен действовать им точно так, как действует белая цапля своим длинным клювом или дракон своими когтями. Действительно хороший меч — это воплощение твоих намерений: он сам делает то, чего хочешь ты.

— Ты прямо как поэт говоришь!

Фредрик с самым скромным видом слегка пожал плечами:

— Я выбираю оружие людям, которым предстоит идти в бой, в течение двадцати шести лет. Это пропитало меня насквозь, заставило меня думать о судьбе и высшем предназначении людей; я постоянно задаюсь мыслью о том, останется ли жив тот молодой парень, которого я снабдил пикой с зазубренным наконечником, или было бы лучше, если бы вместо пики я дал ему булаву. — Фредрик помолчал и остановился, положив руку на рукоять меча, помещенного в самый центр стойки. Посмотрев на Эрагона, он спросил: — Ты как предпочитаешь сражаться, со щитом или без него?

— Со щитом, — ответил Эрагон. — Но я не всегда могу носить с собой щит. И потому, когда на меня нападают, у меня часто его при себе не бывает.

Фредрик похлопал рукой по рукояти меча, пожевал бороду и пробормотал:

— Хм... Значит, тебе нужен такой меч, которым можно было бы пользоваться и без щита; с другой стороны, твой меч не должен быть слишком длинным, чтобы им можно было пользоваться при любой разновидности щита — от небольшого наручного до настоящего боевого. То есть это меч средней длины, с которым легко управляться одной рукой и который можно использовать в любой схватке. Хотелось бы также, чтобы он был достаточно элегантным даже для церемонии коронации и достаточно крепким, чтобы отразить удар кулла. — Тут Фредрик сделал страшную рожу и заметил: — Все-таки я никак не пойму, зачем Насуада заключила союз с этими чудовищами! Такой союз наверняка долго не продержится. Уж больно мы с ургалами разные существа, вряд ли нам суждено долгое время мирно сосуществовать... — Он тряхнул головой: — Жаль, что тебе только один меч нужен. Или, может, я ошибаюсь?

— Нет. Мы с Сапфирой слишком много странствуем, чтобы таскать с собой полдюжины разных клинков.

— Да, наверное, ты прав. И потом, такому воину, как ты, полагается вроде бы только один меч иметь. Я такие вещи называю «проклятьем именного меча».

— Это что же такое?

— У каждого великого воина, — с удовольствием пояснил Фредрик, — есть меч — чаще всего это именно меч, — который обладает собственным именем. Воин либо сам дает ему это имя, либо, когда он докажет свою доблесть, совершив некий подвиг, имя его мечу дают барды. И уж после этого воин просто обязан пользоваться только этим мечом. Так полагается. А если он появится на поле брани без него, соратники непременно спросят: «А где же твой меч?» — желая узнать, не стыдится ли наш герой своих успехов, не оскорбляет ли тех, кто дал его мечу имя, своим отказом от этого меча, тем самым как бы отвергая надежды людей. Даже враги героя могут заявить, что подождут и не станут с ним

сражаться, пока он не возьмет в руки свой знаменитый меч. Вот сам увидишь: как только ты сразишься с Муртагом или совершишь еще что-либо столь же запоминающееся с помощью нового меча, вардены будут настаивать на том, чтобы непременно дать твоему мечу имя. И будут настойчиво требовать, чтобы теперь ты постоянно носил его на бедре. — Фредрик, продолжая говорить, перешел уже к третьей стойке с мечами. — Вот уж никогда не думал, что мне так повезет и я буду помогать выбирать оружие настоящему Всаднику! О такой возможности каждый оружейник мечтает! Это, пожалуй, самая высшая точка моей службы у варденов!

Вытащив еще один меч, Фредрик протянул его Эрагону. Тот пальцем провел по лезвию и помотал головой; форма рукояти и гарда были явно ему не по руке. Но, похоже, оружейника это ничуть не смутило. Напротив, отказ Эрагона от этого меча словно придал ему сил, точно вызов, брошенный достойным соперником. Он подал Эрагону второй меч, и снова тот помотал головой; на этот раз ему не понравилось, как клинок сбалансирован.

— Что меня действительно тревожит, — сказал Фредрик, возвращаясь к стойке, — так это то, что любой меч, который я тебе предложу, должен будет выдерживать удары, каких обычный клинок никогда не выдержит. Пожалуй, для тебя бы надо меч, сработанный гномами. У них самые лучшие кузнецы на свете, не считая, конечно, эльфийских; впрочем, порой работа гномов даже, на мой взгляд, превосходит эльфийскую. — Фредрик внимательно посмотрел на Эрагона. — А теперь послушай. Я ведь до сих пор совсем не те вопросы тебе задавал! Ты мне скажи, кто научил тебя так парировать удары? Ты хорошо представляешь себе, что значит скрестить клинки? Помнится, я заметил, что ты такие приемы вроде бы любишь, еще во время твоей дуэли с Арьей в Фартхен Дуре.

Эрагон нахмурился:

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? — передразнил его Фредрик. — Не хочу тебя обижать, Губитель Шейдов, но неужели ты не понимаешь, что, нанося удар острием по острию меча противника, ты губишь и свой собственный меч. Ведь при этом

страдают оба клинка. Это, может, и не было проблемой с твоим заколдованным Зарроком, но ни с одним из мечей, которые есть у меня в оружейной, этого делать не стоит. Лучше вообще избегать подобных ударов. Если, конечно, ты не готов после каждого сражения меч менять.

Перед мысленным взором Эрагона промелькнул меч Муртага с зазубренными краями, и он почувствовал раздражение на самого себя за то, что позабыл нечто столь очевидное. Он ведь тогда привык к Зарроку, который никогда не тупился и сталь его никогда не выказывала признаков усталости; Заррок также, насколько он знал, невосприимчив к большей части заклятий, будучи действительно настоящим мечом Всадника. Эрагон не был даже уверен, можно ли его вообще чем-либо повредить или уничтожить.

— Об этом тебе тревожиться не стоит, — сказал он Фредрику. — Я любой меч могу дополнительно защитить с помощью магии. Но неужели я должен целый день ждать, пока ты подыщешь мне оружие?

— Еще один вопрос, Губитель Шейдов. А что, эти защитные чары будут длиться вечно?

Эрагон насупился:

— Раз уж ты спросил, то я отвечу: нет, не будут. Я, правда, знаком с одной эльфийкой, которая владеет искусством изготовления настоящих мечей для тех, кто летает верхом на драконах, однако она не пожелала открыть мне эту тайну. Так что у меня есть один-единственный способ: передать своему клинку часть той магической энергии, что есть во мне самом. И пока эта энергия не истощится, она будет охранять меч от того ущерба, который в ином случае непременно нанесли бы ему вражеские удары. Но как только запас этой энергии в мече — или во мне самом — иссякнет, мой клинок станет самым обычным и вполне может развалиться прямо у меня в руках уже во время следующего поединка с противником.

Фредрик поскреб подбородок и сказал:

— Ну что ж, поверю тебе на слово, Губитель Шейдов. Суть, насколько я понял, в том, что если ты достаточно долго будешь рубиться с врагом, то волшебство в тебе может

иссякнуть; и чем сильнее ты станешь рубиться, тем скорее оно иссякнет, верно?

— Именно так.

— В таком случае ты все-таки должен избегать рубиться клинок к клинку, поскольку это истощит твой запас магии быстрее, чем любой другой маневр.

— У меня нет времени на все это, — сердито оборвал его Эрагон, теряя терпение. — У меня нет времени учиться совершенно новому способу вести бой. Империя может напасть на нас в любой момент. Я должен совершенствовать те приемы боя, которым уже обучен, которыми уже неплохо владею, не пытаясь поспешно их переиначить.

И тут Фредрик, точно в голову ему наконец пришла удачная идея, хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Тогда я знаю, что именно для тебя подойдет! — И он принялся рыться в целой груде всевозможных клинков, сваленных на полу в огромной клети, и все время приговаривал себе под нос: — Сперва посмотрим вот это, затем это, а там уж решим... — Откуда-то со дна клети он извлек огромную черную булаву с многогранной головкой и, постучав по ней костяшками пальцев, сказал Эрагону: — Этой штуковиной ты запросто можешь ломать мечи и разбивать вражеские кольчуги и шлемы, не причиняя ей самой при этом ни малейшего ущерба.

— Но это же просто металлическая дубинка! — возмутился Эрагон.

— Ну и что? С твоей-то силой ты, размахивая ею, точно тростинкой, просто ужас среди своих врагов посеешь! Точно тебе говорю!

Эрагон помотал головой:

— Нет. Разбивать вдрызг чужие головы — это не мое. И потом, я бы, например, никогда не сумел убить Дурзу, если бы у меня вместо меча была булава, ибо требовалось непременно пронзить ему сердце.

— Тогда у меня есть на примете и еще кое-что, если, конечно, ты не станешь настаивать на традиционном клинке. — И Фредрик умчался куда-то в противоположный конец павильона и принес Эрагону то, что оружейники называют скрамасаксом.

Это был короткий широкий меч с изогнутым лезвием. Такими клинками Эрагон никогда раньше не пользовался, хотя и видел нечто подобное среди варденов. У меча была дисковидной формы мощная рукоять с полированной головкой, блестевшей, точно новенькая серебряная монета. Короткий черенок рукояти был сделан из дерева, обтянутого черной кожей; выгнутую гарду покрывала резьба в виде рунической письменности гномов; лезвие было примерно в локоть длиной, острое лишь с одной стороны и слегка утолщенное посредине, где проходили два дола — углубления, существенно облегчавшие вес клинка. Хвостовик уходил глубоко в рукоять. Меч был прямым, и лишь на расстоянии шести дюймов от острия его лезвие резко изгибалось и, сходя почти на нет, превращалось в тонкое опасное жало. Если бы не широкое лезвие, этот клинок более всего походил на изогнутый змеиный клык, способный не только прорвать доспехи врага насквозь, но и — при обратном движении — вытащить наружу его внутренности. В отличие от обоюдоострого меча, скрамасакс явно более всего подходил для рубящих ударов. Но самой интересной чертой этого меча было то, что нижний конец его лезвия был жемчужно-серого цвета, существенно темнее почти белой и гладкой, как зеркало, стали в верхней его части. Граница между этими двумя цветами была неопределенной, и оттенки серого на лезвии переливались, точно шелковый шарф на ветру.

Эрагон не сводил с клинка глаз.

— Я такого еще не видел. Что это?

— Трикнсдал, — ответил Фредрик. — Его гномы изобрели. Они по-разному закаливают острый и тупой края лезвия. Острый край у него необычайно твердый, значительно тверже большей части наших клинков. Мы вообще не решаемся так лезвие закаливать. А середину лезвия и его тупой край гномы делают значительно мягче, чтобы она могла чуть ли не гнуться, во всяком случае, была бы более гибкой и податливой; благодаря этому клинок способен выдержать любой бой и не расщепляется, точно чугун на морозе.

— А что, гномы все свои клинки так закаливают?

Фредрик покачал головой:

— Нет, обычно лишь те, у которых только одна сторона лезвия острая. Иногда, правда, и самые лучшие из обоюдоострых. — Он с некоторой неуверенностью посмотрел на Эрагона, явно желая что-то сказать, но долго колебался, прежде чем все же спросил: — Ты хоть понимаешь, почему я выбрал для тебя именно этот клинок?

Эрагон понимал. Во-первых, если держать этот меч под правильным углом и почти перпендикулярно земле, то, если самому не качать кистью, все удары клинок примет тупой стороной своего лезвия, сохранив его острый край для ответной атаки. А во-вторых, владение эти коротким мечом потребует от него, Эрагона, лишь незначительных перемен в тех основных движениях, которым его учили.

Выбежав из павильона, Эрагон встал в боевую позицию, взмахнул мечом над головой и, как бы рубя им голову воображаемого противника, резко опустил руку, затем повернул ее, парируя удар невидимого копья, отпрыгнул на шесть ярдов в сторону и блестящим, хотя и весьма нерасчетливым движением крутанул меч за спиной, перебрасывая его из одной руки в другую. Затем, дыша ровно и спокойно, он вернулся туда, где его поджидали Фредрик и Блёдхгарм. Легкость и балансировка меча произвели на Эрагона сильное впечатление. Это был, конечно, не Заррок, но явно достойный ему соперник.

— Отличный выбор! — сказал он Фредрику.

Но тот все же уловил некую сдержанность в этой похвале, ибо сказал:

— Однако ты не до конца удовлетворен им, Губитель Шейдов.

Эрагон снова крутанул мечом над головой и поморщился:

— Жаль только, что он так похож на большой нож для свежевания дичи. Когда он у меня в руках, я какое-то странное ощущение испытываю.

— О, тебе не стоит обращать внимание на смех твоих врагов. Обещаю, им будет совсем не до смеха, когда их головы полетят с плеч.

Эрагон улыбнулся:

— Хорошо, я беру его.

— Тогда минутку, — сказал Фредрик и исчез в глубинах павильона, но вскоре вернулся, неся черные кожаные ножны, украшенные серебряным орнаментом в виде завитков. Ножны он тоже вручил Эрагону и спросил: — А тебя когда-нибудь учили острить меч, Губитель Шейдов? С Зарроком у тебя ведь подобной нужды не возникало, верно?

— Нет, — признался Эрагон, — но я хорошо умею обращаться с точильным камнем. Я могу наточить охотничий нож так, что он легко перережет нитку, брошенную на него сверху. И потом, я всегда могу поправить лезвие с помощью магии, если уж так надо будет.

Фредрик даже застонал, возмущенно хлопая себя руками по ляжкам и выбивая из своих мохнатых доспехов целое облако шерстинок.

— Нет, нет! Острое как бритва лезвие — это совсем не то, что тебе нужно! Когда имеешь дело с мечом, лезвие обязательно должно быть довольно толстым и очень прочным. Хотя одна сторона лезвия действительно должна быть хорошо заточена. Хороший воин обязан содержать оружие в порядке; в том числе и уметь острить свой клинок!

И Фредрик, усевшись на землю возле павильона, настоял на том, чтобы Эрагон непременно обзавелся новыми точильными камнями; показал, как именно готовить лезвие меча к бою, и успокоился лишь после того, как более-менее удовлетворительно оценил умение Эрагона точить новый меч.

— Ты можешь сражаться даже ржавым оружием, — сказал он ему. — Ты можешь сражаться в дырявом шлеме. Но если ты хочешь снова увидеть восход солнца, никогда не выходи на бой с тупым мечом. А если бой только что *закончился* и ты чувствуешь себя настолько усталым, словно бегом взобрался на вершину одной из Беорских гор, да и меч твой уже не так остер, как прежде, то, невзирая на усталость, при первой же возможности достань точильный камень, остановись и приведи клинок в порядок. Это ведь то же самое, что заботиться о верном боевом коне или о Сапфире. Запомни: прежде чем удовлетворить свои собственные потребности, воин обязан позаботиться о своем мече. Для своей же пользы. Ибо воин без меча — это легкая, а часто и беспомощная добыча для его врагов.

Эрагон и Фредрик еще довольно долго сидели под стеной оружейной, и солнце уже клонилось к западу, когда мастер наконец закончил свой урок. И тут по земле скользнула темная тень, зашумели крылья, и рядом приземлилась Сапфира.

«Ты нарочно выжидала, — обиженно сказал ей Эрагон, — хотя могла бы давным-давно спасти меня от этих бесконечных наставлений! Ты нарочно заставила меня выслушивать речи Фредрика о точильных камнях и льняном масле, которое лучше жира предохраняет металл от ржавчины, и прочую ерунду!»

«А насчет льняного масла это действительно так?» — спросила Сапфира.

«Не совсем. Просто масло не такое вонючее. Да какое, в конце концов, это имеет значение! Почему ты заставила меня терпеть это занудство?»

Сапфира чуть приподняла тяжелое веко и как-то лениво подмигнула ему:

«Не преувеличивай. Занудство? У нас с тобой будет куда больше занудства в будущем, если мы окажемся недостаточно хорошо подготовленными. А то, о чем рассказывал тебе этот человек в ужасных вонючих доспехах, знать тебе, по-моему, очень даже полезно».

«Ну, может, и полезно, — согласился Эрагон, — но уж больно скучно было его слушать!» Но Сапфира ничего ему на это не ответила, а, выгнув шею, лизнула когти на правой передней лапе.

Эрагон поблагодарил Фредрика за меч и за науку, попрощался с ним, затем договорился с Блёдхгармом о месте встречи и пристегнул свой скрамасакс к поясу Белота Мудрого. Взобравшись на Сапфиру, он уселся поудобнее и чуть не заорал от восторга, когда она, взревев, расправила крылья и стрелой взмыла в небеса.

Эрагон, ухватившись за прочный шип на шее драконихи, смотрел, как люди и палатки уходят вниз, как бы превращаясь в собственные крошечные копии. А с большой высоты лагерь уже казался скоплением серых треугольных вершин, восточные склоны которых были погружены в глубокую тень, отчего вся территория лагеря стала похожей на

шахматную доску. Укрепления вокруг лагеря топорщились, точно колючки ежа; белые обструганные концы крепежных столбов и шестов с флажками ярко светились в закатных лучах солнца. Кавалерия короля Оррина в северо-западной части лагеря казалась сейчас горстью рассыпанных монеток. Чуть восточнее находился лагерь ургалов с низкими темными палатками, разбросанными по склонам холмов.

А Сапфира поднималась все выше и выше.

Холодный чистый воздух обжигал Эрагону легкие, кусал за щеки. Он старался дышать не слишком глубоко. Рядом проплыла большая гряда облаков, казавшаяся плотной, как густая сметана. Сапфира, поднимаясь по спирали, прошла сквозь облако, и мелкие капельки влаги на мгновение ослепили Эрагона, забили ему нос и горло, точно комком мокрой корпии. У него перехватило дыхание, и он поспешно вытер лицо, видя, что они вынырнули из облака и поднимаются еще выше.

Красный орел пронзительно закричал, пролетая мимо них.

Крылья Сапфиры вздымались уже значительно медленнее, да и у Эрагона в разреженном воздухе начинала кружиться голова. Почти не шевеля крыльями, Сапфира скользила примерно на одной высоте, но выше уже не поднималась.

Эрагон посмотрел вниз. Они находились сейчас так высоко, что все оставшееся внизу, на земле, уже не казалось реальным. Лагерь варденов казался неправильно расчерченной шахматной доской с крошечными серыми и черными прямоугольниками. Река Джиет напоминала витой серебристый пояс с зеленой бахромой. На юге желтоватые облака, вздымавшиеся над Пылающими Равнинами, были похожи на огромную горную гряду, на вершинах которой гнездятся всякие чудовища; вид у этих отливавших оранжевым облаков был такой, что Эрагону даже смотреть в ту сторону расхотелось.

Примерно с полчаса они с Сапфирой дрейфовали на ветру, наслаждаясь покоем и отдыхая в обществе друг друга. Безмолвно произнесенное заклинание защитило Эрагона от холода. Наконец-то они оказались только вдвоем, как

когда-то в долине Паланкар, пока в их жизнь еще не вторглась проклятая Империя.

Сапфира заговорила первой:

«Мы с тобой словно правители небес».

«Да уж, висим под потолком нашего мира», — откликнулся Эрагон и привстал, словно пытаясь дотянуться рукой до звезд.

Нырнув вправо, Сапфира поймала поток теплого воздуха, идущий снизу, и снова выровняла полет.

«Так ты завтра обвенчаешь Рорана и Катрину?»

«Как странно, что Рорану пришла в голову эта мысль! Странно уже и то, что Роран должен жениться, но еще более странно, что именно я должен обвенчать их с Катриной! Надо же, Роран женится... Когда я об этом думаю, то сразу чувствую себя совсем взрослым, во всяком случае значительно старше. А ведь мы, еще совсем недавно бывшие детьми, тоже ни на миг не можем замедлить неизбежный бег времени. Поколение за поколением сменяют друг друга, и вскоре придет наш черед отправлять своих детей делать то, что должно быть сделано...»

«Погоди, сперва нам еще надо пережить несколько ближайших месяцев».

«Да, это верно».

Сапфира покачнулась, когда их подхватил очередной восходящий поток воздуха, и, обернувшись к Эрагону, спросила:

«Ты готов?»

«Давай!»

Наклонившись вперед, она плотно прижала крылья к телу и быстрее стрелы полетела к земле. Эрагон засмеялся, охваченный ощущением невесомости, и крепче обхватил ногами Сапфиру, чтобы не соскользнуть с ее спины, но потом в беспечном восторге выпустил шип, за который держался, и поднял руки над головой. Диск, в который превратилась сейчас далекая земля, вдруг стал вращаться — это Сапфира, замедлив движение, по спирали спускалась с небес и вдруг, перевернувшись в воздухе, на мгновение замерла и продолжила падение уже вверх тормашками, так что

Эрагон, с трудом на ней удержавшись, забарабанил по ее плечу и заорал:

«Эй, Сапфира! Что ты делаешь?»

Выпустив из ноздрей ленту дыма, она выправила полет и снова стрелой понеслась вниз. Земля быстро приближалась. У Эрагона заложило уши, и он принялся двигать челюстью и глотать, но давление в ушах все возрастало. Менее чем в тысяче футов над лагерем варденов и, казалось, всего в нескольких секундах от того, чтобы врезаться прямо в палатки и прорыть через весь лагерь глубокую кровавую траншею, Сапфира позволила ветру наполнить ее широко раскинутые крылья и так резко замедлила падение, что от неожиданного толчка Эрагон чуть не выколол себе глаз тем шипом у нее на шее, за который держался.

Раза три хлопнув мощными крыльями, Сапфира окончательно остановилась и, сложив крылья, начала мягко, кругами, спускаться на землю.

«До чего же здорово мы повеселились!» — воскликнул Эрагон.

«Еще бы! Нет ничего веселее таких полетов! В такой игре если ты проиграл, то исход только один: смерть».

«Ну что ты! Я, например, ни секунды в твоих возможностях не сомневался! Ты никогда не врежешься в землю!» Он чувствовал, как приятно ей слушать его восторженные похвалы.

Свернув в сторону их палатки, Сапфира тряхнула головой, да так, что Эрагон снова чуть не свалился на землю, и сказала:

«Мне бы следовало уже привыкнуть, но каждый раз, как я выхожу из такого пике, у меня на следующий день так болят плечи и грудь, что я едва могу пошевелиться».

Эрагон ласково погладил ее:

«Ну, завтра тебе не обязательно куда-то летать. Завтра единственное обязательное для нас дело — это свадьба Рорана, а на свадьбу ты можешь прийти и пешком».

Сапфира что-то проворчала и приземлилась, поднимая облака пыли и чуть не сбив своим могучим хвостом палатку. Спешившись, Эрагон предоставил ей полную возможность привести себя в порядок с помощью шестерых эльфов и с

остальными шестью рысью побежал разыскивать целительницу Гертруду. Расспросив ее, он узнал, как следует проводить обряд венчания, и даже немного потренировался с нею, чтобы завтра случайно не совершить какой-нибудь непредвиденной оплошности.

Затем он вернулся к себе, умылся, переоделся и вместе с Сапфирой отправился на обед к королю Оррину.

Был уже поздний вечер, когда Эрагон и Сапфира вернулись наконец домой и еще долго, глядя на звезды, беседовали возле палатки о том, что уже было и что еще только может с ними произойти. Оба чувствовали себя совершенно счастливыми. Эрагон посмотрел на Сапфиру, чувствуя, что сердце его настолько полно любовью, что, кажется, вот-вот перестанет биться.

«Спокойной ночи, Сапфира».

«Спокойной ночи, маленький брат».

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Наутро Эрагон, зайдя за палатку, снял с себя тяжелую верхнюю одежду и стал плавно переходить из одной позы в другую, повторяя упражнения второго уровня Римгара, изобретенные эльфами. Вскоре он уже совершенно не ощущал холода, вспотел и стал даже слегка задыхаться от усилий: порой ему и впрямь было трудно совладать со своими конечностями, ибо в некоторых позициях ему казалось, что мышцы его вот-вот оторвутся от костей.

Примерно через час, закончив заниматься Римгаром, он вытер ладони краем палатки, вытащил свой меч-скрамасакс и еще минут тридцать скакал с ним, отрабатывая различные фехтовальные приемы. Он бы предпочел и весь этот день посвятить знакомству с новым мечом, ибо знал, что сама его жизнь, возможно, будет зависеть от этого, но приближалось время свадьбы Рорана, и бывшие жители Карвахолла должны были поторопиться, чтобы вовремя закончить все приготовления.

Чувствуя прилив новых сил, Эрагон хорошенько вымылся холодной водой и оделся, а затем они с Сапфирой пошли туда, где Илейн присматривала за приготовлениями к свадебному пиру. Блёдхгарм и остальные эльфы следовали за Эрагоном шагах в десяти, уверенно и неслышно скользя между палатками.

— Ах, как хорошо, что ты пришел, Эрагон! — радостно воскликнула Илейн. Она стояла, обеими руками упершись в поясницу, чтобы уменьшить вес огромного живота, возле походных очагов, сложенных из камней и глины, над которыми были подвешены многочисленные котелки и кастрюли. Мотнув подбородком в сторону мужчин, неподалеку разделывавших свинью, а затем в сторону стола, сделанного из

деревянных щитов, уложенных на пни, где суетились еще шесть женщин, Илейн сказала Эрагону: — А уже и тесто для двадцати караваев подходит, нужно его замесить и хлебы сформовать, так, может, ты этим и займешься? — И, заметив мозоли у него на костяшках пальцев, нахмурилась: — Только уж постарайся не мочить эти свои мозоли!

Шесть женщин, возившихся у кухонного стола, в том числе Фельда и Биргит, примолкли, когда Эрагон занял место среди них. Его попытки возродить разговор закончились неудачей, но через какое-то время, когда он оставил эти попытки и сосредоточился на тесте, женщины и сами вновь разговорились. Говорили они в основном о Роране и Катрине и о том, какие они оба счастливые, а также, разумеется, и о своей новой жизни в лагере варденов и о том долгом пути, который им пришлось преодолеть. Потом вдруг без всякой подготовки Фельда посмотрела на Эрагона и заявила:

— Что-то тесто у тебя больно липнет, может, немного муки добавишь?

И Эрагон охотно с нею согласился:

— Ты права. Спасибо.

Фельда улыбнулась, и после этого женщины уже полностью включили Эрагона в общую беседу. Пока Эрагон месил теплое тесто, Сапфира лежала, свернувшись, на ближайшей лужайке. Детишки играли рядом, забираясь на нее и бегая вокруг. Их смех и пронзительные возгласы прорывались сквозь монотонное звучание голосов взрослых. Пара дворняг вздумала залаять на Сапфиру, и она, слегка приподняв голову, так рыкнула, что собаки тут же с визгом удрали прочь.

Всех на этой поляне Эрагон знал с детских лет. Хорст и Фиск ладили столы для пира. Кизельт смывал с рук кровь зарезанной свиньи. Олбрих, Балдер, Мандель и еще несколько молодых человек носили на холм шесты, украшенные лентами: именно там Роран и Катрина выразили желание быть обвенчанными. Хозяин таверны Морн был занят приготовлением особого свадебного напитка, а его жена Тара ему помогала, держа три кувшина и большую фляту. В нескольких сотнях футов от них Роран что-то кричал погонщику мулов, который пытался провести свою упряжку прямо

через поляну. Лоринг, Дельвин и мальчик Нолфаврель стояли рядом и наблюдали за этими сердитыми переговорами. Громко выругавшись, Роран в конце концов просто схватил переднего мула за упряжь и развернул все повозку в другую сторону. Это зрелище развеселило Эрагона; он и не подозревал, что Роран может так сильно нервничать, что его запросто сможет вывести из себя обыкновенный мул.

— А наш великий воин просто места себе не находит — волнуется перед таким серьезным испытанием, — усмехнулась Изольда, одна из тех шести женщин, что вместе с Эрагоном готовили пир. Все засмеялись.

— А может, — сказала Биргит, подливая в тесто воды и размешивая его, — он тревожится, не сломается ли его меч во время этой битвы.

Женщины захихикали, послышались веселые возгласы, а Эрагон побагровел от смущения и, не отрывая глаз от теста, еще энергичнее заработал руками. Соленые шутки на свадьбе — дело обычное, и раньше он с удовольствием принимал в этом участие, однако в данном случае подобные шутки как-то чересчур сильно его смущали.

Те люди, которым уже не бывать на этой свадьбе, тоже не шли у него из головы. Он думал о Бирде, о Нвимби и Паре, о юном Элмунде и о Келби — о тех своих односельчанах, что погибли по вине слуг Империи. Но больше всего он думал о Гэрроу; как бы ему хотелось, чтобы дядя был жив, чтобы он услышал, как его сына все с искренним уважением величают героем, чтобы он увидел, как Роран вступает в брак с Катриной и становится настоящим мужчиной!

Эрагон зажмурился и поднял лицо навстречу полуденным лучам солнца, а потом улыбнулся, довольный. Погода была отличная. Запах дрожжей, муки, жарящегося мяса, только что разлитого по кувшинам вина, кипящих супов, сладких пирожков и подтаявших сладостей витал над поляной. Его друзья и родные собрались здесь на праздник, а не на похороны. И пока что сам он и Сапфира были в безопасности. Так что все было хорошо.

И тут над лагерем разнесся звук одного-единственного горна, показавшийся Эрагону невероятно громким.

Затем горн прозвучал снова.

И снова.

Все так и застыли, не понимая, что означают эти три сигнала.

На несколько минут в лагере установилась почти полная тишина, лишь животные издавали встревоженные звуки, а потом забили боевые барабаны варденов. Сразу возник хаос. Матери бросились прятать детей, повара — гасить огни в очагах, а остальные мужчины и женщины схватились за оружие.

Эрагон метнулся к Сапфире, да и она сразу вскочила. Мысленно он приказал Блёдхгарму, который немного ослабил свои защитные барьеры: «Встретимся у северного входа!»

«Мы слышим и повинуемся, Губитель Шейдов», — последовал ответ.

Эрагон взлетел на спину Сапфиры. И в тот же миг она подпрыгнула, перескочив через четыре ряда палаток, приземлилась и подпрыгнула во второй раз; она не летела, а как бы передвигалась огромными прыжками, точно горный кот, пересекающий быструю речку. При каждом прыжке Эрагона так подтряхивало, что у него стучали зубы и болезненно напрягался позвоночник, а сам он чуть не вылетал из седла. Перепуганные воины бросались врассыпную, завидев Сапфиру, совершавшую эти могучие прыжки. Эрагон, впрочем, успел войти в мысленный контакт с Трианной и другими членами Дю Врангр Гата, определив местонахождение каждого из заклинателей и дав им соответствующие указания насчет близящегося боя.

И тут некто, не имевший отношения к Дю Врангр Гата, коснулся вдруг его мыслей. Он тут же попытался воздвигнуть мысленный заслон, но понял, что это травница Анжела, и позволил ей установить с ним связь.

«Я сейчас с Насуадой и Эльвой, — сказала ему Анжела. — Насуада хочет встретиться с тобой и Сапфирой у северного входа...»

«Постараемся прибыть туда как можно скорее. Да, да, мы уже на пути туда! А что Эльва? Она что-нибудь чувствует?»

«Боль. Огромную боль. Твою. Варденов. Других людей. Мне очень жаль, но она сейчас не слишком общительна.

Уж больно ей тяжело приходится. Я собираюсь усыпить ее, пока эта волна насилия не спадет». И Анжела прервала связь.

Точно плотник, раскладывающий перед собой инструменты, прежде чем начать новую работу, Эрагон рассмотрел все виды защиты, которыми окружил себя, Сапфиру, Насуаду, Арью и Рорана. Похоже, все было в полном порядке.

Сапфира тормознула прямо перед его палаткой, земля из-под ее когтей так и полетела во все стороны. Эрагон кубарем скатился с нее и бросился внутрь, на ходу отстегивая меч. Бросив пояс и меч на землю, он моментально накинул себе на плечи кольчугу и снова перепоясался мечом. Холодные тяжелые кольца кольчуги скользнули по телу, по вискам и плечам, точно дождь из монет. Затем Эрагон надел подшлемник и шлем. Поправив перевязь, он еще раз проверил, крепко ли пристегнут меч. Надев наручи и латные перчатки, он подцепил к левой руке щит, правой схватил тяжелое драконье седло и вихрем вылетел из палатки.

Звеня доспехами, он поспешно набросил на Сапфиру седло и сам взлетел следом. В спешке и возбуждении ему никак не удавалось застегнуть крепежные ремни, и Сапфира тоже проявила некоторое нетерпение:

«Торопись. Ты слишком долго возишься».

«Да нет! Я и так тороплюсь изо всех сил. Просто ты, черт возьми, стала невероятно огромной!»

Она зарычала.

В лагере царила суматоха; люди и гномы двумя ручейками стекались к северному входу в лагерь, спеша на призывные звуки боевых барабанов.

Эрагон подобрал с земли остальные доспехи и вскочил на Сапфиру. Взмах крыльями, скачок, ускорение, порыв яростного ветра, жалобный скрип стремян о щит Эрагона — и Сапфира взлетела. Пока они мчались к северному входу, Эрагон надел поножи, удерживаясь в седле исключительно силой колен, которыми стискивал бока Сапфиры. Наручи он положил на седло спереди, а щит повесил на шип, торчавший на шее у драконихи. Закрепив поножи, он сунул ноги в кожаные петли стремян и старательно пристегнул каждую ногу.

Невольно проведя рукой по поясу Белота Мудрого, Эрагон застонал, вспомнив, что опустошил имевшиеся в поясе запасы энергии еще в Хелгринде, когда лечил Сапфиру.

«Проклятье! Надо было хоть немного энергии запасти заранее!»

«Ничего, все будет в порядке», — утешила его Сапфира.

Эрагон как раз надевал латные перчатки, когда Сапфира, выгнув крылья двумя прозрачными куполами, как бы зависла в воздухе над одной из насыпей, окружавших лагерь. Насуада была уже там, сидела на своем мощном жеребце. Рядом с ней были Джормундур, тоже верхом, затем пешая Арья и дежурный отряд Ночных Ястребов под предводительством Кхарги, одного из тех ургалов, которых Эрагон встретил на Пылающих Равнинах. Блёдхгарм и остальные эльфы тут же вынырнули из леса палаток и окружили Эрагона и Сапфиру. Из противоположной части лагеря галопом примчался король Оррин со своей свитой, резко осадив коней рядом с Насуадой. Почти сразу же за ними появился и Нархайм, предводитель гномов и трое сопровождавших его воинов; гномы, одетые в металлические кольчуги, ехали верхом на пони, защищенных кожаными доспехами.

Нар Гарцвог мчался к лагерю из восточных полей, и земля под его ногами дрожала так, что приближение кулла все почувствовали за несколько минут до того, как стал виден он сам. Насуада выкрикнула какой-то приказ, и стража у северных ворот отворила тяжелые створки, пропуская Гарцвога в лагерь, хотя он, если б захотел, легко и сам бы вышиб эти ворота.

— Кто нападает? — прорычал Гарцвог, меряя насыпь неестественно громадными шагами. Кони так и шарахались при виде этого великана.

— Посмотри, — сказала ему Насуада.

А Эрагон уже изучал наступающих врагов. Примерно в двух милях от лагеря пять длинных лодок, черных как уголь, причалили к ближнему берегу реки Джиет. Из лодок выгрузились воины Гальбаторикса в кожаных доспехах. Их мечи, копья, щиты, шлемы и металлические кольчуги так и сверкали в лучах летнего солнца.

Арья, прикрыв глаза рукой и прищурившись, смотрела в сторону прибывшего войска.

— Их там всего человек двести семьдесят или, может, триста, — сказала она.

— Странно, что так немного, — заметил Джормундур.

Король Оррин нахмурился:

— Вряд ли Гальбаторикс сошел с ума и поверил, что сможет разбить нас с помощью столь смехотворного войска! — Оррин стащил с головы шлем в форме короны и вытер лоб краем котты. — Мы можем запросто уничтожить весь этот отряд, сами не потеряв ни единого бойца.

— Возможно, — сказала Насуада. — А возможно, и нет.

С трудом выталкивая изо рта слова, Гарцвог проворчал:

— Этот Драконий Правитель — лжец и предатель, бешеный баран, но умом он не слаб. Он хитрый, как голодный хорек.

Воины тем временем выстроились и двинулись в сторону варденов.

К Насуаде побежал мальчишка-гонец. Она наклонилась в седле, выслушала его и отпустила.

— Нар Гарцвог, твои люди в безопасности и находятся в нашем лагере, — сказала она куллу. — Они собрались возле восточных ворот и готовы выступить под твоим предводительством.

Гарцвог что-то проворчал, но остался на месте.

Оглянувшись на приближавшихся к лагерю воинов, Насуада сказала:

— Я не вижу никакой причины вступать с ними в бой на открытом пространстве. Наши лучники легко перестреляют их, как только они подойдут ближе. А если им удастся добраться до наших земляных валов, то перед ними будет еще несколько препятствий в виде рвов и заграждений из пустых бочек. Вряд ли кто-то из них сумеет уйти живым, — закончила она с явным удовлетворением.

— Они сами себя приговорили, — сказал Оррин. — Мы с моими кавалеристами можем выехать из лагеря с другой стороны и напасть на вражеский отряд сзади. Я думаю, это их настолько ошеломит, что они даже защититься не успеют.

— Волна битвы может... — начала было Насуада, но тут бронзовый горн, возвещавший прибытие войска, прозвучал снова, и так громко, что Эрагон, Арья и эльфы заткнули уши. А Эрагон даже поморщился, таким сильным и пронзительным был этот звук.

«Откуда он донесся?» — спросил он Сапфиру.

«Куда более важный вопрос, по-моему: почему эти солдаты захотели предупредить нас о нападении? Если это действительно они подают подобные сигналы».

«Может, это какая-то диверсия или...»

Эрагон забыл, что хотел сказать, увидев какое-то странное движение на противоположном берегу реки Джиет. Из-за купы печально поникших ив красный, точно кровавый, рубин, точно раскаленное железо, готовое к ковке, точно горящие угли в костре ненависти и гнева, на фоне небес возник силуэт Торна. А на спине у красного дракона восседал Муртаг в сверкающих стальных доспехах и размахивал над головой мечом Зарроком.

«Они явились по нашу душу», — сказала Сапфира. И у Эрагона похолодело под ложечкой, когда он почувствовал, какой ужас охватил душу Сапфиры. И этот ужас, точно поток ледяной воды, хлынул затем и ему в душу, затопив его с головой.

ОГОНЬ В НЕБЕСАХ

Эрагон, глядя, как огромный силуэт Торна с Муртагом на спине вздымается над северным краем равнины, услышал, как гном Нархайм сердито буркнул: «Барзул!» — и прибавил еще несколько проклятий в адрес Муртага, убившего Хротгара, короля гномов.

Арья, резко отвернувшись от этого страшноватого зрелища, обратилась к Насуаде:

— Госпожа моя, — и, блеснув глазами, она посмотрела в сторону Оррина, — тебе надо остановить этих воинов, пока они не достигли лагеря. Им нельзя позволить пойти в атаку, иначе они попросту сметут наши укрепления, точно гонимая бешеным ветром гигантская волна, и посеют невообразимый хаос среди варденов. Да и нам в гуще палаток будет куда труднее маневрировать.

— Невообразимый хаос? — нахмурился Оррин. — Неужели у тебя так мало уверенности в наших силах и возможностях, госпожа посланница? Люди и гномы, возможно, не столь одаренны, как эльфы, однако мы без труда отшвырнем назад этих жалких наглецов, смею тебя заверить.

Лицо Арьи посуровело.

— Ваше величество, храбрость и могущество ваших воинов не подлежат сомнению. И в ваших боевых способностях я тоже не сомневаюсь. Но послушайте: это ловушка, и приготовлена она не для вас, а для Эрагона и Сапфиры. *Они*, — и Арья махнула рукой в сторону вздымающихся над горизонтом фигур Торна и Муртага, — явились для того, чтобы взять в плен Эрагона и Сапфиру и доставить их в Урубаен. Гальбаторикс никогда не послал бы столь малочисленный отряд, если бы не был совершенно уверен, что эти воины сумеют достаточно долго отвлекать на себя все внимание варденов,

чтобы Муртаг успел ошеломить Эрагона. Гальбаторикс наверняка заколдовал этих людей, наложив на них такие чары, которые способны помочь им при выполнении этой задачи. Что это за чары, я не знаю, но в том, что они Гальбаториксом наложены, не сомневаюсь: это не просто воины, и мы непременно должны помешать им войти в лагерь.

Оправившись от испытанного потрясения, Эрагон поддержал Арью:

— Ты же не хочешь, Насуада, чтобы Торн пролетел над лагерем; он способен с одного раза поджечь половину палаток.

Насуада стиснула руками луку седла; она, казалось, не замечала ни Муртага с Торном, ни странных воинов, которые были уже менее чем в миле от лагеря.

— Но почему же они не напали на нас, пока мы ничего не знали об их приближении? Ведь они легко могли застать нас врасплох. Почему подняли нас сигналами тревоги? — спросила она.

Ответил ей Нархайм:

— Потому что не хотели участия в наземном сражении Эрагона и Сапфиры. И если я не ошибаюсь, их план состоит в том, чтобы Эрагон и Сапфира встретились с Торном и Муртагом в воздухе, пока солдаты будут крушить наш лагерь на земле.

— Но разве будет разумно в таком случае выполнить их желание и самим послать Эрагона и Сапфиру в эту ловушку? — удивленно подняла брови Насуада.

— Да, это будет разумно, — стояла на своем Арья. — Ибо у нас есть преимущество, о котором они не подозревают. — Она указала на Блёдхгарма. — На этот раз Эрагону не придется сражаться с Муртагом в одиночку. У него будет крепкий отряд из тринадцати эльфов. Муртаг, конечно же, этого никак не ожидает. Прикажи остановить этих воинов, пока они до нас не добрались, и тем самым ты уже нарушишь существенную часть плана Гальбаторикса. А Эрагона и Сапфиру пошли сражаться в небесах, где они будут пользоваться помощью и поддержкой самых сильных эльфийских заклинателей. И благодаря нашим объединенным усилиям план Гальбаторикса безнадежно провалится.

— Ты меня убедила, — сказала Насуада. — Однако эти воины уже слишком близко, так что пешие вардены не успеют перехватить их на достаточном расстоянии от лагеря. Оррин, может быть...

Но договорить она не успела. Король Оррин уже развернул коня и мчался к северным воротам лагеря. Один из его ординарцев протрубил в трубу, давая сигнал кавалерии Оррина приготовиться к атаке.

А Насуада повернулась к Гарцвогу:

— Королю Оррину потребуется помощь. Пошли своих рогачей.

— Охотно, госпожа Ночная Охотница. — И, откинув назад массивную рогатую голову, Гарцвог испустил дикий вой или рев. По рукам и спине Эрагона поползли мурашки, когда он слушал эти жуткие звуки. Щелкнув зубами, Гарцвог перестал реветь, умолк, прислушался и проворчал: — Они придут. — И могучий кулл, сотрясая землю ножищами, трусцой побежал к северным воротам, где уже собрались всадники короля Оррина.

Четверо варденов с трудом отворили ворота. Король Оррин поднял меч, что-то прокричал и галопом помчался за ворота, ведя своих людей навстречу воинам в расшитых золотом доспехах. Облако красноватой пыли повисло над равниной, почти скрыв из виду кавалерийский отряд.

— Джормундур! — окликнула своего верного помощника Насуада.

— Я здесь, госпожа моя.

— Прикажи двум сотням меченосцев и сотне копьеносцев отправиться следом за ними. И пусть пятьдесят лучников расположатся в сотне шагов от места схватки. Я хочу, чтобы этот вражеский отряд был полностью уничтожен, стерт с лица земли! Люди должны понять, что мы не уступим ни пяди нашей земли! Ты слышишь меня, Джормундур?

Джормундур молча поклонился.

— И скажи варденам, что хотя я и не могу из-за своих ранений присоединиться к ним в этом сражении, но душа моя всегда рядом с ними.

— Да, госпожа моя.

Джормундур поспешил выполнять приказание, а к Насуаде подъехал на своем пони Нархайм и спросил:

— А что же мой народ, Насуада? Какую роль ты отведешь нам?

Насуада нахмурилась, поскольку ее и всех стоявших рядом накрыло плотным облаком пыли, взметнувшейся над лугом.

— А вы должны помочь охранять границы нашего лагеря. Если этим воинам каким-то образом удастся прорваться... — Она вынуждена была умолкнуть, поскольку четыре сотни ургалов — после битвы на Пылающих Равнинах их к варденам присоединилось значительно больше — с топотом вывалились из лагеря и устремились через ворота в сторону приближавшегося вражеского отряда, испуская невразумительные военные кличи, больше похожие на рев. Когда они исчезли в тучах пыли, Насуада снова заговорила: — Если этим воинам все же удастся прорваться, то ваши боевые топоры, Нархайм, придутся как нельзя более кстати.

Порывы ветра уже доносили до них звуки яростного сражения — крики раненых и умирающих людей, отчаянное ржание лошадей, леденящий душу скрежет металла о металл, звон мечей, ударяющих по шлемам, тупой стук копий по обитым кожей щитам. Но самое страшное — неким фоном всему этому служил жуткий, лишенный веселья, безумный хохот множества людей, который не умолкал, казалось, ни на минуту. «Великие боги, — подумал Эрагон, — неужели он послал против нас отряд безумцев?»

Нархайм стукнул себя кулаком по бедру:

— Клянусь Морготалом! Мы не из тех, кто будет стоять без дела, когда предстоит схватка! Отпусти нас, Насуада, дай нам срубить для тебя несколько вражеских голов!

— Нет! — воскликнула Наусада. — Нет, нет и нет! Я уже отдала вам приказ и рассчитываю, что вы ему подчинитесь. Это сражение кавалеристов и ургалов. И, может быть, еще драконов. Но гномам в нем лучше не участвовать. Вас же растопчут, как детей! — И в ответ на разгневанные проклятья Нархайма она подняла руку, призывая его помолчать: — Я прекрасно знаю, что вы достойные и очень опасные воины. Тому имеется немало примеров, ведь я сражалась с вами

бок о бок еще в Фартхен Дуре. Однако, хотя, по-моему, и не стоило бы заострять на этом внимание, по нашим меркам вы несколько маловаты ростом, и я предпочла бы не рисковать вами в подобной дикой схватке, где именно рост гнома может оказаться самым большим его недостатком. Вам лучше быть тут, на высоком оборонительном валу, где вы так или иначе окажетесь выше любого, кто попытается на него взобраться и проникнуть в лагерь. Пусть вражеские воины сами придут к вам. Если же кто-то из них действительно до нас доберется, я бы хотела, чтобы ты и твои люди со всей решительностью отшвырнули их от наших стен, ибо я хорошо знаю: легче выкопать и сдвинуть с места гору, чем заставить отступить отряд гномов.

Все еще очень недовольный, Нархайм проворчал что-то в ответ, но его слова были полностью заглушены шумом, который производили вардены, направленные Насуадой к распахнутым воротам лагеря. Топот множества ног и бряцание оружия постепенно становились все тише — отряд походным порядком устремился к месту схватки, — и вскоре на равнину опустилась почти полная тишина. Даже ветер совсем улегся, лишь изредка его легкие порывы доносили с той стороны, где шло сражение, зловещее, леденящее душу хихиканье безумных воинов Гальбаторикса.

Несколькими мгновениями позже дикий мысленный вопль, прорвав все барьеры, установленные Эрагоном, буквально ошеломил его, разрывая на клочки сознание и наполняя душу невыносимой болью. Эрагон так и не понял, чья это душа взывает к нему, объятая ужасом: «О нет, нет! Помогите мне! Они не желают умирать! Чтоб им всем провалиться! Великий Ангвард, они не желают умирать!» И тут мысленная связь прервалась. Эрагон мучительно сглотнул, понимая, что кричавшего более нет в живых.

Насуада поерзала в седле; она явно была напряжена до предела.

— Кто это был? — спросила она.

— Ты тоже его слышала?

— По-моему, мы все его слышали, — сказала Арья.

— Мне кажется, это Барден, один из заклинателей Оррина; он был среди его кавалеристов...

«Эрагон!»

Торн пока что кружил высоко в небе, наблюдая, как отряд короля Оррина вступает в схватку с воинами Гальбаторикса. Казалось, красный дракон повис в воздухе без движения. И с этой высоты над лагерем гулко разнесся голос Муртага, усиленный магией:

— Эрагон! Я тебя вижу! Что ж ты прячешься у Насуады под юбкой? Выйди, сразись со мною, Эрагон! Это же твоя судьба. Или ты трусишь, Губитель Шейдов?

Сапфира ответила вместо Эрагона. Подняв голову, она взревела куда громче самого Муртага и выпустила из пасти двадцатифутовый язык голубоватого трескучего пламени. Лошади, стоявшие ближе всего к ней, в том числе и конь Насуады, шарахнулись и помчались назад, оставив Эрагона и Сапфиру на валу в полном одиночестве. Впрочем, все эльфы тоже остались там.

Подойдя к Сапфире, Арья коснулась рукой левой ноги Эрагона и, глядя прямо на него своими раскосыми зелеными глазами, сказала:

— Прими это от меня, Шуртугал.

И он ощутил, как в него прямо-таки хлынул поток магической энергии.

— Эка элрун оно, — благодарно прошептал он ей.

И она тоже на языке древних ответила:

— Будь осторожен, Эрагон. Не хотелось бы мне увидеть, как тебя побеждает этот Муртаг. Я... — Казалось, она хочет сказать ему что-то еще, но колеблется. Затем она убрала руку и отошла назад, заняв свое место рядом с Блёдхгармом.

— Легкого полета, Бьяртскулар! — пропели эльфы, когда Сапфира прыжком поднялась с насыпи и расправила крылья.

Когда она уже мчалась навстречу Торну, Эрагон установил мысленную связь с нею, затем с Арьей, а через Арью и с Блёдхгармом и остальными эльфами. Поскольку Арья служила ему как бы мостиком в этом общении, он мог сосредоточиться исключительно на ее мыслях и мыслях Сапфиры; он так хорошо знал их обеих, что не сомневался: их реакция никогда его не подведет и не отвлечет от главной цели во время этой решающей схватки.

Покрепче взяв щит в левую руку, он вытащил из ножен свой скарамасакс и сразу поднял руку, чтобы при взмахе мечом случайно не поранить крыло Сапфиры, ее шею или плечо, ибо все это находилось в постоянном движении.

«Хорошо, что вчера вечером у меня хватило времени усилить скарамасакс с помощью магии», — подумал он, и Арья тотчас откликнулась его мыслям:

«Будем надеяться, что твои чары окажутся достаточно прочными. Но помни: все время старайся держаться как можно ближе к нам. Чем больше будет расстояние между тобой и эльфами, тем сложнее нам будет поддерживать с тобой связь и помогать вам с Сапфирой».

Торн не стал атаковать их ни сверху, ни с фланга; когда Сапфира приблизилась к нему, он, почти не шевеля крыльями, ловко вильнул телом, ускользнув в сторону и заставив ее подняться до одного с ним уровня. Пока что он даже не пытался ей угрожать. Оба дракона *словно повисли в воздухе*, балансируя на крыльях в потоках ветра ярдах в пятидесяти друг от друга; шипастые кончики их хвостов нервно подергивались, морды были искажены хищным оскалом.

«Он стал еще крупнее, — заметила Сапфира. — А ведь в последний раз мы с ним сражались всего недели две назад, и с тех пор он успел вырасти еще фута на четыре, если не больше».

Она была права. Торн стал и длиннее, и шире в груди, чем тогда, во время воздушного сражения над Пылающими Равнинами. Он едва перестал быть детенышем, но был уже почти таким же огромным, как Сапфира.

Эрагон нехотя перевел взгляд с дракона на Всадника.

Муртаг был без шапки и без шлема; его длинные черные волосы развевались за плечами, точно блестящая грива. Черты его лица стали гораздо жестче, чем во времена их близости с Эрагоном, и Эрагон понимал, что на этот раз Муртаг не станет проявлять милосердие, да попросту и не сможет этого сделать. Несколько тише, чем в первый раз, но все же весьма громко он сказал Эрагону:

— Вы с Сапфирой причинили нам немало горя. Гальбаторикс пришел в ярость из-за того, что мы тогда тебя отпустили. А после того как вы прикончили его раззаков, он был

в таком гневе, что и сам убил пятерых своих слуг, а потом переключился на нас с Торном, и мы оба тогда страшно пострадали. Из-за тебя, Эрагон. Но больше мы этого не допустим. — И Муртаг отвел руку назад, готовясь нанести удар мечом, и Торн уже рванулся вперед, но Эрагон вскричал:

— Погоди! Послушай! Я знаю, каким образом вы оба сможете освободить себя от клятв, данных Гальбаториксу!

Лицо Муртага мучительно исказилось; в его глазах явственно читалось выражение отчаянного, страстного желания переменить свою судьбу. Он немного опустил руку с зажатым в ней Зарроком, потом вдруг нахмурился, сплюнул куда-то вниз и крикнул Эрагону:

— Я тебе не верю! Это невозможно!

— Возможно! Дай мне несколько минут, и я объясню это тебе.

Муртаг, казалось, боролся с собой. На мгновение Эрагону показалось, что он ему откажет. Торн, изогнув шею, оглянулся на своего Всадника; похоже, они что-то мысленно обсуждали друг с другом.

— Да черт с тобой, Эрагон, — сказал вдруг Муртаг почти спокойно и положил Заррок перед собой поперек седла. — Ты в очередной раз поймал нас на эту наживку, чтоб тебе провалиться! Мы уже смирились с выпавшей нам судьбой, а ты снова вздумал мучить нас надеждой, от которой мы уже отказались. Но учти: если эта надежда все же окажется тщетной, то клянусь, братец, я отрежу тебе правую руку еще до того, как мы доставим вас к Гальбаториксу... Она тебе все равно не понадобится для того, чем ты будешь заниматься в Урубаене.

Эрагону тоже захотелось пригрозить ему, но он подавил это желание и, опустив свой скарамасакс, сказал:

— Гальбаторикс, конечно же, никогда не сказал бы этого тебе, но когда я был у эльфов...

«Эрагон, ничего больше ему о нас не рассказывай!» — тут же услышал он предостерегающий голос Арьи.

— ...я узнал, что, если переменится сама твоя сущность, изменится и твое истинное имя — и то, как оно произносится на древнем языке. То есть все это отнюдь не высечено резцом на лезвии клинка, Муртаг! Если ты и Торн сможете

кое-что изменить в себе, ваши клятвы уже не будут до такой степени связывать вас, а если изменятся и ваши истинные имена, Гальбаторикс полностью утратит власть над вами.

Торн подплыл еще на несколько ярдов к Сапфире.

— Почему ты никогда прежде не упоминал об этом? — спросил Муртаг.

— Я тогда был еще очень в себе не уверен.

Теперь между Торном и Сапфирой осталось не более пятидесяти футов. Страшный оскал красного дракона почти исчез, лишь верхняя губа угрожающе приоткрывала огромные клыки; в его сверкающих алых глазах появилось выражение, несколько странное для дракона — выражение недоумения и всеобъемлющей печали, словно он надеялся, что Сапфира или Эрагон скажут ему, зачем его вырастили, сделав из него вечного пленника Гальбаторикса, который постоянно унижает его и оскорбляет, заставляет его уничтожать людей и своих сородичей, драконов. Торн чуть вильнул кончиком хвоста, принюхиваясь к Сапфире. Она тоже принюхалась к нему, и из пасти ее высунулся язык, словно она пробовала запах Торна на вкус. Жаль, что Торн отгородился от Эрагона и Сапфиры мысленным барьером; им очень хотелось обратиться непосредственно к нему, однако и сами они тоже не решались открыть красному дракону свои мысли.

Находясь так близко от Торна и Муртага, Эрагон заметил, что вены на шее у Муртага вздулись от напряжения, а на виске нервно пульсирует синяя жилка.

— Во мне не так уж много зла. — Теперь Муртаг говорил почти спокойно. — И при сложившихся тогда обстоятельствах я, в общем, сделал для тебя все, что мог. Между прочим, я сомневаюсь, что ты бы выжил, если бы наша мать сочла, что лучше оставить в Урубаене тебя, а меня спрятать в Карвахолле. Вряд ли тогда ты стал бы лучше меня.

— Возможно. Возможно, что и не выжил бы, и лучше тебя бы не стал.

Муртаг ударил себя в грудь кулаком, и нагрудная пластина его лат ответила гулким звоном.

— Ага! Значит, ты это все же признаешь! Но в таком случае как же ты можешь рассчитывать, что я последую твоему совету? Если я и так хороший человек, если я и так совершил

немало хороших поступков, то чего же еще от меня ожидать? В какую еще сторону я должен меняться? Я что же, должен стать хуже, чем есть? Или стать таким же чудовищем, как Гальбаторикс, чтобы затем освободить свою душу от этого черного зла? Вряд ли подобное решение будет разумным. Если же мне удастся именно таким образом переменить свою сущность, тебе вряд ли это понравится; боюсь, тогда ты попросту проклянешь меня и станешь ненавидеть столь же сильно, как сейчас ненавидишь Гальбаторикса.

Эрагон в полном отчаянии воскликнул:

— Да, но ты вовсе не должен становиться ни хуже, ни лучше! Ты просто должен стать другим. Ведь в мире существует множество самых разных типов людей и сколько угодно способов вести себя достойно. Посмотри на того, кого ты действительно любишь и уважаешь, даже если он выбрал в жизни совершенно иной путь, чем ты. Постарайся последовать его примеру. Возможно, на то, чтобы действительно изменить свою сущность, потребуется немало времени, зато ты сможешь расстаться с Гальбаториксом, сможешь, если захочешь, покинуть Империю и вместе с Торном присоединиться к варденам — все тогда будет в твоей власти; и ты всегда будешь волен поступать в соответствии с собственными целями и желаниями.

«А ты не забыл, Эрагон, о данной тобой клятве отомстить за смерть короля Хротгара?» — напомнила ему Сапфира, но он оставил ее вопрос без ответа.

Муртаг, оскалившись, усмехнулся:

— Значит, ты просишь меня стать совершенно другим, чем я теперешний? Значит, если мы с Торном хотим спасти себя, то должны уничтожить свою теперешнюю сущность? Да такое «спасение» куда хуже нашей нынешней беды!

— Прошу тебя, подумай! Просто позволь себе постепенно меняться, перерастать в нечто отличное от тебя теперешнего. Это очень нелегко, я понимаю, но ведь все люди так или иначе в течение жизни меняются. Для начала отпусти свой гнев, очисти от него свою душу, и сразу почувствуешь, что и Гальбаторикс тебе не указ.

— Отпустить свой гнев? — неприязненно рассмеялся Муртаг. — Ну хорошо, допустим, я отпущу свой гнев, но тогда

и ты позабудь о своем гневе; забудь о том, что Империя убила вырастившего тебя дядю и сожгла вашу ферму. Гнев определяет нашу сущность, Эрагон! Без него и ты, и я стали бы просто пищей для могильных червей. И все же... — Муртаг на минуту прикрыл глаза, затем провел рукой по гарде Заррока, словно успокаивая его; вены у него на шее немного опали, но синяя жилка на виске все еще продолжала нервно пульсировать. — Должен признаться: твоя идея меня, безусловно, заинтересовала. Возможно, мы сможем вместе еще подумать над нею, когда ты окажешься в Урубаене. Но для этого необходимо еще, чтобы наш правитель позволил нам видеться наедине. Чего, скорее всего, не произойдет. Я думаю, ему удобнее будет держать нас порознь. Во всяком случае, я бы на его месте именно так и поступил.

Эрагон крепче стиснул рукоять меча и спросил:

— Ты, похоже, уверен, что мы с тобой непременно вместе окажемся в цитадели Гальбаторикса?

— Ну да, естественно, я в этом уверен, братец! — Коварная улыбка растянула губы Муртага. — Неужели ты не понимаешь, что, даже если бы мы с Торном и хотели изменить свою сущность, мы все равно не сумеем в один миг этого добиться. И до тех пор, пока подобная возможность нам не представится, мы будем оставаться во власти Гальбаторикса. А Гальбаторикс со всей строгостью потребовал, чтобы мы непременно доставили к нему вас обоих. И у нас уже не возникает желания снова бравировать, рискуя вызывать его неудовольствие. Один раз мы уже сумели одержать над вами верх. И, надеюсь, с легкостью сделаем это снова.

Языки пламени вырвались из пасти Сапфиры, и Эрагон с трудом удержался, чтобы не ответить Муртагу какой-нибудь резкостью. Он понимал, что в таком случае кровопролитие стало бы неизбежным.

— Прошу вас обоих, Муртаг и Торн, — снова начал он, стараясь говорить по возможности спокойно, — хотя бы попробовать сделать то, что я вам предлагаю? Неужели желание противостоять Гальбаториксу совсем тебя покинуло, Муртаг? Ты и твой дракон никогда не сумеете освободиться от его страшной власти, если так и станете покорно исполнять все его приказания!

— Ты недооцениваешь Гальбаторикса, Эрагон, — прорычал Муртаг. — Ты просто не знаешь, сколь велико его могущество. Он в течение сотни лет создавал рабов, подчиняя их себе с помощью их истинных имен. Это продолжается с тех самых пор, как он взял на службу нашего отца. Неужели ты думаешь, что он и сам не знает, сколь сильно может меняться истинное имя за время жизни, меняя тем самым и сущность своего хозяина? Ему наверняка все это известно, и он давно уже предпринял соответствующие меры предосторожности. И если бы в какой-то момент мое истинное имя или имя Торна вдруг переменилось, эти перемены незамедлительно спустили бы с крючка тех «сторожевых псов», которые своим «лаем» обо всем известили бы Гальбаторикса, и он, не сомневаюсь, сумел бы заставить нас вернуться к нему в Урубаен, а потом снова накрепко привязал бы к себе такими узами, из которых нам уже никогда было бы не вырваться!

— Но это только в том случае, если бы он смог угадать ваши новые имена.

— Ну, тут уж ему равных нет! — Муртаг вновь поднял Заррок. — Мы с Торном, возможно, и воспользуемся в будущем твоим предложением, но лишь тщательно его изучив и соответствующим образом подготовившись. Мы не желаем обрести свободу лишь для того, чтобы снова дать Гальбаториксу возможность выкрасть нас и полностью подчинить себе. — Он взмахнул Зарроком, и лезвие меча блеснуло у него над головой. — А потому у нас нет выбора. Нам все-таки придется проводить вас с Сапфирой в Урубаен. Ну что, Эрагон, сдашься без боя или будем драться?

Более не в силах сдерживать себя, Эрагон ответил:

— Да я скорее сам себе сердце из груди вырву, чем сдамся тебе без боя!

— Лучше попробуй у меня из груди сердце вырвать! — ответил Муртаг, рубанул мечом воздух над головой и с диким боевым кличем ринулся в бой.

Взревев в унисон с ним, Торн, дважды взмахнув крыльями, взвился над Сапфирой, изогнулся в дугу, и его страшная пасть оказалась в опасной близости от ее шеи. Всего один

мощный укус в основание черепа, и драконихa была бы обездвижена.

Но Сапфира ждать не стала. Она рванулась вперед и, повернув могучие крылья в плечевых суставах, тут же стрелой пошла вниз, к земле, скрытой тучами пыли, затем резко выровняла полет и вновь как бы повисла в воздухе. Затем, накренившись направо, она отвела голову влево и, вращаясь по часовой стрелке, с такой силой ударила своим мощным хвостом по левому боку Торна, что тот перелетел через нее и сломал себе крылья сразу в пяти местах. Острые края его полых плечевых костей, проткнув шкуру, торчали теперь наружу между сверкающими чешуями. Крупные капли дымящейся драконьей крови падали сверху на Эрагона и Сапфиру. Одна из таких капель, разбившись о шлем Эрагона, просочилась сквозь кольчугу и коту до самой кожи, обжигая, точно кипящее масло. Он невольно поежился и тут же поспешил стереть с шеи вторую жгучую каплю.

Рев Торна превратился теперь в жалобный вопль; явно страдая от боли, он неуклюже пролетел мимо Сапфиры; было видно, что ему трудно удерживаться в воздухе.

— Отличный удар! — крикнул Эрагон Сапфире, когда та снова выровняла полет, и увидел, как Муртаг снял с пояса какой-то маленький округлый предмет и прижал его к плечу Торна.

До сих пор Эрагон не чувствовал никакого потока магической энергии, исходившего от Муртага, а вот тот предмет у него в руках прямо-таки вспыхнул, что было вызвано, видимо, ее приливом. *Сломанное крыло Торна непроизвольно* дернулось, и кости сами собой со щелчком встали на место, а порванные мышцы и связки тут же зажили. Мгновенно исчезли и все внешние признаки нанесенной дракону тяжелой травмы.

«Как же это ему удалось?!» — мысленно воскликнул Эрагон.

Ответила ему Арья:

«Я думаю, Муртаг заранее наполнил данный предмет целительной магической силой».

«Жаль, что я не подумал о подобных мерах предосторожности», — упрекнул себя Эрагон.

Исцелившийся с помощью магии Торн сразу прекратил падение и стал вновь подниматься вверх, к Сапфире. Он летел, точно огненное копье, окутанное языками пламени, а Сапфира кружила над ним, по спирали поднимаясь все выше и выше. Затем она ухитрилась довольно сильно тяпнуть Торна за шею, отчего тот испуганно шарахнулся, и в этот момент успела еще и поранить ему плечи и грудь когтями передних лап, оттолкнув его от себя и закрывая ему обзор своими мощными крыльями. При этом краем правого крыла она задела Муртага, чуть не выбив его из седла, но и он не остался в долгу: быстро восстановив равновесие, он с такой силой рубанул мечом по крылу Сапфиры, что у нее в мембране крыла появилась трехфутовая прореха.

Сапфира зашипела, лягнула Торна задней ногой и выпустила в него огромный язык пламени, который, как ни странно, разделился надвое и пролетел мимо Торна, не причинив ему ни малейшего вреда.

Эрагон чувствовал, какую боль причиняет Сапфире эта рана. Он не сводил глаз с зияющей дыры в ее крыле, и мысли его беспорядочно метались, пытаясь найти какой-то выход из сложившегося положения. Если бы против них сражался не только Муртаг, но кто-то еще из магов Гальбаторикса, Эрагон никогда не осмелился бы воспользоваться заклятьем, противоборствуя противнику, ибо этот маг, решив, что этот бой его последний, почти наверняка ответил бы отчаянной атакой, пустив в ход весь свой запас магических средств.

Но, похоже, в данном случае все обстояло иначе. Эрагон знал, что Гальбаторикс приказал Муртагу взять их с Сапфирой в плен, а не убить. И решил, что раз так, то вполне безопасно не только попытаться исцелить Сапфиру, но и атаковать Муртага с помощью магии. Вряд ли Муртаг решится ответить ему с той же смертоубийственной силой и тем самым нарушить приказ своего хозяина. И все же Эрагону очень хотелось узнать, почему Муртаг воспользовался своим волшебным предметом, чтобы исцелить Торна, а не защитить себя самого?

«Возможно, — услышал он голос Сапфиры, — он просто бережет силы. А может, не хочет до поры пугать тебя.

Гальбаториксу не понравилось бы, если бы ты из-за того, что Муртаг воспользовался магией, вдруг запаниковал бы и в результате погубил бы себя, или Торна, или Муртага. Вспомни: самое большое желание Гальбаторикса — иметь в своем распоряжении всех нас четверых, причем отнюдь не мертвыми, ибо мертвыми мы бы уж точно навсегда оказались вне пределов его досягаемости».

«Да, ты, должно быть, права», — согласился Эрагон и уже приготовился исцелить раненое крыло Сапфиры, когда услышал голос Арьи:

«Погоди, не делай этого!»

«Но почему? Ты разве не чувствуешь, как Сапфира страдает?»

«Пусть ее исцелением займутся мои братья-эльфы. Оставь это нам. Таким образом мы попытаемся сбить с толку Муртага, да и сам ты сохранишь свои силы».

«А вы не слишком далеко, чтобы взять на себя столь тяжелую задачу?»

«Не слишком — если объединим свои усилия. И вот еще что, Эрагон: мы советуем тебе воздержаться от использования магии против Муртага, пока он сам первым не попытается нанести тебе удар с помощью мыслей или магии. Ты нас понял? Он, возможно, по-прежнему значительно сильнее тебя несмотря на то, что мы, тринадцать эльфов, постоянно подпитываем тебя магической энергией. Наверняка мы, правда, этого не знаем, но лучше все же зря не испытывать судьбу. По крайней мере, пока иного выхода не будет».

«А если мне не удастся победить?»

«Тогда вся Алагейзия окажется во власти Гальбаторикса».

Эрагон почувствовал, как Арья направила поток магической энергии на Сапфиру, и вскоре из раны в крыле перестала капать кровь, рваные края тонкой мембраны сошлись и затянулись так, что не осталось даже тонкого шрама. Облегчение, которое испытала Сапфира, ощущалось просто физически. Арья же чуть устало посоветовала им: «Постарайтесь впредь вести себя более осмотрительно. Для нас это оказалось нелегко».

После того как Сапфира лягнула Торна и он потерял равновесие и высоту, он, видимо, догадался, что она хотела поскорее заставить его снизиться и оказаться под нею, ибо так ему было бы гораздо труднее избегать ее атак. Поэтому Торн отлетел на четверть мили к западу, но, заметив наконец, что Сапфира и не думает его преследовать, развернулся и вновь кругами пошел вверх, пока не оказался на добрую тысячу футов выше, чем она, и оттуда, сложив крылья, ринулся на Сапфиру.

Из его разинутой пасти вырывались языки пламени, на могучих лапах сверкали светлые острые когти, а на спине у него восседал Муртаг, размахивая мечом.

Эрагон чуть не выронил свой скарамасакс, когда Сапфира, прижав к боку одно крыло и лихо перевернувшись вверх тормашками, с головокружительной быстротой метнулась в сторону и тут же снова расправила крылья, снижая скорость падения. Если бы Эрагон успел оглянуться, то на мгновение увидел бы под собой землю. А может, земля была над ними? Он уже перестал это понимать и даже зубами заскрежетал, стараясь, главное, не выпустить из рук луку седла.

И тут Торн и Сапфира столкнулись в воздухе. На мгновение Эрагону показалось, что Сапфира с размаху налетела на щеку горы. Сила удара была столь велика, что его швырнуло вперед и он так ударился шлемом о торчавший прямо перед ним шип на шее Сапфиры, что пробил толстую сталь шлема насквозь. Оглушенный ударом, Эрагон бессильно обвис в седле, глядя, как два диска, земной и небесный, поменялись местами и вращаются вокруг него в каком-то невообразимом ритуальном танце. Он почувствовал, как сильно вздрогнула Сапфира, когда Торн ударил ее в незащищенное брюхо, и страшно пожалел, что не успел надеть на нее доспехи, подаренные ей гномами.

Он успел заметить, как возле плеча Сапфиры мелькнула сверкающая рубиновая лапа Торна, и в ее плоть впились его окровавленные когти. Не думая ни секунды, Эрагон рубанул по этой лапе, вдребезги разнеся несколько крупных чешуй и перерубая Торну связки. Три пальца на лапе тут же бессильно повисли. И Эрагон ударил снова.

Страшно оскалившись, Торн перестал рвать когтями плечо Сапфиры, выгнул шею дугой, и Эрагон, услышав, как красный дракон втягивает в себя воздух, пригнулся, пряча лицо в сгибе локтя. Почти тут же ревущее адское пламя охватило Сапфиру и ее ездока. Жар этого пламени не мог особенно повредить им — их защищали чары, созданные Эрагоном, — но все же на время ослепил обоих.

Сапфира резко метнулась влево, уходя от огневого вихря, и за это время Муртаг успел исцелить лапу Торна, поврежденную Эрагоном, и красный дракон опять бросился на Сапфиру, вцепившись в нее когтями. Сплетясь телами, драконы понеслись, вращаясь в тошнотворном вихре, над серыми палатками варденов, и наконец Сапфире удалось, изогнувшись, вонзить клыки в украшенное шипами основание черепа своего противника, хотя эти острые шипы и пронзили ей язык насквозь. Торн исторг страшный рев и заметался, точно пойманная на крючок рыба, пытаясь вырваться. Но вырваться из железных челюстей Сапфиры было не так-то просто, и оба дракона, медленно кружась, поплыли вниз, точно пара листков с вершины дерева, сцепившихся в воздухе черешками.

Эрагон, сильно перегнувшись и чуть не падая из седла, ударил Муртага мечом по правому плечу. Он вовсе не собирался убивать его, однако все же хотел посильнее его ранить и вывести из боя, чтобы закончить эту схватку в воздухе. На этот раз — в отличие от сражения над Пылающими Равнинами — Эрагон чувствовал в себе куда больше сил и очень надеялся, что если рука его будет столь же сильна и быстра, как у эльфов, то Муртаг окажется перед ним совершенно беззащитен.

Однако Муртаг успел поднять щит и заблокировать его удар.

Его реакция оказалась столь неожиданной, что Эрагон снова чуть не вылетел из седла, и ему едва хватило времени вновь собраться и парировать удар Муртага. Заррок просвистел в воздухе с такой скоростью, что его едва можно было разглядеть, и задел Эрагону плечо. Затем, желая усилить успех, Муртаг ударил снова, на этот раз по запястью Эрагона, и когда Эрагон щитом отбил этот удар, Муртаг сумел

ударить еще раз, попав под щит и скользнув мечом по нижнему краю кольчуги Эрагона и угодив острием прямо ему в бедро.

Острие Заррока застряло в кости, и боль была такой, что Эрагон похолодел; ему показалось, будто на него вылили ведро ледяной воды, отчего мысли вдруг приобрели необычайную ясность, а конечности явственно ощутили невероятный прилив сил.

А потому, как только Муртаг выдернул свой меч, Эрагон взвыл и бросился на него. Но Муртаг ловким движением кисти отбил его выпад и прижал его короткий меч своим Зарроком, скаля зубы в зловредной усмешке. Эрагону удалось *высвободить свой скарамасакс* и нанести ответный удар по правому колену Муртага, защищенному латами; затем он, резко крутанув мечом, рубанул Муртага по лицу и не без злорадства крикнул:

— Надо было тебе все-таки шлем надеть!

И тут вдруг оказалось, что земля всего в нескольких сотнях футов от них, так что Сапфира нехотя выпустила Торна, и оба дракона разлетелись в разные стороны, прежде чем Эрагон и Муртаг сумели еще как следует «угостить» друг друга.

Пока драконы вновь по спирали поднимались ввысь, к жемчужно-белым облакам, собиравшимся над лагерем варденов, Эрагон, приподняв кольчугу и рубаху, быстро осмотрел свою рану на бедре. Участок кожи величиной с ладонь казался совершенно обескровленным в том месте, где Заррок, пробив кольчугу, вонзился в кость. В середине этого бледного пятна виднелась тонкая красная линия дюйма в два длиной. Кровь текла довольно обильно, и верхняя часть штанины уже промокла насквозь.

То, что его ранил Заррок — тот меч, который никогда прежде не подводил его в минуту опасности и который он по-прежнему считал по праву своим, — вызвало в душе неясную тревогу. То, что его ранили его же оружием, казалось ему совершенно неправильным. Казалось, были поколеблены сами основы его мира; все инстинкты, все нутро Эрагона восставало против подобной несправедливости.

Сапфира слегка покачнулась, попав в воздушный поток, и Эрагон поморщился от пронзившей весь бок боли. «Хорошо еще, — думал он, — что дрались мы не на земле, потому что тогда я вряд ли смог бы устоять на ногах».

«Арья, — спросил он мысленно, — что лучше: вам исцелить меня или мне самому сделать это, и пусть Муртаг попробует остановить меня, если сможет?»

«Мы постараемся исцелить твою рану, — ответила Арья. — И возможно, тебе удастся застать Муртага врасплох, если он по-прежнему будет считать, что ты ранен».

«Ох, погодите».

«Почему?»

«Мне нужно дать тебе разрешение. Иначе моя магическая защита не пропустит ваши чары. — Эрагон не сразу смог вспомнить слова заклятья — все-таки ему было очень больно, — но вскоре взял себя в руки и прошептал на древнем языке: — Разрешаю Арье, дочери Имиладрис, нарушить защитные чары и применить ко мне исцеляющее заклятье».

«Мы еще поговорим насчет твоих защитных чар, — услышал он сердитый голос Арьи. — Но потом, после боя. А что, если бы ты потерял сознание? Как бы мы тогда смогли помочь тебе?»

«А мне казалось, что это неплохая идея. Ведь тогда, во время сражения на Пылающих Равнинах, Муртаг запросто нас обоих обездвижил с помощью магии. И я не хочу, чтобы это повторилось еще раз».

«Допустим, никто из соперников этого не хочет. Но ведь есть и более тонкие решения, чем то, к какому пришел ты».

Эрагон заерзал в седле: эльфийская магия вступила в действие, и рана у него на бедре, заживая, стала чесаться, словно ее кусали сотни блох. Когда жжение прекратилось, он сунул руку под рубаху и с удовольствием обнаружил, что там нет даже шрама; кожа была совершенно гладкой.

«Здорово! — искренне восхитился он, расправляя плечи. — Сейчас мы им снова покажем! Пусть страшатся даже звука наших имен!»

Жемчужно-белое облако горой громоздилось перед ними. Сапфира резко свернула влево и, пока Торн пытался

совершить разворот, нырнула прямо в середину этого облака. Все вокруг сразу стало холодным, влажным и белым, а затем они стрелой вылетели по ту сторону облака, оказавшись на несколько футов выше Торна и чуть позади него.

Взревев от восторга, Сапфира ринулась на Торна и схватила его за бока, глубоко вонзив когти ему в ляжки и в поясницу. Затем, выбросив голову вперед, словно змея, она вцепилась зубами в левое крыло Торна и рванула с такой силой, что ее острые как бритва зубы разрезали тонкую мембрану и вспороли ему плечо.

Торн дернулся и пронзительно закричал; Эрагон даже не подозревал, что драконы способны издавать столь ужасные и жалобные вопли.

«Он готов! — услышал он мысли Сапфиры. — Я могу сейчас оторвать ему крыло, но, пожалуй, предпочту пока этого не делать. Так что, если ты собрался делать выпад, делай его скорее, пока мы опять не пошли на снижение».

С белым как мел лицом, покрытым коркой запекшейся крови, Муртаг направил на Эрагона Заррок — меч так и дрожал в воздухе, — и Эрагон вдруг ощутил мысленный поток необычайной силы. Казалось, кто-то посторонний пытается нащупать его мысли и завладеть ими, чтобы затем представить их Муртагу. Как и тогда, над Пылающими Равнинами, Эрагон заметил, что при попытке Муртага проникнуть в его сознание у него неизменно возникает ощущение некоего смешанного хора, словно множество разных голосов что-то нашептывают ему на фоне бешено скачущих мыслей самого Муртага.

«Интересно, — подумал Эрагон, — а не помогает ли Муртагу целый отряд магов, как и мне помогают эльфы?»

И хоть это оказалось нелегко, Эрагон отринул от себя все прочие мысли, кроме мыслей о мече Зарроке, полностью сосредоточившись на этом образе и постепенно как бы сглаживая пространство своего сознания, приводя себя в состояние спокойной медитации, чтобы Муртагу не за что было уцепиться. И когда Торн нырнул куда-то, снова оказавшись под ними, и тем самым на мгновение отвлек внимание Муртага, Эрагон предпринял яростную контратаку, пытаясь проникнуть в сознание самого Муртага.

Оба сражались в мрачном молчании, выискивая в мыслях друг друга потайные лазейки. Порой казалось, что верх одерживает Эрагон, порой — что Муртаг, но победить не мог ни один. Эрагон мельком глянул на мчавшуюся навстречу землю и понял, что этот поединок придется решать иными средствами.

Опустив меч, так что он оказался на одном уровне с Муртагом, Эрагон крикнул: «Летта!» Точно таким же заклинанием воспользовался против него и Муртаг во время их предыдущего сражения. Это было очень простое заклинание — всего лишь одно слово «Остановись!» должно было связать, обездвижить руки и тело Муртага. Однако же и этого заклинания было достаточно, чтобы противники могли испытать друг друга в непосредственном контакте и определить, у кого из них запас магических сил больше. Губы Муртага чуть шевельнулись; по всей видимости, он произнес слова противодействующего заклятья, но слов его не было слышно за рычанием Торна и воем ветра.

У Эрагона бешено забилось сердце, когда он почувствовал, что силы стремительно покидают его. Руки и ноги отказывались ему повиноваться, и он, почти полностью исчерпав запасы своих сил и уже теряя сознание, вдруг почувствовал, что Сапфира и эльфы вливают в него драгоценную магическую энергию. Он видел, что Муртаг, до сих пор казавшийся чрезвычайно самодовольным и самоуверенным, заметно помрачнел, и губы его раздвинулись в усмешке, напоминающей оскал. Эрагон не отпускал его, и оба с одинаковым рвением стремились прорвать мысленную защиту соперника.

Эрагон почувствовал, что приток энергии, которую передавала ему Арья, вдруг уменьшился; через какое-то время это повторилось, и он догадался, что двое из эльфов-заклинателей, видимо, не выдержали и потеряли сознание. «Муртагу тоже долго не выдержать!» — упрямо подумал Эрагон и тут же вынужден был восстанавливать контроль над собственными мыслями, ибо утрата концентрации дала Муртагу возможность в них проникнуть.

Сил, которые Эрагон черпал у Арьи и других эльфов, теперь, похоже, стало раза в два меньше; даже Сапфира

начинала уже дрожать от усталости. И когда Эрагон уже почти не сомневался, что проиграл, что победа снова будет за Муртагом, Муртаг издал горестный вопль и полностью прекратил свои попытки проникнуть в его сознание. Эрагону показалось, что с его плеч свалилась огромная тяжесть. Глянув в сторону соперника, он увидел, что тот весьма удивлен его успехом.

«А что теперь? — спросил Эрагон, обращаясь к Арье и Сапфире. — Может быть, стоит взять их в заложники? Как вы считаете, надо это сделать?»

«А теперь, — ответила ему Сапфира, — я должна вернуться на землю». Она отпустила Торна и даже оттолкнула его от себя, затем с трудом взмахнула крыльями и стала снижаться, стараясь все же не упасть с высоты. Эрагон смотрел через ее плечо на приближавшуюся землю. Затем перед глазами его на мгновение мелькнули лошади на зеленом, покрытом полосами солнечного света лугу, по которому ходили волны травы. Вдруг словно некий великан с силой ударил его снизу под подбородок, и свет в его глазах померк.

Очнувшись, Эрагон увидел перед собой чешую на шее Сапфиры; он видел ее как-то очень близко, на расстоянии *одного или* двух дюймов от глаз, и она сияла, точно темно-синий лед. Эрагон смутно ощущал, что кто-то настойчиво пытается вступить с ним в мысленную связь, но находится от него очень далеко. Лишь окончательно придя в себя, он понял, что это Арья. «Сними свое заклятье, Эрагон! — повторяла она. — Оно убьет нас всех, если ты немедленно его не снимешь. Сними свое заклятье! Не бойся, Муртаг уже далеко отсюда. Очнись, Эрагон! Сними заклятье, не то и ты, и все мы погибнем!»

Эрагон заставил себя рывком выпрямиться в седле и увидел, что Сапфира, скорчившись, лежит на земле, окруженная кавалеристами короля Оррина. Арьи нигде не было видно. Теперь Эрагон уже и сам чувствовал, что заклятье, которое он наложил на Муртага, по-прежнему вытягивает из него силы, причем с каждой минутой все сильнее. Если бы не помощь и поддержка Сапфиры, Арьи и других эльфов, он давно уже был бы мертв.

Эрагон, ужаснувшись, остановил поток магической энергии и поискал взглядом Торна и Муртага, надеясь увидеть их на земле.

«Вон они», — услышал он голос Сапфиры.

Драконихa чуть шевельнула мордой, и Эрагон, посмотрев в ту сторону, увидел далеко, у северо-западного края неба, сверкающего на солнце красного дракона, который отсюда казался совсем маленьким. Торн явно направлялся вверх по течению реки Джиет в расположение войск Гальбаторикса.

«Но как им это удалось?» — вырвалось у Эрагона.

«Муртаг снова сумел исцелить Торна. А потом Торну просто повезло: он сумел приземлиться на вершину холма и улететь еще до того, как ты успел очнуться».

И откуда-то из-за холмов до Эрагона донесся гулкий, усиленный магией голос Муртага:

— Не думайте, что на этот раз вы победили! Обещаю: мы встретимся снова, и тогда мы с Торном окончательно одержим над вами победу, ибо станем еще сильнее, чем сейчас!

Эрагон так впился ногтями в щит и рукоять меча, что выступила кровь.

«Как ты думаешь, Сапфира, ты могла бы сейчас одолеть этого Торна?»

«Могла бы. Но тебе эльфы на таком расстоянии уже не смогли бы помочь. А я очень сомневаюсь, что без их помощи мы смогли бы одержать победу над Муртагом и Торном».

«Но ведь можно было бы... — Эрагон умолк и в отчаянии даже топнул ногой: — Проклятье! Какой же я идиот! Я совершенно позабыл об Арене! О кольце Брома! Ведь можно было воспользоваться той энергией, что в нем заключена, и тогда победа наверняка была бы за нами!»

«Там, в воздухе, у тебя и так забот хватало. Ничего удивительного, что ты не вспомнил о кольце. Любой на твоем месте наделал бы еще больше ошибок».

«Возможно, и все-таки очень жаль. Ведь можно было еще многое успеть, можно было, наверное, даже Торна и Муртага в плен взять».

«И что бы ты с ними делал? — спросила Сапфира. — Где бы ты их держали? Посадил бы в подвал, как тебя

самого Дурза в Гилиде? Или, может, ты хочешь просто убить их?»

«Ох, не знаю я! Мы могли бы, например, помочь им переменить истинные имена и сломить клятву, данную ими Гальбаториксу. Но, с другой стороны, позволить им свободно, без присмотра, странствовать по свету было бы слишком опасно...»

Тут к их разговору присоединилась Арья и сказала:

«Теоретически ты прав, Эрагон, но ты устал, устала и Сапфира, вам обоим надо отдохнуть. И, честно говоря, оно и к лучшему, что Торн и Муртаг от нас удрали; мне совсем не хотелось потерять вас обоих, ведь дрались-то вы сегодня не лучшим образом».

«И все-таки...»

«И все-таки ясно одно: у нас в данный момент попросту нет возможности держать в плену дракона и Всадника. Кроме того, как мне кажется, убить Торна и Муртага совсем не так легко, как тебе это сейчас представляется, Эрагон. Будь благодарен, что мы вообще сумели отогнать их прочь, и отдыхай спокойно, ибо, уверяю тебя, мы и во второй раз сумеем отогнать их, если они вдруг снова осмелятся на нас напасть». Сказав это, Арья прервала с Эрагоном мысленную связь.

А он еще долго смотрел вслед Торну и Муртагу, потом вздохнул, ласково погладил Сапфиру по шее и сказал ей:

«Я, кажется, мог бы недели две проспать!»

«И я тоже».

«Ты, кстати, вполне можешь собой гордиться: ты во всех отношениях вела бой лучше Торна».

«Да, похоже, что так. Или я неправа? — Она кокетливо покосилась на Эрагона, явно желая услышать еще похвалу в свой адрес. — Впрочем, этот поединок вряд ли можно было назвать честным. Все-таки у Торна гораздо меньше опыта, чем у меня».

«У него и талантов таких нет!»

Изогнув шею, Сапфира благодарно лизнула Эрагона в правое плечо. Звякнула металлическая кольчуга, и сверкающие драконьи глаза уставились прямо ему в лицо.

Эрагон постарался бодро улыбнуться, улыбка вышла довольно жалкая.

«Между прочим, я был совершенно в тебе уверен и не сомневался, что ты в бою будешь куда лучше этого Торна. Но меня очень удивило, что Муртаг оказался столь же быстр и ловок, как и я. А может, и еще ловчее. Ему явно помогали какие-то чары Гальбаторикса».

«И все-таки странно, что твои защитные чары не смогли отвратить удар Заррока. Они ведь спасали тебя и от куда более страшных ударов. Помнишь, когда мы сражались с раззаками?»

«Помню. Я не уверен, что понимаю, в чем тут дело... Но, по-моему, Муртаг или Гальбаторикс применили какое-то такое заклятье, которое мне даже в голову не могло прийти, а потому я не создал против него защиты. А может, все дело просто в самом Зарроке — все-таки это клинок Всадника, а как говорил Глаэдр...»

«Клинки Рюнона способны...»

«Уничтожить любые защитные чары и лишь...»

«Изредка сами...»

«Испытывают воздействие магии. Точно. — Эрагон посмотрел на потеки драконьей крови на лезвии своего меча. — Когда же мы сами-то будем в силах победить своих врагов?! Я ведь и Дурзу-то не смог бы убить, если бы Арья тогда не разнесла вдребезги Звездный Сапфир. Да и сейчас мы смогли отчасти справиться с Муртагом и Торном и отогнать их только с помощью Арьи и еще двенадцати эльфов».

«Мы непременно должны стать сильнее их».

«Вот именно. Но как это сделать? Как *Гальбаторикс* сумел до такой степени увеличить свою мощь? *Неужели он* нашел способ вытягивать энергию из своих рабов, даже находясь за сотни миль от них? Черт! Не понимаю!»

Струйка пота стекла у Эрагона по лбу и попала ему в правый глаз. Глаз защипало, и он вытер его ладонью, поморгал и только тут заметил окружавших их с Сапфирой кавалеристов. «Интересно, — подумал он, — что это они здесь делают? Охраняют нас, что ли?» Однако, оглядевшись, он понял, что Сапфира приземлилась неподалеку от того места, где король Оррин перехватил высадившихся на берег

воинов Гальбаторикса. А чуть дальше все еще продолжалось сражение; там жутко рубились, охваченные какой-то болезненной яростью, сотни пеших воинов, ургалов и кавалеристов. С той стороны то и дело слышались звон мечей, стоны и крики раненых, прорывавшиеся сквозь неумолчный рев сражения и бессмысленный, идиотический смех безумных воинов Гальбаторикса.

«По-моему, они здесь, чтобы защитить нас», — сказала Сапфира.

«Нас? От кого это? И почему они до сих пор не перебили этот жалкий отряд? И где...» — Эрагон не договорил, увидев, что Арья, Блёдхгарм и еще четверо страшно растрепанных и измученных эльфов на огромной скорости мчатся к ним со стороны лагеря. Эрагон приветственно помахал рукой и крикнул:

— Арья! Что случилось? Похоже, тут никто даже приказов не слушает. Свалка какая-то.

Но, увидев, как тяжело дышит Арья, Эрагон встревожился. Эльфийка даже не сразу смогла ему ответить.

— Эти воины оказались куда более опасными, чем мы предполагали, — задыхаясь, сказала она. — Мы не знаем, какую магию применил Гальбаторикс. О ней даже Дю Врангр Гата ничего не известно. Там слышали только какие-то невнятные слухи; примерно такие же слухи собрали, впрочем, и заклинатели Оррина. — Восстановив дыхание, Арья тут же принялась обследовать раны и порезы на теле Сапфиры.

Прежде чем Эрагон успел задать еще какие-то вопросы, со стороны поля битвы донеслись громкие крики, группа воинов вынырнула из гущи схватки, и Эрагон услышал, как король Оррин кричит:

— Назад, назад! Все назад! Лучники, держите оборону, черт бы вас всех побрал! Ни шагу назад! Он у нас в руках!

Сапфиру явно одолевали те же мысли, что и Эрагона. И она, подобрав под себя лапы, перепрыгнула через кольцо окружавших ее всадников — настолько перепугав при этом коней, что несчастные животные с громким ржанием бросились врассыпную, — и двинулась через усыпанное мертвыми телами поле на звук голоса короля Оррина, небрежно отшвыривая в стороны людей и ургалов, точно разгребая

траву на лугу. Эльфы поспешили за нею, стараясь не отставать и держа мечи и луки наготове.

Оррин верхом на жеребце находился во главе плотно сомкнувшего свои ряды конного отряда; кавалеристы не сводили глаз с одиноко бредущего человека, которому до них оставалось шагов двадцать. Лицо короля побагровело от напряжения и гнева, глаза дико сверкали, доспехи были забрызганы грязью и кровью — он явно и сам участвовал в бою и был ранен то ли в подмышку, то ли в бок. Из правого бедра у него торчал обломок копья в несколько дюймов длиной. Когда он заметил приближавшуюся Сапфиру, на лице его отразилось явное облегчение.

— Ах, как хорошо, что вы здесь! — негромко воскликнул он, когда Сапфира остановилась рядом с его жеребцом. — Вы нам сейчас оба очень нужны! — Один из лучников выдвинулся на несколько дюймов вперед, и Оррин тут же взмахнул мечом и заорал: — Назад! Каждому, кто сойдет с места, я сам голову отрублю! Клянусь короной Ангварда! — И Оррин снова уставился на того одинокого воина.

Эрагон тоже внимательно посмотрел на него. Это был человек среднего роста, с ярко-красным родимым пятном на шее и темно-каштановыми волосами, придавленными шлемом и торчавшими из-под него нелепыми колючками. Щит у него был разнесен вдребезги. Меч согнут и сломан, так что лезвие стало короче, по крайней мере, дюймов на шесть. Кольчуга воина была перепачкана речным илом. Из рубленой раны в боку струилась кровь. Из правой ступни торчала стрела с белым оперением, точно кто-то хотел пришпилить его ногу к земле. Но в то же время из горла несчастного вырывался жуткий, какой-то клокочущий смех, который становился то громче, то слабее, подчиняясь какому-то кошмарному ритму, и казалось, что человек этот от ужаса вот-вот сорвется на пронзительный визг.

— Эй, ты кто? — крикнул ему король Оррин. Но воин не ответил, и Оррин, сердито сплюнув, снова потребовал: — Отвечай! Не то я натравлю на тебя своих заклинателей! Человек ты или зверь? А может, злокозненный демон? В какой грязной яме Гальбаторикс отыскал тебя и твоих собратьев? Или, может, ты родственник его раззакам?

Последний вопрос Оррина подействовал на Эрагона, точно с размаху воткнутая в тело игла; он резко выпрямился, чувствуя, что все его чувства напряжены до предела.

Смех ненадолго прекратился, и странный воин заговорил:

— Человек... Я — человек.

— Не знал я, что бывают такие люди!

— Я всего лишь хотел обеспечить будущее своей семьи. Это что, тоже тебе совсем не знакомо, сурданин?

— Давай-ка без загадок, змея подколодная! Рассказывай, как ты стал таким, да говори все как на духу, иначе я прикажу залить тебе в глотку расплавленный свинец. Вот тогда и посмотрим, будет ли тебе по-прежнему так уж смешно.

Но, несмотря на угрозы, странный кудахчущий смех тут же возобновился и даже стал несколько громче. Потом воин с трудом выговорил:

— Ты не можешь причинить мне боль, сурданин. Никто этого не может. Наш великий правитель сделал нас нечувствительными к боли. И теперь наши семьи будут жить в достатке и благополучии до конца дней своих. Ты можешь спрятаться от нас, но мы никогда не перестанем тебя преследовать, хотя обычные люди на нашем месте давно уже начали бы падать от изнеможения. Ты можешь сколько угодно сражаться с нами, но мы не перестанем убивать вас, пока наши руки будут способны взмахнуть мечом. Ты не можешь даже сдаться нам в плен, ибо пленных мы не берем. Так что тебе остается только умереть, и тогда мир восстановится на нашей земле.

С жуткой гримасой воин ухватил за древко стрелу, торчавшую у него из ноги, и выдернул ее, с кошмарным треском разрывая собственную плоть и сухожилия. Стряхнув с острия отвратительные алые сгустки, воин вложил эту стрелу в лук и выстрелил ею в одного из лучников, ранив его в руку. Смех безумца стал еще громче, и он ринулся вперед, волоча раненую ногу и размахивая своим сломанным мечом.

— Пристрелите его! — крикнул Оррин.

Запели тетивы луков, точно плохо настроенные лютни, и в тело безумного воина вонзилось сразу несколько стрел. Две из них, пробив его кольчугу, застряли в кожаных

доспехах, остальные насквозь пронзили грудную клетку и теперь торчали из спины. Смех воина превратился в невнятное бульканье, поскольку легкие его заполнялись кровью, но он продолжал идти вперед, оставляя на траве алые пятна крови. Лучники выстрелили снова; теперь стрелы торчали у воина из плеч, рук и подмышек, но он не останавливался. Еще один залп — и тут воин наконец споткнулся и упал. Одна из стрел раздробила ему левую коленную чашечку, остальные прямо-таки изрешетили бедра, а еще одна стрела угодила в шею, по самое оперение войдя в центр того заметного красного родимого пятна, так что острие ее теперь торчало сзади. Из раны фонтаном била кровь, однако воин и не думал умирать. Идти он теперь не мог и пополз, волоча свое оружие по земле, но по-прежнему ухмыляясь и хихикая, точно весь мир вокруг был для него всего лишь мерзкой шуткой и лишь он один был способен оценить эту шутку по достоинству.

Холодок пробежал у Эрагона по спине при виде столь жуткой сцены.

Король Оррин смачно выругался, и в голосе его Эрагону послышались истерические нотки. Спрыгнув с жеребца на землю, Оррин швырнул в грязь свои меч и щит и потребовал у ближайшего ургала:

— Дай мне твой топор!

Ургал явно был ошеломлен; его серая кожа приобрела трупный оттенок; некоторое время рогач колебался, но потом все же отдал Оррину свое боевое оружие. Король, хромая, подошел к хихикавшему воину, обеими руками поднял тяжеленный топор и одним ударом отсек ему голову.

Хихиканье прекратилось, но глаза воина еще несколько мгновений вращались, а губы двигались. Наконец все стихло, и Оррин, подняв отрубленную голову за волосы, чтобы все могли ее видеть, громогласно заявил:

— Значит, их все-таки можно убить! Немедленно передайте всем: единственный способ остановить этих чудовищ — это отрубить им голову. Отрубить, или размозжить ее дубинкой, или с близкого расстояния попасть им в глаз стрелой... Грейтуф, ты где? — Крепкий кавалерист средних лет выдвинулся вперед вместе с конем. — Надень эту голову

на шест у северных ворот. И все их головы потом наденьте на шесты! Пусть это будет нашим посланием Гальбаториксу! Пусть он знает, что мы разгадали его мерзкий трюк, что мы его не боимся, и, несмотря ни на что, победа будет за нами! — Оррин вернулся к своему коню, отдал ургалу топор и поднял с земли свой меч.

Неподалеку Эрагон заметил кулла Нар Гарцвога с отрядом ургалов и, быстро переговорив с Сапфирой, попросил ее подойти к ним поближе. Поздоровавшись с рогатыми великанами, Эрагон спросил у Гарцвога:

— Неужели все эти воины были такими же, как этот? — И он указал на утыканное стрелами мертвое тело.

— Да. Боли они не чувствовали. Ударишь его, думаешь, он мертвый, а он возьмет да сзади на тебя набросится. — Гарцвог нахмурился. — Я сегодня потерял немало рогачей. Нам в разных битвах доводилось участвовать. Мы и с несметным людским войском сражались, и с Огненным Мечом, а вот с этими смеющимися истуканами встречаться не доводилось. Страшные они какие-то. Так и кажется, что внутри у них какие-то безрогие духи сидят! А может, это сами боги против нас пошли?

— Чепуха! — рассердился Эрагон. — Это просто очередные гнусные штучки Гальбаторикса! Ничего, мы скоро найдем способ защитить себя от его чар. — Но как бы он ни храбрился, мысль о том, как сражаться с врагами, которые не чувствуют боли, тревожила его не меньше, чем ургалов. Больше того, из слов Гарцвога он понял, что поддержать боевой дух среди варденов будет еще труднее. И неизвестно, удастся ли это Насуаде, когда все узнают о столь необычных воинах, присланных Гальбаториксом.

Пока варденыи ургалы собирали павших на поле боя соратников, снимали с трупов оружие, отрубали вражеским воинам головы и сволакивали их изуродованные тела в общую кучу для сожжения, Эрагон, Сапфира и король Оррин вернулись в лагерь; Арья и остальные эльфы последовали за ними.

По дороге Эрагон предложил Оррину исцелить рану на ноге, но король отказался:

— У меня есть свои лекари, Губитель Шейдов.

Насуада и Джормундур ждали их у северных ворот. Насуада, подойдя к Оррину, спросила:

— Что пошло не так?

Эрагон, прикрыв глаза, слушал, как Оррин рассказывает ей, как проходил бой. Сначала его кавалеристы весьма удачно рассекли вражеские ряды, нанося направо и налево смертельные удары и вовсю, как им казалось, разя врага. Сами они почти не пострадали во время этого первого столкновения, однако стоило им оглянуться, как они увидели, что многие из «мертвецов» ожили и вновь ринулись в бой. Оррин явственно вздрогнул, вспоминая об этом.

— И тут нас охватила паника, — признался он. — Да и любой на нашем месте просто застыл бы от ужаса. Мы не могли понять, неужели эти воины вообще неуязвимы? Да и люди ли они? Когда ты видишь, как на тебя идет враг, хотя у него раздроблена лодыжка, а из живота торчит дротик, и половина лица снесена ударом меча, а он при этом *смеется* тебе прямо в лицо, то вряд ли устоишь на месте. Мои воины потеряли самообладание. Сломили ряды. Воцарилась суматоха. Началась резня. А потом подоспели посланные тобой, Насуада, ургалы и вардены, но запаниковали и они... — Оррин сокрушенно покачал головой. — Никогда я ничего подобного не видел! Даже на Пылающих Равнинах!

Кровь так сильно отлила у Насуады от лица, что это стало заметно даже при ее темной коже. Она посмотрела на Эрагона, затем на Арью:

— Как же Гальбаторикс это удалось?

Ответила ей Арья:

— Он почти полностью заблокировал способность этих людей чувствовать боль. Оставил лишь чуть-чуть, чтобы они сознавали, где находятся и что делают, но чтобы все же боль не сумела заставить их потерять голову. Такое заклятье требует совсем немного магической энергии, но действие его поистине ужасно.

Насуада облизнула пересохшие губы. И снова обратилась к Оррину:

— Ты знаешь, скольких мы потеряли?

По телу Оррина снова прошла крупная дрожь. Он согнулся, зажимая рукой рану на бедре, и, скрипнув зубами, прорычал:

— Всего каких-то три сотни против... Сколько ты послала?

— Две сотни меченосцев. Сотню копьеносцев. Пятьдесят лучников.

— Плюс ургалы, плюс мой кавалерийский отряд... В общем, около тысячи. Против трех сотен пеших солдат в открытом поле! Теперь-то мы уничтожили их всех, но чего это нам стоило... — Король покачал головой. — Сколько наших погибло, мы узнаем точно, лишь пересчитав убитых, но, по-моему, погибло не менее трех четвертей. Немало погибших даже среди лучников. А от моей кавалерии осталось всего человек пятьдесят, в лучшем случае семьдесят. Многие из них были мне верными боевыми товарищами... Ну, и среди ургалов тоже потери большие — сотня, а может, и полторы рогачей пали. В итоге что? Пятьсот или шестьсот трупов надо срочно хоронить, да и многие из тех, что уцелели, серьезно ранены. Я не знаю... не знаю. Я не... — И Оррин, не договорив, стал валиться на землю и упал бы, если бы его не успела подхватить Арья.

Насуада щелкнула пальцами, подзывая двух варденов, и приказала им отнести короля Оррина в шатер и немедленно позвать его лекарей.

— Надо признать, что, хоть мы и уничтожили этот отряд, но потерпели тяжкое поражение, — почти шепотом промолвила Насуада и крепко сжала губы. Было видно, что вся душа ее объята печалью и отчаянием. Глаза у нее блестели от слез. Выпрямившись, она сурово посмотрела на Эрагона и Сапфиру: — Ну, а что было с вами? — Застыв, как изваяние, она выслушала рассказ Эрагона о сражении с Муртагом и Торном, затем кивнула и сказала: — А мы здесь, на земле, надеялись только на одно: что вам как-то удастся избежать битвы с ними. Но вы не только вступили с ними в бой, но и почти победили их. Для меня это огромное облегчение. Вы доказали, что Гальбаториксу не удалось сделать Муртага настолько могущественным, чтобы ты не мог даже надеяться одержать над ним победу. Если бы у вас хватило сил, то, как мне кажется, ты мог бы сделать с Муртагом все что угодно. Надеюсь, что хотя бы по этой причине он не осмелится один пойти против армии королевы Имиладрис!

А если нам удастся собрать достаточное количество заклинателей в помощь тебе, Эрагон, то мы, возможно, сумеем наконец покончить с Муртагом и Торном, когда в следующий раз они вызовут вас с Сапфирой на бой.

— Разве ты не хочешь взять их в плен? — спросил Эрагон.

— Я много чего хочу, но сомневаюсь, что получу хотя бы часть этого. Муртаг и Торн, возможно, и не стали бы убивать вас, однако, раз подобная возможность существует, нам следует уничтожить их без колебания. Или ты думаешь иначе?

— ...Нет.

Но Насуада, словно не заметив в его ответе неуверенности, уже переключила свое внимание на Арью.

— Не погиб ли кто-то из твоих заклинателей во время этого поединка? — спросила она.

— Нет. Некоторые эльфы, правда, потеряли сознание, но вскоре пришли в себя. Спасибо.

Насуада глубоко вздохнула, долгое время смотрела куда-то на север, потом снова повернулась к Эрагону:

— Эрагон, пожалуйста, сообщи Трианне, что я прошу членов Дю Врангр Гата выяснить, как нам бороться с заклятьем Гальбаторикса. Нет, это просто неслыханно! Однако мы не должны уступать ему, мы просто не можем себе этого позволить! Я понимаю, что в целом для нас подобные чары неприменимы... я думаю, что мы слишком уязвимы... И все же нам следовало бы иметь отряд из нескольких сотен меченосцев — волонтеров, разумеется, — которые согласились бы стать невосприимчивыми к физическим страданиям.

— Хорошо, госпожа моя, я все ей передам.

— Так много убитых! — сказала с горечью Насуада. — Мы слишком долго оставались на одном месте. Давно пора было снова прийти в движение, предпринять атаку, заставить имперские войска обороняться... — В голосе Насуады звенело отчаяние. Она пришпорила коня и развернула его так, чтобы не видеть страшного поля, заваленного мертвыми телами. Жеребец тряс головой и грыз удила. — Твой брат, Эрагон, умолял меня позволить ему принять участие в сегодняшнем сражении. Я ему отказала — ведь у него скоро свадьба, — и это, по-моему, очень ему не понравилось. Хотя,

подозреваю, у его невесты несколько иное к этому отношение. Ты, я надеюсь, сообщишь мне, по-прежнему ли они намерены именно сегодня сыграть свою свадьбу? Хотя, наверное, после стольких потерь сердца варденов согрел бы свадебный пир.

— Я дам тебе знать, как только сам обо всем узнаю.

— Спасибо, Эрагон. А теперь ты можешь идти.

Расставшись с Насуадой, Эрагон и Сапфира первым делом навестили тех эльфов, которые лишились чувств во время их сражения с Муртагом и Торном, и поблагодарили их за бесценную помощь. Затем Эрагон, Арья и Блёдхгарм занялись теми ранами, которые Торн и Муртаг успели нанести Сапфире. И лишь после этого Эрагон мысленно отыскал Трианну и сообщил ей то, о чем просила его Насуада.

Затем они с Сапфирой отправились к Рорану и Катрине. Их сопровождали Блёдхгарм и еще несколько эльфов; Арья осталась у себя, сославшись на неотложные дела.

Роран и Катрина тихо, но весьма сердито спорили, когда Эрагон увидел их возле палатки Хорста. Они, правда, тут же умолкли, и Катрина, скрестив руки на груди, отвернулась от Рорана. Роран, сунув за пояс свой неизменный молот, молчал, постукивая каблуком о камень.

Эрагон несколько минут подождал, надеясь, что они объяснят ему причину своей ссоры, но вместо этого Катрина спросила с искренней тревогой:

— Вы не ранены?

— Были ранены, но уже исцелились.

— Но это... Как все-таки это странно! Мы в Карвахолле слышали, конечно, всякие сказки о колдовстве, но я никогда по-настоящему в них не верила. Мне все это казалось совершенно невозможным. Но здесь... Здесь повсюду колдуны и маги... Неужели вам удалось так сильно поранить Муртага и Торна, что они от вас сбежали?

— Мы, в общем, действительно одержали над ними верх, но особого ущерба им не причинили. — Эрагон помолчал, но, поскольку ни Роран, ни Катрина так и не заговорили, решил сам спросить, по-прежнему ли они намерены играть свадьбу именно сегодня. — Насуада предложила вам

не откладывать свадебную церемонию, — прибавил он, — хотя, на мой взгляд, все же лучше было бы немного подождать. Еще нужно похоронить мертвых, а их немало... Да и других неотложных дел хватает. Завтра было бы удобнее... да и сподручнее, так мне кажется.

— Нет, — решительно сказал Роран и снова пристукнул каблуком по камню. — Империя может в любой момент предпринять новую атаку. И окажется, что завтра — это слишком поздно. А если что... если мне не повезет и я погибну до свадьбы, то что станется с Катриной и нашим... — Он запнулся и покраснел.

Лицо Катрины смягчилось. Она повернулась к жениху и взяла его за руку.

— И потом, Эрагон, — сказала она, — угощение уже почти готово, украшения развешаны, друзья приглашены. Давайте все же отпразднуем нашу свадьбу, не будем разочаровывать стольких людей. Да и жаль, если все наши приготовления пропадут зря. — Она встала на цыпочки и погладила Рорана по бороде; он невольно улыбнулся и обнял ее.

«Я не понимаю и половины того, что между ними происходит», — пожаловался Эрагон Сапфире, а вслух спросил:

— И когда же в таком случае состоится свадебная церемония?

— Через час, — ответил Роран.

МУЖ И ЖЕНА

Через четыре часа Эрагон стоял на вершине невысокого холма, поросшего желтыми цветочками.

Вокруг холма раскинулись сочные луга, среди которых текла река Джиет. Небо было ясным и ярко-голубым; солнечные лучи мягко освещали все вокруг. Воздух был спокоен, прохладен и пахнул свежестью, как после дождя.

Перед холмом собрались жители Карвахолла — ни один из них во время этого сражения не пострадал — и примерно половина всех варденов. Многие воины держали в руках копья с привязанными к ним разноцветными флажками. Всех лошадей, включая Сноуфайра, временно поместили в загон на дальнем конце луга. Несмотря на все усилия Насуады, организация свадебной церемонии заняла гораздо больше времени, чем ожидалось.

Ветерок слегка шевелил волосы Эрагона, еще влажные после мытья. Сапфира, покружив в небесах над собравшимися людьми, тормозя крыльями, приземлилась точно рядом с Эрагоном. Он улыбнулся и погладил ее по плечу.

«Маленький брат...»

При обычных обстоятельствах Эрагону, несомненно, пришлось бы здорово понервничать — ведь ему ни разу в жизни не доводилось выступать перед таким огромным количеством народа да еще и руководить столь ответственным обрядом, но после сегодняшней битвы все вокруг него приобрело некий оттенок нереальности; ему казалось, что все происходящее не более чем сон, пусть и несколько необычный.

У подножия холма стояли Насуада, Арья, Нархайм, Джормундур, Анжела, Эльва и прочие важные особы. Короля Оррина не было, поскольку его раны оказались довольно

серьезными и лекари все еще трудились над ним. Так что вместо него на церемонии присутствовал его первый министр Ирвин.

Из ургалов пришли только двое — те, что были телохранителями Насуады. Эрагон сам слышал, как Насуада приглашала на свадьбу Нар Гарцвога, и испытал огромное облегчение, когда у кулла хватило ума отклонить это приглашение. Деревенские ни за что не потерпели бы присутствия на свадьбе стольких ургалов. Насуаде и без того стоило немалых усилий убедить их, что ургалы из ее личной охраны просто обязаны присутствовать там.

Шурша одеждой, люди расступились и выстроились вдоль тропы, ведущей с холма. Затем жители Карвахолла хором запели старинные венчальные песни долины Паланкар. Привычные куплеты говорили о смене времен года, о теплой земле, что каждый год дает обильный урожай, о весенних телятах, о том, как вьют весной гнезда малиновки, как идет на нерест рыба, и о том, что судьбой завещано молодым приходить на смену старикам. Одна из заклинательниц Блёдхгарма, та эльфийка с серебристыми волосами, вытащила из бархатного футляра маленькую лютню и аккомпанировала пению деревенских жителей, значительно украшая эти простые песни своими прихотливыми и изящными вариациями.

Медленным и спокойным шагом Роран и Катрина вышли из-за людских спин и, не касаясь друг друга, двинулись по тропе на вершину холма. На Роране была новая котта, явно позаимствованная у кого-то из варденов. Волосы его были тщательно причесаны, борода подстрижена, сапоги блестели. Лицо так и светилось невыразимой радостью. В целом он выглядел очень даже привлекательным и достойным, с точки зрения Эрагона. Однако же не Роран, а Катрина главным образом привлекала всеобщее внимание. На ней было светло-голубое платье, как и полагается девушке, впервые выходящей замуж, сшитое очень просто, но с кружевным шлейфом футов двадцать длиной, который несли две девочки. На голубом фоне платья ее распущенные медные кудри прямо-таки светились. В руках Катрина держала букетик

полевых цветов. Выглядела она очень гордой, спокойной и, с точки зрения Эрагона, была поистине прекрасна.

И он, слушая, как восторженно ахают женщины при виде великолепного платья Катрины, решил непременно поблагодарить Насуаду: ведь наверняка это она велела служительницам Дю Врангр Гата сшить для невесты этот чудесный наряд.

В трех шагах за Рораном следовал Хорст. И примерно на таком же расстоянии от Катрины шла Биргит, которая очень старалась не наступить на роскошный кружевной шлейф.

Когда Роран и Катрина были на полпути к вершине холма, из ивовых зарослей на берегу реки Джиет вылетела пара белых голубей, к лапкам которых был прикреплен венок из желтых нарциссов. Катрина замедлила ход, потом остановилась. Голуби подлетели к ней, покружили над женихом и невестой и опустили венок прямо Катрине на голову, а затем снова полетели к реке.

— Это ты устроила? — шепотом спросил Эрагон у Арьи.

Она молча улыбнулась.

На вершине холма Роран и Катрина остановились перед Эрагоном, ожидая, пока деревенские допоют венчальные песни. Когда смолкли слова последнего куплета, Эрагон поднял руки и провозгласил:

— Добро пожаловать, все и каждый! Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать соединение двух семейств в лице Рорана, сына Гэрроу, и Катрины, дочери Измиры. Жених и невеста — люди достойные, и, насколько мне известно, никто и никогда не претендовал раньше ни на руку одного, ни на руку другого. Если же я ошибаюсь и это не так или же если существуют еще какие-то причины, препятствующие их браку, то сообщите о них здесь и сейчас, при свидетелях, чтобы все мы могли оценить истинность и серьезность ваших возражений. — Эрагон выждал соответствующую паузу, затем продолжил: — Кто здесь скажет слово за Рорана, сына Гэрроу?

Вперед вышел Хорст:

— У Рорана нет ни отца, ни дяди, так что я, Хорст, сын Острекса, скажу о нем, как о своем родственнике.

— А кто скажет слово за Катрину, дочь Измиры?

Вперед вышла Биргит:

— У Катрины нет ни матери, ни тетки, так что я, Биргит, дочь Мардры, скажу о ней, как о своей родственнице. — Несмотря на весьма недобрые отношения с Рораном, именно Биргит, согласно традиции, имела все права представлять Катрину, поскольку была лучшей подругой ее матери.

— Это верно и справедливо, — сказал Эрагон. — Итак, что же Роран, сын Гэрроу, дает этому браку, чтобы брак этот стал счастливым?

— Он дает свое имя, — сказал Хорст. — И свой молот. И силу своих рук. А еще он дает обещание восстановить свое хозяйство в Карвахолле, чтобы жить там с женой и детьми долго и счастливо.

По толпе собравшихся прокатились изумленные возгласы, ибо Роран таким образом заявлял во всеуслышание, что ничто на свете, даже сама Империя, не помешает ему вернуться домой вместе с Катриной и обеспечить ей ту счастливую и благополучную жизнь, которую она непременно имела бы, если бы не кровавое вмешательство слуг Гальбаторикса. Своим обещанием Роран ставил на кон свою честь как муж и мужчина, и это не могло не произвести впечатления на собравшихся.

— Ты принимаешь это предложение, Биргит, дочь Мардры? — спросил Эрагон.

— Принимаю, — кивнула Биргит.

— А что же Катрина, дочь Измиры, дает этому браку, чтобы она и ее муж могли жить благополучно и счастливо?

— Она дает свою любовь и преданность, обещая быть верной подругой и помощницей Рорану, сыну Гэрроу. Она дает свое умение вести домашнее хозяйство. И она дает свое приданое. — И Эрагон с удивлением увидел, как по знаку Биргит двое мужчин, стоявших рядом с Насуадой, вынесли вперед обитый металлом сундучок. Биргит открыла крышку и показала Эрагону содержимое сундучка. У него даже дыхание перехватило при виде тех драгоценностей, что там лежали. — Она дает этому браку свое золотое ожерелье с бриллиантами. Брошь с красными кораллами из Южного моря, жемчужную сетку для волос и пять золотых

перстней с самоцветами. Первый перстень... — Описывая каждое украшение, Биргит доставала его из сундучка и показывала всем присутствующим.

Эрагон растерянно глянул на Насуаду и заметил у нее на лице довольную улыбку.

Когда Биргит наконец завершила свою литанию и закрыла сундучок, Эрагон спросил:

— Ты принимаешь это предложение, Хорст, сын Острекса?

— Принимаю.

— Таким образом, ваши семьи объединяются и становятся единой семьей в соответствии с законами нашей страны. — Впервые за все время Эрагон обратился непосредственно к Рорану и Катрине: — Те, что говорили от вашего имени, согласны с условиями вашего брака. Теперь скажи ты, Роран, хорошо ли Хорст, сын Острекса, вел переговоры от твоего лица?

— Да, я всем доволен.

— А ты, Катрина, довольна ли тем, как Биргит, дочь Мардры, вела переговоры от твоего лица?

— Довольна.

— Роран Молотобоец, сын Гэрроу, клянешься ли ты именем своим и своими предками, что будешь защищать и обеспечивать Катрину, дочь Измира, до тех пор, пока смерть не разлучит вас?

— Я, Роран Молотобоец, сын Гэрроу, клянусь своим именем и именем всех своих предков, что буду защищать и обеспечивать Катрину, дочь Измира, пока смерть не разлучит нас.

— Клянешься ли ты блюсти ее честь, оставаться верным и надежным ее спутником во все грядущие годы и относиться к ней с должным уважением и любовью?

— Клянусь, что стану блюсти ее честь, до конца жизни буду ей верным и надежным спутником и навсегда сохраню в своем сердце любовь и уважение к ней!

— Клянешься ли ты отдать ей ключи от своего дома, если он у тебя есть, и от сундука, где ты хранишь деньги, если они у тебя имеются, чтобы она уже к завтрашнему дню

смогла распоряжаться твоим хозяйством, как то и подобает жене?

Роран поклялся, что так и сделает.

— Катрина, дочь Измиры, клянешься ли ты своим именем и именами своих предков, что будешь служить Рорану, сыну Гэрроу, и заботиться о нем, пока вы оба живы?

— Я, Катрина, дочь Измиры, клянусь своим именем и именами своих предков, что буду служить Рорану, сыну Гэрроу, и заботиться о нем, пока мы оба живы.

— Клянешься ли ты блюсти его честь, оставаться ему верной и надежной спутницей в грядущие годы, выносить и родить ему детей и быть им любящей матерью?

— Клянусь, что буду блюсти его честь, останусь ему верной и надежной спутницей во все грядущие годы, выношу и рожу ему детей и стану для них любящей матерью.

— А ты клянешься взять на себя заботу о его здоровье и его имуществе и со всей ответственностью заниматься хозяйством, чтобы он мог полностью сосредоточиться на своих обязанностях перед семьей и людьми?

Катрина поклялась, что так и сделает.

Эрагон с улыбкой вытащил у себя из рукава красную ленту и сказал:

— Переплетите ваши руки.

Роран и Катрина переплели свои правые и левые руки крест-накрест, и Эрагон три раза обернул их запястья красной лентой и старательно связал ее концы.

— Данным мне, Всаднику, правом я объявляю вас мужем и женой!

Толпа взорвалась радостными криками. Бросившись друг к другу, Роран и Катрина поцеловались, и крики стали еще громче.

Сапфира склонила голову к сиявшей от счастья паре и коснулась кончиком носа лба жениха и невесты. «Живите долго, и пусть ваша любовь только крепнет с каждым минувшим годом», — сказала она им.

Роран и Катрина повернулись к толпе и подняли свои связанные красной лентой руки.

— А теперь начинаем свадебный пир! — провозгласил Роран.

Эрагон последовал за новобрачными к подножию холма, провожая их по коридору радостно кричавших людей к двум креслам, поставленным в торце длинного ряда столов. Там Роран и Катрина сели, точно король с королевой.

А гости выстроились в очередь, чтобы поздравить молодых и преподнести им подарки. Первым был Эрагон. Сияя улыбкой, как и сами новобрачные, он взял Рорана за свободную руку и низко поклонился Катрине.

— Спасибо тебе, Эрагон, — сказала она.

— Да, спасибо большое, — подхватил и Роран.

— Для меня это огромная честь. — Он посмотрел на них и вдруг расхохотался.

— Что? — посмотрел на него Роран.

— Да просто вы оба сейчас такие счастливые, что, по-моему, даже немного поглупели!

Глаза Катрины блеснули, и она, рассмеявшись, обняла Рорана:

— Это уж точно!

А Эрагон *сказал уже совсем серьезно:*

— Вы должны понимать, как вам повезло, что сегодня вы здесь, вы вместе. Роран, если бы тебе не удалось поднять всех в Карвахолле и добраться до Пылающих Равнин и если бы тебя, Катрина, раззаки сгноили в Хелгринде или утащили в Урубаен, то никто из вас...

— Да, но мне удалось, а ее не утащили, — прервал его Роран. — И давай не будем омрачать наш праздник всякими неприятными мыслями о том, что могло бы быть.

— Но я совсем не потому вспомнил об этом. — Эрагон посмотрел на толпу людей, ждавших у него за спиной, и попытался убедиться, не подслушивает ли кто. — Все мы трое — враги Империи. И, как показал сегодняшний день, опасность по-прежнему грозит нам даже здесь, среди варденов. Если Гальборикс сможет, он нанесет удар по любому из нас, даже по тебе, Катрина, хотя бы для того, чтобы причинить боль остальным. Так что я сделал для вас вот это. — И из кармашка на поясе Эрагон извлек два простых золотых кольца, отполированных до блеска. Прошлой ночью он выплавил их из того последнего золотого шарика, который

извлек из земных недр. Кольцо побольше он передал Рорану, а поменьше — Катрине.

Роран покрутил в пальцах кольцо, внимательно его рассмотрел и увидел, что на его внутренней стороне вырезаны какие-то слова древнего языка.

— Здорово, — сказал он. — Неужели это кольцо способно защитить нас?

— Я наложил на кольца тройные чары, — сказал Эрагон. — Если вам понадобится моя помощь или помощь Сапфиры, один раз поверните кольцо на пальце и скажите: «Помоги мне, Губитель Шейдов, помоги мне, Сверкающая Чешуя», и мы вас непременно услышим; мы примчимся к вам сразу, как только сможем. А также если кто-то из вас окажется на пороге смерти, то это кольцо — не важно, твое, Роран, или твое, Катрина, — сообщит нам, кто именно попал в беду. И пока эти кольца касаются вашей кожи, вы всегда будете знать, как найти друг друга, как бы далеко друг от друга вы ни находились. — Он поколебался и прибавил: — Надеюсь, вы согласитесь носить их?

— Ну конечно! — воскликнула Катрина.

Роран вздохнул всей грудью и сказал, от волнения даже немного охрипнув:

— Спасибо тебе. Спасибо. Жаль, что у нас не было этих колец, когда нас с ней разлучили в Карвахолле.

Поскольку у каждого из них свободной оставалась только одна рука, Катрина надела кольцо на средний палец Рорану, а он сделал то же самое ей.

— У меня есть для вас и еще один подарок, — сказал Эрагон. Обернувшись, он свистнул и немного подождал. Затем, проталкиваясь сквозь толпу, к ним подбежал молодой конюх, ведя в поводу Сноуфайра. Он передал поводья Эрагону, поклонился и тут же удалился. А Эрагон сказал: — Тебе, Роран, понадобится хороший конь. Это Сноуфайр. Сперва он принадлежал Брому, потом мне, а теперь я дарю его тебе.

Роран оглядел Сноуфайра и восхитился:

— Да он же просто великолепен!

— Да, это самый лучший конь на свете! Принимаешь подарок?

— С огромным удовольствием.

Эрагон снова подозвал к себе конюха и вновь препоручил Сноуфайра его заботам, сообщив, что новым хозяином коня теперь является Роран. Потом, посмотрев на выстроившихся в длинную очередь людей с подарками для Рорана и Катрины, засмеялся и сказал:

— Сегодня утром вы оба еще, может, и были бедны, но к вечеру, безусловно, станете богаты. Если у нас с Сапфирой когда-нибудь появится возможность осесть на одном месте, мы станем жить вместе с вами в том огромном поместье, которое вы построите для всех нас и для своих детей.

— Что бы мы ни построили, вряд ли этот дом будет достаточно велик для Сапфиры, — заметил Роран.

— Но мы всегда будем вам рады, — вставила Катрина. — Вам обоим.

Эрагон еще раз поздравил их и отправился к противоположному концу стола, где принялся развлекаться тем, что бросал кусочки жареного цыпленка Сапфире, а та ловила их на лету. Тем временем к Рорану и Катрине подошла Насуада и вручила им какой-то маленький подарок, который Эрагону издали было не разглядеть, и он бросился наперерез Насуаде, которая явно намеревалась потихоньку покинуть празднество.

— В чем дело, Эрагон? — спросила она. — Я не могу задерживаться.

— Это ты подарила Катрине платье и приданое?

— Да. А что, тебе это неприятно?

— Я очень благодарен за то, что ты так добра к моей семье, но мне хотелось бы знать...

— Да?

— Разве вардены не нуждаются в золоте?

— Нуждаются, — призналась Насуада. — Но не так отчаянно, как прежде. С тех пор, как мое производство кружев стало приносить доходы, и с тех пор, как я победила во время Испытания Длинных Ножей. Кочевые племена поклялись мне в абсолютной верности и открыли доступ к своей сокровищнице, так что теперь мы уже гораздо меньше боимся умереть от голода и куда больше должны бояться того, что погибнем от нехватки щитов или копий. — Губы ее дрогнули

в улыбке. — То, что я подарила Катрине, просто мелочь по сравнению с расходами, которых требует наша армия. И я не считаю, что зря трачу свои золотые запасы. Мало того, я не сомневаюсь, что сделала весьма ценную покупку — купила для Катрины не только самоуважение, но и уважение к ней со стороны окружающих. Ну а потом я купила и расположение Рорана. Возможно, я чересчур оптимистично смотрю на жизнь, но, по-моему, его верность может оказаться куда ценнее целой сотни щитов или сотни копий.

— Ты всегда заботишься о лучшем будущем для варденов, верно? — спросил Эрагон.

— Всегда. Как и тебе следует о нем заботиться. — Насуада пошла было прочь, но вернулась и прибавила: — Ближе к вечеру приходи ко мне в шатер, и мы с тобой навестим тех, кто был ранен сегодня. Многих нам вылечить, скорее всего, не удастся, как ты и сам понимаешь, но им будет приятно, если они увидят нашу заботу и поймут, как высоко мы ценим принесенную ими жертву.

— Я непременно приду, — кивнул Эрагон.

— Вот и хорошо.

Несколько часов Эрагон только ел, пил и обменивался всевозможными историями с друзьями. Медовый напиток тек рекой, свадебный пир становился все более веселым и шумным. Расчистив место среди столов, мужчины всевозможными способами демонстрировали свою доблесть — боролись, стреляли в мишень из лука и так далее. Двое эльфов продемонстрировали свое искусство фехтования, приведя в восторг всех присутствующих ловкостью движений и легким, изящным танцем своих клинков. Даже Арья согласилась спеть, и Эрагон, весь дрожа от нервного возбуждения, точно завороженный слушал ее дивное пение.

Все это время Роран и Катрина говорили очень мало; они просто сидели и неотрывно смотрели друг на друга, словно не замечая ничего вокруг.

Когда нижний край огромного оранжевого солнца коснулся далекого горизонта, Эрагон нехотя поднялся, извинился и вместе с Сапфирой покинул пир и молодецкие сражения. Полной грудью вдыхая прохладный вечерний

воздух, чтобы немного прояснить мозги, он шел к шатру Насуады. Она уже ждала его у входа в окружении Ночных Ястребов, и они тут же молча направились к палаткам целителей, где лежали раненые воины.

Несколько часов Насуада и Эрагон провели среди людей, получивших в сражении с Империей тяжелейшие ранения: кто потерял ногу, кто глаз, а некоторые заболели какой-то неведомой неизлечимой болезнью. Многие варденны были ранены только сегодня утром. Другие же получили ранения еще на Пылающих Равнинах, но до выздоровления им было еще далеко, несмотря на усилия лекарей и заклинателей. Еще до того, как они вошли в первую палатку, Насуада предупредила Эрагона, чтобы он не вздумал истощать свои силы, пытаясь исцелить каждого, однако ему оказалось очень трудно удержаться от этого. Порой он почти машинально произносил слова заклинания, способного облегчить боль, осушить нарыв, срастить сломанную кость или убрать уродливый, болезненный шрам.

Один из раненых потерял ногу пониже колена и два пальца на правой руке. У этого человека была короткая седая бородка, а глаза прикрыты черной повязкой. Когда Эрагон поздоровался с ним и спросил, как дела, воин протянул руку и, схватив его за локоть оставшимися тремя пальцами, сказал:

— Ах, Губитель Шейдов, я знал, что ты придешь! Я ждал тебя еще с того момента, как передо мной блеснул свет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Этот свет высветил саму плоть мира. В одно мгновение я увидел все живые существа вокруг, от самого крупного до самого мелкого. Я видел, как сквозь кожу просвечивают мои кости. Я видел червей в земле и воронье в небе, я видел каждого клеща в вороньих перьях. Меня поистине коснулись боги, Губитель Шейдов! И они не просто так дали мне возможность увидеть все это. Ведь я видел и тебя во время того воздушного боя, и твоего дракона, и ты был точно слепящее солнце среди целого леса неярких свечей. Я видел и твоего брата, и его дракона, и они тоже были подобны солнцу.

По спине у Эрагона пробежал холодок. И он сказал:

— Но у меня нет брата!

Искалеченный воин хрипло засмеялся:

— Тебе меня не провести, Губитель Шейдов! Я знаю лучше. Наш мир так и кипит, так и горит вокруг меня, и в этом огне я слышу шепот мыслей, и я узнаю в этом шепоте о самых разных вещах. Ты вот сейчас пытаешься спрятаться от меня, но я все равно могу тебя разглядеть: ты подобен желтому пламени, и вокруг пояса у тебя плывут двенадцать звезд, а еще одна звезда, ярче других, висит над твоей правой рукой.

Эрагон прижал ладонью пояс Белота Мудрого, проверяя, там ли двенадцать бриллиантов, которые в него вшиты. Камни были на месте.

— Послушай меня, Губитель Шейдов, — прошептал раненый, притягивая Эрагона к своему морщинистому лицу. — Я видел твоего брата, и он горел. Но он не горел собственным огнем, как ты, он не светился. О нет! Его душа светилась как бы отраженным светом, и этот свет исходил откуда-то еще, а он... он был всего лишь пустой оболочкой и лишь формой своей напоминал человека. И сквозь него, сквозь эту оболочку проникал тот свет... Ты меня понимаешь? Его освещали *другие*.

— А где они были, эти другие? Их ты тоже видел?

Воин колебался. Он долго не отвечал, потом все же сказал:

— Я мог чувствовать их присутствие; они были где-то совсем рядом... И знаешь, они ненавидели весь мир, ненавидели все сущее в нем, но тела их были от меня скрыты. Они были и там, и не там. Я не могу объяснить лучше... Я бы не хотел приближаться к этим существам, Губитель Шейдов. Это не люди, в этом я уверен, и их ненависть была словно страшная гроза, словно самая сильная буря на свете, которую удалось загнать в небольшую стеклянную бутылку.

— И когда эта бутылка разобьется... — прошептал Эрагон.

— Вот именно, Губитель Шейдов! Иногда я думаю, уж не удалось ли Гальбаториксу пленить даже наших богов и превратить их в своих рабов, но потом я смеюсь над собою и называю себя глупцом.

— Каких богов ты имеешь в виду? Может быть, тех, которым поклоняются гномы? Или тех, кого почитают кочевники?

— Разве это так важно, Губитель Шейдов? Бог — это бог, откуда бы он ни явился.

— Возможно, ты прав, — прошептал Эрагон.

Он уже отошел от тюфяка, на котором лежал тот воин, когда одна из целительниц потянула его в сторонку и сказала:

— Прости его, господин мой. Тяжесть ран совсем свела его с ума. Он все время бредит, рассказывает о каких-то солнцах и звездах, о каких-то сверкающих огнях, которые якобы видит. Порой нам кажется, что он знает такие вещи, которые ему и знать-то не следовало бы, но ты не обманывайся понапрасну: он все это черпает из рассказов других раненых. Им нечем особенно занять себя, вот они и рассказывают друг другу всякие истории, шепчутся, сплетничают, ну, ты и сам понимаешь. А что им, беднягам, еще остается?

— Не называй меня «господин мой», — сказал Эрагон, — я вовсе не твой господин. А этот человек, по-моему, совсем не безумен. Я не могу сказать точно, что он собой представляет, но он, безусловно, обладает некой необычной способностью. Если ему станет лучше или хуже, прошу тебя, дай об этом знать кому-нибудь из Дю Врангр Гата.

Лекарка поклонилась и сказала:

— Как тебе будет угодно, Губитель Шейдов. И прости мне мою невольную ошибку.

— Как он был ранен?

— Какой-то воин отрубил ему пальцы, когда он пытался рукой защититься от удара меча. А снаряд, пущенный из вражеской катапульты, раздробил ему голень, так что осталось только отнять ее. Те, кто был с ним рядом, говорят, что, когда в него попал тот снаряд, он сразу начал что-то кричать про свет, а когда его подобрали, то увидели, что глаза у него напрочь заросли бельмами. Даже зрачков уже видно не было.

— Ага... Ну что ж, спасибо. Ты очень помогла мне.

...Было уже темно, когда Эрагон и Насуада наконец вышли из палаток целителей. Насуада вздохнула:

— Ну вот, теперь и я могла бы выпить кружку медового напитка.

Эрагон кивнул, не поднимая глаз от земли, и они двинулись к ее шатру. Через некоторое время она спросила:

— Ты о чем думаешь, Эрагон?

— О том, что мы живем в странном мире, и мне здорово повезет, если я пойму хотя бы малую его часть. — Затем он пересказал ей свой разговор с тем раненым, и ее все это тоже чрезвычайно заинтересовало.

— Тебе бы надо рассказать об этом Арье, — сказала Насуада. — Она, возможно, знает, кто они такие, эти «другие».

У входа в ее шатер они расстались: Насуада пошла дочитывать очередной рапорт, а Эрагон с Сапфирой направились к себе. Возле палатки Сапфира сразу же свернулась клубком на земле, а Эрагон, усевшись с нею рядом, долго смотрел на звезды; перед глазами у него снова и снова вставали те раненые люди, которых он только что навещал.

И в ушах у него звучали те *слова, которые сказали ему* многие из этих людей: «Мы сражались за тебя, Губитель Шейдов».

Шепот в ночи

Роран открыл глаза и уставился на полотняный полог над головой.

Слабый серый свет царил в палатке, лишая предметы привычного цвета и делая их похожими на собственные тени. Рорана пробрала дрожь; холодный ночной воздух леденил кожу. Одеяло сползло, и он лежал, обнаженный до пояса. Натянув одеяло повыше, он заметил, что Катрины рядом с ним нет.

Она сидела у входа в палатку, завернувшись в плащ, и смотрела в небо. Распущенные полосы струились у нее по спине, точно темная трава.

У Рорана комок застрял в горле, когда он увидел ее там, такую хрупкую и беззащитную.

Накинув одеяло, он сел с нею рядом и обнял ее за плечи. Она прислонилась к нему, и он, чувствуя на груди тепло ее щеки, нежно поцеловал ее в лоб. Он молча смотрел вместе с нею на мерцающие звезды и слушал ее ровное дыхание. Ему казалось, что это единственный живой звук в окружавшем их сонном царстве.

Через некоторое время Катрина прошептала:

— Здесь даже звезды совсем другие, ты заметил? И созвездия другую форму имеют.

— Да. — Роран чуть передвинул руку, поудобнее обнимая ее за талию и чувствуя ладонью легкую припухлость ее живота. — Что тебя разбудило?

Она вздрогнула:

— Я думала.

— Вот как?

Она шевельнулась в его объятиях, и в глазах ее блеснул свет звезд, когда она посмотрела на Рорана.

— Я думала о тебе, о нас... и о нашем будущем.

— Не стоит ночью думать о таких сложных вещах.

— Скажи, теперь, когда мы женаты, как ты собираешься заботиться обо мне и о нашем ребенке?

— А тебя это тревожит? — Он улыбнулся. — Голодать вы уж точно не будете! Теперь у нас вполне хватит денег на безбедную жизнь. Да и вардены, я полагаю, всегда позаботятся о том, чтобы у родственников Эрагона был хлеб и кров, даже если со мной что-нибудь случится, так что у тебя и малыша всегда будет все, что вам необходимо.

— Да, я тоже в этом не сомневаюсь. Но что собираешься делать ты?

Роран внимательно вгляделся в ее лицо, пытаясь обнаружить причину подобного волнения.

— Я собираюсь помочь Эрагону завершить эту войну, а потом спокойно вернуться в долину Паланкар и вновь поселиться там, уже не боясь, что солдаты Империи придут, возьмут нас в плен и поволокут в Урубаен. Вот, собственно, пока что и все мои планы.

— Значит, ты будешь сражаться вместе с варденами?

— Ты же знаешь, что буду.

— Значит, ты и сегодня ввязался бы в этот бой, если бы Насуада тебе позволила?

— Да.

— А ты подумал о нашем ребенке? Неужели ты считаешь, что воюющая армия — подходящее место для новорожденного?

— Но сейчас нам негде спрятаться от Империи, Катрина. Некуда бежать. Пока вардены не сумеют одержать победу над Гальбаториксом, он непременно найдет *нас и убьет*. Или найдет и убьет наших детей или детей наших детей... И я уверен: вардены победят лишь в том случае, если каждый отдаст борьбе за эту победу все свои силы и душу.

Катрина приложила палец к его губам:

— Знай, ты моя единственная любовь. Ни одному мужчине никогда не завладеть ни моим сердцем, ни моим телом. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить твою жизнь и твою борьбу. Я буду готовить тебе еду, чинить твою

одежду, чистить твое оружие... Но как только я рожу, то в этом лагере ни за что не останусь.

— Ты хочешь покинуть варденов? — Роран был потрясен. — Что за нелепое желание! Да и куда ты пойдешь?

— Может быть, в Даут. Помнишь, леди Аларис предлагала нам убежище, да и кое-кто из наших там остался. Там я не буду совсем одинока.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе и нашему новорожденному малышу скитаться в одиночестве по Алагейзии, то...

— Тебе совершенно не обязательно кричать.

— Я не...

— Да нет, ты кричишь. — Стиснув его руку обеими руками и прижав ее к сердцу, Катрина сказала: — Здесь не безопасно. Если бы мы были только вдвоем, я могла бы смириться с опасностью, но только не сейчас, когда погибнуть может наш ребенок. Я люблю тебя, Роран, я очень, очень тебя люблю, но наш малыш должен теперь стать для нас самым главным, главнее всего на свете, иначе мы просто не заслуживаем звания родителей. — На глазах у нее блеснули слезы, и Роран почувствовал, что и у него глаза стали влажными. — В конце концов, именно ты убедил меня уйти из Карвахолла и спрятаться в Спайне, когда на нас напали солдаты. Ну и сейчас все примерно то же самое.

Звезды стали расплываться перед затуманившимся взором Рорана.

— Я готов скорее с рукой расстаться, чем снова жить врозь с тобой!

И тут Катрина совсем расплакалась. Она вся дрожала, с трудом сдерживая рыдания, но все же пролепетала:

— Так ведь и я тоже не хочу с тобой расставаться, мой милый.

Он еще крепче ее обнял и стал нежно баюкать. Как только рыдания Катрины немного утихли, он снова шепнул ей на ухо:

— Ты поняла? Я готов скорее с рукой расстаться, чем с тобой. И скорее умру, чем позволю кому-то сделать тебе больно... тебе или нашему ребенку. Но если ты все же хочешь

уехать, тогда уезжай сейчас, пока тебе еще не так трудно будет переносить тяготы пути.

Она покачала головой:

— Нет. Я хочу, чтобы роды у меня приняла Гертруда. Это единственная повивальная бабка, которой я полностью доверяю. И кроме того, если у меня все же возникнут какие-то сложности, я бы предпочла рожать здесь, где есть магицелители.

— Никаких сложностей не возникнет, — попытался он ее успокоить. — Но, как только ребенок появится на свет, ты отправишься в Аберон, а не в Даут. На Аберон вряд ли нападут. Но если и там для тебя окажется слишком опасно, мы спрячем вас в Беорских горах у гномов. А если Гальбаторикс вздумает нанести удар и по королевству гномов, то переправим тебя к эльфам в Дю Вельденварден.

— А если Гальбаторикс нападет на Дю Вельденварден, я полечу на Луну и стану воспитывать нашего ребенка среди тамошних духов, — мрачно пошутила Катрина.

— Ну да, и духи охотно подчинятся тебе и сделают тебя своей королевой, ибо ты вполне этого заслуживаешь, — подхватил ее шутку Роран.

Она промолчала, но еще теснее прижалась к нему.

Так они и сидели рядышком, глядя, как одна за другой гаснут на небе звезды под натиском разгорающейся на востоке зари. Когда в небе осталась одна лишь утренняя звезда, Роран сказал:

— Ты ведь знаешь, что все может быть гораздо проще?

— Что ты имеешь в виду?

— До того как тебе придет время рожать, мне всего лишь нужно помочь варденам перебить всех до одного воинов Гальбаторикса, освободить от его власти города Империи и победить Муртага и Торна. Ну, и еще, пожалуй, обезглавить самого Гальбаторикса и его дракона-оборотня. Тогда тебе вовсе не нужно будет никуда уезжать.

Катрина некоторое время молчала, потом сказала совершенно серьезно:

— Если бы тебе это удалось, я была бы просто счастлива.

Они уже хотели вернуться в постель, когда откуда-то из сияющих небес к ним спустился крошечный кораблик, сплетенный из сухих былинок. Кораблик проплыл перед палаткой, покачиваясь на невидимых воздушных волнах, и казалось, что глаза того дракона, что украшал его нос, смотрят прямо на Рорана и Катрину.

Они оба так и застыли: это было самое настоящее волшебство.

Затем, точно живое существо, кораблик метнулся через тропу, проходившую рядом с палаткой, снова взлетел повыше, покружился, охотясь на случайно попавшуюся ему бабочку, и, когда бабочке удалось все же удрать от него, спустился прямо к Катрине и остановился в нескольких дюймах от ее лица.

И прежде чем Роран решил, не поймать ли ему этот кораблик, тот развернулся и поплыл прочь, поднимаясь навстречу той утренней звезде, что сияла в небесах, и вскоре исчез в бескрайнем воздушном океане.

ПРИКАЗЫ НАСУАДЫ

Глубокой ночью Эрагона обступили видения смерти и насилия; они прорывались в любой его сон, наполняя душу паническим ужасом. Он метался на постели, тщетно пытаясь вырваться из оков забытья, но страшные мимолетные видения продолжали мелькать перед ним — мечи, пронзающие или разрубающие людские тела, пронзительные крики умирающих, гневное лицо Муртага, жуткие когти Торна...

Затем он вдруг почувствовал присутствие Сапфиры; она ворвалась в его мысли и точно свежий ветер пронеслась по его снам, разметая *громоздившиеся в его сознании кошмары*. И в наступившей блаженной тишине прозвучал ее голос: «Все хорошо, маленький брат. Отдыхай, спи спокойно; ты в безопасности, я с тобой... Спи спокойно, маленький брат».

И действительно, ощущение полного покоя охватило Эрагона. Он перевернулся на другой бок и уплыл куда-то в более счастливые видения, ибо теперь его сны охраняла Сапфира.

Когда, примерно за час до восхода солнца, Эрагон открыл глаза, то обнаружил, что над ним распростерто крыло Сапфиры, пронизанное сложным переплетением вен, а голова его покоится на ее теплом боку. Он улыбнулся и выполз из-под этого «одеяла», а она слегка приподняла голову, шевельнула хвостом, которым во сне обвила его, и зевнула.

«С добрым утром», — сказал он ей.

Она снова зевнула и потянулась, как кошка.

Эрагон вымылся, побрился, очистил ножны меча от засохшей крови и надел одну из красивых эльфийских котт.

Сапфира же завершила утренний туалет всего лишь с помощью языка.

Наконец, полностью удовлетворенные своим внешним видом, они двинулись к шатру Насуады. Все шестеро ее охранников стояли у входа и были, как обычно, весьма мрачны. Эрагон подождал, пока один из них, плотный, коренастый гном, сообщит Насуаде об их прибытии, и вошел в шатер. Сапфира же всунула голову в отверстие в задней стене шатра, желая тоже принять участие в предстоящем важном разговоре.

Эрагон поклонился Насуаде, сидевшей на своем резном троне, украшенном изображениями цветущего чертополоха, и сказал:

— Госпожа моя, ты просила меня прийти для разговора о моем будущем. Ты говорила, что у тебя есть для меня какое-то необычное поручение?

— Да, я просила тебя прийти. И такое поручение у меня действительно есть. Прошу тебя, садись. — Она указала Эрагону на складное кресло, где он и устроился, сдвинув набок свой меч. — Как тебе известно, — продолжала между тем Насуада, — Гальбаторикс укрепил своими войсками такие города, как Эроуз, Фейнстер и Белатона, пытаясь помешать нам взять их осадой, а также пытаясь воспрепятствовать нашему продвижению в глубь Империи. Он явно хочет заставить нас разделить нашу армию и соответственно стать более уязвимыми для его войска, которое не так давно еще стояло лагерем к северу от нас. Но после вчерашней битвы разведка донесла мне, что все это войско до последнего воина снялось с места и исчезло в неизвестном направлении, намереваясь, видимо, присоединиться к каким-то иным частям. Честно говоря, я давно уже хотела атаковать это войско, стоявшее совсем рядом с нами, но не решалась, поскольку тебя в лагере не было, а без тебя Муртаг и Торн могли бы попросту истребить всех наших воинов. А узнать, где именно они находятся, у нас никакой возможности не было. Теперь, когда ты снова с нами, наше положение несколько улучшилось, хотя и не столь сильно, как я надеялась, поскольку теперь нам приходится иметь дело с новым изобретением Гальбаторикса — воинами, не чувствующими боли.

Единственное, что внушает какую-то надежду, — то, что вы с Сапфирой, хотя и с помощью присланных Имиладрис эльфов, смогли все же противостоять Муртагу и Торну. Вот на этом-то и основываются наши теперешние планы и надежда на победу.

«Этот красный недоросток мне не соперник! — возмущенно заметила Сапфира. — Если бы не защита, которую обеспечивает ему Муртаг, я бы расплющила его о землю или схватила бы за горло и трясла до тех пор, пока он добровольно не признал бы, что я сильнее!»

— Я уверена, что так и было бы, — улыбнулась Насуада.

— Ну и что же ты решила теперь предпринять? — спросил Эрагон.

— Я решила действовать в нескольких направлениях одновременно. По-моему, только так можно добиться хоть какой-то удачи. Во-первых, мы не можем продвигаться дальше на территорию Империи, оставляя у себя в тылу города, находящиеся под контролем Гальбаторикса, и тем самым давая ему возможность атаковать нас и спереди, и сзади, а также открыв ему путь в Сурду, куда за время нашего отсутствия его войска могут запросто вторгнуться. Так что я уже отдала приказ варденам перемещаться на север до того места, где можно будет благополучно переправиться через реку Джиет. Как только мы это сделаем, я пошлю несколько отрядов на юг, чтобы они захватили Эроуз, а сама с королем Оррином и остальным войском постараюсь захватить Фейнстер, который, особенно если нам будете помогать вы с Сапфирой, должен достаточно быстро пасть под нашим натиском.

А пока мы будем тащиться через равнину, у меня есть для тебя, Эрагон, еще одно важное поручение. — Насуада наклонилась к нему: — Нам совершенно необходима помощь гномов. Эльфы сражаются на нашей стороне в северных частях Алагейзии; жители Сурды душой и телом с нами и помогают нам, чем могут; даже ургалы вступили с нами в союз. Но нам непременно нужны еще и гномы. Без них нам победы не видать. Особенно теперь, когда мы вынуждены иметь дело с воинами, не чувствующими боли..

— А гномы уже выбрали себе нового короля или королеву?

Насуада поморщилась:

— Нархайм заверяет меня, что дело движется, однако гномы, как и эльфы, имеют несколько более растянутое представление о времени, чем мы. «Движется» в их понимании вполне может означать еще несколько месяцев колебаний.

— Неужели они не понимают сложности ситуации?

— Кое-кто понимает, но многие из них ведь против того, чтобы помогать нам в этой войне. И наши противники стремятся не только как можно дольше растянуть процесс избрания, но и посадить на мраморный трон в Тронжхайме кого-то из своих. Гномы так долго жили скрываясь, что стали опасно подозрительны по отношению ко всем чужакам. Если трон получит кто-то из тех, что враждебно настроены по отношению к варденам, то поддержку гномов мы потеряем. А нам ни в коем случае нельзя этого допустить. Как нельзя и ждать, пока гномы разберутся со своими внутренними противоречиями. Однако же, — и Насуада подняла палец, — сама я нахожусь слишком далеко от Тронжхайма и никак не могу отсюда влиять на их внутреннюю политику. Впрочем, даже находясь в Тронжхайме, я не имела бы права вмешиваться в их дела; гномы весьма недружелюбно относятся к тем, кто, не будучи представителем их народа, сует нос в подобные вопросы. Особенно когда речь идет об управлении их королевством. Так вот, я хочу, чтобы ты, Эрагон, отправился в Тронжхайм и сделал все возможное, чтобы обеспечить выбор гномами такого нового монарха — и желательно побыстрее, — который симпатизирует нам и является нашим союзником.

— Я? Но ведь...

— Король Хроттар принял тебя в свой клан Дургримст Ингеитум. Согласно их законам и обычаям ты теперь тоже считаешься гномом, Эрагон! У тебя есть законное право участвовать в собраниях клана Ингеитум, и поскольку сейчас главой клана стал друг варденов Орик, а он считается твоим сводным братом, то, я уверена, он наверняка позволит тебе вместе с ним присутствовать и на тайных

совещаниях тринадцати кланов, где гномы и выбирают своих правителей.

Однако Эрагона идея Насуады совершенно не вдохновила.

— А как же Муртаг и Торн? Когда они вернутся, а они непременно вернутся, вы же не сможете противостоять им. На это способны только мы с Сапфирой, хотя пока что и не без помощи эльфов. Но если нас здесь не будет, их никто не сможет остановить, и тогда они постараются уничтожить всех варденов, даже тебя, даже Оррина, даже Арью.

Насуада сдвинула брови:

— Вчера вы сумели нанести Муртагу весьма неприятное поражение, и сейчас он, скорее всего, полетел в Урубаен, чтобы доложить об этом Гальбаториксу и как-то оправдаться. Я думаю, Гальбаторикс не пошлет их с Торном в атаку на вас, пока не убедится, что они, безусловно, способны одержать победу. Сам же Муртаг наверняка пребывает в сомнениях относительно собственных возможностей, так что их нападение на варденов явно *пока откладывается. И по моим* расчетам, тебе как раз должно хватить времени на путешествие в Фартхен Дур и обратно.

— Но ты можешь и ошибаться, — возразил Эрагон. — И потом, разве можешь ты помешать шпионам Гальбаторикса выяснить, что нас нет в лагере? Да он тут же этим воспользуется и нанесет варденам сокрушительный удар! Сомневаюсь, что тебе удалось выловить всех его шпионов.

Насуада задумчиво побарабанила пальцами по подлокотникам кресла.

— Я сказала, что хочу, чтобы *ты* отправился в Фартхен Дур, Эрагон; но это не значит, что и Сапфире тоже нужно туда отправиться.

Услышав это, Сапфира повернула голову и выдохнула небольшое облачко дыма, которое тут же повисло под куполом шатра.

— Но я не собираюсь...

— Дай мне закончить, Эрагон! Прошу тебя.

Он гневно сверкнул глазами и умолк, стиснув рукоять меча.

— Ты, Сапфира, не присягала мне на верность, — спокойно продолжила Насуада, — но я очень надеюсь, что ты согласишься остаться здесь, пока Эрагон совершает путешествие в королевство гномов. Таким образом, мы могли обмануть и Гальбаторикса, и варденов — никто так и не понял бы, где Эрагон в действительности находится. Если бы нам удалось скрыть твое исчезновение, Эрагон, то ни у кого и не возникло бы причин подозревать, что тебя здесь нет. Достаточно будет придумать подходящий предлог — сказать, например, что у тебя нет желания покидать днем палатку, потому что днем ты отдыхаешь, а ночью вы с Сапфирой летаете на разведку.

Но этого мало. Чтобы все действительно поверили, нужно, чтобы Блёдхгарм и остальные эльфы тоже остались здесь — как для того, чтобы не вызывать излишних подозрений, так и на случай непредвиденной опасности. Если Муртаг и Торн все же появятся, пока тебя здесь не будет, твое место на Сапфире может занять Арья. С ее помощью, а также с помощью заклинателей Блёдхгарма и магов Дю Врангр Гата у нас все же будет весьма вероятный шанс если не победить Муртага, то хотя бы отогнать от лагеря его дракона.

— Но если я не полечу в Фартхен Дур на Сапфире, — сердито спросил Эрагон, — то как, по-твоему, мне удастся завершить это путешествие в столь короткие сроки?

— Бегом. Ты ведь сам рассказывал, что большую часть пути от Хелгринда преодолел именно бегом. И я рассчитываю, что, если тебе не нужно будет прятаться от воинов Гальбаторикса и возможных доносчиков, ты сумеешь пробегать за день куда большее расстояние. — И Насуада снова задумчиво побарабанила по подлокотникам кресла. — Разумеется, было бы неразумно отправлять тебя в такой дальний путь одного. Даже самый могущественный маг, оказавшись в этих диких краях, может погибнуть от простой случайности, если некому будет оказать ему самую простую помощь и поддержку. Однако я считаю, что отправлять с тобой Арью было бы напрасным расходованием ее талантов и умений, да и люди сразу заметили бы это. Как заметили бы, если бы кто-то из эльфов Блёдхгарма исчезнет без объяснения причин. А потому я решила, что сопровождать тебя будет кто-то

из куллов; это, кроме эльфов, единственные существа, которые способны передвигаться с такой же скоростью, что и ты.

— Куллы? — вскричал Эрагон, не силах более сдерживаться. — Ты пошлешь меня к гномам в сопровождении кулла? Я просто не знаю, кого еще на свете гномы ненавидят сильнее, чем ургалов. Они же луки из их рогов делают! Если я войду в Фартхен Дур в сопровождении ургала, гномы ни за что даже слушать меня не станут!

— Я все это прекрасно понимаю, — сказала Насуада, — а потому ты и не пойдешь прямо в Фартхен Дур, а сперва остановишься в крепости Бреган на горе Тхардур. Это фамильное гнездо клана Ингеитум. Там ты отыщешь Орика, и там ты оставишь своего сопровождающего, а сам вместе с Ориком отправишься в Фартхен Дур.

Стараясь не смотреть на Насуаду, Эрагон спросил:

— А если я все же не соглашусь с твоим планом? Если я считаю, что есть и другие, более безопасные способы достигнуть того, чего так хочется тебе?

— И каковы же эти способы? Скажи мне, прошу тебя. — Насуада сказала это ровным тоном, но пальцы ее напряженно застыли в воздухе.

— Я еще как следует не думал над этим, но я уверен: они существуют!

— А я об этом как раз думала, Эрагон, и думала немало. Отправить тебя к гномам в качестве моего эмиссара — это наша единственная надежда получить их поддержку. Вспомни, я ведь выросла среди гномов и знаю их лучше многих.

— Но я все же считаю, что это ошибочный план, — буркнул Эрагон. — Пошли Джормундура или одного из других твоих командиров. Я не поеду туда, во всяком случае, пока не...

— Ты не поедешь? — переспросила Насуада, повышая голос. — Вассал, который не подчиняется своему сюзерену, ничуть не лучше воина, который на поле боя не слушается приказов своего командира. Таких следует сурово наказывать. Но раз ты так ставишь вопрос, Эрагон, я, как своему вассалу, приказываю тебе немедленно отправляться в Фартхен Дур, хочешь ты этого или нет! Нам необходимо

позаботиться о том, чтобы гномы выбрали такого правителя, который станет нашим союзником.

Эрагон с трудом сдерживал гнев; сердито сопя, он лишь сильнее стискивал рукоять своего меча и молчал.

А Насуада уже иным, более сдержанным и куда более мягким тоном сказала:

— Ну, так как же ты поступишь, Эрагон? Сделаешь, как я прошу, или ослушаешься меня? А может, ты намерен сместить меня с моего поста и сам встать во главе варденов? Собственно, иного выбора у тебя и нет.

Потрясенный, Эрагон сказал:

— Нет, я все же постараюсь убедить тебя, что существует и другой выход.

— Можешь не стараться. Все равно у тебя нет иного решения, имеющего шанс на успех.

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Я мог бы просто перестать тебе подчиняться, и тогда уж наказывай меня, как сочтешь нужным.

Насуада удивленно подняла бровь, подумала и сказала:

— Вряд ли варденам принесет пользу то, что они увидят тебя у позорного столба. Всему нашему делу это нанесет непоправимый вред. Да и мой авторитет будет полностью утрачен, ибо все поймут, что ты запросто можешь пренебречь моими приказами. А для тебя единственным наказанием будут несколько рубцов на коже, от которых ты сможешь избавиться в мгновение ока, ибо казнить тебя мы не сможем, как казнили бы любого другого воина, который отказался подчиниться своему военачальнику. Знаешь, я бы скорее отказалась от своего поста и передала в твои или чьи-то еще руки управление варденами, чем позволила бы такому случиться. Если ты считаешь, что лучше меня подходишь для роли руководителя, тогда садись на мое место и объявляй себя верховным командующим! Но до тех пор пока от лица всех варденов говорю я, подобные решения тоже имею право принимать только я. А если они окажутся ошибочными, то и отвечать за это тоже мне.

— А прислушиваться к чьим-то советам ты, значит, вообще не намерена? — спросил уязвленный Эрагон. — Ты,

значит, будешь диктовать всем свою волю, не оглядываясь даже на решения Совета Старейшин?

Средний палец Насуады стукнул по полированному дереву подлокотника.

— Но я прислушиваюсь к чужим советам. Я каждый день только и делаю, что выслушиваю чьи-то бесконечные советы и предложения. Однако порой мои собственные умозаключения идут вразрез с тем, что предлагают мне подчиненные. А теперь решай, сдержишь ли ты данную мне клятву верности и подчинишься моему решению, хоть ты с ним и не согласен, или же станешь зеркальным отражением Гальбаторикса.

— Я хочу лишь такого решения, которое стало бы наилучшим для всех варденов, — сказал Эрагон.

— Как и я.

— Ты не оставляешь мне выбора! Мне придется подчиниться решению, которое мне самому совершенно не по душе.

— Порой труднее следовать чужому приказу, чем приказывать самому.

— Могу я немного подумать?

— Можешь.

«Сапфира, что скажешь?» — мысленно спросил Эрагон.

По стенкам шатра заметались пурпурные зайчики — это Сапфира, повернув голову, посмотрела Эрагону прямо в глаза.

«Надо ли мне совершать это путешествие в Фартхен Дур, Сапфира?»

«По-моему, ты должен, маленький брат».

Эрагон прикусил губу:

«А как же ты?»

«Ты же знаешь, я просто ненавижу, когда нас с тобой разделяют, но аргументы Насуады вполне обоснованны. Если я смогу держать Муртага и Торна на расстоянии от варденов, всего лишь оставаясь в лагере, значит, мне нужно остаться».

У обоих души трепетали от гнева, дурных предчувствий, сомнений, колебаний и невыразимой нежности друг к другу. Эрагон был полон возмущения и нежелания подчиняться;

Сапфира была настроена более миролюбиво, хотя обуревавшие ее чувства были тоже не менее разнообразны, чем у него. Однако она старалась смягчить его бешеный нрав и дать ему возможность почувствовать все перспективы подобного решения. Тем не менее Эрагон упрямо держался своего плана, совершенно иного, чем у Насуады.

«Если ты полетишь со мной в Фартхен Дур, — сказал он Сапфире, — я буду отсутствовать здесь совсем недолго и у Гальбаторикса будет гораздо меньше возможностей предпринять новую атаку на варденов».

«Но его шпионы сообщат ему, что вардены уязвимы, как только мы улетим отсюда».

«Я не хочу опять расставаться с тобой. Ведь после Хелгринда прошло совсем мало времени!»

«Наши собственные желания — это в данном случае далеко не самое главное. Хотя и мне тоже совсем не хочется с тобой расставаться, маленький брат. И все же вспомни, что говорил Оромис: доблесть дракона и его Всадника измеряется не только тем, хорошо ли они действуют вместе, но и тем, насколько хорошо они способны действовать по отдельности. Мы оба уже достаточно зрелые воины, чтобы действовать порознь, Эрагон, как бы сильно нам обоим ни была неприятна подобная перспектива. Ты же сам это доказал, когда остался в Хелгринде».

«А тебе не будет неприятно, если вместо меня на твоей спине будет восседать Арья?»

«Для меня это будет наименее неприятным из всего остального. Мы ведь уже не раз сражались вместе с нею, и не забудь: именно она возила меня через всю Алагейзию в течение двадцати лет, пока я была еще в яйце. Ты же и сам все это знаешь, маленький брат. Так зачем задавать такие детские вопросы? Ты что, ревнуешь?»

«А если да?»

Синие глаза Сапфиры ласково вспыхнули, и она лизнула его.

«Ну, это, конечно, очень мило с твоей стороны... Но все-таки скажи: мне остаться или лететь с тобой?»

«Это уж тебе выбирать!»

«Но это касается нас обоих».

Эрагон копнул земляной пол носком сапога и сказал: «Если мы должны расстаться, следуя этому безумному плану, то придется сделать все, что в наших силах, чтобы этот план удался. Хорошо, оставайся и проследи, чтобы Насуада не потеряла голову, осуществляя свой дурацкий план, будь он трижды проклят!»

«Смотри веселей, маленький брат! И беги побыстрей, тогда скоро мы опять будем вместе».

И Эрагон, в упор глядя на Насуаду, вынес решение:

— Договорились. Я отправлюсь туда.

Насуада явно вздохнула с облегчением:

— Спасибо. Ну а ты, Сапфира? Ты останешься или отправишься вместе с ним?

Сапфира тут же установила с нею мысленную связь, чтобы ее мог слышать и Эрагон, и сказала:

«Я останусь, Ночная Охотница».

Насуада склонила перед ней голову:

— Спасибо. Я чрезвычайно благодарна тебе, Сапфира, за эту поддержку.

— А ты уже обсудила этот план с Блёдхгармом? — спросил вдруг Эрагон. — Он его одобрил?

— Нет, я решила сперва поговорить с тобой. Я думаю, что лучше тебе самому во все его посвятить.

Но Эрагон был вовсе не уверен, что эльфы придут в восторг как от предстоящего ему путешествия в Фартхен Дур, так и от того, что сопровождать его будет всего лишь один ургал.

— Могу я кое-что предложить? — спросил он.

— Ты же знаешь, я всегда рада слышать любое твое предложение.

Это заставило Эрагона пояснить:

— Это не только предложение, но и просьба. — Насуада жестом попросила его продолжать. — Когда гномы выберут себе нового короля или королеву, будет лучше, если Сапфира присоединится ко мне в Фартхен Дуре. Во-первых, этим она окажет честь новому правителю, а во-вторых, постарается выполнить обещание, которое дала королю Хротгару после битвы при Тронжхайме.

Насуада сразу насторожилась, точно дикая кошка.

— Что это за обещание? Ты мне об этом никогда прежде не говорил.

— Сапфира обещала гномам восстановить тот звездный сапфир, Исидар Митрим, который разбила Арья.

От удивления Насуада широко раскрыла глаза и посмотрела на Сапфиру:

— Неужели тебе это по силам?

«Да. Но я не знаю, удастся ли мне призвать на помощь всю необходимую магию, когда я снова окажусь там. Мои магические способности не всегда подчиняются моим желаниям. Порой происходит так, словно я приобрела некое новое свойство и чувствую биение невероятной магической энергии во всем теле; в такие мгновения я, направляя эту энергию по своему желанию, могу переделать хоть весь мир. Но, к сожалению, так бывает не всегда; гораздо чаще я могу повелевать магией с тем же успехом, с каким рыба может летать. Если я и смогу восстановить Исидар Митрим, на это потребуется немало времени, ибо придется заручиться доброй волей всех гномов, а не просто желанием горстки избранных, способных понять и оценить всю важность своего сотрудничества с нами».

— Это значило бы для гномов куда больше, чем ты можешь себе вообразить! — сказала Насуада. — Звездный Сапфир занимает в их душах особое место. У каждого гнома в крови любовь к самоцветам, но Исидар Митрим они любят и лелеют более всего на свете — из-за его красоты и особенно из-за его невероятных размеров. Восстанови его в прежнем блеске, и ты восстановишь гордость всей их расы!

— Но если даже Сапфире и не удастся сразу восстановить Исидар Митрим, — заметил Эрагон, — она все же будет присутствовать на коронации их нового правителя. А ты легко скроешь ото всех ее недолгое отсутствие, сообщив, что мы с ней на несколько дней улетели, скажем, в Аберон или куда-нибудь еще. К тому времени, как шпионы Гальбаторикса поймут, что ты их провела, будет уже слишком поздно. Империя просто не успеет предпринять новую атаку. Зато мы вполне успеем вернуться!

Насуада кивнула:

— Да, пожалуй. Это неплохая идея. Свяжись со мной, как только гномы назначат день коронации.

— Конечно, свяжусь.

— Итак, предложение твое я выслушала и согласилась с ним. Ну, теперь излагай свою просьбу. Чего ты от меня хочешь?

— Поскольку ты настаиваешь на моем путешествии в королевство гномов, то после этого я хотел бы вместе с Сапфирой слетать в Эллесмеру.

— С какой целью?

— Нам нужно посоветоваться с теми, кто учил нас во время нашего прошлого пребывания в Дю Вельденвардене. Мы обещали нашим учителям, что при первой же возможности непременно вернемся в Эллесмеру и завершим свое обучение.

Насуада сурово нахмурилась:

— Сейчас не время, чтобы несколько недель или даже месяцев прятаться в Эллесмере, совершенствуя свое мастерство.

— Я понимаю, не время, но нам, возможно, хватит и одного-двух дней.

Насуада откинулась на спинку своего резного трона и задумчиво посмотрела на Эрагона из-под густых ресниц.

— А кто именно был там твоим учителем, Эрагон? Я давно заметила, что вы всегда избегаете прямых вопросов об этом. Кто они, те, что учили вас обоих в Эллесмере?

Покрутив на пальце кольцо Брома, Эрагон сказал:

— Мы дали клятву Имиладрис, что не назовем их имен без ее разрешения, или без разрешения принцессы Арьи, или того, кто после Имиладрис унаследует ее трон.

— Клянусь всеми демонами, земными и небесными, сколько же подобных клятв дали вы с Сапфирой? — сердито воскликнула Насуада. — Вы, похоже, с каждым встречным себя клятвой связываете!

Эрагон, несколько смутившись, пожал плечами и открыл уже было рот, чтобы ответить, но тут заговорила Сапфира.

«Мы к этому отнюдь не стремимся, — сказала она Насуаде, — но как можем мы не приносить подобные клятвы, если нам не одолеть ни Гальбаторикса, ни его Империи без

поддержки всех народов Алагейзии? Наши клятвы — это цена, которую мы платим за помощь различных правителей».

— Хм... — промолвила Насуада. — Значит, я могу попросить Арью разъяснить мне суть дела?

— Да, можешь, — сказал Эрагон, — но сомневаюсь, что она тебе об этом расскажет; эльфы считают имена наших учителей одной из самых драгоценных своих тайн. И без особой необходимости не станут рисковать этим, опасаясь, что имена могут случайно стать известны Гальбаториксу. — Эрагон смотрел на темно-синий камень в своем кольце и думал, много ли еще сведений позволит ему раскрыть данная эльфам клятва и его собственная честь. Помолчав, он сказал: — Знай одно: мы уже не столь одиноки, как нам когда-то казалось.

Лицо Насуады отразило ее внутреннее смятение, однако она сказала спокойно:

— Ну что ж, приятно это услышать... Я бы только хотела, Эрагон, чтобы эльфы стали несколько больше доверять мне. — Она сердито поджала губы и некоторое время молчала. — И кстати сказать, почему ты должен проделывать столь долгий путь? Неужели вы не можете связаться со своими учителями как-то иначе?

Эрагон беспомощно развел руками:

— Если бы мы могли... Увы, еще не изобрели таких заклятий, которые оказались бы способны разрушить те чары, что охраняют Дю Вельденварден.

— Значит, эльфы даже для самих себя ни малейшей бреши не оставляют?

— Если бы они ее оставляли, Арья, например, после своего освобождения из плена могла бы связаться с королевой Имиладрис, едва прибыв в Фартхен Дур, а не мчаться в Дю Вельденварден сломя голову, как только немного пришла в себя.

— Да, наверное, ты прав. Но в таком случае, как же сам-то ты сумел посоветоваться с Имиладрис насчет дальнейшей судьбы Слоана? Ты говорил, что во время вашего с нею разговора эльфийская армия по-прежнему находилась в лесу Дю Вельденварден.

— Да, так и было, — подтвердил Эрагон. — Однако не в чаще леса, а на опушке, где охранные чары почти не действуют.

Молчание, которое повисло после его слов, было прямо-таки физически ощутимым. Насуада обдумывала просьбу Эрагона, а Эрагон прислушивался к различным звукам, доносившимся снаружи: Ночные Ястребы яростно спорили, что лучше во время сражения с пехотой — алебарда или топор; в отдалении слышался также скрип телег, запряженных волами, звон оружия и сотни других неясных проявлений жизни огромного лагеря.

Наконец Насуада спросила:

— А на что именно ты рассчитываешь, совершив столь краткий визит в Эллесмеру?

— Не знаю! — рассердился Эрагон и даже пристукнул кулаком по рукояти меча. — В том-то все и дело, что мы знаем недостаточно. Возможно, мы и там ничего нового не узнаем, но, с другой стороны, можем узнать и нечто такое, что поможет нам раз и навсегда расправиться и с Муртагом, и с Гальбаториксом. Мы ведь вчера лишь чудом уцелели, Насуада. Это даже и победой назвать нельзя! И я очень опасаюсь, что в следующий раз, когда мы столкнемся с ними, Муртаг станет только сильнее. А поскольку я знаю, что возможности самого Гальбаторикса во много раз превосходят возможности Муртага, мне и вовсе становится не по себе. Хотя он уже и так одарил моего *братца* поистине невероятными возможностями. Тот эльф, что учил меня... — Эрагон помолчал, колеблясь, неуверенный, что разумно произносить вслух то, что готово было сорваться у него с языка, но все же сказал: — В общем, он намекнул, что знает, каким образом сила Гальбаторикса год от года все возрастает, но пока отказался открыть мне эту тайну, считая, что мы с Сапфирой еще мало что знаем и умеем. Теперь же, после нескольких поединков с Муртагом, я надеюсь, что он все же поделится со мной этими знаниями. Более того, существует немало таких направлений магической науки, с которыми мне еще только предстоит познакомиться, и я подозреваю, что внутри каждого из этих направлений можно найти если не средство, то подсказку, как победить Гальбаторикса. Если уж мы вступаем в

политическую игру с гномами, то давай, Насуада, хотя бы не рисковать нашим теперешним положением; давай попытаемся еще что-то выиграть за счет этого моего путешествия и тем самым укрепить наши позиции.

Насуада некоторое время сидела молча и почти не шевелясь.

— Я не могу сейчас принять такое решение, — промолвила она наконец. — Не могу, пока гномы не выберут себе нового короля. Так что ваше путешествие в Дю Вельденварден будет зависеть и от этого, и от того, какие шаги предпримет к этому времени Империя, и от донесений наших шпионов относительно намерений Муртага и Торна.

В течение двух последующих часов Насуада давала Эрагону необходимые наставления относительно гномов и их тринадцати кланов. Она немало рассказала ему об истории этого народа и о политике его правителей в последнее время; сообщила, чем чаще всего торгует тот или иной клан, какие имена встречаются у его представителей и каковы особенности их вождей; она заставила Эрагона запомнить названия наиболее важных туннелей, прорытых каждым из кланов, а потому как бы находящихся в его ведении. Сведений было довольно много, и все они казались Насуаде достаточно важными для решения нелегкой задачи: любым способом склонить гномов к избранию такого правителя, который был бы дружественно настроен по отношению к варденам и разделял их стремления.

— В идеале, конечно, хорошо бы трон занял Орик, — вздохнула она. — Короля Хротгара чрезвычайно уважали все его подданные, и Дургримст Ингеитум по-прежнему остается одним из самых богатых и влиятельных кланов, и все это на руку Орику. Но самое главное — Орик предан нашему делу. Он служил в рядах варденов, мы оба с тобой считаем его своим другом, а тебе он и вовсе приходится сводным братом. Я считаю, что у него есть все качества и умения, чтобы стать для гномов прекрасным правителем. — В глазах Насуады светилась самая искренняя приязнь к этому гному. — Впрочем, для гномов это, пожалуй, менее важно. Орик, к сожалению, по их меркам, слишком молод, да и его близость с варденами может оказаться непреодолимым

препятствием кое для кого из вождей. Есть и еще одно препятствие: некоторые крупные кланы — достаточно назвать хотя бы два из них: Дургримст Фельдуност и Дургримст Кнурлкаратхн, — прямо-таки мечтают, чтобы после более чем векового правления клана Ингеитум корона перешла к кому-то другому. Так что, Эрагон, всеми возможными способами поддерживай Орика, но если поймешь, что его попытка взойти на трон обречена, а твоя поддержка может обеспечить успех представителю какого-то другого клана, который тоже хорошо относится к варденам, немедленно переключайся на него и начинай оказывать ему помощь, даже если это обидит Орика. Сейчас, во всяком случае, никак нельзя позволить, чтобы личная дружба вмешивалась в политику.

Когда Насуада закончила наконец свою пространную «лекцию», они еще некоторое время прикидывали, как сделать, чтобы ухода Эрагона никто в лагере не заметил. И лишь после того, как все пункты этого сложного плана были согласованы, Эрагон и Сапфира вернулись к себе и сообщили о принятых решениях Блёдхгарму.

К удивлению Эрагона, мохнатый эльф возражать не стал. Эрагон даже спросил с любопытством:

— Так ты это одобряешь?

— В данном случае я не вправе выражать свое личное мнение, — негромко промурлыкал Блёдхгарм. — Однако я вижу, что план Насуады вроде бы ни тебя, ни Сапфиру не подвергает излишней опасности. Кроме того, вы, возможно, сумеете еще и продолжить свое обучение в Эллесмере. Так что, разумеется, ни я, ни мои братья возражать против этого плана не станем. — Он поклонился и сказал: — А теперь с вашего разрешения, Бьяртскулар и *Аргетлам, я пойду*; меня ждут еще кое-какие дела. — И, ловко обогнув Сапфиру, эльф вышел из палатки, так что приоткрывшийся полог успел впустить внутрь лишь один яркий солнечный луч.

Несколько минут Эрагон и Сапфира сидели молча, затем Эрагон положил руку ей на голову:

«Можешь думать обо мне, что хочешь, но я буду очень скучать по тебе».

«И я тоже, маленький брат».

«Будь осторожна. Если с тобой что-нибудь случится, то я...»

«И ты тоже будь осторожен».

Он вздохнул:

«Мы пробыли вместе всего несколько дней и уже снова должны расставаться. Мне, честное слово, трудно простить это Насуаде!»

«Не обвиняй ее: она делает то, что должна делать».

«Я не обвиняю, но горький привкус все равно остается».

«Ну, так постарайся бежать со всех ног, чтобы я могла как можно скорее присоединиться к тебе в Фартхен Дуре».

«Я бы даже и не возражал быть так далеко от тебя, если б по-прежнему мог мысленно с тобой разговаривать. Это вот как раз самое худшее: ужасное ощущение пустоты. Мы ведь даже не сможем общаться с помощью того зеркала в шатре Насуады, чтобы люди не подумали, почему это ты все ходишь к ней без меня».

Сапфира моргнула, мелькнул, высунувшись из пасти, ее язык, и Эрагон почувствовал какую-то странную перемену в ее настроении.

«Что?» — спросил он.

«Я... — Она снова моргнула. — Ты совершенно прав: очень жаль, что мы не можем поддерживать мысленную связь, ибо будем слишком далеко друг от друга. Если бы мы могли мысленно разговаривать, это не только уменьшило бы нашу тревогу, но и позволило с большей легкостью противостоять происка́м Империи». И Сапфира просто запела от удовольствия, когда Эрагон принялся почесывать ей нижний угол пасти, покрытый мелкими чешуйками.

Следы невидимки

Проделав несколько головокружительных прыжков, Сапфира перенесла Эрагона через весь лагерь к палатке Рорана и Катрины. Катрина стояла возле палатки и стирала платье в ведре с мыльной водой. Она старательно терла белую ткань о рубчатую стиральную доску, когда клубы пыли, поднятые Сапфирой при приземлении, заставили ее поднять голову и, прикрыв глаза ладонью от солнца, посмотреть на нее.

Из палатки, застегивая на ходу пояс, вышел Роран. Закашлявшись от пыли и жмуря глаза, он спросил:

— Что-нибудь случилось?

Эрагон спешился и торопливо объяснил, что ему необходимо срочно покинуть лагерь, но очень просил держать это в тайне от остальных варденов.

— Даже если наши, из Карвахолла, сочтут себя обиженными оттого, что я вроде как отказался с ними пообщаться, правды им все равно раскрывать нельзя. Ничего не говори даже Хорсту или Илейн. Пусть считают меня грубым и неблагодарным, но никто не должен знать о нашем с Насуадой плане. От этого зависит, возможно, судьба всех, кто восстал против Империи. Вы обещаете мне это?

— Конечно, Эрагон, мы никогда тебя не выдадим, — ответила Катрина, — можешь не сомневаться.

Тут Роран заявил, что он тоже уезжает.

— Куда?! — воскликнул Эрагон.

— Я только что получил новый приказ. Всего несколько минут назад. Мы намерены предпринять рейд по тылам неприятеля — постараемся разрушить систему снабжения его войск. Это значительно севернее наших собственных позиций.

Эрагон оглядел всех троих по очереди. Сперва Рорана, серьезного и решительного, уже внутренне готового к боевым схваткам; потом Катрину, сильно встревоженную, но очень старающуюся это скрыть; и, наконец, Сапфиру, из ноздрей которой уже выплескивались язычки пламени.

— Итак, мы все отправляемся в разные стороны, — заключил Эрагон, но так и не произнес вслух того, что буквально висело в воздухе: возможно, они уже никогда не увидят друг друга живыми.

Схватив Эрагона за плечи, Роран притянул его к себе и крепко обнял. Потом отпустил и посмотрел ему прямо в глаза:

— Береги спину, брат. Гальбаторикс не единственный, кто не прочь воткнуть тебе нож под ребра!

— Ты тоже будь поосторожнее. А если тебе встретится маг или колдун, лучше сразу беги от него прочь. Защитные чары, которыми я тебя окружил, на таком расстоянии долго не продержатся.

Катрина тоже обняла Эрагона и шепнула ему:

— Не задерживайся там слишком долго.

— Хорошо.

Потом Роран и Катрина подошли к Сапфире и погладили ее по длинной хищной морде. В ответ драконица что-то пропела низким басом; этот звук исходил откуда-то из глубин гортани, так что вся ее грудь завибрировала.

«Помни, Роран, — сказала ему она, — главное, не допускать ошибок и не оставлять своих врагов в живых. А ты, Катрина, не мучайся тем, чего ты изменить не в силах. Это только усугубит твою печаль». И, шурша складками кожи и чешуей, Сапфира раскрыла крылья и обняла ими Рорана, Катрину и Эрагона, как бы спрятав их на несколько минут от всего мира.

Затем она убрала крылья за спину, Роран и Катрина отступили в сторону, а Эрагон взобрался в седло и помахал новобрачным рукой, чувствуя в горле колючий комок. Он все еще продолжал махать им, когда Сапфира взвилась высоко в поднебесье, и, стряхнув с ресниц слезы, чуть откинулся в седле, глядя в небесную синеву.

«Ну что, теперь подзаправимся на дорожку?» — спросила Сапфира.

«Ага».

Сапфира взмыла еще выше, поднявшись на несколько сотен футов, а потом повернула к юго-западной части лагеря, где в воздух поднимались столбы дыма от нескольких очагов, на которых готовилась пища. Сильный порыв ветра качнул ее, когда она спланировала вниз, на свободный кусок земли между двумя длинными навесами, длиной по пятьдесят футов каждый. Все давно позавтракали, так что под навесами не было ни души, и Сапфира с громким шумом приземлилась прямо между ними.

Эрагон слез и поспешно пошел к очагам, где хлопотали повара. Сапфира двинулась следом. Здесь возилось множество людей: одни следили за огнем в очагах, другие разделывали мясо, третьи месили тесто и разбивали в него яйца, четвертые что-то варили в железных котелках и кастрюлях, пятые отскребали засохшие остатки пищи и копоть от горшков и сковородок. Здесь было неимоверное количество самой разнообразной работы, и вся она имела одну-единственную цель: накормить огромную армию варденов. Ни один из этих людей даже не взглянул в сторону Эрагона и Сапфиры, продолжая заниматься своим делом. Да и какой интерес представляли для них какой-то дракон и Всадник в сравнении с неимоверными потребностями того прожорливого чудовища с тысячами ртов, чей голод они всячески старались утолить?

Толстяк с черной, коротко подстриженной бородой, в которой мелькала заметная проседь, все же подбежал к Эрагону и Сапфире и поклонился им. Он был такого маленького роста, что вполне мог сойти за гнома.

— Меня зовут Куот Мерринсон. Чем могу служить? Если ты голоден, Губитель Шейдов, то у нас как раз хлеб испекся. — И он мотнул головой в сторону двойного ряда свежих караваев, разложенных на ближайшем столе.

— Спасибо, я с удовольствием возьму полхлеба, если можно, — сказал Эрагон. — Однако голоден вовсе не я, а Сапфира. Ей бы надо поесть, а у нас совсем нет времени, и по-охотиться, как обычно, она не успеет.

Куот бросил взгляд на огромную драконихи и несколько побледнел:

— А сколько ей нужно? Я что хочу спросить: ты обычно сколько зараз съедаешь, Сапфира? Можно прямо сейчас предложить тебе шесть жареных воловьих боков, а еще шесть будут готовы минут через пятнадцать. Этого тебе хватит или?.. — Его кадык судорожно дернулся.

Сапфира издала тихий, журчащий звук, от которого Куот как-то странно икнул и отпрыгнул назад.

— Она предпочла бы живую дичь, если можно, — вежливо заметил Эрагон.

— Можно ли? — фальцетом переспросил Куот. — Да-да, конечно можно! — Он покивал, тиская край фартука грязными жирными руками. — Это очень даже легко устроить, Губитель Шейдов. Стало быть, и стол короля Оррина тогда не окажется нынче пустым.

«И еще бочонок меду», — добавила Сапфира, обращаясь к Эрагону.

У Куота чуть глаза из орбит не выскочили, когда Эрагон повторил вслух просьбу Сапфиры.

— Я... я боюсь, что гномы купили большую часть наших запасов м-м-меда. Осталось всего несколько бочонков, и они все предназначены для королевского стола. — И он весь затрясся, когда из ноздрей Сапфиры вырвались языки пламени в четыре фута длиной и выжгли перед ним всю траву. От устоявших обугленных стебельков потянулись вверх крутящиеся струйки дыма. — Х-х-хорошо, я... я сейчас принесу бочонок, прямо сейчас... С-с-следуйте за м-м-мной, я отведу вас к загону, и вы сможете выбрать любое животное, какое вам понравится.

Огибая костры, очаги и столы, обходя многочисленную армию поваров, Куот привел их к разгороженному на большие участки деревянному загону, где содержались свиньи, рогатый скот, гуси, козы, овцы, кролики и несколько диких оленей, которых отловили фуражиры, выбираясь за продовольствием в леса и поля близ лагеря варденов. Рядом с загоном располагались птичники, где было полно кур, уток, голубей, куропаток, перепелов и прочих пернатых. Их кудахтанье, чириканье и воркование создавали такую жуткую

какофонию, что Эрагон даже скрипнул зубами от неудовольствия. Чтобы избежать опасности быть буквально раздавленным малоприятными мыслями и ощущениями пойманного в загон множества живых существ, он тут же закрыл свою душу для всех, кроме Сапфиры.

Они остановились футах в ста от загона, чтобы приближение Сапфиры не вызвало чрезмерной паники среди животных и птиц, и Куот, нервно потирая руки, спросил у нее:

— Ну что, из этого тебе что-нибудь подходит?

Сапфира обозрела весь загон, понюхала воздух и сообщила Эрагону:

«Какая жалкая дичь! Да и не так уж я голодна, знаешь ли. Я же охотилась позавчера и еще не успела до конца переварить кости того оленя, которого тогда съела».

«Но ты же еще растешь, и, надо сказать, довольно быстро. Лишний кусок мяса тебе явно не повредит».

«Едва ли, если он придется мне не по вкусу».

«Тогда прихвати что-то небольшое. Свинью, к примеру».

«Ну, это вряд ли спасет положение... *Нет. Я, пожалуй,* возьму все же вон ту корову».

И Эрагон, получив от Сапфиры мысленное изображение коровы среднего размера с белыми пятнами на левом боку, указал на животное Куоту.

Тот сразу что-то крикнул скотникам, слонявшимся возле загона. Двое из них отогнали корову от остальных животных, прихватили ее веревочной петлей за шею и подтащили упирающееся животное к Сапфире. Шагах в тридцати от драконихи корова заартачилась, уперлась и в полном ужасе замычала, пытаясь вырваться из петли и убежать. Но ей это не удалось. Сапфира присела и одним прыжком преодолела разделявшее их расстояние. Те двое скотников, что притащили корову, бросились в разные стороны, когда Сапфира разинула пасть и ударила корову в бок, сбив несчастное животное с ног и прижав его к земле растопыренной лапой. Корова успела еще издать жалкое, испуганное мычание, но челюсти Сапфиры уже сомкнулись у нее на глотке. Резко мотнув головой, дракониха перекусила корове хребет.

Потом замерла на секунду, низко наклонилась к поверженной жертве и выжидающе повернулась к Эрагону.

Прикрыв глаза, Эрагон мысленно коснулся сознания коровы. Оно уже уходило во тьму, но тело еще было живо, мышцы напрягались и дрожали в последних конвульсиях. Душу Эрагона переполняло отвращение к тому, что сейчас должно произойти, но он отогнал это чувство, положил руку на пояс Белота Мудрого и перенес всю оставшуюся в туше коровы энергию в те двенадцать алмазов, что были зашиты в поясе. Это заняло всего несколько секунд.

Потом он кивнул Сапфире:

«Я закончил».

Эрагон поблагодарил за помощь скотников, и они ушли, оставив их с Сапфирой вдвоем.

Пока Сапфира насыщалась, Эрагон присел, опершись спиной о бочку с медом и наблюдая за поварами и поварятами. Всякий раз, когда кто-то из них обезглавливал очередного цыпленка, перерезал горло свинье или какому-то другому животному, он переводил энергию умирающей жертвы в пояс Белота Мудрого. Это было малоприятное занятие, потому что несчастные твари по большей части все же ощущали его прикосновение к их сознанию, и чудовищный вихрь страха, недоумения и боли тут же охватывал душу Эрагона, так что, казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Он весь покрылся испариной; пот стекал у него по вискам, попадая в глаза. К тому же Эрагона просто раздирало желание помочь каждому страдающему животному, спасти его, оживить. Но он понимал: таково уж их предназначение — умереть, чтобы спасти варденов от голодной смерти. В последних боях и стычках он растратил большую часть хранившейся в поясе Белота Мудрого энергии и теперь хотел восполнить ее запас, прежде чем пуститься в долгое и, весьма вероятно, опасное путешествие. Если бы Насуада разрешила ему оставаться с варденами еще хотя бы неделю, он успел бы наполнить алмазы энергией собственного тела, и у него еще осталось бы время на восстановление сил, прежде чем отправиться в Фартхен Дур. Но за остававшиеся в его распоряжении несколько часов он эту задачу выполнить был просто не в состоянии. Даже если бы все это время он

пролежал в постели, он все равно не успел бы запасти такое количество энергии, какое сумел забрать у забитых поварами животных.

Алмазы в поясе Белота Мудрого, казалось, могли вобрать в себя почти неограниченное количество магической энергии, и Эрагон решил прекратить этот процесс; он чувствовал, что больше не в силах выносить смертные муки убиваемых животных. Дрожа всем телом, мокрый от пота с головы до ног, он нагнулся вперед, встал на четвереньки и не поднимал глаз от земли, пытаясь унять тошноту. В сознании проплывали то ли воспоминания, то ли видения: Сапфира, летящая над озером Леона с ним на спине; то, как они ныряют в прозрачную ледяную воду и мимо них вверх проносится рой сверкающих пузырьков воздуха; то, какая радость охватывала их обоих, когда они вместе летали, плавали, ныряли, играли...

Наконец дыхание Эрагона успокоилось; он поднял глаза на Сапфиру, которая как раз дожевывала коровью голову, улыбнулся ей и мысленно поблагодарил за помощь.

«Ну, можно отправляться», — сказал Эрагон, и Сапфира предложила:

«Возьми у меня часть сил. Они тебе пригодятся».

«Не нужно».

«Нет, возьми! Я настаиваю».

«Я тоже настаиваю. Разве я могу оставить тебя без сил? А если снова бой? Если Муртаг и Торн атакуют варденов уже сегодня? Нам обоим следует в любой момент быть готовыми к битве. И кстати, тебе, скорее всего, будет угрожать большая опасность, чем мне, потому что Гальбаторикс и вообще все в Империи будут считать, что я по-прежнему с тобой».

«Да, но ты-то будешь там один в этих диких краях. А разве можно рассчитывать на помощь какого-то кулла?»

«Я точно так же привык к диким краям, как и ты. И меня вовсе не пугает пребывание вдали от цивилизации. Что же до этого кулла, то мне, конечно, вряд ли удастся победить его в рукопашной, но мои защитные чары, надеюсь, уберегут меня от любого предательства... У меня вполне хватает сил, Сапфира. Так что тебе вовсе не нужно со мной делиться».

Она смотрела на Эрагона, словно обдумывая его слова, потом подняла лапу и стала слизывать с нее кровь.

«Ладно, пусть так. — Уголки ее пасти приподнялись как бы в усмешке. Опустив лапу, она добавила: — Будь добр, подкати этот бочонок поближе».

Крякнув, Эрагон выполнил ее просьбу. Сапфира когтем пробила две дырки в крышке бочонка, и оттуда сразу пахнуло сладким ароматом яблочного меда. Выгнув шею, так что голова оказалась как раз над бочонком, она зажала его в своих огромных челюстях и, подняв голову вверх, с глухим журчанием вылила его содержимое себе в глотку. Мотнув головой, она отшвырнула пустой бочонок так, что один из его железных обручей соскочил и с грохотом откатился на несколько шагов в сторону. Вдруг верхняя губа Сапфиры приподнялась, она замотала головой, судорожно вдохнула и так сильно чихнула, что ударилась носом о землю. При этом из пасти и ноздрей у нее вырвались снопы пламени.

Эрагон охнул от неожиданности и отскочил в сторону, сбивая пламя со вспыхнувшей одежды. Правую сторону лица ему успело здорово опалить.

«Сапфира, поосторожней!» — воскликнул он.

«Извини. — Она опустила голову и потерлась испачканным пылью носом о переднюю лапу. — Это от меда. Щекотно».

«Пора бы научиться вести себя», — проворчал Эрагон, забираясь к ней на спину.

Еще раз почесав морду о переднюю лапу, Сапфира высоко подпрыгнула, расправила крылья и, взлетев над лагерем варденов, перенесла Эрагона обратно к его палатке. Некоторое время они молчали, думая каждый о своем.

Потом Сапфира моргнула, и Эрагону даже показалось, что глаза ее блестят как-то больше обычного.

«Это просто испытание, — сказала она. — И если мы его выдержим, то станем еще сильнее — непобедимые дракон и Всадник».

«Ты права. Нам надо научиться действовать и поодиночке, когда нужно, иначе мы вечно будем оказываться в невыгодном положении».

«Это верно. — Сапфира задумчиво поскребла когтями по земле. — Но это не помогает унять мою печаль. — По телу ее пробежала дрожь, и она чуть шевельнула крыльями. — Пусть ветер у тебя всегда будет попутным, маленький брат! И пусть солнце всегда светит тебе в спину. Счастливого тебе пути и легкого возвращения!»

«Прощай», — ответил он.

Эрагон чувствовал, что если он не расстанется с нею прямо сейчас, то не расстанется никогда, а потому он резко повернулся и, не оглядываясь, нырнул в темную палатку, тут же сам разорвав мысленную связь между ними, что уже давно стала неотъемлемой частью его существа, его сердцевиной. Очень скоро они окажутся так далеко друг от друга, что в любом случае уже не смогут вести мысленные беседы, и Эрагону не хотелось продлевать это мучительное расставание с самым близким для него существом. Он немного постоял на месте, сжимая рукоять своего меча и чуть покачиваясь, словно у него кружилась голова. Его уже начинало охватывать мрачное, болезненное чувство одиночества; он ощущал себя маленьким, брошенным всеми ребенком, лишившись уютного общества *Сапфиры и мысленной связи с* нею. «Ничего, — думал он, — *такое уже случалось и раньше,* так что я справлюсь, мы справимся». И он, сделав над собой усилие, расправил плечи и поднял голову.

Потом он вытащил из-под койки ранец, который сделал себе по дороге из Хелгринда, и уложил в него резную деревянную трубку, завернутую в кусок материи. В ней хранился свиток с поэмой, которую он сочинил в честь Агэти Блёдрен, а Оромис потом переписал своим каллиграфическим почерком. Потом Эрагон сунул в ранец флягу с волшебным эльфийским напитком и маленькую шкатулку из мыльного камня, полную нальгаска, смеси пчелиного воска с ореховым маслом, — это тоже были подарки Оромиса. За ними последовала толстенная книга «Домиа абр Вирда» — подарок Джоада. Эрагон положил в ранец и точильный камень, и оселок для правки клинка, и, после некоторого колебания, свои замечательные доспехи, каждая часть которых была завернута в отдельную тряпицу. Если уж возникнет необходимость драться, решил он, пусть уж лучше эти латы будут

со мной; ничего страшного, даже если придется тащить все это без надобности до самого Фартхен Дура. Книгу и свиток он взял с собой, потому что за время своих долгих путешествий окончательно пришел к выводу, что если не хочешь потерять вещи, которыми особенно дорожишь, так лучше всегда носить их при себе, куда бы ты ни направлялся.

Из одежды Эрагон прихватил с собой только пару перчаток, которые засунул в шлем, да еще теплый шерстяной плащ на случай ночных холодов. Все остальное он оставил в палатке, засунув в седельные сумки, которые обычно крепил к седлу Сапфиры. «Раз уж я и впрямь стал членом клана Дургримст Ингеитум, — решил он, — то они меня и оденут соответствующим образом, когда я прибуду к ним в крепость Бреган».

Затянув ремни ранца, он уложил поверх него свой лук со снятой тетивой и колчан со стрелами и покрепче их привязал. Он хотел было закрепить там и меч, но понял, что меч при любом наклоне может выпасть из ножен, и прикрепил его плашмя к задней стенке ранца, причем таким образом, чтобы рукоять торчала вверх над его правым плечом и ему легко было бы до нее дотянуться в случае необходимости.

Забросив ранец за спину, Эрагон устранил мысленный барьер в своем сознании и сразу ощутил, как бурлит магическая энергия в его теле и в двенадцати бриллиантах, зашитых в пояс Белота Мудрого. Купаясь в этом потоке энергии, он пробормотал заклинание, которым раньше пользовался всего один раз: оно как бы изгибало лучи света и окутывало ими его, превращая для других в невидимку. По всему телу, разумеется, тут же разлилась слабость, стоило ему произнести это заклятье.

Глянув вниз, Эрагон даже испытал некоторое замешательство, не увидев там собственного тела и ног — казалось, он смотрит как бы сквозь них, — однако он ясно видел на земле отпечатки собственных ступней. «Ладно, — подумал он, — теперь самое трудное».

Подойдя к задней стенке шатра, он прорезал ее своим охотничьим ножом и выбрался сквозь прорезь наружу. Там его уже ждал Блёдхгарм, гладкий и ловкий, точно сильный, хорошо откормленный кот. Эльф слегка поклонился, тихо

промолвил: «Я приветствую тебя, Губитель Шейдов!» — и тут же занялся заделыванием прорези в стене палатки, для чего ему хватило нескольких слов древнего языка.

Эрагон осторожно двинулся меж палатками, стараясь ступать неслышно, а когда ему кто-то встречался, тут же сворачивал, прятался и замирал, надеясь, что этот человек не заметит ни его следов, ни примятой травы. Про себя он проклинал пересохшую землю — несмотря на всю осторожность, сапоги его все равно поднимали прямо-таки клубы пыли. К собственному удивлению, став невидимкой, Эрагон почти утратил чувство равновесия и, не видя ни собственных рук, ни ног, все время ошибался, определяя расстояние, и налетал на разные предметы, словно перебрал крепкого эля.

Но, несмотря на столь неуверенную походку, он все же достаточно быстро и никем не замеченный добрался до границы лагеря. Остановившись возле бочки для сбора дождевой воды и спрятав ноги, по-прежнему оставлявшие следы на земле, в густой тени, он внимательно осмотрел земляной вал, ров и частокол, которыми была укреплена восточная граница лагеря варденов. Если бы кто-то попытался незаметно проникнуть в лагерь, его, по всей видимости, сразу же и обнаружили бы, даже если бы он был невидимым: валы и брустверы патрулировало множество часовых, так что следы нарушителя границы они заметили бы мгновенно. Однако все эти укрепления были предназначены прежде всего для отражения атаки неприятеля, а вовсе не для того, чтобы служить тюремной стеной для обитателей лагеря, и выбраться наружу было гораздо легче и проще, да за этим, похоже, никто особенно и не следил.

Эрагон дождался, пока двое ближайших часовых повернутся к нему спиной, бросился вперед и в несколько секунд преодолел расстояние, отделявшее дождевую бочку от внутреннего склона оборонительного вала. Он взобрался на него так быстро, что почувствовал себя камнем, скачущим по поверхности воды, оставляя за собой круги. На вершине вала он покрепче уперся ногами в землю, взмахнул руками и прыгнул, стараясь разом преодолеть ряды острых кольев.

Всего три удара сердца — и он успешно приземлился, сильно ударившись ногами о землю.

Едва восстановив равновесие, Эрагон, прижавшись к земле, надолго задержал дыхание. Один из часовых остановился, как видно что-то заподозрив, но, не обнаружив ничего необычного, через секунду возобновил свое хождение. Эрагон перевел дыхание, прошептал:

«Дю делои лунаэа», — и тут же увидел, как заклинание сметает с поверхности вала следы его сапог.

По-прежнему невидимый, он поднялся на ноги и побежал прочь от лагеря, стараясь ступать только там, где росла трава, чтобы как можно меньше поднимать пыли. Чем сильнее он удалялся от лагеря и часовых, тем быстрее бежал, пока не достиг скорости лошади, скачущей галопом.

Почти час спустя Эрагон танцующим шагом спустился по крутому склону узкой лощины, которую дожди и ветры пробили в заросшей травой равнине. По дну ее сочился узенький ручеек, заросший камышом и рогозом. Эрагон двинулся по течению ручья, стараясь держаться подальше от мягкой и влажной земли у кромки воды — ему совсем не хотелось оставлять здесь следов своего пребывания, — и наконец достиг берега небольшого пруда, в который и впадал этот ручей. Там он увидел огромного кулла с бочкообразной грудью, сидевшего на валуне.

Когда Эрагон пробирался сквозь заросли рогоза, кулл, услышав шуршание листьев, насторожился и повернул в сторону Эрагона свою огромную рогатую башку, старательно нюхая воздух. Это был сам Нар Гарцвог, предводитель ургалов, которые теперь пребывали в союзе с варденами.

— Это ты! — воскликнул Эрагон и снова стал видимым.

— Приветствую тебя, Огненный Меч, — пророкотал Гарцвог. Дернувшись вверх всем своим гигантским телом, он встал во весь рост — восемь с половиной футов! — и его обтянутые серой кожей мышцы заиграли в лучах полуденного солнца.

— И я приветствую тебя, великолепный Нар Гарцвог, — ответил Эрагон. И в некотором замешательстве спросил: — А с кем же остались твои рогачи? Кто поведет их в бой, если ты, их командир, отправишься со мной?

— Скагреж поведет, мой кровный брат. Он, правда, не кулл, но рога у него достаточно длинные, да и шея мощная. Он отличный воин; он справится.

— Понятно... Но почему все-таки именно ты вызвался пойти со мной?

Ургал задрал вверх свою мощную квадратную челюсть:

— Ты — наш Огненный Меч. Ты не должен погибнуть, иначе ургралгра, или ургалы, как вы, люди, нас называете, так и не сумеют отомстить Гальбаториксу, и вся наша раса погибнет. Вот поэтому я и побегу с тобой. Я хорошо бегаю. И я один из лучших наших бойцов. Я победил, в одиночку выйдя против сорока двух рогачей!

Эрагон кивнул, вполне довольный таким оборотом дел. Из всех ургалов он больше всего доверял именно Гарцвогу, поскольку успел прочесть его мысли еще перед битвой на Пылающих Равнинах и выяснил, что кулл абсолютно честен по отношению к варденам — конечно, по меркам своей расы — и на него можно положиться. «Разумеется, лишь до того момента, пока он не решит, что честь его требует вызвать меня на поединок. Ничего, я постараюсь не давать ему для этого повода», — решил Эрагон.

— Я очень рад, Нар Гарцвог, — сказал он, потуже затягивая ремни своего ранца, — что мы побежим вместе. Такого путешествия еще никогда не бывало в истории наших народов.

Гарцвог фыркнул:

— Что ж, побежим, Огненный Меч!

Они одновременно повернулись лицом к востоку, к Беорским горам, и ринулись вперед. Эрагон бежал легко и быстро, Гарцвог двигался тяжелыми прыжками, каждым из них покрывая два шага Эрагона, и не отставал. Земля дрожала от его тяжкой поступи. А на горизонте уже собирались тяжелые тучи, обещая грозу и сильный ливень; кружившиеся в вышине ястребы пронзительно пищали, охотясь за своими жертвами.

ЧЕРЕЗ ХОЛМЫ И ГОРЫ

Эрагон и Нар Гарцвог бежали весь остаток дня, потом всю ночь и весь следующий день, останавливаясь только для того, чтобы утолить жажду или справить нужду.

К концу второго дня Грацвог наконец заявил:

— Огненный Меч, мне нужно поесть и поспать.

Эрагон, тяжело дыша, присел на первый же пенек, оказавшийся рядом, и молча кивнул. Ему не хотелось признаваться, что и он совершенно выдохся и не меньше кулла был голоден. Уже довольно скоро после того, как они начали свой бег, он убедился, что если первые пять миль он и смог бы пробежать быстрее Гарцвога, то дальше это было бы уже затруднительно, ибо выносливость кулла, пожалуй, существенно превосходила его собственную.

— Хорошо, давай я тебе помогу. Я готов, например, отправиться на охоту, — предложил он.

— В этом нет нужды. Разведи большой костер, а я добуду нам еды.

— Ладно.

Гарцвог направился к густому буковому лесу чуть севернее того места, где они остановились, а Эрагон развязал ремень, крепивший ранец к поясу, и со вздохом облегчения сбросил свою ношу на землю рядом с пеньком.

— Проклятые доспехи! — пробормотал он. Даже в пределах Империи он никогда не бегал на такие расстояния, да еще и с грузом за плечами, так что перед этим походом не сообразил, насколько это будет тяжело. Ноги болели, спина болела, а когда он попытался присесть на корточки, колени отказались сгибаться.

Превозмогая боль, Эрагон принялся собирать сухую траву и валежник для костра, а затем разжег его на сухом каменистом клочке земли.

Они с Гарцвогом находились сейчас к востоку от южной оконечности озера Тюдостен. Почва здесь была влажная, покрытая буйной растительностью; трава достигала в высоту шести футов, и в этих зарослях бродили стада оленей, газели и дикие быки с черными спинами и широко расставленными рогами, загнутыми назад. Своим плодородием и богатством всевозможной растительности и живности земли эти были обязаны Беорским горам: над ними формировались мощные облака, которые затем, уплывая отсюда, орошали дождями окрестные равнины, в противном случае они могли бы стать столь же сухими и безжизненными, как пустыня Хадарак.

Хотя они пробежали уже много лиг, Эрагон был недоволен скоростью их продвижения. Пробираясь от реки Джиет к озеру Тюдостен, они потеряли несколько часов, потому что приходилось постоянно прятаться и совершать обходные маневры, дабы избежать обнаружения. Теперь, когда озеро Тюдостен осталось позади, Эрагон рассчитывал, что им удастся двигаться быстрее. «К сожалению, Насуада не предусмотрела подобной задержки, — думал он. — Она решила, что я запросто, одним махом добегу до Фартхен Дура». Отшвырнув в сторону сломанную ветку, мешавшую проходу, Эрагон продолжал собирать хворост, но все время что-то недовольно бурчал себе под нос.

Когда час спустя кулл вернулся с охоты, Эрагон уже развел огромный костер и теперь сидел перед ним, глядя в пламя и борясь с неотвязным желанием лечь и уснуть; этого ему сейчас хотелось больше всего. Он с трудом поднял голову и посмотрел на Гарцвога; шея у него аж скрипнула от усилия.

Кулл тащил под мышкой тушу жирной оленихи с такой легкостью, словно она весила не больше мешка с тряпьем. Зажав голову оленихи в развилке толстого сука ярдах в двадцати от костра, он вытащил нож и принялся ловко разделывать тушу.

Эрагон встал на ноги, чувствуя, что все его суставы словно закостенели, и подошел к Гарцвогу.

— Как ты ее убил? — спросил он.

— Из пращи, — пророкотал в ответ кулл.

— Хочешь зажарить мясо на вертеле? Или ургалы едят его сырым?

Гарцвог повернулся к Эрагону, искоса глянув на него сквозь свой закрученный в кольцо рог. Глубоко посаженный желтый глаз кулла загадочно поблескивал.

— Мы ж не звери, Огненный Меч!

— А я этого и не говорил.

Ургал только крякнул и вернулся к своему занятию.

— Это займет слишком много времени, если оленину жарить на вертеле, — заметил Эрагон.

— Я собирался приготовить что-то вроде рагу, а остальное потом можно поджарить на раскаленных камнях.

— Рагу? Но как? У нас ведь даже котелка нет.

Наклонившись, Гарцвог соскреб с руки грязь и достал из поясной сумки нечто, сложенное квадратом. Он кинул этот странный предмет Эрагону, и тот попытался схватить его на лету, но так устал, что промахнулся, и предмет упал на землю. Выглядел он как очень большой лист пергамента. Эрагон поднял его, «лист» раскрылся, и стало видно, что это нечто вроде плоского мешка, фута полтора шириной и фута три в длину. Край его был усилен полосой толстой кожи с нашитыми на нее металлическими кольцами. Эрагон перевернул мешок и внимательно осмотрел его со всех сторон, пораженный полным отсутствием каких-либо швов и тем, насколько он мягкий.

— Что это? — спросил он.

— Желудок пещерного медведя. Я убил его в тот год, когда у меня впервые выросли рога. Этот мешок надо подвесить на палке или опустить в яму и наполнить водой, а потом кидать в воду раскаленные камни. Камни нагреют воду, и можно будет приготовить рагу. Это вкусно, можешь не сомневаться.

— А камни не прожгут мешок насквозь?

— Ну, пока что не прожгли.

— Он что, заколдованный?

— Нет, никакой магии. Просто он очень прочный.

Гарцвог резко выдохнул, ухватил оленя за задние ноги и одним рывком разломил тушу надвое. Грудину он разрубил ножом.

— Это, видимо, был очень крупный медведь, — заметил Эрагон, продолжая разглядывать бывший желудок зверя.

Гарцвог глухо хохотнул:

— Крупнее, чем я сейчас, Губитель Шейдов.

— Ты что же, и его убил камнем, пущенным из пращи?

— Нет, его я задушил. Собственными руками. Тем, кто достиг возраста мужчины, не положено иметь никакого оружия, чтоб доказать свое умение и мужество. — Гарцвог немного помолчал, продолжая быстро и ловко работать ножом, потом прибавил: — Впрочем, многие ургалы даже не пытаются убить пещерного медведя. Охотятся на волков или горных козлов. Вот поэтому я и стал боевым вождем, а другие не стали.

Эрагон оставил его разделывать мясо, а сам вернулся к костру. Выкопал рядом с ним яму, уложил в ней желудок медведя, просунул подходящие палки сквозь металлические кольца и закрепил их на земле. Затем набрал с дюжину камней размером с яблоко и бросил их в костер. Дожидаясь, пока камни раскалятся, он с помощью магии наполнил желудок на две трети водой и соорудил из побегов ивы нечто вроде щипцов, связав их куском сыромятного ремешка.

Когда камни раскалились докрасна, он крикнул:

— Камни готовы!

— Кидай их в воду!

Эрагон импровизированными щипцами достал камень из огня и опустил его в мешок. Вода тут же забурлила, исходя паром. Он опустил в воду еще два камня, и вода закипела.

Гарцвог бросил в кипящую воду две пригоршни нарезанного кусочками мяса, затем добавил в варево добрую щепоть соли из висевшей на поясе сумки и несколько побегов розмарина, тимьяна и другой дикой зелени, которые собрал, пока охотился. Потом нашел плоский обломок глинистого сланца и поставил его ребром в огонь. Когда камень нагрелся, он поджарил на нем несколько полосок мяса.

Пока готовилась еда, Эрагон и Гарцвог вырезали себе ложки из древесины того пенька, возле которого Эрагон бросил свой ранец.

Эрагону так хотелось есть, что, казалось, рагу готовится слишком долго, но уже через несколько минут мясо было

готово, и они с Гарцвогом жадно набросились на еду, клацая зубами, точно оголодавшие волки. Эрагон проглотил вдвое больше того, что, как ему казалось, мог бы съесть, а остальное умял Гарцвог, и уж этой-то порции точно хватило бы на шестерых.

После чего Эрагон откинулся назад и, опираясь на локти, стал смотреть на пляшущих возле костра светлячков, прилетевших из букового леса и выписывавших в воздухе самые невероятные узоры. На пурпурно-лиловом небосклоне уже засверкали первые звезды.

Эрагон невидящим взором смотрел на пляшущих светлячков и думал о Сапфире; потом он вспомнил об Арье; потом о них обеих — об Арье и Сапфире. Закрыв глаза, он чувствовал, как в висках тяжело стучит кровь. Услышав резкий хруст, он вздрогнул и увидел, что Гарцвог, разломав на части берцовую кость оленихи, уселся напротив и чистит зубы обломком этой кости. Эрагон перевел взгляд ниже, на босые ноги ургала — тот снял свои сандалии еще перед едой, — и с огромным удивлением обнаружил, что у него на каждой ступне аж по семь пальцев.

— У гномов тоже по семь пальцев, как у вас, — заметил он.

Гарцвог выплюнул застрявший в зубах кусочек мяса в костер и сказал равнодушно:

— А я и не знал. Никогда не испытывал желания рассматривать ноги гнома.

— А тебе не кажется любопытным, что у гномов и ургалов по четырнадцать пальцев, а у эльфов и людей — по десять?

Гарцвог чуть раздвинул толстые губы в презрительной усмешке:

— Мы не состоим в родстве с этими безрогими горными крысами, Огненный Меч. Ну, у них по четырнадцать пальцев, и у нас по четырнадцать, так что из этого? Значит, так захотелось богам — создать нас такими при сотворении мира. Другого объяснения нет.

Эрагон кашлянул в ответ и вернулся к наблюдению за светлячками. Потом попросил:

— Поведай мне какую-нибудь вашу легенду, Гарцвог; из тех, какими особенно гордится ваша раса.

Кулл с минуту раздумывал, потом прекратил ковырять в зубах обломком кости и заговорил:

— Давным-давно жила на свете юная ургралгра по имени Магхара. И рога ее сияли, как полированный самоцвет, а густые волосы укрывали спину до самых бедер, и смеялась она так, что даже певчие птицы замирали от восторга на ветвях деревьев. Но красивой она не была. Наоборот, скорее уродливой. Ну так вот. Жил в ее селении также один рогач. Очень сильный. Он уже успел четверых убить в славном поединке и одержал победу еще над двадцатью тремя. Но хоть он уже и успел прославиться своими боевыми подвигами, пару он себе еще не выбрал, не нашел такой самки, которая стала бы матерью его детенышей. Магхара очень желала этого, но он в ее сторону даже не смотрел, считая ее уродливой. Он не замечал ни ее чудесных блестящих рогов, ни густых волос, ни звонкого смеха. И тогда Магхара, пребывая в ужасной тоске оттого, что этот герой не обращает на нее внимания, взобралась на самую высокую гору Спайна и оттуда стала взывать к великой богине Рахне, моля ее о помощи. Рахна — это наша богиня-мать, наша прародительница; это она научила нас прясть и обрабатывать землю, это она подняла над землей Беорские горы, когда пролетала над этими краями верхом на огромном драконе. И вот Рахна Золоторогая откликнулась на призывы Магхары и спросила, что ей нужно. «Сделай меня красавицей, о Великая Праматерь, сделай так, чтобы мой возлюбленный рогач счел меня достаточно привлекательной», — взмолилась Магхара. И Рахна ответила: «Тебе и не нужно быть красавицей, Магхара. У тебя блестящие рога, прекрасные длинные волосы и чудный звонкий смех. С такими достоинствами ты легко завоюешь любого рогача, который не настолько глуп, чтобы искать в самке одну лишь красоту». Но Магхара, распростершись перед богиней на земле, продолжала молить ее: «Нет, с другим рогачом я никогда не буду счастлива! Я должна заполучить именно этого. О, Великая Праматерь, прошу тебя, сделай меня красавицей!» И тогда Рахна с улыбкой спросила: «Ну а если я это сделаю, дитя мое, чем ты расплатишься

со мною?» И Магхара пылко пообещала: «Я отдам тебе все, что ты захочешь».

Рахне очень понравился такой ответ, и она превратила Магхару в настоящую красавицу. И когда Магхара возвратилась в свое селение, то все поразились ее красоте, и тот рогач с радостью взял ее в свой дом, и у них родилось много детей, и они счастливо прожили семь лет. А потом Рахна явилась Магхаре и спросила: «Ну что ж, ты целых семь лет прожила со своим любимым рогачом, довольна ли ты своей жизнью? Счастлива ли ты?» И Магхара ответила: «О да! Я очень счастлива!» И тогда Рахна сказала: «Настал час твоей расплаты со мной». Она огляделась, увидела, какой у них хороший каменный дом, увидела старшего сына Магхары и сказала: «Вот этого я забираю». Магхара умоляла Золоторогую не забирать ее первенца, но Рахна была непреклонна. И тогда Магхара схватила дубинку своего мужа и ударила Рахну. Она надеялась убить богиню, но дубинка в ее руках разлетелась в щепки. А Рахна в отместку взяла да и лишила Магхару всей ее красоты, а сама улетела, прихватив с собой старшего сына Магхары. Она унесла его в свою обитель, где вместе с нею живут еще четыре ветра, и назвала его Хеграз. Она воспитала его и сделала величайшим из воинов, когда-либо попиравших землю своими ногами. А из судьбы несчастной Магхары каждому следует извлечь урок: с судьбой никогда не стоит бороться, иначе можешь потерять то, что тебе более всего дорого.

Эрагон смотрел на сияющий край рогатого месяца, только что появившегося на востоке над линией горизонта и молчал. Потом попросил:

— Расскажи мне о ваших селениях, Нар Гарцвог.

— Что ты хочешь о них узнать?

— Расскажи, что сам захочешь. Я многое узнал, когда Насуада поручила мне проверить твои мысли и мысли Кхагры и Отвека, но запомнил не так уж много — я ведь никогда этого сам не видел. И мне хочется получить какую-то целостную картину, как-то связать воедино все, что я знаю.

— Ну, я бы многое мог тебе рассказать, — пророкотал Гарцвог. В его тяжелом взгляде появилась несвойственная куллам задумчивость, и он снова принялся ковырять в зубах

осколком кости. — У нас, например, есть такая традиция: мы вырезаем на бревне морду какого-нибудь горного зверя и вкапываем это бревно возле своего дома, чтобы оно отгоняло злых духов. Таких бревен может быть несколько. А иной раз кажется, что они оживают. Особенно если в наше селение входит какой-то чужак; он сразу чувствует, что глаза всех этих зверей, вырезанных из дерева, смотрят на него, следят за ним... — Осколок кости замер в пальцах ургала, потом снова заходил туда-сюда. — А над дверью каждого дома мы вешаем намну. Это полоса ткани шириной с мою вытянутую руку. Намна всегда разрисована яркими красками, и рисунки на ней рассказывают историю семьи, проживающей в этом доме. Только самым старым и самым умелым дозволяется украшать намну новыми рисунками или ткать новую намну, если старая повреждена. — Гарцвог вытащил изо рта кость и спрятал ее в ладони. — А в долгие зимние вечера те, у кого уже есть семья, трудятся все вместе над изготовлением семейного ковра. На эту работу уходит не менее пяти лет, так что к тому времени, когда ковер бывает готов, ты уже точно знаешь, правильно ли ты выбрал себе самку.

— Жаль, что я так никогда и не видел ни одного из ваших селений, — заметил Эрагон. — *Они, наверное, хорошо* укрыты, да?

— Они хорошо укрыты, хорошо укреплены и хорошо защищены. Немногие из тех чужаков, которым удалось увидеть наши селения, *остались в живых и сумели кому-то* рассказать об этом.

Пристально глянув на кулла, Эрагон спросил несколько более настороженно:

— А как это ты сподобился так здорово выучить наш язык, Гарцвог? У вас что, кто-то из людей жил в плену? Или, может, вы держите людей в качестве рабов?

Гарцвог спокойно посмотрел на него и не моргнув глазом ответил:

— У нас нет никаких рабов, Огненный Меч. Знание об этом я получил, когда проник в мысли тех людей, с которыми сражался; а потом я поделился этими знаниями с другими рогачами из моего племени.

— Ты ведь немало людей убил, верно?

— Так ведь и ты убил немало ургралгра, Огненный Меч. Именно поэтому мы и должны быть союзниками, иначе моя раса не выживет.

Эрагон скрестил руки на груди.

— Когда Бром и я выслеживали раззаков, мы проезжали через Язуак, селение на берегу реки Нинор, и видели, что все его жители убиты, а их трупы свалены в кучу на центральной площади. И сверху в эту кучу было воткнуто копье, на котором висело тельце пронзенного насквозь грудного младенца. Это было самое ужасное зрелище, какое мне когда-либо доводилось видеть. И это ургалы убили всех этих людей.

— Еще до того, как у меня появились рога, — отвечал Гарцвог, — мой отец отправился в одно из наших селений, укрытое среди западных отрогов Спайна, и взял меня с собой. И когда мы туда добрались, то обнаружили, что все жители этого селения уничтожены — их пытали, жгли огнем, а потом прирезали. Это жители Нарды, узнав о появлении в тех краях ургалов, внезапно напали на наше селение, собрав большой вооруженный отряд, и никому из наших спастись не удалось... Да, мы любим войну больше, чем все другие народы, это истинная правда, Огненный Меч, но эта любовь к войне с давних времен не раз становилась причиной нашей гибели. Наши самки не считают рогача подходящим женихом, если он не доказал своего мужества в бою и не убил, по крайней мере, троих врагов. А какое упоение испытываешь во время битвы! Какую радость! Такой радости нам не дает ничто другое на свете! Но, несмотря на страсть к подобному проявлению доблести, мы прекрасно знаем о своих недостатках и понимаем: если мы так и не сумеем перемениться, Гальбаторикс попросту перебьет нас всех до единого, особенно если ему удастся покончить и с варденами. Кстати сказать, и ты сам, и Насуада ведь тоже будете продолжать убивать ургалов, если одолеете этого предателя с языком змеи, этого Гальбаторикса. Или я неправ, Огненный Меч?

Эрагон лишь коротко кивнул в ответ.

— Вот видишь. А потому не стоит и вспоминать о прошлом, о совершенных когда-то ошибках — это не принесет

добра ни вам, ни нам. Если мы так и не сумеем забыть о чудовищных преступлениях прошлого, совершенных обеими нашими расами, мира между людьми и ургралгра никогда не будет.

— А как нам, людям, нужно будет относиться к ургалам, если мы победим Гальбаторикса, Насуада выделит вам земли, о которых вы просили, а лет через двадцать ваши дети снова станут убивать и грабить, совершая «подвиги», чтобы подобрать себе достойных супругов? Если ты вспомнишь историю своего народа, Гарцвог, то поймешь: так в итоге случалось каждый раз, когда ургалы подписывали с кем-то мирный договор.

Испустив тяжкий, скорбный вздох, Гарцвог ответил:

— Что ж, тогда остается надеяться, что за морем сохранились еще другие ургралгра, которые оказались мудрее нас, ибо если все случится так, как ты говоришь, то на этой земле нас больше не останется.

Больше они в ту ночь не разговаривали. Гарцвог свернулся клубком и вскоре заснул, лежа на боку и положив свою огромную голову прямо на землю. А Эрагон, завернувшись в плащ и прислонившись спиной к пеньку, еще долго сидел, глядя в небо, на медленно перемещающиеся звезды и то погружаясь в сон наяву, то снова из него выныривая.

К концу следующего дня они увидели впереди Беорские горы, сперва казавшиеся всего лишь призрачными тенями где-то на горизонте. Затем их острые грани, окрашенные в белое и пурпурное, стали видны более отчетливо, а по мере приближения вечера отдаленный горный хребет обрел наконец и вполне реальные черты. Теперь Эрагон уже мог рассмотреть темную полосу леса у его подножия и еще более широкую полосу значительно выше первой — сверкающие вечные льды и снега. Скалистые вершины гор выглядели совершенно неприступными; и ни одно дерево не росло на этих голых, серых скалах; даже снег не мог удержаться на их крутых склонах и весь ссыпался вниз. Как и в первый раз, когда Эрагон увидел эти горы, их чудовищная высота и мощь произвели на него подавляющее впечатление. Все его чувства и инстинкты словно восставали, отказываясь

признавать существование таких громадин, однако он прекрасно понимал, что глаза и не думают его обманывать: эти вершины действительно вздымались в среднем на десять миль в высоту, а некоторые пики были еще выше.

Эрагон и Гарцвог в ту ночь не стали останавливаться и продолжали бежать даже в темноте. Бежали они и весь последующий день. Когда наступило утро, небо разъяснело, но Беорские горы по-прежнему закрывали весь горизонт, и лишь к полудню между двумя вершинами прорвались наконец первые лучи солнца, заливая потоками света землю, окутанную каким-то странным то ли туманом, то ли полумраком. Эрагон, решив сделать короткую остановку на берегу ручья, несколько минут в молчаливом восхищении разглядывал открывшуюся перед ним картину.

Пока они обходили очередной выступающий отрог, Эрагон все сильнее проникался ощущением, что они движутся примерно по тому же маршруту, по которому летела тогда из Гилида в Фартхен Дур Сапфира, неся на спине их с Муртагом и истерзанную пытками Арью. Ему даже казалось, что он узнал то место, где они разбили лагерь после того, как пересекли пустыню Хадарак.

Долгие дни сменялись еще более долгими ночами, но Эрагон и Гарцвог упорно продвигались вперед. Бежали они теперь то с удручающей медлительностью, то с удивительной быстротой, но, увы, каждый последующий час был настолько похож на предыдущий, что Эрагону уже начало казаться, что их тяжкий поход никогда не закончится. При этом возникало еще одно странное и весьма мучительное ощущение: ему казалось, что некоторые отрезки пути они преодолевают уже далеко не в первый и не во второй раз.

Когда они с Гарцвогом добрались до входа в глубокий разлом, тянувшийся с севера на юг и как бы деливший этот горный массив пополам, то свернули вправо и пошли дальше по ущелью, с обеих сторон которого высились равнодушные серые вершины в ледяных сверкающих шапках. Достигнув берега реки Беартуф, протекавшей по узкому ущелью, которое вело к Фартхен Дуру, они перешли эту ледяную реку вброд и двинулись дальше к югу.

В ту ночь, прежде чем свернуть восточнее и углубиться в самое сердце гор, они разбили лагерь возле небольшого озерца и решили немного поспать и дать отдых усталым мышцам. Гарцвог убил с помощью своей пращи еще одного оленя, на сей раз самца, так что они наелись до отвала.

Насытившись, Эрагон устроился у огня, заделывая порванное голенище сапога, и тут вдруг раздался такой леденящий душу вой, что у него перехватило дыхание и сильно забилось сердце. Он с тревогой оглядел темнеющие окрестности и заметил силуэт огромного зверя, который прыжками приближался к ним, огибая озерцо по усыпанному галькой берегу.

— Гарцвог! — тихо окликнул он своего товарища и сунул руку под рапец, вынимая из ножен меч.

Кулл поднял с земли довольно увесистый камень размером с кулак и вложил его в кожаную петлю пращи. Потом встал, выпрямился во весь рост и, разинув пасть, издал такой жуткий рев, что темные окрестности озера огласились гулким эхом, от которого даже, казалось, земля затряслась.

Зверь несколько замедлил бег, потом перешел на шаг, настороженно нюхая землю. Когда же он появился в кругу света, отбрасываемого костром, Эрагон и вовсе перестал дышать. Перед ними стоял волк величиной с лошадь! Он был покрыт серой шерстью; в пасти у него виднелись клыки, скорее похожие на сабли, а его лапы были величиной с небольшой круглый щит. Горящие желтые глаза зверя следили за каждым движением человека и кулла.

Это же шррган, догадался Эрагон, вспомнив, что так называют гномы гигантских волков, обитающих в Беорских горах.

Чудовищный зверь обошел их лагерь по кругу, двигаясь почти бесшумно, несмотря на свои размеры и вес, и Эрагон, вспомнив об эльфах и о том, как они умеют разговаривать даже с дикими животными, используя слова древнего языка, тихо произнес:

— Брат Волк, мы не причиним тебе зла. Наша стая нынче отдыхает, и охотиться мы не будем. Добро пожаловать к нашему костру. Мы готовы разделить с тобой тепло и пищу. Если хочешь, оставайся с нами до утра.

Шррган замер, шевельнув ухом в сторону Эрагона и прислушиваясь к его словам.

— Огненный Меч, что ты делаешь? — проворчал Гарцвог.

— Только не нападай первым! — предостерег его Эрагон.

Гигантский зверь, тяжело ступая, медленно приблизился к ним. Кончик его носа все время подергивался. Волк качнул башкой в сторону костра, словно заинтересовавшись пляшущими языками пламени, отпрыгнул и устремился к куче мясных обрезков и потрохов, лежавших там, где Гарцвог разделывал тушу оленя. Чуть присев, волк жадно схватил большой кусок мяса и, не оглядываясь, мягкими прыжками умчался в ночную тьму.

Эрагон, вздохнув с облегчением, сунул меч обратно в ножны, но Гарцвог так и остался стоять, напряженный, как прежде, с растянутыми в мрачной усмешке губами, прислушиваясь к каждому звуку и пытаясь определить, какие еще опасности таятся в окружавшей их темноте.

При первых лучах зари Эрагон и Гарцвог покинули стоянку и побежали на восток. Вскоре они достигли устья того ущелья, которое должно было привести их к горе Тхардур.

Когда они вошли под сень леса, что ограждал подступы к внутренней части горного края, воздух сразу показался Эрагону значительно прохладнее. Толстый слой опавших игл, покрывавший землю, глушил их шаги. Высокие темные, мрачные деревья, возвышавшиеся вокруг, казалось, следили за ними, когда они пробирались меж толстых стволов и переступали через узловатые скрученные корни, повсюду торчавшие из влажной земли и порой возвышавшиеся над нею на два, три, а то и четыре фута. В ветвях деревьев, громко цокая, скакали крупные черные белки. Мертвые, рухнувшие стволы покрывал толстый слой мхов и лишайников. Повсюду виднелись могучие папоротники, заросли малины и колючих кустарников; было полно также всяких грибов любой формы, цвета и размера.

Окружающий мир как-то сразу сузился, стоило Эрагону и Гарцвогу войти в это длинное ущелье. С обеих сторон

вздымались отвесные склоны гор, подавлявших своей мощью и высотой; небо — узкая, недосягаемая полоска синевы — терялось где-то в вышине. Несколько легких облачков повисли, зацепившись за плечи гор.

Примерно через час после полудня им вновь пришлось замедлить свой бег, потому что в гуще леса вдруг послышался чудовищный рев. Эрагон вытащил скрамасакс из ножен, а Гарцвог поднял с земли очередной гладкий камень, вложил его в пращу и сказал:

— Это пещерный медведь. — Яростный, пронзительный визг, режущий ухо и напоминающий скрежет металла о металл, прозвучал словно в ответ на эти слова. — А, там еще и награ, гигантский вепрь! Будь наготове, Огненный Меч!

Они медленно двинулись дальше и вскоре заметили их — в нескольких сотнях футов вверх по склону горы. Небольшое стадо вепрей с красноватой шерстью и толстыми, мощными клыками толклось на одном месте в полном замешательстве, испуская жуткий визг, поскольку было перепугано стремительным приближением огромного зверя с серебристо-коричневым мехом, крючковатыми когтями и жуткими клыками. Эрагон сперва несколько ошибся в оценке расстояния, но потом, сопоставив рост животных с высотой растущих рядом деревьев, понял, что рядом с таким вепрем даже шргн покажется карликом; ну а этот медведь был никак не меньше их дома в долине Паланкар. Вепри уже успели в нескольких местах разодрать медведю бок, но это, кажется, только озлобило его. Поднявшись на дыбы, медведь заревел и прихлопнул одного из вепрей своей массивной лапой, затем разорвал его на части и отшвырнул в сторону. Второй вепрь раза три пытался встать на ноги, но пещерный медведь все три раза опрокидывал его мощным ударом, пока тот не сдался. И тогда медведь наклонился и начал рвать его живьем, сразу пожирая большие куски мяса. Остальные вепри, визжа от страха, тут же кинулись в чащу, стремительно поднимаясь вверх по склону.

Пораженный огромными размерами медведя, Эрагон шел следом за Гарцвогом, который ступал очень медленно и осторожно, избегая попадать в поле зрения зверя. Оторвав окровавленную морду от добычи, медведь довольно долго

наблюдал за ними своими маленькими глазками-бусинами, потом, видимо, решил, что они не представляют для него никакой опасности, и продолжил пиршество.

— Думаю, даже Сапфире вряд ли удалось бы одолеть такого монстра, — заметил Эрагон.

Гарцвог хмыкнул:

— Так она же может огонь выдыхать! Даже пещерный медведь этого не умеет!

Они продолжали осторожно идти вперед, не сводя, однако, с медведя глаз. Наконец он скрылся за деревьями, но и после того они продолжали держать оружие наготове, не имея представления о том, какие еще опасности поджидают их в этом ущелье.

День сменился ранним вечером, и тут до их слуха долетели совсем иные звуки: чей-то звонкий смех. Эрагон и Гарцвог остановились и замерли. Гарцвог, подняв палец, с необычайной осторожностью пробрался сквозь заросли кустарника туда, откуда доносился этот смех. Эрагон, еле переставляя ноги, шел за ним, даже дыхание сдерживая на всякий случай, чтобы оно не выдало их присутствия.

Раздвинув густые заросли кизила, Эрагон увидел, что перед ними лежит хорошо утоптанная тропа, вьющаяся по самому дну ущелья, а рядом с тропой играют трое малышей-гномов. Детишки швырялись друг в друга ветками, смеялись и вопили от восторга. Взрослых гномов поблизости видно не было. Эрагон отступил на безопасное расстояние, перевел дыхание и посмотрел вверх. И тут же заметил несколько белых дымков, поднимавшихся примерно на расстоянии мили от них.

Рядом хрустнула ветка — это Гарцвог присел рядом с ним на корточки; теперь их лица оказались примерно на одном уровне.

— Здесь мы расстанемся, Огненный Меч, — сказал Гарцвог.

— Разве ты не пойдешь со мной в Брегап?

— Нет. Я должен был охранять тебя в пути. Если я пойду с тобой, гномы не станут тебе доверять. Тхардур уже недалеко, и я уверен, что никто не осмелится напасть на тебя по дороге к ней.

Эрагон потер шею и огляделся; до тех белых дымков было и впрямь недалеко.

— А ты что же, побежишь назад, к варденам?

Утробно усмехнувшись, Гарцвог буркнул:

— Ага! Только не так быстро, как мы сюда бежали.

Не зная, что еще сказать, Эрагон пнул носком сапога какую-то гнилую деревяшку. Та отлетела в сторону, открыв под собой лабиринт подземных ходов, где копошились какие-то отвратительные белые личинки.

— Только смотри, чтоб тебя не съел какой-нибудь шррги или пещерный медведь. А то мне придется потом выслеживать этого зверя, чтобы убить его. Ты же понимаешь, у меня на это нет времени.

Гарцвог прижал оба кулака к своему костистому лбу:

— Пусть враги твои бегут при твоем приближении, Огненный Меч!

Потом он поднялся на ноги, повернулся и побежал прочь. Вскоре мощная фигура кулла скрылась за деревьями.

А Эрагон, полной грудью вдохнув свежий горный воздух, двинулся вперед, продираясь сквозь густой колючий кустарник. Когда он вышел из зарослей кизила и папоротника, малыши-гномы так и замерли от испуга, прямо-таки написанного на их толстощеких личиках. Разведя руки в стороны, Эрагон сказал:

— Я — Эрагон, Губитель Шейдов, Ничейный Сын. Я пришел в Бреган к Орику, сыну Трифка. Может быть, вы отведете меня к нему?

Но малыши ничего ему не ответили, и он понял, что они его не понимают.

— Я — Всадник, — добавил он, стараясь говорить медленно и отчетливо. — Эка эддир аи Шуртугал... Шуртугал... Аргетлам.

У малышей разом загорелись глазки, а рты удивленно раскрылись.

— Аргетлам! — закричали они. — Аргетлам!

И бросились к нему, обнимая своими короткими ручонками его ноги, дергая его за одежду и вопя от радости и восхищения. Эрагон смотрел на них сверху вниз, чувствуя, как по лицу его расплывается глупая улыбка. А малыши уже

ухватили его за руки и потащили вперед по тропе, и он позволял им делать с собой все, что им будет угодно. А они все продолжали вопить и трещать что-то на языке гномов, чего Эрагон не понимал, но все же с удовольствием слушал их верещание.

А когда один из малышей, вернее, малышка — так ему, во всяком случае, показалось — протянула к нему руки, он поднял ее и посадил себе на плечо, тут же скривившись от боли, так сильно она вцепилась ему в волосы. Девочка звонко засмеялась, и он не выдержал и снова заулыбался. Вот в такой веселой компании Эрагон и продолжил свой путь к горе Тхардур, в Брегап-Холд, к своему сводному — или названому? — брату Орику.

ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Роран, насупив брови, не сводил глаз с круглого плоского камня, который держал в руках. На лице его было написано полное разочарование.

— Стенр рийза! — в очередной раз прорычал он.

Но камень был совершенно неподвижен.

— Что это ты задумал, Молотобоец? — спросил Карн, опускаясь на бревно рядом с Рораном.

Сунув камень за пояс, Роран принял у Карна хлеб и сыр, которые тот принес ему, и ответил:

— Да так... Просто задумался.

Карн кивнул:

— Ага, перед важным делом всегда подумать не мешает.

Жуя хлеб с сыром, Роран скользил взглядом по лицам людей, среди которых оказался. В этом отряде было тридцать варденов, включая его самого. Каждый был вооружен луком, а у большинства имелись также мечи, хотя некоторые предпочли пику, булаву или боевой молот, как и сам Роран. Из тридцати воинов, видимо, лишь человек семь или восемь были примерно его возраста, остальные старше. И самый старший из них командовал отрядом. Звали его Мартланд Рыжебородый. Роран знал, что раньше Мартланд был графом Тхуна, однако его лишили законных владений и изгнали оттуда. И теперь, после стольких зим, проведенных у варденов, знаменитую бороду бывшего графа украшала обильная седина.

Поступив под команду Мартланда, Роран сразу явился к нему, чтобы представиться. Граф оказался невысок ростом, но явно силен; у него были мощные руки и ноги и крепкое тело, закаленное годами, проведенными в седле и с мечом в руках. Рыжая с проседью борода, благодаря которой он и

получил свое прозвище, была густой, ухоженной и спускалась до середины груди. Осмотрев Рорана с головы до ног, Мартланд сказал:

— Госпожа Насуада рассказывала мне немало замечательных историй о тебе, сынок. Да и от своих людей я тоже о тебе уже наслышан — сплетни, слухи, легенды и тому подобное. Сам знаешь, как это бывает... Несомненно, ты совершил много всяких подвигов — например, разгромил раззаков в их собственном логове, что, конечно же, было нелегко, но ведь тебе помогал твой кузен, не так ли? Хм... Ты, вероятно, привык обращаться со своими односельчанами по-свойски, но теперь ты стал варденом, сынок. Мало того, теперь ты — один из моих воинов. Учти: мы тебе не соседи и не родственники. Мы пока что даже и друзьями твоими не стали; впрочем, нам и не обязательно становиться друзьями. Наш долг — исполнять приказы госпожи Насуады, и мы будем их исполнять вне зависимости от того, что и кто по этому поводу думает. Пока ты служишь под моей командой, ты будешь делать то, что скажу тебе я, и только тогда, когда я тебе прикажу это делать; и только так, как это прикажу я. Иначе, клянусь прахом моей любимой матери — да покоится она с миром! — я собственноручно шкуру с тебя спущу, кому бы ты, сынок, близким родственником ни приходился. Ясно тебе?

— Да, господин мой!

— Вот и отлично. Если будешь хорошо себя вести и докажешь, что способен проявлять здравый смысл, да еще и в живых сподобишься остаться, то, я думаю, тебе удастся довольно быстро выдвинуться — для умного и решительного человека тут ничего невозможного нет. Но результат полностью зависит от тебя самого и от того, конечно, сочту ли я возможным поручить тебе самостоятельно командовать людьми. Только не вздумай — хоть на секунду, хоть на одну клятую секунду! — вообразить, что сумеешь лестью и услужливостью этого добиться и доброе мнение о себе составить. Мне плевать, нравлюсь я тебе или нет. Единственное, что меня заботит, — можешь ты сделать, что от тебя требуется, или нет.

— Я отлично все понял, господин мой!

— Ага, это хорошо! Может, ты и впрямь все понял. Ну что ж, Молотобоец, скоро мы узнаем, каков ты в деле, а пока можешь идти. Только доложись еще Улхарту, моему заместителю.

Роран дожевал последний кусок хлеба и запил его глотком вина из бурдюка, который захватил с собой. Жаль, что нынче вечером им не пришлось поесть горячего, но они забрались уже так далеко в глубь имперских земель, что любой патруль легко мог заметить костер. Тяжело вздохнув, Роран вытянул ноги. Колени ломило — последние три дня он не слезал с седла от заката до рассвета.

Глубоко в сознании у него сидела одна и та же мысль, не давая покоя; мысль неясная, но мучительная, вроде чесотки. Мысли его все время летели в одном и том же направлении — к Катрине. Источником этого ощущения и направления мыслей было кольцо, подаренное Эрагоном. Впрочем, Рорана здорово успокаивало понимание того, что с помощью этого кольца они с Катриной всегда смогут найти друг друга, в каком бы месте Алагейзии они ни оказались. Даже если оба вдруг ослепнут и оглохнут.

Вдруг Роран услышал, как сидевший рядом Карн бормочет что-то на древнем языке. Он улыбнулся: Карн считался колдуном и был придан их отряду для того, чтобы защитить их от происков вражеских заклинателей, которые, говорят, способны перебить множество людей одним мановением руки. От других воинов Роран, правда, слыхал, что Карн — колдун так себе; ему, похоже, даже заклинания произносить было трудновато. Однако он старательно скрывал эту свою слабость, и порой ему действительно удавалось изобрести какое-нибудь полезное и хитроумное заклятье; кроме того, свои чары он усиливал тем, что умел проникать в мысли противников. Карн был тощим, с узким, худым лицом и вечно грустным, даже унылым взглядом; но на самом деле он старался не унывать сам и вечно подбадривал остальных, чем сразу очень понравился Рорану.

Напротив Рорана возле своей палатки сидели Халмар и Ферт, и Халмар, видимо, рассказывал Ферту какую-то историю. До Рорана донеслись его слова:

— И когда солдаты пришли за ним, он собрал всех своих людей в замке и велел поджечь масло, которое его слуги заранее разлили за крепостной стеной. И солдаты оказались в огненной ловушке. Потом все так и решили, что эти солдаты попросту сгорели там все вместе. Можешь мне поверить! Пять сотен солдат он уложил одним махом, даже не вытаскивая меча из ножен!

— А как ему самому-то спастись удалось? — спросил Ферт.

— Дед Рыжебородого был страсть какой умный. Он прорыл подземный ход от замка до берега реки. Вот по этому подземному ходу наш Рыжебородый и вывел свою семью и всех своих людей живыми и невредимыми и отправился с ними прямиком в Сурду. А уж там их приютил король Ларкин. Надо сказать, немало времени прошло, прежде чем Гальбаторикс узнал, что они все живы. Нам здорово повезло, что у нас такой командир, можешь мне поверить! Он проиграл всего две битвы, да и то из-за волшебства.

Халмар замолк, заметив, что в проходе между палатками показался Улхарт, ветеран с вечно мрачным лицом. Он остановился, широко расставив ноги, неподвижный и кряжистый, как вековой дуб, внимательно оглядел палатки, проверяя, все ли на месте, и сказал:

— Солнце садится, давайте спать. Выступаем за два часа до рассвета. Вражеский обоз должен быть милях в семи к северо-западу. Если успеем вовремя до них добраться, то ударим, как раз когда они выступать соберутся, и запросто всех перебьем. Потом сожжем имущество и двинем назад. Ну, вы сами знаете, что нужно делать. А ты, Молотобоец, будь все время рядом со мной. Напортачишь, так я тебя тупым ножом выпотрошу. — Услышавшие эту угрозу вардены дружно захохотали. — Ладно, ребята, ложитесь-ка спать.

В лицо Рорану бил ветер. В ушах грохотом отдавался каждый удар сердца, заглушая все остальные звуки. Сноуфайр шел галопом, его спина ходуном ходила меж ног Рорана. Поле зрения резко сузилось: он видел перед собой только двух солдат на каурых кобылах, сопровождавших вторую от конца фуру грузового обоза противника.

Подняв над головой молот, Роран заорал во всю силу своих легких.

Солдаты обернулись, поспешно хватаясь за оружие. Один уронил копье и нагнулся, пытаясь его поднять.

Натянув поводья и чуть придержав Сноуфайра, Роран привстал в стременах и с силой опустил молот одному из солдат на плечо, раздробив кольчужный доспех. Бедолага вскрикнул, и его рука безжизненно повисла. А Роран прикончил его вторым ударом.

Второй воин успел все же подобрать свое копье и даже сделал выпад, целясь Рорану в шею. Роран уклонился, закрывшись своим круглым щитом, однако наконечник копья все мелькал где-то рядом, каждый раз попадая в щит и застревая в его деревянной основе. Роран дал Сноуфайру шенкеля, жеребец сдал назад, встал на дыбы и заржал, колотя в воздухе передними ногами с железными подковами. Одним копытом он попал солдату прямо в грудь, разорвав его кожаный доспех, потом опустился на все четыре ноги, и Роран, тут же взмахнув молотом, нанес удар, раздробив противнику шейные позвонки и глотку.

Оставив поверженного врага корчиться на земле, он дал коню шпоры и рванул к следующему фургону, где Улхарт уже сцепился с тремя солдатами. Каждый фургон тянули четыре вола, и, когда Сноуфайр проносился мимо только что отбитого фургона, вожак упряжки вдруг мотнул башкой, и кончик его рога воткнулся Рорану в икру правой ноги. Роран вскрикнул. Ощущение было такое, словно к ноге приложили раскаленное железо. Он быстро глянул вниз и увидел, что от голенища сапога оторван здоровенный лоскут, а сам сапог и нога в крови.

Но медлить было нельзя. Издав боевой клич, Роран налетел на одного из тех солдат, с которыми дрался Улхарт, и уложил его одним ударом молота. Второй воин успел уклониться от удара и, развернув коня, помчался прочь.

— Догони его! — рявкнул Улхарт, но Роран уже и так бросился в погоню.

Удиравший от него воин безжалостно терзал шпорами бока своей лошади, и по ним уже ручьями текла кровь, но, как он ни понукал несчастное животное, от Сноуфайра

ему было не уйти. Роран низко пригнулся к шее жеребца, а тот стремительно прямо-таки летел, стелясь над землей. Поняв, что бегством ему не спастись, солдат натянул поводья, развернул коня и бросился на Рорана, размахивая мечом. Роран едва успел отразить молотом рубящий удар его клинка, острого как бритва, и тут же сам нанес ответный удар, крутанув молот над головой. Однако противнику удалось его парировать и нанести еще два рубящих удара. Он старался попасть по рукам Рорана или по его ногам, явно был куда более опытным бойцом и, безусловно, лучше владел приемами фехтования. Рорану стало понятно, что, если он в ближайшие минуты не одолеет противника, тот его прикончит.

Но противник уже, видимо, и сам осознал свое превосходство и стал нажимать, тесня Рорана и заставляя его отступать. Сноуфайр попятился. Целых три раза Роран был уверен, что противник поразит его, но всякий раз меч в самый последний момент странным образом отклонялся в сторону, и Роран еще раз мысленно поблагодарил Эрагона за его охранные чары.

Понимая, что рассчитывать на чью-то помощь нечего, Роран решил прибегнуть к обманному приему: он вытянул шею, поднял голову и крикнул: «Р-р-ра!», словно отпугивая кого-то, стоявшего у противника за спиной. Солдат дернулся, оглянулся, и Роран тут же нанес ему страшный удар молотом по левому колену. Видя, что противник, пронзительно вскрикнув, побледнел от боли, Роран, не давая ему опомниться, чуть двинул Сноуфайра вперед и нанес солдату новый удар, по пояснице, а когда тот снова заорал, не помня себя от боли, Роран прикончил его, размозжив голову.

С минуту он сидел, тяжело дыша, потом дернул поводья и пришпорил Сноуфайра, пустив его галопом. Он быстро огляделся, стараясь обратить внимание на любую возможную опасность, и оценил сложившееся положение. Большая часть солдат сопровождения уже валялись мертвыми на земле; возницы тоже почти все были перебиты. Возле переднего фургона Роран заметил Карна; колдун стоял лицом к лицу с каким-то высоким человеком в длинных одеждах; оба были совершенно неподвижны, лишь изредка по их

телам пробегала почти невидимая дрожь — единственный признак ведущегося между ними поединка. Роран успел еще заметить, как противник Карна вдруг пошатнулся, упал на землю и замер.

Но в середине обоза пятеро солдат оказались достаточно предприимчивыми. Они перерубили постромки тягловых волов, отогнали животных в сторону, а сами фургоны развернули, создав некий оборонительный треугольник. Эта импровизированная защита давала им теперь возможность легко отражать атаки Мартланда Рыжебородого и еще десятерых варденов. Четверо солдат выставили свои пики в щели между фургонами, а пятый стрелял из лука, заставляя нападавших держаться подальше и прятаться за другим фургоном. Лучник уже успел ранить нескольких варденов, и некоторые из них даже свалились с коней, но остальные пока что оставались в седлах.

Роран нахмурился. Они не могли себе позволить слишком долго находиться на таком открытом месте, да еще и рядом с одной из главных дорог Империи. Вообще задерживаться здесь явно не стоило, даже варденам и хотелось достать этих спрятавшихся за фургонами солдат. Время сейчас работало против них.

Воины Гальбаторикса оборонялись, повернувшись лицом к западу, откуда нападали на них Рыжебородый и другие вардены. Кроме Рорана, с восточной стороны обоза не было никого, так что солдатам и в голову не пришло, что на них могут напасть с той стороны, зайдя им в тыл. Рорана они пока не заметили. И в голове у него быстро созрел план.

В иных обстоятельствах он, впрочем, сразу же отверг бы подобное решение, как совершенно непрактичное и даже нелепое. Но в сложившейся ситуации все же решил, что такой образ действий является единственно приемлемым, чтобы без дальнейших задержек покончить с этим бесцельным противоборством. Он даже не подумал об опасности, грозящей ему самому; все свои страхи и сомнения он решительно отбросил, как только устремился в атаку.

Роран погнал Сноуфайра полным галопом, левой рукой ухватившись за переднюю луку седла и почти до конца

высвободив ноги из стремян. Напрягая мышцы, он приготовился к схватке. И когда Сноуфайр оказался шагах в двадцати от оборонительного треугольника, составленного из повозок, Роран оперся на седельную луку, приподнялся, подтянул ноги и, чуть пригнувшись, встал в седле. Ему требовалось все свое искусство наездника и полное внимание, чтобы сохранять равновесие на спине жеребца. Как он и рассчитывал, Сноуфайр замедлил ход и стал сворачивать в сторону, увидев перед собой непреодолимую преграду.

И как только Сноуфайр повернул, Роран отпустил узду и, оттолкнувшись от спины коня, подпрыгнул высоко в воздух над фургоном, обращенным к востоку. В желудке у него противно екнуло, он успел еще заметить лицо обернувшегося к нему лучника, его широко распахнутые от изумления глаза и в следующее мгновение всем телом врезался в него, и оба покатились по земле.

Роран упал сверху, так что тело вражеского солдата смягчило его падение. С усилием привстав на колени, Роран поднял щит и с силой ударил его краем по шее своего противника, попав чуть ниже шлема и перерубив ему шейные позвонки. Потом он вскочил на ноги и понял, что остальные четверо запоздали с ответной реакцией.

Тот, что был слева от Рорана, совершил непростительную ошибку, попытавшись развернуть свою пику и вновь втащить ее внутрь треугольника, но в спешке умудрился заклинить древко между передком одного фургона и задком другого, и в итоге пика разломилась прямо у него в руках. Роран бросился на него. Солдат попытался отступить, но ему мешала лежавшая на земле повозка, и Роран, нанеся удар снизу, из-под руки, раздробил ему нижнюю челюсть.

Второй солдат оказался умнее. Он выпустил пику из рук и попытался выхватить саблю, висевшую у него на поясе, но успел вытянуть клинок лишь наполовину, когда Роран ударил его молотом в грудь.

Но за это время третий и четвертый его противники успели приготовиться к бою и двинулись на него с двух сторон, размахивая перед собой саблями и угрожающе скалясь. Роран попробовал обойти их сбоку, но его подвела раненая нога. Он оступился и упал на одно колено. Ближайший

к нему воин тут же рубанул его саблей, но Роран успел закрыться щитом и отразил удар. Затем сделал выпад и раздробил солдату ногу самым кончиком бойка. Солдат, рыча от боли и ругаясь последними словами, упал на землю. И Роран тут же разнес ему лицо и тут же резко повернулся назад — последний противник был уже у него за спиной.

Однако больше ни одного движения Рорану сделать не удалось: солдат навис над ним; кончик его клинка был всего в дюйме от горла Рорана.

«Вот мне и конец пришел», — мелькнуло у Рорана в голове.

Но тут чья-то могучая рука обхватила солдата за шею и дернула назад. Какое-то хриплое карканье вырвалось у него из груди вместе с фонтаном крови, и несчастный рухнул на землю, точно брошенная кукловодом марионетка, а на его месте возник Мартланд Рыжебородый. Граф тяжело дышал; его бороду и грудь залепили жуткие кровавые ошметки.

Воткнув в землю острие меча, Мартланд оперся о головку эфеса и обозрел результаты кровавой бойни внутри ограды из фургонов. Потом одобрительно кивнул:

— Кажется, ты нам подойдешь.

Роран сидел на передке фургона, прикусив от боли губу, пока Карн срезал с его ноги остатки сапога. Пытаясь отвлечься от этой пытки, Роран поднял глаза и стал следить за хищными птицами, выписывавшими круги в небесной вышине. Он старался не думать о том, что с ним делают, и вспоминал родной дом, долину Паланкар, но не выдержал и застонал, когда Карн вдруг причинил ему какую-то особенно резкую боль.

— Извини, — сказал колдун, — но мне надо обследовать твою рану.

Роран не ответил и продолжал смотреть на круживших в небе хищников. Через минуту Карн пробормотал несколько слов на древнем языке, и вскоре боль в ноге ослабела, стала тупой, хотя и не исчезла совсем. Опустив взгляд, Роран обнаружил, что рана его почти совсем зажила.

У Карна ушло столько сил на исцеление Рорана и еще двоих раненых, что теперь он был в полном изнеможении.

Лицо у него стало серым, его бил озноб. Дрожа всем телом, он бессильно привалился спиной к фургону, обхватив себя руками и с выражением бесконечной тоски на лице.

— Тебе что, плохо? — встревожился Роран.

Карн лишь слегка пожал плечами:

— Ничего. Мне просто нужно время, чтоб прийти в себя... Кстати, этот бык повредил тебе кость. Я заделал дырку, но полностью залечить рану у меня не хватило сил. Ничего, кровотечения больше не будет, да и болеть, я думаю, тоже будет не слишком сильно. Но все-таки это ненастоящее исцеление; мышцы так сразу сами не срастутся и вряд ли теперь смогут выдержать твой вес. Надо, чтобы все хоть немного поджило.

— И сколько времени это займет?

— Неделю, может, две.

Роран натянул на ногу остатки сапога.

— Эрагон окружил меня защитными чарами. Они мне сегодня несколько раз жизнь спасали. Так почему же они не защитили меня от рогов этого распроклятого вола?

— Не знаю, Роран, — вздохнув, ответил Карн. — Никто не в силах предусмотреть все возможные в бою неожиданности. В том-то и опасность магии. Она все-таки до определенной степени ненадежна. Если проглядишь хоть какую-то мелочь или слово заклинания не так произнесешь, так магия может даже навредить тебе — сил лишить или еще что похуже сделать; в общем, последствия могут оказаться самыми плачевными, хотя ты на это вовсе не рассчитывал. Такое даже с самыми лучшими магами случается. В заклинаниях твоего брата явно имелся какой-то недочет, а может, и ошибка — например, не туда слово поставил, — вот они и не уберегли тебя от удара рогом.

Встав и оттолкнувшись от фургона, Роран, сильно хромая, пошел в переднюю часть обоза, на ходу оценивая результаты боя. Пятеро варденов были ранены в схватке, в том числе и он сам, еще двое погибли; с одним из погибших Роран едва успел познакомиться, а со вторым, Фертом, несколько раз подолгу беседовал. Из воинов Империи и обозных возниц не уцелел никто.

Роран задержался возле тех двух солдат, которых он убил первыми. Он внимательно осмотрел их, хотя рот тут же наполнился горечью, а желудок прямо-таки застонал от отвращения. «Ну вот я и снова кого-то убил... — мрачно думал Роран. — И даже не знаю скольких». Только тут до него дошло, что в жаркой битве на Пылающих Равнинах он и вовсе потерял счет убитым врагам. И то, что он стольких отправил на тот свет, но даже вспомнить не может, сколько их было, страшно его огорчило. «Что ж мне теперь, косить врагов сотнями и тысячами, мстя за то, что отняла у меня Империя?» А за этой беспокойной мыслью последовала и другая, еще более тревожная: «Но если это так, если я так и буду убивать людей, то как же мне потом домой-то вернуться? Как потом жить в долине Паланкар, в этом мирном краю, когда душа моя будет черна от пролитой мною крови?»

Прикрыв глаза, Роран усилием воли заставил себя расслабиться и хоть немного успокоиться. «Я ведь убиваю ради любви, любви к Катрине, к моим односельчанам, — уговаривал он себя. — Я убиваю во имя любви к родной земле, во имя преданности варденам. *Да, во имя этой любви и преданности* я готов идти вперед хоть по пояс в крови! Я готов даже погибнуть ради этого».

— Никогда в жизни ничего подобного не видел! — раздался над ним голос Улхарта. — Молодец ты, Молотобоец! — Открыв глаза, Роран увидел, что старый седой воин стоит рядом и держит под уздцы Сноуфайра. — Никогда не встречал я такого безумца! Надо же, на какой трюк ты решился — перепрыгнуть через фургоны! Я даже и не слыхал ничего подобного, точно, никогда ничего подобного не слыхал! Здорово это у тебя получилось! Только ты все же поосторожнее. Такое нечасто удается — прыгнуть с седла и свалить аж пятерых. Да еще и самому уцелеть. Так можно и до следующего лета не дожить... Ты все-таки с умом действуй, ладно? Если, конечно, ума хватает...

— Ладно, я все понял, а твои слова я хорошо запомню, — усмехнулся Роран, отбирая у старого вояки поводья Сноуфайра.

Когда Роран покончил с последним защитником импровизированной крепости, те из варденов, что не пострадали в бою, тут же набросились на фургоны, вспарывая и вскрывая мешки с грузами и незамедлительно докладывая Мартланду об их содержимом. Он все эти сведения тщательно записывал, как о том просила его Насуада, чтобы потом это помогло им разгадать дальнейшие планы Гальбаторикса. Роран видел, что вардены обследовали последние повозки, где лежали мешки с зерном и кипы солдатских мундиров, затем перерезали глотки оставшимся в живых волам, отчего вся дорога оказалась залитой кровью. Убийство несчастных животных было Рорану уж совсем не по нутру, однако он понимал, что незачем возвращать их Империи, и, наверное, сам тоже обнажил бы нож, если бы ему это приказали. Конечно, можно было бы попытаться отвести волов в лагерь варденов, но уж больно они были неповоротливы и медлительны, что весьма осложнило бы положение отряда. А вот боевые кони, оставшиеся от имперских солдат, были очень недурны, и вардены быстро их переловили и привязали ремнями к своим седлам.

После чего один из варденов достал из седельной сумки пропитанный смолой факел и, несколько секунд повозившись с огнивом, зажег его. Проехав вдоль всего обоза, он по очереди поджигал фургоны, а когда они как следует загорелись, швырнул горящий факел в последний фургон.

— По коням! — скомандовал Мартланд.

Забравшись в седло Сноуфайра, Роран почувствовал, как толчками бьется в ноге боль. Он пришпорил жеребца, подъехал ближе к Карну и пристроился рядом с ним, поскольку остальные уже выстроились в две шеренги позади Мартланда. Лошади фыркали и нетерпеливо били копытами, желая поскорее убраться подальше от огня.

Мартланд поехал вперед быстрой рысью, и отряд последовал за ним, оставляя позади цепочку горящих фургонов, похожих на сияющее ожерелье, которое кто-то случайно обронил на этой пустынной дороге.

КАМЕННЫЙ ЛЕС

Толпа внизу восторженно приветствовала Эрагона.

Он сидел на деревянном помосте, который гномы соорудили у основания внешних бастионов Брегана. Сам этот укрепленный город располагался на округлом холме, точнее, на отроге горы Тхардур, примерно на милю возвышаясь над туманной долиной. Отсюда можно было видеть все вокруг на много миль и в любом направлении, пока взгляд не упирался в зубчатые вершины гор, перекрывавшие обзор. Как и Тронжхайм, как и все прочие города-крепости, Бреган гномы построили полностью из камня, который добывали в окрестных штольнях; в данном случае это был красноватый гранит, от одного вида которого *в любом помещении сразу казалось тепло. Сам город являл собой, по* сути дела, одно огромное и чрезвычайно мощное здание высотой в пять этажей, увенчанное открытой с боков колокольней, крыша которой была из стекла в форме гигантской капли высотой с двух гномов; «каплю» *поддерживали* четыре гранитных ребра, сопряженных замковым камнем. Эта «капля», как объяснил Эрагону Орик, была, собственно, увеличенным вариантом весьма распространенной у гномов беспламенной лампы, и в случае каких-либо особо важных событий или чрезвычайных ситуаций ею можно было воспользоваться для освещения всей долины. Гномы называли ее Аз Синдризнаррвел, что означает «самоцвет Синдри». Со всех сторон к основному громадному зданию крепости лепились многочисленные внешние пристройки — жилища слуг и воинов клана Дургримст Ингеитум, конюшни, кузницы и храм Морготала, бога огня и покровителя кузнецов. Еще под высокими и гладкими стенами Брегана на расчищенных от леса полянах размещались десятки

земледельческих ферм. Над крышами фермерских каменных домиков поднимались завитки дыма.

Все это и многое другое Орик уже успел показать и рассказать Эрагону после того, как детишки привели его в крепость, крича каждому встречному: «Это Аргетлам! Мы привели Аргетлама!». Орик приветствовал Эрагона, как родного брата, и тут же велел приготовить для него ванну, а когда тот вымылся, настоял, чтобы он оделся в темный пурпур и увенчал голову золотым обручем.

А потом Орик удивил Эрагона: он представил его Хведре, своей жене, с которой они, как выяснилось, всего два дня назад справили свадьбу. Она оказалась круглолицей, с румяными, как яблоки, щечками и яркими, блестящими глазами. Пока Эрагон, путаясь в словах, выражал свое удивление и восхищение, поздравляя новобрачных, Орик нетерпеливо переступал с ноги на ногу и, как только Эрагон умолк, сообщил:

— Мне очень жаль, что ты не смог присутствовать на этой церемонии! Я велел своим магам связаться с Насуадой и попросил ее непременно передать тебе и Сапфире наше приглашение. Но она отказалась это сделать, сказав, что это отвлечет тебя от более важных задач, стоящих сейчас перед тобой. Не могу ее винить, но мне все же очень хотелось, чтоб ты нашел время и для меня, своего сводного брата, и прибыл на наш свадебный пир. И мы с Хведрой, в свою очередь, тоже с удовольствием прибыли бы на свадебный пир твоего кузена. Мы ведь теперь все родня, хоть, может, и не по крови.

Хверда тоже обратилась к Эрагону. Говорила она с сильным акцентом:

— Пожалуйста, считай и меня своей сестрой, Губитель Шейдов. И насколько это в моей власти, в Брегане к тебе всегда будут относиться, как к члену семьи; здесь ты всегда сможешь укрыться от опасности, даже если за тобой будет гнаться сам Гальбаторикс.

Эрагон поклонился; он был весьма тронут словами Хведры.

— Это очень любезно с твоей стороны, — поклонился он ей. И тут же спросил: — Скажите, если вас не слишком

обидит мой вопрос: почему вы выбрали для своей свадьбы именно этот момент?

— Мы собирались соединить наши руки и сердца еще весной, однако...

— Однако, — довольно резко прервал ее Орик, — сперва ургалы напали на Фартхен Дур, потом Хротгар послал меня сопровождать тебя в Эллесмеру. А когда я вернулся и все семьи моего клана избрали меня своим новым гримстнзборитхом, мы с Хведрой и решили, что это вполне подходящий момент, чтобы пожениться, раз уж мы так давно помолвлены. Вот мы и стали мужем и женой. Понятно ведь, что любой из нас может и до конца этого года не дожить, так зачем было тянуть со свадьбой?

— Значит, ты все-таки стал вождем своего клана?

— О да. Выборы очередного вождя в Дургримст Ингеитум продолжались долго, больше недели, но в конечном итоге большая часть семей согласились с тем, что Хротгару должен наследовать именно я, поскольку, согласно его же собственным словам, являюсь его единственным наследником.

Потом Эрагон откушал в обществе Орика и Хведры, с наслаждением поглощая ломти свежайшего хлеба и куски жареной баранины, которую приготовили для него гномы, и наблюдал за соревнованиями, которые проходили прямо перед помостом. Орик объяснил ему, что у богатых гномов существует обычай устраивать спортивные игры для развлечения своих гостей, щедро оплачивая усилия участников этих соревнований и игр. Семья Хротгара была весьма богата, и нынешние игры, устроенные в честь свадьбы, продолжались уже три дня и будут продолжаться еще четыре. Игры состояли из множества различных состязаний, наиболее популярными из которых считались борьба, стрельба из лука, поднимание тяжестей и гастгар, метание дротика.

Как раз в этот момент на поросшее травой поле с разных концов выехали двое гномов верхом на белых фельдуностах, горных козлах, и двинулись навстречу друг другу. Рогатые горные козлы передвигались прыжками, преодолевая зараз по семьдесят футов. У гнома, что ехал справа, к левой руке был привязан небольшой круглый щит; иного

оружия у него, похоже, не было. А у того, что подъезжал слева, щита не было, зато в правой руке он держал дротик, который явно готовился метнуть.

У Эрагона перехватило дыхание, когда расстояние между двумя горными козлами стало совсем небольшим, менее тридцати футов, и гном с дротиком, размахнувшись, метнул свое оружие в противника. Второй гном отчего-то не стал прикрываться щитом, а, вытянув руку, с невероятной ловкостью перехватил дротик на лету и потряс им в воздухе. Толпа зрителей, собравшаяся вокруг ристалища, взревела от восторга, и Эрагон с удовольствием присоединился к гномам, вовсю хлопая в ладоши.

— Отлично! — воскликнул Орик и, рассмеявшись, осушил кубок меда. Его полированная кольчуга посверкивала в лучах заходящего солнца, как и его шлем, отделанный золотом, серебром и рубинами, а также пять крупных перстней на пальцах. С пояса у Орика свисал неизменный боевой топор. Хверда была одета еще более богато: ее роскошное платье было изукрашено дивной вышивкой, на шее висели жемчужные ожерелья и кованые золотые цепочки, а искусно убранные волосы скреплял гребень из слоновой кости, усыпанный крупными изумрудами, величиной с ноготь большого пальца.

Потом на поле появилась шеренга гномов с изогнутыми трубами в руках; серебристые звуки труб разнеслись по окрестным горам, отражаясь от них звонким эхом. Следом за музыкантами вышел мощный гном с бочкообразной грудью и объявил победителя последнего состязания, а также имена следующей пары, готовой показать свое мастерство в искусстве *гастгара*.

Когда главный церемониймейстер закончил свои объявления, Эрагон наклонился к Хведре и спросил:

— А ты поедешь с нами в Фартхен Дур?

Она покачала головой и широко улыбнулась:

— Не могу. Я должна остаться здесь и следить за делами клана, пока Орик в отсутствии, чтобы по возвращении ему не показалось, что наши воины голодают, а золота и след простыл.

Орик, посмеиваясь, поднял повыше свой кубок, и один из слуг, стоявших в нескольких шагах позади него, тут же поспешил к своему хозяину и наполнил кубок медом из большого жбана. Сделав добрый глоток, Орик с явной гордостью сказал Эрагону:

— Хверда не бахвалится. Она не только моя жена, она еще и... Эх, нет у вас такого слова! Она *гримсткарвлорс* нашего клана. Это примерно означает... «хранительница дома» или «домоправительница», не знаю, как сказать лучше. Ее обязанность — обеспечивать, чтобы все семьи нашего клана платили заранее оговоренную десятину в общий фонд Брегана, чтобы наши стада в течение нужного периода времени паслись на определенных пастбищах, чтобы наши запасы продовольствия и фуража не истощались, чтобы женщины Дургримст Ингеитума ткали достаточное количество тканей, чтобы воины были хорошо вооружены, одеты и обуты, чтобы у наших кузнецов всегда в достатке была руда и они могли плавить железо... Короче говоря, чтобы наш клан процветал. У нашего народа есть такая поговорка: «Хорошая гримсткарвлорс может сама создать клан».

— «А плохая — его *уничтожить*», — *закончила* Хверда.

Орик улыбнулся и похлопал ее по руке:

— И Хверда — лучшая из всех гримсткарвлорс! Это не наследственный титул, его нужно заслужить, доказав на деле, что ты его достойна. Довольно редко бывает, что жена гримстбнзоритха является также и гримсткарвлорс своего клана. Так что я в этом смысле просто счастливчик.

Тут они с Хвердой придвинулись друг к другу и потерлись носами. Эрагон отвернулся, чувствуя себя одиноким и всеми покинутым. А Орик, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла, сделал еще глоток меда и продолжил:

— В истории нашего народа было немало знаменитых гримсткарвлорс. Недаром говорят, что единственное, на что способны мы, вожди кланов, — это объявлять друг другу войну, так что все гримсткарвлорс с удовольствием позволили бы нам только этим и заниматься — драться друг с другом и не иметь ни времени, ни возможности вмешиваться в дела клана.

— Да перестань, *скилфз дельва*! — пропела Хведра, что примерно должно было означать нежное «мой дорогой». — Сам ведь знаешь, что это неправда. Во всяком случае, у нас это совсем не так.

— Мм, — промычал Орик, касаясь лбом лба Хведры. И они снова потерлись носами.

А Эрагон вновь все свое внимание переключил на толпу внизу, которая в этот момент разразилась свистом и насмешливыми криками, и увидел, что у одного из гномов — участников состязания по метанию дротиков в последний момент не хватило выдержки, и он не только соскочил со своего *фельдуноста*, но и попытался удрать от противника, а тот, держа дротик наготове, бросился за ним в погоню. Гномы галопом пробежали по полю два круга, а когда догоняющему удалось все же нагнать соперника, он метнул свой дротик и попал трусу в левое плечо. Раненый гном с воплем свалился на землю, хватаясь то за наконечник, то за древко дротика, пронзившего его плоть. К нему тотчас поспешил лекарь. И через минуту зрители разочарованно отвернулись от поля.

Орик скривил губы в гримасе отвращения:

— Да, пройдет немало лет, пока семье этого труса удастся смыть позорное пятно бесчестья. Мне очень жаль, Эрагон, что тебе пришлось стать свидетелем столь жалкого поступка, достойного всяческого презрения.

— Да уж какая радость — смотреть, как воин сам себя бесчестит, — согласился Эрагон.

Пока состязались три следующие пары гномов, они хранили молчание, затем Орик, схватив Эрагона за руку, вдруг спросил:

— А тебе не хотелось бы увидеть каменный лес?

— Да такого леса просто не существует, если, конечно, ваши мастера не вырубили его из камня.

Орик помотал головой. Глаза его блестели от возбуждения.

— Нет, его никто не вырубал и не вырезал из камня, но он действительно существует. Итак, спрашиваю еще раз: хочешь посмотреть на каменный лес?

— Если не шутишь... конечно, хочу!

— Ух, как я рад, что ты согласился! И конечно же я не шучу! Обещаю, что завтра мы с тобой будем гулять среди деревьев из гранита. Это одно из чудес Беорских гор. Любой гость клана Дургримст Ингеитум может этот лес посетить.

На следующее утро Эрагон, проснувшись в своей слишком короткой для него кроватке под низким каменным потолком небольшой спальни с непривычно маленькой, в половину привычных размеров, мебелью, быстро встал, ополоснул лицо холодной водой и, нарушая уже установившуюся привычку, попытался мысленно связаться с Сапфирой. Но сумел прочесть только мысли некоторых гномов и животных — тех, что были поблизости. Он пошатнулся и ухватился за край раковины — такое головокружительное ощущение одиночества вдруг охватило его. Он немного постоял так, будучи не в силах ни думать, ни двигаться, потом перед глазами у него заплясали мерцающие искры. Охнув, он набрал полную грудь воздуха, потом резко выдохнул и постарался взять себя в руки.

«Мне так ее не хватало в Хелгринде и на пути оттуда, — думал он. — Но тогда я, по крайней мере, знал, что *скоро* вернусь к ней. Но теперь я забираюсь все дальше от нее и не знаю, когда мы снова увидимся».

Встряхнувшись, Эрагон заставил себя одеться и пошел по извилистым коридорам крепости, кланяясь по пути встречным гномам, которые в свою очередь приветствовали его, энергично выкрикивая: «О, Аргетлам!»

Орик и двенадцать гномов его сопровождения седлали во дворе крепости сильных приземистых пони, чье дыхание белыми клубами повисало в холодном утреннем воздухе. Эрагон чувствовал себя настоящим великаном среди этих низеньких, коренастых человечков, которые так и сновали вокруг него.

Орик приветствовал его и сообщил:

— У нас на конюшне есть осел вполне приличных размеров, если хочешь, конечно.

— Нет, лучше я побегу рядом с вами, если ты не возражаешь.

— Как знаешь. — Орик пожал плечами.

Когда все было готово к отъезду, к ним по широкой каменной лестнице спустилась Хведра в длинном, до полу, платье, шлейф которого волочился по ступеням. Она вручила Орику боевой рог из слоновой кости, украшенный по раструбу и возле мундштука золотой филигранью. И сказала:

— Он принадлежал моему отцу, когда он воевал под началом гримстборитха Альдхрима. Я дарю его тебе, чтобы ты всегда, каждый день, меня вспоминал. — И добавила еще что-то на языке гномов, так тихо, что Эрагон не расслышал. А потом они с Ориком коснулись друг друга лбами, и Орик, выпрямившись в седле, поднес рог к губам. Из рога донесся мощный, низкий звук, от которого по спине у Эрагона забегали мурашки; этот трубный звук все нарастал, и вскоре воздух во дворе, казалось, стал дрожать подобно туго натянутому канату на сильном ветру. С крепостной башни тут же взлетела с громким карканьем пара черных воронов. От трубного гласа рога у Эрагона забурлила кровь. И он нетерпеливо переступил с ноги на ногу, совершенно готовый незамедлительно отправиться в путь.

Подняв рог над головой и в последний раз взглянув на Хведру, Орик пришпорил своего пони и, выехав из главных ворот Брегана, свернул на восток, в сторону обширной долины. Эрагон и остальные двенадцать гномов последовали за ним.

Три часа они двигались по хорошо наезженной и утоптанной тропе, все выше поднимаясь по боковому отрогу горы Тхардур над долиной. Гномы подгоняли своих пони, но коротконогие лошадки не могли сравниться в скорости с Эрагоном, особенно когда ему удавалось бежать свободно, не встречая особых преград. Он хоть и был не слишком доволен столь медленным темпом, но от жалоб воздерживался, отлично понимая, что двигаться быстрее гномы просто не могут; впрочем, ему со всеми приходилось сдерживать свой шаг, если не считать эльфов и куллов.

Было холодно; Эрагон даже немного продрог и поплотнее закутался в плащ. Солнце еще не поднялось над Беорскими горами, и долина была погружена во влажный ледяной сумрак, хотя до полудня оставалось всего несколько часов.

Вскоре они достигли ровного гранитного плато шириной не менее тысячи футов, ограниченного справа наклонной стеной из созданных самой природой восьмигранных колонн. Дальний конец плато скрывал от взгляда колышущийся занавес тумана.

Орик поднял руку и объявил:

— Смотри, вот он, Аз Кнурлдратхн! Это и есть наш каменный лес!

Эрагон нахмурился. Как он ни напрягал зрение, ему не удавалось разглядеть среди этих скал и камней ничего интересного.

— Я не вижу никакого каменного леса.

Орик спешился, отдал поводья одному из сопровождавших его воинов и сказал Эрагону:

— Следуй за мной.

И они пошли прямо к той крутящейся стене тумана. Эрагон все придерживал шаг, стараясь не обгонять Орика. Когда они нырнули в туман, тот словно поцеловал его холодными и мокрыми губами в обе щеки. Влага прямо-таки висела здесь в воздухе; пелена ее была такой густой, что скрывала от глаз оставшуюся внизу долину и каждого человека, каждый камень рядом с ними превращая в некие непонятные расплывчатые предметы, у которых невозможно даже определить, где верх и где низ. Но Орик уверенно шел вперед, и шаг его оставался все таким же твердым. Эрагон, напротив, чувствовал себя совершенно потерянным; он был не в силах правильно определить направление, а потому даже немного пошатывался. Он даже руку вытянул перед собой, чтобы случайно не напороться на что-нибудь, скрытое за стеной тумана.

Наконец Орик остановился на краю узкой расщелины, словно расколовшей гранитное основание плато, по которому они шли, и спросил:

— Ну, а теперь-то ты видишь?

Прищурившись, Эрагон стал озираться, но сплошной туман по-прежнему скрывал все вокруг, и он уже открыл было рот, чтобы сказать об этом Орику, но тут заметил справа нечто необычное, некий едва заметный рисунок или узор на этом туманном занавесе или, может, чьи-то

светлые и темные силуэты внутри этой белесой воздушной реки. И вдруг очень быстро перед ним стали возникать и другие формы и силуэты, тоже совершенно неподвижные и весьма странные, то очень светлые, то совсем темные, и ни в одном из этих странных объектов он не мог опознать ничего знакомого.

— Я не... — начал Эрагон, и тут внезапный порыв ветра, взлохматив ему волосы, немного развеял туман, и неопределенной формы предметы оказались толстенными стволами деревьев с корой пепельного цвета и голыми изломанными ветвями. Вокруг были десятки подобных деревьев — бледные скелеты древнего леса. Эрагон прижал ладонь к ближайшему стволу. Кора на ощупь была холодной и твердой, как гранитный валун. К ней словно прилипли клочья светло-серого лишайника. Эрагону стало не по себе; у него даже волосы на затылке зашевелились. Хотя он и не считал себя излишне суеверным, однако все это: и призрачный туман, и странный полумрак, да и внешний вид самих этих деревьев, мрачных, таинственных, угрожающих, — будило в его душе неясный страх смерти.

Он облизнул губы и спросил:

— Откуда тут эти деревья?

Орик пожал плечами:

— Некоторые утверждают, что это Гунтера поместил их сюда, когда в черной пустоте создавал Алагейзию. Другие считают, что каменные деревья создал Хельцвог, потому что камень — его любимое вещество, вот этому богу и вздумалось устроить себе такой каменный сад. А некоторые клянутся, что все это было совсем не так, что когда-то эти деревья, подобные любым другим, оказались погребены под землей в результате страшной катастрофы, случившейся много-много тысячелетий тому назад, и, видимо, с течением времени дерево превратилось в глину, а глина — в камень.

— А такое возможно?

— Только боги знают это наверняка. Да и кто, кроме них, может хотя бы надеяться, что поймет, зачем и почему происходит все в нашем мире? — От волнения Орик немного потоптался на месте и прибавил: — Наши предки открыли этот

лес, попросту добывая здесь камень. Это случилось более тысячи лет назад. А потом Хвальмар Безрукий, гримстборитх клана Дургримст Ингеитум, прекратил здесь разработки и велел своим каменщикам высвободить эти деревья из окружавшей их горной породы. Но вскоре, когда каменщики высвободили уже больше пятидесяти деревьев, Хвальмар понял: этих каменных деревьев тут, наверное, сотни или даже тысячи, и приказал своим людям оставить все как есть. Но это место все же сильно повлияло на воображение нашего народа, и с тех пор представители всех кланов кнурлан приезжают сюда и трудятся, стараясь высвободить из гранитного плена как можно больше деревьев. Были даже такие, кто посвятил этому всю свою жизнь. А еще появилась традиция высылать сюда самых вредных и непослушных юнцов, чтобы они заслужили честь стать взрослыми кнурлан, вырубив из камня хотя бы одно или два дерева — под наблюдением опытного каменщика, конечно.

— Довольно утомительное занятие.

— Зато дает время подумать о смысле жизни и раскаяться в своих прегрешениях. — Орик пригладил свою заплетенную в косички бороду. — Я и сам однажды провел здесь несколько месяцев; мне тогда было всего тридцать четыре года, и я считался парнем весьма буйного нрава.

— И что, раскаялся ты в своих прегрешениях?

— Нет. Уж больно... утомительное это оказалось занятие. Я был вымотан до предела. За три недели тяжких трудов мне удалось очистить от гранита всего одну ветку, и я попросту отсюда сбежал и примкнул к одной банде вреншррргнов...

— То есть гномов из клана Вреншррргн?

— Да, это были кнурлан из клана Вреншррргн. На вашем языке это значит примерно Волки Войны или Боевые Волки. Ну, в общем, примкнул я к ним и однажды, перебрав эля, решил — а надо сказать тебе, что они охотились на награ, гигантских вепрей, — что и мне непременно тоже надо убить такого вепря и притащить его к Хроттару, чтобы он сменил гнев на милость и больше меня не наказывал. Идея, конечно, была совершенно дурацкая. Даже самые опытные и умелые кнурлан боятся охотиться на награ, но у меня, молодого, ветер в голове гулял, и взрослых мне слушаться было ни

к чему. Правда, когда у меня в мозгах немного прояснилось, я, разумеется, обругал себя последним дураком, но делать было нечего: я уже поклялся непременно принять участие в охоте на награ, и оставалось лишь выполнять свою клятву.

— И что было дальше? — спросил Эрагон.

— Ну, убил я одного награ, с помощью других конечно, но проклятый вепрь распорол мне плечо и закинул на вершину росшего рядом дерева, так что остальным охотникам пришлось тащить назад нас обоих — и награ, и меня. Хротгар вепрю обрадовался. А я, несмотря на усилия самых лучших лекарей, целый месяц провалялся в постели да еще и получил нагоняй от Хротгара; он мне заявил, что так мне и надо, раз я ослушался его приказа.

Эрагон некоторое время молча смотрел на гнома, потом сказал:

— Тебе, я вижу, очень его не хватает.

Орик низко опустил голову, почти касаясь подбородком груди, помолчал, потом поднял топор и так ударил рукоятью о гранит, что по окрестным горам прокатилось громкое эхо.

— Прошло уже почти два столетия, Эрагон, с тех пор, как нашу расу сотрясала последняя дургримстврен, война кланов. Но клянусь черной бородой Морготала, сейчас мы снова на грани такой войны!

— Именно сейчас? Почему именно сейчас?— воскликнул Эрагон, пораженный. — Неужели все действительно так скверно?

Орик недовольно оскалился:

— Хуже, чем просто скверно. Распри между кланами нынче дошли до невиданного предела. Такого еще никогда не бывало за всю нашу историю. Смерть Хротгара и вторжение Насуады в пределы Империи разожгли невиданные страсти, растравив старые обиды и вражду, а также усилив позиции тех, кто считает, что это непростительная глупость — идти вместе с варденами, разделяя их судьбу.

— Но как они могут считать так после того, как Гальбаторикс наслал ургалов на Тронжхайм?

— Могут, как видишь. Они совершенно уверены, что победить Гальбаторикса невозможно. Между прочим, у этой

точки зрения немало сторонников среди нашего народа. Вот скажи мне честно и откровенно: если бы вам с Сапфирой пришлось прямо сейчас воевать с Гальбаториксом, смогли бы вы одолеть его?

Холодок пробежал у Эрагона по спине, и он, проглотив застрявший в горле комок, тихо ответил:

— Нет, не смогли бы.

— Так я и думал. Те кнурлаги, что выступают против союза с варденами, ослеплены страхом перед Гальбаториксом. Они утверждают, что, если бы мы отказали варденам в приюте и убежище, если бы мы не приняли у себя в Тронжхайме вас с Сапфирой, тогда у Гальбаторикса не было б и оснований начинать против нас войну. Они говорят, что, если бы мы держались сами по себе и продолжали укрываться в наших пещерах и туннелях, нам и не нужно было бы ничего опасаться. Ха! Они не понимают, что жажда власти у Гальбаторикса поистине неутолима; что он не остановится, пока вся Алагейзия не будет покорена и не окажется у его ног! — Орик даже головой помотал от возмущения; мощные мышцы у него на руках вздулись и напряглись — так сильно он стиснул рукоять своего топора. — Я не желаю, чтобы наш народ трусливо прятался в подземных пещерах, подобно жалким кроликам, ожидая, что волк вот-вот разроет наши норы и всех нас сожрет! Мы должны продолжать сражаться, должны не оставлять надежды, что в итоге все же найдем способ покончить с ненавистным Гальбаториксом. И я не позволю кнурлан уничтожить самих себя, продолжая эту нелепую ужасную войну кланов. При нынешних обстоятельствах эта война поистине губительна для нашей расы и для всей нашей цивилизации; к тому же она, весьма возможно, и варденов тоже обречет на погибель. — Орик даже зубами скрипнул и посмотрел Эрагону прямо в лицо. — Вот почему я намерен сам бороться за трон. Кланы Гедтралл, Ледворну и Награ уже заявили мне о своей поддержке. Однако между мною и троном еще немало моих врагов; и мне будет нелегко собрать достаточно голосов. Чтобы стать королем всех гномов, мне необходимо знать, Эрагон: поддерживаешь ли ты меня в этой борьбе за трон? Окажешь ли ты мне любую помощь, как брат брату?

Скрестив руки на груди, Эрагон задумчиво прошелся от одного каменного дерева к другому и неторопливо промолвил:

— Но если я открыто окажу тебе подобную поддержку, это может еще сильнее настроить другие кланы против тебя. Ты ведь будешь не только убеждать гномов заключить крепкий союз с варденами, но и попросишь их принять в свою среду Всадника с драконом, а такого еще никогда в вашей истории не случалось, и я сомневаюсь, что они пойдут на это даже при сложившихся обстоятельствах.

— Да, отчасти ты прав. Это действительно может многих настроить против меня, — признал Орик. — Но в то же время это поможет мне приобрести голоса других, которых также немало. Наверное, лучше судить об этом мне самому, Эрагон. И сейчас я хотел бы знать одно: поддержишь ли ты меня? И почему ты колеблешься?

Эрагон уставился на узловатый древесный корень, торчавший из гранитной породы. Потом сказал, старательно избегая встречаться с Ориком взглядом:

— Ты озабочен благополучием своего народа, и это совершенно *правильно*. Но *меня*-то заботят более широкие проблемы, и прежде всего благополучие варденов и эльфов, да и всех остальных, кто выступает против Гальбаторикса. В общем, если... если у тебя мало шансов заполучить корону, а у вождя другого клана их гораздо больше, и этот вождь также не испытывает к варденам неприязни...

— Ни один из наших гримстнзборитхов не сможет стать варденам лучшим союзником, чем я! — прервал его Орик.

— В этом я ни на мгновение не сомневался! — воскликнул Эрагон. — Но если все же случится так, что против тебя окажется большинство, а моя поддержка сможет помочь другому вождю клана занять трон вашего королевства, то разве не лучше — и для блага твоего народа, и для блага всей Алагейзии, — если я поддержу именно этого вождя, у которого больше шансов на победу?

— Ты принес Клятву Крови, Эрагон, ты поклялся на нашем Кнурлниен, нашем Каменном Сердце, — ледяным тоном напомнил ему Орик, — и теперь по нашим законам ты

член Дургримст Ингеитум, что бы там кто ни говорил. Поступок Хротгара, принявшего тебя в наши ряды и сделавшего тебя своим приемным сыном, не имеет прецедента в нашей истории. Подобное решение верховного правителя невозможно отменить — разве что я, как гримстборитх, решу за какой-то проступок изгнать тебя из нашего клана. Если ты выступишь против меня, Эрагон, то опозоришь меня перед всеми гномами, и никто уже не станет доверять мне как вождю. Более того, этим ты лишний раз докажешь своим противникам, которые на тебя клевещут, что нам нельзя доверять Всадникам. Члены одного клана никогда не предают друг друга! Запомни это, Эрагон, и никогда этого не делай, если не хочешь однажды ночью проснуться от того, что тебя ударили ножом прямо в сердце.

— Ты мне угрожаешь? — холодно спросил Эрагон.

Орик выругался и снова ударил топором о гранит:

— Барзул! Нет! Я никогда не подниму на тебя руку, Эрагон! Ведь ты — мой сводный брат! Ты — единственный Всадник, не подпавший под власть Гальбаторикса! И я, чтоб мне лопнуть, успел полюбить тебя всем сердцем за время наших долгих совместных путешествий! Но это вовсе не означает, что и остальные члены клана Ингеитум будут столь же терпеливы и воздержанны. Пойми, я вовсе не пытаюсь тебе угрожать; просто у нас это действительно так. Если члены моего клана узнают, что ты оказал поддержку вождю другого клана, я буду не в силах их сдержать несмотря даже на то, что ты наш гость и тебя оберегают древние законы гостеприимства. Если ты выступишь против клана Ингеитум, мои сородичи сочтут это предательством, а наши законы и традиции не позволяют предателям оставаться среди тех, кого они предали. Ты понял меня, Эрагон?

— Но чего же ты от меня хочешь? — заорал Эрагон, бессильно разводя руками. От волнения он принялся бегать туда-сюда, потом остановился и пояснил: — Пойми, Орик, я ведь присягал Насуаде на верность. А она дала мне именно такие приказания, и я...

— Но ты присягал на верность и нашему клану! — в гневе выкрикнул Орик.

— Значит, ты хочешь, чтобы я обрек на гибель всю Алагейзию только для того, чтобы ты мог сохранить свое высокое положение?

— Не смей меня оскорблять!

— А ты не требуй от меня невозможного! Я, безусловно, поддержу тебя, если увижу, что у тебя есть реальный шанс занять трон, но если нет, тогда не взыщи. Поддерживать тебя я не буду. Ты беспокоишься за судьбу Дургримст Ингетум и всего своего народа, но мой-то долг шире! Я должен заботиться и о гномах, и о людях, и обо всей Алагейзии. — Эрагон прислонился спиной к ледяному стволу каменного дерева. — И при этом я не могу и не хочу наносить оскорбление ни тебе, ни твоему — нет, нашему! — клану, ни всему народу гномов!

— Есть другой путь, Эрагон, — сказал Орик, явно смягчаясь. — Для тебя он будет более тяжелым, но поможет разрешить многие трудности и противоречия.

— Вот как? И что же это за чудесный способ все разрешить разом?

Сунув топор за пояс, Орик подошел к Эрагону вплотную, крепко взял его за плечи и посмотрел ему прямо в глаза, *хмуря свои кустистые брови:*

— Доверься мне, Эрагон, Губитель Шейдов, и не сомневайся: я вершу правое дело. Но обещай хранить мне верность, как если бы ты и впрямь был моим кровным родственником. Тем, кто выбрал меня вождем клана, даже в голову не придет пойти против своего гримстборитха и поддержать другого вождя. Если вождь клана неправильно рубит камень, если он ошибся, то ответственность ложится на него одного. Но это отнюдь не означает, что я слеп и глух, что я не понимаю, чем ты, мой сводный брат, озабочен. — Орик на секунду умолк и опустил глаза. Потом продолжил столь же решительно: — Если я не смогу стать королем, можешь мне верить: я и сам сразу пойму, что моя ставка бита. Если такое произойдет — хотя я в это и не верю, — то я по собственной воле окажу поддержку кому-то другому, ибо я, как и ты, отнюдь не желаю, чтобы тот, кто станет королем гномов, впредь относился к варденам враждебно. Но если я помогу взойти на трон кому-то другому, то и весь свой

авторитет, всю свою власть я тоже передам ему, поставлю ему на службу, а это означает, что и ты тоже обязан будешь ему служить, поскольку ты — член клана Ингеитум. И тебе придется тогда поступиться частью своего авторитета, своей силы и всего прочего. Ты понимаешь меня, Эрагон? Ты веришь мне? Ты считаешь меня своим гримстборитхом, как и все остальные члены нашего клана?

Эрагон откашлялся, так сильно сдавило ему горло, и бессильно прислонился лбом к грубой коре каменного дерева. Потом поднял глаза вверх, на белые, как кости, изогнутые ветви, окутанные туманом. Довериться. Верить. Из всего того, о чем мог попросить его Орик, это было сделать труднее всего. Орик нравился Эрагону, но подчиниться авторитету и власти гнома, когда столь многое стоит на кону, означало еще больше ограничить собственную свободу. Нет, ему совсем не улыбалась подобная перспектива! Ведь этим он ограничит не только свою свободу, но и свою ответственность за судьбу Алагейзии. Эрагону показалось, что *он висит* над бездной, уцепившись за жалкий уступ, а Орик пытается убедить его в том, что опора всего в нескольких футах, чуть ниже, но разжать пальцы он, Эрагон, не в силах, потому что уверен: сделай он это — и тут же полетит в пропасть.

— Я не стану беспрекословно выполнять любые твои приказы, Орик, — сказал он гному. — Я не один из твоих безмозглых слуг. Но если дело будет касаться всего Дургримст Ингеитум, я, безусловно, буду подчиняться тебе. А во всем остальном, извини, ты надо мной не властен.

Орик с серьезным видом кивнул и сказал:

— Меня не слишком беспокоит, зачем тебя направила сюда Насуада; не волнует меня и то, с кем еще ты можешь сразиться, кого можешь убить в очередном поединке со слугами Гальбаторикса. Нет, меня тревожит совсем другое, и поэтому я не сплю ночами вместо того, чтобы дрыхнуть без задних ног, точно Аргхен в своей пещере. Меня беспокоит, что ты попытаешься как-то повлиять на голосование при выборах короля. Я понимаю, твои намерения, в общем, благородны, но все равно ты совершенно не представляешь себе наших внутренних дел и проблем, как бы хорошо Насуада ни учила тебя. А я на этом собаку съел, ведь я столько

лет был верным учеником и помощником Хротгара. Так позволь мне поступать так, как я считаю нужным.

Эрагон вздохнул и, чувствуя себя так, словно уже упал с того обрыва и летит вниз, сказал:

— Что ж, хорошо, я тоже буду действовать так, как ты считаешь нужным, гримстборитх Орик.

На лице Орика расплылась широкая улыбка. Он снова крепко сжал плечи Эрагона, потом отпустил его и сказал:

— Спасибо, Эрагон! Ты даже не представляешь, как это для меня важно! Я понимаю, это большое одолжение с твоей стороны, даже очень большое, и я никогда этого не забуду, даже когда мне стукнет двести лет и борода моя станет такой длинной, что будет волочиться по земле!

И тут Эрагон не выдержал и рассмеялся:

— Надеюсь все-таки, что такой длинной она не вырастет! Это же неудобно — ты на нее постоянно наступать будешь!

— Ну да, наверное. — Орик тоже засмеялся. — И потом, Хверда наверняка мне ее подстрижет, даже до колен не даст ей отрасти. У нее свои представления о том, какой длины должна быть борода у гнома.

Орик снова шел впереди, а Эрагон за ним следом, когда они покидали каменный лес, по-прежнему окутанный густым туманом, обвивавшим мощные стволы. Воссоединившись с двенадцатью сопровождающими, которые поджидали их на «опушке», они начали спуск с горы и, достигнув дна узкого ущелья, двинулись вдоль него, пока не остановились у входа в туннель, столь искусно замаскированного, что сам Эрагон ни за что бы его не заметил.

С огромным сожалением Эрагон покидал эту горную долину и неяркий солнечный свет. Войдя в темный туннель, он увидел, что там для него несколько низковато. Туннель оказался футов восемь в ширину и шесть в высоту. Но, как и все прочие созданные гномами туннели, он был прямой как стрела, и, насколько хватал глаз, Эрагон не заметил в нем ни одного поворота. Оглянувшись через плечо назад, он как раз успел увидеть, как гном по имени Фарр закрывает вход в туннель гранитной плитой, висящей на петлях, точно

дверь. И сразу же вокруг воцарилась тьма, но уже через пару секунд тьма развеялась — это гномы зажгли двенадцать ярких разноцветных шаров, вытащив их из седельных сумок. Одну такую беспламенную лампу Орик вручил Эрагону.

И они пошли дальше, в самое сердце горы. Пони звонко цокали копытами по каменному полу туннеля, и эхо, отражаясь от стен и потолка, напоминало сердитые крики невидимых духов и грозное клацанье их зубов. Эрагон поморщился; ему с его тонким слухом было мало радости слушать эту какофонию, однако он понимал, что до самого Фартхен Дура ему придется это терпеть. Туннель простирался под землей на много-много миль, и Эрагон покорно опустил плечи и потуже затянул лямки своего ранца, жалея, что не может сейчас полететь на Сапфире высоко над землей и в мгновение ока оказаться в Тронжхайме.

Смеющиеся мертвецы

Роран присел на корточки, сквозь ажурное переплетение ветвей ивы наблюдая за происходящим.

В сотне шагов от него возле трех костров сидели за ужином пятьдесят три солдата Гальбаторикса и возницы фургонов. На землю быстро спускались сумерки. Обоз имперской армии остановился на ночлег близ реки, прямо на ее широком, поросшем травой берегу. Повозки с припасами стояли у костров полукругом. Стреноженные волы щипали траву позади лагеря, время от времени оглашая окрестности утробным мычанием. А примерно в двадцати ярдах ниже по течению реки была вязкая отмель — этакая естественная преграда, не дававшая возможности ни напасть на лагерь с этой стороны, ни убежать из него.

«О чем они, интересно, думали, остановившись в таком месте? Было бы гораздо разумнее, находясь на вражеской территории, разбить лагерь в более пригодном для обороны месте, найти какое-нибудь естественное прикрытие с тыла», — размышлял Роран. Но даже и в этом случае следовало соблюдать осторожность, выбирая место для ночлега, ведь случись атака неприятеля, отсюда спастись бегством будет попросту невозможно. Так что теперь перед Рораном и остальными варденами из отряда Мартланда стояла довольно простая, прямо-таки детская задача: надо было неожиданно выскочить из зарослей, где они сейчас прятались, и загнать солдат в угол, образованный рекой и той вязкой отмелью, а там перебить их поодиночке. Рорана очень удивило, что опытные воины допустили столь очевидную ошибку. «Может, они городские? — думал он. — А может, как раз и неопытные... — Он нахмурился. — Но тогда как же им доверили такое важное дело?»

— Ну, что, никаких ловушек не обнаружили? — спросил он у Карна, но даже не обернулся: он и так услышал, как Карн, Халмар и еще двое варденов подошли к нему.

Если не считать четырех новых воинов, заменивших в отряде Мартланда тех, что погибли или были серьезно ранены в ходе последней схватки, Роран уже успел повоевать плечом к плечу со всеми остальными варденами. Каждый из них в отдельности никаких особо теплых чувств у него не вызывал, но в бою ему приходилось доверять им свою жизнь, как и они доверяли ему свою. Это была нерушимая связь, никак не зависящая ни от возраста, ни от воспитания, и уже после первого боя Рорана просто поразило, насколько она крепка, эта связь между товарищами по оружию. Впрочем, в отряде теперь относились к нему с неподдельной теплотой и уважением.

— Насколько я могу судить, ловушек там нет, — ответил Карн, — вот только...

— Да-да, понимаю. Заклинатели Гальбаторикса могли изобрести какие-нибудь новые чары, которых ты не можешь выявить. Кстати, а в этом отряде есть колдуны?

— Точно утверждать не могу, но, по-моему, нету.

Роран отвел в сторону ветку ивы, *покрытую ажурной листвой*, чтобы получше рассмотреть расположение повозок.

— Не нравится мне это, — пробурчал он. — В предыдущем обозе был маг. Странно, почему в этом-то нету?

— Ну, магов вообще не так много. Тебе просто кажется, что колдуна на каждом шагу можно встретить.

— Мм... — Роран поскреб подбородок, весьма обеспокоенный столь странным пренебрежением к здравому смыслу со стороны этих воинов Гальбаторикса. — Может, они нас провоцируют? Хотят, чтобы мы первыми напали? Хотя к нападению они вроде бы совершенно не готовы. Впрочем, нельзя судить по внешнему виду. Интересно, что у них на уме? Какую ловушку они могли для нас приготовить? Тут на тридцать миль вокруг никого нет, а Муртага и Торна в последний раз видели в воздухе к северу от Фейнстера. Посылай сигнал, — сказал он Карну. — Но скажи Мартланду, что меня очень беспокоит то место, которое они выбрали для лагеря. Неспроста это. Или они полные идиоты, или у них имеются

какие-то средства защиты, невидимые для нас: магия или еще какие-то штучки, мало ли что этот паскудный Гальбаторикс выдумает.

После некоторого молчания Карн сказал:

— Я передал сигнал. Мартланд говорит, что разделяет твою озабоченность, но велел передать тебе, что если ты еще не хочешь, поджавши хвост, бежать в лагерь к Насуаде, то все же следует попытать удачи.

Роран крякнул и отвернулся. Мотнув головой, он подал знак остальным, и они на четвереньках отползли туда, где оставили своих коней.

Поднявшись на ноги, Роран сел в седло.

— Ну-ка, стой смирно, мальчик! — прошептал он Сноуфайру, погладив жеребца, когда тот недовольно тряхнул мордой. В сумеречном свете шкура и грива коня отливали серебром. Уже не в первый раз Роран пожалел, что его конь столь заметен в темноте. Лучше бы он был гнедой или каурый.

Отвязав щит от седла, Роран продел левую руку в ременную петлю и вытащил из-за пояса молот. Во рту сразу пересохло; он с трудом сглотнул, ощущая знакомое напряжение в груди, и перехватил молот поудобнее.

Когда все пятеро были готовы, Карн поднял палец, полуприкрыв глаза, и зашевелил губами, словно разговаривал сам с собой. Невдалеке затрещал сверчок.

Карн резко распахнул глаза:

— Помните, надо все время смотреть вниз, пока глаза не привыкнут, и только потом можно на небо посмотреть. — И колдун начал нараспев читать что-то на древнем языке — непонятные эти слова были исполнены могучей силы.

Роран прикрылся щитом и зажмурился, покрепче устраиваясь в седле, когда все вокруг вдруг осветила вспышка ярчайшего света, слепящая, точно полуденное солнце. Насколько мог понять Роран, вспышка возникла где-то над лагерем противника, и он с трудом поборол желание присмотреться и выяснить, в каком точно месте она возникла.

Скомандовав: «В атаку!» — он послал коня вперед, сильно пригнувшись к шее Сноуфайра. Остальные вардены и Карн сделали то же самое, на ходу вытаскивая и поднимая

свое оружие. По голове и плечам Рорана больно хлестнули ветки, и Сноуфайр, вылетев из зарослей, стремительным галопом помчался к неприятельскому лагерю.

Одновременно с Рораном и его группой к лагерю устремились еще две; одну вел Мартланд, другую — Улхарт.

Солдаты и возницы закричали, вскочили на ноги и бросились за оружием, толкаясь и падая, а потом попытались даже принять боевой порядок, чтобы отразить неожиданную атаку.

Роран даже не пытался сдерживать Сноуфайра. Наоборот, пришпорил жеребца и привстал в стременах, стараясь удержаться в таком положении, когда Сноуфайр перемахнул через две поставленные рядом повозки и с такой силой приземлился, что у Рорана звучно клацнули зубы. Затем, взбрыкнув задними ногами и забросав один из костров землей, Сноуфайр перескочил через него, подняв тучу искр.

Остальные из группы Рорана также перескочили через фургоны. Поняв, что они займутся солдатами, оставшимися позади, он решил сосредоточиться на тех, что оказались прямо перед ним, и погнал коня прямо на них, тут же раздробив одному нос концом своего молота. Ярко-красным фонтаном брызнула кровь, заливая лицо солдата, и вторым ударом по голове Роран его прикончил. И тут же парировал выпад еще одного.

Чуть дальше, у другóго конца образованного повозками полукруга, в лагерь противника ворвались Мартланд и Улхарт со своими воинами, усилив общий шум топотом конских копыт, звоном оружия и доспехов. Заржала чья-то лошадь и резко смолкла, а потом упала, пораженная копьем.

Роран вторично отбил вражеский выпад и ударил молотом по руке, державшей меч, раздробив ее и заставив противника выронить оружие. А сам, не медля ни секунды, нанес ему удар в середину груди, вдребезги разбив грудину. Роран приподнял раненого, который безнадежно пытался вздохнуть, хватая ртом воздух, и отбросил его в сторону.

Развернувшись в седле, он оглядел лагерь, ища следующего противника. Тело у него дрожало от напряжения; боевое возбуждение все сильнее овладевало им; все вокруг он видел на редкость четко и ясно, в мельчайших подробностях,

точно тонкая резьба по стеклу. Роран чувствовал себя непобедимым, неуязвимым. Время словно растянулось, замедлило свой бег, и Рорану казалось, что заблудившийся мотылек, пролетавший мимо, как будто порхает не в воздухе, а с трудом пытается выбраться из липкого густого меда.

И тут чьи-то руки ухватили его сзади за кольчугу, сдернули с седла и с такой силой швырнули на землю, что у него перехватило дыхание и на мгновение потемнело в глазах. А когда он пришел в себя, то увидел, что тот самый первый солдат, которого он прикончил, сидит у него на груди и душит его, закрывая собой тот магический свет, который Карн зажег над лагерем противника. Вокруг головы и туловища солдата при этом образовалось нечто вроде яркого нимба, но лицо его оставалось в такой глубокой тени, что Роран не мог разглядеть его черт, лишь оскаленные зубы врага посверкивали в темноте.

Солдат еще крепче сжал пальцы на горле Рорана, когда тот попытался вдохнуть, и Роран принялся судорожно шарить рукой по земле, пытаясь нащупать выпавший из рук молот, но отчего-то не находил его. Напрягая мышцы, чтобы не дать противнику сломать себе шейные позвонки или порвать горло, он вытащил из-за пояса кинжал и вонзил его солдату в левый бок, пробив кольчугу и кожаный доспех под нею.

Однако солдат даже не вздрогнул и хватку свою не ослабил.

И тут из горла у него вырвался смех — точно полилась, булькая, какая-то жидкость. Это был такой жуткий, давящий, заставляющий прижиматься к земле, лишающий последних сил смех, что у Рорана все похолодело внутри. Он помнил этот смех, он уже встречался с этим явлением — когда вардены дрались с точно такими же, не чувствующими боли воинами Гальбаторикса на поросшем травой лугу близ реки Джиет. И тут до него вдруг дошло, почему эти солдаты так бездарно выбрали место для лагеря: им было наплевать, нападут на них или нет, потому что никто не смог бы сразить их.

Перед глазами у Рорана плыла красная пелена, в которой плясали желтые искры. Почти теряя сознание, он

выдернул кинжал из тела хихикающего воина и всадил его ему под мышку, да еще и повернул при этом. На руку ему сразу хлынул поток горячей крови, но солдат и этого как будто не заметил. Обеими руками приподняв Рорана, он с такой силой ударил его головой о землю, что у того словно все взорвалось в мозгах, а перед глазами поплыли, замигали, дробясь, разноцветные огни. Еще удар о землю, еще и еще. Роран выгнулся, тщетно пытаясь сбросить с себя противника. Он почти ничего не видел и отчаянно размахивал кинжалом, пытаясь попасть туда, где, по его разумению, находилось лицо врага. Почувствовав, как кинжал вспорол мягкую плоть, он чуть отвел клинок назад и снова пырнул туда же. На этот раз острие уперлось во что-то твердое, видимо в кость.

И душившие Рорана руки вдруг обмякли и отпустили его горло.

Роран еще некоторое время полежал в том же положении, пытаясь перевести дыхание, потом перекатился на живот, и его вырвало. Горло жгло как огнем. Кашляя и хватая ртом воздух, он с трудом поднялся на ноги и увидел, что его противник *неподвижно лежит рядом, а кинжал торчит у* него из левой ноздри.

— Бейте в голову! — закричал Роран, превозмогая боль в горле. — В голову!

Кинжал он оставил торчать в башке убитого солдата, а сам поднял с вытоптанной земли свой молот и еще на мгновение задержался, подбирая брошенную кем-то пику. Ее он взял в левую руку, в которой держал и щит. И, перепрыгнув через труп солдата, бросился на помощь Халмару, который, тоже успев спешиться, дрался сразу с тремя солдатами. Прежде чем те успели его заметить, Роран нанес двоим из них мощные удары по голове, разбив им шлемы. Третьего он оставил Халмару, а сам обернулся к тому солдату, которому раньше раздробил грудину и принял за мертвого. Оказалось, что тот уже сидит, опираясь спиной о колесо фургона и сплевывая сгустки крови. Когда же он попытался подняться на ноги, Роран ткнул его пикой в глаз и сразу же выдернул ее, с отвращением заметив, что к наконечнику пристали какие-то серые ошметки.

Тут ему в голову пришло интересное решение. Он метнул пику в очередного противника, воздвигшегося возле ближайшего костра, насквозь пробил ему торс, а сам, заткнув рукоять молота за пояс, поднял с земли брошенный кем-то из солдат лук и, натянув тетиву, прислонился спиной к фургону, стрелять по солдатам, мечущимся по лагерю. Он старался либо сразу убивать их удачным выстрелом в лицо, в горло или в сердце, либо тяжело их ранить, чтобы его соратникам было легче их прикончить. Самое малое, решил он, пусть эти раненые истекут кровью еще до исхода боя.

Тем временем первоначальный напор атаки уже иссяк, превратившись в довольно-таки беспорядочную суету. Варденцы потеряли строй и смешались; некоторые еще оставались верхом, другие уже спешились; многие были ранены. И по крайней мере, пятеро, как успел заметить Роран, лежали убитые, тогда как воины Гальбаторикса, которых давно бы уже следовало считать покойниками, постепенно вновь поднимались и вставали в строй. Сколько всего солдат сражалось сейчас против варденов, сосчитать было невозможно, но Роран видел, что их численность по-прежнему превосходит численность варденов, которых оставалось едва ли человек двадцать пять. «Да они могут порвать нас на куски голыми руками, пока мы тут, истекая кровью, с ними сражаемся!» — подумал он и, обшарив глазами поле боя, обнаружил наконец Сноуфайра. Жеребец отбежал немного дальше по течению реки и стоял там под ивой, раздувая ноздри и прижав уши.

Продолжая стрелять, Роран прикончил еще четверых солдат и нескольких серьезно ранил. Когда у него оставалось всего две стрелы, он заметил Карна. Тот на другом конце лагеря сражался с каким-то воином возле горящей палатки. Натянув лук до предела, так что оперенный конец стрелы коснулся его уха, Роран выпустил стрелу и поразил солдата в грудь. Тот рухнул на землю, и Карн обезглавил его.

Роран отшвырнул лук в сторону и, выхватив молот, бросился к Карну, крича на ходу:

— А магию ты в ход пустить не можешь?

Карн ответил не сразу, пытаясь отдышаться, потом помотал головой и сказал:

— Не могу. Ни одно из моих заклятий на них не действует. — В отблесках пламени от горящей палатки стало видно, до чего колдун бледен.

Роран выругался и крикнул, потрясая щитом:

— Тогда давай пробиваться вместе! Вперед!

И они бросились вперед плечом к плечу на ближайшую к ним группу солдат. Воинов Гальбаторикса было восемь, и они окружили троих варденов, так что в течение некоторого времени Роран и Карн видели перед собой только мельтешение сверкающих клинков и мелькание тел. Вражеские воины постоянно делали выпады, стараясь нанести рубящий удар, и, казалось, почти не уставали при этом. Во всяком случае, они и не думали уклоняться от выпадов со стороны варденов и не ослабляли усилий, даже получив самые ужасающие раны. Напряжение боя достигло такой силы, что Рорана снова затошнило, и, когда восьмой солдат наконец свалился на землю, он был вынужден наклониться, и его опять вырвало желчью. Он едва отплевался, так горько стало во рту.

Один из варденов, к которым они с Карном пришли на помощь, успел погибнуть, получив удар мечом в почку, но двое остальных были пока на ногах и теперь примкнули к Рорану и Карну. Все вместе они снова бросились в атаку на врага.

— Тесните их к реке! — кричал Роран. — К реке! — Он понимал, что там вода и вязкий прибрежный ил сильно ограничат подвижность солдат, что, возможно, и позволит варденам их прикончить.

Неподалеку вел бой Мартланд во главе дюжины конных варденов; они делали именно то, что и предложил Роран: гнали солдат к поблескивавшей в сумерках реке.

Оставшиеся в живых солдаты и возницы яростно сопротивлялись — закрывались щитами от мечей, кололи своими пиками коней. Но, несмотря на все их отчаянные усилия, вардены вынуждали их шаг за шагом отступать, пока все они не оказались по колено в быстрой реке, где их к тому же слепил зажженный Карном волшебный свет.

— Сомкнуть строй! — кричал Мартланд, соскакивая с коня и, широко расставив ноги, становясь в боевую позицию у самой воды. — Не пускать их на берег!

Роран чуть присел, поглубже вбил каблуки в мягкую почву, убедился, что теперь стоит достаточно прочно, и приготовился встретить здоровенного солдата, который был уже в двух шагах от него, шлепая по ледяной воде и грозно размахивая мечом. Он с ревом бросился на Рорана и нанес ему рубящий удар. Роран принял удар на щит и ответил ударом молота, но солдат, тоже закрывшись щитом, снова сделал выпад, целясь Рорану по ногам. В течение нескольких минут они обменивались ударами, но ни тому, ни другому не удавалось зацепить противника. Потом Рорану все же удалось раздробить противнику левую руку и отбросить его на несколько шагов назад. Но солдат только усмехнулся в ответ, а потом вновь захохотал жутким, булькающим смехом, от которого в жилах леденела кровь.

Роран уже не был уверен, что кому-то из их отряда удастся пережить эту ночь. «Этих тварей убивать труднее, чем змей. Мы их на куски рубим, а они все равно встают и снова лезут в бой, если случайно не заденешь голову или еще...» Но додумать эту мысль Роран не успел — очередной окровавленный солдат бросился на него, размахивая зазубренным мечом, сверкавшим, точно белое пламя.

После этого схватка начала превращаться для Рорана в сплошной кошмар. Жалкое сияние волшебного огонька, освещавшего место схватки, придавало воде и солдатам какой-то неестественный вид, как бы обесцвечивая их, лишая всех красок и оттенков и отбрасывая от всех предметов на воду неестественно длинные и резкие тени, хотя вокруг уже царила ночная тьма. Снова и снова Роран отбивал атаки вражеских солдат, а те все лезли и лезли на берег, стараясь поразить его. А он отбивал их атаки своим молотом, превращая их тела в неописуемое месиво, в котором, казалось, и человека-то опознать невозможно, но заколдованные воины все же умирать не желали. При каждом ударе в воду падали крупные капли крови, казавшиеся черными, точно пролитые чернила, и течение уносило их прочь. Смертельное однообразие этих столкновений отупляло Рорана, и душа

его была объята ужасом. Какие бы мощные удары он ни наносил, сражая одного из солдат, перед ним тут же возникал другой, тоже изуродованный, но упорно пытающийся проткнуть его пикой или изрубить мечом. И все время вокруг звучал этот жуткий, безумный смех солдат, понимавших, что они уже мертвы, но тем не менее продолжавших сохранять видимость жизни и желание сопротивляться, хотя тела их были уже буквально искрошены варденами.

А потом над полем боя вдруг воцарилась полная тишина.

Роран остался стоять на прежнем месте, согнув ноги в коленях и прикрывшись щитом, и продолжал держать молот наготове. Он тяжело дышал, он был весь в крови и в поту, но прошла целая минута, прежде чем он осознал, что в воде перед ним больше никого нет, что никто больше не лезет из реки на берег. Роран посмотрел направо, потом налево, оглянулся вокруг, не в силах поверить тому, что вражеские воины окончательно и бесповоротно мертвы. Мимо него по сверкающей воде проплыл труп одного из них...

И тут вдруг кто-то схватил его сзади за правое плечо. Роран, издав нечеловеческий вопль, резко обернулся и зарычал, стараясь освободиться. И понял, что это Карн. До предела измученный, весь покрытый кровавыми ошметками, колдун кричал ему:

— Мы победили, Роран! А? Каково? Они все мертвы! Мы их разгромили!

Роран бессильно уронил руки, откинул голову назад, но так и остался стоять. Он был слишком измотан, слишком обессилел, чтобы заставить себя сойти с места и хотя бы присесть. Он чувствовал... он ощущал, что все его чувства невероятно обострены, но при этом реагировал на все как-то замедленно, словно из потаенных глубин своего существа. Впрочем, сейчас он был даже рад охватившему его отупению: иначе, казалось, он просто сойдет с ума.

— Всем собраться и осмотреть фургоны! — услышал он приказ Мартланда. — Да побыстрее! Чем быстрее мы будем двигаться, тем скорее уберемся из этого проклятого места! Карн, займись Велмаром. Не нравится мне его рана!

Невероятным усилием воли Роран заставил себя развернуться и подойти к ближайшей повозке. Смаргивая пот, обильно стекавший со лба, он подсчитал оставшихся: из всего отряда на ногах было девять человек. А остальные?.. Но он постарался пока не думать об этом. Ладно, горевать будем потом, сейчас не время.

Мартланд Рыжебородый тоже направился к фургонам, но, когда он проходил через усеянное трупами поле, один из валявшихся там солдат, которого все, видимо, сочли мертвым, вдруг приподнялся и из лежачего положения ударил графа мечом, начисто отрубив ему кисть правой руки. Изящным, почти танцевальным движением Мартланд ногой выбил меч из рук противника, затем присел, прижал ему горло коленом, левой рукой извлек из ножен кинжал и вонзил его солдату в ухо. Лицо у него было красным и очень напряженным, однако он, сунув обрубок правой руки под мышку и зажав его там, резко мотнул головой, отгоняя тех, кто бросился ему на помощь, и крикнул:

— Оставьте меня! Разве это рана? Займитесь фургонами! Если не поторопитесь, бездельники несчастные, мы будем тут торчать столько, что моя борода окончательно поседеть успеет! За дело, ребята! Давайте!

А когда Карн все же отказался ему подчиниться и попытался перевязать страшно кровоточившую руку, Мартланд, зверски оскалившись, заорал:

— Пошел прочь! Или я прикажу высечь тебя плетьми за неподчинение приказу!

Карн возразил, держа в руках отрубленную кисть Мартланда:

— Но я мог бы попытаться приделать ее обратно! Хотя мне и потребуется какое-то время. Всего несколько минут!

— Да пропади она пропадом! — рявкнул Мартланд и, вырвав у Карна свою отрубленную кисть, сунул ее за пазуху. — Прекрати суетиться, Карн, и займись лучше Велмаром и Линделом, если им еще можно помочь. Потом попробуешь мне кисть присобачить — когда мы окажемся подальше от этих чудовищ!

— Но тогда, возможно, будет уже поздно! — возразил Карн.

— Это приказ, колдун, а вовсе не просьба! — громогласно ответил Мартланд. И когда Карн отошел, он зубами натянул рукав рубахи на обрубок руки, завязал его, как мог, и снова сунул раненую руку под мышку. По лицу его от боли катились крупные капли пота. — Ну что, вы выяснили, что там у них, в этих чертовых фургонах?

— Веревки! — крикнул один из воинов.

— Спиртное! — крикнул другой.

Мартланд только крякнул:

— Улхарт, записывай!

Роран присоединился к остальным и тоже занялся разборкой грузов, громко называя предметы, которые ему попадались, чтобы Улхарт мог внести их в общий список. Покончив с этим, вардены, как и в предыдущие разы, перебили волов и подожгли фургоны. Затем привели своих коней и сели верхом, привязав раненых к седлам.

Когда они уже были готовы выступить в путь, Карн поднял руку к волшебному огню, по-прежнему освещавшему печальное поле боя, и пробормотал какое-то длинное, непонятное слово. И мир мгновенно погрузился во тьму. Глянув вверх, Роран успел увидеть там дрожащее отражение лица Карна, сквозь которое просвечивали едва видимые звезды; потом глаза его немного привыкли к темноте, и он увидел, как тысячи слетевшихся на свет и теперь потерявших ориентировку мотыльков мечутся над рекой, словно тени чьих-то заблудших душ.

С тяжелым сердцем Роран тронул шпорами бока Сноуфайра и поехал прочь от разгромленного обоза.

КРОВЬ НА КАМНЯХ

Вне себя от гнева, Эрагон выскочил из круглого зала, упрятанного глубоко под средней частью Тронжхайма. Дубовая дверь с грохотом захлопнулась за ним.

Остановившись посреди коридора, дугой уходившего вверх, он, сердито подбоченившись, уставился в пол, выложенный квадратной плиткой из агата и нефрита. С тех пор как три дня назад они с Ориком прибыли в Тронжхайм, тринадцать вождей кланов занимались одним и тем же: без конца спорили друг с другом, обсуждая вопросы, которые Эрагону казались совершенно несущественными — например, о том, какому клану принадлежит право выпаса своего скота на том или ином спорном пастбище.

Слушая, как вожди кланов обсуждают какие-то темные положения своих законов, Эрагон не раз испытывал желание вскочить и заорать им в лицо, что все они — просто слепые идиоты, что по их вине Алагейзия может погибнуть, окончательно подпав под власть Гальбаторикса, что пора уже им наконец плюнуть на свои мелочные споры и ссоры и избрать себе без дальнейших проволочек нового повелителя.

Погруженный в мрачные размышления, он шел по коридору, почти не обращая внимания ни на четверых охранников, что следовали за ним по пятам — они всегда сопровождали его, куда бы он ни пошел, — ни на гномов, встречавшихся ему и приветствовавших его привычным «О, Аргетлам!». «Хуже всех эта Иорунн, — думал он, — с ней будет особенно трудно». Иорунн, гримсборитх Дургримст Вренширргн, могущественного и воинственного клана, с самого начала переговоров и обсуждений ясно дала всем понять, что сама намерена занять королевский трон. Но лишь

один клан, Уржад, открыто поддержал ее, однако, как она уже успела не раз доказать, у нее вполне хватало ума и хитрости, чтобы использовать к своей выгоде практически любой оборот дел. «Из нее вышла бы превосходная королева, — думал Эрагон, — но она настолько, прямо-таки дьявольски, хитра и непредсказуема, что невозможно понять, станет ли она поддерживать варденов, если окажется на престоле». Он даже позволил себе чуть усмехнуться. Ему всегда было трудно разговаривать с Иорунн. Гномы считали ее выдающейся красавицей, и, пожалуй, даже по меркам людей ее можно было бы назвать красоткой. Мало того, она вроде бы казалась прямо-таки очарованной Эрагоном, и он никак не мог понять, в чем причина подобной приязни. В любой беседе с ним она без конца намекала на некие важные события из истории гномов, на их сказания, но Эрагон этих ее намеков не понимал, и все это чрезвычайно забавляло Орика и других гномов.

Помимо Иорунн еще два вождя претендовали на королевский трон: Ганнел, вождь Дургримст Куана, и Надо, вождь Дургримст Кнурлкаратхна. Клан Куан, будучи хранителем религиозных установлений гномов, обладал огромным влиянием в их среде, но пока что Ганнелу удалось заручиться поддержкой только двух кланов, не считая собственного, — Дургримст Рагни Хефтина и Дургримст Эбардака. Представители последнего занимались в основном научными изысканиями. В отличие от Ганнела, Надо удалось сколотить более весомую коалицию, в которую входили кланы Фельдуност, Фангур и Аз Свельдн рак Ангуин.

Если Иорунн, похоже, стремилась заполучить трон прежде всего как символ верховной власти, а Ганнел вроде бы не проявлял особой враждебности по отношению к варденам — хотя и дружелюбия он, пожалуй, тоже не проявлял, — то Надо открыто и весьма яростно выступал против любого взаимодействия с Эрагоном, Насуадой, Империей, Гальбаториксом, королевой Имиладрис и вообще, насколько успел понять Эрагон, с любым живым существом, обитающим вне Беорских гор. Кнурлкаратн был кланом каменотесов и каменщиков и в плане мастерства не имел себе равных; все прочие кланы зависели от опытности его мастеров

и при прокладке туннелей, и при строительстве жилищ. Даже Дургримст Ингеитум нуждался в их услугах, поскольку именно они добывали самую лучшую руду для кузнецов этого клана. И Эрагон понимал: если Надо будет действовать нерешительно и не проявит должного рвения при захвате короны, то многие из вождей более слабых кланов, которые разделяют его взгляды и пока что его поддерживают, тут же от него отшатнутся и постараются занять его место. И первым будет вождь клана Аз Свельдн рак Ангуин, хотя Гальбаторикс и Проклятые почти стерли этот клан с лица земли, когда он восстал! Тем не менее члены этого клана открыто провозглашали себя кровными врагами Эрагона, когда он посетил их город, Тарнаг, и всеми своими действиями демонстрировали неукротимую ненависть и по отношению к нему, и по отношению к Сапфире, и по отношению вообще ко всему, что связано с драконами и с теми, кто на них летает. Они возражали против самого присутствия Эрагона на встречах вождей, хотя по закону, единому для всех кланов, он имел на это полное право; мало того, они заставили Совет провести голосование по этому вопросу, без всякой *необходимости отложив обсуждение* остальных проблем на целых шесть часов.

«Надо будет в ближайшее же время найти способ помириться с ними, — думал Эрагон. — Или, наоборот, довести до конца то, что начал Гальбаторикс. Не хватало мне только всю оставшуюся жизнь опасаться удара со стороны Аз Свельдн рак Ангуин!»

Он снова, как уже не в первый раз за эти последние дни, подождал, надеясь получить ответ от Сапфиры, но она молчала, и сердце его пронзила знакомая боль одиночества.

Сомнительной казалась Эрагону и крепость уз между разными кланами. Ни Орик, ни Иорунн, ни даже Ганнел или Надо не имели достаточной поддержки при выборе нового правителя, и поэтому все они предпринимали активные меры, направленные не только на сохранение уже имеющихся у них союзников, но и на то, чтобы переманить на свою сторону союзников своих конкурентов. Несмотря на важность грядущих выборов короля, Эрагон считал всю эту

возню и все возрастающее количество интриг делом в высшей степени утомительным и тщетным.

Насколько он понимал ситуацию — а понимание это основывалось на объяснениях Орика, — прежде чем вожди кланов смогут приступить к выборам нового короля (или королевы), они должны будут голосованием решить вопрос о том, нужен ли им вообще этот новый правитель, и результат этого предварительного голосования, чтобы его приняли, должен быть подкреплен, по крайней мере, девятью голосами. Но пока что ни один из вождей, включая Орика, явно не чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы поднять этот вопрос и перейти к выборам. Как объяснил Эрагону Орик, это самая деликатная часть процедуры и в некоторых случаях, как показывает опыт, она растягивается весьма значительно.

Обдумывая сложившееся положение, Эрагон бродил по лабиринту подземных коридоров и залов, пока не оказался в каком-то странном, усыпанном сухой пылью помещении, украшенном по одной стене пятью арками и резным барельефом — по другой; этот барельеф высотой футов двадцать представлял собой изображение рычащего, грозно оскалившегося медведя. Зубы у медведя были из золота, а вместо глаз сверкали круглые граненые рубины.

— Куда это мы попали, Квистор? — спросил Эрагон у одного из сопровождавших его охранников, и голос его глухим эхом отразился от стен странной комнаты. Сейчас Эрагону казалось, что он мог бы прочесть мысли многих гномов, находившихся неподалеку, на верхних уровнях Тронжхайма, но понятия не имел, как установить с ними подобную связь.

Квистор, старший из охранников, еще довольно юный, по здешним меркам разумеется, гном лет шестидесяти, ответил ему:

— Эти помещения были вырублены тысячи лет назад гримстборитхом Корганом, когда Тронжхайм еще только строился. С тех пор ими пользовались крайне редко, разве что в тех случаях, когда в Фартхен Дуре собираются многочисленные представители всего нашего народа.

Эрагон кивнул:

— А ты можешь вывести меня обратно, на поверхность земли?

— Конечно, Аргетлам.

Несколько минут быстрой ходьбы — и они оказались на широкой лестнице с невысокими, сделанными специально для гномов ступенями. Лестница вела откуда-то из недр горы к подземному переходу в юго-западной четверти основания Тронжхайма. Оттуда Квистор повел Эрагона на юг, к той крестообразной развилке, которая и делила Тронжхайм на четыре части в соответствии с направлениями стрелки компаса.

Это был тот самый отрезок коридора, через который Эрагон и Сапфира в первый раз вошли в Тронжхайм несколько месяцев назад, и Эрагон шел по нему к центру города-горы, испытывая мучительную ностальгию. Ему казалось, что за это недолгое время он постарел на несколько лет.

Этот высокий, в четыре этажа, переход прямо-таки кишел гномами. Здесь можно было встретить представителей всех кланов, и все они, разумеется, тут же обратили внимание на Эрагона, но далеко не все горели желанием радостно его приветствовать. Впрочем, за это он был им даже признателен, поскольку это спасало его от необходимости отвечать на бесконечные приветствия.

Однако, заметив целый отряд гномов из клана Аз Свельдн рак Ангуин, Эрагон внутренне напрягся. Эти гномы дружно, как один, повернулись в его сторону, хотя прочитать, что при этом было написано у них на лицах, было невозможно, поскольку на людях представители этого клана всегда прикрывали лицо пурпурными шарфами. Последний гном в шеренге успел, впрочем, плюнуть Эрагону под ноги, прежде чем исчезнуть в одной из арок вместе со своими сородичами.

«Если бы Сапфира была здесь, они бы никогда не осмелились на подобную выходку!» — сердито подумал Эрагон.

Полчаса спустя он добрался до конца этого величественного прохода и несмотря на то, что и раньше много раз бывал здесь, вновь ощутил восторг и благоговейный трепет, пройдя между колоннами из черного оникса, увенчанными

желтыми капителями из циркона высотой в три человеческих роста, и оказавшись в знаменитом круглом зале — сердце Тронжхайма.

Диаметр этого зала составлял не менее тысячи футов; пол здесь был из полированного сердолика с вырезанным в центре молотом и двенадцатью магическими фигурами — гербом Дургримст Ингеитум и Коргана, первого короля гномов, который и обнаружил Фартхен Дур, разрабатывая здесь золотую жилу. Напротив Эрагона и по обе стороны от него открывались проходы в три других зала; такие проходы простирались во все стороны от центра города-горы. Потолка в круглом зале не было — в миле над головой виднелся выход из Тронжхайма и Убежище Драконов, где Эрагон с Сапфирой и размещались до того, как Арья разбила Звездный Сапфир. А еще выше виднелось небо, небольшой ярко-синий кружок где-то в недосягаемой вышине, точно драгоценный камень, вправленный в кольцо из скальной породы угасшего вулкана Фартхен Дур, этой полой внутри горы высотой десять миль, которая дала приют великому множеству гномов, укрыв их *от всех врагов.*

До основания Тронжхайма *через эту дыру доходило* очень мало солнечного света. Город Вечных Сумерек — так назвали его эльфы. Поэтому гномы постоянно освещали его — если не считать ослепительно яркого полуденного часа в период летнего солнцестояния — бесчисленным множеством своих беспламенных светильников. Тысячи таких светильников и сейчас горели в круглом зале. Яркий светильник висел на каждой второй колонне, обрамлявшей резные аркады всех четырех уровней города-горы; еще лучше освещена была внутренность этих аркад, а также входы в различные, порой довольно странные помещения и путь к Вол Турин, Бесконечной Лестнице, спиралью опоясывавшей круглый зал. Зрелище было потрясающее, хотя и несколько мрачноватое. Светильники были разноцветными, и казалось, что все вокруг усыпано сияющими драгоценными камнями.

Однако великолепие этого света и блеска бледнело в сравнении с настоящим драгоценным камнем, самым огромным из всех Звездным Сапфиром. В круглом зале на полу

гномы воздвигли деревянный помост диаметром шестьдесят футов и внутри его, в переплетении дубовых балок теперь с огромным тщанием и осторожностью восстанавливали, собирая и прикладывая друг к другу один драгоценный осколок за другим, разбитый Исидар Митрим. Обломки и осколки Звездного Сапфира, которые еще только предстояло установить на место, лежали в открытых ящиках, застеленных изнутри необработанной шерстью. На каждом ящике имелась табличка, испещренная руническими знаками. Ящики были аккуратно расставлены в западной части зала, и сейчас над ними склонялось не менее трех сотен гномов, полностью погруженных в работу; гномы подбирали и примеривали друг к другу осколки сапфира, пытаясь собрать их в единое целое. Другая группа гномов возилась внутри помоста с уже восстановленной частью самоцвета, а также строила новые крепежные конструкции.

Эрагон несколько минут наблюдал за их деятельностью, потом медленно прошелся по тому участку пола, который повредил Дурза, когда с отрядом ургалов ворвался в Тронжхайм через нижние туннели. Носком сапога Эрагон слегка поковырял полированные каменные плиты: от нанесенного Дурзой ущерба не осталось и следа. Гномы проделали огромную, потрясающую работу, восстановив почти все, что было разрушено во время битвы при Фартхен Дуре. Эрагон, правда, рассчитывал, что они увековечат память о ней каким-нибудь монументом; ему казалось необходимым, чтобы и грядущие поколения не забывали о той кровавой цене, которую гномы и вардены заплатили за эту победу в войне против Гальбаторикса.

Подойдя к помосту, Эрагон приветливо кивнул Скегу, тощему гному с ловкими пальцами, стоявшему на самом верху. Они не раз встречались и раньше. Скег был из клана Дургримст Гедтхралл, и именно ему король Хротгар доверил восстановление самого ценного сокровища гномов.

Скег махнул Эрагону рукой, приглашая подняться на помост. Взобравшись на высокую платформу из грубо отесанных досок, Эрагон увидел перед собой сверкающую паутину из наклонных, острых лучиков, которые отбрасывали тонкие, как бумага, осколки сапфира. Верхушка Звездного

Сапфира напоминала сейчас лед на реке Анора в долине Паланкар, каким он бывает в конце зимы, когда по многу раз то тает, то вновь замерзает, так что ходить по нему становится опасно. Казалось, и сапфир тоже весь покрыт ледяными выступами и застругами, возникшими под воздействием изменений температуры. Но в осколках вместо синего, голубого или прозрачно-белого преобладал мягкий розоватый оттенок, пронизанный тускло-оранжевыми искрами.

— Как продвигается дело? — спросил Эрагон.

Скег пожал плечами и взмахнул в воздухе своими тощими руками, словно пытался изобразить бабочку.

— Как продвигается, так и продвигается, Аргетлам. Идеал совершенства не терпит поспешности.

— Но, как мне представляется, вы делаете значительные успехи.

Скег постучал костистым пальцем по своей широкой и плоской переносице:

— Верхнюю часть Исидар Митхрима, которая сейчас внизу, Арья раздробила на крупные осколки, которые довольно легко сложить, а вот нижнюю его часть, которая сейчас вверху... — Скег покачал головой, и на его морщинистом лице появилось печальное выражение. — Сила взрыва была столь велика, что все осколки ударили по самому камню, поскольку Арья направила их от себя и от Сапфиры. А потом они посыпались вниз, на тебя и на этого жестокосердного Шейда... В общем, лепестки розы при этом разлетелись, можно сказать, вдребезги. А роза, Аргетлам, — это ключ к структуре камня. Это самая сложная и самая прекрасная часть Исидар Митрима. И она-то как раз пострадала сильнее всего. И если нам так и не удастся собрать все эти осколки и как-то соединить их, то можно будет сразу передавать эти камушки нашим ювелирам — пусть обрабатывают их и вставляют в драгоценные перстни, предназначенные для наших матерей, — с горечью сказал Скег.

Потом он снова о чем-то заговорил, и слова вытекали у него изо рта, точно вода из переполненного кувшина. Вдруг что-то привлекло его внимание, и он сердито заорал на своем языке на какого-то гнома, видимо недостаточно бережно тащившего через весь зал ящик с драгоценными обломками.

Немного успокоившись и дернув себя за белоснежную бороду, Скег спросил:

— Ты когда-нибудь слышал рассказ о том, как был вырезан Исидар Митрим, Аргетлам? Это было в эпоху Херрана.

Эрагон помедлил с ответом, припоминая уроки истории, полученные в Эллесмере.

— Я знаю, что это Дюрок его огранил.

— Точно, — сказал Скег. — Это сделал Дюрок Орнтхронд, что на вашем языке значит Орлиный Глаз. Нашел-то камень, правда, не он, но именно он, причем в одиночку, высвободил его из каменного плена, очистил от породы, огранил и отполировал. Пятьдесят семь лет он трудился над Звездной Розой. Этот камень прямо-таки заворожил его, и он, точно заколдованный, каждую ночь до рассвета просиживал над ним, будучи уверенным, что Звездная Роза должна стать не просто произведением искусства, но чем-то значительно более важным для гномов. Ему хотелось, чтобы этот каменный цветок трогал сердца всех, кто только его увидит; и надеялся, что тем самым он обретет право занять почетное место за столом богов. Его преданность своему делу и верность поставленной цели были столь велики, что на тридцать втором году своих неустанных трудов он даже не обратил внимания на требование жены либо привлечь к работе учеников, либо забыть о том, что у него есть дом и очаг. Дюрок не сказал жене ни слова в ответ; он лишь повернулся к ней спиной и продолжил обработку того лепестка, над которым трудился уже почти целый год.

Он доводил до совершенства каждую грань, каждую линию и переходил к следующей, лишь будучи совершенно удовлетворенным проделанной работой. А когда наконец он отбросил в сторону полировальный круг, отступил от Звездной Розы на шаг и воскликнул: «Великий Гунтера, с твоей помощью я закончил эту работу!» — то через мгновение упал мертвым на пол. — И Скег с такой силой похлопал себя по груди, что та загудела, точно пустая бочка. — Сердце Дюрока разорвалось, потому что больше не для чего было жить. Вот что теперь нам приходится восстанавливать, Аргетлам: те пятьдесят семь лет непрерывного труда, тех целенаправленных усилий, которые один из самых лучших, самых

выдающихся мастеров нашего народа потратил на создание этого чуда. И если мы не сумеем собрать Исидар Митрим, не сумеем сложить все осколки так, чтобы камень выглядел, как раньше, то попросту унизим этим великое произведение мастера Дюрока. И те, кому было предназначено его обращение в виде знаменитой Звездной Розы, не сумеют его прочесть, ибо не увидят в ней ничего особенного. — И, стиснув пальцы правой руки в кулак, Скег ударил им себя по ляжке, словно ставя точку под этими своими словами.

Эрагон прислонился к невысокому ограждению, доходившему ему лишь до бедра, и стал смотреть, как пятеро гномов осторожно спускают на веревках шестого, пока тот не завис в нескольких дюймах от острых граней раздробленного сапфира. Сунув руку себе за пазуху, этот гном осторожно извлек оттуда кожаный кошель и, вытащив пинцетом крошечный осколок сапфира, вставил его в маленькую щель в поверхности камня.

— А если бы коронация состоялась через три дня, вы бы успели собрать Исидар Митрим к этому сроку? — спросил Эрагон.

Скег нервно забарабанил по ограждению, выбивая какой-то странный ритм, потом сказал:

— Видишь ли, Аргетлам, мы никогда не стали бы спешить, работая над Исидар Митримом, если бы не предложение твоего дракона. Всякая спешка вообще чужда нашему народу. Это только людям свойственно спешить и метаться, подобно перепуганным муравьям. Тем не менее мы, безусловно, приложили бы все усилия, чтобы как-то подготовить Исидар Митрим к коронации. Но если бы она состоялась через три дня... тут я бы не слишком надеялся на успех. Хотя чуть позднее, скажем через неделю, мы, возможно, и смогли бы закончить в первом приближении.

Эрагон поблагодарил Скега, распрощался с ним и направился — разумеется, в сопровождении охранников, следовавших за ним по пятам, — в один из обеденных залов огромного города-горы. Этот зал представлял собой длинное низкое помещение с каменными столами, стоявшими в ряд у одной его стены, а возле другой у сложенных из мыльного камня кухонных плит возились гномы-повара.

Там Эрагон закусил свежим хлебом, какой-то рыбой с белым мясом, которую гномы ловят в подземных озерах, грибами и пюре из толченых клубней; эти клубни ему уже доводилось пробовать в Тронжхайме и раньше, но он по-прежнему не знал, что это такое. Однако перед началом трапезы он все же с помощью магии проверил все блюда на наличие яда; этим несложным заклинаниям его еще на самых первых уроках в Эллесмере научил Оромис.

Запив последний кусок довольно жидким пивом, которое гномы обычно пьют за завтраком, Эрагон поднял глаза и вдруг увидел, что в зал входит Орик в сопровождении эскорта из десяти воинов, которые тут же расселись так, чтобы иметь возможность наблюдать за обоими входами. Орик подсел к Эрагону, с усталым вздохом опустившись на каменную скамью, и, поставив локти на стол, потер лицо ладонями. Он явно был чем-то удручен, и Эрагон машинально пробормотал несколько заклинаний, защищавших от подслушивания.

— Ну что, опять неудача? — спросил он Орика.

— Нет-нет, пока все идет хорошо. Просто все эти обсуждения *ужасно утомительны*.

— Да, я заметил.

— И все мы тоже кое-что заметили — во всяком случае, все заметили, что ты недоволен, — сказал Орик. — Тебе бы надо научиться получше держать себя в руках, Эрагон. По твоему лицу каждый может догадаться, о чем ты думаешь. Вряд ли это полезно. Нам никак нельзя показывать свою слабость перед другими претендентами на престол. Я... — Орик внезапно умолк, потому что к ним, шаркая ногами, подбежал толстенький гном и поставил на стол блюдо с дымящейся едой.

Эрагон сердито на него посмотрел и спросил:

— Но скажи, ты хоть на шаг приблизился к своей цели? Мы хоть чего-нибудь добились в результате всей этой вашей бесконечной болтовни?

Орик торжественно поднял палец, но ответил не сразу, со вкусом пережевывая кусок свежего хлеба.

— Мы многого добились, Аргетлам! Не стоит так мрачно смотреть на естественный ход событий. После того как ты

покинул наше собрание, Хавард согласился снизить налог на соль, которую Дургримст Фангхур продает Дургримст Ингеитуму, в обмен на летний доступ к принадлежащему нашему клану туннелю, который ведет к озеру Налсвридмерна, так что они смогут охотиться на красных оленей, которых там в теплые месяцы собирается тьма-тьмущая. Ты бы видел, как Надо скрипел зубами, когда Хавард мое предложение принял!

— Вздор! — злобно заметил Эрагон. — Налоги, олени! Какое все это имеет отношение к выборам нового короля, к тому, кто займет место Хротгара? Скажи мне честно, Орик, каково сейчас твое положение? Насколько оно выгодное по сравнению с положением других претендентов? И долго ли еще все это будет продолжаться? С каждым прошедшим днем все больше опасность того, что Гальбаторикс станет известно о нашей хитрой уловке, и тогда он незамедлительно нанесет удар по лагерю варденов, а меня там не будет, чтобы отбить нападение Муртага и Торна.

Орик вытер рот концом скатерти.

— Положение у меня сейчас вполне приличное. Ни один из гримстборитхов не имеет достаточной поддержки, чтобы прямо сейчас оказаться избранным, но наибольшее число сторонников у меня и у Надо. Любому из нас достаточно перетащить на свою сторону еще парочку кланов, и весы сразу же склонятся в его пользу. Хавард, например, уже сильно колеблется. Его, я думаю, не потребуется долго убеждать, прежде чем он перебежит в наш лагерь. Нынче вечером мы с ним преломим хлеб и тогда поглядим, много ли надо, чтобы переубедить его окончательно. — Орик сунул в рот жареный грибок, прожевал его, проглотил и прибавил: — Ну а Совет Вождей завершится, я думаю, не раньше чем через неделю, а может, и через две.

Эрагон тихонько выругался. От внутреннего напряжения желудок его болезненно сжимался, грозя извергнуть обратно всю только что съеденную пищу.

Протянув руку через стол, Орик стиснул его запястье:

— Ни ты, ни я не в состоянии что-либо сделать, чтобы ускорить принятие решений, так что не стоит так расстраиваться. Беспокоиться стоит о том, что ты в силах изменить,

а остальное пусть себе идет как идет, — само в итоге рассосется. По-моему, я прав. А ты так не думаешь? — Он выпустил руку Эрагона, и тот, положив руки на стол, сказал со вздохом:

— Да, я понимаю... Ты, наверное, прав. Но дело в том, что времени у нас слишком мало. А если мы к тому же потерпим неудачу...

— Значит, так тому и быть, — заявил Орик и улыбнулся, хотя глаза у него были грустные. — Все равно ведь от судьбы не уйдешь.

— А ты не можешь силой завладеть троном? Я знаю, тебя в Тронжхайме не очень большой отряд сопровождает, но с моей помощью... Скажи, разве кто-то сможет тогда тебе противостоять?

Орик молчал; его рука с ножом так и зависла над тарелкой. Потом, решительно помотав головой, он снова принялся жевать и как бы между прочим обронил:

— Это привело бы к катастрофе.

— Но почему?

— Неужели я должен это объяснять? Да весь наш народ против нас восстанет! И вместо королевской власти я в лучшем случае получу лишь пустой титул. Даже если я и смогу сесть на трон, то не поставлю и сломанной сабли за то, что мне удастся пережить хотя бы ближайший год.

— Вот даже как...

Но Орик не произнес больше ни слова, пока не доел все, что было у него на тарелке. Потом как следует запил это пивом, рыгнул и пояснил:

— Видишь ли, мы стоим как бы на краю обрыва, на продуваемой всеми ветрами тропе, и с обеих сторон у нас пропасти в милю глубиной. Слишком многие гномы не только боятся, но и ненавидят Всадников — а все из-за Гальбаторикса и Проклятых; теперь, впрочем, к ним еще и Муртаг присоединился. Наш народ претерпел из-за них немало горя и жестоких страданий. И потом, многие просто опасаются выходить в тот мир, что лежит за пределами наших гор и подземных туннелей, в которых мы столько веков прячемся. — Орик повозил пивной кружкой по столу. — А Надо и Аз Свельдн рак Ангуин только усугубляют создавшееся

положение, играя на страхах гномов и отравляя их ненавистью. Они настраивают наш народ против тебя и Сапфиры, против варденов, против короля Оррина... Клан Аз Свельдн рак Ангуин прямо-таки олицетворяет то, с чем мне предстоит бороться, если я все-таки стану королем. Надо каким-то образом суметь успокоить гномов, внушить им уверенность, что, даже если я стану королем, я всегда буду учитывать мнения и интересы *всех без исключения*, только в этом случае мне удастся сохранить поддержку всех кланов. Все наши правители всегда в значительной степени зависели от расположения и поддержки кланов вне зависимости от того, сколь бы сильным тот или иной правитель ни был, сколь бы мощный клан он ни представлял. Точно так же и любой гримстборитх зависит от расположения и поддержки всех семейств своего родного клана. — Откинув назад голову, Орик влил в рот остатки пива из кружки и с резким стуком поставил ее на стол.

— Может быть, я что-то могу сделать? Нет ли у вас какой-нибудь традиции или обряда, с помощью *которого можно* было бы как-то умилостивить Вермунда и его сторонников? — спросил Эрагон. Вермунд был нынешним гримстборитхом клана Аз Свельдн рак Ангуин. — Должно же быть что-то, способное заглушить их подозрения и положить конец этой бесконечной вражде.

Орик рассмеялся и, вставая из-за стола, мрачно пошутил:

— Ну, разве что твоя смерть!

Ранним утром следующего дня Эрагон сидел, опершись спиной о резную стену круглого зала, расположенного глубоко под центральной частью Тронжхайма, где собралось множество избранных гномов: заслуженные воины, бывшие советники Хротгара, его личные слуги, а также вожди кланов и члены их семейств. Все это была достаточно привилегированная публика, чтобы иметь право присутствовать на собрании вождей. Сами вожди сидели в тяжелых резных креслах, расставленных вокруг круглого каменного стола, на котором, как и на большей части крупных предметов мебели

в нижних уровнях города-горы, были вырезаны гербы кланов Корган и Ингеитум.

В данный момент перед собравшимися выступал Галдхим, вождь клана Дургримст Фельдуност. Он даже среди гномов выделялся небольшим ростом — едва ли выше двух футов — и невероятно яркими одеждами в золотых, красно-коричневых и темно-синих тонах. В отличие от гномов клана Ингеитум он не подстригал бороду и не заплетал ее в косички, и она падала ему на грудь, точно спутанные колючие плети ежевики. Взобравшись на сиденье своего кресла, Галдхим бил затянутым в перчатку кулаком по полированной столешнице и орал:

— ...Эта! Нархо удим этал ос ису вонд! Нархо удим этал вос формвн мендуност бракн, аз Варден, хрествог дур гримстнжадн! Аз Юргенврен катхрид не домар оэн этал...

— ... Нет, — шепотом на ухо переводил Эрагону его переводчик, гном по имени Хундфаст, — я такого никогда не допущу! Я не позволю этим безбородым дуракам варденам разрушить нашу страну! После Войны Драконов мы оказались невероятно ослаблены, и до сих пор не...

Эрагон подавил зевок и в очередной раз быстро оглядел собравшихся за круглым столом от Галдхима до Надо, круглолицего гнома с льняными волосами, который одобрительно кивал, соглашаясь с громогласными призывами Галдхима. Потом Эрагон внимательно посмотрел на Хаварда, который от нечего делать вычищал кинжалом грязь из-под ногтей на двух оставшихся целыми пальцах правой руки. Рядом с Хавардом сидел Вермунд, лицо которого, как всегда, было прикрыто пурпурным шарфом, над которым торчали только его густые, кустистые брови. Ганнел и Ундин склонились друг к другу, прислонившись плечами, и оживленно перешептывались, а Хадфала — пожилая женщина-гном, которая была вождем клана Дургримст Эбардак и третьим членом коалиции Ганнела, — хмуро изучала стопку покрытых рунами листов пергамента, которую приносила с собой на каждое собрание. Потом Эрагон перевел взгляд на Манндратха, вождя Дургримст Ледвонну, который сидел в профиль к нему, демонстрируя во всей красе свой длинный крючковатый нос. А вот Тхордрис, возглавлявшая клан

Дургримст Награ, была Эрагону почти не видна; он время от времени видел лишь копну ее курчавых рыжих волос, заплетенных в невероятно длинную косу, которая змеей свернулась на полу возле ее ног. Далее виднелся затылок Орика, склонившего голову набок и как бы оплывшего в своем кресле. Фреовин, гримстборитх клана Дургримст Гедтхралл, гном прямо-таки выдающейся толщины, не сводил глаз с деревянной колоды, из которой он между делом вырезал фигурку сложившего крылья ворона. Далее сидел Хрейдамар, вождь Дургримст Уржад, который, в отличие от Фреовина, был сух, подтянут и, как всегда, облачен в кольчугу и шлем, а рядом с ним устроилась Иорунн, которую и в самом деле трудно было не назвать красавицей. У нее была смуглая кожа цвета темного ореха, на которой особенно отчетливо был заметен тонкий белый шрам в виде полумесяца, оставшийся у нее на щеке в результате какого-то сражения. Ее густые блестящие волосы были спрятаны под серебряный шлем в виде головы оскалившегося волка, а одета она была в пунцовое платье, и на шее у нее сверкало ожерелье из огромных изумрудов, вставленных в квадратную золотую оправу, по краю которой тянулась тонкая резьба в виде тайных рунических символов.

Иорунн заметила взгляд Эрагона, на ее губах появилась легкая улыбка, и она как-то лениво подмигнула ему, сладострастно опустив ресницы и чуть прикрыв свои чудные миндалевидные очи.

Кровь так и бросилась Эрагону в лицо, даже кончики ушей зaалели. Он снова перевел взгляд на Галдхима, который по-прежнему витийствовал, надменно надувая грудь, словно голубь-гордец.

Как и просил Орик, Эрагон в течение всего собрания соблюдал полное спокойствие, старательно скрывая свои истинные эмоции от всех, кто мог за ним следить. Когда объявили полуденный перерыв, он поспешно подошел к Орику и, склонившись к нему поближе, чтобы их никто не подслушал, шепнул:

— Не жди меня. Я сюда больше не вернусь. Надоело мне это бессмысленное времяпрепровождение. Лучше я спущусь в нижние туннели и поброжу там, подумаю...

Орик рассеянно кивнул:

— Поступай как знаешь, только непременно возвращайся к концу заседания; не стоит пренебрегать своими обязанностями, какими бы утомительными тебе наши прения ни казались.

— Ладно, приду.

Эрагон вышел из зала вместе с толпой гномов, жаждущих перекусить, а потом вместе со своими четырьмя охранниками, коротавшими время за игрой в кости, пошел куда глаза глядят, полностью полагаясь на волю случая и не переставая перебирать в уме разнообразные способы, которые могли бы объединить враждующие кланы и направить гномов в союзе с варденами и эльфами против Гальбаторикса. Однако, к собственному разочарованию, Эрагон раз за разом убеждался в том, что все его идеи оказываются буквально притянутыми за уши, так что вряд ли можно было бы ожидать от них положительного результата.

Эрагон почти не обращал внимания на тех, кто попадался ему навстречу, хотя на приветствия гномов, разумеется, отвечал — этого требовала простая вежливость. Не смотрел *он и по сторонам*, полностью доверяя Квестору, который наверняка сумеет потом отвести его обратно в зал заседаний. Однако он старался все же отследить мысли всех живых существ, до сознания которых мог сейчас дотянуться в радиусе нескольких сотен футов, включая самого мелкого паучка, прятавшегося в паутине на противоположном конце коридора. Ему вовсе не хотелось оказаться застигнутым врасплох тем, кто по какой-то причине мог искать с ним встречи.

Когда Эрагон наконец остановился, то с удивлением обнаружил, что опять попал в то же засыпанное сухой пылью помещение, на которое случайно наткнулся во время своих вчерашних странствий по туннелям. Слева от него виднелись все те же пять арочных проходов, что вели в неизвестные пещеры, а справа — тот же барельеф, изображающий рычащего медведя. Пораженный этим случайным совпадением, Эрагон подошел поближе к бронзовому изображению и повнимательнее рассмотрел оскаленную пасть

зверя, размышляя, пытаясь понять, почему ноги снова привели его сюда.

Затем он подошел к среднему из пяти арочных проходов и заглянул туда. Узкий коридор за ним тянулся куда-то в глубь горы; освещение в этом коридоре не горело, и уже чуть дальше входа в него начиналось царство мрака и теней. Мысленно обследовав этот проход, Эрагон попытался определить его протяженность, а затем обследовал и несколько пустых помещений, располагавшихся по обе стороны от него. Полдюжины пауков, несколько жалких ночных бабочек, многоножек и слепых сверчков — больше, похоже, там никого не было.

«Эй!» — крикнул Эрагон и послушал, как туннель откликается ему эхом, постепенно становившимся все тише и глуше. — Квистор, — спросил он своего моложавого охранника, — а тут вообще кто-нибудь живет, в этой древней части Тронжхайма?

— Да, некоторые, — отвечал тот. — Некоторые странные кнурлан, для которых пустое одиночество более приятно, нежели прикосновение руки жены или голос друга. Между прочим, как раз один из них и предупредил нас о том, что на нас идет войско ургалов. Ты помнишь это, Аргетлам? А еще тут попадаются такие кнурлан — хотя мы и нечасто вслух произносим их имена, — которые нарушили наши законы, которых их собственный клан и его вождь изгнали, запретив в течение какого-то количества лет возвращаться домой под угрозой смерти. Иногда их изгоняют даже до конца жизни, если преступление было серьезное. Тогда они для нас превращаются в ходячих мертвецов, и мы гоним их, если они нам попадаются на чужой территории, или вешаем, если они нарушат запрет и окажутся в пределах наших границ.

Квестор умолк, и Эрагон дал ему понять, что готов идти дальше. Квестор двинулся вперед, Эрагон за ним; они возвращались к тому же арочному проходу, через который попали в этот туннель. Трое остальных гномов следовали позади. Но не прошли они и двадцати шагов, как Эрагон услышал позади и на некотором отдалении слабое шарканье еще

чьих-то ног, настолько слабое, что Квестор, похоже, и вовсе его не уловил.

Эрагон оглянулся и в янтарном свете беспламенных ламп, развешанных на стенах коридора, увидел семерых гномов, одетых во все черное, с лицами, закрытыми черными тряпками. Их ноги были обмотаны какой-то тканью, глушившей шаги, и они настигали их маленький отряд с такой скоростью, какую Эрагон мог предположить только у эльфов, шейдов и иных созданий, чью кровь подгоняла магия. У каждого из этих странных гномов в правой руке сверкал длинный острый кинжал, а в левой был маленький металлический щит с острым шипом, торчавшим из центральной выпуклости. В мысли их Эрагон проникнуть не смог; они, как и мысли раззаков, были для него закрыты.

«Сапфира!» — тут же мысленно воскликнул он, но, увы, здесь его верной подруги не было.

Поворачиваясь лицом к одетым в черное гномам, Эрагон уже взялся за рукоять своего скрамасакса и открыл рот, чтобы криком предупредить своих спутников об опасности.

Но было поздно.

Еще не успел отзвучать первый его тревожный крик, а трое странных гномов уже набросились на того из охранников, который шел последним, готовясь пронзить его своими кинжалами. Быстрее, чем звучит слово или мелькает мысль в голове, Эрагон *открыл свою* душу магии, не заботясь сейчас ни о собственной безопасности, ни о правильности произнесения слов древнего языка, и с помощью какого-то внезапно придуманного заклинания как бы перестроил окружающий мир в нечто более для себя удобное. Трое гномов-охранников, отделявшие его от нападающих в черном, так и отлетели назад, словно марионетки, которыми управляет неопытный кукловод, и рухнули на пол у Эрагона за спиной невредимые, но совершенно обескураженные.

Эрагон поморщился, чувствуя, что сильно перерасходовал силы.

Двое черных гномов бросились на него, стараясь пырнуть его в живот своими кровожадными кинжалами. Но Эрагон парировал их выпады скрамасаксом. Он был поражен непритворной яростью этих гномов и быстротой их

реакции. Один из его охранников бросился вперед, крича и размахивая своим топором, но, прежде чем Эрагон успел ухватить его за кольчугу и оттащить назад, в безопасное место, светлое лезвие кинжала, который метнул один из тех, в черном, крутясь и сверкая в лучах светильников, вонзилось охраннику прямо в горло. Он упал, и Эрагон, заглянув в его сведенное смертной судорогой лицо, с ужасом понял, что это Квистор. Но страшнее всего было то, что пронзенное кинжалом горло Квистора светилось красным, точно расплавленный металл, и плоть вокруг кинжала как бы испарялась, исчезая на глазах!

«Ни в коем случае нельзя позволить им даже оцарапать меня!» — подумал Эрагон.

Однако гибель Квистора привела его в ярость, и он сделал молниеносный выпад в сторону его убийцы. У гнома в черном не было ни малейшей возможности уклониться от этого удара, и он безжизненным мешком рухнул к ногам Эрагона.

— Держитесь позади меня! — во всю силу легких крикнул Эрагон своим спутникам.

Точно откликаясь на его крик, стены и пол коридора тут же покрылись мелкими трещинами; с потолка посыпались обломки. Нападающие остановились и нерешительно затоптались на месте, явно пораженные неукротимой мощью этого крика, но вскоре вновь ринулись в атаку.

Эрагон отступил на несколько шагов, обеспечивая себе простор для маневра, и, стараясь не споткнуться о мертвые тела, принял низкую стойку, помахивая скрамасаксом, словно готовящаяся к броску змея. Сердце молотом стучало у него в груди, и, хотя схватка только что началась, он уже судорожно хватал ртом воздух.

Коридор был футов восемь в ширину, так что трое из оставшихся в живых черных гномов могли атаковать его одновременно. Они рассредоточились, и двое попытались зайти справа и слева, а третий наступал спереди, с какой-то невероятной быстротой нанося рубящие удары и стараясь попасть Эрагону по рукам и ногам.

Опасаясь сражаться с помощью тех приемов, которые применил бы, будь у его противников обычное оружие,

Эрагон прыгнул вперед и чуть вверх и, как бы зависнув в воздухе, перевернулся вверх ногами и оттолкнулся ими от потолка. Затем снова перевернулся и приземлился на четыре точки примерно в ярде от своих врагов и у них за спиной. Они тут же обернулись, но он уже успел шагнуть вперед и одним секущим ударом скрамасакса снес головы всем троим.

Их кинжалы с грохотом попадали на пол, и через мгновение следом покатились и их головы.

Перепрыгнув через обезглавленные тела, Эрагон снова сделал в воздухе сальто и приземлился на том месте, откуда сделал первый прыжок.

Он едва не опоздал.

Шеей ощутив движение воздуха — это, едва не коснувшись его горла, со свистом пролетел мимо вражеский кинжал, — он вовремя отклонился, но тут же другой клинок распорол ему штаны, застряв в отвороте. Эрагон снова дернулся в сторону и угрожающе взмахнул скрамасаксом. «Но мои заклятья должны были отвести их удары!» — подумал он, крайне удивленный.

И невольно вскрикнул, попав ногой в лужу крови, поскользнувшись и рухнув навзничь. Голова его с жутким стуком ударилась о каменный пол. Перед глазами вспыхнули синие искры. Эрагон невольно охнул и схватился за затылок.

Но тут его охранники решительно бросились на врага и одновременно пустили в ход свои топоры, разом очистив пространство над Эрагоном и прикрыв его от страшных сверкающих кинжалов.

Выигранной минуты Эрагону вполне хватило, чтобы прийти в себя и вскочить на ноги. Ругая себя за то, что не сделал этого раньше, он выкрикнул девять из двенадцати приносящих смерть слов древнего языка, которым научил его Оромис. Но уже через секунду он оставил подобные попытки, поняв, что одетые в черное гномы защищены множеством сильнейших охраняющих чар. Будь у него в распоряжении хотя бы несколько минут, он, наверное, сумел бы разрушить эти чары или как-то преодолеть их, но сейчас счет шел на секунды. Потерпев неудачу с применением смертоносных слов, Эрагон сосредоточился и, собрав свои

мысли, точно стальное копье, метнул их, пытаясь пробить защитный барьер одного из черных гномов. Однако его «копье» отскочило от этого мысленного заслона с такой силой, что Эрагону показалось, что перед ним броня, гладкая, без швов и абсолютно непробиваемая для мыслей тех, кто вступил в жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть.

«Их кто-то защищает, кто-то очень сильный, — понял Эрагон. — И за этим нападением стоит нечто гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд».

Резко круганувшись на одной ноге, он сделал выпад и пронзил мечом колено находившемуся от него слева противнику. Гном пошатнулся, и охранники Эрагона тут же схватили его за руки и скрутили, чтобы он уже не мог размахивать своим жутким оружием, а потом обрушили на него свои топоры.

Ближайший к Эрагону из двоих оставшихся черных гномов поднял щит, ожидая рубящего удара, и Эрагон действительно обрушил на него этот удар, в полной мере сознавая силу своего противника и рассчитывая разрубить щит пополам вместе с державшей его рукой, как не раз делал, владея Зарроком. Но в пылу боя Эрагон позабыл, сколь поразительно быстро двигаются эти черные гномы. Когда его скрамасакс почти коснулся края щита, гном ловко отклонил его и отвел удар в сторону.

Клинок Эрагона, выбив на поверхности щита целый сноп искр, соскользнул с него, зацепился за стальное острие, торчавшее в центре щита, и, влекомый силой удара, продолжил свой полет. Совершенно не рассчитывая на это, Эрагон тщетно попытался его удержать, но не сумел, и скрамасакс в итоге с размаху ударился острием о стену. Этот удар острой болью отдался в руке Эрагона, а сам клинок со звоном бьющегося хрусталя разлетелся на десятки осколков. У Эрагона в руке остался лишь обломок дюймов шести длиной, нелепо торчавший из мощной рукояти.

Ошеломленный, Эрагон отбросил сломанный клинок и ухватился за щит гнома, дергая его из стороны в сторону и стараясь держать как можно ближе к себе, чтобы защититься от вражеского кинжала, который так и сверкал перед ним. Но противник его оказался на редкость силен и умел;

он вполне успешно не только противостоял усилиям Эрагона, но даже сумел оттолкнуть его от себя на шаг. Продолжая удерживать его щит левой рукой, Эрагон правую руку отвел назад и изо всех сил ударил кулаком в щит, легко пробив его насквозь, словно это было гнилое дерево, а не закаленная сталь. Созданные им с помощью магии мозоли на тыльной стороне ладони действовали не хуже любого оружия, да и боли от удара он не почувствовал.

Удар отбросил черного гнома к противоположной стене. Он так сильно ударился о нее спиной, что шейные позвонки хрустнули, голова безвольно упала ему на грудь, и он, точно сломанная кукла, рухнул на пол.

Эрагон выдернул руку из дыры в щите, невольно оцарапавшись о разорванный металл, и едва успел вытащить охотничий нож, как на него навалился последний из черных гномов. Эрагон дважды парировал его выпады, а потом сам нанес режущий удар по правой руке противника, распоров и стеганый рукав доспеха, и саму руку от локтя до запястья. Гном зашипел от боли, в его синих глазах над матерчатой маской кипели ярость и ненависть. Он нанес Эрагону еще несколько быстрых ударов, с жутким свистом вспарывая воздух кинжалом, и Эрагону пришлось отскочить назад, уходя от мелькавшего перед ним смертоносного жала. Гном продолжал наседать на него. Отступив еще на несколько шагов и ловко уклоняясь от его выпадов, Эрагон не заметил одного из трупов и, пытаясь его обойти, споткнулся и упал навзничь, сильно ударившись плечом о стену.

С дьявольским хохотом гном в черном сделал колющий выпад, целясь прямо в неприкрытую грудь Эрагона. Выбросив перед собой руку в отчаянной попытке защитить себя, Эрагон откатился чуть дальше, чувствуя, что на сей раз удача от него отвернулась и вряд ли ему удастся уйти от удара.

Завершив поворот, он снова оказался лицом к нападающему и успел увидеть бледное лезвие, стремительно летящее ему в сердце, точно молния, ударившая с небес. Но тут, к его удивлению, кинжал метнулся в сторону, задев один из беспламенных светильников, висевших на стене. Эрагон успел лишь откатиться в сторону, когда его буквально через секунду ударила сзади чья-то обжигающе горячая рука,

отшвырнув на добрых двадцать футов по коридору, почти к самому арочному входу. Весь покрытый синяками и ссадинами, оглушенный чудовищным взрывом, он почувствовал, что в барабанные перепонки ему словно вонзилась сотня острых осколков, и зажал уши ладонями, скорчившись на полу и тихонько подвывая от боли.

Когда грохот и боль утихли, Эрагон привстал, опираясь на руки, потом, шатаясь, поднялся, каждый раз скрипя зубами, потому что многочисленные раны и ушибы то и дело давали себя знать. Оглушенный, плохо соображая, где именно находится, он огляделся.

Взорвавшаяся лампа покрыла черной копотью стены и потолок коридора метра на три в длину. Мягкие хлопья пепла еще плавали вокруг; в воздухе пахло гарью, как из кузнечного горна. Гном, который почти успел нанести Эрагону смертельный удар, бился на земле в предсмертных конвульсиях. Все его тело было страшно обожжено. Дернувшись еще два-три раза, он затих. Трое охранников Эрагона остались живы; они лежали на границе черной от взрыва зоны, куда их отшвырнуло взрывом. Пока Эрагон осматривался, гномы сумели подняться и теперь вытирали кровь, обильно сочившуюся у них из ушей и раскрытых ртов. Бороды у всех были опалены и спутаны. Кольца, скрепляющие отдельные части их кольчуг, светились красным, однако поддоспешные кожаные куртки, видимо, уберегли их от сильных ожогов.

Эрагон попытался сделать шаг вперед, но тут же остановился и застонал: жуткая боль пронзила ему спину между лопатками. Вывернув руку, он попытался ощупать это место, чтобы понять, насколько серьезно он ранен, но от этого движения кожа на плече натянулась и боль стала совершенно невыносимой. Почти теряя сознание, Эрагон прислонился к стене, ища опоры. И снова посмотрел на обгоревшего гнома. «Видно, и у меня на спине такие же ожоги», — подумал он.

Заставив себя собраться с силами, он произнес два исцеляющих заклинания, которым научил его Бром во время их совместных путешествий, и как только заклятья начали действовать, ему сразу полегчало; казалось, по спине потекла

прохладная, освежающая, снимающая боль вода. Эрагон с облегчением перевел дыхание и выпрямился.

— Вы ранены? — спросил он у охранников, когда те, пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу, подошли ближе.

Тот, что шел первым, нахмурился, ткнул себя пальцем в ухо и помотал головой.

Эрагон тихо выругался и только тут понял, что тоже не слышит собственного голоса. Пришлось снова прибегнуть к запасам магической энергии. Он произнес заклинание, призванное привести в норму внутренние слуховые органы — не только его собственные, но и гномов-охранников, — и сразу же раздражающая щекотка в ушах почти прошла, а потом и вовсе исчезла.

— Вы ранены? — снова спросил он.

Гном, что стоял справа, дородный, с раздвоенной бородой, кашлянул, выплюнул кровавый сгусток и пробурчал:

— Ничего страшного. Все это время вполне в силах залечить. А как ты, Губитель Шейдов?

— Жив.

При каждом шаге осторожно ощупывая ногой пол, Эрагон вышел из почерневшей от копоти части коридора, подошел к мертвому Квистору и опустился возле него на колени, надеясь, что, может быть, все-таки удастся еще вырвать этого славного гнома из объятий смерти. Но, осмотрев его страшную рану, Эрагон понял, что спасения нет, и печально склонил голову. Душа его болела от воспоминаний о недавнем кровопролитии; перед глазами мелькали те, кого ему уже пришлось убить во время последних сражений. Потом он выпрямился и спросил у гномов:

— Но почему же взорвалась эта лампа?

— Эти светильники наполнены жаром и светом, Аргетлам, — ответил один из охранников. — Если такую лампу разбить, все это разом вылетает наружу. В общем, от них лучше держаться подальше.

Мотнув головой в сторону скорчившихся на полу тел, Эрагон снова спросил:

— А из какого они клана, вы поняли?

Гном с раздвоенной бородой порылся в черной одежде одного из мертвых и воскликнул:

— Барзул! У них, похоже, нет никаких особых отметок и родовых знаков, так что опознать их невозможно, Аргетлам. Зато у них имеется вот это! — И он показал браслет, сплетенный из конского волоса и украшенный полированными кабошонами аметиста.

— И что это такое?

— Этот особый сорт аметистов, — пояснил охранник, постукивая по округлому камешку почерневшим от копоти ногтем, — добывается только в четырех местах Беорских гор, и три из этих месторождений принадлежат клану Аз Свельдн рак Ангуин.

Эрагон нахмурился:

— Стало быть, нападение организовал гримстборитх Вермунд?

— Наверняка утверждать я не могу, Аргетлам. Браслет мог подкинуть и кто-то другой, чтобы ввести нас в заблуждение. Чтобы все решили, что именно Аз Свельдн рак Ангуин во всем виноват, и не догадались, кто в действительности за этим стоит. Однако... если бы мне пришлось держать пари, я бы поставил целую тачку золота, что виноваты во всем именно эти, из клана Аз Свельдн рак Ангуин.

— Чтоб им сдохнуть! — пробормотал Эрагон. — Кто бы они ни были! — Он сжал кулаки, чтобы унять дрожь в руках. Носком сапога потрогал один из узких кинжалов, которыми были вооружены незадачливые убийцы. — Чары, наложенные на эти клинки и на этих... гномов, — он указал на трупы, — требуют, как мне кажется, немыслимого количества магической энергии. А кроме того, я даже представить себе не могу, насколько они сложны. И наложение подобных чар сопряжено с огромной опасностью... — Эрагон оглядел своих спутников и прибавил: — Будьте мне свидетелями: я клянусь, что не оставлю это нападение без последствий, и за смерть Квистора тоже непременно отомщу! Какой бы клан или кланы ни наслали на нас этих вонючих убийц с вымазанными черной краской рожами, я все равно узнаю, кто это сделал, и тогда они пожалеют, что им вообще пришло в голову напасть на меня и нанести удар не только мне, но и всему Дургримст Ингеитуму. Клянусь вам в этом своей честью Всадника и члена Дургримст

Ингеитума! А ежели кто вас об этом спросит, повторите ему мои слова и мое обещание.

Гномы поклонились в ответ, а тот, с раздвоенной бородой, сказал:

— Как ты прикажешь, Аргетлам, так мы и сделаем. Твоя клятва делает честь памяти великого Хротгара.

И второй гном прибавил:

— Какой бы клан ни послал своих кнурлан на это дело, он нарушил священный закон гостеприимства. У нас запрещено нападать на гостя. И теперь эти кнурлан уподобились жалким крысам. Теперь они стали *мейкунрлан*! — И гном презрительно плюнул на пол; остальные последовали его примеру.

Эрагон подошел туда, где валялись обломки его скрамасакса, опустился на колени и кончиком пальца коснулся усыпанного сажей зазубренного металла. «Видимо, я с такой силой ударил по щиту, — думал он, — что превозмог силу заклятий, которыми упрочил сталь своего скрамасакса. А жаль».

И он снова повторил про себя: «Мне нужен меч! Мне нужен настоящий меч Всадника!»

ЭТО ДЕЛО БУДУЩЕГО

Горячий утренний ветер, дувший с равнин, сменил направление и дул теперь с гор, оставаясь все таким же горячим.

Сапфира чуть изменила угол наклона крыльев, компенсируя перемену скорости и давления, благодаря которым скользила сейчас в тысячах футов над опаленной солнцем землей, и на секунду прикрыла глаза двойными веками. Она прямо-таки наслаждалась этим полетом в светлом воздушном просторе, под мягкими утренними лучами солнца. Представляя себе, как сверкает в этих лучах ее чешуя, как наслаждаются этим зрелищем те, кто видит ее, парящую в вышине, она даже тихонько запела от удовольствия, уверенная в том, что она — *самое прекрасное существо во всей* Алагейзии. Ну что может сравниться с ее дивной блестящей чешуей? У кого еще есть такой длинный, сужающийся к концу хвост и крылья столь прекрасной и совершенной формы? Такие чудные, блестящие, изогнутые когти и впечатляющие своими размерами белые клыки, которыми она запросто с одного раза перекусывает шею дикого быка? Разве Глаэдр — Золотая Чешуя, потерявший ногу во время того предательского сражения и гибели Всадников, выглядит лучше, чем она? Нет, конечно. А Торна или Шрюкна и вовсе нечего с нею сравнивать; оба этих дракона — рабы Гальбаторикса, и это состояние совершенно извратило их разум и душу, так что теперь у них и мозги набекрень. Дракон, который вынужден поступать исключительно по приказанию своего хозяина, это и не дракон вовсе. И потом, все эти драконы — самцы, а самец, даже если он и выглядит в высшей степени величественно, просто неспособен быть образцом красоты и изящества, как, например, она, Сапфира. Нет,

она, несомненно, самое поразительное существо во всей Алагейзии, и это совершенно естественно.

От удовольствия Сапфира даже задрожала вся от основания черепа до кончика хвоста. Денек нынче выдался просто великолепный. Под жаркими солнечными лучами она чувствовала себя словно в гнезде из раскаленных угольев. Она была сыта, вокруг — чистое небо, и у нее не предвиделось никаких срочных дел. Ну разве что требовалось наблюдать за окрестностями, чтобы вражеская армия не вздумала снова пойти в атаку, но этим Сапфира и так занималась всегда в силу привычки.

Ее счастливое состояние омрачало только одно обстоятельство, но это было настолько значительное обстоятельство, что чем больше она о нем думала, тем сильнее мрачнела, и вскоре от ее былого блаженного состояния не осталось и следа. Сейчас Сапфире хотелось одного: чтобы Эрагон оказался здесь и смог разделить с нею все радости этого чудесного дня. Драконихa что-то горестно проворчала, и из пасти у нее вырвался небольшой язык пламени, точно пронзивший окружающий ее голубой простор, но она тут же перекрыла поток пламени, как бы заперев его внутри себя. Язык от этого немного жгло, но это было неважно. Важно было только то, когда же наконец Эрагон, ее друг, ее брат, отрада ее сердца, сумеет мысленно дотянуться до лагеря варденов и выйдет на связь с Насуадой? Когда он потребует, чтобы она, Сапфира, немедленно летела к нему в Тронжхайм? Она сама настояла на том, чтобы он послушался приказа Насуады и отправился в эти проклятые горы, до вершин которых никогда не взлететь даже ей, Сапфире, и теперь от него уже столько времени ни слуху ни духу, а в сердце у нее пустота и ледяной холод.

«Что-то не так в этом мире, какая-то тень бродит по нему, — думала Сапфира. — И это очень меня тревожит. И с Эрагоном явно что-то не так. Я чувствую: он в опасности! Или ему недавно грозила опасность, а я ничем, ничем не могу ему помочь!»

В конце концов, она же не дикий дракон! С тех пор как она вылупилась из яйца, вся ее жизнь была тесно переплетена с жизнью Эрагона; без него чувствовала себя

неполноценной; ей казалось, что от нее осталась лишь половина. Если Эрагон погиб, потому что ее не было рядом с ним, потому что она не смогла защитить его, то и ей уже незачем жить, разве что для того, чтобы отомстить за него. Сапфира твердо знала: если это действительно произошло, она порвет его убийц на мелкие кусочки, а потом полетит в черный город этого предателя Гальбаторикса, похитителя драконьих яиц, столько десятилетий державшего ее в плену, и непременно постарается его уничтожить, даже если это будет означать неминуемую смерть для нее самой.

Сапфира снова что-то гневно прорычала и щелкнула челюстями, пытаясь прихватить какого-то воробьишку, который легкомысленно пролетел совсем рядом с ее пастью. Однако она промахнулась, и воробей, целый и невредимый, стремительно бросился удирать от нее. Эта неудача лишь усугубила ее дурное настроение. Она секунду раздумывала, не пуститься ли в погоню за этой жалкой пташкой, но потом решила, что не стоит возиться. Подумаешь, какой-то комочек костей и перьев! Даже в качестве закуски не годится.

Развернувшись боком к ветру и загнув хвост в противоположную сторону, чтобы ускорить разворот, Сапфира описала полукруг, осматривая находившуюся далеко внизу землю и видя, как крохотные фигурки людей и животных разбегаются во все стороны, спеша укрыться от зорких глаз воздушной охотницы. Даже с высоты в несколько тысяч футов она могла бы пересчитать все перья на спине ястребаперепелятника, кружившего низко над полями, засеянными пшеницей, что лежат к западу от реки Джиет. А вот промелькнула чья-то пушистая коричневая шкурка — это кролик спешит укрыться в норе. А вот и небольшое стадо оленей устроилось под пышными смородиновыми кустами, что так здорово разрослись на берегу небольшого притока реки Джиет. Сапфира не только видела все, что творилось под нею, но и отлично слышала встревоженное попискивание и испуганные вопли различных животных, предупреждавших об опасности своих собратьев. Жалкие существа! Она усмехнулась про себя: ее пища опасается ее, и это совершенно нормально. Но если когда-нибудь наступит такое время,

когда опасаться кого-то из них придется уже ей, тогда она сразу поймет, что настала пора умирать.

В лиге вверх по течению Джиет собралась толпа варденов; они стояли на берегу реки, словно стадо красных оленей, внезапно остановившихся на краю обрыва. Варденны прибыли к переправе вчера, и с того времени примерно треть людей и ургалов вместе с лошадьми, которых ей, Сапфире, почему-то нельзя есть, переправились через реку вброд. Армия варденов продвигалась вперед очень медленно, и Сапфира иногда даже удивлялась, как это люди вообще успевают что-то сделать, если они все время только путешествуют, причем передвигаясь с места на место с черепашьей скоростью. И ведь они так недолго живут! «Им было бы куда удобней, умей они летать», — подумала она и удивилась, как это люди до сих пор не додумались до такой простой вещи. Летать так легко и просто! Странно, что так много других существ всю свою жизнь проводят на земле. Даже Эрагон всегда предпочитал землю, то слишком мягкую, то слишком твердую на вкус самой Сапфиры, хотя он-то, конечно, в любой момент мог к ней присоединиться и взмыть в небеса, стоит ему лишь произнести несколько слов на древнем языке. И все же она не всегда понимала действия этих земных существ, топчущих землю двумя ногами, какие бы у них ни были уши — круглые, как у людей, или заостренные, как у эльфов, или вообще рога. А уж этих коротышек гномов она и вовсе могла бы раздавить одной лапой...

Внимание Сапфиры вдруг привлекло какое-то движение на северо-востоке, и она резко повернулась в ту сторону, пытаясь понять, что там происходит, и увидела вереницу лошадей — она насчитала сорок пять измученных животных, — которые шагом тащились к лагерю варденов. Лошади по большей части были без седоков, и поэтому до нее не сразу дошло — пока через полчаса она не разглядела наконец лица людей в седлах, — что это, скорее всего, отряд Рорана, возвращающийся из рейда по тылам неприятеля. Сапфира удивилась, недоумевая, отчего в отряде осталось так мало людей, и даже немного забеспокоилась. Она

никак не была связана с Роpаном, однако Эрагон любил его, и это было для нее достаточно веской причиной, чтобы беспокоиться и о его благополучии.

Направив мысли в сторону лагеря, где, как всегда, беспорядочно сновали эти людишки, Сапфира начала поиск и вскоре услышала знакомую музыку души Арьи. Эльфийка сразу узнала ее и открыла ей свои мысли. Сапфира сообщила:

«Роран будет здесь ближе к вечеру. Но, судя по всему, их отряд здорово потрепали. Интересно, с кем это им пришлось сразиться?»

«Спасибо, Сапфира, — услышала она ответ Арьи. — Я все незамедлительно сообщу Насуаде».

Едва Сапфира успела прервать мысленную связь с Арьей, как тут же почувствовала, что кто-то упорно пытается связаться с нею самой, — это оказался тот эльф, покрытый черно-синей шерстью и больше похожий на волка, Блёдхгарм.

«Я уже довольно давно вылупилась из яйца! — язвительным тоном сообщила она ему. — Нечего ежеминутно справляться о моем здоровье!»

«Приношу глубочайшие *извинения, Бьяртскулар, но ты* слишком долго отсутствуешь, и если за тобой кто-то следит, ему может прийти в голову мысль, что вы с...»

«Да, понимаю, — ответила она и, сложив крылья, так стремительно понеслась к земле, что почти достигла ощущения невесомости, и лишь над самым берегом реки вновь раскрыла крылья и, совершая широкие круги, медленно пошла на посадку. — Я скоро буду в лагере», — сообщила она Блёдхгарму.

Когда примерно в тысяче футов над водой она вновь расправила крылья, то ощутила заметное напряжение в широких перепонках, резко наполнившихся ветром, и замедлила полет. Потом опять сложила крылья и приблизилась почти к самой поверхности воды, бурой и почти непригодной для питья. Изредка взмахивая крыльями, чтобы сохранить высоту, она полетела вверх по течению реки, будучи готовой к любым переменам давления и порывам ветра, которые

нередко случаются в холодном потоке воздуха над рекой и могут неожиданно отбросить ее куда-нибудь в сторону, скажем, на дерево с острыми ветвями и вершиной или, что еще хуже, на твердую, пересохшую землю, способную переломать ей при падении все кости.

Сапфира специально чуть набрала высоту, пролетая над скопившимися у реки варденами, чтобы не испугать ни людей, ни их глупых лошадей. Затем, спланировав на раскинутых крыльях, она опустилась на поляну между палатками — эту поляну Насуада приказала оставить специально для нее — и, топая мощными лапами, потащилась через весь лагерь к пустой палатке Эрагона, где ее уже ждали эльф Блёдхгарм и его одиннадцать соплеменников. Она приветствовала их, устало прикрыв глаза и высунув из пасти язык, затем свернулась клубком возле палатки и погрузилась в дремоту в ожидании сумерек, как поступила бы, если бы Эрагон и впрямь был на месте и им предстояло вместе вылететь ночью на очередное задание. Было довольно глупо и очень утомляло ее — вот так лежать здесь каждый день, притворяясь, что все в порядке, но это было необходимо: все должны были считать, что Эрагон по-прежнему в лагере. Поэтому Сапфира не жаловалась, хотя после двенадцати часов лежания на твердой земле, пачкавшей ее замечательную чешую, ей страшно хотелось, например, сразиться с тысячей солдат, или скосить и уничтожить целый лес, работая зубами, когтями и огнем, или взлететь и носиться в поднебесье, пока не кончатся все силы или пока она не увидит край света, за которым нет уже ничего.

Ворча про себя, драконица размяла землю когтями, чтобы это неудобное ложе стало хоть чуточку помягче, потом опустила голову на передние лапы и закрыла внутренние веки, так что могла отдыхать и в то же время видеть любого, кто проходил мимо. Над головой прожужжала стрекоза, и она уже не в первый раз задумалась о том, что именно могло побудить какого-то безмозглого коротышку дать этому насекомому такое название[1], ведь у него нет ровным счетом ничего общего с благородной расой драконов!

[1] Имеется в виду английское слово dragonfly — стрекоза.

...Большое круглое солнце спустилось уже к самому горизонту, когда Сапфира услышала крики и приветственные возгласы, которые означали, что Роран и его воины добрались наконец до лагеря. Она встала, а Блёдхгарм, как и прежде, произнес нараспев то заклинание, которое создавало иллюзорное присутствие Эрагона. Этот созданный магией двойник вышел из палатки, взобрался на спину Сапфиры, уселся поудобнее и огляделся вокруг — в точности как сделал бы это и сам Эрагон. Внешне он выглядел безупречно, но был абсолютно лишен мыслей и человеческого сознания, и если бы кто-то из агентов Гальбаторикса попробовал проникнуть в его душу, то сразу же обнаружил бы обман. Поэтому успех этой подставы базировался на том, чтобы Сапфира как можно скорее уносила двойника подальше от лагеря; положительную роль играла также и соответствующая репутация Эрагона, которая отбивала охоту у любого тайного наблюдателя предпринимать какие бы то ни было попытки проникнуть в его сознание; все понимали, что возмездие в таком случае может быть непредсказуемым и страшным.

Сапфира прыжками двинулась через лагерь, и двенадцать эльфов строем последовали за ней. Встречные отскакивали в стороны, освобождая им дорогу, и кричали:

«Приветствуем тебя, Губитель Шейдов! И тебя, о великолепная Сапфира!»

И от этих слов драконихину неизменно охватывало теплое чувство.

Когда она добралась до шатра Насуады, напоминавшего ей пурпурную бабочку со сложенными крыльями, то, присев, сунула голову в темный вход в задней стене, которую специально для нее приподнимали и соответствующим образом закрепляли. Охранники Насуады отдернули полог, давая «Эрагону» войти, и Блёдхгарм снова пробормотал какое-то заклинание. «Эрагон» слез со спины Сапфиры, вошел в шатер и тут же, едва успев скрыться от взоров любопытствующих, растворился в воздухе.

— Как ты полагаешь, Блёдхгарм, наша уловка еще не раскрыта? — спросила у эльфа Насуада, сидя в своем резном кресле-троне с высокой спинкой.

Блёдхгарм изящно поклонился:

— Я могу лишь повторить, госпожа Насуада: наверняка ничего утверждать нельзя. Нам придется просто ждать. Но, разумеется, если Империя предпримет какие-то шаги, пользуясь отсутствием Эрагона, то мы это сразу поймем.

— Спасибо, Блёдхгарм. Это все.

Снова учтиво поклонившись ей, эльф вышел из шатра и занял позицию в нескольких ярдах позади Сапфиры и чуть сбоку, охраняя ее.

Драконица улеглась на брюхо и принялась вылизывать чешую вокруг третьего когтя на левой передней лапе — там остались малопривлекательные следы сухой белой глины, и она припомнила, что стояла в куче такой глины, когда поедала свою последнюю добычу.

И тут в шатер вошли Мартланд Рыжебородый, Роран и еще какой-то человек с обычными круглыми ушами, которого Сапфира не знала. Они поклонились Насуаде, а Сапфира перестала вылизывать коготь и высунула язык, нюхая воздух и пробуя его на вкус; она тут же уловила запах засохшей крови, кисловато-горький, немного мускусный привкус человеческого и лошадиного пота, запах кожаных доспехов и слабый, но вполне различимый острый запах страха. Она еще раз внимательно осмотрела всех троих воинов и отметила, что хорошо знакомый ей человек с длинной рыжей бородой потерял кисть правой руки. Затем она вернулась к вылизыванию лапы, восстанавливая блеск чешуи и когтей, а этот Мартланд и тот незнакомец с круглыми ушами, которого, как оказалось, звали Улхарт, а также Роран стали рассказывать какую-то неприятную историю, связанную с яростным сражением, кровью и огонем, и про смеющихся воинов, которые никак не желали умирать и продолжали сражаться даже после того, как Ангвард выкликнул их всех по именам. По своему обыкновению, Сапфира помалкивала, пока остальные — особенно Насуада и ее советник, высокий человек с худым лицом по имени Джормундур, — расспрашивали воинов о подробностях неудачного похода. Сапфира помнила, как иной раз поражало Эрагона то, что она никогда не участвует в подобных обсуждениях. А ведь причина ее молчания была совсем проста: если не считать Арьи и Глаэдра, то ей приятно было общаться только с Эрагоном,

и все остальные разговоры, беседы и обсуждения, по ее глубочайшему убеждению, имели весьма мало смысла и являлись по большей части очередным проявлением свойственной двуногим бессмысленной суеты. Эта суета была свойственна им всем — и круглоухим людям, и остроухим эльфам, и толстым коротышкам гномам. Вот Бром никогда не суетился! И именно это в нем больше всего нравилось Сапфире. Для нее самой выбор был всегда прост: либо имеет смысл решиться на действие, которое может изменить данное положение, и в таком случае она сразу начинала действовать, либо это смысла не имеет, а потому все сказанное по этому поводу по большей части полный вздор. Так или иначе, а насчет будущего Сапфира почти никогда не тревожилась, за исключением, правда, тех случаев, когда это касалось Эрагона. О нем она беспокоилась всегда.

Когда с вопросами и ответами было покончено, Насуада выразила Мартланду соболезнования по поводу потери руки и отпустила его вместе с Улхартом. Рорана она попросила остаться.

— Ты вновь продемонстрировал нам свою доблесть и отвагу, Молотобоец, — сказала она ему. — Я весьма довольна твоими успехами.

— Спасибо, госпожа моя.

— Мартландом займутся наши лучшие лекари, но ему, конечно же, потребуется значительное время, чтобы оправиться от такой раны. И даже когда он поправится, то уже не сможет возглавлять подобные рейды. С одной рукой это будет трудновато. А потому отныне он будет служить нашему делу в тылу, а не на передовой. Я думаю, что его стоит к тому же повысить в ранге; пожалуй, я назначу его одним из своих военных советников. Джормундур, что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что это отличная мысль.

Насуада кивнула, явно довольная.

— Но это означает, что мне нужно подобрать нового капитана для вашего отряда, под командой которого ты, Роран, и будешь продолжать свою службу.

— Но госпожа, — возразил Роран, — как же насчет твоего обещания назначить командиром меня? Разве я не доказал

участием в этих двух рейдах, что вполне способен командовать людьми? Не говоря уж о прошлых моих заслугах перед варденами. И ведь ты, кажется, была вполне мною довольна, не так ли?

— Если ты и впредь будешь выказывать такую же доблесть, Молотобоец, то очень скоро тоже станешь капитаном. Однако тебе следует проявить терпение. Подожди еще немного. Всего два похода, пусть даже с неплохими результатами, не могут в полной мере выявить характер человека. Я всегда осторожничаю, когда речь заходит о том, чтобы позволить новичку командовать людьми. Так что придется тебе пойти мне навстречу и немного подождать.

Роран с такой силой сжал рукоять молота, заткнутого за пояс, что на руке его стали видны все напрягшиеся вены и мышцы, но тон его оставался спокойным и вежливым, когда он поклонился и промолвил:

— Хорошо, госпожа Насуада.

— Вот и отлично. Тебе сообщат о новом задании сегодня же к вечеру. Да не забудь как следует пообедать после того, как вы с Катриной увидитесь вновь. Можешь считать это приказом, Молотобоец. А то у тебя такой вид, словно ты вот-вот свалишься.

— Хорошо, госпожа.

Роран уже собрался уходить, когда Насуада вдруг подняла руку и остановила его.

— Роран! — позвала она. Он обернулся. — Теперь, когда ты уже имеешь опыт сражения с теми, кто не чувствует боли, скажи: если и у нас будет подобная защита от страданий плоти, сможем ли мы победить их?

Роран подумал и покачал головой:

— Пожалуй, нет. С одной стороны, отсутствие боли им, конечно, помогает, но в нем же заключается и их слабость. Они не пытаются прикрыть себя щитом, защищаясь от удара меча или от стрелы, они вообще ведут себя совершенно беспечно; точнее, они равнодушно относятся не только к грозящей им опасности, но и к собственной жизни. Это правда, они могут еще долго сражаться после таких ранений, которые давно бы уже убили обычного человека, и это немалое преимущество в бою, но ведь они и сами гибнут

довольно часто просто потому, что даже не думают защитить свое тело от ударов. Они настолько уверены в собственной неуязвимости, что бросаются навстречу любой опасности, сами лезут в любую ловушку, которой разумный человек всеми средствами постарался бы избежать. И пока у варденов достаточно высок боевой дух, я уверен: правильная тактика всегда поможет нам одолеть этих хохочущих монстров. А если мы станем такими же, как они, то запросто сможем уничтожить и друг друга и не будем испытывать при этом ни малейших сожалений — ни те, кто будет погибать, ни те, кто будет убивать, — поскольку нам тоже все будет совершенно безразлично, и мы ни на секунду не задумаемся даже о сохранении собственной жизни. Вот примерно каково мое мнение на сей счет.

Насуада поблагодарила его и разрешила уйти. Когда он вышел из шатра, Сапфира спросила у нее:

«От Эрагона по-прежнему ничего?»

Насуада покачала головой:

— Нет, пока ничего, и его молчание начинает меня беспокоить. Если он не свяжется с нами до послезавтра, я попрошу Арью послать сообщение одному из магов Орика и потребовать от него немедленно прислать рапорт о том, что там происходит. Если Эрагон не в состоянии ускорить избрание нового короля гномов, то, *боюсь, и нам нечего* рассчитывать на этот народ как на своих союзников в грядущих сражениях. И при таком малоприятном исходе дела единственное, что сможет меня утешить, — это незамедлительное возвращение Эрагона в наши ряды.

Когда Сапфира собралась покидать красный *шатер Насуады*; Блёдхгарм снова, применив магию, создал двойника Эрагона, который и уселся на спину драконихи. Лишь после этого Сапфира вытащила голову и плечи из-под приподнятой задней стены шатра и прыжками двинулась в обратный путь через лагерь; эльфы, как и всегда, строем следовали за ней.

Как только она добралась до палатки Эрагона, его двойник, спрыгнув у нее со спины, нырнул туда, а сама драконихa улеглась на земле, приготовившись провести остаток дня в монотонном ожидании. Но прежде чем погрузиться в

привычную и совершенно излишнюю дремоту, она установила мысленную связь с Рораном, который тут же снял защитные барьеры и спросил:

«Сапфира, это ты?»

«А разве с тобой кто-то еще ведет мысленные беседы?»

«Конечно, нет! Просто это немного неожиданно... Видишь ли, я сейчас немного занят...»

Прислушавшись к бурлившим в душе у Рорана чувствам, а также к чувствам Катрины, Сапфира, приятно удивленная всем этим, миролюбиво заметила:

«Я просто хотела поздравить тебя с возвращением. Хорошо, что ты не ранен».

Мысли Рорана, сумбурные, нечеткие, то горячие, то холодные, долетали до нее как бы с перерывами, и ей показалось, что он даже с трудом сумел поблагодарить ее:

«Это очень любезно с твоей стороны, Сапфира».

«Ладно, — смилостивилась она. — Если сможешь, приходи ко мне завтра, тогда и поговорим как следует. У меня уже терпения не хватает сидеть здесь без дела день за днем. Может быть, ты сумеешь немного развлечь меня, рассказать, например, каким был Эрагон до того, как я вылупилась из яйца».

«Хорошо. Я с удовольствием приду».

Удовлетворенная исполненным долгом вежливости — как его, разумеется, воспринимают эти смешные двуногие с круглыми ушами — и весьма довольная тем, что завтрашний день, возможно, не будет таким же скучным, как нынешний, — хотя вряд ли кто-то посмел бы отказался от приглашения дракона составить ему компанию! — Сапфира устроилась поудобнее, мечтая о том, что хорошо было бы сейчас оказаться в мягком гнезде того дома в Эллесмере, где жили они с Эрагоном. Этот чудесный дом был устроен на дереве, которое раскачивалось под ветром, точно колыбель; воспоминания об этом были столь приятны, что Сапфира, глубоко вздохнув — при этом из ее ноздрей вырвался густой клуб дыма, — погрузилась в сладостную дремоту, и снилось ей, что она летает в небесах на такой высоте, какой никогда еще не достигала...

Она плавно махала крыльями, поднимаясь все выше и выше, пока не поднялась над недосягаемыми вершинами Беорских гор. Там она некоторое время покружилась, любуясь раскинувшейся внизу Алагейзией, и ее охватило непреодолимое желание взлететь еще выше, посмотреть, на что она способна. И она, вновь взмахнув крыльями, в мгновение ока взвилась выше сиявшей в небесах луны и оказалась в темноте, где вокруг нее были лишь серебристые звезды. Долго, бесконечно долго скользила она в этом темном бескрайнем пространстве, чувствуя себя истинной королевой раскинувшегося внизу сверкающего мира, похожего сейчас на драгоценный самоцвет, но потом в душу ее закралось какое-то смутное беспокойство, заставившее ее мысленно крикнуть на всю Вселенную:

«Эрагон, где же ты?!»

ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ ПОКРЕПЧЕ

Проснувшись, Роран высвободился из объятий Катрины и сел на краю постели. Он зевнул, протер глаза и посмотрел на бледную полоску света, отбрасываемого костром, горевшим недалеко от входа в их палатку. Голова у него гудела от усталости; казалось, в ней не осталось ни одной стоящей мысли. Рорану стало холодно, однако он продолжал совершенно неподвижно сидеть в прежней позе.

— Роран? — сонным голосом окликнула его Катрина и, приподнявшись на локте, коснулась его рукой, погладила по плечу, скользнула ладонью по спине, но он ни на что не реагировал. — Ляг, поспи. Тебе надо отдохнуть. Ведь скоро снова в поход.

Он, не оборачиваясь, покачал головой.

— Что случилось? — встревожилась Катрина. Она тоже села рядом с ним на постели, накинув на плечи одеяло, и прижалась своей горячей щекой к его плечу. — Тебя беспокоит, кто будет твоим новым командиром? Или куда Насуада пошлет вас на этот раз?

— Нет.

Она с минуту молчала, потом заметила:

— Каждый раз, когда ты от меня уезжаешь, у меня такое ощущение, словно обратно ко мне ты возвращается не весь, а только частично. И вообще, ты стал каким-то мрачным, задумчивым, молчаливым... Если хочешь, можешь рассказать мне все о том, что тебя беспокоит, ты ведь сам знаешь, мне все можно рассказать, я не испугаюсь. Я ведь дочь мясника, и потом я не раз видела, как мужчины гибнут в бою.

— Хочу ли я рассказать тебе об этом! — горестно воскликнул Роран. — Да я об этом даже думать не хочу! — Он

задохнулся, сжимая кулаки. — Настоящий воин не должен испытывать подобных чувств.

— Настоящий воин, — сказала Катрина, — идет в бой не потому, что хочет, а потому что должен. А тот, кто жаждет войны, кто наслаждается смертью своих противников, это не воин, а чудовище какое-то! И не имеет значения, какую славу он успел стяжать на поле брани. Никакая слава не искупит подобной злобности, того, что этот человек похож скорее на бешеного волка, готового с одинаковой легкостью порвать и врагов и друзей. — Она ласково отвела ему волосы со лба, потом нежно погладила его по затылку, по шее. — Ты как-то сказал, что «Песнь о Геранде» нравилась тебе больше всех прочих сказаний, которые исполнял Бром, что именно поэтому ты предпочитаешь идти в бой, вооружившись молотом, а не мечом. А помнишь, ведь Геранд тоже ненавидел убивать? Помнишь, как сильно ему не хотелось снова браться за оружие?

— Да, помню.

— А все-таки он считался величайшим воином своего времени! — Катрина, нежно взяв Рорана за подбородок, повернула его лицом к себе, так что ему пришлось посмотреть ей прямо в глаза. — А ты, Роран, величайший воин из всех, кого я знаю! И среди варденов, и где угодно еще!

Во рту у него сразу пересохло, и он растерянно спросил:

— А как же Эрагон или...

— Они не обладают и половиной твоей доблести, милый. Эрагон, Муртаг, Гальбаторикс, эльфы... все они идут в бой, бормоча свои заклятья. Их мощь, конечно, превосходит нашу. Но ты-то ведь просто человек, — и она поцеловала его в нос, — и ты встречаешь врага лицом к лицу, обладая всего лишь двумя руками и двумя ногами. Ты не владеешь магией, но именно ты одолел Двойников. Ты, конечно, ловок и силен, но лишь в пределах человеческих возможностей, и все-таки ты, не колеблясь, напал на раззаков, проникнув в их логово, и освободил меня из темницы...

Роран, с трудом проглотив комок в горле, возразил:

— Но Эрагон защитил меня волшебными чарами.

— Ну и что? Теперь-то они уже не действуют! И кстати, в Карвахолле тебя никакие чары не защищали, но ты и тогда раззаков не испугался!

Роран промолчал, и она продолжала:

— Ты всего лишь человек, не более того, но ты совершил такие подвиги, на которые ни Эрагон, ни Муртаг, по-моему, неспособны. И для меня ты — самый великий воин в Алагейзии! Никто в Карвахолле не решился бы на то, на что решился ты, чтобы вытащить меня из Хелгринда.

— Твой отец решился бы, — заметил Роран.

И почувствовал, как она вздрогнула и прошептала:

— Да, он, наверное, смог бы... Но ему никогда не удалось бы убедить остальных оставить свои дома и последовать за ним, как это сделал ты. — Она еще крепче прижалась к мужу. — Знай: что бы с тобой ни случилось, где бы ты ни оказался, я всегда буду с тобой, всегда буду принадлежать только тебе.

— А больше мне ничего и не нужно, — сказал Роран, заключая ее в объятия. Потом прибавил со вздохом: — И все-таки мне бы очень хотелось, чтобы эта проклятая война наконец кончилась. Я хочу снова пахать, сеять, собирать урожай! Труд земледельца — тяжелый труд, зато честный. А убивать людей... Что ж, в этом я не вижу ни чести, ни особой доблести. Это вроде воровства... когда чужие жизни крадешь. Нет, человек в здравом уме никогда не должен к этому стремиться.

— И я то же самое говорю.

— Вот именно. — И Роран с большим трудом заставил себя улыбнуться. — Ох, зря я наваливаю на тебя свои проблемы и беды! Все забываю, что у тебя и своих забот предостаточно. — И он погладил ее округлившийся живот.

— Твои беды и проблемы — это и мои беды и проблемы, ведь мы муж и жена, — тихонько сказала Катрина и ткнулась носом ему в руку.

— И все-таки кое-чем ни с кем не стоит делиться, — возразил Роран, — особенно с теми, кого любишь.

Она чуть отстранилась от него, и он увидел, как погасли ее глаза, они как-то сразу стали тусклыми и беспомощными — так бывало всегда, когда она вспоминала о застенках Хелгринда.

— Да, — прошептала она, — ты прав. Некоторыми своими бедами ни с кем делиться не нужно.

— Ладно, не принимай этот разговор слишком близко к сердцу. — Роран снова притянул к себе свою молодую жену и стал нежно ее баюкать в объятиях. Сейчас он искренне сожалел о том, что Эрагону «посчастливилось» найти в горах Спайна яйцо Сапфиры. Через некоторое время, когда Катрина обмякла в его объятиях и, похоже, даже задремала, да и его тоже покинуло былое напряжение, он наклонился и поцеловал ее в изгиб шеи. — Поцелуй меня покрепче, и давай ляжем. Мне бы надо выспаться. Все-таки я здорово устал за эти дни.

Катрина рассмеялась и крепко поцеловала его, и они снова улеглись в постель. Снаружи, за стенами палатки, стояла тишина, было слышно лишь, как непрерывно журчит вода в реке Джиет, проникая даже в сны Рорана, и ему начинало казаться, что он стоит на носу корабля рядом с Катриной, смотрит в разинутую пасть огромного водоворота Кабанье Око и думает: «Разве можно это преодолеть?»

ГЛУМРА

В нескольких сотнях футов под Тронжхаймом в сплошном каменном массиве была огромная пещера длиной в тысячи футов, с неподвижным бездонным озером у одной стены и мраморным берегом у другой. Коричневые и желтые сталактиты спускались с потолка пещеры, а с пола ее поднимались столь же высокие сталагмиты, и в некоторых местах эти известковые столбы соединялись, образуя настоящие колонны, которые в обхвате были толще самых старых деревьев в лесу Дю Вельденварден. Между этими известковыми колоннами виднелись островки компоста, усеянного грибами, и низенькие каменные хижины. Всего хижин было двадцать три. И возле каждой двери горел беспламенный светильник. Зато вне этого небольшого светового круга повсюду *здесь царил полный мрак*.

Эрагон сидел в одной из этих хижин, устроившись в слишком низеньком для него креслице возле столь же низенького стола. В хижине хорошо пахло — мягким козьим сыром, жареными грибами, дрожжами, тушеным мясом, яичницей из голубиных яиц и угольной пылью. Напротив Эрагона сидела Глумра из рода Морд, мать Квистора, убитого гномаохранника. Время от времени Глумра начинала выть и рыдать в голос, прядями вырывая себе волосы и колотя себя в грудь кулаком. По щекам ее безостановочно катились слезы.

В хижине их было только двое. Четверо охранников Эрагона — их команду пополнил Тхранд, воин из свиты Орика, — ждали снаружи вместе с Хундфастом, переводчиком, которого Эрагон тоже попросил выйти, как только выяснил, что Глумра владеет языком людей.

После покушения Эрагон мысленно связался с Ориком, и тот настоятельно порекомендовал ему побыстрее

добраться до центральных помещений клана Ингеитум, где он наверняка будет в безопасности. Эрагон послушался и сделал, как он сказал, а Орик тем временем добился перерыва в заседании Совета Вождей до следующего утра на том основании, что в клане Ингеитум возникла чрезвычайная ситуация, требующая его немедленного вмешательства. Затем он лично отправился на то место, где произошло покушение на Эрагона, вместе с самыми опытными своими воинами и заклинателями; они тщательно все там изучили и обследовали место засады с помощью как магических, так и обычных средств. Окончательно уверившись, что они выяснили все, что можно выяснить, Орик спешно вернулся в свои покои и заявил Эрагону:

— Нам нужно успеть очень многое сделать, но времени для этого, к сожалению, очень мало. Прежде чем завтра возобновится заседание вождей, мы должны попытаться точно определить, кто организовал это нападение. Если нам это удастся, тогда на руках у нас будут крупные козыри против наших противников, и мы непременно ими воспользуемся. Если же нет, тогда нам снова придется тыркаться в темноте, не имея понятия о том, кто наши враги. Можно, конечно, никому не сообщать о нападении и держать все это в секрете до самого заседания. Но не дольше. Многие кнурлан, уверен, слышали отзвуки этой схватки, ведь в туннелях гулкое эхо, так что они уже рыскают там, пытаясь выяснить, что же произошло. Они наверняка опасаются, что где-то случился обвал или еще что-то, способное нанести ущерб всему городу. — Орик топнул ногой и разразился проклятьями в адрес родителей этих убийц в черном, а потом, подбоченившись, заявил: — Война между кланами давно уже висела в воздухе, но теперь она уже и вовсе на пороге, уже в дверь стучится. Так что надо действовать очень быстро, если мы хотим ее предотвратить. Война — это поистине ужасно! Нет, нам надо непременно найти зачинщиков и допросить их! И если потребуется, пустить в ход любые угрозы, подкуп и даже кражу документов! Причем желательно еще до наступления утра.

— А мне что делать? — спросил Эрагон.

— А тебе надо оставаться здесь, пока мы не узнаем точно, не замышляет ли Аз Свельдн рак Ангуин или какой-нибудь

другой враждебный нам клан новое нападение. Что, если уже собрана очередная группа убийц, готовых тебя прикончить? И вот еще что важно: пока никто толком не знает, жив ты, убит или ранен, наши враги будут пребывать в неуверенности, не зная, насколько прочен камень у них под ногами.

Сперва Эрагон согласился с предложением Орика, но, понаблюдав за тем, как тот суетится, отдавая всевозможные бесполезные распоряжения, решил, что ему нужно вмешаться, и, поймав Орика за рукав, сказал ему:

— Если я буду тут сидеть и от нечего делать пялиться в стену, пока вы будете искать и ловить этих мерзавцев, я от нетерпения начну так скрежетать зубами, что, пожалуй, сотру себе зубы до десен. Должно же найтись хоть какое-нибудь дело и для меня! Ведь я тоже хочу в этом участвовать! И кстати, как насчет Квистора? Есть ли у него родственники в Тронжхайме? Им уже сообщили, что он погиб? Если нет, тогда именно я должен принести им эту скорбную весть, потому что погиб он, защищая меня.

Орик выяснил этот вопрос у стражников и узнал, что семья Квистора и впрямь проживает в Тронжхайме, точнее, под Тронжхаймом. Узнав об этом, Орик нахмурился, недовольно пробормотал что-то на языке гномов и пояснил Эрагону:

— Они — жители глубин. Кнурлан, которые отказались жить наверху. Здесь они появляются лишь изредка. Их тут много живет, под Тронжхаймом и под Фартхен Дуром, куда больше, чем в других местах, потому что тут они могут подняться наверх, но при этом не чувствовать, что оказались беззащитными, покинув свои туннели, ведь открытого пространства большинство из них вообще не переносит. А я и не знал, что Квистор тоже из их числа.

— Так ты не будешь против, если я навещу его родных? — спросил Эрагон. — У вас ведь есть лестницы, по которым можно спуститься в их туннели так, что об этом никто не узнает.

Орик с минуту обдумывал его предложение, потом кивнул:

— Ты прав. Путь туда достаточно безопасный, и никто не станет тебя искать среди обитателей этих глубин. Скорее

они сами сюда заявятся. А уж если они тебя здесь обнаружат... В общем, иди. И не возвращайся, пока я не пришлю тебе гонца, даже если род Мордов откажется тебя принять и тебе придется до утра сидеть на каком-нибудь сталагмите. Только будь очень осторожен, Эрагон; обитатели глубин чужаков не любят; они вообще держатся сами по себе и чрезвычайно чувствительны в вопросах чести, о которой у них довольно странные представления. Да и обычаи у них тоже довольно странные. Так что следи за каждым своим шагом, словно ступаешь по тонкому льду, хорошо?

И вот, добавив к своей охране Тхранда с Хундфастом в качестве переводчика, засунув за пояс короткий меч, сработанный гномами, Эрагон отыскал лестницу, ведущую, казалось, в самые недра земли, и спустился по ней так глубоко, как никогда ранее ему не доводилось. Он сумел отыскать Глумру, сообщил ей о смерти Квистора, а теперь сидел и выслушивал ее горестные стенания, понимая лишь отдельные слова, которые она выкрикивала жутким, пронзительным голосом, обращаясь к своему погибшему сыну.

Искренне ей сочувствуя, но будучи не в силах ничем ей помочь, Эрагон отвернулся и стал изучать очаг, сложенный из зеленого мыльного камня и находившийся у противоположной стены и по углам украшенный несколько стершейся резьбой в виде геометрических фигур. Затем он изучил коричневато-зеленый ковер, лежавший перед очагом, и стоявшую в углу маслобойку; потом переключил свое внимание на всевозможные припасы, подвешенные к потолочным балкам, и ткацкий станок с тяжелыми рамами, стоявший под круглым окном с сиреневыми стеклами.

Вдруг, казалось бы в самый разгар причитаний, Глумра встала, подошла к столу и положила левую руку на разделочную доску. И прежде чем Эрагон успел ее остановить, схватила большой кухонный нож и отрубила себе верхнюю фалангу мизинца. От боли она застонала, согнувшись пополам, а Эрагон даже подпрыгнул от неожиданности. «Безумие ею овладело, что ли? Может, надо ее унять, удержать, успокоить? — думал он. — Вдруг она еще что-нибудь с собой сделает?» Он уже хотел спросить, не желает ли она, чтобы он залечил ее рану, но передумал, вспомнив наставления Орика

и его намеки насчет странных привычек обитателей этих подземелий и их обостренного чувства чести. А вдруг она сочтет это предложение оскорбительным? И он, так и не сказав ни слова, снова опустился в свое слишком маленькое для него кресло.

Через минуту Глумра выпрямилась, глубоко вздохнула, а затем преспокойно обмыла обрубок пальца спиртным из бутылки, смазала его какой-то желтой мазью и перевязала тряпкой. Ее лунообразное лицо все еще было очень бледным от пережитого шока и боли, однако она явно пришла в себя. Снова усевшись напротив Эрагона, она сказала:

— Спасибо тебе, Губитель Шейдов, за то, что ты лично принес мне весть о судьбе моего сына. Я была рада узнать, что он погиб с честью, как подобает воину.

— Он вел себя очень храбро, — подхватил Эрагон. — Он сразу понял, что наши враги быстры, как эльфы, но все же бросился вперед и прикрыл меня. Он не только спас меня от их клинков, но дал нам понять, что оружие этих убийц заколдовано и очень опасно. Если бы не его отважный поступок, сомневаюсь, что я сидел бы сейчас здесь.

Глумра медленно кивнула, потупилась, разгладила платье на коленях и спросила:

— А ты уже знаешь, кто организовал это нападение, Губитель Шейдов?

— У нас пока есть только подозрения. Гримстборитх Орик сейчас как раз пытается выяснить правду.

— Уж не кнурлан ли это из клана Аз Свельдн рак Ангуин? — спросила Глумра, настолько удивив Эрагона точностью своей догадки, что он с трудом сдержался, чтобы вслух не подтвердить ее подозрения. Поскольку он так ничего ей и не ответил, она пояснила: — Мы все знаем о вашей кровной вражде, Ангетлам; каждый кнурла у нас в горах знает об этом. Некоторые из наших тоже одобряют эту вражду и полностью разделяют ненависть к тебе этого клана; но если эти гномы и впрямь рассчитывали тебя убить, то здорово просчитались: *ведь камни легли* совершенно иначе, так что они сами обрекли себя на погибель.

— Обрекли? На погибель? — Эрагон заинтересованно поднял брови.

— Это ведь ты, Губитель Шейдов, победил Дурзу и сразил его; это ты помог нам спасти Тронжхайм от жадных лап Гальбаторикса. Наш народ никогда этого не забудет. А еще по всему Тронжхайму и по всем нашим пещерам прошел слух, что твой дракон готов восстановить наш Исидар Митрим. Это правда?

Эрагон кивнул.

— Это хорошо, Губитель Шейдов. Ты очень многое сделал для нашего народа, и, если какой-то из наших кланов пойдет против тебя и пожелает тебя погубить, мы все восстанем против него и отомстим за тебя.

— А я поклялся перед свидетелями, — сказал ей Эрагон, — и готов снова поклясться уже тебе лично, что непременно накажу тех предателей-убийц и отомщу им за смерть твоего сына. Я заставлю их пожалеть, что они вообще родились на свет! Однако...

— Благодарю тебя, Губитель Шейдов!

Эрагон поклонился ей, помолчал, чуть склонив голову, и продолжил:

— Однако нельзя допустить, чтобы все эти разногласия и жажда мести привели к настоящей войне между вашими кланами. Только не теперь. Если уж придется действовать силой, то пусть гримстборитх Орик решит, где и когда нам обнажать клинки. Ты согласна со мной?

— Я должна сперва обдумать твои слова, Губитель Шейдов, — ответила Глумра. — Ведь Орик... — И она вдруг умолкла. Глаза ее закатились, она склонилась к Эрагону, прижимая к груди изуродованную руку, а когда приступ боли прошел, рывком выпрямилась и, прижимая ладонь к щеке, стала качаться из стороны в сторону, стеная: — О мой сын! О мой любимый сын!

Потом она встала и, пошатываясь, обошла вокруг стола, направляясь к небольшой стойке с мечами и боевыми топорами, стоявшей у стены позади Эрагона, рядом с нишей, прикрытой занавесью из алого шелка. Опасаясь, что она намерена причинить себе еще какое-нибудь увечье, Эрагон вскочил на ноги, опрокинув при этом дубовое кресло и протягивая к ней руки. Но почти сразу понял, что направляется она как раз к этому прикрытому занавесью алькову,

а вовсе не к стойке с оружием, и резко убрал руки, боясь оскорбить ее.

Пришитые к шелку бронзовые кольца, на которых висела занавесь, со звоном ударились друг о друга, когда Глумра отдернула ткань в сторону. За ней находилась глубокая темноватая ниша, стены которой были украшены резьбой в виде рунических символов и различных фигур и предметов, выполненной с таким фантастическим мастерством, что Эрагону трудно было оторвать от них глаза; ему казалось, что можно часами любоваться на них, но так и не понять сути этих сложных каменных образов. В нише на нижней полке он увидел фигурки шести главных богов гномов и еще каких-то девяти неведомых Эрагону существ; резчик изобразил их черты преувеличенно подчеркнутыми, видимо стремясь как можно лучше передать их характер.

Глумра вытащила из ворота платья какой-то амулет, сделанный из золота и серебра, поцеловала его, прижала к ямке под горлом и, опустившись перед нишей на колени, запела на языке гномов погребальную песнь. Ее голос то резко возносился ввысь, то столь же резко опускался на басы, следуя странному и прихотливому рисунку печальной мелодии. Сила этого пения была столь велика, что у Эрагона выступили на глазах слезы. Несколько минут Глумра пела, потом умолкла, но продолжала неотрывно смотреть на изображения богов. И постепенно искаженное горем лицо ее разглаживалось, мягчело, и там, где Эрагон раньше видел только ярость, горе и безнадежность, появилось выражение смирения, покоя и высокой одухотворенности. Все черты ее лица, казалось, излучали мягкое свечение. И столь неожиданной была эта метаморфоза, что Эрагону показалось, что перед ним не Глумра, а совсем другая женщина.

— Нынче вечером, — тихо сказала она, — Квистор будет ужинать за одним столом с Морготалом. Это я точно знаю. — И она снова поцеловала свой амулет. — Жаль, что и я не могу преломить с ними хлеб, с моим сыном Квистором и моим мужем Бауденом, но мое время заснуть вечным сном в катакомбах Тронжхайма, увы, еще не пришло. А Морготал никогда не допустит в свои чертоги тех, кто сам пожелал ускорить свой приход туда. Но я знаю: когда-нибудь наша семья

непременно воссоединится и я снова встречусь со всеми своими предками, жившими еще в те времена, когда великий Гунтера сотворил из тьмы этот мир. И это я тоже знаю совершенно точно.

Эрагон опустился на колени рядом с нею и хрипло спросил:

— Откуда ты все это знаешь?

— Потому что это так и есть. — Медленными движениями, с величайшим уважением Глумра коснулась кончиками пальцев ступней каждого из каменных божков. — А разве может быть иначе? Ведь наш мир не мог сам себя создать, как не может сам себя создать ни меч и ни шлем; единственные существа, способные выковать и землю, и небеса, и объединить их, — это наши боги, те, кто обладает истинной властью над нашим миром, а потому именно к ним мы и должны обращаться, если хотим получить ответы на наши вопросы. Только им я могу доверять всем сердцем, ибо лишь они утверждают и обеспечивают справедливость в этом мире. И моя вера помогает мне избавиться от тех страданий, которые испытывает моя плоть.

Она говорила с такой убежденностью, что у Эрагона внезапно возникло желание разделить с ней ее страстную веру. Ему ведь тоже всегда хотелось, отбросив в сторону все сомнения и страхи, поверить в то, что жизнь — каким бы страшным ни казался временами окружающий их мир — состоит не из одних лишь бед и несчастий. Ему хотелось верить, что он, теперешний Эрагон, не исчезнет полностью даже тогда, когда чей-то *случайный меч отсечет ему голову,* и что в один прекрасный день он вновь встретится с Бромом, с Гэрроу и со всеми остальными, кого он любил и кого потерял. Его переполняло сейчас страстное стремление обрести надежду и успокоение, и это так сильно подействовало на него, что даже пошатнулся, словно земная твердь поплыла вдруг под его ногами.

И все же...

Все же какая-то часть его души яростно противилась его желанию предаться богам гномов, связать себя и свою жизнь с теми, кого он толком даже не понимал. А еще его мучила крамольная мысль: если боги действительно

существуют, то неужели они существуют по-настоящему только у гномов? Эрагон не сомневался: если спросить Нар Гарцвога, или кого-то из кочевников, или даже у страшноватых жрецов Хелгринда, реальны ли их боги, они, разумеется, станут утверждать, что на свете существуют только их боги и именно они, эти их боги, могущественнее всех прочих «выдуманных» богов. И утверждать это они будут столь же яростно, как Глумра защищала бы своих богов. «Как же мне выяснить, какая религия является истинной? — мучительно думал Эрагон. — То, что ты следуешь некой определенной вере, вовсе не значит, что ты непременно на правильном пути... Но, возможно, ни одна религия на свете не является всеобъемлющей, не отражает всей правды мира, хотя, возможно, в каждой из них содержатся частицы этой правды? Но в таком случае это уж наша задача — отыскать, выявить все эти частицы и соединить их. Или, может, правы эльфы и никаких богов не существует? Но как же узнать наверняка?»

Испустив долгий вздох, Глумра пробормотала еще что-то на своем языке, потом поднялась с колен и задвинула занавесь, скрывавшую алтарь в стене. Эрагон тоже встал и невольно поморщился: мышцы все еще болели после недавнего боя в темном туннеле. Он последовал за своей хозяйкой к столу и сел на прежнее место. Из каменного шкафа, вырубленного в стене, Глумра достала два оловянных стаканчика, сняла с потолочной балки мех, полный вина, и налила себе и Эрагону. Она подняла свой стакан, сказала несколько слов на языке гномов, и Эрагон постарался повторить все слова следом за нею, после чего они выпили вино до дна и Глумра сказала:

— Мне служит утешением понимание того, что Квистор продолжает жить, что теперь он носит одежды, достойные короля, и наслаждается вечерним пиршеством в чертогах Морготала. Пусть же обретет он еще больше славы на службе у богов!

И они снова осушили стаканы.

После этого Эрагон хотел было распрощаться с Глумрой, но она не позволила ему встать, подняв руку, и спросила:

— Тебе есть где укрыться, Губитель Шейдов? Есть у тебя такое безопасное место, где ты мог бы спрятаться от тех, кто непременно хочет сгубить тебя?

Эрагон ответил, что ему велено оставаться в туннелях под Тронжхаймом до тех пор, пока Орик не пришлет за ним вестника. Глумра коротко кивнула и заявила:

— Тогда ты и твои сопровождающие должны оставаться здесь, пока этот вестник не явится. Я настаиваю на этом.

Эрагон начал было протестовать, но она лишь покачала головой:

— Я не могу позволить, чтобы те, кто сражался бок о бок с моим сыном, отсиживались в сырых и темных пещерах. Ни за что не допущу такого, пока жива! Зови своих товарищей, и мы будем пировать и веселиться в такую мрачную ночь.

Эрагон понял, что *не сможет уйти, не нанеся тем самым* жестокой обиды Глумре, а потому позвал своих охранников и переводчика, и все вместе они помогли Глумре накрыть на стол и принялись за хлеб, мясо и пироги, обильно запивая все это вином. Шумное застолье затянулось за полночь. Глумра была как-то особенно оживлена: она пила больше всех, смеялась громче всех, сыпала шутками, блистала остроумием. Сперва Эрагону стало не по себе от такого странного веселья, но потом он заметил, что улыбка возникает лишь у нее на губах, а вот глаза ее никогда не улыбаются; а если ей казалось, что *никто за ней не наблюдает*, с лица ее тут же исчезало всякое веселье, сменяясь грустным, каким-то обреченным спокойствием. «Она же нас развлекает! — понял он. — Это ее способ почтить память сына и отогнать горестные мысли о его гибели».

Никогда в жизни он не встречал подобных женщин!

Было уже далеко за полночь, когда в дверь кто-то постучал. Хундфаст отворил ее и впустил гнома, облаченного в воинские доспехи. Гном держался очень скованно, настороженно озирался и все поглядывал на дверь и подозрительно темные углы. В нескольких фразах на древнем языке он сообщил Эрагону, что его прислал Орик, и прибавил:

— Меня зовут Фарн, сын Флози, Аргетлам. Орик просил тебя немедленно возвращаться. У него имеются весьма важные новости касательно сегодняшних событий.

Уже в дверях Глумра ухватила Эрагона за левую руку и сжала ее словно стальными клещами. Он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза; взгляд ее был тверд как кремень, когда она сказала:

— Не забудь свою клятву, Губитель Шейдов! Не дай убийцам моего сына уйти от возмездия!

— Ни за что и никогда! — обещал Эрагон.

СОВЕТ ВОЖДЕЙ

Гномы, стоявшие на страже у покоев Орика, распахнули перед Эрагоном двойные двери, и он вошел в переднюю.

Это было продолговатое помещение, довольно красиво убранное; посредине стояли три округлые скамьи, обитые красной тканью; на стенах висели гобелены и неизменные беспламенные светильники; резной потолок украшали изображения знаменитых батальных сцен.

Орик, стоя, *беседовал с группой воинов и несколькими* седобородыми старцами из клана Ингеитум. Лицо у него было весьма мрачным.

— Хорошо, что ты поспешил вернуться! — сказал он Эрагону, делая шаг ему навстречу. — Хундфаст, ты можешь идти. Нам нужно поговорить наедине.

Переводчик поклонился и исчез за арочным проемом слева от двери. Его шаги по полированным агатовым плитам пола затихающим эхом прозвучали вдали. Когда Хундфаст ушел, Эрагон спросил:

— Ты что, не доверяешь ему?

Орик пожал плечами:

— Я уж и не знаю, кому теперь можно доверять. *Но чем* меньше народу узнает о том, что мы обнаружили, тем лучше. Мы не можем рисковать. Нельзя допустить, чтобы другие кланы узнали об этом до завтрашнего заседания. Если они узнают, война между кланами станет неизбежной.

Гномы, стоявшие позади него, о чем-то негромко разговаривали на своем языке; вид у них был озабоченный и какой-то растерянный.

— Ну, и что у вас за новости? — спросил Эрагон, тоже несколько встревожившись.

Орик жестом велел воинам отойти подальше, и, когда они расступились, Эрагон увидел на полу трех связанных и окровавленных гномов; похоже, их нарочно бросили прямо друг на друга. Тот, что оказался внизу, стонал и лягал ногой воздух, но был не в силах высвободиться из-под своих довольно-таки тяжелых соратников.

— Кто это? — спросил Эрагон.

— Я велел своим кузнецам осмотреть и исследовать кинжалы, которыми были вооружены те, кто напал на вас, — пояснил Орик. — И они определили, чья это работа. Их выковал Кифна Длинноносый, знаменитый мастер-оружейник из нашего клана, пользующийся заслуженной славой у нашего народа.

— Значит, у него можно узнать, кто купил эти кинжалы? И, стало быть, кто наши враги?

Орик коротко рассмеялся:

— Едва ли. Но мы сумели отследить путь этих кинжалов от Кифны до одного торговца оружием в Далгоне, это далеко, сотни лиг отсюда. А тот продал их одной *кнурлаф*...

— Кнурлаф? — переспросил Эрагон.

— Ну да, — оскалился Орик, — кнурлаф, женщине. Женщине с семью пальцами на каждой руке. Она купила эти кинжалы два месяца назад.

— И вы нашли ее? На свете, наверное, не так уж много семипалых женщин.

— Вообще-то у нас это самая обычная вещь, — ответил Орик. — Но, в общем, да, несмотря на определенные трудности, мы эту кнурлаф из Далгона все же нашли. Мои воины хорошенько допросили ее и выяснили, что она из клана Дургримст Награ. Однако, насколько нам удалось выяснить, действовала она по собственному почину, а не по приказу своего вождя. От нее также удалось узнать, что купить кинжалы ей велел некий гном и он же приказал ей затем доставить их к одному виноторговцу, который должен был вывезти эти клинки из Далгона. Ее наниматель, правда, не объяснил, для чего предназначается это оружие и куда его затем отвезут, но мы поспрошали у других торговцев и купцов и выяснили, что этот виноторговец из Далгона отправился

прямиком в один из городов-крепостей клана Аз Свельдн рак Ангуин.

— Значит, это все-таки они! — воскликнул Эрагон.

— Может, и так. А может, кто-то очень хочет, чтобы мы думали, что это они. Нам нужны дополнительные улики и доказательства, прежде чем мы окончательно установим их виновность. — В глазах Орика блеснул хитрый огонек, и он, подняв вверх палец, прибавил: — Однако с помощью весьма сложных заклинаний нам удалось проследить путь этих убийц по нижним туннелям, и в итоге мы вышли в заброшенные пещеры на двенадцатом уровне Тронжхайма, расположенные неподалеку от вспомогательной штольни в южном углу западного квадранта возле... ладно, все это сейчас совершенно неважно. А тебе как-нибудь надо специально заняться изучением довольно сложной системы туннелей и помещений, находящихся на разных уровнях Тронжхайма, чтобы ты всегда сам мог легко найти в нашем городе нужное место в случае чего. Короче говоря, след привел нас к заброшенной кладовой, где и сидели эти трое. — И он кивком указал на связанных гномов. — Они нас, разумеется, не ждали, так что нам удалось взять их живьем, хоть они и пытались покончить жизнь самоубийством. А затем, правда с большими трудностями, мы сумели проникнуть в мысли двоих из них. А третьего оставили для допроса еще кому-то из гримстборитхов — пусть попробует его расколоть на досуге. И от этих мерзавцев мы узнали все, что им самим было известно об этом покушении. — Орик снова ткнул пальцем в сторону пленников. — Собственно, именно они и готовили тех убийц; они дали им кинжалы, они одели их в черное, они укрывали их у себя и кормили их.

— Но кто же они такие?

— Ха! — И Орик с отвращением сплюнул на пол. — Это же варгримстн! Воины, обесчестившие себя и изгнанные из своих кланов. Изгои, с которыми никто не хочет иметь дело, кроме, может быть, тех, что сами творят гнусные преступления и не хотят, чтобы об этом узнали другие честные кнурлан. Эти, например, получали приказания напрямую от Вермунда, вождя Аз Свельдн рак Ангуин.

— И никаких сомнений, что это действительно так?

Орик помотал головой:

— Ни малейших. Тебя пытались убить представители клана Аз Свельдн рак Ангуин, Эрагон. Но мы, наверное, так никогда и не узнаем, были ли замешаны в заговоре и другие кланы. Впрочем, если мы выставим на всеобщее обозрение этих предателей и докажем, что покушение — дело рук Аз Свельдн рак Ангуин, это заставит всех остальных задуматься, и те, кто еще принимал участие в столь позорном деле, вполне могут покинуть своих бывших союзников и прекратить или хотя бы временно отложить все дальнейшие происки против клана Дургримст Ингеитум. В общем, если с умом воспользоваться сложившейся ситуацией, эти «перебежчики» на выборах отдадут свои голоса мне.

А у Эрагона перед глазами стояла жуткая картина: узкий кинжал, торчащий из шеи Квистора, и искаженное смертной мукой лицо раненого гнома.

— Но как же нам наказать Аз Свельдн рак Ангуин за убийство? Может, нам следует убить Вермунда?

— Нет, это ты оставь мне, — сказал Орик и задумчиво постучал пальцем по переносице. — У меня есть план получше. Но действовать придется очень осторожно, уж больно это деликатная ситуация. Такого предательства не случалось давным-давно. Ты не принадлежишь к нашему народу, тебе не понять, каким гнусным и отвратительным преступлением считается у нас нападение на гостя. И то, что ты — единственный Всадник, который сражается против Гальбаторикса, лишь усугубляет вину преступников. Возможно, без нового кровопролития тут не обойтись, но спешить ни в коем случае нельзя; в настоящий момент это может спровоцировать лишь новую войну между нашими кланами.

— Но, возможно, такая война — это единственный способ разделаться с предателями из клана Аз Свельдн рак Ангуин, — заметил Эрагон.

— Я так не считаю. Хотя, если я ошибаюсь и война все-таки окажется неизбежной, мы должны сделать так, чтобы это была война всех кланов против одного Аз Свельдн рак Ангуин. И тогда можно будет обойтись, так сказать, малой кровью. Общими силами с ними можно будет, наверное, и за неделю разделаться. А вот если кланы разобьются на две

или даже три фракции, это вполне может привести к ослаблению и гибели всего нашего народа. Вот почему так важно, прежде чем обнажать мечи, убедить всех вождей, что клан Аз Свельдн рак Ангуин виновен в тяжком преступлении. Правда, под конец тебе придется позволить нашим магам и колдунам немного покопаться в твоей памяти, выяснить подробности этого нападения и убедиться, что все происходило именно так, как это утверждаем мы, что все наши обвинения справедливы и абсолютно лишены личной выгоды. Пойдешь ты на это?

Эрагон колебался. Ему вовсе не хотелось открывать свои мысли перед какими-то заклинателями, да еще и принадлежащими к совершенно чуждой ему расе. Поэтому он ответил не сразу, а мотнул головой в сторону трех связанных гномов, лежавших друг на друге, и спросил:

— А эти как же? Разве их памяти недостаточно, чтобы убедить кланы в виновности Аз Свельдн рак Ангуин?

Орик поморщился:

— В принципе этого должно было бы хватить, но чтобы все окончательно расставить по своим местам, вожди, безусловно, захотят сравнить их воспоминания с твоими, а если ты откажешься открыть свои мысли, Аз Свельдн рак Ангуин может заявить, что мы что-то скрываем от Совета Вождей, что все наши обвинения — это всего лишь ложь и клевета.

— Хорошо, — сказал Эрагон. — Раз это необходимо, я согласен. Но если кто-то из ваших заклинателей сунет нос, куда ему даже случайно соваться не следует, у меня не будет иного выхода, кроме как выжечь из их сознания все, что они успеют узнать. Есть вещи, которые я не могу открыть никому другому.

Орик согласно кивнул:

— Правильно. У меня у самого есть кое-какие «хромоногие» сведения, которые никому знать не надобно, иначе это вызовет настоящую панику среди кнурлан. Я уверен, вожди кланов согласятся с твоими условиями — у них ведь у самих полно секретов, о которых они ни за что не стали бы трубить по всей нашей стране. Не сомневаюсь, правда, что магам своим они велят делать свое дело, невзирая на любую

опасность. Ну да ладно. Главное — нападение на вас способно вызвать такое возмущение среди гномов, что гримстборитхн всех кланов будут просто вынуждены докопаться до правды, даже если при этом лишатся своих лучших колдунов.

Поднявшись на ноги и выпрямившись во весь свой невеликий рост, Орик приказал унести пленников и отпустил почти всех, оставив лишь Эрагона и двадцать шесть лучших своих воинов. Изящным жестом взяв Эрагона под левый локоть, он повел его в свои внутренние покои, говоря на ходу:

— Сегодня ты должен остаться здесь. Сюда предатели из клана Аз Свельдн рак Ангуин сунуться наверняка не посмеют.

— Но если ты хочешь лечь спать, тогда мне придется предупредить тебя: сегодня я вряд ли способен буду уснуть. У меня до сих пор кровь так и бурлит при воспоминании об этой схватке; да и разные мысли тоже не дают мне покоя.

— А это уж ты как хочешь, — сказал Орик. — Хочешь спи, хочешь бодрствуй хоть всю ночь — дело твое. Ты меня этим ничуть не обеспокоишь, я себе на уши толстый шерстяной колпак натяну. Но все же прошу тебя: успокойся, примени какой-нибудь особый прием, которому тебя эльфы научили. Тебе нужно восстановить силы. Новый день уже грядет, до рассвета всего несколько часов, а утром Совет Вождей соберется снова. И мы с тобой должны быть свежими, бодрыми *и готовыми к любому* повороту событий. То, что нам предстоит завтра, вполне возможно, определит не только конечную судьбу моего народа и моей страны, но и всей Алагейзии. Да не смотри ты на меня так мрачно! Подумай лучше вот о чем: успех нас ждет или неудача — а я просто уверен, что победа будет за нами, — наши имена навсегда останутся в памяти народной. Главное — достойно выступить на Совете. И если это удастся, то само по себе будет огромной удачей. Удачей, которой можно и нужно гордиться. Боги переменчивы в своих пристрастиях, и единственный вид бессмертия, на который мы можем рассчитывать, — это бессмертие, добытое нашими собственными делами и свершениями. Слава или бесчестье ждут нас, но и то и другое куда лучше безвестности и забвения. Горько, если о тебе забывают через минуту после того, как ты покинул этот мир.

...Поздней ночью, уже почти перед рассветом, Эрагон сидел, сгорбившись, в объятиях мягкого дивана, и мысли его блуждали где-то далеко-далеко, смешиваясь с беспорядочными снами наяву. Впрочем, он постоянно и вполне ясно видел перед собой противоположную стену, украшенную мозаикой из самоцветов. Но на фоне этой стены, точно на светящемся экране, мелькали сцены из его жизни в долине Паланкар до того решающего момента, когда безжалостная и кровавая судьба столь резко переменила все его существование. Сцены эти, впрочем, несколько расходились с реальностью, и он погружался в некие вымышленные обстоятельства, как бы собранные по кусочкам из того, что имело место на самом деле. Однако, когда он уже хотел силой воли заставить себя выйти наконец из этого ступора, его внутреннее видение словно прояснилось и эти сны наяву приобрели наконец оттенок реальности.

Он стоял в мастерской Хорста, и двери в мастерскую были распахнуты настежь, свободно болтаясь на обвисших петлях. Ночь была беззвездной, и всепоглощающая тьма, казалось, стремилась сжать в комок эту кузницу, освещенную тусклым красноватым огнем, горевшим в горне, — сжать в комок и проглотить все то, что существовало в пределах этого освещенного круга. Хорст, точно статуя великана, возвышался рядом с горном, и по его лицу и бороде то и дело пробегали какие-то страшноватые темные тени. Его мощная рука ритмично поднималась и опускалась, и звон, подобный колокольному, тревожил и словно взрывал царившую вокруг тишину, когда молот Хорста ударял по концу раскаленного докрасна стального бруска. Взлетали и падали на пол снопы искр. Хорст еще раза четыре ударил по бруску, затем снял его с наковальни и сунул в бочонок с маслом. Над поверхностью масла заплясали язычки пламени, синеватого и прозрачного, и с яростным шипением погасли. Вынув брусок из масла, Хорст повернулся к Эрагону и хмуро спросил:

— Зачем ты сюда пришел, Эрагон?

— Мне нужен меч. Настоящий меч Всадника.

— Уходи. У меня нет на это времени. Разве ты не видишь, что я занят: мне надо выковать крюк для котла по просьбе Илейн. Он ей обязательно нужен к началу битвы. Ты пришел один?

— Не знаю.

— А где твой отец? И где твоя мать?

— Не знаю.

И тут Эрагон вдруг услышал еще чей-то голос, звучный, мелодичный, исполненный силы и властности:

— Добрый кузнец, он пришел не один, а со мной.

— А ты кто такой? — грозно спросил Хорст.

— Я его отец.

В распахнутых дверях возник огромный силуэт человека, окутанный неким бледным сиянием, точно порожденным непроницаемой ночной тьмой. Человек этот стоял на пороге, и с его плеч, более широких, чем у кулла, до полу ниспадал алый плащ. В левой руке незнакомца сверкал меч Заррок, острый, как самая острая боль, а из щели забрала его сверкающего шлема на Эрагона смотрели синие глаза. Глаза эти словно пронизывали его насквозь, припечатывали его к полу, как стрела припечатывает к земле убитого кролика. Потом пришелец поднял правую руку, протянул ее к Эрагону и промолвил:

— Пойдем со мною, сын мой. Вместе мы сумеем разгромить варденов, уничтожить Гальбаторикса и завоевать всю Алагейзию. Лишь отдай мне свое сердце. И тогда мы будем непобедимы. Отдай мне свое сердце, сынок!

Сдавленно вскрикнув, Эрагон вскочил с дивана и некоторое время просто стоял, уставившись в пол и сжимая кулаки. Грудь у него ходила ходуном, воздух с трудом наполнял легкие. Стражи, поставленные Ориком у дверей, с изумлением на него посматривали, но он не обращал на них внимания, слишком уж тяжело было у него на душе. Да и не хотелось ему ничего объяснять каким-то гномам.

Вставать было еще рановато, и вскоре Эрагон снова уселся на диван, но напряжение его так и не оставило, да ему и не хотелось вновь возвращаться в этот полусон-полубодрствование. Его страшила возможность опять окунуться в воспоминания о прошлом, которые были больше похожи на вещие сны, способные, однако, причинить ему одни лишь страдания.

Вожди кланов по одному входили в круглый зал, расположенный в глубинах Тронжхайма. Эрагон спокойно наблюдал за ними, стоя у стены и держа руку на эфесе выкованного

гномами меча. Особенно пристально следил он за Вермундом, гримстборитхом клана Аз Свельдн рак Ангуин, но даже если этот гном, прятавший лицо под пурпурным шарфом, и был удивлен, увидев здесь Эрагона живым и здоровым, то ничем своего удивления не проявил.

Эрагон почувствовал, как Орик слегка толкнул его в ногу носком сапога, и, не отрывая глаз от Вермунда, он наклонился к гному и услышал его шепот:

— Помни: по левой стороне и через три двери. — Орик имел в виду помещение, где он спрятал сотню своих воинов, о чем, разумеется, никто из вождей не знал.

Эрагон ответил тоже шепотом:

— А если начнется схватка, может, мне все-таки воспользоваться этой возможностью и зарубить эту змею, этого Вермунда?

— Только если он сам попробует напасть на тебя или на меня. В противном случае этого делать ни в коем случае не надо. — И Орик еле слышно хихикнул. — Вряд ли этим ты завоюешь расположение вождей всех прочих кланов... Впрочем, мне пора. Помолись Синдри и попроси удачи. Хорошо? Сейчас мы с тобой бросимся в такую пучину, куда еще никто соваться не осмеливался.

И Эрагон стал молиться.

Когда все вожди расселись вокруг стола в центре зала, те гномы, что стояли поодаль, а также и сам Эрагон тоже стали садиться в кресла, расставленные по дуге вдоль округлой стены зала. Многие гномы тут же приняли весьма расслабленную позу, готовясь к долгому заседанию, но Эрагон, так и оставшись крайне напряженным, присел лишь на самый краешек, готовый в любую минуту, при малейшем признаке опасности вступить в бой.

Когда Ганнел, черноглазый воин-жрец из клана Дургримст Куан, поднялся со своего места и начал говорить, Хундфаст придвинулся ближе к правому уху Эрагона и стал тихонько переводить.

— И снова я приветствую вас, досточтимые главы наших кланов, — сказал Ганнел. — Однако в первую очередь вынужден вам сообщить — не знаю уж, как вы это воспримете, я и сам пока не понял, как мне к этому относиться, — что до

меня дошли некие слухи, весьма неопределенные, я должен сказать, о неких злодеяниях. К сожалению, я не имею иных сведений, способных подтвердить или опровергнуть эти слухи, которые тем не менее очень меня встревожили. Но раз уж сегодня на нашем Совете председательствую я, то я предлагаю на некоторое время отложить все прочие темы, даже самые серьезные, которые требуют дальнейшего обсуждения. Если вы согласны, то позвольте мне задать уважаемому собранию несколько вопросов.

Вожди кланов посовещались между собой вполголоса, и первой высказалась Иорунн, как всегда выглядевшая чрезвычайно ярко и привлекательно.

— У меня нет возражений, гримстборитх Ганнел, — сказала она. — Твои таинственные намеки чрезвычайно меня заинтересовали. Давайте послушаем, что за вопросы ты намерен задать нам.

— Да-да, давайте, — поддержал ее Надо.

— Я согласен, — кивнул Маниндратх.

Остальные вожди, включая Вермунда, тоже не возражали, и Ганнел, получив разрешение высокого собрания, опершись кулаками о столешницу, помолчал несколько мгновений, добиваясь полной тишины, и начал свое сообщение:

— Вчера, примерно во время второго завтрака, когда все мы сидели в трапезной, кнурлан, находившиеся в туннелях под южной четвертью Тронжхайма, услышали некий подозрительный шум. Их мнения о том, насколько он был силен, разнятся, но то, что его слышали многие и в самых разных местах, доказывает, что это была отнюдь не мелкая случайность. Как и все вы, я привык остерегаться возможных обрушений в нижних пещерах и туннелях, однако на этот раз к природным явлениям шум не имел никакого отношения. Вероятно, вы еще не знаете, что не более чем через два часа после этого шума наши...

Хундфаст умолк, потом быстро прошептал на ухо Эрагону:

— Это слово трудно перевести на ваш язык. Наверное, самое близкое значение будет «рассыльные». — И он продолжил:

— ...наши рассыльные обнаружили следы серьезного боя в одном из туннелей, вырытых еще нашим знаменитым предком Корганом Длиннобородым. Пол там был залит кровью, стены почернели от копоти после взрыва светильника, который умудрился разбить своим клинком какой-то неуклюжий вояка, камень на стенах и потолке потрескался, а на полу лежали семь трупов, обгоревших и изуродованных. Можно было также предположить, что некоторых убитых или раненых оттуда успели унести. Это определенно не было следами какой-то неизвестной схватки времен битвы при Фартхен Дуре. Ни в коем случае! Кровь на камнях еще не высохла, сажа еще ссыпалась со стен, и трещины явно возникли совсем недавно, а также, как мне сообщили сегодня, вокруг были обнаружены многочисленные следы применения магии. Сейчас несколько наиболее искусных наших колдунов и магов пытаются восстановить истинную картину того, что там произошло, но у них мало надежд на успех, ибо участники этого сражения были укрыты самыми изощренными чарами. Итак, мой первый вопрос к уважаемому собранию таков: не располагает ли кто-либо из присутствующих некими дополнительными сведениями об этом таинственном происшествии?

Когда Ганнел умолк, Эрагон весь напрягся, готовый мгновенно вскочить, если гномы из клана Аз Свельдн рак Ангуин возьмутся за мечи.

Орик прокашлялся и сказал:

— Я полагаю, Ганнел, что имею некоторую возможность удовлетворить твое любопытство. Однако, поскольку ответ на твой первый вопрос будет достаточно длинным, я предлагаю тебе задать и остальные свои вопросы, прежде чем я начну отвечать.

Ганнел слегка помрачнел, сдвинул брови, но, побарабанив пальцами по столешнице, все же сказал:

— Хорошо. Но, во-первых, скажу следующее: думаю, что к этой вооруженной схватке в туннелях Коргана, несомненно, имеют отношение те, о ком мне давно уже поступают сообщения, — я имею в виду немалое количество кнурлан, которые с непонятными намерениями бродят по нижним туннелям всего Тронжхайма и сбиваются в вооруженные

отряды. Моим агентам не удалось выяснить, к какому клану принадлежат эти кнурлан, однако сам данный факт, безусловно, достоин нашего внимания, ибо некто пытается тайно собрать силы, причем явно с намерениями самого дурного свойства, пока мы тут заседаем и решаем вопрос о том, кто должен наследовать королю Хроггару. Итак, вот мой второй вопрос: кто стоит во главе всех этих незаконных и весьма дурно пахнущих приготовлений? Если же никто не пожелает добровольно признаться, то я настоятельно предлагаю: изгнать из Тронжхайма всех воинов вне зависимости от их клановой принадлежности на все время работы нашего Совета и немедленно назначить официальное расследование для выяснения всех обстоятельств данного происшествия и выявления виновного, подлежащего наказанию.

Сообщение Ганнела, его вопросы и предложения вызвали оживленную дискуссию среди вождей, сопровождаемую яростными обвинениями, гневным возмущением, всевозможными обвинениями, оправданиями и контробвинениями. Свара разгоралась по нарастающей, и, когда разъяренная Тхордрис, уже не сдерживаясь, в полный голос орала на красного от гнева Галдхима, Орик встал и, откашлявшись, заставил всех замолчать, ибо совершенно спокойным тоном заявил:

— *Все это я, в общем, могу* объяснить, Ганнел. По крайней мере, отчасти. Я, разумеется, не могу отвечать за действия других кланов, но несколько сотен воинов, спешно собранных в служебных помещениях Тронжхайма, принадлежат к клану Дургримст Ингеитум. Это я признаю совершенно открыто.

Воцарилось молчание. Потом Иорунн спросила:

— И какое объяснение ты можешь представить в оправдание подобных воинственных действий, Орик, сын Трифка?

— Как я уже имел честь сообщить, мой ответ будет довольно долгим, так что если у тебя, Ганнел, имеются еще какие-либо вопросы, я предлагаю тебе их задать.

И Ганнел мрачно ответил, совсем сдвинув на переносице свои кустистые брови:

— Я пока что подожду с остальными вопросами. Все они имеют самое непосредственное отношение к тем, которые я уже поставил перед уважаемым собранием, и, как мне представляется, нам сперва следует получить от тебя некие сведения, проясняющие ситуацию. Но поскольку выяснилось, что ты и сам замешан в упомянутых преступных действиях, у меня возникает еще один вопрос и уже конкретно к тебе, гримстборитх Орик. По какой причине ты вчера покинул наш совет? Позволь сразу предупредить тебя, я не потерплю никаких увертoк. Ты уже намекнул нам, что располагаешь некими важными сведениями о случившемся в нижних туннелях. Что ж, поделись с нами этими сведениями, а заодно и дай отчет о своих собственных деяниях, гримстборитх Орик!

Орик встал и почти весело заявил:

— С огромным удовольствием!

Затем он немного помолчал, опустив голову, так что вся его грудь почти до пояса оказалась укрытой густой бородой, выждал паузу и заговорил, уверенно, звучным голосом. Но сперва совсем не о том, чего ожидал Эрагон, да, похоже, и остальные никак не ожидали подобного начала. Вместо того чтобы рассказать о покушении на жизнь Эрагона и тем самым объяснить, почему вчера ему пришлось срочно покинуть заседание совета, Орик начал вдруг рассказывать о событиях, имевших место на заре истории, когда раса гномов мигрировала с некогда зеленых и плодородных полей, существовавших там, *где теперь безжизненная пустыня* Хадарак, в Беорские горы. В горах гномы прорыли множество туннелей в сотни миль длиной, построили великолепные города и над землей, и под землей, а потом стали, как водится, воевать друг с другом, создавая различные группировки и союзы, а также — с драконами, к которым гномы на протяжении тысячелетий относились со смешанным чувством ненависти, страха и невольного восхищения.

Затем Орик перешел к прибытию в Алагейзию эльфов и страшной войне эльфов с драконами, в результате которой обе эти расы чуть не истребили друг друга, но потом все же пришли к некому соглашению и договорились создать

орден Всадников — воинов, летающих на драконах, — и поручить ему поддерживать в Алагейзии мир.

— Но что же сделали мы, гномы, узнав об этом? — воскликнул Орик, и голос его громким эхом разнесся по залу. — Может быть, мы выразили желание тоже присоединиться к этому договору? Или, может быть, нам захотелось разделить с Всадниками приданную им силу и власть? Нет! Ничего этого у нас и в мыслях не было! Мы держались своих застарелых привычек, уповали на прежнюю ненависть к драконам и отказывались даже помыслить о договоре с ними или о том, чтобы позволить кому-то, не принадлежащему к нашему народу, следить за порядком в Алагейзии, нашем общем мире. Решив во что бы то ни стало сохранить свою драгоценную независимость и особость, мы принесли в жертву наше будущее. Я совершенно уверен, что, если бы среди Всадников были и кнурлан, Гальбаторикс никогда не сумел бы обрести такую власть и могущество. Может быть, я и ошибаюсь, ибо у меня нет намерения приуменьшать заслуги Эрагона, он уже доказал свои прекрасные качества, но такой замечательный дракон, как Сапфира, вполне мог бы вылупиться из яйца для кого-то из кнурлан, а совсем не обязательно эльфа или человека. Вы только представьте себе, какую славу мы могли бы тогда стяжать!

Но вместо этого наше влияние в Алагейзии все падало. Оно начало падать с того дня, когда королева Тармунора и великий воин Эрагон, тезка нынешнего Всадника Эрагона, заключили с драконами мир. Поначалу утрата былого влияния не вызывала у кнурлан особо горьких сожалений, а нередко мы попросту отмахивались от мыслей об этом, не желая признавать собственное поражение; это, конечно, было куда легче, чем с ним смириться. Но потом пришли ургалы, а потом и люди, а эльфы придумали новые заклинания, благодаря которым люди тоже могли становиться Всадниками. Но мы и тогда не стали искать путей примирения с ними, хотя вполне могли бы тоже примкнуть к достигнутому ими соглашению... Мы имели на это полное право! — Орик покачал головой. — Нет, гордыня не позволяла нам склонить голову перед эльфами! Как это мы, старейшая раса на этой земле, станем просить у эльфов позволения воспользоваться

их магией? Не желали мы также и связывать свою судьбу с судьбой драконов, как это сделали эльфы и люди, хотя этим могли бы спасти нашу расу от уничтожения. И уж разумеется, мы не придавали значения той вражде, что разгоралась между нашими собственными кланами. Эти войны, как нам казалось, — частное дело того или иного клана, а остальных они попросту не касаются.

Среди вождей произошло некое движение. У многих на лицах было прямо-таки написано неодобрение — им явно не нравилось критическое выступление Орика. Но немало было и таких, кто с интересом и готовностью слушал его доводы и исторические выкладки. В целом же лица гномов показались Эрагону мрачными и задумчивыми.

А Орик продолжал:

— Пока Всадники следили за порядком в Алагейзии, мы наслаждались миром и покоем; для нас это был период наивысшего расцвета, такого благополучия еще не знало наше королевство. Однако сами мы, честно говоря, не имели почти никакого отношения к главной причине подобного процветания — к созданию ордена Всадников, летающих на драконах и охраняющих порядок в нашем мире. Но потом Всадники пали жертвой предательства, и наши дела тут же пошли вкривь и вкось, и опять-таки мы вроде бы оказались совершенно непричастными к падению Всадников. И обе эти ситуации, как мне представляется, не достойны нашей древней расы, не соответствуют ни ее статусу, ни ее достоинству. Мы — не вассалы, покорные капризам чуждых нам по крови хозяев. И никто, не являющийся потомком Одгара и Хлордиса, не смеет диктовать нам *условия* и *определять* нашу дальнейшую судьбу!

Последние заявления Орика пришлись вождям куда больше по душе; они заулыбались, закивали, а Хавард даже захлопал в ладоши.

— А теперь обратимся к нынешней ситуации, — продолжал Орик. — Гальбаторикс обретает все большую власть и силу. Все народы Алагейзии тщетно стараются не подпасть под зависимость от него, под его пяту. Он теперь обладает столь невероятным могуществом, что единственная причина, в силу которой мы еще не превратились в его рабов,

заключается в том, что пока он просто не удосужился прилететь сюда на своем черном драконе и атаковать нас прямо в лоб. Если бы он это сделал, мы пали бы перед ним, точно трава под натиском лавины. К счастью, он пока, как мне кажется, выжидает, надеясь, что мы сами разобьем себе лоб о ворота его цитадели в Урубаене. А теперь мне хотелось бы вам напомнить: до того, как Эрагон и Сапфира приземлились у нашего порога, мокрые, грязные, по пятам преследуемые злобно воющими куллами, наша единственная надежда на победу над Гальбаториксом заключалась в том, что, может быть, где-то далеко от нас вылупится из яйца Сапфира, выбрав себе некоего, неизвестного нам Всадника, и вместе они — если, конечно, всем нам повезет чуть больше, чем игроку, выбросившему выигрышную комбинацию костей, — сумеют все же одолеть Гальбаторикса. Надежда? Ха! Но теперь у нас не осталось даже этой надежды. Когда Эрагон впервые попал сюда, многие кнурлан, включая меня самого, разочарованно повторяли: «Да он же всего лишь мальчишка! Уж лучше новым Всадником стал бы эльф!» И что же? Пожалуйста, именно Эрагон доказал, что они с Сапфирой и есть реальное воплощение всех наших надежд! Именно Эрагон сразил в поединке Дурзу и помог нам спасти наш любимый Тронжхайм. Мало того, Сапфира пообещала нам восстановить Звездную Розу в ее первозданном великолепии. *Мало* того, во время битвы на Пылающих Равнинах Эрагону удалось обратить в бегство Муртага и его дракона Торна, благодаря чему мы и одержали победу в этом сражении. Да сами посмотрите на него! Он и сам стал похож на эльфа, и эльфы благодаря своей невероятной магии сделали его столь же сильным, быстрым и ловким, как и весь их народ.

Орик поднял палец, требуя особого внимания к своим словам.

— Но и это еще не все. Наш король Хротгар в мудрости своей совершил то, чего не делал ни один король или гримстборитх: он предложил принять Эрагона в Дургримст Ингеитум и сделал его своим приемным сыном, полноправным членом своей семьи. Кстати, Эрагон отнюдь не обязан был принимать предложение Хротгара. Он прекрасно сознавал,

что многие семьи клана Ингеитум настроены против него, да и многие кнурлан вообще отнесутся к этому крайне неодобрительно. И тем не менее, несмотря на все это, несмотря на то, что он уже был связан клятвой верности Насуаде, Эрагон принял дар Хротгара, хоть и понимал, как сильно это осложнит ему жизнь. Как он сам говорил мне, он принес клятву на Сердце Камня, потому что считал себя отчасти ответственным за судьбы всех народов Алагейзии, потому что судьба кнурлан была ему особенно небезразлична, ибо именно мы — по воле Хротгара — оказали им с Сапфирой столь высокую честь. И вот благодаря гениальной идее Хротгара последний истинный Всадник Алагейзии, в котором воплотилась наша единственная надежда одолеть Гальбаторикса, по собственной воле решил стать настоящим кнурла — и он им стал, не являясь нам родным разве что по крови. С тех пор Эрагон подчиняется нашим законам, следует нашим традициям и, насколько мне известно, пользуется любой возможностью, чтобы узнать как можно больше о нашей истории и культуре, дабы иметь возможность с честью отстаивать наши интересы. Когда Хротгар пал, сраженный предателем Муртагом, Эрагон, как член Дургримст Ингеитум, поклялся мне всеми камнями Алагейзии, что отомстит за смерть нашего славного короля. Он всегда оказывал мне должное уважение и подчинялся мне как *своему гримстборитху*, и я горжусь тем, что он — мой названый брат.

Эрагон боялся поднять глаза; щеки его и кончики ушей так и пылали. Он был чрезвычайно смущен всеми этими похвалами. Уж лучше бы Орик поменьше разглагольствовал на эту тему, думал он, иначе только осложнит сложившуюся ситуацию.

А Орик, раскинув в стороны руки и словно пытаясь обнять всех вождей сразу, воскликнул:

— Если мы когда-то и хотели получить своего Всадника, то получили его в лице Эрагона! Он с нами! И он поистине могуч! И готов взять под защиту весь наш народ, чего никогда не делал ни один Всадник! — Орик опустил руки, чувствуя, что пора несколько умерить свой пыл, и заговорил теперь так тихо, что Эрагону пришлось напрягать слух, чтобы его расслышать. — И чем же мы ответили на его дружбу?

Шутками и насмешками? Пренебрежением? Неприкрытой ненавистью? О, мы поистине неблагодарная раса, вот что я вам скажу! И память у нас чересчур длинная, так что добром это для нас не кончится. Среди нас нашлись даже такие, кто настолько переполнен кипящей ненавистью, что прибегнул к насилию, лишь бы утолить свою жажду мести. Вероятно, эти кнурлан по-прежнему считают, что действуют во благо нашего народа, но в таком случае мозги их совсем протухли и заплесневели, точно забытый в кладовке кусок сыра! Иначе я просто не могу объяснить, зачем им было покушаться на жизнь Эрагона!

И без того внимательно слушавшие его вожди кланов так и замерли, услышав эти слова. Теперь они прямо-таки не сводили глаз с лица Орика. Напряжение в зале было столь велико, что даже толстый гримстборитх Фреовин отложил в сторону наполовину законченную фигурку ворона и, скрестив руки над жирным брюхом, весь обратился в слух, став похожим на статую одного из почитаемых гномами каменных богов.

В зале царила полная тишина, пока Орик рассказывал совету вождей о том, как семеро одетых в черное гномов напали на Эрагона и его охранников в нижних туннелях Тронжхайма. Не забыл он упомянуть и о сплетенном из конского волоса браслете с аметистовыми кабошонами, который телохранители Эрагона обнаружили на одном из трупов.

— Только не вздумайте приписывать это нападение представителям моего клана! Я считаю подобную улику лишенной оснований! — вскричал Вермунд, вскакивая на ноги. — Такое украшение на любом рынке можно купить!

— Тут ты прав, Вермунд, — спокойно сказал Орик, поклонился ему и тут же продолжил совершенно бесстрастным тоном излагать собравшимся то, о чем рассказал прошлой ночью Эрагону: как его люди выяснили в Далгоне происхождение тех странных сверкающих кинжалов, которыми были вооружены убийцы и которые оказались выкованными знаменитым кузнецом Кифной; как они узнали, что гном, купивший эти кинжалы, сразу же переправил их в один из городов-крепостей клана Аз Свельдн рак Ангуин.

Вермунд, изрыгая проклятия, снова вскочил на ноги:

— Эти кинжалы, может, никогда и не попадали ни в один из наших городов! А даже если и попали, что с того? За нашими крепостными стенами проживает множество кнурлан из других кланов, как и в Брегане, к примеру. Это еще ничего не значит! Ты бы все-таки думал, что говоришь, гримстборитх Орик, и будь поосторожней, а не швыряйся всякими безосновательными обвинениями в адрес моего клана!

— Я придерживался того же мнения, гримстборитх Вермунд, — ответил Орик. — А потому прошлой ночью мы вместе с моими магами тщательно проследили путь убийц — сперва в их логово, а затем к месту преступления, совершенного ими на двенадцатом уровне Тронжхайма. К тому же мы захватили в плен троих кнурлан, прятавшихся там в пыльной полузабытой пещерке. Мы проникли в мысли двоих из этих кнурлан и узнали, что именно они готовили убийц к нападению, укрывали их и кормили. А также, — тут в хрипловатом голосе Орика послышалась угроза, — мы выяснили имя их хозяина. Твое имя, гримстборитх Вермунд! И я во всеуслышание объявляю тебя убийцей и клятвопреступником! Я объявляю тебя врагом клана Дургримст Ингеитум! Я объявляю тебя предателем нашего народа, ибо именно ты и твои подручные пытались убить Эрагона!

И тут в зале возник настоящий хаос. Вожди кланов, за исключением Орика и Вермунда, принялись орать друг на друга, размахивая руками, и каждый пытался перекричать всех остальных. Эрагон встал и слегка вытянул меч из ножен, проверяя, легко ли будет его выхватить в случае необходимости, если Вермунд или кто-то из его клана устроят свару. Но Вермунд, как и Орик, стоял и не двигался. Оба вождя не сводили друг с друга бешеных глаз, точно волки, готовые насмерть перегрызться из-за самки; суматоха вокруг их, казалось, ничуть не интересовала.

Наконец Ганнелу удалось все же восстановить относительный порядок, и он обратился к Вермунду:

— Гримстборитх Вермунд, можешь ли ты ответить на эти обвинения или опровергнуть их?

— Я отрицаю все обвинения, — ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом сказал Вермунд. — Я отвергаю их всем моим существом, каждой косточкой своего тела.

И готов бросить вызов любому, кто попытается в чем-то обвинить меня. Пусть он сперва докажет, что эти обвинения имеют право на существование, чтобы у официального расследователя не осталось на сей счет никаких сомнений.

Ганнел повернулся к Орику:

— Представь нам свои улики, гримстборитх Орик, дабы мы могли судить, доказательны они или нет. Здесь сейчас, по-моему, присутствуют пятеро наших официальных расследователей. — И он указал в ту сторону, где у стены стояли пятеро седобородых гномов. Те поклонились. — Они сумеют проследить, чтобы мы ни в коем случае не выходили за рамки закона. Все согласны?

— Я согласен, — сказал Ундин.

— И я согласна, — поддержала его Хадфала; следом за ней ту же формулу повторили все остальные вожди, кроме Вермунда.

В качестве первой улики Орик выложил на стол браслет с аметистами. Тут же магам различных кланов было приказано осмотреть браслет, и все они пришли к выводу, что этой улики недостаточно.

Затем Орик приказал слуге принести зеркало, укрепленное на бронзовом треножнике. Один из его магов произнес заклинание, и на гладкой поверхности зеркала появилось изображение маленькой комнаты, полной книг, а через секунду-другую в комнату вбежал, запыхавшись, какой-то гном, почтительно поклонился совету вождей и, не успев толком перевести дыхание, представился как Риммар, произнес все необходимые клятвы на древнем языке, подтверждающие его честность, и рассказал Совету, как вместе со своими помощниками проводил расследование относительно кинжалов, которыми были вооружены напавшие на Эрагона.

Когда вожди закончили расспрашивать Риммара, Орик велел своим воинам привести в зал тех троих пленников. Ганнел тут же потребовал, чтобы эти мерзавцы поклялись на древнем языке, что будут говорить одну только правду, однако они отказались это сделать, обрушили на голову Ганнела ушат грязных проклятий и в знак полного презрения дружно плюнули на пол. Тогда собравшиеся в зале маги,

представители всех кланов, соединив усилия, проникли в мысли пленников, сумели-таки извлечь оттуда сведения, столь сильно интересовавшие Совет, и полностью подтвердили то, что уже сказал Орик.

И наконец Орик вызвал в качестве свидетеля самого Эрагона. Эрагону было весьма не по себе, когда он шел к столу под пристальными мрачными взглядами тринадцати насупленных вождей. Отыскав взглядом на одной из мраморных колонн какой-то маленький цветной завиток, он старался смотреть только на него; это помогало ему держать себя в руках. Он послушно повторил все клятвы следом за одним из присутствующих в зале магов, обещая говорить только правду, и довольно кратко, не вдаваясь в излишние подробности, рассказал, как на него и его охранников было совершено нападение. Затем, ответив на все вопросы, он позволил двум магам — их Ганнел сам выбрал наугад из числа присутствующих — обследовать его память, дабы восстановить истинную картину событий. Едва сняв мысленные барьеры, он сразу почувствовал, что оба мага действуют чрезвычайно осторожно и аккуратно, что очень ему понравилось.

«Это хорошо, — думал он, — что они такие щепетильные. Значит, вряд ли полезут, куда не следует. Наверное, они просто меня боятся».

Проверка прошла спокойно, довольны остались и маги, и сам Эрагон. Причем проверяющие полностью подтвердили достоверность его рассказа.

И тут снова встал Ганнел, который задал официальным расследователям только один вопрос:

— Удовлетворены ли вы качеством улик и свидетельств, представленных гримстборитхом Ориком и Эрагоном, Губителем Шейдов?

Пятеро седобородых гномов поклонились, и тот, что стоял в середине, ответил:

— Вполне удовлетворены, гримстборитх Ганнел.

Ганнел откашлялся. Похоже, это ничуть его не удивило. Сурово глянув на Вермунда, он провозгласил:

— Гримстборитх Вермунд, ты несешь ответственность за смерть Квистора, сына Баудена, и за покушение на жизнь нашего гостя. Своими преступными действиями ты навлек

тяжкий позор на всю нашу расу. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Вождь клана Аз Свельдн рак Ангуин с такой силой опер-ся ладонями о стол, что под его смуглой кожей вздулись вены.

— Если этот Всадник тоже является кнурла, то и гостем его нечего считать, — буркнул он. — Значит, к нему можно относиться, как и к любому другому кнурла из враждебного нам клана.

— Но это же просто неслыханно! — вскричал Орик, чуть не лопаясь от негодования и досады. — Какое право ты имеешь говорить...

— Придержи язык, Орик, — прервал его Ганнел, — будь так любезен. Криками и оскорблениями делу не поможешь. А теперь попрошу вас, Иорунн, Орик и Надо последовать за мной.

Эрагона охватило беспокойство, которое все усиливалось, пока эти четверо гномов, удалившись в отдельное помещение, совещались там с официальными расследователями. «Неужели они позволят Вермунду избежать наказания всего лишь из-за какой-то словесной зацепки», — думал он.

Возвратившись в зал и подойдя к столу, Иорунн заявила:

— Расследователи голосовали единогласно. Даже при том условии, что Эрагон, принеся клятву Хротгару, стал членом Дургримст Ингеитум, он тем не менее занимает важнейшее положение и за пределами нашего королевства, а именно: во-первых, он — Всадник; во-вторых — официальный представитель варденов, присланный сюда Насуадой, дабы присутствовать на коронации нашего следующего правителя; в-третьих — друг высокочтимой королевы Имиладрис и всего ее народа. В силу всех этих причин мы обязаны оказывать Эрагону не меньше уважения и гостеприимства, чем любому послу, принцу, монарху или какой-то иной персоне, занимающей чрезвычайно высокий пост. — Иорунн искоса глянула на Эрагона, дерзко смерив его с головы до ног своими темными блестящими глазами. — Короче говоря, Эрагон — наш почетный гость, и мы обязаны относиться к нему соответственно. Это должен знать каждый

кнурла, если, конечно, он не страдает бешенством пещерного медведя!

— Вот именно! Прежде всего, он — наш гость! — поддержал ее Надо. Губы у него запеклись и обветрились, а на лице было такое выражение, словно он, не подумав, надкусил яблоко и только тут обнаружил, до чего оно кислое и незрелое.

— Что скажешь теперь, Вермунд? — спросил Ганнел, требовательно глядя на этого вождя с укрытой пурпурным шарфом физиономией.

Тот встал, огляделся, так и впиваясь взглядом по очереди в каждого из сидевших за столом вождей, и только потом заговорил:

— Вот что я скажу, а вы слушайте меня хорошенько, гримстборитхн: если какой-то из кланов, наслушавшись этих фальшивых обвинений, поднимет свой боевой топор против Аз Свельдн рак Ангуин, мы будем считать это началом войны и ответим соответствующим образом. Если же вы заключите меня в тюрьму, мой клан и это сочтет сигналом к началу войны. (Эрагон заметил, как дрогнул шарф на лице у гнома, и подумал, что Вермунд, похоже, еще и улыбается.) Если же кто-то из вас посмеет тем или иным способом — сталью или словами — нанести нам удар, то, сколь бы легким этот удар ни оказался, мы тоже сочтем это началом войны и действовать будем соответственно. Так что если вы не желаете ввергнуть наше королевство в кровавые распри, я предлагаю развеять по ветру все выводы и последствия нынешней *дискуссии и продолжить мирным* путем решать вопрос о том, кто же станет следующим правителем кнурлан, кто займет наш гранитный трон после Хротгара.

Вожди кланов так долго после этого выступления хранили молчание, что Эрагону пришлось даже язык себе прикусить, чтобы удержаться, не вспрыгнуть на стол и не обрушить меч на голову Вермунда, раз уж гномы не решаются вздернуть его за совершенные им преступления на виселицу. Но он помнил, что обещал Орику во всем следовать его указаниям и держать себя в руках на протяжении всего заседания Совета.

«Орик — вождь моего клана, и я обязан ему подчиняться, — убеждал себя Эрагон. — Пусть он отвечает своему противнику так, как сам считает нужным».

Тут Фреовин расцепил пальцы, прихлопнул по столу своей пухлой ладошкой и хриплым баритоном негромко, хотя в этой тишине голос его разнесся по всему залу, заявил:

— Ты опозорил весь наш народ, Вермунд! И если мы не накажем тебя за это должным образом, это станет для нас еще одним бесчестьем!

Пожилая Хадфала, смешав свои исписанные рунами листы, поддержала Фреовина:

— Ну ответь, чего ты хотел добиться, убив Эрагона? Ведь ты обрек бы всех нас на гибель! Даже если вардены и смогли бы без Эрагона свергнуть Гальбаторикса, то представь себе, какими бедами и несчастьями грозил бы нам гнев Сапфиры, узнавшей, что это гномы убили ее Всадника? Да она бы утопила Фартхен Дур в нашей крови!

Вермунд молчал.

Вновь воцарилась тишина, и вдруг ее нарушил столь неожиданный смех, что Эрагон сперва даже не понял, кто это смеется. Смеялся Орик. И, отсмеявшись, как бы с трудом подавляя вспышку несколько неуместного веселья, он обратился к Вермунду:

— Стало быть, Вермунд, если мы выступим против тебя или против твоего клана Аз Свельдн рак Ангуин, вы сочтете это началом войны? Ну что ж, отлично, тогда мы и не станем выступать против тебя. Зачем? Нет, этого мы делать не станем!

Вермунд сдвинул брови:

— И что тут смешного?

Орик снова засмеялся.

— А смешно мне вот отчего, Вермунд: мне пришло в голову то, что не пришло тебе. Ты желаешь, чтобы тебя и твой клан оставили в покое, верно? Ну, хорошо, тогда я предлагаю Совету Вождей выполнить твое желание. Я предлагаю, если Вермунд действовал по собственному разумению, а не как вождь клана, изгнать его за совершенные преступления из Тронжхайма и под страхом смерти запретить ему появляться в пределах нашей столицы. И, как следствие этого,

предлагаю относиться впредь к его клану точно так же, как и к нему самому: мы должны исторгнуть клан Аз Свельдн рак Ангуин из наших сердец и из нашей памяти, пока они не заменят Вермунда другим гримстборитхом, который обладает более миролюбивым и спокойным нравом, и пока они не признают свою вину за столь тяжкое преступление и не покаются перед советом вождей, даже если этого нам придется ждать тысячу лет.

Вермунд побледнел, лучики морщинок в углах глаз казались сейчас совсем белыми.

— Вы не осмелитесь!..

Орик улыбнулся:

— Ну почему же? Мы ведь и пальцем никого из твоих людей не тронем. Мы просто забудем про вас, вы превратитесь для нас в пустое место. И торговать с кланом Аз Свельдн рак Ангуин мы больше не будем. Неужели ты объявишь нам войну по той причине, что мы ничего против тебя не предприняли, Вермунд? Ибо *если Совет согласится с моим предложением*, то так это и будет: мы ровным счетом никаких шагов против вас предпринимать не станем. Или ты под угрозой меча заставишь нас покупать твой мед, твои ткани и твои аметистовые браслеты? Да у тебя на это просто воинов не хватит. — И, повернувшись к остальным вождям, Орик спросил: — Ну, а вы что на это скажете?

Как ни странно, но решение этого вопроса заняло у совета совсем немного времени. Один за другим вожди кланов вставали и голосовали за предание клана Аз Свельдн рак Ангуин полному забвению. Даже Надо, Галдхим и Хавард — старинные союзники Вермунда — *поддержали* предложение Орика. И с каждым поданным против него голосом Вермунд все больше бледнел и в итоге больше стал похож на привидение, по-прежнему скрывающее свой лик под пурпурным шарфом.

Когда голосование завершилось, Ганнел, простирая руку в сторону распахнутых дверей, громогласно заявил:

— Вон отсюда, варгримстн Вермунд! Ты сегодня же покинешь Тронжхайм, и пусть никто из клана Аз Свельдн рак Ангуин не смеет беспокоить Совет Вождей, пока не будут выполнены предъявленные вам требования. А до этого все

вы будете считаться изгоями. Но помни: хоть кнурлан твоего клана и смогут со временем очиститься от бесчестья, ты, Вермунд, навсегда останешься варгримстн, до самого своего смертного часа. Такова воля Совета Вождей.

И Ганнел сел.

А Вермунд все продолжал стоять, опираясь о стол, и плечи его вздрагивали от сдерживаемых эмоций, суть которых Эрагон разгадать был не в силах.

— Это не я, а вы опозорили наш народ и предали наши интересы! — проворчал вдруг Вермунд. — Всадники и их драконы уничтожили почти весь мой род за исключением Ангуин и ее телохранителей. Неужели вы думаете, что мы можем об этом забыть? Неужели вы полагаете, что мы способны это простить? Ха! Да я плюю на могилы ваших предков! Мы, по крайней мере, еще не лишились своих бород! И не станем плясать под дудку этой марионетки, которой так ловко управляют эльфы, ибо наши погибшие предки все еще взывают об отмщении!

Эрагон пришел в бешенство, когда ни один из вождей ни слова не ответил Вермунду на его гнусную обвинительную тираду. Он уже собрался сам ответить ему, как умеет, может быть, и в самых изысканных выражениях, но тут заметил, что Орик бросает на него предостерегающие взгляды и еле заметно качает головой. Лишь с огромным трудом Эрагон сдержал свой гнев, продолжая все же удивляться тому, что Орик позволяет всем этих гнусным обвинениям остаться без ответа.

«А что, если и сам Орик?.. Очень похоже, что и он...»

Оттолкнувшись от стола, Вермунд выпрямился, сжал кулаки, гордо расправил плечи и снова заговорил, со все возрастающей страстностью понося и унижая вождей. Потом, не видя реакции на свои оскорбления, он, похоже от отчаяния, заорал изо всех сил, но и это осталось без ответа.

Вожди и не думали отвечать ему, какими бы отборными ругательствами он их ни осыпал. Все смотрели куда-то в пространство, словно решая какие-то свои сложные проблемы, ни на мгновение не задерживаясь взглядом на беснующемся Вермунде. В яростном запале он даже ухватил Хрейдамара за грудки, вцепившись тому в кольчугу, но трое

телохранителей тут же подскочили и оттащили нападающего в сторону, и при этом, как заметил Эрагон, выражение их лиц ничуть не изменилось. Глаза их оставались пустыми, лица спокойными, словно они просто помогли Хрейдамару поправить сбившуюся кольчугу. И, отпустив Вермунда, они больше не удостоили его ни единым взглядом.

По спине Эрагона пробежал холодок. Гномы вели себя так, словно Вермунда больше вообще не существовало. Так вот что это такое — стать у гномов изгоем! И Эрагон тут же понял, что, наверное, предпочел бы погибнуть, чем разделить подобную судьбу; на секунду он даже испытал некую жалость, но это мимолетное чувство сразу же испарилось, стоило ему вспомнить лицо смертельно раненного Квистора.

Все еще выкрикивая проклятия, Вермунд покинул зал заседаний, сопровождаемый представителями своего клана. И, как только за ним захлопнулась дверь, напряжение, царившее в зале, сразу несколько спало. Все сразу задвигались, заозирались по сторонам и принялись громко обсуждать, что еще следует предпринять в отношении клана Аз Свельдн рак Ангуин.

Орик был вынужден постучать головкой рукояти своего кинжала о столешницу, и только тогда все повернулись к нему, желая услышать, что он скажет еще.

— Итак, поскольку вопрос с Вермундом и его кланом решен, я бы хотел все же предложить уважаемому Совету для обсуждения ту главную тему, ради которой мы, собственно, здесь и собрались. Ведь основная цель нашего собрания — это избрание преемника Хротгара. У каждого здесь есть что сказать по этому вопросу, но, по-моему, сейчас самое время оставить словопрения в стороне. Пусть за нас говорят наши дела. А потому я призываю Совет решить, готовы ли мы — а я уверен, что мы совершенно к этому готовы, — через три дня, согласно нашим законам, перейти к окончательному голосованию. Лично я сразу же говорю «да».

Фреовин посмотрел на Хадфалу, та оглянулась на Ганнела, Ганнел поискал глазами Манндратха, а тот, дернув себя за кончик отвисшего носа, быстро посмотрел на Надо, который, казалось, спрятался в своем кресле и нервно покусывал губы.

— Я тоже говорю «да», — сказала Иорунн.

— И я, — сказал Ундин.

— И я тоже, — сказал Надо.

И следом за Надо все остальные вожди тоже поддержали предложение Орика.

Несколько часов спустя во время перерыва Орик и Эрагон вернулись в покои Орика, чтобы немного перекусить. Оба не проронили ни слова, пока не вошли в комнату, полностью защищенную от чужих ушей. Только тогда Эрагон позволил себе улыбнуться.

— Так ты с самого начала хотел изгнать из Тронжхайма клан Аз Свельдн рак Ангуин? — спросил он Орика.

Гном с чрезвычайно довольным видом улыбнулся и похлопал себя по животу.

— Да, именно этого я и хотел! Только таким способом можно было избежать новой войны между нашими кланами. Она, конечно, все равно может начаться, но тогда уж нашей вины, по крайней мере, в этом не будет. Я, правда, надеюсь, что сия беда нас теперь минует. Какую бы ненависть представители клана Аз Свельдн рак Ангуин ни испытывали к вам с Сапфирой, они, не сомневаюсь, придут в ужас, узнав, что сделал Вермунд, да еще и от их имени. Думаю, ему теперь недолго оставаться гримстборитхом.

— И к тому же тебе удалось добиться, что выборы нового короля...

— Или королевы.

— ...или королевы наконец состоятся! — Эрагон помолчал, не желая омрачать радость Орика по поводу его явного триумфа, но потом все же спросил: — А ты действительно заручился поддержкой всех, кто тебе нужен, чтобы занять трон?

Орик пожал плечами:

— До нынешнего утра такой поддержки не имел никто из вождей. Но теперь положение переменилось, и пока что все сочувствуют именно нам. И нам бы надо ковать железо, пока горячо; у нас, боюсь, уже никогда не будет такой возможности, как сейчас. Но в любом случае нельзя допустить,

чтобы этот Совет Вождей еще больше затягивался. Если ты как можно скорее не вернешься к варденам, мы можем вообще все потерять.

— А что мы будем делать, дожидаясь окончательного голосования?

— Первым делом надо отпраздновать нашу маленькую победу. Устроим пир! — радостно заявил Орик. — А утолив голод и жажду, будем действовать, как прежде: постараемся заполучить как можно больше новых голосов и сохранить те, которые уже себе обеспечили. — Зубы Орика сверкнули в улыбке из-под нависающих усов. — Но прежде чем сделать хоть глоток меда, нам надо уделить внимание еще одному делу, о котором ты совершенно позабыл.

— Это о чем же я позабыл? — удивился Эрагон, и Орик с огромным удовольствием пояснил:

— Ну как же! Ты забыл вызвать сюда Сапфиру! Пусть она прилетит к нам в Тронжхайм! Стану я королем или нет, мы все равно через три дня изберем нового правителя, и, если Сапфира хочет присутствовать на этой торжественной церемонии, ей придется лететь очень быстро, иначе она может и не успеть.

И Эрагон, издав нечленораздельный радостный вопль, стремглав кинулся искать зеркало.

НЕПОДЧИНЕНИЕ ПРИКАЗУ

Жирная черная земля была холодной, когда Роран поднял комок и размял его между пальцев, одобрительно отметив, что почва достаточно влажна и насыщена перегноем. Сгнившие листья, трава, мох и прочая растительность — вот прекрасная основа будущего урожая, подумал он. Он даже поцеловал землю, даже попробовал ее на вкус. Да, земля была что надо! Он чувствовал в ней сотни различных ароматов — от истертых в песок горных пород до всяких жуков-червяков, гнилого дерева и нежных корешков травы.

Тут бы поля распахивать, мелькнула у него мысль. И он мысленно перенесся в долину Паланкар, залитую нежаркими лучами осеннего солнца, вновь увидел поля зрелого ячменя рядом с родным домом, аккуратные ряды золотистых стеблей, покачивающиеся под легким ветерком, реку Ануру и укрытые снежными шапками горы, возвышающиеся по обе стороны долины.

«Вот где мне нужно быть сейчас, — думал он. — Мне нужно пахать землю, любить Катрину и воспитывать вместе с ней наших детей, а не кропить эти поля чужой кровью!»

— Эй, Роран! — услышал он голос капитана Эдрика. — Кончай бездельничать, Молотобоец! — И Эдрик махнул Рорану рукой, подзывая к себе. — Не то, гляди, я передумаю и оставлю тебя в засаде вместе с лучниками!

Отряхнув ладони о штаны, Роран поднялся с земли.

— Да иду я, иду! — крикнул он своему командиру, с трудом подавив раздражение, которое вызывал у него Эдрик. Попав под его начало, Роран сразу же попытался как можно больше узнать о нем и о его заслугах на военном поприще. Из того, что ему довелось услышать, он сделал вывод,

что Эдрик — командир весьма опытный. Впрочем, Насуада никогда и не послала бы его в столь трудный и ответственный рейд, если бы это было не так. Но, судя по отзывам многих, характер у Эдрика весьма скверный, и он склонен наказывать своих воинов за малейшее нарушение установленного порядка. В этом Роран, к собственному неудовольствию, уже успел целых три раза и сам убедиться в первый же день пребывания в роте Эдрика. Подобная манера командовать, как считал Роран, только подрывает боевой дух воинов и мешает им проявлять собственную инициативу.

«Но, может быть, Насуада именно по этой причине и включила меня в его отряд? — думал Роран. — Или, может, это еще одна проверка моих способностей? Что ж, вполне возможно. Она желает убедиться, что я способен, наступив на собственную гордость, служить и под командой такого человека, как Эдрик».

Снова вскочив на Сноуфайра, Роран двинулся во главу довольно-таки большого отряда из двухсот пятидесяти воинов. Поставленная перед ними задача была проста: поскольку Насуада и король Оррин уже вывели основную массу своих войск из Сурды, Гальбаторикс вполне мог воспользоваться открывшейся возможностью и нанести удар по этой маленькой стране, оставшейся в данный момент почти без прикрытия. Мог быстро разграбить сурданские города и деревни, сжечь урожай, крайне необходимый варденам, строившим планы вторжения на территорию Империи. Разумеется, самым легким способом истребить вторгшихся в Сурду солдат Гальбаторикса было бы наслать на них Сапфиру — ее огонь и клыки быстро решили бы этот вопрос; однако все единогласно решили, что поступать так слишком опасно: нельзя было надолго оставлять войско варденов без ее прикрытия. Исключая, конечно, тот случай, когда Сапфире понадобится лететь к Эрагону. Итак, Насуада определила Рорана в отряд Эдрика, который был направлен в Сурду специально для того, чтобы отбивать атаки имперского войска, численность которого была не столь уж и велика: шпионы Насуады донесли, что там не больше трех сотен солдат. Однако три дня назад Роран и остальные варденны были неприятно поражены, напав на след посланного

Гальбаториксом отряда; выходило, что в нем никак не меньше семисот воинов.

Роран, натянув поводья, притормозил и поехал рядом с Карном, который, сидя на своей серой в яблоках кобыле, задумчиво чесал подбородок, осматривая расстилавшееся перед ними огромное пространство, заросшее колыхавшейся под ветром травой, из которой кое-где торчали ивы или черноствольные тополя. В небе парили вылетевшие на охоту ястребы, а внизу, в траве, кишмя кишели мыши, кролики, землеройки и прочая живность. Единственным свидетельством того, что в этих местах все же изредка бывали люди, была протоптанная в траве тропа, ведущая на восток до самого горизонта, — видимо, здесь-то и прошло войско Гальбаторикса.

Карн поднял глаза, посмотрел на яркое полуденное солнце и прищурился, отчего у него на лице, вокруг усталых глаз, тут же собрались морщинки.

— Мы нагоним их еще до того, как наши тени станут повечернему длинными, — заметил он.

— Ага, вот тогда и узнаем, хватит ли у нас сил, чтобы прогнать их отсюда, — сердито буркнул Роран. — А может, это они нас в клочья разнесут. Вообще-то хотелось бы хоть раз напасть на врага превосходящими силами.

На лице Карна появилась мрачная ухмылка:

— У варденов всегда так бывает.

— Все в строй! — прокричал Эдрик и, пришпорив коня, ринулся вперед по вытоптанной траве.

Роран скрипнул зубами от досады, несильно ударил каблуками в бока Сноуфайра и вместе с остальными двинулся следом за своим капитаном.

Шесть часов спустя Роран снова сидел верхом на Сноуфайре, прячась за резной листвой молодых буков, что в изобилии росли вдоль небольшого ручейка, русло которого скрывалось в зарослях камыша и болотных трав. Сквозь путаницу ветвей он видел небольшое селение, не более двух десятков серых, рассыпающихся от старости домишек, жители которых при виде большого отряда солдат, собрав в узлы жалкие пожитки, бросились бежать на юг, в сторону

Сурды. Рорана душил гнев. Если бы отрядом командовал он, то, несомненно, нашел бы способ оповестить селян о своем присутствии и заверил бы их, что варденны не допустят, чтобы несчастные крестьяне лишились своих домов и прочего имущества. Он прекрасно помнил боль, отчаяние и полную безнадежность, охватившие его, когда ему пришлось покинуть Карвахолл, и сейчас ему очень хотелось избавить этих бедняг от подобных переживаний, но он был не вправе сам принимать подобные решения. А еще он непременно попросил бы здешних мужчин встать с ними плечом к плечу и драться с солдатами Гальбаторикса. Еще два десятка мечей и щитов — и неизвестно, на чьей стороне окажется победа. А уж он, Роран, лучше многих знает, с какой яростной решимостью люди способны защищать свой дом. Но Эдрик его предложение отверг и приказал варденам оставаться в засаде среди холмов близ юго-восточной окраины селения.

— Нам еще повезло, что это пехота, — буркнул Карн, указывая на колонну солдат в красном, направлявшуюся к селению. — Иначе нам ни за что не удалось бы их опередить.

Роран оглянулся на сгрудившихся позади него варденов. Эдрик временно дал ему под команду восемьдесят одного воина — полдюжины лучников, остальные были вооружены мечами и пиками. Один из любимчиков Эдрика по имени Санд возглавлял второй такой же отряд, остальными командовал сам Эдрик. Все три группы сосредоточились поблизости друг от друга, укрывшись в роще из молодых буков, что Роран считал ошибкой: им потребуется некоторое время, чтобы построиться после того, как они выберутся из этих зарослей, а это даст солдатам Гальбаторикса лишнюю возможность подготовиться к отражению атаки.

Наклонившись к Карну, он сказал:

— Я не вижу там ни одного безрукого или безногого, хотя, конечно, это ни о чем не говорит. Можешь определить, чувствуют они боль или нет?

Карн вздохнул.

— Хотел бы я уметь такое... А вот твой двоюродный брат наверняка сразу это почуял бы; ведь Муртаг и Гальбаторикс — единственные заклинатели, которых ему приходится опасаться, а я слабо владею магией; я даже и не осмелюсь

к этим солдатам в мысли соваться. Если среди них есть хоть один колдун, он сразу это заметит; а я вряд ли успею проникнуть в сознание хоть одного солдата, прежде чем этот колдун поднимет тревогу.

— У нас с тобой подобные споры каждый раз возникают, как только нам схватка предстоит, — заметил Роран, изучая вооружение солдат и пытаясь решить, как ему лучше расставить своих людей.

Карн усмехнулся:

— Ну и что? Это даже хорошо, будем и дальше спорить по этому поводу, потому что, если действовать напролом...

— Оба мы или кто-то один вскоре окажемся трупами...

— ...или Насуада засунет нас под начало разных капитанов...

— ...и тогда каждый из нас тоже вполне может погибнуть, потому что некому будет прикрывать ему спину, — закончил Роран и тоже улыбнулся. Подобные шутки уже стали для них привычными. Готовясь к бою, Роран вытащил из-за пояса молот и скривился от боли в том месте, где его ногу проткнул рог вола. Морщась, он нагнулся и помассировал болевую точку.

— Эй, ты что? — встревожился Карн, заметив это.

— Ничего, пустяки. От этого не умирают, — ответил Роран, но тут же отработал назад: — Ну, может, и умирают, но *чтоб я лопнул, если стану тут отсиживаться*, пока ты будешь рубить на куски этих чертовых дуболомов!

Достигнув селения, солдаты прошли его насквозь, останавливаясь лишь для того, чтобы выбить дверь в каждом из домов и убедиться, что внутри никого нет. Из-за бочки с дождевой водой на них бросилась собака и яростно залаяла, топорща шерсть на загривке. Один из солдат вышел из строя и метнул в собаку копье, убив ее на месте.

Когда солдаты добрались до дальнего края селения, Роран, стиснув рукоять молота, приготовился к атаке, но вдруг до него донеслись пронзительные крики, от которых становилось не по себе, и он увидел, как из предпоследнего дома солдаты вытаскивают троих сопротивляющихся людей: долговязого седовласого мужчину, молодую женщину в разорванной блузке и мальчика лет одиннадцати.

На лбу у Рорана выступил пот. Он тихо и монотонно проклинал всех подряд — несчастных пленников за то, что они не бежали вместе с остальными; солдат за то, что они делают; Гальбаторикса и лихую судьбу за то, что творится сейчас в Алагейзии. А за спиной у него тоже слышались такие же тихие проклятия — варденцы с трудом сдерживались, чтобы не броситься на этих солдат и не покарать их за подобную жестокость.

Когда все дома были обысканы, почти все солдаты вернулись в центр селения и окружили пленников, повернувшись спиной к притаившимся в роще варденам. План Эдрика, собственно, и заключался в том, чтобы дождаться именно такого момента. Предвкушая приказ к атаке, Роран приподнялся в седле и весь напружинился. Попытался сглотнуть, но тщетно: горло от волнения совсем пересохло.

Офицер, единственный из воинов Гальбаторикса, кто был верхом, соскочил с коня и что-то негромко сказал седовласому пленнику. Потом вдруг выхватил саблю и, не прибавив ни слова, обезглавил старика, ловко отпрыгнув в сторону, чтобы не запачкаться брызнувшей кровью. Молодая женщина пронзительно закричала. И Роран услышал тихий приказ Эдрика:

— В атаку!

Роран, правда, не сразу вышел из охватившего его оцепенения, да и приказ этот был отдан каким-то уж чересчур спокойным голосом.

— В атаку! — донесся до него крик Санда, стоявшего со своим отрядом по другую сторону буковой рощи, и он галопом вылетел на открытое пространство.

— В атаку! — тут же крикнул и Роран, с силой ударив каблуками в бока Сноуфайра. Низко наклонившись, он прикрывался щитом, пока Сноуфайр проламывался сквозь заросли и пока они мчались вниз по склону холма под грохот копыт следующих за ними варденов. В отчаянной попытке спасти женщину и мальчика Роран понукал и погонял Сноуфайра, заставляя коня бежать на пределе возможности. Оглянувшись назад, он с радостью увидел, что его группа без особых потерь отделилась от остального отряда и, если не считать нескольких отставших, стремительно несется

вперед, сбившись в единый кулак, шагах в десяти позади него.

Он успел также мельком заметить, что Карн скачет в авангарде группы Эдрика; серый плащ, точно крылья, развевался у него за плечами. Жаль, подумал он, что Эдрик разделил нас, не позволил сражаться бок о бок!

Следуя приказу, Роран не повел своих людей в лобовую атаку, а взял левее, чтобы, объехав дома с тыла, зайти врагу с той стороны, откуда они нападения не ожидают. Санд проделал то же самое на правом фланге, а Эдрик со своими воинами ворвался прямо в селение.

Дома скрыли от Рорана начало схватки, до него доносились лишь отчаянные крики людей, звон металла и ржание лошадей.

Внутри у него похолодело от тяжкого предчувствия. Откуда там столько металла? Неужели у этих воинов стальные луки? Но разве такие существуют? И откуда там столько ржущих от боли лошадей? Ведь это отряд пехотинцев! У Рорана похолодели пальцы, когда он с полной определенностью понял, что атака сорвана и бой, видимо, проигран.

Он резко натянул поводья, придержав Сноуфайра, и, выехав из-за последнего дома на деревенскую улицу, направил коня к центральной площади. Его отряд следовал за ним по пятам. Вдруг шагах в сорока впереди Роран увидел тройной заслон солдат, полностью преграждавший им путь. Казалось, эти пешие воины совсем не страшатся конной атаки.

Роран заколебался. У него был четкий приказ: он со своими людьми должен был напасть на западный фланг противника и пробиться сквозь его ряды, а затем соединиться с отрядами Санда и Эдрика. Но Эдрик ничего не говорил насчет того, как быть, если лобовая атака на готового к бою противника окажется бессмысленной. Роран отлично понимал, что если он нарушит полученный приказ, даже с целью уберечь своих людей от гибели, то непременно будет обвинен в неповиновении командиру, и Эдрик наверняка накажет его за это.

Тут вражеские солдаты, откинув назад свои яркие плащи, дружно подняли заряженные арбалеты.

И в этот момент Роран окончательно принял решение. Он сделает все, чтобы обеспечить победу варденов в этом бою! Он не позволит этим солдатам разгромить его отряд, хотя они могут это сделать всего одним залпом из своих арбалетов. И пусть потом его ожидает любое наказание, сейчас он поступит по-своему!

— В укрытие! — рявкнул он и резко повернул Сноуфайра вправо, заставляя его прыжком скрыться за ближайшим домом.

Секунду спустя в стену этого дома впилось не менее дюжины арбалетных болтов. Развернувшись, Роран увидел, что и все вардены, кроме одного, успели укрыться за домами до того, как вражеские солдаты начали стрелять. А тот, кто задержался, лежал на земле в луже крови, и две тяжелых арбалетных стрелы торчали у него из груди. Роран хорошо знал, что такой болт способен легко пробить даже кольчужный панцирь. Испуганная запахом крови, лошадь убитого, нервно взбрыкивая, помчалась прочь от деревни, оставив позади целую тучу пыли.

Роран крепко ухватился за край балки, торчавшей из стены дома, судорожно пытаясь сообразить, как быть дальше. Сейчас они были зажаты между домами, точно в ловушке, и вряд ли солдаты выпустят их. А на открытом месте их всех моментально так утыкают арбалетными болтами, что они, пожалуй, станут похожи на ежей.

К нему подъехало несколько варденов, прятавшихся за соседним домом.

— Что будем делать, Молотобоец? — чуть ли не хором спросили они. Их, кажется, совершенно не волновало то, что он ослушался приказа; наоборот, теперь, пожалуй, в глазах их светилось куда больше надежды и веры в него, Рорана.

Он огляделся. Мысли лихорадочно метались в голове, не находя решения. Вдруг глаза его наткнулись на лук и колчан, привязанные к седлу одного из варденов. Роран улыбнулся. В отряде было мало настоящих лучников, но многие все же всегда брали с собой лук и стрелы, чтобы иметь возможность поохотиться в лесу или иных безлюдных местах, когда иной поддержки и пищи явно не предвиделось.

Роран указал пальцем на крышу дома, за которым они укрылись:

— Вот что, берите луки и полезайте на крышу — чем больше вас там уместится, тем лучше. Но если вам дорога жизнь, без моего сигнала даже не высовывайтесь. А как только я крикну, сразу начинайте стрелять и стреляйте, пока стрелы не кончатся или пока всех солдат не перебьете.

— Есть, командир!

— Давайте на крышу, ребята. И остальные пусть тоже выберут себе такие дома, с крыш которых им было бы удобно стрелять. Харалд, передай по команде: пусть здесь соберутся десять лучших копейщиков и десять лучших фехтовальщиков.

— Слушаюсь, командир!

Вардены тут же бросились выполнять приказания Рорана. Те, что стояли с ним рядом, мгновенно отвязали от седел луки и колчаны, встали ногами на седла, подтянулись и залезли на крытую камышом крышу. Через несколько минут большая часть отряда Рорана уже заняла позиции на крышах семи домов — в среднем по восемь лучников на каждой. Вскоре и Харалд вернулся вместе с затребованными копейщиками и мастерами клинка.

Этим варденам Роран сказал:

— Слушайте меня внимательно. Как только я дам команду, те, кто на крышах, начнут обстрел. И сразу после этого мы выскочим отсюда и попытаемся выручить капитана Эдрика и его людей. Если не сумеем дать этим красноперым отведать вкуса холодной стали, плохо нам придется. Надеюсь, наши лучники внесут достаточную сумятицу в их ряды и мы успеем до них добраться, прежде чем они снова возьмутся за арбалеты. Всем все понятно?

— Да, командир!

— Тогда, лучники, к бою!

Издав громкий боевой клич, лучники разом поднялись над коньками крыш и разрядили свои луки в стоящих внизу солдат. Туча стрел со свистом пронзила воздух, точно стая кровожадных коршунов, устремившихся к загнанной добыче.

А еще через мгновение под вопли раненых солдат Роран сказал:

— Теперь наша очередь! — и пришпорил Сноуфайра.

Они на такой скорости вылетели из-за дома, что едва удержались в седлах. Надеясь лишь на быстроту своих коней и меткость лучников, прикрывающих их атаку, конники Рорана обошли ошалевших от неожиданности солдат с арбалетами, столпившихся посреди улицы в полном беспорядке, и помчались туда, где столь прискорбно завершилась неудачная атака Эдрика. Земля там, казалось, была скользкой от крови; пространство между домами было усеяно мертвыми телами; там пало немало отличных воинов и боевых коней. Остатки отряда Эдрика еще продолжали драться с врагом врукопашную, и сам Эдрик, к большому удивлению Рорана, оказался жив и храбро сражался вместе с пятью своими воинами, прикрывавшими ему спину.

— Все за мной! — крикнул Роран, и его отряд ринулся в бой.

Сноуфайр, выбросив вперед копыта, сшиб двоих солдат, мощным ударом переломав им руки и ребра. Похвалив жеребца, Роран поднял молот и, рыча от ярости, принялся укладывать одного солдата за другим. Похоже, никто в эти минуты не смог бы противостоять силе его ударов.

— Ко мне! — крикнул он, добравшись до Эдрика и остатков его группы. — Все ко мне!

А стрелы между тем все продолжали сыпаться с крыш на сбившихся в кучу арбалетчиков, не давая им возможности стрелять и заставляя прикрываться щитами от ударов мечей и копий упорно наседавших на них варденов.

Когда Рорану и его конникам удалось окружить остатки отряда Эдрика, Роран крикнул:

— Отступаем! Все назад! К домам! В укрытие!

Отступая осторожно, шаг за шагом, им удалось вывести всех пеших варденов из-под ударов неприятеля, и они бегом бросились к ближайшему дому. По пути, правда, трое из них пали, сраженные арбалетными болтами.

Когда все оказались в укрытии, Эдрик привалился к стене дома, хватая ртом воздух. Когда он вновь обрел

способность говорить, то, устало махнув рукой в сторону людей Рорана, сказал:

— Очень вовремя вы появились, Молотобоец! Только почему вы вылетели с этой стороны, а не прорвались сквозь строй солдат, как тебе было приказано?

Роран объяснил ему, как развивался бой, и указал на лучников, засевших на крышах.

Эдрик мрачно хмурился, слушая его разъяснения. Но бранить за ослушание не стал, а сказал только:

— Снимай людей с крыш. Пусть все соберутся здесь. Они уже внесли в ряды солдат достаточно сумятицы. Теперь нам придется довести дело до конца, полагаясь уже на наши благородные клинки.

— Но нас слишком мало, чтобы атаковать их в лоб! — запротестовал Роран. — Их раза в три больше!

— Мужество даст нам то, чего не дает численность! — прорычал в ответ Эдрик. — Мне говорили, что ты смелый воин, Молотобоец, но, видимо, эти слухи были сильно преувеличены. Похоже, ты больше похож на трусливого кролика. Выполняй приказ! И не задавай лишних вопросов! — Капитан махнул одному из воинов Рорана. — Эй, давай-ка сюда своего коня! — И когда тот спешился, Эдрик вскочил в седло и приказал: — Половина тех, что на конях, за мной! Поспешим на выручку Санду! Остальные остаются с Рораном!

И, дав коню шпоры, Эдрик погнал его галопом между домами; те, кто получил приказ следовать за ним, не отставали от него ни на шаг. Им удалось обойти с фланга солдат, по-прежнему нелепо толпившихся посреди деревенской улицы, и броситься в ту сторону, где Санд со своими людьми вел бой.

Провожая их взглядом, Роран дрожал от ярости. Никогда прежде он не позволял высказывать сомнения в его смелости и отваге! На подобные оскорбления он всегда отвечал словами или кулаками. Но сейчас, пока бой еще не кончен, ругаться с Эдриком было совершенно неуместно. «Ну, ладно, — решил Роран. — Сейчас я покажу этому Эдрику, что такое настоящая смелость, которой мне якобы не хватает. Но людей своих я на растерзание не отдам. И лучников

посылать в рукопашный бой не стану, от них гораздо больше проку на крышах. Да там и безопаснее».

Роран повернулся и оглядел тех воинов, которых оставил ему Эдрик. Среди тех, кого они выручили, он с радостью увидел Карна; колдун был исцарапан и весь в крови, но, в общем, не особенно пострадал. Он с улыбкой кивнул Рорану, и тот сказал, обращаясь ко всем:

— Вы слышали, что приказал Эдрик. Но я с его приказом не согласен. Если сделать так, как он хочет, то все мы весьма быстро превратимся в гору трупов, хотя этот бой еще вполне можно выиграть. Просто не нужно совать собственную голову в пасть более сильному противнику. Раз мы не можем превзойти его численностью, постараемся воспользоваться умом и хитростью. Все вы знаете, как я пришел к варденам. Знаете, что перед этим нам пришлось драться с солдатами Гальбаторикса в своей родной деревне, такой же, как эта, и мы их победили! Клянусь вам, это вполне можно сделать! Но в одиночку мне с такой задачей, конечно, не справиться. Итак, готовы ли вы последовать за мной? Подумайте хорошенько. Ответственность за неисполнение приказа я, разумеется, беру на себя, однако впоследствии Эдрик и Насуада вполне могут наказать за это всех, а не только меня.

— Ну и поступят весьма глупо! — проворчал Карн. — Разве лучше, если нас всех тут положат? Вряд ли. В общем, можешь на меня рассчитывать, Роран.

После заявления Карна, как заметил Роран, и остальные воины распрямили плечи и гордо подняли головы; глаза у них зажглись решимостью, и он понял, что они готовы доверить ему свою судьбу хотя бы потому, что не хотят лишаться единственного среди них колдуна. Многие вардены были обязаны жизнью кому-то из членов Дю Врангр Гата, и все, с кем Роран уже имел дело раньше, готовы были скорее лишиться глаза, чем идти в бой, не имея рядом ни одного заклинателя.

— Правильно! — сказал Харалд. — На нас ты тоже можешь рассчитывать, Молотобоец.

— Тогда — за мной! — скомандовал Роран. Он нагнулся, подхватил Карна и посадил его на Сноуфайра позади себя и поехал во главе своего маленького отряда снова туда, где

лучники продолжали с крыш обстреливать неприятеля. Прячась за домами, они то и дело слышали жужжание тяжелых арбалетных стрел — казалось, мимо пролетает рой каких-то злобных гигантских насекомых. Один такой болт даже вонзился в щит Харалда, почти пробив его.

Когда они наконец оказались в относительной безопасности, Роран велел всем, кто еще оставался верхом, передать свои луки и стрелы пешим воинам, которых тоже отправил на крыши, на подмогу уже сидевшим там лучникам. Затем он подозвал к себе Карна — тот спрыгнул со спины Сноуфайра, как только они остановились, — и тихо сказал ему:

— Мне нужна твоя магия. Можешь ты создать какую-нибудь защиту от этих арбалетчиков для меня и еще человек десяти?

Карн задумался.

— Надолго? — спросил он.

— Не знаю, может, на минуту, а может, на час.

— Укрыть чарами стольких воинов, как щитом, это... Боюсь, это очень скоро полностью истощит мои силы. Но если тебе неважно, остановлю я их стрелы или просто заставлю их свернуть в сторону от вас...

— Да, этого было бы вполне достаточно.

— Кого конкретно ты хочешь прикрыть?

Роран указал ему тех, кого отобрал для предстоящей вылазки, и Карн каждого спросил, как его имя. Затем, встав перед ними в какой-то странной позе, весь сгорбившись, он начал бормотать заклинания на древнем языке. Лицо его было бледным и страшно напряженным. Три раза он пытался поставить защиту, и три раза ему это не удавалось.

— Извини, — сказал он Рорану, судорожно вздыхая, — я что-то никак не могу сосредоточиться.

— Да, черт побери, нечего передо мной извиняться! — прорычал Роран. — Делай свое дело, и все! — Спрыгнув с седла, он сжал ладонями голову Карна и заставил его смотреть ему прямо в глаза. — Нет, ты смотри на меня! Прямо в мои зрачки! Вот так. И не отводи взгляд в сторону! Отлично. А теперь ставь защиту.

Лицо Карна просветлело, мышцы слегка расслабились, поникшие плечи распрямились, и он уверенным голосом произнес заклинание. Но, едва отзвучало последнее слово, колдун бессильно обвис на руках у Рорана, успев лишь прошептать:

— Готово!

Роран бережно прислонил его к стене, похлопал по плечу и снова вскочил в седло. И, оглядев свое «войско» из десяти всадников, сказал:

— Прикрывайте меня с тыла и с боков, но держитесь так, чтобы я никого своим молотом не зацепил. Да помните, что теперь нам никакие стрелы не страшны! А ты, Карн, оставайся здесь. И никаких лишних движений! Береги силы. Если почувствуешь, что больше не можешь чары удерживать, тут же дай нам знать, прежде чем их снимешь. Хорошо?

Карн кивнул в знак согласия и устало присел на ступеньку крыльца того дома, за которым они прятались от арбалетчиков.

А Роран в сопровождении десяти варденов снова выехал на пыльную деревенскую улицу, собираясь пойти в лобовую атаку. Там оставалось еще по меньшей мере сотен пять воинов, и они по-прежнему полностью перекрывали центр селения, укрывшись за щитами; некоторые уже натягивали тетивы своих арбалетов. Время от времени кто-то из них выпускал тяжелый болт в сторону тех варденов, что стреляли по ним с крыш, и тут же снова, присев, прятался за щитом, ибо вардены на каждый болт неизменно отвечали градом стрел. Вся деревенская площадь была завалена трупами, меж которыми из земли, точно стебли камыша, торчали стрелы. Примерно в сотне шагов, за строем вражеских воинов Роран разглядел странное сплетение движущихся тел и догадался, что это Санд, Эдрик и те вардены, что уцелели, схватились с солдатами Гальбаторикса врукопашную. Но он нигде так и не заметил той молодой женщины и мальчика и не знал, остались ли они на площади или успели где-то спрятаться.

Арбалетный болт, с жужжанием летевший прямо в грудь Рорану, вдруг отвернул в сторону менее чем в футе от цели и

упал где-то сзади, так никого и не задев. Роран машинально дернулся, хотя уже понимал, что опасность миновала. Он судорожно сглотнул, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Оглянувшись, Роран заметил возле одного из домов прислоненную к нему сломанную повозку и, указав на нее, крикнул товарищам:

— Тащите ее сюда! Да опрокиньте вверх колесами! Постарайтесь как можно лучше перекрыть улицу! — Затем он обратился к своим лучникам: — Ребята, не давайте этим гадам напасть на нас с флангов! А если они в атаку пойдут, то постарайтесь получше их ряды проредить! Ну, а когда все стрелы расстреляете, спускайтесь к нам!

— Есть, командир! — крикнул кто-то ему в ответ.

— Да в нас случайно не попадите! Не то, клянусь всеми богами, я вам всю жизнь покоя не дам, так и буду преследовать!

— Поняли, командир!

В Рорана и его сопровождение арбалетные стрелы так и летели, но, не достигнув цели, словно отскакивали от невидимой стены и падали на землю.

Роран смотрел, как вардены вытаскивают на середину улицы сломанную телегу. Когда они почти полностью перегородили ею проход, он, задрав подбородок, крикнул в полную силу своих легких:

— Эй, трусливые падальщики! Поглядите, нас тут всего одиннадцать, а мы вам всю дорогу перекрыли! Попробуйте-ка пройти! Ну что же вы, хоть попытайтесь, коли смелости хватит! Боитесь? То-то же, трупоеды вонючие! Трусливые свиньи! Все вы недоумки, которых надо было еще во младенчестве утопить! Все равно мамаши у вас — шлюхи, подстилки ургалов! Да и папаши — недоноски слабоумные! — И Роран удовлетворенно заулыбался, видя, что кое-кто из солдат, побагровев от ярости, начинает тоже выкрикивать оскорбления в ответ ему.

И вдруг один из них, видимо совсем потеряв голову, перестал стрелять, бросил арбалет и побежал прочь, прикрываясь щитом. Он метался и прыгал из стороны в сторону, как дикий козел, в отчаянной попытке избежать стрел, но

вардены все же сумели подстрелить его, не дав пробежать и сотни футов.

— Ха! — воскликнул Роран. — Трусы, вот вы кто! Все до единого! Жалкие паршивые крысы! Ежели желаете знать, меня зовут Роран Молотобоец, я брат знаменитого Эрагона, Губителя Шейдов! Ну-ка, попробуйте меня убить! Наверняка тому, кто сумеет это сделать, ваш мерзкий Гальбаторикс графский титул пожалует и земли в придачу! Вот только убивать меня вам придется мечом, ваши арбалеты против меня бессильны! Ну, давайте же, слизняки, давайте! Идите сюда, кровожадные, толстобрюхие пауки! Покажите, на что вы способны!

Среди воинов Гальбаторикса наблюдалось явное замешательство, потом человек тридцать побросали свои арбалеты, вытащили из ножен мечи и, подняв щиты, ринулись на Рорана.

Из-за правого плеча Роран услышал тихий голос Харалда:

— Молотобоец, их гораздо больше, чем нас.

— Аґа, — ответил Роран, не сводя глаз с приближавшихся солдат. Четверо из них, словно споткнувшись, упали, пронзенные стрелами, пущенными с крыш.

— Если они разом на нас навалятся, нам не устоять, — снова сказал Харалд.

— Это так, только они не навалятся. Сам посмотри: они уже плохо соображают, они перепуганы, строй не держат. Видимо, их командир погиб. Ничего, пока мы сами держим строй, им нас не взять!

— Да нет, Роран, маловато нас. Нам стольких просто не уложить!

Роран оглянулся на Харалда:

— Ерунда! Всех уложим! Мы ведь свои семьи защищаем, свои земли, свои дома! А они пошли в бой только потому, что их заставил Гальбаторикс. Где ж им настоящего боевого духа набраться! Вот и ты думай лучше о своей семье, о том, что именно ты защищаешь. Человек, который не только себя защищает, но сражается за нечто куда большее, способен один и сотню врагов сразить!

И, говоря это, Роран видел перед собой Катрину в голубом свадебном платье. Он ощущал запах ее кожи, слышал ее приглушенный голос — так она всегда с ним разговаривала во время их долгих ночных бесед...

Эх, Катрина!

Солдаты были уже совсем рядом. А потом некоторое время Роран не слышал больше ничего, кроме глухих ударов мечей по щитам и звона, с каким его молот сокрушал шлемы врагов, с криком падавших под его ударами. Надо сказать, что солдаты Гальбаторикса бились яростно и отчаянно, но с Рораном и варденами им было все же не совладать. Когда пал последний противник, Роран разразился каким-то безумным хохотом, страшно возбужденный битвой и одержанной победой. Как это все-таки было здорово — крушить врагов, которые могут причинить зло его жене и еще не родившемуся ребенку!

Роран обрадовался, увидев, что никто из варденов серьезно не пострадал. Кое-кто из лучников еще во время этой схватки успел спуститься с крыши, и теперь они присоединились к его отряду уже верхом на конях. Широко улыбаясь им, он крикнул:

— Добро пожаловать! И сразу — в бой!

— Спасибо за теплое приветствие! — шуткой ответил на его шутку кто-то из лучников.

Указав своим окровавленным молотом направо, Роран приказал:

— Ты, ты и вот ты — навалите вон там трупы, чтобы эта куча вместе с повозкой почти совсем перекрыла улицу, оставив совсем узкий проход, в который и двоим трудно будет пройти.

Вардены бросились исполнять его приказание, а мимо Рорана снова прожужжал арбалетный болт. Он, не обращая на него внимания, продолжал наблюдать за вражеским отрядом, от которого как раз отделилась группа человек в сто, явно намеревавшаяся возобновить атаку.

— Быстрее! — крикнул он воинам, перетаскивавшим трупы. — Они уже идут! Харалд, помоги им!

Роран, нервно облизывая губы, смотрел, как вардены перегораживают улицу, и вздохнул с облегчением, когда они

бросили на груду трупов последнее тело и успели вскочить в седла буквально за секунду до того, как к этой импровизированной баррикаде подкатила новая волна атакующих.

Дома, стоявшие по обе стороны улицы, перевернутая повозка и страшная гора трупов остановили солдат, и они в замешательстве собрались в кучу, чего, конечно, делать не следовало. Им сейчас было некуда деться от стрел, так и сыпавшихся на них с крыш соседних домов.

Первые два ряда были вооружены копьями, острия которых были грозно нацелены в сторону Рорана и его товарищей. Роран, по-прежнему ругаясь и выкрикивая проклятия, отбил три выпада, но никак не мог дотянуться до самих копейщиков своим молотом. Тут одно из копий угодило прямо в плечо Сноуфайру, и Рорану пришлось резко наклониться вперед, прижимаясь к шее жеребца, чтобы не вылететь из седла, потому что Сноуфайр заржал и поднялся на дыбы.

А когда конь снова опустился на все четыре ноги, Роран соскользнул с седла, прикрываясь туловищем Сноуфайра от копейщиков, и жеребец снова взбрыкнул, когда еще одно копье пробило ему шкуру. И пока солдаты не успели нанести коню еще несколько ранений, Роран заставил его сдать назад, потянув за узду, и развернул в обратном направлении. Потом он хлопнул Сноуфайра по крупу и крикнул: «Пошел!» Умный конь послушно развернулся и бросился прочь из деревни.

— Дорогу! — заорал Роран, и вардены расступились, давая ему пройти, а он снова выскочил в передний ряд, на ходу засовывая за пояс рукоять молота.

Какой-то солдат тут же попытался попасть ему копьем в грудь. Он отбил удар рукой, ободрав ладонь о плохо отшлифованное древко, и вырвал копье у солдата из рук. Тот, потеряв равновесие, плашмя растянулся на земле. И Роран, мгновенно развернув копье, пронзил им упавшего, затем сделал выпад и проткнул еще двоих. Встав в боевую позицию и прочно упершись ногами в эту плодородную землю, на которой ему так хотелось выращивать богатые урожаи, он, потрясая копьем, заорал:

— Ну, что же вы, ублюдки поганые! Убейте меня, если сможете! Мое имя — Роран Молотобоец, и я не боюсь никого на свете!

Солдаты вновь ринулись вперед, и трое, перепрыгнув через тела своих поверженных товарищей, обменялись ударами с Рораном. Ловко отпрыгнув в сторону, он ткнул самого правого из нападавших копьем в челюсть, выбив ему зубы. Потом, отдернув окровавленное копье, упал на одно колено и ударил им второго солдата, попав ему в подмышку.

И тут кто-то с силой ударил его по левому плечу. Щит, которым прикрывался Роран, казалось, сразу потяжелел вдвое. Поднявшись, он увидел, что из щита торчит воткнувшееся в дубовую основу копье, а последний солдат из тех троих уже готов броситься на него с обнаженным мечом. Роран поднял свое копье над головой и уже готов был его метнуть, когда солдат, вдруг словно споткнувшись, остановился, и Роран, не медля ни секунды, ударил его носком сапога между ног, а затем следующим ударом покончил с ним. Пользуясь недолгим затишьем перед следующей схваткой, он высвободил левую руку из ремней бесполезного теперь щита и отбросил его вместе с впившимся в него копьем под ноги наступающим врагам, рассчитывая хоть кого-то сбить им с ног.

Ринувшаяся было в атаку новая порция солдат дрогнула и остановилась — так страшен был жуткий оскал на лице Рорана и его смертоносное копье. Гора трупов перед ним все росла, и когда она достигла в высоту его пояса, он поднялся на вершину этой кровавой горы и осмотрелся. Основа у него под ногами была, разумеется, не слишком прочной, но все же давала ему немалые преимущества. Поскольку улица была перегорожена, солдатам приходилось перебираться через баррикаду из повозки и мертвых тел, и Роран бил их сверху, когда они цеплялись за руку или ногу своих мертвых однополчан или оскальзывались на чьем-то окровавленном щите.

Сверху Рорану было видно, что к атаке на варденов присоединились и прочие воины Гальбаторикса, не считая небольшой группы, все еще сражавшейся с Сандом и Эдриком

на другом конце селения. Так что, со вздохом понял Роран, отдыха ему не видать до конца сражения.

Он получил уже с десяток ран, хотя до вечера было еще далеко. Раны, правда, в основном были не так уж тяжелы — порез на внутренней части локтя, сломанный палец, царапина на ребрах, где чей-то кинжал проткнул кольчугу, — но имелись и более серьезные. Один из раненых солдат, упавший на кучу трупов, сумел снизу пырнуть Рорана копьем и проткнул ему икроножную мышцу на правой ноге, отчего он теперь сильно прихрамывал. А вскоре после этого какой-то великан, от которого так и разило луком и сыром, навалился на него и, уже умирая, с последним вздохом проткнул ему левое плечо арбалетным болтом, после чего Роран уже не мог поднять эту руку над головой. Выдергивать древко он не стал, понимая, что может истечь кровью. Теперь вообще почти всеми его действиями управляла боль; любое движение вызывало мучительные приступы боли, однако Роран продолжал наносить удары, стараясь не думать о ранах и усталости; он отлично понимал: остановиться — значит погибнуть.

Время от времени он замечал кого-то из варденов, которые дрались с ним рядом или позади него; иногда вдруг мимо него проносилось копье, нацеленное в противника, или из-за его плеча вдруг вылетал клинок и сражал вражеского солдата, который уже приготовился проткнуть Рорана копьем. Но по большей части Роран видел только своих непосредственных противников — тех, кто был перед ним, словно сражался с ними в полном одиночестве. Груда тел, на которой он по-прежнему возвышался, ограничивала его поле зрения, низводя его до узкой щели между перевернутой повозкой и стеной дома. Он понимал также, что у оставшихся на крышах лучников еще есть стрелы, поскольку стрелять они не переставали, и стрелы их с серым гусиным оперением все так же несли смерть, пронзая плоть вражеских воинов.

Бой все не утихал. Когда Роран ткнул копьем очередного солдата, то случайно угодил острием ему в латный нагрудник, и древко копья расщепилось по всей длине. Солдат, изумленный тем, что остался в живых, даже не сразу

сообразил, что нужно нанести ответный удар мечом, и это позволило Рорану поднырнуть под свистящий клинок и подхватить с земли другое копье, которым он затем и сразил этого солдата. К сожалению, это второе копье продержалось у него не больше минуты и тоже раскололось прямо в руках. Швырнув обломки в солдат, он поднял щит одного из погибших и вытащил из-за пояса молот. По крайней мере это оружие его никогда не подводило.

Теперь самым большим врагом Рорана стала его усталость, а солдаты все лезли и лезли на вал из мертвых тел; казалось, каждый из них ждет своей очереди, чтобы с ним сразиться. А он уже почти не чувствовал собственных рук и ног, перед глазами мелькали круги, и он никак не мог вдохнуть полной грудью. И все же он как-то ухитрялся одолеть каждого очередного противника. Роран и сам не понимал, откуда у него берутся на это силы, но чувствовал, как притупилась реакция, нет и былой ловкости движений, и солдаты все чаще наносят ему новые раны, которых раньше он так легко избегал.

Однако строй нападающих постепенно редел, и вскоре Роран, увидев за ними открытое пространство, понял, что его мукам приходит конец. Он не стал предлагать последней дюжине солдат пощадить их, да они и не просили у него пощады, хоть и понимали, что у них нет ни малейшей надежды пробиться. Бежать они тоже не пытались. Они лишь снова и снова бросались на Рорана, рыча и скалясь, точно дикие звери, и желая одного: убить этого человека, погубившего стольких их товарищей, и только потом умереть самим.

Роран даже восхищался их мужеством.

Еще четверо солдат упали на землю, пораженные стрелами стрелявших с крыш варденов. Копье, брошенное кем-то из тех, кто сражался позади Рорана, просвистело у него над плечом и угодило пятому солдату прямо под ключицу, и он тоже рухнул посреди усеянной трупами улицы. Потом еще двое упали, тоже сраженные копьями, и на Рорана навалилась последняя горстка солдат Гальбаторикса. Первый из них нанес ему страшный удар шипастым боевым топором. Роран успел все же прикрыться щитом, хоть и чувствовал,

как наконечник арбалетного болта, сидящего у него в плече, трется о кость. Воя от боли, ярости и всепоглощающего желания поскорее покончить с оставшимися в живых врагами и завершить бой, Роран одним ударом молота по голове уложил этого солдата и, не останавливаясь, тут же прыгнул вперед. Приземлившись на здоровую ногу, он ударил следующего солдата в грудь, круша ему ребра и не давая прикрыться. Третий успел отбить два его удара, но Роран завлек противника обманным выпадом, и вскоре тот тоже рухнул на землю. Последние два солдата атаковали Рорана одновременно с двух сторон, упорно стараясь рубануть его по ногам. Почти теряя силы, Роран некоторое время отбивал их атаки, нанося раны и получая их, и наконец ему удалось сразить одного из своих противников, прямо-таки вбив ему голову в плечи вместе со шлемом, а затем он и второму раздробил шейные позвонки метким ударом сбоку.

И тут же сам пошатнулся и рухнул.

Очнувшись, Роран почувствовал, как кто-то приподнимает его, и, открыв глаза, увидел Харалда, который поднес ему к губам мех с *вином и сказал:*

— Выпей-ка. Тебе сразу полегчает.

С трудом вдыхая воздух измученными легкими, Роран сделал несколько глотков. Нагревшееся на солнце вино щипало рот, словно тысячи тонких иголок. Почувствовав наконец, что вполне может встать, он сказал:

— Ладно, все в порядке. Можешь меня отпустить, — и встал, опираясь на молот.

Оглядев поле боя, Роран только теперь понял, сколь ужасна и высока гора трупов, перегородившая деревенскую улицу: он и Харалд возвышались сейчас над землей футов на двадцать, почти достигая крыш домов. Роран отметил, что большинство солдат погибли от стрел, но все же отлично помнил, что и сам уложил очень многих.

— Сколько... сколько всего? — хрипло спросил он у Харалда, видя, что и тот весь забрызган кровью. Харалд только головой покачал:

— Я потерял счет после тридцать второго. Может, кто другой считал... То, что ты совершил, Молотобоец... Никогда еще я ничего подобного не видел! Да я и не поверил бы,

если б мне сказали, что самый обычный человек на такое способен! Сапфира сделала правильный выбор: мужчины из вашей семьи — бойцы что надо! Таких вообще на свете немного. А по-моему, так с тобой и вовсе никто из смертных не сравнится. Скольких бы ты ни сразил сегодня, я...

— Их было сто девяносто три! — крикнул Карн, поднимаясь к ним.

— Сколько? — недоверчиво переспросил Роран.

Карн горестно покивал и подошел ближе.

— Да-да! Точно! Я сам следил и считал. Сто девяносто три, даже сто девяносто четыре, если считать того, которому ты живот проткнул — его потом лучники прикончили.

Эта цифра ошеломила Рорана. Он даже и думать не мог, что количество убитых им столь велико. Он хрипло рассмеялся:

— Жаль, что их больше не осталось. Еще семерых бы прикончил — и до двух сотен добрался бы!

Все тоже засмеялись, хотя и не очень весело.

Карн протянул руку к арбалетному болту, торчавшему у Рорана из плеча. На его осунувшемся лице явственно читались сочувствие и озабоченность.

— Давай-ка я займусь твоими ранами, — сказал он.

— Нет, — ответил Роран и оттолкнул его руку. — Наверняка ведь есть и куда более тяжело раненные, чем я. Займись сперва ими.

— Роран, у тебя столько ран, что это может плохо кончиться, — серьезно сказал Карн. — Нужно хотя бы остановить кровотечение. Это не займет много вре...

— Я в порядке, — буркнул Роран. — Оставь меня в покое!

— Ну да, видел бы ты себя!

Карн продолжал упрямо смотреть на Рорана и не отходил от него.

— Ладно, — сдался тот. — Только быстро! — И отвернулся, глядя в безоблачное небо. Мыслей в голове у него не было никаких.

Карн выдернул болт и принялся бормотать свои заклинания. Во всех местах, где колдун применял магию, сразу начиналось легкое жжение, больше похожее на щекотку; потом боль постепенно стихала и почти исчезала. Когда Карн

закончил и выпрямился, Роран, в общем, по-прежнему ощущал боль во всем теле, но это была уже совсем другая боль, эту он вполне мог терпеть. И в голове у него сразу прояснилось. А вот Карна применение магии лишило последних сил; он весь дрожал, побледневшее лицо его казалось серым.

— Сейчас я... — он с трудом перевел дыхание, — посмотрю, что там с остальными ранеными. — И он осторожно начал спускаться с горы трупов, качаясь, как пьяный.

Роран озабоченно смотрел ему вслед. Потом вдруг вспомнил, что так и не узнал, что сталось с остальными варденами. На дальнем краю деревни он не сумел разглядеть ничего, кроме разбросанных мертвых тел, одетых и в красные имперские доспехи, и в простые коричневые рубахи из шерсти, которые обычно носили вардены.

— Что с Эдриком и Сандом? — спросил он Харалда.

— Извини, Молотобоец, но во время боя я видел только острие собственного меча.

Роран окликнул тех, кто до сих пор сидел на крыше:

— Эй, не видно, как там Эдрик и Санд?

— Нет, не видно, Молотобоец! — ответили ему оттуда.

Опираясь на молот, Роран медленно спустился со своего страшного постамента и вместе с Харалдом и еще тремя варденами двинулся через центральную площадь селения, на ходу добивая уцелевших вражеских солдат. Когда же они добрались до окраины деревни, то увидели, что там количество погибших варденов значительно превосходит число убитых солдат. Харалд ударил мечом по щиту и крикнул:

— Живой тут есть кто?

Через минуту из-за ближайшего дома раздался голос:

— А кто спрашивает?

— Харалд и Роран Молотобоец. С нами еще другие вардены. Если ты служишь Империи, то лучше сразу сдавайся, потому что все твои товарищи мертвы и тебе нас не одолеть!

И тут из-за домов послышался странный металлический грохот, а затем из укрытий по двое, по трое стали появляться вардены. Спотыкаясь, хромая, поддерживая раненых, они потянулись к площади. Вид у всех был измученный и какой-то ошеломленный; у многих лица были так перемазаны кровью, что Роран сперва принял их за пленных солдат.

В итоге к нему подошли двадцать четыре человека. Одним из последних из укрытия выбрался Эдрик, поддерживая вардена, потерявшего в бою правую руку.

Роран жестом велел двоим из своего отряда помочь Эдрику и поддержать раненого. Капитан выпрямился. Потом медленно подошел к Рорану и посмотрел ему прямо в глаза. Невозможно было понять, что при этом написано у него на лице. Некоторое время они стояли не двигаясь, и Роран вдруг обнаружил, что над площадью повисла мертвая тишина.

Эдрик заговорил первым:

— Сколько твоих людей уцелело?

— Большинство. Не все, но большинство.

Эдрик кивнул.

— А Карн?

— Жив. Что с Сандом?

— Вражеский солдат застрелил его во время атаки. Он умер всего несколько минут назад. — Эдрик смотрел за спину Рорана, на ту страшную гору трупов. — Ты нарушил мой приказ, Молотобоец.

— Да, нарушил.

Эдрик протянул к нему руку ладонью вверх.

— Нет, капитан! — воскликнул Харалд, ринувшись вперед. — Если бы не Роран, мы бы тут не стояли. Жаль, ты не видел, как он с врагами бился! Он ведь один почти две сотни уложил!

Но слова Харалда не произвели на Эдрика ни малейшего впечатления. Он продолжал держать руку ладонью вверх. Роран, впрочем, тоже стоял совершенно неподвижно.

Харалд повернулся к нему:

— Роран, ты ведь знаешь, ребята за тобой хоть в огонь, хоть в воду пойдут! Стоит тебе лишь слово сказать...

Роран одним яростным взглядом заставил его умолкнуть:

— Не валяй дурака!

— По крайней мере, — процедил сквозь зубы Эдрик, — у тебя еще хватает здравого смысла. А ты, Харалд, придержи язык, если не хочешь весь обратный путь болтаться в погонщиках вьючных лошадей.

Подняв молот, Роран протянул его Эдрику. Потом расстегнул пояс, на котором висели его меч и кинжал, и тоже отдал Эдрику.

— Другого оружия у меня нет, — сказал он.

Эдрик мрачно кивнул и закинул пояс с мечом себе на плечо.

— Роран Молотобоец, я снимаю тебя с командования. Даешь ли ты слово чести, что не попытаешься сбежать?

— Даю.

— Тогда найди себе другое занятие, приносящее пользу, но имей в виду: ты считаешься арестованным. — Эдрик огляделся и ткнул пальцем в одного из варденов: — Фуллер, до нашего возвращения в лагерь ты займешь место Рорана, а там уж пусть Насуада сама решает.

Фуллер молча кивнул.

В течение нескольких часов Роран вместе с другими воинами, не разгибая спины, разыскивал варденов, погибших в бою, и готовил их к погребению на окраине деревни. По ходу дела он выяснил, что в его отряде, где был восемьдесят один человек, погибло только девять воинов, тогда как отряды Эдрика и Санда потеряли в общей сложности почти сто пятьдесят варденов. Эдрик потерял бы и больше, если бы часть его воинов не осталась с Рораном после того, как тот пришел к ним на помощь.

Подсчитав потери, вардены собрали стрелы, сложили в центре деревни огромный костер, сняли с убитых оружие и доспехи и побросали трупы в огонь. Воздух тут же наполнился жутким смрадом и клубами жирного черного дыма. Столб дыма поднимался, казалось, на несколько миль в высоту, почти закрывая солнце, которое теперь казалось с земли маленьким красным диском.

Молодую женщину и мальчика, которых солдаты выволокли тогда из дома, так и не нашли. Но и среди мертвых их никто не обнаружил, и Роран решил, что они, видимо, убежали из селения, как только начался бой, и про себя пожелал им удачи, куда бы они ни направились.

Его приятно удивило появление Сноуфайра: жеребец появился в деревне за несколько минут до того, как вардены снова тронулись в путь. Сначала он никому не давался, проявляя свой норов и даже Рорану не позволяя к себе приблизиться, но Роран поговорил с ним тихонько, успокоил, и жеребец позволил хозяину промыть и перевязать рану у него на плече. Пока что верхом на него лучше было не садиться, и Роран поставил его вместе с вьючными лошадьми, привязав к общей шлее. Сноуфайру это чрезвычайно не понравилось; он неприязненно прижимал уши к голове, нервно махал хвостом и сердито скалился.

— Веди себя как следует! — сказал Роран, ласково погладив его по шее. Сноуфайр скосил на него глаза и тихонько жалобно заржал, прядая ушами.

Сам же Роран взгромоздился на здоровенного мерина, принадлежавшего одному из погибших варденов, и занял его место в арьергарде отряда, уже построившегося на площади. Он не обращал внимания на выразительные взгляды своих боевых товарищей, хотя ему было приятно слышать, как кто-то негромко сказал:

— Отличная работа, Молотобоец!

Сидя в седле и ожидая команды Эдрика, Роран думал о Насуаде и Катрине. И об Эрагоне. Его терзали мрачные предчувствия — как они отреагируют, когда узнают о том, что *он не подчинился приказу? Но* он заставил себя не думать о плохом. «Я сделал то, что было правильно и необходимо, — сказал он себе. — Я не жалею об этом. И будь что будет!»

— Вперед! — крикнул Эдрик, занимая место во главе колонны.

Роран дал шпоры своему мерину и пустил его быстрым шагом. Отряд двинулся на запад, подальше от этого селения, где еще догорали в костре тела убитых врагов.

ПОСЛАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ

Лучи утреннего солнца падали на Сапфиру, приятно ее согревая.

Она лежала, наслаждаясь покоем, на гладком каменном карнизе в нескольких футах над палаткой Эрагона. После ночных разведывательных полетов над расположением имперских войск — а она облетала их каждую ночь после того, как Насуада отправила Эрагона в этот огромный город, находящийся в полой горе, в Фартхен Дуре, — она всегда чувствовала сонливость. Эти полеты были необходимы, чтобы скрыть отсутствие Эрагона, но уже порядком ей поднадоели, потому что хоть она и не боялась темноты, но все же к ночному образу жизни не привыкла, а кроме того, вообще не любила делать одно и то же с подобной утомительной регулярностью. И еще: поскольку варденам требовалось так много времени, чтобы перебраться с одного места на другое, большую часть времени внизу она видела почти одно и то же, а она очень любила разнообразие. Единственным развлечением для Сапфиры стало то, что вчера утром она высмотрела над северо-восточным горизонтом Торна, который летел довольно низко, сверкая на солнце темно-красной чешуей. Он, возможно, тоже заметил ее, но не развернулся, не полетел в ее сторону, не стал вступать с нею в бой, а, напротив, удалился в глубь имперских земель. Когда Сапфира сообщила об этом, Насуада, Арья и те эльфы, что были присланы охранять ее, Сапфиру, тут же раскричались, точно стая перепуганных соек, и принялись выдвигать различные предложения, одно глупее другого. В том числе ими было даже настоятельно предложено, чтобы этот эльф с иссиня-черной волчьей шерстью, Блёдхгарм, слетал на ней, приняв обличье Эрагона, чего она, конечно же, допустить

не могла. Одно дело позволить Блёдхгарму посадить ей на спину эту дрожащую тень, притворяющуюся Эрагоном, когда она взлетает или садится в лагере варденов, и совсем другое — позволить кому-то реально существующему полететь на ней; нет уж, этого она никому позволять не собиралась! Только Эрагону. Ну в крайнем случае Арье.

Сапфира зевнула и вытянула правую переднюю лапу, растопырив когтистые пальцы. Потом снова расслабилась, обвила себя хвостом, поудобнее пристроила голову на передних лапах и задремала, и снились ей олени и прочая вкусная добыча.

Вскоре сквозь сон она услышала, как кто-то бегом мчится через весь лагерь к красному шатру Насуады, похожему на сложившую крылья бабочку. Сапфира не обратила на этот топот особого внимания: к Насуаде постоянно бегали какие-то гонцы и посланцы.

Она уже почти снова погрузилась в сон, когда услышала, что мимо нее пробежал еще один человек, а вскоре и еще двое. Не открывая глаз, Сапфира высунула кончик языка и пощупала воздух. Никаких посторонних вкусов и запахов она не обнаружила и решила, что все это не стоит дальнейшего внимания. Она опять задремала и во сне видела, как ныряет за рыбой в прохладное зеленоватое озеро.

Разбудили ее чьи-то сердитые крики.

Сапфира, впрочем, даже не пошевелилась, лишь прислушалась к тому, как эти смешные двуногие с круглыми ушами яростно спорят друг с другом. Они, правда, были слишком далеко и разобрать, что именно они кричат, было трудно, зато совсем не трудно было понять, до какой степени они разозлились. Похоже, они просто убить друг друга были готовы. Между варденами вечно возникали всевозможные ссоры и разногласия, что вообще свойственно всякому большому стаду, но еще ни разу Сапфира не слышала, чтобы они спорили так долго и так свирепо.

Где-то в основании черепа у нее от этих криков возникла тупая пульсирующая боль, страшно неприятная, и она так крепко сжала когтями камни под собой, что во все стороны полетели тонкие и острые осколки кварцита.

«Вот я сейчас досчитаю до тридцати трех, — решила она, — и если к этому времени свара не прекратится, то пусть они пеняют на себя! Да как они только осмелились тревожить полуденный сон дочери ветра!»

Но когда она досчитала до двадцати семи, двуногие наконец-то умолкли. Сапфира немного повозилась, укладываясь поудобнее, и приготовилась спать дальше — сон сейчас был ей совершенно необходим.

Вот только спать ей не пришлось: почти сразу же возле нее зазвенели доспехи, зашуршали одежды, затопали кожаные сапоги, и она почуяла неповторимый запах этой чернокожей женщины-воительницы, Насуады. «Интересно, что там стряслось?» — лениво подумала Сапфира и хотела уже на всякий случай раздраженно рыкнуть, требуя, чтобы ее оставили в покое, но, открыв глаза, увидела перед собой Насуаду и ее шестерых телохранителей, которые направлялись прямо к ней. Возле того каменного карниза, на котором возлежала Сапфира, Насуада оставила свою свиту, а также Блёдхгарма и остальных эльфов, которые тут же принялись фехтовать друг с другом на небольшом травянистом пригорке, а сама подошла прямо к драконихе и сказала:

— Приветствую тебя, Сапфира. — На Насуаде было красное платье, и этот цвет показался Сапфире каким-то неестественно ярким на фоне зеленой яблоневой листвы. Солнечные зайчики, отражаясь от чешуи Сапфиры, мелькали по лицу предводительницы варденов.

Сапфира прикрыла веками глаза, не имея ни малейшего желания разговаривать с помощью слов.

Оглядевшись, Насуада подошла к ней еще ближе и прошептала:

— Сапфира, я должна говорить с тобой наедине. Не могла бы ты установить со мной мысленную связь? Сама я этого сделать не в силах, ты же знаешь. Мне совершенно необходимо, чтобы ты как следует меня поняла.

Легко сделав то, о чем ее просила Насуада, и чувствуя, как сильно та напряжена и взволнована, Сапфира все же позволила ей почувствовать, до чего и она, Сапфира, раздражена тем, что ей не дали поспать.

Сперва Сапфира ничего не могла понять в мыслях Насуады; перед ней мелькали какие-то странные, не связанные друг с другом образы и эмоции: виселица с пустой петлей, кровь на земле, страшно оскаленные физиономии, ужас, усталость, мрачная решимость...

«Извини, — сказала ей Насуада, — но у меня выдалось очень трудное утро. Сейчас я постараюсь сосредоточиться. Прошу тебя, подожди немного».

Сапфира снова прикрыла веками глаза.

«И отчего эти вардены так разорались? Ну вот, теперь они окончательно меня разбудили. И с чего это по лагерю туда-сюда гонцы носятся?»

Сжав губы, Насуада отвернулась от нее, скрестив руки на груди и поддерживая ладонями свои израненные предплечья. Мысли ее вдруг стали черными, как полуночная туча, полными намеков на смерть и насилие. Она довольно долго молчала, потом наконец заговорила:

«Один из варденов, человек по имени Отмунд, прошлой ночью проник в лагерь ургалов и убил троих, спавших у костра. Ургалы не смогли сразу его поймать, но нынче утром он сам во всем признался, да еще и похвалялся перед всеми своими "подвигами"».

«Почему он это сделал? — спросила Сапфира. — Может быть, ургалы убили его семью?»

Насуада покачала головой:

«Нет, и я почти жалею, что они этого не сделали, потому что тогда для их гнева, по крайней мере, была бы причина. Ургалы отлично знают, что такое месть. Но дело в том, что этот Отмунд ненавидит ургалов только потому, что они — ургалы. Они никогда не делали ничего плохого ни ему самому, ни его родне, и тем не менее он ненавидит их всеми фибрами своей души. Во всяком случае у меня сложилось такое впечатление после того, как я его допросила».

«И как ты намерена с ним поступить?» — спросила Сапфира, читая в глазах Насуады глубокую печаль.

«Его за это преступление повесят. Когда ургалы стали нашими союзниками, я издала указ: если кто-то из варденов нападет на ургала, он будет сурово наказан — в точности так, как если бы напал на человека. И я от этого не отступлю».

«Ты сожалеешь, что издала этот указ?»

«Нет. Люди должны знать, что подобные вещи недопустимы. Иначе они могли бы напасть на ургалов в тот же день, когда мы с Нар Гарцвогом заключили договор. И теперь я должна показать, что держу слово и поступаю в соответствии с данным обещанием. Иначе вполне возможны новые убийства, а потом и ургалы начнут мстить, и мы снова начнем резать друг друга. Будет только справедливо казнить Отмунда за это убийство и за то, что он нарушил мой приказ. Но понимаешь, Сапфира, варденам-то вряд ли это понравится. Я пошла на Испытание Длинных Ножей, можно сказать, пожертвовала собственной плотью, чтобы заслужить их уважение и преданность, а теперь они вполне могут меня возненавидеть за то, что я прикажу повесить Отмунда... И за то, что я как бы ставлю на одну доску жизнь ургала и жизнь человека. — Насуада нервно теребила манжеты на рукавах. — Не могу сказать, что и самой мне приятно отдавать такой приказ. Несмотря на все мои старания относиться к ургалам по-честному, как к равным — как это сделал бы на моем месте мой отец, — я не могу забыть о том, что именно они убили его. Не могу не помнить, как жестоко они убивали варденов во время битвы при Фартхен Дуре. Не могу выбросить из головы те бесчисленные истории, которые слышала в детстве, — об ургалах, стремительно мчащихся с гор и все сметающих на своем пути, о том, как они убивали ни в чем не повинных людей прямо в постелях. Ургалов люди всегда считали чудовищами и всегда их боялись, но теперь у нас с ними одна судьба. И об этом я тоже должна помнить. Ах, Сапфира, меня гложут сомнения; я не уверена, что приняла правильное решение...»

«Ты — человек, Насуада, и мысли твои вполне человеческие, ты и не можешь думать иначе, — сказала Сапфира, пытаясь ее успокоить. — Но тебе вовсе не нужно чувствовать себя связанной мнением того большинства, которое тебя окружает. Ты вполне способна мыслить шире, выходя за рамки тех представлений, которые сложились у человеческой расы. Если события прошлого и способны чему-то нас научить, то прежде всего тому, что наибольшего успеха добились именно те правители, которым удалось сблизить

или даже объединить разные народы и расы; именно они принесли наибольшую пользу Алагейзии. Раздоры и взаимная ненависть — вот чего мы должны остерегаться прежде всего, а не новых, более тесных взаимоотношений с теми, кто некогда были нашими врагами. Ты вполне можешь испытывать к ургалам недоверие — тем более что они этого вполне заслуживают, — но не забывай и о том, что гномы и драконы тоже с давних пор недолюбливают друг друга, что некогда драконы и эльфы отчаянно враждовали, что драконы вполне могли бы, если б сумели, уничтожить их расу. Да, все это было когда-то, но теперь все иначе; а все потому, что такие, как ты, сумели отбросить в сторону прежнюю ненависть и скрепить разные народы такими узами, каких никогда не существовало доселе».

Насуада прислонилась лбом к морде Сапфиры и сказала:

«Ты все-таки очень мудрое существо!»

Польщенная, драконiха ласково коснулась носом ее лба:

«Я всего лишь говорю правду. Такой я ее вижу. Если это, по-твоему, мудрость, так воспользуйся ею; впрочем, я уверена, что и у тебя самой мудрости вполне хватает. Казнь Отмунда, возможно, и впрямь не понравится варденам, но все же, я думаю, нужно нечто гораздо большее, чтобы поколебать их преданность тебе. Кроме того, не сомневаюсь, ты быстро найдешь способ их успокоить».

«Да, я постараюсь, — сказала Насуада, смахивая с глаз невольные слезы. — Именно так мне и придется поступить. — Она вдруг улыбнулась, и лицо ее тут же совершенно преобразилось. — Но пришла-то я к тебе вовсе не из-за Отмунда. Эрагон только что вышел со мной на связь с помощью волшебного зеркала и просил передать, что ждет тебя в Фартхен Дуре. Гномы...»

Выгнув шею и высоко задрав голову, Сапфира раскрыла пасть и с рычанием выпустила в небо мощный язык пламени. Насуада невольно отшатнулась от нее, а все, кто находился поблизости, так и замерли, испуганно уставившись на Сапфиру. А драконiха встала, встряхнулась всем телом и, сразу забыв об усталости и расправив крылья, приготовилась взлететь.

Телохранители Насуады бросились было к ним, но Насуада жестом остановила их. Вслед за огнем из пасти Сапфиры повалил дым, и Насуада закашлялась, прикрывая лицо рукавом.

«Приятно видеть твою радость, Сапфира, однако...»

«А Эрагон не ранен?» — перебила ее Сапфира, охваченная внезапной тревогой. Тем более что Насуада ответила не сразу.

«Нет, он здоров. Вот только вчера у них там был один неприятный случай...»

«Какой еще случай?»

«На них напали. На Эрагона и на его охрану».

Сапфира так и замерла на месте. Она стояла совершенно неподвижно, пока Насуада пересказывала ей то, что узнала от Эрагона во время их разговора посредством волшебного зеркала. Затем, обнажив клыки, Сапфира прорычала:

«Дургримст Свельдн рак Ангуин должен всем своим богам молиться, что меня там не было! Уж я бы не позволила им так легко отделаться!»

Насуада слегка улыбнулась:

«Ну, тогда, наверное, даже лучше, что тебя там не было».

«Возможно, — согласилась Сапфира, выпуская клубы раскаленного дыма и сердито виляя хвостом. — Меня, впрочем, это совсем не удивляет. Это уже стало правилом: стоит нам с Эрагоном расстаться, и на него тут же кто-то нападает. Вот почему всякий раз, как он выпадает из моего поля зрения больше чем на несколько часов, у меня от беспокойства просто чешуя начинает чесаться!»

«Он вполне способен и сам за себя постоять», — возразила Наусада.

«Это верно, но ведь и наши враги тоже кое-что умеют. — Сапфира нетерпеливо топталась, шевеля приподнятыми крыльями. — Насуада, я не могу больше ждать! Надо лететь. Или ты хочешь еще что-то мне сказать?»

«Нет, лети скорее! Но прошу тебя, не задерживайся в Фартхен Дуре. Когда ты покинешь лагерь, у нас в распоряжении будет всего несколько дней, прежде чем в Империи поймут, что вас с Эрагоном здесь нет и вы больше не летаете на разведку. И тогда Гальбаторикс вполне может решиться

нанести удар. Впрочем, может, он и не осмелится, однако с каждым часом вашего отсутствия здесь эта угроза становится все сильнее. К тому же я бы, разумеется, предпочла, чтобы вы оба были с нами, когда начнется штурм Фейнстера. Мы, наверное, сможем взять этот город и без вас, но это будет нам стоить многих жизней. В общем, Сапфира, возвращайтесь скорее! Судьба всех варденов зависит от этого».

«Я полечу быстрее самого быстрого ветра!» — пообещала Сапфира.

И Насуада, простившись с нею, поспешила уйти, а Блёдхгарм и другие эльфы закрепили на драконьей спине ненавистное ей кожаное седло для Эрагона и прицепили к нему набитые дорожными припасами и снаряжением седельные сумки, которые они всегда брали с собой, когда вместе с Эрагоном отправлялись в полет. Самой Сапфире эти припасы были ни к чему — да она и не смогла бы до них дотянуться, — но так полагалось, и ей хотелось, чтобы все было как надо. Когда она была полностью готова к путешествию, Блёдхгарм сложным жестом поднес руку к сердцу, как это было принято у эльфов, и сказал на древнем языке:

— Счастливого пути, Сапфира, Сверкающая Чешуя. Возвращайтесь оба целыми и невредимыми!

«Счастливо оставаться, Блёдхгарм», — мысленно ответила она ему.

Затем эльф сотворил призрак Эрагона, который вышел из палатки и взобрался на спину Сапфире — сперва он встал ей на согнутую переднюю лапу, потом перебрался на плечо, но она, разумеется, не чувствовала прикосновений этого бестелесного существа. И лишь когда Блёдхгарм кивнул, показывая, что все в порядке, она подняла крылья, свела их над головой и, прыгнув вперед, взвилась ввысь.

Скользнув над серыми палатками варденов, Сапфира поднялась еще выше и развернулась над оставшейся далеко внизу землей, держа курс на Фартхен Дур и постепенно поднимаясь на такую высоту, где рассчитывала поймать хороший попутный ветер, способный значительно облегчить дальний перелет.

Она сделала круг над лесистым берегом реки, где варденны готовились разбить временный лагерь, и даже задрожала

от радости: больше не нужно было ждать и волноваться, зная, что Эрагон где-то далеко и ему, возможно, грозит опасность! Больше не нужно было ночи напролет кружить над одной и той же местностью! И теперь никто из тех, кто захотел причинить зло ее сердечному другу Эрагону, не уйдет от ее мести! И Сапфира громко и радостно закричала в полный голос, словно уведомляя весь этот мир о том, что она сильна, совершенно уверена в себе и готова бросить вызов кому угодно, любым богам, если те вдруг осмелятся выступить против нее, дочери Йормунгра и Вервады, — двух величайших драконов своей эпохи!

Когда она поднялась над лагерем варденов достаточно высоко, ее подхватил сильный юго-западный ветер, и она доверилась ему, позволив нести ее над этой опаленной войнами и иссушенной солнцем землей.

И, предвкушая встречу с Эрагоном, она послала ему мысленный привет: «Я уже в пути, маленький брат, я лечу к тебе!»

ЧЕТЫРЕ УДАРА В БАРАБАН

Эрагон наклонился вперед и весь напрягся, когда седовласая Хадфала, вождь клана Дургримст Эбардак, поднялась с места и что-то коротко сказала на своем языке.

На ухо Эрагону Хундфаст перевел: «От имени моего клана я голосую за то, чтобы нашим королем стал гримстборитх Орик».

Эрагон перевел дыхание. *Один.* Чтобы стать повелителем гномов, вождь клана должен собрать большинство голосов. Если никто не сумеет добиться такого результата, то, согласно закону, вождь, набравший наименьшее количество голосов, снимается с голосования, а собрание может сделать перерыв длительностью до трех дней, прежде чем голосовать снова. И эта процедура будет повторяться до тех пор, пока кто-то из вождей не соберет нужное количество голосов, после чего совет принесет ему клятву верности как своему новому королю. Памятуя о том, в каком отчаянном положении находятся вардены, Эрагон страстно надеялся, что на выборы не потребуется более одного дня, а если и потребуется, то гномы не станут настаивать на длительном перерыве и ограничатся несколькими часами. Если же этого не произойдет, то он опасался, что в раздражении способен будет расколотить этот каменный стол, за которым заседает их совет.

То, что Хадфала первой отдала свой голос за Орика, было хорошим предзнаменованием. Хадфала, как известно, раньше поддерживала Ганнела, вождя Дургримст Куана, но после покушения на Эрагона ее предпочтения явно изменились. Так что, думал Эрагон, вполне возможно, что и другой член альянса Ганнела, гримстборитх Ундин тоже проголосует за Орика.

Следующим поднялся Галдхим из клана Дургримст Фельдуност. Впрочем, слово «поднялся» не очень-то и годилось: это был такой коротышка, что казался, пожалуй, даже выше, когда сидел.

— От имени своего клана, — заявил Галдхим, — я голосую за гримстборитха Надо. Пусть он станет нашим новым королем.

Повернувшись к Эрагону, Орик сказал вполголоса:

— Все идет, как мы и ожидали.

Эрагон кивнул и посмотрел на Надо. Круглолицый гном с довольным видом поглаживал нижний конец своей светлой бороды.

Потом выступил Манндратх из Дургримст Ледвонну и заявил:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитха Орика. Пусть он станет нашим новым королем.

Орик кивнул ему в знак признательности, и Манндратх кивнул в ответ; казалось, что качнулся даже кончик его невероятно длинного носа.

Когда Манндратх сел, все, и Эрагон в том числе, повернулись к Ганнелу, и в зале стало так тихо, что Эрагон не слышал, казалось, даже дыхания гномов. Ганнел, будучи вождем клана жрецов и верховным жрецом бога Гунтеры, самого главного в пантеоне гномов, пользовался у своего народа огромным авторитетом; было ясно, что тому, за кого проголосует Ганнел, скорее всего и достанется корона.

— От имени своего клана, — сказал Ганнел, — я отдаю свой голос гримстборитху Надо. Пусть он будет нашим новым королем.

Среди гномов, стоявших вдоль стен круглого зала и наблюдающих за происходящим, послышались негромкие восклицания. Вид у самого Надо был в высшей степени довольный. Эрагон сцепил пальцы и выругался про себя.

— Не теряй надежды, *приятель*, — *тихонько сказал ему* Орик. — Мы еще прорвемся. Такое и раньше случалось, и все же голос гримстборитха Куана пропадал впустую.

— И часто это случалось? — шепотом спросил Эрагон.

— Довольно часто.

— А когда это было в последний раз?

Орик отвел глаза в сторону:

— Всего восемьсот двадцать четыре года назад, когда наша королева...

Он не договорил, потому что Ундин из клана Дургримст Рагни Хефтин встал и провозгласил:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитха Надо как нашего нового короля.

Орик скрестил руки на груди. Эрагон видел его лицо только в профиль, но и этого было достаточно, чтобы заметить, как сильно Орик сдвинул брови.

Эрагон прикусил губу и стал изучать прихотливый рисунок на полированных плитах пола, в уме подсчитывая тех, кто уже проголосовал, и прикидывая, может ли Орик все же победить. Даже при самом лучшем стечении обстоятельств победа будет с невеликим перевесом, и от волнения Эрагон крепче сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Тхордрис из клана Дургримст Награ встала, накрутила на руку свою длинную толстую косу и заявила:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитха Орика. Пусть он станет нашим новым королем.

— Итак, три — три, — тихо сказал Эрагон. Орик кивнул.

Теперь настала очередь Надо. Огладив бороду ладонью, вождь Дургримст Кнурлкаратхн с улыбкой оглядел собравшихся, и глаза его хищно блеснули.

— От имени моего клана я голосую за самого себя как за нашего нового короля. Если вы выберете меня, я обещаю избавить нашу землю от всех чужаков, которые лишь оскверняют ее. Я обещаю использовать наше золото и наших воинов исключительно для защиты нашего народа, а не для спасения жизни жалких людишек, эльфов и ургалов. Клянусь вам в этом честью всего своего рода!

— Четыре — три, — заметил Эрагон.

— Ага, — подтвердил Орик. — А разве можно было ожидать, что Надо проголосует за кого-то другого?

Отложив нож и деревяшку в сторону, толстый Фреовин из клана Дургримст Гедтхралл с трудом вынул себя из кресла и, наполовину привстав, не поднимая глаз, почти прошептал:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитха Надо. Пусть он станет нашим новым королем. — После чего Фреовин вновь опустился в кресло и принялся вырезывать фигурку ворона, словно не слыша удивленных перешептываний, волной прокатившихся по залу.

Довольное выражение на лице Надо сменилось самодовольной ухмылкой.

— Барзул! — проворчал Орик и еще сильнее нахмурился. Он так сжимал подлокотники кресла, что мышцы вздулись у него на руках. — Двуличный предатель! Ведь обещал же голосовать за меня!

У Эрагона упало сердце:

— Почему он предал тебя?

— А все потому, что он по два раза на дню в храм Синдри бегал! Раньше надо было мне догадаться, что он не пойдет против желаний Ганнела. *Вот, значит, как! Ганнел, стало* быть, все время против меня играл. Да я...

Но, почувствовав, что все внимание Совета обращено на него, Орик умолк и, подавив гнев, поднялся из-за стола. Он неторопливо оглядел всех, задерживая взгляд на каждом, потом медленно промолвил:

— От имени моего клана я голосую за себя и хочу стать нашим новым королем. Если вы выберете меня, я обещаю преумножить золотые запасы и славу нашего народа, я обещаю дать ему свободу и право жить на земле, а не под землей, и не опасаться того, что Гальбаторикс вновь разрушит наши дома. Я клянусь в этом честью всего моего рода!

— Пять — четыре, — сказал Эрагон, когда Орик сел на место. — И не в нашу пользу.

— Да я и сам считать умею! — проворчал Орик.

Эрагон оперся локтями о колени и опустил подбородок на руки, следя за гномами. Его терзало желание немедленно что-то сделать, что-то предпринять, как-то действовать, чтобы переменить настроение Совета. Но как именно действовать, он не знал. Просто на кон было поставлено столь многое, что он чувствовал себя обязанным поскорее найти возможность обеспечить избрание Орика королем и тем самым добиться помощи гномов в борьбе варденов против Империи. Но сколько он ни пытался что-то придумать,

в голову ему ничего путного не приходило. Оставалось сидеть и ждать.

Следующим встал Хавард из клана Дургримст Фангхур. Опустив голову на грудь и вытянув губы дудкой, он, точно в раздумье, постучал по столешнице двумя уцелевшими пальцами правой руки. Эрагон придвинулся ближе к столу; сердце у него стучало так, что его, казалось, слышат все в зале.

«Сдержит ли хоть этот-то слово, данное Орику?» — напряженно думал он.

Хавард еще раз постучал по столу пальцами, потом хлопнул по столешнице ладонью, точно хотел прибить муху, и, высоко задрав подбородок, гордо заявил:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитха Орика. Пусть он станет нашим новым королем.

Эрагону доставило несказанное удовольствие то, как при этих словах у гримстборитха Надо расширились глаза и он с досады скрипнул зубами. От напряжения на шее у него вздулась и задрожала синяя жилка.

— Ха! — удовлетворенно пробормотал Орик. — Репей ему в бороду, этому Надо!

Осталось всего двое не голосовавших: Хрейдамар и *Иорунн. Хрейдамар, плотный*, мускулистый гримстборитх клана Урзхад, явно чувствовал себя в сложившейся ситуации весьма неуверенно, зато Иорунн, представлявшая Дургримст Вреншерргн, держалась совершенно спокойно; она коснулась ритуального шрама, полумесяцем украшавшего ее левую щеку, и улыбнулась, точно довольная кошка.

Эрагон даже дыхание затаил, ожидая, что скажут эти двое. «Если Иорунн проголосует за себя, — думал он, — а Хрейдамар поддержит ее, тогда придется назначать новый круг выборов. У нее, конечно, нет причин так поступать, разве что с целью потянуть время, но, по-моему, от этой задержки она ничего не выигрывает. Она не может рассчитывать сама стать королевой: ее кандидатуру сразу же снимут с голосования. Сильно сомневаюсь, впрочем, что у нее достанет глупости идти на такой риск и терять тот, весьма значительный, авторитет, которым она сейчас пользуется, только для того, чтобы потом хвастаться своим внукам, что однажды она была кандидатом на трон. Но ежели Хрейдамар

ее поддержит, тогда выборы зайдут в тупик, и придется все начинать сначала... Ах, если бы я умел заглядывать в будущее! Что будет, если Орик все-таки проиграет? Может, тогда мне придется взять все в свои руки? Я мог бы, например, запереть зал и никого не выпускать и не впускать, а потом... Нет, это не годится, это было бы уж слишком...»

Иорунн помешала ему довести эту мысль до конца. Она кивнула Хрейдамару и из-под своих тяжелых век выразительно глянула на Эрагона, отчего тот почувствовал себя призовым быком, которого осматривают перед продажей. Хрейдамар встал, выпрямился, зазвенев кольчугой, и сказал:

— От имени моего клана я голосую за гримстборитка Орика. Пусть он станет нашим новым королем.

У Эрагона сразу пересохло в горле.

Изогнув губы в веселой улыбке, Иорунн поднялась с места, гибким движением откинула назад волосы и произнесла низким, чуть хрипловатым голосом:

— Кажется, именно мне выпало решить исход нашего заседания. Я весьма внимательно выслушала все твои доводы, Надо, и твои аргументы, Орик. Вы оба высказали положения, с которыми я вполне согласна. Однако самым важным вопросом сегодня является вопрос о том, следует ли нам принять участие в кампании варденов против Империи. Если бы это была просто война между соперничающими кланами, мне было бы совершенно безразлично, кто из них победит, и я, несомненно, даже не стала бы рассматривать возможность участия наших воинов в подобной свare. Но сейчас дела обстоят иначе. И это не какая-то междоусобица. Если Гальбаторикс выйдет из этой войны победителем, даже Беорские горы не смогут защитить нас от его гнева. И если мы хотим спасти наше королевство и уцелеть сами, то должны непременно думать о том, как нам сбросить Гальбаторикса, как уничтожить его. Кроме того, я считаю, что прятаться в пещерах и туннелях, пока другие народы решают судьбу Алагейзии, недостойно нашей древней и могущественной расы! Когда будут написаны хроники нынешних времен и событий, как вы думаете, что там смогут прочесть наши потомки? Что мы, как герои, сражались плечом к плечу с людьми и эльфами? Или что прятались в своих

чертогах, точно перепуганные крестьяне, хотя битва шла у самых наших ворот? Лично я знаю ответ на этот вопрос! — Иорунн снова откинула назад волосы и закончила: — А потому от имени моего клана я голосую за гримстборитха Орика. Пусть он станет нашим новым королем!

И самый старший из назначенных Советом официальных расследователей, стоявших возле стены, выступил вперед и, громко стукнув в пол своим полированным посохом, провозгласил:

— Да здравствует король Орик, сорок третий король Тронжхайма, Фартхен Дура и всех кнурлан над и под Беорскими горами!

— Да здравствует король Орик! — заорали все и поднялись, шурша одеждами и звеня доспехами.

У Эрагона все плыло перед глазами, но он тоже встал, понимая, что сейчас приветствует только что выбранного короля. Он успел лишь мельком заметить, что Надо стоит с *мертвым, совершенно безжизненным* лицом.

Седобородый гном еще раз стукнул посохом по полу и провозгласил:

— Итак, пусть писцы без промедления запишут это решение, *принятое Советом Вождей*, и пусть это решение будет затем доведено до сведения всех кнурлан нашего королевства! Герольды! Сообщите об этом решении магам с их магическими кристаллами, а затем разыщите хранителей гор и скажите им: «Четыре раза ударьте в барабаны! Четыре раза! И так громко, как никогда еще не ударяли! Ибо свершилось: *мы обрели* нового короля! Четыре удара, и пусть они будут такой силы, чтобы весь Фартхен Дур зазвенел!» Таков мой приказ! Ступайте же и выполняйте его!

Когда герольды вышли, Орик рывком поднялся с кресла и встал, озираясь по сторонам. Эрагону показалось, что он настолько ошеломлен и потрясен, словно никак не ожидал, что корона все же достанется именно ему. И тут Орик заговорил.

— Я очень благодарен вам, — сказал он, — хотя вы возложили на меня огромную ответственность. — Он помолчал, пытаясь справиться с волнением. — Отныне моя единственная забота — трудиться на благо нашего великого народа, и я

обещаю, что положу на это все свои силы вплоть до того дня, когда настанет пора мне возвращаться обратно в камень.

Затем все вожди кланов по очереди стали подходить к Орику и, опускаясь перед ним на колени, приносить ему клятву верности. Когда очередь дошла до Надо, тот никак не проявил обуревавших его чувств и монотонно повторил слова клятвы, ни разу не споткнувшись и не забыв ни слова. Казалось, впрочем, что он не говорит, а роняет изо рта слитки свинца. И когда он закончил, по залу прокатился явственно слышимый вздох облегчения.

По завершении этой церемонии Орик сообщил, что его коронация будет иметь место завтра утром, после чего вместе со свитой удалился в свои покои. Закрыв за собой дверь, он остановился и посмотрел на Эрагона. Эрагон тоже остановился и смотрел на него, не отводя глаз. Оба молчали. Наконец лицо Орика осветила улыбка, он порозовел и радостно засмеялся. Эрагон тоже засмеялся, радостно сжал ему руку и от души обнял. Их тут же окружили телохранители и советники Орика и принялись хлопать новоиспеченного короля по плечам и поздравлять его в самых сердечных выражениях.

Эрагон выпустил Орика из объятий и сказал:

— Знаешь, я и не надеялся, что Иорунн тебя поддержит.

— Я тоже на это не надеялся. Но я рад, что она это сделала. Хотя для меня лично это несколько осложняет ситуацию. Да-да, я не шучу, действительно осложняет. — И Орик поморщился. — Дело в том, что мне придется как-то отблагодарить ее за помощь и, самое малое, дать ей место в своем Совете.

— Так, может, оно и к лучшему? — спросил Эрагон. — Если клан Вреншеррган достоин своего названия, они нам здорово понадобятся, прежде чем мы достигнем ворот Урубаена.

Орик хотел было ему ответить, но тут раздался удар такой силы, что от него задрожали пол, потолок, стены и даже, казалось, сам воздух в комнате. У Эрагона лязгнули зубы.

— Слушайте! — крикнул Орик, подняв руку.

Все умолкли.

Четыре раза прозвучал этот чудовищный звук, при каждом повторении словно встряхивая помещение, в котором

они находились. Казалось, в стену Тронжхайма бьет молотом какой-то невероятный великан. Когда удары смолкли, Орик воскликнул:

— Вот уж никогда не думал, что барабаны Дервы возвестят о моем восхождении на трон!

— Это, наверное, *очень большие* барабаны, — заметил Эрагон.

— Не маленькие. Почти пятьдесят футов в поперечнике, если мне память не изменяет.

И Эрагон вдруг подумал, что, хоть гномы и самые низкорослые из всех народов Алагейзии, они все же постоянно создают самые большие предметы и сооружения, и, может быть, именно потому, что тогда перестают чувствовать себя такими маленькими. Он хотел уже поделиться своей «гениальной» догадкой с Ориком, но в последний момент сообразил, что невольно может обидеть его подобными соображениями, и прикусил язык.

Сбившись вокруг Орика в кучу, его советники и слуги оживленно переговаривались на своем языке, то и дело перебивая друг друга, и Эрагон, которому не терпелось задать Орику очередной вопрос, вдруг понял, что его незаметно оттеснили в угол. Он решил проявить терпение и дождаться, когда обсуждения и споры несколько затихнут, но через несколько минут ему стало совершенно ясно, что гномы и не собираются умолкать, продолжая засыпать Орика всевозможными советами и вопросами о будущем. Поэтому Эрагон громко обратился к новому королю:

— Орик Кёнунгр! — вложив в это слово древнего языка, означающее «король», столько чувства, что все тут же умолкли. В наступившей тишине Орик, подняв бровь, изумленно воззрился на Эрагона. — Ваше величество, — с поклоном обратился к нему Эрагон, — не позволите ли вы мне удалиться? Есть одно... *дело*, которым я хотел бы заняться, пока не поздно.

В карих глазах Орика вспыхнуло понимание.

— Конечно, конечно! И поспеши! Только больше не называй меня «ваше величество»! Мы же друзья и сводные братья!

— Это так, ваше величество, — снова поклонился ему Эрагон, — но мне представляется, было бы уместно и справедливо, чтобы и я, по крайней мере пока, соблюдал те же правила этикета, что и все остальные. Ты, Орик, теперь король своей страны и своего народа, а значит, и мой король, поскольку я член Дургримст Ингеитум и не могу с этим не считаться.

Орик некоторое время внимательно смотрел на него, словно впервые его увидел, потом кивнул и сказал:

— Как тебе будет угодно, Губитель Шейдов.

Эрагон поклонился и вышел из комнаты. Сопровождаемый своими четырьмя телохранителями, он прошел по коридору и поднялся по лестницам на наземный уровень Тронжхайма. В южном из тех четырех основных коридоров, которые делили город-гору на четверти, Эрагон обернулся к Транду, капитану своих охранников, и сказал:

— Дальше я пойду один, точнее, побегу. Поскольку вы не сможете бежать так же быстро, предлагаю вам остановиться, как только мы достигнем южных ворот Тронжхайма, и подождать там моего возвращения.

Транд ответил:

— Но Аргетлам, ты не должен ходить один. Может быть, тебе лучше бежать не слишком быстро, чтобы и мы могли за тобой успеть? Мы, конечно, не такие быстрые, как эльфы, зато выносливые и можем бежать от рассвета до заката в полном вооружении.

— Я высоко ценю вашу заботу, — улыбнулся Эрагон, — но все же не стану сейчас задерживаться ни на минуту, даже если убийцы тут прячутся за каждой колонной! Прощай, Транд!

И он помчался по широкому коридору, ловко огибая встречных гномов.

Воссоединение

От того места, где Эрагон оставил охрану, до южных ворот Тронжхайма было не меньше мили. Он преодолел это расстояние всего за несколько минут, громко стуча подошвами о каменный пол коридора. На бегу он успел заметить богато расшитые гобелены, закрывавшие арочные проходы в более узкие коридоры, что отходили в обе стороны от главного туннеля, и гротескные статуи зверей и каких-то чудовищ, мелькавшие между колоннами из кроваво-красной яшмы. Этот сводчатый магистральный коридор высотой в четыре этажа был столь широк, что Эрагон на бегу не испытывал ни малейших затруднений, легко расходясь со всеми встречными, хотя один раз перед ним вдруг возникла целая шеренга кнурлкаратн, и ему пришлось попросту перепрыгнуть через них. Они испуганно пригнулись, испуская удивленные восклицания и сопровождая Эрагона восхищенными взглядами.

Легким шагом он пробежал под массивными деревянными воротами южного входа в Фартхен Дур, слыша со всех сторон приветственные крики, и ярдов через двадцать — именно на такую глубину ворота были утоплены в толщу горы — миновал пару гигантских золотых грифонов, невидящим взором глядевших в сторону далекого горизонта, и выскочил на открытое место.

В прохладном влажном воздухе пахло дождем. Хотя уже наступило утро, но плоская площадка перед Тронжхаймом была все еще окутана сумеречной мглой; здесь не росло ни единой травинки, лишь изредка встречались пучки мха и лишайников, среди которых торчали порой странные грибы с островерхими шляпками. А надо всем этим вздымался Фартхен Дур, и на вершине его, на высоте в десять миль,

открывался узкий просвет, сквозь который в кратер этого чудовищного потухшего вулкана просачивались бледные лучи света. Громада Фартхен Дура настолько подавляла, что Эрагон, глядя вверх, с трудом мог определить и оценить высоту и величину этой немыслимой горы.

На бегу он слышал лишь собственное дыхание да мерный легкий стук своих башмаков. Он был здесь один, если не считать какую-то любопытную летучую мышь, кружившую у него над головой с тонким попискиванием. В горе царили тишина и спокойствие, создавая у Эрагона ощущение полной свободы от повседневных забот.

Он проследовал дальше по вымощенной булыжником дорожке, ведущей от южных ворот Тронжхайма к двойным черным воротам высотой в тридцать футов, врезанным в южную часть подошвы Фартхен Дура. Когда Эрагон остановился перед ними, из укрытой в скале кордегардии появилась парочка гномов, которые поспешно отворили перед ним ворота, открыв вход в какой-то бесконечный туннель.

Эрагон нырнул в туннель, и первые пятьдесят футов его стен оказались украшены мраморными колоннами, в которые были вделаны рубины и аметисты. Но потом все это великолепие кончилось; дальше тянулись голые грязные стены, украшенные разве что беспламенными светильниками, которые были установлены здесь через каждые двадцать ярдов, да еще встречавшимися через неравные промежутки запертыми дверями или воротами. «Интересно, куда все эти двери ведут?» — подумал Эрагон и представил себе толщу камня во много миль, давящую на потолок туннеля, и туннель сразу показался ему не таким уж и безопасным. Впрочем, он быстро выкинул из головы подобные мысли; тем более что примерно на середине пройденного пути он уже ощутил присутствие Сапфиры.

«Сапфира!» — мысленно крикнул он и, не выдержав, окликнул ее в полный голос. Ему ответило гулкое эхо, а мгновение спустя из противоположного конца туннеля до него донесся знакомый радостный рык.

Удвоив скорость, он открыл свою душу навстречу Сапфире, убрав все мысленные барьеры, мысли обоих слились воедино, подобно двум бурным горячим потокам. Ощущение

было столь сильным, что Эрагон охнул, пошатнулся и чуть не упал. Они буквально окутывали друг друга своими мыслями. Это была такая невероятная близость, какой не может дать обычный физический контакт; они действительно становились единым целым, испытывая при этом невероятное наслаждение. Они снова были вместе! И уже одно это давало их душам покой, ощущение надежности, понимание того, что вновь рядом с тобой любящее существо, которое постоянно думает о тебе, переживает за тебя, понимает каждое движение твоей души и не покинет тебя даже в самую трудную минуту. Именно в этом была драгоценная суть их взаимоотношений, и оба они, и Эрагон и Сапфира, безмерно этим дорожили.

Вскоре Эрагон увидел и саму Сапфиру, спешившую ему навстречу. Драконiха стремилась к нему, лишь с огромным трудом ухитряясь не стукаться головой о потолок и не царапать крылья о грубый камень стен. Ее когти пронзительно *заскрежетали, когда* она затормозила перед ним, — яростная, победоносная, сверкающая, прекрасная.

Плача от радости, Эрагон подпрыгнул и, не обращая внимания на порезы, которые оставляли на его коже острые края чешуи, обхватил Сапфиру за шею и прижался к ней так крепко, как только мог. Ноги его болтались в воздухе в нескольких дюймах от пола.

«Ну, здравствуй, маленький брат, — мурлыкала Сапфира. Потом сама опустила его на пол, фыркнула и усмехнулась: — Если не хочешь меня задушить, ослабь свои объятия».

«Ох, прости!» — Улыбаясь во весь рот, Эрагон чуть отступил от нее, потом засмеялся и прижался лбом к ее носу, нежно почесывая ее под нижней челюстью.

Сапфира заурчала от удовольствия, и по всему туннелю снова разнеслось эхо, на этот раз довольно странное.

«Я вижу, ты устала», — заметил Эрагон.

«Никогда еще я не летела так быстро. Я всего один раз останавливалась после того, как покинула лагерь варденов. Да и то лишь потому, что меня жажда замучила».

«Ты хочешь сказать, что трое суток не спала и не ела?»

Сапфира на секунду устало прикрыла веками свои синие глаза.

«Так ты же, наверное, умираешь от голода!» — встревожился Эрагон и осмотрел свою крылатую подругу, ища признаки истощения. Но, к своему облегчению, ничего страшного не обнаружил.

«Нет, я просто устала, — успокоила его она. — А есть я пока что не хочу. Вот немного отдохну, а там посмотрим. Сейчас я, по-моему, и кролика не способна переварить... Земля под лапами качается — такое ощущение, будто я все еще лечу».

Если бы им не пришлось так долго быть в разлуке, Эрагон наверняка стал бы упрекать ее за подобное легкомыслие, но сейчас он был просто очень тронут тем, что она так к нему спешила. Глубокая благодарность переполняла его душу.

«Спасибо, что прилетела так быстро, — мысленно сказал он ей. — Мне было бы, наверное, не под силу еще целый день ждать тебя».

«И мне тоже. — Сапфира закрыла глаза и прижалась мордой к его рукам, а он все почесывал ее под челюстью. — И потом, я боялась опоздать на церемонию коронации. Так кого Совет Вождей все-таки...»

Договорить она не успела: Эрагон мысленно послал ей изображение Орика.

«Ага! — воскликнула Сапфира, и Эрагон понял, что она вполне довольна этим выбором. — Ну что ж, из него выйдет прекрасный король».

«Я тоже на это надеюсь».

«А как там поживает Звездный Сапфир? Я уже могу приступать к работе?»

«Если гномы и не успели еще сложить все осколки, то, не сомневаюсь, к завтрашнему дню это закончат».

«Ну и прекрасно! — Сапфира с легким шелестом приподняла одно веко и уставилась на Эрагона немигающим взглядом. — Между прочим, Насуада сказала, что на тебя было организовано покушение и в этом виновны члены клана Аз Свельдн рак Ангуин. Вечно ты попадаешь в беду, когда меня рядом нет!»

Эрагон еще шире улыбнулся и лукаво спросил:

«А когда ты рядом?»

«А когда я рядом, то могу заблаговременно уничтожить все, что грозит тебе бедой».

«Ой ли? Ты вспомни, как ургалы заманили нас в ловушку близ Гилида и взяли меня в плен».

Сапфира сердито засопела, и между клыками у нее повалил дым.

«Это не в счет. Я тогда была значительно меньше и слабее, да и опыта у меня явно не хватало. Теперь бы такого не случилось! Да и сам ты уже не такой беспомощный птенец, как тогда».

«Никогда я не был беспомощным птенцом! — возмутился Эрагон. — Просто враги у меня чересчур могущественные».

Сапфире его последнее заявление почему-то показалось очень забавным, и она засмеялась, если это гудение, зарождавшееся где-то глубоко в ее обширной груди, можно было назвать смехом, и Эрагон присоединился к ней. Оба вдруг так развеселились, что никак не могли остановиться, и в итоге Эрагон, задыхаясь от смеха, упал навзничь, а Сапфире пришлось сдерживать пламя, так и бившее у нее из пасти. Вдруг она издала какой-то очень странный звук — нечто вроде прерывистого рычания, — и Эрагону стало не по себе: ничего подобного он никогда от нее раньше не слышал.

Сапфира вновь издала тот же звук и помотала головой, словно отгоняя рой мух.

«Ой, — смущенно сказала она, — я, кажется, икаю...»

Сперва Эрагон от удивления просто рот раскрыл, а потом разразился таким хохотом, что согнулся пополам, а на глазах у него выступили слезы. А Сапфира все продолжала икать, каждый раз ныряя головой вперед, точно журавль, хватающий лягушку, и каждый раз Эрагона все сильнее разбирал смех. Наконец он заткнул себе уши пальцами, уставился в потолок и стал вспоминать про себя истинные имена всех камней и минералов, какие только мог припомнить.

Лишь после этого ему удалось успокоиться, и он с облегчением вздохнул и выпрямился.

«Ну что, полегчало тебе?» — заботливо осведомилась Сапфира и тут же в очередной раз икнула.

Чтобы снова не засмеяться, Эрагон прикусил язык и сказал:

«Мне-то полегчало... Ладно, идем в Тронжхайм. Тебе попить надо, это обычно помогает. Да и поспать тебе бы не помешало».

«А ты не можешь унять икоту заклятьем?»

«Может, и могу. Не знаю. Ни Бром, ни Оромис меня этому не учили».

Сапфира даже крякнула от неудовольствия и снова икнула. Еще сильнее прикусив язык, Эрагон уставился на носки своих сапог.

«Ну, идем?»

Сапфира тут подставила ему согнутую переднюю лапу, и Эрагон моментально взобрался ей на спину и сел в седло, закрепленное у основания шеи.

И они двинулись по туннелю в обратную сторону, чувствуя себя необычайно счастливыми.

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

Голоса барабанов Дервы гулким эхом разнеслись по Фартхен Дуру, созывая гномов на церемонию коронации.

Орик еще прошлой ночью просветил Эрагона на сей счет.

— Обычно, — рассказывал он, — когда Совет Вождей избирает короля или королеву, этот кнурла сразу вступает в свои права, однако коронацию мы проводим самое раннее месяца через три, чтобы все желающие могли принять участие в этой торжественной церемонии, даже если им придется для этого прибыть в Фартхен Дур из самых отдаленных уголков нашего королевства. Коронация нового монарха случается у нашего народа не так уж часто, и по случаю этого события мы, согласно традиции, устраиваем многонедельное празднество — пиры с песнями и плясками, всевозможные игры и состязания в уме, силе и различных умениях, например в кузнечном деле или в резьбе по камню... Правда, сейчас настали тяжелые времена, так что и нормального празднества не устроишь.

Эрагон стоял рядом с Сапфирой возле центрального зала Тронжхайма, прислушиваясь к рокоту огромных барабанов. По обе стороны длинного, в милю протяженностью, коридора толпились сотни гномов, заполняя арочные проемы всех уровней и не сводя с Эрагона и Сапфиры своих темных блестящих глаз.

Шипастый язык Сапфиры, громко шурша, терся о ее чешую — она тщательно вылизывалась после того, как утром позавтракала пятью взрослыми овцами. Приподняв левую переднюю лапу, она потерлась о нее носом. От лапы пахло паленой овечьей шерстью.

«Не суетись, – сказал ей Эрагон. – На нас все смотрят».

Сапфира тихо заворчала:

«Я и не думаю суетиться. Просто у меня шерсть между зубами застряла. Только теперь я вспомнила, почему никогда овец не любила. Ужасно косматые существа! Наешься, а потом комки шерсти в желудке остаются, начинается несварение и прочие неприятности...»

«Ладно, я потом помогу тебе зубы почистить, когда церемония кончится. А пока постарайся вести себя спокойно».

Сапфира сердито фыркнула.

«Разве Блёдхгарм не положил в седельные сумы огненной травы? Она наверняка тебе сразу помогла бы».

«Не знаю, – буркнула Сапфира. – Я в эти сумки не заглядывала».

Эрагон подумал немного:

«Ну ладно, я спрошу у Орика, нет ли в Тронжхайме запаса этой травы. Нам и нужно-то всего...»

Эрагон не договорил: эхо последнего удара по барабану замолкло в отдалении, и вокруг воцарилась мертвая тишина. Толпа расступилась *и еще плотнее прижалась к стенам,* шурша одеждой и переговариваясь шепотом.

Затем прозвучал призывный сигнал десятков труб и фанфар; ему вторило пение огромного хора. От этой музыки, довольно мелодичной и страшно возбуждающей, у Эрагона по спине побежали мурашки, даже кожу на голове защипало, и кровь быстрее понеслась по жилам, словно он был на охоте и гнался за крупным зверем. Сапфира нервно хлестнула хвостом, и он понял, что она испытывает примерно те же чувства.

Затем, шагая в ногу с Сапфирой, он прошел в центр зала, и они заняли свое место среди вождей кланов, глав гильдий и прочих почетных гостей, выстроившихся вдоль стен огромного округлого зала, в центре которого стоял восстановленный Звездный Сапфир, заключенный в деревянную крепежную раму. За час до начала коронации Скег прислал к Эрагону и Сапфире гонца, который сообщил, что команда мастеров только что закончила собирать камень из осколков, так что Исидар Митрим готов к возрождению, обещанному Сапфирой.

Черный гранитный трон королей был извлечен из нижнего зала, находившегося под Тронжхаймом, и установлен на возвышении рядом со Звездным Сапфиром лицом к восточному из четырех главных коридоров, деливших Тронжхайм на четверти, ибо именно на востоке, как известно, восходит солнце, и теперь это должно было символизировать зарю новой эпохи. Тысячи гномов-воинов в сверкающих кольчужных доспехах застыли по стойке «смирно», выстроившись перед троном двумя большими каре; еще два ряда воинов стояли по обе стороны восточного коридора до самых восточных ворот, находившихся примерно в миле от главного зала. Многие воины держали копья, украшенные флажками с весьма любопытными изображениями. Хведра, жена Орика, стояла впереди собравшихся. Сразу, после того как Совет Вождей изгнал гримстборитха Вермунда, Орик, уже предвкушая свое избрание, послал за Хведрой, и нынче утром она прибыла в Тронжхайм.

В течение получаса ревели в унисон трубы и фанфары и пел невидимый хор гномов, сопровождая медлительный и торжественный проход Орика от восточных ворот к центру Тронжхайма. Орик был неотразим: борода причесана и завита; на ногах высокие шнурованные башмаки из тонкой, прекрасно выделанной кожи; на каблуках серебряные шпоры. Одет он был в узкие серые штаны и рубашку из алого шелка, переливавшегося в свете ламп, а поверх рубахи он надел кольчужный доспех, каждое кольцо которого было выковано из чистого белого золота. С его плеч ниспадал длинный плащ, подбитый беличьим мехом и расшитый гербами Дургримст Ингейтум. Волунд, знаменитый боевой молот, выкованный еще Корганом, первым королем гномов, был заткнут за широкий, украшенный рубинами ремень. Но и сам Орик, казалось, светился изнутри. Поистине новый король гномов был великолепен в этих парадных одеждах и доспехах; у Эрагона просто дух захватило, когда он его увидел.

За Ориком следовали двенадцать маленьких гномов — шесть мальчиков и шесть девочек; во всяком случае, Эрагон так решил, глядя на их прически. Дети были в красно-коричневых с золотом туниках, и каждый нес в сложенных

лодочкой ладонях полированный шар-державу шести дюймов в поперечнике; державы были изготовлены из разных сортов камня.

Когда Орик вошел в центральный зал, свет слегка притушили, и по стенам замелькали странные пятнистые тени. Эрагон удивленно поднял голову и увидел, как сверху, с самого последнего уровня Тронжхайма, сыплются бесчисленные розовые лепестки, подобные легким снежинкам. Лепестки падали на головы и плечи собравшихся, устилали пол и наполняли воздух тонким ароматом.

Трубы и хор умолкли в тот самый миг, когда Орик подошел к черному трону, преклонил перед ним колено и почтительно склонил голову. Шедшие позади двенадцать детей остановились и замерли, точно терракотовые изваяния.

Эрагон коснулся теплого бока Сапфиры, делясь с ней радостным возбуждением, но на ее вопросы о том, что произойдет дальше, он ответить не мог, поскольку Орик не пожелал подробно рассказывать ему о предстоящей церемонии.

Затем вперед выступил Ганнел, вождь клана Дургримст Куан, и подошел к трону с правой стороны. Этот широкоплечий гном выглядел весьма впечатляюще в роскошных пурпурных одеждах верховного жреца, расшитых по подолу сверкающими рунами. В одной руке Ганнел держал посох, увенчанный остроконечным кристаллом прозрачного горного хрусталя.

Обеими руками подняв посох над головой, Ганнел с громким стуком опустил его на каменный пол и провозгласил:

— Хватум ил скилфц гердуман!

Потом он еще что-то довольно долго говорил на языке гномов, но Эрагон больше не понял ни слова, поскольку переводчика у него сегодня не было. Впрочем, вскоре интонации Ганнела стали иными, и Эрагон догадался: жрец произносит заклинания уже на древнем языке, но ни одно из этих заклинаний не было Эрагону знакомо. Например, вместо того чтобы адресовать эти заклинания какому-то объекту или силам природы, жрец просто вещал на языке магических тайн и могущества:

— О, Гунтера, сотворивший небеса, землю и бескрайнее море, услышь мольбы твоего преданного слуги! Мы

неустанно приносим тебе нашу благодарность, ибо ты щедр и великодушен. Благодаря тебе наш народ процветает. Как в этом году, так и во все предыдущие годы мы приносили тебе в жертву наших лучших баранов, сосуды, полные душистого меда, множество душистых фруктов, спелых овощей и зерна. Тебе посвящены самые богатые и прекрасные наши храмы, и никто в нашем королевстве не смеет спорить с твоей славой и величием. О, могучий Гунтера, король богов, услышь мою молитву, исполни мою просьбу, ибо для нас настало время объявить имя нашего смертного повелителя, который помогает тебе вершить земные дела. Снизойди же к нашим мольбам, ниспошли свое благословение Орику, сыну Трифка, и да будет он коронован в полном соответствии с традициями наших предков!

Сначала Эрагон решил, что молитва Ганнела останется без ответа, поскольку совершенно не ощущал, чтобы от Ганнела исходила магическая энергия. Но Сапфира, ткнув его носом в бок, предупредила: «Молчи и смотри».

Эрагон посмотрел туда же, куда смотрела и она, и вдруг заметил, как среди падающих розовых лепестков возникает странная пустота; казалось, это пустое пространство занято неким невидимым телом, вокруг которого продолжают, кружась, падать лепестки. Затем эта пустота стала как бы разрастаться, по-прежнему ограниченная падающими лепестками, и приняла форму человекоподобного существа, похожего одновременно и на гнома, и на эльфа, и на человека, и даже на ургала, но обладавшего все же несколько иными пропорциями, чем представители этих рас, хорошо известных Эрагону. Голова таинственного существа была огромной, почти такой же по ширине, что и массивные плечи; его тяжеленные руки свисали ниже колен; торс был необычайно мощный, а ноги короткие и кривые.

От существа во все стороны исходили тонкие, точно иглы, лучи неяркого света, и в конце концов перед собравшимися возник неясный силуэт великана с всклокоченными волосами, очерченный падающими лепестками. Бог — если это был бог — не имел на себе никакой одежды за исключением набедренной повязки, скрепленной узлом. Лицо у него было темное, тяжелое и казалось одновременно и жестоким,

и добрым, словно он мог в любой момент, без предупреждения, совершить любой непредсказуемый, а может, и страшный, поступок, удариться в любую из крайностей.

Отметив все это про себя, Эрагон вдруг почувствовал присутствие рядом чьих-то нечитаемых мыслей, чьего-то всепроникающего сознания, сверкающего и непредсказуемого, точно летняя гроза. Эрагон тут же отгородился всеми возможными мысленными барьерами от любого проникновения извне и почувствовал, что весь покрылся мурашками от напряжения, а по спине пробежал холодок. Не понимая, в чем причина охватившего его душу страха, он обернулся к Сапфире, ища поддержки, и увидел, что и она не сводит глаз с загадочной фигуры в воздухе, а глаза ее как-то уж очень возбужденно сверкают.

Гномы в едином порыве упали на колени.

И когда бог заговорил, голос его был подобен грохоту камнепада, реву ветра над пустынными горными вершинами, ударам волн о прибрежные скалы. Он говорил на языке гномов, и Эрагон, хоть и не понимал ни слова, весь внутренне съежился, чувствуя невероятную мощь этой божественной речи. Три раза бог о чем-то спросил Орика, и три раза Орик ответил ему, и голос его показался Эрагону еле слышным по сравнению с громоподобным голосом божества. Похоже, бог остался удовлетворен ответами Орика; он вытянул свои сияющие руки и коснулся указательными пальцами висков Орика.

Воздух дрожал между прозрачными пальцами бога, переливался волнами, и вдруг на голове Орика возник тот усыпанный драгоценными каменьями золотой шлем, который некогда красовался на голове короля Хроттара. После чего бог удовлетворенно похлопал себя по животу, громогласно расхохотался и растворился в воздухе. Розовые лепестки вновь заняли все пространство от пола до потолка, дождем сыплясь на присутствующих.

— Ун кротх Гунтера! — провозгласил Ганнел, и тут же громко и звонко пропели трубы.

Поднявшись с колен, Орик взошел на возвышение, повернулся лицом к собравшимся и воздвигся на черный трон.

— Нал, гримстборитх Орик! — закричали гномы, ударяя топорами и копьями по щитам и топая ногами. — Нал, гримстборитх Орик! Нал, гримстборитх Орик!

— Да здравствует гримстборитх Орик! — выкрикнул и Эрагон.

Сапфира, выгнув шею, прорычала нечто одобрительное и выдохнула огненный язык к потолку зала, испепелив тучу розовых лепестков. У Эрагона от близости огня даже слезы на глазах выступили.

Затем Ганнел опустился перед Ориком на колени и снова начал что-то нараспев говорить на своем языке. А когда он умолк, Орик легонько коснулся его макушки, и Ганнел вернулся на свое прежнее место у стены. После него к трону подошел Надо, тоже преклонил перед Ориком колена и произнес примерно такую же речь; за ним последовали Манндратх и Хадфала, а также и все остальные вожди, за исключением гримстборитха Вермунда, которому было запрещено присутствовать на коронации.

«Они, должно быть, приносят Орику клятву верности», — поделился с Сапфирой своей догадкой Эрагон.

«Да, пожалуй, только странно: разве они уже ему ее не принесли?»

«Принесли, но не прилюдно. — Эрагон посмотрел, как к трону подходит Тхордрис, и спросил: — Ну, и как тебе это явление бога, Сапфира? Неужели это и впрямь был сам Гунтера? Или это просто иллюзия? Я чувствовал его мысли, его душу! Не уверен, что *это* может быть иллюзией. Однако...»

«Да, бывают и такие иллюзии, — ответила Сапфира. — Боги гномов никогда не помогали им ни на поле битвы, ни в других важных делах, насколько мне известно. Да и не верится что-то, чтобы настоящий бог тут же явился бы на призыв этого Ганнела, точно хорошо обученный пес. Я бы, например, не побежала. И потом, разве бог не должен быть хотя бы крупнее дракона? Впрочем, в Алагейзии немало необъяснимых вещей и явлений. Вполне возможно, мы видели просто некую тень из былых времен, тень некоего могущественного существа, которая продолжает бродить по земле, мечтая вновь обрести былую власть и могущество.

Кто его знает, что это было на самом деле? И вряд ли кто-то может объяснить, что именно мы видели...»

Наконец последний вождь присягнул Орику на верность, и к трону потянулись главы гильдий. Затем после краткого перерыва Орик сделал приглашающий жест Эрагону, и тот медленным, размеренным шагом двинулся к трону между рядами гномов в воинских доспехах. Преклонив колено, Эрагон, как член Дургримст Ингеитум, принес Орику клятву верности, обещая верно ему служить и защищать его. Затем, уже в качестве посланника Насуады, он поздравил Орика от ее имени и от имени ее подданных и сказал, что вардены обязуются оказывать ему всяческую помощь и поддержку.

Как только Эрагон отошел от королевского трона, туда потянулась бесконечная череда гномов, желавших непременно заверить нового короля в своей преданности и верности.

Все это растянулось на несколько часов. Затем последовала церемония преподнесения даров. Каждый из присутствующих приготовил Орику свой подарок и преподнес его от имени своего клана или гильдии. В том числе были подарены, например: золотой кубок, до краев заполненный рубинами и алмазами; нагрудник из заколдованной кольчужной брони, непробиваемой для любого клинка; гобелен в двадцать футов длиной, сотканный из мягчайшей шерсти, вычесанной из бород горных козлов фельдуностов; агатовая пластина с выгравированными на ней именами всех предков Орика; кинжал с кривым лезвием, вырезанный из зуба дракона, и множество других драгоценных подарков. Орик в ответ одаривал гномов ценными перстнями.

Эрагон с Сапфирой были последними, кто преподнес Орику свои дары. Снова опустившись на колено у подножия трона, Эрагон достал из-под туники золотой браслет, выпрошенный им вчера у гномов, протянул его Орику и сказал:

— Вот мой тебе подарок, король Орик. Не я изготовил этот браслет, но я наложил на него такие заклятья, которые вечно будут оберегать тебя. Пока ты носишь его, можешь не опасаться никаких ядов. А если убийца попытается ударить тебя клинком, пронзить тебя стрелой или копьем, то

оружие его никогда не достигнет цели. Этот браслет сможет защитить тебя даже от самых злобных магических чар. Есть у него и кое-какие иные достоинства, которые ты, не сомневаюсь, сочтешь весьма полезными, если жизнь твоя подвергнется опасности.

И Орик с поклоном принял дар Эрагона.

— Твой дар представляется мне весьма ценным, Губитель Шейдов, — сказал он громко и на глазах у всех надел браслет на левую руку.

Следующей была Сапфира, которая постаралась, чтобы ее мысли дошли до всех присутствующих.

«А вот и мой тебе подарок, король Орик», — сказала она и, клацая когтями по полу, прошла мимо трона и остановилась перед помостом, на котором был установлен Звездный Сапфир. Она положила передние лапы на край помоста, и толстые балки заскрипели под ее тяжестью, но выдержали. Прошло несколько минут, но ничего не происходило. Сапфира, стоя в прежней позе, не сводила глаз с огромного самоцвета.

Гномы, не мигая и не дыша, наблюдали за ней.

«Ты уверена, что сумеешь это сделать?» — не выдержал Эрагон, понимая, что мешает ей сосредоточиться.

«Не знаю, — ответила она. — Когда мне раньше доводилось воспользоваться магией, что бывало нечасто, я даже не задумывалась об этом. Я просто желала изменить что-то, и оно менялось... Полагаю, мне придется еще немного подождать, чтобы для восстановления сапфира настал подходящий момент».

«Давай я тебе помогу, а? Я ведь могу послать свою магическую энергию через тебя».

«Нет, маленький брат. Это моя забота, не твоя».

И тут по залу разнесся голос, низкий и чистый, выводя медленную, немного тоскливую мелодию. Певцу один за другим стали вторить голоса невидимого хора, так что вскоре весь Тронжхайм наполнился звуками этой прелестной жалобной мелодии. Эрагон хотел было попросить гномов замолчать, но Сапфира не дала:

«Пусть себе поют, они мне не мешают».

И хотя Эрагон не понимал ни слова, но по интонациям, по характеру музыки догадался, что это плач по утраченному, тому, чего больше уж нет, по таким святыням, как Звездный Сапфир. И под конец песни обнаружил, что вспоминает свою прошлую, невозвратную жизнь в долине Паланкар, а глаза его полны слез.

К его удивлению, оказалось, что и Сапфиру охватило столь же задумчивое, меланхолическое настроение, хотя обычно печаль и сожаления отнюдь не были свойственны ее натуре. А потому удивленный Эрагон готов был даже расспросить ее, что с ней происходит, но не решился, почувствовав в глубине ее души некое странное волнение, словно пробуждалась потаенная, очень древняя часть ее существа.

Песня закончилась на длинной вибрирующей ноте, и, когда она окончательно смолкла, по всему телу Сапфиры словно прокатилась волна энергии, причем настолько мощная, что Эрагон даже охнул от неожиданности. Сапфира склонила голову и прикоснулась к Звездному Сапфиру кончиком носа. Расходящиеся во все стороны трещины, покрывавшие гигантский самоцвет, ярко вспыхнули, подобно шаровым молниям, и поддерживавшие камень строительные леса затрещали и развалились, явив глазам присутствующих Исидар Митрим в его былом великолепии, целым и невредимым, хотя и не совсем таким, как прежде. Цвет его стал теперь еще более глубоким и насыщенным, приобретя даже некий красноватый оттенок, а внутренние лепестки розы были пронизаны тускло-золотыми прожилками.

Гномы потрясенно молчали, не сводя глаз с прекрасного самоцвета. А потом зал словно взорвался криками; все вскочили на ноги, выкрикивая поздравления, слова благодарности и аплодируя Сапфире с таким энтузиазмом, что, казалось, в Тронжхайме грохочет могучий водопад. Драконица чуть поклонилась толпе и отступила от Звездного Сапфира назад, к Эрагону, давя лапами рассыпанные по полу розовые лепестки.

«Спасибо», — сказала она ему.

«За что?»

«За помощь. Это ты своими эмоциями указал мне правильный путь. Без тебя я бы могла тут и несколько

недель простоять, пока меня не посетило бы необходимое вдохновение».

Орик поднял руки, успокаивая толпу, и провозгласил:

— От имени всей нашей расы благодарю тебя, о, Сапфира, за твой драгоценный подарок! Ты восстановила сегодня гордость нашего королевства, и мы никогда этого не забудем. И пусть никто и никогда не считает наш народ неблагодарным, ибо отныне и до конца времен имя твое будет воспеваться всеми кнурлан, и песни эти будут всегда исполняться во время наших зимних празднеств, когда мы перечисляем всех наших величайших Мастеров и Отцов-Основателей. А когда Исидар Митрим вернется на прежнее место, имя твое будет выбито на его оправе рядом с именем Дюрока Орнтхронда, который впервые огранил этот драгоценный камень. — И, поклонившись Эрагону и Сапфире, Орик прибавил: — Вы еще раз продемонстрировали дружеское отношение к нашему народу, и это бесконечно меня радует, ибо своими действиями вы в очередной раз подтвердили, сколь мудро поступил мой приемный отец, приняв вас в члены Дургримст Ингеитума.

Когда наконец были завершены все многочисленные ритуалы, связанные с коронацией, когда Эрагон помог Сапфире освободиться от шерсти, застрявшей у нее между зубами — мерзких, скользких и довольно вонючих комков, после возни с которыми ему ужасно хотелось как следует вымыться, — они оба приняли участие в банкете, устроенном в честь Орика. Празднество было шумным и разгульным и длилось до глубокой ночи. Гостей развлекали жонглеры и акробаты, а труппа актеров сыграла пьесу под названием «Аз Сартосвренхт рак Бальмунг, гримстборитх рак Квисагур», что, как сообщил Эрагону Хундфаст, означало: «Сага о короле Бальмунге из Квисагура».

Когда же торжества подошли к концу и большая часть гномов были уже настолько утомлены, что спали, уронив головы рядом со своими чашами, Эрагон наклонился к Орику, который сидел во главе стола, и сказал:

— Ваше величество...

Орик отмахнулся:

— Не вздумай называть меня так, Эрагон! Я этого не потерплю! Подобное обращение из твоих уст уместно разве только при особых обстоятельствах... Зови меня как обычно. Можешь считать, что это приказ. — Орик попытался взять свой кубок, но промахнулся и чуть не сшиб его со стола. Он рассмеялся: — Ну вот, до чего я пьян!

Эрагон тоже улыбнулся:

— Орик, я хотел тебя спросить: неужели тебя короновал действительно сам Гунтера?

Орик опустил голову, уперся подбородком в грудь и долго изучал свой кубок, вертя его в руках. Лицо его вдруг стало очень серьезным.

— В общем, то, что ты видел, было действительно очень близко к тому образу Гунтеры, какой нам дано увидеть на этой земле. Тебе достаточно такого ответа, Эрагон?

— Ну... наверное, да. Наверное. А он всегда откликается на такой призыв? Он никогда не отказывался кого-то короновать?

Орик насупился.

— А ты разве никогда не слышал про королей-еретиков и королев-еретичек?

Эрагон покачал головой.

— Эти кнурлан не сумели получить благословение Гунтеры, но тем не менее настаивали на своем желании занять королевский трон. — Орик презрительно поморщился. — Правление каждого из них было весьма недолгим и весьма несчастливым.

У Эрагона похолодело в груди.

— Значит, даже если бы ты был избран Советом Вождей, но Гунтера отказался бы короновать тебя, *то королем ты бы* так и не стал?

— Да, не стал бы. Или стал бы королем народа, который воюет с самим собой. — Орик пожал плечами. — Впрочем, меня подобная возможность не слишком тревожила. Сейчас, когда вардены уже вторглись в пределы Империи, только безумец стал бы рисковать, ввергая нашу страну в междоусобные войны лишь для того, чтобы лишить меня трона.

Да и Гунтера, хоть он и способен на многое, но он отнюдь не безумец.

— Но разве ты знал наверняка, что получится именно так? — спросил Эрагон.

Орик покачал головой:

— Не знал. И до конца не был уверен, пока Гунтера не возложил мне на голову золотой королевский шлем.

Слова мудрости

— Ох, извини! — воскликнул Эрагон, невольно зацепив рукой воду в чаше.

Насуада нахмурилась, ее лицо на поверхности магического водяного зеркала исказилось и вытянулось.

— За что? — спросила она. — По-моему, тебя стоит поздравить. Ты выполнил все мои поручения, даже более того.

— Да нет, я просто... — И Эрагон догадался, что она-то не видит той ряби, что прошла по воде, и перед ней по-прежнему неискаженное изображение Эрагона и Сапфиры. — Я просто нечаянно задел рукой воду в чаше, вот и все.

— А, понятно... Ну что ж, позволь тебя официально поздравить, Эрагон. Обеспечив Орику трон, ты...

— Хоть из-за этого на меня и напали?

Насуада улыбнулась:

— Да, хоть из-за этого на тебя и напали. Но ты сумел сохранить наш союз с гномами, а это чрезвычайно важно для нас и вполне может теперь означать нашу победу над Гальбаториксом. Загвоздка лишь в том, сколько времени потребуется гномам, чтобы их армия смогла к нам присоединиться.

— Орик уже отдал своим воинам приказ готовиться к походу, — ответил Эрагон. — Кланам, видимо, потребуется несколько дней, чтобы собрать войско, но как только они это сделают, то выступят немедленно.

— И это тоже очень хорошо. Тогда мы сразу смогли бы воспользоваться их помощью. Кстати, когда можно ожидать твоего возвращения? Дня через три? Или четыре?

Сапфира пошевелила крыльями, и Эрагон, ощутив на спине ее горячее дыхание, оглянулся на нее и, осторожно выбирая слова, ответил Насуаде:

— Это зависит от многих обстоятельств. Ты помнишь, о чем мы с тобой говорили перед тем, как я отправился в Фартхен Дур?

Насуада недовольно поджала губы:

— Да, помню, конечно. Я... — Она чуть отвернулась, явно слушая чье-то срочное донесение — до Эрагона и Сапфиры донеслось неразборчивое бормотание гонца, — затем, снова повернувшись к ним, Насуада сказала: — Только что вернулся отряд капитана Эдрика. Они, кажется, понесли серьезные потери, но посланник утверждает, что Роран жив.

— Он ранен?

— Я сразу же все сообщу тебе, как только сама узнаю. Впрочем, я не стала бы слишком за него волноваться. Рорану сопутствует удача, прямо как...

Тут снова послышалось бормотание невидимого гонца, и Насуада, сделав шаг в сторону, исчезла из поля зрения Эрагона.

Эрагон ждал, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Вскоре лицо Насуады вновь возникло в волшебном зеркале, и она сказала:

— Извини, но мы приближаемся к Фейнстеру, и нам постоянно приходится отбиваться от бандитских налетов. Госпожа Лорана специально высылает из города своих мародеров, чтобы нас измотать. Эрагон, Сапфира, вы очень нужны здесь! Нам предстоит серьезное сражение. Если в Фейнстере увидят у своих стен войско, состоящее только из людей, гномов и ургалов, там могут решить, что у них еще есть шанс удержать город. И тогда битва приобретет кровопролитный характер. Они будут драться упорно, хотя, конечно, Фейнстер им все равно не удержать. Но если они увидят во главе осаждающих дракона и Всадника, у них, я думаю, сразу отпадет всякое желание сражаться.

— Но...

Насуада подняла руку, призывая его помолчать, и продолжила:

— Есть и другие причины, по которым вам стоило бы поскорее вернуться. Мои раны, полученные во время Испытания Длинных Ножей, еще не зажили, и я не смогу повести варденов в бой, как прежде. Нужно, чтобы мое место занял

ты, Эрагон, – только так можно будет обеспечить исполнение всех моих приказов и поднять боевой дух наших воинов. И еще одно: слухи о твоем отсутствии уже бродят по лагерю, несмотря на все наши усилия. И если в результате на нас нападут Муртаг и Торн или если Гальбаторикс пошлет их на выручку Фейнстеру, то мы даже при поддержке эльфов вряд ли сможем противостоять им. Прости меня, но я никак не могу разрешить тебе сейчас вернуться в Эллесмеру. Это слишком опасно.

Упершись ладонями в край холодного каменного стола, на котором стояла чаша с водой, Эрагон сказал:

– Погоди, Насуада, но если не сейчас, то когда?

– Скоро. Имей терпение.

– Скоро... – повторил Эрагон, глубоко вздохнув и еще крепче опираясь о стол. – Но все же когда? И как скоро?

Насуада нахмурилась.

– Ну, как я могу сказать точно? Во-первых, нам нужно захватить Фейнстер, потом очистить от врага его окрестности, а затем...

– А затем ты хочешь идти на Белатону и Драс-Леону, а потом и на Урубаен, – договорил за нее Эрагон. Насуада хотела было возразить, но он не дал ей. – И чем ближе ты станешь подбираться к Гальбаториксу, тем больше вероятность, что вас атакуют Муртаг и Торн или даже сам Гальбаторикс, и тогда тебе совсем не захочется нас отпускать. Видишь ли, Насуада, у нас с Сапфирой попросту не хватит ни опыта, ни знаний, ни сил, чтобы справиться с Гальбаториксом. И тебе это прекрасно *известно. Гальбаторикс может* поставить точку в этой войне в любой момент, как только у него возникнет желание оставить свой неприступный замок и встретиться с варденами лицом к лицу. Пойми, нам просто необходимо посоветоваться с нашими учителями. Они могут подсказать нам, откуда Гальбаторикс черпает силы, они могут научить нас кое-каким уловкам, благодаря которым мы, возможно, сумеем все же одолеть его.

Насуада потупилась, разглядывая собственные ладони.

– Но пока вас с нами не будет, Торн с Муртагом вполне могут разгромить нас.

— А если мы не отправимся в Эллесмеру прямо сейчас, то Гальбаторикс наверняка разгромит и уничтожит нас, как только мы подойдем к Урубаену. Ты можешь подождать несколько дней, прежде чем штурмовать Фейнстер?

— Могу. Но каждый лишний день осады стоит нам жизней наших воинов. — Насуада потерла виски ладонями. — Ты слишком многого требуешь, Эрагон. А сам ничего конкретного пока не обещаешь.

— Да, пока не обещаю, но, если мы не попытаемся получить некие весьма важные сведения и умения, наше поражение попросту неизбежно!

— Вот как? А я совсем в этом не уверена. И все же, пожалуй... — Насуада умолкла, глядя куда-то вбок, потом решительно кивнула, словно в подтверждение собственных мыслей, и сказала: — Пожалуй, я могу отложить штурм Фейнстера дня на два-три. А пока что мы могли бы захватить еще несколько близлежащих селений. Затем, когда мы уже подойдем к городу, я постараюсь подождать еще пару дней, а вардены тем временем подготовят осадные машины и укрепят лагерь. Я думаю, все сочтут подобную задержку вполне естественной. Но после этого так или иначе придется идти *на штурм — хотя бы потому, что у* нас кончаются запасы провизии. Армия, которая на долгое время без движения задерживается на вражеской территории, всегда начинает голодать. Так что *я* самое большее могу тебе дать дней шесть или даже всего дня четыре.

Эрагон быстро прикинул в уме.

— Четырех дней мне мало, — твердо заявил он. — Даже шести может не хватить. Сапфире потребовалось три дня, чтобы долететь до Фартхен Дура, причем она даже на ночлег не останавливалась, да и меня у нее на спине не было. Если те карты, что я видел, достаточно точны, расстояние отсюда до Эллесмеры ничуть не меньше, а может, и больше; и примерно столько же нужно лететь от Эллесмеры до Фейнстера. А со мной Сапфира не сможет в столь малые сроки покрыть такие расстояния.

«Точно, не смогу», — подтвердила Сапфира.

— Даже при самом удачном стечении обстоятельств, — продолжал Эрагон, — нам потребуется неделя, чтобы в

конечном итоге добраться до Фейнстера, даже если мы задержимся в Эллесмере всего на минуту.

На лице Насуады отразилась чрезвычайная усталость.

— А тебе обязательно лететь в Эллесмеру? — спросила она. — Нельзя ли просто выйти на мысленную связь с твоими менторами, как только вы преодолеете те защитные барьеры, что окружают лес Дю Вельденварден? Это здорово сэкономило бы время, а один-два дня могут сыграть решающую роль...

— Не знаю. Но попробовать можно.

Насуада на секунду прикрыла глаза и сказала очень тихо, словно вдруг охрипнув:

— Может быть, мне удастся оттянуть выход к Фейнстеру дня на четыре... Можешь, если тебе так уж надо, лететь в Эллесмеру. Или не лететь... Решай сам. Если все же полетишь, оставайся там столько, сколько нужно. Ты прав: если ты не найдешь способ одолеть Гальбаторикса, у нас не будет надежды на победу. Но все же постоянно помни, на какой огромный риск мы пошли; помни о том, *сколькими жизнями* варденов мне придется пожертвовать, чтобы выиграть для тебя время; помни о том, сколько варденов неизбежно погибнет, если нам придется начать осаду Фейнстера без тебя.

Эрагон кивнул; лицо его было бледно и сурово:

— Я все понимаю и обо всем буду помнить.

— Надеюсь. Но не медли! Лети скорей! Сапфира, лети быстрей ястреба, не теряя ни одной лишней секунды! — Насуада коснулась губ кончиками пальцев и послала воздушный поцелуй Эрагону и Сапфире. — Счастливого вам пути! И удачи! Боюсь, что вновь мы встретимся лишь на поле битвы.

И она исчезла из виду. Эрагон снял чары, и вода в чаше опять стала прозрачной.

У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Роран сидел очень прямо и смотрел куда-то мимо Насуады, разглядывая складку в углу ее красного шатра.

Он чувствовал, что Насуада изучающе смотрит на него, но не желал встречаться с нею взглядом. В течение долгого времени, прошедшего в полном и мрачном молчании, он изучал и обдумывал все возможные и весьма скверные последствия своего поступка, и от напряжения у него стучало в висках. Очень хотелось покинуть этот душный шатер, выбраться наружу и глотнуть свежего прохладного воздуха.

— Ну и как мне с тобой быть, Роран? — спросила наконец Насуада.

Он еще сильнее выпрямился.

— Как тебе будет угодно, госпожа.

— Великолепный ответ, Молотобоец. Только он ни в коей мере не способен разрешить ситуацию. — Насуада отпила вина из кубка. — Ты дважды нарушил прямой приказ капитана Эдрика, однако, если бы ты этого не сделал, ни он, ни ты, да и никто из вашего отряда не остались бы в живых, и я так и не узнала бы, что у вас там произошло. Впрочем, твой успех не искупает твоей вины. Ты ведь и сам понимаешь, что совершил воинское преступление и обязан понести наказание, если мы хотим сохранить дисциплину в наших войсках.

— Да, госпожа.

Она нахмурилась:

— Будь ты проклят, Молотобоец! Если бы ты не был братом Эрагона и если бы твое ослушание дало иные результаты, я бы недолго думая приказала тебя повесить!

Роран нервно сглотнул, представив себе, как на горле затягивается петля.

Средним пальцем правой руки Насуада принялась барабанить по подлокотнику своего трона, все ускоряя ритм. Потом перестала стучать и сказала:

— Ты хочешь и дальше сражаться вместе с варденами?

— Да, госпожа, — не задумываясь, ответил Роран.

— И какое наказание ради этого ты готов понести?

Роран не стал особенно раздумывать:

— То, которое мне полагается, госпожа.

Напряженное выражение исчезло с лица Насуады. Она кивнула, похоже, вполне удовлетворенная этим ответом.

— Я надеялась, что ты именно так и ответишь. Традиции и опыт прошлого дают мне только три варианта. Во-первых, я могу тебя повесить, но не повешу... по множеству разных причин. Во-вторых, я могу приказать нанести тебе тридцать ударов плетью и изгнать из рядов варденов. И в-третьих, наказать тебя пятьюдесятью ударами, но оставить здесь.

«Ну, пятьдесят ударов — это немногим больше тридцати», — подумал Роран и, собравшись с мужеством, спросил:

— А пороть меня будут прилюдно?

Насуада удивленно приподняла бровь:

— Твоя гордость в данном случае значения не имеет, Молотобоец. Наказание должно быть суровым, чтоб и остальным неповадно было так поступать, а потому оно, конечно же, будет прилюдным. Если бы ты хоть вполовину был таким умным, каким представляешься, то и сам должен был понимать, нарушая приказ Эдрика, что последствия этого будут весьма малоприятными. Выбор, перед которым ты сейчас оказался, очень прост: либо ты остаешься с варденами, либо покидаешь своих друзей и семью и дальше идешь один, своим путем. Итак, что ты решил?

Роран гордо вскинул голову. Его разозлило, что она снова спрашивает о том, что он уже пообещал ей.

— Я никуда не уйду, госпожа Насуада. И не так уж важно, сколько плетей ты прикажешь мне дать; все это такая ерунда по сравнению с тем, что я уже пережил, потеряв дом и отца.

— Тут ты прав, — тихо промолвила Насуада. — Пятьдесят плетей с этим трудно сравнить. Один из магов, Дю Врангр Гата, будет наблюдать за экзекуцией, а потом подлечит

нанесенные тебе рубцы. Но до конца залечивать твои раны он не станет, да и тебе запрещается обращаться к кому-то за лечением.

— Ясно.

— Экзекуция состоится, когда Джормундур сумеет собрать здесь большую часть воинов. А до того ты будешь оставаться под стражей в палатке возле позорного столба.

Роран был доволен уже тем, что не придется ждать дольше и неизвестно сколько дней жить в мрачном ожидании публичного наказания.

Он поклонился Насуаде, и она, махнув рукой, отпустила его.

Повернувшись на каблуках, Роран вышел из шатра. Двое стражников тут же заняли места справа и слева от него и молча повели его через весь лагерь к маленькой пустой палатке рядом с почерневшим позорным столбом, установленным на небольшом пригорке за пределами лагеря.

Столб был шесть с половиной футов в высоту, и у его верхнего конца имелась перекладина, к которой наказуемого привязывали за руки и которая вся была покрыта царапинами, оставленными ногтями тех, кому довелось тут получить свою порцию плетей.

Проходя мимо столба, Роран заставил себя не смотреть на него и побыстрее нырнул в палатку. Единственным предметом мебели там была расшатанная табуретка, на которую он и сел, стараясь дышать размеренно, чтобы поскорее успокоиться.

Прошло несколько минут, и снаружи послышался топот множества ног, звяканье оружия и доспехов — это вардены собирались вокруг позорного столба. Роран тут же представил себе эту многотысячную толпу, в которой наверняка будут и его односельчане из Карвахолла. Сердце у него тревожно забилось, на лбу выступила испарина.

Прошло еще с полчаса, и в палатку вошла колдунья Трианна. Она велела Рорану раздеться до пояса, что его несколько озадачило, но она, не обращая на его удивление *никакого внимания*, осмотрела его и пробормотала какое-то исцеляющее заклятье над тем его плечом, которое ему

пробили арбалетным болтом. После чего Трианна объявила Рорана готовым к наказанию и велела ему надеть рубашку из мешковины.

Роран едва успел натянуть эту грубую рубаху, когда в палатку влетела Катрина, и сердце Рорана наполнилось радостью, смешанной со страхом.

Катрина посмотрела на него, потом на Трианну и низко поклонилась колдунье:

— Могу я минутку поговорить с мужем наедине?

— Конечно. Я подожду снаружи.

Как только Трианна вышла, Катрина бросилась к Рорану и обняла его. Он крепко прижал ее к себе, ведь они не виделись с тех пор, как он ушел в рейд вместе с отрядом Эдрика.

— Ох, как я соскучилась! — шепнула ему на ухо Катрина.

— И я, — ответил он тоже шепотом.

Они чуть отстранились друг от друга, чтобы можно было смотреть друг другу в глаза, и Катрина нахмурилась:

— Это несправедливо! Я ходила к Насуаде, просила тебя помиловать или хотя бы уменьшить количество плетей, но она отказалась.

Поглаживая жену по спине, Роран сказал:

— Не нужно было тебе к ней ходить.

— Почему это?

— Потому что я сказал ей, что в любом случае останусь с варденами, и намерен держать свое слово.

— Но ведь это же несправедливо! — снова вскричала Катрина, хватая его за плечи. — Карн рассказал мне, как ты там дрался! Ты же почти две сотни солдат уложил в одиночку! И если б не ты, никто из нашего отряда не уцелел бы! Насуаде, по-моему, надо было осыпать тебя подарками и похвалами, а не подвергать публичной порке, как какого-то преступника!

— Дело тут не в том, справедливо это или несправедливо, — сказал Роран. — Это необходимо. И на месте Насуады я бы отдал точно такой же приказ.

Катрина вздрогнула.

— Но целых пятьдесят плетей... Почему так много? Это же умереть можно, получив столько плетей!

— Можно, если у человека сердце, например, слабое. А обо мне не беспокойся. Меня пятью десятками плетей не убьешь.

Катрина попыталась улыбнуться, но не сумела, залилась слезами и уткнулась ему в грудь. Он прижал ее к себе, покачал, как ребенка, гладя по голове и бормоча какие-то слова утешения, но и у него на душе кошки скребли. Через несколько минут Роран услышал снаружи сигнал рога, понял, что время пришло, и, отстранившись от Катрины, сказал:

— Вот я о чем попрошу тебя...

— О чем же?

— Ступай в нашу палатку, опусти полог и не выходи, пока не кончится порка.

Катрина была потрясена.

— Нет! Я тебя не оставлю... Ни за что!

— Пожалуйста, сделай, как я прошу! Тебе ни к чему на это смотреть.

— А тебе ни к чему терпеть эту порку!

— Оставь. Не будем больше говорить об этом. Я понимаю, ты хотела бы остаться рядом со мной, но поверь, мне будет гораздо легче, если я буду знать, что ты этого не видишь. Я сам во всем виноват и вовсе не желаю, чтобы и ты мучилась вместе со мной.

У Катрины окаменело лицо.

— Но я же все равно знаю, что тут с тобой будут делать! И мне будет ничуть не легче, даже если я этого и не увижу. Ну хорошо, я сделаю так, как ты просишь. И только потому, что, как ты говоришь, тебе будет от этого легче. Ты ведь и сам знаешь, что если б я могла подменить собой тебя во время этой порки, то с радостью сделала бы это. Ах, если б это было возможно...

— Так ведь и ты прекрасно знаешь, — сказал Роран, целуя ее в обе щеки, — что я никогда бы не позволил тебе страдать вместо меня.

Глаза Катрины вновь наполнились слезами, и она так крепко обняла его, что ему стало трудно дышать.

Они еще не успели разомкнуть объятий, когда в палатку решительным шагом вошел Джормундур, а за ним — двое Ночных Ястребов. Катрина высвободилась из рук Рорана,

молча поклонилась Джормундуру и, не говоря ни слова, выскользнула из палатки.

Джормундур сказал:

— Пора!

Роран кивнул, встал и позволил вывести себя из палатки к позорному столбу. Вокруг толпились вардены — люди, гномы, ургалы, — все стояли в напряженных позах, выпрямившись, расправив плечи. Мельком оглядев толпу, Роран посмотрел на далекий горизонт и постарался собрать все свое мужество и не обращать на собравшихся внимания.

Двое стражников привязали его руки за кисти к верхней перекладине, а Джормундур, обойдя столб, протянул Рорану деревянный нагель, обшитый кожей, и тихо посоветовал:

— Возьми в рот и как следует закуси зубами. Очень полезная вещь. По крайней мере, не будешь кусать себе губы или язык.

Роран благодарно кивнул и открыл рот, позволив Джормундуру вложить ему нагель между зубов. Вкус у дубленой кожи был горько-кислый, как у незрелых желудей.

Хрипло пропел рог, загрохотал барабан. Джормундур зачитал обвинительный приговор, и охранники срезали с Рорана рубаху из мешковины.

Он невольно вздрогнул, когда холодный воздух коснулся его обнаженного торса.

За мгновение до удара Роран успел еще услышать свист плети в воздухе, и ему показалось, будто к коже приложили раскаленный железный прут. Непроизвольно выгнув спину, он впился зубами в нагель и застонал, но, к счастью, нагель приглушил этот стон, и его почти никто не услышал.

— Один! — громко выкрикнул палач.

Второй удар снова заставил Рорана застонать, но потом он уже полностью овладел собой и хранил молчание, твердо решив не выказывать слабости перед многотысячной толпой.

Порка оказалась не менее болезненной, чем любая из тех тяжких ран, которые он получил в последнее время, однако уже после дюжины ударов он перестал сопротивляться боли и впал в какое-то полубессознательное состояние, похожее на транс. Поле зрения у него резко сузилось, и теперь

он видел перед собой только истертую, исцарапанную поверхность столба; временами сознание и вовсе покидало его, и на короткие промежутки времени он точно падал в некий темный колодец.

Казалось, времени прошло очень много, но тут Роран услышал чей-то глуховатый, точно откуда-то издалека доносившийся голос:

— Тридцать!

И его охватило отчаяние. «А я выдержу еще двадцать ударов?» — подумалось ему. Но мысль о Катрине и будущем ребенке придала ему сил.

Очнувшись, Роран обнаружил, что лежит на животе в *палатке, где живут они с* Катриной, и Катрина стоит возле него на коленях, гладит его по голове и что-то ласково бормочет ему в ухо, а кто-то другой в это время смазывает рубцы у него на спине чем-то липким и холодным. Роран поморщился, когда этот невидимый лекарь задел какое-то особенно болезненное место.

— А я бы не так стала лечить подобные раны, — услышал он надменный голос Трианны.

— Если ты лечишь всех своих пациентов так, как лечила Рорана, — ответила Трианне какая-то другая женщина, — то просто удивительно, как кто-то из них вообще жив остался! — *И Роран узнал* этот голос: он принадлежал Анжеле, той странной колдунье-травнице с ясными глазами.

— Ну, уж этого я не потерплю! — заявила Трианна. — Не стану я стоять тут и слушать, как меня оскорбляет какая-то убогая гадалка, которая и самого простого заклятья толком наложить не умеет!

— Не можешь стоять, так сядь, если тебе так удобнее будет. Да только сидишь ты или стоишь, а я все равно молчать не буду, пока ты не признаешь, что его спинные мышцы крепятся здесь, а не там! — И Роран почувствовал, как палец Анжелы коснулся его спины в двух разных местах, между которыми было с полдюйма.

— Тьфу ты! — сплюнула Трианна и выскочила из палатки.

Катрина улыбнулась, и только тут он заметил, что лицо у нее мокро от слез.

— Роран, ты меня слышишь? — спросила она. — Ты очнулся?

— Кажется, да... — хрипло ответил он. Челюсти болели, так сильно он впивался зубами в нагель, стараясь не кричать. Он откашлялся и охнул: казалось, все пятьдесят рубцов у него на спине разом дали о себе знать.

— Ну, вот, — сказала Анжела, — я и закончила.

— Но это просто удивительно! — воскликнула Катрина. — Мне и в голову не могло прийти, что вам с Трианной такое удастся!

— Это нам Насуада велела.

— Насуада? С чего бы это?

— Сама у нее спроси. Следи за ним, чтоб на спину не переворачивался. Пусть пока еще немного потерпит. Да и на бок пусть осторожно ложится, иначе все струпья сорвет.

— Спасибо тебе, — пробормотал Роран.

Анжела рассмеялась.

— Не за что! Не бери в голову. То есть можешь, конечно, и взять, но все-таки не считай, что чем-то мне обязан. Это было не так уж и сложно. Да и потом мне просто удовольствие доставляет спины вам лечить — тебе и Эрагону. Ну, ладно, я пошла. Смотри, Катрина, чтоб хорьки в палатку не залезли!

Когда травница удалилась, Роран снова закрыл глаза. Мягкие пальчики Катрины гладили его по лбу.

— Ты очень мужественно держался, — сказала она ему с гордостью.

— Вот как?

— Да. Джормундур и все прочие говорили, что ты даже ни разу не крикнул, ни разу не попросил прекратить экзекуцию.

— Вот и отлично. — Рорану хотелось спросить, что там, у него на спине, но он боялся потревожить Катрину.

Впрочем, она и сама догадалась, чего ему хочется, и принялась рассказывать:

— Анжела говорит, что если все пойдет нормально, то и шрамов почти не останется. А если и останутся, то потом

Эрагон или любой другой маг сможет убрать их, и твоя спина станет точно такой же, как и до экзекуции.

— Хм...

— Ты пить не хочешь? У меня как раз тут тысячелистник заварен.

— Да, с удовольствием.

Катрина поднялась с колен, и Роран услышал, как в палатку вошел кто-то еще. Скосив глаза, он с удивлением увидел, что это сама Насуада. Она остановилась возле центрального шеста, поддерживающего палатку.

— Госпожа Насуада? — услышал Роран голос Катрины, звучавший на удивление холодно и резко.

Несмотря на острую боль в спине, Роран заставил себя привстать на постели и с помощью Катрины сперва сел, а потом начал было подниматься на ноги, но Насуада жестом остановила его.

— Зачем ты встаешь, ляг, пожалуйста! Я и так уже достаточно страданий тебе причинила.

— Зачем ты пришла сюда, госпожа Насуада? — тем же резким тоном спросила Катрина. — Рорану нужен покой, чтоб поскорее поправиться, а вовсе не болтовня с посетителями.

Роран коснулся руки Катрины:

— Ничего, я вполне могу разговаривать, если надо.

Насуада прошла чуть дальше и, подобрав подол своего зеленого платья, присела на маленький сундучок, который Катрина прихватила из Карвахолла. Она помолчала, расправила юбку и сообщила:

— У меня для тебя есть новое поручение, Роран. Ты сможешь участвовать примерно в таком же рейде, как предыдущий?

— Когда выступать? — спросил он, пораженный тем, что Насуада лично уведомляет его о столь простом поручении.

— Завтра.

У Катрины глаза полезли на лоб.

— Ты сошла с ума?! — воскликнула она.

— Катрина... — пробормотал Роран, пытаясь успокоить жену, но она сбросила его руку с плеча и продолжала тем же возмущенным тоном:

— В прошлый раз он чуть не погиб в этом рейде, а ты вместо благодарности приказала исхлестать его плетью чуть не до смерти! Ты не имеешь права так скоро вновь отправлять его в бой! Да он и минуты не продержится против солдат Гальбаторикса!

— Да нет, я такое право имею! — ответила Насуада столь властным тоном, что Катрина прикусила язык и примолкла, хотя Роран отлично видел: гнев так и кипит в ее душе. А Насуада, не сводя с него глаз, продолжила: — Есть у меня такое право, и я должна его использовать! Ты, Роран, возможно, уже знаешь, что наш союз с ургалами на грани разрыва. Один из варденов предательски убил троих ургалов, пока ты воевал под командой капитана Эдрика, который, кстати — и это, возможно, тебе приятно будет услышать, — больше уже не капитан. В общем, того подлеца, что убил ургалов, я приказала повесить. Но, как ты понимаешь, наши отношения с рогачами Нарцвога после этого лучше не стали, а они и без того были достаточно ненадежными и хрупкими.

— А какое отношение все это имеет к Рорану? — сердито спросила Катрина.

Насуада помолчала, поджав губы, потом ответила:

— Мне необходимо убедить варденов в том, насколько для нас важен союз с ургалами. Они должны принять их, не допуская больше никаких кровопролитий. И самый лучший способ добиться этого — наглядно продемонстрировать варденам, как мирно могут сосуществовать наши два народа, добиваясь общей цели. Именно поэтому отряд, с которым ты отправишься в рейд, будет состоять из равного числа людей и ургалов.

— Но это вовсе не... — начала Катрина.

— И всем им я приказала подчиняться тебе как командиру, Роран Молотобоец.

— Мне? — удивленно переспросил Роран. — Но почему?

Насуада как-то криво усмехнулась и пояснила:

— Потому что ты сделаешь все, чтобы защитить своих друзей и свою семью. В этом смысле ты такой же, как я, хотя, может, моя семья и побольше твоей, ведь я всех варденов к ней причисляю. Есть и еще одна причина: поскольку ты родич Эрагона, я не желаю, чтобы тебя снова обвинили

в неподчинении приказам командира. Тогда у меня выбора уже не будет, и придется либо казнить тебя, либо изгнать из рядов варденов. А мне совсем не хочется делать ни то, ни другое. Вот почему я поручаю тебе командовать собственным отрядом, чтобы ты уже больше никого не мог ослушаться, кроме меня. Ну, а если ты нарушишь *мой* приказ, то лучше тебе сразу убить Гальбаторикса; никакое иное оправдание не спасет тебя от наказания куда более страшного, чем те пятьдесят плетей, которые ты получил сегодня. Я назначаю тебя командиром, потому что ты прекрасно доказал свою способность вести за собой других в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах. И ты прекрасно сможешь командовать отрядом, состоящим из ургалов и людей. Я бы послала на это задание Эрагона, но поскольку его здесь нет, ответственность ложится на тебя. Когда варденыузнают, что брат Эрагона, знаменитый Роран Молотобоец, который в одиночку положил две сотни солдат, отправился в рейд вместе с ургалами и добился успеха, то нам, надеюсь, удастся все же сохранить ургалов в качестве своих союзников. По крайней мере, до окончания этой войны. Именно поэтому я прислала Анжелу и Трианну, чтобы они поскорее вылечили тебя. Я сделала это отнюдь не для того, чтобы смягчить твое наказание, но потому, что желаю видеть тебя здоровым и способным командовать большим отрядом. Ну, что скажешь, Молотобоец? Могу я на тебя рассчитывать?

Роран посмотрел на Катрину. Он прекрасно понимал, как отчаянно она хочет, чтобы он ответил Насуаде: нет, я не в состоянии снова идти в бой. Стараясь не встречаться с печальными глазами, Роран вдруг подумал о той огромной армии, что противостоит варденам, и тут же сказал хриплым шепотом:

— Ты можешь на меня рассчитывать, госпожа Насуада.

НАД ОБЛАКАМИ

Сапфира пролетела пять миль от Тронжхайма до внутренней стены Фартхен Дура, после чего им с Эрагоном пришлось нырнуть в туннель, тянувшийся далеко на восток от основания этой полой горы. Эрагон, впрочем, мог бы пробежать этот туннель минут за десять, но высота потолка там не позволяла Сапфире ни лететь, ни хотя бы передвигаться прыжками, и он ограничился тем, что просто быстро пошел впереди.

Час спустя они выбрались в долину Одред, протянувшуюся далеко с севера на юг. В самом начале этой долины, заросшей папоротником, среди холмов лежало Фернот-мерна, довольно большое озеро, похожее на каплю темно-синих чернил, как бы случайно оброненную кем-то меж неприступными вершинами Беорских гор. Из северной оконечности Фернот-мерны вытекала река Рагни Дармн и, извиваясь, текла по долине до слияния с Аз Рагни близ отрогов Молдуна-Гордеца, самой северной вершины Беорских гор.

Эрагон и Сапфира покинули Тронжхайм задолго до утренней зари, и, хотя в туннеле им пришлось сильно замедлить ход, сейчас все еще было раннее утро. Узкую, иссеченную зубцами гор полоску неба над головой уже пересекали бледно-желтые лучи солнечного света. А на дне долины еще царили сумерки, и тяжелые облака, точно прилипшие к склонам гор, были похожи на свившихся в кольца толстенных серых змей. Над блестящей поверхностью озера кольцами проплывал белесый туман.

Эрагон и Сапфира остановились на берегу Фернот-мерны, чтобы напиться и наполнить водой мехи, взятые в дорогу. Вода в озеро стекала прямо с высокогорных

ледников и была такая холодная, что у Эрагона заломило зубы. Он даже зажмурился и топнул ногой, такой острой болью пронзил ему череп этот горный хлад.

Потом он осмотрел противоположный берег озера. Там между клочьями ползущего тумана виднелись руины некогда мощного замка, построенного на голом каменном выступе. С обветшавших стен свешивалась целая борода мощного плюща, но в остальном замок казался совершенно безжизненным. Эрагону стало не по себе. Эта заброшенная крепость показалась ему на редкость мрачной и зловещей, точно разлагающийся труп какого-нибудь чудовища.

«Ну, ты готов?» — спросила Сапфира.

«Готов», — откликнулся Эрагон и полез в седло.

От озера Фернот-мерна Сапфира взяла курс на север и полетела над долиной Одред к выходу из Беорского горного массива. Правда, Эллесмера находилась чуть западнее, но иного способа выбраться из этих гор не было, ибо в этих местах горные перевалы находились на высоте более пяти миль.

Впрочем, Сапфира летела на максимальной высоте, которую мог выносить Эрагон; ей было легче преодолевать большие расстояния в разреженных, верхних слоях атмосферы, а не в плотном и влажном воздухе у поверхности земли. Защищаясь от леденящего холода, Эрагон натянул на себя несколько слоев одежды и применил несложное заклинание, которое как бы делило поток ледяного ветра надвое, и он растекался в стороны, не причиняя Всаднику особого вреда.

Полет на Сапфире требовал постоянного напряженного внимания, но сейчас, поскольку крылья ее двигались относительно медленно и ритмично, Эрагону не нужно было особенно следить за равновесием, как во время поворотов, или пикирования, или еще каких-либо сложных маневров. Эрагон почти отдыхал, то беседуя с Сапфирой, то обдумывая события последних недель, то просто любуясь все время менявшимися пейзажами, проплывавшими внизу.

«Ты воспользовался магией, не прибегая к древнему языку, когда на тебя напали те гномы, — вдруг вспомнила Сапфира. — А ведь это очень опасно!»

«Да, я знаю. Но у меня не было времени вспоминать нужные слова. И потом, ты ведь тоже никогда не пользуешься древним языком, когда творишь заклятья».

«Я — это совсем другое дело. Я — дракон. Нам не нужен древний язык, чтобы выразить то, чего мы хотим, мы и так это знаем и не меняем принятых решений так легко, как эльфы или люди».

Оранжевый диск солнца был уже всего в ладони над горизонтом, когда Сапфира, вырвавшись из узкой долины, полетела над безлюдными, поросшими травой равнинами, прилегавшими к Беорским горам. Выпрямившись в седле, Эрагон огляделся и покачал головой: он был поражен тем, какое расстояние они уже пролетели.

«Жаль, что мы не смогли сразу полететь в Эллесмеру, — сказал он Сапфире. — Тогда мы бы могли гораздо больше времени провести с Оромисом и Глаэдром».

Сапфира выразила свое согласие.

Она продолжала лететь, пока не село солнце и не появились первые звезды, а небо за горами не приобрело пурпурно-лиловый оттенок. Она могла бы лететь и дольше, до самого утра, но Эрагон настоял на том, чтобы остановиться и немного передохнуть.

«Ты еще не пришла в себя после того перелета, до Фартхен Дура. Мы можем завтра лететь хоть весь день и всю ночь, если будет нужно, но нынче ты должна поспать».

Хотя Сапфире его предложение не очень понравилось, она тем не менее согласилась отдохнуть и приземлилась возле ивовых зарослей на берегу какого-то ручейка. Эрагон слез с нее и обнаружил, что ноги у него настолько затекли, что он с трудом сохраняет равновесие. Он расседлал Сапфиру, разложил на земле свою постель и улегся, свернувшись калачиком и прижавшись спиной к теплому драконьему боку. Палатка ему не требовалась — Сапфира прикрывала его своим крылом, словно соколиха, охраняющая птенцов. Оба

довольно быстро уснули, и сны их переплетались каким-то странным, необыкновенным образом, ибо и во сне мысли их были неразрывны.

Едва посветлело небо на востоке, Эрагон и Сапфира снова пустились в путь, летя высоко над зеленеющими равнинами.

Ближе к полудню им в лицо задул сильный ветер, сильно замедлив полет Сапфиры и заставив ее снизить скорость почти в два раза. Сколько она ни старалась, ей так и не удалось подняться в более высокие воздушные слои, где не было бы ветра. Целый день ей пришлось бороться с противостоящим воздушным потоком, и она страшно устала, хотя Эрагон и передал ей немало своей энергии. К полудню она совершенно выдохлась и спланировала вниз, на небольшой бугор посреди заросшей травами равнины, где и приземлилась, распустив крылья по земле, тяжело дыша и вздрагивая от усталости.

«Видимо, нам лучше здесь и переночевать», — сказал Эрагон.

«Нет».

«Сапфира, но ты же не в состоянии лететь дальше! Давай устроим здесь лагерь и подождем, пока ты не восстановишь силы. Может, к вечеру ветер вообще уляжется».

В ответ послышался шорох ее языка — она облизнулась и снова тяжело задышала.

«Нет, — повторила она. — Это ни к чему не приведет. На этих равнинах ветер может дуть неделями, даже месяцами. Не стоит дожидаться, пока он уляжется».

«Но...»

«Нет, я не хочу здесь задерживаться, хоть и устала. Слишком многое поставлено на кон...»

«Тогда давай я поделюсь с тобой той энергией, что содержится в Арене. Ее там более чем достаточно. Она сможет поддерживать тебя на всем пути до самого Дю Вельденвардена».

«Нет, — снова сказала Сапфира. — Побереги энергию Арена на тот случай, если у нас вдруг ее совсем не останется. Я вполне успею отдохнуть и набраться сил в лесу у эльфов. А запасы, хранящиеся в перстне, могут понадобиться нам в

любой момент; не стоит тратить магию Арена всего лишь на то, чтобы я почувствовала себя немного лучше».

«Но мне тяжело, когда ты страдаешь...»

Она чуть слышно заворчала:

«Мои предки, дикие драконы, никогда не стали бы пасовать перед каким-то паршивым ветерком! И я тоже не собираюсь!»

И она снова взвилась ввысь, точно ввинчиваясь в поток встречного ветра.

День клонился к вечеру, но ветер все продолжал дуть им навстречу, значительно снижая скорость полета. Казалось, сама судьба решила помешать им добраться до лесного убежища эльфов. Эрагон вдруг вспомнил ту кнурла по имени Глумра и ее веру в богов, и ему впервые в жизни захотелось помолиться. Нарушив мысленную связь с Сапфирой, которая настолько устала, что даже не заметила этого, он обратился к верховному божеству гномов: «О, Гунтера, властитель богов, если ты действительно существуешь, если ты слышишь меня и если это в твоей власти, то молю тебя, укроти этот ветер. Да, я, конечно, не гном, но король Хротгар принял меня в свой клан, и мне кажется, что уже одно это дает мне право молиться тебе, о, могущественный Гунтера. Пожалуйста, помоги нам! Мы должны как можно скорее добраться до леса Дю Вельденварден! И это важно не только для варденов, но и для твоих созданий, кнурлан. Прошу тебя, пожалуйста, уйми ветер. Сапфире долго не выдержать, она устала бороться с ним...» Эрагон чувствовал себя довольно глупо, когда, перестав молиться Гунтере, восстановил мысленную связь с Сапфирой. Он даже поморщился, чувствуя, какая боль жжет ее усталые мышцы, но будучи не в силах ей помочь.

Только ночью, с наступлением темноты, ветер наконец стих. Да и потом налетал лишь редкими и короткими порывами.

А утром Эрагон увидел внизу иссохшую, твердую как камень землю пустыни Хадарак.

«Проклятье! — выругался он, понимая, как мало они успели пролететь. — Значит, мы и сегодня до Эллесмеры не доберемся?»

«Не доберемся. Если только ветер не переменится и не станет попутным, — откликнулась Сапфира. Потом некоторое время молчала и вдруг прибавила: — И все же, если не случится ничего непредвиденного, мы к вечеру все же доберемся до эльфийского леса».

Эрагон что-то недовольно буркнул себе под нос.

В тот день им пришлось приземляться дважды. В первый раз Сапфире удалось опалить своим пламенем стайку уток, которых она тут же и сожрала; впрочем, это была ее единственная пища за все последнее время. Эрагон для экономии времени перекусывал прямо в седле.

Как Сапфира и рассчитывала, Дю Вельденварден они увидели, когда солнце уже склонялось к западу. Волшебный лес возник перед ними как необъятное море зелени. Вдоль опушек там преобладали огромные лиственные деревья — дубы, буки и клены, — но дальше, в глубине, как помнил Эрагон, они уступали место высоченным соснам, которые и составляли основную часть здешней растительности.

К опушке леса они подлетели уже в сумерках, и Сапфира, спланировав вниз, мягко приземлилась под раскидистыми ветвями могучего дуба. Она сложила крылья и некоторое время сидела совершенно неподвижно. Она так устала, что даже пошевелиться не могла; ярко-алый язык безвольно свисал у нее из пасти. Пока она отдыхала, Эрагон прислушивался к шороху листьев над головой, к гуканью сов и скрипу ночных насекомых.

Передохнув немного, Сапфира встала и решительно затопала в глубь леса, пройдя между двумя гигантскими, обросшими мхом дубами. Таким образом, она пересекла границу Дю Вельденвардена по земле, а не по воздуху. Дело в том, что эльфы с помощью магии оградили свой лес так, что никто и ничто не могло бы туда проникнуть, не попытавшись нарушить волшебные чары, а поскольку драконы для полета пользовались не только своей физической силой, но и магией, то и Сапфира не смогла бы даже просто пролететь над этим лесом: крылья тотчас же подвели бы ее, и она бы упала на землю.

«Ну, пожалуй, хватит», — мысленно сказала она Эрагону, останавливаясь на небольшой полянке в нескольких сотнях футов от опушки.

Эрагон расстегнул пряжки ремней, удерживавших его в седле, и соскользнул на землю. Затем осмотрел поляну, нашел подходящий участок земли, почти лишенный растительности, вырыл руками ямку фута полтора в диаметре и призвал воду. Когда вода наполнила ямку до краев, он произнес заклятье, устанавливая магическую связь с Оромисом.

Вода в ямке пошла рябью, вспыхнула бледно-желтым светом, и на ее поверхности проступило изображение хижины Оромиса. Седовласый эльф сидел у кухонного стола, изучая какой-то весьма потрепанный старинный свиток. Он поднял глаза и посмотрел прямо на Эрагона, ничем не выдав своего удивления.

— Здравствуй, Учитель, — сказал Эрагон, совершив традиционный эльфийский приветственный жест и прижимая руки к груди.

— Приветствую тебя, Эрагон. Я вас ждал. Где вы сейчас?

— Мы с Сапфирой только что добрались до вашего леса... Учитель, я не забыл, что мы обещали непременно вернуться в Эллесмеру, но варденам сейчас всего в нескольких днях пути от Фейнстера, и без нашей поддержки им грозит большая опасность. У нас не хватает времени, чтобы сейчас лететь в Эллесмеру. Не мог бы ты ответить на наши вопросы прямо сейчас, через волшебное зеркало?

Оромис откинулся на спинку стула. Его угловатое лицо было мрачным и задумчивым.

— Я не стану отвечать на твои вопросы, Эрагон, пока ты находишься так далеко от Эллесмеры. Я, пожалуй, догадываюсь, о чем ты хотел меня спросить, но подобные наставления можно давать только лично, предварительно обсудив их суть.

— Учитель, пожалуйста! Ведь если Муртаг и Торн...

— Нет, Эрагон. Я понимаю причины твоего нетерпения, но те знания, которые ты должен получить, не менее важны, чем та защита, которую ты сейчас мог бы обеспечить варденам, а может, даже и важнее. Учиться таким вещам следует должным образом. Или не учиться совсем.

Эрагон вздохнул и понурился.

— Я понимаю, Учитель.

Оромис кивнул.

— Вот и хорошо. Мы с Глаэдром будем вас ждать. Летите скорей, и пусть в пути вам не встретится никакой опасности. Нам о многом нужно поговорить.

— Хорошо, Учитель.

Чувствуя себя страшно усталым и опустошенным, Эрагон устранил магические чары, и вода мгновенно впиталась в землю. Он сел на землю, обхватил голову руками и некоторое время тупо смотрел на мокрое пятно у себя под ногами. Сапфира шумно дышала у него за спиной.

«Нам, видимо, придется лететь дальше, — сказал он драконихе. — Ты уж меня прости».

Сапфира на мгновение затаила дыхание. Потом облизнулась и сказала:

«Ничего, я пока еще держусь».

Он посмотрел на нее:

«Ты уверена?»

«Совершенно уверена».

Эрагон нехотя встал и снова забрался в седло.

«Раз уж мы летим в Эллесмеру, надо бы снова посетить дерево Меноа, — сказал он, затягивая крепежные ремни. — Может, нам наконец удастся понять, что хотел сказать Солембум. И потом, мне действительно очень нужен новый меч».

Когда Эрагон впервые встретился с Солембумом в Тирме, кот-оборотень сказал ему: «Когда настанет час и тебе потребуется оружие, поищи меж корней дерева Меноа. А если тебе вдруг покажется, что все потеряно и все битвы проиграны, ступай к Скале Кутхиана и назови свое имя, дабы открыть Обитель Душ». Эрагон так до сих пор и не узнал, где находится эта Скала Кутхиана, но во время своего пребывания в Эллесмере они с Сапфирой несколько раз посещали дерево Меноа. Но не обнаружили никаких знаков, указывающих на то, что там есть то магическое оружие, о котором упоминал кот. Мох, глина, кора, случайный муравей — вот и все, что они сумели найти меж корнями волшебного дерева Меноа, но так и не поняли, где же следует копать.

«Солембум, вполне возможно, имел в виду вовсе не меч, — заметила Сапфира. — Коты-оборотни вообще любят говорить загадками, как и драконы, впрочем. Если оно даже и существует, это оружие, то им вполне может оказаться обрывок пергамента с начертанным на нем заклинанием, или древней книгой, или рисунком. А то и просто острым осколком камня или любым другим предметом».

«Чем бы оно ни оказалось, я очень надеюсь его найти. Кто знает, когда нам снова удастся попасть в Эллесмеру?»

Сапфира отшвырнула в сторону упавшее дерево, мешавшее ей пройти, расправила свои бархатистые крылья, и мышцы у нее на плечах резко напряглись. Эрагон издал воинственный клич и ухватился за переднюю луку седла, а драконица взвилась вверх и с неожиданной быстротой и силой устремилась вперед, все выше поднимаясь в головокружительном вираже над верхушками деревьев.

Описав круг над зеленым морем качающихся ветвей, Сапфира взяла курс на северо-запад и полетела к столице эльфов, медленно и тяжело вздымая крылья.

РОГАТЫЕ ГОЛОВЫ

Нападение на очередной конвой с припасами прошло почти в точности так, как и планировал Роран. Через три дня после того, как его отряд покинул лагерь варденов, он со своими людьми, стремительно скатившись по склону оврага, напал на тянувшийся по нижней дороге караван. А ургалы между тем вылезли из-за скал и огромных валунов, валявшихся на дне оврага, и атаковали караван с фронта, заставив повозки остановиться. Охранники и возницы оказали мужественное сопротивление, но нападение застало их врасплох, и отбивались они весьма неорганизованно, так что отряд Рорана вскоре с ними покончил. Ни один из варденов и ургалов в этом бою не погиб, а раненых было всего трое — двое людей и один ургал.

Роран лично уложил нескольких солдат, но по большей части держался в арьергарде и был занят тем, что осуществлял общее командование, направляя отдельные удары. Собственно, такова и была теперь его обязанность. Тело у него все еще болело после экзекуции и плохо слушалось, и ему не хотелось переутомлять свои истерзанные мышцы больше необходимого; к тому же он опасался, что едва зажившие рубцы на спине могут снова начать кровоточить. Пока что у него не возникало никаких трудностей в плане поддержания дисциплины в отряде, состоявшем из двадцати людей и двадцати ургалов. Хотя было ясно, что ни те ни другие не доверяют друг другу и вообще никакой особой приязни друг к другу не питают — Роран и сам относился к ургалам с тем недоверием и подозрительностью, которые свойственны любому, кто вырос в окрестностях Спайна, — но во время боевых действий все в отряде действовали дружно, никто друг на друга не кричал, никто даже ни разу голос не

повысил. Впрочем, Роран прекрасно понимал, что все это не имеет никакого отношения к его способностям командира. Насуада и Нар Гарцвог особо тщательно подбирали воинов в его отряд, назначив в него только тех, кто славился как «быстрый клинок», отличался здравым умом и, прежде всего, спокойным и ровным темпераментом.

Однако после боя, когда его люди занимались тем, что стаскивали трупы солдат и фургоны в одну кучу, а Роран разъезжал взад-вперед вдоль конвоя, наблюдая за их работой, он вдруг услыхал чей-то отчаянный вскрик. Решив, что это, возможно, нападение нового отряда Гальбаторикса, Роран крикнул, чтобы Карн и еще несколько варденов последовали за ним, и дал шпоры Сноуфайру, пустив его галопом в конец каравана.

Четверо ургалов привязали вражеского солдата к искривленной иве и развлекались тем, что тыкали в него остриями своих мечей. Ругаясь, Роран спрыгнул с седла и одним ударом молота прикончил солдата, прекратив его мучения.

Тут к месту происшествия подлетели в клубах пыли Карн и четверо других варденов, остановили коней и встали по обе стороны от Рорана, держа оружие наготове.

Самый крупный из ургалов, рогач по имени Ярбог, выступил вперед:

— Зачем ты лишил нас удовольствия, Молотобоец? Мы бы еще несколько минут могли его танцем полюбоваться.

— Пока вы под моей командой, — стиснув зубы, процедил Роран, — вы не будете без нужды пытать пленных. Ясно вам? Многих из этих солдат взяли в армию и заставили служить Гальбаториксу против их воли. Многие среди них могут оказаться нашими друзьями, или родственниками, или соседями. Да, нам приходится с ними драться, но излишней жестокости я не потерплю. Если бы не капризы судьбы, если бы случай распорядился иначе, любой из наших людей мог бы оказаться на их месте. Они не враги нам; наш враг — Гальбаторикс. Вот он в полном вашем распоряжении. Делайте с ним, что хотите... если поймаете.

Ургал так набычился, что под крутым лбом почти исчезли его глубоко посаженные желтые глаз.

— Но ты все равно будешь убивать их, верно? Так почему же нам нельзя немного повеселиться, глядя, как они пляшут и крутятся?

Роран невольно подумал, что, как бы ни был толст и крепок череп ургала, удара его молота он, пожалуй, не выдержит. Но, стараясь унять гнев, ответил:

— Потому что это неправильно, вот почему! — И, указывая на мертвого солдата, добавил: — Как бы ты поступил, если бы он был одной с тобой крови и лишь случайно подпал под чары шейда Дурзы? Неужели ты и его бы стал пытать?

— Конечно! — заявил Ярбог. — Мы, рогачи, сами готовы пойти на такое и позволить другим тыкать в нас мечами, чтобы перед смертью доказать свое мужество. Мы ведь совсем другие, чем вы, безрогие. У вас, видать, кишка тонка, чтобы боль терпеть.

Роран не мог, разумеется, знать, каким тяжким оскорблением считается среди ургалов слово «безрогие», но все же понял, естественно, что, когда ставится под сомнение чье-то мужество, это оскорбление и для ургала, и для человека. И для человека, возможно, даже в большей степени.

— Любой из нас без стона вынесет и куда большую боль, чем ты, Ярбог, — сказал Роран, крепче сжимая рукоять молота и ремни щита. — А теперь, если не хочешь этой страшной боли попробовать, давай сюда свой меч, отвяжи этого несчастного и отволоки его к остальным. А потом займешься вьючными лошадьми — теперь это твоя забота до тех пор, пока мы не вернемся в лагерь.

И, не дожидаясь от ургала ответа, Роран повернулся, расправил повод Сноуфайра и уже хотел было снова вскочить в седло, когда Ярбог вдруг рявкнул:

— Ну уж нет!

Роран так и замер, сунув одну ногу в стремя. И выругался про себя. Он-то надеялся, что ничего подобного уже не произойдет. Резко повернувшись к ургалу, он спросил:

— Нет? Ты отказываешься выполнять мой приказ?

Приподняв губы над мощными короткими клыками, Ярбог ответил:

— Да! Отказываюсь! Я и сам могу этим отрядом командовать и оспариваю у тебя это преимущество, Молото-

боец! – И он, задрав голову, издал такой громкий и жуткий вой, что все остальные сорок бойцов – и ургалы, и люди – так и замерли на месте. Потом все они бросились к корявой иве и обступили Рорана и Ярбога.

– Прикажешь нам им заняться, командир? – звонко спросил Карн.

Очень жалея, что вокруг собралось столько зрителей, Роран покачал головой:

– Нет, я сам им займусь.

Несмотря на эти слова, он был рад, что рядом есть верные ему люди, уже выстроившиеся напротив набычившихся серокожих ургалов. Люди уступали ургалам в росте, зато все они, кроме Рорана, были на конях, так что некоторое преимущество в случае схватки было им обеспечено. Хотя, если такое и впрямь начнется, от магии Карна будет мало проку, думал Роран, поскольку среди ургалов тоже имелся колдун, шаман по имени Дажгра. Роран уже и сам успел убедиться, что этот Дажгра, пожалуй, посильнее Карна, хотя, может, и не слишком искушен в тонкостях столь сложного искусства.

Обращаясь к Ярбогу, Роран заявил:

– У варденов нет такого обычая – передавать командование отрядом тому, кто победил в единоборстве. Если хочешь драться, я буду драться с тобой, но ты ничего этим не добьешься. Если я проиграю, командование перейдет к Карну, и ты будешь отвечать перед ним, а не передо мной.

– Ха! – воскликнул Ярбог. – Я вовсе не оспариваю твое право командовать теми воинами, что принадлежат твоему народу. Я оспариваю у тебя право вести за собой боевых рогачей племени Болвек! Ты не прошел нужных испытаний, ты недостаточно проявил себя, стало быть, не можешь даже претендовать на роль нашего вождя. Если ты проиграешь, командовать своими буду я, и мы не станем подчиняться ни тебе, Карн, ни любому другому из безрогих, которые слишком слабы, чтобы мы могли уважать их!

Роран обдумал создавшееся положение; похоже, придется смириться с неизбежным, даже если это будет стоить ему жизни. Он был твердо намерен сохранить свою власть над ургалами, и пусть потом вардены потеряют их как союзников, но уступить сейчас он не мог. Тяжело вздохнув, он сказал:

— У моего народа принято, чтобы вызванный на поединок сам выбирал место и время схватки, а также оружие, с которым противники выйдут друг против друга.

Издав низкий горловой смешок, Ярбог ответил:

— Время — прямо сейчас, Молотобоец. Место — прямо здесь. И наши рогачи обычно дерутся в одной набедренной повязке и без оружия.

— Но в таком случае этот поединок вряд ли можно будет назвать честным, у меня ведь нет рогов, — заметил Роран. — Ты согласишься с тем, что я выйду с молотом, дабы мы были на равных?

Ярбог подумал и ответил:

— Ты можешь оставить шлем и щит, но не молот. Оружие недопустимо в поединке за звание вождя.

— Понятно... Ну что ж, если я не могу воспользоваться молотом, я отказываюсь и от шлема со щитом. Итак, каковы ваши правила боя и как определяется победитель?

— Правило только одно, Молотобоец: если ты побежишь, ты проиграл, после чего тебя изгоняют из племени. Победа присуждается тому, кто заставит противника сдаться, но, поскольку я никогда не сдамся, мы будем драться до смертельного исхода.

Роран кивнул, думая: видимо, на это он и рассчитывает, хотя я все же постараюсь его не убивать, если сумею, конечно.

— Хорошо, тогда давай начинать, — сказал он и ударил молотом по щиту.

По его знаку люди и ургалы разошлись, очистив место посредине оврага, и огородили колышками площадку размером двенадцать шагов на двенадцать. Роран и Ярбог разделись до исподнего, и двое ургалов умастили тело Ярбога медвежьим салом, а Карн и Лофтен проделали то же самое с Рораном.

— Как следует натрите мне спину, — тихо сказал им Роран. Ему хотелось размягчить рубцы на спине, чтобы при напряжении они поменьше трескались.

Наклоняясь к нему поближе, Карн сказал:

— Зачем ты отказался от щита и шлема?

– Они будут мне только мешать. А мне надо действовать быстро, точно насмерть перепуганному зайцу, если я не хочу, чтоб он меня всего изломал.

Пока Карн и Лофтен натирали его салом, Роран изучал противника, пытаясь определить его слабые места, – только это могло ему помочь одолеть ургала.

Ярбог был более шести футов ростом. Широченная спина, мощная грудь, руки и ноги увиты мощными канатами мышц. Шея толстая, как у быка, – впрочем, только такая шея и могла выдержать вес огромной головы и изогнутых рогов. На левом боку ургала Роран заметил тройной косой шрам от когтей какого-то зверя. Серая шкура Ярбога была вся покрыта редкой щетиной.

Что ж, по крайней мере, это был не кулл. Роран был, в общем, уверен в себе, однако не считал, что ему удастся одолеть Ярбога только с помощью силы. Редко можно встретить человека, который способен был бы сравниться в силе и физической выносливости с таким вот рогачом. Кроме того, Роран отлично понимал, что крепкие черные ногти, больше похожие на когти дикого зверя, клыки, рога и толстенная шкура дают Ярбогу несомненные и весьма значительные преимущества в схватке без оружия. «Что ж, – решил он, – надо, так надо. Хотя, может, и стоило бы пустить в ход кое-какие подлые приемчики, ведь схватка с Ярбогом – это совсем не то, что поединок с Эрагоном, Балдором или еще с кем-то из жителей Карвахолла». Роран не сомневался: это будет яростная, ничем не ограниченная схватка, какие случаются, например, между двумя дикими самцами в период гона.

Не в силах отвести взгляд от огромных рогов Ярбога, он отлично понимал, что это самое опасное оружие ургала. Рогами ургалы наносят противнику таранные удары и рвут его на части; к тому же рога прикрывают голову от любых боковых ударов, а удары Роран мог наносить только голыми руками. Впрочем, рога несколько ограничивают боковое зрение ургала. И Рорану вдруг пришло в голову, что эти замечательные рога, самое большое естественное преимущество его противника, могут оказаться и самым крупным его недостатком.

Роран расправил плечи, слегка пружинисто попрыгал, разогревая мышцы. Ему хотелось поскорее со всем этим покончить.

Когда оба соперника были умащены медвежьим салом, их помощники отошли назад, и они вступили за колышки, на отведенное для поединка пространство. Роран очень старался не напрягать колени и пребывал как бы в полуприседе, готовый в любую секунду отпрыгнуть в сторону при малейшей угрозе со стороны Ярбога. Каменистая почва под босыми ногами была холодной и твердой, мелкие камешки больно кололи ступни.

Легкий порыв ветерка закачал ветви стоявшей рядом ивы. Один из волов, запряженных в фургоны, заскрипел сбруей и ударил копытом по траве.

Издав затяжной горловой рев, Ярбог бросился на Рорана, преодолев разделявшее их расстояние в три огромных прыжка. Роран выждал и в самую последнюю секунду отскочил вправо. Но он явно недооценил быстроту реакции своего противника. Опустив башку, ургал ударил Рорана рогами в левое плечо и отшвырнул его через всю площадку. Роран упал на спину, снова раня острыми камнями не до конца зажившие рубцы. Тело его пронзила острая боль. Он застонал, перекатился на бок и вскочил, чувствуя, что несколько шрамов вскрылись и начали кровоточить. К коже, обильно смазанной салом, пристали многочисленные осколки камней и грязь. Прочно упираясь ногами в землю, он двинулся на Ярбога, следя за каждым движением рычащего ургала.

И снова Ярбог кинулся на него, и опять Роран попытался отпрыгнуть в сторону. На этот раз его маневр удался, и ургал промахнулся, проскочив в нескольких дюймах от него. Развернувшись, Ярбог в третий раз бросился на Рорана, но тому снова удалось уйти от удара.

Тогда Ярбог изменил тактику. Он двинулся боком, как краб, выбрасывая вперед свою здоровенную лапищу и пытаясь ухватить ею Рорана и задушить его. Роран нырнул вбок и отступил. Что бы ни произошло, ему жизненно необходимо было не попасть в захват Ярбога; тот легко раздробил бы ему все кости, сил у него для этого было предостаточно.

Люди и ургалы, столпившиеся вокруг площадки, стояли молча, их лица ничего не выражали, они лишь не отрываясь следили за резкими движениями соперников.

Роран и Ярбог в течение нескольких минут обменивались скользящими ударами, и Роран всеми средствами избегал ближнего боя, стараясь сперва вымотать ургала, постоянно держа его на расстоянии, но поединок все продолжался, а Ярбог не выказывал ни малейших признаков усталости. И Роран понял, что время ему сегодня не союзник. Если он хочет победить, нужно покончить с противником без дальнейшего промедления.

Рассчитывая снова заставить Ярбога наступать — а его тактика состояла именно в этом, — Роран отступил в угол площадки и стал поддразнивать ургала.

— Ха! Экий ты, однако, жирный и неуклюжий! Прямо как дойная корова! Что, никак не можешь меня поймать? Или у тебя ноги из сала сделаны, а, Ярбог? Тебе бы следовало отрезать себе рога — ведь стыдно, что какой-то человечишка из тебя дурака делает. Ну и что теперь подумают о тебе твои драгоценные самки, когда узнают про наш поединок? Или, может, ты им сам расскажешь...

Последние его слова заглушил яростный рев Ярбога. Ургал рванулся к нему, стремясь навалиться на него всем своим весом. Скользнув в сторону, Роран попытался ухватить его за конец правого рога, но промазал и упал на землю, ободрав оба колена. Впрочем, тут же, ругаясь, вскочил на ноги.

Ярбог пролетел мимо него, но тоже сумел вовремя затормозить и не вылететь за пределы площадки, и развернулся, ища Рорана своими маленькими желтыми глазками.

— Ха! — крикнул Роран и показал ургалу язык, а потом проделал и еще несколько оскорбительных для рогачей жестов. — Да тебе и в дерево рогами не попасть, даже если оно прямо перед тобой стоит!

— Ну все, тебе конец, жалкий безрогий! — И Ярбог с рычанием прыгнул на Рорана, вытянув перед собой руки.

Два толстых черных ногтя ургала распороли Рорану кожу на ребрах, но он все же успел отскочить влево, умудрившись при этом вцепиться в рог ургала и повиснуть на нем. А потом, не медля, не дожидаясь, что противник

попытается его сбросить, он схватил ургала и за второй рог. Затем, воспользовавшись обоими рогами как мощным рычагом, Роран оттянул голову Ярбога вбок и, напрягая все мышцы, опрокинул его на землю. Спина отозвалась на это усилие жуткой болью.

Как только грудь ургала коснулась земли, Роран уперся ему коленом в правое плечо, пригвоздив его к земле и не давая пошевелиться. Ярбог захрипел и выгнулся, стараясь освободиться, но Роран его не выпускал. Упершись обеими ногами в каменный выступ, он стал все сильнее поворачивать голову ургала набок, нажимая так, что любому человеку уже давно напрочь свернул бы шею. Мешало только то, что ладони были чересчур щедро смазаны салом; это не давало Рорану как следует ухватиться за рога.

Ярбог на секунду расслабился, потом оттолкнулся левой рукой от земли, приподнялся, поднимая вместе с собой и Рорана, и засучил ногами, пытаясь подтянуть их себе под живот. Роран скривился от нового приступа боли в спине и с удвоенной силой навалился на голову и плечи противника. Через несколько секунд левая рука Ярбога словно подломилась, и он снова ничком рухнул на землю.

Оба уже так тяжело дышали, словно пробежали огромное расстояние. Там, где их тела соприкасались, щетина ургала колола Рорана, точно стальная проволока. Оба были с ног до головы в грязи. Из ран на боку и на спине Рорана текли тонкие ручейки крови.

Ярбог, едва успев восстановить дыхание, снова забился, задергался, словно вытащенная на берег рыбина. Роран лишь с огромным трудом удерживал его, но все же не выпускал, стараясь не обращать внимание на острые камни, впивавшиеся в колени и ступни. Не сумев освободиться, Ярбог снова расслабился и замотал головой, стараясь утомить Рорана.

Так они и лежали, почти не сдвигаясь с места и тщетно пытаясь осилить друг друга.

Какая-то муха с жужжанием села Рорану на колено.

Потом замычал вол.

Прошло не менее десяти минут, и Роран буквально плавал в поту. Он никак не мог набрать в легкие достаточно воздуха. Руки сводило от немыслимых усилий. Рубцы на спине,

похоже, готовы были снова разойтись. Давали знать о себе и ребра в тех местах, где Ярбог прошелся по ним когтями.

Роран понимал, что долго ему не продержаться: «Проклятье! Когда-нибудь он сдастся или нет?!»

И тут голова Ярбога как-то странно дернулась и затряслась — видимо, у него лопнул, не выдержав напряжения, какой-то шейный мускул. Ярбог застонал — это был первый звук, который он издал за последние несколько минут, — и тихо попросил:

— Убей меня, Молотобоец. Я больше не могу сопротивляться тебе.

Половчее ухватившись за рога Ярбога, Роран прорычал так же тихо:

— Нет. Если хочешь смерти, найди себе кого-нибудь другого, кто согласится убить тебя. Я дрался с тобой по твоим правилам; но поражение ты примешь на моих условиях. Скажешь всем, что сдаешься. Скажешь всем, что был неправ, когда бросил мне вызов. Сделаешь так, и я тебя отпущу. А если нет, то я так и буду держать тебя, пока ты свое решение не переменишь.

Голова Ярбога снова дернулась — он все-таки еще раз попытался высвободиться. Потом резко выдохнул, подняв тучу пыли, и пробурчал:

— Не пойдет. Слишком велик позор. Убей меня, Молотобоец.

— Я не принадлежу к твоему народу и не следую вашим обычаям, — сказал Роран. — Если тебя так волнует собственная честь, скажи всем, что тебя победил двоюродный брат Эрагона, Губителя Шейдов. Уж в этом-то никакого позора нет. — Прошло еще несколько минут, но Ярбог не отвечал. И Роран в нетерпении снова надавил ему на рога: — Ну?!

Возвысив голос, чтобы его слышали все люди и ургалы, Ярбог медленно промолвил:

— Гар! Сварвок, видно, проклял меня; я сдаюсь! Я не должен был бросать тебе вызов, Молотобоец. Ты достоен быть вождем, а я — нет.

Все люди, как один, заорали, приветствуя победу Рорана, застучали по щитам рукоятями мечей. Ургалы же молча топтались на месте.

Вполне удовлетворенный таким исходом поединка, Роран отпустил рога Ярбога и слез с него. Чувствуя себя так, словно пережил еще одну экзекуцию, он медленно поднялся на ноги, так же медленно выбрался с огороженной площадки и пошел туда, где уже ждал его Карн.

И скривился от боли, когда Карн накинул ему на плечи одеяло и ткань коснулась его истерзанной кожи. Карн широко улыбнулся и протянул ему мех с вином:

— Когда он сбил тебя с ног, я уж решил, что тебе конец! Пора бы уж мне привыкнуть, что тебя так просто не возьмешь, а, Роран? Ха! Да я такой схватки в жизни не видывал! Ты, наверное, единственный из людей, кто смог побороть ургала!

— Может, и еще такие были, — возразил Роран между двумя глотками вина. — Но уж наверно, я единственный, кто такую схватку смог пережить. — Он улыбнулся, глядя, как радостно хохочет Карн, и посмотрел на столпившихся вокруг Ярбога ургалов. Они что-то приглушенно обсуждали, а двое рогачей стирали с тела побежденного грязь и сало. Судя по их виду, они вроде бы смирились с поражением Ярбога и не выказывали никаких явных признаков ярости или неудовольствия. Теперь Роран был уверен, что никаких неприятностей с ними больше не возникнет.

Несмотря на боль в спине, он испытывал глубокое удовлетворение. «Это, конечно, не последний поединок между представителями наших народов, — думал он, — но если я приведу свой отряд в лагерь в целости и сохранности, ургалы вряд ли пойдут на разрыв союза с варденами. Уж, по крайней мере, по моей вине этого точно не произойдет».

Сделав последний глоток вина, Роран заткнул мех пробкой, сунул его Карну и крикнул:

— Так, хватит топтаться, как овцы на водопое! Быстро заканчивайте составлять список захваченного имущества! Лофтен, собери всех лошадей, пока они не разбрелись! Дажгра, займись волами! И побыстрее! Торн и Муртаг вполне могут оказаться здесь с минуты на минуту. Давайте, давайте, шевелитесь! — И, помолчав, Роран повернулся к Карну и спросил: — А где, черт побери, мои одежки?

Урок генеалогии

На четвертый день после отлета из Фартхен Дура Сапфира с Эрагоном добрались до Эллесмеры.

Полуденное солнце ярко сияло в небесах, когда они увидели вдали первое эльфийское здание — узкую, какую-то всю перекрученную башенку с блестящими окнами. Башенка торчала меж трех высоченных сосен, словно и сама была одной из их мощных ветвей. Она даже корой была покрыта. Позади нее Эрагон разглядел поляны, словно разбросанные чьей-то небрежной рукой и явно указывавшие на наличие других строений этого волшебного города, сильно разросшегося во все стороны.

Когда Сапфира планировала над волнующейся зеленой поверхностью леса, намереваясь сесть, Эрагон попытался установить мысленную связь с Гилдерином Мудрым, который, будучи хранителем Белого Пламени Вандила, вот уже в течение двух с половиной тысячелетий оберегал Эллесмеру от всех врагов. Направив поток своих мыслей в сторону города, Эрагон произнес на древнем языке:

«Гилдерин-элда, можно нам пройти?»

И в ответ услышал в ушах его низкий и спокойный голос:

«Вы можете пройти, Эрагон, Губитель Шейдов, и Сапфира, Сверкающая Чешуя. Если вы пришли с миром, добро пожаловать в Эллесмеру».

«Благодарю тебя, Гилдерин-элда», — прогудела в ответ Сапфира.

Почти задевая лапами кроны темно-зеленых сосен, поднимавшихся над землей на добрых триста футов, она промчалась над лесным городом к склону горы, намереваясь приземлиться подальше от центра Эллесмеры. Сквозь

кружево зарослей внизу мелькали силуэты живых домов-деревьев, разноцветные клумбы, журчащие ручьи, желтоватые беспламенные светильники, и Эрагон даже пару раз успел заметить похожее на бледную вспышку лицо эльфа, поднятое вверх.

Чуть покачивая крыльями, Сапфира пролетела над склоном горы и достигла Утесов Тельнаира, на тысячу футов вздымавшихся над волнующимся зеленым морем лесов и завершавшихся обнаженной белоснежной вершиной, отроги которой тянулись на лигу во все четыре стороны. Близ утесов Сапфира свернула и полетела на север вдоль хребта, лишь дважды взмахнув крыльями, чтобы сохранить скорость и высоту.

Наконец на краю утеса открылась поросшая травой поляна. На ней, окруженный деревьями, стоял скромный одноэтажный домик, выращенный из четырех разных сосен. Звенящий ручеек выбегал из заросшей мхами чащи к самому дому и, сверкнув под корнями одной из сосен, снова исчезал в глубинах Дю Вельденвардена. Перед домом, свернувшись клубком, лежал золотистый дракон Глаэдр, огромный, сверкающий, с клыками цвета слоновой кости и такой же толщины, как туловище Эрагона. Когти его были длиной с лезвие большой косы, а сложенные крылья казались мягкими, как самая лучшая замша. Могучий хвост Глаэдра в длину был с Сапфиру, один его глаз, обращенный в сторону прибывших, светился, точно Звездный Сапфир у гномов в Тронжхайме. Обрубок утраченной передней лапы Глаэдра был скрыт его массивным телом. Перед драконом стоял небольшой круглый стол и два стула. На одном из них, ближе к Глаэдру, сидел Оромис. Серебряные волосы эльфа сверкали на солнце, как полированная сталь.

Эрагон пригнулся к шее Сапфиры, когда она, резко замедлив полет, с шумом опустилась на зеленую лужайку, пробежала несколько шагов, на ходу складывая крылья, и наконец остановилась.

Едва шевеля затекшими пальцами, Эрагон развязал крепежные ремни, удерживавшие его ноги, и попытался, как всегда, слезть по правой передней лапе Сапфиры. Однако ноги у него подкосились, и он упал, успев, впрочем,

вытянуть руки вперед и прикрыть лицо от удара. Он приземлился на четвереньки, точно кошка, но все же оцарапал щеку о скрытый в траве камень. Крякнув от боли и чувствуя, что тело совершенно его не слушается и онемело, точно у столетнего старца, Эрагон попытался встать и вдруг увидел перед собой чью-то руку.

Подняв глаза, он увидел, что над ним стоит Оромис и улыбается еле заметной улыбкой. На древнем языке Оромис произнес:

— Добро пожаловать снова в Эллесмеру, Эрагон-финиарель, и ты, Сапфира, Сверкающая Чешуя. Добро пожаловать, друзья мои!

Эрагон принял его руку, и Оромис без каких бы то ни было заметных усилий поднял его с земли. Сначала Эрагон не мог вымолвить в ответ ни слова: казалось, язык у него тоже онемел — ведь он молчал с тех пор, как они покинули Фартхен Дур, да и усталость сказывалась, притупляя мозги. Он коснулся губ двумя пальцами правой руки и заставил себя все же произнести старинное эльфийское приветствие:

— Пусть счастье и удача сопутствуют тебе, Оромис-элда.

И прихотливым жестом изогнул руку, прижав ее затем к груди, как это принято у эльфов.

— Пусть звезды всегда освещают твой путь, Эрагон, — откликнулся Оромис.

Затем Эрагон точно так же поздоровался с Глаэдром и, как всегда, стоило ему прикоснуться к мыслям дракона, ощутил некий восторженный ужас, сознавая собственное ничтожество.

Сапфира, однако, не стала приветствовать ни Оромиса, ни Глаэдра, а осталась там, где и села, и голова ее все больше клонилась к земле, пока она не уткнулась в нее носом. Плечи и ляжки драконихи дрожали крупной дрожью, словно в жестоком ознобе. В уголках разинутой пасти скопилась засохшая желтая пена. Раздвоенный язык безвольно свисал оттуда, вывалившись между клыков.

— Когда мы покинули Фартхен Дур, сильный ветер все время дул нам в лицо, — пояснил Эрагон, — и поэтому...

Он не договорил: Глаэдр, подняв огромную голову, развернулся всем телом и устремился к Сапфире, которая по-

прежнему словно не замечала его присутствия. Глаэдр наклонился к самой ее морде и дохнул на нее; в глубине его ноздрей полыхнуло пламя. И почти сразу Эрагона охватило чувство глубокого облегчения — он почувствовал, как тело Сапфиры вновь наливается силой, как у нее проходит озноб и крепнут лапы.

Пламя в ноздрях Глаэдра погасло; он выдохнул небольшой клуб дыма и мысленно сообщил Сапфире: «Я нынче утром летал на охоту, — и его гулкий голос еще долго звучал в ушах Эрагона. — То, что осталось от моей добычи, ты найдешь возле дерева с белой веткой на дальнем краю поляны. Ешь сколько захочешь».

Молчаливая благодарность Сапфиры была ощутима просто физически. Она с трудом встала и, волоча по земле хвост и прихрамывая, потопала к дереву, указанному Глаэдром. Там она устроилась поудобнее и принялась терзать тушу оленя.

— Пойдем, — сказал Оромис Эрагону и пригласил его к столу, где стоял поднос с едой — плошки с фруктами и орехами, полкруга сыра, каравай свежего хлеба. Рядом стоял графин с вином и два хрустальных бокала. Когда Эрагон уселся, Оромис спросил: — Не желаешь ли вина? По-моему, неплохо промыть горло после пыльной дороги.

— Да, пожалуйста, — ответил Эрагон.

Оромис изящным движением наполнил бокалы и один подал Эрагону. Затем сел и аккуратно расправил длинными тонкими пальцами складки своей белоснежной туники.

Эрагон с наслаждением отпил несколько глотков. Вино было сладким, с ароматом вишни и сливы.

— Учитель, я...

Оромис поднял палец, останавливая его.

— Если это не слишком срочно, я бы предпочел подождать, когда к нам сможет присоединиться Сапфира. Вот тогда мы все вместе и обсудим то, что вас сюда привело. Согласен?

Секунду поколебавшись, Эрагон кивнул и принялся за еду, наслаждаясь вкусом спелых фруктов. Оромис с довольным видом наблюдал за ним и молча потягивал вино, время от времени поглядывая куда-то вдаль, за Утесы Тельнаира.

У него за спиной виднелся Глаэдр, похожий на ожившую золотую статую.

Прошел почти час, прежде чем Сапфира сумела наконец оторваться от еды и подползла к ручью, где еще минут десять лакала воду. Когда она утолила жажду и со вздохом вернулась к столу, с ее морды стекала вода. С тяжким стоном она прилегла рядом с Эрагоном и опустила отяжелевшие веки. Потом зевнула, во всем блеске демонстрируя свои клыки, и лишь после этого обменялась приветствиями с Оромисом и Глаэдром.

«Беседуйте, если хотите, — сказала она им, — но от меня участия не ждите. Я вот-вот засну».

«Если ты заснешь, мы подождем, пока ты проснешься, а потом продолжим», — любезно ответил Глаэдр.

«Как это... мило!» — Сапфира снова зевнула и легла поудобнее.

— Еще вина? — спросил Оромис, приподнимая графин, но Эрагон отрицательно покачал головой. Оромис поставил графин на прежнее место, сжал пальцы в щепоть, и его округлые ногти сверкнули, как полированные опалы. — Тебе нет нужды рассказывать мне о том, что обрушилось на вас в последние недели, Эрагон. С тех пор как Имиладрис покинула лес, Арья постоянно держала ее в курсе всех ваших дел. И каждые три дня Имиладрис шлет в Эллесмеру гонца из нашей армии, так что я знаю о твоей схватке с Муртагом и Торном на Пылающих Равнинах. Знаю и о твоем путешествии в Хелгринд, и о том, как ты покарал тех, кто уничтожил твою родную деревню. Знаю также, что ты присутствовал на Совете Вождей в Фартхен Дуре; и о его результатах я тоже знаю. Так что если хочешь мне что-то рассказать, можешь говорить, не опасаясь, что придется долго вводить меня в курс дела.

Эрагон молча покатал по ладони ягоду черники.

— А тебе известно об Эльве и о том, что с нею случилось, когда я попытался освободить ее от невольно наложенных мною чар? — спросил он.

— Да, об этом мне тоже известно. Тебе, видимо, не до конца удалось снять с нее прежнее заклятье, но свой долг по отношению к этому ребенку ты исполнил. Именно так

и должен поступать всякий Всадник: выполнять взятые на себя обязательства, независимо от того, важны они или незначительны.

— Но Эльва по-прежнему чувствует боль всех тех, кто ее окружает.

— Но заметь: теперь она ее чувствует уже по собственному выбору, — возразил Оромис. — Твои чары больше не принуждают ее к этому... Но ты ведь явился сюда вовсе не для того, чтобы узнать мое мнение относительно Эльвы. Говори, Эрагон, что тяжким камнем давит тебе на сердце? Спрашивай. Обещаю, что отвечу на все твои вопросы, если это будет в моих силах, конечно.

— А если я и сам не знаю, какие вопросы мне следует тебе задать?

Глаза Оромиса весело блеснули:

— Ага, ты уже начинаешь думать, как эльф. Ты должен полностью доверять нам. Мы — ваши учителя, мы дадим вам с Сапфирой такие знания, о каких вы даже представления не имеете. Кроме того, ты должен позволить нам решать, когда именно нам следует передать вам те или иные знания, ибо в твоем обучении, в обучении Всадника, есть немало таких моментов, которых нельзя касаться до срока.

Эрагон положил ягоду черники точно в центр подноса и сказал спокойно, но твердо:

— Но, как мне представляется, ты мне еще очень о многом не рассказывал.

Несколько секунд стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом ветвей, журчанием ручейка и цоканьем белок.

«Если у тебя есть какой-то повод для недовольства, Эрагон, — вмешался Глаэдр, — то лучше выскажи это открыто, а не носись со своей обидой, точно со старой, засохшей костью».

Сапфира переменила позу, и Эрагону даже послышалось, что она заворчала. Он оглянулся на нее и, очень стараясь держать себя в руках, спросил:

— Когда я был здесь в последний раз, вы уже знали, кто в действительности мой отец?

— Да, знали, — кивнул Оромис.

— И вы знали, что Муртаг — мой брат?

Оромис снова кивнул:

— Да, однако...

— Но почему вы мне этого не сказали? — воскликнул Эрагон и так резко вскочил, что даже опрокинул стул. Давая выход раздражению, он ударил себя кулаком по бедру и отошел от них на несколько шагов, не сводя глаз с темной лесной чащи. Впрочем, он быстро вернулся к столу, но снова вскипел, увидев, как спокойно реагирует Оромис на все его выходки. — Неужели вы даже не собирались мне об этом сказать? Вы что же, решили держать мое происхождение в тайне, опасаясь, что это может отвлечь меня от занятий? Или боялись, что я стану таким же, как мой отец? — Тут его осенила еще более неприятная идея. — А может, вы не считали это чем-то достойным упоминания? Интересно, а Бром знал об этом? Или он потому и выбрал Карвахолл в качестве укрытия, потому что там жил я, сын его врага? Неужели вы надеетесь, что я поверю, будто это простая случайность — то, что мы с ним оказались в одном месте. Ведь наша ферма находилась всего в нескольких милях от Карвахолла. А может, вы станете доказывать мне, что и Арья совершенно случайно отправила яйцо Сапфиры в Спайн, поближе ко мне?

— То, что сделала Арья, и впрямь произошло случайно, — подтвердил Оромис. — Она тогда о твоем существовании и не знала.

Эрагон ухватился за рукоять подаренного гномами меча. Он был весь напряжен, как натянутая струна, когда гневно бросил в лицо Оромису:

— Когда Бром впервые увидел Сапфиру, он, помнится, что-то пробормотал себе под нос: дескать, он не уверен, что это — фарс или трагедия. В то время мне показалось, что он имеет в виду превращение простого крестьянского парня во Всадника, что, видимо, случилось впервые за много лет. Однако он имел в виду нечто совсем другое, не так ли? Он задавался вопросом: фарс или трагедия то, что именно младшему сыну Морзана предстоит носить плащ Всадника! Именно поэтому вы с Бромом так тщательно меня готовили к этой роли, делали из меня всего лишь орудие против Гальбаторикса, с помощью которого хотели искупить зверства моего отца? Неужели это все, чего вы от меня хотели?

Неужели вы хотели, чтобы я просто уравновесил чаши весов в этой борьбе? — И, не давая Оромису возразить, Эрагон выругался и продолжил: — Вся моя жизнь — это сплошная ложь! С рождения я никому не был нужен, кроме Сапфиры: ни собственной матери, ни Гэрроу, ни тетке Мэриэн, ни даже Брому. Бром заинтересовался мною только из-за Морзана и Сапфиры. Я всегда был для всех только помехой. Но что бы вы обо мне ни думали, я не такой, как мой отец. И не такой, как мой брат. Я не желаю следовать их путем. — Упершись ладонями в край стола, Эрагон наклонился вперед. — И я не собираюсь предавать Гальбаториксу ни эльфов, ни гномов, ни варденов, если именно это вас так беспокоит. Я буду делать то, что и должен делать, но с нынешнего момента я вам больше не верю! Да, вы утратили мое доверие, и я не...

Земля и воздух дрогнули — это из пасти Глаэдра вырвалось густое рычание, и он приподнял верхнюю губу, обнажив весь набор своих великолепных клыков.

«У тебя куда больше оснований верить именно нам, а не кому-то там еще, — проворчал он, и голос старого дракона громом отзвучал в ушах Эрагона. — Если бы не наши усилия, ты бы давно уже был мертв».

Тут, к огромному удивлению Эрагона, в разговор вступила Сапфира, обратившись к Оромису и Глаэдру с предложением:

«Вот вы ему все и расскажите!»

И Эрагона потрясло то, сколько страдания было при этом в ее душе.

«Сапфира, — удивленно воскликнул он, — что они должны мне рассказать?»

«Все эти споры ни к чему, — продолжала она, словно не слыша его вопроса. — К чему тянуть время, к чему продлевать его мучения».

Оромис чуть приподнял раскосую бровь:

«Так ты знаешь?»

«Да, знаю».

«Что ты знаешь?» — требовательно воскликнул Эрагон. Он был в таком состоянии, что в любой момент мог выхватить меч и угрозами заставить их рассказать все, что им известно.

Оромис указал пальцем на опрокинутый стул:

— Сядь! — И когда Эрагон остался стоять — он был слишком зол, чтобы подчиняться чьим-то приказам, — эльф лишь тяжко вздохнул и сказал: — Я понимаю, как это трудно для тебя, Эрагон, но если ты настаиваешь на том, чтобы мы отвечали на твои вопросы, а сам не желаешь слушать наши ответы, то единственным результатом для тебя будет одно лишь разочарование. А теперь сядь, пожалуйста, и веди себя, как воспитанный человек.

Гневно сверкнув глазами, Эрагон поднял стул и плюхнулся на него.

— Но почему?! — снова вырвалось у него. — Почему вы не сказали, что моим отцом был Морзан, первый из Проклятых?

— Во-первых, — начал Оромис, — нам крупно повезет, если ты действительно окажешься хотя бы отчасти похожим на своего отца. Что до меня, то я просто уверен, что ты и впрямь очень на него похож. Я как раз собирался сказать тебе, когда ты меня перебил, что Муртаг вовсе не брат тебе; точнее, он брат тебе лишь наполовину.

Наполовину? Услышав это слово, Эрагон почувствовал, что все плывет у него перед глазами. Ему даже пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

— Наполовину?.. Но кто же тогда?..

Оромис взял с блюда ягоду черной смородины, с минуту внимательно изучал ее, потом сунул в рот и сказал:

— Мы с Глаэдром вовсе не хотели держать это от тебя в тайне, просто у нас не было выбора. Мы пообещали, связав себя самыми строгими клятвами, что никогда не откроем тебе, кто твой отец или твой единоутробный брат, не станем обсуждать с тобой твою генеалогию, если только ты сам не узнаешь правду о своих родственниках или если твои родственные связи не поставят тебя в опасное положение. То, что произошло между тобой и Муртагом во время битвы на Пылающих Равнинах, вполне удовлетворяет этим требованиям, так что теперь мы можем свободно говорить на эту тему.

Дрожа от еле сдерживаемого нетерпения, Эрагон спросил:

— Оромис, если Муртаг — мой единоутробный брат, то кто же мой отец?

«Загляни себе в сердце, Эрагон, — посоветовал Глаэдр. — Ты уже и сам знаешь, кто он, и знаешь давно».

Эрагон отчаянно помотал головой:

«Да не знаю я! Не знаю! Пожалуйста!..»

Из ноздрей Глаэдра вырвался сноп пламени и дыма; он фыркнул и заявил:

«Разве это тебе не ясно? Твой отец — Бром».

ОБРЕЧЕННЫЕ ЛЮБОВНИКИ

Эрагон, открыв рот, смотрел на золотистого дракона. Он был потрясен до глубины души.

— Но каким образом?.. — воскликнул он и, прежде чем Глаэдр или Оромис успели ему ответить, резко повернулся к Сапфире и спросил — вслух и мысленно: — Так ты знала? Ты все знала, но позволила мне все это время считать, что Морзан — мой отец, даже при том, что... что я... — Он тяжело дышал, его всего трясло, он уже не мог внятно произносить слова. Его захватили воспоминания о Броме, затмив все прочие мысли. Теперь он переосмысливал значение каждого слова, каждой фразы, которые слышал от Брома. И уже начинал понимать, что все происходило именно так, как и должно было происходить. Все наконец вставало на свои места. Эрагону еще хотелось получить кое-какие разъяснения, но и они, по сути дела, уже не были так уж ему нужны. Он уже чувствовал, что слова Глаэдра — чистая правда.

Он вздрогнул, когда Оромис коснулся его плеча.

— Эрагон, тебе нужно успокоиться, — сказал эльф тихим голосом. — Припомни, чему я учил тебя на занятиях медитацией. Контролируй дыхание, сосредоточься на том, чтобы напряжение ушло из твоего тела в землю... Да-да, вот так. А теперь еще раз — и дыши глубже.

Дрожь в руках унялась, отчаянное сердцебиение прекратилось, стоило ему последовать советам Оромиса. В голове прояснилось, и он снова посмотрел на Сапфиру:

«Так ты знала?..»

Сапфира приподняла голову:

«Ох, Эрагон, мне так хотелось все тебе рассказать! Мне было больно смотреть, как тебя мучает признание Муртага, но я ничем не могла тебе помочь. Я пыталась — много раз

пыталась! — но я ведь тоже принесла клятву на древнем языке, как Оромис и Глаэдр, что буду хранить в тайне твое родство с Бромом, и клятву эту я нарушить никак не могла».

— К-к-когда он тебе это рассказал? — вслух спросил Эрагон, настолько взволнованный, что даже не заметил этого.

«В тот день, когда ургалы напали на нас возле Тирма. Пока ты был без сознания».

— И именно тогда он велел тебе связаться с варденами в Гилиде?

«Да. Еще до того, как Бром сообщил мне то, что давно хотел, он заставил меня поклясться, что я никогда тебе этого не расскажу, если ты сам не начнешь догадываться. К сожалению, я тогда согласилась».

— А что еще он тебе сообщил? — требовательно спросил Эрагон, чувствуя, что в сердце у него опять закипает гнев. — Какие еще секреты и тайны я должен узнать? Может, Муртаг — не единственный мой родич? Или, может, ты знаешь, как нам победить Гальбаторикса?

«В те два дня, что мы с Бромом гонялись за ургалами, он рассказал мне историю своей жизни — на тот случай, если он погибнет, а ты когда-нибудь узнаешь о вашем с ним родстве. Ему хотелось, чтобы ты, его сын, понял, каким он был и почему действовал так, а не иначе. И еще Бром оставил мне подарок для тебя».

«Подарок?»

«Его собственные слова, с которыми он обращается к тебе, как отец к сыну, а не сказитель Бром к деревенскому пареньку».

— Только прежде чем Сапфира передаст тебе то, что хранит в памяти, — вмешался Оромис, и Эрагон понял, что она позволила эльфу услышать ее слова, — будет лучше, если ты узнаешь, как это произошло. У тебя хватит терпения выслушать меня, Эрагон?

Эрагон колебался, он не был уверен, что ему сейчас снова хочется слушать Оромиса, но все же кивнул.

Подняв хрустальный бокал, Оромис сделал глоток вина, поставил бокал на стол и начал:

— Как тебе известно, Бром и Морзан были моими учениками. Бром, который был на три года моложе, так уважал

Морзана, так перед ним преклонялся, что позволял ему помыкать собой, унижать себя и вообще вести себя совершенно бесстыдно.

У Эрагона сдавило горло, но он все же заметил:

— По-моему, довольно затруднительно представить себе, что Бром кому-то такое позволил.

Оромис чуть наклонил голову, словно птичка, пьющая воду.

— И тем не менее Бром любил Морзана, как родного брата, несмотря ни на что. И только после того как Морзан предал Всадников Гальбаторикса и Проклятые убили Сапфиру, дракона Брома, он понял наконец истинную суть характера Морзана. И сколь бы сильно он его ни любил, все равно его любовь и преклонение стали словно свечка перед геенной огненной в сравнении с той ненавистью, что пришла им на смену. Бром поклялся препятствовать Морзану во всех его начинаниях — всеми средствами, всегда и везде, разрушать его планы и свершения и низводить его устремления до горьких сожалений. Я предупреждал его, что он вступил на путь ненависти и зла, но он был без ума от горя и разочарования после смерти Сапфиры и не желал меня слушать. В последующие десятилетия ненависть Брома ничуть не ослабела; он также ни на один день не оставлял своих усилий сбросить Гальбаторикса с трона, уничтожить Проклятых и, в первую очередь, отплатить Морзану за то зло, которое тот ему причинил. По своему характеру Бром был воплощением настойчивости и последовательности, и вскоре его имя стало вызывать ужас у Проклятых и служить лучом надежды для тех, у кого еще хватало духу противостоять Империи. — Оромис посмотрел куда-то вдаль, за белесую линию горизонта, отпил еще глоток вина и продолжал: — Я в какой-то степени даже горжусь тем, чего он сумел добиться один, без помощи своего дракона. Учителю всегда приятно видеть успехи своих учеников, даже если успехи эти... Впрочем, я отвлекся. Итак, лет двадцать назад к варденам начали поступать донесения от их шпионов в Империи о деятельности таинственной женщины, известной под кличкой Черная Рука.

— Это была моя мать, — сказал Эрагон.

— Твоя и Муртага, — поправил его Оромис. — Поначалу вардены ничего о ней не знали, кроме того, что она чрезвычайно опасна и хранит верность Империи. Со временем, когда было пролито уже немало крови, стало ясно, что служит она Морзану, и только ему одному, а также, что Морзан во всем полагается на нее, осуществляя свои затеи по всей Империи. И тогда Бром вознамерился убить эту женщину и таким образом нанести тяжелейший удар Морзану. Поскольку вардены не могли заранее определить, где именно твоя мать появится в следующий раз, Бром отправился в замок Морзана и шпионил за его обитателями, пока не придумал, как ему самому туда проникнуть.

— А где находился этот замок?

— Там же, где и сейчас. Он по-прежнему цел, и теперь им пользуется сам Гальбаторикс. Замок расположен в укромном местечке среди холмов между отрогами Спайна, неподалеку от северо-западного берега озера Леона и хорошо укрыт от посторонних глаз.

— Джоад говорил мне, что Бром проник в замок, переодевшись слугой, — вставил Эрагон.

— Именно так и было, и это оказалось нелегко. Морзан оградил свой замок множеством защитных чар, оберегая его от любых врагов, и заставил всех, кто ему служил, принести клятву верности, причем зачастую используя их истинные имена. Однако после неоднократных проб и ошибок Бром все же сумел найти лазейку в этих защитных чарах, проник в замок и занял там место садовника. Именно в этом качестве он и познакомился с твоей матерью.

Не поднимая глаз и внимательно изучая собственные руки, Эрагон тихо сказал:

— А потом он ее соблазнил, желая посильнее уязвить Морзана.

— Вовсе нет, — возразил Оромис. — Хотя, возможно, его первоначальное намерение и было именно таким. Однако произошло нечто такое, чего не могли предполагать ни он, ни твоя мать: они полюбили друг друга. Все чувства, которые она раньше питала к Морзану, словно испарились; собственно, Морзан сам их уничтожил своим жестоким обращением и с ней самой, и с их новорожденным сыном

Муртагом. Я не знаю, как именно развивались события, но в какой-то момент Бром открыл твоей матери, кто он на самом деле такой. И, вместо того чтобы выдать его, она стала ему помогать, передавая варденам важные сведения о Гальбаториксе, Морзане и вообще об Империи.

— Однако, — прервал его Эрагон, — разве Морзан не заставил и ее принести ему клятву верности на древнем языке? Как могла она обернуться против него?

На лице Оромиса появилась улыбка:

— Дело в том, что Морзан с самого начала дал ей несколько большую свободу, чем другим своим слугам, желая, чтобы она беспрепятственно пользовалась своей изобретательностью при исполнении его приказов. Морзан в упоении собственным могуществом полагал, что любовь к нему — самый лучший залог ее вечной верности и преданности, лучший даже, чем любые клятвы. И потом, к *этому времени она* была уже не той женщиной, которая некогда связала свою судьбу с Морзаном. Став матерью и встретив Брома, она сильно переменилась. Причем изменился не только ее характер; она поменяла даже свое истинное имя, что освободило ее от прежних обетов и союзов. Если б Морзан был более осторожным и предусмотрительным, *если бы он, к примеру,* наложил на нее чары, способные тут же предупредить его, если бы она вдруг вышла из-под его власти и перестала выполнять данные ему обещания, он бы сразу все понял. Но это всегда было слабым местом Морзана: он мог придумать самое изощренное заклинание, но потом оно оказывалось совершенно бесполезным, потому что в обычном своем нетерпении он пропускал какую-то важную деталь.

Эрагон нахмурился:

— А почему моя мать не покинула Морзана, когда у нее была такая возможность?

— После всего того, что она сделала именем Морзана и по его приказу, она считала своим долгом помочь варденам. Но была и более важная причина: она не смогла оставить Муртага, который тогда полностью оказался бы во власти своего жестокого отца.

— А разве она не могла забрать его с собой?

— Если б могла, то, уверен, непременно так бы и поступила. Но Морзан понимал, что ребенок дает ему неограниченную власть над твоей матерью. Он заставил ее отдать Муртага кормилице и лишь изредка позволял видеться с ним. Однако Морзан и не предполагал, что, посещая ребенка, она виделась еще и с Бромом.

Оромис отвернулся, следя за полетом двух ласточек в небесной вышине. В профиль его тонкое лицо казалось Эрагону похожим то ли на коршуна, то ли на холеного, гладкого кота. Не отрывая взгляда от ласточек, Оромис продолжил:

— Но даже твоя мать не могла предугадать, куда Морзан пошлет ее в следующий раз и когда она сумеет вернуться в замок. Поэтому и Брому пришлось оставаться в замке Морзана весьма долго, если он хотел видеться с нею. Почти три года Бром служил там садовником. Время от времени, правда, ему удавалось выбраться из замка, чтобы послать весточку варденам или связаться с кем-то из их шпионов, разбросанных по всей Империи, но в основном он постоянно находился в замке.

— Три года! А он не опасался, что при встрече Морзан может его опознать?

Оромис наконец отвлекся от ласточек и снова посмотрел на Эрагона:

— Бром хорошо умел менять обличья. К тому же они давно уже друг друга не видели.

— Ясно... — Эрагон повертел в руках хрустальный бокал, любуясь игрой света в его гранях. — Ну, и что же было потом?

— А потом, — продолжал Оромис, — один из агентов Брома в Тирме свел знакомство с молодым ученым по имени Джоад, который желал присоединиться к варденам и утверждал, что откопал данные о существовании некоего тайного хода, который ведет в построенную эльфами часть Урубаена. Бром совершенно справедливо счел, что открытие Джоада представляет собой слишком большую ценность, чтобы оставить его без внимания, а потому спешно собрался, как-то объяснил обитателям замка причину своего отъезда и поспешил в Тирм.

— А моя мать?

— Она уехала из замка месяцем раньше, выполняя очередное поручение Морзана.

Пытаясь соединить в единое целое те разрозненные сведения, которые он получил от разных людей, Эрагон заметил:

— Стало быть, потом... Бром встретился с Джоадом и, убедившись, что тайный ход действительно существует, попытался с помощью одного из варденов выкрасть три драконьих яйца, которые Гальбаторикс хранил в Урубаене.

Оромис помрачнел.

— К сожалению, по причинам, которые и до сих пор неизвестны, человек, выбранный для этого дела, некий Хефринг из Фурноста, сумел выкрасть из сокровищницы Гальбаторикса только одно яйцо — яйцо Сапфиры. И как только оно оказалось в его руках, он сбежал ото всех — и от слуг Гальбаторикса, и от варденов. И в результате этой измены Бром потратил семь месяцев, преследуя Хефринга и отчаянно пытаясь отнять у него Сапфиру.

— И как раз в это время моя мать тайно приехала в Карваxолл, где пять месяцев спустя я и появился на свет?

Оромис кивнул.

— Тебя зачали как раз перед тем, как твоя мать отправилась на свое последнее задание. В результате Бром ничего не знал о том, что она в тягости. Все это время он гонялся за Хефрингом и яйцом Сапфиры... А когда Бром и Морзан в итоге сошлись друг против друга в Гилиде, Морзан спросил Брома, не по его ли милости куда-то исчезла знаменитая Черная Рука. Вероятно, Морзан уже кое о чем подозревал, поскольку именно на счету Брома была к этому времени гибель нескольких Проклятых. Бром, конечно, тут же заподозрил, что с твоей матерью произошло нечто ужасное. Он потом говорил мне, что именно эта мысль и придала ему необходимые силы и мужество, чтобы победить и убить Морзана и его дракона. И когда те были мертвы, Бром забрал яйцо Сапфиры и спешно покинул город, задержавшись лишь для того, чтобы спрятать яйцо там, где, как он был уверен, его вскоре сумеют найти вардены.

— Значит, именно поэтому Джоад считал, что Бром погиб в Гилиде? — спросил Эрагон.

— Да. Терзаемый страшными опасениями, Бром не стал дожидаться своих спутников. Ведь даже если бы твоя мать, Селена, была жива и здорова, существовала вполне реальная возможность того, что Гальбаториксу захочется взять ее к себе, сделать ее уже своей «Черной Рукой», и уж тогда у нее наверняка не было бы никакой возможности избежать служения его гнусным целям.

У Эрагона на глаза навернулись слезы. Ведь Бром, значит, так сильно любил ее, что готов был бросить все, едва узнал, что она в опасности!

— Из Гилида Бром направился прямо во владения Морзана, останавливаясь только для того, чтобы несколько часов поспать. Ехал он быстро, но все равно опоздал. Когда он наконец добрался до замка, то узнал, что твоя мать вернулась туда двумя неделями раньше, больная и страшно усталая после своей таинственной поездки. Лекари Морзана пытались спасти ее, но, несмотря на их усилия, она ушла в небытие всего за несколько часов до прибытия Брома.

— Значит, он никогда ее больше не видел? — охрипшим от волнения голосом спросил Эрагон.

— Никогда. — Оромис помолчал и совсем иным, более мягким тоном прибавил: — Эта потеря, я думаю, была для Брома столь же тяжкой, как и гибель его дракона. Она навсегда погасила тот огонь, что горел в его душе. Нет, он не сдался. И умом не тронулся, как это произошло, когда у него погибла тезка твоей Сапфиры. Он просто решил непременно узнать, как и почему умерла твоя мать, и наказать тех, кто в этом виновен. Он расспросил лекарей Морзана и заставил их описать болезнь твоей матери. Из того, что они ему рассказали, а также из сплетен и слухов, что ходили среди слуг в замке, Бром догадался о том, что Селена была беременна. И тогда с вновь пробудившейся надеждой он отправился в то единственное место, где можно было отыскать ее следы: в родной дом твоей матери в Карвахолле. Там он и обнаружил, что она оставила своего новорожденного сына, то есть тебя, на попечение своего брата и его жены. Бром, однако, не стал задерживаться в Карвахолле. Как только он убедился в том, что там никто и не подозревает, что твоя мать и есть та ужасная Черная Рука, а стало быть, ты не

подвергаешься непосредственной опасности, он тайно возвратился в Фартхен Дур, где и открылся Дейнору, тогдашнему предводителю варденов. Дейнор был поражен, увидев его, ведь все считали, что Бром погиб в Гилиде. Бром убедил Дейнора хранить в тайне то, что он жив, сообщив об этом лишь очень немногим доверенным лицам, и тогда...

— Но зачем? — спросил Эрагон. — Зачем ему было нужно, чтобы все считали его мертвым?

— Бром хотел прожить достаточно долго, чтобы самому передать свои знания новому Всаднику. Он прекрасно понимал, что единственный способ избежать мести за смерть Морзана — это заставить Гальбаторикса поверить, что он давно уже мертв и похоронен. А еще Бром надеялся, что так сможет уберечь Карвахолл от излишнего внимания со стороны Империи. Он рассчитывал поселиться там, чтобы быть ближе к тебе, что потом и сделал, однако предпринять все меры для того, чтобы в результате слугам Гальбаторикса ничего не было известно о твоем существовании. Находясь в Фартхен Дуре, Бром помог варденам заключить соглашение с королевой Имиладрис; эльфы и люди договорились сообща беречь и охранять яйцо, а потом совместно готовить и обучать *нового Всадника, когда из яйца вылупится* дракон. Затем Брому довелось сопровождать Арью, когда она перевозила яйцо из Фартхен Дура в Эллесмеру, и, прибыв сюда, он рассказал Глаэдру и мне то, что я рассказываю тебе сейчас. Он хотел, чтобы хоть кто-то знал правду о твоем происхождении, если он погибнет. Тогда я видел его в последний раз. Отсюда Бром поехал в Карвахолл, где назвался сказителем и собирателем всевозможных историй. А что было потом, ты и сам знаешь лучше меня.

Оромис умолк, и некоторое время вокруг стояла полная тишина.

Глядя в землю, Эрагон перебирал в уме все то, о чем только что рассказал ему Оромис, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. Потом медленно сказал:

— Значит, мой отец и впрямь Бром, а вовсе не Морзан? Я что хочу сказать, раз моя мать была наложницей Морзана, то... — Он не договорил, явно не в силах подобрать нужные слова.

— Ты сын своего отца, — мягко возразил Оромис. — А твой отец — Бром. И в этом нет никаких сомнений.

— Вообще никаких?

— Никаких, — покачал головой Оромис.

У Эрагона вдруг закружилась голова, перехватило дыхание. Стараясь взять себя в руки и дышать ровно, он сказал:

— Мне кажется, я понимаю почему... — Он немного перевел дух и продолжил: — Бром никому ничего не говорил об этом, прежде чем я не нашел яйцо Сапфиры. Но почему он потом мне-то ничего не рассказал? И почему заставил вас с Сапфирой принести клятву молчания? Неужели он не хотел признать меня своим сыном? Неужели стыдился меня?

— Я бы не взял на себя смелость утверждать, что понимаю причины всех поступков Брома. Но в одном я уверен полностью: больше всего на свете Брому хотелось назвать тебя своим сыном и открыто воспитывать тебя! Но он не смел сказать кому бы то ни было о вашем кровном родстве из опасений, что тогда Империя попытается как-то повредить тебе и тем самым нанести удар ему. И надо сказать, это было вполне оправданной предосторожностью. У тебя перед глазами прекрасный пример: вспомни, как Гальбаторикс пытался взять в плен твоего брата Рорана, надеясь, что, угрожая его жизни, он и тебя заставит сложить оружие.

— Но Бром мог бы признаться хотя бы моему дяде, — возразил Эрагон. — Гэрроу ни за что не выдал бы его Империи.

— А ты подумай хорошенько! Если бы ты жил с Бромом, а до ушей шпионов Гальбаторикса донесся бы слух, что Бром жив, вам обоим наверняка пришлось бы спешно бежать из Карвахолла, спасая свою жизнь. Вот Бром и держал все это в тайне, рассчитывая тем самым защитить тебя от подобной опасности.

— Но ему это не удалось. Нам все равно пришлось бежать из Карвахолла.

— Да, — подтвердил Оромис. — Ошибка Брома. Так уж получилось. Хотя, я считаю, это принесло больше пользы, чем вреда. А ошибка его заключалась в том, что он не желал совсем расставаться с тобой. Если бы у него хватило сил не возвращаться в Карвахолл, ты бы никогда не нашел яйцо

Сапфиры, раззаки не убили бы твоего дядю, и вообще многого бы не случилось. Он просто не смог навсегда отсечь тебя от себя.

Эрагона охватила такая сильная дрожь, что он стиснул зубы, чтоб не стучали.

— А потом, когда он узнал, что Сапфира уже проклюнулась из яйца, выбрав меня?

Оромис ответил не сразу; спокойствие на его лице сменилось некоторой неуверенностью.

— Не знаю, Эрагон. Вполне возможно, Бром все еще пытался оградить тебя от своих врагов. Возможно, он ничего не сообщил тебе по той же причине, по какой и к варденам тебя сразу не отвез, — просто ты еще не был готов ко всему этому. Возможно, он собирался все тебе рассказать перед тем, как ты отправишься к варденам. Если уж строить догадки, то я склонен думать, что Бром держал язык за зубами не потому, что тебя стыдился; просто он привык жить со своими тайнами и не желал ни с кем ими делиться. И еще потому — но это не более чем предположение, — что он не представлял, как ты воспримешь его рассказ о твоем происхождении. По твоим собственным словам, ты не так уж и хорошо успел узнать Брома, когда вы с ним уезжали из Карвахолла. Может быть, он *просто боялся, что ты возненавидишь* его, если он откроет тебе, что именно он твой отец.

— Возненавижу? — удивленно воскликнул Эрагон. — Ну, это вряд ли. Хотя... может быть, я бы ему не поверил.

— А стал бы ты по-прежнему доверять ему после такого объяснения?

Эрагон прикусил губу, думая: «Нет, наверное, не стал бы».

— Бром сделал все от него зависящее и возможное в таких невероятно трудных условиях, — продолжал Оромис. — И прежде всего на нем лежала огромная ответственность: нужно было сохранить вам обоим жизнь, нужно было обучать тебя, Эрагон, нужно было подготовить тебя к тому, чтобы ты не использовал свое могущество в эгоистичных целях, как Гальбаторикс. И это Брому в основном удалось. Он, может, так и не успел стать тебе таким отцом, какого ты

хотел бы иметь, но он оставил тебе такое огромное наследие, какого не имел ни один сын в нашей истории.

— Но он оставил бы его и любому другому, кто стал бы новым Всадником.

— Это ничуть не снижает его ценности, — заметил Оромис. — К тому же ты ошибаешься: Бром для тебя сделал больше, чем сделал бы для кого бы то ни было. Чтобы понять, что это действительно так, стоит вспомнить хотя бы о том, что он пожертвовал собой, чтобы спасти тебе жизнь.

Эрагон поковырял ногтем столешницу, поводил указательным пальцем по рисунку едва заметного на старом дереве годового кольца и спросил:

— А это действительно была случайность, что Арья послала Сапфиру ко мне?

— Да, — подтвердил Оромис. — Хотя, пожалуй, не совсем. Вместо того чтобы переслать яйцо отцу, Арья переслала его сыну.

— Как такое могло случиться, если она даже не знала о моем существовании?

Старый эльф молча пожал узкими плечами:

— Мы тысячелетиями изучаем магию и ее различные проявления, но так и не научились предсказывать и объяснять некоторые результаты ее действия.

Эрагон продолжал водить пальцем по столешнице.

«У меня был отец, — думал он. — Я видел, как он умер, так и не зная, кто он для меня...»

— А мои родители, — спросил он, — они были женаты?

— Понимаю, почему ты об этом спрашиваешь, Эрагон, но не знаю, удовлетворит ли тебя мой ответ. Брак не входит в число эльфийских традиций, поэтому тонкости этого ритуала мне недоступны. Нет, никакой брачной церемонии не было, никто не соединял руки Брома и Селены, но я знаю, что они считали себя мужем и женой. Если смотреть на это трезво, то тебе не стоит беспокоиться, что кто-то из людей может назвать тебя ублюдком; удовлетворись тем, что ты сын своих родителей и оба они пожертвовали собственной жизнью для того, чтобы ты мог жить.

Эрагон поразился тому, как спокойно воспринимает эти слова Оромиса. Всю жизнь он пытался угадать, кто же его

отец. Когда Муртаг заявил, что это Морзан, он был потрясен до глубины души не меньше, чем сообщением о смерти Гэрроу. И теперь, пожалуй, заявление Глаэдра о том, что его отец — Бром, потрясло его столь же сильно, однако он быстро овладел собой, да и сама эта новость не показалась ему такой ужасной. Сейчас он размышлял об этом совершенно спокойно и пришел к выводу, что, вероятно, потребуется немало лет, прежде чем он окончательно разберется в своих чувствах по отношению к отцу и матери, которой *он никогда* не знал.

«Мой отец был Всадником, а моя мать, Черная Рука, была наложницей проклятого Морзана...» — думал он.

— Можно мне сказать об этом Насуаде? — спросил он.

Оромис развел руками:

— Скажи, если хочешь. Тайна теперь принадлежит тебе, можешь делать с ней что угодно. Вряд ли теперь тебе может грозить опасность, даже если весь мир узнает, что ты — наследник Брома.

— А Муртаг... Ведь он считает, что мы родные братья. Он сам сказал мне это, причем на древнем языке.

— Уверен, что и Гальбаторикс так считает. Это же Двойники выяснили, что у вас с Муртагом общая мать; и, уж конечно, Гальбаториксу они об этом сообщили. Но они ничего не могли ему сообщить о том, что тут замешан еще и Бром, потому что среди варденов не было никого, посвященного в эту тайну.

Эрагон глянул на пару ласточек, что по-прежнему носились в небе, и позволил себе слегка улыбнуться.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Оромис.

— Не уверен, что ты поймешь...

Эльф сложил руки на коленях.

— Может, и не пойму. Но ты ведь не можешь знать наверняка, пока не попробуешь объяснить.

Эрагону потребовалось некоторое время, чтобы подобрать нужные слова.

— Когда я был моложе... в общем, до *всего этого*, — и он мотнул головой в сторону Сапфиры, имея в виду и Оромиса, и Глаэдра, и вообще весь мир в целом, — я любил выдумывать

всякие истории насчет того, что моя мать в силу своей красоты и ума входила в число наиболее знатных дам при дворе Гальбаторикса. Я представлял себе, как она путешествует из города в город, как садится за стол вместе с графами и графинями в их роскошных замках... а потом она без памяти влюбилась в кого-то богатого и знатного, но по какой-то причине была вынуждена скрывать от него мое появление на свет, потому и отдала меня на воспитание Гэрроу и Мэриэн. И я все надеялся, что однажды она вернется и скажет мне, кто я такой, и поклянется, что никогда не хотела бросать меня.

— В общем, примерно так и было на самом деле, — заметил Оромис.

— Да, наверное... и все же... А еще я воображал, что мои мать и отец — персоны очень важные, и я тоже в этом смысле кое-что из себя представляю. Судьба наконец дала мне то, чего я желал, но правда оказалась не столь грандиозной и не столь радостной, как я когда-то думал... И улыбался я, видимо, своему собственному невежеству, своим детским глупым мечтам. А еще — тому, какие невероятные вещи вдруг стали мне известны.

Над поляной пронесся порыв легкого ветерка, будоража траву и шевеля ветки окружающих их деревьев. Эрагон несколько секунд смотрел на волнующуюся траву, потом вдруг спросил:

— Моя мать была хорошим человеком?

— Не могу сказать этого со всей определенностью. У нее была очень сложная жизнь, Эрагон. Было бы глупо и даже дерзко с моей стороны, если бы я решился судить человека, о котором так мало знаю.

— Но мне это знать необходимо! — Эрагон стиснул руки, до боли переплетя пальцы. — Когда я спросил Брома, знал ли он ее, он ответил, что это была гордая и благородная женщина, что она всегда помогала бедным и тем, кому повезло меньше, чем ей. Но как такое могло быть? Как добрая женщина могла быть одновременно Черной Рукой? Джоад рассказывал мне кое-что — о, это были страшные, ужасные истории! — о том, что она творила, когда служила Морзану...

Стало быть, она злодейка? Стало быть, ей было наплевать, кто правит Империей, Гальбаторикс или еще кто-то? Но самое главное — почему она пошла за Морзаном?

Оромис помолчал, прежде чем ответить.

— Любовь может оказаться страшным проклятием, Эрагон. Она может заставить человека закрыть глаза на самые ужасные недостатки возлюбленного. Вряд ли твоя мать до конца понимала истинную суть черной души Морзана, когда покидала вместе с ним Карвахолл. А когда все-таки поняла, он попросту не позволил ей жить по-своему, не слушаясь его приказаний. Она стала его рабыней во всем, сохранив разве что свое истинное имя. И, лишь сумев полностью изменить себя, а потом и переменив свое имя, она сумела вырваться из той ловушки, в которую невольно угодила.

— Но Джоад говорил, что ей нравилось то, что она делала, будучи Черной Рукой!

Во взгляде Оромиса скользнула тень презрения.

— Рассказы о чьих-то былых жестокостях частенько грешат преувеличениями и искажениями. Об этом никогда не следует забывать. Никто, кроме твоей матери, в точности не знает, что именно она сделала, как *не знает*, и *почему она* это сделала, и что при этом чувствовала, а самой Селены, увы, уже нет в живых, и она ничего не сможет ни рассказать, ни объяснить.

— Так кому же мне верить? — в отчаянии спросил Эрагон. — Брому или Джоаду?

— Когда ты спрашивал Брома о матери, он поведал тебе о тех ее качествах, которые считал самыми важными. И я бы посоветовал тебе доверять именно его мнению. Впрочем, если это все же не снимает некоторых твоих подозрений, помни вот что: какие бы преступления она ни совершила, когда служила Морзану и была его Черной Рукой, она в итоге все же перешла на сторону варденов и была готова на любые, самые чрезвычайные меры, только чтобы защитить тебя. Помни об этом и, право, не стоит терзать себя излишними раздумьями о том, каков был ее истинный характер.

Мимо Эрагона пролетел паучок, уцепившийся за подгоняемый ветерком обрывок паутины; он то взмывал ввысь,

то почти опускался на землю, а потом и вовсе исчез из поля зрения.

— Когда мы в первый раз были в Тронжхайме, — задумчиво сказал Эрагон, — одна предсказательница по имени Анжела говорила мне, что над Бромом тяготело проклятие, из-за которого все его дела кончались неудачей. Единственное, что ему удалось, — это победить Морзана.

Оромис чуть наклонил голову в знак согласия:

— Да, можно думать и так. Но можно и по-другому: на самом деле Брому удалось решить многие весьма важные и трудные задачи. Зависит от того, как вообще смотришь на мир. Слова предсказательниц редко удается понять до конца. Я на собственном опыте знаю, что их предсказания никогда не дают душе полного покоя. Если хочешь быть счастливым, Эрагон, не думай о том, что еще только должно случиться в будущем, как и о том, что вообще не в твоей власти. Думай лучше о настоящем, о том, что ты сам в состоянии изменить.

И вдруг Эрагона осенило.

— А Благден! — воскликнул он. — Белый ворон королевы Имиладрис! Он ведь тоже знает о Броме, не так ли?

Оромис удивленно приподнял бровь:

— Вот как? Я с ним никогда об этом не говорил. Нет, это ненадежное существо, не стоит ему верить.

— В день, когда мы с Сапфирой вылетели на Пылающие Равнины, он загадал мне загадку... Я точно не помню, но он говорил что-то о том, что один из двух кажется одним, а на самом деле он — это сразу двое... Думаю, он намекал на то, что мы с Муртагом имеем только одного общего родителя.

— Вполне возможно, — сказал Оромис. — Благден был здесь, в Эллесмере, когда Бром рассказывал мне о тебе. Я бы не удивился, узнав, что этот остроклювый воришка торчал рядом, спрятавшись на дереве, и подслушивал. Есть у него такая гадкая привычка. Но может также оказаться, что эта загадка — результат его очередного приступа ясновидения.

Тут Глаэдр зашевелился, потянулся, и Оромис, оглянувшись на своего золотистого дракона, изящным движением поднялся из-за стола и сказал:

— Фрукты, орехи и хлеб — это, конечно, вкусная еда, но после вашего перелета вам нужно кое-что поосновательнее. У меня почти готов суп, он стоит на плите. Нет-нет, не вставай, я сам все сюда принесу.

Неслышно ступая по мягкой траве, Оромис исчез в своей крытой корой хижине, и резная дверь сама закрылась за ним. Глаэдр только фыркнул и, снова закрыв глаза, погрузился в дремоту.

И воцарилась тишина, если не считать шороха ветвей, раскачиваемых ветром.

НАСЛЕДИЕ

Эрагон еще несколько минут посидел за круглым столом, потом встал и подошел к самому краю утеса, глядя вниз, на перекатывающиеся волнами кроны деревьев. Носком сапога он столкнул вниз камешек и долго смотрел, как он, отскакивая от стен утеса, падает все ниже и ниже, пока совсем не исчез из виду, провалившись в заросли.

Сзади хрустнула ветка, и Эрагон увидел, что к нему подошла Сапфира. Она уселась рядом, и по траве сразу заскользили многочисленные солнечные зайчики, отраженные ее синей чешуей. Сапфира тоже некоторое время молча смотрела вниз, потом спросила:

«Ты на меня злишься?»

«Нет. Конечно же нет! Я прекрасно понимаю, что ты не могла нарушить данную тобой клятву. Просто очень жаль, что Бром сам мне всего этого не рассказал. Жаль, что он счел необходимым скрыть от меня правду».

Сапфира повернула к нему голову:

«И что ты теперь чувствуешь?»

«Ты это знаешь не хуже меня».

«Еще совсем недавно это действительно было так. Но прошло всего несколько минут, и теперь все иначе. Ты словно весь замер внутри, и заглядывать в твои мысли сейчас — все равно что в озеро, такое глубокое, что не видно дна. Что у тебя сейчас творится в душе, маленький брат? Гнев там? Или счастье? Или ты вообще ничего не чувствуешь? Или просто не хочешь делиться своими ощущениями?»

«А в душе у меня всего лишь признание того, что следует признать. — Эрагон повернулся к ней лицом. — Я уже ничего не могу изменить: мои родители — это мои родители; с этим я смирился еще на Пылающих Равнинах. Что есть,

то есть, и сколько зубами ни скрипи, ничего не изменишь. А вообще... я, наверное, рад, что могу считать Брома своим отцом. И все же... Как-то слишком много сразу на меня свалилось...»

«Может быть, тебе поможет то, что могу тебе дать я? Хочешь заглянуть в мою память и узнать, что в ней оставил для тебя Бром? Или лучше еще подождать?»

«Нет, ждать мы больше не будем. Если это отложить, другой такой возможности у нас может и не появиться».

«Тогда закрой глаза и позволь мне показать тебе, что когда-то произошло».

Эрагон сделал, как она велела, и сразу же испытал целый водопад самых разнообразных ощущений — зрительные образы, звуки, запахи и многое другое — все то, что она сама ощущала, перенося в свою память воспоминания Брома.

Прямо перед собой Эрагон увидел лесную поляну — видимо где-то у подножия западных отрогов Спайна. Трава на поляне была густой и высокой; бледно-зеленые лишайники клочьями свисали с высоких старых деревьев. Здесь всегда выпадало много дождей, приносимых ветрами с близкого океана, и растительность выглядела значительно зеленее и богаче, чем в долине Паланкар. Глядя на все это глазами Сапфиры, Эрагон воспринимал все оттенки зеленого и красного в несколько более приглушенном виде, иначе, чем сам, зато синий спектр Сапфира воспринимала куда более интенсивно, чем он. В воздухе явственно пахло влажной землей и гнилой древесиной.

В центре поляны лежало поваленное дерево, на котором сидел Бром.

Капюшон его плаща был откинут, голова обнажена. На коленях у него лежал меч. Кривоватый, испещренный рунами посох стоял рядом, прислоненный к поваленному стволу. На правой руке сверкало кольцо с сапфиром.

Долгое время Бром не двигался. Потом, прищурившись, посмотрел в небо. Крючковатый нос отбрасывал ему на лицо длинную тень. Услышав его хриплый голос, Эрагон даже пошатнулся, всем своим существом ощущая перемещение во времени.

— И вечно солнце прокладывает свой путь от горизонта до горизонта, и вечно луна следует за ним, и вечно дни следуют за днями, не заботясь о жизнях, которые они стирают в прах одну за другой, — промолвил Бром, по-прежнему глядя в небо. Потом, опустив глаза, посмотрел на Сапфиру — и Эрагону показалось, что он смотрит прямо на него. — И как бы они ни старались, ни одно живое существо не избежит смерти, даже эльфы и духи. Каждого ждет свой конец. Если ты сейчас видишь меня, Эрагон, значит, мой конец уже пришел, я мертв, а ты уже знаешь, что я — твой отец.

Из кожаной сумки, висевшей у него на поясе, Бром достал свою трубку, набил ее, раскурил, тихо произнеся: «Брисингр!» — и несколько раз затянулся, раскуривая ее. Потом продолжил:

— Если ты и впрямь видишь все это, Эрагон, ты, я надеюсь, жив и здоров, а Гальбаторикс уже мертв. Впрочем, вряд ли это возможно. Хотя бы по той простой причине, что ты — Всадник, а Всадники не знают отдыха, пока на земле существует несправедливость. — Бром негромко рассмеялся и покачал головой, отчего его длинная борода заволновалась, точно морская волна. — Увы, у меня не хватит времени, чтобы поведать тебе хоть половину того, что хотелось бы. Я, пожалуй, и сам стану вдвое старше, когда доберусь до конца. Чтобы сократить свой рассказ, я приму как данность, что Сапфира уже рассказала тебе, как я познакомился с твоей матерью, как Селена умерла и как я оказался в Карвахолле. Жаль, конечно, что я не могу рассказывать это, глядя тебе в глаза. Может, правда, нам еще удастся встретиться с тобой, и тогда Сапфире не придется открывать тебе свою память, но я сильно в этом сомневаюсь. Слишком много горестей и печалей я пережил за свою долгую жизнь, Эрагон, и они преследуют меня, и я уже чувствую, как ледяной хлад охватывает мои члены, чего никогда не бывало прежде. Думаю, пришел твой черед подхватить выпавшее из моих рук боевое знамя. Есть еще много дел, которые я надеюсь завершить, но не ради себя, а ради лишь тебя одного. А ты не только завершишь все, что не успел я, но и превзойдешь меня в своих свершениях. Я в этом не сомневаюсь. Но

прежде чем могильная земля покроет меня, я хочу хотя бы один раз, вот сейчас, назвать тебя своим сыном... Мой сын... Все эти годы, Эрагон, я страстно желал открыть тебе, кто я такой, кем я тебе прихожусь. Для меня было ни с чем не сравнимым удовольствием, счастьем смотреть, как ты растешь; но какой же пыткой оказалась необходимость вечно хранить тайну твоего рождения! — Бром снова засмеялся хриплым, лающим смехом. — В общем, мне так и не удалось уберечь тебя от слуг Гальбаторикса, верно? Если ты все еще теряешься в догадках насчет того, кто виноват в смерти Гэрроу, то знай: вот он, виновник, сидит перед тобой. Да, увы, и во всем виновата моя глупая беспечность. Мне никогда не следовало возвращаться в Карвахолл. И что же? Гэрроу мертв, а ты стал Всадником. Предупреждаю тебя, Эрагон, остерегайся той, кого полюбишь всем сердцем, ибо у судьбы, по-моему, есть некий особый, смертельный интерес к подобным делам членов нашей семьи.

Облизав губами мундштук трубки, Бром несколько раз затянулся дымом горящего сухого листа, выпуская в сторону клубы совершенно белого дыма. Ноздри Сапфиры забило его горьким запахом.

— Мне есть о чем сожалеть, — продолжал Бром, — но к тебе, Эрагон, это совершенно не относится. Ты можешь иной раз вести себя как безмозглый дурак, например позволив бежать этим уродам, ургалам, но ты не больший идиот, чем я был в твоем возрасте. — Тут он покивал. — По сути дела, ты совсем не идиот. Я горжусь таким сыном, как ты, Эрагон, очень горжусь, так, что тебе и не понять. Никогда не думал, что ты станешь Всадником, таким, каким был я. Да и не хотел я для тебя такого будущего. Но видеть тебя с Сапфирой — ах, я прямо-таки чувствую себя петухом, приветствующим восходящее солнце! — Бром снова затянулся. — Я понимаю, что ты, вероятно, гневаешься на меня за то, что я от тебя скрыл. Не могу утверждать, что и сам был бы счастлив узнать имя своего отца таким же образом. Но нравится тебе это или нет, мы с тобой — одна семья, ты и я. А поскольку я не в состоянии обеспечить тебе заботу, которую обязан был бы обеспечить тебе как отец, я дам тебе

единственное, что могу дать, — совет. Можешь ненавидеть меня, Эрагон, но прими к сведению то, что я тебе скажу, потому что я знаю, что говорю.

Свободной рукой Бром ухватился за ножны своего меча, так крепко, что на руке вздулись вены. И закусил трубку зубами.

— Итак. Совет мой состоит из двух частей. Что бы ты ни делал, оберегай тех, кого любишь, кто тебе дорог. Без них жизнь гораздо более убогая, жалкая, чем ты можешь себе представить. Вполне очевидная истина, я знаю, но от этого она не делается менее справедливой. Это первая часть моего совета. Что до остального... Если тебе повезло и ты уже убил Гальбаторикса... или если кому-то повезло перерезать глотку этому предателю, тогда прими мои поздравления. Если же нет, тогда тебе следует понять, что Гальбаторикс — твой самый страшный и самый опасный враг. И пока он жив, ни тебе, ни Сапфире не видать ни мира, ни спокойствия. Ты можешь укрыться на самом дальнем конце земли, но если ты не встанешь на сторону Империи, то однажды тебе все равно придется выступить против Гальбаторикса. Извини, Эрагон, но такова правда. Я сражался против многих магов и против нескольких Проклятых, и пока что всегда их побеждал. — Морщины на лбу Брома собрались еще сильнее. — Ну, всех, кроме одного — но тогда я еще просто не дорос. Как бы то ни было, но причина того, что я всегда выходил победителем, заключается в том, что я, в отличие от большинства, пользуюсь своими мозгами. Я не самый сильный маг и колдун, да и ты тоже, особенно в сравнении с Гальбаториксом, но, когда дело доходит до дуэли между волшебниками, ум гораздо более важен, чем сила. Чтобы победить мага, совсем не обязательно тупо биться о его сознание. Нет! Чтобы обеспечить себе победу, нужно определить для себя, каким образом твой противник обрабатывает и интерпретирует поступающую информацию и как реагирует на окружающий мир. Дело вовсе не в том, чтобы изобрести новое заклинание, которого раньше никто не сподобился придумать; вся штука в том, чтобы найти заклинание, которое проглядел твой противник, и использовать его против него. Задача не

в том, чтобы прорваться сквозь защитные барьеры вокруг чьего-то сознания; задача в том, чтобы обойти их, проникнуть под ними или обходным путем. Никто не может знать все, Эрагон. Помни это. Гальбаторикс, может быть, обладает огромной силой и властью, но он не в состоянии предусмотреть все возможности. И что бы ты ни делал, ты должен всегда думать быстро и находчиво. Никогда не позволяй себе увлечься какой-нибудь одной мыслью, потому что можешь не увидеть за нею других возможностей. Гальбаторикс безумен, значит, непредсказуем. Но у него не все в порядке с логикой, он не умеет мыслить последовательно, как обычный человек. И если ты сможешь найти эти дефекты, эти прорехи в его образе мыслей и в логике его поведения, тогда вам с Сапфирой, вероятно, удастся его победить. — Бром опустил трубку. Лицо его помрачнело. — Надеюсь, ты сумеешь это сделать. Мое самое большое желание, Эрагон, — это чтобы вам с Сапфирой выпала долгая и плодотворная жизнь, свободная от страхов перед Гальбаториксом и Империей. Мне бы очень хотелось самому защитить тебя от любых опасностей, но, увы, это не в моей власти. Я могу лишь дать тебе несколько советов, научить тебя тому, чему пока еще в состоянии тебя научить... О, мой сын! Что бы с тобой ни случилось, знай: я люблю тебя, и твоя мать тоже тебя любила. И пусть звезды освещают твой путь, Эрагон, сын Брома!

Последние слова Брома гулким эхом прозвучали в ушах Эрагона, и память Сапфиры закрылась. Лицо Брома исчезло. Чувствуя в душе пустоту и мрак, Эрагон открыл глаза и с удивлением понял, что по лицу его текут слезы. Он горько усмехнулся и вытер глаза подолом рубахи. «А ведь Бром и впрямь боялся, что я возненавижу его», — подумал он и невольно всхлипнул.

«Что с тобой?» — встревоженно спросила Сапфира.

«Ничего, сейчас все будет в порядке, — ответил Эрагон, поднимая голову. — Мне, правда, не совсем по душе некоторые дела Брома, но я все равно горжусь тем, что он мой отец, и тем, что могу носить его имя. Это был великий человек... Но вот что не дает мне покоя: я так ни разу и не смог поговорить с отцом и матерью как со своими родителями...»

«Зато у тебя была возможность пожить рядом с Бромом. На мою долю такого счастья не выпало: и мой отец, и моя мать погибли задолго до того, как я появилась на свет. Единственное, что я знаю о них, — это обрывки весьма туманных воспоминаний, сохранившихся в памяти Глаэдра».

Эрагон положил руку ей на шею, и так, утешая друг друга, как умели, они и стояли на краю утеса, глядя на бескрайнее зеленое море внизу.

Вскоре из хижины появился Оромис, который нес две тарелки с супом, и Эрагон с Сапфирой медленно направились к столу, над которым возвышался необъятный бок Глаэдра.

СЕРДЦА СЕРДЕЦ

Эрагон отодвинул от себя пустую тарелку, и Оромис спросил:

— Хочешь взглянуть на амулет твоей матери?

Эрагон так и замер.

— Да, конечно!

Из складок своей белой туники Оромис извлек обкатанный голыш серого аспидного сланца и передал его Эрагону.

Камень был прохладный и гладкий на ощупь. Эрагон знал, что на его оборотной стороне он непременно обнаружит портрет матери — такие портреты, нарисованные волшебными красками, были очень распространены у эльфов. Эрагон весь задрожал от охватившей его тревоги. Ему всегда хотелось увидеть свою мать, но теперь, когда представилась такая возможность, он боялся, что реальность разочарует его.

Он заставил себя перевернуть голыш и всмотрелся в изображение. Там было нарисовано чистое и ясное утро в саду, полном красных и белых роз, которые освещали первые бледные лучи солнца. Меж клумбами роз вилась посыпанная гравием дорожка, и на этой дорожке стояла на коленях женщина, держа в сложенных лодочкой ладонях цветок белой розы и вдыхая его аромат. Ресницы ее были опущены, на губах слабая улыбка. Она была поистине прелестна. Лицо ее показалось Эрагону необычайно нежным и мягким, однако на ней были доспехи из простеганной кожи с черненными стальными наручами на локтях и такими же наголенниками на икрах. На поясе висели меч и кинжал. В ее лице Эрагон находил определенное сходство и с самим собой, и с Гэрроу, ее родным братом.

Портрет потряс Эрагона до глубины души. Он приложил ладонь к поверхности голыша-амулета, страстно мечтая проникнуть туда, в этот нарисованный сад, и хотя бы прикоснуться к ее руке...

— Бром отдал мне этот амулет на хранение, — сказал Оромис. — Перед тем как покинуть Карвахолл. Теперь я передаю его тебе.

Не поднимая глаз, Эрагон спросил:

— А ты не мог бы пока подержать его у себя? Вдруг я выроню его или разобью случайно во время грядущих боев и перелетов.

Пауза, что за этим последовала, заставила Эрагона поднять глаза. Он оторвался наконец от портрета матери и посмотрел на Оромиса. Тот пребывал в меланхолической задумчивости.

— Нет, Эрагон, не могу, — ответил он. — Тебе самому придется что-то придумать, чтобы сберечь этот амулет.

«Но почему?» — хотелось спросить Эрагону, однако он промолчал, увидев, сколь печален взгляд старого эльфа.

Впрочем, Оромис и сам объяснил причину своего отказа:

— Твое пребывание здесь крайне ограничено во времени, а нам еще многое предстоит обсудить. Ну что, мне самому догадываться, о чем ты в первую очередь хотел бы меня спросить, или ты все-таки изложишь мне свои вопросы?

Эрагон нехотя положил амулет на стол и перевернул его так, чтобы он лег изображением вверх.

— Оба раза, когда мы сходились с Муртагом и Торном в бою, Муртаг оказывался сильнее и могущественнее любого вардена. На Пылающих Равнинах им удалось одолеть нас с Сапфирой, потому что тогда мы еще не знали, насколько он силен. И если бы он не поддался внезапному душевному порыву, мы были бы сейчас пленниками в Урубаене. Ты как-то обмолвился, будто знаешь, как Гальбаторикс сумел достигнуть такого могущества. Расскажи это нам, Учитель! Нам очень важно знать это — в том числе и для твоей собственной безопасности.

— Не мне следовало бы рассказывать тебе об этом, — возразил Оромис.

— А кому же? — удивился Эрагон. — Ты не должен...

И тут Глаэдр, лежавший у Оромиса за спиной, приоткрыл один свой глаз величиной с круглый боевой щит и сказал:

«Мне!.. Источник могущества Гальбаторикса — в сердцах драконов. Это у нас он крадет силу. Без нашей помощи Гальбаторикс уже давно бы пал под ударами эльфов и варденов».

Эрагон нахмурился:

— Не понимаю!.. С чего бы это вам помогать Гальбаториксу? Да и как вы можете?! Во всей Алагейзии осталось лишь четверо драконов да еще одно яйцо... не так ли?

«Многие из драконов, которых сразили Гальбаторикс и Проклятые, до сих пор живы, Эрагон. Погибли только их тела».

— До сих пор живы?! — Эрагон был потрясен. Он оглянулся на Оромиса, но эльф сидел молча, с непроницаемым лицом. Еще сильнее смутило Эрагона то, что и Сапфира, похоже, не разделяла его возмущения.

Глаэдр повернул голову, чтобы лучше видеть Эрагона, и его золотистая чешуя так и заскрежетала.

«В отличие от других живых существ, — вновь заговорил он, — душа и сознание дракона пребывают не только у него в черепе. В груди у каждого дракона имеется некий твердый предмет, похожий на драгоценный камень и по составу напоминающий нашу чешую. Называется он «Элдунари», что значит «сердце сердец». Когда дракон вылупляется из яйца, его Элдунари чистое и тусклое. Таким оно обычно и остается в течение всей его драконьей жизни, а потом распадается вместе с его телом. Однако мы по собственному желанию можем перенести свою душу, свое сознание в Элдунари. И тогда оно приобретает тот же цвет, что и наша чешуя, и начинает светиться, точно тлеющий уголек. В таких случаях Элдунари способно пережить разложение плоти своего хозяина, так что сущность дракона будет жить еще сколь угодно долго. Кроме того, дракон может изрыгнуть свое Элдунари и при жизни. Короче говоря, тело дракона и его душа, его сознание способны существовать раздельно, оставаясь при этом тесно связанными друг с другом. И это при

определенных обстоятельствах может оказаться весьма полезным. Однако когда мы так поступаем, то подвергаемся огромной опасности, ибо тот, кто держит в руках Элдунари дракона, владеет и его душой, а потому может заставить его выполнять любые свои приказы, даже самые ужасные».

Представив себе возможные последствия того, что описал Глаэдр, Эрагон похолодел. Глянув на Сапфиру, он спросил:

«Значит, ты тоже об этом знала?»

Чешуя у нее на шее встала дыбом, и она сделала головой какое-то странное движение, точно змея.

«Я всегда знала о существовании Элдунари. И разумеется, всегда ощущала его присутствие внутри себя, но мне и в голову не приходило рассказывать об этом тебе».

«Но почему?! Ведь это так важно!»

«А разве ты сам бы счел нужным рассказывать кому-то, что у тебя есть, скажем, желудок или сердце? Или печень, или любой другой орган? Мое Элдунари — это неотъемлемая часть того, чем я являюсь. Да с какой стати мне было упоминать о части своего организма?»

«Стало быть, ты все знала».

«Ну, знала-то я не слишком много. Глаэдр, правда, намекал, что наше сердце сердец важнее прочих частей нашего тела, и предупреждал меня, что его следует особо беречь, иначе оно может попасть в руки наших врагов. Никаких других объяснений он не дал, но я потом и сама догадалась почти обо всем, что он только что тебе рассказал».

«И тем не менее ты не сочла нужным поведать об этом мне?»

«Я хотела, но, как и в случае с Бромом, дала слово — на этот раз Глаэдру, — что никому про это не расскажу, даже тебе».

«Да как ты могла согласиться?!»

«Я полностью доверяю Глаэдру и Оромису. А ты разве нет?»

Эрагон, насупив брови, повернулся к эльфу и золотистому дракону:

— Почему вы нам раньше об этом не сказали?

Оромис вновь преспокойно наполнил бокалы вином и ответил:

— Чтобы защитить Сапфиру.

— Защитить? От кого? От чего?

«От тебя, — ответил ему Глаэдр, и Эрагона так удивил и оскорбил этот ответ, что он просто слов не находил, чтобы выразить свое негодование. А Глаэдр продолжал: — Дикие драконы обычно узнавали о существования своего Элдунари от кого-то из старших родственников, когда достигали такого возраста, когда уже способны были понять, как им пользоваться. Ни один дракон никогда не станет переносить свою душу в сердце сердец, не сознавая полностью все возможные последствия этого. Но у Всадников возникла иная традиция. Первые несколько лет партнерства между драконом и Всадником крайне важны для установления дружественных, почти родственных отношений между ними; и Всадники выяснили, что сообщить им об Элдунари лучше тогда, когда новый Всадник и его дракон получше узнают друг друга. Иначе в силу юношеской беспечности и даже глупости дракон может изрыгнуть свое сердце сердец просто для того, чтобы сделать приятное своему Всаднику или произвести на него впечатление. Но дело в том, что когда мы отдаем кому-то свое Элдунари, то как бы передаем ему и физическое воплощение нашей сущности. И уже не можем вернуть его себе. Дракону нельзя с подобной беспечностью осуществлять разделение своего сознания, потому что это меняет всю его последующую жизнь, даже если она длится хоть тысячу лет».

«А ты еще хранишь в себе свое сердце сердец?» — спросил Эрагон.

Трава вокруг стола склонилась к земле под порывом горячего воздуха, вырвавшегося из ноздрей Глаэдра.

«Это совершенно неподобающий вопрос, птенчик. Никогда не задавай его никому из драконов, кроме Сапфиры. И меня не смей больше об этом спрашивать».

Эрагон так покраснел, что у него защипало в глазах, однако он сумел все же ответить Глаэдру как подобает:

— Хорошо, Учитель. – Впрочем, он тут же задал ему еще один вопрос: — А что... если твое Элдунари разобьется?

«Если дракон уже перенес свою душу в сердце сердец, он просто умрет. — И Глаэдр с явно слышимым щелчком

прикрыл веками глаза, и оба его века — внутреннее и внешнее — засветились. — Прежде чем заключить договор с эльфами, мы хранили свои сердца в Дю Феллс Нангоротхе. Это гора в самом центре пустыни Хадарак. Позднее, когда Всадники уже закрепились на острове Врёнгард и построили там хранилище для наших Элдунари, дикие драконы, как и приручённые, доверили свои сердца Всадникам, передав их им на хранение».

«И после этого, — заключил Эрагон, — Гальбаторикс в итоге захватил все Элдунари?»

Неожиданно ответил ему не Глаэдр, а Оромис:

— Да, захватил, но не все и не сразу. Прошло так много времени с тех пор, как кто-либо в последний раз угрожал Всадникам, что многие члены этого ордена стали попросту беспечными, да и за безопасностью Элдунари следить перестали. Хотя к тому времени, когда Гальбаторикс пошел против нас, все драконы Всадников уже изрыгали свое Элдунари и оставляли его на хранение — просто удобства ради.

— Удобства?

«Тот, кто держит в своих руках одно из наших сердец, — вмешался Глаэдр, — может устанавливать с тем драконом, который оставил ему на сохранение свое Элдунари, мысленную связь вне зависимости от разделяющего их расстояния. Между ними может лежать хоть вся Алагейзия, но если у Всадника имеется Элдунари его дракона, они могут обмениваться мыслями так же легко, как вы сейчас с Сапфирой».

— А кроме того, — сказал Оромис, — следует упомянуть, что маг, владеющий Элдунари, может использовать силу дракона, заимствовать ее у него, чтобы усилить мощь своих заклинаний, опять-таки без оглядки на то, где именно находится сам дракон. Когда...

И Оромис умолк, отвлеченный появлением яркой колибри с пестрым оперением. Трепеща крылышками, так что они создавали вокруг нее нечто вроде голубоватого ореола, пташка зависла над блюдом с фруктами и принялась пить густой сок, вытекавший из раздавленной ягоды смородины. Насытившись, она вспорхнула и тут же исчезла среди деревьев. А Оромис продолжил свой рассказ:

— Когда Гальбаторикс убил своего первого Всадника, он выкрал сердце его дракона и за те долгие годы, что ему пришлось скрываться в диких местах, он сумел сломить душу этого дракона и подчинить его своей воле. Возможно, не без помощи Дурзы. А когда Гальбаторикс начал по-настоящему готовиться к войне с нами, имея в союзниках уже и Морзана, он, безусловно, стал сильнее любого из Всадников. И сила его заключалась не только в магии, но и в исключительном уме, ибо ее дополняла мудрость драконов, заключенная в их Элдунари.

Но Гальбаторикс не просто старался уничтожить всех Всадников и драконов. Его главной целью стало добыть как можно больше Элдунари, и он либо попросту отнимал их у Всадников, либо пытал Всадника до тех пор, пока его дракон не изрыгнет свое сердце сердец. К тому времени, когда мы поняли, чем он занимается, он оказался уже столь силен, что остановить его было невозможно. Гальбаториксу сыграло на руку также и то, что многие Всадники отправлялись в путешествие, имея при себе не только Элдунари своего дракона, но и другие Элдунари, в том числе и тех драконов, чьи тела уже перестали существовать. Этим «умершим» драконам частенько надоедало сидеть на одном месте, они жаждали приключений. Ну, а когда Гальбаторикс вместе с Проклятыми разграбил город Дору Ариба на острове Врёнгард, то, разумеется, захватил и все Элдунари, которые были там спрятаны.

Таким образом, он обеспечил себе успех, ибо пользовался силой и мудростью драконов. Сначала он, конечно, управлял всего лишь десятком захваченных Элдунари. Это нелегкая задача — заставить дракона повиноваться тебе, как бы ты сам ни был могуч. Но как только Гальбаторикс сокрушил Всадников и воцарился в Урубаене, его основной задачей стало подчинение и всех остальных драконьих душ.

Мы полагаем, что именно этим он занимался в последующие сорок лет, и в этот период он не слишком внимательно следил за тем, что происходит в Алагейзии — вот почему, например, Сурде и удалось отделиться от Империи. Когда же он завершил свои изыскания, то, выйдя из этого добровольного заточения, вновь усилил борьбу за все земли, как принадлежащие Империи, так и расположенные за

ее пределами. Но потом по какой-то причине после двух с половиной лет сплошного кровопролития он снова закрылся в своем замке в Урубаене, где и находится с тех пор хоть не в таком одиночестве, как раньше, но явно сосредоточившись на решении очередной задачи, о которой никому ничего не известно. Пороков у него множество, но он никогда не опускался до распутства и невоздержанности, это наши шпионы установили вполне достоверно. А больше ничего мы выяснить не могли.

Глубоко задумавшись, Эрагон смотрел куда-то вдаль и ничего не видел перед собой. Впервые все те истории о необычайном могуществе Гальбаторикса, которые он до сих пор слышал, начинали складываться в некую осмысленную картину. И в глубине его души зародилась слабая надежда, вселяющая оптимизм.

«Ничего! — сказал он себе. — Я пока еще не знаю, как это сделать, но если нам удастся освободить все драконьи Элдунари, то Гальбаторикс будет не сильнее любого другого Всадника».

И хотя подобная перспектива отнюдь не казалась ему легкодостижимой, Эрагона утешало то, что у этого великого императора все же есть хоть одно слабое место, пусть даже совсем ничтожное.

И тут Эрагона вдруг посетила еще одна мысль.

— А почему, интересно, — спросил он, — ни в одной из историй о прошлом я никогда не слышал ни единого упоминания о драконьих сердцах сердец? Ведь если Элдунари так важны, сказители и ученые непременно должны были бы упоминать об этом!

Оромис погладил ладонью столешницу и спокойно ответил:

— Из всех тайн Алагейзии эта хранится наиболее тщательно. Даже среди моего народа, эльфов, она известна далеко не всем. Драконы всегда стремились спрятать свои Элдунари от остального мира. Они поведали нам о них только после того, как между нашими народами был заключен договор, да и то разрешили узнать об этом лишь немногим избранным.

— Но почему?

«Ах, — снова вмешался Глаэдр, — мы и сами нередко восставали против соблюдения столь строгих правил, однако если бы тайна Элдунари стала известна всем, любой мерзавец с грязными мыслями мог бы попытаться завладеть таким Элдунари, и в конечном итоге кому-то это удалось бы. Вот мы и старались всеми средствами предотвратить подобную случайность».

— Неужели нет какого-то способа, с помощью которого дракон мог бы защитить себя благодаря своему Элдунари? — спросил Эрагон.

Глаза Глаэдра блеснули ярче.

«Вполне уместный вопрос. Дракон, изрыгнувший свое Элдунари, но по-прежнему свободно распоряжающийся собственной плотью, может, конечно, защитить свое сердце с помощью когтей, клыков, хвоста и мощных крыльев. Но как быть дракону, чье тело уже умерло? Его единственное оружие в таком случае — это ум, древняя мудрость драконов, а также, если обстоятельства тому благоприятствуют, магия, которой мы, увы, не можем распоряжаться по собственной воле. Вот в чем одна из причин, по которым многие драконы не стали продлевать свое существование после гибели собственной плоти. Для многих живых существ — но особенно для драконов! — невыносимо, когда ты не можешь поступать так, как хочешь, когда воспринимаешь окружающий мир лишь через сознание других, когда ты способен влиять на ход событий разве что мысленно или с помощью крайне редких и совершенно непредсказуемых проявлений магии. А ведь драконы — самые свободные, самые свободолюбивые из всех живых созданий!»

— Но почему же они все-таки шли на это? Почему изрыгали свое Элдунари? — спросил Эрагон.

«Иногда это происходило случайно. Когда тело начинало сдавать, дракон мог впасть в панику и скрыться в своем Элдунари. Но если дракон изрыгнул свое Элдунари до того, как умерло его тело, то иного выбора у него не оставалось: он мог лишь продолжать существовать в своем сердце сердец. Но в большинстве случаев драконы, которые решили продолжать жить в своих Элдунари, были глубокими стариками, значительно старше нас с Оромисом, так что вопросы

плоти уже не играли для них никакой роли; они полностью погрузились в себя и желали лишь одного: спокойно предаваться размышлениям о таких проблемах, которые «молодежи» попросту не понятны. Мы с огромным уважением, очень бережно хранили сердца таких драконов по причине их необъятной мудрости и ума. И обычно все драконы, как дикие, так и приручeнные, да и Всадники тоже обращались к ним за советом, прежде чем приступить к какому-то важному делу. То, что Гальбаторикс завладел их Элдунари, превратив их в своих рабов, — преступление не только жестокое, но и невообразимо гнусное!»

«А теперь и у меня есть вопрос, — раздался в ушах Эрагона мощный голос Сапфиры. — Когда кто-то из нашего рода становится пленником своего Элдунари, должен ли он продолжать жить, или имеет возможность, если уже не в силах выносить подобное существование, разорвать свою связь с этим миром и погрузиться в вечный мрак небытия?»

— По собственной воле — нет, — ответил Оромис. — Разве только в том случае, если на такого дракона снизойдет вдохновение и он сможет, воспользовавшись магией, как бы взорвать изнутри свое Элдунари. Насколько мне известно, такое случалось, хотя и редко. Единственная альтернатива для дракона — убедить кого-то разбить его Элдунари, нанеся удар извне. Потеря контроля над самим собой — вот еще одна из причин, по которой драконы так неохотно перемещают свою душу в сердце сердец, ведь таким образом они сами заключают себя в тюрьму, из которой нет выхода.

И Эрагон отчетливо ощутил, какое отвращение испытала Сапфира при мысли о подобной перспективе. Она, правда, ни словом об этом не обмолвилась, но снова спросила:

«И сколькими же Элдунари сумел завладеть Гальбаторикс?»

— Точно мы не знаем, — сказал Оромис, — но, по нашим оценкам, несколькими сотнями.

По блестящему телу Сапфиры пробежала дрожь.

«Стало быть, наша раса отнюдь не на грани вымирания?»

Оромис ответил не сразу. И вместо него это сделал Глаэдр:

«Видишь ли, маленький брат, — сказал он, обращаясь к Эрагону и донельзя удивив его подобным обращением, — даже если бы вся земля вокруг была усыпана Элдунари, наша раса так или иначе обречена. Дракон, продолжающий существовать в своем Элдунари, по-прежнему остается драконом, однако он совершенно лишен зова плоти, да и тела тоже, способного этот зов удовлетворить. Такие драконы не могут размножаться».

У Эрагона начало ломить затылок; на него вдруг навалилась вся усталость, испытанная им за четыре дня изматывающего путешествия. И усталость эта оказалась настолько сильной, что переставала работать голова, и мысли, стоило хоть чуточку отвлечься, тут же разбегались.

Сапфира нервно дернула кончиком хвоста:

«Я не настолько глупа и невежественна, чтобы поверить, что заключенный в Элдунари дракон может дать потомство. Но меня все же утешает сознание того, что я не так одинока, как мне казалось когда-то... Наш народ, вполне возможно, и обречен, но, по крайней мере, в этом мире еще есть четверо живых драконов!»

— Это так, — согласно кивнул Оромис. — Но все они пленники Гальбаторикса, как Муртаг с Торном.

«Освободить их надо, вот за что надо бороться! — воскликнула Сапфира. — И последнее драконье яйцо тоже!»

— Да, нам всем нужно об этом хорошенько подумать, — поддержал ее Эрагон. — За это действительно стоит бороться. Мы для тех драконов — единственная надежда. — Он потер лоб и прибавил: — Но есть и еще кое-что, чего я совсем не понимаю.

— Неужели? — спросил Оромис. — И в чем же заключается затруднение?

— Если Гальбаторикс действительно черпает силу из драконьих сердец, то как эти Элдунари производят ту энергию, которую он использует? — Эрагон помолчал, подыскивая нужные слова. Потом указал на ласточек, носившихся в поднебесье. — Любое живое существо ест и пьет, чтобы набраться сил; да и растения тоже. Пища дает энергию, необходимую телу. Она же дает нам силы, чтобы мы могли, например, пользоваться магией. Ведь в этом мы полагаемся

либо на свои возможности, либо заимствуем энергию у кого-то другого. Но как можно заимствовать энергию у этих Элдунари? У них ведь нет ни костей, ни мышц, ни кожи, не так ли? Они же не едят, верно? Как же они существуют? За счет чего? Откуда у них берется энергия?

Оромис улыбнулся, показывая красивые крупные зубы, белые, как самый лучший фарфор.

— Им ее дает магия.

— Магия?

— Если попытаться определить магию, как умение манипулировать энергией — а это действительно так, — то именно магия и является тем источником, из которого Элдунари черпают жизненную энергию. Но, в общем, все это загадка и для нас, и для драконов; никто и никогда так и не сумел выяснить природу этого явления. Может быть, Элдунари поглощают солнечный свет, как растения, или живут за счет жизненных сил самых близких к ним существ. Что бы это ни было, уже доказано, что когда тело дракона погибает и его душа обретает убежище в сердце сердец, она уносит с собой столько сил и энергии, сколько имел этот дракон в тот момент, когда погибло его тело. Но после этого полученный запас энергии в Элдунари постоянно увеличивается на протяжении последующих пяти—семи лет, пока не достигает своего пика, и тогда его попросту невозможно измерить. Общий запас энергии, который может накопить Элдунари, зависит от размеров сердца — чем старше был дракон, тем крупнее его Элдунари и тем больше энергии оно может набрать, прежде чем заполнится до краев.

Вспомнив свою схватку с Муртагом и Торном, Эрагон заметил:

— Гальбаторикс, видимо, передал Муртагу силу нескольких Элдунари. Это единственное объяснение того, откуда у него такое могущество.

Оромис кивнул:

— Тебе еще повезло. Гальбаторикс мог бы дать ему и большее могущество, тогда он легко одолел бы не только вас с Сапфирой, но и Арью, и всех прочих магов, которые помогают варденам.

Только тут Эрагон вспомнил, как ему во время двух последних встреч с Муртагом и Торном все время казалось, что в Муртаге словно таится еще несколько иных существ. Эрагон мысленно поделился своей догадкой с Сапфирой и сказал:

«Видимо, это как раз и были Элдунари, именно их присутствие я и почувствовал... Интересно, куда Муртаг их упрятал? На Торне не было никаких седельных сумок, и под одеждой Муртаг вроде бы ничего не прятал».

«Ну, этого я не знаю, — ответила Сапфира. — Ты ведь, наверное, и сам уже вспомнил, как Муртаг, должно быть имея в виду именно Элдунари, заявил, что, может быть, вместо того, чтобы вырывать из груди твое сердце, стоило бы вырвать его сердца. Заметь, именно *сердца*, а не *сердце*».

«Точно! Ты права! Он именно так и сказал. Может, он пытался как-то предупредить меня?»

Вдохнув полной грудью, Эрагон откинулся на спинку стула и спросил у Оромиса:

— А помимо Элдунари Сапфиры и Глаэдра, есть еще драконьи сердца, которые Гальбаторикс пока не захватил?

Рот Оромиса печально скривился, вокруг губ собрались тонкие морщинки.

— Нам об этом ничего не известно. После падения Всадников Бром отправился на поиски Элдунари, которые Гальбаторикс мог упустить из виду, но успеха не добился. Да и я за все эти годы, мысленно обследуя всю Алагейзию, не обнаружил даже отзвука мысли, исходящей из неведомого мне Элдунари. Все Элдунари были на счету, когда Гальбаторикс и Морзан начали свое наступление на нас, и ни одно не пропало, не оставив следа. Нет, просто невозможно себе представить, чтобы где-то имелось значительное количество таких Элдуари, драконы которых готовы были бы помочь нам, если мы всего лишь сумеем их обнаружить.

Эрагон, в общем, и не ожидал иного ответа, но все же был разочарован.

— Ладно. Тогда еще один, последний вопрос. Когда умирает Всадник или его дракон, то выживший из двух напарников обычно тоже вскоре умирает или совершает самоубийство. А те, кто остался жить, сходят с ума, не пережив потери. Так?

«Так», — подтвердил Глаэдр.

— А что произойдет, если дракон успел перенести свою душу в Элдунари, а затем умер физически?

У Эрагона под ногами задрожала земля — это Глаэдр пошевелился, меняя позу.

«Если дракон пережил смерть своего тела, — сказал он Эрагону, — а его Всадник еще жив, вместе они образуют то, что именуется «Индлварн». Это превращение вряд ли можно назвать приятным для дракона, однако многие Всадники и драконы с успехом приспособились к подобной перемене и продолжали доблестно служить делу своего благородного ордена. Если же умирает Всадник, то дракон сам зачастую разбивает свое Элдунари или договаривается, что его разобьет кто-то другой, если его собственного тела больше нет; таким образом он губит себя и следует за своим Всадником в небытие. Но так поступают не все. Некоторые драконы оказались способны пережить эту потерю, равно как и некоторые Всадники — например Бром, — и продолжали служить нашему ордену еще долгие годы после этого».

«Спасибо, Оромис-элда, ты дал нам немало пищи для размышлений», — сказала Сапфира.

Эрагон тоже покивал в знак согласия, но говорить ничего не стал: он уже вовсю обдумывал услышанное.

РУКИ ВОИНА

Эрагон, глядя в синее небо, одну за другой клал в рот сладкие, согретые солнцем ягоды земляники. Покончив с ягодами, он сложил в аккуратную кучку стебельки и листья, подвинул их пальцем точно в середину подноса и уже хотел было что-то сказать, но Оромис опередил его:

— И что теперь, Эрагон?

— А что?

— Мы весьма обстоятельно обсудили интересовавшие вас вопросы, и теперь нам хотелось бы знать, что вы с Сапфирой намерены предпринять в ближайшем будущем. Вряд ли тебе стоит задерживаться сейчас в Эллесмере, так что говори сразу: какие еще цели ты ставил перед собой, совершая этот визит к нам? Или, может, вы прямо завтра утром намерены отправиться в обратный путь?

— Вообще-то мы надеялись возобновить наши занятия, — отвечал Эрагон. — Но сейчас, и это понятно всем, на них просто нет времени. Впрочем, есть и еще кое-что, что мне хотелось бы сделать.

— Что, например?

— Учитель, прости, но я рассказал тебе не все, что со мной случилось, пока мы с Бромом были в Тирме. — И Эрагон поведал старому эльфу, как любопытство привело его в дом Анжелы и как она предсказала ему будущее; упомянул он и о совете, который дал ему кот Солембум.

Оромис задумчиво коснулся пальцами губ и промолвил:

— За последний год я что-то слишком часто слышал имя этой предсказательницы, и от тебя, и от Арьи, и от других тоже. Похоже, эта Анжела отлично умеет оказаться именно в том месте и в то время, когда там должно произойти некое важное событие.

«Да, верно, она такая», — подтвердила Сапфира.

— Судя по описанию, — продолжал Оромис, — она очень похожа на одну колдунью из людского племени, которая однажды посетила Эллесмеру, вот только имя у нее было другое, не Анжела. Скажи, а эта Анжела небольшого роста? С густыми и кудрявыми каштановыми волосами? И глаза у нее так и сверкают? А ум довольно острый, хотя и несколько странный?

— Ты очень точно ее описал, — сказал Эрагон. — Неужели это та самая колдунья?

Оромис слегка прищелкнул пальцами.

— Скорее всего. И должен сказать, что это совершенно необыкновенное существо... Что же касается ее пророчеств, то я не стал бы уделять им слишком большое внимание. Пророчества либо осуществятся, либо нет, но поскольку мы ничего более о них не знаем, то и не можем влиять на развитие событий, верно? А вот то, что сообщил тебе котоборотень, заслуживает гораздо большего внимания. К сожалению, я не в силах прокомментировать ни одно из его утверждений. Я никогда не слыхал о таком месте, как Обитель Душ; и хотя название Скала Кутхиана мне что-то напоминает, я не могу припомнить, где его слышал. Я поищу в своих свитках, но, как мне кажется, в записях эльфов я упоминаний о нем не найду.

— А что ты скажешь насчет оружия, спрятанного под деревом Меноа?

— Я ничего об этом не знаю, хотя наши лесные предания мне очень хорошо знакомы. Во всем Дю Вельденварденене есть только два эльфа, чьи познания об этом лесе превосходят мои. Я, конечно, расспрошу их, но подозреваю, что это пустая попытка. — Эрагон выразил свое разочарование, и Оромис сказал: — Я понимаю, тебе нужна подходящая замена для твоего Заррока, но я думаю, что в этом смогу тебе помочь. Кроме моего собственного клинка, Нёглинга, мы, эльфы, сумели сохранить еще два меча, принадлежавшие Всадникам. Это Арвиндр и Тамерлин. Арвиндр в настоящее время хранится в городе Надиндел, и у тебя нет времени ехать туда. Но Тамерлин находится здесь, в Эллесмере, в сокровищнице Дома Валтхарос, и хотя глава этого дома, лорд

Фиолр, не испытает особого восторга от того, что ему придется с этим мечом расстаться, мне кажется, он все же отдаст его тебе, если ты как следует его об этом попросишь. Я обо всем договорюсь, и вы с ним встретитесь завтра утром.

— А что, если и этот меч мне не подойдет? — спросил Эрагон.

— Будем надеяться, что подойдет. Но я на всякий случай пошлю еще весточку нашей оружейнице Руноне, и ты сможешь чуть позже навестить ее.

— Но она же поклялась никогда больше не создавать ни одного меча!

Оромис вздохнул:

— Да, поклялась, но все-таки стоит спросить у нее совета. Если кто и может порекомендовать тебе подходящее оружие, то только она. Кроме того, даже если Тамерлин придется тебе по руке, Рунона все равно непременно захочет осмотреть этот клинок, прежде чем ты отправишься в обратный путь. Прошло уже больше ста лет, как этим мечом пользовались в бою, и он, вполне возможно, нуждается в некоторой чистке и полировке.

— А не может ли еще кто-то из эльфов выковать мне меч?

— Нет, — ответил Оромис. — Нет, если ты хочешь, чтобы твой клинок был столь же высокого качества, как Заррок или любой из тех прекрасных мечей, которые украл Гальбаторикс, то тебе следует обращаться только к Руноне. Она одна из старейших среди всех нас, к тому же лишь она одна могла изготовлять мечи для ордена Всадников.

— Так ей что же, столько же лет, сколько самому ордену? — удивился Эрагон.

— Нет, она старше.

Эрагон только головой покачал. Потом, помолчав немного, спросил:

— А что нам делать до завтрашнего утра, Учитель?

Оромис посмотрел на Эрагона, потом на Сапфиру и сказал:

— Отправляйтесь-ка к дереву Меноа. Я вижу, что не знать вам покоя, пока вы к нему не сходите. А заодно и поглядите, нет ли там оружия, о котором говорил кот-оборотень. Ну,

а когда удовлетворите свое любопытство, возвращайтесь в свой прежний дом. Слуги Имиладрис постоянно держат его наготове для вас с Сапфирой. А уж завтра постараемся успеть все, что наметили.

— Но, Учитель, у нас слишком мало времени, чтобы отдыхать...

— Все равно вы оба слишком устали, чтобы заниматься сегодня чем-то еще серьезным. Поверь мне, Эрагон, сейчас вам лучше отдохнуть. Полагаю также, что за эти несколько часов ты сумеешь обдумать все то, что узнал сегодня. По любым меркам, даже Всадников и драконов, разговор у нас сегодня получился достаточно трудным и утомительным.

Несмотря на столь убедительные доводы, Эрагон все же не был уверен, что им необходимо остаток дня провести в безделье. Его гнала вперед жажда деятельности, хотя он, конечно, понимал, что оба они нуждаются в отдыхе и восстановлении сил.

Он невольно поерзал на стуле, тем самым, видимо, выдав Оромису свое нетерпение и раздиравшие душу противоречия, потому что эльф улыбнулся и сказал:

— Я хочу кое-что пообещать тебе, Эрагон; может быть, это поможет тебе сегодня немного расслабиться. Обещаю, что, прежде чем вы с Сапфирой отправитесь обратно, ты можешь назвать любой вид магии, и я за короткое время научу тебя всему, что имеет к нему отношение.

Эрагон большим пальцем покрутил кольцо с сапфиром, надетое на указательный палец, и попытался сразу определить, какой именно из видов магии его интересует более всего. В конце концов он сказал:

— Я бы хотел научиться вызывать духов.

Оромис слегка помрачнел, но возражать не стал.

— Хорошо, я сдержу данное тебе слово, Эрагон. Но помни: черная магия — искусство темное и не слишком достойное. Тебе не следует пытаться заполучить власть над иными существами для собственной выгоды. Даже если не принимать во внимание то, что подобные чары нарушают принципы морали, занятие подобными вещами исключительно опасно. Кроме того, это вообще дело очень непростое. Обычно магу требуется года три весьма интенсивных занятий, прежде чем он

сможет вызвать духа, будучи уверенным, что этот дух не подчинит себе его самого. Вызов духов вообще сильно отличается от всех прочих видов магии, Эрагон. Применяя подобные заклятья, ты ведь пытаешься заставить существа необычайно могущественные, а зачастую и настроенные весьма враждебно, повиноваться твоим приказам; и эти существа, будучи плененными тобой, постоянно будут выискивать брешь в наложенных тобой чарах, мечтая все свои силы направить против тебя, отомстить тебе, подчинить тебя себе. В нашей истории никогда не было случая, чтобы Шейд стал Всадником, и для нашей земли не было бы беды ужаснее, если бы такое случилось; пожалуй, это было бы хуже даже, чем предательство Гальбаторикса. Прошу тебя, попробуй выбрать какой-нибудь другой вид магии, менее опасный для тебя и для того дела, которому ты служишь.

— Ну, тогда, может быть, ты сообщишь мне мое истинное имя?

— Твои запросы растут с минуты на минуту, Эрагон-финиарель! Я, конечно, могу попытаться узнать твое истинное имя. Если сильно захочу. — Седовласый эльф пристально посмотрел на Эрагона, приковав его к месту своим тяжелым взглядом. — Да, думаю, что у меня это получится. Но я этого ни за что не сделаю. Истинное имя может иметь для магии огромное значение, но само по себе это не заклятье, а стало быть, оно не может быть включено в список того, что я тебе обещал. Если твое желание направлено на то, чтобы лучше понять самого себя, тогда постарайся выяснить свое истинное имя сам. Если бы я сообщил его тебе, это, безусловно, дало бы тебе кое-какие преимущества, но ты не сумел бы воспользоваться своим именем с должной мудростью, которую ты сможешь обрести лишь в том случае, если самостоятельно его отыщешь. Любые знания человек получает благодаря своим трудам. А уж мудрость и вовсе невозможно получить от других в подарок, сколь бы высоко ты не ценил и не уважал их.

Эрагон снова потеребил свое кольцо, неуверенно кашлянул и покачал головой:

— Ну, я не знаю... У меня, кажется, и вопросов-то больше не осталось...

— Сильно в этом сомневаюсь, — заметил Оромис.

Эрагону и впрямь никак не удавалось сосредоточиться на каких-то насущных проблемах; мысли его все время крутились вокруг одного: Элдунари и Бром. Потом он вдруг снова вспомнил всю ту последовательность странных событий, которые в итоге привели Брома в Карвахолл, а самого Эрагона превратили в настоящего Всадника, и некая мысль мелькнула у него в голове: «Ведь если бы Арья не...» Эрагон улыбнулся и спросил:

— Учитель, а ты не мог бы научить меня мгновенно перемещать предметы с места на место, как Арья проделала это с яйцом Сапфиры?

Оромис кивнул.

— Отличный выбор! Заклинание весьма ценное и может быть использовано в самых различных целях. Уверен, оно не раз докажет тебе свою ценность в твоих столкновениях с Гальбаториксом и его слугами. Да и Арья может подтвердить, сколь оно полезно.

Взяв бокал со стола, Оромис поднял его, и яркие солнечные лучи тут же сделали вино в нем почти прозрачным. Эльф некоторое время изучал переливающуюся влагу в бокале, потом сказал:

— Хочу известить тебя, прежде чем вы с Сапфирой отправитесь в город: тот, кого ты направил сюда, давно уже прибыл.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Эрагон понял, кого Оромис имеет в виду.

— Как! Слоан уже в Эллесмере? — удивился он.

— Да, он живет один в маленьком домике у ручья на западной окраине Эллесмеры. Смерть шла за ним по пятам, пока он плелся через лес, но мы исцелили его раны, и теперь он здоров. Эльфы приносят ему еду и одежду и вообще присматривают за ним, так что у него все в порядке. Они же сопровождают его, куда бы он ни пошел. Иногда они даже читают ему, но по большей части он предпочитает сидеть в одиночестве и ничего не отвечает тем, кто приходит его навестить. Дважды он пытался уйти от нас, но твои заклинания не дали ему этого сделать.

«Удивительно, как это он так быстро сюда добрался», — сказал Эрагон Сапфире.

«Видимо, твое заклятье оказалось сильнее, чем ты полагал».

«Наверное».

И Эрагон тихо спросил Оромиса:

— А вы не сумели вернуть ему зрение?

— Нет.

«Этот человек, что вечно плачет, сломлен изнутри, — вступил в разговор Глаэдр. — Да ему и не дано видеть как следует, так что глаза вряд ли особенно ему пригодились бы».

— Может, мне следует его навестить? — спросил Эрагон, не уверенный, ждут ли этого от него Оромис и Глаэдр.

— Это ты уж сам решай, — сказал Оромис. — Новая встреча с тобой может, по-моему, лишь расстроить его. Хотя именно ты несешь ответственность за наложенное на него наказание. И было бы неправильно, если бы ты совсем о нем позабыл.

— Нет, Учитель, я о нем никогда не забуду!

Оромис резким движением поставил бокал на стол и придвинулся ближе к Эрагону.

— День клонится к вечеру, — негромко сказал он, — и я не стану больше тебя задерживать, ибо тебе пора отдохнуть. Но есть еще одна вещь, которую нам следует обсудить, пока ты не ушел: твои руки. Можно мне их осмотреть? Хотелось бы узнать, что они теперь говорят о тебе. — И Оромис вытянул перед ним свои руки ладонями вверх.

Эрагон положил на них свои руки ладонями вниз, чуть вздрогнув от прикосновения тонких пальцев эльфа. Созданные им самим боевые мозоли бугрились на косточках, отбрасывая длинные тени на тыльную сторону ладоней, когда Оромис поворачивал его руки в разные стороны. Затем, чуть нажав ему на ладони, эльф перевернул руки Эрагона, изучая его ладони и внутреннюю поверхность пальцев.

— Ну, что ты там видишь? — осведомился Эрагон.

Оромис снова перевернул его руки и указал на мозоли:

— Теперь у тебя руки воина, Эрагон. Но постарайся, чтобы они не превратились в руки такого воина, которому кровавые военные забавы доставляют наслаждение.

ДРЕВО ЖИЗНИ

От Утесов Тельнаира Сапфира летела низко над волнующимся лесом и вскоре приземлилась на поляне, где росло дерево Меноа. Толстенное, толще, чем сотня сосен, росших вокруг, дерево это устремлялось ввысь подобно мощной колонне, и его куполообразная крона превышала тысячи футов в поперечнике. Его узловатые могучие корни, переплетаясь, расходились во все стороны от массивного, поросшего мхом ствола и занимали площадь в добрый десяток акров, а потом уходили глубоко в мягкую почву, исчезая под порослью более мелких деревьев. Рядом с деревом Меноа воздух был влажный, прохладный, пронизанный тонкими нитями тумана, точно порожденного мощными колючими ветвями и поившего кусты папоротника, в изобилии разросшиеся у основания ствола. По ветвям древнего дерева скакали рыжие белки, а из глубин его кроны, напоминавших густые заросли ежевики, доносились громкие крики и щебетание множества птиц. На поляне, как в прошлый раз, Эрагон почувствовал присутствие чьей-то весьма настороженной души — дерево хранило в себе останки эльфа, когда-то известного под именем Линнеа, чей дух теперь управлял и ростом дерева, и всем лесом вокруг.

Эрагон внимательно осмотрел землю меж корнями, ища хоть какие-нибудь признаки спрятанного здесь оружия, но, как и в первый раз, не обнаружил ничего, что было бы достойным внимания. Подняв кусок коры, валявшийся во мху у его ног, он показал его Сапфире:

«Ну, что скажешь? Если укрепить его достаточно мощными заклинаниями, можно будет убить им солдата?»

«Солдата ты сможешь и травинкой убить, если захочешь, — ответила она. — Но уж если выходить против

Муртага с Торном или против самого Гальбаторикса с его черным драконом, то ты с тем же успехом можешь вместо этой коры воспользоваться, скажем, комком мокрой ваты».

«Да, это верно». — И Эрагон отбросил кору прочь.

«По-моему, — продолжала Сапфира, — тебе не стоит валять дурака только для того, чтобы как-то оправдать совет этого Солембума».

«Да, конечно, но, может быть, стоило бы подойти к этой проблеме иначе, если я все же намерен заполучить новое оружие? Как ты сама говорила, им может оказаться и камень, и книга, и клинок. Или, может быть, посох, вырезанный из ветви этого дерева, — по-моему, это было бы весьма ценное оружие».

«Но вряд ли способное противостоять настоящему мечу».

«Да, пожалуй... К тому же я бы и не осмелился отламывать ветку, не испросив на то разрешения у самого дерева, но я даже не представляю, как можно было бы убедить его выполнить подобную просьбу».

Сапфира выгнула свою гибкую шею и посмотрела вверх, на крону дерева, потом мотнула головой и плечами, сбрасывая с себя капли влаги, которые уже успели покрыть ее чешую. Эрагон с криком отскочил, поскольку она обдала его настоящим дождем холодных капель.

«Если кто-то и попытается нанести ущерб дереву Меноа, — задумчиво промолвила Сапфира, — сомневаюсь, что он проживет достаточно долго, чтобы успеть почувствовать сожаления по поводу своего глупого, необдуманного поступка».

Они еще несколько часов бродили по поляне, и Эрагон все надеялся наткнуться на какую-то тайную щель между узловатыми корнями, где и обнаружит выступающий из земли угол сундука, в котором хранится заветный меч.

«Раз уж у Муртага есть Заррок, меч его отца, — думал он, — то и я по праву должен обладать мечом, который Руно-на сковала для Брома».

«Ага, и должного цвета, — прибавила Сапфира. — Его дракон, моя тезка, тоже был синим».

Наконец, преисполненный разочарования и отчаяния, Эрагон попытался установить мысленную связь с деревом

Меноа, желая объяснить ему, что он здесь ищет, и попросить о помощи. Впрочем, с тем же успехом он мог бы пытаться наладить мысленную связь с ветром или с дождем: могучее дерево никак не реагировало на его присутствие, видимо считая его чем-то вроде неприметного муравьишки, коснувшегося усиками его, дерева, сапог из толстенной коры.

Совсем опечаленные, Эрагон и Сапфира ушли с поляны, когда солнце уже касалось горизонта. Сапфира тут же полетела в самый центр Эллесмеры, ловко спланировала вниз и приземлилась на верхнем этаже того дерева-дома, который эльфы предоставили в их распоряжение. Дом представлял собой несколько шарообразных помещений, расположенных одно над другим в нескольких сотнях футов от земли.

В столовой Эрагона ждал ужин — фрукты, овощи, тушеные бобы и хлеб. Поев немного, он свернулся калачиком под боком у Сапфиры в застеленной одеялами выемке в полу, поскольку предпочитал ее общество приготовленной для него постели. Уснуть он не мог, ощущая невероятную готовность немедленно вскочить и действовать и постоянно слыша все, что творится вокруг. Сапфира, напротив, погрузилась в глубокий сон. А Эрагон все смотрел в небо, следя за движением звезд и любуясь залитым лунным светом лесом, думал о Броме, о своей матери и ее тайной жизни, и лишь ближе к утру провалился в сон, больше похожий на явь, и во сне наконец-то беседовал с обоими своими родителями. Правда, он не слышал, что они говорят, да и его собственный голос звучал весьма глухо, но каким-то образом отчетливо ощущал их любовь и гордость за него. Он прекрасно понимал, что это всего лишь видения, порожденные его душевной тревогой, его воспаленным воображением, но все равно с восторгом воспринимал их ласку и долго еще потом вспоминал и лелеял это драгоценное для него ощущение.

На заре тоненькая служанка-эльф провела Эрагона и Сапфиру по переплетающимся лесным тропкам к владению семьи Валтарос. Пока они шли под сенью высоких сосен, Эрагону пришло в голову, что город выглядит очень

пустынным и тихим по сравнению с тем, каким он предстал перед ними в первый раз: им встретилось всего трое эльфов — высокие, изящные, они словно растворились среди деревьев, неслышно ступая по земле.

«Когда эльфы уходят на войну, дома мало кто из них остается», — заметила Сапфира. Эрагон кивнул.

Лорд Фиолр уже ждал их в вестибюле своего дома, где под арочными сводами потолка плавали в воздухе несколько волшебных шаров-светильников. У Фиолра было длинное, вытянутое лицо, довольно жесткое и, пожалуй, с более острыми чертами, чем у большинства эльфов; Эрагону оно напомнило копье с узким наконечником. Он был в зеленых с золотом одеждах; высокий воротник торчком стоял у него сзади, точно шейное оперение какой-то экзотической птицы. В левой руке лорд держал жезл из светлого дерева с вырезанными на нем руническими письменами Лидуэн Кваэдхи. На конце жезла сверкала блестящая жемчужина.

Лорд поклонился им в пояс. Эрагон в ответ сделал то же самое. Затем они обменялись традиционными для эльфов приветствиями, и Эрагон поблагодарил лорда за то, что тот любезно разрешил им взглянуть на меч Тамерлин.

В ответ Фиолр сказал:

— Долго Тамерлин считался самым ценным сокровищем в нашей семье; особенно дорог он моему сердцу. Знаешь ли ты историю Тамерлина, Губитель Шейдов?

— Нет, — ответил Эрагон.

— Моей подругой была мудрая и прекрасная Наудра, а ее брат, Арва, был Всадником как раз во времена падения ордена. Наудра гостила у него в Илирии, когда на этот город, точно смерч, обрушился Гальбаторикс со своими Проклятыми. Арва храбро сражался, вместе с другими Всадниками обороняя город, но подлый Киаландри из числа Проклятых сумел нанести ему смертельный удар. И когда Арва лежал, умирая, на стенах Илирии, он передал свой меч Тамерлин сестре Наудре, чтобы та могла защитить себя. С Тамерлином в руке Наудра пробилась сквозь ряды Проклятых и сумела вернуться сюда вместе с еще одним Всадником и его драконом, но вскоре после этого она, увы, скончалась от ран, полученных в том страшном бою.

Лорд Фиолр одним пальцем погладил свой жезл, и в ответ жемчужина озарилась мягким светом.

— Тамерлин для меня столь же драгоценен, как воздух, которым я дышу; я скорее расстанусь с жизнью, чем отдам его кому-то. К сожалению, и я, и весь мой род не имеют права носить его. Тамерлин был выкован для Всадника, а мы отнюдь не принадлежим к этому славному ордену. Я хочу дать его тебе на время, Губитель Шейдов, чтобы он помог тебе в битве против Гальбаторикса. Однако меч остается собственностью нашего Дома Валтарос, и ты должен пообещать, что вернешь меч, если я или кто-то из моих наследников потребуем этого.

Эрагон дал слово, и тогда лорд Фиолр подвел их с Сапфирой к длинному полированному столу, выращенному из живого дерева. На одном конце стола стояла резная подставка, а на ней лежал меч Тамерлин и рядом — его ножны.

Клинок был густого зеленого цвета, как и его ножны. Головку рукояти украшал крупный изумруд. Весь прибор меча и ножен был откован из вороненой стали. Перекрестье гарды украшала рельефная чеканка — надпись на языке эльфов, означавшая: «Я — Тамерлин, дарящий вечный сон». По длине клинок был такой же, как Заррок, но шире; острие более закругленное, а рукоять — тяжелее. Это было прекрасное, смертоносное оружие, но Эрагон с первого взгляда понял, что Рунона выковала его для бойца, использующего иные приемы боя, чем он сам, — этот стиль фехтования более полагался на рубящие и секущие удары, нежели более быстрая и более изящная техника боя, которой Эрагона научил Бром.

Как только пальцы Эрагона сомкнулись на рукояти Тамерлина, он понял, что и рукоять эта ему не подходит: она была слишком велика для его ладони. Он с сожалением опустил меч. Нет, Тамерлин не мог стать продолжением его руки, как это было с Зарроком! И тем не менее, несмотря на разочарование, Эрагон все же колебался, прежде чем окончательно отказаться от столь великолепного клинка. Где еще мог он надеяться найти столь же прекрасный меч? Арвиндр, второй меч, о котором упомянул Оромис, находился в другом городе, в сотнях миль отсюда.

И тут он услышал мысли Сапфиры:

«Не бери его. В бою от него будут зависеть и твоя жизнь, и моя, а значит, оружие твое должно быть идеальным. Иного тебе и не нужно. И потом, мне очень не понравились условия, которые лорд Фиолр присовокупил к своему дару».

Эрагон, более не сомневаясь, решительно положил Тамерлин обратно на подставку. Затем извинился перед лордом Фиолром, объяснив, почему не может принять этот меч, и заметил, что узколицего эльфа это не слишком расстроило. Эрагону показалось даже, что в его суровых глазах мелькнуло нечто вроде глубокого удовлетворения, даже радости.

Из дома, принадлежавшего семье Валтарос, Эрагон с Сапфирой направились по глухим закоулкам лесного города к знакомому туннелю, образованному зарослями кизила, который вел к открытому атриуму в центре дома Руноны. На выходе из туннеля Эрагон услышал звон молота, бившего по зубилу, и сразу увидел Рунону. Она сидела на скамье возле открытого кузнечного горна, установленного в центре атриума, и обрабатывала лежавший перед нею брусок из полированной стали. Что она из него вырубала, Эрагон пока понять не смог: брусок был еще совсем грубо обработан и ничего определенного в нем разглядеть было нельзя.

— Ну что, Губитель Шейдов, жив еще? — приветствовала его Рунона, не отрываясь от своего занятия. Низкий голос ее звучал хрипло, как грубые мельничные жернова. — Оромис сказал мне, что ты лишился Заррока и его забрал себе сын Морзана.

Эрагон поморщился и кивнул, хотя эльфийка даже не смотрела в его сторону.

— Да, Рунона-элда. Он отнял его у меня во время сражения на Пылающих Равнинах.

— Хм-м... — Рунона вновь принялась колотить молотом по зубилу, потом вдруг приостановила свое занятие и сказала: — Значит, тот меч нашел своего истинного хозяина. Мне, правда, очень не нравится, для чего этот парень — как там его зовут? Ага, Муртаг! — пользуется своим мечом, но любой всадник заслуживает приличного меча, а для сына Морзана

нет ничего лучшего, чем меч самого Морзана. — Тут она наконец посмотрела исподлобья прямо на Эрагона. — Ты пойми меня правильно, Губитель Шейдов: я бы, несомненно, предпочла видеть Заррок по-прежнему у тебя, но еще больше порадовалась бы тому, чтобы в твоих руках оказался меч, для тебя и изготовленный. Заррок, кажется, неплохо тебе послужил, но он тебе не годился, не подходил он тебе, и все. И даже не вздумай упоминать при мне о Тамерлине. Это ж полная дурость — думать, что ты мог бы им владеть!

— Ну, ты же и сама видишь, — ответил Эрагон, — что я так и не взял его у лорда Фиолра.

Рунона кивнула и снова взялась за молоток.

— Вот и хорошо, — заметила она.

— Если Заррок — достойный меч для Муртага, — сказал Эрагон, — тогда меч Брома должен оказаться подходящим оружием для меня, верно?

Рунона так нахмурилась, что брови ее сошлись в одну линию:

— Ундбитр? Почему это ты вспомнил про клинок Брома?

— Потому что Бром был моим отцом, — ответил Эрагон и ощутил невероятную радость, потому что наконец имел полное право сказать так.

— Да неужто? — Отложив в сторону молот и зубило, Рунона вышла из-под крыши над горном и воздвиглась перед Эрагоном. Стояла она, чуть сгорбившись, — следствие столетий, проведенных в скрюченном положении над рабочим верстаком, и в силу этого казалась на пару дюймов ниже его. — Хм-м-м... Да! Похож, безусловно, похож! Грубый он был, этот Бром; говорил всегда то, что думает, и в словах не стеснялся. Мне, правда, это нравилось. А вот то, во что мой народ превратился, мне совсем не по нраву! Все какие-то чересчур вежливые стали, чересчур утонченные, чересчур изысканные! Ха! Да я еще хорошо помню времена, когда эльфы умели веселиться и сражаться, как все прочие нормальные существа! А теперь они настолько ушли в себя, что у многих эмоций не больше, чем у мраморной статуи!

«Ты имеешь в виду, — спросила Сапфира, — тех эльфов, какими они были *до* объединения наших рас?»

Рунона хмуро на нее глянула:

— Приветствую тебя, Сверкающая Чешуя! Да, я говорила о тех временах, когда эльфы и драконы еще не заключали союза между двумя народами. Те изменения, что я наблюдаю с той поры у обоих народов, даже ты вряд ли сочла бы возможными, однако они, увы, имеют место быть, и я — одна из немногих, кто еще помнит, какими и мы, и вы, драконы, были прежде.

После чего Рунона снова перевела взгляд на Эрагона:

— Ундбитр вряд ли поможет тебе решить проблему оружия. Бром потерял свой меч во времена крушения ордена Всадников. Его нет также и в оружейной коллекции Гальбаторикса, а значит, он, скорее всего, был уничтожен или же лежит где-то, засыпанный землей, среди костей тех, кто пал во время какой-то всеми забытой битвы. И даже если еще и можно найти, ты все равно не успеешь это сделать до того, как тебе вновь придется сразиться со своими врагами.

— Но что же мне делать, Рунона-элда? — воскликнул Эрагон. И рассказал ей о своем скрамасаксе, который выбрал в оружейной у варденов, о тех заклятьях, которыми усилил свой клинок, и о том, как этот короткий меч подвел его в туннелях под Фартхен Дуром.

Рунона фыркнула.

— Нет, такое оружие тебе, конечно же, не годится. Когда клинок откован и закален, его, конечно, можно защитить каким угодно множеством заклятий, но сам-то металл останется прежним. Тот явно был слабоват. Всаднику нужен меч, который способен выдержать самый страшный удар, меч, который устоит перед любой магией. Нет! Заклинания нужно произносить, пока сталь еще только плавится, и еще потом, когда ее куют, — только так можно изменить и улучшить структуру металла.

— И как же мне заполучить такой меч? — спросил Эрагон. — Может быть, ты изготовишь его для меня, Рунона-элда?

Морщины на лице Руноны, казалось, стали еще глубже. Она почесала себе левый локоть, и мощные мышцы на ее обнаженной руке напряглись.

— Ты же знаешь: я поклялась больше никогда в жизни не делать оружия.

— Да, знаю.

— Меня связывает моя клятва; я не могу нарушить ее, сколько бы сама этого ни хотела. — Продолжая почесывать себе локоть, Рунона отошла обратно к своей скамье и села перед верстаком с незаконченной работой. — Да и зачем мне это, Всадник? Скажи, зачем мне выпускать в мир еще одного похитителя душ?

Очень осторожно подбирая слова, Эрагон ответил:

— Потому что если ты изготовишь его для меня, то поможешь приблизить конец царствования Гальбаторикса. Разве не послужит тебе достойной наградой то, что мне, может быть, удастся его убить с помощью клинка, который выковала ты? Ведь именно мечами твоей работы Гальбаторикс и его Проклятые сразили стольких драконов и стольких Всадников. Тебе все это страшно не нравится, но ведь можно и уравнять счет, если ты создашь меч, который покончит с Гальбаториксом.

Рунона скрестила руки на груди и посмотрела в небо.

— Меч... — задумчиво произнесла она. — Новый меч. После столь долгого перерыва снова взяться за старое... — Она потупилась. Потом мотнула подбородком в сторону Эрагона. — Нет, наверное, существует какой-то другой способ тебе помочь... Только спорить об этом бесполезно: я за это даже браться не стану.

«Почему это?» — спросила Сапфира.

— Потому что у меня нет металла, который для этого потребен! — буркнула Рунона. — Вы что же, думаете, я ковала мечи для Всадников из обычной стали, да? Ничего подобного! Когда-то давно бродила я как-то по лесу и наткнулась на обломки упавшей на землю звезды. В этих обломках я обнаружила такую железную руду, какой никогда раньше не встречала. В общем, я перетащила все это к себе в кузню, выплавила, смешала, обработала, и в итоге получилась сталь, которая была куда более твердой и гибкой, чем любой другой металл земного происхождения. Я назвала ее Сверкающей, потому что она и впрямь блестела и сверкала,

и, когда королева Тармунора попросила меня выковать первый меч для Всадников, я пустила в дело именно эту, Сверкающую Сталь. И после этого я при любой возможности принималась искать в лесу обломки упавшей звезды. Мне, правда, редко удавалось что-то найти, но иногда все же везло, и я всегда приберегала куски этой руды для того, чтобы сковать новый меч для Всадника. С тех пор прошло немало столетий, и такие обломки попадались все реже, пока я не пришла к мысли, что их там и вовсе уже не осталось. Последний, например, я искала целых двадцать четыре года. Из него я выковала семь мечей, в том числе Ундбитр и Зарок. После падения и гибели Всадников я только один раз выходила на поиски звездной руды — вчерашней ночью, после того как Оромис рассказал мне о тебе. — Рунона, склонив голову набок, устало посмотрела на Эрагона. — Куда я только ни заглядывала, каких только заклинаний, помогающих в поисках, ни пускала в ход, но так ничего и не нашла. Ни одного кусочка! Конечно, если бы что-то нашлось, можно было бы и подумать о мече для тебя, Губитель Шейдов. В противном случае наш разговор — не более чем бессмысленное сотрясение воздуха.

Эрагон почтительно поклонился старой оружейнице, поблагодарил ее, и они с Сапфирой пустились в обратный путь по зеленому туннелю из кустов *кизила*.

Пока они пробирались к поляне, с которой Сапфира могла взлететь, Эрагон мысленно сказал ей:

«Сверкающая Сталь! А ведь, пожалуй, именно это и имел в виду Солембум. Мне кажется, что под корнями дерева Меноа как раз и скрываются обломки той звездной руды».

«Почему ты так решил?»

«Не знаю. А что, если само дерево сообщило ему об этом? Впрочем, какая разница!»

«Есть там звездная руда или нет, но ты мне скажи, как нам до нее добраться? Как добраться до того, что находится под корнями этого величайшего дерева? Ведь нам сквозь корни Меноа никогда не прорубиться! Да мы и не знаем, где копать и рубить».

«А вот это мне необходимо как следует обдумать».

...Взлетев с поляны близ дома Руноны, Эрагон с Сапфирой направились прямиком к Утесам Тельнаира, где их уже ждали Оромис и Глаэдр. Едва успев сесть и спустить Эрагона на землю, Сапфира вместе с Глаэдром снова взмыла в небеса, прыгнув с обрыва, и оба дракона закружились в вышине, словно танцуя и наслаждаясь полетом и обществом друг друга.

А пока они танцевали среди облаков, Оромис учил Эрагона тому, как мгновенно переносить предмет с одного места на другое, чтобы при этом переносимый предмет как бы и не пересекал пространство между этими двумя точками.

— Использование магии в большинстве случаев, — говорил Оромис, — требует тем больше энергии, чем больше расстояние между магом и его целью. Но в данном случае расстояние значения не имеет. Тебе потребуется одно и то же количество энергии, чтобы перенести вот этот камень, что я держу в руке, и на ту сторону ручья, и на Южные острова. Именно поэтому данное заклинание особенно полезно, когда нужно переправить что-то на столь большое расстояние, что любая попытка сделать это с применением обычных магических способов не только лишила бы тебя сил, но и убила бы. Однако же и это заклинание требует немало энергии, так что к нему следует прибегать лишь в том случае, когда все остальные заклятья оказались бессильны. Чтобы переместить в пространстве такой крупный предмет, как, скажем, яйцо Сапфиры, от тебя потребуется столько сил, что после этого ты попросту упадешь и даже пальцем пошевелить не сможешь.

Оромис научил Эрагона всему необходимому набору слов древнего языка и даже подсказал несколько возможных вариантов данного заклинания. Когда эльф остался доволен тем, как Эрагон усвоил преподанный ему урок, то предложил ему попробовать переместить небольшой камешек, который держал в руке.

Как только Эрагон произнес заклинание до конца, камешек исчез с ладони Оромиса и момент спустя возник в центре полянки перед домом, отметив это вспышкой синего света, легким взрывом и волной обжигающе-горячего

воздуха. Эрагон от неожиданности даже пригнулся и отскочил в сторону, ухватившись за ветку, чтобы не упасть, потому что колени у него вдруг подогнулись и по всему телу пробежала волна леденящего холода. У него даже волосы встали дыбом, когда он увидел, как этот камень лежит, окруженный полегшей обугленной травой: ему сразу вспомнилось, как он впервые увидел яйцо Сапфиры.

— Отлично, — похвалил его Оромис. — А теперь скажи, как ты думаешь, почему камень издал такой звук, когда вновь материализовался посреди поляны?

Вообще-то Эрагон очень внимательно слушал все наставления Оромиса, однако из головы у него не шли мысли о дереве Меноа. Он чувствовал, что и Сапфира, парящая у них над головой, думает о том же. Однако чем больше он размышлял об этом, тем сильнее отчаивался, не видя выхода.

Закончив урок по перемещению предметов в пространстве, Оромис спросил:

— Раз ты отклонил предложение лорда Фиолра и не взял Тамерлин, то, видимо, вы с Сапфирой еще некоторое время пробудете в Эллесмере?

— Не знаю, Учитель, — сказал Эрагон. — У меня есть еще кое-какие идеи насчет дерева Меноа, но если ничего не получится, тогда, конечно, нам придется поскорее отправиться обратно в лагерь варденов, причем с пустыми руками.

Оромис кивнул:

— Но я надеюсь, вы перед отправкой туда еще разок заглянете ко мне вместе с Сапфирой?

— Конечно, Учитель.

Уже летя к дереву Меноа с Эрагоном на спине, Сапфира спросила:

«Но если в первый раз у нас ничего не вышло, зачем пытаться снова?»

«Теперь выйдет. Должно выйти. И потом, разве у тебя есть какие-то идеи получше?»

«Нет. Но и твоя затея мне не нравится. Кто его знает, как это дерево на нее отреагирует. Помнишь, ведь Линнеа,

прежде чем с помощью песни соединиться с деревом, убила того юношу, который предал ее любовь. Она ведь и на этот раз может прибегнуть к смертоубийству».

«Не посмеет, пока ты меня защищаешь».

«Хм... Сомнительно...»

Негромко шурша крыльями, Сапфира приземлилась на узловатый, похожий на сжатый кулак корень, в нескольких сотнях футов от ствола вылезший из земли. Белки, сновавшие по огромной сосне, тут же подняли жуткий шум, предупреждая своих сородичей об опасности.

Эрагон сполз с Сапфиры на корень, вытер ладони о штаны и пробормотал:

— Ну что ж, не будем терять времени.

Легко ступая, он прошел по корню до самого ствола, расставив руки в стороны и удерживая равновесие. Сапфира последовала за ним, но куда медленнее, то и дело ломая лапами ветки и обдирая когтями кору на выступающих из *земли корнях дерева Меноа.*

Эрагон присел на скользком корне у самого ствола, крепко вцепившись пальцами в лопнувшую кору. Он дождался, пока Сапфира подойдет и встанет рядом, грозно *возвышаясь над ним, затем* закрыл глаза, глубоко вдохнул прохладный, влажный воздух и направил свои мысли в сторону дерева.

Дерево Меноа не сделало никаких попыток пресечь его попытку установить с ним мысленную связь; его внутренний мир был столь огромен и чужд этому человеку, столь сильно переплетен с внутренним миром всех прочих лесных растений и обитателей, что ему и не требовалось защищать себя. Любому, кто попытался бы захватить власть над мыслями этого дерева, пришлось бы как-то контролировать и все бескрайнее пространство леса Дю Вельденварден, а это, пожалуй, никому было не под силу.

От дерева Меноа явственно исходило ощущение тепла, света и земной мощи, ибо именно в земле покоились и существовали его корни на расстоянии сотен ярдов во всех направлениях: Эрагон ощущал дуновение легкого ветерка, прорывавшегося сквозь спутанные ветви, ток липкой

смолы, вытекавшей из трещины в коре; примерно такие же ощущения исходили и от других деревьев, среди которых главенствовала эта гигантская сосна. Однако, по сравнению с ощущением настороженной бдительности, которое исходило от дерева Меноа во время праздника Клятвы Крови, сейчас казалось, что оно вроде как спит; Эрагон с трудом сумел заметить все же некую внутреннюю настороженность этого невероятного растения, весьма, впрочем, заторможенную и неясную. Он так и не смог понять, что это за тайные мысли ворочаются в сознании Меноа.

Собрав все душевные силы, он мысленно обратился к дереву:

«Прошу тебя, выслушай меня, о, величайшее из деревьев! Мне очень нужна твоя помощь! Вся наша земля ввергнута сейчас в войну; даже эльфы покинули безопасные пределы леса Дю Вельденварден, а у меня, Всадника, нет даже меча, чтобы сразиться с врагом! Кот Солембум говорил, что оружие мне следует искать под твоими корнями. О, великое дерево, это время пришло! Мне очень нужен меч. Умоляю тебя, выслушай мою просьбу, помоги мне!»

Одновременно Эрагон создавал мысленные образы Торна и Муртага, огромной армии Гальбаторикса, кое-какие свои воспоминания о событиях в Карвахолле и былых сражениях, и Сапфира поддерживала его усилия мощью своего сознания.

Эрагон полагался не только на силу слов и образов. Из своей и Сапфириной души он направил в дерево непрерывный поток магической энергии — то был их чистосердечный дар дереву Меноа, который, как надеялся Эрагон, пробудит любопытство этого великана.

Но прошло несколько минут, а дерево и не думало отвечать им. Оно вообще словно не замечало их присутствия. Однако Эрагон и не думал прекращать свои попытки растормошить его. Он считал, что деревья вообще мыслят гораздо медленнее людей или эльфов, а потому не следует ждать, что оно тут же откликнется на их просьбу.

«Нам нельзя расходовать слишком много энергии, если мы хотим вовремя вернуться к варденам», — предупредила

Эрагона Сапфира. Он кивнул и неохотно остановил поток энергии, льющийся из их душ.

Пока они пытались дозваться до дерева Меноа, солнце успело достигнуть зенита и стало спускаться к западу. Над головой летели облака, гонимые ветром; они то собирались в кучу, то расползались и исчезали вдали. Вокруг Эрагона и Сапфиры порхали встревоженные птицы, недовольно цокали белки, бабочки перелетали с места на место, мимо сапог Эрагона прошествовала колонна рыжих муравьев, сжимавших мощными челюстями маленькие белые яйца.

Наконец Сапфира не выдержала, и от ее сердитого рычания все птицы и зверьки тут же в страхе бросились прочь.

«Довольно унижаться! — заявила она. — Я дракон, я не потерплю подобного пренебрежения даже от столь великого дерева!»

«Не надо, погоди!..» — крикнул Эрагон, почувствовав ее намерение, но Сапфира его не слушала.

Немного отступив от ствола, она нагнулась и, с силой вцепившись когтями в корень под своим брюхом, могучим рывком вырвала его из земли, разодрав на три части.

«Ну, давай, ответь нам, эльфово дерево!» — рявкнула она и откинула назад голову, как змея, которая собирается укусить. Из пасти ее вырвался сноп пламени, окутав ствол дерева вихрем бело-синего огня.

Прикрывая лицо, Эрагон отпрыгнул в сторону, спасаясь от жара, и в ужасе крикнул:

«Сапфира, прекрати!»

«Я прекращу, когда оно нам ответит!»

И тут на землю обрушился настоящий дождь. Подняв голову, Эрагон увидел, что ветви гигантской сосны дрожат и качаются в усиливающемся волнении. В воздухе стоял громкий скрип — это ветви терлись о ветви. В лицо Эрагону дохнул ледяной ветер, а откуда-то из-под ног донесся глухой рокот. Оглядевшись вокруг, он заметил, что деревья, росшие по краям поляны, словно стали вдруг выше и мощнее, чем прежде, и ветви их так и тянутся к ним, угрожая и становясь похожими на когти чудовища. Ему стало страшно.

«Сапфира!..» — мысленно позвал он и присел, не зная, то ли пора бежать отсюда, то ли надо обороняться.

Закрыв пасть и перестав испускать пламя, Сапфира отвернулась от дерева Меноа и, увидев кольцо угрожающе ощетинившихся деревьев, воинственно выгнула спину. Вся чешуя на ней встала дыбом, как шерсть на разъяренной кошке. Она зарычала, мотая головой, развернула крылья и стала потихоньку отступать от дерева Меноа.

«Быстрей полезай ко мне на спину!»

Но прежде чем Эрагон успел сделать хоть шаг, корень толщиной с его руку вырвался из земли и обвился вокруг его левой лодыжки, не давая ему сойти с места. Еще более толстые корни вылезли по обе стороны от Сапфиры, крепко удерживая ее за лапы и хвост. Сапфира яростно взвыла и выгнула шею, выбросив новый поток огня.

Но пламя тут же угасло, потому что и она, и Эрагон услышали мысленный шепот дерева, напоминавший *неторопливый* шорох опавшей листвы:

«Кто смеет нарушить мой покой? Кто смеет жечь и кусать меня? Назовитесь, чтобы стало известно, кого я убиваю».

Эрагон зашипел от боли, так сильно корень сдавил ему ногу. Еще немного, и кость переломится.

«Я — Эрагон, Губитель Шейдов, а это мой дракон, с которым я связан неразрывными узами, Сапфира, Сверкающая Чешуя».

«Так умрите же, Эрагон, Губитель Шейдов, и Сапфира, Сверкающая Чешуя!»

«Погоди! — крикнул Эрагон. — Я назвал еще не все наши имена!»

Дерево долго молчало, потом велело:

«Тогда продолжай».

«Я — последний свободный Всадник в Алагейзии. А Сапфира — последний оставшийся в живых дракон женского пола. Возможно, мы с ней единственные, кто еще может победить предателя Гальбаторикса, который уничтожил орден Всадников и завоевал половину Алагейзии».

«Почему ты ранил меня, дракон?» — прошелестел голос дерева.

Сапфира оскалила зубы:

«Потому, что ты не пожелало говорить с нами, эльфово дерево! И потому, что Эрагон утратил свой меч, а этот

кот-оборотень велел ему искать новый под твоими корнями. Мы и искали, да только ничего не нашли».

«Ну что ж, значит, ваша смерть будет совершенно бессмысленной: под моими корнями нет никакого оружия».

В отчаянной попытке заставить дерево продолжать разговор Эрагон сказал:

«Но, может быть, кот-оборотень имел в виду Сверкающую Сталь? Ту звездную руду, из которой Рунона выплавляет металл для своих мечей? Без этой руды она не берется изготовить мне меч настоящего Всадника».

Поверхность земли пошла волнами, когда часть корней дерева Меноа вдруг сдвинулась в сторону, вызвав этим настоящую панику среди кроликов, мышей, землероек, кротов и прочих мелких существ, потревоженных в своих норах и убежищах; все они стремглав бросились через *всю* поляну к спасительному лесу.

Краем глаза Эрагон заметил, что к ним бегут несколько десятков эльфов. Их волосы на бегу были похожи на флажки боевых копий. Молча, как привидения, эльфы замерли под сенью окружавших поляну деревьев, глядя на Эрагона и Сапфиру, но ни один не сделал попытки хотя бы приблизиться к ним или чем-то помочь.

Эрагон уже хотел было мысленно воззвать к помощи Оромиса и Глаэдра, когда голос дерева опять зазвучал у него в ушах:

«Кот-оборотень знал, о чем говорил. Да, некое количество звездной руды действительно зарыто в землю на краю поляны, у самых моих корней. Но вы эту руду не получите. Вы кусали и жгли меня, я вам этого никогда не прощу».

Тревога и невероятное возбуждение охватили Эрагона, когда он это услышал.

«Но ведь Сапфира — последняя самка дракона! — воскликнул он. — Неужели ты сможешь убить ее!»

«Драконы выдыхают огонь, — прошелестел ответ, и по деревьям вокруг поляны прокатилась волна дрожи. — Огонь должен быть погашен».

Сапфира снова зарычала:

«Но если мы не остановим того, кто погубил Всадников, он явится сюда и сожжет весь лес вокруг, а потом уничтожит

и тебя, эльфово дерево! А если ты поможешь нам, его еще, может быть, удастся остановить».

Ветви дерева Меноа с такой силой заскрипели, скребясь друг о друга, что по всей поляне разнеслось скрипучее эхо.

«Если он попытается погубить моих детей, — твердо сказало дерево, — он умрет, ибо никто не обладает такой силой, как весь наш лес. Никто не может надеяться победить нас, знайте это. Знайте, что я говорю от имени всех деревьев Дю Вельденвардена».

«Разве мы не передали тебе достаточно магической энергии, чтобы залечить нанесенные нами раны? — спросил Эрагон. — Разве это недостаточная компенсация?»

Дерево Меноа не ответило, и Эрагон почувствовал, как оно прощупывает его мысли — казалось, у него в мозгу ветер прошел.

«Кто ты такой, Всадник, и что ты из себя представляешь? Я знаю всех, кто живет в нашем лесу, но тебя никогда не встречало».

«Я не эльф, хотя уже и не человек, — ответил Эрагон. — Я нечто среднее. Драконы изменили мою сущность во время праздника Клятва Крови».

«А зачем они изменили твою сущность, Всадник?»

«Чтобы я мог успешнее сражаться с Гальбаториксом и его Империей».

«Я помню это... помню, как земля словно встала дыбом во время этого праздника... Но мне казалось, что вряд ли это имеет особое значение... Впрочем, меня теперь мало что волнует, разве что солнце и дождь».

«Мы залечим раны, нанесенные твоему стволу и твоим корням, если ты этого хочешь, только, пожалуйста, отдай нам звездную руду», — сказал Эрагон.

Деревья вокруг закачались, заскрипели, застонали, словно потерянные души, и снова в ушах Эрагона послышался тихий, усыпляющий голос дерева Меноа:

«А ты отдашь мне взамен то, что я хочу, Всадник?»

«Отдам!» — без колебаний заявил Эрагон. Какая бы ни была названа цена, он все готов был отдать за настоящий меч Всадника.

Крона дерева Меноа словно застыла; на несколько минут на поляне воцарилась полная тишина; потом земля вдруг задрожала, и корни под ногами у Эрагона вылезли из земли. Они принялись вращаться, тереться друг о друга, разбрасывая в стороны куски коры, затем раздвинулись, и из влажной земли на поверхность вылез странный ком, более всего напоминающий ржавый железный брусок длиной примерно в два фута и шириной в полтора. Когда этот кусок руды оказался на поверхности среди разрытой жирной почвы, Эрагон ощутил под ложечкой слабый, но болезненный укол. Он поморщился и невольно коснулся рукой этого места, но боль почти сразу прошла. Корень, цепко державший его за щиколотку, убрался обратно в землю; туда же исчезли и корни, удерживавшие Сапфиру.

«Вот она, твоя руда, — прошептало дерево Меноа. — Бери и уходи».

«Однако...» — начал было Эрагон.

«Уходи... — повторило дерево затихающим голосом. — Уходи...»

И мысленная связь между ними прервалась. Вскоре Эрагон уже почти не ощущал его сознания. Да и старые сосны вокруг поляны словно расслабились; они отступили назад, приняв прежнее положение.

— Однако!.. — произнес Эрагон уже вслух, удивленный тем, что дерево Меноа так и не сказало ему, чего же оно хотело взамен.

Все еще с трудом соображая, он подошел к куску руды, подсунул под него ладони и приподнял, даже крякнув от натуги, таким тяжелым оказался этот невзрачный комок. Прижимая его к груди, он повернулся к дереву спиной и двинулся прямиком к дому Руноны.

Сапфира, обнюхав кусок звездной руды, последовала за Эрагоном.

«Ты был прав, — призналась она на ходу, — мне не следовало нападать на это дерево».

«Ну что ж, зато мы получили звездную руду, — сказал Эрагон. — А дерево... Я так и не знаю, получило ли оно то, что хотело, но мы-то свое получили, и это самое главное».

Эльфы, сгрудившись вдоль тропы, по которой шел Эрагон, смотрели на них с Сапфирой так напряженно и пронзительно, что Эрагон ускорил шаг, чувствуя, что волосы у него на голове отчего-то встают дыбом. Никто из эльфов не проронил ни слова; они лишь глядели на них своими раскосыми глазищами, словно наблюдая за опасным зверем, пробиравшимся среди жилых домов.

Из ноздрей Сапфиры вырвался клуб дыма.

«Если Гальбаторикс не успеет убить нас первым, думаю, мы еще пожалеем о сегодняшнем приключении», — заметила она.

УМ И СИЛА

— И где вы это нашли? — потребовала ответа Рунона, когда Эрагон, едва переставляя от усталости ноги, ввалился к ней во двор и бросил на землю кусок звездной руды.

Эрагон вкратце рассказал ей о совете Солембума и о том, как отнеслось к ним дерево Меноа.

Присев на корточки возле комка руды, Рунона погладила его шероховатую поверхность, ощупывая пальцами отчетливые вкрапления почти чистого металла.

— Ты либо слишком глуп, либо очень смел. Разве можно так обращаться с деревом Меноа? Оно вообще-то не терпит подобных вольностей, — заметила старая эльфийка.

«Здесь хватит металла на меч?» — спросила Сапфира.

— Даже на несколько мечей, если меня не обманывает прежний глазомер, — сказала Рунона, поднимаясь на ноги. Она оглянулась на свой горн в центре двора, хлопнула в ладоши, и глаза ее вспыхнули нетерпением и решительностью. — Итак, за дело! — провозгласила она. — Тебе нужен меч, Губитель Шейдов? Очень хорошо! Я скую тебе меч, подобного которому еще не видели в Алагейзии!

— А как же твоя клятва? — спросил Эрагон.

— Можешь пока о ней забыть. Когда вы должны вернуться к варденам?

— Мы должны были улететь обратно в тот же день, когда прибыли сюда.

Рунона помолчала с непроницаемым видом, потом решительно заявила:

— Значит, придется поспешить, хотя с такой работой вообще-то спешить нельзя, и воспользоваться магией, хотя работа над таким мечом обычно требует нескольких

недель. Но вы с Сапфирой будете мне помогать. — Это был не вопрос, а утверждение, но Эрагон на всякий случай все же кивнул в знак согласия. — Ладно, ночь не поспим, зато к завтрашнему утру у тебя, Губитель Шейдов, будет меч.

Чуть согнув колени, Рунона наклонилась и без каких бы то ни было видимых усилий подняла кусок руды с земли и понесла его к своему верстаку, где лежала ее неоконченная работа.

Эрагон снял котту и нижнюю рубашку, чтобы не попортить их во время предстоящей работы; вместо них Рунона дала ему плотно облегающую тело куртку и матерчатый фартук, специально обработанные, чтобы стать невосприимчивыми к огню. Сама она оделась так же. Когда Эрагон спросил у нее насчет рукавиц, она покачала головой:

— Рукавицы надевают только неумелые кузнецы.

После чего она повела его в низкое, похожее на грот дупло в стволе одного из деревьев, из которых был выращен ее дом. Внутри этого помещения Эрагон увидел мешки с древесным углем и кучи беловатых глиняных кирпичей. С помощью заклинаний Эрагон и Рунона перенесли несколько сотен кирпичей к находившемуся посреди двора кузнечному горну; затем проделали то же самое с мешками угля, каждый из которых был высотой с человека.

Когда все исходные материалы были подготовлены, Рунона с Эрагоном сложили плавильную печь для руды. Это оказалось делом довольно сложным, однако Рунона не пожелала слишком часто пользоваться магией, а потому с печью они провозились большую часть второй половины дня. Сначала выкопали квадратную яму футов пять в глубину, затем заполнили ее вперемежку слоями песка, гравия, глины, древесного угля и золы, оставляя в каждом пустоты и каналы для выхода влаги, которая иначе снизила бы температуру в плавильной печи. Когда содержимое ямы достигло уровня земли, они возвели над нею лоток из кирпичей, используя в качестве раствора размоченную в воде глину. Нырнув в дом, Рунона вернулась с парой кузнечных мехов, которые они присоединили к отверстиям в основании лотка.

После чего был устроен короткий перерыв, во время которого они перекусили хлебом с сыром, и Рунона, положив

в лоток связку сухих веток, подожгла их с помощью магии, а когда огонь разгорелся, уложила на него несколько сухих, выдержанных дубовых поленьев. Потом примерно в течение часа она поддерживала огонь — заботливо и тщательно, точно садовник, ухаживающий за розами, — пока дрова не прогорели, оставив кучу пылающих углей. Тогда Рунона кивнула Эрагону и сказала:

— Ну, давай!

Эрагон поднял кусок руды и осторожно опустил его на лоток. Когда жар стал невыносимым, он выпустил руду и отскочил назад. Из лотка фонтаном посыпались искры, похожие на рой светлячков. Затем Эрагон насыпал поверх руды и раскаленных углей толстый слой древесного угля, служившего основным топливом для плавильной печи.

Затем, отряхнув с ладоней угольную пыль, он взялся за ручки одного из кузнечных мехов и принялся качать в печь воздух. Рунона занялась тем же, работая со вторыми мехами по другую сторону печи. Совместными усилиями они подавали в печь достаточно воздуха, чтобы огонь горел как можно жарче.

Чешуя на груди и на шее Сапфиры переливалась всеми цветами радуги, отражая пляшущее в печи пламя. Она устроилась в нескольких ярдах от нее, не сводя глаз с раскаленного жерла.

«А знаете, я, пожалуй, могла бы вам в этом помочь, — вдруг сообщила она. — Чтобы расплавить эту руду, мне понадобится не более минуты».

— Да, наверное, — сказала Рунона, — но если руда расплавится слишком быстро, металл не успеет соединиться с углем и стать достаточно твердым и гибким, как требуется для меча. Придержи пока свой огонь, драконица. Он нам еще понадобится.

От жара и возни с мехами Эрагон весь покрылся потом; его голые руки блестели в отсветах пламени.

Через определенные промежутки времени они с Руноной переставали качать воздух и подбрасывали в огонь новую порцию угля.

Работа была монотонная и утомительная; вскоре Эрагон совершенно потерял счет времени. Непрерывный рев

пламени, твердые ручки мехов, свист вырывающегося из печи раскаленного воздуха да неотрывный взгляд Сапфиры — казалось, ничего иного вокруг него и не существует.

Так что он даже вздрогнул от неожиданности, когда Рунона вдруг сказала:

— Ну, все, хватит качать.

Вытирая мокрый лоб, Эрагон помог ей выгрести из печи пылающие угли и сбросить их в бочку с водой. Попадая в воду, угли шипели, испуская клубы едкого дыма.

Когда они наконец очистили печь, то увидели на дне лотка озерцо раскаленного добела металла — шлаки и всякие примеси выгорели или были выведены из металла в процессе плавки. Рунона хорошенько присыпала металл тонко измельченной золой, затем прислонила свою лопату к стенке печи и отошла к горну, присев возле него на скамью.

— Ну, что теперь? — спросил Эрагон.

— Теперь нужно ждать.

— Чего?

Рунона жестом указала на небо, где последние лучи заходящего солнца освещали груду кучевых облаков, окрашивая их в красные, пурпурные и золотистые тона.

— Когда обрабатываешь металл ковкой, нужно, чтобы было темно — только тогда можно правильно почувствовать его цвет. К тому же Сверкающей Стали требуется немного остыть, чтобы стать достаточно мягкой для последующей обработки.

Она распустила собранные на затылке волосы, снова собрала их в пучок и связала шнурком.

— А пока что давай поговорим о твоем будущем мече. Как ты обычно сражаешься — одной рукой или двумя?

Эрагон подумал с минуту, потом сказал:

— По-разному бывает. Если у меня есть выбор, я предпочитаю фехтовать одной рукой, а в другой держать щит. Однако обстоятельства не всегда складываются благоприятно, так что нередко приходится драться без щита. Тогда мне удобнее, конечно, держать рукоять обеими руками, чтобы иметь возможность наносить более мощные удары. У Заррока головка рукояти была достаточно большая, чтобы в случае необходимости можно было ухватиться за нее

и левой рукой, но при этом грани рубина, который ее украшал, больно впивались мне в ладонь и держать ее было не слишком-то удобно. Было бы неплохо, если б у меча рукоять была подлиннее.

— В общем, насколько я поняла, настоящий двуручный меч тебе не нужен? — уточнила Рунона.

Эрагон покачал головой:

— Нет. Двуручный меч слишком длинный и для боя в помещении совсем не удобен.

— Ну, это зависит от соотношения длины клинка и рукояти, хотя в целом ты прав. Может, удовлетворишься тогда мечом с полуторной рукоятью?

У Эрагона перед мысленным взором тут же возник Муртаг со своим прежним мечом. Он улыбнулся: «А почему бы и нет?»

— Да, — сказал он. — Меч с полуторной рукояткой — это то, что надо.

— А какой длины должен быть клинок?

— Не длиннее, чем у Заррока.

— М-м-м... Лезвие прямое или изогнутое?

— Прямое.

— А какую сделать гарду? Может, что-нибудь особенное?

— Нет, ничего особенного не нужно.

Скрестив руки на груди, Рунона села, опустив голову так, что почти уперлась подбородком в грудь. Глаза она прикрыла, но губы ее все время двигались.

— Какой ширины сделать лезвие? Учти, каким бы узким оно ни было, этот меч не сломается.

— Может быть, у эфеса чуть шире, чем был Заррок?

— Зачем?

— Думаю, так мой меч будет лучше смотреться.

Из горла Руноны вырвался хриплый смех.

— А какое это имеет отношение к боевым качествам клинка?

Эрагон сконфуженно промолчал.

— Не нужно просить меня сделать меч покрасивее! — назидательным тоном заявила Рунона. — Меч — это прежде всего инструмент, и если он прекрасен, то в первую очередь потому, что удобен в бою. Меч, который не годится

для поединка с врагом, в моих глазах будет выглядеть сущим уродом, каким бы красивым с виду он ни казался; даже если он весь будет изукрашен лучшими самоцветами и самой искусной гравировкой. — Старая эльфийка презрительно оттопырила губы, потом снова задумалась и подвела итог: — Стало быть, так: это должен быть меч, одинаково пригодный как для самой разнузданной кровавой сечи, так и для самообороны, скажем, в туннелях под Фартхен Дуром, то есть меч на все случаи жизни. И будет он средней длины, если не считать рукояти, которую мы как раз сделаем длиннее обычной, в полторы ладони.

— И это будет меч, способный убить Гальбаторикса, — вставил Эрагон.

Рунона кивнула:

— Вот именно, а потому он должен быть хорошо защищен от магии... — Она опять опустила подбородок на грудь. — Доспехи и латы за последнее столетие стали намного лучше, значит, острие нужно сделать несколько уже и тоньше, чем те, что я делала прежде — оно должно легко проходить и сквозь кольчугу, и сквозь пластины доспехов, а также проникать в щели между пластинами. Хм... — Из висевшего на поясе кошеля Рунона достала шнур с завязанными на нем узелками и сняла с Эрагона бесчисленное количество мерок, тщательно замерив его локти и предплечья. Потом извлекла из горна кованую кочергу и бросила ее Эрагону. Он поймал кочергу в воздухе одной рукой и вопросительно поднял бровь. Рунона указала пальцем вверх и сказала: — Давай! Встань и покажи, как ты обычно действуешь мечом.

Выйдя на открытое место, Эрагон по ее требованию продемонстрировал несколько фехтовальных приемов, выпадов и отражений, которым научил его Бром. Но уже через несколько минут он услышал звон металла о камень, и Рунона сказала:

— Нет, это безнадежно.

Она встала перед Эрагоном, тоже держа в руке кочергу, нахмурилась, взмахнула своей кочергой, словно салютуя ему, и со свирепой гримасой крикнула:

— Защищайся, Губитель Шейдов!

И нанесла ему мощный рубящий удар. Ее длинная кочерга со свистом рассекла воздух. Танцующим шагом уйдя в сторону, Эрагон парировал выпад. Кочерга в его руке дрогнула и зазвенела, встретившись в воздухе с «оружием» противника. Некоторое время они с Руноной продолжали этот тренировочный поединок. Эрагону было понятно, что она давно уже не занималась фехтованием, но тем не менее оказалась весьма сильным и умелым противником. В конце концов им пришлось прекратить схватку, потому что кочерги после мощных ударов превратились в жалкие, искореженные железяки, похожие на корявые ветки тиса.

Рунона забрала у Эрагона его кочергу и обе их бросила в кучу сломанных инструментов. А вернувшись, гордо вскинула голову и заявила:

— Ну вот, теперь я точно знаю, какой формы должен быть твой меч!

— И как же ты это сделаешь?

В глазах Руноны блеснул задорный огонек:

— А я и не буду ничего делать! Вместо меня меч будешь ковать ты сам, Губитель Шейдов!

У Эрагона невольно вырвалось:

— Я?! Но я же никогда не учился ни кузнечному, ни оружейному делу! Я даже обычный кухонный нож отковать не сумею!

Огонек в глазах Руноны засветился еще ярче:

— Тем не менее ковать себе меч будешь именно ты!

— Но как? Ты будешь стоять рядом и командовать, а я буду колотить молотом, так?

— Ну, это вряд ли, — усмехнулась Рунона. — Нет, мы установим с тобой мысленную связь, и я буду руководить твоими действиями как бы изнутри, чтобы твои руки, сильные и молодые, сделали то, чего уже не могут сделать мои, старые и немощные. Может, это и не самое лучшее решение, но ничего другого я придумать не в состоянии. Мне ведь надо как-то обойти свою клятву и в то же время воспользоваться всеми знаниями, связанными с моим ремеслом!

Эрагон нахмурился:

— Если вместо меня самого моими руками будешь двигать ты, то разве это будет что-то иное, чем если бы ты ковала меч сама?

Лицо Руноны потемнело; она резким тоном спросила:

— Так тебе нужен меч, Губитель Шейдов, или нет?

— Нужен.

— Тогда перестань мучить меня подобными вопросами! Ковать меч, управляя твоим сознанием, — это совсем другое дело! Во всяком случае, я сама так считаю. Если бы я думала иначе, тогда данная мною клятва не позволила бы мне во всем этом участвовать. Итак, если ты не хочешь вернуться к варденам с пустыми руками, прояви мудрость и помолчи. И больше никаких вопросов на эту тему не задавай, ясно?

— Ясно, Рунона-элда.

Они вернулись к плавильной печи, и Рунона попросила Сапфиру извлечь с пода лотка еще горячую крицу — массу спекшейся сияющей стали.

— А теперь разбей эту крицу на куски, чтоб каждый был величиной с кулак, — велела она и отошла на безопасное расстояние.

Подняв переднюю лапу, Сапфира изо всех сил стукнула ею по отсвечивающему красным металлу. Земля дрогнула, и ноздреватая крица распалась на несколько кусков. И еще три раза Сапфира ударяла по ней, прежде чем результат удовлетворил Рунону.

Собрав небольшие острые куски крицы в фартук, эльфийка отнесла их к горну, разложила на низком столе, стоявшем рядом, и рассортировала обломки по твердости, которую, как она сообщила Эрагону, нетрудно определить по цвету и текстуре металла на изломе.

— Некоторые слишком твердые, а некоторые слишком мягкие, — пояснила она, — и чтобы устранить это, их нужно будет снова нагреть, так что сейчас мы пустим в ход только те куски, которые уже соответствуют по твердости нашим требованиям. Чуть более твердая сталь пойдет на края лезвия. — Она ткнула пальцем в куски, излом которых демонстрировал ярко сверкающие зерна металла. — Края и должны быть более острыми. А средняя часть клинка по всей

длине будет изготовлена из более мягкой стали. — И она коснулась пальцем другой кучки, более серых и не таких блестящих обломков. — Тогда клинок будет лучше гнуться и держать удар. Но прежде чем начать выковывать металл в нужную форму, следует избавиться от остаточных включений.

«И как это делается?» — с интересом спросила Сапфира.

— А вот сейчас увидишь.

Рунона подошла к одному из столбов, подпиравших крышу над кузнечным горном, и села спиной к нему, скрестив ноги и закрыв глаза. Лицо ее выражало полнейшую внутреннюю собранность.

— Ты готов, Губитель Шейдов? — спросила она чуть погодя.

— Готов, — ответил Эрагон, чувствуя, как у него от волнения под ложечкой возникает тугой узел.

Мысли их соприкоснулись и как бы слились воедино. И первое, что отметил Эрагон, это некие низкие аккорды, эхом отдававшиеся в сложной мрачной путанице мыслей старой оружейницы. Эта странная медленная музыка невероятно сильно действовала на него, давила, вносила в его душу некий непонятный, сбивающий с толку диссонанс, словно жестким скребком касаясь его незащищенных нервов. Эрагон не понимал, что именно передает ему Рунона с помощью этих звуков, но сила воздействия на его душу этой завораживающей мелодии была такова, что он почти сразу усомнился в разумности своего решения позволить ей управлять его духом и плотью. Однако, вспомнив, что рядом находится верная Сапфира, которая неотрывно следит за ними и охраняет его, он успокоился и снял последние мысленные барьеры.

И ему сразу же показалось, будто по коже его провели комом необработанной шерсти — это Рунона точно обволокла его внутренний мир своим сознанием, внедрившись в самые потайные уголки его души. Эрагон невольно поежился от этого неласкового прикосновения и едва удержался, чтобы не разорвать мысленную связь с ней, но тут же услышал окрик Руноны:

«Не смей! Расслабься, Губитель Шейдов, все будет хорошо».

«Да, Рунона-элда». — И он полностью подчинился ей.

А Рунона то медленно поднимала его руки, то заставляла его переступать с ноги на ногу, то вращала его головой — в общем, всеми возможными способами проверяла, что может его тело. Эрагону было странно видеть, как его голова, руки и ноги двигаются без какого бы то ни было участия с его стороны; но еще более странно он себя почувствовал, когда его глаза стали сами переводить взгляд с места на место, как того хотелось Руноне. Ощущение безнадежной беспомощности охватило Эрагона, вызвав в его душе внезапный приступ паники. Когда Рунона повела его вперед, он зацепился носком сапога об угол горна и чуть не упал, но все же сумел восстановить контроль над своим телом и ухватился за острие наковальни, чтобы сохранить равновесие.

«Не вмешивайся, — услышал он голос Руноны. — Если твои нервы не выдержат в самый ответственный момент ковки, ты можешь причинить себе непоправимый вред».

«Но и тебе тоже не поздоровится, если ты не будешь соблюдать осторожность», — столь же резко ответил ей Эрагон.

«Имей терпение, Губитель Шейдов! Я освоюсь с этим еще до наступления темноты».

Пока они дожидались, чтобы последний луч заката погас на бархатисто-темном небе, Рунона готовила к работе горн и учила Эрагона обращению с различными инструментами. Ее изначальная неуклюжесть при управлении его телом вскоре исчезла, хотя один раз, заставив его взять молот, она довольно больно ударила его пальцы о столешницу. У Эрагона даже слезы на глаза выступили. Рунона, правда, тут же извинилась и пояснила: «Видишь ли, у тебя руки длиннее, чем у меня, вот я никак и не приноровлюсь». А еще через несколько минут, когда они уже были готовы начать ковку, она похвалила его: «Это весьма кстати, Губитель Шейдов, что ты обладаешь силой и быстротой настоящего эльфа, иначе мы с тобой сегодня не справились бы».

Отобрав нужное количество кусков твердой и мягкой стали, Рунона уложила их на горн. Затем Сапфира по ее просьбе нагрела металл, совсем чуть-чуть приоткрыв пасть,

чтобы бело-голубое пламя выходило узким потоком и било прямо в цель, а не расходилось вокруг. Ревущий язык пламени осветил атриум слепящим синеватым светом, в котором чешуя Сапфиры так и засияла.

Как только металл нагрелся до вишнево-красного цвета, Эрагон, подчиняясь мысленным приказам Руноны, стал брать обломки Сверкающей Стали щипцами и переносить их на наковальню. Быстрыми ударами кузнечного молота он расковывал один кусок за другим в плоские полосы не толще четверти дюйма каждая. Поверхность разогретой докрасна стали посверкивала тысячами искр. Расковав очередную полосу, Эрагон, повинуясь Руноне, бросал заготовку в стоявшее рядом корыто с тузлуком.

Отковав последний кусок, Эрагон достал из корыта все полосы — отчетливо чувствуя, как сильно нагрелся тузлук, — и ободрал каждую куском песчаника, очищая от черного нагара, образовавшегося на поверхности металла. В результате стала видна кристаллическая структура Сверкающей Стали, и Рунона — глазами Эрагона — внимательнейшим образом ее изучила. Потом она велела ему еще раз рассортировать полосы по твердости и чистоте, ориентируясь по качеству кристаллов на их поверхности.

Поскольку мысли их были слиты воедино, Эрагону было доступно любое ощущение старой эльфийки; его поражало, до какой степени она чувствует металл, замечая такие вещи, о которых он и подозревать не мог, а вот расчеты, которые она производила в уме, обдумывая дальнейшую обработку стальных полос, были выше его понимания. Зато он отлично понимал, что она недовольна результатами ковки. Причем недовольство ее продолжало расти, и в конце концов она заявила:

«Ха! Ты только посмотри на эти каверны в металле! Нет, так дело не пойдет! Из этого хороший клинок не выковать. Видимо, мне не удается должным образом управлять твоими руками. Вряд ли в таком случае нам удастся изготовить достойный меч!»

Но прежде чем Эрагон успел хотя бы начать спорить с нею, вмешалась Сапфира:

«Искусство мастера не зависит от его инструментов, Рунона-элда. Ты, несомненно, сумеешь найти способ компенсировать эту несообразность».

«Несообразность? — фыркнула Рунона. — У меня сейчас координация движений, как у неоперившегося птенца! Такое впечатление, что я брожу в темноте по незнакомому дому».

Продолжая ворчать, она погрузилась в размышления, Эрагону совершенно непонятные. Потом вдруг сообщила:

«Ну, кажется, я нашла выход. Но предупреждаю тебя, Эрагон: я сразу откажусь от дальнейшей работы, если увижу, что не соответствую своему прежнему уровню мастерства».

Она не стала объяснять ни Эрагону, ни Сапфире, что именно придумала. Просто велела ему одну за другой класть готовые полосы стали на наковальню и разбивать их на мелкие кусочки размером не более лепестка розы каждый. Затем Эрагон отобрал примерно половину более твердых стальных обломков и сложил в кучку в форме кирпича, обмазав глиной, смешанной с березовой корой, чтоб не распадались. Получившийся брусок Рунона велела ему положить на толстый стальной совок с семифутовой ручкой, похожий на те, какими пользуются пекари при извлечении из печи готовых хлебов.

Совок она велела ему пристроить в центре горна, а самому приказала отойти как можно дальше, но все же удерживать совок за ручку. Затем она попросила Сапфиру еще раз изрыгнуть пламя, и вновь все вокруг осветилось мерцающим синеватым сиянием. Жар был такой сильный, что Эрагону казалось, будто кожа у него на обнаженных участках рук пересыхает и начинает похрустывать. Даже гранитные валуны, из которых был сложен горн, нагрелись настолько, что засветились желтоватым светом.

Если бы они пользовались древесным углем, то стали потребовалось бы не менее получаса, чтобы нагреться до нужной температуры, но в испепеляющем пламени Сапфиры она уже через несколько минут раскалилась добела. И Рунона сразу приказала Сапфире прекратить нагрев. Драконихa сомкнула пасть, и вокруг горна воцарилась тьма.

Рунона велела Эрагону подойти ближе к горну и перенести раскаленную болванку, обмазанную глиной, на

наковальню. Потом приказала ему взять молот и сбить раскаленные обломки в единое целое. Он все бил и бил по металлу, вытягивая его в длинный брус, потом под неусыпным руководством Руноны сделал насечку посредине, согнул брус вдвое, наложив один конец на другой, и могучими ударами как бы сварил оба куска воедино. Грохот и звон от этих ударов колокольным благовестом разносился вокруг, эхом отдаваясь от древних деревьев.

Затем Эрагон вновь перенес готовый брусок в горн — цвет его стал уже не белым, а желтым, — и Сапфира снова изрыгнула пламя. Шесть раз Рунона заставляла их повторять эти операции — нагревать брусок, вытягивать его и разрубать пополам, сгибая и сваривая воедино, — и с каждым разом металл становился все более чистым и гибким, пока не начал гнуться не трескаясь.

Эрагон бил и бил молотом по наковальне, и по-прежнему каждым его действием внимательно руководила Рунона, сопровождая работу странным песнопением, заставляя участвовать в этом не только свое, но и его горло. Соединенные вместе, их голоса звучали, как ни странно, отнюдь не отталкивающим образом, создавая некую магическую мелодию, взлетавшую и опадавшую в такт ударам молота. У Эрагона даже холодок прошел по спине: он догадался, какие мощные заклинания создает Рунона, выпевая их вместе с ним; эти заклинания были совершенно необходимы для придания металлу силы и прочности, неведомых доселе. Сливаясь, оба их голоса пели о том стальном брусе, что лежал на наковальне, описывая его свойства и изменяя их неким недоступным пониманию Эрагона образом, насыщая Сверкающую Сталь сложными чарами, способными придать будущему мечу поистине невероятные качества. Пели они и об искусных ударах молота в руке Эрагона, и таково было воздействие этого пения, что каждый наносимый им удар попадал точно в нужное место.

По завершении шестого, и последнего, этапа сгибания и сварки стального бруса Рунона велела Эрагону опустить его в соляной раствор. Потом заставила его повторить всю операцию с другим куском твердой стали и отковать еще один точно такой же брус. Затем, следуя ее указаниям, Эрагон

собрал кусочки более мягкой стали, десятикратно повторив с ними процесс выковывания, сгибания и сварки, а затем изготовил из них короткий тяжелый клиновидный брусок.

Затем с помощью Сапфиры они снова нагрели два бруска твердой стали и уложили раскаленные бруски рядом на наковальню. Затем Эрагон, ухватив их оба с обоих концов кузнечными клещами, скрутил их семь раз и начал бить молотом по скрученным концам, сваривая их воедино. В воздух полетели снопы искр. Получившийся кусок стали Рунона еще шесть раз заставила его согнуть вдвое, сварить и снова вытянуть в полосу. Когда качество металла наконец удовлетворило ее, Рунона велела Эрагону расковать полосу в толстый прямоугольный лист, разрубить его острым долотом в длину пополам и свернуть каждую половину посредине, так что в итоге обе приобрели V-образную форму, длинную и узкую.

И все это, как оказалось, Рунона сумела заставить его сделать в течение каких-то полутора часов! Он был просто поражен, хотя всю работу и выполняло его собственное тело. Ему никогда раньше не приходилось видеть подобной легкости при работе с металлом. То, на что у Хорста ушло бы несколько часов, у Руноны — действовавшей его, Эрагона, руками — заняло всего несколько минут. И при этом, несмотря на то что ковка требовала предельного внимания, она еще и петь продолжала, плетя кружева заклинаний и внедряя их в Сверкающую Сталь, а также с неуклонной точностью руководила каждым движением Эрагона.

Среди всего этого грохота, звона, пламени, искр и предельного напряжения усталый Эрагон вдруг заметил три хрупкие фигурки, стоявшие неподалеку. Особенно вглядываться в них Рунона ему, правда, не позволила, однако Сапфира тут же подтвердила, что он не ошибся:

«Эрагон, мы не одни».

«Кто это?» — спросил он.

И Сапфира передала ему изображение маленькой кошки-оборотня Мод, на этот раз принявшей человечье обличье, и стоявших рядом с ней двух эльфов, тоже очень маленького роста. Один из них был мужчина, другой — женщина, и оба были необычайно прекрасны даже по меркам

их собственного народа. Их продолговатые лица отражали одновременно и мудрость, и невинность, так что невозможно было определить их возраст. Выражение их лиц было торжественным. Кожа чуть отсвечивала серебром, и казалось, что оба они настолько переполнены магической энергией, что она прямо-таки истекает из их пор.

Эрагон тут же осведомился у Руноны, кто это такие, выбрав момент, когда она дала его телу короткий отдых. Рунона оглянулась — что позволило и ему возможность получше разглядеть пришельцев — и, не прерывая пения, ответила:

«Это Аланна и Дусан, единственные дети у нас в Эллесмере. Мы все испытали огромную радость, когда двенадцать лет назад их удалось зачать».

«Они не похожи на других эльфов», — заметил Эрагон.

«Это особенные дети, Губитель Шейдов. Они одарены особыми талантами, одарены милосердными душами и невероятным могуществом. В такой мере этими свойствами не обладает ни один взрослый эльф. Мы стареем, и наши таланты скудеют, однако магия тех лет, что связаны с нашим расцветом, всегда остается с нами».

Больше времени на разговоры Рунона тратить не стала и заставила Эрагона положить клиновидный брус Сверкающей Стали между двумя V-образными полосами и бить по ним молотом, пока полосы не обернулись вокруг клина, словно прилипнув к нему, удерживаемые трением. Затем он ковкой сварил все это воедино и, пока металл был еще горячим, стал вытягивать получившийся брус в длину, придавая ему форму клинка. Брус мягкой стали образовал при этом среднее ребро, становой хребет лезвия, а две более твердые полосы — два его острых края и узкий заостренный конец. Когда заготовка стала почти такой длины, как готовый меч, работа несколько замедлилась: Рунона вновь велела Эрагону начать ковку с хвостовика, то есть будущего стержня рукояти, и пройтись молотом по всему клинку, дабы придать ему окончательную форму и пропорции.

Затем она велела Сапфире нагревать лезвие отдельными кусками, не более шести-семи дюймов длиной каждый, и при этом заставила Эрагона держать заготовку почти у

самых ноздрей Сапфиры, через которые та испускала узкий пучок пламени. Всякий раз, когда появлялось это пламя, по всему периметру дворика начинали метаться извивающиеся тени.

Эрагон с восхищением смотрел на собственные руки, которые сейчас превращали бесформенный кусок металла в изящный боевой меч. С каждым ударом клинок приобретал все более определенную форму, словно эта Сверкающая Сталь *сама стремилась* стать мечом и принять ту форму, которую желала ей дать Рунона.

Наконец ковка была закончена; теперь на наковальне лежал черный клинок, который, несмотря на свой грубоватый, незавершенный облик, уже внушал ощущение исходящей от него смертельной опасности.

Рунона разрешила Эрагону дать небольшой отдых уставшим рукам, пока клинок остывал на воздухе, а затем велела ему перенести клинок в другой конец мастерской, где стояло шесть точильных камней разной зернистости, а на небольшом верстаке были разложены всевозможные напильники, шаберы и абразивная паста. Заставив Эрагона закрепить клинок между двумя деревянными брусками, Рунона, тщательно руководя каждым его движением, весь последующий час занималась выравниванием поверхности клинка с помощью скребков и шаберов и окончательной доводкой его силуэта напильниками. Как и при ковке, каждое движение шабера или напильника, как показалось Эрагону, имело некий двойной эффект, словно инструменты *точно знали*, сколько лишней стали нужно убрать, и не снимали ни сотой доли дюйма больше.

Когда работа с напильниками была завершена, Рунона с помощью Эрагона развела в горне огонь, запалив горку древесного угля, а пока огонь разгорался и горн нагревался, велела ему приготовить жидкий раствор из тонко просеянной глины, золы, растертой в порошок пемзы и застывшего до полной кристаллизации сока можжевельника. Этим составом он и обмазал затем клинок, наложив вдвое более толстый слой на его среднее ребро, чем на края и острие. Чем толще слой глины, тем медленнее будет остывать металл

под ним, догадался Эрагон, и, когда все окончательно остынет после закалки, эта часть клинка будет мягче.

Вместе они произнесли короткое заклинание, высушив наложенный раствор, и глина на клинке посветлела. После чего, по указанию Руноны, Эрагон перешел к горну, положил меч плашмя на слой пылающих углей и, раздувая мехи свободной рукой, медленно потянул его через огонь на себя. Когда острие клинка вышло из пламени, Рунона заставила его повторить это действие. Так он протаскивал меч сквозь пылающее пламя, пока его кромки не стали ровного оранжевого оттенка, а среднее ребро — ярко-красного. Затем одним легким движением он пронес раскаленный клинок по воздуху и опустил его в корыто с водой, стоявшее рядом с горном.

Над поверхностью воды с мощным взрывом взвился клуб пара, вода вокруг клинка шипела и пузырилась. Через минуту, когда вода успокоилась, Рунона велела ему извлечь меч из корыта; теперь клинок приобрел серо-жемчужный оттенок. Перейдя обратно к горну, Эрагон вновь подверг клинок несильному нагреву, чтобы уменьшить хрупкость лезвия, и еще раз повторил закалку.

Эрагон рассчитывал, что после окончания ковки, обработки и закалки клинка Рунона освободит его тело и мысли от своего присутствия, однако, к его удивлению, она этого не сделала и по-прежнему продолжала им управлять.

Она велела ему загасить горн и вернуться к верстаку, где лежали напильники, шаберы и абразивные камни, и начать полировку клинка. Из ее воспоминаний Эрагон узнал, что обычно она тратила на полировку неделю, а то и больше, но сейчас песня-заклинание, которую они пели вместе, позволила закончить эту работу всего за четыре часа и в довершение сделать с каждой стороны по всей длине меча узкую бороздку, дол. Сталь клинка стала теперь поистине сверкающей, его блестящая поверхность демонстрировала всю красоту металла; Эрагон ясно различал посверкивающий узор из переплетающихся линий, и каждая такая линия являла собой переход от одного слоя металла к другому. А вдоль каждого бокового острия клинка тянулась волнообразная

серебристо-белая полоска шириной с его большой палец, отчего края обоюдоострого лезвия словно пылали языками замерзшего пламени.

Правая рука Эрагона отказалась служить, когда Рунона велела ему нанести на хвостовик крестообразные насечки; напильник, словно сам собой, соскочил с металла и выпал из его пальцев. Эрагона поразило, насколько он оказался вымотан, ведь до этой минуты он ничего подобного не замечал — настолько был поглощен работой.

«Все, достаточно», — объявила Рунона и без дальнейших комментариев освободила сознание Эрагона от своего присутствия.

Она сделала это столь внезапно, что Эрагон пошатнулся и чуть не потерял равновесие, лишь с трудом восстановив контроль над своими вдруг взбунтовавшимися конечностями и телом.

— Так мы ведь еще не кончили! — запротестовал он, неожиданно почувствовав после столь напряженной совместной работы, как тиха и спокойна ночь.

Рунона поднялась с того места, где все это время просидела, скрестив ноги и опершись спиной о столб, и покачала головой:

— Ты мне больше не *нужен, Губитель Шейдов. Ступай* отдохни до зари.

— Но...

— Ты слишком устал, и даже моя магия не спасет клинок, если ты сейчас будешь продолжать работать над ним. Самое главное — лезвие уже готово, и я сама могу спокойно заняться дальнейшей обработкой меча, не нарушая собственной клятвы. У меня на втором этаже есть запасная кровать. А в кладовой есть еда, если ты голоден.

Эрагон колебался, не желая уходить; потом кивнул и, слегка пошатываясь, с трудом передвигая ноги, побрел к дому. Проходя мимо Сапфиры, он погладил ее по крылу и пожелал ей спокойной ночи, не в силах произнести больше ни слова. Она в ответ взъерошила ему волосы своим горячим дыханием и сказала:

«Не тревожься, маленький брат, я тут за всем присмотрю и все запомню».

На пороге дома Эрагон остановился и оглянулся: на краю дворика все еще стояли кошка-оборотень Мод и двое маленьких эльфов. Он приветственно помахал им рукой, и Мод улыбнулась в ответ, обнажив свои острые зубы. Холодок пробежал у Эрагона по спине, когда эльфийские дети посмотрели на него своими огромными, чуть раскосыми глазами, светившимися в темноте. Но ни одного движения они так и не сделали. Эрагон, пригнувшись, нырнул в дверь, и его охватило одно желание: поскорее упасть на мягкую постель.

ВСАДНИК В ПОЛНОМ ВООРУЖЕНИИ

«Просыпайся, малыш, — разбудила его Сапфира. — Солнце уже взошло, и Рунона исходит нетерпением».

Эрагон резко поднялся, легко отбросив в сторону одеяла и отрешившись от своих снов наяву. Плечи и руки болели от вчерашних тяжких трудов. Он натянул сапоги, в нетерпеливом возбуждении застегнулся, поднял с пола перепачканный фартук и бросился вниз по искусно украшенной резьбой лестнице к выходу из круглого дома Руноны.

Небо уже светилось яркими отблесками зари, хотя атриум был еще окутан густой тенью. Рунону и Сапфиру Эрагон увидел возле горна и подбежал к ним, на ходу приглаживая волосы пальцами.

Рунона стояла, прислонившись к верстаку. Под глазами у нее набухли темные мешки, морщины на лице, казалось, стали еще глубже.

Меч лежал перед нею, завернутый в кусок белой ткани.

— Я совершила невозможное, — сказала старая эльфийка, и голос ее звучал хрипло, с надрывом. — Я сделала меч, хотя поклялась, что никогда больше не стану этого делать. Более того, я сделала меч всего лишь за сутки и к тому же чужими руками! Но получилось совсем неплохо. Этот меч никак нельзя назвать жалким или убогим. Нет! Это самый прекрасный из всех мечей, какие мне когда-либо удавалось выковать! Я бы, конечно, предпочла поменьше пользоваться магией, но это, пожалуй, единственное, что меня смущает, да и то не слишком сильно, если учесть поистине превосходный результат нашей совместной работы. Вот, полюбуйся!

И Рунона сдернула ткань с меча.

Эрагон охнул: он был потрясен до глубины души.

Ему казалось, что за те несколько часов, что он проспал, Рунона в лучшем случае успеет изготовить к мечу простейший эфес с крестообразной гардой и, может быть, самые обыкновенные деревянные ножны. Однако меч, представший сейчас перед ним, был не менее великолепен, чем Заррок, Нёглинг и Тамерлин, а может, и прекраснее любого из них.

Клинок был упрятан в глянцевые ножны такого же темно-синего цвета, что и чешуя на спине у Сапфиры. На поверхности ножен пятнами играли блики, точно на воде чистого лесного пруда. Наконечник ножен был выкован из той же Сверкающей Стали, но вороненой, и сделан в форме листа, а устье было украшено стилизованными изображениями вьющихся лиан. Изогнутое перекрестье эфеса также было отковано из вороненой стали, равно как и четыре ребра на вершине рукояти, служившие оправой крупному сапфиру, который образовывал ее головку. Сама же полуторной длины рукоять была изготовлена из прочнейшего черного дерева.

Не находя слов от переполнявшего его восторга, Эрагон протянул к мечу руки, потом замер и оглянулся на Рунону:

— Можно?..

Она слегка кивнула:

— Можно. Дарю его тебе, Губитель Шейдов.

Эрагон взял меч с верстака. Ножны и дерево рукояти *были прохладными на ощупь*. Он несколько минут в полном восхищении рассматривал и изучал детали ножен, гарды и головки рукояти. Потом, покрепче ухватившись за рукоять, вынул клинок из ножен.

Как и весь меч, клинок тоже отливал синевой, но чуть более светлого оттенка; такой была чешуя на горле Сапфиры. И этот меч, как и Заррок, весь искрился и переливался, демонстрируя все оттенки синего — те же, что и у Сапфиры. Но сквозь эту синеву по-прежнему отчетливо проступали узоры из переплетающихся линий и светлые волнистые полосы вдоль обоих лезвий.

Держа меч одной рукой, Эрагон взмахнул им в воздухе и даже засмеялся — таким он оказался легким и быстрым. Казалось, он уже живет собственной жизнью. Тогда Эрагон

взялся за рукоять обеими руками и с огромным удовольствием обнаружил, что ладони отлично на ней умещаются. Сделав выпад, он ткнул острием воображаемого противника, не сомневаясь, что, окажись на этом месте настоящий враг, он уже был бы мертв.

— Иди-ка сюда, — сказала Рунона и указала ему на связку из трех железных прутков, вертикально воткнутых в землю подле горна. — Испытай его вот на этом.

Эрагон секунду постоял, сосредоточиваясь, потом сделал один шаг к прутками. И с воплем нанес удар, срубив все три прутка разом. Клинок лишь один раз прозвенел коротко и чисто, и звук этот тут же стих. Эрагон внимательно осмотрел лезвие, но не обнаружил на нем ни малейших повреждений.

— Ну что, ты доволен, Всадник? — спросила Рунона.

— Не то слово, Рунона-элда! — ответил Эрагон и низко ей поклонился. — Даже и не знаю, как благодарить тебя за такой великий дар!

— Отблагодаришь тем, что убьешь Гальбаторикса. Если и есть на свете меч, предназначенный для уничтожения этого безумного правителя, то он у тебя в руках.

— Обещаю, Рунона-элда, я сделаю все, что в моих силах.

Старая эльфийка с весьма довольным видом кивнула.

— Ну вот, теперь у тебя наконец есть свой меч, как и полагается настоящему Всаднику!

— Да, — сказал Эрагон и поднял меч к небу, испытывая не передаваемое словами восхищение. — Теперь я — настоящий Всадник!

— Но прежде чем отправиться в путь, ты должен еще кое-что сделать, — сказала Рунона.

— Что именно?

Она ткнула пальцем в клинок:

— Ты должен дать своему мечу имя, а я вырежу это имя на лезвии и на ножнах.

Эрагон обернулся к Сапфире и спросил:

«Что ты на сей счет думаешь?»

«Ну, это ведь не мой клинок. Сам придумай ему имя. Какое тебе представляется наиболее подходящим?»

«А у тебя разве никаких идей нет?»

Сапфира опустила голову, обнюхала меч и сказала:

«Я бы назвала его Синий Зуб. Или, может, Синий Коготь».

«Для человеческого меча звучит немного странно, пожалуй».

«А как насчет Потрошителя? Или, скажем, Похитителя Душ? А может, лучше Боевой Коготь или Сверкающий Шип? Боевой Тесак — тоже неплохо. Имена Ужас, Боль или Кусака тоже подходят. Или еще — Острейший. Или Сверкающая Чешуя — ведь у него как раз такой узор на стали. Можно еще Язык Смерти, Эльфийская Сталь, да сколько угодно можно имен придумать».

Такая изобретательность даже несколько озадачила Эрагона.

«Да у тебя же настоящий талант!» — восхитился он искренне.

«Легко изобретать случайные имена. А вот придумать правильное имя дано не всякому; на это может не хватить терпения даже у эльфа».

«А если назвать его Убийцей Королей?» — спросил он.

«Ну, а когда мы действительно уничтожим Гальбаторикса, как быть? Тебе что, тогда уже и в руки его взять нельзя будет, чтобы дальнейшие подвиги совершать?»

«Да уж, ты права... — И Эрагон, приложив меч к передней левой лапе Сапфиры, сказал: — Он точно такого же цвета, как и ты... Я мог бы назвать его в твою честь».

Сапфира глухо прорычала:

«Ну уж нет!»

Он с трудом подавил улыбку:

«Ты уверена? Ты только представь себе, как мы в бою...»

Сапфира сердито провела когтями по земле:

«Нет! Я тебе не игрушка, которой можно в воздухе размахивать!»

«Да, пожалуй... Извини. Знаешь, в древнем языке есть очень хорошее слово, которое имеет значение «надежда»... Вот Заррок, например, означает «несчастье», и разве плохо будет, если я пойду в бой с мечом, который самим именем своим противостоит несчастью?»

«Желание благородное, — сказала Сапфира, — но разве ты и врагам своим желаешь подарить надежду? Неужели ты рассчитываешь вонзить в грудь Гальбаторикса... надежду?»

«А что, забавная была бы шутка», — засмеялся Эрагон.

«На один раз, не больше».

Зайдя, таким образом, в тупик, Эрагон нахмурился, поскреб подбородок и вновь залюбовался игрой света на сверкающем клинке. Разглядывая глубинные узоры стали, он скользнул взглядом по волнистой полосе, отмечавшей границу между более мягкой сталью среднего ребра и более твердой сталью лезвий, и вдруг вспомнил то слово, которым всегда пользовался Бром, раскуривая трубку. Потом он вспомнил о городе Язуаке, где впервые воспользовался магией, вспомнил о своем поединке с Дурзой в Фартхен Дуре и в тот же момент понял, что нашел наконец самое подходящее, самое правильное имя для своего меча.

Он мысленно посоветовался с Сапфирой, и та полностью согласилась с его выбором. И тогда, высоко подняв меч, Эрагон торжественно произнес:

— Я принял решение. Меч, нарекаю тебя Брисингр!

Раздался свист, подобный свисту ветра, и клинок вдруг объяло пламя. Вихри синего огня вихрем закрутились вдоль его острого как бритва лезвия.

Вскрикнув от неожиданности, Эрагон выронил меч и даже немного отскочил от него, боясь обжечься. Но и лежа на земле, клинок продолжал светиться, и легкое, призрачное синее пламя его сжигало траву вокруг. Только тут Эрагон понял, что это его собственная магическая энергия заставляет меч полыхать неестественным огнем, и мгновенно остановил ее поток. Пламя погасло. А он, пораженный тем, что выпустил магию на волю, отнюдь не собираясь этого делать, поднял меч с земли и осторожно коснулся пальцем острия. Лезвие было таким же холодным, как прежде.

Рунона, весьма мрачно на него поглядывая, подошла ближе, взяла у него меч и осмотрела его от головки рукояти до острия.

— Тебе еще повезло, — буркнула она, — что я успела защитить клинок заклятьями от жара и иного ущерба, иначе ты повредил бы закалку, да и гарду бы испортил. Больше

никогда не бросай его на землю, Губитель Шейдов, даже если он вдруг превратится в змею, не то я отберу его у тебя, а тебе дам взамен свой старый молот.

Эрагон от всей души попросил у нее прощения, и Рунона, несколько смягчившись, протянула ему меч и спросила:

— Ты нарочно зажег этот огонь?

— Нет, — признался Эрагон, но так и не сумел объяснить, что же произошло.

— Повтори еще раз, — потребовала Рунона.

— Что повторить?

— Имя, имя повтори!

Держа меч на вытянутых руках, подальше от себя, Эрагон громко произнес:

— Брисингр!

Сноп сверкающего пламени взвился над клинком, и лицо Эрагона опалило жаром. На этот раз он успел заметить, что действительно отдает собственную силу, произнося это магическое имя. Через несколько секунд он погасил синее пламя и снова воскликнул:

— Брисингр!

И опять клинок вспыхнул синим призрачным пламенем.

«Вот это действительно меч, достойный и Всадника, и его дракона! — заключила Сапфира. Чувствовалось, что она страшно довольна. — Этот клинок так же легко извергает пламя, как и я!»

— Но я даже и не думал произносить заклинание! — изумился Эрагон. — Я же всего лишь сказал слово «Брисингр», а он... — И он снова невольно вскрикнул и выругался, когда меч — уже в четвертый раз! — сам собой вспыхнул, и ему пришлось гасить пламя.

— А можно мне? — спросила Рунона, протягивая руку к мечу. Эрагон передал ей клинок, и она тоже громко произнесла: — Брисингр! — По клинку как будто прокатилась волна дрожи, но больше ничего особенного не произошло; пламя не появилось, меч остался недвижим. Рунона задумалась. Потом вернула меч Эрагону и сказала: — Знаешь, я, пожалуй, могу дать этому два объяснения. Во-первых, ты сам участвовал в ковке клинка и этим сделал его как бы частью

себя самого, поэтому он и ловит все твои мысли и желания. А второе объяснение заключается в том, что ты невольно узнал истинное имя своего меча. Скорее всего, справедливо и то и другое. В общем, Губитель Шейдов, ты правильно выбрал ему имя! Брисингр! А что, мне нравится. Отличное имя для меча!

«Очень хорошее имя», — согласилась Сапфира.

И Рунона, положив ладонь на середину Брисингра, прошептала какие-то магические слова. Тут же на обеих сторонах клинка появились эльфские символы огня. Та же самая надпись появилась и на внешней стороне ножен.

И снова Эрагон с благодарностью поклонился старой эльфийке. Они с Сапфирой столько раз выразили ей свою признательность, что морщинистое лицо Руноны осветилось улыбкой. Нежно коснувшись узловатым пальцем лба каждого из них, она сказала:

— Я рада, что смогла снова помочь Всадникам. А теперь вам пора, Губитель Шейдов и ты, Сверкающая Чешуя. Возвращайтесь к варденам, и пусть враги ваши в страхе бегут от вас, стоит им увидеть тот меч, которым ты теперь владеешь!

Эрагон с Сапфирой простились с нею и двинулись назад, в Эллесмеру, и Эрагон бережно нес меч, держа его обеими руками и прижимая к груди, словно новорожденного ребенка.

Перед штурмом

В палатке из серой шерстяной ткани горела единственная свеча, жалкая замена яркого солнечного света.

Роран стоял с вытянутыми в стороны руками, пока Катрина затягивала по бокам шнурки стеганого гамбизона, который только что подогнала ему по размеру. Наконец она затянула шнурок на вороте, расправила складки и сказала:

— Ну вот. Не туго?

Роран помотал головой:

— Нет, вполне удобно.

Тогда Катрина взяла с постели выложенные заранее стальные наголенники и опустилась перед мужем на колени. Роран смотрел, как она застегивает пряжки, старательно закрепляя латы. Потом она надела и застегнула наколенные чашки, на секунду ласково прижав ладонь к его колену, и он даже сквозь толстый доспех ощутил жар ее рук.

Встав, Катрина взяла с постели латные налокотники, и Роран послушно подставил ей обе руки, не сводя с нее глаз. Она ответила ему ласковым взглядом и медленными, но весьма ловкими движениями надела ему налокотники, застегнула их и провела ладонями по внутренней стороне его рук от локтя до кисти. Потом она вложила свои ладони в его, стиснула его пальцы и, улыбнувшись, мягко высвободила руки, чтобы взять с постели кольчужную рубаху. Приподнявшись на цыпочки, она подняла доспех и держала его так, пока Роран просовывал руки в рукава кольчуги. Кольца позвякивали, как ледышки. Потом Катрина отпустила подол, и кольчуга упала Рорану на плечи, скользнула ниже, и подол ее оказался вровень с коленями.

А Катрина надела ему на голову кожаный подшлемник, крепко завязав ремешки у него под подбородком, взяла его

обеими руками за голову, поцеловала в губы и надела ему островерхий шлем, аккуратно натянув его на подшлемник.

Роран обхватил ее рукой за полнеющую талию, не отпуская от себя, и сказал:

— Послушай меня, милая. Запомни: у меня все будет хорошо. — Он пытался вложить в эти слова всю свою любовь и заботу, пристально глядя жене прямо в глаза. — Ты только не торчи тут одна-одинешенька. Обещай, что не будешь сидеть в одиночестве, хорошо? Сходи хотя бы к Илайн, ей, кстати, не помешает твоя помощь. Она совсем плоха и, по-моему, ребенка своего уже переносила.

Катрина подняла голову; она не плакала, но в глазах ее стояли слезы. Роран-то отлично знал, что она не станет плакать, пока он здесь.

— Неужели тебе обязательно все время быть впереди всех? — прошептала она.

— Но кому-то же нужно идти впереди, стало быть, могу и я. А кого ты поставила бы вместо меня?

— Любого... кого угодно!

Катрина потупилась и некоторое время молчала; потом сняла с себя шейный платок, вытащив его концы из-под корсажа, и сказала:

— Вот, возьми на память обо мне; пусть все знают, как я тобой горжусь.

И привязала платок к его поясному ремню.

Роран дважды поцеловал жену, а она принесла ему с постели щит и копье. Он поцеловал ее в третий раз, забрал оружие и сунул руку в ремни щита.

— Если со мной что-нибудь случится... — начал он.

Но Катрина закрыла ему рот ладонью:

— Ш-ш-ш! Не надо так говорить, а то *и впрямь может* беда случиться.

— Хорошо. — Он обнял ее. — *Береги себя.*

— И ты тоже.

Ему страшно не хотелось с нею расставаться, но он твердым шагом вышел из палатки под бледные лучи зари и поднял свой щит. Люди, гномы и ургалы ручьями стекались в западную часть лагеря к утоптанному полю, где собиралось войско варденов.

Роран глубоко вдохнул прохладный утренний воздух и пошел туда, где уже выстроился его отряд. Затем он отыскал полк Джормундра, доложил ему о своем прибытии и вернулся к своим, встав в строй рядом с Ярбогом.

Ургал глянул на него и проворчал:

— Отличный день для битвы.

— Да, неплохой.

Как только солнце появилось над горизонтом, раздался сигнал боевого рога. Роран, подняв копье, бросился вперед вместе со всеми, крича во всю глотку и не обращая внимания на сыпавшиеся дождем стрелы и свистевшие над головой камни, к городской стене, которая была не менее восьмидесяти футов в высоту.

Штурм Фейнстера начался.

ПРОЩАНИЕ

От дома Руноны Сапфира направилась прямиком к их дому в центре Эллесмеры, приземлившись на самый верхний его этаж. Эрагон быстро собрал свои вещи и снова сел в седло, предупредив Сапфиру, что, прежде чем лететь к Утесам Тельнаира, им надо сделать еще кое-что.

«Это обязательно?» — спросила Сапфира.

«Да, и я не успокоюсь, пока это дело не сделано».

Сапфира взвилась в воздух и полетела в западную часть Эллесмеры. Она мягко приземлилась на узкой, поросшей мхом дорожке, и Эрагон, спросив у сидевшего в ветвях ближайшего дерева эльфа, как ему пройти в нужное место, вместе с Сапфирой пошел через лес к маленькому домику в одну комнату, выращенному из ствола ели, которая росла не прямо, а под углом к земле, словно согнулась под порывами постоянно дующего ветра.

Слева от домика виднелся невысокий утес, через край которого переливался и падал вниз ручеек, разливавшийся внизу небольшим тихим озерцом, а потом снова исчезавший под темным покровом леса. Озерцо окружали цветущие белые орхидеи. Среди этих нежных цветов из земли торчал огромный узловатый корень, на котором, скрестив ноги, сидел Слоан.

Эрагон затаил дыхание; ему не хотелось, чтобы мясник сразу заметил его присутствие.

Слоан был одет в коричневую с оранжевым тунику, какие обычно носят здесь эльфы. Пустые глазницы скрывала узкая полоска черной ткани. На коленях у него лежал кусок выдержанного дерева, который он обрабатывал маленьким кривым ножом. Лицо его стало куда более морщинистым, чем раньше, а на руках появилось несколько новых шрамов, многие из которых не до конца успели зажить.

«Подожди здесь», — сказал Эрагон Сапфире, неслышно соскальзывая на землю, и подошел к Слоану. Тот сразу перестал резать дерево, склонил голову набок и раздраженно прохрипел:

— Уйди!

Не зная, что на это ответить, Эрагон молча остановился.

Слоан, неприязненно скривив лицо, еще немного поковырял деревяшку ножом, потом, стукнув концом ножа по корню, на котором сидел, воскликнул:

— Чтоб ты сдох, проклятый! Неужели ты не можешь оставить меня в покое, наедине с моими бедами и несчастьями? Не желаю я никого слушать! И никаких менестрелей мне не нужно. Мне их песни не интересны! Уходи. Проваливай, кому говорю!

Жалость и гнев охватили Эрагона; ему казалось, что все как-то странно сдвинулось во времени и в пространстве — ведь этого человека, рядом с которым он вырос, он раньше так боялся, так ненавидел, а теперь он сидел перед ним совсем жалкий, старый, но по-прежнему злобный.

— Ну что, хорошо ты здесь устроился? — спросил он на древнем языке, стараясь говорить легко и весело.

Слоан прорычал:

— Я же говорил уже, что не понимаю вашего языка и учить его не желаю! Эти ваши слова чересчур долго в ушах звенят. Так что, если не желаешь говорить со мной на моем родном языке, лучше совсем ко мне не обращайся.

Однако Эрагон не стал повторять свой вопрос на обычном языке, хотя и не ушел.

Слоан выругался и продолжил возню со своей деревяшкой. После каждой снятой стружки он проводил большим пальцем по поверхности дерева, проверяя и оценивая сделанную работу. Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил, но уже более мягким тоном:

— Ты был прав: когда что-то делаешь руками, это успокаивает, не дает мыслям так бередить душу. Иной раз... иной раз я почти забываю о своих утратах, но потом память все равно возвращается, и тогда мне кажется, что эти воспоминания

душат меня... Хорошо, что ты наточил мне нож. У настоящего мужчины нож всегда должен быть острым.

Эрагон еще с минуту наблюдал за ним, потом повернулся и пошел назад, к Сапфире. Забираясь в седло, он сообщил ей:

«А Слоан, по-моему, ничуть не изменился».

«Вряд ли этого можно было ожидать, ведь прошло совсем немного времени».

«Да, конечно, но я надеялся, что он хоть что-то понял и хоть немного поумнел, пока жил в Эллесмере, и, может быть, раскаялся в своих преступлениях».

«Знаешь, если он сам не желает признавать свои ошибки, ничто его не заставит это сделать. В любом случае ты сделал для него все, что мог. Пусть он теперь сам ищет способ примириться с собственной судьбой. А если не сможет — что ж, пусть тогда ищет успокоения в могиле».

Сапфира, взлетев с просеки возле домика Слоана, покружила над лесом и устремилась на север, к Утесам Тельнаира, быстро набирая скорость сильными взмахами крыльев. Утреннее солнце уже поднялось над горизонтом и над верхушками деревьев, от которых падали длинные темные тени, все, как одна, указывавшие на запад.

Возле дома Оромиса Сапфира опустилась на землю, и оказалось, что Оромис и Глаэдр уже ждут их. Эрагон удивился, увидев на спине Глаэдра между двумя могучими шипами седло, а Оромис одет в толстые и тяжелые дорожные одежды сине-зеленого цвета и поверх них еще и наборные латы из золотистых пластинок с налокотниками. За спиной у него висел длинный щит ромбической формы, на сгибе локтя покоился древний шлем, а с пояса свисал меч цвета старинной бронзы — Нёглинг.

Вздымая крыльями ветер и приминая траву на поляне, Сапфира высунула язык, проверяя воздух вокруг, а Эрагон тем временем соскользнул на землю.

«Вы собрались вместе с нами к варденам?» — спросила Сапфира у Оромиса и Глаэдра и от восторга даже заколотила по земле кончиком хвоста.

— Нет, мы полетим с вами до края леса Дю Вельденварден, а там наши пути разойдутся, — ответил Оромис.

Эрагон разочарованно спросил:

— Значит, вы потом вернетесь в Эллесмеру?

— Нет, Эрагон. — Оромис покачал головой. — Потом мы полетим в Гилид.

Сапфира от удивления даже зашипела. Эрагон был тоже сбит с толку.

— А зачем вам в Гилид? — спросил он.

«Потому что Имиладрис со своей армией уже выступила туда из Кевнона и готовится взять этот город в осаду», — сообщил Глаэдр. Странные, яркие образы, созданные воображением могучего дракона, обрушились на Эрагона.

«Но разве вы с Оромисом не хотели сохранить в тайне от Империи сам факт своего существования?» — спросила Сапфира.

Оромис на секунду прикрыл глаза веками. По его усталому лицу прочесть что-либо было совершенно невозможно.

— Видишь ли, Сапфира, — промолвил он чуть погодя, — прошло то время, когда нам нужно было прятаться. Мы с Глаэдром постарались научить вас всему, что могли успеть за то короткое время, что вы пробыли с нами. Это, конечно, весьма поверхностные знания, их не сравнить с теми, которые давали Всадникам в старые времена, однако время не терпит, так что мы рады и такой возможности. Все-таки мы успели дать вам почти все, что считали необходимым, и вполне этим удовлетворены, ибо все это пригодится вам в победе над Гальбаториксом.

И поскольку весьма маловероятно, что кто-то из вас до окончания этой войны будет иметь возможность вернуться сюда для дальнейшего обучения, а также еще менее вероятно, что к нам прибудут для обучения еще один дракон и еще один Всадник, пока Гальбаторикс правит в нашей прекрасной стране, мы с Глаэдром решили, что у нас нет больше оснований скрываться в глубинах Дю Вельденвардена. Сейчас гораздо важнее помочь Имиладрис и варденам сокрушить Гальбаторикса, а не пребывать здесь в безделье и тщетном ожидании очередного Всадника и дракона.

Кроме того, когда Гальбаторикс узнает, что мы еще живы, это, как нам кажется, должно несколько подорвать

его веру в свое неограниченное могущество, ибо откуда ему знать, не остались ли еще в живых другие драконы и Всадники, несмотря на все его попытки уничтожить их. Помимо этого, новость о нашем появлении наверняка поднимет боевой дух варденов и гномов, почти на нет сведя все их опасения, связанные с возможностью появления Муртага и Торна, как то случилось во время битвы на Пылающих Равнинах. В результате вполне может увеличиться и приток новых воинов в войске Насуады.

Эрагон бросил взгляд на Нёглинг и сказал:

— Но ты ведь не собираешься сам идти в бой, Учитель?

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Оромис, склонив голову набок.

Эрагону вовсе не хотелось обидеть Оромиса и Глаэдра, но он не знал, что на это сказать, и в конце концов спросил:

— Прости меня, Учитель, но как же ты пойдешь в бой, если ты не в силах произнести даже самое простое заклинание, требующее хотя бы небольшого расхода магической энергии? Что, если у тебя вдруг снова случится этот ужасный приступ, начнутся судороги? Что, если в разгар битвы тебе придется нанести мощный удар с помощью магии? Ведь этот удар может стать для тебя смертельным!

— Как тебе уже должно быть известно, — отвечал Оромис, — одной лишь силы крайне редко бывает достаточно, чтобы определить победителя, если в поединке сошлись два мага. Впрочем, сил у меня, так или иначе, еще вполне хватает — они спрятаны в драгоценном украшении моего меча. — И он коснулся рукой желтого алмаза, вделанного в головку рукояти Нёглинга. — Мы с Глаэдром уже более сотни лет запасаем магическую энергию, прячем в этот алмаз каждую лишнюю кроху не только собственных сил, но и дары тех, кто пожелал поделиться с нами своей энергией. Дважды в неделю меня посещают мои друзья из Эллесмеры; они отдают этому камню столько жизненных сил, сколько могут. Так что запасы энергии в этом алмазе поистине огромны; пустив их в ход, я могу горы свернуть. И конечно же, без труда сумею защитить нас с Глаэдром от мечей, стрел и копий, а также от камней, выпущенных из осадных машин.

Что же до моих приступов, то я уже ввел в камень несколько защитных заклинаний, которые, надеюсь, уберегут меня от любой опасности, даже если я потеряю сознание прямо на поле битвы. Ну вот, как видишь, мы с Глаэдром отнюдь не беззащитны.

Эрагон с сокрушенным видом потупился:

— Вижу, Учитель.

А Оромис продолжал несколько более мягким тоном:

— Я вполне понимаю твое беспокойство, Эрагон, и мне очень приятна твоя забота обо мне. Ты прав, ведь война — дело всегда очень опасное, чреватое любыми неожиданностями; даже самый успешный воин может найти свою смерть в жарком безумии битвы. Но наше дело, правое и благородное, достойно подобного риска. Если мы с Глаэдром идем навстречу своей смерти, то делаем это по собственной воле, ибо, принеся себя в жертву правому делу, мы можем помочь освободить Алагейзию от тирании Гальбаторикса.

— Но если ты погибнешь, а нам все же удастся одержать победу над Гальбаториксом и освободить из плена последнее драконье яйцо, кто же тогда будет обучать нового дракона и его Всадника?

И тут Оромис окончательно поразил Эрагона. С торжественным видом он взял его за плечи и сказал:

— Если такое случится, то вся ответственность за воспитание нового дракона и нового Всадника ляжет на ваши плечи, Эрагон и Сапфира. Именно вы будете обучать их всему, что требуется знать члену нашего ордена. Впрочем, отринь все свои ненужные тревоги и опасения, Эрагон! Уверяю тебя, ты будешь не один. Насуада и Имиладрис сделают все, чтобы самые большие мудрецы обеих наших рас собрались здесь, чтобы помочь тебе.

Но Эрагону по-прежнему не давало покоя отчетливое предчувствие беды. Он давно уже страстно мечтал о том, чтобы его воспринимали как взрослого мужчину и настоящего воина, но не чувствовал себя готовым занять место Оромиса. Даже мысли об этом казались ему неправильными и несвоевременными. И только сейчас впервые он вдруг понял, что в конечном итоге все равно станет взрослым, будет

принадлежать к старшему поколению, но тогда у него уже не будет наставника, на которого всегда можно опереться, у которого всегда можно спросить совета. Он молчал, чувствуя в горле колючий комок.

А Оромис, выпустив его плечи, жестом указал на Брисингр, висевший у него на поясе, и с улыбкой заметил:

— Весь лес вздрогнул, когда ты разбудила дерево Меноа, Сапфира. И половина эльфов Эллесмеры стала умолять нас с Глаэдром мчаться туда на помощь. Мало того чтобы спасти тебя, нам пришлось еще и Гильдерина Мудрого уговаривать, потому что он желал непременно наказать вас за использование подобного насилия.

«Я не стану извиняться, — заявила Сапфира. — У нас не было времени ждать и без конца это дерево уговаривать по-хорошему!»

Оромис кивнул.

— Вполне тебя понимаю и не собираюсь ни в чем тебя винить. Я просто хотел, чтобы вы знали, какое эхо вызвали ваши необдуманные действия.

Затем он попросил у Эрагона его новый меч и стал внимательно его рассматривать. Эрагон в это время держал шлем Оромиса.

— Рунона превзошла самое себя, — восхищенно заявил Оромис, осмотрев клинок. — Редкое оружие! Вряд ли есть другой такой, который мог бы с ним сравниться. Тебе повезло, Эрагон. У тебя выдающийся меч! — Бровь Оромиса чуть поднялась, когда он увидел надпись на лезвии. — Значит, Брисингр!.. Что ж, весьма достойное имя для меча Всадника!

— Да, — кивнул Эрагон. — Но по какой-то непонятной причине всякий раз, как я произношу это имя, клинок взрывается... — Он помолчал, колеблясь и не желая снова произносить слово «брисингр», что на древнем языке эльфов и означает «огонь», закончил фразу на своем родном языке: — Снопом огня.

Бровь Оромиса поднялась еще выше.

— Вот как? А Рунона не нашла этому никакого объяснения? — Он протянул Эрагону меч и забрал у него свой шлем.

— Нашла, — кивнул Эрагон и пересказал ему обе теории Руноны.

— Интересно, — пробормотал Оромис, задумчиво глядя куда-то вдаль, за линию горизонта. Потом, словно очнувшись, он коротко дернул головой, и его серые глаза вновь так и впились в лицо Эрагона. Потом лицо его еще более помрачнело. — Боюсь, что во мне говорит моя гордость. Мы с Глаэдром, может, и не такие уж беспомощные, однако, как ты верно подметил, Эрагон, мы с ним уже не единое целое. Глаэдр страдает от своего увечья, а я — от своих многочисленных недугов. Хоть меня и прозвали Тогира Иконока, «изувеченный, но целостный». Наши недуги и увечья не составили бы особой проблемы, если б нашими врагами были одни лишь смертные. Даже в нашем нынешнем состоянии мы легко можем положить сотню обычных людей, а то и тысячу, особого значения это не имеет. Но нашим врагом является самое опасное существо, какого когда-либо знала наша земля. И как бы ни ненавистно мне было признавать это, мы с Глаэдром сейчас в невыгодном положении и, вполне возможно, не сумеем живыми выйти из предстоящих нам сражений. Наша жизнь была долгой и наполненной, однако скопившиеся за столетия беды и недуги преследуют нас, зато вы оба молоды, полны сил и надежд, и я верю, что именно у вас больше всего шансов на победу в войне против Гальбаторикса.

Оромис оглянулся на Глаэдра, и тень тревоги промелькнула на его лице.

— А потому, желая помочь вам победить, а также на случай нашей возможной гибели, Глаэдр — получив мое на то благословение — решил...

«Да, я решил, — перебил его Глаэдр, — отдать вам свое сердце сердец. Тебе, Сапфира, Сверкающая Чешуя, и тебе, Эрагон, Губитель Шейдов».

Было совершенно очевидно, что Сапфира потрясена этим решением ничуть не меньше Эрагона. Они оба не сводили глаз с величественного золотистого дракона, горой возвышавшегося над ними.

«Учитель, — сказала наконец Сапфира, — но мы, право, недостойны подобной чести... Ты уверен, что действительно хочешь доверить свое сердце именно нам?»

«Совершенно уверен, — твердо ответил Глаэдр и опустил свою массивную голову почти к самому лицу Эрагона. — Я решил сделать это по многим причинам. Если у вас будет мое Элдунари, вы сможете поддерживать постоянную связь с Оромисом и со мною, как бы далеко от нас вы ни находились. К тому же я всегда смогу передать вам часть своей силы, если вы окажетесь в затруднительном положении. А если уж нам с Оромисом суждено пасть в бою, то наши знания и опыт, а также моя магическая энергия останутся в вашем полном распоряжении. Я долго обдумывал это решение и твердо уверен в том, что оно верное».

— Но если Оромису суждено умереть, — тихо спросил Эрагон, — захочешь ли ты продолжать жить без него, только в виде Элдунари?

Глаэдр, повернув голову, уставился на него своим огромным глазом:

«Я, разумеется, не желаю расставаться с Оромисом, но в любом случае, что бы ни случилось, буду делать все от меня зависящее, чтобы свергнуть Гальбаторикса. Это наша главная и единственная цель, и даже сама смерть не сможет помешать нам добиться ее осуществления. Мысль о возможности потерять Сапфиру ужасает тебя, Эрагон, и ты совершенно прав. Но у нас с Оромисом были в распоряжении целые столетия, чтобы успеть привыкнуть к той мысли, что подобная разлука неизбежна, и смириться с нею. Какие бы меры предосторожности мы ни принимали, если мы прожили достаточно долго, то в конечном итоге один из нас все равно умрет. Это не самая радостная мысль, но это правда. Так устроен наш мир».

И Оромис, словно очнувшись от забытья, прибавил:

— Я тоже не стану притворяться и говорить, что понимание этого вызывает у меня восторг, однако смысл жизни отнюдь не в том, чтобы делать то, что *нам* хочется, *а в том*, чтобы делать то, что необходимо. Именно этого требует от нас судьба.

«А теперь я спрашиваю тебя, Сапфира, Сверкающая Чешуя, — снова вступил Глаэдр, — и тебя, Эрагон, Губитель Шейдов, принимаете ли вы мой дар, берете ли на себя ответственность за то, что с этим связано?»

«Берем и принимаем», — сказала Сапфира.

«Принимаем», — эхом повторил за нею Эрагон, чуть помедлив.

Глаэдр откинул голову назад; мышцы на груди и на животе у него настолько напряглись, что стали отчетливо видны под чешуей; по горлу у него несколько раз пробежала судорога, словно он чем-то давился. Раздвинув лапы и крепко упершись ими в землю, золотистый дракон вытянул шею, и под сверкающей чешуей рельефно выступили все жилы и связки. Глотка его между тем продолжала все сильнее сокращаться, пока наконец он не нагнул голову и не раскрыл пасть, из которой хлынул поток горячего, остро пахнущего воздуха. Эрагон зажмурился, борясь с тошнотой. Потом открыл глаза и увидел, как горло Глаэдра сократилось в последний раз, в складках его влажной, кроваво-красной пасти возникло золотистое сияние, и секунду спустя по ярко-алому языку дракона вниз скользнул округлый предмет около фута в диаметре. Эрагон едва успел подхватить его.

Прикоснувшись к скользкому, покрытому слюной Элдунари, он даже охнул и чуть отступил назад, потому что на него внезапно обрушились все мысли и чувства Глаэдра, все то, что испытывал и переживал сейчас огромный золотистый дракон. Объем его памяти и сила переживаемых им чувств поистине подавляли, равно как и невероятная мощь мысленной связи с ним. Эрагон, правда, и ожидал чего-то *подобного, но все равно был* потрясен, понимая, что держит сейчас в руках саму сущность Глаэдра.

Глаэдр передернулся всем телом — словно кто-то его укусил, — тряхнул головой и мгновенно установил мысленный барьер, однако Эрагон по-прежнему, хотя и значительно слабее, ощущал мелькание его мыслей и смену чувств.

Элдунари Глаэдра показалось ему больше всего похожим на крупный золотистый самоцвет. Поверхность у него была теплой на ощупь, покрытой сотнями острых фасеток, несколько различавшихся размерами и иной раз торчавших под странным острым углом друг к другу. Из центра Элдунари исходило туманное сияние, точно из светильника с треснувшим стеклом, и этот неяркий свет ритмично

вздрагивал, точно подчиняясь неторопливым, но ровным ударам сердца. На первый взгляд этот свет показался Эрагону вполне однородным, но чем больше он вглядывался в него, тем больше деталей замечал у него в глубине: там крутились странные водовороты, завиваясь в самых различных направлениях; там виднелись какие-то темные, почти совсем неподвижные точки; там вдруг возникали стремительные потоки ярких вспышек величиной не более булавочной головки, которые существовали не более секунды и тут же таяли, исчезая в мощном световом поле. Этот свет был живым.

— Вот, держи, — сказал Оромис, протягивая Эрагону прочную холщовую сумку.

Эрагон с большим облегчением понял, что мысленная связь с Элдунари Глэдра прервалась, как только он уложил его сердце сердец в сумку и перестал касаться его руками. Еще не успев прийти в себя от потрясения, он обеими руками прижал сумку к груди и его охватил некий священный ужас, смешанный с восхищением, ибо в его руках находилась сейчас сама сущность Глаэдра. Ему стало страшно при мысли о том, что может случиться с этим прекрасным драконом, если он хоть на минуту выпустит его Элдунари из своих рук.

— Спасибо, Учитель, — с трудом вымолвил Эрагон и низко поклонился Глаэдру.

«Мы будем оберегать твое сердце до последней минуты нашей жизни», — прибавила Сапфира.

— Нет! — воскликнул с неожиданной яростью Оромис. — Этого вы ни в коем случае не должны делать! Самое главное — это как раз ваши жизни! Вам просто нельзя допускать, чтобы по небрежности с сердцем Глаэдра случилась какая-нибудь беда. Но запомните: ни один из вас не должен жертвовать собственной жизнью, чтобы защитить его, или меня, или кого угодно другого. Вы оба просто обязаны остаться в живых, иначе рухнут все наши надежды и на земле воцарится вечный мрак!

— Да, Учитель, — одновременно сказали Эрагон и Сапфира — он вслух, она мысленно.

Тут вновь вступил Глаэдр:

«Поскольку вы принесли клятву верности Насуаде и обязаны ей повиноваться, можете сказать ей о моем Элдунари, если сочтете нужным, но только в самом крайнем случае. Для блага всех драконов, сколько бы их ни осталось на свете, правда об Элдунари не должна стать всеобщим достоянием».

«А Арье можно сказать?» — спросила Сапфира.

— И как насчет Блёдхгарма и других эльфов, которых Имиладрис к нам с Сапфирой приставила? — спросил Эрагон. — Я устанавливал с ними мысленную связь, когда мы с Сапфирой дрались с Муртагом. Они, конечно же, сразу заметят твое присутствие, Глаэдр, если ты окажешь нам помощь во время очередного сражения.

«Можешь сообщить об Элдунари и Блёдхгарму, и его магам, — сказал Глаэдр, — но только после того, как они поклянутся сохранить эту тайну».

Оромис, надевая шлем, заметил:

— Арья — дочь Имиладрис, и ей, я полагаю, тоже следует знать об этом. Однако, как и Насуаде, не стоит раскрывать ей эту тайну, пока не возникнет острой необходимости. Как известно, тайна, которую знают двое, перестает быть тайной. Постарайтесь заставить себя не только не думать об Элдунари, но даже не вспоминать о нем, чтобы никто не мог прочесть это в ваших мыслях.

— Хорошо, Учитель.

— А теперь нам пора в путь, — сказал Оромис, натягивая на руки толстые перчатки с раструбами. — Я слышал от Имиладрис, что Насуада начала осаду Фейнстера и вы с Сапфирой очень нужны варденам.

«Мы действительно несколько задержались в Эллесмере», — заметила Сапфира.

«Возможно, — возразил Глаэдр, — но это время было потрачено с толком».

Слегка разбежавшись, Оромис взобрался по здоровой передней лапе Глаэдра на его шипастую спину, уселся в седло и принялся затягивать ремни в стременах.

— Пока мы будем находиться в полете, — крикнул Оромис Эрагону, который еще стоял внизу, — я, пожалуй, смогу

проверить, хорошо ли ты запомнил списки истинных имен, которые учил в свой прошлый визит в Эллесмеру!

Эрагон кивнул, подошел к Сапфире, ловко взобрался ей на спину и, завернув сердце Глаэдра в одно из своих одеял, бережно спрятал сверток в седельную сумку. Потом прикрепил ремнями ноги, как это только что проделал Оромис. И все это время он ощущал постоянный ток энергии, исходивший от тщательно спрятанного Элдунари.

Потом Глаэдр подошел к краю утеса и развернул свои необъятные крылья. Земля дрогнула, когда золотистый дракон взвился к затянутым облаками небесам. В воздухе разнесся глухой гул — это Глаэдр, взмахнув крылами, вспарил над зеленым морем леса. Эрагон покрепче ухватился за торчащий перед ним шип, когда Сапфира устремилась следом за Глаэром, сперва опустившись на несколько сотен футов, а потом набрав скорость и высоту.

Глаэдр летел впереди, ведя их на юго-запад. Каждый из драконов по-своему работал крыльями, но оба весьма стремительно неслись к границе леса Дю Вельденварден.

Сапфира, выгнув шею, испустила звенящий победный клич, и Глаэдр, летевший впереди, ответил ей таким же кличем. Эти яростные ликующие звуки оглушительным эхом прокатились под куполом небес, распугивая птиц и лесных обитателей.

ПОЛЕТ

Сапфира и Глаэдр безостановочно летели над древним эльфийским лесом, стремительно проносясь над высокими темными соснами, над полянами, над озерами и лесными реками, похожими на голубых змеек, извивающихся в зарослях. Кое-где виднелись стада оленей, собравшихся на водопой, и животные замирали, подняв голову вверх и глядя на пролетающих над ними драконов. Правда, Эрагону было не до чудесных пейзажей, проносившихся внизу: он старательно вспоминал про себя слова древнего языка, которому его некогда обучил Оромис, и когда умудрялся все же что-то забыть или произнести неправильно, Оромис тут же поправлял его и заставлял повторить слово несколько *раз, чтобы запомнить как следует.*

К концу первого дня полета они достигли границы леса Дю Вельденварден и там, где лесная чаща сменилась поросшими травой полями и редкими купами деревьев, сделали круг. Глаэдр пожелал им на прощание:

«Береги свое сердце, Сапфира, и мое тоже».

«Буду беречь, Учитель», — ответила драконiха.

А Оромис прокричал Эрагону:

— Попутного ветра вам обоим, Эрагон и Сапфира! Если встретимся снова, пусть это случится уже у ворот Урубаена!

— И вам попутного ветра! — крикнул в ответ Эрагон.

После чего Глаэдр повернул на запад и полетел вдоль границы леса к тому месту, куда выходила северо-восточная оконечность озера Исенстар; затем ему нужно будет лишь пролететь над этим озером, чтобы попасть в Гилид. А Эрагон с Сапфирой продолжили полет в юго-западном направлении.

Сапфира летела всю ночь, приземлившись только на водопой, во время которого и Эрагон наконец получил

возможность немного размять ноги и облегчиться. В отличие от полета в Эллесмеру, им не препятствовали встречные ветры, да и воздух был чистый и спокойный, словно сама природа желала, чтобы они поскорее возвратились к варденам. Когда восход солнца ознаменовал начало второго дня пути, они находились уже далеко над пустыней Хадарак и теперь летели прямо на юг, чтобы с той стороны обогнуть восточную границу Империи. А когда землю и небо вновь окутала ночная мгла, приняв их в свои холодные объятия, Сапфира с Эрагоном уже успели миновать безмолвные пределы песчаной пустыни и неслись над зелеными полями Империи, избрав такое направление, чтобы пролететь между Урубаеном и озером Тюдостен и попасть прямо в окрестности Фейнстера.

После непрерывного полета в течение двух дней и двух ночей Сапфира была не в силах двигаться дальше и, спланировав к небольшой, но довольно густой березовой рощице у маленького пруда, приземлилась и тут же, свернувшись клубком, уснула в тени деревьев. А Эрагон в течение тех нескольких часов, что Сапфира отдыхала, сидел на страже и тренировался в обращении с Брисингром.

С тех пор как они расстались с Оромисом и Глаэдром, его не покидало какое-то странное беспокойство, особенно когда он начинал думать о том, что их ожидает в Фейнстере. Он, конечно, понимал, что они с Сапфирой гораздо лучше, чем многие, защищены от возможных смертельных ранений и увечий, однако перед глазами у него неизменно вставали картины битвы на Пылающих Равнинах — реки крови, горы отрубленных конечностей, вопли и стоны раненых; а когда он вспоминал еще и омерзительное обжигающее ощущение, когда меч противника вспарывает твою плоть, тут уже у него и желудок начинал бунтовать, а по телу *пробегала* неудержимая дрожь. И в такие минуты Эрагон уже не был так уверен, что ему хочется сразиться с каждым солдатом Империи; напротив, ему, пожалуй, больше хотелось убежать куда-нибудь подальше без оглядки и спрятаться в каком-нибудь темном углу, чтоб никто его не нашел.

Его страхи, пожалуй, только усилились, когда они с Сапфирой, возобновив полет, увидели внизу колонны солдат

Гальбаторикса. Вдали то и дело поднимались столбы дыма над разоренными и сожженными селениями, и вид этих бессмысленных разрушений страшно печалил Эрагона. Он старался не смотреть вокруг и, покрепче ухватившись за торчащий перед ним шип на шее Сапфиры, даже глаза ресницами прикрыл, чтобы видеть лишь побелевшие костяшки собственных пальцев.

«Не стоит так расстраиваться, маленький брат, — сказала ему Сапфира медленно и устало, — не стоит так расстраиваться. Все это мы уже видели, и не раз».

Жалея, что отвлек ее своими горестными мыслями, Эрагон сказал:

«Извини... Я, разумеется, приду в себя, когда мы до места доберемся. Просто очень хочется, чтобы все это поскорее кончилось».

«Да, я понимаю».

Эрагон шмыгнул носом и принялся растирать его краем шерстяной рубахи, настолько нос у него замерз.

«Знаешь, — сказал он Сапфире, — иногда мне тоже хочется радоваться бою, как это делаешь ты. Ведь тогда мне наверняка было бы гораздо легче».

«Если бы ты умел наслаждаться боем, — заметила она, — то весь мир бы уже пал к нашим ногам, включая Гальбаторикса с его Империей. Нет, это хорошо, что у тебя нет такой тяги к кровопролитию, как у меня. Мы как бы дополняем друг друга, компенсируя собственные недостатки... Порознь мы порой кажемся немного неполноценными, а вместе, превращаясь в единое целое, становимся могучей силой. Ну все, отрешись от своих печальных мыслей и задай мне какую-нибудь загадку, чтоб я не заснула ненароком прямо на лету».

«Ладно, — согласился Эрагон. — Вот тебе загадка: я красный, синий, желтый и вообще — всех цветов радуги. Я могу быть и длинным, и коротким, и толстым, и тонким; я часто отдыхаю свернувшись. Я могу уничтожить сотню овец подряд, но все равно остаться голодным. Ответь, кто я такой?»

«Дракон, конечно!» — моментально выпалила Сапфира.

«А вот и нет! — обрадовался Эрагон. — Шерстяной ковер!»

«Тьфу ты!»

...Наступил третий день пути, и тянулся он как-то ужасно медленно. Единственные звуки, которые слышал Эрагон, — это хлопанье Сапфириных крыльев, ее размеренное хриплое дыхание да глухой шум ветра в ушах. Ноги и поясницу у него ломило от усталости и слишком долгого сидения в седле, но это была сущая мелочь по сравнению с тем, какие муки испытывала вконец изможденная Сапфира, мышцы которой от страшного напряжения сводило непереносимой болью. Тем не менее она держалась и не жаловалась; она даже отказалась от предложения Эрагона как-то уменьшить ее страдания с помощью магии, сказав:

«Не стоит. Тебе еще понадобятся силы, когда мы прибудем на место».

Через несколько часов после наступления темноты Сапфира вдруг затормозила в воздухе и резко снизилась, совершив при этом стремительный, вызывающий тошноту маневр куда-то вбок. Встревоженный, Эрагон выпрямился в седле и огляделся, пытаясь понять, чем этот маневр был вызван, но вокруг и внизу была сплошная тьма, лишь над головой поблескивали звезды.

«Кажется, мы добрались до реки Джиет, — сообщила ему Сапфира. — Здесь воздух холодный и влажный, как всегда бывает над водой».

«Значит, Фейнстер уже недалеко. Ты уверена, что сможешь найти город в такой темноте? Мы ведь можем оказаться и в сотне миль от него к югу или к северу».

«Нет, такого быть не может. Хотя мое чувство направления, бывает, и подводит меня, но все же оно гораздо лучше, чем у тебя или у любого существа, обреченного вечно ходить по земле. Если эльфийские карты, которые нам показывали, достаточно точны, то мы могли отклониться к северу или к югу не более чем на полсотни миль, а с такой высоты я без труда сумею разглядеть этот город, даже находясь от него на большом расстоянии. Возможно, я смогу даже учуять запах дыма из его труб».

Так оно и произошло. Несколько позднее, уже под утро, когда до первых лучей зари оставалось совсем немного, над западным краем неба возникло неяркое красноватое свечение. Заметив его, Эрагон тут же извлек из седельных сумок

свои доспехи, надел кольчугу, подшлемник, шлем, налокотники и наголенники. И пожалел, что не захватил с собой щит — он оставил его у варденов, когда они с Нар Гарцвогом бегом отправились к горе Тхардур.

Еще пошарив в сумках, Эрагон отыскал серебряную фляжку с магическим напитком фёльнирвом, подаренную Оромисом. Фляжка была холодная на ощупь, но, когда Эрагон отпил глоток волшебного напитка, тот обжег ему рот, оставив привкус плодов самбука, меда и сидра, приправленного пряностями. Кровь сразу прилила к лицу. А через несколько секунд и усталость начала таять без следа — восстанавливающий силы напиток делал свое дело.

Эрагон слегка тряхнул фляжку и, к собственному великому разочарованию, понял, что она наполнена лишь на две трети; часть драгоценного напитка он уже употребил, хотя до этого прикладывался к фляжке всего один раз. «Надо более экономно его расходовать», — решил он.

Когда они с Сапфирой подлетели ближе к городу, свечение на горизонте превратилось в тысячи отдельных огоньков — от светящихся окон домов и уличных фонарей до огромных пылающих бочек со смолой, испускавших в ночное небо клубы вонючего черного дыма. Однако и при столь тусклом освещении Эрагон сумел разглядеть целое море блестящих наконечников копий и шлемов — это многочисленная армия стремительно продвигалась к хорошо укрепленным стенам города, усеянным крошечными фигурками людей. Люди на стенах вели себя весьма активно — стреляли из луков в подступающие войска, опрокидывали котлы с кипящим маслом в промежутки между зубцами парапетов, резали заброшенные на стены канаты и отталкивали шаткие деревянные лестницы, которые осаждающие снова и снова приставляли к высоким фортам и бастионам. С земли доносились едва слышные крики людей да глухие удары тарана об окованные железом городские ворота.

Всю усталость с Эрагона как рукой сняло, пока он изучал поле битвы и отмечал расположение людей, зданий и разнообразных боевых машин. Снаружи к стенам Фейнстера лепились сотни хижин-развалюх, между которыми с трудом могла бы протиснуться лошадь — жилища бедняков, которые не

могли позволить себе иметь дом в стенах города. Лачуги эти по большей части, казалось, были уже покинуты их обитателями, и часть из них вардены успели разрушить, чтобы иметь возможность атаковать стены всей массой своего войска. Несколько развалюх горели, и огонь быстро начинал распространяться, перекидываясь с одной камышовой крыши на другую. К востоку от лачуг виднелись черные зигзагообразные земляные валы, еще совсем свежие — там были вырыты рвы, прикрывающие лагерь варденов. По другую сторону города располагались верфи, доки и причалы, такие же, какие Эрагон видел в Тирме, а за ними — темный, вечно неспокойный океан, простиравшийся, казалось, в бесконечность.

Какое-то звериное возбуждение охватило Эрагона; он чувствовал, что и Сапфира дрожит под ним, явно испытывая примерно те же чувства, *и крепко стиснул рукоять Брисингра.*

«Они нас, кажется, еще не заметили, — мысленно сказал он Сапфире. — Может, известим их о своем прибытии?»

Сапфира ответила громогласным ревом, от которого у Эрагона невольно застучали зубы, а заодно и украсила небо над городом длинным языком синего пламени.

Внизу все замерло — и вардены у городских стен, и защитники города на его бастионах; на поле битвы воцарилась почти полная тишина. Потом вардены восторженно закричали, принялись стучать копьями и мечами по щитам, а над самим городом словно повис один общий вопль ужаса.

«Ну вот! — пожаловался Эрагон. — Зря ты это сделала. Мне теперь толком ничего не рассмотреть».

«Извини».

Щурясь и хлопая глазами, Эрагон сказал:

«Для начала хорошо бы обнаружить убитого коня или вола, чтобы ты могла хоть немного набраться сил».

«Да вовсе не нужно ничего...» — Сапфира не договорила, почувствовав, что кто-то попытался установить с ними мысленную связь. Эрагон первым догадался, что это Трианна.

«Эрагон, Сапфира! — *услышали они голос волшебницы.* — До чего ж вы вовремя! Арье и еще одному эльфу удалось взобраться на стену, но попали в засаду. Их окружил большой отряд солдат! Долго они не продержатся. Поспешите им на помощь! Скорей!»

БРИСИНГР!

Сапфира, прижав крылья, вошла в крутое пике и ринулась вниз, прямо на темные городские здания. Эрагон пригнул голову, защищаясь от бьющего в лицо ветра. Казалось, весь мир вокруг них завертелся колесом, когда Сапфира резко свернула вправо, чтобы сбить с толку лучников, стрелявших с земли.

Тело Эрагона словно налилось свинцом, когда Сапфира вышла из пике. Потом она выровняла полет, и давящая тяжесть в теле исчезла. Рядом, свистя, точно разъяренные ястребы, пролетали стрелы — некоторые мимо, а некоторые просто отскакивали, ударившись о магический защитный барьер, установленный Эрагоном.

Пройдя совсем низко над внешними стенами города, Сапфира вновь испустила оглушительный рев и, выбросив вперед когтистые лапы, а также действуя шипастым хвостом, сбила с ног довольно большую группу воинов, которые с криком полетели на истоптанную землю, до которой было не менее восьмидесяти футов.

В конце южной стены стояла высокая квадратная башня с четырьмя баллистами. Эти огромные боевые машины стреляли двенадцатифутовыми дротиками в сторону варденов, скопившихся перед городскими воротами. А под стеной Эрагон с Сапфирой заметили двух воинов, окруженных примерно сотней солдат и отчаянно отбивавшихся от них, прижимаясь спинами к основанию башни. Перед двумя отважными бойцами сверкал настоящий частокол мечей и копий, сквозь который им нечего было даже и думать пробиться.

Даже в предрассветных сумерках Эрагон сразу узнал в одном из этих воинов Арью.

Сапфира, прыгнув со стены, приземлилась прямо посреди этого круга, образованного воинами, и сразу нескольких раздавила своими лапищами. Остальные бросились врассыпную, вопя от ужаса. Сапфира зарычала, видя, что добыча от нее ускользает, и сердито махнула хвостом, положив еще с десяток солдат. Один попытался было проскочить мимо, но она, быстрая, как разъяренная атакующая змея, схватила его зубами и, мотнув головой, сломала несчастному позвоночник. Затем она таким же манером уложила еще четверых, а остальные успели к этому времени разбежаться и скрыться среди домов.

Эрагон быстро развязал крепежные ремни и спрыгнул на землю. Вес доспехов заставил его, правда, припасть на одно колено. Он недовольно крякнул и вскочил на ноги.

— Эрагон! — радостно закричала Арья, бросаясь к нему. Она тяжело дышала и была вся в поту. Единственным доспехом ей служил стеганый гамбизон; голову прикрывал легкий шлем черного цвета, чтобы не отбрасывать ненужных бликов.

— Добро пожаловать, Бьяртскулар и ты, Губитель Шейдов! — точно довольный кот, промурлыкал Блёдхгарм, подбежавший следом. Его короткие блестящие клыки в свете факелов казались оранжевыми, а глаза светились желтым. Шерсть на затылке и шее этого эльфа-волка стояла дыбом, отчего он выглядел еще более свирепым, чем обычно. Оба эльфа были с ног до головы в крови, и трудно было сказать, их это кровь или чужая.

— Ты ранена? — спросил Эрагон, и Арья лишь молча покачала головой, а Блёдхгарм сказал:

— Несколько царапин. Ничего серьезного.

«Что это вы полезли сюда одни, без подкрепления?» — осведомилась Сапфира.

— Мы хотели открыть ворота, — объяснила Арья, все еще слегка задыхаясь. — Мы уже три дня пытаемся их пробить, но магия на них не действует, а таран только дырявит дерево створок. Вот я и уговорила Насуаду... — Она умолкла; говорить ей все-таки еще было трудновато, и Блёдхгарм продолжил ее рассказ:

— Арья убедила Насуаду произвести ночную атаку и дать нам возможность незаметно проникнуть в Фейнстер и попытаться открыть ворота изнутри. К сожалению, мы напоролись на троих колдунов. Они тут же вступили с нами в мысленную связь, и, пока мы им сопротивлялись, время было упущено; мы так и не смогли воспользоваться магией, зато они успели вызвать на подмогу целый отряд воинов.

Пока Блёдхгарм рассказывал все это, Эрагон, приложив ладонь к груди только что убитого солдата, извлек из него весь остаток энергии, что еще имелся в его теле, и передал эту энергию Сапфире.

— А где теперь эти колдуны? — спросил он, переходя к следующему мертвецу.

Блёдхгарм пожал шерстистыми плечами:

— По-моему, они сбежали, стоило им увидеть вас с Сапфирой, Шуртугал.

«И правильно сделали!» — удовлетворенно прорычала Сапфира.

Эрагон извлек энергию из тел еще троих солдат, а у последнего забрал также и круглый деревянный щит — для себя.

— Ну, хорошо, — сказал он, выпрямляясь. — А теперь давайте откроем варденам ворота.

— И поскорей! — поддержала его Арья и первой двинулась к воротам, успев, впрочем, искоса глянуть на Эрагона и заметить: — А у тебя новый меч!

Он кивнул и пояснил:

— Рунона помогла мне его выковать.

— И какое же имя носит твой меч, Губитель Шейдов? — спросил Блёдхгарм.

Эрагон хотел уже ответить, но тут из темного переулка выскочило четверо солдат с пиками наперевес. Одним легким движением выхватив Брисингр из ножен, Эрагон рубанул по древку пики первого солдата и, как бы продолжая удар, обезглавил его. Брисингр, казалось, засветился от яростного удовольствия. Арья сделала выпад и проткнула своим мечом еще двоих, прежде чем те успели к ней повернуться, а Блёдхгарм, прыгнув вбок, обхватил руками последнего из нападающих и прикончил его кинжалом.

— Поспешим! — крикнула Арья и побежала к городским воротам.

Эрагон и Блёдхгарм бросились за нею, Сапфира не отставала, громко стуча когтями по камням мостовой. Лучники стреляли в них со стены, из-за домов выскакивали и бросались на них большие группы вооруженных воинов, но Эрагон, Арья и Блёдхгарм, не замедляя бега, пускали в ход свои смертоносные клинки, а Сапфира сжигала врагов языками огня.

Громкие ритмичные удары тарана стали теперь хорошо слышны. Перед воротами города, достигавшими в высоту сорока футов, Эрагон увидел троих — двух мужчин и женщину, — одетых в темные плащи. Эти трое стояли перед окованными железом створками и что-то пели на древнем языке, раскачиваясь из стороны в сторону и воздевая руки к небесам. Впрочем, трое колдунов сразу умолкли, заметив Эрагона и его товарищей, и бросились бежать вверх по главной улице Фейнстера, ведущей к цитадели с донжоном, возвышавшейся в дальнем конце города.

Эрагон хотел было броситься в погоню, но решил, что сейчас гораздо важнее впустить варденов в город, где им легче будет уберечься от обстрела тех, кто засел на стенах.

«Интересно, что за ловушку они нам тут приготовили?» — думал он, глядя вслед убегающим колдунам.

Не успели Эрагон, Арья, Блёдхгарм и Сапфира подойти к воротам, как из соседних сторожевых башен выскочило не меньше полусотни воинов в сверкающих латах, которые выстроились в шеренгу, преграждая им путь к огромным деревянным створкам.

Один из воинов, ударив рукоятью меча о щит, выкрикнул:

— Никогда вам тут не пройти, мерзкие демоны! Это наш дом, и мы не позволим в него войти ни ургалам, ни эльфам, ни иным монстрам! Убирайтесь, ибо в нашем Фейнстере вас ждет только кровь, смерть и беды!

Арья, незаметно указав Эрагону на сторожевые башни, тихо сказала:

— Механизмы, открывающие створки ворот, находятся там.

— Ступай вперед! — приказал он. — Вы с Блёдхгармом постараетесь зайти с тыла и пробраться в башни. А мы с Сапфирой их отвлечем.

Арья кивнула, и они с Блёдхгармом словно растворились в густой тени ближайших домов.

Постоянно слушая мысли Сапфиры, Эрагон сразу же почувствовал, когда она приготовилась к броску.

«Погоди, — сказал он ей. — Дай-ка я сперва кое-что другое попробую».

«А если у тебя не получится, можно, я их все-таки порву на мелкие кусочки?» — спросила она, хищно облизываясь.

«Конечно, можешь тогда делать с ними все, что захочешь».

Эрагон медленно направился к строю солдат, держа наготове меч и щит. Сверху в него выпустили стрелу, но та замерла в воздухе футах в трех от его груди и упала на землю. Заметив, какими испуганными взглядами обменялись при этом солдаты, Эрагон громко возвестил:

— Мое имя — Эрагон, Губитель Шейдов. Может, вы слыхали обо мне? А если нет, то вам неплохо бы узнать, что я — Всадник и поклялся помогать варденам, которые стремятся сбросить Гальбаторикса с его трона. А теперь отвечайте: давал ли кто-нибудь из вас клятву на древнем языке хранить вечную верность Гальбаториксу и его Империи? Ну, отвечайте!

Тот же воин, что заявил чуть раньше, что им тут не пройти — видимо, командир этого отряда, — ответил:

— Мы никогда не стали бы присягать этому правителю на верность, даже если бы он нам свой меч к горлу приставил! Мы присягали госпоже Лоране и храним ей верность! Она и ее родичи правили нами на протяжении многих поколений, и правили прекрасно!

Остальные солдаты глухим бормотанием поддержали слова своего командира.

— Тогда присоединяйтесь к нам! — крикнул Эрагон. — Сложите оружие, и я обещаю, что ни вам, ни вашим семьям не будет нанесено ни малейшего ущерба. У вас нет надежды удержать Фейнстер — слишком мощны объединенные силы варденов, Сурды, гномов и эльфов!

— Это ты так говоришь! — прокричал в ответ один из воинов. — А что будет, если сюда опять явится Муртаг со своим красным драконом?

Эрагон помолчал, но все же уверенно заявил:

— Ну и что? Куда ему тягаться со мной и с эльфами! Все мы на стороне варденов, и один раз нам этого Муртага уже удалось прогнать. — И тут Эрагон заметил, как слева от шеренги солдат из-за каменной лестницы, что вела на верхнюю площадку стены, выскользнули Арья и Блёдхгарм и прокрались к левой сторожевой башне.

А капитан отряда тем временем говорил:

— Мы не клялись нашему правителю в верности, но такую клятву принесла ему госпожа Лорана. Как же вы с нею-то поступите? Убьете? Или в тюрьму посадите? Нет уж, нашу госпожу мы не предадим! Мы не позволим вам пройти! И передайте это вашим монстрам, что на стены лезут. И ты, Всадник, и твои вардены только смерть несете всем, кого слуги Гальбаторикса насильно *заставили Империи* служить. Почему бы вам просто не оставить нас в покое, Всадник? Что вам не сидится где-нибудь в тихом месте? Что вы все время лезете на рожон, не давая другим жить в мире и спокойствии? Нет, вам подавай славу, почет, богатство! Вам, похоже, нравится нести смерть и разрушение в чужие города, удовлетворяя собственные притязания! Так слушай: я проклинаю тебя, Всадник! Проклинаю! И мечтаю лишь об одном: чтоб ты сгинул, чтоб убрался из Алагейзии на веки вечные!

Эрагон задрожал от внезапно охватившего его смертного холода. Эти проклятия казались ему эхом тех, что обрушил на него в Хелгринде последний раззак. Да еще ему вдруг припомнились мрачные предсказания Анжелы. Заставив себя не думать об этом, он крикнул:

— Ну что ж, я уже сказал, что не хочу убивать вас, но, видно, все же придется. Бросайте оружие!

Краем глаза он видел, как Арья тихонько открыла дверь левой сторожевой башни и проскользнула внутрь. Блёдхгарм, всеми своими повадками удивительно напоминавший дикого кота во время охоты, неслышно пробирался за

спинами солдат ко второй башне. Впрочем, если бы кто-то из солдат обернулся, то сразу заметил бы эльфа.

Капитан, злобно сплюнув под ноги Эрагону, заявил:

— Ты даже и с виду-то на человека уже не похож! Ты — предатель своего народа, вот что я тебе скажу! — И он, подняв щит, взмахнул мечом и медленно пошел на Эрагона. — Губитель Шейдов! Ха! — прорычал он. — Да я скорее поверю, что мой двенадцатилетний племянник Шейда уложил, чем такой юнец, как ты!

Эрагон выждал, пока капитан окажется от него не более чем в нескольких шагах, и в этот момент сам сделал шаг ему навстречу, всадив Брисингр в самый центр разукрашенного щита капитана. Щит он проткнул насквозь, а вместе с ним и руку, его державшую; следующим ударом он поразил и самого воина. Тот один раз дернулся и затих. Эрагон выдернул меч из его груди, и тут внутри башен послышался громкий звон, скрежет, и заработали воротные механизмы. Мощные брусья, державшие створки городских ворот, стали раздвигаться.

— Бросайте оружие, или все вы умрете! — крикнул Эрагон.

В ответ человек двадцать с воинственными воплями ринулись на него, размахивая мечами, а остальные либо кинулись прочь, к центру города, либо, послушавшись приказа Эрагона, стали бросать мечи, копья и щиты на серые камни мостовой и, опускаясь на колени, поднимать руки вверх.

Перед глазами Эрагона стоял кровавый туман — он прорубал себе дорогу, сражая одного противника за другим, прежде чем те успевали поднять оружие. Сапфира сшибла наземь пару солдат, а еще двоих опалила пламенем из ноздрей, и те, точно в духовке, испеклись внутри собственных доспехов. Эрагон сумел остановиться, лишь пролетев на несколько футов дальше того места, где нанес свой последний удар, и замер, так и держа руку с мечом на отлете, пока не услышал, как тот, последний, солдат рухнул на землю — сперва верхняя половина разрубленного пополам тела, потом нижняя.

Из сторожевых башен появились Арья и Блёдхгарм, и как раз в этот момент створки ворот со скрипом разошлись

в стороны, и за ними предстал тупой, расщепленный после множества ударов конец мощного тарана варденов. Лучники на верхней площадке стены отчаянно закричали и бросились к более укрепленным участкам, где по-прежнему велась оборона. Десятки рук варденов, ухватившись за створки ворот, раздвинули их еще шире, и перед Эрагоном предстали суровые воины с мрачными и решительными лицами — люди и гномы, странно похожие друг на друга.

— Губитель Шейдов! — восторженно орали они. — Аргетлам! Как мы рады, что ты вернулся! Нынче добрая для вас с Сапфирой охота!

— Этих людей я взял в плен! — крикнул Эрагон, указывая мечом на коленопреклоненных солдат. — Свяжите их, но не делайте им ничего дурного! Я дал им слово, что им не нанесут вреда.

Шестеро варденов бросились исполнять его приказание.

Остальные потоком хлынули в город; их звенящие доспехи и топот их сапог заглушили все остальные звуки. Эрагон обрадовался, заметив в рядах наступающих Рорана, Хорста и еще кое-кого из Карвахолла, и помахал им рукой. Роран тоже поднял свой молот в знак приветствия и подбежал к нему.

Эрагон, схватив его за плечи, на мгновение притянул к себе, затем чуть отступил и внимательно его оглядел: Роран выглядел сейчас гораздо старше, чем прежде; глаза у него ввалились, взгляд был каким-то пустым.

— Очень вовремя вы появились, — без особой радости буркнул он. — Мы сотнями теряли людей, пытаясь одолеть эти стены.

— Мы с Сапфирой торопились, как могли. Как Катрина?

— У нее все в порядке.

— Вот закончим битву, и ты непременно расскажешь мне, что тут было в наше отсутствие, хорошо?

Роран, сурово сжав губы, кивнул и, указывая на Брисингр, спросил:

— Где это ты такой меч раздобыл?

— У эльфов.

— И как его имя?

— Бри... — начал было Эрагон, но тут из рядов наступающих варденов появились те одиннадцать эльфов, которых Имиладрис отрядила охранять его и Сапфиру. Эльфы окружили их с Рораном, а потом к ним присоединились и Арья с Блёдхгармом. Арья тщательно вытирала клинок своего меча.

Эрагон так и не сумел ответить Рорану: в воротах появился Джормундур верхом на коне и, размахивая мечом, вскричал:

— Губитель Шейдов! До чего же я рад тебя видеть!

Эрагон приветствовал его и спросил:

— Что нам с Сапфирой теперь делать?

— Да что сами сочтете нужным, — ответил Джормундур, придерживая своего гнедого жеребца. — Надо, во-первых, прорваться к цитадели, к донжону. Мне кажется, Сапфире по здешним узким улочкам не пройти, так что лучше вам *облететь город с той стороны и попытаться* атаковать их с тыла. Если вам удастся открыть дорогу в донжон или, скажем, взять в плен Лорану, это будет просто здорово!

— А где Насуада?

Джормундур махнул рукой куда-то назад:

— *Она в арьергарде. Координирует* наши действия вместе с королем Ориком. — Джормундур с гордостью посмотрел на входящих в город варденов и снова повернулся к Эрагону и Рорану: — Кстати, Молотобоец, твое место в отряде, а не тут. Хватит со своим братцем сплетничать! — И Джормундур, ловко развернув коня, пришпорил его и помчался вверх по темноватой улице, на скаку выкрикивая команды своим воинам.

Роран и Арья хотели уже броситься за ним следом, но Эрагон придержал Рорана, схватив его за плечо, и коснулся своим мечом клинка Арьи:

— Погодите!

— В чем дело? — спросили те несколько раздраженно.

«Да-да, в чем дело? — спросила и Сапфира. — Сколько еще можно тут торчать, болтая неизвестно о чем, когда впереди столько развлечений?!»

— Моим отцом, — заявил Эрагон, — был не Морзан. Это был Бром!

Роран изумленно захлопал глазами:

— Бром?!

— Да, Бром!

Похоже, Арья была удивлена не меньше:

— Ты уверен, Эрагон? Откуда ты узнал?

— Конечно, уверен! Объясню все потом, просто не мог удержаться, чтоб не сообщить вам столь важную вещь прямо сейчас.

Роран покачал головой:

— Бром!.. Мне бы и в голову ни за что такое не пришло... Однако, по-моему, это многое объясняет. Да и тебе, должно быть, приятно, что больше ничто тебя с этим Морзаном не связывает?

— Еще бы!

Роран хлопнул его по спине и сказал:

— Ладно, береги себя.

Он побежал догонять Хорста, и Арья двинулась было следом, однако не успела она сделать и пары шагов, как Эрагон снова окликнул ее и сообщил:

— Тогира Иконока покинул Дю Вельденварден и присоединился к Имиладрис в Гилиде.

Зеленые глаза Арьи расширились, она открыла рот, словно намереваясь о чем-то спросить, но не успела: ее увлекла за собой толпа устремлявшихся к центру города варденов. А Блёдхгарм придвинулся ближе к Эрагону и тихо спросил:

— Губитель Шейдов, почему Печальный Мудрец покинул заповедный лес?

— Он со своим верным другом решил, что пора им нанести удар Империи и объявить Гальбаториксу о том, что они живы.

Шерсть эльфа встала дыбом и заколыхалась под ветром.

— Вот это да! — вырвалось у него.

Эрагон снова взобрался на спину Сапфиры и велел Блёдхгарму и остальным эльфам-телохранителям:

— Пробивайтесь к донжону сами. Там и встретимся.

И, не дожидаясь ответа, Сапфира вспрыгнула на лестницу, ведущую на верхнюю площадку городской стены. Каменные ступени заскрипели и стали разваливаться под ее весом, однако она успела взобраться на широкую площадку, с которой и взлетела, поднявшись высоко над пылающими лачугами у стен Фейнстера.

«Нам придется спросить разрешения у Арьи, прежде чем еще кому-то рассказывать об Оромисе и Глаэдре», — предупредил Сапфиру Эрагон, вспомнив о клятве, которую он, Орик и Сапфира дали королеве Имиладрис во время своего первого визита в Эллесмеру.

«Я уверена, что она такое разрешение даст, когда сама наш расс́каз услы̇шит», — ответила Сапфира.

«Я тоже так думаю».

Они несколько раз перелетали с места на место внутри городских стен, снижаясь, если видели попавших в затруднительное положение варденов. Но если противник атаковал не сразу, Эрагон каждый раз старался убедить воинов сдаться. Порой, правда, ему это не удавалось, но ему становилось лучше уже оттого, что он пытался это сделать, ведь многие из защитников Фейнстера были простыми горожанами, почти не обученными вести бой с хорошо подготовленным противником. А потому он упорно твердил каждому из них:

— Наш главный враг — Империя, а вовсе не вы. Не выступайте против нас с оружием, и вам нечего будет бояться.

Встретив убегающую женщину или ребенка, Эрагон приказывал им укрыться в ближайшем доме, и все без исключения слушались его совета.

Кроме того, он мысленно обследовал каждого встречного, надеясь обнаружить магов или колдунов, способных действительно причинить зло им с Сапфирой, но пока не обнаружил ни одного, если не считать той троицы, которую они уже видели у ворот, однако те колдуны оказались достаточно осторожными, чтобы держать свои мысли на замке. Эрагон был несколько встревожен тем, что эти люди пока что никак себя не проявляют и вроде бы даже не принимают никакого заметного участия в продолжающемся сражении.

«Может, они решили покинуть город?» — предположил он и поделился этой мыслью с Сапфирой.

«Разве Гальбаторикс позволил бы им уйти в разгар битвы?»

«Думаю, да; ведь не хочет же он потерять всех своих подручных».

«Возможно, ты прав. Но нам все-таки нужно быть осторожными. Кто знает, что они еще могут придумать?»

«Это верно, — согласился Эрагон. — А пока для нас главное — помочь варденам поскорее взять город».

И Сапфира свернула в сторону ближайшей площади, где как раз разгорелась очередная схватка.

Бой в условиях города протекает совсем не так, как на открытом пространстве, и для Эрагона и Сапфиры подобные условия были несколько непривычны. Узкие улицы и тесно стоящие дома мешали маневрам Сапфиры и не давали ей достаточно быстро реагировать при очередной атаке, хотя Эрагон успевал почувствовать приближение противника еще до его появления в пределах видимости. Они рубились с врагом отчаянно, лишь изредка прибегая к использованию огня или магии. Сапфира так разошлась, что несколько раз умудрилась хвостом снести фасад целого дома. Пока что им с Эрагоном удавалось избегать серьезных ранений, пользуясь комбинацией удачливости, ловкости, умения и защитных чар, установленных Эрагоном; однако уличные схватки держали их в постоянном напряжении, им приходилось вести себя гораздо более осмотрительно, чем в обычном бою.

Пятое подобное столкновение настолько раззадорило Эрагона, что он не сумел сдержаться и, когда солдаты уже начали отступать, бросился за *ними в погоню, намереваясь* перебить их всех, однако они вдруг свернули с улицы в запертую лавку, торговавшую дамскими шляпами, напрочь выломав дверь, и Эрагон бросился следом.

Перепрыгнув через обломки двери, он оказался внутри, в темноте; здесь пахло чем-то вроде куриных перьев и дешевыми благовониями. Эрагон мог бы, конечно, осветить лавку с помощью магии, но, понимая, что видит в темноте гораздо лучше противника, воздержался от этого. Он

чувствовал, что солдаты совсем рядом; он слышал их мысли, их тяжелое дыхание, но никак не мог определить, что их от него отгораживает, и медленно продвигался в глубь темной лавки, осторожно нащупывая дорогу. Прикрываясь щитом, он поднял руку с Брисингром над головой, готовый в любую минуту нанести сокрушительный удар.

И вдруг уловил еле слышный звук — не громче упавшей на пол шерстяной нитки — и почувствовал, что в него что-то летит.

Эрагон резко отпрянул и пошатнулся, когда что-то тяжелое, палица или боевой молот, ударило в щит, расколов его на куски. Раздались крики. Кто-то в темноте с грохотом налетел на стол или уронил стул, что-то разбилось о стену. Сделав стремительный выпад, Эрагон почувствовал, как Брисингр впивается в чью-то плоть и останавливается, достигнув кости. Что-то тяжелое повисло на конце клинка, и, когда Эрагон дернул меч назад, тот, кто расколол ему щит, рухнул к его ногам.

Быстро оглянувшись на Сапфиру, поджидавшую его снаружи, на узкой улочке, Эрагон лишь в этот момент обратил внимание на лампу, висевшую на железном столбе у входа в лавку, и догадался, что именно ее свет сделал его столь хорошо заметным для солдат, засевших в глубине магазина. Он быстро шагнул в сторону от освещенного дверного прохода, отшвырнул остатки ставшего бесполезным щита, и тут в лавке снова раздался какой-то грохот.

Оказалось, это солдаты бросились в заднюю часть помещения и вверх по лестнице. Эрагон поспешил за ними. На втором этаже располагались жилые комнаты хозяина лавки. Пытаясь догнать сбежавших солдат, Эрагон вихрем промчался через небольшую квартирку, почти не обращая внимания на ее обитателей, которые кричали от страха и тщетно пытались унять плачущих детей. Наконец ему удалось загнать преследуемых в угол, и он огляделся. Они находились в гостиной, тесно заставленной мебелью и освещенной одной-единственной неровно горевшей свечой.

Всех четверых Эрагон уложил сразу, нанеся всего четыре удара и морщась, когда на лицо ему брызгала кровь. У одного из убитых он забрал щит, затем осмотрел трупы

и, решив, что нехорошо оставлять их посреди чужой гостиной, попросту вышвырнул их в окно.

Но, возвращаясь назад, уже у лестницы, он имел еще одну, весьма неожиданную встречу с врагом — противник внезапно появился из-за угла и ударил его кинжалом в бок. Острие, правда, остановилось в доле дюйма от его ребер, защищенных магическими чарами, и Эрагон уже замахнулся Брисингром, готовясь снести нападавшему голову с плеч, но тут разглядел, что это всего лишь мальчишка лет тринадцати, не больше.

Рука Эрагона сама остановилась в воздухе. «А ведь и я не так давно мог бы оказаться на его месте, — подумал он. — И на его месте я поступил бы точно так же». Заглянув в комнату, он увидел мужчину и женщину в ночных рубахах и вязаных колпаках. Они держались за руки и с ужасом смотрели на него.

Эрагону стало не по себе. Он опустил меч и свободной рукой вырвал кинжал из ослабевших пальцев мальчика.

— На твоем месте, — сказал он, и голос его прозвучал в притихшем доме так громко, что он и сам поразился, — я бы не выходил на улицу, пока не кончится бой. — Потом, помолчав, прибавил: — Извини. — И, чувствуя, как горит от стыда лицо, поспешно выскочил из лавки.

Они с Сапфирой двинулись дальше и вскоре наткнулись на нескольких воинов короля Орика, которые грабили весьма богатый на вид дом, вытаскивая на улицу все подряд — золоченые подсвечники, серебряные блюда, столовые приборы, ювелирные украшения и прочее добро.

Эрагон выхватил у одного из них связку гобеленов и рявкнул:

— А ну отнеси все обратно! Мы сюда пришли, чтоб помочь этим людям, а не грабить их! Это наши братья и сестры! На этот раз я вас, так и быть, отпущу, но скажите всем: если поймаю вас *или кого-то еще за подобным делом, то* прикажу связать и отстегать плетью, как последних воров!

Сапфира грозно рыкнула, подтверждая его слова. И пристыженные воины потащили свои трофеи обратно.

«Ну хорошо, — обратился Эрагон к Сапфире, — а теперь нам, наверное...»

Не договорив, он умолк, услышав крик воина, бегущего к ним от центра города:

— Губитель Шейдов! Скорей! Нам нужна ваша помощь! — Судя по оружию и доспехам, воин был из числа варденов.

— Что случилось? — спросил Эрагон, крепче сжимая рукоять меча.

— Нам помощь нужна!

Они последовали за варденом и вскоре оказались перед большим каменным домом. Там, укрывшись за невысокой, сложенной из камня оградой палисадника, сидели несколько десятков варденов, которые при виде Эрагона и Сапфиры радостно заулыбались.

— Держитесь подальше, — предупредил один из них, указывая на дом. — Там целый отряд засел, и все луками вооружены!

Эрагон и Сапфира остановились за углом ближайшего дома, прикрывавшего их от попадания стрел. А их провожатый пояснил:

— Нам никак до них не добраться. Окна и двери они забаррикадировали и начинают стрелять, стоит нам нос высунуть.

Эрагон посмотрел на Сапфиру:

«Ну, я или ты?»

«Я ими займусь»

И Сапфира с шумом взвилась в воздух. Когда же она приземлилась на крышу дома, дом содрогнулся, из окон со звоном посыпалось стекло. Эрагон и остальные вардены с восторгом смотрели, как драконiха, всадив когти в швы между камнями кладки и негромко рыча от напряжения, прямотаки разорвала стену, выставив на всеобщее обозрение перепуганных солдат, которых, впрочем, тут же и пришибла, словно терьер крыс.

Когда Сапфира вернулась назад, вардены так и шарахнулись от нее в разные стороны, явно опасаясь драконьей силы и ярости. Она же, не обращая на них ни малейшего внимания, тут же принялась вылизывать себе лапы, старательно выбирая языком кровавые ошметки, застрявшие под чешуей.

«Я тебе когда-нибудь говорил, до чего я рад, что мы с тобой не враги?» — мысленно спросил у нее Эрагон.

«Нет, но это очень мило с твоей стороны — сообщить мне об этом именно сейчас».

Однако защитники города продолжали сражаться с поразительным упорством и сдавались лишь под напором неодолимой силы. Мало того, они предпринимали любые попытки, чтобы замедлить продвижение варденов. Из-за столь решительного сопротивления варденам долго не удавалось добраться до западной части города, где возвышался донжон. Цитадели они достигли уже на рассвете, когда над городом забрезжили первые лучи зари.

Крепость производила сильное впечатление — мощная, с высоким, квадратного сечения, донжоном, увенчанная множеством башен и башенок. Крыша самого донжона была сделана из сланцевых плит, так что поджечь ее было невозможно. На просторном дворе перед донжоном имелось несколько невысоких вспомогательных построек и стояли в ряд четыре катапульты. Цитадель окружала толстая внешняя стена, также со множеством башен, которую обороняли сотни солдат; еще несколько сотен укрывались во внутреннем дворе. Попасть в донжон можно было только через широкий арочный проход во внешней стене, закрытый толстой кованой железной решеткой и мощными дубовыми воротами.

Несколько тысяч варденов сосредоточились у внешней стены цитадели, пытаясь пробить спускную решетку с помощью тарана, который перетащили сюда от главных городских ворот. Кое-кто пробовал взобраться на стену с помощью веревок со стальными крюками, кошек и приставных лестниц, которые защитники донжона неизменно старались оттолкнуть и сбросить. Через стену в обе стороны летели тучи свистящих стрел. Казалось, ни одна из сторон не способна заполучить в этом противостоянии ни малейшего преимущества.

«К воротам!» — скомандовал Сапфире Эрагон.

Сапфира спикировала вниз, очистила себе для приземления площадку на вершине стены, выпустив из ноздрей струю пламени и дыма, и так резко шлепнулась туда, что Эрагон чуть не вылетел из седла.

«Иди, — сказала она ему. — А я займусь катапультами, пока они не начали метать в варденов камни».

«Будь осторожна!» — предупредил он и спрыгнул на стену.

«Это им нужно быть осторожными!» — заявила в ответ Сапфира и зарычала на копейщиков, столпившихся возле катапульт и тут же бросившихся врассыпную.

Стена была слишком высока, чтобы Эрагон мог без ущерба для себя просто спрыгнуть на землю, и Сапфира, просунув конец хвоста между двумя зубцами стены, свесила его вниз, а Эрагон, сунув Брисингр в ножны и пользуясь шипами ее хвоста как ступенями, стал спускаться. Добравшись до кончика хвоста, он выпустил последний шип и спрыгнул с высоты футов в двадцать. Приземлившись, он сразу откатился в сторону, смягчая удар о землю, и сразу оказался со всех сторон окруженным варденами.

— Приветствую тебя, Губитель Шейдов! — крикнул ему Блёдхгарм, выныривая из толпы вместе с остальными одиннадцатью эльфами.

— И я вас приветствую! — отозвался Эрагон, вытаскивая Брисингр из ножен. — А почему эти ворота до сих пор не открыты?

— Они защищены множеством различных заклятий, Губитель Шейдов, и чтобы снять эти заклятья, требуется немалая сила. Мы должны оберегать тебя и Сапфиру, но не сможем исполнить свой долг, если израсходуем все силы на другие дела.

С трудом проглотив готовое сорваться с губ проклятие, Эрагон сказал:

— Значит, лучше будет, если силы станем тратить мы с Сапфирой? Так, Блёдхгарм? Так для вас будет лучше и безопасней?

Эльф секунду смотрел на Эрагона своими странными желтыми глазами, по которым совершенно невозможно было понять, что он думает, потом слегка поклонился и сказал:

— Хорошо, мы сейчас откроем ворота.

— Нет, не нужно, — сердито буркнул Эрагон. — Ждите здесь.

Он протолкался сквозь толпу варденов и подошел прямо к опущенной решетке.

— Дайте дорогу! — кричал он, размахивая руками.

Вардены отступили, расчистив у ворот открытое пространство футов двадцать в поперечнике. Очередной дротик, выпущенный из баллисты, отскочив от барьера, созданного защитными чарами Эрагона, улетел, крутясь, в боковую улицу. Сапфира, уже находившаяся внутри, грозно зарычала, и послышался грохот, треск дерева и лопающихся канатов.

Ухватив меч обеими руками, Эрагон поднял его над головой и крикнул:

— Брисингр!

Клинок взорвался синим пламенем, и вардены вокруг в один голос охнули от ужаса и восхищения. Эрагон решительно шагнул вперед и ударом меча снес один из толстых поперечных прутьев спускной решетки. Всю стену осветила слепящая вспышка, когда клинок перерубил железный прут, и Эрагон сразу же ощутил мощный отток энергии — это Брисингр пробивался сквозь чары, охраняющие решетку. Однако Эрагон улыбался: как он и рассчитывал, та магия, которой Рунона наполнила Брисингр, оказалась невероятно действенной и была вполне в состоянии преодолеть здешние чары.

Нанося один удар за другим, он быстро прорубил в решетке достаточно большую дыру и отступил в сторону, когда целая секция ворот со звоном грохнулась на мостовую. Пройдя в вырубленное отверстие, Эрагон подошел к дубовым воротам внешней стены, вставил кончик Брисингра в едва заметную щель между двумя створками, нажал посильнее и просунул клинок в образовавшееся отверстие, так что тот вышел наружу с противоположной стороны. Затем он направил мощный поток энергии прямо в пламя, бушевавшее вокруг клинка, и тот настолько раскалился, что легко прожег себе дорогу в прочном дереве, подобно острому ножу, разрезающему свежий каравай хлеба. Вокруг клинка

так и вились клубы дыма, от которых саднило горло и слезились глаза.

Эрагон потянул меч вверх, прожигая толстенный брус, который служил внутренним засовом, и, как только почувствовал, что сопротивление Брисингру уменьшается, вытащил клинок и погасил пламя. На руках у него были толстые перчатки, поэтому он без колебаний ухватился за тлеющий край одной из створок и с усилием потянул ее на себя. Вторая створка тоже распахнулась наружу, хотя и секундой позже, и Эрагон увидел, что ему помогает Сапфира; она сидела у самых ворот и смотрела на него своими синими сверкающими глазищами. У нее за спиной Эрагон заметил четыре полностью разгромленные катапульты.

Он встал рядом с ней, и мимо них во двор хлынул поток варденов, наполняя воздух звоном оружия и боевыми кличами. Измотанный тяжкой работой, Эрагон коснулся пояса Белота Мудрого, пополняя запас сил за счет той энергии, что хранилась в двенадцати вшитых в пояс бриллиантах. Он предложил помощь и Сапфире, которая также была очень утомлена, но она отказалась, заявив:

«Придержи этот запас для себя. Там не так уж много осталось. И потом, мне всего лишь и нужно, что поесть хорошенько да проспать всю ночь напролет».

Эрагон прислонился к ее боку и на минутку устало прикрыл глаза.

«Ничего, — сказал он. — Надеюсь, что скоро все это закончится».

«И я тоже на это надеюсь», — откликнулась она.

Среди воинов, устремившихся во двор донжона, показалась Анжела в своих странных доспехах черно-зеленого цвета, сжимая в руках хутхвир, древковое, с двумя лезвиями, оружие, которым жрецы гномов обычно пользуются как посохом. Травница остановилась возле Эрагона и сказала, лукаво на него поглядывая:

— Весьма впечатляюще! А тебе не кажется, что ты несколько перестарался?

— Ты это о чем? — спросил Эрагон.

Она усмехнулась, чуть приподняв бровь:

— Да ладно тебе! Разве ты не понял? Зачем нужно было непременно заставлять свой меч извергать пламя?

Эрагон наконец понял, что она имела в виду, и рассмеялся.

— Ну, чтобы пробиться сквозь решетку, этого, конечно, не требовалось. Но мне нравится, когда это происходит. И потом, тут уж ничего не поделаешь: я дал мечу имя «Брисингр», что, как ты знаешь, означает «огонь», так что всякий раз, стоит мне произнести это слово, мой клинок извергает пламя и горит, точно сухая ветка в костре.

— Ты дал мечу имя Огонь? — недоверчиво переспросила Анжела. — Огонь? Не мог придумать ничего получше? Назвал бы его, скажем, Пламенный Клинок, и дело с концом. Огонь, видите ли! Хм-м! Воображения не хватило, что ли? А то еще неплохо было бы назвать его Истребителем Овец или Косарем Хризантем — по крайней мере в таких названиях и то было бы больше фантазии.

— У меня уже имеется один Истребитель Овец, — заметил Эрагон и положил руку на плечо Сапфиры. — Зачем мне еще один?

Анжела широко улыбнулась:

— А ты кое-что все-таки соображаешь! Значит, надежда еще есть. — И она поспешила к донжону, размахивая своим хутхвиром и приговаривая на ходу: — Огонь... ну, надо же было додуматься!

Сапфира тихонько зарычала и на всякий случай заметила:

«Ты все-таки поосторожнее со словами. Какой я тебе Истребитель Овец? Смотри, не то я и тебя истребить могу!»

«Ладно, ладно, я больше не буду», — засмеялся Эрагон.

ТЕНЬ ПРОКЛЯТИЯ

Вскоре к ним присоединились Блёдхгарм и остальные эльфы, но Эрагон на них даже внимания не обратил: он высматривал Арью. Наконец заметив ее — она бежала рядом с конем Джормундура, — он окликнул ее и приветственно замахал щитом.

Арья услышала его и, грациозно прыгая, точно газель, устремилась к ним с Сапфирой. Она тоже где-то успела раздобыть щит, закрытый шлем и кольчужный доспех, и металл ее доспехов слабо посверкивал в сероватом сумраке, висевшем над городом. Когда она подошла к нему совсем близко, Эрагон сказал:

— Мы с Сапфирой собираемся атаковать донжон сверху — хотим попробовать взять в плен госпожу Лорану. Хочешь, летим с нами?

Арья коротко кивнула.

Подпрыгнув и ухватившись за переднюю лапу Сапфиры, Эрагон забрался в седло. Арья последовала его примеру и секунду спустя уселась позади него, прижавшись к его спине своей кольчугой.

Сапфира развернула крылья и поднялась в воздух, оставив явно разочарованного Блёдхгарма и его эльфов на земле.

— Тебе не следует вот так бросать своих телохранителей, — заметила Арья и правой рукой крепко обхватила Эрагона за талию, когда Сапфира сделала круг над двором донжона.

Ответить ей Эрагон не успел: он вдруг почувствовал, что Глаэдр устанавливает с ним мысленную связь, а сопротивляться могучему сознанию золотистого дракона было попросту невозможно. Раскинувшийся внизу город тут же

словно исчез; сейчас Эрагон видел и чувствовал только то, что видел и чувствовал Глаэдр.

Маленькие кусачие оводы-стрелы отскакивали от брюха Глаэдра, когда он поднимался над деревянными пещерами, которые эти двуногие люди с круглыми ушами именуют домами. Воздух под крыльями был спокоен и упруг, лететь было хорошо и легко. Седло на спине слегка зашуршало — это Оромис устраивался поудобнее.

Глаэдр высунул язык и попробовал на вкус жгучий запах горящего дерева, вкусный запах вареного мяса и отвратительный запах пролитой крови. Он и раньше не раз бывал в этих местах. Когда он был молод, это место называлось иначе, не Гилид; тогда его единственными обитателями были эти грустно-веселые, но быстрые и сообразительные существа — эльфы, а также их друзья. Раньше ему всегда было приятно посещать эти места, но теперь он каждый раз испытывал боль, вспоминая двух своих сородичей, которые погибли здесь от руки ненавистных Проклятых.

Ленивое одноглазое солнце висело уже над самым горизонтом. На севере виднелась обширная водная гладь — озеро Исенстар, казавшееся широким листом сверкающего серебра. Внизу по земле двигались толпы остроухих эльфов под предводительством Имиладрис, постепенно собираясь вокруг города, похожего на развалённый кем-то лесной муравейник. Доспехи эльфов сверкали, как колотый лед. Все вокруг было окутано пеленой синеватого дыма, густого и больше похожего на холодный утренний туман.

А с юга, быстро махая крыльями, к Глаэдру стремительно приближался юный Торн с маленькими, но злыми и острыми когтями. Торн громко завывал, бросая ему, Глаэдру, вызов и желая, чтобы его слышали все. Сын Морзана Муртаг сидел у Торна на спине, и в правой руке у него сверкал Заррок, блестящий, точно коготь молодого дракона.

Печаль охватила сердце Глаэдра, когда он увидел этих жалких птенцов, лишь недавно вылупившихся из яйца. Ему вовсе не хотелось, чтобы они с Оромисом их убивали. «Ну зачем, — думал он, — дракону снова сражаться с драконом, а Всаднику — с таким же Всадником? А все из-за этого разбивателя драконьих яиц, из-за ненавистного Гальбаторикса!» Охваченный этими мрачными мыслями, Глаэдр быстрее замахал крыльями и выпустил когти, готовясь растерзать самонадеянного молокососа.

...Голова Эрагона так резко дернулась, что он чуть не вылетел из седла, когда Сапфира, сильно накренившись набок, снизилась на несколько десятков футов, прежде чем вновь обрести равновесие.

«Ты тоже все это видел?» — спросила она.

«Конечно».

Эрагон оглянулся на ту седельную суму, где было упрятано сердце сердец Глаэдра, размышляя, не стоит ли им с Сапфирой броситься на помощь Оромису и Глаэдру в столь опасной схватке, но раздумал, вспомнив, что среди эльфов имеется немало могущественных магов, так что у его дорогих учителей, конечно же, не будет недостатка в помощниках.

— Что-то не так? — громко спросила Арья.

«Оромис и Глаэдр вот-вот вступят в бой с Торном и Муртагом», — мысленно ответила ей Сапфира.

И Эрагон почувствовал, как напряглась Арья, крепко обнимавшая его сзади.

— Откуда вам это стало известно? — спросила она.

— Потом объясню, — бросил Эрагон. — Надеюсь, они выстоят.

— Я тоже хотела бы на это надеяться, — с тревогой прошептала Арья.

Сапфира поднялась высоко над донжоном, затем спланировала вниз, неподвижно распластав крылья, и приземлилась на шпиль самой высокой башни. Когда Эрагон и Арья спустились с ее спины на крутую крышу, Сапфира сказала:

«Встретимся внизу, в большом чертоге. Эти окошки для меня слишком малы».

И тут же взлетела. Ветер, поднятый ее крыльями, чуть не сбил Эрагона и Арью с ног. Перевалившись через край крыши, они спрыгнули на узкий каменный карниз, проходивший футов на восемь ниже. Эрагон осторожно пошел по этому карнизу к крестообразному окну, стараясь не думать о падении с жуткой высоты, если он вдруг оступится. Он пролез в окно и оказался в большом квадратном зале, где все стены были завешаны тяжелыми арбалетами и колчанами с толстыми арбалетными стрелами, болтами. Если в зале кто-то и находился до этого, то, как только Сапфира села на крышу, явно испугался и сбежал.

Арья нырнула в окно вслед за Эрагоном. Осмотрев зал, она махнула рукой в сторону видневшейся в дальнем углу лестницы и направилась туда, неслышно ступая по каменному полу мягкими кожаными сапожками.

Эрагон последовал за ней, но тут же ощутил какой-то странный поток энергии внизу, под ними, и мысли пяти людей, которые явно намерены были взломать его собственные защитные барьеры. Опасаясь подобной атаки, Эрагон усилил защиту и, как его когда-то учил Оромис, принялся повторять про себя отрывок какого-то эльфийского стихотворения. Осторожно тронув Арью за плечо, он спросил:

— Ты чувствуешь?

Она кивнула и сказала:

— Надо было все-таки захватить с собой Блёдхгарма.

Они вместе спустились по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Следующее помещение оказалось еще просторнее предыдущего; потолок там был высотой футов в тридцать, и с него свисал огромный светильник, представлявший собой округлый стеклянный многогранник, внутри которого горело желтое пламя. Стены были увешаны сотнями картин: это были написанные маслом портреты бородатых мужчин в богато изукрашенных одеждах и женщин с равнодушными, пустыми лицами, сидящих в окружении детей с острыми, плоскими зубами. Имелись среди картин и довольно мрачные морские пейзажи, где изображалось бурное море, ветер и тонущие в волнах моряки; были там и батальные полотна, на которых люди сотнями убивали — кололи, резали, рубили на куски — на редкость уродливых ургалов. В северной стене имелся выход на балкон с каменной балюстрадой; выход был частично прикрыт высокими деревянными ставнями. Напротив балкона, у противоположной стены, стояла целая коллекция маленьких круглых столиков, заваленных свитками, и три мягких кресла; рядом торчали две огромные бронзовые вазы с давно засохшими цветами. В одном из кресел сидела толстая седовласая женщина в сиреневом платье. Ее лицо показалось Эрагону весьма схожим с лицами тех, чьи портреты украшали стены зала. На голове у пожилой дамы сверкала серебряная диадема с инкрустированными в металл нефритами и топазами.

В центре зала стояли те три мага, которых Эрагон видел еще у городских ворот. Двое мужчин и женщина стояли лицом друг к другу, капюшоны их плащей были откинуты, а руки вытянуты в стороны так, что кончиками пальцев они касались друг друга. Маги, чуть покачиваясь, в унисон бормотали какие-то незнакомые ему заклинания на древнем языке. В центре образованного магами треугольника сидел четвертый человек, мужчина, одетый точно так же, как и они, но он молчал, не издавал ни звука, однако все время морщился, словно от боли.

Эрагон попытался проникнуть в мысли одного из колдунов-мужчин, но тот был настолько погружен совершаемым ими действом, что Эрагон не сумел пробиться сквозь его мысленные барьеры. Сам же маг, похоже, даже не заметил предпринятой Эрагоном попытки. Арья, видимо, попробовала проделать то же самое и, досадливо нахмурившись, прошептала:

— А они здорово подготовлены!

— *Ты знаешь, чем они* заняты? — тихо спросил Эрагон.

Она покачала головой.

А потом женщина в сиреневом платье подняла взгляд, заметила Эрагона и Арью, присевших на лестнице, но, к удивлению Эрагона, она не стала звать на помощь, а приложила к губам палец и жестом подозвала их к себе.

Эрагон обменялся с Арьей недоумевающим взглядом.

— Это может оказаться ловушкой, — прошептал он.

— Скорее всего, так и есть, — ответила она.

— И что будем делать?

— Сапфира уже рядом?

— Да.

— Тогда идем и поздороваемся с хозяйкой.

Нога в ногу они спустились по лестнице и быстро прошли через зал, не сводя глаз с чародеев, словно погруженных в некий транс.

— Вы госпожа Лорана? — тихо спросила Арья, останавливаясь перед сидящей дамой.

Та чуть склонила голову и с достоинством ответила:

— О да, прекрасная эльфийка, это я. — Затем она перевела взгляд на Эрагона и спросила: — А ты и есть тот Всадник,

о котором мы столько слышали в последнее время? Тебя зовут Эрагон, Губитель Шейдов?

— Да, именно так, — подтвердил Эрагон.

На гордом лице женщины отразилось явное облегчение.

— Я так надеялась, что когда-нибудь ты все же явишься сюда! Ты должен остановить их, Губитель Шейдов! — И она кивком указала на магов в центре зала.

— Но почему же ты сама не прикажешь им сдаться? — шепотом спросил Эрагон.

— Не могу, — сказала Лорана. — Они подчиняются только императору Гальбаториксу и его новому Всаднику. А ведь и я тоже принесла Гальбаториксу клятву верности — у меня тогда не было иного выбора, — и потому я не могу поднять руку ни на него самого, ни на его слуг. Если б было иначе, я и сама бы давно уже приказала их уничтожить.

— Но почему ты так их боишься? — спросила Арья.

Лорана даже глаза прикрыла; кожа у нее на висках натянулась, напряглась.

— Они понимают, что им не под силу отогнать варденов, они даже и не надеются на это, а Гальбаторикс не прислал нам никакого подкрепления, вот они и пытаются — не знаю уж, каким образом, — создать Шейда. Они надеются, что эта мерзкая тварь выступит против варденов и внесет в их ряды разброд и шатание.

Душу Эрагона объял ужас при одной лишь мысли о том, что придется сразиться с еще одним Дурзой.

— Но ведь Шейд может с тем же успехом выступить и против них самих, а также против жителей Фейнстера, отказавшись идти против варденов!

Лорана кивнула:

— А им все равно. Единственное, чего они хотят, — это разрушить здесь все, что успеют, прежде чем сами погибнут. Они безумны, Губитель Шейдов! Прошу тебя, останови их! Ты должен остановить их ради спасения моего народа!

Не успела Лорана произнести последнее слово, как на балкон села Сапфира, развалив хвостом балюстраду. Одним ударом лапы она отбросила в сторону обломки, словно

лучину для растопки, и, просунув голову в зал, негромко зарычала.

Но чародеи продолжали бормотать свои заклинания, словно не замечая дракона.

— О боги! — воскликнула Лорана, хватаясь за подлокотники кресла.

А Эрагон, подняв Брисингр, решительно двинулся к магам. Сапфира тоже сделала к ним несколько шагов с противоположной стороны зала.

И тут вдруг все закружилось, поплыло перед Эрагоном, и он снова почувствовал, что смотрит на мир глазами Глаэдра.

Красное. Черное. Вспышки желтого... Мучительная, вибрирующая боль... Крушащая кости, пронизывающая брюхо и левое плечо... Такой боли он не ощущал уже больше ста лет. Потом наступило облегчение: это его друг, спутник всей его жизни Оромис, залечил нанесенные ему раны.

Глаэдр восстановил равновесие и оглянулся, высматривая Торна. Маленький, точно коршун, красный дракон оказался куда более сильным и быстрым, чем мог предположить Глаэдр. Это явно было делом рук Гальбаторикса.

Торн налетел на Глаэдра слева, с той стороны, где у него отсутствовала передняя лапа, где он был слабее. Они закружились и стали падать на твердую и плоскую землю, с такой легкостью ломающую драконам крылья. Глаэдр брыкался задними лапами, рвал когтями, пытаясь одолеть молодого дракона, заставить его подчиниться.

«Нет, тебе со мной не справиться, малыш, – уверял он самого себя. – Я успел стать старым еще до того, как ты вылупился из яйца».

Белые когти-кинжалы ободрали Глаэдру бок и брюхо. Он слегка расслабил мышцы хвоста и с силой ударил им страшно оскалившегося и рычащего Торна по лапе, проткнув ему бедро острым хвостовым шипом. Схватка уже вымотала обоих, уничтожив все их невидимые защитные барьеры, и теперь они оба были уязвимы для любого удара.

Когда неясное вращающееся пятно внизу – эта твердая земля – оказалось всего в нескольких тысячах футов под ними,

Глаэдр сделал глубокий вдох и, откинув голову назад, напрягая шею и втянув брюхо, выпустил из глубин своего нутра мощный поток жидкого огня. Жидкость мгновенно вспыхнула, у него в глотке соединившись с воздухом, и он, как можно шире распахнув пасть, облил огнем красного дракона, и бешеное пламя заключило его в свой сверкающий кокон. Стремительный поток вечно голодных, жадных язычков пламени опалил изнутри щеки и самому Глаэдру.

Он перекрыл доступ огненному потоку, когда этот красный дракон с острыми как бритва когтями, корчась и пронзительно вопя, отскочил от него и бросился в сторону. И Глаэдр услышал слова сидевшего у него на спине Оромиса: «Они начинают терять силы, это заметно по их движениям. Еще несколько минут, и Муртагу станет трудно сосредоточиться, и тогда я проникну в его мысли и обрету власть над ними. Или же мы сразим их мечом и клыками».

Глаэдр мог лишь прорычать в знак согласия, страшно сожалея о том, что они с Оромисом не могут теперь уже общаться мысленно, как всегда прежде. Поднявшись еще выше на теплом ветре, приносившем запахи возделанной земли, Глаэдр повернулся к Торну, истекавшему алой кровью, грозно рыкнул и приготовился к новой схватке.

Эрагон растерянно смотрел в потолок, совершенно перестав понимать, где находится. Оказалось, что он лежит на спине в башне донжона, а рядом с ним на коленях стоит Арья с озабоченным лицом и держит его за руку. Она помогла ему встать и поддержала, когда он покачнулся и чуть не потерял равновесие. В другом конце зала Эрагон увидел Сапфиру, которая как-то странно раскачивала головой, и ему стало ясно, что и она тоже не в себе.

Трое чародеев по-прежнему стояли в центре зала, раскинув руки в стороны, покачиваясь и бормоча что-то на древнем языке. Слова их заклинаний с необычной силой звенели у Эрагона в ушах и словно повисали в воздухе, оставаясь там еще долго после того, как уже давно должны были бы затихнуть. Мужчина, сидевший в центре треугольника, образованного телами магов, скорчился, обхватив руками

колени, и, дрожа всем телом, мотал головой из стороны в сторону, точно безумный.

— Что случилось? — донесся до Эрагона взволнованный шепот Арьи. Она еще ближе притянула Эрагона к себе и прошептала ему на ухо: — Откуда тебе известно, о чем сейчас думает Глаэдр, ведь он так далеко отсюда и мысли его сейчас закрыты даже для Оромиса? Прости, если я без спросу осмелилась установить с тобой мысленную связь, но меня очень испугало твое состояние... Как вам с Сапфирой удалось установить с Глаэдром столь необычную связь?

— Потом все расскажу, — ответил он, расправляя плечи.

— Оромис дал тебе какой-то амулет или какой-то иной волшебный предмет, который позволяет тебе общаться с Глаэдром?

— Слишком долго объяснять, Арья. Обещаю: я потом обязательно все тебе расскажу.

Арья поколебалась, потом кивнула:

— Хорошо. Но помни: ты обещал!

И они втроем — Эрагон, Арья и Сапфира — вновь двинулись на чародеев. Каждый нанес удар одному из них, и в зале раздался громкий звон, очень похожий на колокольный, когда Брисингр отлетел в сторону, так и не коснувшись тела намеченной жертвы и чуть не вывихнув Эрагону плечо. Точно так же случилось и с мечом Арьи. И правая передняя лапа Сапфиры, наткнувшись на защитный барьер, со скрежетом провела когтями по каменному полу.

— Все силы надо направить вот на этого! — крикнул Эрагон, указывая на самого высокого мага, бледного мужчину с густой, спутанной бородой. — Скорей, пока они не успели призвать на помощь каких-нибудь духов!

Они с Арьей тщетно пытались найти лазейку в защитных чарах колдунов или ослабить эти чары с помощью собственных заклятий, однако использование магии против другого мага — дело всегда сомнительное и опасное, особенно если заранее не обрести власти над мыслями противника. Ни Эрагон, ни Арья не желали рисковать. Ведь подобная борьба могла оказаться для обоих смертельно опасной, ибо они совершенно не представляли, с какой магией имеют дело.

По очереди Эрагон, Сапфира и Арья, наверное, с минуту наносили по бородатому магу самые различные удары — рубящие, колющие, режущие, — но ни один из них не достигал цели. И вдруг, чувствуя совсем незначительное сопротивление и усилив атаку с помощью Брисингра, Эрагон понял, что нащупал брешь в защите мага. Стремительно взмахнув мечом, он снес чародею голову и в тот же миг ощутил внезапный и резкий отток энергии — это его собственные защитные чары спасли его от воздействия некоего неизвестного заклятья. Атака неведомой магии вскоре угасла, и после нее остались сильное головокружение и слабость. Желудок тоже бунтовал. Эрагон поморщился и потянулся к поясу Белота Мудрого, подкрепляя себя заключенной в нем магической энергией.

Единственной реакцией магов на смерть одного из них было то, что они стали еще быстрее выпевать свои заклинания. Губы их покрыла желтая пена, но они продолжали бормотать, брызгая во все стороны слюной и бешено вращая глазами, так и не сделав ни единой попытки ни защититься, ни убежать, ни пойти в контратаку.

Теперь Эрагон, Сапфира и Арья взялись за второго мага, толстяка с перстнями на больших пальцах обеих рук, и повторили всю последовательность действий, по очереди нанося ему удары и, в конце концов, все же ослабив его защиту. Этого уложила Сапфира, схватив когтистой лапой и швырнув через весь зал так, что несчастный ударился о боковину лестницы и расколол себе череп. На сей раз никакого ответного магического удара не последовало.

Но едва Эрагон попытался приблизиться к единственной среди магов женщине, как в комнату через разбитые ставни влетел рой многоцветных светляков и окутал сидящего на полу мага, образуя вокруг него некую непроницаемую стену и ярко вспыхивая, точно от жгучей ярости. Чародей вскинул руки, словно пытаясь защититься, и закричал. Воздух гудел и дрожал, напитанный невероятной магической энергией, исходившей от вспыхивающих светляков. Во рту у Эрагона появился кислый привкус железа, кожу покалывало. Волосы на голове женщины-мага встали дыбом.

Сапфира, приблизившись к чародейке с другой стороны, зашипела и выгнула шею; все тело ее напряглось.

Эрагоном овладел страх. «Нет, только не это! — думал он, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. — Только не теперь! Мы уже столько испытали!» Да, сейчас он был сильнее, чем тогда, когда дрался с Дурзой в Тронжхайме, зато теперь он куда лучше понимал, сколь опасным может быть Шейд. Только троим воинам удалось когда-либо выжить после схватки с Шейдом: эльфу Лаэтри, Всаднику Ирнстаду и ему, Эрагону, и он отнюдь не был уверен, что ему удастся повторить этот подвиг.

«Блёдхгарм, где ты? — воззвал он мысленно. — Нам нужна твоя помощь!»

И тут свет в его глазах снова померк, и вместо зала в башне донжона он увидел нечто совсем иное.

Белизна. Сплошная белизна. Холодные хлопья сухой воды, падавшей с неба, ласково касались тела Глаэдра, неся приятную прохладу после удушливого жара битвы. Он жадно глотал ледяной воздух, радуясь тем крошечным капелькам влаги, что оседали на его сухом, липнущем к гортани языке.

Он снова взмахнул крыльями, и завеса из белой сухой воды расступилась перед ним, открыв ослепительное, во весь рот смеющееся солнце, а внизу затянутую дымкой зелено-коричневую землю. Интересно, где это он находится? Глаэдр огляделся, пытаясь обнаружить Торна. Этот маленький красный дракон еще над Гилидом удрал от него, поднявшись очень высоко, так высоко, как даже птицы не летают, где воздух разреженный, а изо рта с дыханием вылетает густой туман замерзших кристалликов влаги.

— Глаэдр, сзади! — крикнул Оромис.

Глаэдр развернулся, но слишком медленно. Красный дракон ударил его в правое плечо с такой силой, что он, не удержав равновесия, неловко отлетел в сторону. Глаэдр зарычал и обхватил единственной передней лапой этого жалкого птенчика, который яростно кусался и царапался. Ему хотелось удушить наглеца, выдавить жизнь из его извивающегося тела. Торн взревел и рванулся из смертельных объятий Глаэдра. Наполовину вырвавшись, он успел еще вонзить когти в грудь старого дракона. А Глаэдр,

выгнув шею, впился зубами в левую заднюю лапу Торна и продолжал удерживать его, хотя красный дракон вертелся и отбрыкивался, словно загнанная в угол дикая кошка. Горячая соленая кровь наполнила пасть Глаэдра.

Оба дракона стрелой летели к земле. Глаэдр слышал звон мечей – это обменивались ударами Оромис с Муртагом. Торн снова задергался, и Глаэдру удалось краем глаза увидеть сына Морзана. Ему показалось, что Муртаг здорово напуган, но полной уверенности в этом у него не было. Даже после столь длительного и столь близкого общения с Оромисом он все еще с трудом различал те чувства, что отражались на мягких и плоских лицах людей, этих странных двуногих, бесхвостых и безрогих существ.

Звон мечей вдруг прекратился, и Муртаг воскликнул:

– Будь ты проклят! Где же ты был раньше? Будь ты проклят! Ведь ты мог помочь нам! Ты мог... – И Глаэдру показалось, что Муртаг подавился собственным языком.

Глаэдр рыкнул от неожиданности, когда невидимая сила вдруг прервала их падение; они повисли в воздухе, и он при этом чуть не выпустил из пасти лапу Торна. Потом та же неведомая сила понесла их вверх, все выше и выше, пока тот город внизу, похожий на разрушенный муравейник, не превратился в некое неясное пятно, а воздух стал настолько разреженным, что даже Глаэдру было трудно дышать.

«Интересно, как там этот молокосос? – озабоченно подумал Глаэдр. – Уж не пытается ли он покончить с собой?»

И тут Муртаг снова заговорил, однако теперь его голос звучал иначе – он стал мощнее, глубже, громче, чем раньше, и от него в небесной вышине разносилось гулкое эхо. Глаэдр почувствовал, как чешуя на нем встала дыбом: он узнал этот голос, голос своего извечного врага!

– Значит, вы все-таки уцелели, Оромис и Глаэдр! – громко и отчетливо произнес Гальбаторикс. Слова выкатывались у него изо рта, точно округлые гладкие камни; он говорил уверенно и почти дружелюбно, тоном опытного оратора, способным обмануть кого угодно. – Я, правда, давно уже подозревал, что эльфы прячут от меня дракона или Всадника. Приятно видеть, что мои подозрения подтверждаются.

– Сгинь, пропади, проклятый клятвопреступник! – крикнул Оромис. – И не жди от нас пощады!

Гальбаторикс засмеялся.

– Ну что это за приветствие! Стыдись, Оромис-элда! Неужели за последний век эльфы совсем забыли свою хваленую учтивость?

– Ты заслуживаешь учтивого приветствия не больше, чем бешеный волк!

– Ну-ну, Оромис! А помнишь, что ты говорил мне, когда я предстал перед тобой и другими Старшими? Ты сказал тогда, что гнев – это яд, который следует изгнать из своего сердца, иначе он отравит твою душу, даже самую лучшую ее часть. Между прочим, сейчас тебе самому стоило бы последовать собственному совету.

– Ты не собьешь меня с толку своим змеиным языком, Гальбаторикс! Ты омерзителен мне, и уж мы с Глаэдром постараемся во что бы то ни стало тебя уничтожить! Даже ценой собственной жизни, если потребуется.

– Да зачем вам это, Оромис? Зачем вам выступать против меня? Меня печалит, что ты позволил ненависти затуманить тебе разум, а ведь когда-то ты был, вероятно, мудрейшим из всех членов нашего ордена. Ведь это ты первым понял, какое безумие разъедает мне душу; это ты убедил остальных Старших отказать мне в просьбе о новом драконе, так что драконьего яйца я тогда так и не получил. Это был очень мудрый ход с твоей стороны, Оромис. Бесполезный, но мудрый. Интересно, как это тебе удалось уйти от Киаланди и Ферморы, ведь они так сильно вас покалечили? Значит, потом ты спрятался и выжидал, пока не вымрут все твои враги, кроме одного. Ну что ж, это тоже был мудрый ход, эльф. – Гальбаторикс немного помолчал и продолжил: – Тебе нет нужды продолжать это бесконечное сражение со мной. Я и сам признаю, что совершил в юности немало страшных преступлений, и, хотя те дни давно миновали, когда я вспоминаю о том, сколько крови я пролил, то по-прежнему испытываю жестокие муки совести. Ну, что ты от меня хочешь? Я ничего не могу вернуть назад, я не могу повернуть время вспять. Увы! Но теперь главная моя забота – обеспечить мир и процветание Империи, владыкой и хозяином которой я стал. Разве ты не видишь, что я давно уже утратил жажду мести? И та свирепая ярость, что руководила мною в течение

стольких лет, выгорела дотла. Спроси себя, Оромис: кто несет ответственность за войну, которая разгорелась теперь в Алагейзии? Только не я. Это вардены спровоцировали нынешний конфликт. Я вполне удовлетворился бы властью над своими подданными и оставил бы эльфов, гномов и жителей Сурды в покое, пусть сами о себе заботятся. Но вардены не пожелали жить в мире. Это они выкрали яйцо Сапфиры, это они усеяли нашу землю горами трупов. Не я. Ты был мудрым когда-то, Оромис, прояви же снова свою былую мудрость! Забудь о ненависти, стань моим союзником! Лети ко мне в Илирию! Заключив союз, мы с тобой сможем быстро положить конец этой войне, мы откроем новую эру, эру мирного существования, которая продлится многие тысячи лет!

Глаэдра эта речь отнюдь не убедила. Он еще крепче сжал свои сокрушающие челюсти, и Торн просто взвыл от боли. После речи Гальбаторикса, звучавшей в полной тишине, этот вопль красного дракона показался необычайно громким.

И тут заговорил Оромис, ясным, звенящим голосом отвечая Гальбаториксу:

– Никогда твои лживые медовые речи не заставят нас забыть о жестокостях, что ты творил. Отпусти нас! У тебя все равно не хватит сил долго удерживать нас здесь. Да и я не стану обмениваться бессмысленными аргументами с таким предателем, как ты!

– Да ты, оказывается, совсем выжил из ума, старый дурак! – воскликнул Гальбаторикс, и на этот раз в голосе его отчетливо зазвучал гнев. – Зря ты не принял мое предложение; ты бы мог стать первым и наиболее приближенным ко мне среди всех прочих моих рабов. Ничего, я еще заставлю тебя пожалеть о столь безумной приверженности твоей так называемой справедливости! К тому же ты заблуждаешься, ибо я могу удерживать вас в таком положении так долго, сколько захочу сам, потому что теперь я поистине обладаю могуществом богов, и никто не в силах помешать мне!

– Но нас тебе все же не одолеть! – спокойно возразил Оромис. – Даже богам не дано существовать вечно!

В ответ Гальбаторикс грубо выругался и высокомерно заявил:

– Твои философские рассуждения мне не помеха, старый эльф! Я – величайший из магов и скоро стану еще могущественней! Даже смерти не по плечу тягаться со мной! А вот ты умрешь. Но сперва будешь долго мучиться. Тебе суждены такие страдания, каких ты даже представить себе не можешь. А потом я убью тебя, Оромис, и заберу себе твое сердце сердец, Глаэдр, так что вы оба будете служить мне до конца времен!

– Никогда! – воскликнул Оромис.

И Глаэдр вновь услышал звон мечей.

На время схватки Глаэдр прервал свою мысленную связь с Оромисом, однако их душевная связь была глубже, и он поэтому сразу почувствовал, когда Оромис весь сжался, обездвиженный чудовищной острой болью, сокрушающей кости и нервы. В страхе Глаэдр выпустил лапу Торна и даже попытался оттолкнуть от себя красного дракона, лягнув его мощной задней лапой. От этого страшного удара Торн взвыл, но с места так и не сдвинулся. Заклятье Гальбаторикса по-прежнему держало их обоих на месте, и ни один не мог сдвинуться больше чем на несколько футов.

Сверху снова донесся звон металла, и Глаэдр увидел, как мимо него проносится, падая вниз, меч Нёглинг. Золотистый клинок, сверкая, стремительно приближался к земле. А ведь большая часть магической энергии Оромиса была заключена именно в Нёглинге! В том числе и его охранные чары! Без этого меча он будет беззащитен.

Глаэдр всей мощью навалился на невидимую стену, созданную магией Гальбаторикса, пытаясь пробить ее, но, увы, все его попытки оказались тщетными. И как раз в ту минуту, когда ему показалось, что Оромис немного приходит в себя и собирается с силами, он почувствовал, как лезвие Заррока рассекло тело эльфа от плеча до бедра.

Глаэдр взвыл.

Он выл точно так же, как выл Оромис, когда Глаэдр лишился в бою передней лапы.

Какая-то неодолимая сила проснулась в душе Глаэдра. Не думая больше о том, возможно это или нет, он отшвырнул в сторону Торна и Муртага, пустив в ход невероятно мощный магический удар, и те полетели, точно сухие листья на ветру. Потом,

сложив крылья, Глаэдр спикировал вниз, в сторону Гилида, понимая, что если успеет быстро туда добраться, то Имиладрис и ее маги, возможно, еще смогут спасти Оромиса.

Но город оказался слишком далеко от них. А сознание Оромиса угасало с каждым мгновением... таяло... ускользало...

Глаэдр передал ему часть своих сил, пытаясь как-то поддержать его израненное тело, пока они не достигнут земли, но эльф, несмотря на мощный приток энергии, продолжал истекать кровью – она ручьем лилась из его страшной раны.

«Глаэдр... отпусти меня, – мысленно приказал Оромис. – И, чуть погодя, добавил слабым шепотом: – Не оплакивай меня».

И Глаэдр почувствовал, как жизнь его напарника и друга растворяется в небытии.

Оромис ушел.

Ушел!

УШЕЛ!!

Душу Глаэдра заполнила тьма. И пустота.

Он остался один.

Весь мир, казалось, накрыла кроваво-красная пелена, вздрагивавшая в такт ударам сердца дракона. Он расправил крылья и полетел назад, туда, где состоялась эта последняя битва, надеясь отыскать Торна и его Всадника. Нет, он не даст им сбежать! Он их непременно поймает и разорвет на куски! А потом спалит их дотла своим огнем, чтоб от них и следа в этом мире не осталось!

Глаэдр заметил, как красный дракон устремился с высоты ему навстречу, и даже зарычал от горя и гнева, удвоив скорость. В последний момент Торн вильнул в сторону, явно намереваясь нанести удар с фланга, но ему не хватило ловкости и быстроты, чтобы уйти от разъяренного Глаэдра, который бросился на него и, впившись зубами ему в хвост, оторвал фута три окровавленной плоти. Из страшной раны фонтаном забила кровь. Крича от жуткой боли, красный дракон рванулся куда-то в сторону, промчался мимо Глаэдра и попытался напасть на него сзади. Глаэдр начал разворачиваться, но Торн оказался проворнее, и старый дракон ощутил вдруг резкую боль у оснований черепа, и перед глазами у него все померкло.

Где же это он оказался?

Он был там один.

Один, окруженный кромешной темнотой.

Один, в кромешной темноте, лишенный способности двигаться и видеть.

Он чувствовал чьи-то мысли, ощущал присутствие поблизости других существ, но то были не Торн и не Муртаг, а Эрагон, Арья и Сапфира.

И тут Глаэдр наконец понял, где он и что с ним произошло. И, осознав весь ужас случившегося, он страшно завыл в этой непроницаемой тьме. Он выл и выл, полностью отдавшись своей боли и безумному отчаянию, и ему было все равно теперь, что сулит ему будущее, ибо Оромис был мертв, и он остался один.

Один!

Эрагон наконец пришел в себя и вновь начал осознавать то, что происходит вокруг.

Он лежал, свернувшись в клубок, и по лицу его текли слезы. Тяжело дыша, он рывком заставил себя подняться на ноги и увидел перед собой Арью и Сапфиру.

А еще через минуту полностью осознал, где находится.

Та женщина-маг, на которую он собирался напасть, лежала перед ним, сраженная одним ударом меча. Духи, созванные ею и остальными магами, исчезли. Во всяком случае, их нигде видно не было. Госпожа Лорана по-прежнему сидела в своем кресле. А Сапфира как раз с трудом поднималась на ноги, находясь на противоположном конце огромного зала. Маг, сидевший ранее на полу в центре магического треугольника, стоял теперь рядом с Эрагоном и держал за горло Арью, подняв ее в воздух.

Казалось, от лица мага отхлынула вся кровь, он был мертвенно-бледен. А его волосы, ранее каштановые, теперь приобрели ярко-алый оттенок. Он посмотрел на Эрагона и улыбнулся, и Эрагон заметил, что глаза его тоже отсвечивают красным. Теперь он всем своим видом и поведением более всего был похож на Дурзу.

— Наше имя — Варог, — заявил Шейд. — Бойся нас!

Арья пнула его ногой, но это, похоже, не произвело на Шейда ни малейшего впечатления.

Обжигающее магическое воздействие Шейда на мысленные барьеры, установленные Эрагоном, было почти непереносимым. Мощь этого мозгового штурма почти парализовала Эрагона, он лишь с огромным трудом сдерживал, пытаясь оттолкнуть всепроникающие щупальца сознания Шейда, но не мог ни пошевелиться, ни взмахнуть мечом. По какой-то непонятной причине этот Варог оказался даже сильнее, чем Дурза, и Эрагон отнюдь не был уверен, что ему удастся долго выдерживать натиск столь могучего противника. Он заметил, что и Сапфира подвергается столь же мощному магическому воздействию и сидит почти неподвижно у выхода на балкон, оскалив в бессильной ярости клыки.

У Арьи на лбу вздулись жилы, лицо ее побагровело, рот был судорожно раскрыт, но дышать она не могла. Ребром правой ладони она, собрав силы, ударила Шейда по локтю и с громким хрустом раздробила ему сустав. Хватка Варога несколько ослабла, и Арье удалось коснуться пола кончиками пальцев ног, но уже в следующее мгновение раздробленные кости Шейда со щелчком вернулись на прежнее место, и он, с удвоенной силой стиснув горло эльфийки, поднял ее еще выше.

— Сейчас ты умрешь, — прорычал Варог. — Вы все умрете, потому что посмели заточить нас в эту холодную, твердую глину.

Понимание того, что жизнь Арьи и Сапфиры висит на волоске, заставило Эрагона забыть обо всем; сейчас он испытывал лишь неукротимую решимость. Мысли стали простыми, четкими и острыми, точно осколки стекла; он изо всех сил ударил по мысленному барьеру в кипящем сознании Шейда, но Варог оказался слишком могуч. Да и духи, составлявшие его сущность, были совершенно неведомы Эрагону, чтобы он мог их подавить, заставить подчиниться. Тогда он попытался как-то изолировать их от самого Шейда, как бы окутав сознание противника своим собственным сознанием и всякий раз, когда Варог пытался дотянуться до Сапфиры или Арьи, блокируя эти его устремления. А когда Шейд хотел, скажем, переменить позу, Эрагон парировал его команду своей собственной.

Все это происходило с той же скоростью, с какой движется мысль; противники атаковали и парировали, словно двигаясь по периметру сознания Шейда, и оно было столь запутанным и противоречивым, что Эрагон всерьез опасался сойти с ума, если будет слишком долго с ним взаимодействовать. Он изо всех сил сопротивлялся воздействию безумного сознания Варога, стараясь предусмотреть любое следующее движение его мыслей, но уже понимал, что этот поединок может кончиться только его собственным поражением. Он попросту не успевал отражать мысленные атаки тех бесчисленных созданий, которые с помощью магии были заключены в душу и тело Шейда.

Его способность наносить мысленные удары в конце концов ослабела, и Варог тут же воспользовался этой возможностью, чтобы глубже проникнуть в его сознание, парализовать, подавить его мысли, и теперь Эрагон мог лишь смотреть на Шейда в бессильной ярости. Все его тело *наполнил мучительный зуд, в ушах стоял* звон — это духи устремились в его душу из души Варога, скользя по нервам и словно выжигая все на своем пути.

— Твое кольцо наполнено светом! — воскликнул Варог, радостно сверкая глазами. — О, какой прекрасный свет! Он будет долго питать нас!

Впрочем, он тут же взвыл от боли и ярости, ибо Арья, ухватив его за запястье, сумела сломать его сразу в трех местах. Освободившись от душившей ее руки Шейда, она упала *на пол, хватая ртом воздух*, и, прежде чем Варог успел исцелить себя или хотя бы ударить ее ногой, успела откатиться в сторону и схватить свой меч.

Эрагон дрожал от напряжения, стараясь сбросить с себя мысленные оковы и освободить свое сознание от подавляющего присутствия Шейда.

Когда рука Арьи сжала рукоять меча, и из уст Варога вырвался беззвучный вопль, и он прыгнул на нее, пытаясь вырвать у нее клинок, и они покатились по полу, Арья с громким криком ударила Шейда по голове рукоятью меча, и тот на мгновение бессильно обмяк, а эльфийка отползла от него и вскочила на ноги.

И тут Эрагону наконец удалось освободиться от мысленного присутствия Шейда. Ничуть не заботясь о собственной безопасности, он вновь ринулся в атаку на его сознание — единственное, чего ему сейчас хотелось добиться, это хотя бы на несколько секунд обездвижить противника.

Варог приподнялся, встал на одно колено и тут же снова пошатнулся, поскольку Эрагон удвоил свои усилия.

— Бей! — крикнул Эрагон.

Арья сделала стремительный выпад. Вихрем пронеслись в воздухе ее черные кудри...

И острие клинка вошло Шейду прямо в сердце.

Эрагон, морщась, стряхивал с себя магические оковы Варога, однако по-прежнему остро чувствовал его мысли, пока он, выдернув из груди меч Арьи, отползал от нее с разинутым в смертном вопле ртом. От этого страшного крика звенели стекла в окнах и в люстре под потолком. Потом Шейд протянул к Арье руки, сделал несколько шагов, но не дошел: замер на месте, кожа его побледнела, стала прозрачной, и сквозь нее стали видны десятки светляков — духи, с помощью магии запертые в его теле. Эти странные светляки дрожали, на глазах увеличиваясь в размерах, и наконец кожа Варога стала лопаться вдоль мышц, раздался хлопок, последовала яркая вспышка света, и духи вырвались на волю, разорвав Варога на части. Покружившись по залу, они тут же стали покидать его, с такой легкостью проходя сквозь стены, словно они были созданы не из камня, а из воздуха.

Эрагон постепенно приходил в себя; бешеный стук сердца замедлился, *и он, чувствуя себя невероятно старым* и усталым, с трудом подошел к Арье, которая стояла, опершись на стул и растирая шею ладонью. Она закашлялась, выплюнула кровавый сгусток, но говорить явно была не в состоянии. Эрагон коснулся ее руки и промолвил на древнем языке: «Вайзе хайль». И, чувствуя мощный отток энергии, использованной на исцеление Арьи, был вынужден тоже ухватиться за стул, ибо ноги почти не держали его.

— Ну что, лучше тебе? — спросил он шепотом, чувствуя, что действие заклинания завершилось.

— Да, спасибо, — тоже шепотом ответила Арья и одарила его слабой улыбкой. Потом мотнула головой туда, где только что стоял Варог: — Мы уничтожили его... Мы его уничтожили! И сами не погибли! — Она была явно поражена этим. — Мало кому удавалось убить Шейда и не погибнуть при этом.

— Это потому, что все они дрались в одиночку, а мы — вместе.

— Да, мы сражались с ним вместе.

— Ты помогла мне победить Шейда в Фартхен Дуре, а я помог тебе здесь.

— Да.

— Теперь я и тебя тоже буду звать Губительницей Шейдов.

— Мы оба теперь...

И Арья не договорила, прерванная протяжным горестным воплем Сапфиры. Драконiха, продолжая во весь голос *вопить и причитать, яростно скребла* по полу когтями, царапая и дробя каменные плиты, и молотила хвостом, громя мебель и сбивая со стен мрачные портреты хозяев здешнего замка.

«Их нет! Они ушли навсегда! Их больше нет!» — причитала она.

— Сапфира, что случилось? — воскликнула Арья.

Но Сафпира не отвечала, и эльфийка повторила свой вопрос, обращаясь к Эрагону. С трудом заставив себя произнести страшные слова, он сказал ей:

— Оромис и Глаэдр погибли. Гальбаторикс убил их.

Арья пошатнулась, как от удара.

— Ох! — вырвалось у нее, и она так сильно сжала руками спинку стула, что побелели костяшки пальцев. Глаза ее мгновенно наполнились слезами, и слезы ручьем потекли по щекам. — Эрагон, как же... — Она протянула руку и схватила его за плечо, а потом вдруг оказалась в его объятиях, и он понял, что и у него на глазах слезы, и стиснул зубы, стараясь держать себя в руках и отчетливо понимая, что если сейчас разрыдается, то вряд ли сможет остановиться.

Так они стояли довольно долго, обнимая и утешая друг друга. Потом Арья высвободилась и спросила:

— Как это произошло?

— У Оромиса, видимо, случился очередной приступ, и пока он был бессилен, Гальбаторикс заставил Муртага... — Голос у Эрагона сорвался; он помотал головой и сказал: — Я лучше потом вам с Насуадой все расскажу. Она тоже должна об этом узнать, а я вряд ли смогу еще раз повторить свой рассказ.

Арья понимающе кивнула:

— Хорошо, тогда давай поскорее отправимся к ней.

Восход солнца

Сопровождая госпожу Лорану вниз по лестнице, они повстречали Блёдхгарма и его эльфов, которые мчались наверх, перескакивая через четыре ступеньки.

— Губитель Шейдов! Арья! — вскричала эльфийка с длинными черными волосами. — Вы не ранены? Мы услышали горестные причитания Сапфиры и решили, что кто-то из вас погиб!

Эрагон посмотрел на Арью. Клятва хранить тайну, данная королеве Имиладрис, не позволяла ему рассказывать об Оромисе и Глаэдре в присутствии лиц, не имеющих отношения к Дю Вельденвардену — например госпожи Лораны, — без разрешения самой Имиладрис, Арьи или любого другого наследника эльфийского королевства.

Арья кивнула и сказала:

— Я освобождаю тебя от этой клятвы, Эрагон, и тебя тоже, Сапфира. Можете рассказать все, что сочтете нужным.

— Нет, мы не ранены, — сказал эльфам Эрагон, — а вот Оромис и Глаэдр только что погибли. Они пали в бою над Гилидом.

Эльфы вскрикнули в один голос, сраженные этой ужасной вестью, и засыпали Эрагона вопросами, но Арья, подняв руку, остановила их:

— Сейчас не время и не место удовлетворять ваше любопытство. Вокруг полно вражеских солдат. Да и в данную минуту нам неизвестно, кто может нас подслушивать. Держите свое горе при себе, спрячьте его глубоко в сердце до тех пор, пока мы не окажемся в полной безопасности. — Она помолчала, посмотрела на Эрагона и прибавила: — Я непременно сама расскажу вам все об их гибели, как только Эрагон сможет сообщить мне об этом.

— Неон оно веохната, Арья Дроттнингу, — пробормотали они в ответ.

— Так, значит, ты все-таки услышал мой призыв? — спросил Эрагон у Блёдхгарма.

— Да, — ответил ему этот удивительный эльф в волчьей шкуре. — Мы бросились вам на помощь, но путь нам преградило множество вражеских воинов.

Эрагон приложил руку к груди в традиционном эльфийском жесте уважения и торжественно промолвил:

— Я прошу у вас прощения за то, что столь самонадеянно бросил вас, Блёдхгарм-элда. В пылу битвы я несколько утратил осторожность и слишком уверовал в свои силы. Из-за этой моей ошибки мы все чуть было не погибли.

— Тебе вовсе не нужно просить прощения, Губитель Шейдов. Мы тоже сегодня допустили ошибку, и я обещаю, что больше это не повторится. Отныне мы будем сражаться бок о бок с тобой и варденами без каких-либо условий и ограничений.

Затем они все вместе спустились во двор, и оказалось, что вардены уже перебили или взяли в плен большую часть солдат, находившихся в донжоне, а те немногие, что еще продолжали сопротивляться, сдались сразу же, едва увидев Лорану под стражей. Сапфира, минуя лестничные пролеты, которые были слишком узки для нее, спустилась на двор сама и уже ждала их там.

Эрагон остался во дворе вместе с Сапфирой, Арьей и госпожой Лораной, пока один из варденов разыскивал Джормундура. Когда тот *наконец явился, они рассказали ему о* том, что произошло в башне — и он был прямо-таки потрясен их рассказом, — а затем передали ему Лорану.

Джормундур поклонился ей:

— Можешь быть уверена, госпожа моя, что вардены станут к тебе относиться с должным уважением и почетом, соответствующим твоему высокому рангу. Мы, конечно, твои враги, но мы цивилизованные люди.

— Спасибо, — ответила она. — Рада это слышать. Однако меня куда сильнее беспокоит безопасность моих подданных. Если это возможно, я хотела бы без промедлений

переговорить с вашей предводительницей, госпожой Насуадой, относительно ее дальнейших намерений.

— Полагаю, что и она желает поскорее переговорить с тобой.

Прощаясь с Эрагоном и Арьей, госпожа Лорана сказала:

— Я несказанно признательна тебе, прекрасная эльфийка, и тебе, храбрый Всадник, за то, что вы убили это чудовище, не дав ему навлечь на мой город беды и разрушения. Судьба сделала нас противниками в этом конфликте, но это вовсе не означает, что я не в состоянии восхищаться вашей храбростью и отвагой. Мы, наверное, никогда больше с вами не встретимся, а потому от всей души желаю вам обоим удачи!

Эрагон поклонился:

— И я желаю тебе счастья и удачи, госпожа Лорана.

— И пусть звезды освещают твой путь, — прибавила Арья.

Затем Блёдхгарм и остальные эльфы вместе с Эрагоном, Арьей и Сапфирой отправились на поиски Насуады. И вскоре встретили ее — она разъезжала на своем жеребце по серым улицам Фейнстера, осматривая причиненные городу разрушения.

Насуада радостно, с явным облегчением приветствовала Эрагона и Сапфиру.

— Как это хорошо, вы наконец вернулись! — воскликнула она. — Вы были нам очень нужны, особенно в последние дни. О, Эрагон, я вижу у тебя новый меч! Настоящий меч Всадника! Это тебе эльфы подарили?

— Да, некоторым образом. — Эрагон оглядел толпу людей, успевшую собраться вокруг них, и сказал, понизив голос: — Насуада, нам нужно поговорить с тобой наедине. Это очень важно.

— Хорошо. — Насуада осмотрела здания, стоявшие поблизости, и указала на дом, судя по всему покинутый хозяевами. — Идемте вон туда, я думаю, там вполне можно поговорить.

Двое Ночных Ястребов, телохранителей Насуады, тут же бросились, чтобы осмотреть дом, и через несколько минут вернулись обратно, с поклоном сообщив Насуаде:

— Дом пуст, госпожа.

— Вот и отлично. Спасибо. — Она спрыгнула с коня, отдала поводья кому-то из свиты и вошла внутрь. Эрагон и Арья последовали за ней.

Некоторое время они бродили по разоренному жилищу, пока не нашли помещение — это оказалась кухня — с достаточно большим окном, чтобы в него могла пролезть голова Сапфиры. Эрагон распахнул ставни, и Сапфира положила голову на деревянный подоконник. Ее дыхание мгновенно наполнило кухню запахом подгорелого мяса.

— Можешь говорить, ничего не опасаясь, — сказала Арья и произнесла несколько заклинаний, защищающих от подслушивания.

Насуада нервно потерла руки, словно ее знобило, и спросила:

— Ну, что там у вас произошло, Эрагон? Говори скорей!

Эрагон сглотнул, чувствуя комок в горле оттого, что сейчас придется снова все вспомнить, рассказывая Насуаде о трагической судьбе Оромиса и Глаэдра. Потом все же заставил себя начать:

— Видишь ли, Насуада... Мы с Сапфирой не одни участвовали в этой битве... С Гальбаториксом сражался еще один Всадник со своим драконом.

— Я так и знала! — выдохнула Насуада, и глаза ее засверкали. — Это единственное объяснение всему, что там происходило... И это, конечно же, были ваши учителя, те, что готовили вас в Эллесмере, верно?

«Да, это были наши учителя, — подтвердила Сапфира. — Но их больше нет».

— Как это — нет?

Эрагон стиснул зубы и молча кивнул. Слезы застилали ему глаза.

— Они погибли над Гилидом нынче утром. Их убил Гальбаторикс, использовав Торна и Муртага. Я слышал, как он говорил с ними устами Муртага.

Сияние тут же погасло в глазах Насуады, возбужденное выражение лица сменилось мрачной застывшей маской. Она прямо-таки рухнула в ближайшее кресло и

молча уставилась на пепел в холодном очаге. Вокруг стояла полная тишина. Потом Насуада вдруг встрепенулась и спросила:

— А вы вполне уверены, что они погибли?

— Да, вполне.

Насуада вытерла глаза рукавом.

— Расскажи мне о них, Эрагон. Можешь?

И следующие полчаса Эрагон рассказывал об Оромисе и Глаэдре, о том, как им удалось выжить после гибели Всадников, и почему они решили укрыться в неприступных лесах Дю Вельденвардена. Он рассказал также об их увечьях и недугах, о том, какие они оба были замечательные, как чудесно было у них учиться. Ощущение невосполнимой потери еще больше усилилось, когда он стал вспоминать те долгие дни, которые провел в обществе Оромиса на Утесах Тельнаира, и все то, что старый эльф сделал для них с Сапфирой. Когда же он добрался до последнего боя с Торном и Муртагом, Сапфира подняла голову и опять принялась жалобно и негромко причитать, кляня жестокую судьбу.

Когда Эрагон закончил свой рассказ, Насуада тяжко вздохнула и сказала:

— Мне очень жаль, что не довелось познакомиться с Оромисом и Глаэдром. Увы, мне, наверное, и не суждено было это сделать... Но одного я все-таки не могу понять, Эрагон. Ты сказал, что слышал, как Гальбаторикс с ними разговаривал. *Как же тебе это удалось?*

— Да, мне бы тоже хотелось это узнать, — поддержала ее Арья.

Эрагон огляделся, ища, чем бы промочить горло, но в кухне не оказалось ни воды, ни вина. Он прокашлялся и стал рассказывать об их последнем посещении Эллесмеры, и Сапфира время от времени вставляла свои комментарии, но ему, в общем, не мешала. Начав с того, как он узнал правду о своем происхождении, Эрагон затем быстро перечислил всю последовательность событий, произошедших за те несколько дней, что они провели у эльфов, — от обнаружения Звездной Руды у корней священного дерева Меноа до изготовления Брисингра и посещения Слоана. А в довершение

он сообщил Насуаде и Арье об Элдунари — сердце сердец каждого дракона.

— Значит, так, — сказала Насуада и, не выдержав, вскочила и в волнении заходила по кухне. — Ты — сын Брома. Это во-первых. Во-вторых, кровопийца Гальбаторикс черпает силы из душ тех драконов, чьи тела уже умерли. Нет, что-то слишком много для меня, всего сразу мне не осилить, не уразуметь... — Она снова нервно потерла руки. — Ну, по крайней мере, нам теперь известен истинный источник власти и могущества Гальбаторикса.

Арья, стоявшая совершенно неподвижно, с застывшим лицом, вдруг прошептала:

— Драконы еще живы... — И она сложила руки перед грудью, словно для молитвы. — Они все еще живы, хотя прошло столько лет!.. Ах, если б можно было рассказать об этом моим соплеменникам! Как бы они возрадовались! И каким гневом наполнились бы их сердца, если б они узнали, что Элдунари оказались в плену, в рабстве у Гальбаторикса! Да мы бы бросились в Урубаен и не останавливались бы до тех пор, пока все Элдунари не стали бы свободны. Даже если бы большая часть эльфов при этом погибла!

«Но мы не можем рассказать им об этом», — сказала ей Сапфира.

— Да, не можем. — Арья опустила глаза. — А жаль!

Насуада посмотрела на нее:

— Не обижайся, пожалуйста, но мне тоже очень жаль, что твоя мать, королева Имиладрис, не поделилась с нами сведениями об этом значительно раньше, когда мы еще могли ими воспользоваться.

— Согласна с тобой, — хмуро кивнула Арья. — На Пылающих Равнинах Муртаг сумел победить вас, — она кивнула в сторону Эрагона и Сапфиры, — только потому, что попросту не знали: Гальбаторикс в любой момент может передать Муртагу силу Элдунари. Именно поэтому вы и действовали столь неосторожно, не предприняв должных мер, способных оградить вас. Если бы у Муртага не взыграла совесть, вы бы уже давно стали пленниками Гальбаторикса. Я признаю: у Оромиса и Глаэдра — да и у моей матери тоже — имелись веские причины держать в тайне сведения об Элдунари,

однако их скрытность невольно сыграла на руку нашим врагам. Я непременно поговорю об этом с матерью при первой же возможности.

А Насуада все продолжала нервно метаться по комнате между кухонным столом и очагом. Потом остановилась и постучала по полу носком сапога.

— Я очень многое узнала от тебя, Эрагон, — сказала она. — Мне теперь есть над чем подумать... Впервые за всю историю существования варденов у нас появился реальный способ победить Гальбаторикса... Если мы сумеем как-то преградить ему доступ к этим сердцам сердец, он сразу лишится большей части своих сил, и тогда вам вместе с остальными нашими магами, возможно, удастся одолеть его.

— Да, но каким образом нам преградить ему доступ к Элдунари? — спросил Эрагон.

— Пока не могу сказать, но уверена: это наверняка возможно! А потому с нынешнего дня вы займетесь решением этой проблемы и попытаетесь найти ее решение. Все остальное не столь важно.

Эрагон, почувствовав, как пристально смотрит на него Арья, встревожился и вопросительно посмотрел на нее.

— Меня всегда занимало, — задумчиво произнесла она в ответ на его немой вопрос, — почему яйцо Сапфиры выбрало именно тебя, а не упало где-нибудь в чистом поле. Мне это представлялось неким чересчур удачным совпадением. Я была уверена, что это никак не могло произойти случайно, но разумного объяснения так и не находила. А теперь поняла. Мне, конечно, следовало бы раньше догадаться, что ты — сын Брома. Я была с ним довольно близко знакома, а ведь ты так на него похож.

— Правда?

— Ты должен гордиться, что имеешь право называть Брома своим отцом, — заметила Насуада. — Это был во всех отношениях замечательный человек. Если бы не он, и варденов бы в Алагейзии не существовало. И это справедливо, что именно тебе выпало продолжить его дело.

Арья же тихо спросила:

— Эрагон, а можно нам взглянуть на Элдунари Глаэдра?

Эрагон колебался. Потом все же вышел наружу и, сняв с Сапфиры седельную сумку, достал оттуда холщовый мешочек. Осторожно, не прикасаясь к Элдунари, он распустил шнурок, стягивающий горловину, и ткань сама соскользнула вниз, открыв взгляду золотистый самоцвет. В отличие от того, каким Эрагон видел Элдунари в последний раз, сейчас сердце сердец светилось совсем слабо, что, видимо, свидетельствовало о крайне угнетенном состоянии Глаэдра.

Насуада наклонилась над камнем, глядя, казалось, в самую его сердцевину, где вспыхивали золотистые огоньки, отражаясь в ее глазах.

— Значит, Глаэдр действительно там, внутри? — спросила она.

«Действительно», — подтвердила Сапфира.

— И я могу поговорить с ним?

— Ты можешь попробовать, — сказал ей Эрагон, — однако я сомневаюсь, что он тебе ответит. Он ведь только что потерял своего Всадника. Ему потребуется немало времени, чтобы хоть немного прийти в себя, если это ему вообще удастся. Пожалуйста, не трогай его, *Насуада. Оставь его* сейчас в покое. Если бы он хотел поговорить с тобой, он бы уже сделал это.

— Да, конечно, я понимаю. И не стану зря тревожить его в такой момент. Ах, какое все-таки горе! Я подожду, сколько будет нужно; может быть, со временем он все-таки сумеет оправиться и придет в себя.

Арья подошла еще ближе к Эрагону и приблизила свои ладони к Элдунари, почти касаясь его, но все же держа руки на некотором расстоянии от поверхности камня. Она долго смотрела на золотистое сердце сердец *с выражением глубочайшего* уважения и почтения, словно что-то читала в его глубинах, а потом прошептала что-то на древнем языке. И Элдунари Глаэдра вспыхнуло чуть ярче, словно отвечая ей.

Арья опустила руки и сказала:

— Эрагон и Сапфира, вам выпала огромная ответственность: отныне вы — хранители чужой жизни. Что бы ни случилось, вы обязаны защищать и оберегать Глаэдра. Теперь, когда Оромиса больше нет, сила и мудрость Глаэдра могут понадобиться нам куда больше, чем прежде.

«Не беспокойся, Арья, мы ни в коем случае не допустим, чтобы с ним случилась какая-то беда», — пообещала Сапфира.

Эрагон накрыл Элдунари холщовым мешочком и дернул за шнурок, чувствуя, как плохо его слушаются пальцы. На него вдруг навалилась страшная усталость. Вардены одержали в Фейнстере важную победу; эльфы штурмом взяли Гилид, но он отчего-то не чувствовал особой радости. Он посмотрел на Насуаду и спросил:

— Ну, теперь что?

Насуада вскинула голову:

— А теперь мы пойдем на север, на Белатону, а когда возьмем и ее, то двинемся дальше, к Драс-Леоне, завоюем ее и двинемся на Урубаен, где либо свергнем Гальбаторикса, либо все погибнем. Доволен ли ты подобными планами, Эрагон?

Расставшись с Насуадой, Эрагон с Сапфирой согласились отправиться из Фейнстера прямиком в лагерь варденов и немного отдохнуть там вдали от царившего в захваченном городе шума. Окруженные эльфами-телохранителями, они пошли к главным воротам Фейнстера. Эрагон по-прежнему нес сердце сердец Глаэдра, прижимая его к груди. Все молчали.

Эрагон шел, потупившись и почти не обращая внимания на пробегавших или проходивших мимо людей. Свою часть работы он уже завершил, и теперь ему хотелось лишь упасть ничком на постель и на время забыть все беды и тревоги минувшего дня. Последние ощущения Глаэдра, которые и он отчасти испытывал вместе с ним, по-прежнему не давали ему покоя. «Значит, он остался один. Совсем один в кромешной темноте... Один! — У Эрагона перехватило дыхание, его даже слегка затошнило. — Стало быть, вот как это бывает! Вот что такое потерять своего дракона или своего Всадника!.. Неудивительно, что Гальбаторикс в конце концов сошел с ума...»

«Мы последние, — услышал он вдруг голос Сапфиры и невольно нахмурился, не сразу поняв, что она имеет в виду. — Мы с тобой последний свободный дракон и последний

Всадник, — пояснила она. — Только мы с тобой и остались на всем белом свете. И мы...»

«Одиноки», — договорил он за нее.

«Да, одиноки».

Эрагон споткнулся о попавшийся под ноги камень и, чувствуя себя совершенно несчастным, печально прикрыл глаза. «Нам самим с этим не справиться, — думал он. — Мы к этому еще не готовы. У нас попросту сил не хватит!» Сапфира согласно кивнула, тоже охваченная горестными чувствами, и это, как бы накладываясь на собственные мрачные размышления Эрагона, совсем лишало его сил.

Когда они добрались до городских ворот, Эрагон остановился; ему совсем не хотелось пробиваться сквозь плотную толпу людей, стремившихся покинуть Фейнстер и скопившихся у выхода из города. Он огляделся, пытаясь обнаружить поблизости какие-нибудь другие ворота или хотя бы калитку во внешней стене, и тут им вдруг овладело странное желание: еще раз увидеть этот город сверху, но уже при дневном свете.

Он быстро взбежал по лестнице на верхнюю площадку стены. Сапфира, раздраженно рыча, последовала за ним, чуть распустив крылья и одним прыжком взлетев с улицы на стену.

Они почти час простояли рядом на вершине бастиона, наблюдая за восходом солнца. Бледно-золотые лучи его один за другим вспыхивали над восточным краем зеленеющих полей, и в солнечном свете танцевали в воздухе бесчисленные пылинки, а там, где луч натыкался на столб дыма, дым тоже начинал светиться оранжево-красным и, казалось, с новой силой устремлялся ввысь. Пожары, уничтожившие большую часть лачуг под городской стеной, почти все уже погасли, но уже после прибытия в город Эрагона и Сапфиры вардены подожгли несколько домов и в самом Фейнстере, и столбы пламени и дыма, поднимавшиеся над рушащимися строениями, придавали городу странно-красивый, сказочный вид. А по ту сторону Фейнстера расстилался океан с его далеким, растворяющимся в небесах горизонтом и едва заметными вдали, на севере, парусными судами.

Когда тепло солнечных лучей пробилось сквозь доспехи Эрагона, его грустно-меланхолическое настроение понемногу рассеялось, как и полосы утреннего тумана, висевшие внизу над рекой. Он набрал полную грудь прохладного воздуха, медленно выдохнул и наконец почувствовал хоть какое-то облегчение.

«Нет, — мысленно сказал он Сапфире. — Мы не одиноки. У меня есть ты, у тебя есть я. А еще у нас с тобой есть Арья, Насуада, Орик и многие другие, кто всегда готов прийти нам на помощь!»

«И еще Глаэдр», — напомнила Сапфира.

«Да, и Глаэдр, конечно».

И Эрагон посмотрел на Элдунари, лежавшее в холщовом мешочке и прижатое к его груди, испытывая горячее сочувствие к дракону, заключенному теперь в этот золотистый волшебный камень. Сочувствие и желание защитить его. Он еще крепче прижал Элдунари к груди, положил руку на плечо Сапфиры, словно благодаря ее за дружбу и поддержку.

«Мы с тобой все сумеем! Все сможем! — решительно заявил он. — Гальбаторикс не так уж неуязвим. И у него есть свои слабости, и нам нужно суметь воспользоваться этими слабостями... Ничего, у нас с тобой все получится! »

«Должно получиться!» — поддержала его Сапфира.

«И мы непременно должны это сделать во имя наших друзей, наших родных...»

«И всей Алагейзии!»

Эрагон поднял Элдунари Глаэдра над головой, словно показывая его солнцу и новому дню, и улыбнулся: душа его уже стремилась в будущее, уже готова была к новым сражениям, в которых им с Сапфирой предстояло в конце концов встретиться с Гальбаториксом лицом к лицу и победить этого ненавистного правителя.

И НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА ТЕТРАЛОГИИ «НАСЛЕДИЕ». ПРОДОЛЖЕНИЕ И ОКОНЧАНИЕ В ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слова и выражения древнего языка, встречающиеся в тексте

Агэти Блёдрен — праздник Клятвы Крови (празднуется раз в столетие в честь заключения союза между эльфами и драконами).

Адурна райза! — Вода, поднимись!

Альфа-кона — эльфийка.

Атра дю эваринья оно варда, Датхедр-водхр. — Да хранят тебя звезды, уважаемый.

Атра Гулиа ун илиан таутхр оно у натра оно вайзе сколиро фра раутхр. — Пусть сопутствуют тебе счастье и удача, и пусть хранит тебя судьба от несчастий.

Атра эстерни оно тхелдутин, Эрагон Шуртугал! — Да сопутствует тебе удача, Всадник Эрагон!

Аудр — вверх, встать.

Блёдхарм — Кровавый волк (имя эльфа).

Брисингр — огонь.

Брисингр, йет таутхр! — Огонь, следуй за мной!

Брисингр раудхр — красный огонь.

Вайзе хайль! — Исцелись!

Вакна! — Проснись!

Водхр — уважительное обращение к мужчине.

Вьяртскулар — Сверкающая Чешуя.

Ганга! — Иди!

Гаржзла, лета! — Свет, остановись!

Гёдвей игнасия — сверкающая ладонь.

Датхедр Аткалвард — группа эльфов, ответственная за сохранение эльфийского фольклора.

Девья! — Умри!

Джиерда! — Сломись!
Драумр копа — внутреннее видение; способность видеть вещие сны.
Дрётнингу — принцесса.
Дю Врангр Гата — Извилистая Тропа.
Дю делои лунеа. — Разгладь землю.
Дю Намар Аурбода — Уничтожение Имен.
Иавё — узы доверия.
Индлварн — особое партнерство между Всадником и его драконом.
Квейква — молния.
Кёнунгр — король.
Кулдр, рийза лам йет ун мальтхинае унин бёлр. — Золото, поднимись ко мне в руки и превратись в шар.
Ламарае — ткань из шерстяной нити и крапивного волокна (похожа на наши полушерстяные ткани, но лучшего качества).
Лета! — Остановись!
Лидуэн Кваэдхи — поэтическая (иероглифическая) письменность древнего языка.
Лоивисса — голубая крупноцветковая лилия, произрастающая в Империи.
Маэла — спокойный.
Наина — сделать светлым.
Нальгаск — смесь пчелиного воска и масла лесных орехов, используемая для смягчения кожи.
Нен оно феохната, Арья Дрёттнингу. — Как угодно, принцесса Арья.
Свит-кона — уважительное обращение к эльфийке знатного происхождения.
Сейтхр — ведьма.
Слитха — спать.
Стенр райза! — Камень, поднимись!
Талос — кактус, произрастающий близ Хелгринда.
Тхаебатхан! — Утолщайся!
Тхорта дю илюмео! — Говори правду!
Фейртх — изображение, созданное с помощью магии на камне-голыше.
Фелл — гора.
Фёльнирв — волшебный эльфийский напиток.

Финиарель – уважительное обращение к многообещающему юноше.
Флауга! – Лети!
Фрам! – Вперед!
Фрикаи онр эка эддир. – Я твой друг.
Хелгринд – Врата Смерти.
Шуртугал – Всадник.
Эдур – скалистая вершина или выступ.
Эка эддир аи Шуртугал... Шуртугал... Аргетлам. – Я –Всадник... Всадник... Серебряная Рука.
Эка элрун оно. – Благодарю тебя.
Элда – уважительное обращение у эльфов (гендерно-нейтральное).
Элдхриммер О Лоивисса нуанен, даутр абр делои.// Элдхриммер нен оно веохнатаи медх солус ун тхринга// Элдхриммер ун фортха онр феон вара// Виол аллр сьон. – Расти, о, прекрасная Лоивисса, дочь земли// Расти под солнцем и дождем// Расти, и пусть распустится твой весенний цветок// Чтобы все его видели.
Элдунари – сердце сердец.
Эрисдар – беспламенные светильники как у эльфов, так и у гномов (названы по имени того эльфа, который их изобрел).

Слова и выражения языка гномов, встречающиеся в тексте

Аз Зиндризнарровел – Самоцвет Синдри.
Аз Кхурлдратхн – Каменные Деревья.
Аз Рагни – река.
Аз Сартосверкхрт рак Балмунг, Гримстнзборитх рак Квизагур – Сага о короле Бальмунге из Квизагура.
Аскудгамлн – Стальные Кулаки.
Барзул! – Проклятье! (Означает также «дурная судьба».)
Варгримст – «не имеющий клана», изгой.
Верг – нечто вроде междометия «угу» или «хм...».
Вренирген – Волки Войны.
Галдхайм – Сверкающая (сияющая) голова.
Гримстборитх – вождь клана (или «хозяин замка»; множественное число – «гримстборитхн»).

Гримсткарвлорс – домоправительница.
Гримстнзборитх – правитель гномов (король или королева).
Гхастар – поединок с метанием копий, нечто схожее с рыцарским турниром; проводится верхом на фельдуностах.
Дельва – слово нежности у гномов; означает также «золотой самородок», какие встречаются в Беорских горах и весьма ценятся гномами.
Дур – наш.
Дургримст – клан; дом; Большой Дом (фольклорное понятие).
Дургримстврен – война кланов.
Ингеитум – кузнецы, ювелиры, оружейники.
Исидар Митрим – Звездный Сапфир (или Звездная Роза).
Кнурла – гном (буквально: «созданный из камня»; множественное число «кнурлан»).
Кнурлаг – мужчина у гномов.
Кнурлагн – мужчины.
Кнурлаф – женщина у гномов.
Кнурлкаратхн – камнетесы, каменщики.
Кнурлниен – Каменное Сердце.
Ледвонну – ожерелье Килф или просто «ожерелье».
Менкунрлан – «некаменные», т.е. те, кто не сделан из камня или не имеет камня (самое тяжкое оскорбление в языке гномов; не имеет прямого перевода).
Мерна – озеро, пруд.
Награ – гигантский кабан, который водится в Беорских горах.
Нал, Гримстнзборитх Орик! – Да здравствует король Орик!
Орнтхронд – глаз орла.
Рагни Дарнн – река Маленькой Красной Рыбки.
Рагни Хефтхин – Страж Реки.
Скилфз дельва – примерно «моя золотая».
Тронжхайм – Шлем Великана.
Тхрикнздал – линия на лезвии клинка между слоями по-разному закаленной стали.
Ун гротх Гунтера! – Так говорил Гунтера!
Урзкад – гигантский пещерный медведь, который водится в Беорских горах.

Фангхур — похожие на драконов существа, но гораздо меньше и глупее (живут в Беорских горах).
Фартхен Дур — Наш Отец.
Фельдуност — «морозная борода» (разновидность коз, обитающих в Беорских горах).
Хутвир — обоюдоострый меч-посох, которым пользуются жрецы клана Куан.
Хватум ил скилфз гердумн! — Послушайте, что я скажу!
Шрреи — гигантский волк, который водится в Беорских горах.
Эта — нет.
Эта! Нархо удим эта лоз иси вонд! Нархо удим эта лоз формвн мендуност браки, аз Варден, хрествог дур гримстнхадн! Аз Юргенврен гатхрид не домар ён этал... — Нет! Я этого не допущу! Я не позволю этим безбородым дуракам, варденам, разрушить нашу страну! После войны с драконами мы стали слабыми и не можем...

Слова языка кочевников

Но — уважительный суффикс, прибавляемый к основному имени того, к кому обращаешься.

Слова и выражения ургалов

Нажна — шерстяные полоски, на которых записана история того или иного рода; их вешают у входа в жилище.
Нар — высокий титул; уважительное обращение.
Ургралгра — самоназвание народа ургалов (буквально: «те, что с рогами»).
Хердал — самки ургалов, которые правят их племенами.

Оглавление

ВРАТА СМЕРТИ 14
У ЛАГЕРНОГО КОСТРА 25
ШТУРМ ХЕЛГРИНДА 57
РАССТАВАНИЕ 78
ВСАДНИК И РАЗЗАК 90
ПЕШИЙ ПОХОД 100
ИСПЫТАНИЕ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ 127
КРЫЛАТАЯ *ВЕСТНИЦА* *146*
СПАСЕНИЕ И БЕГСТВО 164
ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС 193
НАСТОЯЩИЙ ВОЛК 206
ПОЩАДИ, ВСАДНИК! 223
ТЕНИ ПРОШЛОГО 234
СРЕДЬ БЕСПОКОЙНОЙ *ТОЛПЫ* *268*
ОТВЕТ КОРОЛЮ 284
УЖИН С ДРУЗЬЯМИ 297
СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ 308
ВНОСЯ ПОПРАВКИ 318
ЗОЛОТО В ДАР 332

МНЕ НУЖЕН МЕЧ! 356
НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ 371
ОГОНЬ В НЕБЕСАХ 379
МУЖ И ЖЕНА 414
ШЕПОТ В НОЧИ 428
ПРИКАЗЫ НАСУАДЫ 433
СЛЕДЫ НЕВИДИМКИ 451
ЧЕРЕЗ ХОЛМЫ И ГОРЫ 464
ВО ИМЯ ЛЮБВИ 481
КАМЕННЫЙ ЛЕС 493
СМЕЮЩИЕСЯ МЕРТВЕЦЫ 512
КРОВЬ НА КАМНЯХ 524
ЭТО ДЕЛО БУДУЩЕГО 551
ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ ПОКРЕПЧЕ 564
ГЛУМРА 568
СОВЕТ ВОЖДЕЙ 579
НЕПОДЧИНЕНИЕ ПРИКАЗУ 608
ПОСЛАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ 635
ЧЕТЫРЕ УДАРА В БАРАБАН 644
ВОССОЕДИНЕНИЕ 654
ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ 660
СЛОВА МУДРОСТИ 673
У ПОЗОРНОГО СТОЛБА 678
НАД ОБЛАКАМИ 689
РОГАТЫЕ ГОЛОВЫ 698
УРОК ГЕНЕАЛОГИИ 709

ОБРЕЧЕННЫЕ ЛЮБОВНИКИ 719
НАСЛЕДИЕ 736
СЕРДЦА СЕРДЕЦ 743
РУКИ ВОИНА 757
ДРЕВО ЖИЗНИ 764
УМ И СИЛА 784
ВСАДНИК В ПОЛНОМ ВООРУЖЕНИИ 803
ПЕРЕД ШТУРМОМ 810
ПРОЩАНИЕ 813
ПОЛЕТ 826
БРИСИНГР! 832
ТЕНЬ ПРОКЛЯТИЯ 852
ВОСХОД СОЛНЦА 874
ПРИЛОЖЕНИЕ 886

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Паолини Кристофер

ЭРАГОН

БРИСИНГР

Роман

Технический редактор Е. О. ЛУНЕВА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА
Верстка А. А. КОМАРОВСКОГО

Издание подготовлено компьютерным центром издательства «РОСМЭН».

Подписано в печать 15.05.17.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 47.04. ID 10618. Заказ № 2336.

ООО «РОСМЭН».
Почтовый адрес:
127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес:
117465, Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ, получить опережающую информацию о планах выхода изданий и перспективных проектах в Интернете по адресу:
www.rosman.ru

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (ФАКС).

Дата изготовления: июнь 2017 г.
Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Паолини К.

П12 Эрагон. Брисингр: Роман/Пер. с англ. И. А. Тогоевой. — М. : РОСМЭН, 2017. — 896 с.

В третьей книге тетралогии К. Паолини «Наследие» легендарный Всадник Эрагон продолжает сражаться с ургалами и раззаками, беззаветно служить варденам и народу Алагейзии и учиться у гномов и альфов. А в трудную минуту вспоминает советы своего наставника Брома. Вот только Бром, оказывается, не просто наставник... Тайну эту до поры до времени хранила от Эрагона даже верная драконихa Сапфира.

ISBN 978-5-353-04135-1

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В третьей книге тетралогии Кристофера Паолини «Наследие» легендарный Всадник Эрагон продолжает сражаться с ургалами и раззаками, беззаветно служить варденам и народу Алагейзии и учиться у гномов и эльфов. А в трудную минуту вспоминает советы своего наставника Брома. Вот только Бром, оказывается, не просто наставник... Тайну эту до поры до времени хранила от Эрагона даже верная драконица Сапфира.

ISBN 978-5-353-04135-1